

M 41/81.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ГАСТОНЪ БУАСЬЕ (BOISSIER).

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ,

ОТЪ АВГУСТА ДО АНТОНИНОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ

Маріи Корсакъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1878.

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ

ОТЪ АВГУСТА ДО АНТОНИНОВЪ.

ГАСТОНЪ БУАСЬЕ (BOISSIER).

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ,

ОТЪ АВГУСТА ДО АНТОНИНОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ

Маріи Корсакъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1878.

сохр : перек

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1977 г.
40		1878г.					400	

ил 168

Предисловіе.

Перейди читатель прямо отъ изученія переписки Цицерона къ перепискѣ Марка Аврелія, онъ очутился бы въ новомъ мірѣ. Въ какіе-нибудь два вѣка римское общество измѣнилось до основанія; но изъ всѣхъ, пережитыхъ имъ, измѣненій самое замѣчательное и самое неожиданное было то, что оно отъ невѣрія перешло къ набожности.

Въ письмахъ, которыя пишутъ другъ другу Цицеронъ и его друзья, религія отсутствуетъ, и мы не находимъ въ нихъ ни одного слова, которое напоминало бы о ней. Въ жизни этихъ знатныхъ лицъ ей было, конечно, отведено извѣстное мѣсто; они принадлежали обыкновенно къ какой-нибудь жреческой коллегіи и аккуратно исполняли свою должность. Но въ сердцахъ ихъ религія не занимала никакого мѣста; всѣ они были, или скептики, или индифференты. Напротивъ того, въ перепискѣ Марка Аврелія съ его учителемъ имя боговъ упоминается на каждомъ шагу; оба ничего не предпринимаютъ, не прибавивъ. если это угодно богамъ. „Мы выѣдемъ изъ Рима съ помощью боговъ... Благодареніе богамъ, мы здоровы [1]“. Фронтонъ приходитъ въ восторгъ, узнавши, что братъ императора, Веръ, выздоровѣлъ послѣ тяжкой болѣзни. „Получивъ это радостное извѣстіе, говоритъ онъ, я отправился во всѣ храмы, къ подножію всѣхъ алтарей, и такъ какъ я находился въ это время за городомъ, то посѣтилъ всѣ лѣса и помолился у всѣхъ посвященныхъ богамъ деревьевъ [2]“. Маркъ Ав-

---

[1]) Фронтонъ, *Epist. ad M. Caesarem*, V, 40. (Изд. Нобера).

[2]) Фронтонъ, *Epist. ad Verum*, II, 6.

релій вполнѣ раздѣляетъ чувства своего учителя и выражается такъ же, какъ и онъ. Здоровье домашнихъ, постоянно его занимающее, приводитъ безпрестанно имя боговъ подъ перо его. „Каждое утро я молюсь за Фаустину", пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ; а въ другомъ—выражается такъ: „болѣзнь матери не даетъ мнѣ покоя, кромѣ того приближается срокъ родовъ Фаустины; но надо возложить упованіе на боговъ, *sed confidere dis debetus* [4])". Все, что намъ извѣстно о тогдашнемъ обществѣ, подтверждаетъ собою то мнѣніе, какое даетъ о немъ эта переписка. Религія примѣшивается здѣсь ко всему, даже къ такимъ вещамъ, которыя прежде были ей всего болѣе чужды. Во времена Цицерона философія отличалась вообще невѣріемъ, и всѣ считали неопровержимою истиною, „что кто ею занимается, тотъ не вѣритъ существованію боговъ [5])". Во II вѣкѣ почти всѣ философы были люди вѣрующіе и даже суевѣрные. Маркъ Аврелій, въ своихъ *Мысляхъ*, пламенно благодаритъ боговъ за то, что они сообщили ему во снѣ дѣйствительныя средства противъ его болѣзней [6]). Итакъ, въ римскомъ обществѣ, въ эпоху отъ Цицерона до Марка Аврелія, произошелъ какой-то переворотъ; мы видимъ, что во времена имперіи оно идетъ уже не по тому пути, на который желало, повидимому, вступить во времена республики. Но что-жь такое произошло въ этотъ промежутокъ времени, чѣмъ можно было бы объяснить подобную перемѣну? Какія событія и какое вліяніе подвигнули Римъ вступить на тотъ путь, котораго онъ прежде такъ чуждался? Какъ, и благодаря какому постепенному развитію, онъ изъ невѣрующаго сдѣлался вѣрующимъ? Вотъ тѣ вопросы, которые я постараюсь разрѣшить въ предлагаемомъ сочиненіи.

Но прежде, чѣмъ приступить къ своему труду, я долженъ объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, какъ я его понимаю, и указать размѣры, какіе считаю нужнымъ ему дать. Еслибъ

---

3) *Epist. ad M. Caes*, V, 25.

4) *Epist. ad M. Caes.*, V, 45.

5) Цицер., *De invent.*, I, 29.

6) *Мысли*, I, 17.

я захотѣлъ ограничиться одною только исторіей римской религіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, мнѣ достаточно было бы указать на тѣ перемѣны, которыя происходили постепенно во внѣшнемъ отправленіи культа, въ промежутокъ времени отъ Августа до Марка Аврелія. Подобная задача не имѣла бы большого значенія; но я намѣреваюсь обнять все вообще религіозное движеніе впродолженіе этихъ двухъ вѣковъ. Я буду изучать его повсюду, гдѣ оно только проявлялось, какъ въ школахъ философовъ, такъ и въ храмахъ. Я изложу системы, изобрѣтаемыя въ то время философами для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ, и укажу на усилія моралистовъ исправить своихъ современниковъ. Все это дѣйствительно входитъ въ разбираемый мною предметъ, и я надѣюсь доказать, что, хотя римская религія держала себя внѣ философскаго движенія, тѣмъ не менѣе она ощутила на себѣ его вліяніе. Что касается разграниченія, установленнаго мною въ этомъ трудѣ, мнѣ кажется, что въ немъ нѣтъ ничего произвольнаго. Исторія римскаго язычества, отъ времени Августа до послѣднихъ минутъ своего существованія, ясно распадается на два различные періода: въ первомъ изъ нихъ оно развивается самостоятельно, согласно своимъ началамъ и свойствамъ; во второмъ оно стремится преобразовать себя по образцу той религіи, которая ему угрожаетъ, и съ которою оно ведетъ борьбу. Изъ этихъ двухъ періодовъ я изучаю здѣсь только первый. Я останавливаюсь на времени Марка Аврелія, т. е. на томъ моментѣ, когда апологисты начинаютъ знакомить міръ съ христіанствомъ [7]). Я отнюдь не намѣренъ утверждать, что до этого времени между обѣими религіями не существовало никакихъ сношеній, хотя косвенныхъ и не гласныхъ, и что христіанское ученіе не имѣло въ то время никакого вліянія на язычество; но мнѣ кажется, что это можно только предполагать, а никакъ не утверждать. Даже Отцы Церк-

---

[7]) Здѣсь говорится объ апологіяхъ, представленныхъ императору Адріану Квадратомъ и Аристидомъ; но онѣ потеряны. Апологія св. Юстина, древнѣйшая изъ всѣхъ, сохранившихся до нашего времени, была обращена къ Антонину и Марку Аврелію.

ви не высказываются опредѣленно по этому вопросу. Но какъ бы то ни было, христіанство не могло еще въ то время имѣть прямаго и видимаго вліянія и не въ состояніи было измѣнить направленія, принятаго язычествомъ, такъ какъ послѣднее стало держаться его еще со временъ Августа, слѣдовательно, до рожденія Христа. Но съ царствованія Коммода и особенно Септимія Севера сношенія между обѣими религіями становятся очевидны; онѣ, такъ сказать, отражаются одна въ другой. Съ этихъ поръ для римской религіи наступаетъ новый періодъ, впродолженіе котораго она невольно подчиняется вліянію христіанства.

Первая изъ этихъ двухъ эпохъ, предшествовавшая тому прямому и могущественному вліянію, о которомъ мы сейчасъ говорили, представляетъ собою нѣчто цѣлое, и можетъ быть изучаема въ отдѣльности. Важность подобнаго изученія понятна сама собою: благодаря ему, мы видимъ, съ какими вѣрованіями пришлось встрѣтиться зарождающемуся христіанству, каковъ былъ тотъ культъ, который ему предстояло побѣдить, и какія облегченія и затрудненія оно нашло для себя въ религіозномъ и нравственномъ состояніи римскаго міра II вѣка.

Къ несчастію, то, что составляетъ интересную сторону этого предмета, составляетъ въ то же время и его опасную сторону. Съ вопросами, болѣе или менѣе касающимися исторіи религіи, надо обходиться крайне осторожно; рѣдко бываетъ, чтобы къ нимъ приступали совершенно свободно. Что касается того вопроса, которымъ мы намѣрены заняться, то предразсудки относительно его были такъ сильны, что нѣкоторые историки, смотря по тому, какихъ мнѣній они придерживались, дѣлали весьма простодушно самые противоположные выводы изъ однихъ и тѣхъ же документовъ. Одни изъ нихъ съ величайшею готовностью перечисляютъ всѣ преступленія, сохранившіяся въ разсказахъ древнихъ писателей, и доходятъ до того, что отрицаютъ всякія добродѣтели въ языческомъ обществѣ забывая, что о нихъ не разъ свидѣтельствуютъ Отцы Церкви [8]). Другіе, напротивъ

[8]) См. преимущ. св. Юстин., *Apolog.*, II, 8.

того, исключительно обращаютъ вниманіе на великіе принципы, изложенные философами, не спрашивая себя о томъ, прилагались ли они къ жизни или нѣтъ; они рисуютъ тогдашній вѣкъ въ самыхъ увлекательныхъ образахъ и ставятъ древнюю мудрость такъ высоко, что переворотъ, совершонный христіанствомъ, становится какъ бы ненужнымъ, и начинаетъ даже казаться, что подобнаго переворота вовсе не было, и новая религія не что иное, какъ естественное продолженіе древнихъ религій и философскихъ ученій. Подобныя преувеличенія противны здравому смыслу и опровергаются исторіей; могу обѣщать, что въ моемъ сочиненіи ихъ не встрѣтится. Я ищу въ немъ одной только истины. Моя единственная забота состоитъ въ томъ, чтобы подобрать какъ можно болѣе фактовъ, изложить ихъ безъ всякаго искаженія и сохранить ихъ дѣйствительный характеръ и оттѣнокъ, такъ чтобы каждый, читающій меня, могъ себѣ составить собственное мнѣніе.

Введеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій характеръ римской религіи.

Какимъ многочисленнымъ измѣненіямъ ни подвергалась римская религія, она никогда не утрачивала вполнѣ признаковъ своего происхожденія; во всѣ моменты ея продолжительнаго существованія мы постоянно находимъ въ ней сходные между собою обряды и вѣрованія и одинаковые взгляды, какъ на отношенія Божества къ людямъ, такъ и на поклоненіе Ему. Въ этомъ заключается ея главное свойство, очевидно, заимствованное ею у тѣхъ народовъ, которымъ она была обязана своимъ происхожденіемъ. Вотъ почему даже въ томъ случаѣ, когда ее приходится изучать не за все время ея существованія, а лишь за извѣстный его періодъ, необходимо прежде всего бѣгло обозрѣть ея прошедшее. Пониманіе спеціально - изучаемой эпохи будетъ неполно, если отдѣлить ее отъ всего остальнаго. Итакъ, прежде, нежели мы начнемъ говорить о томъ, чѣмъ сдѣлалась римская рилигія въ первые вѣка имперіи, намъ слѣдуетъ оглянуться назадъ и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ ея основныхъ и постоянныхъ чертахъ, которыя она сохранила отъ первыхъ до послѣднихъ годовъ своего существованія и которыми она рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ религій.

I.

Какимъ образомъ италійцы и римляне понимали Божество.—Религія италійцевъ.—Бѣдность ихъ легендъ.—Религія римлянъ.—Боги въ *Indigitamenta*.—Характеръ римскихъ боговъ.

Религія италійцевъ въ своихъ главнѣйшихъ вѣрованіяхъ сходна съ религіями всѣхъ вообще индо-европейскихъ народовъ. Они обожали какъ благодѣтельныя, такъ и враждебныя силы природы, и представляли ихъ себѣ живыми существами обоихъ половъ, соперничество которыхъ выражается въ борьбѣ стихій, а союзъ—въ вѣчномъ плодородіи вселенной. Основаніе религіи грековъ состояло въ томъ-же самомъ, но у италійцевъ она носитъ на себѣ ясный отпечатокъ создавшихъ ее народовъ. Эти народы были вообще серьёзны, благоразумны и осторожны и сильно поглощены мелочами настоящей жизни и будущими опасностями. По своей природѣ они были болѣе склонны къ страху, чѣмъ къ надеждѣ, вслѣдствіе чего хотя и глубоко уважали своихъ боговъ, но еще болѣе боялись ихъ, и поклоненіе ихъ богамъ состояло преимущественно въ робкихъ мольбахъ и въ суровыхъ очистительныхъ обрядахъ. Воображенію ихъ недоставало плодовитости и блеска, и они не создали ничего напоминающаго собою тѣ богатыя поэзіею легенды, которыми мы восхищаемся у грековъ. Италійскія легенды крайне бѣдны и наивны; возникнувъ среди тяжкихъ трудовъ земледѣльческой жизни, онѣ подчасъ странно поражаютъ своимъ прозаическимъ характеромъ. Но чего имъ главнымъ образомъ недостаетъ—это разнообразія: въ разныхъ городахъ встрѣчаются все одни и тѣ же разсказы о совершенно различныхъ богахъ. Обыкновенно рожденіе героя, основателя или благодѣтеля города, отличается чудеснымъ характеромъ; онъ сынъ домашняго бога Лара, покровительствующаго знатному семейству, и зачатъ у домашняго очага, иногда, просто отъ вылетѣвшей изъ него искры. [1]) Въ юности героя особое чудо открываетъ его будущее величіе,—чудо это вездѣ одно и то же и состоитъ въ томъ, что голову его окружаетъ пламя, которое, впрочемъ, не сожигаетъ ея [2]). Впродолженіе всей

[1]) Такимъ образомъ разсказывается о рожденіи Ромула (Плутархъ, *Romulus*, 2), Сервія Туллія (Діонис. Галикарнасскій, IV, 2) и Кекула, основателя Пренесты (Сервій *Aen.* VII, 678).

[2]) Это чудо розсказывается Титомъ Ливіемъ о Сервіи Тулліи (I, 39); оно два раза приводится въ Энеидѣ Виргилія и относится къ двумъ разнымъ

своей жизни онъ отличается мудростью, благочестіемъ и степенностію, издаетъ правосудные законы и научаетъ людей почитать боговъ и уважать справедливость. Совершивъ нѣсколько полезныхъ подвиговъ, онъ внезапно исчезаетъ—«дѣлается невидимымъ» [3]), при чемъ никто не можетъ опредѣленно сказать, какимъ образомъ онъ скрылся. Вѣроятно, онъ исчезъ въ лонѣ того великаго божества, отъ котораго происходитъ все сущее на землѣ (divus Pater, Jupiter); слившись съ нимъ, онъ утрачиваетъ свое земное названіе и принимаетъ имя того божества, которымъ онъ поглощенъ. Такъ, напр., Энея послѣ исчезновенія стали чтить подъ именемъ *Jupiter Indiges*, а Латина подъ именемъ *Jupiter Latiaris*.

Вообще Италія не изобиловала религіозными вымыслами; что-же касается Рима, порожденнаго смѣсью италійскихъ народностей, то онъ въ этомъ отношеніи былъ еще беднѣе; онъ удовольствовался тѣмъ, что принялъ вѣрованія народовъ, изъ среды которыхъ возникъ, и постарался соединить ихъ и согласовать между собою; создавать-же новыя вѣрованія онъ не чувствовалъ никакой потребности. Единственное нововведеніе Рима состояло въ томъ, что онъ внесъ въ списки, называемыя *Indigitamenta*, названіе тѣхъ боговъ, которые призывались при всякихъ событіяхъ человѣческой жизни, начиная зачатіемъ и оканчивая смертью, и также тѣхъ, которые заботились объ его необходимѣйшихъ нуждахъ, какъ-то: о пищѣ, жилищѣ и одеждѣ [4]). Въ этихъ спискахъ боги были помѣщены въ должномъ порядкѣ, при чемъ было приложено нѣсколько объясненій объ ихъ именахъ, а также образцы молитвъ, по которымъ имъ надо было молиться. Всѣ боги, внесенные въ *Indigitamenta*, отличаются совершенно особеннымъ и притомъ вполнѣ

лицамъ (II, 682. VII, 73). Во время Пуническихъ войнъ думали, что храбрый солдатъ, Марцій, въ юности былъ одаренъ богами такимъ же знакомъ отличія (Титъ Ливій, XXV, 39).

[3]) *Non comparuit*, выраженіе, употребляемое во всѣхъ легендахъ.

[4]) Св. Августинъ, *de civ Dei*, (VI, 9). *Varro commemorare et enumerare deos caepit a conceptione hominis... deinde caepit deos alios ostendere qui pertinerent non ad ipsum hominem, sed ad ea quae sunt hominis, sicuti est victus, vestitus et quaecunquae alia quae huic vitae sunt necessaria.**) Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ этомъ перечисленіи Варронъ слѣдовалъ порядку *Indigitamenta*. Объ *Indigitamenta* упоминается у Амброша въ *Religionsbücher der Römer*, и у Буше-Леклерка въ *Les Pontifs de l'ancienne Rome, Paris*, 1871.

---

*) То-есть: Варронъ начинаетъ исчисленіе боговъ отъ зачатія человѣка... затѣмъ онъ указываетъ на другихъ боговъ, заботящихся не о самомъ человѣкѣ, а о его нуждахъ, каковы напр. пища, одежда и все, что необходимо для сей жизни.

римскимъ характеромъ; врядъ ли найдутся гдѣ-нибудь подобные имъ. Конечно, и въ другихъ странахъ люди чувствовали потребность ставить подъ божественное покровительство главнѣйшія событія своей жизни; для этой цѣли выбирали обыкновенно извѣстныхъ, могущественныхъ и испытанныхъ боговъ, въ дѣйствительной помощи которыхъ нельзя было сомнѣваться; такъ въ Греціи, для того, чтобы ребенокъ былъ способнымъ и свѣдущимъ, призывали великую Аѳину и мудраго Гермеса. Но въ Римѣ въ подобныхъ случаяхъ предпочитали обращаться къ особеннымъ божествамъ, спеціально для этого созданнымъ и не имѣвшимъ никакого другаго назначенія, помимо этого. У римлянъ мы находимъ, напримѣръ, такого бога, который заставляетъ ребенка издать первый звукъ (*Vaticanus*), и другаго, который заставляетъ его произнести первое слово (*Fabulinus*); каждый изъ нихъ имѣетъ только одно назначеніе и призывается только въ одномъ случаѣ. Имя подобныхъ боговъ просто выражаетъ собою ихъ обязанности, что доказываетъ, что внѣ того акта, для котораго ихъ призываютъ, они не имѣютъ дѣйствительнаго существованія. Значеніе ихъ чрезвычайно ограничено; самый ничтожный случай порождаетъ иногда нѣсколько божествъ. Послѣ того, какъ ребенокъ отнятъ отъ груди, одна богиня (*Educa*) научаетъ его ѣсть, другая (*Potina*)—пить, третья (*Cuba*)—спокойно лежать въ своей маленькой постелькѣ. Когда онъ выучится ходить, четыре богини обязаны наблюдать за его первыми шагами, двѣ изъ нихъ сопровождаютъ его, когда онъ выходитъ изъ дому, а двѣ другія,—когда онъ возвращается домой (*Abeona* и *Adeona; Iterduca* и *Domiduca*). Понятно послѣ этого, что списки боговъ были безконечны, и количество ихъ именъ безчисленно. Отцы церкви немало смѣются надъ «этой толпою божковъ, принужденныхъ исполнять самыя низкія обязанности», и сравниваютъ ихъ съ работниками, раздѣляющими между собою трудъ для того, чтобы окончить его поскорѣе. Тѣмъ не менѣе изучать ихъ очень любопытно: какъ-бы то ни было, это самые настоящіе римскіе боги. Въ то время, какъ римскіе жрецы составляли *Indigitamenta*, Римъ еще не находился подъ вліяніемъ Греціи, слѣдовательно, только по остаткамъ этихъ священныхъ списковъ мы и можемъ судить, какой взглядъ на божество имѣли древніе римляне и какъ они вообще понимали религіозное чувство.

Что болѣе всего удивляетъ насъ въ этихъ богахъ, это недостатокъ въ нихъ жизненности; римляне не потрудились даже сочинить о нихъ легендъ; у нихъ нѣтъ исторіи. Только одно о нихъ и вѣ-

домо, что имъ надо молиться въ извѣстныя минуты, и что они могутъ тогда оказать услугу; когда эти минуты пройдутъ, о нихъ забываютъ. У нихъ нѣтъ даже настоящаго имени, потому что тѣ имена, которыя имъ даютъ, не означаютъ ихъ самихъ, а только указываютъ на исполняемыя ими обязанности. Замѣчено, что эти имена имѣютъ обыкновенн оформу эпитетовъ, прозвищъ; потому очень можетъ быть, что они не всегда употреблялись одни, и въ прежнее время были простыми прилагательными Отсюда можно заключить съ большой вѣроятностью, что вначалѣ подобныя имена означали собою качества какого-нибудь могущественнаго божества, или даже божества вообще, небеснаго Отца, *divus Pater*, какъ его называли, въ тѣ моменты, когда это божество дѣйствовало въ извѣстномъ ограниченномъ кругу. Потому очень можетъ быть. что вышеупомянутые боги, *Vaticanus* и *Fabulinus*, не что иное, какъ само верховное божество въ тѣ моменты, когда оно снисходительно заботится о первыхъ крикахъ ребенка и объ его первыхъ словахъ [5]. Такъ какъ въ первыя времена боговъ было не такъ много, то каждому изъ нихъ поневолѣ приходилось придавать по больше аттрибутовъ. «Эти аттрибуты выражались прилагательными, такъ-же какъ и въ христіанскихъ молитвахъ, и чѣмъ важнѣе было божество, тѣмъ многочисленнѣе были прилагательныя, сопровождавшія его имя. Такъ какъ каждое воззваніе, взятое въ отдѣльности, обращалось не ко всѣмъ могущественнымъ свойствамъ божества, а лишь къ одному изъ нихъ, то на дѣлѣ выходило такъ, что прилагательное было важнѣе, чѣмъ самое имя божества, и вслѣдствіе того оно стало употребляться отдѣльно. Мало-по-малу утратилось самое воспоминаніе о связи, существовавшей первоначально между именемъ божества и его прилагательными, и послѣднія превратились въ названія новыхъ, самостоятельныхъ боговъ» [6]. Вотъ, какимъ образомъ изъ различныхъ аттрибутовъ одного и того же бога возникли подъ конецъ особые, независимые боги. *Indigitamenta* были составлены именно въ то время, какъ совершалась эта перемѣна; они чрезвычайно важны для насъ въ томъ отношеніи, что по нимъ можно ясно прослѣдить постепенное развитіе рим-

---

[5] Слѣдовательно, можно предположить, что эти боги назывались въ дѣйствительности: *divus Pater Vaticanus*, *divus Pater Fabulinus*. И въ самомъ дѣлѣ, въ спискахъ *Indigitamenta* находится нѣсколько такихъ полныхъ названій, въ которыхъ спеціальное имя бога прибавляется, какъ прилагательное, къ имени какого-нибудь значительнаго божества: *Ianus Consivius*, *Juno Lucina*.

[6]) Bouché—Leclercq, *Les Pontifs*, стр. 46.

скаго многобожія; но въ то же время они доказываютъ собою, что многобожіе это было незаконченное. Создавъ всѣхъ этихъ боговъ, Римъ не съумѣлъ заставить ихъ жить; они представляли собою нѣчто неопредѣленное, призрачное, туманное и никогда не достигли той отчетливости образовъ и ясности въ чертахъ, которыми отличаются греческіе боги.

Впрочемъ таковъ вообще характеръ римской религіи и даже позднѣйшіе римскіе боги всегда походили немного на боговъ *Indigitamenta*. Благочестіе италійца было робче и почтительнѣе, нежели благочестіе грека; онъ держался подальше отъ своихъ боговъ, онъ не осмѣливался приблизиться къ нимъ и не дерзнулъ-бы устремить на нихъ свои взоры. Если римлянинъ, при совершеніи какого-нибудь религіознаго обряда покрываетъ себѣ лицо, онъ дѣлаетъ это не для того только, чтобы ничѣмъ не развлекаться во время молитвы, какъ это думалъ Виргилій [7]), но главнымъ образомъ для того, чтобы не видѣть призываемаго имъ божества. Онъ умоляетъ его, чтобы оно низошло къ нему, онъ пламенно желаетъ чувствовать его возлѣ себя, чтобы оно выслушало его повелѣнія и потомъ исполнило ихъ, но онъ ужаснулся-бы, если бы взоры его встрѣтили это самое божество. «Спаси насъ», говоритъ Овидій въ своей молитвѣ къ Палесу, «отъ лицезрѣнія Дріадъ, или купающейся Діаны, или Фавна, когда онъ среди дня прохаживается по полямъ» [8]). И до самаго конца язычества римскіе крестьяне страшно боялись, возвращаясь вечеромъ домой, встрѣтиться на дорогѣ съ какимъ-нибудь Фавномъ [9]). Слѣдствіемъ подобной робости италійца было то, что, не смѣя ни когда взглянуть прямо въ лицо своимъ богамъ, онъ видѣлъ ихъ очень не ясно. Боги для него не имѣютъ опредѣленныхъ формъ, онъ скорѣе представляетъ ихъ себѣ въ символахъ, нежели въ образахъ: въ одномъ мѣстѣ онъ покланяется богу Марсу подъ видомъ копья, воткнутаго въ землю, въ другомъ простой камень изображаетъ для него собою великаго Юпитера. По словамъ Варрона, Римъ впродолженіе 170 лѣтъ оставался безъ статуй [10]); мысль ставить ихъ въ своихъ храмахъ перешла къ нему отъ иноземцевъ: такъ, по примѣру Этруріи, онъ воздвигъ въ своемъ Капитоліи ту деревянную раскрашенную статую Юпитера, которую подцвѣчивали наканунѣ каждаго праздника для того, чтобы ее мож-

---

7) *Aen.*, III, 405.

8) *Fast.*, IV, 761.

9) Проб. *Virg. Georg.*, I, 10.

10) Св. Авг., *De civ. Dei*, IV, 31.

но было видѣть во всемъ блескѣ. Эти старинные обычаи никогда вполнѣ не исчезали; они сохранялись въ деревняхъ, гдѣ крестьяне воздавали почитаніе своимъ богамъ, украшая ленточками старые древесные пни и благоговѣйно поливая масломъ большіе камни [11]. Даже въ самомъ Римѣ, въ то время, какъ всѣ храмы наполнялись образцовыми произведеніями греческаго искусства, древняя Веста не дозволяла воздвигать никакой статуи въ своемъ святилищѣ; она просто изображалась въ немъ въ видѣ неугасимаго огня [12].

Итакъ, очень можетъ быть, что если бы Римъ не ознакомился съ Греціей, то въ немъ никогда не развилось-бы антропоморфизма. Самъ по себѣ римлянинъ чувствуетъ какъ бы отвращеніе открыто дѣлать изъ своихъ боговъ такихъ же людей, какъ мы; онъ не считаетъ ихъ дѣйствительными личностями, имѣющими индивидуальное существованіе, а только проявленіями божества, *numina*, и это имя, которое онъ даетъ имъ, вполнѣ выражаетъ собою его понятіе о нихъ. Всякій разъ, какъ, по его мнѣнію, божество проявляетъ себя чѣмъ-нибудь въ природѣ (ему же, какъ человѣку религіозному, оно видится вездѣ), онъ тщательно запоминаетъ это новое проявленіе, придумываетъ для него имя и воздаетъ ему поклоненіе. Эти боги, которыхъ онъ такимъ образомъ безпрестанно создаетъ, не что иное, какъ божескія дѣйствія; вотъ почему они такъ многочисленны. Ни у одного народа не было болѣе обширнаго Пантеона, такъ что ко всей Италіи можно отнести слѣдующія слова, которыя романистъ временъ имперіи влагаетъ въ уста одной кампанской женщины: «Наша страна такъ населена божествами, что въ ней гораздо легче встрѣтить бога, нежели человѣка» [13]. По той же самой причинѣ римляне болѣе всѣхъ другихъ народовъ древности любили обоготворять отвлеченныя понятія. Такъ какъ въ сущности всѣ ихъ боги, даже самые великіе, не болѣе какъ божественные качества и аттрибуты [14], и такъ какъ они навсегда сохранили отчасти свой отвлеченный характеръ, то не удивительно, что у римлянъ вскорѣ вошло въ привычку вводить въ общество боговъ простыя отвлеченныя понятія. Этотъ обычай устанавливается обыкновенно уже въ устарѣвшихъ рели-

---

11) Тибуллъ, I, 10. Апулей, *De mag.*, 56.

12) Овидій, *Fast.*, VI, 295.

13) Петроній, *Sat.*, 17.

14) На это указываютъ имена, которыя имъ даютъ; ихъ называютъ небесный (*divus Pater, dea Dia*), благосклонный (*Faunus*), богатый (*Dis*), добрые (*Manes*) и проч.

гіяхъ; но въ Римѣ мы находимъ его въ самыя отдаленныя времена. Такъ Туллъ Гостилій воздвигаетъ храмъ страху и блѣдности, а спасеніе, процвѣтаніе римскаго народа (*Salus populi romani*) сдѣлалось издавна очень уважаемымъ божествомъ. Впослѣдствіи дошли до самыхъ удивительныхъ преувеличеній въ этомъ родѣ; такъ во времена имперіи воздавали поклоненіе всѣмъ добродѣтелямъ императоровъ и воздвигали стастуи «благополучію вѣка» и «снисходительности господина» [15]). Эти странныя олицетворенія, которыя, вѣроятно, никогда не пришли бы въ голову греку, возникли какъ слѣдствіе того способа пониманія божества, которымъ отличались во всѣ времена римляне. У нихъ многобожіе развилось путемъ отвлеченнаго анализа, между тѣмъ какъ у грековъ оно было плодомъ порывовъ воображенія и энтузіазма; въ сущности римляне остались навсегда вѣрными этой методѣ и до самаго конца чаще населяли небо отвлеченными понятіями, чѣмъ живыми существами.

II.

Религіозное чувство у римлянъ. — Почему Римъ не сдѣлался теократіей. — Важное значеніе культа.—Мелочной и фармалистическій характеръ обрядовъ.— Римская религія остерегается излишней набожности. — Она умаляетъ роль жреца.—Она старается успокоивать умы. — Какимъ образомъ римляне понимали отношенія человѣка къ Богу.—Старанія римскихъ теологовъ успокоить совѣсть и уменьшить строгость.—Успѣхъ этихъ стараній.

Казалось бы, что этотъ нерѣшительный, осторожный, боязливый народъ, который ради безопасности человѣка находилъ нужнымъ окружать его богами отъ колыбели до могилы, и который былъ такъ глубоко проникнутъ чувствомъ божества, что повсюду видѣлъ его проявленія, долженъ былъ сдѣлаться жертвою всевозможныхъ суевѣрій. Отцы церкви сравнивали мелочныя и многосложныя предписанія постановленій Нумы съ моисеевымъ закономъ. [16]) Римляне, гордившіеся тѣмъ, что исполняютъ ихъ съ буквальной точностью, рисковали сдѣлаться въ этомъ отношеніи совершенно похожими на евреевъ, такъ что невольно приходитъ въ голову, какимъ образомъ у такого набожнаго народа духовная власть не взяла, наконецъ, верха надъ всѣми другими. Отъ подобной участи они

[15]) Одно должностное лицо въ Циртѣ хвалится тѣмъ, что воздвигло *statuam aeream Securitatis saeculi cum statua aerea Indulgentiae domini nostri* (Rénier, *Inscript. de l'Algérie*. 1836).

[16]) Тертулл., *De praescr.*, I, 45.

были спасены своимъ политическимъ смысломъ. Ни одинъ народъ не былъ до такой степени занятъ важнымъ значенiемъ и правами государства, какъ они. Все принесли они въ жертву государству: и самые древнiе свои обычаи, и самыя дорогiя свои чувства. По общему вѣрованiю, каждый умершiй становился богомъ и покровителемъ своихъ близкихъ; для того, чтобы онъ былъ поближе къ тѣмъ, кому долженъ былъ помогать, его хоронили въ самомъ домѣ, послѣ чего онъ становился его благодѣтельнымъ генiемъ. Между тѣмъ однажды, изъ гигiеническихъ видовъ, законъ запретилъ хоронить умершихъ внутри городовъ, и всѣ подчинились этому закону. Этотъ примѣръ доказываетъ собою, что въ Римѣ ничто не сопротивлялось гражданской власти; даже родительская власть, несмотря на обширность своихъ правъ, должна была уступать ей. Отецъ семейства—неограниченный господинъ надъ своими дѣтьми, онъ можетъ продать своего сына и даже убить его; но если этотъ сынъ облеченъ въ какую-нибудь общественную должность, его отецъ обязанъ повиноваться ему наровнѣ съ другими и, встрѣтивъ его на дорогѣ, слѣзать передъ нимъ съ лошади [17]).

Точно такъ и римская религiя, несмотря на свое могущество и на уваженiе, которымъ она пользовалась, должна была подпасть тому же игу. И она покорилась государству или, лучше сказать, слилась съ нимъ. Этому результату болѣе всего помогъ способъ выбора на духовныя должности. «Никогда, говоритъ Цицеронъ, наши предки не были такъ благоразумны и такъ хорошо научены богами, какъ въ то время, когда они рѣшили, что одни и тѣ же лица будутъ заботиться о дѣлахъ религiи и управлять республикою. Такимъ образомъ должностныя лица и жрецы, благоразумно отправляя свои обязанности, общими силами спасаютъ государство». [18]) Въ Римѣ духовныя должности не отдѣлялись отъ государственныхъ и не представляли собою ничего несовмѣстимаго [19]). Въ одно и то же время и по одинаковымъ побужденiямъ можно было сдѣлаться авгуромъ или жрецомъ и преторомъ или консуломъ. Отъ желавшихъ занять духовныя должности не требовалось ни спецiальныхъ знанiй, ни особенной склонности къ нимъ; чтобы полу-

---

17) Титъ Ливiй, XXIV, 44.

18) *Pro dom.*, I.

19) Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ, быть можетъ, сдѣлать исключенiе для фламиновъ и особенно для *Flamen dialis*, обязанности которыхъ были ограниченнѣе, чѣмъ у другихъ жрецовъ; но, вѣроятно, по тому самому эти должности и были очень скоро упразднены.

чить ихъ, достаточно было послужить отечеству въ совѣщательныхъ собраніяхъ или на полѣ битвы. Получившіе ихъ, отправляя свои обязанности, не заражались тѣмъ узкимъ, исключительнымъ духомъ, который такъ обыкновененъ въ жреческихъ кастахъ; они продолжали смѣшиваться со свѣтомъ и въ одно и то же время засѣдали въ сенатѣ и въ тѣхъ большихъ жреческихъ коллегіяхъ, часть которыхъ составляли; ихъ новыя обязанности не только не отрѣшали ихъ отъ управленія страною, но давали имъ еще бо́льшее право принимать въ немъ участіе. Эти воины, политики, дѣловые люди прилагали къ дѣламъ религіи тотъ холодный, практическій здравый смыслъ, которымъ они отличались во всемъ остальномъ. Имъ римляне были обязаны тѣмъ, что по ихъ религіи постоянно протекала широкая струя свѣтскости, что во все время существованія республики и имперіи не произошло ни одного столкновенія между религіей и государствомъ, и что римское правительство, несмотря на всѣ выраженія своего благочестія, которыя оно такъ любило расточать, никогда не подвергалось опасности сдѣлаться теократическимъ.

Вліяніе ихъ замѣтно во всѣхъ религіозныхъ учрежденіяхъ Рима. Какъ люди, привыкшіе примѣнять гражданскую власть, они очень хорошо знаютъ, что законъ управляетъ только дѣйствіями людей, а не мыслями ихъ; потому они чаще предписываютъ обряды, нежели внушаютъ вѣрованія; они учреждаютъ жертвоприношенія и церемоніи и не заботятся объ установленіи догматовъ. Созданная ими религія въ сущности сводится къ одному культу, но культъ этотъ загроможденъ мельчайшими подробностями, изъ которыхъ ни одна не должна быть опущена. Въ то же время жрецы эти—юрисконсульты; [20]) изученіе права привило имъ извѣстныя привычки, съ которыми они никогда не разстаются, они не умѣютъ поступать двумя различными способами и издаютъ божественные законы по образцу человѣческихъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, форма составляетъ все. Впрочемъ, самый духъ этого народа состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть болѣе на форму, нежели на содержаніе, и быть рабомъ буквы. Титъ Ливій разсказываетъ, что однажды возмутившіеся солдаты, почувствовавъ угрызенія за то, что не исполнили клятвы въ вѣрности, данной ими своимъ военачальникамъ,

---

[20]) Сцевола говорилъ: *Pontificem neminem bonum esse, nisi qui jus civile cognosset.* *) Цицер., *De leg.*, II, 19.

---

*) Нѣтъ хорошаго жреца безъ знанія гражданскаго права.

рѣшили умертвить ихъ, чтобы успокоить свою совѣсть; они думали, что когда тѣхъ не останется въ живыхъ, они не будутъ обязаны сохранять имъ вѣрность. [21]) Для того, чтобы жертва была дѣйствительною, она должна быть принесена по всѣмъ правиламъ обрядности, и единственная забота молящагося состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ точно сообразоваться съ закономъ религіи. А законъ этотъ такъ требователенъ и сложенъ, что подобную точность нельзя не признать заслугою. Желая испросить себѣ какой-нибудь милости у неба, надо прежде всего освѣдомиться, къ какому именно богу слѣдуетъ обратиться для того, чтобы получить ее. Затрудненіе немаловажное; немудрено потеряться въ такомъ населенномъ Олимпѣ; между тѣмъ, по мнѣнію Варрона, знать, какой богъ можетъ намъ помочь, такъ же полезно, какъ знать мѣсто жительства булочника или плотника, когда мы въ нихъ нуждаемся. Итакъ, надо знать спеціальность каждаго изъ безсмертныхъ и исполняемыя имъ обязанности, «чтобы не подражать въ невѣжествѣ тѣмъ комедіантамъ, которые, желая насмѣшить толпу, нарочно просятъ вина у нимфъ и воды у Бахуса». [22]) Недостаточно знать прилагательныя прозвища того бога, къ которому хочешь обратиться, хорошо назвать его настоящимъ именемъ, тѣмъ самымъ, съ которымъ онъ любитъ, чтобы къ нему обращались; если дать ему не то имя, онъ, пожалуй, вовсе не станетъ слушать молящагося или плохо выслушаетъ его. А знать истинныя имена боговъ очень трудная наука, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ теологовъ, ея никто не знаетъ. [23]) По поводу ихъ именъ существуетъ столько сомнѣній, что даже когда призываютъ величайшаго изъ боговъ, имни котораго надлежало бы быть лучше всего извѣстнымъ, то ему говорятъ: «Могущественный Юпитеръ, или каково бы ни было имя, которое ты предпочитаешь». [24]) Найдя имя бога, надо знать точныя слова молитвы, съ которою слѣдуетъ къ нему обращаться. Римляне полагаютъ, что боги походятъ на претора, и что у нихъ, какъ у судей, можно проиграть дѣло, если молитва къ нимъ составлена не по формѣ. Кто не знаетъ, что̀ надо имъ говорить, тотъ отправ-

[21]) Титъ Ливій, II, 22.

[22]) Варронъ, у Св. Авг. *De civ. Dei*, IV, 22.

[23]) Серв., *Aen.*, IV, 577: *Deorum vera nomina nemo novit.* *)

[24]) Серв., *Aen.*, II, 351: *Jupiter optime maxime, sive quo alio nomine te appellari volueris.*

*) Истинныхъ именъ боговъ никто не знаетъ.

ляется посовѣтоваться съ жрецами. [25]) Это священные юрисконсульты, поставленные именно для того, чтобы наблюдать за тщательнымъ исполненіемъ всѣхъ подробностей культа. У нихъ есть книги, въ которыхъ все предусмотрѣно, и гдѣ находятся молитвы на всевозможные случаи. Эти молитвы чрезвычайно похожи на юридическія формулы. Жители Востока, привыкшіе во время молитвы предаваться влеченію сердца, находятъ ихъ очень пространными и многословными. «Моляся, говоритъ евангелистъ Матѳей, не говорите лишняго, какъ язычники, ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны». [26]) Словообиліе, какимъ отличается служеніе богамъ римской религіи, происходитъ вслѣдствіе потребности яснѣе выразиться. Моляся, римлянинъ постоянно боится, что онъ не довольно ясно выразитъ то, что желаетъ сказать; для того, чтобы быть вполнѣ понятымъ, онъ по нѣскольку разъ повторяетъ одно и то же. Чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ недоразумѣнію, онъ не затрудняется опредѣлять свою мысль съ помощью матеріальныхъ средствъ: такъ, посѣщая храмъ, онъ держится за его дверь; произнося слово *tellus*, земля, онъ всякій разъ дотрогивается до земли; говоря объ Юпитерѣ, онъ подымаетъ руки къ небу, а когда рѣчь идетъ о немъ самомъ, онъ ударяетъ себя въ грудь. [27]) Если послѣ всего этого боги его не поймутъ, они сами будутъ виноваты. Въ своихъ сношеніяхъ съ ними, какъ и во всемъ остальномъ, онъ очень почтителенъ, но и очень остороженъ. [28]) Главнымъ образомъ онъ старается не принимать на себя слишкомъ много обязательствъ; онъ заботится о томъ, чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно даваемыхъ имъ обѣтовъ, изъ опасенія, чтобы ему не пришлось дать болѣе, нежели онъ желаетъ. Если кто-нибудь, дѣлая возліяніе богу новымъ виномъ, позабудетъ при этомъ сказать: Прими въ даръ это вино, которое я тебѣ приношу (*mactus hoc vino inferio esto*), то богъ, пожалуй, подумаетъ,

---

[25]) Титъ Ливій, I, 20: *Pontificem deinde ex patribus legit.... ut esset quo consultum plebes veniret.* *)

[26]) Евангел. отъ Матѳ., VI, 7.

[27]) Макроб., *Sat.*, III, 9, 12.

[28]) Авл. Гелл. II 28: *Veteres Romani, quum in omnibus aliisvitae officiis, tum in constituendis religionibus atque in diis immortalibus animadvertendis castissimi cautissimique* и пр. **)

---

*) Потомъ изъ среды сенаторовъ избралъ жреца.... Къ которому простой народъ могъ-бы обращаться за совѣтами.

**) Древніе Римляне, какъ во всѣхъ другихъ обязанностяхъ жизни, такъ и въ установленіи религіозныхъ обрядовъ и въ своихъ отношеніяхъ къ безсмертнымъ богамъ, были весьма чисты и осторожны.

что ему обѣщаютъ все вино, запасеное въ погребѣ, и тогда придется отдать его ему. [29]) Итакъ, малѣйшія слова имѣютъ важное значеніе. За одно пропущенное слово одинъ городъ обрекаетъ себя на значительныя издержки и начинаетъ съизнова дорого стоющія игры. Вслѣдствіе того молящійся не полагается на свою память; часто случается, что онъ беретъ себѣ въ помощь двухъ жрецовъ, изъ которыхъ одинъ подсказываетъ ему формулу, которую онъ долженъ произносить, а другой слѣдитъ по книгѣ, чтобы тотъ ничего не пропустилъ при ея повтореніи. [30]).

Что касается состоянія духа, требуемаго во время молитвы, римская религія этимъ не занимается; она ограничивается одной внѣшнею ея стороною. Для нея тѣ люди самые религіозные, которые лучше всѣхъ знаютъ обряды и умѣютъ чтить боговъ по законамъ своей страны [31]). Благочестіе состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы являться въ храмъ въ приличной случаю одеждѣ и сохранять передъ богами предписанныя положенія тѣла. «Боги любятъ, чтобы человѣкъ былъ чистъ,—говоритъ одинъ поэтъ; являйтесь-же передъ ними въ незапятнанной одеждѣ» [32]). Римская религія не только не поощряетъ набожности, но можно даже сказать, что она не довѣряетъ ей. Римскій народъ созданъ для того, чтобы дѣйствовать; мечтательность, мистическое созерцаніе ему чужды и подозрительны [33]). Онъ прежде всего другъ спокойствія, порядка и точности: все что возбуждаетъ и смущаетъ душу, ему не нравится. Отецъ семейства, который приходится по сердцу Катону, конечно, очень религіозенъ. Пріѣхавъ къ себѣ на ферму, онъ прежде всего обращается съ молитвою къ домашнимъ Ларамъ; всѣ полевыя работы начинаются у него съ молитвою; передъ жатвою онъ приноситъ Церерѣ въ жертву свинью, *porca praecidanea*; весною онъ закалываетъ свинью, овцу и быка (*suovetaurilia*), чтобы очистить свои поля; два раза въ годъ онъ даетъ обѣдъ для *Jupiter dapalis*; онъ приноситъ жертвы за своихъ быковъ Марсу-Сильвану, ана-

[29]) Арноб., VII, 31.

[30]) Плиній, XX VIII, 2 (3).

[31]) Фест., сл. *religiosi*. Цицер., *De nat. deor.* I, 41: *Est enim pietas justitia adversus deos... sanctitas autem scientia coleudorum sacrorum.* *)

[32]) Тибул., II, 1, 13: *Casta placent superis: pura cum veste venito.*

[33]) Серв., *Georg.*, III, 456: *Majores religionem totam in experientia collocabant.* **)

*) Благочестіе есть справедливость въ отношенія къ богамъ, а святость—умѣнье совершать священные обряды.

**) По мнѣнію нашихъ предковъ вся религія заключалась въ опытномъ знаніи (обрядовъ).

чиная рубить деревья, онъ сначала смиренно извиняется передъ неизвѣстными богами, обитающими въ томъ священномъ лѣсу, гдѣ они ростутъ [34]). Но онъ очень остерегается возбуждать набожность въ своихъ слугахъ, опасаясь, вѣроятно, того, чтобы они ради боговъ не перестали заботиться, какъ прежде, о своемъ господинѣ. «Пускай рабъ на фермѣ, говоритъ Катонъ, не празднуетъ никакого другаго праздника, кромѣ *compitalia*; чтобы онъ никогда не смѣлъ совѣтоваться ни съ аруспиціемъ, ни съ авгуромъ, ни съ халдеемъ и ни съ какимъ инымъ гадателемъ [35])». Что касается женщинъ, служащихъ на фермѣ, имъ положительно запрещено, какъ самимъ приносить жертвы, такъ и заставлять это дѣлать за себя другихъ, исключая тѣхъ случаевъ, если они получатъ на это приказаніе отъ господина или госпожи. «Знайте, прибавляетъ Катонъ, что за весь домъ приноситъ жертву господинъ [36])». Римская религія, подобно всѣмъ тѣмъ, въ которыхъ преобладаетъ свѣтскій духъ, умаляетъ роль священника. Мы уже видѣли, что отецъ семейства молится за своихъ домочадцевъ; подобно тому, въ важныхъ случаяхъ консулъ обращается къ богамъ государства. Для того, чтобы достигнуть неба, его молитвы не нуждаются въ посредничествѣ жреца. Онъ, конечно, окруженъ авгурами и жрецами, но они обязаны только указывать тому, кто совершаетъ богослуженіе, надлежащіе обряды, и подсказывать ему формулы. Справедливо было замѣчено, что на публичныхъ торжествахъ они фигурируютъ только въ качествѣ церемоніймейстеровъ [37]); но и при этомъ еще принимаются всевозможныя предосторожности для того, чтобы они не вздумали преувеличивать своего значенія и не похитили бы правъ, принадлежащихъ гражданскимъ должностнымъ лицамъ. Обыкновенно ничто такъ не воспламеняетъ народныхъ умовъ и не порождаетъ такихъ ожиданій и ужаса, какъ предсказанія о будущемъ; объявленіе о какомъ-нибудь предстоящемъ великомъ бѣдствіи или поданная надежда на какое-нибудь неожиданное благополучіе могутъ вызвать въ народѣ одно изъ тѣхъ внезапныхъ движеній, которыхъ нельзя удержать никакими плотинами. Но Римъ принялъ противъ этого хорошія мѣры. То гаданіе, къ которому онъ прибѣгаетъ и которое одно только оффиціально признаетъ, въ сущности есть вовсе не способъ предузнавать, что̀ должно случиться,

---

34) Катонъ, *De re rust., passim.*

35) *De re rust.*, 5.

36) *De re rust.*, 193.

37) Буше Леклеркъ *Les Pontifs*, 315.

а просто совѣщаніе о томъ, угодно или не угодно богамъ предпріятіе, къ которому хотятъ приступить. Изъ этого гаданія римляне сдѣлали холодную, методическую и сложную науку, которая не оставляетъ мѣста ни для чего непредвидѣннаго, ни для какого вдохновенія, и гораздо способнѣе остановить душевный порывъ, нежели возбудить его. Всякій разъ какъ выбираютъ должностныхъ лицъ или хотятъ принять какое-нибудь важное рѣшеніе, когда намѣреваются начать войну и дать сраженіе, авгуры наблюдаютъ за птицами по предписаннымъ обрядовымъ уставамъ для того, чтобы узнать волю боговъ, но они могутъ это дѣлать только по приказанію консуловъ. Другіе способы гаданія, а именно аруспиціи, которыя предсказываютъ будущее по молніи, просто только дозволяются, и къ нимъ притворно относятся съ очень незначительнымъ уваженіемъ даже тогда, когда не гнушаются прибѣгать къ нимъ. Но во всякомъ случаѣ у нихъ хотѣли отнять возможность дѣлать вредъ: законъ запрещалъ открывать народу предсказанія оракула безъ разрѣшенія сената [38]. Итакъ, римская религія старательно избѣгаетъ всего, что можетъ причинить хоть какое-нибудь волненіе. Въ противоположность тому, что встрѣчается во всѣхъ другихъ культахъ, она скорѣе старается успокоивать внутреннія чувства, нежели возбуждать ихъ. Она ставитъ въ обязанность сохранять молчаніе лицамъ, присутствующимъ при священныхъ обрядахъ; но самому слову молчаніе придаетъ гораздо обширнѣйшее значеніе, нежели мы: она не только не позволяетъ разговаривать, но запрещаетъ и думать [39]. Она сдѣлала все для того, чтобы молитва была какъ можно холоднѣе: она отняла у нея свободу, составляющую душу молитвы, и не позволяла благодарности и любви употреблять тѣ выраженія, которыя имъ всего пригоднѣе; въ предписываемой ею формулѣ нельзя ничего измѣнить, и ее надо употреблять даже и тогда, если она сдѣлалась непонятною. Каждый годъ члены арвальнаго братства, отправляя свой главный праздникъ, вытребывали себѣ бумагу, гдѣ была написана одна старинная пѣсня первыхъ годовъ Рима; уже за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ она сдѣлалась совершенно непонят-

[38]) Діон., XXXIX, 5.

[39]) Квинтил., *Declam.*, 265: *in templo vero, in quo verbis parcimus, in quo animos componimus, in quo tacitam etiam mentem nostram custodimus*, и пр. *).

*) Въ храмѣ, гдѣ мы скупы на слова, гдѣ наши души благоговѣйно настроены, гдѣ мы даже блюдемъ молчаливость нашей мысли и пр.

ною; но это нисколько не мѣшало имъ до самаго конца имперіи повторять ее съ буквальною точностью.

Характеръ римской религіи лучше всего выражается въ обозначающемъ ее названіи; всѣ вообще критики древности производятъ это слово (*religio*) отъ того самаго корня, откуда происходятъ слова *diligens* и *diligentia*; по ихъ мнѣнію, это слово сначала просто выражало собою понятіе о точности и правильности [40]). Мы уже видѣли, что въ тѣ времена только одни эти качества и требовались отъ людей религіозныхъ. Римляне понимаютъ совершенно особеннымъ образомъ отношенія между человѣкомъ и божествомъ: когда кто-нибудь имѣетъ основаніе думать, что онъ прогнѣвилъ бога, онъ смиренно проситъ его о мирѣ: это принятый терминъ (*pacem deorum exposcere*); послѣ того, какъ полагаютъ, между ними заключается нѣкотораго рода договоръ или контрактъ, который налагаетъ обязательства на нихъ обоихъ; человѣкъ долженъ купить себѣ небесное покровительство молитвами и приношеніями, но и со стороны бога было бы неприлично, принявъ жертву, не отвѣчать на нее какою-нибудь милостью. Платонъ сильно возстаетъ противъ такихъ воображаемыхъ сдѣлокъ между человѣкомъ и божествомъ [41]); онѣ встрѣчаются во всѣхъ древнихъ культахъ, но нигдѣ не отличаются такимъ наивнымъ безстыдствомъ, какъ въ Римѣ. Римляне считаютъ за правило ту мысль, будто благочестіе даетъ право на богатство; и въ самомъ дѣлѣ, очень естественно, что боги отдаютъ предпочтеніе тому, кто за ними ухаживаетъ, а «кто любимъ богами, тотъ всегда имѣетъ хорошую прибыль» [42]). Слѣдовательно, здѣсь избранникъ божій не бѣднякъ, какъ у христіанъ, а богачъ. Если находятъ, что боги не выполнили всѣхъ условій контракта, на нихъ гнѣваются и съ ними обходятся дурно. Когда народъ узналъ о смерти Германика, за котораго онъ принесъ столько безполезныхъ жертвъ, онъ началъ бросать въ храмы каменьями, опрокинулъ жертвенники и выбросилъ статуи боговъ на улицу [43]). Случается, что возникаетъ споръ о терминахъ

---

[40]) Крамеръ замѣчаетъ, что у Грековъ нѣтъ слова, которымъ можно было-бы точно перевести *religio* (*Grundlinien zur Geschichte des Verfall der römischen Staatsreligion*, стр. 13). Совершенно вѣрно, что ни δεισιδαιμονία (богобоязненность), ни особенно εὐσεβεία (благочестіе) не переводятъ его вполнѣ.

[41]) *Eutyphron*.

[42]) Плавтъ, *Curculio*, IV, 2, 45. *Cui homini Di sunt propitii lucrum ei objiciunt*.

[43]) Светон., *Cal.*, 5.

договора; тогда обѣ договаривающіяся стороны, какъ искусные противники въ тяжебномъ дѣлѣ, стараются на чемъ-нибудь изловить другъ друга. Такимъ образомъ, въ забавной легендѣ, сообщенной старымъ историкомъ Валеріемъ Антійскимъ и воспроизведенной Овидіемъ [44]), Нумѣ удается увернуться отъ требованій Юпитера: «Ты принесешь мнѣ въ жертву голову.—Отлично, отвѣчаетъ царь,—ты получишь головку чесноку, которую я сейчасъ достану изъ своего сада.—Я разумѣю, что-нибудь такое, что принадлежало бы человѣку.—Тебѣ дадутъ кончики его волосъ.—Мнѣ нужно живое существо.—Мы прибавимъ къ этому рыбку». Юпитеръ начинаетъ смѣяться и соглашается на все. Заключивъ договоръ, слѣдуетъ, конечно, исполнять его условія. Надо отдать богамъ то, что имъ было обѣщано; это очень важный долгъ, общественное мнѣніе ставитъ его такъ же высоко, какъ долгъ относительно отца и родной страны, и даже называетъ ихъ одинаковымъ именемъ (*pietas*); но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ преувеличивать благодарности. Законъ постановилъ, какимъ способомъ надо расплачиваться съ богами, а идти далѣе его предписаній грѣшно. Этотъ грѣхъ называется словомъ (*superstitio*), означающимъ собою все, что переходитъ за предѣлы установленнаго правила [45]). Истинный римлянинъ чувствуетъ къ суевѣрію такое же отвращеніе, какъ и къ нечестію. Онъ аккуратно ведетъ свои счеты съ богами; не желая оставаться передъ ними въ долгу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ отдавать имъ болѣе того что долженъ. Въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ истинное благочестіе ничего не разсчитываетъ и есть не что иное, какъ великодушный порывъ благодарной души, стремящейся съ избыткомъ заплатить за полученныя ею благодѣянія, въ Римѣ заботятся лишь о томъ, чтобы въ точности заплатить свой долгъ. Все остальное считается излишнимъ, и относительно боговъ не полагается быть болѣе расточительнымъ, чѣмъ относительно людей. Понятно, что, заключенный въ такія тѣсныя границы, религіозный духъ не могъ получить широкаго развитія; но этого именно и желали.

Эта осмотрительная воздержность, это желаніе охранять душу отъ сильныхъ ощущеній, научили римлянъ тѣмъ безконечнымъ предосторожностямъ, которыя они берутъ для того, чтобы успокоить

[44]) *Fast*, III, 339. Арноб., V, 1.

[45]) По своему происхожденію отъ этого первоначальнаго значенія, слово *superstitio* стало впослѣдствіи прилагаться преимущественно къ обычаямъ, заимствованнымъ у чужихъ религій.

свою совѣсть и освободить ее отъ всякихъ сомнѣній. Въ этомъ формалистическомъ культѣ обряды были дотого многочисленны и сложны, что, несмотря на всѣ старанія, трудно было не позабывать нѣкоторыхъ изъ нихъ или не сдѣлать какой-нибудь ошибки при ихъ исполненіи. Богобоязненные люди должны были подходить къ алтарю не иначе, какъ со страхомъ; вотъ почему часто говорили, что «религія и страхъ неразлучны между собою» [46]). Въ Римѣ было сдѣлано много усилій для того, чтобы отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Всѣ затрудненія, которыя могли безпокоить робкіе умы, разрѣшались обыкновенно теологами въ широкомъ и свободномъ смыслѣ. У нихъ была въ распоряженіи удобная наука религіозной нравственности, съ помощью которой очень легко было выпутываться изъ затрудненій въ сомнительныхъ случаяхъ. Извѣстно, напримѣръ, что римская религія признавала очень много праздниковъ, въ которые запрещалось что-либо дѣлать; въ такіе дни земледѣлецъ долженъ былъ оставаться празднымъ, быкъ стоялъ въ хлѣву возлѣ наполненныхъ яслей, и самая земля имѣла право отдыхать. Но безусловный покой могъ помѣшать или повредить полевымъ работамъ, потому въ дѣйствительности его старались по возможности ограничить. Сама духовная власть была очень снисходительна и давала возможность обойти законъ. «Когда жреца Сцеволу спросили о томъ, что позволено дѣлать въ праздники, называемые *feries*, онъ отвѣчалъ:» Все то, нерадѣніе о чемъ можетъ причинить намъ вредъ» [47]). Подобный отвѣтъ не доказываетъ особенной строгости въ жрецѣ. Такъ какъ всякому было предоставлено быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, то ни у кого не могло быть недостатка въ уважительныхъ причинахъ для того, чтобы доказать самому себѣ, что такая-то работа необходима, и что ее дозволительно исполнять даже въ праздничный день. Прежде всего было рѣшено, что нѣтъ никакого грѣха вытащить изъ ямы своего быка, если онъ въ нее упадетъ, или подпереть домъ, если онъ угрожаетъ обрушиться: не было ничего проще этого; впослѣдствіи люди разрѣшили себѣ очищать рвы, подъ тѣмъ предлогомъ, что ина-

---

[46]) Серв., *Aen.*, II, 715. *Connexa enim sunt timor et religio*. Въ другомъ мѣстѣ онъ производитъ *deus* отъ δέος, что значитъ страхъ (XII, 139). См. также Цицер. *De invent* II, 22.

[47]) Макр., *sat.*, I, 16. 11. См. также Серв., *Georg.*, I, 269. *Scimus necessitati religionem cedere**).

---

*) Мы знаемъ, что религія уступаетъ необходимости.

че будутъ затоплены луга, купать стада для того, чтобы они не захворали, и даже окончить начатую работу для того, чтобы она не испортилась вслѣдствіе перерыва [48]). Надо сознаться, что съ подобными оговорками законъ о покоѣ не могъ быть помѣхою ни для кого. Въ этой религіи, хваставшейся своею предусмотрительностью, были указаны тѣ дни, въ которые можно было дать сраженіе, и тѣ, въ которые это было невозможно. Эти предписанія могли-бы быть очень стѣснительны во время войны, если бы они строго исполнялись; но ихъ тоже съ умѣли сдѣлать не нужными. Римскій воинъ никогда не походилъ на европейца, которому такъ противно было браться за оружіе въ субботній день; онъ не спрашивалъ себя въ виду непріятеля, имѣетъ ли онъ право сражаться, и ему не приходило въ голову никакихъ сомнѣній послѣ того, какъ консулъ подавалъ знакъ къ сраженію. Тѣмъ болѣе, что теологи рѣшили, что если нападеніе уже сдѣлано, то «всѣ дни пригодны для того, чтобы защищать свою жизнь и честь страны» [49]). Понятно, что, будучи въ одно и то же время жрецомъ и полководцемъ или государственнымъ человѣкомъ, нельзя иначе думать и говорить.

Повсюду мы находимъ одинъ и тотъ же духъ. Ничто такъ не тревожило и не пугало робкіе умы, какъ тѣ ежеминутные совѣты и приказанія, которые они воображали получать отъ боговъ. «Одно изреченіе гадателя, говоритъ Цицеронъ,—осмотръ жертвы, услышанное слово, пролетѣвшая птица, встрѣченный по дорогѣ халдей или аруспицій, блеснувшая молнія, прогремѣвшій громъ, видъ какого-нибудь предмета, пораженнаго молніей, самый пустой обыкновенный случай, если онъ только кажется намъ предзнаменованіемъ,—все служитъ для того, чтобы ужасать насъ, и мы не можемъ наслаждаться ни одною минутою спокойствія. Казалось бы, что сонъ долженъ служить намъ нѣкотораго рода убѣжищемъ, въ которомъ мы можемъ отдыхать отъ горя и заботъ; между тѣмъ наши безпокойства и ужасы порождаются именно во время сна [50])». Надо отдать справедливость римскимъ теологамъ въ томъ, что они всячески старались уменьшить подобныя безпокойства. Прежде всего они постановили за правило, что не слѣдуетъ вѣрить съ перваго раза тому, что кажется указаніемъ боговъ. Для того, чтобы вѣрить, что это точно божеское указаніе, надо подождать,

---

[48]) Бушэ-Леклеркъ, *Les Pontifs*, стр. 118.

[49]) Макр., *Sat.*, I, 16. 20.

[50]) *De div.*, II, 72.

чтобы оно повторилось нѣсколько разъ и, вдобавокъ, опиралось на другіе, не менѣе очевидные признаки божеской воли [51]). Такимъ образомъ, благоразумная недовѣрчивость помѣшаетъ намъ слишкомъ часто обманываться. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что для того, чтобы небесное указаніе было дѣйствительно нужно, чтобы оно было замѣчено именно тѣмъ, къ кому оно относится, если онъ сидитъ дома или во́ время закроетъ глаза, боги не будутъ имѣть возможности сообщить ему то, что нужно, и въ такомъ случаѣ онъ можетъ поступать, какъ ему угодно. Когда Марцеллъ окончательно рѣшался на какое-нибудь предпріятіе, онъ съ этого времени путешествовалъ не иначе, какъ въ закрытыхъ носилкахъ, для того, чтобы не смущаться никакими предзнаменованіями [52]). Но даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, которому боги очевидно желаютъ открыть свою волю, извѣщенъ о ней вполнѣ вразумительно, у него все-таки остается средство не повиноваться ей. Римская теологія говоритъ, что предзнаменованіе можетъ быть не принято, если оно не было положительно испрошено у боговъ; замѣтившему его случайно, разрѣшается не относить его на свой счетъ; слѣдовательно, предувѣдомленіе, посылаемое небомъ человѣку, дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если тотъ согласенъ принять его [53]). Такимъ образомъ съ человѣческой жизни была снята большая тяжесть, и Плиній справедливо говоритъ, что боги никогда не оказывали людямъ бо́льшаго знака своей милости, какъ въ этомъ случаѣ [54]).

Есть еще другія заботы, безпокоящія вѣрующихъ, но и отъ нихъ теологи такъ же просто освобождаютъ людей. Такъ, напримѣръ, человѣкъ не долженъ черезъ-чуръ сокрушаться о такихъ грѣхахъ, избѣжать которыхъ не въ его власти. Когда Катонъ встаетъ среди ночи, чтобы наблюдать за авспиціями, онъ знаетъ, что при этомъ предписано строжайшее молчаніе, и очень остерегается открыть ротъ. «Но, говоритъ онъ намъ,—если кто-нибудь изъ рабовъ или служанокъ скажетъ слово подъ одѣяломъ, и я этого не замѣчу, значитъ, я не отвѣтственъ [55]),» и авспиціи произведены, какъ слѣдуетъ. Во время самнитской войны консулу Папирію представился однажды удобный случай побѣдить непріятеля.

---

[51]) Серв., *Aen.*, II, 691.

[52]) Цицер., *De divin.*, II, 36.

[53]) Серв., *Aen.*, XII, 259 и V 530.

[54]) *Hist. natur.*, XXVIII, 2 (4).

[55]) *Orat. in veturium.*, стр. 47, изд. Іордана.

Воины сгорали желаніемъ броситься въ битву, и гадатель по курамъ, *pullarius*, раздѣлявшій ихъ желаніе, пришелъ объявить военачальнику, что священныя куры подаютъ самые благопріятные знаки, и что, слѣдовательно, можно смѣло начать сраженіе. Но въ ту минуту, какъ собирались уже приступить къ нему, Папирій узналъ, что *pullarius* солгалъ, потому что куры, напротивъ того, не захотѣли ѣсть. «Это его дѣло,—отвѣчалъ онъ: если онъ солгалъ, то будетъ за то наказанъ. Что же касается меня, мнѣ объявили что авспиціи благопріятны, и я считаю ихъ таковыми.» Дѣйствительно, *pullarius* былъ убитъ въ самомъ началѣ битвы, а Папирій одержалъ побѣду [56]). Любопытно видѣть, какія выгоды умѣли извлечь римляне изъ того, что составляло главное несовершенство ихъ религіи; узкое уваженіе къ буквѣ, въ которомъ, какъ мы видимъ, всюду состояло ихъ главное стремленіе, очень часто доставляло имъ удобныя средства соблюдать узаконенныя формы относительно своихъ боговъ. Если богослужебный уставъ требовалъ, чтобы въ жертву было принесено какое-нибудь рѣдкое животное, котораго трудно было достать, тогда просто дѣлали его изображеніе изъ тѣста или воска и приносили его въ жертву намѣсто животнаго [57]). Къ этому наивному образу дѣйствія прибѣгали какъ въ самыхъ пустыхъ, такъ и въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Чтобы объявить войну, священный герольдъ (феціалъ) долженъ былъ отправиться на границу непріятельской земли и пустить туда дротикъ. Когда пришлось начать войну съ Пирромъ, то замѣтили, что было бы слишкомъ долго и не совсѣмъ безопасно отправлять жреца къ границамъ Эпира. Но это затрудненіе было ловко обойдено. Оказалось, что тутъ же подъ рукою есть одинъ солдатъ Пирра, случайно попавшійся въ плѣнъ; его заставили купить клочекъ земли въ циркѣ Фламинія: требовалось лишь немного доброй воли для того, чтобы заставить себя думать, будто это эпирская территорія, и священный герольдъ, не подвергая себя ни устали, ни опасности, отправился пустить въ нее метательное копье [58]).

Таковы были усилія, которыя государственные люди республики употребляли для того, чтобы не позволять боязливымъ умамъ мучиться безпокойствомъ и ужасомъ, происходящими вслѣдствіе страха боговъ. Полнаго успѣха имъ было, впрочемъ, трудно достичь.

---

[56]) Титъ Ливій, X, 40.

[57]) Серв., *Aen.*, II, 115.

[58]) Серв., *Aen.*, IX, 53.

Римляне сами по себѣ были очень склонны къ суевѣрію; эта склонность увеличилась еще сильнѣе, благодаря ихъ постояннымъ сношеніямъ съ чужеземцами и той любви, какую они съ давнихъ поръ чувствовали къ Этруріи. Эти внѣшнія вліянія, подкрѣпляемыя врожденными наклонностями, пересиливали въ нихъ иногда всѣ совѣты умныхъ людей; потому неудивительно, что въ ихъ религіи замѣчаются слѣды двухъ противоположныхъ направленій, находящихся въ борьбѣ между собою. Это можно, напримѣръ, видѣть изъ поклоненія, воздаваемаго ими покойникамъ. Первоначально они считали ихъ покровительственными и услужливыми духами и притомъ очень невзыскательными, которыхъ можно задобрить, принося имъ въ даръ фіалки, обмокнутый въ винѣ пирожокъ или пригоршню бобовъ. Но впослѣдствіи, по примѣру этрусковъ, они рѣшили, что покойники любятъ кровь, что человѣческія жертвы имъ всего пріятнѣе, и установили бои гладіаторовъ, чтобы почтить ими тѣхъ, кого они продолжали называть добрыми духами (*Manes*) [59]. Подобнымъ измѣненіямъ подвергалось также нѣсколько божествъ; вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ благодѣтельныя и благосклонныя существа, изъ нихъ сдѣлали враговъ, вѣчно занятыхъ тѣмъ, чтобы обманывать и губить смертныхъ. Даже о добромъ Сильванѣ, этомъ богѣ рабовъ и земледѣльцевъ, покровителѣ мызы и поля, столь любимомъ и почитаемомъ бѣдняками, думали, будто онъ отправляется по ночамъ къ жилищу новорожденныхъ для того, чтобы напускать на нихъ порчу, почему къ дверямъ этихъ жилищъ, впродолженіе трехъ ночей, надо было становить на стражу людей, вооруженныхъ метлами и палками, чтобы отгонять его [60]). Впрочемъ, все это не болѣе, какъ исключенія, и римская религія, несмотря на всѣ заимствованія, сдѣланныя ею у вѣры этрусковъ, далеко не походила на нее. Въ дѣйствительности, это не былъ одинъ изъ тѣхъ мрачныхъ культовъ, которые гнетутъ душу подъ бременемъ ужаса. Римляне не были никогда, подобно этрускамъ, покорными рабами какихъ-нибудь деспотовъ; привычка къ свободѣ развила въ нихъ чувство собственнаго

---

[59]) Законъ Двѣнадцати Таблицъ запрещалъ женщинамъ царапать себя до крови на похоронахъ: *Mulieres genas ne radunto* *) (Шелль, стр. 154). Не слѣдъ ли это сопротивленія, оказываемаго римскими политиками религіознымъ идеямъ Этруріи? См. Серв., *Aen.*, XII, 606.

[60]) Св. Август. *De civ. D.*, VI, 9.

---

*) Женщины да не царапають себѣ щекъ.

достоинства и сознаніе своего значенія. Каково бы ни было уваженіе, оказываемое ими богамъ, они никогда не унижаются въ ихъ присутствіи; они иногда осмѣливаются даже смѣяться и шутить съ ними. Этотъ Папирій, который, какъ мы видѣли, такъ легко относился къ авспиціямъ, вмѣсто того, чтобы обѣщать богамъ храмы, какъ это обыкновенно дѣлалось посреди битвы, далъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, налить Юпитеру стаканъ хорошаго вина. Юпитеръ, говоритъ Титъ Ливій,—удовлетворился этимъ обѣщаніемъ и даровалъ ему побѣду [61]). Поклоненіе Геркулесу, совершавшееся на *Ara Maxima*,—одно изъ древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ въ Римѣ; между тѣмъ оно полно радости и веселія. Это богъ радости и успѣха; легенда разсказываетъ, что онъ однажды не погнушался съиграть въ кости съ прислужникомъ своего храма и, выигравъ партію, охотно принялъ выигрышъ, состоявшій въ красивой куртизанкѣ [62]). Къ нему обращаются всѣ тѣ, кому выпало неожиданное счастіе. Люди, избѣгнувшіе большой опасности, думаютъ, что они обязаны своимъ спасеніемъ ему; одержавшіе побѣду военачальники, разбогатѣвшіе торговцы, всѣ приписываютъ именно ему свою удачу; они жертвуютъ ему десятину полученной добычи или барыша, и на эти деньги, иногда впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, задаютъ обѣды всему народу [63]). Въ одномъ италіянскомъ городѣ была найдена древняя надпись въ сатурнинскихъ стихахъ, гдѣ между прочимъ упоминается объ этихъ пиршествахъ;въ ней говорится о двухъ братьяхъ, благоговѣйно возвращающихъ Геркулесу долгъ своего покойнаго отца. «Тотъ обѣтъ, говорятъ они, который далъ отецъ въ тяжелыя времена, когда онъ совершенно отчаялся въ своей будущности, выполненъ его сыновьями Уплативъ десятину и давши обѣщанный обѣдъ, они считаютъ себя счастливыми, что могутъ посвятить этотъ памятникъ Геркулесу; вмѣстѣ съ тѣмъ, о великій богъ, они просятъ тебя о томъ, чтобы ты почаще давалъ имъ случай дѣлать тебѣ подобныя приношенія [64])». Мнѣ кажется, что этрускъ не выразился бы совершенно такимъ же образомъ и побоялся бы такъ непринужденно держать себя передъ лицомъ своихъ боговъ; но римляне смѣлѣе этрусковъ. Несмотря на нѣкоторыя наклонности, увлекавшія ихъ

---

[61]) Титъ Ливій, X, 42.

[62]) Макроб., *Sat.*, 1, 10, 12.

[63]) Крассъ угощалъ римлянъ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ. Плутархъ, *Crass.*, 2.

[64]) *Corp. Inscr. lat.*, 1, № 1175.

къ суевѣрію, религія ихъ никогда не обращалась въ строгую теократію, и подъ конецъ свѣтскій духъ пріобрѣлъ у нихъ окончательный перевѣсъ.

III.

Благопріятное мнѣніе грековъ о римской религіи.—Причины такого мнѣнія: римская религія пріучаетъ къ дисциплинѣ и повиновенію.—Она нравственнѣе религіи грековъ. Она легче поддается философскимъ истолкованіямъ.

Въ настоящее время замѣтна большая наклонность къ порицанію римской религіи; всѣ, напримѣръ, считаютъ общепринятою истиною, будто она была гораздо ниже греческой. Но древніе думали совершенно наоборотъ. Когда греческіе ученые принялись ближе изучать учрежденія покорившаго ихъ народа, они были прежде всего поражены тѣмъ важнымъ значеніемъ, какимъ она пользовалась въ Римѣ и способомъ ея приложенія къ дѣлу. Историки, ученые и философы говорятъ не иначе, какъ съ живѣйшей симпатіей объ этомъ культѣ, который кажется намъ подчасъ такимъ сухимъ и мелочнымъ. Похвалы, расточаемыя ими съ такою щедростью, не мало удивляютъ насъ, и вначалѣ мы склонны были объяснять ихъ тѣмъ обаяніемъ, какое всегда имѣетъ успѣхъ и которое заставляетъ людей восхищаться рѣшительно всѣмъ въ народахъ, имѣющихъ во всемъ удачу. Между тѣмъ въ числѣ восхвалителей римской религіи были люди съ твердымъ, разсудительнымъ умомъ, обладавшіе тонкою наблюдательностью, какъ напримѣръ, Полибій; они не допустили бы себя до необдуманнаго пристрастія; слѣдовательно, болѣе серьёзныхъ причинъ ихъ восхищенія надо искать не здѣсь.

Причины эти не слишкомъ трудно найти. Смышленные греки, видѣвшіе незадолго передъ тѣмъ гибель своего отечества, понимали причины ея. Очень естественно, что они замѣчали у другихъ прежде всего тѣ качества, которыхъ особенно недоставало имъ самимъ и всю важность которыхъ научили ихъ понимать ихъ недавнія несчастія. Такъ въ Римѣ они были главнымъ образомъ поражены порядкомъ и достоинствомъ въ частной жизни и дисциплиною и патріотизмомъ въ жизни общественной; эти добродѣтели были уже неизвѣстны грекамъ, и недостатокъ ихъ имѣлъ для нихъ очень роковыя послѣдствія; между тѣмъ римляне громко заявляли,

что они обязаны ими отчасти своей религіи. Полибій вполнѣ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Подобно большинству грековъ своего времени, онъ былъ далеко не вѣрующій человѣкъ, очень склонный не довѣрять набожности и подсмѣиваться надъ нею. Она казалась ему смѣшною въ тѣхъ бѣдныхъ людяхъ, «которые сразу останавливаются, увидя пробѣгающую ласочку, или отправляются совѣтоваться съ гадателемъ, если крыса изгрызетъ у нихъ мѣшокъ съ мукою [65])»; онъ находилъ ее опасною, когда она волнуетъ собою цѣлый народъ, представляя ему такія зрѣлища, какъ чувственныя возбужденія въ культѣ Адониса или кровавыя искупленія въ культѣ Цибелы, или повергая его въ безумства вакханалій. Чѣмъ болѣе онъ былъ склоненъ опасаться ея, тѣмъ удивительнѣе должно было ему казаться, какимъ образомъ можно было заставить такую безпорядочную силу поддерживать общественный порядокъ. Совершенно вѣрно, что религія такъ, какъ ее понимали римляне, прикасаясь къ человѣку со всѣхъ сторонъ и охватывая всю его жизнь сѣтью строгихъ обрядностей, вносила въ эту самую жизнь болѣе порядка и степенности, внушала аккуратность и пріучала къ повиновенію. Видя насмѣшливое или резонерское равнодушіе своихъ соотечественниковъ и безпорядочные восторги своихъ азіатскихъ сосѣдей, греческіе мудрецы и ученые были столько-же удивлены, сколько обрадованы этимъ спокойнымъ и серьёзнымъ благочестіемъ, которое умѣетъ держаться въ указанныхъ границахъ и съ одинаковымъ стараніемъ избѣгаетъ какъ небрежности, такъ и преувеличеній. Въ этой религіи имъ, быть можетъ, болѣе всего нравилось именно то, что въ настоящее время рискуетъ болѣе всего не понравиться намъ. Такъ, напримѣръ, мы очень сожалѣемъ, что ее лишили свободы и подвергнули игу мелочнаго формализма; напротивъ того, они, зная въ какія крайности она бросается, будучи предоставлена себѣ самой, очень хвалили государственную власть за то, что та не дала ей полной воли и управляетъ ею по-своему. Эти люди, которые никогда не умѣли управлять собою, и для которыхъ религія слишкомъ часто была только поводомъ къ большимъ безпорядкамъ, не могли достаточно налюбоваться, видя, что ее обратили въ средство управленія государствомъ. Потому римская религія казалась имъ самымъ своеобразнымъ созданіемъ этого практическаго и разсудительнаго народа, которое съумѣло подчинить дисциплинѣ всѣ силы человѣка, даже

---

65) Ѳеофрастъ. *Суевѣръ*.

самыя безпорядочныя и мятежныя, и обратить ихъ къ одной только цѣли—къ величію государства.

Они находили въ ней еще другія преимущества, казавшіяся имъ не менѣе драгоцѣнными, когда они разсматривали ихъ поближе: она казалась имъ болѣе нравственною, чѣмъ религія грековъ. Счастливый случай сохранилъ намъ самый древній римскій календарь [66]); онъ содержитъ въ себѣ почти исключительно одни полевые праздники. Слѣдовательно, вначалѣ этотъ культъ имѣлъ вполнѣ сельскій характеръ и, несмотря на измѣненія, которымъ подвергался, долгое время сохранялъ черты своей первоначальной простоты. Греки, посѣщавшіе Римъ въ эпоху Августа, очень удивлялись, видя, что богамъ предлагались на деревянныхъ столахъ обѣды, состоявшіе лишь изъ нѣсколькихъ мучныхъ пироговъ, и что для возліяній употреблялись не золотые и серебряные сосуды, а простыя глиняныя чаши [67]). Даже Отцы Церкви, удивлявшіеся тому, что Нума запретилъ кровавыя жертвы, хвалятъ его за то, что онъ основалъ честную религію (*frugi religio*) [68]). Подобныя похвалы, воздававшіяся ей людьми равнодушными или врагами, оправдывали вѣрующихъ въ томъ, что они видѣли въ ней школу добродѣтелей. Полибій, изучавшій ее въ то время, когда она пользовалась могуществомъ и уваженіемъ, приписываетъ ей большое вліяніе на общественную нравственность. По его мнѣнію, если въ Римѣ такъ мало воровъ, то это потому, что люди боятся боговъ. «У грековъ, говоритъ онъ,— если вы довѣрите одинъ талантъ тѣмъ, кто завѣдуетъ общественными суммами, то берите вы хоть десять поручительствъ, столько же обѣщаній и вдвое больше свидѣтелей, вы все-таки не заставите ихъ возвратить вамъ вашъ вкладъ. Напротивъ того, римлянамъ, которые въ качествѣ судей или провинціальныхъ правителей, располагаютъ иногда большими денежными суммами, для того, чтобы сохранять ненарушимую вѣрность, ничего больше не нужно, какъ религія клятвы». Боги римлянъ, подобно всѣмъ богамъ древней религіи, служатъ вначалѣ простыми олицетвореніями силъ физической природы, но въ то же время они и нѣчто другое. У нихъ двойной видъ, какъ у стариннаго Януса; разнуздывая стихіи и управляя вселенной, они въ то же время сильно заняты управленіемъ и благоустройствомъ человѣческой жизни; они берутъ на себя заботу награждать или нака-

---

[66]) Діон. Галик., *Antiq. Rom.*, II, 9.

[67]) Тертулл., *Apolog.* XXV.

[68]) XXV, 56.

зывать людей по заслугамъ, они дѣлаются защитниками справедливости и права, и вскорѣ обязанности, выполняемыя ими на землѣ, становятся для нихъ важнѣе тѣхъ, которыя имъ приписываютъ на небѣ. Ни одинъ древній народъ, въ своемъ способѣ пониманія божества, не перешелъ такъ быстро отъ физическихъ концепцій къ моральнымъ. Юпитеръ—отецъ дня (*Diespiter*), блестящій и ясный богъ неба; его тотчасъ-же превращаютъ въ представителя справедливости. Его имя призываютъ въ клятвахъ и договорахъ, къ нему обращается священный герольдъ, отправляясь требовать справедливости во имя римскаго народа. Его не называютъ, подобно великому божеству грековъ, отцомъ боговъ и людей, но милосерднѣйшимъ и величайшимъ (*Jupiter optimus maximus*), и подъ этимъ именемъ его призываютъ въ Капитоліи уже со временъ Тарквинія, когда никакая философія не указала еще римлянамъ истинныхъ качествъ боговъ [69]). Веста, олицетворяющая собою всечистительный огонь, дѣлается сама богинею чистоты. Ей посвящаютъ невинныхъ дѣвушекъ, которымъ даютъ ея имя, и жрицамъ, обрекающимъ себя ея служенію, строго предписывается закономъ «быть наинепорочнѣйшими между непорочными, наичистѣйшими между чистыми». Ни одинъ культъ не создалъ столькихъ боговъ, покровительствующихъ дому, какъ римскій,—у него есть свои Геніи, свои Лары, Пенаты, пользующіеся одинакимъ почитаніемъ какъ у бѣдняка, такъ и у богача; хотя у нихъ почти сходныя обязанности, но ни одинъ изъ нихъ не вредитъ другому; римлянамъ хочется имѣть какъ можно болѣе защитниковъ домашняго очага. Это подлинно религія домашней жизни и семейства. Хотя этотъ Олимпъ менѣе блестящъ и менѣе величественъ, чѣмъ у грековъ, но онъ ближе къ человѣку, онъ какъ-бы для него и созданъ и болѣе подходитъ къ его нравственной жизни. Одинъ современный критикъ справедливо примѣняетъ къ римской религіи то, что сказалъ Цицеронъ о философіи Сократа: и она также «свела божество съ неба, утвердила его на землѣ, ввела даже въ дома и заставила благоустроить жизнь и нравы людскіе [70])·»

Понятно, что на это достоинство смотрѣли тогда, какъ на самое важное изъ всѣхъ. Съ тѣхъ поръ какъ Греція состарѣлась, религія ея не могла ее больше удовлетворять. Послѣ только что со-

---

[69]) Преллеръ, *Römische Mythol.*, стр. 218. Целлеръ, *Religion und Philos. bei den Römern*, стр. 6.

[70]) Цицер., *Tusc.*, 4. Прейнеръ, *Hestia-Vesta*, стр. 369.

вершившагося въ ней великаго философскаго движенія ей трудно было бы удовлетворяться вѣрованіями своихъ первыхъ лѣтъ. Между просвѣщенными людьми нѣкоторые сдѣлались окончательно нечестивыми, а большинство нерѣшительно колебалось между безвѣріемъ и равнодушіемъ; остальные были или робкіе люди, не дерзавшіе отказаться отъ своихъ прежнихъ понятій, или консерваторы, смотрѣвшіе на религію, какъ на такую силу, безъ которой государству очень трудно обойтись, или такіе, которые по внушенію ума или сердца желали оставаться вѣрными культу своихъ праотцевъ; но и они, несмотря на все свое желаніе, не могли иногда не чувствовать себя стѣсненными. Такимъ людямъ римская религія показалась особенно восхитительною, и надо сознаться, что она была именно такъ создана, чтобы нравиться имъ. Они не только высоко цѣнили ея хорошія стороны, но, къ ея счастію, самые недостатки ея считались въ то время достоинствами; такъ, напримѣръ, она извлекла совсѣмъ неожиданную пользу изъ той сухости и бѣдности, въ которой ее упрекаютъ въ наше время. Съ тѣхъ поръ, какъ греки сдѣлались менѣе наивны и болѣе разсудительны, прекрасныя легенды, такъ чудно вдохновлявшія собою греческую поэзію, стали для нихъ большимъ затрудненіемъ. Смыслъ старинныхъ миѳовъ, объяснявшихъ сотвореніе живыхъ существъ и плодородіе земли посредствомъ брачнаго союза неба съ землею, былъ утраченъ. Теперь это были не болѣе, какъ легкомысленные разсказы, скандализовавшіе собою людей серьёзныхъ и потѣшавшіе насмѣшниковъ. Римская религія, не умѣвшая создавать легендъ, находилась въ безопасности отъ подобныхъ упрековъ; ея безплодность была ей поставлена въ большую заслугу. Діонисій Галикарнасскій съ удивленіемъ замѣчаетъ, «что у римлянъ не разсказывается о томъ, будто Уранъ былъ изувѣченъ своими сыновьями, будто Сатурнъ пожиралъ своихъ дѣтей изъ опасенія, чтобы они не свергли его съ престола, и будто Юпитеръ, въ свою очередь, изгналъ Сатурна изъ его царства и заключилъ его въ темницы Тартара [71]». Сами латинскіе поэты, которымъ слѣдовало бы поснисходительнѣе относиться къ этимъ древнимъ повѣствованіямъ, считаютъ своею обязанностью изъ патріотизма поздравлять свою страну съ тѣмъ, что у нея нѣтъ баснословныхъ исторій. «Наши поля, говоритъ Виргилій въ своей похвалѣ Италіи,—не были вспаханы быками, выдыхавшими пламя изъ ноздрей; ихъ никогда не засѣвали зубами чудовищной

---

71) *Ant. Rom.* II, 23.

гидры, и никогда изъ нашей почвы не выростала внезапно жатва воиновъ съ шлемами и копьями [72])»; а Проперцій, противопоставляя Римъ тѣмъ небольшимъ греческимъ городамъ, которые такъ гордились своими миѳологическими воспоминаніями, говоритъ ему: «ты, по крайней мѣрѣ, не имѣешь въ своемъ прошедшемъ ничего такого, отъ чего могла бы покраснѣть твоя исторія [73])». Не менѣе полезнымъ оказалось для римской религіи и то, что она не установила никакихъ догматовъ и состояла изъ одной только обрядовой стороны; этимъ несовершенствомъ ея воспользовалась свобода совѣсти. Стоило только точно выполнять всѣ правила національнаго культа, уважаемаго за свою древность, и тогда о богахъ можно было думать все, что угодно; этимъ дозволеніемъ римляне пользовались безъ всякихъ душевныхъ колебаній. Именно въ это самое время было много такихъ добрыхъ душъ, которыя, несмотря на соблазнъ, привлекавшій ихъ къ философіи, колебались слишкомъ открыто отступиться отъ народныхъ вѣрованій. Для того, чтобы избѣжать внутреннихъ мукъ и политическихъ волненій, сопровождающихъ обыкновенно подобные разрывы, они искали какого-нибудь способа, — согласить древнія вѣрованія съ новыми ученіями. Римская религія явилась тѣмъ способомъ, который всего охотнѣе пошелъ на подобныя мировыя сдѣлки. Первымъ условіемъ соглашенія съ нею было то, чтобы она признала единство Бога, къ чему она была достаточно расположена: ея политеизмъ, казавшійся намъ такимъ несовершеннымъ и неопредѣленнымъ, легче всякаго другаго дозволялъ привести себя къ монотеизму. Такъ какъ римляне долго противились дать своимъ богамъ опредѣленную форму и индивидуальное существованіе, — изъ этого вышло то, что ихъ было потомъ гораздо легче соединить и сгруппировать вмѣстѣ. Существа живыя, опредѣленныя и разнообразныя долѣе сопротивлялись бы подобному смѣшенію; но римскіе боги, не имѣвшіе ни исторіи, ни точно опредѣленнаго образа, спокойно поддались ему. Такъ какъ это были не дѣйствительныя лица, а лишь божественныя проявленія (*numina*), то ничего не стоило соединять эти проявленія по нѣскольку разомъ и относить ихъ къ тому самому богу, который нѣкогда получилъ различныя названія, потому только что дѣйствовалъ различными способами. Вотъ какимъ образомъ, заставляя боговъ возвращаться одинъ

---

[72]) *Georg.*, II, 140.
[73]) III, 22, 20.

въ другаго и разсматривая ихъ просто какъ качества и наименованія одного и того же божества, удалось безъ особыхъ усилій возстановить божественное единство. На этомъ пунктѣ и еще на многихъ другихъ, которые будутъ указаны ниже, римская религія могла, не слишкомъ измѣняя свою сущность, почти примириться съ философіей. Она имѣла то преимущество, что не совсѣмъ противилась успѣхамъ, которые совершилъ въ то время человѣческій умъ. Благоразумные и умѣренные люди, желавшіе остаться вѣрными культу своей страны, не слишкомъ насилуя въ то же время свой разсудокъ, чувствовали себя при ней нѣсколько менѣе стѣсненными, чѣмъ при другихъ, и поэтому провозгласили ее выше всѣхъ прочихъ религій.

Всѣ эти причины объясняютъ намъ, почему ей расточали всего болѣе похвалъ не истинно-набожные, но государственные и даже невѣрующіе люди. Мало писателей говорили о ней лучше, чѣмъ Цицеронъ, который между тѣмъ не вѣрилъ ей: «Если мы сравнимъ, говоритъ онъ,—римскій народъ съ другими націями, то увидимъ, что во всемъ остальномъ онѣ равны ему или даже превосходятъ его: но онъ лучше ихъ по тому поклоненію, которое воздаетъ богамъ [74])»; и въ другомъ мѣстѣ: «Религіею мы и побѣдили міръ [75])». Это мнѣніе, распространяемое скептиками, т. е. единственными людьми, имѣвшими хоть какой-нибудь интересъ оспоривать его, было всюду принято безъ возраженій; какъ греки, такъ и римляне соглашались съ тѣмъ, что Римъ самый благочестивый во всемъ мірѣ городъ [76]), что его благочестіе возвышаетъ его въ глазахъ боговъ и людей [77]), и наконецъ, что ему именно онъ обязанъ своимъ величіемъ и своими побѣдами. Этотъ предразсудокъ пріобрѣлъ такую силу, что сдѣлался впослѣдствіи важнымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства, такъ что отцы церкви часто находили себя вынужденными бороться съ нимъ [78]).

---

74) *De nat. deor.*, II, 2.

75) De *har. resp.*, 9.

76) Саллюстій, *Cat.*, 12: *Majores nostri religiosissumi martales* *).

77) Виргилій, *Aen.* XII, 839: *Supra homines, supreire deos pietate videbis.*

78) См. особ. Пруденц., *contra Symm.*, II, 520.

---

*) Предки наши—благочестивѣйшіе люди.

**) Ты увидишь, что онъ (будущій родъ) своимъ благочестіемъ станетъ выше людей, выше боговъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Римская религія въ концѣ республики.

Римская религія измѣняется при республикѣ.—Причина претерпѣваемыхъ ею измѣненій: ея смѣшеніе съ греческой религіей.—Равнодушіе или враждебность плебеевъ.—Нападки поэтовъ.—Результатъ этихъ нападокъ.

Главныя качества римской религіи, только что указанныя нами, прочно сохранялись въ ней во все продолженіе ея существованія. За все это время она болѣе дорожила обрядовою частью, нежели самыми вѣрованіями, и занималась преимущественно установленіемъ внѣшнихъ формъ благочестія. Она постоянно требовала мелочнаго уваженія къ обрядамъ, болѣе заботилась о томъ, чтобы успокоивать души, чѣмъ воспламенять ихъ, любила правильность и порядокъ, во всемъ старалась отыскивать пользу, и подчинила себя государству. Потому такіе поверхностные наблюдатели, какъ Діонисій Галикарнасскій, находя въ ней постоянно почти одинъ и тотъ же внѣшній видъ, вообразили себѣ, будто она никогда не измѣнялась. Она сама любила льстить себя мыслью, что она неподвижна и вѣчна, какъ тотъ Капитолійскій холмъ, на которомъ возвышалось ея главное святилище. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что со временъ царей до времени императоровъ, она подвергалась многочисленнымъ и глубокимъ перемѣнамъ. Такъ, еще въ очень отдаленную эпоху, совершилось сліяніе римскихъ боговъ съ греческими, и эти двѣ религіи до такой степени перемѣшались между собою, что въ настоящее время ихъ очень трудно отдѣлить одну отъ другой. Мнѣ кажется, — нигдѣ не было примѣра, чтобы такая важная перемѣна совершилась такъ тихо и встрѣтила такое незначительное сопротивленіе; этой перемѣнѣ страннымъ образомъ благопріятствовалъ самый характеръ римской религіи: мы видѣли, что у нея вовсе не было догматовъ и очень мало легендъ, и что боги ея, не имѣвшіе ни исторіи, ни ясныхъ образовъ, были не

болѣе какъ отвлеченныя понятія. Греческимъ баснямъ не пришлось ничего вытѣснять для того, чтобы утвердиться въ Римѣ: онѣ встрѣтили передъ собою одну пустоту и могли занять ее почти незамѣтно. Безъ всякаго шума овладѣли онѣ порожнимъ пространствомъ, отыскивая въ своихъ легендахъ основаніе обрядовъ, не имѣвшихъ, повидимому, никакого смысла; объясняя какимъ-нибудь изъ своихъ миѳовъ старинный обычай, происхожденіе котораго было уже утрачено, и соединяя между собою всѣ отдѣльныя божества узами привязанности или родства. Повидимому, ни что не измѣнилось: жреческіе списки продолжали обходить молчаніемъ новыя басни, а боги сохраняли свои древнія названія и пользовались прежнимъ почетомъ; но если эта древняя религія не измѣнилась во внѣшности, зато она возродилась съизнова, благодаря проникновенію въ нее греческой миѳологіи.

Вскорѣ ей пришлось подвергнуться еще другимъ нападеніямъ. Невозможно было, чтобы наивная вѣра первоначальныхъ лѣтъ не ослабѣла съ теченіемъ времени; вѣра плебеевъ болѣе всего рисковала быстро охладѣть. Сначала въ религіи имъ было такъ же мало мѣста, какъ и въ городѣ; они не только не имѣли доступа къ жреческому званію, но были формально лишены права участвовать въ общественномъ богослуженіи; они могли молиться отечественнымъ богамъ только у себя дома, въ своей семьѣ [1]. Въ той продолжительной борьбѣ, какую они вели для того, чтобы завоевать себѣ гражданскую равноправность, ихъ противники пользовались чаще всего религіей, какъ оружіемъ противъ нихъ. Всякій разъ, какъ голосовался какой-нибудь народный законъ, являлся авгуръ и возвѣщалъ, что въ небѣ показались неблагопріятные знаки, послѣ чего собраніе должно было, по закону, разойтись. Когда плебеи обращались съ ходатайствомъ о допущеніи ихъ къ общественнымъ должностямъ, имъ обыкновенно съ пренебреженіемъ отвѣчали: «Какъ же вы можете сдѣлаться преторами или консулами? Вы не имѣете права обращаться къ авспиціямъ, *auspicia non habetis*»; а такъ какъ ни одно должностное лицо не предпринимало ничего, не посовѣтовавшись съ ними, то, слѣдовательно, ни одинъ плебей и не могъ занимать общественной должности. Понятно, что на-

---

[1] На это намекаетъ консулъ Децій, говоря: *Deorum magis quam nostra causa expetimus ut quos privatim colimus publice colamus* *. Титъ Ливій, X, 7.

---

*) Не столько для себя, сколько для боговъ, мы желаемъ публично обожать тѣхъ, кого обожаемъ частнымъ образомъ.

родъ не могъ сильно привязаться къ религіи, которая его такъ дерзко отталкивала и въ то же время такъ любезно снабжала противъ него оружіемъ его враговъ. Потому замѣчено, что тѣ плебеи, которые защищали ея интересы, были дурно расположены къ ней. Въ разсказѣ благочестиваго Тита Ливія о второй пунической войнѣ мы видимъ, что всякій разъ, какъ плебеи берутъ верхъ, религія недовольна ихъ тріумфами. Народные консулы постоянно оказываются чѣмъ-нибудь виноватыми противъ нея: то они не послушались божескихъ предувѣдомленій, то опустили нужныя жертвоприношенія и очистительные обряды. Правда, что послѣ ихъ пораженія снова беретъ верхъ аристократія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживляется и религіозный духъ. Патрицій Фабій торжественно провозглашаетъ, «что надо приписывать несчастіе при Тразименѣ не столько невѣжеству и безразсудству консула, сколько его незнанію церемоній и авспицій», и послѣ того заставляетъ весь городъ до утомленія и всѣми способами обращаться съ молитвою къ богамъ [2]. Народъ, уже обладавшій гражданскою равноправностію, завоевалъ себѣ въ это время и религіозную равноправность; онъ получилъ доступъ ко всѣмъ важнымъ духовнымъ должностямъ. Впослѣдствіи онъ настоялъ еще на томъ, чтобы древняя форма выборовъ, называемыхъ *cooptatio*, по которой сами жрецы избирали себѣ сослуживцевъ, была почти повсюду замѣнена народными выборами. Даже самый выборъ верховнаго жреца былъ предоставленъ трибутнымъ комиціямъ. Это послужило новою причиною упадка для римской религіи. Съ тѣхъ поръ, какъ выборъ жрецовъ былъ предоставленъ капризамъ толпы и соискательству партій, не всегда стали заботиться о томъ, чтобы выбирать наиболѣе достойныхъ и способныхъ, а отдавали предпочтеніе самымъ вліятельнымъ и самымъ ловкимъ. Съ этихъ поръ преданія окончательно исказились, къ церемоніямъ стали относиться небрежно, и религіозный духъ утратился. Духовенство, выбирающее само себя и огражденное отъ внѣшнихъ вліяній, оказало бы энергическое сопротивленіе опаснымъ нововведеніямъ и упорно отстаивало бы древнія учрежденія; между тѣмъ какъ жрецы, поглощенные свѣтскими интересами и политическимъ самолюбіемъ, могли быть только или довольно равнодушными защитниками, или скрытными врагами этихъ учрежденій.

Напротивъ того, у патриціевъ было много причинъ для того, чтобы оставаться вѣрными старой религіи: она дозволяла имъ заяв-

---

[2] Титъ Ливій, XXII, 9.

лять свои требованія, освящала ихъ преимущества и была какъ бы исключительно для нихъ создана; потому она дольше всего сохранялась во всей своей чистотѣ именно у нихъ. Такія корпораціи, въ которыхъ они господствовали безраздѣльно, какъ, напримѣръ, Арвальское братство, до самаго конца оставались прочно привязанными къ древнимъ обрядамъ; въ то время, когда какой-нибудь старинный обычай былъ уже всѣми позабытъ, онъ сохранялся въ знатныхъ семействахъ. [3]) Но и для патриціевъ существовала причина, долженствовавшая привести ихъ подконецъ къ забвенію народныхъ преданій; она заключалась въ томъ постоянно возроставшемъ пристрастіи, какое аристократія питала къ искусствамъ и наукамъ Греціи. Со времени пуническихъ войнъ знатные люди начали читать греческихъ авторовъ. Они восхищались Гомеромъ и трагиками, сначала въ очень несовершенныхъ переводахъ, а потомъ во всемъ величіи подлинника; впослѣдствіи имъ дали познакомиться съ ораторами и философами; «къ намъ проникъ, говоритъ Цицеронъ,— не слабый ручей, но широкій потокъ идей и знаній». [4]) Въ половинѣ VI вѣка (отъ основанія Рима) «быстрокрылая Муза явилась посѣтить дикую націю Ромула». [5]) Латинская литература началась подъ покровительствомъ аристократіи и съ помощью ея. Сперва она была лишь слабымъ отраженіемъ греческой; такъ какъ она возникла изъ подражанія, то ей остался неизвѣстнымъ тотъ періодъ наивной вѣры, который переживаетъ сначала всякая свободно и самостоятельно возникнувшая и развивающаяся литература. Уже съ первыхъ своихъ шаговъ она сообразовалась съ устарѣвшими образцами, а потому у нея не было молодости. Она начала съ театра, между тѣмъ какъ театръ былъ послѣднею формою искусства, придуманною греками, и больше всего требовавшею размышленія и знаній; и тотъ греческій трагикъ, которому она всего охотнѣе подражала, былъ самый недавній изъ всѣхъ,—Эврипидъ, философъ, скептикъ, резонеръ, послѣднее порожденіе утомленной музы. Дѣйствительно, странное зрѣлище представляетъ намъ собою эта литература: мы видимъ, что она начинаетъ съ того, чѣмъ другія оканчиваютъ; несмотря на ея неопытность, мы находимъ въ ней очень мало наивности, и подчасъ встрѣчаемъ наряду съ невѣрными шагами ребенка разочарованную разсудительность

---

[3]) Валер. Макс., I, 5, 4.

[4]) *De Rep.*, II, 19.

[5]) Авл. Гел., XVII, 21, 45.

старика. Первый сохранившйся отъ нея поэтъ—комикъ Плавтъ; его нельзя назвать положительно невѣрующимъ человѣкомъ, но онъ совершенно равнодушенъ къ религіи и не смущается никакими затрудненіями со стороны совѣсти, если дѣло идетъ о томъ, чтобы потѣшить своихъ зрителей. Онъ не колеблется пародировать въ самыхъ пустыхъ случаяхъ наиболѣе уважаемыя формулы римской религіи. «Предзнаменовенія благопріятны, говоритъ у него одинъ рабъ, собирающійся совершить дурное дѣло,—дятелъ и ворона летятъ на лѣво, воронъ летитъ на право: боги одобряютъ мое предпріятіе». [6]) Всѣ выводимые имъ на сцену негодяи, прежде чѣмъ начать свои подвиги, призываютъ на себя божественное покровительство и съ приличною для религіи серьёзностью выражаются такъ: «Пусть то, что я собираюсь сдѣлать, принесетъ мнѣ пользу, счастіе и выгоду». Получивъ успѣхъ, они благодарятъ боговъ въ такой торжественной и загроможденной безполезными словами молитвѣ, какую только жрецъ могъ бы подсказать побѣдившему военачальнику: «Юпитеръ, богатый, славный, могущественный, почитаемый богъ, сынъ Опса, господинъ людей, приношу тебѣ благодарность за тотъ даръ, за то счастіе, за то богатство, которыми ты меня осыпалъ». [7]) Подобныя шутки кажутся намъ слишкомъ сильными, но Энній былъ еще смѣлѣе. Плавтъ былъ просто равнодушный къ религіи человѣкъ, искавшій только случая посмѣяться; Энній—рѣшительный скептикъ, обдуманно заявляющій о своемъ невѣріи. Первый писалъ для простой публики, которую уже начинали забавлять насмѣшки надъ богами и надъ ихъ духовенствомъ; другой заботится преимущественно о томъ кружкѣ знатныхъ людей, надъ которыми поставилъ себя господиномъ и которые, по его мнѣнію, превращены имъ въ совершенныхъ грековъ. [8]) Онъ открываетъ своимъ ученикамъ сокровища Греціи, и тѣ жадно наслаждаются ими и хотятъ все узнать; даже философскія умозрѣнія относительно природы боговъ, происхожденія миѳовъ и смысла легендъ, какъ они ни мудрены и ни смѣлы для нихъ, тѣмъ не менѣе подстрекаютъ ихъ любопытство. Для того, чтобы сдѣлать имъ пріятное, Энній перевелъ *Священную Исторію* Эвгемера, въ которой доказывалось, что всѣ боги были первоначально людьми; онъ перевелъ также поэму, приписываемую Эпихарму, который изображалъ ихъ просто физическими аллего-

6) *Asin.*, II, 1, 11.

7) *Persa*, II, 3, 1.

8) *Ann.* XI, 2 (изд. Валэна:) *Contendunt Graecos, Graios memorare solent suos.*

ріями. Невѣрующіе могли выбирать между этими двумя объясненіями и вѣрить, чему угодно: или, что Юпитеръ нечто иное, какъ эфиръ, т.-е. самая тонкая и лучшая часть воздуха, или что онъ былъ въ старину царемъ Крита и при жизни своей навелъ такой страхъ на своихъ подданныхъ и на враговъ, что тѣ послѣ его смерти помѣстили его на небо. Весьма вѣроятно, что изъ этихъ двухъ мнѣній Энній высказывался за послѣднее; [9]) это былъ вольнодумецъ, который въ своихъ трагедіяхъ не стѣснялся неуважительно относиться къ богамъ. Такъ, напримѣръ, онъ изображаетъ въ одной изъ нихъ человѣка, который не можетъ похвалиться судьбою и отрицаетъ Провидѣніе, находя, что оно поступило съ нимъ не по заслугамъ. «Я вѣрю тому, что на небѣ есть боги, говоритъ онъ,— и буду это всегда утверждать; но я положительно говорю, что они не занимаются родомъ человѣческимъ, потому что если бы они занимались имъ, то добрые были бы счастливы, а злые несчастны; между тѣмъ это бываетъ наоборотъ»; [10]) Цицеронъ прибавляетъ, что такія эпикурейскія правила, разрушавшія собою всякую религію, выслушивались въ театрѣ съ единодушными рукоплесканіями. [11])

Невольно спрашиваешь себя, какимъ образомъ римскія власти, такъ бдительно охранявшія всегда общественный порядокъ и столько заботившіяся о поддержаніи древнихъ учрежденій, допускали, чтобы поэтъ осмѣливался говорить подобныя вещи передъ собравшимся народомъ: Можетъ быть, театръ казался имъ слишкомъ ничтожной забавою, и онѣ не придавали никакого значенія тому, что могло на немъ говориться. Онѣ еще не узнали изъ опыта, что литература вырабатываетъ изъ себя постепенно общественное мнѣніе; онѣ не подозрѣвали, что эти правила, не имѣвшія, по ихъ мнѣнію, никакого важнаго значенія, потому что произносились на театрѣ и исходили изъ устъ актера, будучи жадно выслушаны народомъ и запечатлѣвшись въ его памяти, сдѣлаются подконецъ руководителями его вѣрованій и нравовъ. Между тѣмъ онѣ запретили въ частности затрогивать на сценѣ гражданъ, и судъ приговорилъ къ наказанію одного актера, который позволилъ себѣ назвать по имени поэта Аттія; [12]) но онѣ не считали себя обязан-

---

[9]) Цицеронъ намекаетъ на это говоря: (*Evhemerus*), *quem noster et interpretatus et secutus est Ennius* *). *De nat. deor.* 1, 42.

[10]) Энній, *Telamo* (Риббекъ, стр. 44).

[11]) *De div.*, II, 50.

[12]) *Rhet. ad Herenn.*, II, 13.

---

*) Эвгемеръ, котораго нашъ Энній былъ и толкователемъ и послѣдователемъ

ными быть настолько же внимательны къ богамъ. Вѣроятно, онѣ говорили себѣ, что тѣ боги, о которыхъ упоминается въ комедіяхъ, заимствованныхъ у грековъ, греческіе боги, и считали излишнимъ заставлять уважать ихъ на римской сценѣ. Что въ этомъ именно заключалась главная причина ихъ снисходительности, доказываетъ то обстоятельство, что въ піэсахъ съ римскимъ сюжетомъ съ религіей не обходились такъ легкомысленно. Въ нѣсколькихъ отрывкахъ, которые остались намъ отъ комедій, сочиненныхъ о Павлѣ Эмиліи и о Деціи, находятся отдѣльныя изреченія изъ молитвъ; эти молитвы полны степенной важности и глубокаго чувства. [13]) Въ комедіи Аттія, *Брутъ*, представленъ Тарквиній, совѣтующійся съ гадателями о тревожащемъ его снѣ. Несчастные гадатели, которыхъ всюду такъ осмѣиваютъ, служатъ здѣсь предметомъ величайшаго уваженія; Тарквиній обращается къ нимъ очень почтительно, и они отвѣчаютъ ему серьёзно и торжественно, какъ люди, понимающіе свою важность. [14]) Ясно видно, что это не греческіе, а римскіе гадатели, и что составители комедій не считаютъ себя въ правѣ насмѣхаться надъ ними. Во всякомъ случаѣ власти давали большую ошибку допуская подобную разницу и дозволяя актерамъ, одѣтымъ въ палліумъ, то, что было запрещено актерамъ, носившимъ тогу. Въ подобныя минуты нельзя было отличить римскихъ боговъ отъ греческихъ, и удары, направленные противъ однихъ, попадали и въ другихъ. Хотя выставленный въ *Амфитріонѣ* Юпитеръ, занимающійся любовными похожденіями и восхваляемый за это поблажчикомъ Меркуріемъ, конечно, не кто иной, какъ Зевсъ греческихъ поэтовъ, но толпа уже съ давнихъ поръ привыкла смѣшивать его съ главнымъ божествомъ латинянъ; оба носили одинаковое имя и отправляли почти одинаковыя обязанности; очень естественно, что народъ не ставилъ между ними никакой разницы и приписывалъ проказы Кроносова сына милосерднѣйшему и величайшему капитолійскому богу.

Что литтература и театръ не остались безъ вліянія на скептицизмъ послѣднихъ годовъ республики, ясно доказывается тѣмъ, что тѣ именно учрежденія поколебались всего болѣе, на которыя всего сильнѣе нападали поэты. Катонъ утверждалъ, что въ его время два гаруспиція не могли безъ смѣха взглянуть другъ другу въ глаза, и даже сознавался, что такое древнее и почтенное учрежде-

---

[13]) Пакув., *Paulus*, I. Аттій, *Decius*. 4 (Риббекъ, стр. 236 и 237).

[14]) Риббекъ, стр 238.

ніе, какъ должность авгуровъ, находилось уже въ упадкѣ [15]). На гадателей и знахарей всего охотнѣе нападалъ римскій театръ. Ихъ называютъ лѣнивцами и безумцами, слѣпцами, которые сами не умѣютъ ходить, а между тѣмъ хотятъ указывать дорогу другимъ, презрѣнными, которые обѣщаютъ вамъ сокровища и занимаютъ у васъ драхму, ворами, которые требуютъ денегъ и даютъ въ замѣнъ ихъ одни слова [16]). Смѣяться надъ ними сдѣлалось своего рода принятымъ обыкновеніемъ даже въ трагедіяхъ, гдѣ насмѣшка вовсе не умѣстна. Видя, въ какой упадокъ пришло искусство авгуровъ къ концу республики, имѣешь полное право думать, что оскорбленія, расточавшіяся греческимъ знахарямъ, заставили народъ потерять уваженіе и къ римскимъ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, Энній познакомилъ римлянъ съ произведеніями Эвгемера и Эпихарма, въ которыхъ авторы пытались объяснить древніе миѳы и придать имъ смыслъ, искажая ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти книги были хорошо приняты любопытными; это доказывается тѣмъ, что почти въ то же самое время одинъ человѣкъ, вѣроятно, прочитавшій Эннія, и, можетъ быть, даже одинъ изъ его учениковъ, вздумалъ приложить такой же способъ объясненія къ римской религіи. Зная, что въ Римѣ не любятъ новизны, онъ вздумалъ придать болѣе важности своему произведенію, приписавъ его древнѣйшему и наиболѣе уважаемому религіозному законодателю Рима. Въ 572 году отъ осн. Рима одинъ писецъ нашелъ у себя въ полѣ два каменныхъ сундука; крышки ихъ были запечатаны свинцомъ, а сами они были покрыты греческими и латинскими надписями; въ этихъ надписяхъ говорилось, что одинъ изъ сундуковъ есть гробница Нумы Помпилія, сына Помпо, а другой содержитъ въ себѣ его труды. Открыли первый и нашли его пустымъ: время успѣло уничтожить остатки древняго царя. Въ другомъ оказались двѣ, аккуратно сложенныя, связки, заключавшія каждая по семи книгъ. Однѣ изъ нихъ были написаны по-латини, и въ нихъ разсуждалось о жреческомъ правѣ; другія, написанныя по-гречески, заключали въ себѣ философскія толкованія на сочиненія Нумы. Это открытіе надѣлало большаго шума, и книги жадно читались, какъ вдругъ одинъ преторъ заявилъ сенату, что онѣ содержатъ въ себѣ начала, противныя народной религіи и могутъ повредить ей. Сенатъ распорядился сжечь

---

[15]) Цицер., *De divin.*, I, 15.

[16]) Риббекъ, стр 44 и 132. Въ послѣднемъ мѣстѣ осмѣиваемые гадатели называются *авгурами*, подобно римскимъ.

ихъ на форумѣ, въ присутствіи народа[17]). Книги эти были, очевидно, подложныя; историки говорятъ, что онѣ казались совершенно новыми, и что поддѣльщикъ самъ себя выдалъ, употребивъ для ихъ написанія такой непрочный матеріалъ, какъ бумагу. Онѣ были произведеніемъ неизвѣстнаго реформатора, желавшаго поставить римскую религію на новый путь и хоть какъ-нибудь согласить ее съ философіей. За пять лѣтъ передъ тѣмъ сенатъ открылъ общество вакханалій и подвергнулъ членовъ его наказанію; болѣе семи тысячъ человѣкъ обвинялись въ томъ, что принимали участіе въ тайномъ поклоненіи Вакху, занесенномъ изъ Этруріи, которое сама Этрурія заимствовала у Греціи и Востока[18]). Зло было велико, но и подавленіе его было ужасно: болѣе половины виновныхъ подвергнулись смертной казни. Эти событія служатъ очевидными признаками того, что древняя религія не удовлетворяла уже ни образованныхъ людей, ни простой народъ, такъ какъ люди начали отыскивать въ другихъ мѣстахъ новыя вѣрованія и стали придумывать такія ученыя объясненія, которыя помогли бы имъ принимать древнія вѣрованія съ меньшимъ отвращеньемъ

II.

Попытки остановить упадокъ римской религіи. — Сципіонъ Эмиліанъ и его друзья.—Ихъ религіозныя мнѣнія. — Разница, устанавливаемая между человѣкомъ и гражданиномъ и между чувствами, которыя дозволяется имѣть въ частной жизни, и тѣми, которыя надо выражать въ жизни общественной. — Послѣдствія такого раздѣленія.—Религіозныя мнѣнія Цицерона.—Равнодушіе и безвѣріе римскаго общества къ концу республики.

Въ VI в. отъ осн. Рима упадокъ римской религіи сдѣлался очевиднымъ и необходимо долженъ былъ поражать и тревожить предусмотрительные умы; потому въ періодъ времени между Гракхами и Цезаремъ дѣлались серьёзныя попытки остановить его. Одна ученая школа, къ которой принадлежалъ Эллій Стилонъ и его знаменитый ученикъ Варронъ, съ терпѣніемъ и любовью трудилась надъ подробнымъ изученіемъ прошлой жизни этого древняго культа. Подобно тому, какъ во Франціи, въ эпоху реставраціи, желая возвратить къ христіанскимъ вѣрованіямъ людей равнодушныхъ, при-

---

17) Титъ Ливій, XL, 29. Плиній, *Hist. Nat.*, XIII, 13, (27).
18) Титъ Ливій, XXIX, 8.

нялись изучать средніе вѣка, такъ и въ Римѣ обратились теперь къ національнымъ древностямъ и преимущественно къ древностямъ религіознымъ. Думали, что, лучше узнавъ исторію этой религіи, къ ней станутъ относиться менѣе легкомысленно; надѣялись, что если будетъ объяснено происхожденіе и значеніе древнихъ обычаевъ и притомъ будетъ указано, что они почти всегда пробуждаютъ какое-нибудь патріотическое воспоминаніе, то эти обычаи станутъ пользоваться бо́льшимъ уваженіемъ. Для религій время служитъ вмѣстѣ и причиною ослабленія, и силою; состаривая вѣрованія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ имъ тотъ видъ древности, который всегда внушаетъ уваженіе. Эти попытки, дѣлаемыя съ различныхъ сторонъ и принимавшія различныя формы, имѣли, впрочемъ, одинъ общій характеръ: онѣ производились не столько набожными людьми, сколько политиками, и не столько въ интересахъ религіи, сколько государства. Въ настоящее время мы думаемъ, что для того, чтобы оживить вѣру въ другихъ, надо прежде всего имѣть ее самимъ; реформы, совершившіяся въ различныхъ христіанскихъ церквахъ, были произведены людьми благочестивыми и вѣрующими. Но у римлянъ люди, старавшіеся спасти религію отъ грозившей ей опасности, были прежде всего усердные патріоты, нисколько не хлопотавшіе о томъ, чтобы прослыть искренно вѣрующими людьми. Варронъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что о богахъ разсказываются нелѣпыя басни, что культъ, котораго онъ является защитникомъ, дурно сложенъ, и «что онъ иначе принялся бы за него, если бы его можно было передѣлать [19]»; но культъ этотъ существуетъ слишкомъ давно, государство создалось на немъ, такъ что, поколебавъ основу, можно опрокинуть то зданіе, которое она поддерживаетъ. Понятно, что защитники оффиціальнаго культа не могли требовать отъ другихъ болѣе того, чего они требовали отъ самихъ себя; потому они ограничивались тѣмъ, что совѣтовали соблюдать обряды, а что касается личныхъ вѣрованій, то законъ въ нихъ не вмѣшивался, и никто не имѣлъ права требовать въ нихъ отчета; при этомъ они, конечно, подразумѣвали, что и сами могутъ сохранять въ этомъ отношеніи полнѣйшую свободу.

Подобный образъ дѣйствія былъ уже не новъ въ Римѣ: къ такого рода сдѣлкамъ еще прежде прибѣгали окружавшіе втораго Сципіона Африканскаго. Мы знаемъ, что блестящій кружокъ политиковъ и ученыхъ, образовавшійся вокругъ завоевателя Карѳагена,

---

[19] Св. Август., *De civ. Dei*, IV, 31.

имѣлъ огромное вліяніе на римское общество VI вѣка. Въ этомъ кружкѣ находились люди самаго различнаго происхожденія и самыхъ различныхъ профессій: мы видимъ тамъ римлянъ и грековъ, философовъ, поэтовъ и историковъ на ряду съ государственными дѣятелями и свѣтскими людьми. Для того, чтобы люди, собравшіеся изъ такихъ отдаленныхъ пунктовъ, научились понимать другъ друга и могли свободно наслаждаться общественными удовольствіями, этимъ «величайшимъ благомъ человѣческой жизни», они обязаны допускать взаимныя уступки; въ ежедневныхъ сношеніяхъ противоположности уменьшаются и сглаживаются, и мнѣнія, казавшіяся сначала совершенно противорѣчащими другъ другу, находятъ средства примириться между собою. Надо при этомъ замѣтить, что тотъ знаменитый человѣкъ, который составлялъ центръ этого кружка, самъ отличался склонностью къ такимъ взаимнымъ соглашеніямъ и уступкамъ. Это была благоразумная и осторожная натура, не терпѣвшая никакихъ крайностей; въ политикѣ онъ старался не придерживаться никакихъ партій, находя мнѣнія всѣхъ ихъ слишкомъ преувеличенными, и относился съ одинаковою враждебностью какъ къ претензіямъ аристократовъ, къ которымъ, впрочемъ, принадлежалъ по рожденію и преданіямъ, такъ и къ предпріимчивому и мятежному духу демократіи [20]). Онъ страстно любилъ Грецію, но не думалъ, чтобы отъ нея надо было все заимствовать; онъ хотѣлъ подражать ей даже въ самыхъ лучшихъ вещахъ не иначе, какъ съ величайшею осторожностью, чтобы слишкомъ быстрымъ смѣшеніемъ не измѣнить высокихъ качествъ римскаго характера. Онъ берегъ для домашней уединенной жизни прелесть литературныхъ и философскихъ бесѣдъ. Только послѣ сенатскихъ засѣданій и собраній на форумѣ, желая отдохнуть отъ общественныхъ дѣлъ, онъ читалъ Ксенофонта, бесѣдовалъ съ Панеціемъ или Полибіемъ и слушалъ піэсы Теренція. Но, исполняя служебныя обязанности, возложенныя на него соотечественниками, онъ хотѣлъ быть только римляниномъ. Цензорство его было почти такъ же строго, какъ цензорство Катона, и ему представился даже случай закрыть школы танцованія и музыки. Будучи отъ природы кротокъ и человѣколюбивъ, онъ не поколебался, однако, сдѣлаться выполнителемъ мести Рима надъ ея стариннымъ соперникомъ. Правда, что онъ заплакалъ, увидѣвъ горящій Карѳагенъ, но въ ту минуту, какъ онъ проливалъ эти слезы, дѣлающія ему большую честь, городъ, по

---

20) Моммсенъ, *Римск. ист.*, кн. IV, гл. 2!.

словамъ Полибія, «былъ уже совершенно разрушенъ и уничтоженъ [21])».

Тотъ же самый духъ замѣчается въ отношеніяхъ Сципіона и его друзей къ ихъ родной религіи. Врядъ-ли она могла вполнѣ удовлетворять ихъ: ихъ учитель, философъ Панецій, былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ стоиковъ, которые не чувствовали расположенія къ народнымъ вѣрованіямъ, а ученики, вѣроятно, раздѣляли взгляды своего учителя. Одно изъ главнѣйшихъ лицъ этой группы, ужасный насмѣшникъ Люцилій, съ такою строгостью нападавшій на людей, не всегда щадилъ и боговъ. Онъ направлялъ иногда свои удары противъ «выдумокъ Фавновъ и Нумъ», т.-е. противъ національнаго культа, и насмѣхался надъ тѣми людьми, которые отправляли его съ излишней довѣрчивостью. «Они похожи, говорилъ онъ,—на маленькихъ дѣтей, которыя воображаютъ, будто всѣ бронзовыя статуи живыя существа, и принимаютъ ихъ за людей; и они также видятъ дѣйствительность въ чистыхъ фикціяхъ и предполагаютъ, что въ этихъ мѣдныхъ фигурахъ скрывается душа. Все это не болѣе, какъ изображенія живописцевъ—ложь и химера [22])»! Полибій—также совершенный вольнодумецъ. Ни одинъ историкъ не приписывалъ Провидѣнію такъ мало участія въ человѣческихъ дѣлахъ, какъ онъ; онъ желаетъ, чтобы къ нему прибѣгали въ такихъ лишь случаяхъ, которыхъ нельзя объяснить никакими разумными причинами, и сводитъ роль его къ тому, чтобы оно объясняло собою необъяснимыя иначе вещи [23]). Онъ смѣло говоритъ, что римская религія была придумана искусными политиками, и искренно поздравляетъ ихъ съ тѣмъ, что они нашли такое хорошее средство держать въ рукахъ народъ. «Если бы государство могло состоять изъ однихъ благоразумныхъ людей, подобное учрежденіе было бы безполезно; но такъ какъ толпа, по самой природѣ своей, непостоянна и склонна къ безпорядочнымъ увлеченіямъ и безумнымъ порывамъ гнѣва, то для того, чтобы господствовать надъ нею, поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ ужасамъ неизвѣстнаго и ко всѣмъ принадлежностямъ страшныхъ вымысловъ [24])».

---

[21]) Полибій, X X X I X, 3.

[22]) Люцилій, X X, 1.

[23]) X X X VII., 4.

[24]) VI, 56, λείπεται τοῖς αδήλοις φοβοις και τῆ ταί αυτη τραγῳδία τα πλήθη συνέχειν *).

---

*) Остается обуздывать народы страхомъ передъ неизвѣстнымъ и печальными объясненіями подобнаго рода.

Вотъ какъ, вѣроятно, думали вокругъ Сципіона, и можно безошибочно сказать, что въ стихахъ Люцилія и въ критическихъ оцѣнкахъ Полибія находятся слѣды тѣхъ разговоровъ, которые вели между собою эти умные люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ изъ нихъ, которые занимались общественными дѣлами, очень остерегались казаться равнодушными или насмѣшливыми въ то время, какъ въ сенатѣ или на форумѣ обсуждались религіозные вопросы. Напротивъ того, они дѣлали видъ, будто относятся съ величайшимъ уваженіемъ къ родной религія и оказывали сильнѣйшее сопротивленіе всѣмъ нововведеніямъ, которыя могли поколебать ее. Когда въ первый разъ попытались предоставить народу избраніе жрецовъ, лучшій другъ Сципіона, Лелій, понимавшій опасности подобнаго предложенія, энергически возсталъ противъ него и произнесъ по этому поводу свою знаменитую рѣчь, содержащую въ себѣ апологію народнаго культа. Цицеронъ не могъ читать ее безъ умиленія и находитъ, что Лелій «говорилъ золотыми устами», защищая учрежденія Нумы [25]. Даже тѣ люди, которые, не занимая общественныхъ должностей, могли выражаться безъ всякаго стѣсненія, чѣмъ они охотно пользовались, какъ мы это видѣли, одумывались иногда и начинали говорить другимъ тономъ. Полибій осуждаетъ своихъ современниковъ за то, «что они отвергаютъ мнѣнія своихъ отцовъ относительно боговъ и будущей жизни [26]», а Люцилій, желая дать дурное понятіе о своемъ времени, говоритъ: «Никто здѣсь не уважаетъ законовъ, и религіи и боговъ [27]». Изъ этого ясно видно, что роль ихъ двойственная, и что чувства ихъ измѣняются, сообразно съ занимаемымъ ими положеніемъ: какъ гражданамъ, имъ приходится защищать тѣ самыя учрежденія, на которыя они, въ качествѣ обыкновенныхъ людей, нападаютъ безъ всякой оглядки.

Подобный расколъ между чувствами общественной и частной жизни никому въ то время не претилъ, и въ немъ не находили ни малѣйшаго лицемѣрія. Должностной человѣкъ, при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, долженъ былъ особенно себя держать, и думать и выражаться условленнымъ образомъ; онъ долженъ былъ дѣлать видъ, будто не подозрѣваетъ нѣкоторыхъ вещей, хотя отлично зналъ ихъ, и высказывать такія мысли и

---

25) *De nat. deor.*, III, 17: *aureola oratio.*
26) VI, 56.
27) *Fragm. incert.*, 47.

убѣжденія, которыя невполнѣ ему принадлежали; таковы были обычаи и правила. Всѣ восхищались людьми, умѣвшими искусно играть такую роль; по окончаніи представленія и по возвращеніи домой, имъ разрѣшалось отложить въ сторону свое величіе и поступать подобно Сципіону и его друзьямъ, которые въ ожиданіи обѣда бѣгали вокругъ столовъ и бросали другъ въ друга салфетками [28]). Очень естественно, что и къ религіознымъ вѣрованіямъ вздумали приложить то удобное различіе, которое существовало между обыкновеннымъ человѣкомъ и гражданиномъ. Оно помогало человѣку соединять свои обязанности относительно упроченія государства съ тѣмъ, что онъ считалъ обязанностями относительно самого себя. Благодаря ему, можно было, не задумываясь, позволять себѣ удовольствіе обо всемъ спорить и разсуждать, что римляне очень полюбили съ тѣхъ поръ, какъ начали заниматься греческой философіей. Разрѣшеніе ничему не вѣрить у себя дома, съ условіемъ казаться вѣрующимъ въ публикѣ, всѣмъ развязало руки. «Очень трудно отрицать существованіе боговъ»,—говорили разъ одному жрецу.—Конечно, отвѣчалъ онъ,—это трудно передъ толпою народа, но въ семейномъ разговорѣ, въ присутствіи немногихъ лицъ нѣтъ ничего проще [29])». «Мы теперь одни, говорилъ одинъ авгуръ, и можемъ отыскивать истину безъ страха [30])»; и послѣ того утверждалъ, что дара прорицанія не существуетъ. Одно значительное лицо временъ Марія, верховный жрецъ Сцевола, говоритъ, что надо строго отличать гражданскую религію (*religio civilis*) отъ религіи поэтовъ, состоящей изъ однѣхъ только басенъ, и отъ религіи философовъ, заключающей въ себѣ болѣе или менѣе удачныя объясненія о природѣ Божества и его свойствахъ. О двухъ послѣднихъ можно, по его мнѣнію, думать, что угодно, но первую надо уважать [31]). Къ тому же ее легко удовлетворить, потому что она требуетъ только тщательнаго выполненія церемоній, предписанныхъ жреческимъ уставомъ. Таково было послѣднее слово римской мудрости относительно религіи.

Для того чтобы оцѣнить послѣдствія такой системы, надо стараться узнать, каковы были религіозныя вѣрованія Рима къ концу республики. По нашему мнѣнію, для этого слѣдуетъ прежде всего посовѣтоваться съ сочиненіями Цицерона, рисующими, какъ

---

28) Горацій, *Sat.*, II, 1, 72. и примѣч. Акрона къ этому мѣсту.

29) Цицер., *De nat. deor.*, I, 22.

30) Цицер., *De div.*, II, 12.

31) Св. Авг., *De civ. Dei*, IV, 27.

извѣстно, всю жизнь тогдашней эпохи. Къ несчастію, они даютъ намъ на этотъ счетъ довольно запутанныя свѣдѣнія, которыя разнятся между собою, судя по характеру того сочиненія, откуда ихъ почерпаешь. Цицеронъ какъ-будто измѣняетъ свои религіозныя чувства, сообразно съ тѣмъ, къ какой публикѣ онъ обращается. Его рѣчи, догматическія разсужденія и переписка, въ которыхъ онъ поочередно является гражданиномъ, философомъ и частнымъ человѣкомъ, представляютъ его намъ въ трехъ различныхъ видахъ. Въ своихъ юридическихъ и политическихъ рѣчахъ, гдѣ онъ говоритъ, какъ государственный человѣкъ, онъ старается казаться искренно вѣрующимъ. Онъ даже охотно перечисляетъ чудеса, предвозвѣстившія славу его консульства [32]). То обстоятельство, что врагъ его Клодій былъ убитъ у подножія Альбинской горы, на которой поклонялись Юпитеру, и противъ храма Доброй богини, даетъ ему случай произнести рядъ патетическихъ фразъ и указать на то, что боги подконецъ всегда караютъ нечестивыхъ [33]). Въ другой разъ, по поводу чудесъ, замѣченныхъ гаруспиціями, и которымъ онъ дѣлаетъ видъ, будто вѣритъ, онъ торжественно объявляетъ, что «хотя очень любитъ науки, но никогда вполнѣ не предавался литературѣ, которая отдаляетъ и отвращаетъ отъ религіи [34])».

Между тѣмъ онъ очень любилъ философію, и его собственная философія была не изъ тѣхъ, откуда римская религія могла бы почерпнуть для себя большія выгоды. Въ числѣ его сочиненій мы находимъ одно разсужденіе *о естествѣ боговъ* и другое *о гаданіи*. И въ томъ, и въ другомъ онъ очень дурно относится къ народнымъ религіямъ и, не стѣсняясь, смѣется надъ богами и баснями о нихъ, надъ гадателями и ихъ чудесами. Послѣднее сочиненіе написано ясно, твердо, точно, безъ всякихъ колебаній и намековъ; въ немъ Цицеронъ искренно высказываетъ свою мысль. Онъ разрушаетъ доказательства людей, воображающихъ, будто существуетъ наука узнавать будущее, и не дозволяетъ ставить суевѣріе подъ покровительство философіи. Между тѣмъ онъ самъ былъ авгуръ и тщеславился этимъ; мы знаемъ, что онъ тщательно отправлялъ свою должность и никогда не намѣревался оставлять ее. Напрасно вмѣняютъ ему это въ преступленіе: онъ могъ сохранять ее, не противорѣча въ то же время вполнѣ своимъ принци-

[32]) *Catil.*, III, 8.
[33]) *Pro Mil.*, 31.
[34]) *De har. resp.*, 9.

намъ. «Что бы ни думали объ авспиціяхъ, говоритъ онъ,—ихъ надо сохранять, чтобы не оскорбить народныхъ убѣжденій, и ради тѣхъ услугъ, которыя онѣ могутъ оказывать государству [35]»). Само по себѣ гаданіе не болѣе какъ химера, но, находясь въ искусныхъ рукахъ, оно можетъ помѣшать народному собранію надѣлать какихъ-нибудь глупостей. Своимъ вмѣшательствомъ въ нужную минуту авгуръ можетъ отсрочить выборъ опаснаго человѣка или утвердить его роковымъ закономъ, а этимъ способомъ здравому смыслу народа дается время одуматься. Какъ ни хрупка эта послѣдняя загородка, но хорошо, если она существуетъ въ то время, когда всѣ остальныя разрушены, и когда мятежники осаждаютъ государство со всѣхъ сторонъ. Итакъ, въ разсужденіи *о гаданіи* мы не находимъ для себя ничего затруднительнаго; гораздо труднѣе понимать другое сочиненіе: выводы въ немъ менѣе ясны, или лучше сказать, въ немъ вовсе нѣтъ выводовъ. Цицеронъ опровергаетъ въ немъ мысли греческихъ философовъ о естествѣ боговъ, но нисколько не думаетъ высказывать намъ свое собственное мнѣніе и даже не говоритъ, есть ли оно у него. Мы оканчиваемъ чтеніе этого пространнаго разсужденія, гдѣ разбираются самые важные вопросы, въ нерѣшительности и смущеніи, не будучи въ состояніи опредѣлить ни чувствъ автора, ни цѣли его книги. Онъ выводитъ въ ней одно знатное лицо, по имени Котту; подъ предлогомъ нападенія на тотъ способъ, которымъ стоики доказываютъ существованіе Бога и Провидѣнія, Котта компрометируетъ и того, и другое. Онъ разсуждаетъ совершенно такъ, какъ католическій богословъ, когда тотъ, желая сильнѣе доказать необходимость откровенія, старается разрушить всѣ системы и обнаружить безсиліе разума. Онъ объявляетъ, что хочетъ держаться религіи, установленной его предками. Философія ему подозрительна; она колеблетъ вѣрованія, говоря, будто укрѣпляетъ ихъ [36]). Потому онъ беретъ за образецъ Корунканіевъ, Сципіоновъ, Сцеволъ, а не Зенона, Клеанта или Хризиппа. «Мы имѣемъ право, говоритъ онъ,—требовать отъ философа доказательствъ его мнѣній, но мнѣнія своихъ предковъ мы обязаны принимать даже безъ доказательствъ [37]»). Котта разсуждаетъ, какъ прилично жрецу, но онъ положительно ошибается эпохою. Въ то время, какъ было

---

[35]) *De div.*, II, 33.
[36]) *De nat. deor.*, III, 4.
[37]) III, 2.

написано это разсужденіе, республика уже не существовала; перемѣна формы правленія поколебала, если не разрушила, древнія учрежденія. Религіозныя вѣрованія не могли уже покоиться на однихъ полузабытыхъ преданіяхъ; давать имъ разрушающуюся опору, значило желать ихъ полной погибели. Мы знаемъ, что люди, прочитавшіе эту книгу въ тогдашнее смутное время, съ цѣлью отыскать въ ней основанія для своей вѣры, пришли въ смущеніе; въ наше время въ этомъ отсутствіи положительныхъ выводовъ нѣкоторые заподозрили маскированный атеизмъ. Но это, по моему мнѣнію, несправедливо. Такое смѣлое отрицаніе не пристало Цицерону и противно его характеру и образу мыслей. Впослѣдствіи онъ даже въ этомъ защищался, говоря, «что онъ не желалъ отрицать существованіе боговъ, но старался только опровергнуть тѣ доказательства его, которыя приводятся философами [38])»; и кто его хорошо понимаетъ, тому эта цѣль не покажется невѣроятною. Онъ хвалился тѣмъ, что принадлежитъ къ академической сектѣ,—другими словами, будучи скептикомъ по природѣ, онъ старался доказать себѣ, что обязанъ быть имъ по принципу. Изученіе всѣхъ этихъ греческихъ системъ, разбившихся другъ о друга, сдѣлало его чрезвычайно нерѣшительнымъ. Чѣмъ ложнѣе казались ему мнѣнія философовъ, тѣмъ непріятнѣе поражалъ его ихъ педантическій догматизмъ. Ему одинаково были невыносимы и эпикурейцы, «которые не хотятъ ни въ чемъ сомнѣваться и говорятъ о божественныхъ вещахъ съ такою увѣренностью, что всегда кажется, будто они только что вернулись изъ сонма боговъ [39])», и стоики, которые такъ охотно упорствуютъ въ своихъ мнѣніяхъ и излагаютъ такія преувеличенія относительно Промысла, «что, слушая ихъ, можно подумать, будто самые боги были изобрѣтены какъ нарочно для пользы людей [40])». Онъ не только находитъ неосновательными ихъ мнѣнія, но возмущается, видя ихъ увѣренность и рѣшительность. Слушая ихъ высокомѣрныя рѣчи, онъ испытываетъ то чувство, которое овладѣваетъ нерѣшительными людьми, когда при нихъ высказываютъ какое-нибудь безповоротное мнѣніе: они выходятъ изъ себя и готовы измѣнить своей всегдашней сдержанности и высказать совершенно противоположныя мысли. Вотъ что, вѣроятно, побуждаетъ Цицерона переходить въ этомъ сочиненіи за черту своей дѣйствительной

[38]) *De divin.*, I, 2.
[39]) *De nat. deor.*, I, 8.
[40]) *De nat. deo r.*, I, 2.

мысли и заставляетъ его казаться большимъ скептикомъ, нежели какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ не является имъ болѣе въ другихъ своихъ философскихъ сочиненіяхъ, напротивъ, онъ всюду подтверждаетъ существованіе Бога, которое кажется ему достаточно доказаннымъ уже потому, что въ него вѣруютъ всѣ народы. Онъ любитъ развивать прекрасныя идеи Платона о безсмертіи души и говоритъ о нихъ убѣжденнымъ и трогательнымъ тономъ; изложивъ ихъ въ концѣ своего сочиненія о *республикѣ*, онъ возвращается къ нимъ въ другомъ своемъ сочиненіи,—*Тускуланы*. По мѣрѣ того, какъ времена становятся мрачнѣе и будущность грознѣе, онъ все сильнѣе привязывается къ этой послѣдней надеждѣ; намъ кажется, что онъ долженъ былъ часто вспоминать о ней въ дни грусти или опасности, и мы подчасъ готовы думать, что если бы смерть его была менѣе внезапна, то онъ, подобно Катону Утическому, не разстался бы съ жизнью, не перечитавъ *Федона*.

Но и въ этомъ случаѣ мы ошибаемся, доказательствомъ чего служитъ его переписка; она не подтверждаетъ собою того мнѣнія, которое даютъ о немъ его рѣчи и философскія сочиненія, и представляетъ его намъ еще въ третьемъ видѣ, совершенно отличномъ отъ двухъ первыхъ. Мы уже говорили, что въ ней нѣтъ мѣста ни для философской, ни для народной религіи. Въ этомъ множествѣ писемъ, писанныхъ самымъ различнымъ лицамъ и по самымъ разнообразнымъ случаямъ, ему ни разу не случается, даже мимоходомъ, затрогивать тѣ вопросы, которые онъ самъ провозгласилъ самыми важными и которые, по его словамъ, должны болѣе всего занимать разсудительные умы [41]). Онъ видѣлъ гибель обожаемой дочери, онъ почти присутствовалъ при разрушеніи своего отечества, и никогда въ эти грустныя минуты не приходило ему на умъ религіозныхъ мыслей, и онъ никогда не старался утѣшать себя въ горестяхъ настоящей жизни надеждою на жизнь будущую. Приближаясь къ концу, онъ не находитъ ни для себя, ни для другихъ никакихъ иныхъ утѣшеній, кромѣ эпикурейскихъ, на которыя нѣкогда такъ горячо нападалъ. «Въ счастьи, говоритъ онъ,—мы должны презирать смерть, въ несчастьи—мы должны желать ея, потому что послѣ нея не остается никакого чувства» [42]). Благородныя надежды на безмертіе, наполняющія собою его сочиненія, никогда не приходятъ ему въ голову въ минуты несчастій или опасности. Повидимому, онъ высказывалъ ихъ только для публи-

---

41) *De nat. deor.*, II, 1.
42) *Ad fam.*, V, 16. См. также VI, 21, 3.

ки и никогда не обращался къ нимъ самъ; онѣ остались въ его книгахъ, но, какъ видно, не проникли въ его жизнь. Тотъ, кого мы видѣли поочередно почтительнымъ служителемъ родныхъ боговъ и ревностнымъ послѣдователемъ философскихъ ученій Греціи, здѣсь является просто индифферентнымъ человѣковъ.

Современники Цицерона похожи на него; мы находимъ въ нихъ тѣ самыя противорѣчія, на какія указывали въ его произведеніяхъ, и они приводятъ ихъ къ тому же самому результату, т.-е. къ полному равнодушію. Нельзя, конечно, сказать, чтобы старая религія совсѣмъ не сохранила себѣ почитателей; особенно женщины усердно выполняли всѣ ея обряды. Цицеронъ извѣщаетъ друга своего Аттика, что бабушка его умерла отъ огорченія, причиненнаго ей его отсутствіемъ, и «вслѣдствіе опасенія, чтобы какая-нибудь неожиданная случайность не помѣшала справить праздники Юпитера» [43]. Извѣстно, что жена Цицерона, Теренція, была очень набожна, и что мужъ поручалъ ей приносить за себя жертвы Эскулапу, когда исцѣлялся отъ какого-нибудь недуга [44]. Находились также мужщины и, вѣроятно, очень многіе, которые продолжали сохранять древнія вѣрованія. Аппій былъ авгуромъ по убѣжденію и питалъ неограниченное довѣріе къ священнымъ курамъ [45]. Лентуллъ, сообщникъ Катилины, тотъ самый, который взялся поджечь Римъ, вѣрилъ пророчествамъ Сивиллы [46]. Милонъ, подобно нынѣшнимъ итальянскимъ разбойникамъ, собираясь убить Клодія, далъ богамъ одинъ обѣтъ и свято выполнилъ его, когда врага его не стало въ живыхъ [47]. Когда Марій, не желая присутствовать при возвращеніи своего врага, Метелла, котораго народъ призывалъ обратно въ Римъ, уѣхалъ въ Азію, онъ сдѣлалъ видъ, будто отправляется на поклоненіе къ храму Матери боговъ [48]; вѣроятно, онъ полагалъ, что такой предлогъ достаточно правдоподобенъ. Случалось, что и менѣе вѣрующими людьми внезапно овладѣвала на время охота вѣрить. Силла, похитившій сокровища дельфійскаго храма, постоянно носилъ на себѣ небольшое изображеніе Аполлона и иногда цѣловалъ его, какъ Людовикъ XI своей

---

43) *Ad Att.*, I, 3.
44) *Ad fam.*, XIV, 7.
45) Цицер., *De leg.*, II, 13. Аппій призывалъ также мертвыхъ.
46) Цицер., *Cat.*, III, 5.
47) Аскон., *Schol. Cic. ed Orelli*, II, стр. 41.
48) Плутархъ, *Marius*, 31.

образокъ; онъ обращался къ нему съ усердными молитвами во время опасности [49]). Въ минуты безпокойства и внезапнаго ужаса прибѣгали преимущественно къ обрядамъ чужихъ религій. Слава древнихъ оракуловъ значительно уменьшилась; Варронъ говоритъ, «будто ихъ страшный голосъ уже не раздается болѣе въ лѣсахъ» [50]). Дельфы потеряли всякій кредитъ [51]); взамѣнъ того начали часто совѣтоваться съ астрологами и халдеями. Марій питалъ величайшее довѣріе къ одной сиріянкѣ, предсказательницѣ Мартѣ, которую ему рекомендовала жена; онъ бралъ ее съ собою въ носилки и приносилъ жертвы по ея приказу [52]). Шелъ слухъ, будто бы Ваттиній, прославлявшій себя пиѳагорейцемъ и смѣявшійся надъ авспиціями, пытался призывать мертвыхъ, принося имъ въ жертву дѣтей [53]). Итакъ, къ концу римской республики было еще много вѣрующихъ и суевѣрныхъ. Лукрецій подтверждаетъ это, говоря, что страхъ людской умножаетъ съ каждымъ днемъ храмы боговъ на землѣ [54]); онъ доказываетъ это еще лучше жаромъ своей полемики: такъ горячиться и стараться можно лишь тогда, когда борешься съ завѣдомо-опаснымъ врагомъ. Но если все хорошенько разобрать, мнѣ кажется, что равнодушные должны были всего чаще встрѣчаться между людьми образованными и богатыми. Переписка Цицерона показываетъ намъ не одного его, но знакомитъ насъ со всѣмъ тогдашнимъ избраннымъ обществомъ. Ни одно общество не было болѣе чуждо тому, что современные люди называютъ религіозной жизнью. Всякій, кто занималъ хоть какое-нибудь положеніе въ высшемъ обществѣ, отдавался ему вполнѣ; свѣтскіе люди исключительно были заняты своими удовольствіями и дѣлами. Всѣ они вообще выдаютъ себя за эпикурейцевъ, что разрѣшаетъ имъ не думать о богахъ при жизни и не заботиться о томъ, что будетъ по смерти. Они дѣйствительно эпикурейцы,

---

49) Плутархъ, *Sulla*, 29. Плутархъ разсказываетъ смѣшную исторію по поводу этой кражи въ Дельфахъ. Силла послалъ въ храмъ локрянина Кафиса, чтобы взять изъ него сокровище; тотъ долго колебался совершить подобное святотатство; наконецъ, онъ написалъ Силлѣ, что произошло чудо и послышались звуки аполлоновой лиры. Силла отвѣчалъ ему, что это доказываетъ восторгъ бога отъ того, что у него берутъ его деньги. Плутархъ., *Sulla*, 12.

50) *Menipp. fragm.*, стр. 173, изд. Ризе.

51) Цицер., *De div.*, I, 19.

52) Плутархъ, *Marius*, 17.

53) Цицер., *In vatin.*, 6.

54) Лукр., V, 1166.

но въ самомъ грубомъ значеніи слова, какъ напр. Пизонъ, котораго Цицеронъ называетъ «философомъ, вышедшимъ изъ свинаго хлѣва» [55]). Кажется, что они,—эпикурейцы, не только въ теоріи и на практикѣ, но даже и по характеру и по наклонностямъ: до такой степени имъ привольно въ этомъ ученіи. Этимъ характеромъ отличается не только вся молодежь, являющаяся въ письмахъ Цицерона, и самые твердые республиканцы, подобные Кассію, но и тѣ Куріоны и Долабеллы, которые помогли Цезарю ниспровергнуть республику. Исключительная привязанность къ матеріальнымъ вещамъ и полное равнодушіе къ интересамъ религіознымъ,—вотъ, къ чему стремилось это изящное общество и куда оно подконецъ увлекло бы за собою всѣхъ остальныхъ, потому что таковъ сплошь обычай, что богатые и образованные люди руководятъ общественнымъ мнѣніемъ; толпа не спускаетъ съ нихъ глазъ и постоянно старается сообразовать свои чувства съ ихъ мыслями и подражать ихъ примѣру въ своихъ поступкахъ.

Таковы были послѣдствія раздѣла, установленнаго между религіями гражданъ, философовъ и народа. Полагали, что для спасенія древнихъ учрежденій достаточно уединить ихъ ото всего остальнаго, и что можно безъ малѣйшей опасности дозволить, что угодно думать и говорить о богахъ, съ условіемъ, чтобы всѣ установленные обряды точно исполнялись; въ то время, какъ одно важное лицо, М. Эмилія Скавра, преслѣдовали за то, что онъ не принесъ нѣкоторыхъ жертвъ по небрежности [56]), Цезарю, бывшему верховнымъ жрецомъ, дозволяли безнаказанно отрицать безсмертіе души передъ сенатомъ. Такимъ путемъ пришли къ нѣкотораго рода пустому формализму, который, не имѣя никакого прочнаго основанія, долженъ былъ рано или поздно рухнуть. Когда умные люди, научившіеся изъ греческой философіи понимать свои обязанности, слышали похвалы, расточаемыя римскимъ консерваторамъ за ихъ набожность, состоявшую въ томъ, что тѣ приносили жертвы богамъ, которымъ уже не вѣрили, они отвѣчали: «благочестіе, подобно всѣмъ другимъ добродѣтелямъ, не можетъ заключаться въ одной только пустой внѣшности» [57]); и такъ какъ имъ при этомъ было нелегко принимать участіе въ подобномъ обманѣ, они приносили жертвы очень небрежно. Тщетно надѣялись,

---

[55]) *In Pis.*, 16.

[56]) Мейеръ, *Orat. rom. frag.*, с. 256. Его едва не осудили.

[57]) Цицер., *De nat. deor.*, I, 2. *In specie fictae simulationis, sicut reliquae virtutes, pietas inesse non potest.*

что, лишивъ внѣшнюю сторону религіи всякаго помысла и всякой вѣры, можно заставить ее дольше просуществовать: обряды, ничего не говорящіе ни уму, ни сердцу, вскорѣ перестаютъ исполняться, какъ слѣдуетъ. Цицеронъ считалъ необходимымъ для блага республики поддерживать авспиціи; между тѣмъ онѣ въ его время были не болѣе, какъ комедія: исполняя ихъ, повторяли старинныя изреченія, которымъ не придавали уже никакого смысла, и авгуръ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти утверждалъ, будто громъ прогремѣлъ съ лѣвой стороны, тогда какъ вовсе не было никакого грома [58]. Итакъ, можно было предвидѣть, что эти церемоніи, никого уже не интересовавшія, будутъ рано или поздно совсѣмъ оставлены, и что оффиціальная религія, которую одну только и желали спасти, обречена на неизбѣжную гибель. Упадокъ ея становился уже замѣтнымъ: храмы разрушались, богатства боговъ расхищали, чтобы увеличить свои помѣстья не затруднялись завладѣвать священными рощами, и Цицеронъ сообщаетъ, что одинъ знатный господинъ безъ всякой церемоніи обокралъ однажды часовню на Целійскомъ холмѣ [59]. Жреческое право исчезало [60]: многіе древніе праздники перестали отправляться, нѣкоторыя важныя духовныя должности оставались незанятыми, равнодушіе царило повсюду, и Варронъ торжественно заявлялъ въ самомъ началѣ своей книги *Религіозныя древности*, что онъ боится, какъ бы римская религія вскорѣ не погибла «не отъ нападенія какого-нибудь непріятеля, а вслѣдствіе небрежности вѣрующихъ» [61]. Въ такомъ состояніи видимаго ослабленія и близкаго упадка застала ее имперія.

---

58) Цицер., *De divin.*, II, 34. Діонис. Голикарн., II, 6.

59) Варронъ, *De ling. lat.*, V, 49. Цицер. *De har. resp.* 15.

60) Цицер., *De orat.*, III, 33.

61) Св. Август. *De civ. Dei*, VI, 2.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ ВЪ ВѢКЪ АВГУСТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нравственныя и религіозныя реформы Августа.

I.

Политика Августа относительно римской религіи. — Былъ ли онъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ?—Онъ намѣревается сдѣлать религію опорою своего правленія.—Религіозное значеніе имени Августа.

Когда Августъ увидѣлъ себя главою имперіи, или понялъ, что вскорѣ сдѣлается ею, онъ задумалъ прежде всего упрочить свое правленіе. «Моя главная гордость заключается въ томъ, чтобы оставить своей странѣ прочныя учрежденія», говорилъ онъ впослѣдствіи римлянамъ въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ. [1]) Но политическое учрежденіе лишь тогда имѣетъ задатки для прочнаго существованія, когда оно покоится на какомъ-нибудь твердомъ основаніи, а вокругъ Августа все лежало въ развалинахъ. Республика окончательно погибла послѣ битвы при Филиппахъ; ряды аристократіи порѣдѣли вслѣдствіе проскрипцій и частыхъ битвъ; народъ представлялъ собою сборище вольноотпущенниковъ и иностранцевъ, не имѣвшихъ ни патріотизма, ни преданій.

Древняя римская религія, какъ мы видѣли, безъ сомнѣнія, утратила уже значительную часть своего могущества; тѣмъ не менѣе она представляла собою единственный консервативный элементъ, уцѣлѣвшій въ этомъ разрушавшемся обществѣ. Несмотря на ея видимый упадокъ, всѣ твердо вѣрили, что она не должна погибнуть. Когда Горацій говорилъ, что «стихи его будутъ пѣться до тѣхъ поръ, пока верховный жрецъ будетъ восходить на ступени

---

[1]) Светон., *Aug.*, 28.

Капитолія въ сопровожденіи безмолвной весталки», [2] онъ этими словами желалъ предречь имъ безсмертіе. Религія, менѣе чѣмъ все остальное, пострадала отъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя уничтожили собою прежнее правленіе; можно даже сказать, что они принесли ей болѣе пользы, чѣмъ вреда. Лукрецій указываетъ на то, что несчастія и опасности заставляютъ человѣка сильнѣе бояться боговъ и ужасовъ будущей жизни; въ такое время даже наименѣе вѣрующіе «закалаютъ черныхъ овецъ и приносятъ жертвы душамъ умершихъ». [3] И съ цѣлыми народами происходитъ то же, что и съ отдѣльными лицами: угрожающія имъ или поражающія ихъ великія бѣдствія возвращаютъ ихъ къ религіи. Оракулы и предсказанія играли значительную роль во время междоусобной войны; въ лагерѣ Помпея находилось много гадателей, постоянно предсказывавшихъ ему побѣду. [4] Одинъ изъ легкомысленныхъ и насмѣшливыхъ вельможъ, Нигидій Фигулъ, совѣтовался съ звѣздами, а другой, Аппій Клавдій, вопрошалъ мертвыхъ. Въ то время всякій пламенно желалъ знать будущее и, чувствуя невольное безпокойство и смущеніе, вѣрилъ малѣйшему предзнаменованію. [5] Самые скептики почувствовали, что невѣріе ихъ поколебалось. Въ качествѣ эпикурейца, Кассій полагалъ, что боги не вмѣшиваются въ человѣческія дѣла; тѣмъ не менѣе незадолго до битвы при Филиппахъ, онъ говорилъ Бруту, «что очень желалъ бы вѣрить тому, будто боги помогаютъ правой сторонѣ, потому что это дало бы ему болѣе увѣренности въ успѣхѣ». [6] Въ такой моментъ, когда все готовилось погибнуть, многіе должны были, подобно Кассію, чувствовать потребность въ прочныхъ вѣрованіяхъ; видя себя на краю пропасти, они обращались къ прежнимъ мнѣніямъ, чтобы удержаться хоть за нихъ. Итакъ, можно совершенно справедливо

---

[2]) *Оды*, III, 30, 8.

[3]) III, 52.

[4]) Цицер., *De divin.*, II, 24 и 47.

[5]) Цицеронъ разсказываетъ (*De div.*, I, 32), что за нѣсколько дней передъ фарсальскою битвою, онъ находился въ Диррахіумѣ съ нѣкоторыми государственными людьми; вдругъ К. Копоній, который, въ качествѣ пропретора, командовалъ родосскимъ флотомъ, пришелъ сообщить ему, будто одинъ греческій матросъ предсказалъ, что черезъ мѣсяцъ вся Греція будетъ потоплена въ крови, Диррахіумъ будетъ опустошенъ, и люди спасутся на корабляхъ, оставляя за собою пожаръ. Онъ прибавляетъ, что это предсказаніе смутило его довольно сильно; но всего сильнѣе оно поразило Катона и Варрона, несмотря на всю ихъ душевную твердость.

[6]) Плутархъ, *Brut.*, 37.

сказать, что римская религія воспользовалась несчастіями Рима и, послѣ паденія республики сдѣлалась одною изъ тѣхъ силъ, съ помощью которыхъ можно было поднять общество. Это замѣтилъ еще Цезарь и, несмотря на свое нерасположеніе къ ней, подконецъ жизни намѣревался, повидимому, воспользоваться ею, какъ орудіемъ для переустройства государства [7]). Августъ гораздо лучше понялъ всю ея важность, и можно сказать безо всякаго преувеличенія, что онъ положилъ ее въ основу своего правленія.

Но былъ ли искренно вѣрующимъ человѣкомъ этотъ государь, задумавшій возстановить религію? Трудно было бы это утверждать. Антоній обвиняетъ его въ томъ, будто однажды въ молодости онъ пародировалъ олимпійскій пиръ. На этомъ пиру двѣнадцати боговъ происходили такія непристойныя сцены, что, по словамъ одного поэта, небесныя божества закрыли себѣ лица, а Юпитеръ ушелъ съ Капитолія, чтобы ничего не видѣть. [8]) Но что Августъ былъ чрезвычайно суевѣренъ, это несомнѣнно; онъ обращалъ большое вниманіе на предзнаменованія, и если поутру ему случалось надѣть лѣвый башмакъ на правую ногу, онъ цѣлый день ожидалъ какого-нибудь несчастія. Онъ никогда не отправлялся въ дорогу въ день, слѣдующій послѣ базарнаго (нундинъ), и не начиналъ никакого важнаго дѣла въ девятый день мѣсяца (ноны). Вслѣдствіе одного сна, принятаго имъ за указаніе свыше, онъ завелъ обыкновеніе разъ въ годъ собирать милостыню; въ этотъ день онъ становился у дверей своего дворца и протягивалъ прохожимъ руку за подаяньемъ; но всѣ эти суевѣрные поступки еще не доказываютъ, чтобы онъ вѣрилъ религіи своей страны или вообще какой-нибудь религіи. Цезарь, публично хваставшій своимъ невѣріемъ, никогда не садился въ экипажъ, не произнесши предварительно одного магическаго изреченія, предохранявшаго его, какъ онъ думалъ, отъ всякихъ неожиданныхъ несчастій. [10]) Во всякомъ случаѣ, если даже религіозное рвеніе Октавія было не бо-

---

[7]) Въ качествѣ верховнаго жреца, онъ позволилъ посвятить себѣ большое сочиненіе Варрона *О религіозныхъ древностяхъ*, и сочиненіе Гранія объ *Indigitamenta*; изъ этого можно видѣть, что онъ поощрялъ ихъ труды. Въ 708 г. онъ въ глазахъ всего народа поднялся на колѣняхъ по лѣстницѣ Капитолія (Діонъ, XLIII, 21), а въ 710 г. способствовалъ устройству новой жреческой коллегіи (*Luperci Julii*), основанной въ его честь. (Діонъ, XLIV, 6).

[8]) Светон., *Aug.*, 70.

[9]) Светон., *Aug.*, 90, 91.

[10]) Плиній, XXVIII, 2 (4).

лѣе, какъ принятая имъ на себя роль, нельзя не признать, что онъ былъ вполнѣ созданъ для того, чтобы разыгрывать ее. Съ самой ранней молодости онъ привыкъ уже ничего не предоставлять игрѣ случая, ни съ кѣмъ не былъ вполнѣ откровененъ и записывалъ впередъ свои самыя интимныя рѣчи, чтобы не увлечься ими далѣе, чѣмъ желалъ; этотъ мелочной и педантичный политикъ, такъ любившій точность и такъ тщательно старавшійся показывать во всемъ уваженіе ко внѣшности, необходимо долженъ былъ чувствовать естественую склонность къ культу, состоявшему изъ однихъ только обрядовъ, и обращалъ главнѣйшее вниманіе на внѣшнюю сторону набожности. Такое сродство древней религіи съ его собственною натурой и помогло ему, вѣроятно, понять, какія услуги она въ состояніи оказать его политикѣ.

Октавій, повидимому, съ очень давнихъ поръ составилъ тотъ планъ, котораго придерживался впродолженіе всей жизни. Въ 714 году, спустя не болѣе двухъ лѣтъ послѣ того, какъ онъ, въ противность религіознымъ законамъ Рима, воздвигъ вмѣстѣ съ своими товарищами храмъ Серапису [11]) и жестоко наказывалъ жителей одного изъ городовъ Италіи за то, что они воздали кой-какія почести умершимъ за республику гражданамъ, [12]) онъ всенародно объявилъ свое намѣреніе возвратиться къ древнимъ учрежденіямъ и протянулъ руку уцѣлѣвшимъ остаткамъ республиканской партіи. [13]) Съ этой минуты онъ сталъ не иначе говорить о прошедшемъ, какъ съ уваженіемъ и, казалось, всячески старался воскресить его. Секстъ Помпей не былъ еще побѣжденъ, и было еще очень сомнительно, что Октавій сдѣлается владыкою міра, когда Виргилій въ 717 году принялся писать свои *Георгики*. Поэтъ самъ говоритъ, что этотъ трудъ былъ ему порученъ Меценатомъ. [14]) Конечно, этотъ другъ утонченныхъ городскихъ удовольствій не для удовлетворенія своего личнаго вкуса заставлялъ Виргилія воспѣвать славу божественнаго загороднаго житья; но онъ самъ и его учитель помнили, что поля были школою римскаго величія, и хотѣли снова привести къ нимъ современное истощенное поколѣніе, чтобы вмѣстѣ съ старыми привычками и древними вѣрованіями, возвратить ему силу преж-

---

11) Діонъ, XLVII, 15.

12) Светон., *Aug.*, 12.

13) Діонъ, XLVIII, 29.

14) Георг., III, 41: *Tua, Maecenas, haud mollia jussa.* *)

---

*) Твое, Меценатъ, нелегко исполнимое приказаніе.

нихъ лѣтъ. Въ 722 году, собравшись въ походъ противъ Антонія, Октавій, въ качествѣ священнаго герольда, отправился въ храмъ Беллоны и совершилъ тамъ всѣ церемоніи, употреблявшіяся въ древности при объявленіи войны. [15]) Въ эту торжественную минуту, «когда вся Италія, Галлія, Испанія, Африка, Сардинія и Сицилія только что поклялись ему въ вѣрности и провозгласили его своимъ предводителемъ противъ общаго врага», [16]) онъ всего болѣе старался удалить отъ нихъ мысль, что такимъ образомъ возобновляется опять междоусобная война. Дѣло шло просто о томъ, чтобы побѣдить египтянъ, и въ лѣтописяхъ того времени имя Антонія почти совсѣмъ не упоминается; зато, наоборотъ, въ нихъ безпрестанно говорится о чужеземной царицѣ, окруженной стадомъ евнуховъ, которая, разгорячивъ себѣ голову своимъ мареотидскимъ виномъ, осмѣливалась говорить, что придетъ сжечь Капитолій. [17]) И такъ, Августъ былъ дѣйствительнымъ представителемъ отечества и римской религіи, находившихся тогда въ опасности. Виргилій изображаетъ его, окруженнаго сенатомъ и народомъ, везущаго на своемъ кораблѣ пенатовъ и вспомоществуемаго римскими богами. [18]) Онъ является здѣсь въ томъ образѣ національнаго и религіознаго героя, который онъ удержалъ потомъ за собою на всю жизнь; изображая его любимцемъ боговъ и покровителемъ ихъ культа, его любимый поэтъ, вѣроятно, изображалъ его такъ, какъ ему самому того хотѣлось.

Ничто не даетъ лучшаго понятія о характерѣ, который онъ желаетъ придать своей власти, какъ имя, присужденное ему сенатомъ въ 727 году и принятое имъ, повидимому, съ великою благодарностью. Ему предстояло торжественно разорвать всякую связь съ своимъ прошедшимъ. Онъ уже отказался отъ своихъ прежнихъ дѣйствій: въ предъидущемъ году онъ рѣшилъ, что всѣ законы, изданные имъ или его сотоварищами во времена гражданскихъ смутъ, уничтожаются вплоть до его шестаго консульства [19]). Конечно, нельзя было еще формальнѣе обвинить самого себя, признать несправедливость своихъ прежнихъ мѣръ и сознаться въ глазахъ свѣта въ незаконности своей прежней власти. Но онъ захотѣлъ пойти еще далѣе и, принявши новое имя, доказать еще очевиднѣе, что намѣ-

---

[15]) Діонъ, кн. 4.

[16]) Моммсенъ, *Res gestae divi Augusti*, с. 69.

[17]) Горацій, *Оды*, I, 37, 7.

[18]) *Aeneid.*, VIII, 678.

[19]) Діонъ, LIII, 2.

ренъ окончательно отдѣлиться отъ своей прошлой жизни. Найти это имя было поручено сенату; понятно, что это послушное собраніе не рѣшилось бы остановиться ни на какомъ имени, не разузнавъ предварительно, каково желаніе его главы. Сначала думали назвать его Ромуломъ, что ему, говорятъ, довольно нравилось: онъ гордился тѣмъ, что на него смотрятъ, какъ на втораго основателя Рима; но хитрый Мунацій Планкъ побудилъ сенатъ отдать предпочтеніе имени *Августа*. Этотъ терминъ былъ заимствованъ изъ жреческаго языка и означалъ собою въ старинныхъ служебникахъ храмы, посвященные по установленнымъ обрядамъ [20]). «Называя его подобнымъ именемъ, говорятъ Фасты, ему какъ-будто давали еще при жизни предвкусить ту апоѳеозу, которая его ожидала по смерти [21])»; а Вегецій говоритъ, что если какой-нибудь государь получаетъ это имя, онъ тотчасъ становится настоящимъ, тѣлеснымъ богомъ, которому люди обязаны оказывать всѣ слѣдующія ему почести [22]). Именно такое понятіе желалъ Октавій дать другимъ о своей власти: принимая титулъ Августа, онъ этимъ самымъ какъ бы провозглашалъ, что облекается божественною властью, и что съ этихъ поръ на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на представителя боговъ на землѣ.

II.

Что сдѣлалъ Августъ для римской религіи.—Уваженіе, какое онъ ей оказываетъ.—Онъ возобновляетъ храмы.—Онъ возстановляетъ чливость къ стариннымъ обычаямъ —Новые культы, имъ установленные.—Венера-Матерь.—Марсъ-Отмститель.— Аполлонъ Палатинскій.—Его моральныя реформы —Юліанскіе законы.—Успѣхъ, какимъ пользовались сначала его моральныя и религіозныя учрежденія.—Вѣковыя игры.

Впродолженіе всего своего царствованія Августъ заботился о возстановленіи римской религіи и о возвращеніи ей утраченнаго значенія. Онъ понималъ, что это нелегкая задача, и что подобныя перемѣны не предписываются указами; потому онъ старался дѣйствовать на окружавшихъ увѣщаніями и собственнымъ примѣромъ.

---

20) Овид., *Fast.*, I, 609.
21) IV, 12, *ad finem.*
22) II, 5.

Сдѣлавшись верховнымъ жрецомъ, онъ пожелалъ доказать, что серьёзно относится къ своей должности, и притворно подчинялся всѣмъ предписаніямъ служебнаго устава, даже такимъ, которыя менѣе всего соотвѣтствовали его высокому положенію; такъ, напримѣръ, по словамъ Светонія, онъ никогда не носилъ иныхъ одеждъ, кромѣ сотканныхъ руками его жены или дочери [23]). Всякій разъ, какъ ему случалось терять кого-нибудь изъ близкихъ, свою нѣжно любимую дочь, своего зятя Агриппу и пасынка Друза, онъ, согласно обычаю, самъ читалъ надъ ними надгробное слово, но въ то же время его отдѣляло отъ трупа покрывало, такъ какъ первосвященнику было запрещено смотрѣть на мертвыхъ [24]). Несмотря на свои многочисленныя занятія, онъ никогда не пропускалъ собраній тѣхъ жреческихъ коллегій, къ которымъ принадлежалъ, и мы видимъ его, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, принимающимъ участіе въ церемоніяхъ Арвальскаго братства [25]). Онъ желалъ, чтобы самыя важныя лица имперіи слѣдовали его примѣру въ точномъ исполненіи религіознаго закона. Для того, чтобы сенатъ относился болѣе серьёзно и уважительно къ своимъ обязанностямъ, онъ приказалъ, чтобы каждый сенаторъ, отправляясь на свое мѣсто, подходилъ къ алтарю того бога, въ храмѣ котораго происходило собраніе, и предлагалъ ему въ жертву вина и ладана [26]). Въ то же время онъ старался увлечь общественное мнѣніе съ помощью окружавшихъ его великихъ поэтовъ, которые съ своей стороны охотно спѣшили служить его намѣреніямъ. Горацій, Виргилій, Проперцій, Овидій, словомъ всѣ тѣ, которымъ Римъ внималъ всего охотнѣе, безпрестанно говорили ему объ его старинныхъ легендахъ и напоминали, что своими успѣхами римляне обязаны своей набожности и «что, покоряясь богамъ, они сами покорили міръ». Поэзія придавала миѳологіи столько прелести, что это легкомысленное общество очень изумилось, видя, какъ всѣ слушаютъ, не улыбаясь, разсказы объ Янусѣ и его прозвищахъ или о наивныхъ праздникахъ Луперкалій и Палилій. Конечно, и это былъ уже успѣхъ, а сколько еще оставалось сдѣлать, чтобы возвратить клонившейся къ упадку религіи ея прежнее обаяніе.

Но если трудно было оживить угаснувшія вѣрованія, зато мож-

---

[23]) Свет., *Aug.* 73.
[24]) Діонъ, LIV, 28, 35.
[25]) Марини, *Arvali*, таб. 1.
[26]) Светон., *Aug.*, 35.

но было возвратить культу прежній блескъ, увеличить привилегіи жреческаго сословія, возобновить древнія церемоніи и возстановить храмы, что было, конечно, гораздо легче. Только однѣ эти внѣшнія, матеріальныя реформы и подлежали гражданской власти, и Августъ это хорошо понималъ. Вначалѣ его царствованія почти всѣ храмы въ Римѣ находились въ разрушеніи; самые древніе и знаменитые изъ нихъ были опустошены пожарами или погибали отъ ветхости; храмъ Юпитера Феретрійскаго, основанный Ромуломъ, былъ безъ крыши и стѣны его обваливались [27]); храмъ Юноны-Соспиты стоялъ пустой и былъ заваленъ нечистотами [28]). «Паукъ ткетъ свою паутину, и сорныя травы произрастаютъ въ пустынномъ жилищѣ боговъ», говоритъ Проперцій [29]). Августъ стыдилъ такимъ разрушеніемъ храмовъ потомковъ тѣхъ людей, которые нѣкогда ихъ созидали; онъ требовалъ отъ наслѣдниковъ знатныхъ семействъ, если таковые были, чтобы они починяли памятники, носившіе имена ихъ предковъ [30]); самъ онъ отстроилъ ихъ большое количество и съ удовольствіемъ перечисляетъ ихъ въ анкирской надписи. Построивъ ихъ, онъ истратилъ значительныя суммы на ихъ украшеніе; онъ полагаетъ весь расходъ на сооруженіе различныхъ зданій подобнаго рода въ 100 милліоновъ сестерцій (20 милліоновъ франковъ) [31]). Въ небольшомъ храмѣ Юпитера на Капитоліи онъ употребилъ на нѣсколько милліоновъ жемчугу и драгоцѣнныхъ камней [32]). Не довольствуясь этими работами въ раздробь, возвращавшими богамъ ихъ прежнее виликолѣпіе и украшавшими Римъ, онъ въ 726 г. привелъ въ исполненіе одну общую мѣру. «Во время моего шестаго консульства, говоритъ онъ въ анкирской надписи, я передѣлалъ въ Римѣ, по приказанію сената, восемьдесятъ два храма, не оставивъ безъ вниманія ни одного изъ тѣхъ, которые требовали починки [33])». Подобная щедрость, распространявшаяся на всѣ религіозные памятники, сильно подѣйствовала на общественное мнѣніе; она была воспѣта поэтами, не пропускавшими ни одного случая прославить

---

27) Корн. Непотъ, *Vita Attici*, 20.

28) Юл. Обсекв., 55.

29) Проперц., II, 6, 35.

30) Светон., *Aug.*, 29.

31) Моммсенъ, *Res gestae divi Aug.*, стр. 60.

32) Светон., *Aug.*, 30. Моммсенъ полагаетъ, что цифры, приводимыя Светоніемъ, невѣрны, и самый текстъ искаженъ.

33) Моммсенъ, *Res gestae* и пр. стр. 58.

дѣянія императора. «При немъ, говорилъ Овидій, священныя зданія были незнакомы со старостью. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы быть полезнымъ людямъ, онъ одолжаетъ самихъ боговъ. О, святой созидатель храмовъ! Ты, возстановляющій разрушенные памятники! Да воздадутъ тебѣ боги за все, что ты для нихъ сдѣлалъ [34])».

Величайшій теологъ эпохи Цезаря, Варронъ, приписывалъ упадокъ римской религіи тому, что древніе обряды были позабыты и оставлены, и посвятилъ ихъ описанію свою книгу о *божественныхъ древностяхъ*. Вѣроятно, Августъ думалъ то же самое, и потому сдѣлалъ все, что было возможно, чтобы возстановить исполненіе обрядовъ, утрату которыхъ оплакивалъ Варронъ. Старинныя церемоніи, называемыя Augnria salutis, въ которыхъ авгуры молились богамъ о благоденствіи государства, были оставлены послѣ войны съ Митридатомъ; онъ приказалъ праздновать ихъ снова [35]). Онъ возвратилъ прежній блескъ луперкаліямъ, оставленнымъ во время междуусобій, и имъ суждено было существовать еще четыре вѣка послѣ него [36]); онъ возобновилъ Вѣковыя игры и игры на перекресткахъ и прибавилъ нѣсколько дней къ сатурналіямъ [37]). .Онъ умножилъ число жрецовъ и жрицъ и увеличилъ ихъ привилегіи, особенно весталокъ, которымъ оказывалъ особенное уваженіе. «Когда по смерти какой-либо весталки, надо было замѣнить ее другою, многіе прибѣгали къ различнымъ проискамъ для того, чтобы дочь ихъ не была выбрана; видя это, онъ клятвенно заявилъ, что если бы какая-нибудь изъ его внучекъ имѣла надлежащій возрастъ, онъ охотно предложилъ бы ее [38])». Со временъ Суллы у Юпитера не было больше фламиновъ,—Августъ назначилъ одного [39]); онъ не дозволялъ ни малѣйшаго упущенія, при назначеніи царя жертвоприношеній, какъ это очень часто случалось въ послѣдніе годы [40]). Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ

---

[34]) *Fast.*, 2, 61. Одинъ стихъ отсюда: *Templorum positor! Templorum sancte repostor!* напоминаетъ слова Тита Ливія (IV, 20): *Augustus Caesar templorum omnium conditor aut restitutor* *).

[35]) Діонъ, L, 1, 20.

[36]) Светон., *Aug.*, 31.

[37]) Макроб., *Sat.*, I, 10, 23.

[38]) Светонъ., *Aug.*, 31.

[39]) Діонъ, LVI, 36.

[40]) Маркvартъ, *Römische Alterthümer*, IV, стр. 268.

---

*) О, основатель храмовъ! святой возстановитель храмовъ! Августъ-Цезарь,—основатель и возстановитель всѣхъ храмовъ.

постановленій арвальскаго братства относятся также къ его царствованію, изъ чего заключаютъ, что онъ переустроилъ и эту знаменитую корпорацію. Всѣ жреческія коллегіи, существованіе которыхъ кажется такъ темно къ концу республики, при немъ снова получили свое прежнее значеніе, и многія знатныя лица, вѣроятно, для того чтобы угодить ему, начали доискиваться чести принадлежать къ нимъ. Происходило всеобщее возрожденіе древняго культа, а такъ какъ внѣшняя сторона имѣла въ немъ болѣе значенія, нежели догматы и вѣрованія, то Августъ, возстановляя древніе обряды, могъ дѣйствительно думать, что возвращаетъ его къ жизни.

Но для исполненія того, что онъ предпринялъ, недостаточно было перестроить храмы и возстановить древніе обычаи; чтобы оживить религіозный духъ требуются иные стимулы. Его одинаково привлекаетъ и древность, и новизна; хотя онъ и любитъ обращаться къ прошедшему, но чтобы возвратить ему утраченную пылкость и усердіе, необходимо оживить нововведеніями это самое прошедшее. Вотъ почему религіозные реформаторы, возстановляя старинные обряды во всей ихъ чистотѣ, непремѣнно прибавляютъ къ нимъ новые; Августъ сдѣлалъ то же самое. Эта часть его задачи была довольно легка: въ древнихъ религіяхъ не было ничего проще, какъ прибавить нѣсколько боговъ и къ безъ того уже значительному числу ихъ. Новаго наименованія, даннаго старому божеству, довольно было для того, чтобы сдѣлать изъ него новое божество. Такимъ именно способомъ Августъ создалъ или возстановилъ три важныхъ культа, которые всѣ были связаны съ его династіей: культъ Венеры-Матери (*Venus Genetrix*), Марса-Отмстителя (*Mars Ultor*) и Аполлона-Палатинскаго (*Appollo Palatinus*).

Венера считалась матерью римлянъ; подъ этимъ именемъ Лукрецій обращается къ ней вначалѣ своей поэмы; но главнымъ образомъ она считалась матерью фамиліи Юліевъ, производившихъ свой родъ отъ Энея. Цезарь, несмотря на свое невѣріе и демократизмъ, очень гордился подобнымъ происхожденіемъ, и хотя его притязанія заставляли улыбаться просвѣщенныхъ людей, называвшихъ его иногда въ насмѣшку пасынкомъ Венеры [41]), тѣмъ не менѣе это несомнѣнно принесло пользу его политикѣ: римская демократія любила выбирать себѣ предводителей изъ древнихъ ро-

---

[41]) Цицер., *Ad fam.*, VIII, 15, 2.

довъ и гордилась ими, если они носили знатное имя. Во время Фарсальской битвы Цезарь далъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, воздвигнуть храмъ своей божественной праматери. Онъ построилъ его на сооружаемомъ имъ въ то время форумѣ, одна земля для котораго обошлась ему во 100 милліоновъ сестерцій (20 мил. франк.). Онъ поспѣшилъ посвятить его за два года до своей смерти; но постройка не поспѣла къ мартовскимъ идамъ и была впослѣдствіи окончена Октавіемъ. Самъ Октавій очень гордился своимъ знаменитымъ происхожденіемъ, и въ первое время его могущества изображеніе *Venus Genetrix* часто встрѣчается на его монетахъ.

Культъ Марса-Отмстителя обязанъ своимъ происхожденіемъ смерти Цезаря. Во время похода противъ Брутта и Кассія Октавій далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Марсу, если ему удастся наказать убійцъ своего отца. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ этотъ храмъ центромъ форума, который намѣревался устроить по примѣру Цезаря. Работа шла очень медленно [42]); она не была еще доведена до конца, когда парѳяне, испугавшись приготовленій противъ нихъ Августа, рѣшились возвратить знамена Красса. Это достославное событіе дало римлянамъ торжество побѣды безъ трудности войны. Оно преисполнило ихъ гордостью, и Августъ пожелалъ увѣковѣчить его какимъ-нибудь памятникомъ. Такимъ образомъ, послѣ полувѣковаго постыднаго терпѣнія, Римъ былъ отомщенъ за унизительнѣйшее изъ бѣдствій, перенесенныхъ имъ послѣ пунической войны. Августъ ознаменовалъ это событіе, построивъ на Капитоліи небольшой храмъ, насупротивъ возобновленнаго имъ храма Юпитера Феретрійскаго, и помѣстивъ въ немъ возвращенныя знамена. Что касается большого храма на форумѣ, онъ былъ оконченъ только въ 753 г.; но зато это было удивительное произведеніе; въ окружавшихъ его портикахъ находились статуи всѣхъ знаменитыхъ людей прежнихъ лѣтъ, въ одеждахъ тріумфаторовъ и съ надписями, напоминавшими объ ихъ побѣдахъ. Помѣщая ихъ здѣсь и оказывая имъ столько уваженія, Августъ этимъ самымъ

---

[42]) Эта медленность дала поводъ къ одной игрѣ словъ со стороны Августа, сообщаемой Макробіемъ (*Sat.*, II, 4, 10). Ораторъ Кассій Северъ имѣлъ мало успѣха въ своихъ обвиненіяхъ; тѣ, на кого онъ доносилъ суду, бывали обыкновенно оправданы. Августъ, пользуясь двойнымъ смысломъ слова *absolutus*, которое значитъ оправданный и оконченный, говорилъ: *Vellem Cassius et meum orum accuset.* *)

---

*) Я бы желалъ, чтобы Кассій обвинилъ и мой форумъ.

какъ бы старался доказать, что имперія не отдѣляетъ себя отъ преданій республики, которыя онъ самъ намѣревается продолжать.

Культъ Аполлона Палатинскаго лично былъ ближе императору, чѣмъ два остальные. Августъ, повидимому, питалъ всегда особенное почтеніе къ Аполлону; даже во время пира двѣнадцати боговъ, въ которомъ его такъ лукаво обвиняютъ, онъ, говорятъ, самъ разыгрывалъ роль Аполлона. Онъ любилъ изображать себя въ видѣ своего любимаго бога со всѣми его аттрибутами. Льстецы увѣряли его, будто онъ его сынъ, а одинъ египетскій ученый очень серьезно приписываетъ ему это происхожденіе въ одномъ теологическомъ сочиненіи [43]. Случилось, что во время битвы при Акціумѣ на берегу, не далеко отъ мѣста сраженія, находился храмъ Аполлона,—этого было достаточно, чтобы приписать ему часть успѣха; по словамъ Виргилія, богъ натянулъ лукъ и пускалъ свои неотразимыя стрѣлы во враговъ своего любимца; за это онъ былъ достаточно награжденъ признательностью побѣдителя, учредившаго въ его честь великолѣпныя игры. Августъ особенно заботился о томъ, чтобы держать своего покровителя поближе къ себѣ и имѣть его даже въ своемъ жилищѣ. Скромный домъ, занимаемый имъ на Палатинѣ, увеличивался по мѣрѣ его побѣдъ. Послѣ пораженія Секста Помпея, Августъ послалъ своимъ управителямъ приказанія купить сосѣднія жилища для того, чтобы увеличить его собственное; но, опасаясь толковъ недовольныхъ лицъ, онъ положилъ изъ этого приращенія удѣлить значительную часть обществу и богамъ. Именно въ это самое время на домъ его упала молнія, опрошенные поэтому случаю гаруспиціи объявили, что боги требуютъ себѣ части, пораженной молніей, и Августъ поспѣшилъ предоставить ее имъ. На этомъ самомъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ знаменитый храмъ Аполлона Палатинскаго. Это было великолѣпное зданіе изъ каррарскаго мрамора, наполненное образцовыми произведеніями греческаго искусства и увѣнчанное статуей бога солнца въ золотой двухколесной колесницѣ, запряженной четвернею коней. Въ окружавшихъ его портикахъ помѣщались двѣ библіотеки,—греческая и латинская, такъ часто упоминаемыя древними писателями и заключавшія въ себѣ произведенія и статуи греческихъ и римскихъ авторовъ [44]). Посвященіе храма и портиковъ

---

[43]) Свет., *Aug.*, 94.

[44]) Бекеръ, *Römische Alterthüm.*, I, стр. 425.

происходило въ 726 г. и сопровождалось празднествами, воспоминаніе о которыхъ часто встрѣчается у поэтовъ того времени [45]).

Такимъ образомъ, возстановляя древніе культы и создавая новые, Августъ пытался пробудить жизнь въ этой истощенной религіи; кромѣ того онъ служилъ ей еще косвеннымъ образомъ, стараясь улучшить общественную нравственность. Со времени христіанства нравственность и религія сдѣлались неразлучны; но въ древности это было не совсѣмъ такъ, что мы часто будемъ имѣть случай замѣтить. Въ Римѣ наблюденіе за общественною нравственностью было дѣломъ государства и поручалось спеціально избираемому для этого должностному лицу. Издавая свои законы о стыдливости и роскоши, Августъ дѣйствовалъ не въ качествѣ первосвященника, а въ качествѣ цензора или соотвѣтствующаго ему должностнаго лица. Но и нравственныя, и религіозныя его реформы сходились на одномъ пунктѣ: какъ тѣ, такъ и другія стремились возвратить римлянъ къ прежнимъ обычаямъ и вѣрованіямъ. Заставляя гражданъ восхищаться одинаковыми эпохами и лицами, онѣ, такъ сказать, взаимно себя поддерживали: человѣкъ, рѣшившійся взять себѣ за образецъ римлянъ пуническихъ войнъ, находилъ между добродѣтелями прежняго времени какъ уваженіе къ богамъ, такъ и строгое исполненіе гражданскихъ обязанностей, такъ-что, дѣлаясь честнѣе, онъ въ то же время неизбѣжно дѣлался религіознѣе. Вотъ почему не слѣдуетъ отдѣлять нравственныхъ реформъ Августа отъ его попытокъ религіознаго возрожденія.

Впрочемъ, онъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствовалъ совершенно одинаково. Онъ зналъ, что законы, по словамъ одного изъ его поэтовъ, имѣютъ мало дѣйствія, если нравы нехороши [46]); вмѣстѣ съ тѣмъ ему было не безъизвѣстно, что нравовъ народа нельзя измѣнить по приказу. Чтобы достигнуть цѣли, онъ прибѣгнулъ въ косвеннымъ средствамъ; желая подѣйствовать на общественное мнѣніе, и для убѣжденія его, онъ обратился къ тѣмъ, кто, какъ ему было извѣстно, имѣли на него вліяніе. Тогда всѣ поэты, историки, ораторы, пользовавшіеся такимъ значеніемъ въ ученомъ обществѣ, будто повинуясь какому-нибудь приказанію, разомъ превратились въ проповѣдниковъ нравственности. Пользуясь всевозможными излишествами утонченной цивилизаціи и не имѣя ни

[45]) Проперцій, II, 31. Горацій, *Od.*, I, 31.

[46]) Горац., *Od.*, III, 24, 35: *Quid leges sine moribus?* *) и пр.

*) Что значатъ законы безъ добрыхъ нравовъ? и пр.

малѣйшаго намѣренія отказаться отъ нихъ, они съ удовольствіемъ принялись рисовать яркія картины древней римской бѣдности, этой «матери всѣхъ добродѣтелей»; лежа на кроватяхъ изъ слоновой кости, въ мраморныхъ дворцахъ, они напоминали своимъ веселымъ сотоварищамъ, что предки ихъ жили подъ соломенными крышами и «не стыдились спать на соломенныхъ ложахъ и подкладывать себѣ подъ голову охабку сѣна» [47]); но вскорѣ было замѣчено, что увѣщанія поэтовъ не въ состояніи пробудить въ этихъ изнѣженныхъ людяхъ желанія спать на жесткихъ постеляхъ или управлять плугомъ. Нужны были болѣе дѣйствительныя средства, и тогда попытались принудить тѣхъ, кого не могли убѣдить. Но Августу было, повидимому, непріятно дѣлать слишкомъ крутыя преобразованія въ общественной нравственности; онъ совершалъ ихъ понемногу и вслѣдствіе безпрестанно повторявшихся напоминаній со стороны хорошихъ гражданъ. Въ 732 году онъ отказался отъ предлагаемаго ему вѣчнаго цензорства, но согласился издать законъ о роскоши, воспрещавшій излишества въ столѣ и установлявшій границы чрезмѣрнымъ расходамъ на общественныя игры [48]). Три года спустя, сенатъ, вслѣдствіе серьёзныхъ безпорядковъ, поручилъ ему блюстительство надъ законами и нравами (*morum et legum regimen* [49]). Эта новоизобрѣтенная должность давала тому, кому она поручалась, больше власти, нежели цензору, такъ какъ цензоръ имѣлъ только право порицать, а блюстителю законовъ и нравовъ предоставлялось наказывать и издавать новыя постановленія [50]). Вручая Августу такую важную власть, сенатъ торопилъ его воспользоваться ею; онъ просилъ его подавить зло строгими законами, а такъ какъ подобнаго рода законы оказывались до тѣхъ поръ большею частію безполезными, онъ обѣщалъ Августу дать клятву въ уваженіи къ его постановленіямъ. И внѣ сената съ одинаковымъ нетерпѣніемъ требовали подобныхъ строгостей. «Если кто хочетъ, говоритъ Горацій, чтобы подъ его статуями подписывали, что онъ былъ отцомъ отечества, онъ долженъ обуздать распущенность нравовъ: этимъ онъ прославитъ себя въ будущемъ [51])». Осаждаемый со всѣхъ сторонъ, Августъ рѣшился, наконецъ, издать знаменитые юліанскіе законы о бракѣ. По древнему

47) Овид., *Fast.*, I, 205.
48) Діонъ, LIV, 2.
49) Діонъ, LIV, 10.
50) Моммсенъ, *Res gestae divi Aug.*, стр. 15.
51) *Od.*, III, 24, 27.

обычаю Рима тамъ старались уговаривать и даже принуждать гражданъ къ браку; въ своемъ разсужденіи *о законахъ* Цицеронъ ставитъ это въ обязанность должностнымъ лицамъ: «цензоры, говоритъ онъ, не должны допускать, чтобы между ними были холостяки [52])». Повидимому, Августу было разрѣшено оказывать въ этомъ отношеніи болѣе строгости, чѣмъ при республикѣ; облегчивъ вступленіе въ бракъ дозволеніемъ всѣмъ гражданамъ, исключая сенаторовъ и ихъ сыновей, жениться на вольноотпущенныхъ, онъ считалъ себя въ правѣ не разрѣшать никому уклоняться отъ брака. «Награждая женатыхъ сообразно съ количествомъ прижитыхъ ими дѣтей, онъ въ то же время подвергалъ строжайшимъ наказаніямъ холостыхъ людей обоего пола». Но этого было мало, по мнѣнію общества: оно желало большаго и не разъ приступало къ Августу, требуя съ его стороны болѣе прямаго вмѣшательства въ частную жизнь. «Однажды въ сенатѣ жаловались на то, что молодые мужщины и женщины предаются всякаго рода разврату, вслѣдствіе чего между ними уменьшается наклонность къ браку, и просили императора помочь какъ-нибудь этому злу. Императоръ отвѣчалъ, что онъ уже сдѣлалъ самое необходимое, а остальное не можетъ быть исправлено тѣми же средствами; но такъ какъ сенаторы продолжали настаивать, онъ сказалъ имъ, что каждый изъ нихъ обязанъ направлять свою жену по своему усмотрѣнію и давать ей нужные совѣты, подобно тому, какъ онъ это дѣлалъ самъ. Эти слова только увеличили всеобщее нетерпѣніе, и всѣ захотѣли узнать, какіе именно совѣты онъ давалъ Ливіи. Такимъ образомъ Августъ поневолѣ былъ вынужденъ высказать свое мнѣніе объ одеждѣ и украшеніяхъ женщинъ, о томъ, какъ онѣ должны являться въ обществѣ, и о добродѣтеляхъ, которыя имъ приличествуютъ [53])». Вѣроятно, слова его были приняты съ громкими рукоплесканіями, и сенатъ своими просьбами убѣдилъ императора превратить эти частные совѣты въ государственныя постановленія: таково было, безъ сомнѣнія, происхожденіе изданныхъ имъ законовъ противъ прелюбодѣянія и законовъ о стыдливости (*leges Juliae de adulteriis et de pudicitia*).

Сначала они были приняты хорошо. Общество давно требовало ихъ, надѣясь на ихъ дѣйствительность, и разсчитывая, что они помогутъ упрочить спасеніе государства. Подобная увѣренность

52) III, 3: *censores caelibes esse prohibento.*

53) Діонъ, LIV, 16.

была естественна: римляне судили о будущемъ по настоящему, а до сихъ поръ императору все удавалось. Царствованіе его находилось въ то время въ своемъ апогеѣ. 737 годъ, слѣдующій за тѣмъ, когда были изданы законы о бракѣ, заканчивалъ собою десятилѣтній срокъ, на который Августъ согласился принять власть, когда ему ее предлагали на всю жизнь. Въ теченіе этого десятилѣтія совершилось множество великихъ дѣлъ, которыя покажутся еще важнѣе, если вспомнить объ ужасныхъ временахъ, предшествовавшихъ имъ: бѣдствія, причиненныя междуусобіемъ, были исправлены, внутренній миръ возстановленъ, внѣшніе враги отражены, парѳяне оказали смиреніе и покорность, прежде чѣмъ на нихъ напали. Чужеземные народы чувствовали на себѣ вліяніе имперіи, а покоренные безропотно подчинялись ея власти. Порядокъ и безопасность были такія желанныя и такъ мало извѣстныя блага, что никто не думалъ о томъ, какою цѣною они оплачивались, всецѣло отдаваясь наслажденью пользоваться ими. Никогда провинціи не были такъ богаты, спокойны и счастливы, и никогда Римъ не чувствовалъ себя такимъ великимъ и уважаемымъ. Вотъ среди какого всеобщаго благополучія оканчивался первый десятилѣтній періодъ этого царствованія; слѣдующій за нимъ періодъ будетъ, казалось, еще лучше и выше. Августъ захотѣлъ ознаменовать его блестящими празднествами, воспоминаніе которыхъ осталось бы въ памяти народа, и блескъ которыхъ послужилъ бы его религіознымъ и нравственнымъ реформамъ: онъ приказалъ отпраздновать Вѣковыя игры.

Это было древнее учрежденіе, характеръ котораго онъ совершенно измѣнилъ. Любопытно видѣть средства, употребленныя имъ для его возобновленія: по нимъ можно судить, какъ онъ подражалъ прошедшему и какія въ то же время производилъ въ немъ перемѣны, чтобы приспособить его къ своимъ цѣлямъ и къ своему времени. Эти игры были учреждены въ Римѣ или во время чумы, или вслѣдствіе какихъ-нибудь ужасныхъ предзнаменованій, съ цѣлію обезоружить гнѣвъ негодующихъ за что-то боговъ. Онѣ состояли въ очистительныхъ жертвахъ, приносимыхъ ночью подземнымъ божествамъ, *Dis-Pater*'у, этому Плутону латинянъ, и Прозерпинѣ. Ихъ умоляли отвратить бѣдствія, грозившія произведеніямъ земли или поражавшія смертныхъ, и для того, чтобы молитва была исполнена, заколали черныхъ быковъ и прочія жертвы темнаго цвѣта (*hostiae furvae*), неподалеку отъ одного мѣста на Марсовомъ полѣ, называемаго *Terentum*, откуда, какъ полагали, вырываются по

временамъ подземные огни. Впрочемъ, эти игры не были, повидимому, очень популярны до Августа и не всегда праздновались съ надлежащею точностью. Онѣ должны были возвращаться только разъ въ одинъ вѣкъ; но различные народы Италіи не соглашались между собою относительно значенія этого слова. Подъ нимъ они разумѣли длиннѣйшій срокъ человѣческой жизни, причемъ каждый опредѣлялъ его посвоему. Для латинянъ же, какъ и для насъ, вѣкъ значилъ сто лѣтъ; слѣдовательно, эти церемоніи должны были совершаться черезъ каждыя сто лѣтъ [54]).

Таковы были Вѣковыя игры, когда Августъ задумалъ превратить эти степенныя и грустныя празднества въ блестящее патріотическое торжество. Ихъ приходилось исказить вполнѣ. Прежде всего надо было постановить, что онъ имѣетъ право ихъ праздновать, и что 737 годъ есть именно тотъ, которымъ начинается столѣтіе. Это была нелегкая задача; но почтенная корпорація жрецовъ, *Quindecimviri sacris faciundis*, охранявшая и истолковывавшая сивиллинскіе оракулы, потрудилась произвесть благопріятныя вычисленія и подчинить желаніямъ императора жреческое право и исторію Рима. Прежде всего безъ малѣйшаго затрудненія было рѣшено, согласно ученію этрусковъ, что вѣкъ продолжается не сто лѣтъ, какъ думаютъ латиняне, а сто десять лѣтъ; затѣмъ, перетолковывая посвоему исторію, старались доказать, что Вѣковыя игры происходили именно черезъ такой промежутокъ времени. Этимъ путемъ достовѣрно восходили до 298 года отъ основанія Рима [55]); нѣкоторые шли еще дальше и приписывали учрежденіе этихъ игръ самому Нумѣ Помпилію [56]). Слѣдовательно, начавшись одновременно съ Римомъ, онѣ слѣдовали за нимъ впродолженіе всего его существованія и примѣшивались ко всей его исторіи; возвращаясь въ опредѣленный срокъ, онѣ могли служить мѣриломъ его успѣховъ; сначала онѣ видѣли небольшимъ и малоизвѣстнымъ и съ каждымъ разомъ находили его все болѣе великимъ и славнымъ. Эта мысль о національномъ величіи и славѣ должна была сдѣлаться подъ-конецъ преобладающею въ празднованіи Вѣковыхъ игръ,

---

[54]) Варронъ у Цензор. 117: *Uti ludi centesimo quoque anno fierent.* *)

[55]) Цензор., 17.

[56]) Комментар. Крук. къ *Carm. saec.* Горація: *Ab origine romanae gentis reperti et instituti sunt, scilicet a Numa Pompilio.* **)

---

*) Чтобы игры происходили каждый сотый годъ.

**) Онѣ [игры] были учреждены въ самомъ началѣ исторіи римскаго народа, а именно Нумой Помпиліемъ.

покидая въ тѣни все остальное. Отличавшій ихъ въ прежнее время характеръ очищеній и суевѣрнаго ужаса, не исчезая вполнѣ, постепенно изглаживается; молитвы объ удаленіи бѣдствій и о плодородіи полей и женщинъ, теряютъ свое прежнее значеніе [57]). Зато на первое мѣсто выдвигается Римъ, его долговѣчность и побѣды, его прошлое и будущее. Съ этихъ поръ церемоніи необходимо должны измѣниться [58]). Боги, которыхъ благодарятъ и къ которымъ взываютъ, не могутъ быть тѣ же, что и прежде; нельзя въ самомъ дѣлѣ во дни торжества обращаться къ подземнымъ богамъ. Августъ понимаетъ это и замѣняетъ ночныхъ боговъ богомъ дня; Аполлонъ и Діана ставятся на мѣсто Дисъ-Патера и Прозерпины. Это было важное нововведеніе: до тѣхъ поръ Аполлонъ занималъ очень мало мѣста въ оффиціальной религіи Рима; по словамъ нѣкоторыхъ писателей, во время республики ему построили всего одинъ храмъ за чертой города, подобно тому, какъ это дѣлали для всѣхъ чужеземныхъ божествъ [59]). Причиною, побудившею Августа посвятить ему Вѣковыя игры, было, вѣроятно, разнообразіе его аттрибутовъ, благодаря которому онъ одинаково подходилъ, и къ прежнему характеру этихъ игръ, и къ тому, какой теперь намѣревались придать ему: въ качествѣ охраняющаго и очищающаго божества, побѣдителя Пиѳона, врага необузданныхъ силъ природы, онъ могъ призываться при очистительныхъ церемоніяхъ, установленныхъ во дни народныхъ бѣдствій; еще естественнѣе было для бога свѣта и жизни предсѣдательствовать при этихъ празднествахъ, когда они превратились въ радостное торжество, которымъ Римъ праздновалъ свою вѣчность. Царство Аполлона, уже воспѣтое Виргиліемъ [60]), казалось, возвѣщало свѣту о новой эпохѣ мира и спокойствія; имъ долженъ былъ начаться нѣкотораго рода золотой вѣкъ, впродолженіе котораго Римъ будетъ исключительно заниматься тѣмъ, чтобы хорошо управлять побѣжденными народами и упрочивать за ними миръ и счастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что Августъ смотрѣлъ на Апол-

---

57) Онѣ занимаютъ только три строфы въ Вѣковой пѣснѣ Горація, въ которой ихъ девятнадцать.

58) Такимъ образомъ *hostiae furvae* были замѣнены бѣлыми быками (Горац. *Carm. sec.* 49).

59) Аскон. Педіан., стр. 90, изд. Орелли.

60) Вирг., *Buc.*, IV, 10: *Tuus jam regnat Apollo.* *)

---

*) Уже царствуетъ твой Аполлонъ.

лона, какъ на своего особеннаго покровителя, вслѣдствіе чего ему естественно хотѣлось показать, что онъ довѣряетъ участь своей страны тому, кто давно заботится о его собственной. Это еще яснѣе указываетъ на то сліяніе, которое онъ желалъ установить между имперіей и императоромъ: имѣя одинаковыхъ боговъ, они должны были пользоваться одинаковымъ счастіемъ и не могли уже больше отдѣлиться другъ отъ друга.

Итакъ, все соединилось вмѣстѣ, чтобы придать великое значеніе Вѣковымъ играмъ Августа. Зато онѣ и были отпразднованы съ необычайнымъ блескомъ. Ничто не было позабыто для приданія имъ бóльшей важности. Желая увеличить всеобщее ожиданіе, придумали сивиллинскіе оракулы, изъ которыхъ можно было заключить, что сами боги дали себѣ трудъ установить въ этихъ праздникахъ рѣшительно все, до мельчайшихъ подробностей. По Риму и по всей Италіи разъѣзжали герольды, возвѣщая о наступленіи такихъ празднествъ, какихъ никогда не было и не будетъ. Въ назначенное время, при громадномъ стеченіи народа, впродолженіе трехъ дней и трехъ ночей, отправлялись пышныя церемоніи на Марсовомъ полѣ, неподалеку отъ прежняго Терентума, а также въ главнѣйшихъ храмахъ Рима. Въ послѣдній день ихъ, въ храмѣ Аполлона Палатинскаго, девятью мальчиками и девятью дѣвочками былъ пропѣтъ Вѣковой гимнъ Горація. Для сочиненія гимна, долженствовавшаго сохранить потомству воспоминаніе объ этихъ празднествахъ, Августъ выбралъ перваго поэта своего времени. Это была великая честь, и Горацій, очевидно, гордится ею, влагая въ уста одной изъ дѣвушекъ, поющихъ его гимнъ, слѣдующія слова. «Будучи супругою, ты скажешь: когда возобновленіе вѣка привело за собою священный праздникъ, я была изъ числа тѣхъ, которые повторяли любимыя пѣсни боговъ, преподанныя Гораціемъ» [61]). Въ то же время это была тяжелая задача: не легко было удовлетворить публику послѣ продолжительнаго ожиданія, чѣмъ торжественнѣе были обстоятельства, тѣмъ болѣе долженъ былъ опасаться поэтъ, что недостаточно съумѣетъ отвѣтить имъ. Горацій не миновалъ этого опасенія, и оно не разъ стѣсняло его талантъ. Въ поэмѣ его встрѣчаются счастливыя подробности и прекрасныя строфы; но въ цѣломъ ей недостаетъ выдержаннаго вдохновенія. Кажется, будто испугавшись своего предпріятія и не довѣряя своимъ силамъ, онъ нѣсколько разъ принимался докан-

---

[61]) *Od.*, IV, 6, 41.

чивать свою работу; въ то же время чувствуется, что долгъ, возложенный имъ на себя, стѣсняетъ его, и онъ подчасъ колеблется между нимъ и своими личными вкусами. Самъ по себѣ онъ охотно обращается къ очаровывающей его греческой поэзіи; онъ подражаетъ ей и вдохновляется ею, когда разсказываетъ намъ, какъ Церера плететъ для земли вѣнокъ изъ колосьевъ, и какъ ростетъ жатва, «питаясь спасительной росою и вѣтрами, посылаемыми Юпитеромъ» [62]); но онъ какъ будто боится увлечься этими смѣющимися образами и желаетъ прежде всего казаться степеннымъ; онъ хочетъ, чтобы его считали настоящимъ римляниномъ и, къ несчастію, слишкомъ ясно обнаруживаетъ стараніе казаться имъ. Ему приходится ввести въ поэтическую строфу Сафо далеко не поэтическое названіе квиндецимвировъ [63]); онъ считаетъ нужнымъ упомянуть объ юліанскихъ законахъ о бракѣ, чуть не перечисляя ихъ по порядку [64]); на созданномъ имъ полугреческомъ языкѣ, онъ съ удовольствіемъ повторяетъ старинныя выраженія и отрывки молитвъ [65]). Подобныя попытки не всегда ему удаются, и надо сознаться, что онѣ какъ-то стѣсняютъ его трудъ и придаютъ ему неестественный видъ. Но когда онъ воспѣваетъ Августа, поэзія его снова принимаетъ прежнюю свободу и прежній блескъ. Чувствуется, что онъ говоритъ тогда отъ глубины сердца. «Уже мидянинъ, говоритъ онъ, боится его могущественныхъ рукъ и дрожитъ при видѣ римскихъ прутьевъ съ секирою; скиѳы, индійцы, нѣкогда столь гордые, приходятъ сюда искать законовъ. Уже довѣріе, миръ, честность, древняя непорочность и давно позабытая добродѣтель

---

62) *Carm. saec.*, 29.

63) *Id.*, 70: *Quindecim Diana preces virorum curat.* *)

64) *Id.*, 18: *Prosperes decreta super jugandis Feminis.* **)

65) Въ подражаніе этимъ древнимъ обычаямъ онъ призываетъ, въ концѣ одного гимна къ Аполлону и Діанѣ, Юпитера и всѣхъ боговъ, *id.* 73: *Haec Jovem sentire deosque omnes* ***) и пр. Серв. (*Georg.* I, 21) говоритъ, что это дѣлали первосвященники: *Ritu veteri im omnibus sacris post speciales deos quos ad ipsum sacrum quod fiebat necesse erat invocari, generaliter omnia numina invocabantur.* ****) Мнѣ кажется, что такимъ образомъ просто объясняется одно затруднительное мѣсто. Обо всѣхъ этихъ вопросахъ см. диссертацію Г. Германа: *De loco Apollinis in Carmine Horatii saeculari.* Геттинг. 1848.

---

*) Пусть Діана внемлетъ мольбамъ пятнадцати мужей [квиндецемвировъ].

**) [Богиня], дай успѣхъ законамъ о бракосочетаніи женщинъ.

***) [Я уношу домой надежду, что] Юпитеръ и всѣ боги услышали эти [молитвы].

****) [По древнему обряду, при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, послѣ боговъ, которыхъ нужно было призывать спеціально для даннаго жертвоприношенія, призывались вообще и всѣ другія божества].

снова осмѣливаются появляться и ведутъ за собою обиліе съ постоянно наполненнымъ рогомъ» [66]. Здѣсь Горацій приводитъ взглядъ своихъ современниковъ. Какъ имъ, такъ и ему, одинаково казалось, что императоръ непремѣнно долженъ успѣвать во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ; когда они увидѣли униженіе передъ нимъ пароянъ, и когда послы неизвѣстныхъ народовъ пріѣхали съ отдаленнѣйшихъ концовъ свѣта, «просить дружбы у него и у римскаго народа» [67], они не могли себѣ представить предѣловъ его могуществу [68], и стали настолько довѣрчиво смотрѣть на успѣхъ его внутреннихъ реформъ, насколько гордились результатами его внѣшней политики. Очень естественно, что Августъ самъ чувствовалъ ту же увѣренность въ успѣхѣ, которую онъ внушалъ другимъ, и во время блестящаго празднованія Вѣковыхъ игръ онъ могъ вмѣстѣ со всѣмъ Римомъ, благодарившимъ его устами Горація, воображать, что возстановилъ римскую религію и исправилъ общественные нравы.

III.

Что сдѣлала римская религія для Августа.—Императоръ пріобщенъ ко всѣмъ духовнымъ должностямъ.—Онъ назначается верховнымъ жрецомъ.—Союзъ гражданской власти съ религіознымъ могуществомъ.—Опасная сторона этого союза.—Новые праздники, установленные въ честь Августа.—Имя его вводится въ древніе праздники.—Религіозный характеръ усиливаетъ собою императорскую власть. Какимъ образомъ этотъ характеръ былъ принятъ народомъ и просвѣщенными людьми.

Римская религія не оказалась неблагодарною относительно Августа: она щедро отплатила за его благодѣянія и оказала ему,

---

[66] *Carm. saec.*, 52 и сл.

[67] Свет., *Aug.* 21: *Indos etiam ac scythas, auditu modo cognitos, pellexit ad amicitiam suam populique Romani ultro per legatos petendam*, *) и Моммсенъ, *Res gestae*, стр. 89 и 90.

[68] Народъ такъ твердо вѣрилъ въ его успѣхъ и въ его счастіе, что когда въ 732 г. въ Римѣ случился голодъ и чума, онъ думалъ, что эти несчастія происходятъ оттого, что Августъ не былъ въ этомъ году консуломъ, и было рѣшено, что можно отъ нихъ избавиться, провозгласивъ его диктаторомъ (Діон. LIV, 1).

---

*) Также индовъ и скиѳовъ, извѣстныхъ только по слухамъ, онъ (Августъ) такъ привлекъ къ себѣ, что они добровольно, черезъ пословъ, домогались его дружбы и союза съ римскимъ народомъ.

по крайней мѣрѣ, столько же услугъ, сколько сама отъ него получила. Мы видѣли уже, что онъ для нея сдѣлалъ, намъ остается теперь посмотрѣть, что она сдѣлала для него.

Прежде всего она поручила ему всѣ важныя должности: еще въ молодости онъ былъ назначенъ въ первосвященники на мѣсто Л. Домиція, умершаго въ Фарсалѣ. Затѣмъ онъ вступилъ въ коллегію авгуровъ, въ коллегію квиндецимвировъ и, наконецъ, въ *Septemviri epulones*: это были четыре важнѣйшія религіозныя ассоціаціи Рима (*quattuor amplissima collegia*). Кромѣ того онъ принадлежалъ къ корпораціямъ феціаловъ, тиціевъ (*Titii*) и арвальскихъ братьевъ [69]). Преемники его, изъ подражанія ему, постоянно старались примкнуть ко всѣмъ религіознымъ учрежденіямъ, которыя того стоили. Чтобы стать во главѣ римской религіи ему оставалось только сдѣлаться верховнымъ жрецомъ; долго ждалъ онъ этого назначенія, и, надо ему отдать справедливость, ждалъ терпѣливо. Цезарь, занимавшій эту должность и понимавшій всю ея важность, желая сдѣлать ее наслѣдственною въ своемъ семействѣ вмѣстѣ съ гражданскою властію, добился отъ народа постановленія, по которому эта должность должна была перейти къ его сыну, если у него таковой будетъ, или къ его пріемышу [70]); но по смерти диктатора ею овладѣлъ Лепидъ. Назначеніе его было вполнѣ насильственнымъ и беззаконнымъ дѣломъ: онъ не соблюлъ ни одной изъ установленныхъ формальностей и даже не подумалъ созвать комицій. Слѣдовательно, его по всей справедливости можно было считать самозванцемъ и узурпаторомъ. Народъ не разъ собирался отнять у него должность, занимаемую имъ безъ всякаго права, и отдать ее Августу; но Августъ постоянно отъ этого отказывался. Онъ дѣлалъ это, однако, не изъ уваженія къ своему старинному сопернику; Діонъ разсказываетъ, что онъ находилъ удовольствіе унижать его [71]); онъ просто не хотѣлъ подавать такого примѣра, которымъ впослѣдствіи могли бы воспользоваться противъ него самого. Желая для себя этого достоинства и будучи увѣренъ, что получитъ его со временемъ, онъ находилъ благоразумнымъ уважать его привилегіи и не уменьшать его значенія. Лепидъ заставилъ его ждать впродолженіе тридцати одного года: онъ умеръ лишь въ 741 г. Послѣ этого ничто не мѣшало Августу исполнить завѣтное желаніе народа,

---

[69]) Моммсенъ, *Res gest.*, ст 18.
[70]) Діонъ XLIV, 5.
[71]) Діонъ LIV, 15.

и въ мартѣ 742 г. были созваны комиціи. Число гражданъ, спѣшившихъ принести Августу свой избирательный голосъ, было очень велико. «Ихъ собралось, гласитъ анкирская надпись, со всей Италіи такое множество, какого никто не могъ запомнить» [72]). Съ этого момента и до царствованія Граціана, то-есть впродолженіе почти четырехъ вѣковъ, званіе верховнаго жреца сдѣлалось нераздѣльно со званіемъ верховнаго гражданскаго правителя, и всѣ императоры носили титулъ верховныхъ жрецовъ.

Такимъ образомъ духовная и гражданская власть очутилась въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Подобное соединеніе могло повлечь за собою послѣдствія, которыхъ въ то время не только не опасались, но, повидимому, даже не замѣчали. Верховный жрецъ Рима пользовался чрезвычайно важными преимуществами: находясь во главѣ жреческой коллегіи, учрежденной для того, чтобы охранять неприкосновенность національной религіи, онъ, собственно говоря, имѣлъ право наблюдать за выполненіемъ всѣхъ церемоній культа. Это право позволяло ему вмѣшиваться въ общественную жизнь, гдѣ ничто не предпринималось безъ предварительныхъ молитвъ и жертвоприношеній; кромѣ того, и что еще важнѣе, оно давало ему широкій доступъ къ частной жизни, такъ какъ коллегія, въ которой онъ предсѣдательствовалъ, являлась естественнымъ судьею въ спорахъ о погребеніяхъ и усыновленіяхъ, считавшихся прежде всего религіозными дѣлами, и должна была наблюдать за выполненіемъ домашняго культа. Изъ этого видно, что жреческая власть не нуждалась въ предлогахъ для того, чтобы вмѣшиваться повсюду и все забирать въ свои руки. Но всѣ римскія учрежденія были глубоко пропитаны свѣтскимъ духомъ, и это доказывается тѣмъ, что жреческая власть не воспользовалась раньше представлявшимся ей случаемъ сдѣлаться всемогущею; во все время республиканскаго правленія она строго сдерживалась гражданской властью, ревниво охранявшей отъ нея свои привилегіи. Но когда при имперіи глава государства сдѣлался въ то же время главою и религіи, положеніе дѣлъ естественнымъ образомъ должно было измѣниться. Власть верховнаго жреца могла тогда увеличиваться по своему желанію, не находя для себя препятствій ни въ гражданской власти, ни въ религіозныхъ корпораціяхъ. Съ 724 года народъ предоставилъ императору право располагать по своему усмотрѣнію духовными должностями и назначать въ коллегіяхъ какое угодно число сверх-

[72]) Моммсенъ, *Res gestae*, стр. 28.

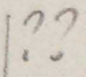
штатныхъ жрецовъ [73]); такимъ образомъ эти великія духовныя коллегіи предоставлялись полному произволу императора. До тѣхъ поръ, пока выборы происходили у нихъ посредствомъ кооптаціи, или пока члены назначались прямо народомъ, онѣ пользовались нѣкотораго рода независимымъ существованіемъ. Наблюденіе, какое верховный жрецъ долженъ былъ имѣть за ними по закону, было почти воображаемое [74]; но оно сдѣлалось дѣйствительнымъ и полнымъ, когда онѣ сами обратились въ сборище императорскихъ креатуръ. Какъ верховному жрецу, ему нечего было опасаться со стороны людей, назначенныхъ имъ, какъ императоромъ, и обязанныхъ ему всѣмъ. Съ этой минуты всѣ жреческія коллегіи у его ногъ: онъ располагаетъ ими по своему произволу и приказываетъ имъ что угодно, никогда не утомляя ихъ снисходительности. Разъ, когда эти великія ассоціаціи сдѣлались покорными и послушными, ничто въ Римѣ не могло болѣе сопротивляться верховной власти, захваченной императорами надъ религіей. Они овладѣли ею, какъ и всѣмъ остальнымъ, и очень естественно, что мало-по-малу та духовная власть, которою они пользовались въ столицѣ, распространилась также на провинціи. Само собою разумѣется, что власть верховнаго жреца, разсматриваемая съ точки зрѣнія ея начала и сущности, не имѣла никакого права заходить такъ далеко. Она была установлена единственно для наблюденія за римской религіей. Тѣ страны, гдѣ придерживались другихъ культовъ, то-есть почти вся имперія, не должны были подлежать ей, и если государь вмѣшивался въ ихъ религіозныя дѣла, то не иначе, какъ въ ка-

---

73) Діонъ, LI, 20. Я соглашаюсь съ толкованіемъ этого мѣста, даннымъ Мерклиномъ, *Die Coopt. der Römer*, ст. 153. (Боргези, *сочин.* III, ст. 409). Сначала Августъ умѣренно пользовался этимъ правомъ, предоставленнымъ ему народомъ. Онъ разрѣшалъ иногда духовнымъ корпораціямъ дѣлать самимъ выборы (Марини, *Arvali*, ст. 19); но его преемники не подражали ему въ воздержности. Недавно открытые документы арвальскаго братства знакомятъ насъ съ ихъ образомъ дѣйствія. Это была одна изъ немногихъ корпорацій, сохранившихъ при имперіи древнюю форму *cooptatio*, то-есть свободный выборъ новыхъ членовъ прежними; но вмѣстѣ съ тѣмъ прежніе члены старались выбирать лишь тѣхъ, кого желалъ государь. Онъ давалъ имъ знать о своемъ желаніи письмомъ въ родѣ слѣдующаго: „Цезарь, арвальскимъ братьямъ, своимъ сотоварищамъ, поклонъ вамъ. Я думаю, что на мѣсто П. Метилія Непоса слѣдуетъ назначить Л. Юлія Ката» (Генценъ, *Scavi nel bosco*, и пр., ст. 65). И всѣ арвальскіе братья спѣшили назначить того, на кого государь указывалъ въ своемъ письмѣ.

74) Буше-Леклеркъ, *Les Pontifes*, кн. IV.

чествѣ гражданскаго правителя, для предупрежденія безпорядка и для поддержанія общественнаго спокойствія. Но въ самой природѣ неограниченной власти заключается желаніе обнаруживаться повсюду во всей полнотѣ. Имѣющіяся у насъ по этому поводу свѣдѣнія очень немногочисленны; кромѣ того при взглядѣ на рѣшенія, принимаемыя императоромъ, не всегда легко угадать, желаетъ ли онъ дѣйствовать въ качествѣ государственнаго правителя или въ качествѣ верховнаго жреца; тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія, что уже съ давнихъ поръ дѣлались попытки распространить на провинціи полноправность верховнаго жреца. Государственные дѣятели, бывающіе обыкновенно требовательнѣе самого государя и ревнивѣе его охраняющіе императорскую власть, врядъ ли бы допустили, чтобы ему гдѣ-нибудь было отказано въ тѣхъ правахъ, какими онъ пользовался въ Римѣ. Плиній, управляя Виѳиніей, находилъ совершенно естественнымъ обращаться къ императору за разрѣшеніемъ перенести въ другое мѣсто гробницу, сооруженную въ Никомедіи. «Зная, что въ Римѣ, пишетъ онъ, въ подобныхъ случаяхъ обращаются обыкновенно къ коллегіи первосвященниковъ, я думалъ, что и теперь я долженъ обратиться къ вамъ, какъ къ верховному жрецу, и спросить вашего мнѣнія» [75]). Траянъ отвѣчалъ, что для виѳинцевъ было бы очень затруднительно дожидаться отвѣта всякій разъ, когда имъ будетъ настоять необходимость касаться мѣстъ погребенія, и разрѣшилъ имъ дѣлать это, не спрашивая его мнѣнія; тѣмъ не менѣе письмо Плинія ясно доказываетъ стремленіе государственныхъ лицъ подчинить весь міръ религіозной власти верховнаго жреца Рима.

Во все время республики эта власть, повидимому, не тяготила

---

[75]) Плиній *Epist.* X, 72. Въ другомъ письмѣ онъ снова обращается къ религіознымъ познаніямъ Траяна и спрашиваетъ его по поводу храма Матери боговъ, который жители Никомедіи хотѣли разрушить и перенести, чтобы увеличить свой форумъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что при посвященіи этого храма не было сдѣлано одного изъ постановленій, называемыхъ римлянами *lex dedicationis* или *lex templi*, назначавшихъ на будущее время всѣ условія его существованія. „Рѣшите, говоритъ онъ, можно ли при такихъ обстоятельствахъ безъ грѣха перенести его въ другое мѣсто. Это будетъ очень полезная мѣра, если только религія ей не воспротивится". Траянъ отвѣчалъ, что это можно сдѣлать безъ всякаго затрудненія, „потому что нельзя посвящать по римскому жреческому уставу храма на почвѣ иностраннаго города" (*Epist.* X, 58 и 59). И здѣсь мы видимъ государственнаго человѣка, который заставляетъ государя рѣшить вопросъ, касающійся чужеземной религіи, считая его духовнымъ главою всего міра.

собою особенно ни чьей совѣсти. Такъ какъ оффиціальная религія состояла исключительно изъ однихъ обрядовъ, то главѣ ея не приходилось установлять никакихъ догматовъ; онъ наблюдалъ только за культомъ и предоставлялъ полную свободу мнѣніямъ. Имперія подражала вообще этой воздержности. Но трудно, чтобы власть, почувствовавъ себя сильнѣе, не пожелала въ то же время сдѣлаться и требовательнѣе прежняго. Въ знаменитой рѣчи, приписываемой Діономъ Меценату и заключающей въ себѣ всю политику имперіи, историкъ влагаетъ въ уста Августа слѣдующія слова: «Почитайте боговъ по народнымъ обычаямъ и принуждайте другихъ почитать ихъ такимъ же образомъ»; и затѣмъ нѣсколько далѣе: «не позволяйте никому быть безбожникомъ», то-есть не вѣрить тѣмъ богамъ, которыхъ признаетъ государство [76]). Эти предписанія формальны и строги. По способу, какимъ они выражены, чувствуется, что человѣкъ, къ которому за ними обращаются, вооруженъ одновременно и матеріальной силой, и религіозною властью. Когда эти столь различныя власти находятся въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, онѣ искажаютъ одна другую своимъ союзомъ. Та изъ нихъ, которую главнымъ образомъ можно назвать силою, принимаетъ несоотвѣтствующій ей мистическій характеръ, а та, которая должна была бы дѣйствовать только посредствомъ убѣжденія, начинаетъ говорить не иначе, какъ повелительнымъ и угрожающимъ тономъ. Государь, соединяющій въ себѣ одновременно и духовную, и гражданскую власть, готовъ всегда дѣлать догматы изъ полицейскихъ распоряженій и заставлять повиноваться догматамъ, какъ полицейскимъ распоряженіямъ. Этотъ двойственный характеръ обнаруживается въ императорскихъ законахъ и дѣлается все замѣтнѣе по мѣрѣ того, какъ имперія старѣетъ. Подъ конецъ государь самъ говоритъ на каждомъ шагу о своей божественности и, бросая на растерзаніе звѣрямъ людей, не раздѣляющихъ его вѣрованій, называетъ свои государственныя распоряженія «небесными оракулами». Мы видимъ, какъ уже при Августѣ принимаются строгія мѣры противъ сборниковъ лжепророчествъ. Они очень размножились въ это грустное и смутное время, когда всякій старался представить себѣ будущность тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ мрачнѣе было настоящее. Одной изъ первыхъ заботъ Августа, когда онъ сдѣлался верховнымъ жрецомъ, было собрать ихъ и велѣть разсмотрѣть; онъ приказалъ уничтожить всѣ тѣ, которые происходили изъ

---

[76]) Діонъ, II, 36.

подозрительныхъ источниковъ; ихъ сожгли болѣе двухъ тысячъ [77]). Точно такъ же было поступлено съ памфлетами Лабіэна, и такимъ образомъ къ религіи были примѣнены крутыя государственныя мѣры.

Независимо отъ своего званія верховнаго жреца, Августъ имѣлъ еще другія права на уваженіе и благодарность со стороны римской религіи; мы уже видѣли, что онъ возстановилъ давно забытыя церемоніи и возвратилъ утраченное значеніе стариннымъ корпораціямъ. Очень естественно, что его всегда вспоминали, справляя возобновленные имъ праздники, и что благодѣянія его не позабывались въ корпораціяхъ, обязанныхъ ему новою жизнью. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что игры на перекресткахъ и Вѣковыя игры, возобновленныя подъ его покровительствомъ, сдѣлались скорѣе политическими, нежели религіозными учрежденіями. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ актахъ арвальскаго братства чаще говорится объ императорахъ, чѣмъ о богахъ. Между религіозными ассоціаціями имперіи началось тогда какъ бы соревнованіе въ благодарности или лести: всѣ онѣ стараются превзойти другъ друга въ похвалахъ императору и въ своихъ молитвахъ за него, обращаемыхъ къ богамъ. Религія празднуетъ и освѣщаетъ всѣ событія его жизни. Въ день его рожденія—приносятся жертвы, въ дни его побѣдъ—даются игры. 16 января празднуютъ потому, что въ этотъ день онъ былъ названъ Августомъ; 4 февраля—потому, что онъ получилъ титулъ отца отечества; 6 марта—потому, что онъ сдѣлался верховнымъ жрецомъ. 12 октября первосвященники и весталки закалаютъ жертвы на алтарѣ Фортуны возвратницы (*Fortuna redux*), сооруженномъ при его возвращеніи изъ Сиріи послѣ завоеванія Египта; 4 іюля приносятъ жертвы миру Августа (*Pax Augusta*) на алтарѣ, посвященномъ сенатомъ при его возвратѣ изъ Испаніи [78]). Черезъ каждыя пять лѣтъ одна изъ главнѣйшихъ жреческихъ коллегій даетъ народу игры въ память его побѣды при Акціумѣ, подчинившей ему міръ [79]); черезъ каждыя десять лѣтъ возобновляютъ его власть, и по этому случаю задаются еще блистательнѣйшія торжества [80]). Успѣхи его оружія или политики, рожденіе его дѣтей, его болѣзни и выздо-

[77]) Свет., *Aug*., 31.

[78]) Относительно всѣхъ этихъ праздниковъ см. *Commentarii diurni* или сочиненіе о Фастахъ, напечатанное Моммсеномъ въ 1-мъ томѣ *Corp. inscr. lat.*, стр. 382—412.

[79]) Діонъ, LIII, 1.

[80]) Id., LIII, 16.

ровленія, годовщины посвященія храмовъ, воздвигнутыхъ имъ самимъ или въ его честь,—все служитъ предлогомъ къ новымъ праздникамъ; но такъ какъ число ихъ возросло еще болѣе при его преемникахъ и еще сильнѣе развилась привычка «осквернять праздничные списки низкою лестью» [81]), то они, наконецъ, до такой степени переполнили собою календарь, что ихъ поневолѣ пришлось сократить. Маркъ Аврелій постановилъ, что въ году будетъ только 135 праздничныхъ дней, но и это было-таки достаточное число; онъ не исправилъ, впрочемъ, людей отъ раболѣпства, и послѣ него число праздниковъ снова увеличилось.

Не довольно было создавать новыя церемоніи въ честь Августа; думали сдѣлать ему еще болѣе удовольствія и пользы, примѣшивая память о немъ къ древнимъ церемоніямъ. По приказанію сената, имя его включено въ пѣсни салійцевъ, восходившія, по тогдашнему мнѣнію, до временъ Нумы [82]); такимъ образомъ власть его, которую можно было упрекнуть за ея недавность, освящалась теперь древностью. Жрецы и жрицы получили приказаніе, вознося молитвы за народъ и сенатъ, возносить ихъ также за него [83]). Существовалъ обычай, чтобы консулы каждый годъ 1-го января молились богамъ о благоденствіи республики. Это торжество сохранилось и при имперіи, но къ нему прибавили еще новое; такъ какъ у римлянъ 2 января былъ печальный день, то за императора молились 3-го. Это была та знаменитая церемонія, которая называлась народными обѣтами *(vota annua* или *publica)*. Въ этотъ день сенатъ собирался на Капитоліи, гдѣ торжественно прочитывалось письменное обѣщаніе, что «если императоръ будетъ живъ въ январѣ слѣдующаго года, если боги спасутъ его отъ всѣхъ опасностей, которымъ онъ могъ бы подвергнуться, если они будутъ давать ему во всемъ успѣхъ, если они сохранятъ его въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находится или даже дадутъ ему лучшее положеніе, въ такомъ случаѣ всѣ обязываются черезъ годъ принести въ жертву Юпитеру величайшему и милосерднѣйшему, Юнонѣ Регинѣ, Минервѣ и богинѣ *Salus* (спасенія) быковъ или коровъ

---

[81]) Тацитъ, *Лѣтоп.*, IV, 40.

[82]) Моммсенъ, *Res Gestae*, стр. 27. Можетъ быть, подобное введеніе было не болѣе, какъ древній обычай, возобновленный для Августа. У Варрона говорится (De ling. lat., IX, 61): *Luciam volominiam Saliorum Carminibus appellari*, и пр.

[83]) Діонъ, LI, 19.

съ вызолоченными рогами [84]). Всѣ главныя жреческія коллегіи произносили ту же клятву [85]), и она повторялась во всѣхъ городахъ имперіи [86]).

Оффиціальная религія естественно должна была молиться за императора, бывшаго его верховнымъ главою; но она молилась не одна. Иностранные культы, къ которымъ онъ относился недовѣрчиво и подчасъ даже враждебно, съ неменьшимъ усердіемъ молились о его благополучіи и славѣ. Во время праздника въ честь покровительницы мореплаванія, Изиды, справлявшагося 5 марта съ величайшею пышностью на всѣхъ берегахъ Средиземнаго моря, процессія жрецовъ и посвященныхъ, спустивъ на море корабль, раскрашенный по-египетски и отягченный украшеніями и товарами, возвращалась въ храмъ и молилась тамъ о благоденствіи императора, сената, всадниковъ и всего римскаго народа [87]); 24 марта, во время праздника Цибелы, называемаго «кровавымъ днемъ», жрецъ (архигаллъ), проколовъ себѣ руки небольшимъ обоюдуострымъ ножемъ, возносилъ богинѣ свои мольбы о здоровьи государя [88]). Даже христіане во время своихъ собраній, на которыхъ они, по описанію Тертулліана, молились съ простертыми впередъ руками и непокрытыми головами, просили своего Бога даровать императору «долгую жизнь, признанную всѣми власть, дружное семейство, храброе войско, вѣрный сенатъ, честныхъ подданныхъ и всеобщій миръ [89])». Императора не забывали и на семейныхъ праздникахъ, которые до самаго конца продолжали пользоваться наибольшимъ уваженіемъ. Сенатъ предписалъ, чтобы на каждомъ общественномъ или частномъ пиру дѣлались возліянія въ честь императора [90]). Въ концѣ обѣда всѣ гости вставали и произносили вмѣстѣ: «за благополучіе Августа, отца отечества [91])». Овидій изображалъ близкихъ родственниковъ, собравшихся на трогательный праздникъ, называемый «дорогое родство, *cara cognatio*». Они курятъ ѳиміамъ домашнимъ богамъ, и каждое блюдо своего

[84]) Въ письменныхъ актахъ арвальскаго братства можно найти эту молитву цѣликомъ (Марини, *Arv.*, табл. 23 и 24).

[85]) Марини, *Arv.*, стр. 56.

[86]) Плиній, *Epist.*, X, 44.

[87]) Апулей, *Metamorph.*, XI, 17 (изд. Гильдебрандта).

[88]) Тертул., *Apolog.*, 25.

[89]) Тертул., *Apolog.*, 30.

[90]) Діонъ, LI, 19.

[91]) Петрон., *Sat.*, 60.

обѣда предлагаютъ сперва Ларамъ; затѣмъ, «когда наступаетъ вечеръ, и они собираются разойтись, каждый изъ нихъ беретъ въ руки чашу вина и совершаетъ возліяніе, произнося слѣдующія священныя слова: за насъ, за тебя, Цезарь, самый дорогой и лучшій изъ людей! [92])»

Всякій зналъ, какъ льстили Августу и какъ въ то же время помогали его политикѣ всѣ эти обѣты и молитвы о его здоровьи и благополучіи, повторявшіеся въ римскихъ и провинціальныхъ храмахъ, въ молельняхъ всевозможныхъ культовъ, въ небольшихъ капищахъ всѣхъ ассосіацій, въ общественныхъ собраніяхъ, въ семейныхъ кружкахъ; въ угоду ему лесть охотно принимала форму религіознаго прославленія. Однажды въ сенатѣ, гдѣ не знали больше, что придумать, чтобы польстить своему владыкѣ, одинъ народный трибунъ, по имени Секстъ Пакувій, затѣялъ посвятить себя ему по примѣру испанцевъ; когда же Августъ старался не допустить его до этого, онъ вышелъ изъ куріи и, пробѣгая улицы и площади, убѣждалъ народъ посвятить себя вмѣстѣ съ нимъ императору [93]). Августъ болѣе всего трогался и, повидимому, болѣе всего дорожилъ тѣми почестями, которыя какъ бы давали его власти божественное утвержденіе. Такъ какъ въ качествѣ патриція онъ не могъ быть народнымъ трибуномъ, то заставилъ по крайней мѣрѣ дать ему трибунскую власть. Это достоинство дѣлало его «свято-неприкосновеннымъ», то-есть ставило его жизнь подъ прямое покровительство боговъ. Когда плебеи вырвали у своихъ враговъ учрежденіе трибуната, они хотѣли обезопасить эту новую должность отъ всякихъ нападеній съ ихъ стороны. Былъ внесенъ законъ, запрещавшій бить трибуна, угрожать ему и наносить ему оскорбленія словами или дѣйствіемъ. «Если кто-нибудь, говорилось въ заключеніе, нарушитъ эти предписанія, пусть будетъ онъ проклятъ (*sacer esto*), пусть имущество его будетъ конфисковано, и пусть каждый имѣетъ тогда право безнаказанно убить его»; затѣмъ весь народъ торжественно клялся уважать этотъ законъ, «призывая въ свидѣтели боговъ неба и ада [94]). Итакъ, трибунская

[92]) Овидій, *Fast.*, II, 635.

[93]) Діонъ, LIII, 20. Отсюда произошла слѣдующая формула, очень часто встрѣчающаяся въ надписяхъ временъ имперіи: *Devotus numini majestatique imperatoris* *).

[94]) Діонис. Галик., VI, 89.

*) Посвященный высшей сути и величеству императора.

власть сдѣлала Августа неприкосновеннымъ, а его званіе верховнаго жреца еще сильнѣе увеличило эту неприкосновенность и какъ бы освятило ее свыше. Говоря о мартовскихъ идахъ, Овидій кажется болѣе всего оскорбленнымъ тѣмъ, что осмѣлились ударить первосвященника и приговорить къ смерти жреца [95]). Для Валерія Максима и льстецовъ Тиберія Бруттъ и Кассій не только убійцы, но и святотатцы. Государь считаетъ себя въ правѣ требовать отъ своихъ подданныхъ болѣе, чѣмъ повиновенія и вѣрности; онъ предписываетъ имъ нѣкотораго рода сыновнюю преданность и хочетъ быть для нихъ отцомъ и жрецомъ. Мы имѣемъ въ рукахъ сохранившійся текстъ присяги, произносимый при его вступленіи на престолъ. «Клянусь отъ всей души, говорилось въ ней, быть врагомъ тѣхъ, кого я буду считать врагами императора; если кто-либо будетъ угрожать его власти или жизни, я не перестану вести противъ того истребительную войну, пока онъ не поплатится за свое преступленіе; я не стану предпочитать спасеніе своихъ дѣтей спасенію императора. Если я самовольно нарушу свою клятву, пусть Юпитеръ, милосерднѣйшій и высочайшій, и всѣ прочіе боги поразятъ меня и моихъ дѣтей, пусть они изгонятъ меня изъ отечества и лишатъ здоровья и богатства [96]»). Строгія наказанія, призываемыя на себя подданнымъ за нарушеніе обязанностей относительно государя, оказались на дѣлѣ слишкомъ преувеличенными. Доносщики воспользовались современемъ ужасными послѣдствіями той святости, въ какую былъ облеченъ императоръ. Съ той минуты, что онъ дѣлается какъ бы уполномоченнымъ отъ боговъ, каждая нанесенная ему обида становится уголовнымъ преступленіемъ; быть любовникомъ его дочери есть не только преступленіе противъ нравственности, это — оскорбленіе религіи [97]). Неуважительно отнестись къ его статуямъ, перемѣнить одежду передъ его изображеніемъ, занести нечаянно въ дурное мѣсто монету съ вычеканеннымъ на ней лицомъ его, — все это считалось

---

95) Овид., *Metam.*, XV., 763: *tam triste parari Pontifici letum*.... 777 *caede sacerdotis*.... *)

96) *Corp. inscript. latin.*, II, 172.

97) Тацитъ, *Лѣтоп.*, III, 24: *Culpam inter viros et feminas vulgatam gravi nomine laesarum religionum*.... *appellando* **) и пр.

---

*) Она [златовласая мать Энея] видѣла, что [верховному] жрецу готовится печальный конецъ.... убійствомъ.

**) Называя преступленіе, обыкновенное между женщинами и мужчинами, тяжкимъ именемъ оскорбленія религіи.

святотатствами, достойными смертной казни. Хотя до такихъ преувеличенiй дошли только впослѣдствiи, но зародыши ихъ таились уже въ учрежденiяхъ Августа, и по нимъ можно судить, сколько обаянiя и силы придала религiя и безъ того уже обширной власти императоровъ.

Чтобы заставить это насмѣшливое общество примириться съ тѣмъ характеромъ, какой Августъ хотѣлъ придать своей власти, дѣло было поведено издалека. Всѣ были согласны въ томъ, что онъ происходитъ отъ боговъ; это происхожденiе какъ бы положило особенную печать на его семейство. Преданiе изображало его прародителя Энея, сына Венеры и божественнаго Анхиза, мудрымъ и благочестивымъ героемъ; Виргилiю не трудно было придать ему видъ совершеннаго жреца. Дiонисiй Галикарнасскiй разсказываетъ, что въ то время, какъ Сильвiй, сынъ Энея и Лавинiи, занималъ престолъ послѣ своего отца, Юлъ, сынъ Асканiя, довольствовался одними религiозными почестями [98]); отъ него-то и произошелъ жреческiй родъ Юлiевъ. Цезарь, пламенно добиваясь званiя верховнаго жреца, дѣйствовалъ не только какъ честолюбецъ, понимавшiй насколько религiя можетъ увеличить его власть, но и какъ потомокъ благочестиваго Энея, вѣрный своимъ родовымъ преданiямъ. Что касается Августа, то онъ, какъ искусный политикъ, все устроилъ вокругъ себя такимъ образомъ, что о немъ самомъ и о его власти составили себѣ именно то понятiе, какое онъ хотѣлъ. Согласно обычаю, верховный жрецъ долженъ былъ жить въ домѣ, принадлежащемъ государству и называемомъ *Regia*. Августъ не покинулъ Палатина, но зато превратилъ его совершенно въ святое мѣсто. Такъ какъ главѣ римской религiи необходимо было находиться возлѣ римскаго очага, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь, поддерживаемый весталками, то онъ воздвигъ возлѣ своего дворца храмъ Весты рядомъ съ строившимся храмомъ Аполлона, что заставило льстеца Овидiя сказать: «это жилище заключаетъ въ себѣ трехъ боговъ [99])». Самый домъ Августа имѣлъ видъ храма; все въ немъ возбуждало въ народѣ чувство уваженiя; по обѣимъ сторонамъ двери были посажены лавры, надъ нею красовался дубовый вѣнокъ, форма крыши была такая же, какъ въ святилищахъ боговъ [100]). Подобное жи-

---

[98]) Дiон. Галик., I, 71.

[99]) Овид., *Fast.*, IV, 949.

[100]) Герцбергъ: *De diis Romanorum patriis*, стр. 48.

лице вполнѣ приличествовало возстановителю религіи и нравственности, и онъ, дѣйствительно, имѣлъ нѣкоторое право раздѣлять почести съ богами, культъ которыхъ онъ возобновилъ. Народъ далъ вполнѣ овладѣть собою этой внѣшности, и объ Августѣ рано уже создалась легенда, какъ о богѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ творилъ чудеса, подобныя тѣмъ, какія мы находимъ въ житіяхъ святыхъ; когда онъ былъ еще въ пеленкахъ, его нашли однажды утромъ на верху башни, смотрящаго во всѣ глаза на восходящее солнце; только что начавъ говорить, онъ приказалъ однажды смолкнуть лягушкамъ, заглушавшимъ его слова, и тѣ навсегда утратили голосъ; когда по смерти диктатора онъ пріѣхалъ въ Римъ за своимъ наслѣдствомъ, солнечные лучи образовали какъ бы вѣнецъ вокругъ головы его, и впослѣдствіи всѣ счастливыя событія его жизни возвѣщались предзнаменованіямй [101]). Вѣроятно, свѣтскіе люди смѣялись втихомолку надъ этими чудесными разсказами; тѣмъ не менѣе они гораздо снисходительнѣе отнеслись къ императорскимъ претензіямъ, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ такихъ просвѣщенныхъ и хитрыхъ умовъ. Вообще они довольно охотно мирились съ жреческимъ характеромъ, принятымъ на себя новымъ правительствомъ. Я говорю не объ однихъ только безстыдныхъ льстецахъ, число которыхъ было въ то время очень велико: начиная съ царствованія Тиберія они толкуютъ о «священныхъ» занятіяхъ государя; осторожный Тиберій приказалъ уничтожить это названіе, казавшееся ему слишкомъ тщеславнымъ [102]); но, вѣкъ спустя, оно вполнѣ вошло въ употребленіе въ оффиціальномъ языкѣ; походы, предводительствуемые самимъ императоромъ, называли «священными походами», а семейство его открыто называлось «священнымъ домомъ». Горацій не заходилъ такъ далеко и довольствовался тѣмъ, что просилъ Юпитера сдѣлать Августа своимъ намѣстникомъ [103]); «будучи ниже одного тебя, говорилъ онъ ему, онъ справедливо будетъ управлять вселенною» [104]); при этомъ онъ намекалъ, что отецъ боговъ, избавясь отъ этой заботы, будетъ имѣть больше времени для выполненія своихъ прочихъ обязанностей. Плиній младшій точно та-

---

[101]) Свет., *Aug.*, 94.
[102]) Свет., *Tib.*, 27.
[103]) Горац., *Оды*, I, 12, 51: *Tu secundo Caesare regnes* *).
[104]) *Id.*, 57: *Te minor latum reget aequus orbem* **).

---

*) Даруй, чтобъ второй по тебѣ повелитель былъ Цезарь надъ нами. (Пер. Фета).
**) Меньшой по тебѣ, онъ да право правитъ вселенной.

кимъ же образомъ рисуетъ себѣ императорскую власть. Для него императоръ нѣкотораго рода посредникъ между небомъ и землею; онъ представляетъ богамъ молитвы людей [105]), на него боги слагаютъ свою обязанность управлять міромъ. «Юпитеръ, говорилъ онъ, можетъ теперь заниматься однимъ небомъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ выбралъ тебя своимъ намѣстникомъ на землѣ [106]»). Этихъ словъ нельзя назвать просто лестью, это формула созданнаго Августомъ правленія. Ко всѣмъ санамъ древней республики, которые онъ заставлялъ возлагать на себя, онъ хотѣлъ прибавить качество, недостававшее республиканскимъ должностямъ, названное Цезаремъ въ его знаменитой рѣчи «святостью государей [107]»); это качество дѣлало ихъ прямыми представителями боговъ, они царствовали во имя ихъ, съ условіемъ раздѣлять съ ними власть. Христіанскія царствованія, слѣдовавшія за имперіей и старавшіяся продолжать ее, не позабыли овладѣть этою частью наслѣдства. Подобно имперіи они старались въ глазахъ народа казаться освященными свыше и увѣряли его, будто управляютъ имъ во имя неба; впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ епископы повторяли государямъ то же самое, что римскій сенатъ говорилъ императорамъ: «вы—образъ божества!» [108]).

---

105) Плин., *Paneg.* 78: *Quibus apud deos adesse consuesti* *).

106) *Id.* 80: *Qua nunc parte curarum liber solutusque tantum coelo vacat postquam te dedit, qui erga omne hominem genus vice sua fungereris.*

107) *Sanctitas regum.*, Свет., *Iul. Caes*, 6.

108) Тац., *Ann.*, III, 36: *Principes instar deorum esse.*

*) Тѣ, за кого ты привыкъ ходатайствовать у боговъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Апоѳеоза императоровъ.

Римская религія, дѣлавшая изъ императовъ при жизни ихъ полубоговъ, по смерти превращала ихъ въ полныхъ боговъ. Религіозное освященіе, которое Августъ желалъ придать своей власти, было дополнено и увѣнчано апоѳеозою. Если бы апоѳеоза была, какъ обыкновенно думаютъ, не болѣе какъ пустая лесть, тогда не стоило бы труда заниматься ею; но значеніе ея было важнѣе, а главное, она имѣла очень серьёзныя и непредвидѣнныя политическія послѣдствія. Культъ Цезарей послужилъ къ поддержанію муниципальной жизни въ городахъ и къ пробужденію національнаго духа въ провинціяхъ, и помогъ утвердить на болѣе прочныхъ основаніяхъ единство имперіи. Вотъ тѣ причины, по которымъ слѣдуетъ тщательно изучить его происхожденіе, характеръ и результаты.

I.

Что предшествовало апоѳеозѣ императоровъ,—въ Египтѣ, въ Греціи, — въ Римѣ.—Вѣрованіе, будто умершіе становятся богами.—Мнѣніе философовъ о томъ, что души праведныхъ возносятся на небо.

Ничто, быть можетъ, такъ не удивляетъ насъ и не отталкиваетъ отъ себя въ древнихъ культахъ, какъ апоѳеоза государей. Причину этого легко понять: всѣ религіи, исповѣдуемыя въ настоящее время, провозглашаютъ единобожіе. Когда признаютъ лишь одного Бога, то единство его дѣлаетъ его столь великимъ, а величіе— столь далекимъ отъ насъ, что возвысить до него человѣка становится совершенно невозможнымъ. Но древніе, исповѣдовавшіе многобожіе, не могли имѣть подобнаго чувства; для нихъ не было ничего легче, какъ начать поклоняться еще одному богу, когда боговъ существовали и безъ того цѣлыя тысячи. Притомъ степени важности ихъ были такъ же многочисленны, какъ разнообразны были исполняемыя ими обязанности. Если между ними было много сильныхъ и

могущественныхъ, зато немало было также слабыхъ и скромныхъ, постепенно нисходившихъ до степени человѣка. Слѣдовательно, въ то время между Богомъ и человѣкомъ не существовало той недоступной черты, какая существуетъ теперь; напротивъ того, религія устроила между ними цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, сближавшихъ ихъ между собою, и это самое сродняло людей съ мыслью, что нѣтъ ничего невозможнаго изъ человѣка обратиться въ бога. Существовала цѣлая знаменитая система, придуманная греками и называвшаяся *эвгемеризмомъ*, по имени своего основателя; по ея мнѣнія, всѣ боги были сначала людьми, которыхъ по смерти ихъ другіе люди сдѣлали богами, изъ благодарности или изъ страха. Успѣху этой системы способствовало то, что она опиралась на всеобщія вѣрованія, потому что еще очень задолго до Эвгемера существовалъ нѣкотораго рода народный эвгемеризмъ, ставшій поддержкою послѣдующему. Въ первоначальныхъ легендахъ всѣхъ народовъ, герои берутся на небо въ награду за свою храбрость. Почти каждый городъ имѣлъ обыкновеніе воздавать божескія почести своему основателю. Онъ естественнымъ образомъ становился для него особеннымъ патрономъ, спеціальнымъ покровителемъ, и такъ какъ онъ былъ такъ сказать собственностью города, то жители его имѣли къ нему особенное довѣріе и всего охотнѣе обращались съ молитвами. Даже просвѣщенные люди принуждены были оказывать ему особенное уваженіе, и патріотизмъ заставлялъ ихъ или дѣйствительно быть суевѣрными, или казаться таковыми. Варронъ находилъ, что обычай городовъ помѣщать на небо своихъ основателей и первыхъ царей, какъ бы о немъ ни думали, могъ во всякомъ случаѣ имѣть счастливыя послѣдствія, и что нѣтъ ничего дурнаго, если храбрый человѣкъ считаетъ себя происшедшимъ отъ боговъ [1]).

Восточные народы пошли дальше; имъ недостаточно было воздавать божескія почести своимъ древнимъ героямъ, они безразлично воздавали ихъ всѣмъ своимъ царямъ. Религіозный характеръ, отличавшій у нихъ царскую власть, всегдашняя отчужденность жизни ихъ государей, неограниченное уваженіе, требуемое ими отъ подданныхъ, и страхъ, который они старались вселять въ нихъ, все это побудило народъ сдѣлать апоѳеозу главнымъ преимуществомъ царской власти. Для того, чтобы обожать ихъ, не дожидались даже ихъ смерти; божественность начиналась для нихъ еще заживо. Въ

---

[1]) Св. Авг., *De civit. Dei,* III, 4.

Египтѣ Фараонъ самъ себя называетъ «богомъ милостивымъ и богомъ великимъ»; религіозный актъ коронованія превращаетъ его въ бога солнца. Въ храмѣ Мединетъ-Абу, Амунъ, обращаясь къ богамъ сѣвера и юга, говоритъ имъ о Рамзесѣ великомъ: «Это сынъ мой, владыка годовъ; я воспиталъ его на своихъ собственныхъ рукахъ, я зачалъ его своими божественными членами [2])». Птоломеи не имѣли ни малѣйшаго желанія разстаться съ преданіями Фараоновъ; они торжественно устроили въ своей столицѣ культъ всѣмъ государямъ Египта, начиная съ Александра. Царствующій государь, старшій или младшій, лишь только онъ наслѣдовалъ своему отцу, тотчасъ начиналъ считаться богомъ, подобно другимъ, и получалъ участіе во всѣхъ почестяхъ, какія оказывались его предшественникамъ. Мы узнаемъ это изъ знаменитой надписи въ Розеттѣ. Жрецы, собравшіеся со всѣхъ концовъ Египта для коронаціи Птоломея Эпифана, объявили во время ея, «что онъ богъ, сынъ бога и богини, подобно Гору, сыну Изиды и Озириса, отомстившему за своего отца». Поэтому «ему воздвигнутъ по изображенію въ каждомъ храмѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, и возлѣ него жрецы будутъ по три раза въ день отправлять богослуженіе. Въ каждомъ святилищѣ ему поставятъ по деревянной статуѣ въ позолоченномъ ковчежцѣ, и во время великихъ процессій, когда выносятся всѣ ковчежцы, ковчежецъ бога Эпифана будетъ выноситься вмѣстѣ съ другими». Они разрѣшили также и частнымъ лицамъ имѣть у себя подобныя статуи и ковчежцы, но съ условіемъ совершать «всѣ предписанныя церемоніи въ праздники, повторяющіеся ежемѣсячно и ежегодно [3])».

Греки не избѣгнули заразы со стороны Востока; со времени пелопоннезской войны, спартанецъ Лизандръ, побѣдитель аѳинянъ, заставилъ поклоняться себѣ, какъ богу Малой Азіи. Когда Греція утратила свою свободу, всѣ покорявшіе ее тиранны получали поочередно божескія почести. Въ то время апоѳеоза имѣла наиболѣе отталкивающій характеръ. Можно еще было до извѣстной степени вѣрить искренности народовъ Востока, когда они обоготворяли своихъ страшныхъ повелителей; но греки были слишкомъ скептическій и хитрый народъ для того, чтобы можно было серьёзно вѣрить ихъ лести. Самая ловкость, съ которою они лгутъ, и новыя, деликатныя формы, въ какія они стараются облекать свою

---

[2]) Revue archéolog., 1848, ст. 340.

[3]) Летроннъ, *Inscr. de l'Egypte*, 1, стр. 241.

лесть, еще яснѣе выставляютъ всю ея низость. Въ этомъ отношеніи они не знали ни смущенія, ни стыда; мы видимъ, какъ они поочередно расточаютъ однѣ и тѣ же похвалы всѣмъ кто посильнѣе. Когда Митридатъ приказалъ умертвить всѣхъ римлянъ, находившихся въ Малой Азіи, они прозвали его *Богомъ-отцомъ*, *Богомъ-спасителемъ* и надѣлили его всѣми названіями Вакха [4]). Когда римляне побѣдили Митридата, они поспѣшили воздвигнутъ алтари Риму. Смирна хвалилась тѣмъ, что она первая стала поклоняться богинѣ Риму по окончаніи пуническихъ войнъ [5]). Алабанда, промышленный городъ въ Каріи, съ давнихъ поръ установилъ у себя игры въ честь той же богини [6]). Примѣръ этотъ нашелъ себѣ подражаніе послѣ того, какъ римскіе легіоны покорили Грецію и Азію. Послѣ поклоненія Риму его начали вскорѣ воздавать военачальникамъ и проконсуламъ, какъ его представителямъ. Когда Фламининъ побѣдилъ Филиппа, въ честь его воздвигли храмы, гдѣ ему поклонялись на ряду съ Аполлономъ и Геркулесомъ; во славу ему были сочинены гимны, пѣвшіеся еще во времена Плутарха[7]). Всѣ проконсулы получили вскорѣ алтари, особенно тѣ, которые были похуже, такъ какъ ихъ больше боялись и думали этимъ способомъ обезоружить. Прежде чѣмъ отдать Верреса въ руки правосудія, Сицилія установила въ честь его праздники; Киликія построила храмъ своему правителю Аппію, который, по словамъ Цицерона, ничего въ ней больше и не оставилъ. Въ это время апоѳеоза очень низко упала у грековъ. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы назначать ее важнымъ лицамъ, причинявшимъ имъ подчасъ много зла, они надѣляли ею своихъ друзей, своихъ слугъ, если тѣ были могущественны, и если можно было извлечь изъ этого какую-нибудь пользу. Историкъ Ѳеофанъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ со стороны Помпея, былъ обоготворенъ у себя на родинѣ, въ Митиленѣ, вѣроятно, въ благодарность за милости, полученныя черезъ его посредство. Впослѣдствіи эта честь сдѣлалась роковою для его семейства: Тиберій позавидовалъ ей и приказалъ убить всѣхъ его внуковъ въ наказаніе за то, что дѣдъ ихъ находится на небѣ, подобно его дѣду [8]). Надо замѣтить, что подобная лесть не только терпѣлась, но даже

---

4) Цицер., *Pro Flacco*, 25.

5) Тац., *Лѣтоп.*, IV, 56.

6) Титъ Ливій, XLIII, 6.

7) Плут., *Flamin.*, 16.

8) Тацитъ, *Лѣтоп.*, VI, 18. Греція дошла до того, что обоготворила заживо одного атлета. Плин. *Hist. Natur.*, VII, 47.

поощрялась римскимъ закономъ: воспрещая правителямъ облагать народъ какими-нибудь особыми сборами, законъ исключилъ изъ нихъ сборы на построеніе храмовъ въ честь правителей [9]). Невольно спрашиваешь себя, какое удовольствіе могли находить римляне въ такой грубой лести и съ какой цѣлью они какъ бы старались побуждать къ ней покоренные ими народы? Быть можетъ, имъ пріятно было видѣть униженіе своихъ подданныхъ, и они думали, что когда эти низости убьютъ въ нихъ послѣднюю энергію, тогда имъ легче будетъ управлять ими по своему произволу. Гордость жителей Запада подавала имъ постоянно поводъ къ неудовольствію, зато раболѣпство грековъ успокоивало ихъ: нечего было опасаться со стороны народа, такъ охотно старавшагося льстить своимъ повелителямъ.

Кромѣ того сами римляне не прочь были вѣрить апоѳеозѣ. Ихъ народныя преданія, подобно всѣмъ вообще народнымъ преданіямъ, помѣщали на небо ихъ древнихъ царей; подъ именемъ *Dii indigetes* римляне поклонялись Пику, Фауну, Латину, царствовавшимъ нѣкогда, какъ думали, въ Лаціумѣ, и ни къ какимъ богамъ не обращались съ бо̀льшимъ усердіемъ во времена народныхъ бѣдствій, какъ къ нимъ [10]). Разсказывали, что когда основатель города, Ромулъ, внезапно исчезъ во время бури, одинъ сенаторъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ вознесся на небо, гдѣ и засѣдаетъ между богами плодородія и жизни [11]). Замѣчательно, однако, что эта легенда, вѣрить которой заставляла бы, повидимому, народная гордость, внушаетъ къ себѣ очень мало вѣры даже самымъ стариннымъ историкамъ; они никогда не упоминаютъ о ней безъ разныхъ объясненій и оговорокъ, и это самое выдаетъ ихъ смущеніе. Когда же, наоборотъ, они стараются казаться вѣрующими, тогда способъ, какимъ они изображаютъ эти отдаленныя времена, вселяетъ недовѣріе въ читателяхъ. Подобнаго рода чудесныя событія становятся понятными лишь тогда, когда ихъ переносятъ въ легендарную эпоху; между тѣмъ эти лѣтописцы стараются уничтожить баснословныя времена и освѣтить первые года Рима полнымъ историческимъ свѣтомъ. Вотъ почему обыкновеніе обоготворять

---

9) Цицер. *Epist. ad. Quintum*, I, 1.

10) Виргил., *Georg.*, I, 498.

11) Энн. *Annal.*, 119. Эд. Валэнъ: *Romulus in coelum cum dis genitalibus aevum aegit* *).

---

*) Ромулъ проводитъ вѣкъ на небѣ съ богами.

первобытныхъ героевъ, которымъ государство обязано своимъ существованіемъ и величіемъ, хотя и было распространено во всѣхъ странахъ и даже одобрялось Цицерономъ, находившимъ его мудрымъ и полезнымъ [12]), но не имѣло никогда большого успѣха въ Римѣ. Ни Нума, ни Брутъ, ни Камиллъ не получили божескихъ почестей, и начиная отъ Ромула до Цезаря въ римской исторіи встрѣчается лишь нѣсколько неудачныхъ попытокъ апоѳеозы [13]).

Между тѣмъ у древнихъ народовъ Италіи существовало одно вѣрованіе, которое должно было бы освоить ихъ съ мыслью, что человѣкъ можетъ сдѣлаться богомъ, и которое явилось впослѣдствіи однимъ изъ основаній апоѳеозы императоровъ. Они чувствовали непреодолимое отвращеніе отъ мысли, что смерть совершенно уничтожаетъ собою существованіе; они думали, что даже тогда, когда жизнь, повидимому, угасла, она тайно продолжается въ могилѣ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ; а такъ какъ грустный повседневный опытъ показывалъ имъ, что тѣло разлагается и исчезаетъ, то они предположили, что въ человѣкѣ, кромѣ тѣла, есть нѣчто другое, какой-то особенный элементъ, продолжающій существовать даже тогда, когда уничтожится элементъ тлѣнный, и изъ этой способности его они заключили, что эта невидимая и безсмертная часть человѣка должна быть лучше его тѣла. Мысли эти были, кажется, общими у всѣхъ арійскихъ племенъ, но нигдѣ онѣ не приняли, можетъ быть, такой точной и опредѣленной формы, какъ въ Италіи. Здѣсь покойники, освободившись отъ тлѣннаго тѣла и сдѣлавшись существами нетлѣнными, называются чистыми и добрыми, *Manes*, а такъ какъ боги считаются духами, свободными отъ всякаго тлѣннаго вещества [14]), то мертвые, пользующіеся тѣмъ же преимуществомъ, дѣлаются подобными богамъ, или лучше сказать сами становятся богами, *dii Manes*. Цицеронъ возводитъ это вѣрованіе въ догматъ. «Каждый, говоритъ онъ, долженъ смотрѣть на своихъ умершихъ родственниковъ, какъ на боговъ [15])». Это вѣрованіе слу-

---

12) Циц. *Fragm. de consolatione.*

13) Такова была апоѳеоза, назначенная народомъ Марію Гратидію еще до смерти его и стоившая ему жизни. (Циц. *De offic.*, III, 30. Сенека, *De ira*, III, 18). Метелла также приняли въ Римѣ какъ бога при его возвращеніи изъ Испаніи. (Макр., *Sat.*, III, 13, 7).

14) *Mens soluta quaedam ac libera, segregata ab omni concretione mortali.* *) Циц. *Consol.*

15). Циц., *De leg.*, II, 9. *Suos leto datos divos habento.*

---

*) Свободный и вольный духъ чуждъ всякой земной примѣси.

житъ основою всѣхъ погребальныхъ обрядовъ, которые, такъ сказать, составляютъ его живой комментарій. Могила—алтарь и даже часто называется этимъ именемъ [16]); на этомъ алтарѣ приносятся жертвы и совершаются возліянія; во время жертвоприношенія играютъ на флейтѣ и зажигаютъ лампады, какъ во храмахъ; сынъ, отдающій послѣдній долгъ отцу, закрываетъ себѣ голову и повторяетъ всѣ движенія молящагося жреца [17]). Теперь отецъ его—богъ, которому надо молиться, и отъ котораго ему легко получить помощь. Возможно ли, чтобы отецъ семейства, всю жизнь свою пекшійся о домашнихъ, покинулъ ихъ послѣ смерти? Развѣ онъ, напротивъ того, не станетъ имъ покровительствовать болѣе прежняго теперь, когда его покровительство стало дѣйствительнѣе? Вотъ какимъ путемъ пришли къ мысли считать новаго бога покровителемъ и патрономъ дома. По общему мнѣнію, Лары суть души умершихъ предковъ, и ихъ почитаютъ въ семействѣ, говоритъ Сервій, потомучто первоначально покойниковъ хоронили въ ихъ собственныхъ жилищахъ [18]). Вотъ зачатокъ апоѳеозы въ самыхъ нѣдрахъ семьи.

Эти вѣрованія пользовались въ Римѣ большою популярностью; они сохранились почти неприкосновенными среди всеобщаго невѣрія, потому что опирались на самыя глубокія чувства и на самыя нѣжныя привязанности. Подобно всѣмъ древнимъ суевѣріямъ, они пустили глубокіе корни въ низшихъ классахъ. Надписи показываютъ, что простой вольноотпущенникъ даетъ своей женѣ, по смерти ея, названіе богини [19]), а воздвигаемой для нея гробницѣ—названіе храма [20]). Въ надписи, находящейся въ одномъ африканскомъ городкѣ, одинъ благочестивый сынъ говоритъ, что онъ посвятилъ своихъ родителей вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ похоронилъ ихъ: *sub hoc sepulcro consacrati sunt* [21]). Просвѣщенные люди старались обыкновенно казаться менѣе легковѣрными; но послѣ потери дорогихъ людей, горе легко заставляло ихъ позабывать свой скептицизмъ, и они быстро проникались старинными вѣрованіями, въ которыхъ были гораздо менѣе разубѣждены, чѣмъ думали сами. Это ясно доказывается примѣромъ Цицерона. «Есть-ли что-нибудь безразсуднѣе, говорилъ онъ по поводу апоѳеозы Цезаря, какъ по

---

16) См., напр., Орелли, 4588 и 5087.

17) Плут., *Quest. rom.*, 14. Тертул., *Apol.*, 12.

18) Серв., *Aen.*, VI, 152.

19) Орелли, 4647.

20) Орелли, 4530.

21) Ренье, *Inscr. de l' Alg.*, 2510.

мѣщать умершихъ среди боговъ и обоготворять ихъ, между тѣмъ, какъ имъ не подобаетъ никакого другаго поклоненія, кромѣ слезъ [22])»? Говоря это, онъ позабывалъ, что за годъ назадъ не удовольствовался тѣмъ, что оплакалъ дочь свою Туллію, а обезумѣвъ отъ горя, пожелалъ обоготворить ее. Это намѣреніе ясно высказано имъ въ сочиненіи, которое онъ написалъ самому себѣ для своего утѣшенія. «Если когда-либо, говоритъ онъ, кто-нибудь былъ достоинъ божескихъ почестей, о Туллія! такъ это ты. Ты заслуживаешь этой награды, и я дамъ ее тебѣ. Я хочу, чтобы лучшая и ученѣйшая изъ женщинъ, съ согласія безсмертныхъ боговъ, заняла мѣсто въ ихъ сонмѣ, и чтобы всѣ люди считали ее богинею [23])». Такимъ образомъ онъ какъ-будто бралъ на себя обязательство, которое намѣревался выполнить. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того онъ старательно отыскивалъ помѣщеніе въ какомъ-нибудь часто посѣщаемомъ мѣстѣ, чтобы воздвигнуть тамъ храмъ своей дочери; а когда Аттикъ, несмотря на всю свою снисходительность, сталъ ему дѣлать по этому поводу нѣкоторыя замѣчанія, онъ отвѣчалъ ему тономъ, не допускавшимъ никакихъ возраженій: «Я хочу храма; вы не вынете у меня этого изъ головы. Я желаю избѣгнуть малѣйшаго сходства съ гробницею, чтобы достичь настоящей апоѳеозы [24])».

Что болѣе всего укрѣпляло его въ его намѣреніи, это примѣръ самыхъ умныхъ людей, принимавшихъ и защищавшихъ это народное вѣрованіе. Онъ воспользовался ихъ авторитетомъ, чтобы побѣдить сопротивленіе Аттика: «Нѣкоторые изъ писателей, говорилъ онъ ему, находящіеся теперь у меня въ рукахъ, одобряютъ меня». Этими словами онъ намекалъ на нѣкоторыхъ философовъ, особенно на философовъ Портика [25]). Стоики, оказывавшіе всегда большую

---

[22]) Циц., *De nat. deor.*, I, 15.

[23]) Циц., *Fragm. de consol.*

[24]) Циц., *Ad. Att.*, XII, 36.

[25]) Таково было также мнѣніе римскихъ теологовъ. Ученый Лабеонъ, вдохновясь этрусскимъ ученіемъ, заключающимся въ *Libri acheruntici*, написалъ цѣлое разсужденіе о богахъ, бывшихъ сначала людьми (*De diis animalibus*). По его мнѣнію, изъ души человѣческой можно было сдѣлать бога, и это чудо совершалось съ помощью нѣкоторыхъ жертвоприношеній (Серв., *Aen.*, III, 168. Арноб. *Adv. gent.*, II, 62). Вѣроятно, эти жертвоприношенія состояли въ тѣхъ погребальныхъ церемоніяхъ, которымъ религія придавала такое важное значеніе. Если онѣ были тщательно выполнены, если не было пропущено ни одного обряда, ни одной молитвы, душа покойника занимала мѣсто между *diis animalibus*. На это ясно указываетъ надпись, приводимая г. Ричлемъ, *Inscr.*

снисходительность къ народнымъ убѣжденіямъ, возвели въ разумное ученіе то, что у народа можно было назвать инстинктивнымъ пониманіемъ. Правда, что они не соглашались съ тѣмъ, будто всѣ души поступаютъ по смерти на небо, но допускали это для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Душа мудраго человѣка, говорили они, не только безсмертна,—она божественна [26]), и добродѣтель открываетъ ей небесныя жилища [27]). Вотъ куда Луканъ помѣщаетъ Помпея, «послѣ того какъ злодѣйство одного египтянина привело его къ кончинѣ, которой онъ долженъ былъ бы искать»; здѣсь же, по его мнѣнію, обитаютъ маны полубоговъ, т. е. мудрыхъ и великихъ людей. Они пользуются тамъ почти всѣми божескими преимуществами: живутъ, окруженные нѣжнымъ воздухомъ, среди неподвижныхъ и блуждающихъ свѣтилъ, облитые чистымъ свѣтомъ, и съ сожалѣніемъ взираютъ на ту глубокую ночь, которую мы на землѣ называемъ днемъ [28]). Вознестись на небо и сдѣлаться богомъ или почти богомъ,—вотъ награда, обѣщаемая стоицизмомъ добродѣтельнымъ людямъ. Всякій можетъ достичь этого, и самъ Юпитеръ приглашаетъ на небо всѣхъ смертныхъ. «Люди, заставляетъ его говорить Валерій Флаккъ, какъ ни трудна дорога, но стремитесь къ звѣздамъ [29])». Каждый спѣшилъ надѣлять своихъ любимыхъ покойниковъ наградами, обѣщанными философіей праведнымъ людямъ: «ты отправляешься въ желанныя обители, говоритъ одинъ сынъ въ эпитафіи своему отцу, Юпитеръ отворяетъ тебѣ двери ихъ и приглашаетъ тебя войти, блистая славою. Ты уже приближаешься къ нимъ; собраніе боговъ протягиваетъ тебѣ руки, и со всѣхъ сторонъ неба въ честь тебѣ раздаются рукоплесканія [30]). Въ другой, не менѣе любопытной надписи, женщина, не принадлежавшая, повидимому, къ очень высокому обществу, съ увѣренностью пишетъ

lect. aestiv., 1853: *Manes colamus, namque opertis manibus Divina vis est aeviterni temporis.* *)

[26]) Цицер., *De leg.*, II, 11: *Omnium quidem animos immortales esse, sed fortium bonorum qui divinos.* **)

[27]) Горац., *Od.* III, 2, 21: *Virtus recludens immeritis more Coelum...*

[28]) Лук., *Phars.*, IX, 5 и слѣд.

[29]) Вал. Фл., *Argon.*, I, 563: *Tendite in astra viri.*

[30]) Фабретти, *Inscr.*, с. 742.

*) Будемъ почитать тѣни усопшихъ, потому что эти скрытыя отъ насъ тѣни обладаютъ на вѣки божественною силой.

**) Если души всѣхъ безсмертны, то души героевъ и добродѣтельныхъ людей божественны.

***) Она [добродѣтель] избраннику, который не умретъ, путями новыми безсмертье отверзаетъ. [Пер. Фета].

на гробницѣ своего мужа: «Здѣсь покоится тѣло человѣка, чья душа принята въ число боговъ. *In hoc tumulo jacet corpus exanimis (sic) cujus spiritus inter dos receptus est* [31])». Эти самыя выраженія употребляютъ, говоря объ обоготворенныхъ государяхъ; на одной медали Фаустины значится, что эта принцесса была «принята на небо», *sideribus recepta* [32]).

Таковы были въ Римѣ явленія, предшествовавшія апоѳеозѣ императоровъ. Она кажется всего удивительнѣе людямъ, смотрящимъ на нее, какъ на импровизованное учрежденіе, не имѣвшее никакихъ корней и случайно возникнувшее изъ общественнаго рабо-лѣпства; но удивленіе ихъ уменьшится, когда они увидятъ, что, напротивъ того, все вело къ ней римлянъ, и когда возстановятъ всѣ ея переходныя ступени. Римляне видѣли, что она процвѣтаетъ у всѣхъ народовъ Греціи и Востока; еще задолго до имперіи они освоились съ нею, благодаря божескимъ почестямъ, которыя побѣжденные народы воздавали ихъ военачальникамъ и проконсуламъ. Кромѣ того, она не противорѣчила ихъ народнымъ преданіямъ, а въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ она была тѣсно связана съ тѣмъ, что они болѣе всего почитали,—съ культомъ умершихъ, съ семейнымъ устройствомъ. Въ послѣдніе года убѣжденіе, что всѣ умершіе становятся богами, укрѣпилось въ народѣ еще сильнѣе, вслѣдствіе того, что оно опиралось теперь на ученіе философовъ, помѣщавшее добродѣтельныхъ людей на небо. Слѣдовательно, все приготовляло и располагало римлянъ смотрѣть на апоѳеозу, какъ на естественную награду за великія дѣла. Слѣдуетъ ли послѣ того удивляться, что въ одинъ прекрасный день восхищеніе, благодарность или, пожалуй даже, лесть выбрали для себя подобный способъ проявленія, какъ ни страненъ онъ намъ кажется, что народъ поспѣшилъ принять его и что онъ даже не подѣйствовалъ особенно непріятно на людей просвѣщенныхъ?

---

31) Орелли, 7418.

32) Когенъ, *Monn. imp., Faust. jeune*, 102.

II.

Зарожденіе апоѳеозы императоровъ.—Почести, оказываемыя Цезарю при жизни.—Его похороны.—Народъ воздвигаетъ ему жертвенникъ.—Божественность его оффиціально признается сенатомъ.

Историки подробно описываютъ тѣ трагическія обстоятельства, при которыхъ возникла въ Римѣ апоѳеоза императоровъ; послѣ Ромула она была въ первый разъ назначена Цезарю. Не многимъ государямъ льстили столько, сколько Цезарю, и ничто такъ ясно не доказываетъ до какой степени Римъ уже созрѣлъ въ то время для рабства, какъ то, что общественная низость сразу дошла до такихъ преувеличеній, какія ей впослѣдствіи было очень трудно превзойти. При каждой побѣдѣ диктатора сенатъ придумывалъ для него новыя отличія; истощивъ всѣ человѣческія достоинства, онъ поневолѣ долженъ былъ, наконецъ, прибѣгнуть къ божескимъ почестямъ. Именемъ Цезаря назвали одинъ изъ мѣсяцевъ года; рѣшили, что изображеніе его будетъ фигурировать въ торжественныхъ процессіяхъ, когда въ циркъ привозили на тріумфальныхъ колесницахъ изображенія боговъ; что будетъ учреждена новая коллегія жрецовъ, которые будутъ называться Luperci Iulii; что будутъ клясться его счастіемъ, что въ честь его черезъ каждыя пять лѣтъ будутъ отправляться празднества; наконецъ, что ему воздвигнутъ статую съ слѣдующей надписью: «Вотъ полубогъ». Въ последній годъ его жизни пошли еще дальше: мало было сдѣлать изъ него полубога, объявили, что онъ настоящій богъ, равный самымъ великимъ богамъ, что ему построятъ храмъ и будутъ поклоняться подъ именемъ *Юпитера Юлія* [33]). Повидимому, Цезарь съ удовольствіемъ принималъ эти почести [34]); но въ сущности всѣ понимали, что это не болѣе, какъ низкая лесть, — и скептики-патриціи, такъ охотно ее расточавшіе, и эпикуреецъ-первосвященникъ,

[33]) Діонъ, XLIII, 14 и XLIV, 6.

[34]) Діонъ положительно говоритъ, что онъ „былъ этимъ доволенъ" τοῦ τοῖς ἔχαιρε (XLIV, 6). Правда, что въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, какъ въ первый день его тріумфа колесница его разбилась и какъ онъ, сочтя это за божеское указаніе, сдѣлался скромнѣе и отказался отъ большей части этихъ необычайныхъ почестей (XLIII, 21). Враги сената полагали, что ему нарочно расточали ихъ, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ. Друзья Цезаря могли думать, что онъ принимаетъ эти почести для того, чтобы выставить сенатъ въ смѣшномъ видѣ.

принимавшій ее, повидимому, очень охотно. Единственнымъ послѣдствіемъ этой лести было то, что народъ привыкъ къ мысли о божественности Цезаря; дѣйствительно, апоѳеозою своею онъ былъ обязанъ не раболѣпству сената, а энтузіазму народа.

Народъ искренно любилъ его. Когда вечеромъ мартовскихъ идъ три раба пронесли носилки съ его трупомъ, откуда свѣшивалась его окровавленная рука, ни у кого не осталось сухихъ глазъ, по словамъ одного современника [35]; передъ дверьми домовъ, на улицахъ, на верхушкахъ крышъ, всюду раздавались вопли и рыданія. Сцена погребенія довела общую горесть до крайнихъ предѣловъ. На форумѣ собралась вооруженная толпа; трупъ, положенный на ложе изъ слоновой кости и покрытый пурпуромъ и золотомъ, былъ помѣщенъ напротивъ трибуны, въ наскороустроенной часовнѣ, изображавшей храмъ *Венеры-Матери*. Въ изголовьи было разложено окровавленное платье. Въ свитѣ, окружавшей трупъ, музыканты пѣли хоры и монологи изъ трагедій, выбранные нарочно для этого случая; особенно замѣчателенъ былъ наиболѣе подходившій къ нему стихъ Пакувія: «Не спасъ ли я жизнь тѣмъ людямъ, которые должны были отнять ее у меня?» Вмѣсто надгробнаго слова Антоній удовольствовался тѣмъ, что прочелъ клятвы сената защищать Цезаря до самой смерти и указы его о дарованіи ему всѣхъ человѣческихъ и божескихъ почестей; онъ пояснялъ ихъ вдохновеннымъ голосомъ, и чтобы напомнить народу, какимъ образомъ сенаторы сдержали свои обѣщанія и какъ они поступили съ тѣмъ, кого хотѣли сдѣлать богомъ, онъ повременамъ останавливался и указывалъ на трупъ Цезаря, пронзенный двадцатью тремя ударами кинжала. Народъ отвѣчалъ на это стонами, криками и звякомъ оружія; вся толпа какъ бы опьянѣла отъ гнѣва, горя и шума. Когда должностныя лица подняли себѣ на плечи погребальное ложе, чтобы нести его на Марсово поле, произошелъ неописанный безпорядокъ. Всѣ стали вырывать другъ у друга трупъ: одни хотѣли сжечь его въ куріи Помпея, гдѣ онъ былъ убитъ, и даже съ самой куріей, ради очищенія; другіе хотѣли отнести его въ Капитолій и устроить костеръ въ самомъ храмѣ Юпитера. Посреди спора два воина приблизились къ ложу и подожгли его; чтобы поддержать огонь, принялись жечь вѣтви деревьевъ и трибунскія скамьи; толпа все ближе тѣснилась къ этому импровизованному костру; музыканты начали бросать въ него свои инструменты и пурпур-

---

[35]) Николай Дамаскинъ, *Vita Caes.*, 25.

ныя одежды, женщины—свои и дѣтскія драгоцѣнности, между тѣмъ какъ рабы, охваченные духомъ разрушенія, бросились поджигать сосѣдніе дома. Въ заключеніе этого страннаго зрѣлища, побѣжденные народы, которые могли похвалиться гуманностью Цезаря, также считали долгомъ воздать ему послѣднія почести: представители ихъ, находившіеся о ту пору въ Римѣ, собрались вокругъ костра, чтобы выразить свои сожалѣнія по обычаю своей страны. Евреи проводили возлѣ него цѣлыя ночи, изъявляя свое горе шумнымъ и драматическимъ образомъ, свойственнымъ всему Востоку.

Невозможно, чтобы среди столь сильнаго волненія, когда толпа стремилась почтить Цезаря всѣми способами, ей не пришло въ голову обоготворить его. Мы уже видѣли, что это была обыкновенная форма, въ которую облекалась признательность древнихъ народовъ, и на этотъ разъ для нея существовали особенныя причины выразиться такимъ образомъ. Первыя побѣды Цезаря, одержанныя имъ въ отдаленныхъ странахъ надъ неизвѣстными народами, живо поразили римлянъ. Завоеваніе Галліи, такъ изумительно совершенное имъ, экспедиція въ Германію и Британію, эти страны вымысловъ и чудесъ, счастіе, никогда ему неизмѣнявшее, послѣдній ударъ, нанесенный имъ могущественной аристократіи, уже много вѣковъ управлявшей міромъ, рядъ невѣроятныхъ успѣховъ, результатъ которыхъ долженъ былъ измѣнить весь свѣтъ, — все соединилось вмѣстѣ, чтобы придать этому существованію какой-то оттѣнокъ чудеснаго; его неожиданная смерть увеличила его еще болѣе. Народное воображеніе принялось дополнять судьбу этого прерваннаго существованія; замыслы покойнаго оказались тѣмъ еще обширнѣе, что ему не дали времени выполнить ихъ; послѣдняя удача его состояла въ томъ, что среди своей славы, не успѣвъ утратить блеска ея вслѣдствіе неизбѣжныхъ мелочей человѣческой жизни, онъ исчезъ внезапно во время бури, подобно Ромулу, и жизнь его, полная необычайныхъ событій, уже на другой день по смерти могла прослыть легендою. Сколько причинъ смотрѣть на него, какъ на бога! При жизни его сенатъ воздавалъ ему божескія почести, но только на словахъ и не вѣря имъ. Напротивъ того, народъ, по словамъ Светонія, былъ вполнѣ убѣжденъ въ его божественности [36]). Посвященіе его не только бы-

[36]) Свет., *Jul. Caes.*, 88: *In deorum numerum relatus est, non ore modo decernentium, sed et persuasione volgi.* *

*) Онъ Цезарь] причисленъ къ лику боговъ, не только устами тѣхъ, которые провозгласили его богомъ, но и по внутреннему убѣжденію народа.

ло вполнѣ народнымъ, но надо еще замѣтить, что лишь одинъ народъ и относился съ нѣкоторымъ усердіемъ къ апоѳеозѣ Цезаря. Его друзья, его любимцы, щедро надѣленные имъ должностями и деньгами, были къ ней гораздо холоднѣе. Антоній скандализовалъ народъ своей медлительностью въ исполненіи указовъ сената относительно почестей Цезарю. Названный жрецомъ *Юпитера Юлія* еще при жизни диктатора, онъ никогда не подумалъ отправлять свою должность. Цицеронъ въ своихъ *Филиппикахъ* обращается къ нему съ ироническими упреками въ его небрежности: «О, неблагодарнѣйшій изъ людей, говоритъ онъ ему, почему же ты пересталъ быть жрецомъ своего новаго бога?» [37]) Еще страннѣе было поведеніе Долабеллы. На томъ самомъ мѣстѣ форума, гдѣ было сожжено тѣло Цезаря, былъ воздвигнутъ жертвенникъ, надъ которымъ возвышалась колонна изъ африканскаго мрамора, въ двадцать футовъ вышиною, съ надписью: «отцу отечества». Вокругъ этого жертвенника устроился добровольный культъ: каждый день приходили сюда приносить жертвы, произносить обѣты и разбирать спорныя дѣла, призывая въ видѣ клятвы имя Цезаря. Одинъ интриганъ, выдававшій себя внукомъ Марія, а въ дѣйствительности бывшій рабъ, въ надеждѣ извлечь для себя пользу изъ безпорядка, возбуждалъ толпу безпрестанно повторять подобныя демонстраціи. Консулъ Долабелла, видя, что онѣ пугаютъ благоразумныхъ людей и нарушаютъ общественную тишину, рѣшился положить имъ конецъ. Онъ не задумался разрушить колонну, опрокинуть жертвенникъ и разогнать поклонниковъ своего прежняго друга; когда тѣ оказали нѣкоторое сопротивленіе, онъ выслалъ противъ нихъ воиновъ, которые схватили внука Марія и его приверженцевъ; а Антоній, не потрудившись даже предать ихъ суду, приказалъ свергнуть ихъ съ Тарпейской скалы.

Эта суровая мѣра, которой Цицеронъ и сенатъ остались очень довольны, возбудила сильнѣйшее неудовольствіе въ народѣ. Рабочіе, воины и рабы, уже привыкнувшіе приходить молиться вокругъ колонны на форумѣ, обнаружили сильнѣйшее негодованіе противъ неблагодарныхъ, каравшихъ ихъ за то, что они оказались болѣе вѣрными друзьями, нежели тѣ сами, и неотступно требовали, чтобъ имъ разрѣшили возстановить жертвенникъ Цезарю. Хитрый Октавій понялъ настроеніе толпы и съумѣлъ воспользоваться имъ. Онъ только что вернулся въ то время изъ Аполлоніи, куда дядя

---

[37]) *Philipp.*, II, 43 и XIII, 19.

посылалъ его докончить свое ученіе, и явился рѣшительно требовать наслѣдства великаго диктатора. Онъ былъ молодъ, неизвѣстенъ, не имѣлъ ни сторонниковъ, ни воиновъ, и, повидимому, былъ совершенно не въ силахъ бороться съ Антоніемъ, Долабеллою или Лепидомъ, уже успѣвшими составить себѣ имя и командовавшими войскомъ; зато онъ сразу съумѣлъ опереться на народныя чувства, попранныя всѣми другими: онъ объявилъ, что явился отомстить за Цезаря и воздать ему тѣ почести, въ которыхъ ему отказывали. Прежде всего онъ пожелалъ, согласно съ указами сената, помѣстить въ театрѣ золотой тронъ и корону въ честь своего дяди. Антоній нашелъ предлогъ помѣшать ему въ этомъ, но Октавій былъ стоекъ, и обратился въ другую сторону. Видя, что никто не заботится давать народу игры, обѣщанныя ему Цезаремъ по случаю посвященія храма *Венеры-Матери*, покровительницы его семейства, онъ сдѣлалъ это на собственный счетъ. Какъ разъ во время этихъ праздниковъ появился тотъ метеоръ, изъ котораго онъ умѣлъ извлечь такую выгоду. «Во время празднованія этихъ игръ, разсказываетъ онъ въ своихъ *запискахъ*, на сѣверной сторонѣ неба появилась комета и оставалась тамъ впродолженіе семи дней; она восходила каждый вечеръ около пяти часовъ и была видима на всей землѣ. Появленіе этого свѣтила показалось народу знакомъ того, что душа Цезаря принята между безсмертными, и когда впослѣдствіи ему воздвигли на форумѣ статую, эту звѣзду помѣстили у него на головѣ [38])». Это была звѣзда восходившей династіи, и поэты, любящіе обращься ко всякой новой силѣ, не замедлили привѣтствовать ее [39]).

Въ слѣдующемъ 712 году, культъ новаго бога былъ утвержденъ оффиціально [40]). Всѣ такъ и ждали проскрипцій, и сенатъ не могъ ни въ чемъ отказать тріумвирамъ; онъ возобновилъ всѣ прежніе указы и сдѣлалъ для всѣхъ нравственною обязанностію отправлять праздникъ Цезаря, 7 іюля, «подъ страхомъ прогнѣвить Юпитера и семого Цезаря»; онъ постановилъ указомъ выстроить ему храмъ на томъ мѣстѣ форума, гдѣ былъ сожженъ его трупъ, и гдѣ нѣкогда возвышалась колонна, разрушенная Долабеллою [41]). Повидимому, культъ *бога Юлія* быстро распространился по всему

---

38) Плин., *Hist. Nat.*, II 24.

39) Вирг., *Bucol.*, IX, 47: *Ecce Dionaei processit Caesaris astrum* *).

40) См. зам. Моммсена: *Corp. inscr. latin.*, I, стр. 183.

41) Діонъ, XLVII, 18.

*) Вотъ появилась звѣзда Цезаря,—потомка Діоны.

міру. Уже въ слѣдующемъ году мы находимъ его утвердившимся въ Перузѣ, гдѣ четыреста всадниковъ и сенаторовъ, друзей Антонія, были принесены Октавіемъ въ жертву дядѣ [42]): онъ не замедлилъ также проникнуть на Востокъ и въ Египетъ, и Діонъ описываетъ намъ, какъ Клеопатра приноситъ жертвы тому богу, который относительно ея былъ вполнѣ человѣкомъ [43]); но нигдѣ божественность Цезаря не почиталась такъ, какъ въ Римѣ. Въ первый разъ, когда тамъ отправлялся его праздникъ, народныя увеселенія были, вѣроятно, очень блестящи; сенаторы, которые одни могли проявить нѣкоторую грусть, получили приказаніе быть веселыми, подъ страхомъ заплатить штрафъ въ милліонъ сестерцій (200,000 фр.). Что касается народа, онъ видѣлъ въ учрежденіи новаго культа удостовѣреніе въ общественномъ благоденствіи и залогъ будущаго счастія и славы Рима. Такъ какъ во всемъ мірѣ чувствовалась въ это время странная потребность въ обновленіи и возрожденіи, то невольно казалось, что Цезарь, сдѣлавшись богомъ, приведетъ за собою новыя времена, и что съ его апоѳеозою настанетъ царство правды и мира. Виргилій, привыкнувшій черпать свои вдохновенія въ народныхъ чувствахъ, сдѣлался эхомъ этихъ неясныхъ надеждъ. Въ одной эклогѣ, написанной имъ во время тихъ празднествъ и запечатлѣнной ими, онъ, воспѣвая апоѳеозу пастуха Дафниса, описываетъ его «любующимся новыми для него дворцами Олимпа и смотрящимъ на находящіяся у него подъ ногами облака и звѣзды». На землѣ царитъ всеобщая радость, и кажется, что сама природа принимаетъ въ ней участіе: «волкъ не ставитъ больше ловушекъ стаду; оленю не зачѣмъ больше опасаться сѣтей; самыя горы издаютъ радостные крики, а скалы и деревья говорять: «*это богъ, да, это богъ*»! Затѣмъ онъ прибавляетъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и любовью: *Sis bonus o felix que tuis!* (Будь добръ и счастливъ для своихъ). Невольно чувствуется, что стихи эти были порождены общимъ токомъ восхищенія: они выражаютъ собою ощущенія и впечатлѣнія всей толпы. Слѣдовательно, культъ Цезарю былъ созданъ не сенаторами, несмотря на всю ихъ готовность къ лести. Всѣ лживые декреты, такъ охотно издававшіеся при его жизни, исчезнули бы вмѣстѣ съ нимъ. Жизнь

---

[42]) Діонъ, XLVIII, 14.

[43]) Діонъ, LI, 15. Послѣ побѣдъ при Акціумѣ, Эфесѣ и Никеѣ Августъ разрѣшилъ воздвигнуть храмъ его отцу. (Діонъ, 41, 20). *Flamines divi Iuli* или *Iuliani* находятся также въ Италіи (Орелли, 390), въ Алжирѣ (Ренье, *Inscr. de l' Alg.* 2169) и въ другихъ мѣстахъ.

въ нихъ вдохнулъ народъ, давшій имъ новое и окончательное освященіе. Не слѣдуетъ забывать того, что кому слѣдуетъ, и надо каждому воздавать то, что справедливо; потому мы смѣло говоримъ, что первая апоѳеоза императоровъ въ Римѣ была слѣдствіемъ народнаго энтузіазма и народной признательности.

III.

Впечатлѣніе, произведенное апоѳеозою Цезаря.—Секстъ Помпей и Антоній заставляютъ воздавать себѣ божескія почести.—Осторожность Октавія.—Онъ разрѣшаетъ провинціямъ воздвигать себѣ храмы вмѣстѣ съ богинею Рима.—Онъ позволяетъ это въ Италіи, но запрещаетъ въ Римѣ.—Усилія, Рима, чтобы убѣдить его дозволить себя обоготворять.—Культъ, воздаваемый его генію.—*Lares augusti*.—Политика Августа относительно апоѳеозы.—Характеръ ея у римлянъ.—Августъ получаетъ послѣ своей смерти божескія почести по предписанію сената.

Дѣйствіе, произведенное апоѳеозою Цезаря, было чрезвычайно сильно: оно подало честолюбцамъ, спорившимъ за его наслѣдство, мысль потребовать для себя самихъ божескихъ почестей. Секстъ Помпей, послѣ морскихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Октавіемъ, объявилъ себя сыномъ Нептуна; онъ началъ выставлять его имя на своихъ монетахъ, сталъ носить одежды лазореваго цвѣта въ память своего происхожденія, и чтобы почтить бога морей, своего отца, бросилъ въ Сицилійскій заливъ быковъ, лошадей и, говорятъ, даже людей [44]). Антонію захотѣлось быть Вакхомъ; онъ провозгласилъ черезъ герольда по всей Греціи, что такова его воля, и Греція отнеслась очень снисходительно къ его фантазіи. Въ Эфесѣ женщины вышли къ нему на встрѣчу, одѣтыя вакханками, а мужчины и дѣти, наряженные фавнами и сатирами [45]). Въ Аѳинахъ, разсказываетъ одинъ тогдашній историкъ, посреди театра, на мѣстѣ, видимомъ отовсюду, поставили небольшой храмъ въ родѣ тѣхъ, что называются гротами Вакха. Тамъ виднѣлись барабаны, оленьи шкуры и всѣ принадлежности культа этого бога. Здѣсь Антоній, развалясь на ложѣ, съ самаго утра распивалъ вино съ своими друзьями, при чемъ ему прислуживали вавезенные изъ Италіи шуты, и вся Греція присутствовала при этомъ зрѣлищѣ [46])». Извѣ-

44) Діонъ, XLVIII, 48.

45) Плут., *Ant.*, 24.

46) Сокр. Родос. по Мюллеру: *Fragm. hist.*, III, стр. 326.

стно изъ Плутарха, при какой миѳологической обстановкѣ Клеопатра отправилась навѣстить его въ Киликію; она пріѣхала на галерѣ съ золотою кормою, пурпурными парусами, серебряными веслами, окруженная амурами и нимфами, опиравшимися на руль и канаты, при кликахъ очарованнаго народа, привѣтствовавшаго Афродиту и Вакха [47]).

Изъ всѣхъ троихъ Октавій оказывается наиболѣе благоразумнымъ. Правда, что вокругъ него не было недостатка въ льстецахъ, и что они не затруднились бы воздать ему божескія почести, заяви онъ для этого хоть малѣйшее желаніе; но онъ, повидимому не дорожилъ ими и имѣлъ болѣе основательную цѣль: въ то время, какъ его соперникъ терялъ время, заставляя низкіе народы Востока обоготворять себя, онъ трудился надъ умиротвореніемъ Италіи и надъ составленіемъ себѣ хорошаго войска. Тѣмъ не менѣе ему было бы трудно совершенно избавиться отъ этихъ почестей, уже вошедшихъ тогда въ привычку, и постоянно отъ нихъ отказываться. Когда въ 718 году, послѣ многочисленныхъ неудачъ, онъ разсѣялъ, наконецъ, флоты Секста Помпея, радость Италіи была чрезвычайно велика. Когда Помпей имѣлъ неосторожность созвать рабовъ, то страхъ рабской войны изгладилъ всѣ политическія несогласія, и всѣ партіи одинаково произносили обѣты за успѣхъ Октавія. Когда онъ вышелъ побѣдителемъ, итальянскіе города въ благодарность за оказанную имъ услугу, поспѣшили помѣстить его статую рядомъ со статуями своихъ боговъ-покровителей [48]). Энтузіазмъ сдѣлался еще сильнѣе послѣ побѣды при Акціумѣ. Между тѣмъ какъ Антоній поспѣшилъ укрыться въ Египтѣ, Октавій съ своими торжествующими легіонами проходилъ по странамъ Востока, гдѣ обожаніе государей было одною изъ обыкновенныхъ формъ повиновенія, и гдѣ кромѣ того жители должны были испросить у него прощеніе за свое раболѣпство передъ Антоніемъ. Они настойчиво требовали для себя, какъ величайшаго благодѣянія, права обоготворить побѣдителя; оно было дано имъ, но съ нѣко-

---

[47]) Плут., *Ant*., 26. Несмотря на всѣ соблазны Востока, въ Антоніи проглядываетъ иногда грубый и корыстолюбивый римскій солдатъ. Разсказываютъ, что когда аѳиняне предложили новому богу жениться на ихъ богинѣ Минервѣ, онъ поймалъ ихъ на словѣ и потребовалъ приданаго въ тысячу талантовъ, которое и заставилъ въ точности себѣ выплатить. (Сенек., *Suas*., 1).

[48]) Аппіанъ, В. С., V, 132.

торыми ограниченіями, а именно: Октавій согласился быть обоготворенным, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ богинею Рима, и строго запретилъ всѣмъ римлянамъ принимать участіе въ этомъ культѣ. Подъ этими условіями онъ позволилъ Азіатской провинціи воздвигнуть ему храмъ въ Пергамѣ, а Виѳинской—въ Никомедіи [49]). Примѣръ былъ поданъ, и мало-по-малу были учреждены праздники, и во всѣхъ большихъ городахъ Востока воздвиглись храмы въ честь Рима и Августа. Западъ принялся за это нѣсколько ужъ позже. Жители Таррагоны, у которыхъ Августъ оставался довольно долго во время кантабрійской войны въ 728 году, и которымъ онъ, вѣроятно, даровалъ какія-нибудь милости, попросили и получили дозволеніе посвятить ему жертвенникъ [50]). Въ 742 году вслѣдствіе движенія сикамбровъ, вѣроятно, втайнѣ поощряемыхъ галлами, шестьдесятъ племенъ Галліи, собравшись въ Ліонѣ, рѣшили въ доказательство своей вѣрности воздвигнуть жертвенникъ Риму и Августу, при сліяніи Соны и Роны [51]). Въ 764 году, въ концѣ этого славнаго царствованія, жители Нарбонны дали торжественный обѣтъ «вѣчно почитать божественность Цезаря-Августа, отца отечества». До насъ дошла самая формула клятвы, произнесенной ими по этому случаю: они обѣщали воздвигнуть ему алтарь на своемъ форумѣ и ежегодно приносить на немъ жертвы во дни различныхъ годовщинъ, а именно 9 числа октябрскихъ календъ, «въ день, когда для счастія всѣхъ родился владыка міра», и 7 числа январскихъ идъ, «въ день, когда онъ началъ царствовать надъ міромъ» [52]). Августъ не мѣшалъ имъ. Можетъ быть, что въ глубинѣ души эти почести даже нравились ему, такъ какъ онъ видѣлъ въ нихъ блестящее доказательство своей популярности въ провинціяхъ и залогъ ихъ покорности. Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ показывать, что поощряетъ ихъ—напротивъ того, онъ даже дѣлалъ иногда видъ, будто смѣется надъ ними, какъ свѣтскій человѣкъ, знающій дѣйствительную цѣну подобныхъ заявленій и не дающій себя въ обманъ льстецамъ. Разсказываютъ, будто однажды торжественная депутація жителей Таррагоны явилась объявить ему, что онъ сотворилъ чудо: на жертвенникѣ его

---

[49]) Діонъ, LI, 20.

[50]) См. *Corp. inscr. lat.*, II, с. 540, и статью г. Гюбнера, помѣщенную въ *Hermes*, I, ст. 77 и сл.

[51]) Діонъ, LIV, 32.

[52]) Орелли, 2489.

выросло фиговое дерево. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отвѣчалъ: «видно вы вовсе не сожигаете на немъ ладона» [53]).

Примѣръ провинцій не могъ не подѣйствовать на Римъ и Италію. Что сдѣлалъ Августъ, когда его культъ, терпимый имъ въ цѣломъ свѣтѣ, попытался утвердиться въ самомъ центрѣ имперіи, въ столицѣ ея? Продолжалъ ли онъ упорно отстаивать Римъ отъ этого культа или дозволилъ ему наконецъ проникнуть въ него? На этотъ счетъ мы имѣемъ не согласующіяся между собою свѣдѣнія. Діонъ Кассій, разсказавъ, что Августъ разрѣшилъ азіатскимъ городамъ воздавать ему божескія почести, прибавляетъ, что «въ Римѣ и Италіи никто не смѣлъ этого дѣлать» [54]). Это слишкомъ общее увѣреніе; предполагая, что италійцы не смѣли обоготворять Августа при жизни, онъ дѣлаетъ имъ болѣе чести, нежели они заслуживаютъ. Неизвѣстно, самъ ли онъ далъ имъ позволеніе или вынужденъ былъ дать его, но надписи доказываютъ, что еще до смерти его у него были жрецы, и культъ его былъ учрежденъ въ Пизѣ, Помпеѣ, Ассизѣ, Пренестѣ, Пуццолахъ и другихъ значительныхъ городахъ [55]). Поклонники его собирались во храмахъ и праздновали вмѣстѣ годовщины главнѣйшихъ событій его жизни. Въ день его рожденія закалались жертвы; богамъ произносились благодарственныя молитвы въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ облекся въ одежду совершеннолѣтняго человѣка или вступилъ въ управленіе своимъ первымъ консульствомъ, когда онъ вернулся изъ Азіи послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, когда ему дали имя Августа и пр. [56]). Слѣдовательно, Діонъ ошибся; мы имѣемъ

---

[53]) Квинтиліанъ, VI, 3, 77.

[54]) Діонъ, LI, 20.

[55]) Что верховная власть не принимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и смотрѣла на дѣло сквозь пальцы, можно видѣть изъ того, что при жизни Августа культъ его былъ не вездѣ одинаково устроенъ. Въ Помпеѣ жрецы новаго бога назывались *sacerdotes Augusti* (Момс., *Insc. Neap.*, 2231), въ Пренестѣ—*flamines Caesaris Augusti* (Орелли, 3874), въ Пизѣ — *flamines Augustales* (Орелли, 642). Въ Пизѣ храмъ его называется *Augusteum*; въ Пуццолахъ храмъ воздвигнутый ему его другомъ, Ведіемъ Полліономъ, тѣмъ самымъ, который кормилъ рабами своихъ муренъ, носилъ названіе *Caesareum* (Орел. 2509). Какъ ни ничтожны эти различія, они все-таки заставляютъ предполагать, что не существовало никакого оффиціальнаго акта объ учрежденіи этого культа въ Италіи, подобно тому, какъ это было въ Азіи, и что каждому городу предоставлялось дѣйствовать самостоятельно и по собственному вдохновенію.

[56]) Момс., *Inscr. Neap.*, 557. Келлерманъ доказалъ, что эта надпись есть

доказательства, что Августа обоготворяли въ Италіи еще при жизни; было ли то же самое въ Римѣ? Это болѣе сомнительный вопросъ. Нѣкоторые писатели намекаютъ на это [57]); но Светоній, всегда отличающійся знаніемъ всѣхъ подробностей этикета, категорически утверждаетъ, что Августъ впродолженіе всей своей жизни не хотѣлъ имѣть въ Римѣ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, и запрещалъ воздвигать ихъ съ величайшимъ упорствомъ (*in urbe quidem pertinacissime abstinuit hoc honore* [58]).

Упорство въ этомъ случаѣ было не лишнимъ; его требовалось очень не мало, чтобы противостоять общественному мнѣнію, съ странною поспѣшностью старавшемуся сдѣлать Августа богомъ даже противъ его желанія. Поэты особенно не рѣшались дождаться смерти императора для того, чтобы помѣстить его на небо. Величайшій изъ нихъ, Виргилій, первый воспѣлъ эту преждевременную апоѳеозу. «Онъ всегда будетъ для меня богомъ, говорилъ онъ, спустя чуть лишь два года послѣ проскрипцій, и кровь ягненка, взятаго изъ моей овчарни, часто будетъ окрашивать собою его жертвенникъ» [59]). Правда, что это было нѣсколько преждевременно, но ему въ это время только-что возвратили то небольшое имѣніе, которое онъ такъ любилъ, и благодарность его была такъ же велика, какъ глубоко было прежде его горе. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ томъ странномъ посвященіи, которое онъ предпослалъ своимъ *Георгикамъ*, онъ говорилъ Августу едва не тономъ упрека: «Ты, наконецъ, долженъ привыкнуть къ тому, чтобы тебя призывали въ молитвахъ» [60]). Около того же времени республиканецъ Горацій спрашиваетъ себя, какой богъ можетъ быть этотъ молодой человѣкъ, явившійся спасти погибшее отчество; онъ склонялся къ той мысли, что это Меркурій, и умолялъ его, такъ какъ онъ уже сошелъ съ неба, не возвращаться на него слишкомъ скоро [61]). Когда Августъ одержалъ надъ парѳянами дипломатическую побѣду, изъ которой извлекъ впослѣдствіи величайшія выгоды, и принудилъ ихъ возвратить ему безъ боя знамена Красса, восхищеніе Горація не знало болѣе границъ. «Молнія, говорилъ онъ, возвѣщаетъ намъ

отрывокъ изъ *записной книжки* одной корпораціи, посвященной культу Августа при его жизни. О. Янъ, *Spec. epigr.*

57) Напр. Авр. Викт. *De Caesar.*, I, и Тацитъ, *лѣт.*, I, 10.

58) Светон., *Aug.*, 52.

59) Виргил., *Bucol.*, 1, 7.

60) Вирг., *Georg.*, I, 42

61) Горац., *Od.*, I, 2, 41.

о томъ, что въ небѣ царствуетъ Юпитеръ; можно ли сомнѣваться въ божественномъ присутствіи на землѣ Августа, когда мы видимъ, что онъ прибавилъ къ своей имперіи пароянъ?» [62]). Здѣсь находится начало тѣхъ сравненій императора съ Юпитеромъ, которыя въ скоромъ времени должны были сдѣлаться столь унизительными для владыки Олимпа. Впрочемъ, не все было ложью въ увѣреніяхъ поэтовъ и въ усердіи общества, которому они служили отголоскомъ; многіе дѣйствовали вполнѣ искренно, придумывая какую-нибудь новую почесть и неупотреблявшееся дотолѣ привѣтствіе, чтобы изъявить свою благодарность государю, возвратившему спокойствіе всему міру. «Быкъ, говорилъ Горацій, безопасно бродитъ по полямъ; Церера и Изобиліе оплодотворяютъ загородныя земли; мореплаватели стремятся со всѣхъ сторонъ по спокойному морю». [63]) Светоній разсказываетъ, что египетскіе матросы, встрѣтившись случайно съ Августомъ близъ Пуццолъ, явились къ нему въ бѣлыхъ одеждахъ, увѣнчанные цвѣтами, съ руками, полными ладана, и сказали ему: «Благодаря тебѣ, мы живемъ, благодаря тебѣ, мы спокойно плаваемъ, благодаря тебѣ, мы безопасно пользуемся своей свободой и имуществомъ!» [64]) Не было ли это дѣйствительнымъ чудомъ послѣ столькихъ ужасныхъ войнъ, и развѣ человѣкъ, такъ неожиданно его совершившій, не заслуживалъ жертвенниковъ? Добродушный Виргилій уже заявилъ, что апоѳеоза Цезаря приведетъ за собою царство мира на землѣ. Въ этомъ его не разубѣдили даже послѣдовавшіе за нею десять лѣтъ безпорядковъ и убійствъ. Мучившая его жажда спокойствія безъ труда заставляла его позабывать свою ошибку въ счетѣ и онъ съ полной увѣренностью ожидалъ отъ божественности Августа того, на что тщетно надѣялся отъ божественности Цезаря. «Тогда, говорилъ онъ, прекратятся войны, и смягчится суровый духъ людей». [65]) Это была прекрасная мечта, и очень естественно, что Августа торопили осуществить ее, согласившись скорѣе на апоѳеозу.

Августъ настолько обладалъ здравымъ смысломъ, чтобы сопротивляться подобнымъ восторженнымъ выходкамъ и не позволять строить себѣ при жизни храмовъ въ Римѣ. Но признательность и лесть могли прибѣгать къ такимъ увerткамъ, какихъ онъ не могъ, ни

---

[62]) Горац., *Od.*, III, 5, 1.
[63]) Горац., *Od*, IV, 5, 16.
[64]) Светон., *Aug.*, 98
[65]) Виргил., *Aen.*, I, 291.

предвидѣть, ни предупредить. Могъ ли онъ помѣшать, чтобы въ частныхъ домахъ его изображеніямъ воздавались почти божескія почести? Овидій приказалъ прислать ихъ себѣ въ Томы, думая, что ихъ присутствіе усладитъ для него горечь изгнанія. «Что-нибудь да значитъ, говорилъ онъ, имѣть возможность созерцать боговъ, знать, что они возлѣ насъ и бесѣдовать съ ними». [66]) Каждое утро онъ съ благоговѣніемъ отправлялся въ небольшое святилище, куда помѣстилъ ихъ, воскурялъ передъ ними ладанъ и молился имъ. [67]) Августу не безъизвѣстно было, что ему воздаются подобныя почести, и хотя онъ ничего не дѣлалъ для того, чтобы поощрить ихъ, но не замѣтно также, чтобы онъ старался ихъ запретить. Въ своемъ знаменитомъ посланіи къ нему Горацій указываетъ на то, что онъ единственный великій человѣкъ, оцѣненный по достоинству еще при жизни, и говоритъ ему: «Ты еще живъ, а мы уже воздаемъ тебѣ почести, хотя и не преждевременныя; мы воздвигаемъ тебѣ жертвенники, на которыхъ приходимъ свидѣтельствовать о твоей божественности». [68]) Стихи эти надо понимать буквально, потому что они помѣщены въ такомъ стихотвореніи, гдѣ ни одно слово не сказано случайно; они доказываютъ намъ, что въ частныхъ храмахъ, въ семейныхъ святилищахъ, всюду, куда власть императора не достигала прямымъ путемъ, ему молились, клялись его именемъ и, такимъ образомъ, позволяли себѣ нарушать его повелѣнія, можетъ-быть, въ той увѣренности, что подобнымъ ослушаніемъ нельзя навлечь на себя его неудовольствія.

Въ это время было даже сдѣлано нѣсколько оффиціальныхъ попытокъ установить въ столицѣ имперіи нѣкотораго рода культъ императора. Сенатъ, не смѣя обоготворять его лично, поклонялся его добродѣтелямъ и благодѣяніямъ: онъ воздвигъ жертвенники *августовскимъ* справедливости и согласію, и постановилъ молиться въ извѣстное время *августовскимъ* миру и могуществу. [69]) Другая

[66]) Овидій, *De Ponto*, II, 8, 9.

[67]) Овидій, *de Ponto*, IV, 9, 111.

[68]) Горац., Ep., II, 1, 15.

[69]) См. *Commentarii diurni* Моммсена въ первомъ томѣ *Corp. inscr. lat.* Впрочемъ, обычай обоготворять человѣческія добродѣтели былъ уже не новъ; примѣръ его былъ поданъ греками. Цицеронъ пишетъ своему брату, правителю Азіи: *In illis urbibus cum summo imperio et potestate versaris in quibus tuas virtutes consecratas et in deorum numero collocatas vides. Epist.*, *ad Quintum*, I, 1. *)

*) Ты живешь, облеченный властью и могуществомъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ, какъ видишь, твои добродѣтели были освящены и причислены къ богамъ.

еще болѣе интересная и серьёзная попытка апоѳеозы императора состояла въ томъ, что въ концѣ его царствованія было установлено новое поклоненіе, или, какъ тогда говорили, новая религія, —поклоненіе императорскимъ Ларамъ (*Lares augusti*). Это знаменитое учрежденіе заслуживаетъ болѣе подробнаго изученія, потому что ясно обнаруживаетъ политику Августа и показываетъ, въ какихъ границахъ онъ допускалъ въ Римѣ апоѳеозу, которою его хотѣли почтить еще при жизни.

Культъ Ларъ былъ самый популярный у римлянъ. Каждый съ уваженіемъ молился этимъ божкамъ—покровителямъ семейнаго очага; имъ приписывалось все, что составляло домашнее благополучіе: здоровье дѣтей, родственное согласіе, торговыя удачи; имъ съ умиленіемъ поклонялись, отправляясь въ дальній путь и по возвращеніи домой; всякій былъ убѣжденъ, что они присутствуютъ при домашней трапезѣ и принимаютъ участіе въ семейныхъ радостяхъ и огорченьяхъ. Этотъ культъ, отличавшійся сначала вполнѣ семейнымъ характеромъ, въ скоромъ времени принялъ болѣе широкіе размѣры. Кромѣ домашнихъ Ларъ, начали поклоняться Ларамъ государства, города и даже каждаго городскаго квартала. Послѣднимъ воздвигали небольшіе храмы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколько улицъ, скрещиваясь между собою, образовали площади, потому ихъ называли Ларами перекрестковъ (*Lares compitales*). Сосѣди очень чествовали ихъ. Каждый годъ вначалѣ января, послѣ Сатурналій, въ честь ихъ происходили игры. Чтобы устроить праздникъ и достать денегъ на издержки его, жители квартала составляли между собою ассосіацію (*collegium*), устроивали общую кассу, выбирали предсѣдателя, и затѣмъ впродолженіе трехъ дней всѣ сосѣди, собравшись вмѣстѣ, веселились, присутствуя при представленіи гаеровъ, при боѣ атлетовъ и прочихъ, тому подобныхъ забавахъ. Простой народъ находилъ въ этомъ большое удовольствіе; это была забава рабочихъ, рабовъ и всѣхъ, кто велъ трудовую жизнь и не пользовался никакими развлеченіями. Политика не замедлила проникнуть въ эти сборища бѣдняковъ Рима; демагоги поняли, какую пользу можно было извлечь изъ нихъ: въ эти праздничные дни, когда толпа, возбужденная удовольствіями, дѣлается доступнѣе для всякаго рода увлеченій, имъ легко было заставить ее взяться за оружіе или толкнуть ее на дорогу къ Марсовому полю или къ Форуму. Ассосіація перекрестковъ легко превращалась въ политическій комитетъ, который вмѣсто игръ могъ устроивать возстанія. Эти комитеты играли очень важную роль во

время послѣднихъ республиканскихъ волненій. Поочередно то подавляемые, то возстановляемые, смотря потому, какая партія одерживала верхъ, они были окончательно уничтожены Цезаремъ, который пересталъ поощрять революціи послѣ того, какъ ему удалась его собственная. Впродолженіе болѣе двадцати лѣтъ въ Римѣ не праздновалось игръ на перекресткахъ; но, несмотря на столь долгій перерывъ, народъ не переставалъ помнить и сожалѣть о нихъ. Августъ, хорошо понимая, что онъ можетъ сдѣлаться популярнымъ безъ всякой опасности, не затруднился возвратить народу эти игры. Онѣ были отпразднованы послѣ побѣды при Акціумѣ, и во время торжества, по словамъ Виргилія, «всѣ улицы оглашались радостными кликами, рукуплесканіями и шумомъ игръ». [70])

Нѣсколько лѣтъ спустя Августъ придалъ имъ новое значеніе. Въ 746 году, желая переустроить муниципальное управленіе Рима, оставленное республикою въ очень плохомъ состояніи, онъ раздѣлилъ городъ на четырнадцать округовъ или на двѣсти шестьдесятъ пять кварталовъ. [71]) Каждый изъ этихъ кварталовъ управлялся четырьмя должностными лицами, называемыми *magistri vicorum*, сосѣдними мелкими гражданами или вольноотпущенниками, вѣроятно назначавшимися верховною властью. Подъ ихъ начальствомъ состояло собраніе или коллегія четырехъ рабовъ, называемыхъ *ministri*, которые были, вѣроятно, подчинены имъ, и которые встрѣчаются обыкновенно въ сообществѣ съ ними при посвященіи различныхъ памятниковъ [72]). Эта реформа, установившая въ Римѣ больше порядка и безопасности, была принята очень благосклонно. [73]) Чтобы упрочить ея успѣхъ, Августъ остался вѣренъ своей всегдашней политикѣ, стараясь дать этому новому учрежденію опору въ древности: онъ попыталъ воспользоваться для него старин-

---

[70]) Вирг., *Aen.*, VIII, 717.

[71]) См. объ этомъ учрежденіи у Эггера, *Historiens d'Auguste.*

[72]) Хотя старались это опровергнуть, но все, повидимому, доказываетъ, что *magistri* и *ministri* были членами одного и того же учрежденія. Они вмѣстѣ посвящали памятники *августовскимъ Ларамъ*, вмѣстѣ вступали въ должность (Орелли 1658 и 1659) и имѣли одно и то же лѣтоисчисленіе (id. 1436). Въ провинціяхъ это учрежденіе было введено съ нѣкоторыми отмѣнами. Въ Неаполѣ рабы занимаютъ мѣсто между *magistri* (Момм. *Inscr. Neap.*, 2595); въ другихъ мѣстахъ между *ministri* находятся вольноотпущенники (id. 309).

[73]) Доказательствомъ важности этой реформы служитъ то, что съ нея начали вести новое лѣтоисчисленіе. *Magistri vicorum* послѣдующей эпохи, выставляя числа на своихъ актахъ, считаютъ время съ того года, въ который была учреждена ихъ должность.

ною популярностью Ларовъ перекрестка. *Magistri vicorum* имѣли двойную обязанность: въ качествѣ гражданскихъ правителей, они, вѣроятно, завѣдывали полиціей своего квартала, распредѣляли между жителями императорскіе дары, [74]) имѣли въ своемъ распоряженіи рабовъ, обязанныхъ тушить пожары, и мы видимъ, какъ однажды они дарятъ состоящимъ подъ ихъ управленіемъ лицамъ установленныя правительствомъ тяжести для взвѣшиванія золота и серебра; [75]) но въ то же время, судя по памятникамъ, они исправляли и духовныя должности. Центръ квартала оставался всегда возлѣ храма на перекресткѣ, и очень естественно, что *magistri vicorum* были жрецами. [76]) Независимо отъ праздниковъ, сохранившихся отъ древности и отъ очищеній (*lustratio*) квартала, лежавшихъ на ихъ обязанности, [77]) Августъ, приказавъ поставить въ каждомъ возобновленномъ храмѣ статуи Ларовъ, въ то же время постановилъ, чтобы два раза въ годъ, въ маѣ и въ августѣ, имъ приносили вѣнки изъ цвѣтовъ. [78]) Эти новые праздники были причиною очень важнаго нововведенія: въ древности Ларовъ было двое; благодарность народа и, вѣроятно также самихъ *magistri vicorum*, обязанныхъ своимъ существованіемъ императору, прибавила къ нимъ третьяго, духа или генія Августа. [79]) Несмотря на принятое имъ рѣшеніе не дозволять своего обоготворенія въ Римѣ, Августъ согласился на эту почесть. По вѣрованіямъ римлянъ, духъ человѣка не что иное, какъ самая безплотная и самая божественная его часть; человѣкъ существуетъ благодаря ей, и она его переживаетъ; а такъ какъ послѣ смерти человѣка, духу поклоняются подъ именемъ *Лара*, то при жизни его ему можно воз-

---

[74]) Свет., *Tib.*, 76.

[75]) Орелли, 1530.

[76]) Это явствуетъ изъ свидѣтельства писателей. Асконій Педіанъ (*In orat. Cic. contra Pis.*, 4) положительно говоритъ, что *magistri vicorum* предсѣдательствовали при играхъ на перекресткахъ. Овидій (*Fast.*, V, 140) отожествляетъ храмъ перекрестка съ храмомъ *vicus*, гдѣ помѣщаются императорскіе Лары. Впрочемъ, въ одной надписи въ Сполетто дѣлается различіе между *compitales Larum aug.* и между *magistri vicorum* (Орелли 7115); но въ италіанскихъ муниципіяхъ не всегда вполнѣ точно подражали учрежденіямъ Рима.

[77]) Орелли, 1387.

[78]) Свет., *Aug.*, 31. О томъ, что статуи Ларъ были даны Августомъ, говоритъ Овидій (*Fast.*, V, 145).

[79]) Овидій (*loc. cit.*) говоритъ, что Лары, которымъ поклонялись на перекресткахъ, были *Lares praestites*, боги, покровительствующіе государству. Потому нельзя согласиться съ Рейфершейдомъ (*Ann. de l'inst. de corresp. arch.* 1863), въ томъ, что они были *Lares domestici* Августа.

давать нѣкоторыя почести подъ именемъ генія. Рабы, вольноотпущенные и кліэнты Августа клялись обыкновенно геніемъ своего господина; для нихъ это былъ какъ бы живой богъ, культъ котораго причислялся въ культу домашнихъ божествъ. Не онъ ли обѣщалъ всѣмъ внутреннюю тишину? А если домашнія собранія не нарушались теперь, какъ прежде, шумомъ уличныхъ схватокъ, не его ли мудрости они были этимъ обязаны? Слѣдовательно, и онъ также былъ одинъ изъ боговъ, покровителей домашняго очага. Горацій говорилъ ему еще въ 740 году: «Мирно проработавши цѣлый день, земледѣлецъ весело возвращается вечеромъ къ обѣду. Онъ не оканчиваетъ его, не призвавъ за столомъ твоего божества, онъ обращается къ тебѣ съ молитвами, въ честь тебя онъ льетъ вино изъ своей чаши, онъ прибавляетъ твое имя къ имени своихъ Ларовъ.» [80]) Слѣдовательно, *magistri vicorum*, прибавляя геній Августа къ Ларамъ перекрестковъ, нисколько не рисковали оскорбить общественное мнѣніе; оно даже предупредило ихъ въ этомъ. Они просто оффиціально освятили общій обычай, вводя въ государство то, что давно уже совершалось въ семействахъ.

Какъ бы то ни было, но со стороны римлянъ нельзя не назвать ловкимъ политическимъ поступкомъ того, что при самомъ началѣ апоѳеозы императора, въ то время, когда она рисковала встрѣтить сопротивленіе, они поставили ее подъ покровительство религіи домашняго очага, пользовавшейся у нихъ наибольшимъ уваженіемъ. Еще болѣе ловкимъ дѣломъ было то, что они возбуждали участіе къ этой религіи и ко власти, изъ которой она исходила, въ мелкихъ гражданахъ, вольноотпущенникахъ, рабахъ, словомъ, во всѣхъ низшихъ, наименѣе надѣленныхъ классахъ. Республика пренебрегала ими, имперія протягивала имъ руку; изъ этихъ бѣдняковъ, на которыхъ не обращали почти никакого вниманія, она дѣлала должностныхъ лицъ. Эти рабы получили право сходиться на сборища и сооружать на общій счетъ памятники, внизу которыхъ выставлялись ихъ темныя имена. Эти вольноотпущенники нѣсколько разъ въ году надѣвали одежду съ пурпурной повязкой, подобно преторамъ и консуламъ; они давали игры, предсѣдательствовали на общественныхъ церемоніяхъ и заставляли ходить передъ собою двухъ ликторовъ, чтобы раздвигать толпу. Они были тѣмъ чувствительнѣе къ этимъ привилегіямъ, чѣмъ сильнѣе ихъ унижали до тѣхъ поръ, и очень хорошо знали, что обязаны ими исключи-

[80]) Горац., *Od.* IV, 5 30.

тельно одному государю, и что власть ихъ была тѣсно связана съ культомъ императора. Вотъ почему они такъ хлапочутъ объ украшеніи храма Ларовъ перекрестка, превратившихся въ императорскихъ Ларовъ; всякій разъ, какъ что-нибудь случится, они передѣлываютъ его крышу и поправляютъ жертвенникъ [81]). Кромѣ двухъ божковъ съ приподнятыми туниками и кубками, какъ ихъ всегда изображали въ древности, и присоединеннаго къ нимъ генія Августа, въ этихъ храмахъ часто помѣщали еще другія народныя божества—Геркулеса, Сильвана, но чаще всего *Stata Mater*, весьма любимую бѣдняками за то, что она, по общему мнѣнію, останавливала пожары. Было вычислено [82]), что болѣе двухъ тысячъ человѣкъ самаго низкаго происхожденія, большею частію рабовъ и вольноотпущенныхъ, принимали ежегодно извѣстное участіе въ правленіи императора и такимъ образомъ брали на себя обязанность защищать его. Выгода была значительна, и Августъ не пренебрегалъ ею. Чтобы расположить въ пользу своей власти этихъ бѣдняковъ, онъ позволилъ воздавать себѣ въ самомъ Римѣ койкакія божескія почести; но это былъ, какъ мы уже видѣли, не вполнѣ открытый культъ и неполная апоѳеоза, такъ какъ поклонялись только его генію.

Во все время своего царствованія Августъ продолжалъ держаться подобной политики относительно своей апоѳеозы. Прежде всего онъ постоянно старался выказывать нежеланіе божескихъ почестей и дѣлалъ видъ, будто избѣгаетъ ихъ и уклоняется отъ нихъ, когда ему ихъ воздавали. Даже соглашаясь принимать ихъ, онъ дѣлалъ это съ безконечными предосторожностями и ограниченіями; такъ, напримѣръ, онъ охотнѣе разрѣшалъ строить себѣ храмы въ провинціи, нежели въ Италіи, и въ Италіи, нежели въ Римѣ. Онъ хорошо зналъ, что отдаленность поддерживаетъ собою очарованіе, и что человѣку трудно казаться богомъ, если на него смотрятъ слишкомъ близко. Даже въ Римѣ, когда онъ сдѣлался менѣе строгъ въ этомъ отношеніи, онъ прежде всего согласился на поклоненіе со стороны самыхъ скромныхъ гражданъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ. Невѣріе свѣтскихъ людей пугало его; онъ боялся, что съ ихъ стороны апоѳеоза будетъ не искренною лестью, надъ которою они будутъ втихомолку смѣяться. Простые люди казались ему въ этомъ случаѣ надежнѣе; онъ думалъ, что они болѣе склонны простодуш-

---

[81]) Орелли, 782.
[82]) Эггеръ, *Hist. d'Auguste.*

но вѣрить апоѳеозѣ императора. Въ Италіи, какъ и въ провинціяхъ, онъ постоянно старался связывать установляемыя въ честь его церемоніи съ древними обычаями и преданіями. Обыкновенною его политикою было придавать этимъ новинкамъ видъ древности; онъ не преминулъ сдѣлать это и въ данномъ случаѣ; мы видимъ, что культъ его повсюду либо замѣняетъ собою какой-нибудь изъ древнихъ культовъ, либо присоединяется къ нему. Если онъ соглашается на то, чтобы ему поклонялись не иначе, какъ вмѣстѣ съ *dea Roma*, то дѣлаетъ это лишь для того, чтобы воспользоваться для самого себя тѣмъ уваженіемъ, какое эта богиня уже издавна внушаетъ всему свѣту. Жители Нарбонны, произнося обѣтъ относительно его божественности, повидимому, съ намѣреніемъ употребляютъ самыя древнія и торжественныя религіозныя выраженія [83]). Въ богослуженіи арвальскаго братства имя Августа стоитъ на ряду съ именами самыхъ первоначальныхъ божествъ, почти совершенно позабытыхъ свѣтскими людьми и сохранившихся только въ жреческихъ спискахъ [84]). Воздавая почести умершимъ или живымъ государямъ, болѣе всего заботились о томъ, чтобы подражать обычнымъ формамъ культа Ларовъ. Декуріоны Флоренціи обыкновенно праздновали большимъ пиромъ день рожденія Августа и Тиберія; но прежде чѣмъ садиться за столъ, они отправлялись въ торжественномъ шествіи къ жертвеннику, воздвигнутому ими божественности Августа (*numen Augustum*), предлагали вина и ладанъ геніямъ обоихъ государей и приглашали ихъ отобѣдать съ ними [85]). Эта церемонія совершенно напоминаетъ собою то, что происходило въ семействахъ. Предполагалось, что Лары присутствуютъ во время обѣда, и отъ каждаго кушанья имъ удѣлялась извѣстная часть, которую долженъ былъ бросать въ очагъ ребенокъ, при всемъ благоговѣйномъ обществѣ [86]). Примѣшивая такимъ образомъ новый культъ къ древнимъ вѣрованіямъ и церемоніямъ, ему придавали то, что только и могло недоставать ему,— освященіе древностью.

---

83) Орелли, 2489: *ceterae leges huic arae titulisque eadem sunto, quae sunt arae Dianae in Aventino* *).

84) Марини, *Arv.*, таб. 32).

85) Орелли, 686.

86) Серв., *Aen.*, I, 730.

---

*) Пусть этотъ алтарь пользуется тѣми же правами и тѣмъ же почетомъ, какими пользуется алтарь Діаны на Авентинскомъ холмѣ.

Благодаря стараніямъ Августа отыскивать для своей апоѳеозы образчиковъ въ прошедшемъ Рима, она приняла и сохранила римскій характеръ. На Востокѣ человѣкъ, получающій божескія почести, обыкновенно отожествляется съ богомъ, или лучше сказать богъ нисходитъ на землю и воплощается въ немъ, а человѣкъ принимаетъ его аттрибуты и получаетъ его имя. Въ празднествахъ, задаваемыхъ Клеопатрою своему любовнику, она являлась въ одеждѣ Изиды, между тѣмъ какъ находившійся возлѣ нея грубый солдатъ силился разыграть роль Озириса. Это было не простое переодѣванье; льстецы говорили, и толпа была расположена вѣрить, что передъ ними находятся дѣйствительно великіе боги Египта. Греки, не отступавшіе ни передъ чѣмъ въ своемъ раболѣпствѣ, часто пытались обоготворять Цезарей на восточный ладъ; самимъ Цезарямъ, повидимому, нравилась эта новая форма поклоненія, когда имъ наскучала старая, и ее употребляли иногда въ Римѣ, чтобы доставить имъ удовольствіе. Неронъ, по возвращеніи изъ Греціи, гдѣ онъ такъ легко получилъ множество вѣнковъ на общественныхъ играхъ, былъ въ восторгѣ отъ того, что римская народная толпа привѣтствовала его подъ именемъ Аполлона [87]). Коммодъ не иначе приказывалъ изображать себя, какъ въ видѣ Геркулеса и давалъ себѣ это имя на всѣхъ своихъ монетахъ [88]). Однако, все это не болѣе какъ исключенія, и Цезари вообще очень рѣдко принимали имя бога или давали его своимъ предшественникамъ. Римская апоѳеоза менѣе мистична и, если можно такъ выразиться, болѣе человѣчна, нежели апоѳеоза восточныхъ народовъ: она предполагаетъ, что человѣкъ, съ помощью личныхъ усилій и собственной добродѣтели, можетъ самъ возвыситься до божественнаго состоянія, а не то, что будто божество нисходитъ на него и воплощается въ немъ. Если она дѣлаетъ слишкомъ много чести человѣку, зато, надо сознаться,—она гораздо менѣе оскорбляетъ небо. Во всякомъ случаѣ дѣлать изъ Мессалины и Поппеи особенныя личныя божества, въ которыя каждый могъ вѣрить, какъ угодно, было менѣе непристойно, чѣмъ оскорблять двухъ почитаемыхъ богинь, считая этихъ коронованныхъ куртизанокъ воплощеніями Юноны и Цереры. Греки легко дозволяли себѣ подобную непочтительность; римская апоѳеоза никогда до этого не доходила.

Мы видѣли, что Августъ позволялъ обоготворять себя въ про-

---

87) Діонъ, LXIII, 20.

88) Когенъ, *Monn. imp. Commode*, 63.

винціяхъ и даже въ Италіи, но въ то же время строго запрещалъ воздавать себѣ оффиціальное поклоненіе въ Римѣ при своей жизни. Но когда онъ умеръ въ Нолѣ въ 767 году (14 лѣтъ спустя по рожденіи Спасителя), никакія сомнѣнія не могли болѣе удержать народной признательности, и ему можно было теперь воздавать тѣ почести, отъ которыхъ онъ частію отрекался при жизни. Тацитъ указываетъ на то, что похороны его не походили на похороны Цезаря. Народъ оставался спокойнымъ; не было ни насилій, ни волненій, хотя ихъ, повидимому, опасались [89]). Все произошло правильно и холодно. Сенатъ призналъ новаго бога по праву, данному ему римскими законами; божественность Цезаря была, такъ сказать, освящена народомъ, между тѣмъ какъ Августъ заполучилъ небо по указу сената, *coelum decretum* [90]). По этому случаю были изобрѣтены новыя церемоніи и особеннаго рода богослуженіе, совершавшееся впослѣдствіи при каждой новой апоѳеозѣ императора. Тѣло его было положено въ гробъ, покрытый пурпурными коврами и поставленный на ложе изъ слоновой кости и золота; надъ гробомъ возвышалось восковое изображеніе живаго Августа, облеченнаго въ тріумфальные доспѣхи. На Марсовомъ полѣ былъ устроенъ громадный костеръ въ нѣсколько этажей, въ видѣ пирамиды, украшенный гирляндами, тканями и статуями, отдѣленными одна отъ другой колонною. «Когда тѣло было положено на костеръ, его окружили жрецы; затѣмъ всадники и воины, бѣгая вокругъ него, побросали туда военныя награды, полученныя ими за доблесть. Послѣ того центуріоны, приблизившись къ нему съ факелами, подожгли его; пока онъ горѣлъ, изъ него вылетѣлъ орелъ, какъ бы для того, чтобы унести съ собою на Олимпъ душу государя [91])».

---

89) Тацитъ, *лѣтоп.*, 1, 8.

90) Тац., *лѣт.*, 1, 73.

91) Діонъ, LXVI, 42. Этотъ костеръ изображенъ на многихъ императорскихъ медаляхъ, а именно: на медаляхъ Антонина и Марка Аврелія. Прекрасные барельефы на колоннѣ Антонина также представляютъ собою нѣкоторыя изъ церемоній, относящихся къ посвященію императоровъ. На двухъ сторонахъ ея пьедестала находятся воины съ оружіемъ и всадники съ знаменами, бѣгающіе вокругъ костра. На третьей сторонѣ крылатый геній,—геній вселенной, по мнѣнію Виньоли (*Columna Ant. Pii*), или геній вѣчности, по мнѣнію Висконти (*Mus. Pio-Clem.*, V, стр. 184), уноситъ на крыльяхъ Антонина и его жену Фаустину, уже обоготворенныхъ, а возлѣ нихъ помѣщены два орла, вылетѣвшіе изъ костра на ихъ похоронахъ. Внизу генія, Римъ, въ своей традиціонной одеждѣ, смотритъ на отлетъ покойниковъ, и на лицѣ его выражаются одновременно, и радость при видѣ воздаваемыхъ имъ почестей, и сожалѣніе объ ихъ утратѣ.

Одинъ обязательный сенаторъ увѣрялъ даже, будто онъ видѣлъ собственными глазами, какъ Августъ вознесся на небо, въ награду за что Ливія приказала отсчитать ему милліонъ сестерцій. Назначивъ апоѳеозу, надо было по обычаю устроить культъ новому богу. Учредили коллегію изъ двадцати одного жреца (*sodales augustales*), выбранныхъ по жребію между знатнѣйшими лицами Рима, къ которымъ были также причислены члены императорскаго семейства. Эта коллегія избрала своимъ предсѣдателемъ (*flamen augustalis*) Германика. Правда, что восхищеніе, внушаемое Августомъ, было теперь уже не такъ сильно, какъ въ первые годы его владычества. Это продолжительное царствованіе утомило много непостоянныхъ умовъ; войска были уже менѣе счастливы, чѣмъ прежде, а власть, чувствуя себя менѣе прочною, выражалась иногда жестче прежняго; по словамъ Діона и Тацита, смерть Августа возбудила не во всѣхъ искреннее сожалѣніе [92]); тѣмъ не менѣе на почести ему не поскупились. Кромѣ общественнаго культа, установленнаго сенатомъ, возникло еще множество ассоціацій, небольшихъ храмовъ и разнообразныхъ поклоненій, и все это было дѣломъ частныхъ лицъ. Примѣръ этому, естественно, подала Ливія; она приказала выстроить на самомъ Палатинѣ нѣкотораго рода домашнее святилище, сдѣлалась сама его жрицею и собирала вокругъ него друзей и кліэнтовъ своего дома; она не захотѣла исключить изъ числа ихъ даже гистріоновъ, любимыхъ Августомъ: мимъ Клавдій, несмотря на свою дурную репутацію, принималъ участіе въ играхъ, данныхъ ею въ честь мужа [93]), а танцовщикъ Баѳиллъ сдѣлался впослѣдствіи прислужникомъ въ его храмѣ [94]). Всѣ знатныя римскія семейства послѣдовали примѣру Ливіи; повсюду, говоритъ Тацитъ, образовались благочестивыя ассоціаціи въ честь умершаго государя, состоявшія изъ его родственниковъ, кліэнтовъ и вольноотпущенниковъ, собиравшіяся, вѣроятно, въ извѣстные дни для общихъ церемоній [95]). Рвеніе, оказанное столицею, нашло себѣ подражателей во всей имперіи, и всюду, болѣе по частной инициативѣ, нежели вслѣдствіе вмѣшательства власти, установился культъ того, кого стали отнынѣ величать не иначе, какъ божественнымъ Августомъ, *divus Augustus*.

---

92) Діонъ, LVI, 43. Тацитъ, *Лѣт.*, I, 10.

93) Тац., *Лѣт.*, I, 73.

94) Орелли, 2446.

95) Тац., *Лѣт.*, I, 73.

IV.

Политическое значенiе апоѳеозы императоровъ.—Культъ Цезарей въ провинцiяхъ. — Провинцiальныя собранiя, образующiяся вокругъ храмовъ Рима и Августа. Присвоиваемыя ими преимущества.—Характеръ культа Августа и Рима въ провинцiяхъ. — Важное значенiе, принимаемое его провинцiальными жрецами въ жреческой iерархiи.—Культъ Цезарей въ муниципiяхъ.—Послѣдняя ступень императорскаго культа, *Августалiи*.

Апоѳеоза императоровъ имѣла самыя замѣчательныя послѣдствiя не въ Римѣ: здѣсь она нерѣдко служила только наиболѣе утонченною формою лести. Въ провинцiяхъ она приняла другой характеръ и неожиданно произвела такiя политическiя послѣдствiя, которыя намъ необходимо надо знать. Провинцiи не только ничего не потеряли при имперiи, но даже выиграли, потому что начали пользоваться при ней большею безопасностью, бо̀льшимъ благосостоянiемъ и даже нѣсколько большею свободою. Чтобы упрочить свои побѣды, Римъ попыталъ сначала лишить покоренные народы чувства ихъ нацiональнаго существованiя. Послѣ побѣды онъ раздѣлялъ обыкновенно завоеванную страну на небольшiе участки и запрещалъ между ними всякаго рода сообщенiя ради союза или мѣны [96]). Само собою разумѣется, что у нихъ отняли право праздновать общiе праздники, во время которыхъ среди увеселенiй толковали обыкновенно объ общественныхъ дѣлахъ, и которые были тѣмъ дороже для побѣжденныхъ, что составляли иногда единственную связь между ними. Мы видимъ, что съ первыхъ годовъ имперiи праздники эти были возобновлены; Августъ не только не запрещалъ ихъ, но даже поощрялъ [97]). Какъ въ Римѣ, такъ и въ провинцiяхъ, онъ держался одинаковой политики, всюду отмѣнялъ безполезныя запрещенiя и возобновлялъ провинцiальныя собранiя, если, впрочемъ, не имѣлъ повода опасаться ихъ; такъ, напримѣръ, онъ возстановилъ игры на перекресткахъ, о которыхъ такъ сожалѣли римскiе плебеи, когда убѣдился, что онѣ не представляютъ никакой опасности для его власти. Съ обѣихъ сторонъ получился одинаковый результатъ: благодарность провинцiаловъ была такъ же сильна, какъ

---

[96]) См. объ этомъ вопросѣ у Бекера-Маркварта, *Röm. Alterth.*, III, стр. 267.

[97]) Онъ даже образовалъ подобныя собранiя въ тѣхъ провинцiяхъ, гдѣ ихъ никогда не бывало. Маркв., *loc. cit.*, стр. 268.

благодарность римлянъ, и выразилась одинаковымъ съ нею образомъ; лишь только эти собранія были разрѣшены, они обыкновенно начинали съ того, что строили храмъ императору, и сначала не имѣли, повидимому, никакой другой цѣли, какъ отправлять его культъ.

Начало принадлежитъ Востоку; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ служилъ всему остальному міру примѣромъ и образцомъ подобнаго рода провинціальныхъ собраній; но народы Запада, которыми я исключительно намѣреваюсь заняться, не замедлили послѣдовать его примѣру. Со временъ первыхъ цезарей, провинціи: Галлія, Испанія, Африка, Паннонія и Мизія строятъ алтари и храмы и учреждаютъ національные праздники въ честь Рима и Августа. Такъ какъ эти праздники не были установлены центральною властью, каждая провинція могла организовать ихъ по своему желанію, вслѣдствіе чего устройство ихъ сдѣлалось, конечно, не совсѣмъ одинаково въ различныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на нѣкоторую разницу въ подробностяхъ, какъ мы это видимъ изъ надписей, въ общемъ они должны были сходствовать между собою. Обыкновенно провинція поручала общему собранію депутатовъ [98]) праздновать отъ ея имени культъ своихъ владыкъ; способъ избранія этихъ депутатовъ былъ, можетъ быть, не вездѣ одинаковъ, и онъ вообще мало намъ извѣстенъ. Несомнѣнно лишь то, что они не назначались правительствомъ, а выбирались своими согражданами, и что вообще только нѣсколько большихъ городовъ пользовались правомъ избирать ихъ [99]). Кромѣ того мы видимъ, что ихъ выбирали обыкновенно изъ самыхъ важныхъ лицъ страны, которыя до того времени либо отправляли уже у себя всѣ муниципальныя должности, либо получили отъ центральной власти одну изъ военныхъ или финансовыхъ должностей, дававшихъ право на званіе всадника [100]). Быть представителемъ своего роднаго города въ провинціальномъ собраніи считалось въ средѣ этой маленькой аристократіи муниципій величайшею честью, до которой только можно достичь, и какъ бы увѣнчаніемъ почетной жизни. Въ дни извѣстныхъ тезоименитствъ депутаты собирались въ столицѣ своей провинціи, гдѣ праздновался затѣмъ съ великимъ торжествомъ императорскій культъ.

---

98) Подобныя собранія назывались на Востокѣ Κοινά, а на Западѣ *Concilia*.

99) Обо всемъ этомъ см. у Марквартда, *De provinciarum rom. conciliis et sacerdot.*, въ *Ephemeris epigraphica*, I, стр. 200.

100) *Corp. inscript. lat.* II, стр. 541.

Но что же происходило въ этихъ собраніяхъ по окончаніи религіозныхъ церемоній? Конечно, ничего такого, что могло бы хоть сколько-нибудь смутить самую подозрительную администрацію. Въ принципѣ эти собранія не имѣли оффиціально никакихъ политическихъ преимуществъ: ни проконсулы, ни императорскіе легаты не позволили бы имъ контролировать своихъ дѣлъ или разбирать предпринимаемыя ими мѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли было возможно, чтобы эти важныя лица, избранныя своими согражданами для того, чтобы служить ихъ представителями, получивъ однажды право собираться и совѣщаться, не вмѣшались подъ конецъ тѣмъ или другимъ способомъ въ провинціальное управленіе. Подобныя вмѣшательства происходили понемногу и притомъ самымъ естественнымъ образомъ. Сначала собраніе позволило себѣ, воздавая почести памяти умершихъ императоровъ, расточать лесть передъ живымъ; подобное доказательство усердія не могло компрометировать собранія, и ни кто не сталъ бы осуждать его. Всякій разъ, какъ съ государемъ случалось что-нибудь особенное, провинція отряжала къ нему депутатовъ для изъявленія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Такъ Галлія отправила Нерону поздравленіе по случаю смерти его матери. Ораторъ Африканъ, на котораго было возложено это щекотливое порученіе, дѣлая видъ, будто онъ серьёзно вѣритъ опасности, грозившей государю, по его собственнымъ словамъ, и его сожалѣнію о томъ, что онъ избѣгнулъ его такой цѣною, обратился къ нему съ слѣдующими словами, всѣмъ тогда очень понравившимися: «Цезарь, ваши галльскія провинціи умоляютъ васъ мужественно переносить свое счастіе [101]).» Вскорѣ къ подобной лести, принимавшейся, конечно, весьма охотно, присоединились замѣчанія о нѣкоторыхъ важныхъ предметахъ. Мы видимъ, что Адріанъ и Антонинъ прямо отвѣчаютъ провинціальнымъ собраніямъ, которыя, вѣроятно, обращались къ нимъ за разъясненіемъ трудныхъ законовъ [102]). Это поощрило ихъ придать себѣ болѣе важное значеніе и расширить свои права; вотъ почему впослѣдствіи, среди вѣрноподданическихъ изъявленій, на которыя они были всегда очень щедры, они рѣшились уже довести до государя

---

[101]) Квинтиліанъ, VIII, 5, 15. Эта фраза служитъ отвѣтомъ на другую, приписываемую Сенекою Нерону въ письмѣ, написанномъ имъ къ сенату во имя государя, по смерти Агриппины: *Salvum te esse adhuc nec credo, nec gaudeo.* (Я не вѣрю, да и не радуюсь тому, что еще живъ и здоровъ). Тамъ же, VIII, 5, 18.

[102]) Дигестъ, XLVII, 14, 1 и XLVIII, 6, 5.

нѣсколько жалобъ на обремененіе ихъ налогами и на притѣсненія со стороны правителей. Съ самаго начала они присвоили себѣ въ сущности очень невинное право воздвигать статуи тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые съ честью исполнили свою обязанность, а также всякаго рода должностнымъ лицамъ, оказавшимъ какую-нибудь услугу провинціи. Въ числѣ послѣднихъ находились правители, посылавшіеся государемъ или сенатомъ; они были особенно жадны до подобнаго рода почестей. Но разъ, когда провинціи было разрѣшено вотировать имъ похвалы, она неизбѣжно должна была придти когда-нибудь къ тому, чтобы произносить надъ ними осужденія, если думала, что они ихъ заслуживаютъ. Этимъ путемъ ей представлялся надъ ними полный контроль. Уже при Неронѣ Тразеа горько жаловался на гордость провинціаловъ, позволявшихъ себѣ осуждать своихъ повелителей. Онъ напоминалъ о томъ, что прежде иностранцы дрожали безъ разбора передъ каждымъ римляниномъ; «теперь же, напротивъ того, говорилъ онъ, мы ласкаемъ иностранцевъ и ухаживаемъ за ними [103])». Но упреки Тразеи и мѣры, предпринятыя вслѣдствіе его подстрекательствъ, оказались безполезными: провинціальныя собранія не только сохранили свои прежніе преимущества, но еще увеличивали ихъ съ каждымъ днемъ. Знаменитая галльская надпись, извѣстная подъ именемъ Торинійскаго мрамора, доказываетъ собою, что въ 238 году значеніе ихъ было очень велико, что каждый изъ составлявшихъ ихъ депутатовъ получалъ должныя инструкціи отъ своихъ поручителей, и что провинціальныя собранія осмѣливались даже взводить обвиненія на правителей [104]). Итакъ, въ этихъ собраніяхъ таился зародышъ

---

103) Тац., *Лѣт.*, XV, 21.

104) Привожу отрывокъ изъ надписи въ Ториньи, снятой г. Леономъ Ренье, который былъ такъ добръ, что сообщилъ ее мнѣ: *His accedit quod, cum Cl. Paulin* (*o*) *decessori meo in concilio Galliarum, instinctu quorum* (*dam*) *qui ab eo propter merita sua laed* (*i*) (*v*) *idebantur quasi ex consensu provin* (*ciae*) (*a*) *acussationem instituere temtar* (*ent*), *Sollemnis iste meus proposito eor* (*um*) *restitit, provocatione scilicet inte* (*rposita*), *quod patria ejus cum inter ce* (*teros le*) *gatum eum creasset, nihil de ac* (*cussat*) *ione mandassent, immo contra lau*(*dasse*) *nt*.

(Къ тому же, когда въ галльскомъ собраніи, по подстрекательству нѣкоторыхъ, считавшихъ себя обиженными моимъ предмѣстникомъ, Кл. Поулиномъ, пытались, какъ бы съ общаго согласія провинціи, постановить о преданіи его суду, то мой Соллемеисъ (?) отклонилъ ихъ предложеніе, заявивъ, что его отечество, назначая его въ числѣ прочихъ депутатомъ, не уполномочило его предавать суду, а напротивъ, выразило похвалу и пр.).

провинціальнаго представительства, и если онъ не развился скорѣе, то это, очевидно, произошло вслѣдствіе того, что сами провинціи не дорожили имъ. Впрочемъ, между муниципальными льготами, которыми обыкновенно такъ дорожатъ, и между великимъ единствомъ имперіи не могло существовать такихъ промежуточныхъ центровъ, которые напоминали бы собою различнымъ народамъ объ ограниченіи ихъ національности, такъ легко ими покинутой для того, чтобы превратиться въ римлянъ. Только въ послѣдніе дни имперіи, когда связь, соединявшая собою всѣ народы, готова была порваться, подобнаго рода частные сеймы получили важное политическое значеніе, и вкругъ нихъ стали понемногу возрождаться отдѣльныя національности, сгладившіяся передъ римскимъ владычествомъ и безмолвно преобразовывавшіяся въ то самое время, когда Римъ готовился къ своей погибели, а сами онѣ—къ тому, чтобы послѣдовать за нимъ. Но при первыхъ Цезаряхъ провинціальныя собранія имѣли исключительно религіозный характеръ. Культъ императоровъ долгое время оставался ихъ главнымъ и почти исключительнымъ дѣломъ. Они собирались только для того, чтобы приносить торжественныя жертвы или задавать великолѣпныя игры въ честь государя. Должностное лицо, избираемое депутатами въ предсѣдатели, принимало титулъ фламина или жреца, и это имя указываетъ на характеръ тѣхъ обязанностей, которыя ему предстояло главнымъ образомъ исполнить.

Культъ Рима и Августа, такъ, какъ его отправляли провинціи черезъ своихъ депутатовъ, отличался особеннымъ характеромъ, изученіе котораго представляетъ собою немаловажный интересъ. Хотя онъ былъ установленъ въ честь основателя имперіи и даже при жизни его, но поклоненіе относилось здѣсь не просто къ человѣку, и самое имя Августа приняло впослѣдствіи болѣе обширное и болѣе сложное значеніе. Когда желали дать жрецамъ передней Испаніи ихъ полный, оффиціальный титулъ, ихъ называли «фламинами Рима, умершихъ императоровъ и императора живущаго, flamen Romae, divorum et Augusti.»[105]) Этотъ пространный титулъ, разнообразно сокращавшійся въ различныхъ случаяхъ, объясняетъ собою, какой смыслъ придавали въ провинціяхъ императорскому культу. Онъ не имѣлъ вполнѣ личнаго характера и менѣе относился къ самому цезарю въ частности, чѣмъ вообще къ императорскому достоинству: это было поклоненіе монархической власти; ей воз-

---

[105]) Corp. inscript. lat., II, 4247.

давались почести въ лицѣ государей, заслужившихъ себѣ небо своими добродѣтелями, но еще болѣе въ лицѣ царствующаго императора. Если въ Римѣ еще чувствовали нѣкоторое смущеніе обоготворять императора при его жизни, зато въ провинціяхъ къ нему безо всякихъ околичностей обращались съ молитвами. [106]) Онъ непосредственнѣе всего изображалъ собою Римъ и его могущество, а ничто такъ не поражало міръ, какъ римское могущество. Народы, любящіе видѣть во всякомъ успѣхѣ руку Божію «и призывающіе ежечасно и повсемѣстно, какъ бы по взаимному соглашенію, богиню счастія», [107]) должны были быть поражены нѣкотораго рода суевѣрнымъ ужасомъ при видѣ столь длиннаго ряда побѣдъ и завоеванія всего міра. Къ тому же эта неодолимая власть была вмѣстѣ съ тѣмъ заботливымъ правительствомъ. Побѣдивъ міръ, она поддерживала въ немъ спокойствіе; принявъ Западъ въ состояніи варварства, она цивилизовала его, дала ему благоустройство и благосостояніе, и удерживала вражескій потокъ, грохотъ котораго доносился по временамъ изъ-за Рейна. Удивительно ли послѣ того, что признательность народовъ сочла ее за одно изъ проявленій Провидѣнія и покланялась ей подъ этимъ именемъ? [108]) Воздавать культъ римскому могуществу, олицетворенному въ царствующемъ императорѣ и его обоготворенныхъ предшественникахъ, не значило ли торжественно заявлять признаніе надъ собою императорской власти? Въ тѣхъ странахъ, куда легіоны проникали въ первый разъ, они обыкновенно прежде всего воздвигали жертвенникъ императору, въ знакъ того, что берутъ страну подъ его власть, подобно тому, какъ въ настоящее время солдаты водружаютъ знамя; къ такимъ жертвенникамъ приходили молиться завоеванные народы, желая изъявить свою покорность. Таковъ былъ, напримѣръ, при Августѣ жертвенникъ Убіевъ, воздвигнутый въ глубинѣ Германіи и имѣвшій жрецомъ зятя Арминія; [109]) таковъ былъ также храмъ Клавдія въ Британіи, гдѣ задавались празднества, истощавшія богатства британцевъ. [110]) Тацитъ говоритъ, что онъ оскор-

---

[106]) Жрецы Рима и Августа въ Ліонѣ иногда называютъ сами себя *sacerdos ad aram Caesaris n(ostri)* (жрецъ при алтарѣ цезаря). (Буассьё, *Inscr. de Lyon*, стр. 114).

[107]) Плин., *His. Nat.*, II, 7, 22: *Toto quippe mundo, et omnibus locis, omnibusque horis, omnium vocibus Fortuna sola invocatur.* (Во всемъ мірѣ, во всѣхъ мѣстахъ и во всякій часъ голосами всѣхъ призывается богиня Счастія).

[108]) См. многочисленныя медали съ подписями: *Providentia Aug.*

[109]) Тац., *Лѣтоп.*, I, 57.

[110]) Тац., *Лѣтоп.*, XIV, 31.

блялъ собою взоры туземныхъ патріотовъ, какъ дерзкій признакъ чужеземнаго владычества. Напротивъ того, націи, слившіяся съ Римомъ послѣ своего завоеванія имъ и безъ всякаго отвращенія признававшія надъ собою его власть, старались, какъ можно скорѣе, вводить у себя культъ императора, желая доказать этимъ, что онѣ вполнѣ обримлянились. Ліонскія надписи показываютъ намъ, что внуки тѣхъ самыхъ галловъ, которые всего энергичнѣе сопротивлялись Цезарю, всякими происками добивались чести быть жрецами его преемника. [111]) Въ Таррагонскомъ храмѣ геніи главныхъ странъ провинціи были расположены вокругъ жертвенника Августа, какъ бы для того, чтобы находиться подъ покровительствомъ императорской власти и въ тѣни ея. [112]) Слѣдовательно, культъ Рима и Августа былъ въ сущности не что иное, какъ поклоненіе могуществу Рима и его представителя, императора, и какъ нѣкотораго рода всеобщее заявленіе признательности и покорности попечительному правительству, при которомъ всему міру жилось такъ спокойно.

Этимъ самымъ и объясняется быстрота его обширнаго распространенія. Остальные культы отличались бо́льшею частію личнымъ, частнымъ характеромъ, отправлялись согласно съ вѣрованіями и потребностями людей и не были ни для кого обязательны; но этотъ культъ предписывался всѣмъ; всѣ жители обязаны были принимать въ немъ участіе, такъ какъ всѣ они наслаждались римскимъ миромъ и жили подъ покровительствомъ имперіи. Поэтому храмъ Августа принадлежалъ всей провинціи; онъ и строился, и поправлялся на общій счетъ, и всѣ облагались контрибуціей для праздничныхъ издержекъ. Только одинъ этотъ культъ и могъ имѣть такой всеобщій характеръ. Каждый городъ имѣлъ свои святилища, служившія предметами болѣе или менѣе древняго и общаго почитанія; но ихъ администраціи и церемоніи отнюдь не касались сосѣднихъ городовъ. Г. Ваддингтонъ замѣчаетъ по поводу Азіатской провинціи, что не было примѣра, чтобы она воздвигла храмъ какому-нибудь олимпійскому божеству. «Это было невозможно, говоритъ онъ, потому что Эфесъ потребовалъ бы предпочтенія для Артемиды, Пергамъ для Эскулапа, Сизикъ для Прозерпины». [113]) Согласиться между собою можно было только относительно куль-

---

[111]) Буассьё, *Inscr. de Lyon*, стр. 95.
[112]) *Corp. inscr. lat.*, II, стр. 541.
[113]) *Voyage archéologique de Lebas*, III, № 885.

та императора, одинаково признаваемаго и почитаемаго всѣми городами, что и дало ему новую возможность пріобрѣсти важное значеніе. Между тѣмъ какъ власть всѣхъ другихъ жрецовъ ограничивалась тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они отправляли свою должность, власть фламина Рима или Августа, выбраннаго жителями провинціи, распространялась на всю провинцію. Слѣдовательно, на дѣлѣ онъ былъ выше другихъ; но онъ сдѣлался выше другихъ и по праву, когда борьба съ христіанствомъ подала императорамъ мысль учредить жреческую іерархію въ языческомъ духовенствѣ. Тогда провинціальные верховные жрецы получили власть надъ всѣми деревенскими и городскими жрецами и право суда надъ ними. [114]) «Не довольно того, писалъ Юліанъ верховному жрецу Галатіи, чтобы ты одинъ былъ безупреченъ; всѣ жрецы провинціи должны быть также безукоризнены, какъ ты. Угрожай, убѣждай, чтобы сдѣлать ихъ добродѣтельными, или лишай ихъ священнаго сана въ случаѣ, если они вмѣстѣ съ своими женами, дѣтьми и слугами не подаютъ примѣра уваженія къ богамъ». [115]) Тогда, какъ намъ сообщаетъ Юліанъ, они сдѣлались оффиціальными главами язычества, [116]) и можно даже до извѣстной степени предполагать, что вся римская религія, въ своей окончательной борьбѣ съ христіанствомъ, сгруппировалась вокругъ культа Рима и Августа.

За культомъ императора въ провинціяхъ слѣдовалъ его культъ въ муниципіяхъ; церемоніи, пышно отправлявшіяся въ Таррагонѣ, Ліонѣ и другихъ столицахъ, воспроизводились съ нѣсколько меньшимъ блескомъ во всѣхъ значительныхъ городахъ страны; не было ни одного изъ нихъ, гдѣ бы не существовало жертвенниковъ, жрецовъ, игръ и праздниковъ въ честь Цезарей [117]). Муниципальный культъ отличался иногда болѣе личнымъ характеромъ, нежели провинціальный; случалось, что въ муниципіяхъ каждому изъ обоготворенныхъ императоровъ поклонялись отдѣльно. Получивъ отъ

---

[114]) Юліанъ, *письмо* 63.

[115]) Юліанъ, *письмо* 49.

[116]) Id., верховный жрецъ Азіи называется тамъ: ἄρχειν τῶν περὶ τὴν Ἀσιαν ἱερῶν ἁπάντων. (Начальникъ всѣхъ святынь въ Азіи). Всѣ писатели были поражены сходствомъ этой іерархіи съ христіанскою іерархіею; ἀρχιερευς занимаетъ относительно другихъ жрецовъ то же положеніе, какое христіанскіе митрополиты занимаютъ относительно прочихъ епископовъ и низшаго духовенства. Это признавалось, повидимому, самимъ законодательствомъ, такъ какъ оно давало христіанскимъ епископамъ титулы *sacerdos provinciae* и *coronatus*, принадлежавшіе языческимъ жрецамъ. *Cod. Theod.*, XVI, 2, 38).

[117]) Светоній, *Aug.*, 51.

одного изъ нихъ какую-либо милость, желая изгладить воспоминаніе о какой-нибудь винѣ передъ нимъ [118]) или стараясь угодить его преемнику, спѣшили построить ему храмъ и назначить жрецовъ; однако часто случалось, что первоначальное благочестіе было непродолжительно; предпринятая постройка храма покидалась, когда остывалъ энтузіазмъ первыхъ дней или когда относительно новаго небожителя начинала обнаруживаться истина, долгое время искажавшаяся оффиціальной ложью; храмы не доканчивались, и ихъ оставляли понемногу разрушаться [119]). За то храмы добрыхъ государей, памяти которыхъ не угрожало время, служили украшеніемъ для выстроившаго ихъ города. Декуріоны собирались здѣсь разсуждать объ муниципальныхъ дѣлахъ, корпораціи приходили сюда подписывать свои декреты, и не рѣдко случалось, что красота храма поддерживала собою память о самомъ богѣ [120]). Въ богатыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Остіи, всячески старавшихся доказать свою преданность верховной власти, почти у каждаго изъ обоготворенныхъ императоровъ былъ свой отдѣльный храмъ. Города, обладавшіе менѣе значительными доходами, а также, можетъ-быть, менѣе пылкимъ усердіемъ, вскорѣ почувствовали неудобство, происходившее отъ многочисленности государей, помѣщенныхъ на небо вслѣдствіе народной признательности или раболѣпія. Даже при наилучшемъ желаніи съ ихъ стороны, имъ было бы трудно построить храмъ и учредить религіозное служеніе каждому изъ отдѣльныхъ государей. Нерѣдко одному жрецу поручили призывать ихъ на молитвѣ всѣхъ разомъ, причемъ титулъ его удлиннялся при каждой новой апоѳеозѣ [121]). Случалось и такъ, что всѣмъ государямъ строили одинъ общій храмъ, въ которомъ каждый изъ нихъ имѣлъ свою особую капищу [122]).

Впрочемъ, вообще говоря, отдѣльные культы императоровъ были немногочисленны; всего болѣе они были распространены въ Италіи

118) Такъ жители Нима, ниспровергнувшіе статуи Тиберія во время его ссылки къ Родосъ (Свет., *Tiber.*, 13). поспѣшили молиться ему, какъ богу, и воздвигать ему жертвенники, когда онъ сдѣлался всемогущимъ.

119) Плиній, *Epist.*, X, 75 и 76.

120) Въ 289 г., при Діоклеціанѣ, кумскіе декуріоны еще собирались во храмѣ Веспасіана. Орелли, 2263.

121) Орелли, 2222. Здѣсь говорится о лицѣ, имѣвшемъ титулъ: *Flamen divorum Vespasiani*, *Trajani*, *Hadriani*. (Фламинъ божественныхъ Веспасіана, Траяна, Адріана).

122) Орелли, 2417: *In Templo divorum*, *in aede divi Titi*. (Въ храмѣ боговъ, въ капищѣ божественнаго Тита).

и въ провинціяхъ Востока; но въ Испаніи и въ Африкѣ ихъ нѣтъ почти и слѣдовъ. Очень вѣроятно, что слишкомъ личный характеръ, придаваемый апоѳеозѣ, и воздаваніе божескихъ почестей людямъ, жизнь которыхъ была далеко не безукоризненна, претили здравому смыслу западныхъ народовъ. Они предпочитали въ различныхъ муниципіяхъ подражать тому, что происходило въ главномъ городѣ провинціи, и нерѣдко всѣ почести, какія они желали воздавать умершимъ государямъ и живущему, ограничивались культомъ Рима и Августа [123]). Характеръ этого культа, принятый въ провинціальныхъ собраніяхъ, сохранялся въ каждомъ отдѣльномъ городѣ; и здѣсь онъ отличался чувствомъ признательности и преданности императорской власти; онъ сдѣлался повсюду оффиціальнымъ и общимъ городскимъ культомъ, и жрецы его назывались иногда муниципальными фламинами [124]). Обыкновенно это были знатныя лица, уже перебывавшія передъ тѣмъ во всѣхъ муниципальныхъ должностяхъ или отличившіяся на поприщѣ гражданской или военной службы имперіи. Нерѣдко случалось, что какой-нибудь центуріонъ или префектъ когорты, возвратясь на родину съ почетной отставкою, становился жрецомъ тѣхъ самыхъ государей, подъ чьимъ предводительствомъ онъ нѣкогда сражался. Подобно всѣмъ служащимъ въ муниципальномъ управленіи, они не получали платы; напротивъ того, принимая должность, они сами должны были уплатить извѣстную сумму. Эта почетная сумма (*honoraria summa*), какъ ее называли, соразмѣрялась, вѣроятно, со степенью важности самой муниципіи. Въ Африкѣ она колебалась между двумя и десятью тысячами сестерцій (400 — 2,000 фр.). Но для жреца Августа и Рима недостаточно было платить лишь то, что съ него требовали; что подумаютъ о немъ соотечественники, если онъ не будетъ щедръ? Вотъ почему къ установленному взносу жрецы чаще всего присоединяли еще частныя пожертвованія, въ видѣ народныхъ обѣдовъ, денежныхъ раздачъ, игръ и праздниковъ, если они стремились къ популярности, или въ видѣ построекъ или починокъ различныхъ памятниковъ, если предпочитали сдѣлать что-нибудь полезное. Декуріонъ одного малоизвѣстнаго городка въ Панноніи, желая возблагодарить за честь, которую ему оказали, избравъ

---

[123]) Г. Гюбнеръ, повидимому, полагаетъ, что культъ Рима и Августа былъ предоставленъ провинціямъ (*Corp. inscr. lat.*, II, 4224), но это слишкомъ общее предположеніе. См. Орелли 5997, 7174, 2204, и Моммсена, *Inscr. Neap.*, 4336, 376 и пр.

[124]) *Corp. inscr. lat.*, II, 1941.

его жрецомъ (*ob honorem flaminatus*), выстроилъ на собственный счетъ цѣлый рынокъ съ пятидесятью лавками и двухъ-этажными портиками [125]).

Культъ императоровъ не ограничился этимъ и спустился еще ниже. Мы уже видѣли, что за провинціальными фламинами слѣдовали муниципальные; затѣмъ въ муниципіяхъ устроили еще особенный культъ для гражданъ того класса, которые по своему рожденію и общественному положенію не могли сдѣлаться жрецами своей провинціи или своего города. Таково было, какъ вообще думаютъ, происхожденіе корпораціи *Августаліевъ*, нѣкогда весьма важной и очень мало извѣстной теперь [126]).

Неизвѣстно когда и кѣмъ были учреждены Августаліи, и даже о дѣйствительномъ значеніи ихъ можно догадываться лишь вполовину. Историки никогда не удостоивали говорить о нихъ, и мы лишь кое-что узнаемъ о нихъ изъ надписей. Очень естественно предполагать, что они имѣли нѣкоторую связь съ тѣми *magistri Augustales* или *magistri Larum augustorum*, о которыхъ было говорено выше и обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы воздавать поклоненіе государственнымъ Ларамъ и генію императора. Есть доказательство, что они уже существовали при жизни Августа, хотя и въ неизвѣстности [127]); но развитія своего они

---

[125]) *Corp. inscr. lat.*, III, 3288.

[126]) Мы не намѣрены говорить здѣсь обо всемъ, что касается Августаліевъ. Достаточно будетъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ то, что, на основаніи достовѣрныхъ документовъ, извѣстно намъ объ ихъ характерѣ и значеніи. Насчетъ этого учрежденія существуетъ еще много неясностей, которыя непремѣнно разъяснятся, когда будетъ издано полное собраніе латинскихъ надписей. До настоящаго времени наилучшіе труды по этому предмету принадлежатъ г. Эггеру и помѣщены имъ въ концѣ его книги, *Historiens d'Auguste,* а также г. Генцену въ *Annales de correspondence archéologique* и въ журналѣ Бергка (*Zeitschrift für Alt. Wiss.*, 1847 г.).

Г. Моммсенъ также говоритъ объ Августаліяхъ въ различныхъ примѣчаніяхъ *Corp. inscr. lat.*, гдѣ онъ повсюду разсматриваетъ ихъ, подобно намъ, какъ принадлежность культа императоровъ. Во избѣжаніе ошибокъ надо различать упоминаемыхъ здѣсь Августаліевъ отъ *sodales Augustales*, учрежденныхъ въ Римѣ по смерти Августа и избиравшихся между знатнѣйшими лицами имперіи. Что касается до *magistri Augustales* или *Larum Augustorum*, то въ надписяхъ они чаще всего отдѣляются отъ Августаліевъ въ собственномъ смыслѣ слова, хотя и не вполнѣ извѣстно, въ чемъ они различались между собою.

[127]) До сихъ поръ нашли только одно упоминаніе объ Августаліяхъ при жизни Августа, *Corp. inscr. lat.*, V, 3404.

достигли только послѣ его смерти. Тацитъ разсказываетъ, что въ моментъ его смерти, въ то время, какъ сенатъ устроивалъ культъ новому богу, во всѣхъ домахъ Рима, по свободной инициативѣ, учреждались религіозныя ассоціаціи съ цѣлью почтить его память [128]). Это движеніе распространилось повсюду, и мы находимъ въ Италіи и въ провинціяхъ множество поклонниковъ Августа, отправляющихъ культъ его Ларовъ, изображеній и добродѣтелей [129]). Очень естественно отнести ко всѣмъ этимъ общественнымъ и частнымъ поклоненіямъ, если не самое созданіе, то по крайней мѣрѣ развитіе Августаліевъ. Вполнѣ достовѣрно, что въ первые годы царствованія Тиберія, въ 23, 26 и 30 гг., они встрѣчаются уже въ Вейяхъ и Пуццолахъ съ своею іерархіей и привилегіями и тою организаціей, которую они неизмѣнно сохранили до конца [130]). Нѣсколько лѣтъ спустя они уже наполняли собою имперію. Такое быстрое распространеніе и повсемѣстный успѣхъ доказываютъ, повидимому, что это новое учрежденіе соотвѣтствовало какой-нибудь тогдашней потребности и удовлетворяло ее. Пробѣгая списки Августаліевъ, мы видимъ, что почти всѣ они принадлежали къ одинаковому классу гражданъ; это большею частію негоціанты, промышленники, люди, занимающіеся какою-нибудь торговлею или ремесломъ, судохозяева, театральные антрепренеры, золотыхъ дѣлъ мастера, торговцы шерстью или пурпуромъ, полировщики мрамора, портные, булочники; между ними встрѣчается честный фермеръ, управлявшій впродолженіе пятидесяти лѣтъ однимъ и тѣмъ же имѣніемъ [131]), содержатель гостинницы подъ вывѣскою пѣтуха въ Нарбоннѣ [132]), наконецъ—поваръ, и притомъ отличный [133]). Всѣ они принадлежали къ тѣмъ людямъ, для которыхъ общественное спокойствіе всего дороже; потому они болѣе всѣхъ другихъ должны были быть благодарны императору, поддерживавшему это спокойствіе. Понятно, почему они такъ хлопотали воздавать ему особыя почести, и почему особенный культъ, установленный ими въ

---

128) Тац., *Лѣтоп.*, 1, 73.

129) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 1972: *cultores Augusti* (почитатели Августа). Орелли 2410: *cultores Larum et imaginum Augusti* (почитатели Ларовъ и изображеній Августа). Id. 1839: *cultores victoriae augustae*, etc (почитатели побѣды Августа и пр.).

130) Орелли, 7165 и 4046, *Inscr. Neap.* 2486.

131) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 5504.

132) Орелли 4330: *ospitalis a gallo gallinacio* (содержатель гостинницы Пѣтуха).

133) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 5639: *Coco optimo* (превосходный поваръ).

честь его, такъ скоро сталъ процвѣтать. Впрочемъ, этотъ успѣхъ можно еще объяснить другой причиною. Торговля, промышленность и ремесла, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, находились въ рукахъ вольноотпущенниковъ. Эти бывшіе рабы, привыкшіе къ сбереженію и труду, ловкіе и беззастѣнчивые, почти повсюду вытѣснили свободныхъ мелкихъ торговцевъ; многіе изъ нихъ составили себѣ даже значительное состояніе. Какъ водится, вмѣстѣ съ богатствомъ явилось у нихъ желаніе почестей и отличій; но, къ ихъ несчастію, древніе республиканскіе законы, даже самые либеральные, были для нихъ неблагопріятны; они издавались почти повсюду подъ аристократическимъ вліяніемъ и устраняли отъ общественныхъ должностей всякаго, кто былъ запятнанъ рабствомъ. Строго устраняемые даже отъ самыхъ скромныхъ муниципальныхъ должностей, вольноотпущенники были принуждены искать въ иномъ мѣстѣ средства для удовлетворенія своего тщеславія; съ этой именно цѣлью они и заставляли принимать себя въ корпорацію Августаліевъ. Они очень гордились своимъ участіемъ въ нихъ и тѣмъ сильнѣе желали занимать въ нихъ должности, что не могли имѣть ихъ нигдѣ болѣе; зато, получивъ должность, они прежде всего старались сдѣлать это извѣстнымъ и своимъ современникамъ, и отдаленному потомству: на памятникахъ, которые они обыкновенно ставили себѣ еще при жизни, было написано, что «они достигли величайшихъ почестей, на какія только можетъ разсчитывать вольноотпущенникъ [134])».

Почести эти были не вездѣ одинаковы. Болѣе значительные изъ Августаліевъ назывались иногда квесторами и блюстителями (*quaestores*, *curatores*); но чаще всего ихъ было шестеро, и они назывались *severi*. Слѣдуетъ упомянуть, что должность ихъ была двойная, и что корпорація имѣла въ одно и то же время и религіозный, и гражданскій характеръ. На гробницахъ нѣкоторыхъ изъ ея членовъ вырѣзаны ваза и чаша, служащія признаками принадлежности къ жреческому классу [135]); объ одномъ изъ нихъ сказано, «что онъ жилъ восемьдесятъ лѣтъ и въ теченіе сорока пяти лѣтъ исполнялъ духовныя должности [136])». Слѣдовательно, августалій

---

[134]) *Corp. inscr. lat.*, II, 1944: *omnibus honoribus quos libertini gerere potuerunt honoratus.*

[135]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 2525. 3642. *Corp. inscr. lat.*, V, 3386.

[136]) Момсенъ, *Inscr. Neap.*, 2527: *coluit annis* XXXV. (Совершалъ богослуженіе впродолженіе 35 (?) лѣтъ) Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ говорится объ особенныхъ жрецахъ для Августаліевъ. (*Corp. inscr. lat.*, III, 3016).

былъ нѣкоторымъ образомъ жрецъ, и притомъ жрецъ цезарей, на что указываетъ самое его имя. Поклоненіе обоготвореннымъ императорамъ было, вѣроятно, однимъ изъ занятій этого общества [137]); оно составляло, такъ сказать, послѣднюю ступень культа императоровъ въ провинціи. Кажется, впрочемъ, что гражданское значеніе августаліевъ уже съ давнихъ поръ изгладило слегка ихъ религіозный характеръ. Августаліи составляли часть городскаго управленія и находились въ прямой зависимости отъ декуріоновъ, образовывавшихъ собою муниципальный совѣтъ. Это не совсѣмъ обыкновенная коллегія, не просто одна изъ многочисленныхъ городскихъ ассоціацій,—это особое сословіе (*ordo Augustalium*), становящееся между декуріонами и народомъ, а такъ какъ это сословіе служитъ въ то же время представителемъ промышленности и богатства, то оно, конечно, становится предметомъ всеобщаго уваженія. Эти вольноотпущенники, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не можетъ достигнуть муниципальныхъ почестей, соединившись въ корпорацію, берутъ верхъ надъ свободными плебеями [138].) На народныхъ обѣдахъ, задававшихся всѣмъ городскимъ жителямъ на счетъ какого - нибудь щедраго гражданина, августаліи сидѣли непосредственно послѣ декуріоновъ. Иногда они получали съ ними въ одинаковомъ размѣрѣ подарки, раздававшіеся обыкновенно послѣ подобныхъ пиршествъ; вообще съ ними лучше обходились, чѣмъ съ другими ассоціаціями и съ простымъ народомъ. Августалій при назначеніи своемъ долженъ былъ, подобно фламинамъ и прочимъ лицамъ, служившимъ въ городскомъ управленіи, уплатить назначенную впередъ почетную сумму. Онъ платилъ и даже гораздо больше, если получалъ званіе севира, и вообще считалъ необходимымъ дѣлать прибавку къ требуемой суммѣ, если только его денежныя средства позволяли ему быть щедрымъ [139]). Его великодушіе простиралось

---

[137]) Они обожали вообще божественность императоровъ, а не одну только божественность Августа. Въ нѣкоторыхъ странахъ они прибавляли къ своему имени имена обоготворенныхъ императоровъ. Были *Augustales Claudiales* (Орелли, 2374, 6054), *Augustales Flaviales*, (Орелли, 1228, 6056), *Augustales Claudiales*, *Titales*, *Nerviales*. (*Corp. inscr. lat.*, III, 1768); но общее названіе ихъ должности было все таки *Augustales*.

[138]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 3549: *ingenui, honorati et Augustales*. (Благородные, знатные и Августаліи).

[139]) Орелли, 1840: *aram Victoriae Sex. Pompeius mercator sevir Aug. praeter summum pro honore d. d. p. s. p.* (Секстъ Помпей, купецъ, севиръ Августа, воздвигъ алтарь побѣдѣ, кромѣ денегъ....) Мнѣ кажется, что слѣдуетъ читать *praeter summam*, разумѣя при этомъ „почетную“ сумму.

не на однихъ только его собратій; такъ какъ корпорація играла значительную роль въ городѣ, оно должно было простираться на всѣхъ его согражданъ. Народъ зналъ это хорошо; ему случалось иногда вызывать щедрость новоизбраннаго и указывать ему, чего онъ отъ него ожидаетъ [140]). Иногда это были общеполезныя учрежденія: рынокъ съ колоннами [141]), постройка новыхъ или починка старыхъ дорогъ; иногда же—раздача вина и пирожковъ [142]), бои гладіаторовъ, конскія скачки, сценическія представленія. Подобныя издержки становились подконецъ раззорительными, и ихъ старались иногда избѣгать; мы видимъ, что въ Испаніи одно значительное лицо завѣщало своей муниципіи извѣстную сумму съ тѣмъ условіемъ, чтобы его вольноотпущенники были освобождены отъ севиратскихъ повинностей [143]). Случалось и такъ, что, желая польстить какому-нибудь лицу, его избирали севиромъ безъ обязательства вносить почетную сумму; такое лестное отличіе тщательно записывалось на памятникахъ, и одинъ изъ гостей богатаго Трималхіона, желая внушить другимъ высокое мнѣніе о себѣ, говоритъ у него за обѣдомъ, что онъ былъ избранъ севиромъ безплатно [144]). Этой честью гордились, хотя она не представляла никакой матеріальной выгоды, такъ какъ за нее надо было платить болѣе дорогимъ подаркомъ. Кромѣ того Августаліи должны были ежегодно вносить извѣстную часть денегъ на общественные расходы. Подобно всѣмъ другимъ ассосіаціямъ, они имѣли, по крайней мѣрѣ современъ Антониновъ, общую кассу [145]); они получали наслѣдства, владѣли полями [146]) и виноградниками, доставлявшими вино для обѣдовъ корпораціи [147]), и залами для собраній, «красота которыхъ соотвѣтствовала важному значенію обитаемой ими муниципіи [148])». Въ одномъ городкѣ Кампаніи они покупаютъ купальное заведеніе «со всѣми его зданіями [149])». Это была могуществен-

---

[140]) *Corp. inscr. lat.*, II, 2100: *petente populo.* (По желанію народа).

[141]) *Inscr. Neap.*, 4943.

[142]) *Inscr. Neap.*, 4886.

[143]) *Corp. inscr. lat.*, II, 4514.

[144]) Петроній, *Sat.*, 57: *sevir gratis factus est.* (Въ Севиры поставленъ былъ даромъ).

[145]) Орелли, 3913.

[146]) *Inscr. Neap.*, 2529.

[147]) *Inscr. Neap*,, 79.

[148]) *Inscr. Neap.*, 6828: *secundum dignitatem municipi.* (Сообразно достоинству муниципіи).

[149]) *Inscr. Neap.*, 4000.

ная, богатая и всѣми уважаемая ассосіація. Простые августаліи носили особенныя украшенія, по которымъ ихъ можно было узнать [150]); въ театрѣ у нихъ были особенныя мѣста, какъ у всадниковъ въ Римѣ [151]). Нѣкоторые получали, по лестному декрету декуріоновъ, право приносить туда особеннаго рода сидѣнія, называемыя *bisellium* (двумѣстки), изображавшія собою въ муниципіяхъ курульныя кресла римскихъ сановниковъ [152]). Хотя законъ не дозволялъ большинству августаліевъ достигать общественныхъ должностей, но его обходили: если они не могли быть декуріонами и эдилами, зато имъ было разрѣшено носить украшенія декуріоновъ и эдиловъ [153]). Нѣкоторые писатели смотрятъ на уступки, дѣлаемыя августаліямъ и на оказываемое имъ уваженіе, какъ на попытку возстановить торговлю и промышленность, которыми римляне далеко не пренебрегали, такъ какъ они очень дорожили богатствомъ, но которыя они слишкомъ мало цѣнили до временъ имперіи. По крайней мѣрѣ въ этомъ можно видѣть доказательство того, что торговцы и мастеровые пріобрѣли въ настоящую минуту болѣе значенія, и что они стараются съ этихъ поръ пріобрѣсти себѣ въ государствѣ признанное, оффиціальное положеніе. Замѣтимъ, что они достигли этого подъ предлогомъ культа императоровъ и подъ его покровительствомъ.

Такова была организація этого культа внѣ Рима; всѣ средства были употреблены для того, чтобы онъ былъ хорошо принятъ и сдѣлался популярнымъ; благодаря цѣлому ряду постановленій, относившихся ко всевозможнымъ классамъ общества, онъ обнималъ собою все общество; при этомъ онъ всякій разъ умѣлъ ловко опереться на какія-нибудь почтенныя преданія или законныя требованія, слиться съ ними и обратить ихъ въ свою пользу. Въ главныхъ городахъ провинцій онъ представлялъ собою остатокъ національности покоренныхъ народовъ, вкратцѣ повторялъ въ муниципіяхъ жизнь самого Рима и давалъ торговлѣ и промышленности возможность получить тѣ отличія, которыхъ онѣ желали, и которыхъ были лишены. На него смотрятъ обыкновенно, какъ на одинъ изъ позорнѣйшихъ продуктовъ рабства, между тѣмъ какъ онъ всегда умѣлъ искусно связывать свои интересы съ интересами свободы. Не естественно ли послѣ того, что, представляясь въ подобномъ видѣ жителямъ провинцій, онъ былъ хорошо принятъ ими?

---

150) *Ornamenta Augustalis. Inscr. Neap.*, 464.

151) Орелли, 4046.

152) *Inscr. Neap.*, 6042 и въ др. мѣстахъ.

153) *Inscr. Neap.*, 1955.

V.

Религіозный характеръ апоѳеозы императоровъ.—Искренно ли было благоговѣніе къ императорамъ?—Провинціалы. — Солдаты. — Просвѣщенные жители Рима.—Какимъ образомъ была принята въ Римѣ апоѳеоза Августа.—Апоѳеоза Клавдія. — Упадокъ апоѳеозы. — Сенека и Луканъ. — Апоѳеоза находитъ лучшій пріемъ при Антонинахъ. — Смыслъ, придаваемый ей просвѣщенными людьми.—Сопротивленіе культу цезарей, оказываемое евреями и христіанами.—Апоѳеоза сохраняется при Константинѣ и его первыхъ преемникахъ.—Что отъ нея осталось въ нынѣшнихъ обществахъ.

Разсмотрѣвъ политическое значеніе культа цезарей, любопытно узнать, въ чемъ состоялъ его религіозный характеръ. Слѣдуетъ ли думать, что онъ всегда отправлялся вполнѣ искренно или что это было не болѣе, какъ лицемѣріе и ложь со стороны всего міра, длившіяся впродолженіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ? Сначала послѣднее мнѣніе кажется болѣе вѣроятнымъ; возможно ли было, въ самомъ дѣлѣ, серьёзно обращаться съ молитвами къ богу Клавдію или къ богинѣ Фаустинѣ, и не объясняются ли всѣ, воздаваемыя имъ, почести народнымъ раболѣпствомъ? Конечно, въ этихъ почестяхъ была значительная доля лести; но не слѣдуетъ забывать, что между поклонниками цезарей существовали нѣкоторыя различія, и что не всѣ приближались къ ихъ жертвенникамъ съ одинаковыми чувствами. Мы уже видѣли, что было много причинъ, почему культъ императоровъ пріобрѣлъ значительную популярность въ провинціяхъ. Отцы церкви повѣствуютъ намъ о томъ, какимъ весельемъ сопровождались тамъ праздники въ честь обоготворенныхъ императоровъ. Никакія другія религіозныя церемоніи не отличались такимъ блескомъ и такимъ многочисленнымъ стеченіемъ народа. «Статуи цезарей, говоритъ Мелитонъ, почитаются больше, чѣмъ статуи древнихъ боговъ [154])». Характеръ, принятый этимъ культомъ въ провинціяхъ, былъ менѣе оскорбителенъ для людей съ щекотливою совѣстью. Мы уже видѣли, что обожаніе относилось здѣсь, собственно говоря, не къ человѣку, и что воздаваемыя ему почести принадлежали скорѣе его власти, нежели его личности. Поклоняясь императорской власти (*numen augustum*), изъявляли главнымъ образомъ благодарность той силѣ, которая поддерживала

---

154) Питра. *Spicil. Solesm.*, II, c. XLI. Тертуліанъ (*Apol.* 35) описываетъ народныя увеселенія и сумасбродства во время праздниковъ цезарей.

спокойствіе во всемъ мірѣ, и которой всѣ были обязаны безопасностью, цивилизаціей и славой. Этимъ поклоненіемъ люди какъ бы торжественно заявляли о своемъ счастіи быть ремлянами. Вспомнимъ, какъ трудно было перестать быть ими въ Испаніи, Галліи и Британіи, какимъ жестокимъ междоусобіямъ они подвергались послѣ того, какъ имъ пришлось разстаться съ имперіей, и сколько разъ даже послѣ того, какъ они возстановили свою прежнюю національность, воспоминаніе о разрушенномъ великомъ единствѣ волновало ихъ воображеніе во времена средневѣковыхъ бѣдъ; послѣ этого нельзя не сознаться, что въ почестяхъ, которыми они осыпали римское владычество въ то время, какъ пользовались его благодѣяніями, не могло не быть извѣстной доли искренности.

То же самое можно сказать о солдатахъ. Дисциплина, остававшаяся у нихъ до самаго конца въ полной силѣ, пріучала ихъ почитать своихъ начальниковъ, особенно же того отдаленнаго начальника, котораго они хотя и не видѣли, но чествовали своими побѣдами, и имя котораго заключало въ себѣ для нихъ понятіе о долгѣ и объ отечествѣ. Они чувствовали къ нему какую-то страстную преданность; они не только усердно служили ему,—они его слѣпо любили и не хотѣли вѣрить ни его слабостямъ, ни преступленіямъ; даже Неронъ до конца сохранилъ надъ ними свое обаяніе. Вотъ почему войска такъ долго отказывались измѣнять своимъ императорамъ и такъ настойчиво защищали даже самыхъ худшихъ изъ нихъ. По нѣкоторымъ признакамъ видно, что они не прочь были считать ихъ богами даже при жизни ихъ. Извѣстно, что солдаты воздавали поклоненіе своимъ знаменамъ: «это были, говоритъ Тацитъ, особенныя божества легіоновъ [155])»; само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ знаменами поклонялись также находившемуся на нихъ изображенію императора. Слѣдовательно, апоѳеоза не удивила ихъ, они уже давно были приготовлены къ ней, и, можетъ быть, нигдѣ она не была такъ легко принята, какъ въ лагеряхъ. Германикъ былъ увѣренъ, что тронетъ сердца своихъ возмутившихся легіоновъ, указавъ имъ на божественнаго Августа, смотрящаго на нихъ съ высоты небесъ [156]). Такимъ образомъ божественность государей

---

155) *Propria legionum numina* (собственныя божества легіоновъ). (Тацитъ, *Лѣт.*, II, 17). Годовщина того дня, когда когорта получала знамя, справлялась по праздничному. Мы видимъ, что въ Испаніи центуріоны воздвигли по этому случаю памятникъ Юпитеру. *Corp. inscr. lat.*, II, 2552.

156) Тац., *Лѣт.*, I, 43: *tua, pater Auguste, coelo recepta mens*, и пр. (твой, отецъ Августъ, принятый на небо духъ).

должна была быть встрѣчена съ меньшимъ недовѣріемъ жителями провинцій, солдатами, людьми, видавшими императора лишь издалека и знавшими только объ его могуществѣ, и бѣдняками, которые бываютъ всегда наивнѣе другихъ, вслѣдствіе своего необразованія, и до которыхъ истина рѣдко достигаетъ. Охотно считая его при жизни чѣмъ-то высшимъ, нежели человѣкъ, они безъ труда признавали въ немъ бога послѣ его смерти. Усердіе и искренность такихъ скромныхъ поклонниковъ никакъ не могутъ быть заподозрѣны, въ доказательство чего они оставили намъ множество скромныхъ памятниковъ, полустолбовъ, грубо сложенныхъ жертвенниковъ, которыхъ надписи, сочиненныя нерѣдко на очень неправильномъ латинскомъ языкѣ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ ихъ усердіи.

Невѣріе должно было проявляться преимущественно между просвѣщенными людьми. Въ римскихъ салонахъ, гдѣ всѣ были такъ проницательны и такъ любили бранить правительство, гдѣ каждый хвалился тѣмъ, что его нельзя провести, что ему извѣстны всѣ государственныя тайны и всѣ скрытныя причины правительственныхъ дѣйствій, въ такихъ салонахъ, гдѣ были слишкомъ хорошо извѣстны слабости даже самыхъ лучшихъ государей, апоѳеоза ихъ могла быть принята не иначе, какъ съ улыбкою. Трудно себѣ вообразить этихъ разсудительныхъ людей, столь далекихъ отъ наивности, этихъ писателей, философовъ, сенаторовъ, назначающихъ небо тому самому императору, отъ котораго они только что по счастію отдѣлались; удивительно даже, какъ они умѣли оставаться серьёзными, торжественно отправляясь поклоняться ими самими созданному богу. Именно здѣсь любопытно прослѣдить дѣйствіе, произведенное апоѳеозою цезарей, и уяснить себѣ то отвращеніе, какое ей приходилось устранить, и способъ, какимъ старались примириться въ нею.

Если судить о вещахъ по внѣшности и вѣрить только свидѣтельствамъ писателей той эпохи, то окажется, что апоѳеоза Августа съ самыхъ первыхъ дней была принята въ Римѣ такъ же хорошо, какъ и въ провинціяхъ, и встрѣтила столько же довѣрія со стороны образованныхъ людей, сколько со стороны необразованныхъ. Историкъ Веллей Патеркулъ говоритъ о ней не иначе, какъ съ чисто восточною напыщенностью [157]). Валерій Максимъ находитъ, что цезари болѣе

---

157) *Animam coelestam coelo reddidit.* (Небесную душу отдалъ небу). (II, 123). Особенно замѣчателенъ разсказываемый имъ странный анекдотъ о томъ, какъ одинъ военачальникъ варваровъ, перейдя Рейнъ и увидѣвъ Тиберія,

дѣйствительные боги, нежели божества Олимпа; «о тѣхъ, говоритъ онъ, мы только слышимъ, этихъ же мы сами видимъ [158])». Манилій заходитъ еще дальше; способъ увеличивать число небожителей кажется ему самымъ очевиднымъ доказательствомъ человѣческаго могущества: «человѣкъ дошелъ до того, говоритъ онъ, что создаетъ боговъ [159])!» Несмотря, однако, на кажущійся энтузіазмъ литераторовъ и поэтовъ, люди благоразумные врядъ ли могли не мучиться сомнѣніями. Разнорѣчивый споръ между восхвалителями Августа и его порицателями, происходящій въ минуту его кончины и придуманный Тацитомъ, не лишенъ нѣкоторой доли вѣроятности [160]). Въ началѣ его долгой жизни случилось нѣсколько такихъ вещей, которыя хотя были позабыты простымъ народомъ, но не могли такъ легко изгладиться изъ памяти просвѣщенныхъ людей, и благочестіе ихъ невольно должно было нарушаться воспоминаніемъ о нихъ въ то время, какъ они подходили къ алтарю новаго бога. Даже его близкимъ трудно было быть вполнѣ искренними, воздавая почести его памяти. Ему выстроили на Палатинѣ храмъ, и Ливія сдѣлалась его жрицею; разъ, въ то время, какъ Тиберій приносилъ ему жертву, Агриппина явилась къ нему съ какою-то жалобою [161]); но Тиберій и Ливія видали его слишкомъ близко для того, чтобы твердо вѣрить его божественности. Тѣмъ не менѣе культъ его отправлялся съ полною серьёзностью, и было бы очень опаснымъ дѣломъ небрежно къ нему относиться. Уже въ самый годъ посвященія Августа было обвинено передъ сенатомъ нѣсколько римскихъ всадниковъ, оказавшихъ ему непочтеніе [162]). Немного спустя послѣ того, жители Кизика, за не довольно усердное празднованіе его памяти, лишились свободы, которою пользовались уже со времени Митридатовской войны [163]). Будучи разъ установленъ, культъ его строго поддерживался; но строгость сдѣлалась вскорѣ безполезна, такъ какъ нежеланіе нѣкоторыхъ лицъ принимать въ немъ участіе постепенно исчезло. Діонъ разсказываетъ, что сначала потеря его

отступилъ назадъ, говоря: *Hodie vidi deos.* (Сегодня я видѣлъ боговъ). (II, 107).

158) Валер. Макс., *Pref.*

159) Манилій, IV, 931. Валерій Максимъ сказалъ почти то же самое: *Deos reliquos accepimus, Caesares dedimus.* (Мы приняли остальныхъ боговъ и сами дали цезарей.

160) Тац., *Лѣт.*, I, 9 и 10.

161) Тац., *Лѣт.*, IV, 52.

162) Тац., *Лѣт.*, I, 73.

163 Тац., *Лѣт.*, IV, 36.

была довольно легко перенесена; зато о немъ много сожалѣли впослѣдствіи, когда увидѣли, каковы были его преемники [164]). Божественность его должна была выиграть вслѣдствіе возврата его прежней популярности; преступленія Тиберія и Калигулы доставили ему болѣе усердныхъ поклонниковъ, и самъ Сенека, очень недружелюбно относящійся вообще къ апоѳеозѣ императоровъ, выражается слѣдующимъ образомъ объ Августѣ: «насъ не слѣдуетъ принуждать къ тому, чтобы мы вѣрили ему, какъ богу [165])». Къ несчастію для него, сенатъ счелъ вскорѣ своей обязанностью дать ему товарища, недостойнаго такой великой чести. Это былъ бѣдный Клавдій, «котораго собственная жена, по словамъ Ювенала, бросила на небо [166])», заставивъ его поѣсть превосходнаго грибнаго блюда, «послѣ котораго онъ уже ничего больше не ѣлъ». Зная Клавдія, очень трудно было крѣпко вѣрить его божественности; потому самъ Неронъ не потрудился докончить храма, который началъ строить въ его честь [167]); это не помѣшало, ему однако, спустя нѣсколько лѣтъ, помѣстить на небо свою умершую дочь, имѣвшую лишь нѣсколько дней отъ рожденія, подъ именемъ *diva Virgo* (божественная дѣва). Равнымъ образомъ онъ воздалъ божескія почести Поппеѣ, которую самъ убилъ толчкомъ ноги. У новой богини явилась даже вскорѣ знаменитая жертва: изъ пунктовъ обвиненія, приведенныхъ доносчиками противъ Тразеи и рѣшившихъ его погибель, два главные заключались въ томъ, что онъ, вопервыхъ, никогда не приносилъ жертвъ за сохраненіе небеснаго голоса государя, а во вторыхъ, не вѣрилъ божественности Поппеи [168]).

Дѣйствительно, заставлять общество поклоняться Клавдію и Поппеѣ, значило злоупотреблять его довѣрчивостью. Недовѣріе къ новымъ богамъ отразилось на самомъ культѣ; о немъ говорили слегка даже въ императорскомъ дворцѣ. Тацитъ описываетъ одного изъ друзей Нерона, который, совѣтуя ему убить мать, прибавляетъ съ ироніей свѣтскаго человѣка, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если, убивши ее, «посвятитъ ей храмъ и жертвенники и воздастъ ей всевозможныя почести, въ которыхъ можетъ проявиться нѣжность сына [169])». Никогда апоѳеоза не была такъ скомпрометирована въ

---

164) Діонъ, LXVI, 43 и 45.

165) Сенека, *De clem.*, I, 10.

166) Ювен., 6, 622.

167) Светон., *Vespas.*, 9.

168) Тац., *Лѣт.*, XVI, 22.

169) Тац., *Лѣт.*, XIV, 3.

глазахъ просвѣщенныхъ людей, какъ въ это время. Даже литература, относившаяся къ ней дотолѣ такъ снисходительно, позволила себѣ сдѣлаться къ ней строгою. Модный писатель, Сенека, въ качествѣ воспитателя государя, былъ принужденъ написать отъ его имени понегирикъ Клавдію, котораго онъ ненавидѣлъ. За это принужденіе онъ отомстилъ, написавъ на него одну изъ самыхъ живыхъ и веселыхъ сатиръ, оставшихся намъ отъ древности. Въ ней онъ разсказываетъ, какъ Клавдій восходитъ, прихрамывая, на небо и какъ бы онъ тамъ, пожалуй, утвердился, благодаря протекціи Меркурія, если бы Августъ, понявъ все зло, грозившее его божественности, не поспѣшилъ низвергнуть его въ адъ. Сочиненіе его вышло очень мило; за исключеніемъ личныхъ друзей государя, которые врядъ ли остались послѣ его смерти, оно, вѣроятно, позабавило всѣхъ. Очень можетъ быть, что имъ остались довольны даже на Палатинѣ, и что Агриппина и особенно Неронъ, очень деликатно въ немъ похваленные, читая его, отдыхали отъ роли огорченнаго сына и безутѣшной вдовы, которую они принуждены были разъигрывать цѣлый день. Успѣхъ сатиры Сенеки неблагопріятно подѣйствовалъ на апоѳеозу императоровъ; въ то же время она подверглась еще сильнѣйшимъ нападкамъ со стороны Лукана. Въ началѣ своего сочиненія, *Фарсалія*, Луканъ, бывшій въ то время любимцемъ Нерона, обѣщалъ ему небо; но, подвергшись его гнѣву, онъ перемѣнилъ разговоръ съ нимъ. Въ послѣднихъ книгахъ этой поэмы, которую онъ писалъ втихомолку и куда изливалъ всю желчь оскорбленнаго самолюбія, онъ горько упрекалъ боговъ за то, что они перестали помогать дѣлу свободы, и возвѣщалъ имъ, что они будутъ за это наказаны: не есть ли для нихъ жесточайшее униженіе, что люди осмѣливаются вводить въ ихъ общество своихъ цезарей? «Междоусобная война, говорилъ онъ, поставитъ нашихъ тирановъ рядомъ съ богами. Въ руки покойниковъ вложатъ молнію, головы ихъ окружатъ свѣтлыми лучами, и Римъ будетъ клясться ихъ тѣнями въ своихъ храмахъ [170])!»

Казалось бы, что подобныя насмѣшки и поношенія должны лишить апоѳеозу всякаго уваженія, и что вѣра въ божественность цезарей будетъ уменьшаться съ каждымъ днемъ. Между тѣмъ вышло совершенно противное. Этотъ культъ, какъ и всѣ другіе, значительно укрѣпился къ концу перваго вѣка; въ это время всѣ принимаютъ его гораздо охотнѣе, нападки на него съ каждымъ днемъ

---

[170]) Лук., VII, 456.

становятся все робче и рѣже, [171]) а въ царствованіе Антониновъ онъ достигаетъ своего апогея.

Весьма вѣроятно, что апоѳеоза императоровъ возвратила себѣ утраченную часть своего значенія, благодаря тому, что въ этотъ промежутокъ времени, она, по счастію, рѣже назначалась недостойнымъ государямъ. Само собою разумѣется, что о божественности Поппеи не было больше рѣчи: она не пережила царствованія Нерона; и божественность Клавдія сильно пошатнулась. Въ государственномъ законѣ, назначавшемъ Веспасіану верховныя права, не осмѣлились даже назвать богомъ несчастнаго мужа Агриппины; [172]) но Веспасіанъ, какъ консервативный государь, гордившійся своимъ уваженіемъ къ преданіямъ, исправилъ эту неточность. Какъ бы то ни было, но Клавдій попалъ на небо по формальному указу сената, слѣдовательно, не было никакой причины изгонять его оттуда. Итакъ, храмъ его былъ оконченъ, и самъ онъ занялъ съ этихъ поръ мѣсто въ спискѣ обоготворенныхъ императоровъ. [173]) Несмотря на заботы Веспасіана о божественности другихъ, онъ довольно скептически относился къ своей собственной; разсказываютъ, будто онъ, умирая, говорилъ шутя, что на бѣду уже начинаетъ дѣлаться богомъ. [174]) И онъ дѣйствительно сдѣлался богомъ такъ же, какъ и сынъ его Титъ, и такъ какъ оба они дали имперіи нѣсколько лѣтъ спокойствія, то имперія въ награду за то не стала торговаться съ ними о жертвенникахъ. Правда, что впослѣдствіи было нѣсколько скандаловъ по поводу апоѳеозы: такъ, напримѣръ, воздвигли храмы въ честь прекраснаго Антиноя и учредили игры и мистеріи, во время которыхъ онъ, какъ говорили, творилъ чудеса; но надо замѣтить, что онъ никогда не получалъ оффиціальнаго посвященія, и что культъ его былъ распространенъ только въ Греціи и на Востокѣ. [175]) Обык-

---

[171]) Сравнимъ для примѣра робкіе и темные намеки Плутарха (*Vita Rom.*, 28) съ энергическими и ясными выраженіями Сенеки и Лукана. Павзаній (VII, стр. 457) и Діонъ (LII, 35) также довольно энергичны, но они говорятъ лишь нѣсколько словъ. Любопытнѣе всего то, что Юліанъ оказывается рѣшительнымъ противникомъ этихъ апоѳеозъ. Онъ называетъ Августа «кукольнымъ мастеромъ» за то, что тотъ сдѣлалъ Цезаря богомъ. (*Ces.*, 27).

[172]) Орелли, конецъ 2-го тома.

[173]) Онъ занимаетъ мѣсто послѣ Августа и передъ божественнымъ Веспасіаномъ въ таблицахъ Сальпенсы и Малаги, относящихся къ царствованію Домиціана.

[174]) Свет., *Vesp.*, 23: *Vae, puto, deus fiam!* (Увы, кажется, я дѣлаюсь богомъ).

[175]) Экель, VI, 528 и сл.

новенно же боги, создаваемые сенатомъ, отличались бо̀льшей серьёзностью. Предписывая имперіи поклоненіе такимъ государямъ, какъ Нерва, Траянъ или Антонинъ, сенатъ былъ увѣренъ, что не оскорбитъ этимъ общественнаго мнѣнія. Ни одного бога никогда такъ не чествовали, какъ Марка Аврелія. «Не только люди всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній воздавали ему божескія почести, говоритъ историкъ, но сочли бы безбожникомъ всякаго, кто не имѣлъ бы у себя въ домѣ хоть какого-нибудь его изображенія. Даже въ наши дни (два вѣка спустя послѣ смерти Марка Аврелія) многія семейства сохраняютъ его статуи между своими семейными пенатами, и есть даже не мало такихъ людей, которые утверждаютъ, что онъ является имъ во снѣ, подаетъ хорошіе совѣты и дѣлаетъ вѣрныя предсказанія». [176])

Я не вижу причины заподозривать искренность подобныхъ чувствъ. Люди, поклонявшіеся Марку Аврелію въ царствованіе Константина, не могли ничего ожидать отъ верховной власти; набожность ихъ была вполнѣ безкорыстна и объясняется только вѣрою. Плиній младшій говорилъ Траяну: «Вы обоготворили своего отца не изъ тщеславія и не изъ презрѣнія къ небу, но потому, что сами считали его богомъ». [177]) Утвержденіе сдѣлано формально; либо надо обвинять Плинія въ безсовѣстной лжи, либо допустить, что Траянъ дѣйствительно вѣрилъ божественности Нервы. Если подобная вѣра насъ удивляетъ, значитъ мы забываемъ о предосторожностяхъ, принимавшихся для того, чтобы щадить щекотливость свѣтскихъ людей относительно апоѳеозы, а также настоящій смыслъ, придаваемый ей. Въ Римѣ не заботились о томъ, чтобы воздавать культъ живому императору, какъ это дѣлали въ провинціяхъ; если Калигула и Домиціанъ требовали, чтобы имъ поклонялись, зато хорошіе государи остерегались подражать ихъ примѣру. Заживо они довольствовались тѣмъ, что поклонялись ихъ генію, изображеніе котораго ставилось рядомъ съ изображеніями обоготворенныхъ государей; при чемъ благоразумные императоры тщательно наблюдали, чтобы и это поклоненіе воздавалось имъ въ извѣстныхъ лишь границахъ. [178]) По смерти ихъ сенатъ оффиціально назначалъ имъ апоѳеозу, и культъ ихъ распространялся по

---

[176]) Капитолинъ, *M. Aur.*, 18.

[177]) Плин., *Paneg.*, II.

[178]) Траянъ требовалъ, чтобы у него просили позволенія, когда хотѣли поставить его статую рядомъ съ *divi*, и самъ говоритъ, что рѣдко давалъ его. Плин., *Epist.*, X, 24 и 25. См. также *Paneg.*, 52.

нялся по всему міру. Почести, воздаваемыя новому божеству, были повсюду одинаковы, но просвѣщенные люди смотрѣли на него иначе, чѣмъ простой народъ. Люди необразованные полагали вообще, что цезари такіе же боги, какъ и всѣ остальные; они приписывали имъ одинаковую силу и думали даже, что она и проявляется одинаковымъ образомъ въ видѣніяхъ и снахъ. Напротивъ того, просвѣщенные люди ставили нѣкоторое различіе между ними и прочими божествами; для нихъ цезари были чѣмъ-то въ родѣ *героевъ* и полубоговъ древнихъ грековъ. Вообще они давали имъ не болѣе преимуществъ, чѣмъ стоили своему праведному человѣку послѣ смерти. Философія Портика учила, что небо служитъ наградою и мѣстопребываніемъ людей, отличившихся хорошею жизнью. Сенека говоритъ «объ отравленной чашѣ, перенесшей Сократа изъ тюрьмы на небо». [179]) Очень естественно, что вмѣстѣ съ праведными людьми туда помѣщали также государей, честно управлявшихъ своей огромной страною и съумѣвшихъ остаться добродѣтельными на такомъ высокомъ мѣстѣ, гдѣ добродѣтель подвергается безпрестаннымъ опасностямъ. Очень многіе люди именно такъ понимали апоѳеозу. Слово *divus*, служившее для обозначенія обоготвореннаго императора, имѣло не совсѣмъ одинаковое значеніе съ словомъ *deus*. Хотя по происхожденію между этими двумя словами нѣтъ рѣшительно никакой разницы, но обычай все-таки установилъ ее подъ конецъ: слово *divus* выражало собою, что государь находится въ числѣ тѣхъ блаженныхъ, которые получили небо въ награду за свою добродѣтель. Это самое названіе давалось впослѣдствіи святымъ христіанской церкви; вѣроятно, и у язычниковъ оно имѣло уже подобное значеніе. Итакъ, когда по смерти государя сенатъ назначалъ ему божескія почести, онъ становился, пожалуй, настоящимъ богомъ для простаго народа, но просвѣщенные люди смотрѣли на него скорѣе, какъ на святаго, чѣмъ какъ на бога, и такимъ образомъ воздаваемыя ему почести не имѣли въ себѣ ничего оскорбительнаго для божескаго достоинства. Сенатскій декретъ служилъ какъ бы канонизаціей, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производила то же самое дѣйствіе, какое производитъ канонизація церкви, объявленная ею послѣ торжественнаго совѣщанія. Мы видѣли, что друзья Марка Аврелія помѣщали его статую между своими пенатами и воздавали культъ его памяти; почти точно такимъ же образомъ Жуанвиль устроилъ въ часовнѣ своего замка

---

179) *Epist.*, 67, 7.

алтарь Людовику Святому, своему доброму господину, «гдѣ должны были всегда пѣться въ честь его хвалебныя пѣсни». Обращаясь къ своимъ солдатамъ, Германикъ указываетъ имъ на божественнаго Августа, съ высоты небесной слѣдящаго за поведеніемъ своего войска и за судьбами своей имперіи; такого рода рѣчь мало отличается отъ рѣчи св. Амвросія, когда у могилы Θеодосія онъ утверждаетъ, что великій христіанскій императоръ обитаетъ въ жилищѣ свѣта и часто присутствуетъ въ обществѣ святыхъ, и что навстрѣчу ему выходитъ Граціанъ, простираетъ къ нему объятія и позабываетъ свою жестокую кончину, встрѣчая того, кто за нее такъ славно отомстилъ. [180]). Понятно, что такимъ способомъ и съ подобными ограниченіями, просвѣщенные и благочестивые люди могли принимать апоθеозу и безъ особеннаго смущенія обращаться съ молитвами къ обоготворенному императору, если тотъ былъ честный человѣкъ. Что касается до невѣрующихъ и до людей индифферентныхъ, то они еще легче мирились съ нею. Плиній старшій находитъ, «что это старинная манера выражать людямъ свою признательность», [181]) простая любезность, не влекущая за собою никакихъ послѣдствій; вотъ почему, хотя онъ и отрицаетъ безсмертіе души и сомнѣвается въ существованіи боговъ, тѣмъ не менѣе не колеблется изобразить Веспасіана, «величайшаго изъ государей, которые когда-либо царствовали на свѣтѣ», шествующимъ на небо со всѣмъ своимъ семействомъ. Извѣстно, что нѣкоторые философы обожали Платона, [182]) и что поэтъ Силій Италикъ воздавалъ культъ Виргилію. Платонъ и Виргилій были очень религіозные писатели, и потому они весьма естественно могли сдѣлаться языческими святыми; но удивительнѣе всего то, что Лукрецій, этотъ жесточайшій врагъ народныхъ суевѣрій, въ своемъ восхищеніи къ невѣрующему Эпикуру, провозглашаетъ его богомъ: *Deus ille fuit, deus, inclute Memmi.* (богомъ онъ былъ, богомъ, о славный Меммій). Очевидно, что для него это не болѣе, какъ сильная гипербола, которою онъ выражаетъ свой восторгъ, желая раздѣлить его съ другими.

Итакъ, справедливо можно сказать, что всѣ люди, жившіе подъ покровительствомъ римскихъ законовъ, на всѣхъ общественныхъ

---

180) Св. Амвр., *Orationes*, 39: *Manet ergo in lumine Theodosius et sanctorum caetibus gloriatur.* (Итакъ, Θеодосій пребываетъ въ сіяніи и славится въ сонмѣ святыхъ).

181) Плин., *Hist. Nat.*, II, 7, 18.

182) Летроннъ, *Inscr. de l' Egypte*, II, с. 286.

ступеняхъ отнеслись чрезвычайно снисходительно къ апоѳеозѣ императоровъ, и что эта снисходительность стоила имъ гораздо меньше, чѣмъ мы готовы были бы думать. Единственное серьёзное сопротивленіе было встрѣчено ею со стороны евреевъ и христіанъ. Евреи чувствовали отвращеніе поклоняться человѣку; они не позволяли легіонамъ проходить черезъ Іерусалимъ со знаменами, потому что на нихъ находились изображенія живущаго императора и его обоготворенныхъ предшественниковъ. Христіане оказали такую же рѣшимость. Ихъ мучениковъ обыкновенно приводили насильно къ статуѣ государя, но они соглашались лучше умереть, нежели возжечь передъ нимъ ладанъ. «Я не называю императора богомъ, говорилъ Тертулліанъ, потому что я не умѣю лгать и не желаю насмѣхаться надъ нимъ... У меня только одинъ Господь, Который въ то же время и Господь самого императора; мы должны поклоняться Ему, если желаемъ, чтобы Онъ былъ милостивъ къ цезарю. Берегитесь называть богомъ и вѣрить тому, кто не можетъ ничего сдѣлать безъ помощи Бога». [183])

Какъ ни сурово преслѣдовали христіане апоѳеозу, тѣмъ не менѣе она пережила торжество христіанства; но, переживая его, она все болѣе и болѣе утрачивала свое прежнее значеніе. Съ самаго начала культъ цезарей имѣлъ двойной характеръ: религіозный и гражданскій; легко замѣтить, какъ гражданскій характеръ беретъ постепенно верхъ надъ религіознымъ. Храмы Рима и Августа перестаютъ понемногу быть святилищами и превращаются въ мѣста государственныхъ собраній; провинціальные жрецы начинаютъ походить на обыкновенныхъ администраторовъ, обязанныхъ заботиться объ интересахъ своей страны; городскіе фламины становятся такими же должностными лицами муниципальнаго управленія, какъ и другіе, и на корпорацію Августаліевъ смотрятъ уже просто, какъ на общество негоціантовъ, соединившееся для того, чтобы защищать свои привилегіи. Вскорѣ во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ императорскій культъ началъ служить только предлогомъ: собирались, повидимому, для того, чтобы молиться и приносить жертвы, въ дѣйствительности же для того, чтобы толковать о своихъ общихъ дѣлахъ. Съ каждымъ днемъ религіозный характеръ культа изглаживался все болѣе и болѣе; онъ исчезъ окончательно, когда восторжествовало христіанство. Когда Константинъ сдѣлался главою имперіи, народы воздали ему всегдашнія почести, сооружая

---

[183]) Тертул., *Apol.*, 33—34.

ему храмы и отправляя въ честь его игры. Константинъ принялъ эти почести, несмотря на то, что былъ христіанинъ; онъ позаботился только очистить ихъ отъ всякой примѣси древней религіи. Онъ сохранилъ игры, ставшія уже потребностью для народа, но придалъ имъ свѣтскій характеръ. «Мы запретили спасительнымъ закономъ, говоритъ онъ, исполнять нечестивые обряды, но мы не намѣрены возбранять игръ, привлекающихъ гражданъ и поддерживающихъ общественное веселье». [184]) Когда жители Гиспеллума попросили у него позволенія воздвигнуть ему храмъ, онъ согласился на это, но «съ условіемъ, чтобы зданіе, которое будетъ носить его имя, не оскверналось преступными обрядами опаснаго суевѣрія». [185]) Слѣдовательно, это былъ не болѣе, какъ гражданскій памятникъ, нѣкотораго рода городская ратуша, куда собирались декуріоны, чтобы изъявлять свою преданность государю и подписывать въ честь его декреты. Такимъ образомъ культъ императоровъ принялъ вполнѣ свѣтскій характеръ. Съ той минуты, какъ было положено, что это не болѣе какъ косвенный способъ оказывать почтеніе верховной власти, христіанство начало выносить его съ меньшимъ отвращеніемъ. Константинъ и его преемники были обоготворены торжественнымъ сенатскимъ декретомъ, у нихъ были свои храмы и жрецы; но эти почести не оскорбляли, повидимому, ни епископовъ, ни строгихъ христіанъ. Граціанъ былъ первый, отказавшійся принять знаки отличія верховнаго жреца, и, вѣроятно, онъ же первый не получилъ божескихъ почестей послѣ смерти. Итакъ, апоѳеоза существовала еще почти цѣлое столѣтіе послѣ уничтоженія язычества. [186])

Можно ли навѣрно полагать, что она совершенно исчезла съ Граціаномъ, и что послѣ него отъ нея не осталось болѣе никакихъ слѣдовъ? Мы уже говорили, что христіанскія государства, замѣнившія собою имперію, нерѣдко пытались продолжать ее. Вдобавокъ христіанская религія была другомъ порядка и дисциплины; она провозглашала, что верховная власть проистекаетъ нѣкоторымъ образомъ отъ небесной власти, и ставила людямъ въ обязанность повиноваться ей. Уже во II вѣкѣ одинъ изъ самыхъ строгихъ хри-

[184]) *Cod. Theod.*, XVI, 10, 17.

[185]) Орелли 5580, и Моммсенъ, *Analecten.*

[186]) Росси, *Inscr. christ.*, с. 338. Говоря, что Граціанъ первый не получилъ почестей апоѳеозы, мы подразумѣваемъ оффиціальное посвященіе по указу сената. Еще нѣкоторое время продолжали по привычкѣ называть богами умершихъ императоровъ.

стіанскихъ учителей говорилъ: «Мы воздаемъ императору всѣ почести, какія намъ дозволено воздавать, и какія ему полезно получать. Мы смотримъ на него, какъ на человѣка, но такого, который непосредственно слѣдуетъ за Богомъ; то, чѣмъ онъ обладаетъ, онъ получилъ отъ Бога, но онъ ниже только самого Бога» [187]). Почти точно такъ же, если помните, выражается Горацій, когда, обращаясь къ Юпитеру, онъ просилъ его сдѣлать Цезаря своимъ намѣстникомъ и предоставить ему управлять міромъ по его велѣніямъ. Если государь до такой степени выше людей, онъ очень близокъ къ тому, чтобы находиться внѣ ихъ общества; если онъ особый предметъ небесныхъ милостей, если онъ былъ поставленъ на царство особымъ декретомъ, если онъ получаетъ свыше всѣ качества, необходимыя для управленія народомъ, — его нельзя больше смѣшивать съ управляемымъ имъ стадомъ. Вотъ какимъ образомъ, возвышая верховную власть и приближая ее къ небу, христіанскіе учители случайно иногда выражались почти точно такъ же, какъ древніе римскіе писатели. По мнѣнію Плинія младшаго, государь подобенъ самому быстрому изъ свѣтилъ: онъ все видитъ, все слышитъ, и на какомъ бы мѣстѣ его ни призывали, онъ въ ту же минуту даетъ чувствовать свое присутствіе и свою помощь. «Нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что Отецъ вселенной подобнымъ же образомъ устроиваетъ въ ней порядокъ, когда, обративъ взоры свои на землю, онъ соблаговолитъ заняться человѣческими судьбами» [188]). Такое же сравненіе государя съ Богомъ, и почти въ той же формѣ, находится и у Боссюэта. «Взгляните на государя въ его кабинетѣ; отсюда исходятъ повелѣнія, заставляющія согласно дѣйствовать чиновниковъ и военныхъ, провинціи и арміи. Это образъ Бога, который, сидя на престолѣ въ высотѣ небесной, даетъ движеніе всей природѣ. Напрасно злые стали бы скрываться; свѣтъ Божій преслѣдуетъ ихъ повсюду; какъ бы рано они ни встали, онъ предупреждаетъ ихъ; какъ бы далеко они ни уклонились, рука Божія надъ ними. Такъ Богъ помогаетъ государю проникать самые тайные замыслы; у него повсюду есть глаза и руки; птицы небесныя передаютъ ему то, что происходитъ; онъ даже получилъ отъ неба, для лучшаго веденія дѣлъ, нѣкоторую прозорливость, заставляющую думать, что онъ умѣетъ угадывать. Проникъ ли онъ интригу, его длинныя руки до-

---

[187]) Тертул., *Ad. Scap.*, 2.

[188]) Плиній, *Paneg.*, 80.

станутъ враговъ хоть на краю свѣта, онѣ выкопаютъ ихъ со дна пропастей; нѣтъ убѣжища противъ такого могущества!» Въ заключеніе онъ говоритъ, «что надо повиноваться государямъ, какъ самой справедливости; они боги и способствуютъ нѣкоторымъ образомъ божественной независимости» [189]). Если такъ говоритъ епископъ, то нечего удивляться тому, что позволяетъ себѣ придворный: похвалы какого - нибудь д'Антена или Ла Фёлльяда носятъ въ себѣ всѣ признаки культа. Сенъ-Симонъ разсказываетъ, что при освященіи статуи на Вандомской площади, были возобновлены почти всѣ языческія празднества. «Герцогъ Жеврскій (de Gesvres), губернаторъ Парижа, сидя на лошади, во главѣ городскихъ войскъ, продѣлалъ всѣ штуки, поклоны и прочія церемоніи, употреблявшіеся при освященіи римскихъ императоровъ. Правда, что при этомъ не было ни ладана, ни жертвъ; но вѣдь надо же было воздать что-нибудь титулу наихристіаннѣйшаго государя.» Слѣдовательно, можно сказать, что общества, проповѣдывающія, будто верховная власть исходитъ отъ Бога и потому божественна, часто ставятъ выше человѣчества тѣхъ, кто облеченъ этой властью, и склонны къ поклоненію монархизма. Избѣжать этой опасности могутъ лишь тѣ, кто считаетъ эту власть простымъ народнымъ уполномоченіемъ. Повидимому, Цезари хотѣли соединить выводы этихъ обѣихъ воззрѣній. Власть приходила къ нимъ отъ народа, и они любили провозглашать это, въ предупрежденіе всякихъ сопротивленій; но въ то же время они старались упрочить ее, давши ей религіозное освященіе; съ этой цѣлью они называли себя при жизни уполномоченными отъ Бога, а послѣ смерти — уже дѣйствительными богами.

---

189) Боссюэтъ, *Polit., tirée de l'Ecrit. Sainte* Мѣстами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣкъ Августа.

Изучивъ все, что было сдѣлано Августомъ для римской религіи и римскою религіею для него, мы разсмотримъ теперь, каковы были успѣхи его религіозныхъ и нравственныхъ реформъ. Удалось ли ему, какъ онъ желалъ, возвратить своихъ современниковъ къ древнимъ обычаямъ и вѣрованіямъ? Дѣйствительно ли онъ сдѣлалъ свой вѣкъ болѣе честнымъ и менѣе невѣрующимъ, и если его увѣщанія и приказанія удерживали иногда чрезмѣрное развитіе скептизма и безнравственности, то насколько глубока и искренна была эта перемѣна? Мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы отвѣчать на эти вопросы; всѣ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія заключаются въ самой лучшей и богатѣйшей изъ литературъ, оставленныхъ намъ древнимъ міромъ. Она покажетъ намъ, что думали и чему вѣрили тогда избранные люди, и какое вліяніе произвели на нихъ реформы Августа.

I.

Восхищеніе современниковъ учрежденіями Августа. — Было ли оно искренно? — Противорѣчія, въ какія впадаютъ восхваляющіе ихъ писатели. — Титъ Ливій.—*Оды* Горація.—Причины, заставляющія думать, что реформы Августа не имѣли результатовъ.

Читая писателей того вѣка, невольно поражаешься тѣмъ безграничнымъ восхищеніемъ, какое всѣ они, повидимому, питаютъ въ Августу и къ его учрежденіямъ. Хотя не мало было государей, осыпавшихся похвалами современной имъ литературы, но никому изъ нихъ не удавалось угодить всѣмъ безъ исключенія и совершенно избѣгнуть критики. Какъ ни блестяща была ихъ слава и какъ ни велика власть, но они никогда не могли совершенно зажать ротъ своимъ недругамъ. Несмотря на шумъ похвалъ, подыма-

ющійся со всѣхъ сторонъ на встрѣчу Людовику XIV, прислушавшись внимательнѣе, можно различить рѣзкій и оскорбительный голосъ голландскихъ выходцевъ. Августъ былъ счастливѣе: между писателями его эпохи мы не находимъ у него ни одного порицателя. Говорятъ, будто въ концѣ царствованія нѣкоторые ораторы и историки относились къ нему со строгостью, но книги ихъ не дошли до насъ, и въ настоящее время ничто не нарушаетъ хвалебнаго концерта его счастію и славѣ. Всѣ писатели не только единогласно признаютъ необходимость его реформъ, восхваляютъ ихъ достоинства и предсказываютъ имъ счастливую будущность, но каждый изъ нихъ считаетъ за честь и способствовать имъ; всѣ они, кто по просьбѣ, кто безъ всякой просьбы, стараются сдѣлать ихъ удачными, всѣ проповѣдуютъ добродѣтель, воспѣваютъ боговъ, такъ что можно сказать, что у Августа было столько же сотрудниковъ, сколько въ его царствованіе было поэтовъ, ораторовъ и историковъ.

Но, подойдя поближе, мы различимъ въ этомъ прекрасномъ аккордѣ много диссонансовъ. Оказывается, что эти усердные сотрудники императора, эти ревностные покровители религіи и нравственности часто противорѣчили себѣ въ своихъ сочиненіяхъ и поступкахъ. Эти противорѣчія, которыя они даже не стараются скрывать, поистинѣ поразительны и ложатся тяжкимъ упрекомъ на защищаемыя ими учрежденія. Если мы станемъ судить по этимъ сочиненіямъ, намъ покажется, что реформы Августа не имѣли ни малѣйшей искренности. Предпринятыя съ политическою цѣлью такими людьми, которые, проповѣдуя добродѣтель, сами не отличались ею, эти реформы, даже въ случаѣ успѣха, привели бы только ко всеобщей лжи и къ кажущемуся внѣшнему порядку и дисциплинѣ, но никогда не проникнули бы въ глубь сердецъ. Жизнь самого Августа была не настолько чиста, чтобы онъ могъ считать себя въ правѣ преобразовывать общественные нравы. Не говоря уже о кровавыхъ событіяхъ въ началѣ его царствованія, оказывается, по словамъ Діона, что въ то самое время, когда по требованію сенаторовъ онъ издавалъ первые законы о прелюбодѣяніи, онъ самъ былъ влюбленъ въ жену Мецената, граціозную Теренцію, «и заставлялъ ее иногда соперничать красотою съ Ливіей [1])». Строгій моралистъ относительно другихъ, онъ долго питалъ любовь къ тайному разврату. Извѣстно, что на Палатинъ приносились женщины въ

---

[1]) Діонъ, LIV, 19.

крытыхъ носилкахъ, и что это не было совершенною тайною для народа, такъ какъ одинъ философъ запрятался однажды въ подобныя носилки и такимъ образомъ пробрался во дворецъ, чтобы прочесть наставленіе безпутному государю [2]). Большинство людей, служившихъ намѣреніямъ Августа, имѣли небольше его права проповѣдовать уваженіе къ богамъ и любовь къ добродѣтели. Не было въ то время болѣе изнѣженнаго сибарита, какъ тотъ самый Меценатъ, который обязался внушить поэтамъ намѣреніе воспѣвать счастіе сельской жизни и прелести древней простоты. Тацитъ говоритъ о Саллюстіи: «По своей любви къ роскоши и удовольствіямъ онъ былъ очень далекъ отъ образа жизни древнихъ [3])»; между тѣмъ Саллюстій былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей и вліятельныхъ совѣтниковъ государя, хвалившійся тѣмъ, будто возстановляетъ любовь къ древнимъ нравамъ. Діонъ замѣчаетъ, что изъ двухъ консуловъ, давшихъ свое имя закону Папія - Поппеа, ни одинъ не былъ женатъ [4]), что не помѣшало имъ, однако издать строгія постановленія противъ холостяковъ. Изъ писателей, восхвалявшихъ съ наибольшимъ жаромъ нравственные законы и религіозныя постановленія Августа, многіе отличались очень легкомысленной жизнью и не были нисколько подготовлены къ той серьёзной задачѣ, за которую они принимались съ какою-то странною поспѣшностью. Овидій, сочиняя свои *Фасты*, чувствуетъ какое-то наивное удивленіе вслѣдствіе новости предмета своихъ пѣсенъ. Онъ вспоминаетъ, что передъ тѣмъ, какъ восхвалять боговъ и поклоненіе имъ, онъ воспѣвалъ свою любовь: «Кто могъ думать, говоритъ онъ, что этою дорогою я приду туда, гдѣ я теперь [5])?»

Не надобно, однако, полагать, чтобы всѣ помощники Августа въ его политическихъ цѣляхъ только о томъ и заботились, чтобы понравиться ему и заслужить его милость своей угодливостью. Большинство ихъ не слѣдовало такимъ низкимъ побужденіямъ. Подобно Горацію, они присутствовали при междоусобныхъ войнахъ; подобно Проперцію и Виргилію, они видѣли имущество свое розданнымъ; какъ свидѣтели или жертвы этихъ бѣдствій, они еще страдали отъ душевныхъ ранъ. Потому они съ самой искреннею готовностью являлись на помощь государю, обѣщавшему имъ изгладить эти бѣдствія; они отъ всего сердца привѣтствовали его намѣреніе и

---

[2]) Діонъ, LVI, 43.
[3]) Тацитъ, *Лѣт*, III, 30.
[4]) Діонъ, LVI, 10.
[5]) Овид., *Fast.*, II, 8: *Ecquis ad haec illinc crederet esse viam*?

старались способствовать его исполненію. Вмѣстѣ съ нимъ они признавали, что общественная тишина упрочится лишь тогда, когда люди возвратятся къ прежнимъ учрежденіямъ и вѣрованіямъ; поэтому они изо всѣхъ силъ старались прославлять древнія добродѣтели, но въ то же время ясно чувствовалось, что какъ бы они ни желали возвратиться къ прошлому, имъ не всегда было легко оторваться отъ настоящаго. Точно такъ во Франціи, люди, только-что избѣгнувшіе опасностей революціи, читая *Духъ христіанства* Шатобріана, невольно сознавались, что было бы очень полезно, если бы общество снова обратилось къ христіанству и къ вѣрѣ; но, несмотря на искреннее желаніе вѣрить, большая часть ихъ никакъ не могли позабыть, что они часто посѣщали салоны XVIII вѣка и читали Вольтера. Подобно тому современники Августа были дѣтьми поколѣнія, произведшаго Цицерона и Лукреція; въ молодости они восхищались поэмою о *Природѣ* и разсужденіемъ *о Гаданіи*, а это не легко было позабыть. Очень трудно было имъ также избѣгать того обольстительнаго и пустаго общества, среди котораго они вращались и гдѣ были очень хорошо приняты. Вотъ, откуда происходятъ несообразности, замѣчаемыя между ихъ ученіемъ и поступками, странная смѣсь скептицизма и вѣры, строгія правила, смягчаемыя уступками дѣйствительности, и ироническая улыбка, прокрадывающаяся въ минуту живѣйшаго энтузіазма.

Подобныя противорѣчія встрѣчаются почти у всѣхъ писателей того вѣка, не исключая и тѣхъ, которые сначала кажутся самыми рѣшительными и искренними. Ни одинъ изъ нихъ не старается до такой степени прослыть поклонникомъ прошлаго и врагомъ настоящаго, какъ Титъ Ливій; если вѣрить ему, то главное удовольствіе, находимое имъ въ изученіи исторіи, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ его жить далеко отъ своихъ современниковъ; нерѣдко приводилось прекрасное мѣсто изъ его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ, что пробѣгая древность, душа его безо всякихъ усилій сама становится древнею. Его восхищеніе къ прежнему времени такъ велико, что заставляетъ его иногда покидать свою всегдашнюю ясность и дѣлаетъ его насмѣшливымъ, жестокимъ и придирчивымъ; онъ окончательно негодуетъ на тѣхъ, кто не раздѣляетъ его энтузіазма, бранитъ ихъ и обращается къ нимъ съ страстными вызовами: «пусть придутъ теперь смѣяться надъ людьми, восхищающимися прошлымъ!» восклицаетъ онъ, разсказавъ какую-нибудь прекрасную черту изъ прошедшаго [6]). Всего болѣе сердитъ его

---

[6]) Титъ Ливій, XXVI, 22.

современный религіозный скептицизмъ. Онъ не перестаетъ разражаться гнѣвомъ противъ «этой науки, презирающей боговъ [7])», и не пропускаетъ случая публично заявить свою вѣру. Впрочемъ, вѣра его имѣетъ границы; часто случается, что, разсказывая какое-нибудь черезъ-чуръ нелѣпое чудо, онъ старается уменьшить его и переиначить; несмотря на данное имъ обѣщаніе все разсказать и всему вѣрить, онъ начинаетъ колебаться, умалчиваетъ о наиболѣе странныхъ обстоятельствахъ [8]), объясняетъ другія, старается невѣроятное представить правдоподобнымъ, и вдругъ иногда, посреди самаго необыкновеннаго разсказа, передаваемаго имъ, повидимому, съ полною искренностью, у него прорывается какое-нибудь ироническое замѣчаніе, разрушающее собою весь эффектъ. По поводу чудеснаго рожденія основателя Рима, онъ описываетъ, какъ видно, съ полной вѣрою, какимъ образомъ весталка встрѣтилась съ богомъ Марсомъ, и какъ тотъ сдѣлалъ ее матерью двухъ близнецовъ, и затѣмъ прибавляетъ, что, по крайней мѣрѣ, это было разсказано именно такъ Реей Сильвіей, «потому ли, что она дѣйствительно этому вѣрила, или потому, что ей казалось болѣе приличнымъ взять въ сообщники своей вины бога [9])». Такимъ же образомъ относится онъ къ разнымъ оракуламъ и чудесамъ, посредствомъ которыхъ воля боговъ будто бы открывается людямъ; онъ сильно осуждаетъ тѣхъ, кто ими пренебрегаетъ или смѣется надъ ними, и не хочетъ вѣрить, чтобы эти чудеса совершенно прекратились въ его время: боги продолжаютъ извѣщать человѣчество о готовящихся событіяхъ, но человѣчество не удостоиваетъ обращать вниманіе на даваемыя ему предостереженія [10]). Въ прежнее время ихъ аккуратно записывали, и Титъ-Ливій, находя ихъ въ просматриваемыхъ имъ священныхъ хроникахъ, пересказываетъ ихъ съ величайшей заботливостью. Но и здѣсь кажется, что вѣра покидаетъ его середи дороги: когда эти чудеса дѣлаются слишкомъ необыкновенными или слишкомъ многочисленными, ему становится какъ-будто стыдно разсказывать ихъ; онъ говоритъ намъ, «что ихъ видѣли

---

[7]) X, 40.

[8]) См., напр., исторію волчицы и двухъ близнецовъ (I, 4). По этому поводу Нибуръ весело смѣется надъ источниками, которые, уменьшая чудеса, думаютъ сдѣлать ихъ болѣе правдоподобными, «какъ будто бы все, говоритъ онъ, какъ въ исторіи св. Діонисія, не зависитъ тутъ отъ перваго шага».

[9]) I, 4: *Seu ita rata, seu quia auctor culpae honestior erat.*

[10]) XLIII, 13.

или думали, что видятъ [11]), и замѣчаетъ, что народы, наблюдающіе ихъ всего чаще, имѣютъ вообще расположеніе всему вѣрить [12]). Иногда чудо превосходитъ его вѣру, и тогда онъ намекаетъ, что это выдумка жрецовъ или политиковъ. Онъ допускаетъ, что быкъ можетъ заговорить, но когда приходятъ сказать ему, будто мыши съѣли золотую статую, онъ разражается гнѣвомъ, видитъ въ подобныхъ преувеличеніяхъ дѣйствіе «преступнаго суевѣрія [13])», и объявляетъ, что надъ нами хотятъ посмѣяться [14]). Такія противорѣчія были неизбѣжны: какъ бы ни твердо рѣшился человѣкъ, подобно Титу Ливію, сдѣлаться древнимъ, онъ невольно останется отчасти сыномъ своего времени.

То же самое, и можетъ быть даже нѣсколько яснѣе, доказываетъ намъ примѣръ Горація. Мы имѣемъ полное основаніе удивляться, встрѣчая Горація въ числѣ самыхъ ревностныхъ защитниковъ учрежденій Августа; дѣйствительно, ни по своему характеру, ни по образу дѣйствій, онъ не былъ, повидимому, предназначенъ играть эту роль. Никто ни походилъ менѣе на римлянъ прежняго времени, добродѣтели которыхъ онъ готовился воспѣвать, какъ этотъ безпечный поэтъ, влюбленный въ свои досуги, страшащійся общественныхъ дѣлъ и укоряющій своихъ друзей за то, что они занимаются «замыслами Скиѳа и Кантабра противъ Рима» [15]). Трудно вообразить себѣ менѣе религіозную натуру, чѣмъ его. Религія римлянъ основывалась на уваженіи къ древнимъ обычаямъ, а Горацій принадлежалъ именно къ такимъ людямъ, которые охотнѣе обращаются къ будущему, нежели къ прошедшему. Онъ позволялъ себѣ критиковать древнихъ поэтовъ и не затруднялся насмѣхаться надъ ихъ поклонниками. Таковы были чувства, выраженныя имъ въ его первыхъ произведеніяхъ, и трудно было предполагать, чтобы они когда-нибудь измѣнились. По характеру и по принципу онъ былъ врагъ сильныхъ душевныхъ движеній, могущихъ повергнуть человѣка къ ногамъ боговъ. Всякому извѣстенъ его девизъ: ничему не слѣдуетъ слишкомъ удивляться, *nil admirari* [16]); это девизъ людей, желающихъ защититься отъ всякихъ неожиданностей со стороны воображенія, которыя нерѣдко дѣлаютъ людей

---

11) III, 5. XXI, 62.
12) XXIV, 10. XXIX, 14.
13) XXVII, 23: *prava religio*.
14) XXIV, 44: *ludibria aurium* (обманы слуха).
15) Горацій, *Od.*, II, 11, 1.
16) *Ep.* I, 6, 1.

вѣрующими. Поэтому сначала кажется очень страннымъ, что Августу непремѣнно захотѣлось имѣть помощника, столь не подходящаго для исполненія его намѣреній. Этой честью Горацій былъ, вѣроятно, обязанъ своимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Съ самаго начала онъ обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыми смѣлыми нападками. Поражая въ одно время и живыхъ, и мертвыхъ, осмѣливаясь бороться съ уважаемыми предразсудками, онъ пріобрѣлъ восторженный и скандальный успѣхъ. Что рѣже случается, онъ не обманулъ надеждъ, возбужденныхъ такимъ смѣлымъ началомъ, и его второе произведеніе поддержало эффектъ, произведенный первымъ. Онъ поставилъ себѣ задачею ввести въ Римъ неизвѣстный дотолѣ родъ поэзіи; этотъ прославляемый сатирикъ принялся писать оды и заслужилъ успѣхъ. Общій интересъ къ нему былъ пробужденъ, и всѣ были увѣрены, что ничто изъ написаннаго имъ не пройдетъ не замѣченнымъ. Если надо было обратиться къ просвѣщеннымъ людямъ,—къ людямъ, составляющимъ собою общественное мнѣніе, провести между ними какую-нибудь новую мысль, приготовить ихъ къ какой-нибудь перемѣнѣ въ законахъ и нравахъ и заставить ихъ принять ее, въ подобныхъ случаяхъ полезно было имѣть на своей сторонѣ Горація. Августъ это понялъ, и очень вѣроятно, что къ поэту неоднократно обращались, прося его поддержки для реформъ, замышляемыхъ на Палатинѣ. Безошибочно можно сказать, что онъ намекаетъ на эти просьбы и на принятое имъ рѣшеніе уступить имъ, когда говоритъ своей лирѣ: «Насъ зовутъ,—пойдемъ, моя лира; ты, столько разъ услаждавшая мои досуги въ тѣни деревъ, издай пѣсни, болѣе достойныя того, чтобы жить» [17]). Съ этихъ поръ Горацій, повидимому, совершенно посвящаетъ себя идеѣ своего господина: онъ стыдитъ римлянъ за то, что они оставляютъ храмы въ развалинахъ, между тѣмъ какъ Августъ возстановляетъ ихъ [18]); въ то время какъ верховная власть занимается составленіемъ законовъ противъ роскоши, онъ восхваляетъ древнюю простоту и совѣтуетъ избѣгать роскоши и безумныхъ издержекъ; онъ предупреждаетъ всѣ реформы и иногда, кажется, даже вызываетъ ихъ; его жестокіе нападки на безстыдныхъ женщинъ, «которыя даже за столомъ своего мужа и на его глазахъ запасаются молодыми любовниками» [19]), явились еще за нѣсколько лѣтъ до появленія законовъ Августа о прелюбодѣяніи.

---

[17]) *Od.*, I, 32, 1.

[18]) Моммсенъ, *Res gestae divi Augusti*, стр. 58.

[19]) *Od.*, III, 6, 25.

Императоръ, повидимому, колеблется, но поэтъ торопитъ его наказать подобныя безпутства, онъ требуетъ строгихъ наказаній: «какой толкъ жаловаться, если преступленіе не будетъ подавлено мукой» [20])? Чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе входитъ онъ въ роль преобразователя общественныхъ нравовъ, за которую сначала ему было нѣсколько трудно приняться. Третья книга *одъ* начинается настоящимъ трактатомъ объ общественной и частной нравственности, написаннымъ имъ для пользы его современниковъ. Первыя шесть стихотвореній этой книги были, вѣроятно, сочинены разомъ; они имѣютъ одинаковый размѣръ и воодушевлены одинаковымъ вдохновеніемъ [21]). Въ нихъ поэтъ съ самаго начала принимаетъ не свойственный ему религіозный тонъ; въ нихъ говоритъ «жрецъ музъ», который, прежде чѣмъ начать изрекать свои оракулы, удаляетъ непосвященныхъ: *odi profanum vulgus et arceo*; нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ непосвященныхъ разумѣются здѣсь индифференты, легкомысленные свѣтскіе люди, которые могутъ быть смущены такими серьёзными вещами и которыхъ надо устранить во что бы то ни стало; затѣмъ, обращаясь къ болѣе наивнымъ умамъ и увѣренный, что будетъ внимательнѣе выслушанъ ими, онъ предлагаетъ имъ всѣ гражданскія и семейныя добродѣтели, служащія для счастія государствъ: любовь къ родинѣ, уваженіе къ священнымъ предметамъ, твердость въ поступкахъ, покорность во время страданій, умѣренность во вкусахъ, мужество передъ непріятелемъ и честность въ частной жизни. Онъ хочетъ образовать дѣятельную и сильную моладежь, «которая умѣла бы храбро выносить бѣдствія, преслѣдовала бы копьемъ надменнаго парѳянина и проводила бы жизнь на открытомъ воздухѣ, среди волненій битвъ» [22]). Людямъ зрѣлаго возраста онъ говоритъ, «что грубая сила губитъ сама себя, но если она укрощаетъ себя и сдерживаетъ, тогда боги подкрѣпляютъ и возносятъ ее» [23]). Онъ полагаетъ, что зло, обуявшее Римъ, происходитъ исключительно вслѣдствіе деморализаціи, за-

---

[20]) III, 24, 33.

[21]) По мнѣнію Перлькампа эти шесть одъ составляли одну поэму подъ названіемъ *Carmen de moribus*. Это мнѣніе не выдерживаетъ критики; тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно, что предметъ этихъ одъ одинаковъ, и что онѣ были сочинены всѣ вмѣстѣ. Историческіе намеки въ 5-й изъ нихъ показываютъ, что онѣ были написаны около 730 г.

[22]) *Od.*, III, 2, 1.

[23]) *Od.*, III, 4, 65.

кравшейся въ семейную жизнь; «преступныя поколѣнія осквернили бракъ и внесли раздоры въ дома,—вотъ, гдѣ источникъ бѣдствій, опустошающихъ отечество» [24]); въ примѣръ этимъ распущеннымъ нравамъ онъ противопоставляетъ энергискую расу воиновъ-крестьянъ, «окрасившихъ море карѳагенскою кровью» [25]). Здѣсь ясно виденъ духъ нравственныхъ и религіозныхъ учрежденій Августа.

Сочиняя эти прекрасныя оды, долженствовавшія встрѣтить хорошій пріемъ со стороны государя и его совѣтниковъ, Горацій часто долженъ былъ испытывать нѣкоторую неловкость; такой торжественный тонъ вынуждалъ его немного насиловать свою натуру. Онъ хорошо понималъ, что чувствуетъ болѣе наклонности къ легкой и граціозной поэзіи, нежели къ пиндарическому энтузіазму: «его утлая ладья не была построена для борьбы съ волнами Тирренскаго моря [26])», и, особенно сначала, всякій разъ, какъ онъ покидаетъ мирный берегъ, чтобы устремиться въ открытое море, онъ спѣшитъ призывать себя назадъ къ берегу. Кромѣ того, и это еще важнѣе, ему приходилось опровергать свои прежнія мнѣнія. Горацій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые въ молодости были очарованы Лукреціемъ и о которыхъ было говорено выше. Сначала онъ былъ эпикурейцемъ и не скрывалъ этого. Въ сатирѣ, гдѣ расказывается его путешествіе въ Бриндизи, онъ говоритъ по поводу одного чуда, которое ему хотѣли показать въ храмѣ Эгнатіи, что его школа не вѣритъ тому, чтобы боги давали себѣ трудъ заботиться о смертныхъ [27]); слѣдовательно, онъ отрицалъ вѣру въ Провидѣніе, составляющую основаніе всѣхъ религій. Какимъ же образомъ онъ изъ невѣрующаго сдѣлался вѣрующимъ? Объ этомъ онъ разсказываетъ намъ въ одной изъ своихъ *одъ*: для подобнаго чуда достаточно было удара грома при ясномъ небѣ [28]). По его словамъ этого было довольно для того, чтобы заставить его «повернуть свой парусъ въ другую сторону». Послѣ этого онъ пересталъ быть «скупымъ и небрежнымъ поклонникомъ боговъ» и поспѣшилъ отказаться «отъ началъ своей безумной мудрости». Трудно сказать, говоритъ ли онъ серьёзно или шутитъ, достовѣрно только то, что онъ улыбается, и эта улыбка, подмѣченная умными людьми, сдѣлаетъ ихъ менѣе строгими къ его неожиданному обращенію. Съ

---

[24]) *Od.*, III, 6, 16.
[25]) *Od.*, III, 6, 34.
[26]) *Od.*, IV, 15, 3.
[27]) *Sat.* I, 5, 97.
[28]) *Od.*, I, 34.

этихъ поръ этотъ бывшій скептикъ, отказывавшійся вѣрить чуду въ Эгнатіи, наполняетъ чудесами свою собственную жизнь. Если ему вѣрить, то онъ раза четыре или разъ пять былъ спасенъ отъ смерти, благодаря прямому вмѣшательству боговъ. «Боги покровительствуютъ мнѣ, восклицаетъ онъ съ восторгомъ, боги заботятся о моемъ спасеніи и вознаграждаютъ меня за благочестіе! [29]).» Очень естественно, что онъ долженъ былъ прославлять ихъ за ихъ покровительство. Воспѣваемые имъ боги суть боги народныхъ легендъ, доступные всѣмъ человѣческимъ страстямъ: ихъ можно разгнѣвать обидами и успокоить жертвоприношеніями [30]). Онъ изображаетъ ихъ въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, какъ и всѣ теологіи вообще. Они заставляютъ трепетать передъ собою человѣка, «который не болѣе какъ тѣнь и прахъ [31])»; подобно Іеговѣ, они любятъ возвышать смиреннаго и унижать гордаго [32]); они благоволятъ къ людямъ скромнымъ, умѣреннымъ, налагающимъ на себя лишенія: «чѣмъ болѣе человѣкъ самому себѣ отказываетъ, тѣмъ болѣе онъ получитъ отъ боговъ [33])». Они не довѣряютъ смѣлости ума человѣческаго и ставятъ ему опредѣленныя границы: если онъ переходитъ ихъ, они его наказываютъ и вообще не желаютъ, чтобы онъ слишкомъ касался древа познанія. Они сократили жизнь человѣческую, бывшую болѣе продолжительною въ прежнія времена, разгнѣвавшись за то, что мореплаваніе соединило материки, раздѣленные между собою по волѣ неба [34]). Какъ далеки мы теперь отъ торжественныхъ пѣсенъ Лукреція, гдѣ онъ видитъ, что ничто не ускользаетъ отъ человѣческаго разума, и воспѣваетъ отдаленныя границы природы и побѣду надъ нею, дѣлающую боговъ безполезными и возвышающую человѣчество до небесъ. Горацій совершенно позабылъ уроки своего учителя; подъ предлогомъ уваженія къ установленному порядку, онъ какъ бы въ самомъ дѣлѣ осуждаетъ человѣка на вѣчную неподвижность. Тотъ же духъ встрѣчается въ слѣдующемъ отрывкѣ одной изъ самыхъ знаменитыхъ

---

29) *Od.*, I, 17, 13.

30) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Горацій описываетъ верховное существо болѣе возвышеннымъ и философскимъ образомъ; напримѣръ: *Odes*, I, 12, 17.

31) *Od.*, IV, 7, 17.

32) *Od.*, I, 34, 13: *insignem attenuat deus obscura promens.* (Властенъ высокое Богъ преклонить и затмить лучезарное, тму озаривши). (Перев. Фета).

33) III, 16, 21: *Quanto quisque sibi plura negaverit, Ab dis plura feret.* (Чѣмъ больше кто себѣ отказывать умѣетъ, тѣмъ боги болѣе даютъ ему). (Перев. Фета).

34) *Od.*, I, 3, 21 и сл.

его одъ, гдѣ онъ приводитъ правило, заимствованное у положительныхъ религій, что грѣхъ, совершенный какимъ-нибудь поколѣніемъ, наказуется въ его потомкахъ; «римлянинъ, говоритъ онъ, грѣхи твоихъ предковъ падаютъ на твою неповинную голову [35])»! И этотъ приговоръ кажется ему совершенно естественнымъ. Не таково было мнѣніе Цицерона, съ великодушнымъ негодованіемъ возражавшаго тѣмъ, кто поддерживалъ тотъ же принципъ: «Удивительная справедливость боговъ! Какой народъ сталъ бы терпѣть законодателя, который за вину отца или дѣда наказывалъ бы сына или внука [36])»?

При такой перемѣнѣ искусный Горацій старался, насколько могъ, мириться съ самимъ собою, и надо сознаться, что это ему часто удавалось. Въ сущности мораль, развиваемая имъ въ третьей книгѣ *одъ*, мало отличается отъ морали его *сатиръ* и *посланій*. Онъ довольствовался тѣмъ, что придалъ божественное освященіе своимъ наставленіямъ; но если отнять у нихъ видъ оракульскихъ изреченій и религіозную окраску, мы узнаемъ въ нихъ его прежнія мысли. Когда онъ говоритъ въ первой сатирѣ, «что надо довольствоваться тѣмъ, что имѣешь», а въ третьей одѣ, «что человѣкъ долженъ почитать себя счастливымъ, если Богъ даетъ ему то, что ему нужно [37])», разница тутъ не велика. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ, что хорошо жить малымъ достаткомъ, *vivitur parvo bene*; но въ *одахъ* онъ предлагаетъ умѣренность, трезвость и воздержаніе, какъ добродѣтели, угодныя богамъ, а въ другихъ мѣстахъ просто говоритъ, что надо избѣгать большаго богатства, потому что оно причиняетъ много безпокойствъ и даетъ поводъ къ непріятнымъ случайностямъ. Мы видѣли, что онъ строго упрекаетъ мореплавателей за то, что они нарушили небесный законъ, желая соединить то, что было раздѣлено небомъ. И въ другихъ сочиненіяхъ онъ относится къ нимъ не лучше; но тамъ онъ называетъ ихъ не святотатцами, а съумасшедшими, скаредами, глупцами, идущими на борьбу со смертью ради своего обогащенія. Несмотря, однако, на весь его умъ, невозможно было, чтобы въ его сочиненіяхъ не осталось противорѣчій, которыя могли быть подмѣчены хитрецами. Восторженныя похвалы древнимъ римлянамъ, «привыкшимъ взворачивать землю сабинскимъ заступомъ и носить на пле-

---

35) *Od.*, III, 6, 1.
36) Цип., De nat. deor., III, 38
37) *Od.*, III, 16, 43.

чахъ дрова, нарубленные въ лѣсу [38])», должны были казаться нѣсколько удивительными въ устахъ человѣка, описывавшаго въ *сатирахъ* отъ слова до слова свою лѣнивую жизнь, и откровенно говорившаго, что всѣ его занятія, когда онъ не отдыхалъ на ложѣ, состояли въ томъ, что онъ отправлялся на форумъ къ предсказателямъ будущаго и на Марсово поле къ игрокамъ въ мячъ. Въ эпилогѣ къ своимъ *одамъ*, написанномъ въ честь Августа и его учрежденій, онъ изображаетъ себя вмѣстѣ со всѣми гражданами, возносящимъ хвалу императору и всему его роду; «каждый день, говоритъ онъ, среди даровъ веселаго Бахуса, мы будемъ молиться безсмертнымъ богамъ, согласно священнымъ установленіямъ, вмѣстѣ съ нашими женами и дѣтьми [39])». Къ несчастію, мы знаемъ, что у него не было ни дѣтей, ни жены, а изъ признаній его легко угадать, что онъ имѣлъ очень мало склонности къ браку. Онъ принадлежалъ къ числу людей, думавшихъ, что государство можетъ быть спасено лишь въ томъ случаѣ, если всѣ граждане будутъ женаты, но остерегавшихся въ то же время прибѣгать къ лѣкарству, предлагаемому ими другимъ. Случается иногда, что для того, чтобы поддержать принятую имъ на себя роль, онъ принужденъ излагать правила, мало согласующіяся съ самыми дорогими его убѣжденіями. Религіи, постоянно опирающіяся на прошлыя преданія, охотно допускаютъ, что міръ постоянно портится, и любятъ помѣщать золотой вѣкъ въ началѣ всего существующаго. Горацій вполнѣ соглашается съ этимъ мнѣніемъ въ концѣ большой оды религіознаго содержанія и высказываетъ его вкратцѣ въ рѣзкихъ чертахъ, глубоко запечатлѣвшихся въ чумахъ людей, недовольныхъ своимъ вѣкомъ: «Время уничижаетъ все; наши отцы, будучи хуже своихъ дѣдовъ, имѣли сыновей еще худшихъ, нежели они сами, а отъ насъ произойдетъ еще злѣйшее отродье [40])». Это заключеніе совершенно противоположно тому, какое можно извлечь изъ восхитительнаго посланія къ Августу, гдѣ Горацій громко исповѣдуетъ свою вѣру въ прогрессъ, твердо поддерживаетъ превосходство людей современныхъ надъ древними и энергически возстаетъ противъ суевѣрій прежняго времени.

Таковы были противорѣчія, въ какія впадали люди, сдѣлавшіеся, подобно Горацію, помощниками Августа. Лишь немногіе умѣ-

---

[38]) *Od.*, III, 6, 37.
[39]) *Od.*, IV, 15, 27.
[40]) *Od.*, III, 6, 45.

ли избѣгать ихъ. Почти всѣ они были болѣе строги и вѣрующи въ своихъ книгахъ, нежели въ жизни. Всѣмъ имъ можно было сказать то, что слуга Горація говоритъ своему господину: «Вы восхваляете нравы римлянъ прежняго времени, а предложи вамъ какой-нибудь богъ привести васъ назадъ къ этимъ нравамъ, вы откажетесь слѣдовать за нимъ [41])». Эти восхвалители древней простоты жили среди роскоши своего времени: «попавъ въ топь, они не могли больше вытащить изъ нея ноги [42])». Совѣтуя возвратиться къ древнимъ добродѣтелямъ и къ древней религіи и угрожая безпутнымъ и нечестивымъ людямъ судьбою Титія и Пириѳея, они, конечно, обращались только къ такимъ людямъ, которые не имѣли средствъ изучать философію, и для которыхъ религія заступала мѣсто мудрости. Подобно Титу Ливію, они думали, «что страхъ боговъ есть самое дѣйствительное средство для того, чтобы сдерживать необразованную толпу [43])»; что же касается просвѣщенныхъ людей, имъ, собственно говоря, можно было дозволить обходиться безъ опредѣленныхъ вѣрованій, и они могли пользоваться привилегіей невѣрія. Такое удобное разсужденіе, общее всему высшему обществу Рима, могло, конечно, успокоивать совѣсть легковѣрныхъ моралистовъ, не относившихъ къ себѣ тѣхъ совѣтовъ, съ какими они обращались къ другимъ; но въ то же время оно не могло придать ихъ словамъ того задушевнаго тона, какой происходитъ обыкновенно отъ внутренняго убѣжденія и сообщаетъ это убѣжденіе другимъ. Сердца людей оставались равнодушны къ ихъ неискреннимъ увѣщаніямъ. Вотъ, что и должно было, по моему мнѣнію, оставить эти реформы безплодными; возникшія вслѣдствіе политической необходимости, распространяемыя по приказу, поддерживаемыя людьми, неимѣвшими на то никакого права, онѣ съ трудомъ могли проникнуть въ то общество, которое намѣревались возродить.

Между тѣмъ современники, кажется, думали нѣкоторое время, что онѣ удадутся. Мы уже видѣли, что вѣковая пѣснь Горація не столько молитва, сколько торжественный гимнъ. Около 740 года тотъ же поэтъ писалъ такъ: «Прелюбодѣяніе не оскверняетъ больше нашихъ семействъ; нравы и законы восторжествовали надъ нечистымъ порокомъ. Матерей поздравляютъ съ сыновьями, похожими

---

41) *Sat.*, II, 7, 23.
42) *Sat.*, II, 7, 27.
43) Титъ Ливій, I, 19.

на ихъ супруговъ, вина не минуетъ болѣе наказанія»; и затѣмъ прибавлялъ: «Кто можетъ страшиться пареянина, бояться ледянаго скиѳа или дикихъ сыновъ Германіи, пока у насъ есть Цезарь [44])»? Но Горацій ошибался: ни порокъ, ни варвары не были побѣждены; не прошло нѣсколько лѣтъ, какъ дикіе сыны Германіи заставили Вара потерять свои легіоны, и какъ развратъ, окончательно изгнанный изъ Рима, по мнѣнію Горація, осквернялъ собою императорскій дворецъ. Ужасныя событія доказывали Августу, что его законы не измѣнили общественныхъ нравовъ, какъ это ему говорили, и какъ онъ самъ готовъ былъ этому вѣрить; онъ не могъ даже заставить уважать ихъ въ своемъ семействѣ: его дочь и внучка подавали примѣръ всевозможныхъ безпутствъ. Онъ поразилъ ихъ обѣихъ безпощаднымъ гнѣвомъ, держалъ ихъ до конца своей жизни въ суровой ссылкѣ и наказалъ изгнаніемъ и смертью ихъ пособниковъ и сообщниковъ. Такая жестокость объясняется тѣмъ, что здѣсь мстилъ въ одно время и реформаторъ, и отецъ; быть можетъ, онъ наказывалъ виновныхъ не столько за ихъ преступленія, сколько за то, что онѣ заставили его разочароваться въ успѣхѣ своего дѣла: если у него на глазахъ и въ его собственномъ домѣ законы его такъ мало уважались, могъ ли онъ надѣяться, что они будутъ уважаться въ другомъ мѣстѣ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если мы станемъ судить о послѣдней части царствованія Августа по Овидію, который такъ хорошо ее изображаетъ, мы готовы будемъ думать, что всѣ намѣренія императора рушились самымъ жалкимъ образомъ. Общество, описанное имъ въ его сочиненіяхъ *О любви* и *Объ искусствѣ любить*, покажется намъ гораздо ничтожнѣе и развращеннѣе, нежели то, которое было описано Гораціемъ. Нравы въ немъ сдѣлались еще легкомысленнѣе, роскошь еще безумнѣе, и оно было дальше чѣмъ когда-либо отъ временъ Фабриція и Цинцинната, которыя намѣревались возродить въ немъ. Что касается религіи, которую также хотѣли возстановить, то стоитъ прочесть *Метаморфозы* для того, чтобы убѣдиться, что смыслъ ея былъ совершенно утраченъ. Самыя почтенныя легенды въ повѣствованіи Овидія превращаются въ легкомысленныя исторійки, разсказываемыя съ улыбкою. Боги въ нихъ совершенно лишены своего величія. Можно ли серьёзно относиться къ этому Нептуну, горячащемуся «больше, чѣмъ прилично

---

[44]) *Od.*, IV, 5, 21.

благовоспитанному лицу [45])», къ этой Венерѣ, «постоянно занимающейся втихомолку нарядами и увеличивающей свои прелести съ помощью небольшихъ хитростей [46])», къ этому Сильвану, вѣчно упрекаемому за то, «что онъ хочетъ казаться моложе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ [47])», или къ этому Юпитеру, погруженному въ любовныя продѣлки и молодцовато говорящему послѣ побѣды надъ простою смертною: «Моя жена этого не узнаетъ, а если и узнаетъ, что значитъ нѣсколькими ссорами больше или меньше? [48])» Поколѣніе, забавлявшееся подобными разсказами, было, можетъ быть, болѣе неизлѣчимо-безбожно, нежели то, которое рукоплескало страстнымъ увлеченіямъ Лукреція. Итакъ, судя по этимъ признакамъ, мы готовы думать, что усилія Августа и великихъ геніевъ его времени нисколько не удались, и что ихъ попытка возстановить древніе нравы и вѣрованія проскользнула по этому обществу, не оставивъ на немъ слѣда.

II.

Другой взлядъ на вѣкъ Августа.—Серьёзная любовь къ философіи.—*Посланія* Горація.—Искреннее восхищеніе прошедшею исторіею Рима.—Глубокое сознаніе упадка.—Страхъ будущаго и скука настоящаго.—Расположеніе, благопріятствующее успѣху реформъ Августа.

Внѣшность, однако, обманчива; допустивъ даже, что Овидій служитъ вѣрнымъ изображеніемъ большей части этого общества, онъ изображаетъ его не вполнѣ. Тогдашній свѣтъ отличался многосложностью; тщательно изучая его, мы открываемъ въ немъ совершенно противоположные характеры, борющіяся между собою стремленія, изъ которыхъ иныя могли служить цѣлямъ Августа.

Прежде всего нельзя не изумляться тому, какое важное значеніе пріобрѣла въ то время философія; она занимаетъ очень значительное мѣсто въ воспитаніи молодыхъ людей, и хотя большинство ихъ, кончивъ учиться, оставляютъ ее въ пренебреженіи, зато многіе изъ нихъ снова возвращаются къ ней въ зрѣломъ возрастѣ. Пока жизнь въ полной силѣ, люди предаются удовольствіямъ и дѣламъ,

---

45) Овидій, *Metamorph.*, XII, 583: *Exercet memores plus quam civiliter iras.*
46) *Metamor.*, *X*, 533.
47) *Metamor.*, XIV, 639: *Silvanusque suis semper juvenilior annis.*
48) *Metamor.*, II, 423.

ведутъ тяжбы, разглагольствуютъ, предводительствуютъ легіонами, управляютъ провинціями, пишутъ оды и элегіи; но когда приближается вечеръ жизни, мысли незамѣтно становятся серьёзнѣе, и выступаютъ впередъ великія жизненныя задачи. Этотъ промежутокъ, который люди XVII вѣка считали переходомъ отъ жизни къ смерти и наполняли религіей, въ вѣкъ Августа принадлежалъ скорѣе философіи. Самъ Проперцій, среди своей разсѣянной жизни, объявлялъ, что «когда для него пройдетъ возрастъ любви, и время убѣлитъ его голову, онъ станетъ воспѣвать природу, подобно Лукрецію, и будетъ стараться узнать, слѣдуетъ ли вѣрить баснямъ, разсказываемымъ объ адѣ, или же ничего не бояться за предѣлами костра: «вотъ какой конецъ, говорилъ онъ, я назначаю своей жизни [49])». Виргилій, собираясь въ путешествіе въ Грецію, во время котораго онъ умеръ, говорилъ, что по возвращеніи употребитъ еще три года на свою *Энеиду*, а затѣмъ вполнѣ предастся философіи [50]). Горацій, жившій долѣе свое друга, могъ привести въ исполненіе высказанное имъ намѣреніе. Философія занимала его послѣдніе годы, она и наполнила собою его любимое произведеніе, *посланія*, гдѣ мы находимъ тотъ убѣжденный тонъ, котораго не достаетъ его оффиціальнымъ одамъ, когда онъ хвалится въ нихъ своею набожностью или прославляетъ добродѣтели древнихъ временъ. Именно эта полная искренность и составляетъ главную прелесть *Посланій*. На этотъ разъ Горацій повинуется лишь самому себѣ, онъ не поддается никакому постороннему внушенію, и въ самомъ сочиненіи его можно прослѣдить ходъ и постепенное развитіе того, что можно назвать его философскимъ обращеніемъ, которое произошло не такъ, какъ его религіозное обращеніе, не вслѣдствіе громоваго удара, но вслѣдствіе уединенныхъ размышленій и жизненнаго опыта. Философія сильно занимала его во время его житья въ Аѳинахъ, и впослѣдствіи онъ никогда не оставлялъ ея вполнѣ, несмотря на всѣ приключенія и развлеченія юности. Даже во время Лалагеи и «доброй Цинары», онъ никогда не уѣзжалъ въ свой загородный домъ, не захвативъ съ собою въ чемоданъ Платона и Менандра [51]); въ Римѣ, сидя подъ портиками или лежа въ постели, онъ изучалъ самого себя и не переставалъ размышлять о средствахъ вести болѣе благоразумную и счастли-

49) Проперцій, III, 5, 23.
50) Донатъ, *Vita Virg.*, 13.
51) *Sat.*, II, 3, 11.

вую жизнь [52]). Въ то время онъ былъ не болѣе, какъ простой эпикуреецъ, и въ теоріи, и на практикѣ, большой охотникъ до пустыхъ удовольствій, очень снисходительный къ самому себѣ и готовый при всякомъ удобномъ случаѣ смѣяться надъ строгими правилами стоиковъ. Но уже со второй книги *сатиръ* мораль его становится выше; нельзя безнаказанно брать съ собою въ дорогу Платона, потому что отъ этого чтенія всегда что-нибудь да остается. Замѣтно, что теперь онъ уже менѣе снисходителенъ къ своимъ недостаткамъ [53]; тонъ его правоученій становится серьёзнѣе, даже въ такихъ видахъ и въ такія минуты, когда серьёзность кажется всего менѣе необходимою. Онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы насмѣхаться надъ обжорами, а берется за дѣло свысока и говоритъ, «что тѣло, отягченное невоздержностью предъидущаго дня, даетъ чувствовать свою тяжесть самой душѣ и пригибаетъ къ землѣ эту часть божественнаго дуновенія [54])». Сидя за обѣдомъ съ своими деревенскими сосѣдями, онъ бесѣдуетъ не о чужомъ богатствѣ и не объ извѣстныхъ въ то время актерахъ, «но о вещахъ, которыя всего необходимѣе знать и не знать которыхъ нельзя безъ вреда для себя [55])». Онъ спрашиваетъ себя, могутъ ли богатства и добродѣтель составлять счастіе, на какихъ началахъ основывается дружба, въ чемъ состоитъ высшее благо, и эти трапезы, оканчивающіяся такими серіозными разговорами, представляются ему удовольствіями боговъ. *O, noctes cenaeque deum!* (О, ночи и трапезы боговъ!).

Тотъ моментъ, когда Горацій принимается за свои *посланія*, одинъ изъ важнѣйшихъ въ его жизни; въ это время онъ принимаетъ рѣшеніе безраздѣльно предаться философіи. Его ближайшіе друзья горячо возставали противъ этого рѣшенія. Въ это время онъ находился въ полномъ блескѣ своего лирическаго успѣха, и со всѣхъ сторонъ отъ него требовали новыхъ одъ; онъ отвѣчалъ, сравнивая себя съ гладіаторомъ, который, получивъ отставку, складываетъ свое оружіе у дверей храма Геркулеса: «Я прощаюсь со стихами и прочими вздорами; теперь хочу заниматься только тѣмъ, что честно и истинно, и всецѣло предаться этому изу-

---

52) *Sat.*, I, 4, 133.

53) См. истины, которыя онъ заставляетъ говорить себѣ Дамазиппа (*Sat.* II, 3 и Дава (*Sat.*, II, 7).

54) *Sat.*, II, 2, 77.

55) *Sat.*, II, 6, 71.

ченію [56])». Никто лучше его не чувствовалъ всей важности этого занятія; онъ твердо вѣрилъ, что философія самое дѣйствительное средство для исцѣленія душевныхъ недуговъ. У нея есть вѣрнѣйшія лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней: несчастному, который не можетъ уснуть вслѣдствіе ненависти или любви, стóитъ только пораньше спросить себѣ огня и книгу; читая совѣты мудрецовъ, направляя свой умъ къ честнымъ мыслямъ, онъ избавится отъ ненависти и отъ любви [57]). «Нѣтъ такой сильной страсти, которую нельзя было бы побѣдить, слушая уроки мудрости [58])». Понятно, почему Горацій такъ горячо стремится къ этому полезному занятію; это не простое желаніе удовлетворить любопытство ума,— это мучительная потребность нравственнаго совершенствованія. Здѣсь заинтересовано счастіе его послѣднихъ дней; онъ видитъ въ этомъ пристань, гдѣ должна пріютиться его жизнь и старается достичь ея какъ можно скорѣе; онъ не хочетъ, чтобы его развлекали и отклоняли ни другіе, ни самъ онъ. Онъ бранитъ себя и негодуетъ на себя, когда душа его чувствуетъ на пути нѣкоторую усталость, потому что и у него, какъ у всѣхъ набожныхъ людей, бываютъ минуты слабости и утомленія, которыя сердятъ его и въ которыя онъ находитъ, «что живетъ ни такъ какъ долженъ, ни такъ какъ желаетъ [59])»; но вообще равнодушіе не составляетъ его недостатка. «Если ночь, говоритъ онъ, кажется продолжительною для любовника, тщетно ожидающаго своей возлюбленной, день для наемника, утомленнаго работою, годъ—для юнаго питомца, надъ которымъ тяготѣетъ суровая власть злой мачихи, то и я также обвиняю медленность досадныхъ минутъ, задерживающихъ исполненіе моихъ надеждъ и мѣшающихъ мнѣ исполнить то, что одинаково полезно какъ богатому, такъ и бѣдному, и чѣмъ не могутъ безъ опасности для себя пренебрегать ни ребенокъ, ни старецъ [60])». Вѣра его въ эту прекрасную науку такова, что ему какъ будто совѣстно пользоваться одному приносимою ею пользою. Любовь къ философіи распространяетъ онъ вокругъ себя. Въ прежнее время онъ долго проповѣдывалъ разумный эгоизмъ, въ силу котораго остерегался даже извѣстности, чтобы избѣгать приносимыхъ ею съ собою безпокойствъ; въ молодости онъ не согласился бы стать во

---

56) *Ep.* I, 1, 10.
57) *Ep.* I, 2, 35.
58) *Ep.* I, 1, 39.
59) *Ep.* I, 8, 4.
60) *Ep.* I, 1, 20.

главѣ школы и пользоваться стѣснительною честью имѣть учениковъ; но къ концу жизни онъ не отступилъ передъ трудами философскаго преподаванія; у него были ученики или, по крайней мѣрѣ, молодые друзья, которыхъ онъ обучалъ искусству быть счастливыми съ помощью мудрости. Даже тогда, когда онъ обращается къ группѣ ученыхъ, большею частію поэтовъ, составляющихъ дворъ молодаго Тиберія, то въ литературные совѣты, даваемые имъ, онъ вставляетъ нѣсколько философскихъ увѣщаній, которыхъ у него вовсе не спрашивали». Какъ великимъ, такъ и малымъ, говоритъ онъ, намъ нужна наука, если мы хотимъ быть дорогими для отечества и для самихъ себя [61])». Главнымъ образомъ онъ совѣтуетъ слушающей его молодежи не откладывать своего обращенія; онъ говоритъ настойчивымъ, убѣжденнымъ тономъ, полнымъ огня и страсти, когда указываетъ имъ, что надо торопиться: «Для того чтобы рѣзать путешественниковъ, разбойники встаютъ до зари, вы же не соглашаетесь проснуться, когда дѣло идетъ о вашемъ собственномъ спасеніи!.. Почему вы спѣшите вынуть изъ глаза то, что въ него попало, а когда болѣзнь снѣдаетъ вашу душу, вы откладываете заботу объ ея исцѣленіи? Начать какое-нибудь дѣло значитъ исполнить уже половину его; рѣшитесь сдѣлаться мудрыми, примитесь за дѣло. Человѣкъ, постоянно откладывающій ту минуту, когда онъ начнетъ хорошо жить, похожъ на того крестьянина, который, желая перейти рѣку, дожидался, пока вода перестанетъ течь [62])».

Эта философія, къ которой Горацій такъ усердно приглашалъ своихъ друзей, была уже не та, какой онъ слѣдовалъ въ прежніе годы; изъ эпикурейца онъ сдѣлался эклектикомъ. Разница между этими двумя школами велика: нигдѣ преподаваніе учителя не уважалось такъ, какъ въ школѣ эпикура; Горацій, напротивъ, держится того, чтобы вовсе не имѣть учителя и не клясться ни чьимъ именемъ [63]). «Я останавливаюсь, говоритъ онъ, всюду, куда меня занесетъ вѣтеръ». Но онъ не изъ числа тѣхъ, которые, по словамъ Цицерона, «будучи случайно брошены бурею къ какой-нибудь философской системѣ, прицѣпляются къ ней, какъ къ скалѣ [64]).» Онъ не долго остается въ тѣхъ убѣжищахъ, куда его забрасываетъ

---

[61]) *Ep.* I, 3, 28.
[62]) *Ep.* I, 2, 32.
[63]) *Ep.* I, 1, 24.
[64]) Циц., *Acad.*, II, 3: *Ad quamcumque sunt disciplinam quasi tempestate delati, ad eam quasi ad saxum adhaerescunt.*

вѣтеръ; по словамъ его, «онъ тамъ лишь временный гость». Между прочимъ онъ разсказываетъ, что такія случайныя путешествія привели его однажды къ школѣ Портика (стоицизму), и онъ сдѣлался на нѣкоторое время «приверженцемъ и ревностнымъ защитникомъ истинной добродѣтели [65])». Затѣмъ онъ прибавляетъ, что поспѣшилъ склониться потихоньку къ морали Аристиппа, и для того, чтобы дать намъ яснѣе понять, что это было не окончательное обращеніе, заканчиваетъ свое первое посланіе насмѣшками надъ стоиками; но если въ то время онъ удалился отъ нихъ, за то впослѣдствіи онъ, вѣроятно, снова къ нимъ возвратился. Съ этой минуты вліяніе Портика становится замѣтно въ его стихахъ; оно особенно ясно въ его XVI посланіи, гдѣ онъ даетъ намъ о честномъ человѣкѣ опредѣленіе, вполнѣ достойное школы Зенона: народъ прилагаетъ это имя къ человѣку, уважающему декреты сената и предписанія закона; но для мудреца этого не достаточно: онъ хочетъ, чтобы люди были честны не только изъ страха наказанія, но и изъ любви къ добродѣтели [66]). Немного дальше слѣдуютъ еще болѣе стоическія слова: «Если изъ тысячи мѣръ бобовъ вы похитите одну, этимъ только уменьшается наносимый вредъ, но не самое преступленіе [67])». Здѣсь онъ какъ бы соглашается съ тѣмъ правиломъ, надъ которымъ прежде столько смѣялся, что всѣ проступки одинаковы. Посланіе оканчивается тѣмъ прекраснымъ разговоромъ между тиранномъ и его жертвою, который впослѣдствіи будетъ такъ охотно воспроизведенъ Эпиктетомъ, когда тотъ захочетъ доказать своимъ слушателямъ, что мудрецъ ни отъ кого не зависитъ. Сближеніе имени Горація съ именами Эпиктета и Зенона какъ-то непривычно, тѣмъ не менѣе оно вполнѣ законно. Тотъ, кто самъ называлъ себя съ улыбкою поросенкомъ Эпикура, касался по временамъ ученія Портика, и хотя мы привыкли имѣть о немъ другое понятіе, но положительно можно сказать, что когда онъ писалъ свои послѣднія произведенія, то былъ болѣе чѣмъ на половину стоикъ.

Многіе другіе поступили подобно ему. Въ этомъ обществѣ, столь легкомысленномъ, по описанію Овидія, большинство избранныхъ людей, даже наиболѣе поглощенныхъ свѣтской жизнью, кончали

---

[65]) *Ep.* I, 1, 17.

[66]) *Ep.*, I, 16, 52.

[67]) *Ep.*, I, 16, 55. Смыслъ, въ которомъ онъ употребляетъ въ другомъ мѣстѣ слово *voluptas*, (*Ep.* I, 2, 55) ясно показываетъ, что онъ разстался съ эпикурейской школой.

тѣмъ, что обращались къ философіи, и даже къ болѣе серьёзной и возвышенной, чѣмъ можно было бы полагать. Конечно, это было еще не все, чего желалъ Августъ. Философія—не религія и очень часто даже противна ей. Но она отвлекала умы отъ мелочей, отъ равнодушія къ великимъ вопросамъ и, придавая имъ бо́льшую степенность, располагала ихъ къ большей религіозности. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что та философія, въ которой свѣтскіе люди искали успокоенія для своихъ послѣднихъ дней, была обыкновенно стоицизмъ; почти всѣ тогдашнія секты, исходившія изъ различныхъ направленій, стремились соединиться въ школѣ Портика; школа же эта, какъ мы увидимъ, всего болѣе поблажала религіи и подконецъ даже совершенно слилась съ нею, и нѣсколько позже почти всѣ стоики сдѣлались набожными людьми. Теперь мы менѣе далеки отъ Августа и его учрежденій, нежели сейчасъ это думали.

Что еще болѣе приближаетъ насъ къ нему, это всѣми ощущаемая въ то время потребность возвратиться къ прошлому Рима, восхвалять его добродѣтели, собирать преданія и разсказывать его исторію. Императоръ сильно поощрялъ эти патріотическія занятія, но они начались еще за долго до него. Въ послѣднія времена республики люди, желавшіе спасти ее, любили обращаться къ ея славнымъ воспоминаніямъ; Августъ искусно воспользовался ими для того, чтобы упрочить имперію. Слѣдовательно, какъ почитатели древнихъ порядковъ, такъ и приверженцы новой власти одинаково прославляли ихъ. Такимъ образомъ любовь къ древности сдѣлалась всеобщей модой; даже тѣ, для кого она была всего неудобнѣе, какъ, напримѣръ, для Овидія, принуждены были выносить ее. Другіе приняли ее охотнѣе, и между людьми, восхвалявшими древнее время, многіе дѣйствовали вполнѣ искренно. Конечно, Проперцій жилъ не лучше Овидія; онъ съ удовольствіемъ описываетъ намъ свою жизнь, свои легкія увлеченія любовью [68]), обѣды, «на которыхъ онъ царилъ среди женщинъ легкаго поведенія [69])», прекрасные сады на берегу Тибра, гдѣ въ тѣни виноградныхъ бесѣдокъ и въ веселомъ обществѣ онъ пилъ лесбосское вино изъ кубковъ, вычеканенныхъ великими художниками, глядя на суда плывшія вверхъ и внизъ по рѣкѣ [70]). Въ этомъ состояли всѣ его за-

---

[68]) Проперц., II, 22, 12: *Ah! pereant, si quos janua clausa juvat!* (Ахъ, да погибнутъ тѣ, кому пріятны запертыя двери!)

[69]) Проперц., II, 34, 57: *Ut regnet mixtas inter conviva puellas.*

[70]) Проперц., I, 14, 3.

нятія, и онъ не хотѣлъ имѣть другихъ. «Я не охотникъ до военной славы, говорилъ онъ съ развязностью, которая привела бы въ негодованіе древняго римлянина; я не способенъ носить оружіе [71])». Но съ лѣтами и онъ чувствуетъ потребность сдѣлаться серьёзнѣе; онъ намѣревается написать поэму о царяхъ Альбы [72]), начинаетъ заниматься Римомъ и его прошедшимъ и составляетъ планъ, подобно Овидію, воспѣть фасты [73]). «Увы! говоритъ онъ, я слишкомъ хорошо чувствую, что голосу моему не достаетъ силы, но каждое дыханіе, вырвавшееся изъ этой слабой груди, я посвящу своему отечеству [74])». И эта лира, казавшаяся дотолѣ столь изнѣженною, находитъ въ себѣ благородные звуки, воспѣвая скромное происхожденіе Рима, «этихъ сто пастуховъ на лугу, составлявшихъ весь сенатъ [75])», и волчицу Марса, «эту лучшую изъ кормилицъ, вскормившую великій городъ своимъ божественнымъ молокомъ».

Optima nutricum nostris, lupa martia, rebus,
Qualia creverunt moenia lacte tuo *).

Этотъ энтузіазмъ, имѣющій здѣсь видъ полной искренности и бывшій, вѣроятно, заразительнымъ, служилъ, какъ нельзя лучше, цѣлямъ тѣхъ политиковъ, которые, подобно Августу, желали возвратить Римъ къ его древней религіи. Восхищаясь тѣми, кто точно соблюдалъ ея предписанія, невольно начинали больше уважать ее самоё; древнія легенды нравились больше, когда съ ними ближе знакомились; узнавъ происхожденіе и исторію различныхъ церемоній, ихъ исполняли съ бо́льшимъ удовольствіемъ; въ храмахъ чувствовали большее благоговѣніе, когда вспоминали о великихъ людяхъ, приходившихъ нѣкогда молиться въ нихъ. Смѣло можно думать, что какъ ни склонны были тогда люди къ индифферентизму и невѣрію, но, изучая древнія времена, они невольно начинали благопріятнѣе относиться къ древней религіи.

Итакъ, это общество, кажущееся намъ такимъ скептическимъ и пустымъ, кромѣ многихъ причинъ быть невѣрующимъ, имѣло так-

---

71) Проперц., I, 6, 29.

72) Проперц., III, 1.

73) Проперц., IV, 1, 69: *Sacra diesque canam.* (Я воспою священные обряды и дни).

74) Проперц., IV, 1, 59.

75) Проп., IV, 1, 14. *Centum illi in prato saepe senatus erant.* (Эти сто на лугу часто составляли сенатъ).

*) Проперц., IV, 1, 55.

же нѣкоторыя причины быть вѣрующимъ. Правда, что религіозное чувство, пробужденное въ немъ восхищеніемъ къ прошедшему, находилось иногда въ большой опасности, но въ то же время оно часто обрѣтало себѣ пищу, которая могла увеличивать и укрѣплять его. Человѣкъ никогда не чувствуетъ себя такъ близко къ религіи, какъ въ то время, когда онъ сознаетъ свое ничтожество и безсиліе; страхъ опасности, безпокойство за завтрашній день, недовѣріе къ себѣ, скука, упадокъ духа, печаль—все это легко заставляетъ его бросаться въ объятія Бога. Римляне постоянно испытывали глубокое чувство человѣческой слабости, нудящее человѣка искать опоры внѣ себя самого; мы уже видѣли, что это было одною изъ главнѣйшихъ причинъ той власти, какую возъимѣла надъ ними сначала религія. Счастіе не измѣнило ихъ; во время своихъ неслыханныхъ побѣдъ они рѣдко оказывались тщеславными; гордость была для нихъ не болѣе, какъ извѣстный видъ, принимаемый ими для того, чтобы внушить къ себѣ уваженіе иностранцамъ. Въ сущности они всегда были скромны, осторожны, и ненавидѣли всякія случайности и необыкновенныя приключенія; среди величайшаго своего торжества они постоянно боялись несчастій и вѣчно ожидали какого-нибудь нечаяннаго удара со стороны Фортуны, которую старались умилостивить, покланяясь ей во всевозможныхъ формахъ. Воздавая ей культъ подъ именемъ Фортуны настоящаго дня (*Fortuna hujusce diei*), они желали выразить этимъ, что хорошо понимаютъ, что одна минута можетъ разрушить самые искусные планы, и что окончательный успѣхъ дѣла зависитъ не отъ человѣка. Завоеваніе міра не ослѣпило ихъ до такой степени, какъ это можно было бы думать. Само собою разумѣется, что они глубоко радовались славѣ своего отечества; этимъ чувствомъ преисполнены сочиненія ихъ историковъ и поэтовъ, и со временъ Августа оно замѣняетъ для нихъ вдохновенія утраченной ими свободы. Но въ то время, какъ зрѣлище цѣлаго міра, стоящаго на колѣняхъ передъ Римомъ, наполняло ихъ патріотическою гордостью, ихъ разсудительный и положительный умъ подсказывалъ имъ, что если прекрасно завоевать такую обширную имперію, зато очень трудно сохранять ее. За предѣлами покоренныхъ царствъ, лежавшихъ за Эвфратомъ и за Рейномъ, они прислушивались къ угрожающимъ звукамъ на границахъ, заставлявшимъ ихъ часто призадумываться. Они говорили себѣ, что для того, чтобы поддерживать уваженіе во всѣхъ этихъ трепещущихъ народахъ, необходимы осторожность и сила, которыя они не всегда

были увѣрены найти у своихъ соотечественниковъ. Имперія прекратила уличные безпорядки; но удалось ли ей, какъ она это заявляла, возвратить душамъ ихъ энергію, исправить общественные нравы, возстановить уваженіе къ дисциплинѣ, наклонность къ простотѣ, любовь къ отечеству и всѣ высокія качества, которыя доставили Риму обладаніе надъ вселенной? Самые проницательные люди не вѣрили этому. Подъ прекрасною внѣшностью порядка, безопасности и силы, они подмѣчали ужасающее ослабленіе характеровъ. Замѣчательно, что въ тотъ самый моментъ, когда Римъ казался такимъ великимъ, и когда, повидимому, можно было имѣть полное довѣріе къ будущему, многимъ замѣчательнымъ умамъ представлялось будто паденіе уже начинается. Не надо забывать, что тѣ, кого осаждали такія мрачныя предчувствія, не принадлежали къ числу лицъ, сожалѣвшихъ о прежнемъ правительствѣ,—это были самые явные приверженцы новыхъ порядковъ. Огромная исторія Тита Ливія, этотъ памятникъ, воздвигнутый во славу Августа и Рима, начинается меланхолическимъ предисловіемъ, въ которомъ строго осужены современные нравы, и авторъ сокрушается о грустномъ состояніи общества, «не могущаго болѣе переносить ни болѣзней, ни лѣкарствъ» [77]). Вокругъ него всѣ гордятся своимъ громаднымъ владычествомъ, простирающимся надъ цѣлымъ міромъ; онъ же, напротивъ того, видитъ въ немъ причину близкаго разрушенія: «Эта обширная имперія, говоритъ онъ, страдаетъ именно вслѣдствіе своей величины... Силы ея служатъ только къ ея разрушенію» [78]). Около того-же времени поэтъ Проперцій выражался почти такимъ же образомъ. «Долженъ ли я говорить? спрашивалъ онъ самъ себя. Дай Богъ, чтобы я оказался лживымъ предсказателемъ! Но я вижу, что Римъ, великолѣпный Римъ, гибнетъ жертвою своего благоденствія» [79]). Итакъ, несмотря на блескъ царствованія Августа, въ то время какъ Римъ не получилъ еще никакой опасной раны, нѣкоторые проницательные умы уже смутно понимали, что онъ достигъ высшей точки, и что теперь ему остается только спускаться внизъ. Съ этой минуты начинаются тѣ мрачныя предсказанія, которыя потомъ такъ часто встрѣчаются у римскихъ писателей. Надо имъ отдать справедливость въ томъ отношеніи, что блескъ имперіи не ослѣпилъ ихъ. Сенека отецъ и Плиній стар-

---

77) Титъ Ливій, *Praefat.*

78) *Praefat.* и въ другомъ мѣстѣ, а именно: VII. 29: *in hanc magnitudinem quae vix sustinetur.*

79) Проперц., III, 13, 59.

шій постоянно жалуются на развращеніе нравовъ, на униженіе характеровъ и на опасности, грозящія римскому владычеству. Луканъ думаетъ, подобно Проперцію, «что Римъ не можетъ болѣе нести самаго себя» [80]); мнѣніе это раздѣляетъ и Тацитъ, и отсюда происходитъ отчасти тонъ постоянной грусти, придающей такой поразительный интересъ его сочиненіямъ. Въ своихъ предсказаніяхъ Тацитъ даже опережаетъ своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ: онъ не только предвидитъ, «что это зданіе, устроившееся благодаря осьмисотлѣтнимъ успѣхамъ и мужеству», можетъ обрушиться [81]), но даже угадываетъ и объявляетъ, какіе именно враги разрушатъ его. Всѣ вокругъ него боятся больше всего парѳянъ, онъ же полагаетъ, что надо главнымъ образомъ опасаться германцевъ. «Парѳяне управляются царемъ; они не могутъ имѣть той энергіи, какую даетъ германцамъ свобода» [82]). Не правда ли, что было своего рода величіе въ томъ, что, присутствуя при постепенномъ ослабленіи имперіи, люди отдавали себѣ въ этомъ отчетъ, не поддавались обольщеніямъ народной гордости и, несмотря на внѣшнее благоденствіе, угадывали внутреннее зло и слѣдили за его постепеннымъ развитіемъ? Хвала этой разумной націи за то, что она такъ ясно сознавала свое паденіе. Глядя на столькихъ знаменитыхъ писателей, такъ хорошо понимающихъ истинное положеніе своей страны и такъ отчетливо и такъ задолго предвидящихъ угрожающія ей опасности, невольно вспоминаешь знаменитую мысль Паскаля, когда онъ ставитъ человѣка выше подавляющей и убивающей его природы единственно потому, что онъ сознаетъ, что умираетъ.

Тѣмъ не менѣе это было причиною тайной грусти для многихъ серьёзныхъ умовъ, и притомъ не единственною причиною. При близкомъ изученіи тогдашняго общества легко замѣтить, что оно не всегда бывало такимъ веселымъ, какимъ кажется съ перваго взгляда. Эти сумасбродные расходы, безумные кутежи, изысканныя удобства жизни, утонченное изящество и роскошь, и всякаго рода излишества, происходящія вслѣдствіе чрезмѣрнаго благосостоянія,—не только опасны для общества, но подчасъ становятся нестерпимо утомительны, такъ что даже для тѣхъ, кто не можетъ болѣе обходиться безъ нихъ, они дѣлаются столько же тягостны, сколько и раззорительны. Лукрецій описалъ восхитительными сти-

---

[80]) Лукрец., I, 72: *Nec se Roma ferens.*

[81]) *Истор.*, IV, 74.

[82]) *Germ.*, 37: *Regno Arsacis acrior est Germanorum libertas.*

хами «горечь, вытекающую изъ самаго источника удовольствій и составляющую наше мученіе даже среди цвѣтовъ» [83]). Это зло испытали почти всѣ общества, слишкомъ пылко предававшіяся жизненнымъ наслажденіямъ, и эпоха Августа не избѣгла его вполнѣ. Многіе великіе писатели того времени были заражены имъ довольно сильно, и нѣкоторые несомнѣнные признаки доказываютъ, что и другіе люди не мало отъ него пострадали. Одинъ изъ симптомовъ, по которымъ обыкновенно узнается это зло, состоитъ въ странной потребности, заставляющей человѣка какъ бы выйти изъ самого себя, бѣжать отъ себя, покинуть тѣ мѣста, гдѣ онъ находится, или, по крайней мѣрѣ, создать себѣ воображаемую жизнь, чтобы разсѣяться и отдохнуть въ ней отъ жизни дѣйствительной. Не это ли именно дѣлали современники Августа, съ такимъ удовольствіемъ стараясь оживлять воспоминанія древности, и не доказывала ли любовь къ прошедшему, заявляемая столькими людьми, ихъ отвращеніе къ настоящему? Проперцій напоминалъ то время, когда Римъ былъ не болѣе, какъ холмъ, покрытый зеленью; онъ указывалъ на быковъ Эвандра, лежащихъ на склонахъ Палатина, на народъ, собирающійся по зову трубы, на одѣтыхъ звѣриными шкурами сенаторовъ, разсуждающихъ на лугу [84]). Вѣроятно, свѣтскіе люди, читавшіе его стихи, испытывали почти то же самое чувство, какое являлось у посѣтителей салоновъ XVIII вѣка, когда Руссо восхвалялъ имъ жизнь дикарей. Картины древней простоты служили успокоеніемъ для людей, утомленныхъ излишествами роскоши и желавшихъ во что бы то ни стало избѣгнуть той необъяснимой грусти, какую порождаютъ въ душѣ самыя удовольствія, если ими пользуются беззавѣтно и безъ мѣры. Случалось, что римляне не довольствовались путешествовать въ одномъ воображеніи, а дѣйствительно покидали свое жилище и отправлялись странствовать по свѣту. Въ предъидущемъ вѣкѣ люди покидали родину только для государственныхъ должностей или для того, чтобы нажиться; но съ этой минуты начинаются путешествія изъ любопытства, отъ бездѣлья и отъ скуки. Горацій часто упрекалъ своихъ современниковъ за то, что они не умѣютъ сидѣть на мѣстѣ; но въ этомъ недостаткѣ онъ обвиняетъ прежде всего себя самого; онъ считаетъ себя «легче вѣтра», потому что въ Римѣ сожалѣетъ о Тибурѣ, а

---

[83]) Лукр., IV, 1131.
[84]) Горац., *Epist.*, I, 8, 12.

въ Тибурѣ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о Римѣ [85]). Но онъ, по крайней мѣрѣ, не покидаетъ Италіи; другъ же его, Буллацій, чтобы спастись отъ снѣдающей его скуки уѣзжаетъ въ самую Грецію и даже на Востокъ. Призывая его назадъ въ Римъ, Горацій касается того внутренняго недуга, который гонитъ его изъ дому и отъ котораго его не исцѣлятъ его вѣчныя странствованія. «Переѣхать воды, говоритъ онъ, значитъ перемѣнить климатъ, а не чувства,—это безплодная трата силъ для безполезной дѣятельности. Тщетно садимся мы на корабли и колесницы, чтобы бѣжать за счастіемъ. Это счастіе, котораго ты ищешь такъ далеко,—оно здѣсь; ты найдешь его въ бѣдномъ городѣ Умбріи, если сердце твое спокойно» [86]). Сенека, такъ же какъ и Горацій, знакомъ съ этимъ недугомъ; онъ очень умно описываетъ его признаки и объясняетъ причины; а причины заключаются въ скукѣ, въ недовольствѣ самимъ собою, въ безпокойномъ состояніи духа, не могущаго найти себѣ прочнаго, опредѣленнаго мѣстопребыванія, *taedium et discipliсentia sui, et nusquam residentis animi volutatio* [86]). Мы уже говорили, что именно эти чувства пробуждаютъ въ сердцахъ потребность религіозныхъ вѣрованій; оказывается, что они были не чужды эпохѣ Августа.

Слѣдовательно, этотъ вѣкъ имѣлъ нѣсколько различныхъ видовъ, и судить о немъ можно, смотря по тому, съ которой стороны на него взглянешь. Съ перваго взгляда кажется, что въ немъ преобладаетъ любовь къ удовольствіямъ и празднествамъ. Повидимому, всѣ радуются жизни [87]), довольствуются настоящимъ и спокойно относятся къ будущему; всякій только тѣмъ и занятъ, что наслаждается спокойствіемъ и миромъ, дарованными имперіей, надѣясь, что они будутъ продолжаться всегда, и утѣшается мыслью, что если больше нѣтъ тріумфовъ, значитъ нѣтъ больше и враговъ [88]). Такое беззаботное и веселое общество было недоступно для реформъ Августа; не было, дѣйствительно, никакой надежды сдѣлать его болѣе степеннымъ и болѣе религіознымъ и оторвать отъ удовольствій настоящей жизни, къ которымъ оно было такъ чувствитель-

---

85) Горац., *Ep.*, I, 11, 27.

86) Сенека, *De tranq. an.*, 2, 13.

87) Овид., *Ars am.*, III, 121: *Prisca juvent alios, ego me nunc denique natum gratulor.* (Пусть другіе восхищаются стариною, я счастливъ, что родился теперь).

88) Овид., *Fast.*, I, 713: *Dum desunt hostes desit quoque causa triumphi.* (Пока нѣтъ враговъ, нѣтъ и повода къ побѣдѣ).

но, чтобы заставить его подражать древнимъ нравамъ. «Мы восхваляемъ людей прежняго времени, говорилъ однажды Овидій въ минуту откровенности, а сами между тѣмъ живемъ, какъ люди настоящаго [89])»; и большинство людей, не говоря, впрочемъ, ничего, поступало точно такъ же, какъ онъ. Между тѣмъ это лишь одна сторона вѣка, и, приглядѣвшись къ нему поближе, мы откроемъ еще другія. Мы находимъ въ немъ многихъ приверженцевъ философіи, и притомъ самой строгой изъ всѣхъ философій, т. е. стоицизма. Рядомъ съ индифферентными и легкомысленными людьми, наполняющими это общество, мы встрѣчаемъ множество серьёзныхъ умовъ, которые искренно сожалѣютъ о прошедшемъ, безпокоятся о будущемъ и тяготятся настоящимъ, и для которыхъ самое благоденствіе, опьяняющее столькихъ людей, составляетъ тяжкое бремя. Если первые должны были сопротивляться реформамъ Августа, то весьма вѣроятно, что послѣдніе приняли ихъ гораздо охотнѣе и показали себя болѣе расположенными слѣдовать тому направленію, какое онъ желалъ дать имперіи.

---

89) Овид., *Fast.*, I, 225: *Laudamus veteres, sed nostris utimur annis.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Виргилій.

I.

Изъ писателей Виргилій болѣе всѣхъ служитъ намѣреніямъ Августа.—Первые годы Виргилія. —Его природныя склонности.—Вліяніе на него Августа.—*Георгики.*

Эта другая сторона вѣка Августа, болѣе серьёзная, болѣе грустная и болѣе религіозная, отражается всего сильнѣе въ произведеніяхъ величайшаго поэта того времени. Она обнаруживается отчасти въ Титѣ Ливіи, Проперціи; но полнымъ представителемъ ея былъ Виргилій. Ни одинъ писатель не служилъ такъ усердно и, главное, такъ искренно намѣреніямъ Августа; никто такъ не помогалъ ему сообщать его современникамъ тѣ мысли и чувства, которыя онъ желалъ передать имъ. Прочіе, какъ мы видѣли, были плохо подготовлены своею жизнью и характеромъ къ принятой ими на себя роли; что касается Виргилія, то природа какъ бы нарочно создала его для ея исполненія. Принимая участіе въ дѣлѣ, къ которому Августъ призывалъ всѣ величайшіе умы своего времени, онъ столько же слѣдовалъ своимъ собственнымъ наклонностямъ, сколько внушеніямъ императора.

Жизнь его начинается для насъ только съ *Буколиками*; онъ написалъ ихъ почти тридцати лѣтъ отъ роду. Намъ почти совершенно неизвѣстно, чѣмъ онъ занимался до тѣхъ поръ. Онъ уже писалъ и прежде стихи, потому что дѣлаетъ на нихъ намекъ въ своихъ эклогахъ [1]; вѣроятно, онъ пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую славу въ своей провинціи, потому что былъ извѣстенъ Полліону, управлявшему ею въ это время. Несомнѣнно то, что онъ любилъ

[1] *Buc.*, IX, 18 и слѣд.

загородныя мѣста, гдѣ самъ родился и о которыхъ оставилъ намъ прелестныя описанія. Въ свои первые годы онъ часто «наслаждался тѣнью и свѣжестью на берегахъ священныхъ источниковъ», засыпалъ «при звукахъ пчелинаго жужжанія, вылетавшаго изъ ивовой изгороди», и просыпался «при воркованьи вяхирей и голубей и при отдаленномъ пѣніи селянина, срѣзывавшаго виноградъ»; и послѣ того онъ никогда не забывалъ этихъ впечатлѣній своего дѣтства. Когда онъ выросъ, его отправили путешествовать; онъ посѣтилъ Миланъ и Неаполь и жилъ въ великолѣпномъ Римѣ, «который воздымаетъ главу свою надъ всѣми прочими городами подобно кипарису, царящему надъ скромнымъ кустарникомъ». Здѣсь онъ посѣщалъ знаменитыя школы, гдѣ познакомился со всею блестящею молодежью того времени; но большіе города не заставили его позабыть о своей родинѣ. Его воспоминанія и привязанности должны были безпрестанно призывать его «къ полямъ, орошаемымъ подвижными изгибами Минчіо», и онъ поспѣшилъ вернуться туда, лишь только окончивъ свое воспитаніе. Онъ жилъ здѣсь во время междоусобій и, вѣроятно, продолжалъ бы еще оставаться, если бы происшедшія событія не заставили его отправиться въ Римъ искать себѣ покровительства. Его любовь къ полямъ и къ загородной жизни должна была непремѣнно повліять на его чувства и привычки. Не тамъ ли онъ пріобрѣлъ отчасти свою наклонность къ дѣламъ, давно прошедшимъ? Въ деревнѣ вообще уважаютъ старину, тамъ любятъ приводить древнія изреченія и сохранять древніе обычаи. И Виргилій также любитъ древность, и когда говоритъ о ней, то видно, что восхищеніе его идетъ прямо изъ сердца и не имѣетъ въ себѣ ничего заказнаго. Все ему нравится въ этихъ воспоминаніяхъ прошлаго; ни одна подробность не кажется ему грубою или пустою [2]). Онъ ничего не желалъ бы исключить изъ нихъ, кромѣ «печальной твердости перваго Брута», оскорбляющей немного его нѣжную душу. Онъ очень остерегается нападать на старинныхъ поэтовъ, подобно своему другу, Горацію; онъ съ благоговѣніемъ собираетъ ихъ выраженія и обороты, подражаетъ имъ и повторяетъ ихъ, чтобы придать себѣ древній видъ. Его привязанность къ религіи своей страны можно объяснить также его образомъ жизни въ первые годы. И тогда, какъ и теперь, ей остава-

---

[2]) См., какимъ образомъ онъ описываетъ сельскія увеселенія древнихъ италійцевъ, *Georg.*, II, 385. Онъ называетъ смягченнымъ именемъ *versus incompti* то, къ чему Горацій безпощадно прилагаетъ названіе *horridus saturnius*.

лись болѣе вѣрными въ деревняхъ, нежели въ городахъ; такъ какъ она возникла именно здѣсь и вначалѣ была не болѣе, какъ объясненіемъ естественныхъ явленій, то, оставаясь постоянно лицомъ къ лицу съ природою, ее должны были лучше понимать здѣсь; въ этомъ кроется одна изъ причинъ, почему деревни, служившія ей колыбелью, послужили ей впослѣдствіи послѣднимъ убѣжищемъ.

Первыя впечатлѣнія Виргилія были глубоки и, по своей природѣ, онъ никогда не могъ позабыть ихъ. Душа его не принадлежала къ числу тѣхъ, которымъ живется счастливо и которыя, увлекаясь ежедневно новыми удовольствіями, рискуютъ вскорѣ утратить прежнія воспоминанія. Впрочемъ, жизнь его была вообще легка и пріятна и омрачилась, кажется, только однажды серьёзнымъ несчастіемъ: его прогнали съ его маленькаго поля, которое онъ такъ любилъ, и онъ едва не лишился жизни, защищая его отъ нападавшаго солдата. Но этому горю вскорѣ пособили, и имъ однимъ нельзя объяснить грусти Виргилія, увеличивавшейся съ годами, такъ какъ каждый годъ отдалялъ его все больше отъ этого непріятнаго событія его молодости. Кромѣ того онъ былъ богатъ: щедрость его покровителей доставила ему около 10 милліоновъ сестерцій (2 милліона франковъ); у него былъ свой домъ въ Римѣ, на Эсквилинѣ, одна вилла въ кампанскомъ городѣ Нолѣ и другая въ Сициліи. Онъ былъ окруженъ преданными друзьями. Славу его отвергали только нѣкоторые завистливые поэты и злорѣчивые грамматики. Всѣ люди со вкусомъ восхищались его стихами; которые заучивались наизусть въ школахъ еще при его жизни, и однажды, когда онъ вошелъ въ театръ, народъ всталъ съ мѣста, чтобы поклониться ему, какъ онъ это дѣлалъ при входѣ Августа. Слѣдовательно, грусть его происходила не вслѣдствіе какихъ-нибудь несчастныхъ событій и потому не могла быть исцѣлена какими-нибудь другими событіями. Это была одна изъ болѣзней, рождающихся вмѣстѣ съ душою, и которая, не имѣя видимой причины, не могла вслѣдствіе того исцѣлиться никакими лекарствами. Меланхолія, придающая столько прелести его стихамъ, необходимо должна была имѣть вліяніе на его чувства и мнѣнія: заставляя его находить нѣкоторую горечь во всѣхъ удовольствіяхъ жизни и не дозволяя ему всецѣло предаваться обольщеніямъ настоящаго, она дѣлала для него тѣмъ драгоцѣннѣе воспоминанія прошлаго и приводила его такимъ образомъ къ религіознымъ впечатлѣніямъ молодости.

Таковы были его склонности, когда въ тридцать лѣтъ успѣхъ его *Буколикъ* долженъ былъ заставить его окончательно поселить-

ся въ Римѣ. Но удовольствія большаго города, кажется, не слишкомъ измѣнили его. Біографы его говорятъ, что онъ никогда не могъ привыкнуть къ жизни въ немъ; онъ охотно покидалъ его не для того только, чтобы, подобно Горацію, бѣжать отъ надоѣдливыхъ и скучныхъ людей и принадлежать самому себѣ, но и для того, чтобы наслаждаться тишиною полей и красотами природы. Когда онъ былъ принужденъ оставаться въ Римѣ и посѣщать знаменитыхъ друзей, пріобрѣтенныхъ имъ благодаря его таланту, онъ казался чуждымъ пришельцемъ въ ихъ роскошныхъ жилищахъ, съ своими неловкими манерами и «деревенскимъ видомъ». Онъ не одѣвался по послѣдней модѣ; говорятъ, что онъ не умѣлъ красиво располагать складки своей тоги, и что башмаки его были всегда нѣсколько велики для его ноги. Онъ былъ робокъ, молчаливъ, неловокъ и краснѣлъ при каждомъ словѣ. Знакомство съ этими умниками и свѣтскими людьми не перемѣнило его, и онъ до конца жизни оставался «провинціаломъ, крестьянскимъ сыномъ, выросшимъ среди кустарниковъ и лѣсовъ [3])».

Слѣдовательно, для того чтобы содѣйствовать дѣлу Августа, Виргилію не приходилось ни отказываться отъ своихъ убѣжденій, ни насиловать свою натуру. Онъ въ самомъ себѣ находилъ зародышъ всѣхъ чувствъ, которыя императорскія реформы должны были даровать или возвратить странѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, чтобы онъ вполнѣ самостоятельно и рѣшительно началъ слѣдовать принятому имъ направленію, и чтобы дружба Августа и желаніе служить его политикѣ не имѣли на него никакого вліянія. Доказательствомъ служитъ то, что его первыя произведенія имѣютъ не совсѣмъ одинаковый характеръ съ послѣдующими; чѣмъ далѣе, тѣмъ патріотизмъ и религія занимаютъ все больше и больше мѣста въ его стихахъ. Не естественно ли будетъ приписать эту перемѣну его сношеніямъ съ государемъ, желавшимъ оживить древнія вѣрованія и замѣнить въ сердцахъ чувство свободы чувствомъ гордости римскимъ величіемъ? Хотя талантъ Виргилія развивался сообразно его натурѣ, но въ этомъ естественномъ развитіи внушенія императора не оставались безполезными. Самая жизнь поэта доказываетъ собою, что онъ охотно подчинялся вліянію другихъ и слѣдовалъ ихъ совѣтамъ; каждый изъ его покровителей, которые у него не переводились, непремѣнно оставлялъ слѣдъ на ка-

---

3) Макробій (*Sat.* V, 2, 1) называетъ его *Venetus, rusticis parentibus natus, inter silvas et frutices eductus*.

комъ-нибудь его сочиненіи. Написать *Буколики* посовѣтовалъ ему Полліонъ, а въ то время, какъ онъ ихъ сочинялъ, его другомъ и благодѣтелемъ былъ Корнелій Галлъ. Къ несчастію, нельзя сказать, чтобы въ нихъ не было слѣдовъ тѣхъ вычурныхъ умовъ, которые обожали Александрійцевъ и подражали имъ. Это сочиненіе не возбуждало собою патріотическихъ воспоминаній; хотя древніе римляне очень любили деревню, но изъ нихъ нельзя было сдѣлать пастуховъ Ѳеокрита. И для религіи въ немъ отведено также очень мало мѣста; исключая четвертой эклоги, о которой будетъ говорено ниже, и въ которой замѣчается неподдѣльное религіозное чувство, Виргилій выводитъ въ немъ боговъ по методѣ Овидія, въ видѣ поэтическихъ вымысловъ для украшенія пейзажа. Такъ въ десятой эклогѣ, гдѣ онъ превращаетъ въ пастуха своего друга Галла, бывшаго въ то время префектомъ въ Египтѣ, онъ приводитъ къ нему Аполлона, Пана и Сильвана, и тѣ стараются развлечь его грусть. Впослѣдствіи онъ будетъ иначе обращаться съ богами и дастъ имъ болѣе высокую и почетную роль, нежели та, чтобы утѣшать римскаго администратора, покинутаго любимою имъ комедіанткою. Но уже читая *Буколики*, чувствуешь, что Виргилій не остановится на этой пастушеской поэзіи. Здѣсь его то искушаетъ желаніе воспѣвать природу, подобно Лукрецію, то въ самомъ разгарѣ пасторали онъ вдругъ предается удовольствію воспѣвать воиновъ и битвы, и Аполлону приходится брать его за ухо и приводить къ настоящему дѣлу. Очевидно, что рамка эклогъ слишкомъ узка для его генія, и онъ силится вырваться изъ нея то съ той, то съ другой стороны. Меценатъ указалъ ему на настоящую дорогу, заказавъ написать *Георгики*. «Безъ тебя, говорилъ ему поэтъ, душа не предпринимаетъ ничего высокаго [4])». Виргилій самъ по себѣ стремился къ высокому, но чувство это было въ немъ чѣмъ-то въ родѣ смутнаго инстинкта; настойчивость его знаменитаго покровителя помогла ему угадать свое настоящее призваніе и дала силы слѣдовать ему.

Меценатъ былъ однимъ изъ министровъ Августа и самымъ близкимъ довѣреннымъ его лицомъ. Если вѣрить Діону, то онъ и внушилъ ему мысль о реформахъ [5]). По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ зналъ его намѣренія и трудился, сколько могъ, для выполненія ихъ. Этотъ сластолюбивый, изнѣженный человѣкъ,

---

[4]) *Georg.*, III, 42.
[5]) Діонъ, I, II, 14.

не менѣе самого крестьянина Варрона, горько сожалѣлъ, видя, какъ безлюдѣютъ деревни. Съ живѣйшей горестью смотрѣлъ онъ «на бродящихъ по городу отцовъ семейства, покинувшихъ косу и плугъ, и на эти руки, которыя обработывали прежде пшеницу и виноградъ, а теперь движутся только для того, чтобы апплодировать въ театрѣ и циркѣ [6])». Онъ понималъ всѣ опасности, могшія отъ этого произойти. Деревня доставляла имперіи сильныхъ солдатъ, а городъ производилъ лишь лѣнтяевъ и развратниковъ, которыхъ приходилось кормить. Теперь пытались вновь создать тѣ храбрыя поколѣнія, благодаря которымъ Римъ сдѣлался «чудомъ свѣта». Слѣдовательно, въ основаніи *Георгикъ* есть патріотизмъ, есть также и религія; деревни постоянно питали и поддерживали религіозное чувство, и оно всюду замѣтно въ этомъ произведеніи Виргилія. Главная цѣль поэта состоитъ не въ томъ, чтобы описывать наслажденія сельской жизни; онъ изображаетъ ее такъ, какъ она есть, суровую и трудолюбивою. Среди полей, какъ, впрочемъ, и по всюду, человѣчество кажется ему жалкимъ и страждущимъ (*mortales aegri*, *miseri*), и онъ въ довольно печальныхъ чертахъ описываетъ его положеніе; но эта грусть не похожа на горькое отчаянье Лукреція. Ее не можетъ утѣшить перспектива уничтоженія души; она не находитъ «божественно-прелестною» ту мысль, что небе пусты, что міръ долженъ погибнуть, что человѣкъ исчезаетъ всецѣло, что существованіе его не болѣе, какъ точка въ пустомъ пространствѣ, и что во всей природѣ безсмертна только одна смерть [7]). Его грусть слаще и ищетъ себѣ утѣшенія. Онъ знаетъ, что жизнь трудна, и «что тѣ дни счастливѣе всѣхъ, которые проходятъ всѣхъ скорѣе [8])». Онъ говоритъ земледѣльцу, что боги осудили человѣчество на трудъ [9]), и въ поразительномъ описаніи изображаетъ ему, что жизнь есть не болѣе, какъ повседневная борьба съ природой; лишь только онъ перестаетъ работать, природа побѣждаетъ его и увлекаетъ, какъ рѣка уноситъ теченіемъ лодку, когда перестанешь на минуту грести [10]). Но въ то же время онъ не возбуждаетъ людей противъ этой враждебной власти, сдѣлавшей человѣческое существованіе столь тяжелымъ. Напротивъ того, онъ желаетъ, чтобы ей покорялись;

---

6) Варронъ, *De re rust.*, *II. prol.*

7) Лукр., III, 883: *Mortalem vitam mors cum immortalis ademit.* (Когда безсмертная смерть отняла смертную жизнь).

8) *Georg.*, III, 66.

9) *Georg.*, I, 122.

10) *Georg.*, I, 201.

«прежде всего, говоритъ онъ своему земледѣльцу, почитай боговъ, *in primis venerare deos* [11])». Молиться и трудиться—вотъ заключительныя слова *Георгикъ*; но, уступая этому религіозному настроенію, которое съ этихъ поръ дѣлается преобладающимъ въ его жизни, онъ еще разъ со вздохомъ обращается къ покидаемымъ имъ философскимъ вѣрованіямъ своей молодости. Подобно большинству великихъ умовъ своего времени, Виргилій началъ съ того, что былъ эпикурейцемъ, и подобно имъ, съ помощью размышленія и постепеннаго развитія, пришелъ мало-по-малу къ совершенно противоположнымъ мнѣніямъ. Этотъ переходъ замѣтенъ въ *Георгикахъ*. Онъ является въ нихъ подчасъ колеблющимся и нерѣшительнымъ [12]), и, даже принимая рѣшеніе, испытываетъ, повидимому, непріятное и горькое чувство. Въ дивныхъ стихахъ прощается онъ съ эпикурейскимъ ученіемъ, которымъ увлекся въ школѣ Сирона, и съ великимъ поэтомъ, служившимъ столь блестящимъ его представителемъ въ Римѣ. «Всѣхъ счастливѣе тотъ, говоритъ онъ, кто можетъ попрать ногами ужасы будущаго и шумъ Ахерона». Но не всякій имѣетъ такую закаленную душу, чтобы оставаться равнодушнымъ къ ужасамъ неумолимаго рока. Рядомъ съ этими энергическими мыслителями и ниже ихъ есть мѣсто для робкихъ душъ, идущихъ обыкновенными путями, знающихъ только полевыхъ боговъ и молящихся старому Сильвану, Пану и Парнасскимъ сестрамъ [13]). Съ этихъ поръ онъ принимаетъ на себя именно эту роль, и хотя подобная участь кажется ему даже пріятною, хотя онъ довольно легко примиряется съ нею, тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что она не такъ высока, какъ другая. Потому-то въ своемъ знаменитомъ отрывкѣ онъ сообщаетъ намъ, что, проникнувъ въ глубь природы и найдя, что она не можетъ устоять противъ ученія, увлекшаго сначала его воображеніе, онъ рѣшается идти за толпою и раздѣлять ея вѣрованія, но при этомъ не можетъ удержаться, чтобы не бросить издалека взгляда сожалѣнія и зависти на тѣ смѣлыя души, которыя могутъ безъ страха обитать «на ясныхъ высотахъ мудрости».

---

[11]) *Georg.*, I, 338.

[12]) Такъ, напр., указываютъ на противорѣчія между тѣми его стихами, гдѣ онъ говоритъ, что вороны не имѣютъ ни одной искры божественнаго разума (*Georg.*, I, 416), и тѣми, гдѣ по поводу пчелъ, онъ утверждаетъ, согласно съ ученіемъ стоиковъ, что божественный разумъ разлитъ во всемъ мірѣ и сообщается звѣрямъ точно такъ же, какъ и людямъ.

[13]) *Georg.*, II, 490 и сл.

II.

Энеида.—Въ чемъ она помогала реформамъ Августа.—*Энеида*—поэма религіозная.—Мнѣніе критиковъ древности.—Дѣйствительное содержаніе *Энеиды.*—Характеръ Энея.

Въ *Энеидѣ* этихъ сожалѣній уже нѣтъ. Виргилій не возвращается болѣе къ мнѣніямъ Эпикура [14]) и всецѣло отдается другимъ вѣрованіямъ. *Энеида* была, очевидна, написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ Августа. Императоръ уже съ давнихъ поръ пользовался довѣріемъ поэта, онъ прежде всѣхъ знакомился съ лучшими мѣстами его произведенія и, когда былъ не въ Римѣ и не могъ слышать ихъ отъ самого Виргилія, то просилъ его посылать ему ихъ [15]). Изъ этого можно заключить, что поэма, въ которой онъ принималъ такое участіе, вполнѣ согласовалась съ его мыслями. Въ своихъ письмахъ къ императору Овидій называлъ ее «ваша *Энеида*» [16]); и, дѣйствительно, это была, вѣроятно, любимая книга Августа, наиболѣе отвѣчавшая его намѣреніямъ и лучше всего служившая его реформамъ.

Въ ней находились всѣ тѣ чувства, которыя онъ желалъ внушить Римлянамъ. Прежде всего въ ней встрѣчается живѣйшій патріотизмъ; никогда Римъ не прославлялся такъ восторженно, и никѣмъ, быть можетъ, онъ не былъ такъ искренно любимъ, какъ этимъ поэтомъ, семейство котораго сдѣлалось римскимъ лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Это могло бы казаться удивительнымъ, еслибъ не было извѣстно, какъ легко заставлялъ Римъ принимать свое владычество сыновей побѣжденныхъ имъ людей и какъ быстро онъ превращалъ въ преданныхъ гражданъ усыновляемыхъ имъ иностранцевъ. Кромѣ того *Энеида*, вѣроятно, пробуждала любовь къ древнимъ добродѣтелямъ и особенно къ той простотѣ нравовъ, которую Августъ такъ старался распространить. Виргилій

---

14) Иные находили слѣды эпикуреизма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Энеиды*, но это невѣрно. Когда Ярбасъ высказываетъ въ ней сомнѣніе относительно того, что молнія посылается Юпитеромъ (IV, 208), когда Дидона утверждаетъ, что боги спокойно остаются въ небесахъ и не заботятся о томъ, чтобы мѣшать любви смертныхъ (IV, 379), Виргилій заставляетъ эти лица говорить языкомъ ихъ страстей, а нисколько не думаетъ излагать свои философскія воззрѣнія.

15) Макр., *Sat.*, I. 24, 11.

16) *Trist.*, II, 533.

заставляетъ любить ее съ помощью тѣхъ картинъ, гдѣ онъ ее изображаетъ. Что можетъ быть соблазнительнѣе описанія стараго царя Эвандра? Оно цѣликомъ принадлежитъ поэту: преданіе изображало Эвандра, какъ очень злаго человѣка, убившаго своего отца; у Виргилія онъ является совершеннѣйшимъ типомъ добраго государя золотаго вѣка и вѣка Сатурна. Онъ обитаетъ въ хижинѣ, откуда видны быки, пасущіеся на травѣ форума [17]). Утромъ его пробуждаетъ пѣніе птицъ [18]), а когда онъ отправляется повидаться съ Энеемъ, у него нѣтъ другой стражи, кромѣ двухъ большихъ собакъ [19]). Кто не знаетъ тѣхъ прекрасныхъ и простыхъ словъ, съ которыми онъ къ нему обращается, принимая его въ своемъ сельскомъ дворцѣ? Фенелонъ говоритъ, что не могъ читать ихъ безъ слезъ.

Но въ чемъ Виргилій болѣе всего помогъ Августу, такъ это въ его усиліяхъ возстановить древнюю римскую религію. *Энеида* прежде всего поэма религіозная; не убѣдившись въ этомъ, ее нельзя правильно понять. Этотъ характеръ ея не мало поражалъ древнихъ ученыхъ; Виргилій былъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ Дантъ былъ главнымъ образомъ для итальянцевъ XV вѣка, «теологомъ, знающимъ рѣшительно всѣ догматы [20])». Разбирая какой-нибудь вопросъ, касавшійся внѣшней стороны культа или жреческаго права, приводили обыкновенно его стихи, опирались на его имя. Такъ, въ своихъ *Георгикахъ* онъ говоритъ, что разрѣшается купать въ рѣкахъ свои стада въ праздничные дни. Варронъ же, напротивъ того, думаетъ, что на это никто не имѣетъ права, потому что не слѣдуетъ безпокоить нимфъ въ день отдыха [21]). Ученые оставались въ нерѣшимости между мнѣніями Виргилія и Варрона, и авторитетъ поэта колебалъ собою авторитетъ великаго теолога. Конечно, мы находимъ, что въ *Энеидѣ* часто говорится о римской религіи; даже людямъ, наименѣе знакомымъ съ этимъ предметомъ, легко замѣтить, что поэтъ хотѣлъ привести въ ней имена всѣхъ боговъ и описать всѣ церемоніи, несомнѣнно относившіяся ко временамъ древности; но римлянамъ, знавшимъ свою религію лучше насъ, это было еще яснѣе, чѣмъ намъ. Выраженія, остающіяся для насъ незамѣченными, ежеминутно напоминали имъ о вѣрованіяхъ и обычаяхъ, сдѣлавшихся для нихъ дорогими по своей древности. Когда Виргилій го-

---

17) *Aen.*, VIII, 360.
18) VIII, 456.
19) VIII, 461.
20) *Theologus Dantes nullius dogmatis expers.*
21) *Georg.*, I, 271, и примѣч. Сервія.

ворилъ, что богамъ приносятъ въ жертву четырехъ отборныхъ быковъ, *eximios tauros*, они хорошо знали, что поэтъ употребляетъ здѣсь подлинное выраженіе жреческихъ богослужебныхъ книгъ [22]). Имъ также хорошо былъ извѣстенъ пирогъ изъ освященной муки, *farre pio*, предлагаемый Энеемъ своимъ Ларамъ [23]); это былъ тотъ самый пирогъ, который Весталки обязаны были дѣлать своими руками, и способъ приготовленія котораго описалъ намъ Сервій [24]). Когда прекрасная нимфа Цимодокея, одинъ изъ кораблей Энея, превращенныхъ Цибелою въ морскихъ богинь, является къ своему прежнему господину, чтобы извѣстить его о предстоящей ему опасности, она находитъ его въ полной неизвѣстности о грозящемъ ему бѣдствіи, спокойно спящимъ на везущемъ его кораблѣ: «Эней, пробудись, говоритъ она ему тогда, *Aenea, vigila.*» Это слово кажется намъ очень простымъ, и мы не останавливаемся на немъ, но римлянамъ она напоминала одну изъ важнѣйшихъ церемоній ихъ націольнаго культа. Когда они готовились начать войну, то военачальникъ, избранный предводителемъ, отправлялся въ *Regia*, потрясалъ священными щитами и марсовымъ копьемъ и говорилъ: «Марсъ пробудись, *Mars, vigila* [25])»! Подобныя замѣчанія очень важны: они доказываютъ, что Виргилій имѣлъ передъ глазами уставы и тексты своей родной религіи и старался воспроизводить ихъ; но комментаторы, какъ это всегда бываетъ, заходятъ гораздо дальше. Для нихъ Эней—первосвященникъ, и они всѣми средствами силятся доказать, что всѣ его поступки, даже самые простые и естественные, постоянно согласуются съ предписаніями жреческаго богослужебнаго устава. Въ первой книгѣ расказывается, какъ трояне, выброшенные бурею на неизвѣстный берегъ, достаютъ съ ко-

---

[22]) Макр,, *Sat.*, III, 5, 6.

[23]) *Aen.*, V, 745.

[24]) Сервій, *Bucol.*, VIII, 82.

[25]) Сервій, *Aen.*, VIII, 3. Нѣкоторые строгіе критики находили, впрочемъ, что Виргилій иногда ошибался. Болѣе всего его упрекали за то, что онъ заставилъ Энея заколоть быка въ жертву Юпитеру, когда тотъ остановился во Ѳракіи и основалъ тамъ городъ; по мнѣнію Атея, Капитона и Лабеона, истыхъ свѣтильниковъ жреческаго права, это было почти святотатствомъ. „Ну, вотъ, говоритъ шутя, одно изъ дѣйствующихъ лицъ Макробія, вашъ главный жрецъ не знаетъ даже того, что знаютъ храмовые прислужники“! Но, согласно съ Макробіемъ, можно отвѣчать, что именно эта жертва не была принята богами и что страшными предзнаменованіями они принудили Энея удалиться изъ этой страны. Итакъ если даже мы станемъ обвинять Энея въ незнаніи жреческаго устава, зато репутація Виргилія останется незапятнанною.

раблей немного зерна, попорченнаго моремъ; они мелютъ его между двумя камнями и пекутъ, какъ могутъ. Въ этомъ разсказѣ Виргилія не упоминается ни слова о дрожжахъ, несчастные, томимые голодомъ, не думаютъ о томъ, чтобы добыть ихъ. Но Сервій не хочетъ думать, чтобы они обходились безъ нихъ лишь потому, что не имѣютъ ихъ: они дѣлаютъ это добровольно, говоритъ онъ, ибо помнятъ, что фламинъ долженъ ѣсть именно такой хлѣбъ [26]). Смѣшнѣе всего то, что, сдѣлавъ Энея жрецомъ, они по необходимости дѣлаютъ также жрицею Дидону. Если первый служитъ совершеннѣйшимъ образцомъ *фламина*, то вторая должна быть образцовою *фламининкою*, хотя, по правдѣ сказать, бракъ ихъ совершился въ довольно сокращенной формѣ, и они обошлись даже безъ священныхъ церемоній *confarreationis* [27]).

Несмотря на эти смѣшныя преувеличенія, мнѣніе комментаторовъ было въ сущности справедливо. Хотя Виргилій, можетъ быть, не такъ много занятъ римской религіей, какъ они это полагаютъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ думаетъ о ней очень часто. Цѣль, къ которой стремится его герой, и которая заставляетъ его побѣждать всѣ опасности, вполнѣ религіозна. Въ самомъ началѣ своего труда поэтъ спѣшитъ заявить намъ, что Эней, изгнанный судьбою изъ отечества, пореноситъ своихъ боговъ въ Италію [28]). Само отечество довѣрило ему ихъ, голосомъ покойнаго Гектора, въ роковую ночь Трои; онъ долженъ утвердить ихъ въ мѣстѣ, предназначенномъ для этого судьбою. Городъ, который онъ построитъ, будетъ не столько мѣстомъ жительства для него самого, сколько убѣжищемъ для его странствующихъ Пенатавъ. Это онъ повторяетъ всѣмъ, спрашивающимъ его объ его намѣреніяхъ. «Я прошу только небольшаго пріюта для своихъ боговъ, отвѣчаетъ онъ ему, *dis sedem exiguam rogamus* [29])». И это вовсе не уловка изгнанника и просителя, который нарочно прикидывается скромнымъ проситъ немногаго, боясь, что иначе ему вовсе ничего не дадутъ; это самое точное выраженіе истины. Виргилій возвращается къ нему нѣсколько разъ и повторяетъ его съ такою настойчивостью именно потому, что боится, какъ-бы не повредить успѣху своего сочиненія, не объявивъ вполнѣ ясно его цѣли.

---

26) Серв., *Aen.*, I, 179.
27) Серв., *Aen.*, IV, 263.
28) *Aen.*, I, 6: *inferretque deos Latio.* (И онъ принесетъ боговъ въ Лаціумъ).
29) *Aen.*, VII, 229.

Цѣль эту не всегда вѣрно понимали, а между тѣмъ уловить ее очень легко. Послѣ недолгаго размышленія становится вполнѣ ясно, что содержаніе *Энеиды* составляетъ не пріѣздъ въ Италію и успѣхи въ ней чужеземной расы, а просто введеніе въ ея религію нѣсколькихъ новыхъ боговъ. Поэтъ старался прежде всего написать вполнѣ патріотическое и національное произведеніе, а въ то время прослыть усерднымъ патріотомъ можно было только, восхваляя предковъ. Предки эти, добродѣтели которыхъ считалось нужнымъ прославлять, были, главнымъ образомъ, Латиняне и Сабиняне, образовавшіе своимъ смѣшеніемъ римскій народъ. Имя ихъ было въ то время въ устахъ всѣхъ моралистовъ; у нихъ отыскивали примѣры, чтобы заставлять краснѣть современниковъ,—ихъ славу съ гордостью противопоставляли хвастовству грековъ. Малѣйшее оскорбленіе ихъ было-бы принято каждымъ за личную обиду себѣ. Чтобы быть національною и сдѣлаться популярною, поэма необходимо должна была прославлять мужество и воспѣвать побѣды древнихъ италійскихъ расъ, оставившихъ по себѣ такія великія воспоминанія; между тѣмъ, по странному противорѣчію, въ этой поэмѣ, силившейся быть національною, Виргилій принужденъ былъ изображать, какъ чужеземцы побѣдили и покорили италійцевъ; и, въ довершеніе обиды, оказывалось, что эти чужеземцы были не кто иные, какъ изнѣженные жители Малой Азіи, къ которымъ Римъ не скрывалъ своего презрѣнія. Обыкновенно для нихъ не щадили насмѣшекъ, и если навѣрное хотѣли позабавить на минуту народную толпу на форумѣ, стоило только посмѣяться надъ ними. Для того, чтобы показать, что кого-нибудь считаютъ самымъ худшимъ изъ людей, говорили: «это послѣдній изъ мизянъ;» дальше этого ничего нельзя было себѣ представить. Въ видѣ пословицъ повторяли слѣдующія слова, съ удовольствіемъ приводимыя Цицерономъ: «Съ карійцемъ безопасно можно позволять себѣ все, а фригіецъ дѣлается лучше послѣ того, какъ его побьютъ [30]).» Самъ Виргилій уступилъ однажды этимъ народнымъ предразсудкамъ. Въ одномъ мѣстѣ его поэмы, написанномъ съ наибольшимъ жаромъ, одинъ италіецъ, расхваливъ до небесъ суровые и честные нравы своей страны, противопоставляетъ имъ изображеніе пороковъ фригійцевъ: «Ваши одежды, говоритъ онъ имъ, блещутъ цвѣтомъ шафрана и пурпура. Вамъ нравятся лѣнивые досуги, вы любите терять время на плясъ. Вы носите туники съ длинными рукавами, митры

---

[30])Циц., *Pro Flacco*, 27.

съ развѣвающимися лентами. Слышите ли вы звуки барабановъ и флейтъ Идской богини, призывающіе васъ на ея праздники? Остерегайтесь дотрогиваться до мечей, оставьте желѣзо для храбрыхъ [31])». Между тѣмъ по преданію, котораго держался Виргилій, эти изнѣженные люди были завоеватели Луціума и дѣйствительные предки римлянъ. Въ этомъ-то и состояла главная трудность выбраннаго имъ предмета; онъ понималъ опасность и съумѣлъ избѣгнуть ея слѣдующимъ образомъ: онъ не изобразилъ предпріятія троянцевъ въ видѣ одного изъ тѣхъ нашествій, когда цѣлый народъ приходитъ утвердиться въ сосѣдней странѣ, истребивъ всѣхъ живущихъ въ ней и основавъ новую націю съ совершенно чуждыми элементами. Поступивъ такимъ образомъ, онъ оскорбилъ бы общественное мнѣніе и возбудилъ бы противъ себя гнѣвъ патріотовъ. Напротивъ того, онъ представилъ, что завоеватели были поглощены побѣжденными народами, и, смѣшавшись съ ними, утратили свое имя и свое существованіе. Въ XII книгѣ Юнона, будучи принуждена согласиться на смерть Турна, требуетъ отъ Юпитера вознагражденія за нее. Она хочетъ, чтобы Лаціумъ оставался тѣмъ, чѣмъ онъ есть, чтобы онъ не утрачивалъ ни своего языка, ни своихъ обычаевъ, и чтобы было твердо постановлено на будущее время, что Римъ будетъ обязанъ своимъ счастіемъ только однимъ италійцамъ [32]). Что же касается троянцевъ, они исчезнутъ, затерявшись въ массѣ своихъ новыхъ союзниковъ [33]). Какъ ни побѣдоносна кажется Троя, но ей суждено погибнуть, и на этотъ разъ такъ, чтобы уже болѣе не возродиться [34]). Итакъ, рѣшено, что фригійскій элементъ исчезнетъ въ латинскомъ, что это смѣшеніе не повредитъ италійской національности, и что Римъ попрежнему будетъ считать себя обязаннымъ за свою славу и свое величіе тѣмъ, на кого онъ любитъ смотрѣть, какъ на своихъ настоящихъ предковъ. За чѣмъ же въ такомъ случаѣ Эней и его товарищи прибыли въ Италію, и почему судьба принимаетъ такое участіе въ ихъ предпріятіи? Они прибыли для того, чтобы привезти своихъ боговъ. Это единственная миссія, данная небомъ Энею. Онъ знаетъ это, и среди смѣшенія, изъ котораго долженъ былъ выйти Римъ, видитъ и свое назначеніе и назначеніе италійцевъ

---

31) *Aen.*, IX, 614.

32) XII, 827: *Sit romana potens itala virtute propago.* (Да будетъ римское племя могущественнымъ храбростью италійцевъ).

33) XII, 836: *subsident Teucri.* (Исчезнутъ тавкры «троянцы»).

34) *Aen.*, XII, 828: *Occideritque sinas cum nomine Troja.* (Позволь, чтобы не осталось даже имени падшей Трои).

такъ ясно, какъ будто самъ слышалъ слова Юноны. Онъ знаетъ, что слава оружія принадлежитъ Латину и его народу; себѣ же и своимъ соотечественникамъ онъ оставляетъ лишь то, что касается боговъ и ихъ культа. Онъ самъ объявляетъ это Латину въ слѣдующемъ стихѣ, который, по моему мнѣнію, объясняетъ собою всю цѣль *Энеиды*: *Sacra deosque dabo*; *socer arma Latinus habeto* [35]). (Я дамъ священные обряды и боговъ, а тесть Латинъ пусть владѣетъ оружіемъ).

Въ подобномъ раздѣленіи не было ничего оскорбительнаго для потомковъ древнихъ латинянъ; подъ этимъ охотно подписался бы самый взыскательный патріотъ. По общему мнѣнію, Востокъ считался религіознѣйшею страною міра. Сами римляне вполнѣ соглашались съ тѣмъ, что одинъ изъ ихъ древнѣйшихъ культовъ, а именно культъ Пенатовъ, былъ ими заимствованъ оттуда; они думали, что онъ возникъ въ Самоѳракіи, и потому всякій разъ, когда проѣзжали мимо этого острова, считали непремѣнною обязанностью принять участіе въ тамошнихъ мистеріяхъ. Во времена Виргилія въ эти страны Азіи отправлялись иногда за тѣмъ, чтобы вывезти оттуда новыя вѣрованія для оживленія истощеннаго многобожія. Слѣдовательно, поэтъ былъ вполнѣ увѣренъ, что не подвергнется упрекамъ, если представитъ нѣсколько новыхъ культовъ единственнымъ результатомъ побѣды троянцевъ; онъ такъ именно и сдѣлалъ. Послѣ этого нельзя болѣе сомнѣваться относительно настоящаго характера его произведенія. Мнѣ кажется, что все объясняется само собою въ этой поэмѣ, и что затрудненія или совсѣмъ исчезнутъ или уменьшатся, если проникнешь настоящую цѣль автора. Такъ, напримѣръ, многіе почитатели Виргилія упрекаютъ себя за то, что принимали слишкомъ большое участіе въ Турнѣ и втайнѣ желали ему успѣха. И дѣйствительно, съ человѣческой точки зрѣнія его дѣло кажется самымъ правымъ. «Въ Турнѣ, говоритъ Вольтеръ, я вижу молодаго принца, страстно влюбленнаго и желающаго жениться на принцессѣ, которая съ своей стороны также не чувствуетъ къ нему никакаго отвращенія. Страсти его покровительствуетъ мать Лавиніи, любящая его, какъ роднаго сына. Латиняне и рутулы горячо желаютъ этого брака, который долженъ упрочить общественное спокойствіе. И вдругъ среди этихъ сладкихъ надеждъ, когда минута блаженства уже такъ близко, одинъ

---

[35]) XII, 192.

чужеземный бѣглецъ пріѣзжаетъ съ береговъ Африки. Онъ посылаетъ пословъ къ латинскому царю, прося у него убѣжища; добрый старый царь начинаетъ съ того, что предлагаетъ ему свою дочь, которой тотъ у него не просилъ. Отсюда происходитъ жестокая война.... Турнъ, сражаясь за свою возлюбленную, былъ безпощадно убитъ Энеемъ. Мать Лавиніи съ отчаянья лишаетъ себя жизни, а слабый латинскій царь во все это смутное время не умѣетъ ни отказать Турну, ни взять его въ зятья, ни воевать, ни заключить миръ. Онъ удаляется въ глубину своего дворца, предоставляя Турну и Энею драться за его дочь, увѣренный въ томъ, что во всякомъ случаѣ зять у него будетъ [36])». Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ недостатковъ, Вольтеръ предлагаетъ другой планъ, который, по его мнѣнію, послужитъ источникомъ новыхъ красотъ. Въ придуманной имъ поэмѣ положеніе дѣйствующихъ лицъ совершенно измѣняется; особенно герой не играетъ болѣе той непріятной роли, какую далъ ему Виргилій: изъ похитителя Лавиніи онъ дѣлается ея отмстителемъ. Любопытно то, что подобное чувство недовольства появлялось и до Вольтера; еще во времена Тита Ливія многимъ не нравилось, что Эней беретъ себѣ жену съ помощью войска, а манера его насильно навязываться въ зятья Латину казалась не деликатною. Въ противоположность разсказу, гдѣ онъ изображается воюющимъ съ латинянами, приводили менѣе жестокое преданіе, гдѣ, по крайней мѣрѣ, не было битвы: въ ту минуту, когда оба войска готовились вступить въ бой, и трубачи должны были затрубить, старый Латинъ, по внезапному вдохновенію, явился между сражающимися; онъ подозвалъ къ себѣ непріятельскаго военачальника, спросилъ его имя, освѣдомился объ его намѣреніяхъ и, выслушавъ его объясненія, объявилъ себя удовлетвореннымъ и принялъ предлагаемый ему союзъ. «Тотчасъ, говоритъ Титъ Ливій, былъ заключенъ договоръ между обоими военачальниками, и оба войска поклонились другъ другу [37])». Надо признаться, что это очень простой способъ улаживать дѣла. Съ помощью этого благополучнаго примиренія удалось изъ дикихъ современниковъ троянской войны сдѣлать обходительныхъ людей. Вѣроятно, Виргилію было извѣстно это преданіе, но онъ не счелъ нужнымъ воспользоваться имъ, какъ ни хорошо оно было съ виду; онъ не чувствовалъ нужды измѣнять общепринятую легенду. Она нисколько

---

36) *Essai sur le poëme épique*, 3.

37) Титъ Ливій, I, 1.

не оскорбляла его, и онъ не находилъ въ ней ничего, что моглобы уменьшить уваженіе къ его герою. Если мы вспомнимъ, что *Энеида* поэма религіозная, мы поневолѣ должны будемъ сознаться, что право было на сторонѣ Энея. Право это не совсѣмъ похоже на то, которое освящается человѣческими законами и происходитъ вслѣдствіе продолжительнаго обладанія или основано на письменныхъ документахъ; нѣтъ, это право проистекаетъ изъ воли боговъ, оно выражается голосомъ гадателей и отвѣтами оракуловъ и основано на авторитетѣ жрецовъ. «Олимпъ меня призываетъ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Эней [38]), и говоритъ правду: онъ прибылъ въ Италію, снабженный точными предписаніями боговъ. Эта земля, которую у него оспориваютъ Турнъ и латиняне на томъ основаніи, что она имъ всегда принадлежала,—земля эта дарована ему небомъ, и онъ имѣетъ на то убѣдительныя доказательства. Съ самаго его отъѣзда изъ Трои всѣ оракулы поочередно постоянно изрекаютъ ему велѣнія судьбы, и всѣ боги только тѣмъ и занимаются, что указываютъ ему путь. Виргилій справедливо говоритъ о своемъ героѣ въ началѣ его путешествія, что онъ предаетъ свой парусъ судьбѣ [39]); его дѣйствительно ведетъ судьба, когда онъ несется, самъ не зная куда; она приводитъ его въ ту страну, гдѣ онъ долженъ утвердиться, и ставитъ его на настоящую дорогу всякій разъ, какъ онъ собьется съ нея. Вотъ, въ чемъ заключаются его права на царство и на дочь Латина. Человѣческое право найдетъ ихъ, быть можетъ, недостаточными, и разумъ возмутится, видя, что онъ довольствуется ими; но у древнихъ религій свой особенный способъ понимать право и справедливость, и онѣ любятъ иногда противорѣчить разуму и унижать его.

Послѣ этого понятно, что это предпріятіе, будучи вполнѣ религіознымъ, осуществляется съ помощью не совсѣмъ обыкновенныхъ средствъ. Боги нарочно избрали для выполненія его героя, и надо сознаться, что выборъ ихъ кажется иногда не слишкомъ удачнымъ. Для вѣрнаго успѣха войны и для ея быстраго веденія нуженъ былъ дѣятельный человѣкъ, а Эней часто впадаетъ въ меланхолію и созерцаніе. Иногда, при самыхъ серьёзныхъ обстоятельствахъ, какое-нибудь зрѣлище заставляетъ его предаваться безконечнымъ мечтаніямъ, такъ что приходится напоминать ему, что время не тер-

---

[38]) *Aen.*, VIII, 533: *Ego poscor Olympo.*
[39]) *Aen.*, III, 9.

пить, и что онъ не долженъ такъ забываться [40]). Ему безпрестанно доводится принимать участіе въ вещахъ, противорѣчащихъ его натурѣ, и боги какъ бы нарочно возложили на него самую неподходящую для него обязанность. Этотъ человѣкъ, принужденный участвовать въ ожесточенныхъ битвахъ, — положительный другъ мира; этотъ искатель приключеній обожаетъ покой. Съ каждымъ новымъ шагомъ своего странствованія, онъ надѣется, что дошелъ уже до конца, и хочетъ остановиться и упрочиться на мѣстѣ. Боги безпрестанно принуждены гнать его дальше посредствомъ грозныхъ предсказаній, видѣній и болѣзней, и онъ со слезами на глазахъ продолжаетъ свой путь къ этой «убѣгающей отъ него» Италіи. Онъ завидуетъ судьбѣ людей, спокойно живущихъ на одномъ мѣстѣ: «счастливъ народъ, стѣны котораго воздвигаются»! восклицаетъ онъ, видя строящійся Карѳагенъ [41]). «Живите счастливо, грустно говоритъ онъ Андромахѣ, богатство ваше составлено, и покой обезпеченъ [42])»! Разъ даже въ Сициліи онъ пытается не идти дальше и открыто сопротивляться судьбѣ [43]). Видно, что онъ съ величайшимъ трудомъ соглашается играть роль героя; скромная и спокойная жизнь ему гораздо больше по душѣ, нежели великія приключенія, присужденныя ему судьбою. Получивъ отъ неба тяжелое призваніе, онъ съ грустью выполняетъ его. Онъ трудится для своихъ Пенатовъ, которымъ долженъ дать безопасное убѣжище, для своего сына, котораго онъ не долженъ лишать царства, обѣщаннаго ему судьбою, для своего племени, которое ожидаетъ такая славная будущность. Его собственная личность стирается въ виду такихъ высокихъ интересовъ; онъ повинуется, несмотря на все свое нежеланіе, и приноситъ себя въ жертву волѣ неба. По этимъ именно признакамъ и узнается герой религіозной эпопеи. Его нерасположеніе къ назначенной ему роли еще яснѣе выставляетъ его послушливость. Намъ можетъ казаться, что кто-нибудь другой былъ бы способнѣе выполнить ее; но можетъ быть, эта самая его неспособность къ ея выполненію и была одною изъ причинъ, почему его выбрали боги. Воля ихъ тѣмъ яснѣе, сила тѣмъ очевиднѣе и торжество тѣмъ полнѣе, чѣмъ менѣе избранное ими орудіе пригодно для исполненія предназначенной цѣли; особенно въ виду того, что

---

[40]) *Aen.*, VI, 37: *Non hoc ista sibi tempus spectacula poscit.* (Не такихъ зрѣлищъ требуетъ настоящее время).

[41]) I, 437.

[42]) III, 493.

[43]) V, 703.

намѣренія боговъ, отличаясь подъ часъ капризнымъ характеромъ, остаются совершенно непонятными для людей. Не такимъ ли же образомъ для вѣрующаго янсениста благодать приходитъ неизвѣстными путями и призываетъ къ себѣ кого хочетъ, не справляясь ни со вкусами, ни съ наклонностями избраннаго ею лица?

Характеръ Энея подвергался разнообразной критической оцѣнкѣ; по моему мнѣнію, существуетъ только одна вѣрная оцѣнка его: ему недостаетъ единства и онъ состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, не всегда вполнѣ согласующихся между собою. Прежде всего это эпическій герой, гордящійся своими великими подвигами. «Ты умираешь отъ руки великаго Энея» [44]), надменно говоритъ онъ сраженному врагу и при этомъ съ удовольствіемъ объявляетъ ему, что трупъ его сдѣлается добычею хищныхъ птицъ [45]); даже послѣ смерти Палланта онъ требуетъ въ отмщеніе человѣческой жертвы [46]). Насъ нѣсколько удивляетъ героическая и гомерическая сторона этого лица; намъ кажется, что ему надо было сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы обратиться въ военную молнію. Бѣшеный гнѣвъ и жестокія похвальбы такъ же мало идутъ ему, какъ и тотъ необычайный блескъ молодости и красоты, который ему придаетъ его мать для того, чтобы соблазнить Дидону; этими заемными качествами онъ украшается лишь на время, но не можетъ сохранить ихъ навсегда, да они даже и мало идутъ къ нему. Въ своемъ естественномъ видѣ онъ лучше и нравится намъ гораздо больше, когда ничего не заимствуетъ у Гомера и довольствуется быть тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, то-есть героемъ религіозной поэмы. Онъ не принимаетъ тогда ни вызывающихъ позъ [47]), ни дерзкаго вида, ни грубости, ни жестокости Аякса или Ахилла; онъ скроменъ въ рѣчахъ, какъ и подобаетъ человѣку, «избѣгнувшему меча грековъ» [48]), онъ сочувствуетъ человѣческимъ горестямъ и не разсчитываетъ на счастіе [49]); онъ чувствуетъ на себѣ тяжесть горькой судьбы; прошлое напоминаетъ ему жестокія потери, въ будущемъ грозятъ мрачныя горести. Но эти незаслуженныя несчастія не колеблютъ въ немъ чувства

---

[44]) *Aen.*, X, 830.

[45]) X, 557.

[46]) XI, 81.

[47]) VIII, 538: *Quas paenas mihi, Turne, dabis!* (Какъ ты, о Турнъ, будешь наказанъ!)

[48]) I, 597: *reliquias Danaum.*

[49]) XII, 436.

покорности и никогда не вырываютъ у него крика возмущенія. При каждомъ ударѣ, поражающемъ его, онъ воздымаетъ руки къ небу. Онъ полонъ уваженія ко всѣмъ богамъ, даже къ тѣмъ, которые съ нимъ дурно обходятся. Ни разу не случилось, чтобы онъ пожаловался на Юнону, преслѣдующую его непримиримою ненавистью, и даже въ ту минуту, когда она поднимаетъ противъ него весь адъ, онъ приноситъ ей въ жертву бѣлую дикую свинью съ тридцатью поросятами. Ларъ своихъ онъ всегда имѣетъ при себѣ и молится имъ каждое утро, какъ только что проснется [50]). Онъ знаетъ всѣ предписанія религіознаго закона и не опускаетъ ни одного изъ нихъ даже въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ. Среди пожара Трои, въ ту минуту, какъ онъ спѣшитъ спасти отъ пламени домашнихъ боговъ, его внезапно беретъ сомнѣніе: онъ вспоминаетъ, что сейчасъ только сражался, что руки его въ крови, что онъ не имѣетъ права прикасаться къ богамъ, не омывшись въ проточной водѣ, и поручаетъ боговъ своему отцу [51]).

Болѣе всего его занимаютъ оракулы и всякаго рода предсказанія и знаменія, посредствомъ которыхъ открывается воля боговъ. Несомнѣнно, что у Гомера судьба играетъ очень важную роль; его герои часто прибѣгаютъ къ гадателямъ; тѣ изъ нихъ, которые осуждены на то, чтобы быть побѣжденными и погибнуть, знаютъ это и даже иногда вспоминаютъ объ этомъ, но вообще они дѣйствуютъ такъ, какъ будто не знаютъ или не помнятъ того, что имъ предстоитъ. Фаталистическая основа остается у Гомера какъ бы въ темнотѣ и въ отдаленіи; лишь по временамъ вырываются оттуда зловѣщіе проблески, обливающіе ужаснымъ свѣтомъ настоящее; но, къ счастію, это не болѣе, какъ молніи, и на первомъ планѣ свободно продолжаетъ развиваться дѣятельность людей, безъ всякой задней мысли предающихся жизненному потоку и забывающихъ угрозы будущаго, благодаря страстямъ настоящаго. Напротивъ того, Эней предаетъ себя всецѣло волѣ боговъ и постоянно устремляетъ взоры на руководящую имъ высшую силу. Онъ никогда ничего не дѣлаетъ самъ отъ себя. Даже въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, когда немедленно надо принять какое-нибудь рѣшеніе, онъ продолжаетъ дожидаться вполнѣ опредѣленнаго указанія свыше. Казалось бы, что когда Эвандръ предлагаетъ ему столь необходимый для него союзъ этрусскихъ горо-

---

[50]) V, 745.

[51]) II, 717

довъ, онъ бы долженъ былъ благодарить за такое обязательное предложеніе и поспѣшить воспользоваться имъ; между тѣмъ онъ этого не дѣлаетъ и, опустивъ глаза, остается съ своимъ вѣрнымъ Ахатомъ, пока боги ясно не укажутъ ему, что надо дѣлать [52]). Для того, чтобы принять помощь, безъ которой онъ положительно не можетъ уже обойтись, надо, чтобы потряслась земля, чтобы воспламенилось небо, и чтобы въ воздухѣ прозвучалъ стукъ оружія. Но разъ, когда заговорило небо, онъ болѣе не колеблется. Его желанія, предпочтенія, склонности—все умолкаетъ, онъ безропотно закалаетъ себя и приноситъ въ жертву волѣ боговъ. Это всего виднѣе въ четвертой книгѣ. Читая ее со вниманіемъ, мы замѣчаемъ, что Виргилій вовсе не имѣлъ намѣренія описывать намъ настоящія чувства своего героя въ бытность его въ Карѳагенѣ, гдѣ Дидона заставляетъ его на время позабыть объ Италіи и объ ея судьбахъ. Само собою разумѣется, что онъ не желалъ черезъ-чуръ открывать намъ его слабости; онъ не рѣшался представить его въ такомъ видѣ, который не соотвѣтствовалъ бы его всегдашней строгости. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки заставляетъ подозрѣвать, что эта любовь была серьёзнѣе и глубже, чѣмъ можно было бы ожидать отъ такого степеннаго человѣка. Чтобы понять, что изъ него сдѣлала Дидона въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, стоитъ только вспомнить, въ какомъ костюмѣ засталъ его Меркурій, когда явился къ нему по повелѣнію Юпитера, чтобы напомнить ему объ его обязанностяхъ. «На немъ была широкая сабля, осыпанная алмазами, на плечахъ его красовалась пурпурная мантія, подарокъ Дидоны, которая соткала ее своими руками, вплетая золотыя нити въ драгоцѣнную ткань» [53]). Онъ превратился уже въ тирскаго царя. Но при первомъ словѣ небеснаго посланника исчезаетъ весь эффектъ, произведенный на его сердце прелестями царицы и красотою Карѳагена: онъ сгараетъ желаніемъ уѣхать, *ardet abire fuga* [54]). Если подобное нетерпѣніе оскорбляетъ насъ, значитъ, мы не довольно проникнулись мыслью поэта. Поразмумавъ хорошенько, мы увидимъ, что поведеніе Энея, могущее казаться страннымъ въ обыкновенной поэмѣ, вполнѣ приличествуетъ герою религіозной эпопеи. Онъ могъ позабыть на время божественное призваніе: подобныя неожиданности случаются съ

52) VIII, 520.
53) IV, 261.
54) IV, 281.

самыми степенными и набожными людьми; но появленіе Меркурія мгновенно заставляетъ его опомниться. Получивъ приказанія Юпитера, посланныя ему съ другимъ богомъ, онъ воспламеняется чувствомъ самопожертвованія и покидаетъ Дидону подобно тому, какъ Поліэвктъ, въ пылу своего обращенія въ христіанство, позабываетъ Паулину [55]). Хотя въ сердцѣ его еще происходитъ тайная борьба, но она не можетъ поколебать его рѣшенія и ни на минуту не возмущаетъ ясности его духа, *mens immota manet* [56]). То, что въ другомъ мѣстѣ показалось бы преступной безчувственностью, здѣсь можетъ считаться самоотверженіемъ и высокою жертвою. Онъ долженъ восторжествовать надъ своими желаніями и страстями и рѣшиться забыть о себѣ и принесть себя въ жертву; только этою цѣною можетъ онъ заслужить высокое назначеніе перенести своихъ боговъ въ Италію и утвердить тамъ ихъ культъ. Чѣмъ быстрѣе и полнѣе побѣда, одержанная имъ надъ самимъ собою, тѣмъ достойнѣе дѣлается онъ того, чтобы выполнить миссію, возложенную на него богами, и тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ правъ на роль героя религіозной поэмы.

Противники его болѣе олицетворяютъ собою человѣческія чувства и страсти и потому, можетъ быть, больше нравятся намъ. Что за привлекательная личность этотъ Турнъ, который такъ щекотливъ относительно чести, такъ храбръ, такъ преданъ своимъ, такъ любитъ смѣлые подвиги и первый бросается въ битву, не дожидаясь своихъ воиновъ. Онъ столько же *отважный* Турнъ, сколько соперникъ его *благочестивый* Эней. Это не значитъ, чтобы онъ не чувствовалъ также глубокаго уваженія къ богамъ; онъ охотно приноситъ имъ жертвы и читаетъ длинныя молитвы [57]). Но его набожность свободнѣе набожности Энея; онъ позволяетъ себѣ въ разговорахъ легче относиться къ предсказаніямъ и хотя не сопротивляется имъ открыто, но старается разъяснять ихъ и обращать въ свою пользу [58]). Въ немъ мы замѣчаемъ только недостатокъ благоговѣнія; зато союзникъ его, Мезенцій, уже положитель-

---

[55]) Въ этомъ сравненіи нѣтъ ни малѣйшей натяжки. Тонъ, какимъ Эней говоритъ Дидонѣ: *Desine meque tuis incendere teque querelis.* (Перестань и себя и меня разжигать своими жалобами; IV, 360) совершенно одинаковъ съ тономъ Поліэвкта, когда тотъ отвѣчаетъ Паулинѣ: *живи съ Северомъ* (Третій актъ, пятая сцена).

[56]) IV, 449.

[57]) IX, 24: *Multa deos orans.* (Много молящійся богамъ).

[58]) IX, 135.

ный безбожникъ, *contemptor deum*. Онъ прямо объявляетъ, что не только не заботится о богахъ, но презираетъ ихъ и смѣется надъ ними, и признаетъ богами лишь свою руку, да тотъ дротикъ, который она броситъ. Однако, несмотря на это, когда этому безбожнику приносятъ трупъ его сына, онъ прежде всего воздымаетъ руки къ небу [59]). Шатобріанъ замѣчаетъ, что изъ второстепенныхъ лицъ *Энеиды* одинъ только Мезенцій «обрисованъ вполнѣ ясно.» Замѣчательно, что въ партіи Турна находится большинство такихъ живыхъ лицъ; товарищи Энея очерчены вообще гораздо блѣднѣе. Очень можетъ быть, что поэтъ сдѣлалъ это не безъ умысла: для того, чтобы въ этихъ событіяхъ яснѣе выступала дѣятельность боговъ, человѣческой дѣятельности не лишнее было стушеваться, и всеобщая посредственность придавала еще болѣе блеска волѣ небожителей.

III.

Религія Виргилія. — Она представляетъ смѣсь разнообразныхъ элементовъ.— Древніе элементы. Виргилій любитъ возвращаться къ самымъ древнимъ вѣрованіямъ. — Новые элементы. Измѣненія, дѣлаемыя имъ въ миѳологіи Гомера съ цѣлью приспособить ихъ къ современному пониманію. — Виргилій какъ-бы предчувствуетъ будущія вѣрованія. — Отношенія религіи Виргилія къ христіанству. — Четвертая эклога. — Въ какомъ смыслѣ Виргилія можно назвать нѣкотораго рода предшественникомъ христіанства.

Постановивши окончательно, что произведеніе Виргилія, по своему сюжету и по характеру дѣйствующихъ лицъ, прежде всего сочиненіе религіозное, очень естественно спросить себя, какимъ образомъ онъ понималъ религію. Для того, чтобы постичь, каковы были его вѣрованія, недостаточно сказать, что онъ былъ приверженецъ культа своей страны: такъ какъ культъ этотъ состоялъ преимущественно изъ внѣшнихъ обрядовъ и предоставлялъ каждому почти совершенную свободу вѣрованій, то религія, несмотря на кажущуюся одинаковость, отличалась въ то время вполнѣ личнымъ характеромъ и у каждаго человѣка могла быть разная.

У Виргилія, такъ же какъ и у большинства его современниковъ, религія состояла изъ разнообразныхъ элементовъ, заимствованныхъ имъ у разныхъ эпохъ и народовъ. Его Олимпъ заключаетъ въ себѣ боговъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ странъ. На ряду съ

[59]) X, 845.

древне-италійскими божествами, съ двуликимъ Янусомъ, Пилумномъ, изобрѣтателемъ удобренія, Пикомъ, облеченнымъ въ торжественную одежду и держащимъ въ рукѣ палочку авгуровъ, мы находимъ здѣсь восточную Цибелу съ ея вѣнцомъ изъ башенъ и греческаго Аполлона съ лукомъ и лирою. Въ этой пестрой толпѣ главное мѣсто предоставлено прошлому. Виргилій, глубоко любившій древность, долженъ былъ въ своихъ вѣрованіяхъ удѣлить значительное мѣсто миѳамъ, восходившимъ къ первоначальной эпохѣ человѣчества, которые хотя и значительно измѣнились съ теченіемъ времени, но до самаго конца продолжали служить основою древнихъ религій. Онъ любитъ даже возвращаться къ тѣмъ временамъ, о которыхъ такъ сожалѣлъ Варронъ, когда боги не имѣли ни храмовъ, ни статуй, и когда имъ поклонялись подъ видомъ копья, воткнутаго въ землю, или камня, политаго масломъ, или прекраснаго дерева, возвышавшагося среди священнаго ужаса лѣсовъ. Воспоминанія объ этой первоначальной эпохѣ встрѣчаются иногда въ *Энеидѣ* рядомъ съ описаніями, заимствованными у позднѣйшихъ временъ. Когда Тибръ представляется Энею, онъ принимаетъ видъ совершенно греческаго бога. «Онъ драпируется въ длинную одежду, окутывающую его своими лазоревыми складками, и голова его осѣняется вѣнкомъ изъ камышей [60])»; но въ то же время, по древне-италійскому обычаю, ему посвящаютъ дубъ, къ которому привязываютъ останки побѣжденныхъ враговъ [61]). Фавнъ, имѣющій свою статую во дворцѣ Латина [62]), обожается гораздо проще въ Лаврентскихъ равнинахъ: матросы, спасенные имъ отъ волнъ, вѣшаютъ свои одежды на вѣтви дикаго оливковаго дерева, которому поклоняются въ его честь [63]). Въ это время уже умѣютъ строить храмы богамъ съ барельефами и позолоченными крышами [64]); а между тѣмъ люди собираются для молитвы въ темные лѣса, опоясанные со всѣхъ сторонъ высокими холмами, покрытыми черною сосной. [65]). Впрочемъ, Виргилій рѣдко заходитъ такъ далеко; чаще всего онъ довольствуется тѣмъ, что воспроизводитъ чудесную сторону *Иліады* и *Одиссеи*; далѣе этой древности онъ обыкновенно

60) VIII, 32.
61) X, 423.
62) VII, 187.
63) XII, 766.
64) VI, 13.
65) VIII, 597.

не идетъ. Да онъ и не могъ бы поступать иначе, если-бы даже захотѣлъ; не только ему самому, какъ поэту, было очень удобно создавать боговъ по образцу гомеровскихъ, и заставлять ихъ дѣйствовать и говорить, но и читатели врядъ ли бы легко согласились принять другихъ. Гомеровскіе боги уже давно успѣли овладѣть воображеніемъ всего свѣта. Миѳологіи самыхъ различныхъ народовъ подчинились мало-по-малу вліянію Греціи и почти всѣ онѣ, послѣ большаго или меньшаго сопротивленія, приспособились такъ или иначе къ этому чудному идеалу. Въ то время поэзія достигла тѣхъ результатовъ, какіе теперь достигаются только посредствомъ исповѣданій вѣры и символовъ: благодаря ей, среди полной свободы и безконечнаго разнообразія вѣрованій, установилось, наконецъ, нѣкотораго рода соглашеніе. Боги Гомера сдѣлались типами, по образцу которыхъ воображеніе создавало другихъ боговъ, и особенно въ Римѣ никто почти не умѣлъ иначе понимать божество. Слѣдовательно, если бы даже собственное восхищеніе не заставляло Виргилія идти по стопамъ своего великаго предшественника, его принудило бы къ этому общее мнѣніе.

Хотя религія *Энеиды* есть въ сущности религія гомерическихъ поэмъ, но древнія вѣрованія въ ней значительно обновлены. Много заимствуя у прошлаго, Виргилій вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ обязанъ настоящему. Желая написать самостоятельное произведеніе, а не искусственное подражаніе эпопеямъ Гомера, онъ поневолѣ долженъ былъ приноровлять древность къ понятіямъ своей эпохи. Обыкновенно находятъ, что его миѳологія менѣе оживлена и представляетъ менѣе прелести и интереса, чѣмъ миѳологія *Иліады* и *Одиссеи*, и объясняютъ это низшею степенью его таланта; но при этомъ надо также принимать въ разсчетъ разницу во времени. Самые успѣхи, совершонные человѣческимъ умомъ впродолженіе столькихъ вѣковъ размышленія, изученія и разысканій, обращались нерѣдко противъ него. Съ тѣхъ поръ, какъ люди составили себѣ болѣе высокое понятіе о божествѣ и начали больше отдѣлять его отъ человѣка, сдѣлалось гораздо труднѣе выводить вмѣстѣ на сцену боговъ и людей; вотъ почему Виргилій, разсказывая какое-нибудь событіе, не съ такою легкостью вводитъ въ него боговъ, какъ Гомеръ. Боги его какъ бы избѣгаютъ полнаго свѣта и спѣшатъ укрыться въ туманѣ, чтобы лучше сохранить свое достоинство. Во время послѣдняго рѣшительнаго сраженія вокругъ Лаврента поэтъ то и дѣло приводитъ ихъ на поле битвы. Иногда онъ дѣ-

лаетъ это крайне неловко [66]) и вообще не можетъ удержать ихъ тамъ на продолжительное время. Самое вмѣшательство ихъ онъ обыкновенно описываетъ очень сухо и коротко. «Въ эту минуту, говоритъ онъ, божественная сестра Турна извѣстила его, что онъ долженъ идти на помощь Лаузу [67])»; или: «божественная Венера устранила отъ Энея удары его врага [68])»; или еще: «по повелѣнію Юпитера Мезенцій устремляется на троянцевъ [69])». И больше ничего. Невольно вспоминаются при этомъ гомерическія картины битвъ и широкое участіе, принимаемое въ нихъ богами. Когда дѣйствіе переносится съ земли на небо, оно также бываетъ непродолжительно. Въ самый разгаръ борьбы поэтъ хочетъ оторвать насъ отъ поля битвы, усѣяннаго трупами, и успокоить наши взоры другимъ зрѣлищемъ. «Боги, говоритъ онъ, собравшись въ чертогѣ Юпитера, сожалѣютъ о такомъ безполезномъ гнѣвѣ и соболѣзнуютъ о страданіяхъ, наносимыхъ смертными самимъ себѣ. Съ одной стороны Венера, а съ другой Юнона, смотрятъ на битву [70])». Больше онъ ничего не прибавляетъ, и мы тотчасъ возвращаемся на землю; поневолѣ подумаешь, что не стоило пускаться въ такой далекій путь, чтобы такъ скоро вернуться назадъ. Такіе недостатки поразительны, но было бы несправедливо приписывать ихъ исключительно одному Виргилію. Если у Виргилія чудесная сторона не такъ богата и не отличается обиліемъ подробностей и разнообразіемъ, то это не потому, чтобы талантъ его былъ слабъ, но потому что современники его сдѣлались настолько строги, что не любили смѣшивать при всякомъ удобномъ случаѣ боговъ и людей и заставлять божество принимать участіе въ обыкновенныхъ дѣлахъ.

Положеніе поэта было очень затруднительно. Требованія его времени были таковы, что онъ не могъ, ни совершено отступить отъ гомерическихъ чудесъ, ни держаться ихъ вполнѣ, такъ что ему часто приходилось измѣнять Гомера. А благодаря значительнымъ измѣненіямъ подробностей онъ исказилъ и цѣлое; но измѣнилъ онъ его главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать его болѣе нравственнымъ и серьёзнымъ и чтобы болѣе приспособить его къ тѣмъ понятіямъ,

---

[66]) Гейне замѣчаетъ (*Excurs.*, 3, *ad lib.* IX), что вмѣшательство боговъ очень часто приводится словами *interea* или *forte*.

[67]) X, 439.

[68]) X, 331.

[69]) X, 689.

[70]) X, 758. Точно такъ же величественная сцена, когда Юпитеръ кладетъ на вѣсы судьбу Турна и Энея, описана въ трехъ стихахъ. (XII, 725).

которыя современники его имѣли о достоинствѣ божества. Виргилій принадлежалъ къ числу людей, думавшихъ, подобно Пиндару, «что о богахъ слѣдуетъ говорить только прекрасное». Такъ напримѣръ, разсказавъ, на основаніи преданій, что Тритонъ позавидовалъ Мизену, слишкомъ хорошо игравшему на вогнутой раковинѣ, и отдѣлался отъ своего соперника, потопивъ его въ волнахъ, онъ спѣшитъ прибавить, что трудно вѣрить этому разсказу [71]. Вспоминая о ничтожныхъ причинахъ, по которымъ Юнона преслѣдуетъ такого благочестиваго человѣка, какъ Эней, онъ не можетъ удержаться, чтобы не воскликнуть съ изумленіемъ: *Tantae ne animis coelestibus irae* [72])! (Неужели столько гнѣва въ душахъ небожителей)! Но все это доказываетъ его робкую осторожность; окружающіе его шли гораздо дальше. Уже Цицеронъ энергически нападалъ на безсмысленныя басни, «которыя изображаютъ боговъ воспламененными гнѣвомъ и увлеченными до бѣшенства, описываютъ ихъ ссоры, битвы и раны, разсказываютъ объ ихъ ненависти, распряхъ, объ ихъ рожденіи и смерти, показываютъ ихъ стонущими и плачущими, заключенными въ оковы, беззастѣнчиво погруженными во всякаго рода наслажденія и поддерживающими съ человѣческимъ родомъ нечистыя сношенія, откуда происходятъ смертные, зачатые безсмертнымъ [73])». Въ сущности жестокія жалобы Цицерона относились къ Гомеру, а мы видѣли, что Виргилій, писавшій не для немногихъ образованныхъ людей, но для большинства, не могъ отказаться отъ него. Онъ поневолѣ долженъ былъ признавать гнѣвныхъ боговъ и богинь, когда гнѣвъ Юноны былъ причиною главнѣйшихъ событій его поэмы; равнымъ образомъ онъ не могъ вполнѣ умалчивать «о нечистыхъ сношеніяхъ» богинь съ простыми смертными, когда его герой былъ именно плодомъ подобной любви; тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти внѣшнія приличія. Онъ не позволяетъ себѣ разсказывать о богахъ всѣхъ легкомысленныхъ исторій, которыя впослѣдствіи будутъ такъ охотно собраны Овидіемъ; онъ повозможности старается придать имъ видъ, внушающій уваженіе. Даже Венера описана имъ въ самыхъ цѣломудренныхъ и нѣжныхъ чертахъ. Только разъ онъ изображаетъ ее въ тотъ моментъ, когда она пускаетъ въ ходъ свои обыкновенныя орудія кокетства и соблазна; но такъ какъ она дѣлаетъ это для

---

[71]) VI, 173: *si credere dignum est*. (Если этому стоитъ вѣрить).

[72]) I, 11.

[73]) *De nat. deor*; I, 16.

того, чтобы плѣнить своего мужа, то самая строгая мораль не имѣетъ въ этомъ случаѣ поводовъ къ жалобѣ. Во всей остальной поэмѣ она является уже не какъ богиня любви, а какъ мать, трепещущая за своего сына, и это чувство, поглощая ее вполнѣ, возвышаетъ ее и очищаетъ. Этотъ сынъ—степенный, благочестивый Эней; повидимому, ей не хочется имѣть поводовъ краснѣть передъ нимъ, и вотъ почему, по чувству тончайшей деликатности, она является ему на африканскомъ берегу подъ видомъ непорочной Діаны. И Юпитеръ получилъ также отъ Виргилія болѣе достойный видъ и болѣе почтенное значеніе. Въ *Энеидѣ* уже нѣтъ рѣчи о возмущеніяхъ, подвергающихъ опасности его власть; здѣсь онъ является вполнѣ богомъ боговъ, который поглотитъ со временемъ всѣхъ остальныхъ и ежедневно пользуется успѣхами, дѣлаемыми единобожіемъ. Правда, что онъ объясняетъ могущество Юпитера его заботами о дѣлахъ сего міра. Съ высоты небесъ взираетъ онъ на море, покрытое парусами, на обширныя земли, на берега и народы [74]; и онъ дѣлаетъ это не для того только, чтобы развлечься зрѣлищемъ человѣческой дѣятельности: онъ хочетъ добросовѣстно исполнить роль попечителя, и поэтъ разсказываетъ намъ о важныхъ заботахъ, волнующихъ его въ то время, какъ онъ озираетъ вселенную [75]. Нерѣдко онъ напоминаетъ богамъ о забываемыхъ ими божескихъ обязанностяхъ и, зная предпріимчивость людей, не допускаетъ ихъ брать верхъ надъ божествомъ [76]. Какъ у греческаго Юпитера, у него есть свой совѣтъ, который онъ собираетъ въ важныхъ случаяхъ; но этотъ совѣтъ не совсѣмъ похожъ на тѣ шумныя, многолюдныя, демократическія собранія Гомера, гдѣ присутствуютъ и великіе, и малые боги: «сошлися всѣ, и потоки, и рѣки, кромѣ океана сѣдаго; самыя нимфы явились, живущія въ рощахъ прекрасныхъ, и въ источникахъ свѣтлыхъ и въ злачно-цвѣтущихъ долинахъ [77]». Виргилій допускаетъ на нихъ только великихъ боговъ, онъ не заставляетъ ихъ разсуждать, выпивши вина,—это опасная привычка, ведущая ко многимъ злоупотребленіямъ,—но изображаетъ ихъ чинно сидящими, какъ сенаторы въ куріи. Юпитеръ говоритъ съ ними съ совершенно римскимъ достоинствомъ, а когда онъ

---

74) I, 223.

75) I, 227.

76) Особенно замѣчателенъ его гнѣвъ, когда онъ узнаетъ, что Эскулапъ возвратилъ Ипполиту жизнь, (VII, 770) и его отказъ даровать безсмертіе кораблямъ Энея. (IX, 95).

77) *Иліада*, XX, 8.

умолкаетъ и встаетъ съ своего золотаго трона, боги окружаютъ его и провожаютъ, какъ какого-нибудь римскаго сановника или знатнаго гражданина [78]). Казалось бы, что такія мелочныя перемѣны, не важны, а между тѣмъ на нихъ слѣдуетъ обращать вниманіе потому что онѣ выражаютъ собою уступки духу времени, дѣлаемыя поэтомъ; онѣ показываютъ намъ, что онъ не хотѣлъ избѣгать ихъ, и по нимъ можно видѣть, какимъ образомъ онъ вводилъ идеи, думы и сомнѣнія своихъ современниковъ даже въ такія описанія и разсказы, основаніе которыхъ заимствовано имъ у стараго Гомера.

Еслибы Виргилій въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ только смѣшивалъ старое съ новымъ и прошедшее съ настоящимъ, онъ нисколько не отличался бы отъ людей своего времени, потому что тогдашняя религія состояла именно изъ этой смѣси древнихъ и новыхъ элементовъ. Но онъ подъ часъ какъ будто предчувствуетъ вѣрованія будущаго. Въ его поэзіи слышатся иногда какъ бы христіанскіе звуки; ему случается выражать чувства, если не совсѣмъ чуждыя язычеству, то и не совсѣмъ для него обыкновенныя, и общій характеръ его поэмы не вполнѣ сходенъ съ характеромъ всѣхъ остальныхъ произведеній, вдохновленныхъ древними религіями. Онъ питаетъ отвращеніе къ войнѣ, хотя много воспѣвалъ ее, и строго осуждаетъ «преступное безуміе битвъ» [79]). Прославляя въ одной поэмѣ царей и называя ихъ сынами боговъ, онъ находитъ возможность съ чувствомъ говорить о слабыхъ и смиренныхъ [80]). Онъ полонъ нѣжности къ несчастнымъ и угнетеннымъ и сочувствуетъ людскимъ горестямъ [81]). Его герой, столь грустный, покорный, недовѣрчивый къ своимъ силамъ, готовый на всякія жертвы, послушный велѣніямъ неба, уже имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя черты христіанскаго героя. Удивительно, что описывая недостойныя стороны языческихъ боговъ, исправить которыя онъ не могъ вполнѣ, но за то значительно измѣнилъ, онъ иногда возвышается до чистой идеи о божествѣ. Онъ видитъ въ немъ подъ-часъ единственное прибѣжище для страждущихъ и угнетенныхъ. Непокорнымъ умамъ, презирающимъ человѣчество и не боящимся силы, онъ напоминаетъ, что есть боги и что они не забываютъ ни добродѣтели, ни преступленій [82]). Онъ говоритъ, что

---

78) X, 117.
79) VII, 461: *scelerata insania belli.*
80) См. особенно VIII, 407.
81) I, 462: *Sunt lacrymae rerum!* (И вотъ слезы для несчастій).
82) I, 542.

людямъ, совершившимъ доброе дѣло, боги даютъ чистѣйшую изъ наградъ, которая состоитъ въ душевной радости вслѣдствіе сознанія сдѣланнаго добра [83]). При всякой душевной боли люди прежде всего обращаются къ нимъ; они испрашиваютъ себѣ прощеніе въ ихъ храмахъ у подножія алтарей [84]). Въ ихъ присутствіи человѣкъ становится смиреннымъ и почтительнымъ: «обратите только на насъ свои взоры, говорятъ имъ, и ниспошлите намъ помощь, если вы найдете, что мы заслужили ее своимъ благочестіемъ [85])». Если боги откажутъ, люди покоряются. Даже тогда, когда гнѣвъ ихъ поражаетъ честнаго человѣка, или губитъ цѣлый неповинный народъ, люди не ропщутъ. «Такъ угодно богамъ»! говорятъ они и безропотно подчиняются ихъ волѣ [86]).

Очень понятно, что эти прекрасныя мѣста поражали читавшихъ ихъ христіанъ. Находя въ *Энеидѣ* столь родныя для себя чувства, они, вѣроятно, уже издавна возъимѣли желаніе присвоить себѣ Виргилія, а четвертая эклога подала имъ даже мысль, что они имѣютъ на это право. Безполезно будетъ приводить здѣсь всѣ споры, возникавшіе по ея поводу и уже разрѣшенные въ настоящее время. Довольно будетъ напомнить о томъ, что она воспѣваетъ рожденіе какого-то чудеснаго ребенка, который долженъ привести за собою на землю золотой вѣкъ. Такъ какъ объ этомъ дитятѣ говорится очень неясно, и такъ какъ критики не могли единодушно согласиться относительно того, что это было за дитя [87]),

---

83) IX, 253.
84) IV, 56.
85) II, 690.
86) II, 428: *Dis aliter visum*! (Такъ угодно богамъ)! А также III, 2.
87) Въ настоящее время всѣ вообще полагаютъ, что дѣло шло объ Азиніи Галлѣ, сынѣ Полліона. Это мнѣніе опирается на свидѣтельство Асконія Педіана, жившаго при Тиберіи и, слѣдовательно, почти въ одно время съ поэтомъ Онъ говорилъ, вѣроятно въ своей книгѣ, называемой: *Contra obtrectatores Virgilii*, что слышалъ отъ самого Галла, будто эта эклога была сочинена въ его честь. (Серв., *Вис.*, 4, 11). Какъ ни важно это свидѣтельство, но изъ него не слѣдуетъ все-таки выводить излишнихъ заключеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Галлъ могъ увѣрять Асконія, будто эклога была написана въ его честь, но легко могло быть, что, говоря это, онъ лгалъ. Этотъ тщеславный человѣкъ такъ ревниво заботился о славѣ своего семейства, что даже написалъ книгу, наполненную всякаго рода ложью и называемую: *О сравненіи Цицерона съ его отцомъ.* Его считали претендентомъ на императорскій престолъ, и Августъ говорилъ про него, что онъ желаетъ трона, хотя не стоитъ его. Понятно, что для того чтобы основать прочнѣе свои притязанія, ему не безполезно было увѣрять, будто онъ самъ и былъ то чудесное дитя, предска-

христіане пришли къ тому убѣжденію, будто Виргилій желалъ возвѣстить рожденіе Христа. Задавшись извѣстною мыслью, этому легко было повѣрить. Все, какъ нальзя лучше подходило къ Спасителю: и прекрасныя описанія и великія обѣщанія, расточаемыя поэтомъ, и волненіе всей природы, выражающееся въ сотрясеніи земли и неба, которыя привѣтствовали божественное дитя, и счастіе пред-

---

занное Виргиліемъ, которое должно было управлять міромъ и дать ему спокойствіе и счастіе. Слѣдовательно, увѣреніе Галла не безкорыстно, и есть много причинъ сомнѣваться въ немъ. Полліонъ постоянно оставался на второмъ планѣ, хотя и стремился къ первому. Какъ ни блестяще было его положеніе, онъ не могъ основывать на немъ надеждъ на столь высокую участь для своего сына. Виргилій говоритъ, что онъ будетъ управлять міромъ, *reget orbem*, (17); подобныя слова превышаютъ понятіе о консульской власти. Было бы безумно говорить такимъ образомъ, въ присутствіи тріумвировъ, о сынѣ одного изъ ихъ намѣстниковъ. Но всего удивительнѣе кажется мнѣ то, что возвѣщая Полліону рожденіе этого чудеснаго дитяти, онъ постоянно говоритъ, что оно родится именно въ его консульство, что счастіе міра начнется подъ его покровительствомъ: *te duce, te consule* (Подъ твоимъ предводительствомъ, во время твоего консульства); почему же онъ нигдѣ не упоминаетъ, что это будетъ именно его сынъ? Само собою разумѣется, что гораздо славнѣе быть отцомъ дитяти, долженствующаго царствовать надъ міромъ, чѣмъ простымъ хронологическимъ числомъ въ его жизни, и намъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ Виргилій, желая чествовать Полліона, умышленно умалчивалъ о томъ, что должно было принести ему наибольшую честь. Нѣкоторые полагали, что здѣсь говорилось о ребенкѣ Октавія и Скрибоніи, и это мнѣніе казалось сперва болѣе вѣроятнымъ. Октавій женился на Скрибоніи въ началѣ 714 г. (Діонъ XL III, 16); думали, что она сдѣлается матерью къ концу этого года. Быть можетъ, Виргилій желалъ заранѣе прославить ребенка своего благодѣтеля, и неудивительно, если онъ назвалъ его сыномъ боговъ, *deum soboles*, такъ какъ въ эклогѣ, написанной имъ въ предъидущемъ году, онъ обоготворилъ самого отца: *namque erit ille mihi semper deus* (ибо для меня онъ всегда будетъ богомъ). Но это мнѣніе встрѣтило серьёзныя возраженія; самое важное изъ нихъ то, что Виргилій говоритъ, повидимому, уже о родившемся ребенкѣ; кромѣ того, если бы онъ дѣйствительно хотѣлъ говорить о ребенкѣ, еще долженствующемъ родиться, надо было бы, чтобы онъ слишкомъ твердо вѣрилъ въ счастливую судьбу Августа, утвердительно говоря, что у него непремѣнно родится сынъ. Извѣстно, что этотъ герой, который долженъ былъ привести за собою золотой вѣкъ, была дочь,—и какая еще дочь! Можетъ быть, что такая, чуть не комическая, ошибка и помѣшала впослѣдствіи Виргилію объясниться. Онъ охотно, оставлялъ покровъ неясности надъ своимъ неисполнившимся пророчествомъ, и это самое позволило Галлу приписать себѣ выгоды высокой участи, и заставило христіанъ предполагать, будто поэтъ желалъ возвѣстить рожденіе Христа. Какъ бы то ни было, но вопросъ этотъ остается все-таки довольно сомнительнымъ.

сказанное человѣчеству при нисхожденіи его съ небесной высоты, обновленіе и, такъ сказать, возрожденіе древняго міра, который возвратится вмѣстѣ съ нимъ къ своей юности и къ своимъ первымъ годамъ, все это глубоко вѣрующій человѣкъ могъ примѣнить только къ одному Спасителю.

«Къ кому иному, говоритъ Св. Августинъ, могъ бы человѣкъ обратиться съ слѣдующими словами: Подъ твоимъ покровомъ изгладится всякій слѣдъ нашего преступленія, и земля освободится отъ своихъ вѣчныхъ тревогъ». [88]) Даже въ подробностяхъ и въ самомъ слогѣ эклоги христіане находили иногда символическія выраженія своего религіознаго языка: столь близкія ихъ сердцу слова о стадѣ и пастырѣ, воспоминаніе о первобытномъ грѣхѣ, слѣды котораго должны быть изглажены, гибель змія, напоминавшая имъ ихъ священныя книги, — все это окончательно убѣждало ихъ въ томъ, что поэтъ говорилъ именно о Христѣ. Разсказываютъ, будто въ самый разгаръ гоненія Деція три язычника изъ Южной Италіи, прочитавъ Виргилія, обратились въ христіантво и явились воспріять мученическій вѣнецъ [89]). Въ своей рѣчи къ Отцамъ Никейскаго Собора, Константинъ прямо опирается на четвертую эклогу и приводитъ бо́льшую часть ея, чтобы доказать божественность Христа. Такимъ образомъ мнѣніе, будто Виргилій былъ прозорливецъ и апостолъ, получило нѣкотораго рода торжественное освященіе. Оно не подвергалось сомнѣнію даже въ средніе вѣка. Въ то время въ нѣкоторыхъ странахъ существовалъ обычай, что въ день Рождества Христова среди церкви собирались люди, изображавшіе собою всѣхъ пророковъ, предсказывавшихъ пришествіе Спасителя, и ихъ приглашали поочередно повторить свои предсказанія передъ народомъ. Послѣ Моисея, Исаіи, Давида и прочихъ ветхозавѣтныхъ лицъ, вызывали Виргилія и говорили ему: «Приди и ты, языческій пророкъ, и свидѣтельствуй о Христѣ» [90]). Тогда изъ толпы выступалъ Виргилій, «облеченный въ дорогія одежды и подъ видомъ молодаго

88) *Epist.*, 258.

89) Тиллемонъ, *Hist. eccles*, III, 331. Извѣстно также, что Дантъ разсказываетъ, будто Стацій обратился въ христіанство послѣ чтенія четвертой эклоги. Поэтъ *Ѳиваиды,* встрѣтивъ Виргилія въ чистилищѣ, благодаритъ его за то, что онъ далъ ему узнать истину и привѣтствуетъ его, говоря: *Per te poeta fui, per te Cristiano.* (Черезъ тебя я сталъ поэтомъ, черезъ тебя христіаниномъ).

90) *Vates, Maro, gentilium, Da christo testimonium.* (Ducange, III, 255).

человѣка» [91]), и произносилъ слѣдующія слова, представляющія небольшой варіантъ стиховъ его эклоги: «Новое поколѣніе нисходитъ съ неба на землю» [92]).

Конечно, въ точномъ смыслѣ слова мнѣніе это ошибочно: Христосъ родился не въ 714 году и не въ консульство Полліона, а лѣтъ сорокъ спустя; подобная ошибка была бы непростительна для пророка. Кромѣ того, Гейне указываетъ на то, что, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, происхожденіе и вдохновеніе эклоги Виргилія отличаютя вполнѣ языческимъ духомъ. То, что онъ воспѣваетъ, въ концѣ концовъ не что иное, какъ легендарный золотой вѣкъ; онъ говоритъ о цвѣтахъ и плодахъ, выростающихъ безъ обработки, о дубахъ, источающихъ медъ, о виноградѣ, висящемъ на кустахъ, о стадахъ, добровольно приносящихъ пастуху свои полные сосцы и пр. Образы эти хорошо извѣстны, они взяты у греческихъ поэтовъ, а не изъ священныхъ книгъ. Есть, впрочемъ одна сторона, по которой четвертая эклога можетъ быть отнесена къ исторіи христіанства, открываемое ею состояніе душъ было не безполезно для его быстрыхъ успѣховъ. Въ то время всѣ были убѣждены, что истощенный міръ приближается къ какому-то великому перелому, и что готовится какой-то переворотъ, который возвратитъ ему его юность. Неизвѣстно, откуда взялась эта мысль, но распространилась она чрезвычайно быстро. Древніе мудрецы раздѣляли обыкновенно жизнь міра на нѣсколько эпохъ и думали, что по прошествіи ихъ, циклъ ихъ начнется вновь; а въ этотъ моментъ жрецы, гадатели и философы, разнорѣчившіе относительно всѣхъ остальныхъ вопросовъ, сходились между собою въ томъ, что человѣчество дошло до конца одного изъ этихъ длинныхъ періодовъ, и что возобновленіе уже близко. Во то время какъ ученики Пиѳагора и Платона утверждали, что по окончаніи великаго года свѣтила небесныя займутъ то самое положеніе, какое они занимали при началѣ міра [93]), этрусскіе гаруспиціи читали въ небесахъ, что вскорѣ начнется десятый послѣдній вѣкъ [94]), а орфики предсказывали, что скоро наступитъ царство Сатурна, т. е. что снова вернется золотой вѣкъ [95]). Сивиллинскіе оракулы про-

---

[91]) *Virgilius juvenali in habitu, bene ornatus.*

[92]) *Ecce polo demissa solo nova progenies est.*

Ср. *Букол.*, IV, 7.

[93]) Серв. *Bucol.*, IV, 4.

[94]) Цензоринъ, *De die nat.*, 17.

[95]) Серв., *Bucol.*, IV, 10.

никлись этими мнѣніями и распространяли ихъ въ народѣ; а въ то время они были въ большомъ ходу. Тѣ изъ нихъ, которые Тарквиній купилъ у кумской сивиллы, и къ которымъ Римъ такъ набожно обращался впродолженіе многихъ вѣковъ, уже не существовали: они погибли при Силлѣ во время пожара Капитолія. Но за ними было послано въ города Южной Италіи, Греціи и Азіи, чтобы помѣстить ихъ въ новомъ Капитоліи [96]). Такое собираніе ихъ, вѣроятно, подняло ихъ кредитъ; великое множество оракуловъ явилось съ Востока, который изобиловалъ ими, и они наводняли собою Римъ до тѣхъ поръ, пока Августъ не сталъ ихъ преслѣдовать и не велѣлъ побросать въ огонь. Итакъ, въ то время со всѣхъ сторонъ раздавались голоса гадателей и мудрецовъ, возвѣщавшихъ приближеніе новой эпохи. Эти предсказанія были обращены къ несчастнымъ, пережившимъ междоусобныя войны, присутствовавшимъ при проскрипціяхъ и чувствовавшимъ потребность успокоиться отъ бѣдствій дѣйствительной жизни съ помощью химерическихъ картинъ будущаго благополучія; понятно, какъ жадно они должны были всѣми приниматься. Въ то время всюду было какое-то броженіе, какое-то ожиданіе, какая-то безграничная надежда. «Вся тварь совокупно стенаетъ и мучится до нынѣ», говоритъ Апостолъ Павелъ [97]). Главный интересъ стиховъ Виргилія состоитъ въ томъ, что они отражаютъ въ себѣ отчасти тогдашнее состояніе душъ. Состояніе это потому важно знать, что оно послужило на пользу христіанству: философы, гаруспиціи и халдеи трудились для него, сами того не зная; всѣ тогдашнія пророчества, воспламенявшія болѣзненное воображеніе, подготовляли собою послѣдователей христіанству. Благодаря имъ, его желали, еще не зная его, а когда оно явилось, то безъ труда привлекло къ себѣ всѣхъ несчастныхъ, бѣдныхъ и презираемыхъ, которые только и жили смутными надеждами и со страхомъ ожидали осуществленія своихъ мечтаній.

Только въ этомъ смыслѣ можно назвать Виргилія нѣкотораго рода предшественникомъ христіанства. Онъ принадлежалъ къ числу людей, уготовившихъ пути его и безъ своего вѣдома помогшихъ ему овладѣть міромъ. Данте съ поразительною образностью высказалъ эту мысль, сравнивая Виргилія «съ человѣкомъ, который, идучи ночью, несетъ за собою свѣтильникъ, но самъ не поль-

---

96) Александръ, *Orac. Sibyll.*, II, стр. 180.
97) *Къ Римлян.*, 8, 22.

зуется его свѣтомъ, а свѣтитъ тѣмъ, кто слѣдуетъ за нимъ». Не будучи самъ христіаниномъ, онъ своими сочиненіями располагалъ людей къ новому ученію, и потому Христіанство никогда не считало его совершенно себѣ чуждымъ. Въ средніе вѣка существовала очень распространенная легенда, будто Апостолъ Павелъ, проѣзжая черезъ Неаполь, приказалъ сводить себя на могилу Виргилія. «Апостолъ, говорилось въ заключеніе легенды, остановился передъ мавзолеемъ и оросилъ камень благочестивыми слезами.—Какого человѣка я сдѣлалъ бы изъ тебя, сказалъ онъ, застань я тебя въ живыхъ, о величайшій изъ поэтовъ»! [98]) Дѣйствительно, Виргилій былъ однимъ изъ наиболѣе христіанскихъ умовъ язычества. Хотя и преданный всѣмъ сердцемъ древней религіи, онъ подъ-часъ какъ будто предчувствуетъ новую, и благочестивому христіанину легко могло казаться, что Виргилій лишь потому не принялъ христіанства, что оно было ему неизвѣстно.

---

[98]) Ad Maronis mausoleum
Ductus, fudit super eum
Piae rorem lacrimae.
«Quem te, inquit, reddidissem,
Si te vivem invenissem,
Poetarum maxime!».

См. Компаррети, *Virgilio nel medio evo*, I, стр. 128 и сл.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Шестая книга Энеиды.

Всю шестую книгу *Энеиды* Виргилій посвятилъ описанію того, какъ Эней нисходилъ во адъ. Нельзя сказать, чтобы эта книга была совершенно необходима для развитія дѣйствія поэмы, хотя она очень искусно связана съ нимъ; поэма положительно могла обойтись безъ нея, но поэтъ считаетъ необходимымъ написать ее. Онъ желалъ сообщить намъ свои мысли относительно того, въ какомъ состояніи находятся души послѣ смерти. Этотъ предметъ занималъ его умъ и волновалъ его воображеніе; онъ принялся за него безъ посторонняго принужденія и всѣми силами старался получше изложить его. Вѣроятно, онъ самъ былъ всего болѣе доволенъ этою частью своего труда, потому что читалъ ее вслухъ императору и его семейству, и эта самая часть, вѣроятно, всего сильнѣе поразила римлянъ. Сервій находитъ, что Виргилій нигдѣ не обнаружилъ болѣе знаній, и говоритъ, что ученые написали по поводу этой книги множество спеціальныхъ трактатовъ, въ которыхъ старались объяснить встрѣчающіяся въ ней трудности [1]). Если бы эти трактаты дошли до насъ, мы, вѣроятно, не почерпнули бы изъ нихъ ничего особеннаго; они нисколько не помѣшали Сервію путаться подъ-часъ въ своихъ объясненіяхъ. Но для того, чтобы уловить мысль поэта, мы имѣемъ болѣе вѣрныя средства, нежели эти комментаріи. Такъ какъ и здѣсь онъ, вѣроятно, слѣдовалъ своей всегдашней методѣ, состоявшей въ томъ, чтобы ничего не выдумывать отъ себя и постоянно опираться на мнѣнія современниковъ и на преданія старины, то намъ слѣдуетъ прежде

---

[1]) *Totus quidem Virgilius scienta plenus est, in qua hic liber possidet principatum... adeo ut plerique de his singulis hujus libri integras scripserint pragmatias.* Серв., *Aen.*, VI, *prooem.* (Хотя Виргилій полонъ знанія, и въ этомъ отношеніи эта книга занимаетъ первое мѣсто... такъ что многіе написали цѣлые трактаты о каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ этой книги).

всего разсмотрѣть, какимъ перемѣнамъ подвергалось у римлянъ вѣрованіе въ будущую жизнь и что о ней думали въ послѣдніе годы республики. Перенося такимъ образомъ произведеніе Виргилія въ его эпоху, мы будемъ имѣть болѣе вѣроятностей понять его.

I.

Вѣрованіе древнихъ римлянъ въ непреходимость жизни.—Какимъ образомъ они представляли себѣ сначала будущую жизнь.—Введеніе въ Римъ чужеземныхъ вѣрованій.—Мнѣнія этрусковъ.—Греческія легенды.—Системы философовъ.—Эпикуреизмъ. — Причины его успѣха. — Почему онъ находился въ упадкѣ въ началѣ имперіи.

Вѣрованіе, что жизнь продолжается и послѣ смерти не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя поздно являются у народа и представляютъ собою плодъ изученій и размышленій. Напротивъ того, еще въ древности было замѣчено, что вѣрованіе это было очень глубоко у нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ; такъ, напримѣръ, галлы нисколько не затруднялись давать взаймы деньги съ условіемъ получить ихъ на томъ свѣтѣ, дотого они были увѣрены встрѣтиться тамъ съ должникомъ [2])! Съ своей стороны римляне не дожидались Пиѳагора и Платона для того, чтобы убѣдиться, что человѣкъ умираетъ не весь. Цицеронъ говоритъ, что слѣды этого вѣрованія встрѣчаются въ древнѣйшей исторіи Рима, что оно существовало уже въ ту эпоху, когда люди рѣшились составить древнѣйшіе гражданскіе и религіозные законы, и что безъ него нельзя было бы понять ни погребальныхъ церемоній, ни предписаній жрецовъ по поводу гробницъ [3]).

Происхожденіе его одинаково во всѣхъ странахъ; оно всюду возникаетъ вслѣдствіе отвращенія, внушаемаго человѣку мыслью объ его совершенномъ уничтоженіи. Слѣдовательно, сначала это не болѣе, какъ инстинктъ, но инстинктъ непреоборимый; впослѣдствіи же онъ подкрѣпляется еще другими причинами. По мнѣнію Цицерона, распространенію и утвержденію этого вѣрованія болѣе всего способствовали ночныя грезы или сны, которымъ такъ сильно вѣрятъ обыкновенно наивныя души, еще не умѣющія восходить отъ дѣйствія къ причинѣ [4]). Видя во снѣ умершихъ родственниковъ

---

[2]) Валер. Макс., II, 6, 10.

[3]) *Tusc.*, I, 12,

[4]) *Tusc.*, I, 13.

и друзей, они не могли сомнѣваться, чтобы тѣ не продолжали существовать. Отомстивъ за смерть Патрокла, Ахиллъ, полный печали и сожалѣній, засыпаетъ на берегу шумящаго моря. Во снѣ онъ видитъ своего умершаго друга, и тотъ требуетъ у него могилы. «Милосердые боги! восклицаетъ онъ, проснувшись: значитъ, и въ жилищахъ Гадеса еще существуетъ какой-то остатокъ жизни! [5])» Вѣроятно, подобное размышленіе приходило въ голову всякому, кто видѣлъ во снѣ покойника, и то, что вначалѣ было причиною вѣрованія въ безсмертіе души, осталось подъ конецъ для многихъ людей надежнѣйшимъ его доказательствомъ. Это вѣрованіе сдѣлалось до такой степени популярнымъ, что имъ не затруднился даже воспользоваться одинъ изъ отцовъ церкви, Св. Юстинъ [6]). Вся древность твердо вѣрила появленію во снѣ покойниковъ [7]); многіе чрезвычайно боялись его, другіе, напротивъ того, желали, какъ единственнаго средства свидѣться хоть на мигъ съ дорогими сердцу людьми, на вѣкъ ими утраченными. Иногда ихъ умоляли даже явиться къ тѣмъ изъ живыхъ, кого они любили при жизни. «Если слезы къ чему-нибудь пригодны, говорили имъ, явись намъ въ сновидѣніи [8])». Иногда смиренно молили адскія силы не препятствовать подобнаго рода странствованіямъ: «Святые Маны, говоритъ женщина, только что потерявшая своего мужа, поручаю его вамъ; будьте къ нему снисходительны для того, чтобы я могла видать его въ часы ночные [9])». Слѣдовало ли доказывать безсмертіе души людямъ, которые были вполнѣ убѣждены, что мертвецы являются бесѣдовать съ ними, и потому, такъ сказать, собственными глазами видѣли это безсмертіе? Они съ трудомъ могли себѣ представить, чтобы кто-нибудь могъ быть менѣе убѣжденъ въ немъ, чѣмъ они сами. Вотъ, что заставляютъ говорить двухъ дѣвушекъ, похороненныхъ въ одной могилѣ: «Ты, читающій эту надпись и сомнѣвающійся въ существованіи Манъ, призови насъ произнесши обѣтъ, и ты тогда узнаешь [10])».

---

[5]) *Иліада*, XXIII, 100.

[6]) Св. Юстинъ, *Apol.*, I, 18.

[7]) Относительно этого вѣрованія см. Фридлендера, *Sittengeschichte Roms*, III, ст. 640 и гл.

[8]) *Corp. inscr., lat.*, II, 4427: *Lacrimae si prosunt, visis te ostende videri.*

[9]) Орелли, 4775: *Ita peto vos, Manes sanctissimae, commendatum habeatis meum conjugem, et vellitis huic indulgentissimi esse horis nocturnis ut eum videam.*

[10]) Орелли, 7346: *Tu qui legis et dubitas Manes esse, sponsione facta, invoca nos et intelliges.*

Итакъ, въ Римѣ всегда вѣрили, что человѣкъ продолжаетъ существовать послѣ смерти; но какимъ образомъ представляли себѣ сначала это продолженіе жизни? Такъ какъ люди не сразу достигли умѣнія ясно отдѣлять тѣло отъ души, то они предполагали, что душа и тѣло продолжаютъ вести совмѣстную жизнь въ могилѣ [11]). Такова была въ Римѣ, какъ и повсюду, форма вѣрованія въ безсмертіе души; но здѣсь она пережила сама себя, давъ начало обычаямъ и предразсудкамъ, существовавшимъ даже послѣ нея и существующимъ отчасти и донынѣ. Слѣды ея всего замѣтнѣе въ погребальныхъ обрядахъ, набожно исполнявшихся римлянами даже въ то время, когда она уже не соотвѣтствовала ихъ новымъ убѣжденіямъ. Не только во времена Виргилія, но и позже, продолжали говорить, что могила скрываетъ въ себѣ душу человѣка вмѣстѣ съ его тѣломъ, хотя въ то же время думали, что душа находится въ другомъ мѣстѣ [12]); въ концѣ церемоніи продолжали кланяться покойнику, повторяя ему три раза: будь здоровъ; проходя мимо того мѣста, гдѣ онъ былъ похороненъ, попрежнему говорили: пусть земля будетъ легка надъ тобою! А въ праздничные дни продолжали собираться семействами на родныхъ могилахъ и обѣдать на нихъ, думая, что покойники принимаютъ участіе въ ѣдѣ. Цицеронъ осуждаетъ этотъ обычай, находя его недостойнымъ благоразумныхъ людей [13]), но надписи доказываютъ, что въ то время всѣ его уважали. На это послѣднее жилище человѣка обращали тогда величайшее вниманіе и старались устроить его какъ можно приличнѣе и безопаснѣе. Суевѣрные люди невольно боялись, что если ихъ лишатъ погребенія или похоронятъ не по установленнымъ обычаямъ [14]), то душѣ ихъ придется странствовать и она не будетъ пользоваться вѣчнымъ покоемъ, а вѣчный покой былъ для нихъ всего желательнѣе въ будущей жизни. Вслѣдствіе того они немало хлопотали, чтобы еще до смерти заготовить себѣ могилу и, главное, пріобрѣсти ее себѣ въ исключительное владѣніе. Чтобы обезпечить ее отъ

---

[11]) Циц., *Tusc.*, I, 16: *Sub terra censebant reliquam vitam agi mortuorum* (Думали, что дальнѣйшая жизнь смертныхъ ведется подъ землею). См. 1 гл. *Cité antique*, Фюстель-де-Куланжа.

[12]) Вирг., *Aen.*, III, 67: *animamque sepulcro condimus.* (И въ гробъ заключаемъ мы душу).

[13]) *De fin.*, II, 32.

[14]) О важномъ значеніи погребальныхъ обрядовъ для вѣчнаго спокойствія см. Герцберга *De diis Rom. patriis.* Пиѳагорейцы также думали, что надо быть похороненнымъ извѣстнымъ образомъ, чтобы пользоваться загробнымъ блаженствомъ. Плут. *De genio Socr.*, стр. 585.

всякаго захвата и оскорбленія, они приводили въ своихъ эпитафіяхъ слова закона, гдѣ упоминалось о наказаніяхъ за неправильный захватъ собственности. То они стараются напугать людей страшными угрозами, говоря: «Пусть тотъ, кто осквернитъ эту могилу, почувствуетъ на себѣ гнѣвъ боговъ [15]); пусть онъ умретъ послѣднимъ изъ своихъ» [16]); то принимаютъ смиренный и умоляющій тонъ для того, чтобы ихъ лучше послушались: «Земледѣлецъ, говоритъ одинъ бѣдный волноотпущенникъ, схоронившій свою жену на окраинѣ поля, будь остороженъ: она покоится здѣсь [17])». Эти безпокойства, мучащія римлянъ какъ во времена имперіи, такъ и во времена республики, перешли къ нимъ по наслѣдству отъ старины; они восходятъ къ тому времени, когда еще думали, что душа и тѣло покоятся вмѣстѣ, и что могила «есть настоящее жилище, гдѣ должно происходить существованіе [18])». Какъ ни далеко было христіанство отъ подобныхъ мнѣній, тѣмъ не менѣе оно не въ силахъ было уничтожить съ разу обычаи, происхожденіе которыхъ было такъ старо, а корни такъ глубоки. Долгое время существовалъ обычай собираться въ церквахъ и поминать въ нихъ трапезами мучениковъ. Св. Августинъ съ гнѣвомъ говоритъ о людяхъ, «пьющихъ на могилахъ мертвецовъ и угощающихъ обѣдами трупы, съ которыми они какъ бы хоронятъ себя» [19]). Много было христіанъ, позабывавшихъ свое ученіе и называвшихъ свои могилы «вѣчными жилищами [20])». Для безопасности ихъ на нихъ продолжали вырѣзывать то умоляющія, то угрожающія надписи: «Умоляю васъ именемъ страшнаго дня вѣчнаго суда уважайте эту могилу. Да будетъ проклятъ тотъ, кто оскорбитъ ее; да постигнетъ его участь предателя Іуды» [21]). Весьма вѣроятно, что люди, выражавшіеся

[15]) Орелли, 7340.

[16]) Орелли, 4790.

[17]) Орелли, 7403.

[18]) *Corp. inscr. lat.* I, 1108: *Domum aeternam ubi aevum degerent.*

[19]) *De moribus eccles.*, 34, 76.

[20]) *Corp. inscr graec.*, 9303.

[21]) См. Леблана, *Inscr. chrét. de la Gaule*, I, ст. 288. Одинъ франкскій вельможа приказалъ вырѣзать на внѣшней дощечкѣ своей гробницы слѣдующія надменныя слова: *Tempore nullo volo hinc tollantur ozza* (*ossa*) *Hilperici*, а на внутренней болѣе смиренныя: *Precor ego Hilpericus non auferantur hinc ozza mea.* (Я желаю, чтобы кости Хильперика никогда не были вынесены отсюда. Я, Хильперикъ, умоляю, да не будутъ вынесены отсюда мои кости). Это довольно любопытная тактика. Сначала онъ хотѣлъ запугать осквернителей; но если это средство не удастся, и они откроютъ гробницу, онъ пытался остановить ихъ просьбами.

такимъ образомъ и такъ сильно заботившіеся о своихъ бренныхъ останкахъ, большею частію даже не помнили, изъ какихъ старинныхъ вѣрованій они почерпнули эти предразсудки. Между тѣмъ самыя вѣрованія исчезли еще не повсюду; остатки ихъ продолжали существовать въ нѣкоторыхъ странахъ, болѣе вѣрныхъ духу прошедшаго времени. Въ одной клефтской пѣснѣ умирающій римлянинъ произноситъ слѣдующія слова, отъ которыхъ не отказался бы даже римлянинъ временъ царей: «Сыны мои, выройте мнѣ въ горѣ просторную могилу, гдѣ я могъ бы покоиться въ полномъ вооруженіи и готовый къ бою. Справа продѣлайте окошечко, чтобы ласточки возвѣщали мнѣ возвращеніе весны, а соловьи говорили, что май уже въ полномъ цвѣтѣ [22])».

Съ теченіемъ времени, наивная вѣра, будто жизнь какимъ-то непонятнымъ образомъ продолжается въ могилѣ, гдѣ покойникъ заключенъ весь и гдѣ онъ попрежнему ощущаетъ всѣ жизненныя потребности и страсти,—хотя и не вполнѣ исчезла, но значительно измѣнилась. Съ тѣхъ поръ, какъ установился обычай сожигать тѣла вмѣсто того чтобы хоронить ихъ, уму человѣческому стало яснѣе, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей, отдѣляющихся одна отъ другой послѣ смерти. Онъ не могъ заключаться весь въ небольшой кучкѣ пепла, съ такимъ трудомъ собранной на его кострѣ [23]); вѣроятно, отъ него осталось гдѣ-нибудь нѣчто другое, и это нѣчто стали называть его тѣнью, призракомъ, душою; затѣмъ рѣшили, что всѣ души умершихъ находятся внутри земли. Вѣроятно, это мнѣніе возникло очень давно и даже предшествовало одному весьма давнему и любопытному суевѣрному обычаю, о которомъ повѣствуютъ древніе писатели. По словамъ ихъ, при основаніи города вырывали сначала круглую яму въ видѣ опрокинутаго свода небеснаго, и каждый изъ новыхъ жителей бросалъ въ нее горсть своей родной земли. Эта яма называлась *mundus* (міръ), дно ея закладывалось камнемъ Манъ (*lapis manalis*), и всѣ полагали, что она служитъ однимъ изъ входовъ въ подземное царство. Три раза въ годъ, 24 августа, 5 октября и 8 ноября, камень этотъ поднимали и тогда говорили, что *mundus* открытъ. Въ эти дни души умершихъ приходили навѣщать своихъ потомковъ. Чтобы сдѣлать имъ честь, прекращали всякія занятія, не сражались, не собирали

---

22) Форіэль, I, стр. 56.

23) Луканъ, *Phars.*, IX, 2: *Nec cinis exiguus tantam compescuit umbram.* (Ничтожный пепелъ не могъ заключить въ себѣ столь великую тѣнь).

войска, не созывали народныхъ собраній и дѣлали лишь то, что было безусловно необходимо [24]. Судя по этому суевѣрному обычаю, можно думать, что центръ земли считался въ то время общимъ мѣстопребываніемъ душъ. Тамъ именно, говорили, находятся сокровища смерти, ревниво охраняемыя страшнымъ Оркусомъ [25]).

Вскорѣ эти древнія вѣрованія подверглись еще другимъ измѣненіямъ. Чѣмъ чаще Римъ началъ заводить сношенія съ сосѣдями, тѣмъ больше онъ заимствовалъ у нихъ обычаевъ и воззрѣній. Было замѣчено, что римляне, обыкновенно столь рѣшительные въ исполненіи своихъ политическихъ и военныхъ замысловъ, отличались какою-то странною робостью во всемъ остальномъ. Ни одинъ народъ не подчинялся такъ легко идеямъ другаго; чужія мысли производили на него постоянно нѣкоторое впечатлѣніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ положительно противорѣчили его собственнымъ взглаядмъ. Мы говорили уже, что, по мнѣнію римской религіи, могильный покой дѣлаетъ человѣка лучше и счастливѣе; она называла мертвыхъ чистыми и добрыми (*manes*). Этруски, напротивъ того, считали ихъ несчастными и зловредными; они думали, что покойники любятъ мучить людей, пить ихъ кровь и требуютъ для себя человѣческихъ жертвъ. Какъ ни противорѣчили подобныя убѣжденія духу римлянъ и ихъ первоначальнымъ вѣрованіямъ, они подъ-конецъ все-таки проникли въ Римъ. «Мертвые, говорится въ одной старинной латинской надписи, не пріятны ни людямъ ни богамъ [26])». Не такъ думали древніе римляне, столь охотно обращавшіеся къ нимъ, какъ къ естественнымъ покровителямъ своихъ потомковъ. Поэты поддѣлывались уже подъ новыя мнѣнія, когда изображали «блѣдную толпу манъ, со ввалившимися щеками, опаленными волосами, бродящую вдоль мрачныхъ рѣкъ [27])». Тѣ, кого прежде почитали, какъ добрыхъ духовъ, сдѣлались теперь въ воображеніи народа исчадіями ада; о нихъ говорили, будто они, «стоя у воротъ Оркуса, привлекаютъ души къ Ахерону, подобно ловкимъ оленямъ, которые притягательною силой своихъ ноздрей заставляютъ пресмыкающихся выходить изъ своихъ убѣжищъ [28])». Теперь считаютъ уже недостаточнымъ предлагать имъ вѣнки изъ

---

24) Преллеръ, *Röm. myth.*, стр. 456 и *Corr. inscr. lat.*, I, стр. 373.

25) *Mortis thesauri. Orcinus thesaurus.* (Сокровища смерти. Сокровищница Оркуса). См. Преллера *loc. cit.*

26) *Corp. inscr. lat.*, I, 818: *Mortuus nec ad deos nec ad homines acceptus est.*

27) Тибуллъ, I, 10, 37.

28) Лукрецій, VI, 764.

фіалокъ, пирожки, облитые виномъ или, въ случаѣ ихъ сильнаго гнѣва, нѣсколько пригоршней бобовъ: имъ даютъ кровь, потому что они любятъ ее; вокругъ погребальныхъ костровъ заставляютъ бороться и умирать гладіаторовъ, а богатые люди, не желающіе ни въ чемъ себѣ отказывать въ будущей жизни, въ завѣщаніяхъ своихъ впередъ назначаютъ число несчастныхъ, которые должны будутъ биться на ихъ похоронахъ. Однако, хотя эти новыя мнѣнія и утвердились въ Римѣ, они не могли вполнѣ изгладить прежнихъ. И тѣ, и другія продолжаютъ совмѣстно существовать, и никто, повидимому, не считаетъ нужнымъ соглашать ихъ между собою. Иногда покойниковъ воображаютъ себѣ неблагосклонными и жестокими; ихъ смиренно умоляютъ не дѣлать вреда, щадить родныхъ и друзей, оставшихся въ живыхъ [29]; имъ прямо указываютъ даже на жертвы и поручаютъ мстить, а въ гробницы ихъ кладутъ вырѣзанныя на дощечкахъ имена жертвъ вмѣстѣ съ проклятіями [30]. Иногда же, напротивъ того, на нихъ смотрятъ, какъ на посредниковъ между людьми и богами, могущихъ ходатайствовать за живыхъ, и приписываютъ имъ почти то же самое значеніе, какое церковь придаетъ святымъ. «Матроната, говорится въ одной надписи, молися за своихъ родныхъ [31]»; а въ другой: «Прощай, Доната, ты была благочестива и справедлива, сохрани теперь всѣхъ своихъ [32]». На одной испанской могилѣ находятся слѣдующія слова, которыя годились бы даже для гробницы мученика: «Здѣсь призываютъ Фруктуоза [33]». Итакъ, всѣ полагали, что мертвымъ слѣдуетъ молиться или для того чтобы получить ихъ покровительство, или для того, чтобы помѣшать имъ дѣлать вредъ. Всѣ вообще думали, что они очень могущественны; Сервій совершенно серьёзно разсказываетъ, будто ихъ заставляли въ аду клясться, что они не будутъ помогать оставшимся на землѣ родственникамъ избѣгнуть своей судьбы [34]. Слѣдовательно, думали, что съ помощью ихъ человѣкъ можетъ не поддаваться судьбѣ.

Греческія легенды объ Элизіи и Тартарѣ также рано проникли въ Римъ. Иначе не могло и быть; Римъ, такъ сказать, встрѣчалъ Грецію почти на всѣхъ своихъ границахъ; на югѣ онъ имѣлъ въ

[29] Орелли, 6206.
[30] *Corp. inscr. lat.*, I, 818, 819.
[31] Орелли, 7400: *Pete pro parentes tuos, Matronata.*
[32] Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 283: *Donata, pia, justa, vale, serva tuos omnes.*
[33] *Corp. inscr. lat.*, II, 5052: *Hic invocatur Fructuosus.*
[34] Серв., *Georg.*, I, 277.

сосѣдствѣ Іонійскія и Ахейскія колоніи, а на сѣверѣ прикасался къ Этруріи, уже сдѣлавшейся на половину греческою. Этруски особенно охотно приняли басни объ адѣ, потому что онѣ нравились ихъ мрачному воображенію, и Харонъ сдѣлался однимъ изъ ихъ главныхъ божествъ; не меньшую популярность пріобрѣли онѣ въ Великой Греціи съ тѣхъ поръ, какъ Авернское озеро превратили въ одинъ изъ входовъ въ Гадесъ. Съ двухъ сторонъ онѣ могли скорѣе дойти до римлянъ. Распространенію ихъ служилъ, вѣроятно, и театръ. Объ адѣ часто упоминалось въ трагедіяхъ Софокла и Эврипида, перенесенныхъ на римскую сцену въ видѣ подражаній; хотя до насъ дошли только отрывки этихъ подражаній, мы не можемъ не замѣтить, что тѣ мѣста, гдѣ въ подлинникѣ говорится объ адѣ, римляне воспроизводили съ особеннымъ стараніемъ и подъчасъ даже дополняли отъ себя [35]). На основаніи этихъ описаній думаютъ обыкновенно, что всѣ римляне представляли себѣ будущую жизнь такъ, какъ ее изображали поэты, и что всѣ вообще думали, будто по смерти души отправляются въ Тартаръ или въ Элизій; между тѣмъ нельзя навѣрное сказать, на сколько римляне вѣрили этимъ легендамъ. Если они что приняли, такъ это нѣкоторыя подробности, поразившія ихъ воображеніе,—переправу на роковой лодкѣ и существованіе перевозчика мертвецовъ. Въ могилахъ, открытыхъ въ Тускулумѣ и Пренестѣ и относящихся ко времени пуническихъ войнъ, было найдено нѣсколько скелетовъ, державшихъ въ зубахъ монету, назначенную для расплаты съ Харономъ за его трудъ [36]). Но остальная часть легенды врядъ ли занимала много мѣста въ народныхъ вѣрованіяхъ. О Тартарѣ и Элизіи упоминается только въ нѣкоторыхъ надписяхъ, сдѣланныхъ въ стихахъ, но и здѣсь они приводятся большею частію, какъ поэтическій вымыселъ, и имъ не придается важнаго значенія. Нѣкто, Петроній Антигенидъ, описавъ свою жизнь въ эпитафіи, разсказываетъ изящными стихами, что онъ пробѣгаетъ теперь адскія жилища и прогуливается по берегу Ахерона при мерцаніи мрачныхъ свѣтилъ Тартара [37]); затѣмъ, говоря о своей могилѣ, онъ прибавляетъ: «Вотъ мое вѣчное жилище; здѣсь я покоюсь

---

[35]) Риббекъ, *Tragic. fragm.*, *incert. fab.*, 73.

[36]) Марквартъ, *Röm. Alterth.*, V, 1, 355.

[37]) *Nunc vero infernas sedes, Acherontis ad undas. Tetraque Tartarei per sidera tendo profundi.* (Орелли, 1174). (Теперь же я направляюсь въ подземную обитель къ волнамъ Ахерона, при печальномъ мерцаніи свѣтилъ глубокаго Тартара).

и здѣсь буду вѣчно [38])». Противорѣчіе тутъ очевидно; если Петроній не долженъ никогда покидать своей могилы, онъ вѣдь никогда не посѣтитъ Тартара и Ахерона; но онъ говоритъ какъ поэтъ, и подобныя слова въ его устахъ не болѣе какъ извѣстный способъ выраженія, котораго не слѣдуетъ принимать буквально.

Философія проникла въ Римъ уже довольно поздно, и когда ей пришлось заняться будущей жизнью, она нашла себѣ общество, вполнѣ подготовленное къ ея урокамъ давнишнею работой народнаго ума. Древнія вѣрованія пустили такіе глубокіе корни въ умахъ и считались до такой степени необходимыми для счастія человѣчества, что отъ нихъ никто не рѣшился бы легко отказаться. Только разумные люди, понимавшіе, что извѣстному мнѣнію недостаточно быть древнимъ для того, чтобы быть истиннымъ, настоятельно требовали для него какого-нибудь инаго подтвержденія, кромѣ его древности. Большинство ихъ уже напередъ желало убѣдиться; имъ разумѣется было пріятно, когда имъ доказывали, что они не ошиблись, что имъ вовсе не нужно разставаться со всеобщимъ чувствомъ и что они могутъ теперь разумно вѣрить тому, чему до сихъ поръ вѣрили только инстинктивно. Это самое и заставило вообще такъ охотно принять доказательства философовъ о безсмертіи души. Между тѣмъ въ сущности эти доказательства были далеко не убѣдительны. Платонъ сознается, что изъ двухъ вопросовъ о непреходимости жизни и о состояніи душъ послѣ смерти, онъ не могъ вполнѣ разрѣшить перваго. Безсмертіе души остается для него скорѣе прекрасною надеждою, нежели доказанною истиною. «Вещь эта стоитъ того, чтобы ей рѣшились вѣрить; это прекрасный рискъ, это благородная надежда, которой хорошо утѣшаться» [39]). Что касается втораго вопроса, онъ даже не пытается отнестись къ нему научно; очевидно, онъ считаетъ его не подлежащимъ философіи и не относящимся къ ней, такъ какъ, говоря о немъ, онъ обыкновенно опирается только на народныя легенды. Стараясь узнать, что можетъ сдѣлаться съ душою, когда она покинетъ тѣло, онъ не прибѣгаетъ къ своему обыкновенному способу діалектики. Онъ приводитъ въ доказательство мѣдныя таблицы, принесенныя изъ неизвѣстныхъ странъ, или откровенія воскреснувшаго человѣка. Такимъ образомъ, онъ какъ

---

[38]) *Haec domus aeterna est; hic sum situs; hic ero semper.*

[39]) *Федонъ*, стр. 114.

бы прямо говоритъ намъ, что въ такихъ важныхъ вопросахъ наука нѣма, и что въ подобныхъ случаяхъ лучше всего держаться мнѣній большинства. Правда, что изъ басенъ, приводимыхъ Платономъ въ видѣ авторитета, онъ выбираетъ лишь тѣ, которыя кажутся ему болѣе разумными и, вѣроятно, придаетъ имъ нѣкоторую отдѣлку; но онъ положительно не выдумываетъ ихъ и даже принимаетъ съ крайнею осторожностью. Разсказывая какую-нибудь басню, онъ всякій разъ предупреждаетъ насъ, что не можетъ вполнѣ поручиться за ея достовѣрность: «Благоразумному человѣку», говоритъ онъ, «не подобаетъ утверждать, что всѣ эти вещи происходили именно такъ, какъ я ихъ описалъ» [40]). Онъ и передаетъ ихъ лишь потому, что у него нѣтъ ничего лучшаго сообщить намъ: «Ты смотришь, вѣроятно, на все разсказанное мною, заставляетъ онъ говорить Сократа, какъ на старушечьи сказки, и не ставишь ихъ ни во что; и мы также не обращали бы на нихъ вниманія, если бы, послѣ многихъ изысканій, могли, наконецъ, найти что-нибудь лучшее и болѣе достовѣрное» [41]).

Эти басни противорѣчатъ иногда одна другой, и Платонъ, передавая ихъ, нисколько не старался согласить ихъ между собою; но во всѣхъ ихъ есть одна подробность, которую онъ старательно приводитъ всякій разъ, а именно: въ нихъ постоянно разсказывается, что послѣ смерти души являются передъ судьями, и тѣ судятъ ихъ по заслугамъ; съ этихъ поръ адъ становится мѣстомъ наказанія для злыхъ и награды для добрыхъ. Это былъ уже болѣе нравственный способъ пониманія будущей жизни, онъ болѣе подходилъ къ идеѣ о божественномъ правосудіи, сложившейся въ образованныхъ обществахъ, и больше нравился государственнымъ людямъ, видѣвшимъ въ немъ вѣрное средство сдерживать толпу [42]); поэтому онъ былъ всюду благосклонно принятъ, и его ввели даже въ древнія народныя легенды, гдѣ его прежде не было. Первымъ послѣдствіемъ было то, что люди начали еще сильнѣе бояться будущей жизни. И безъ того уже окружавшій ее мракъ и разсказываемыя о ней басни дѣлали ее страшною; но когда къ ней прибавили обстановку послѣдняго суда и слѣдовавшія за нимъ мученія, она стала еще страшнѣе. Искусство старалось представлять ее въ ужасныхъ образахъ; живопись любила изображать муки грѣш-

---

[40]) *Федонъ*, стр. 114.

[41]) *Горгій*, стр. 527.

[42]) Полибій, VI, 56

никовъ въ Тартарѣ [43]). На сценѣ стали выводить выходцевъ съ того свѣта, которые описывали ужасными чертами покинутыя ими мѣста: «Вотъ я, заставляли говорить ихъ: я съ величайшимъ трудомъ пришелъ съ Ахерона темною и ужасною тропою. Я проходилъ черезъ пещеры, образовавшіяся изъ огромныхъ остроконечныхъ скалъ, висящихъ надъ головою, среди тяжелаго и густаго мрака ада»; и Цицеронъ говоритъ, что эти напыщенные стихи заставляли трепетать всю театральную публику, въ числѣ которой находились женщины и дѣти [44]). Но не однихъ только женщинъ, дѣтей и простой народъ эти описанія приводили въ смущеніе; они пугали даже самыхъ образованныхъ и самыхъ избранныхъ людей. Платонъ, писавшій именно для нихъ, представилъ будущую жизнь въ далеко неуспокоительныхъ картинахъ, яркими красками изобразилъ онъ муки людей, приговоренныхъ судьями: «Отвратительныя существа съ огненнымъ тѣломъ связываютъ имъ ноги, руки, голову, повергаютъ ихъ на землю, разсѣкаютъ имъ кожу бичами, волочатъ ихъ по терніямъ, разсказывая проходящимъ тѣнямъ причину, почему они такъ поступаютъ съ ними и объявляя, что они сейчасъ низвергнутъ ихъ въ Тартаръ» [45]). Подобныя угрозы, выраженныя съ такою энергіей, невольно заставляли задумываться богобоязненныхъ людей, и врядъ ли многіе изъ нихъ считали душу свою на столько чистою, чтобы безтрепетно предстать передъ страшныхъ судей ада.

Наконецъ, страхъ ада сдѣлался дотого невыносимъ, что одна философская школа, а именно школа Эпикура, поставила себѣ задачею освободить отъ него человѣчество. «Прежде всего надо изгнать страхъ ада, говоритъ Лукрецій; онъ отравляетъ жизнь до глубины того кубка, изъ котораго мы пьемъ ее, онъ кладетъ на все тѣнь смерти и не даетъ намъ вполнѣ наслаждаться никакою чистою радостью» [46]). Чтобы заставить насъ не бояться, онъ прибѣгаетъ къ очень простому, но вѣрному средству, а именно—онъ уничтожаетъ самый страхъ, говоря, что душа раздѣляетъ одинаковую участь съ тѣломъ, т. е. угасаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Съ этихъ поръ люди освобождаются отъ мучившаго ихъ ожиданія страшной

[43]) Плавтъ, *Capt.*, V, 4, 1: *Vidi ego multa saepe picta qua e Acherunti fierent cruciamenta*. (Я видѣлъ много картинъ, изображавшихъ мученія Ахерона).

[44]) *Tusc.*, I, 16.

[45]) *Resp.*, X. c. 616.

[46]) Лукрецій, III, 37.

будущности. Если правда, что «съ уничтоженіемъ существованія человѣкъ никогда болѣе не проснется отъ ледянаго сна» [47]), намъ нѣтъ больше причины заниматься тѣмъ, что будетъ послѣ жизни. «Развѣ мы не испытывали страданій въ прошлыя времена, когда карѳагенскія войска устремились на Италію, когда звукъ оружія восходилъ до небесъ, а на сушѣ и на моряхъ всѣ смертные спрашивали себя, подъ чью власть они подпадутъ? — Зато, когда мы перестанемъ жить, когда душа и тѣло, союзъ которыхъ составляетъ наше существо, распадутся врозь, мы уже не будемъ существовать, ничто не будетъ въ состояніи возвратить намъ чувство и нарушить наше спокойствіе, еслибъ даже небо, земля и море перемѣшались между собою» [48]). Дѣйствительно, со стороны этого ученія о совершенномъ уничтоженіи, обвиняемаго въ томъ, что оно приводитъ людей къ отчаянью, очень смѣло было утверждать, будто оно приноситъ собою спокойствіе и миръ. Мало того, что оно приписываетъ себѣ всѣ преимущества, которыми гордятся его противники, но оно даже относитъ къ нимъ всѣ упреки, которыми тѣ его осыпаютъ. «Человѣкъ, говорили тѣ, не можетъ жить безъ утѣшительной вѣры въ будущую жизнь».—«Человѣкъ, отвѣчаетъ Эпикуръ, не живетъ, если постоянно имѣетъ передъ собою страхъ ада, и тѣ, которые освобождаютъ его отъ этого страха, его настоящіе утѣшители». Нѣтъ сомнѣнія, что эта смѣлая и ловкая тактика много способствовала успѣху эпикурейской философіи. Къ концу республики она господствовала въ Римѣ, особенно между высшими классами; она царила среди сластолюбивой и легкомысленной аристократіи, веселыми шагами шедшей къ своей гибели; она обнаружила себя въ самомъ сенатѣ, когда Цезарь позволилъ себѣ сказать, не встрѣтивъ при этомъ особенныхъ возраженій, что со смертью все кончается, и что послѣ нея нѣтъ болѣе мѣста ни для радости, ни для горя [49]). Однако, торжество эпикуреизма было непродолжительно. Своимъ успѣхомъ онъ былъ особенно обязанъ тому, что обѣщалъ возвратить спокойствіе смущеннымъ ду-

---

47) Лукрецій, III, 817.

48) III, 820.

49) Саллюстій, *Catil.*, 51. Саллюстій въ рѣчи, приписываемой имъ Цезарю, воспроизводитъ главнѣйшіе аргументы его дѣйствительной рѣчи. Что онъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ о будущей жизни и почти совершенно такъ, какъ его заставлялъ говорить Саллюстій, доказывается тѣмъ, что Цицеронъ упоминаетъ объ этомъ мнѣніи и опровергаетъ его очень слабо въ своей четвертой *Катилинаріи*.

шамъ. Но точно ли онъ возвратилъ его имъ? вотъ въ чемъ вопросъ. Вѣроятно, вскорѣ замѣтили, что ему трудно было сдержать свои обѣщанія. Въ этомъ отношеніи даже великій поэтъ, прославившій его съ такимъ увлеченіемъ, по временамъ не сходился съ нимъ. Онъ самъ могъ служить доказательствомъ того, что это ученіе не такъ дѣйствительно, какъ онъ предполагалъ. Несмотря на его побѣдоносные возгласы и на «божественное наслажденіе», ощущаемое имъ при созерцаніи системы Эпикура, замѣтно, что во глубинѣ его души таится горечь, отъ которой его не могъ исцѣлить его учитель. Въ стихахъ его мы не всегда видимъ ясность духа, составляющую принадлежность мудреца и приличествующую тому, чье воображеніе свободно отъ напраснаго страха. Очевидно, что самъ онъ не вполнѣ наслаждается тѣмъ внутреннимъ спокойствіемъ, которое приноситъ другимъ; а если средства, долженствовавшія исцѣлить человѣческій родъ, были недѣйствительны даже для такой великой души—какое же дѣйствіе должны они были производить на толпу?

Возраженія, дѣлавшіяся противъ системы Эпикура, находятся въ одномъ замѣчательномъ трактатѣ Плутарха. Онъ доказываетъ въ немъ, что она не можетъ дать обѣщаемаго ею счастія (*non posse suaviter vivi secundum Epicurum*, нельзя, чтобы пріятно жилось по Эпикуру). По его мнѣнію, Эпикуръ вмѣсто того, чтобы исцѣлить зло, просто переноситъ его въ другое мѣсто; желая избавить насъ отъ страха смерти, отравляющаго жизнь, онъ отнимаетъ у насъ надежду на вѣчность, безъ которой нельзя существовать. Есть ли разсчетъ замѣнить ужасы ада страхомъ ничтожества? Такъ какъ желаніе существовать (ὁ πάθος τοῦ εἶναι) есть первѣйшее и сильнѣйшее изъ всѣхъ нашихъ желаній, и человѣкъ легче мирится съ угрозою мукъ, нежели съ перспективою ничтожества, то оказывается, что люди стали чувствовать себя гораздо хуже съ тѣхъ поръ, какъ ихъ исцѣлилъ Эпикуръ. «Когда съ нами случается какое-либо несчастіе, говоритъ Плутархъ эпикурейцамъ, вы можете предложить намъ только одно утѣшеніе,—уничтоженіе нашего существа. Это все равно, какъ еслибъ во время бури кто-нибудь сказалъ испуганнымъ пассажирамъ, что кормчаго уже нѣтъ, что нечего болѣе разсчитывать на помощь діоскуровъ для утишенія вѣтра и волнъ, но что въ то же время все идетъ отлично, такъ какъ море вскорѣ поглотитъ корабль или разобьетъ его о подводные камни. Таковы обыкновенно утѣшенія Эпикура несчастнымъ. Вы надѣетесь, говоритъ онъ имъ, что боги поблагодарятъ васъ за

ляетъ ихъ силы, непремѣнно должны были восклицать, подобно ваше благочестіе,—какая гордость! Божественное естество безсмертно и неизмѣнно, оно недоступно ни гнѣву, ни состраданію. Мучимые въ настоящей жизни, вы разсчитываете быть счастливѣе въ жизни будущей,—какое заблужденье! Все, что распадается, утрачиваетъ чувство и не можетъ больше ощущать ни добра, ни зла. И вотъ на основаніи какихъ прекрасныхъ обѣщаній вы совѣтуете мнѣ веселиться и слаще ѣсть» [50])! Слѣдовательно, безумно думать, что можно утѣшить страждущихъ и пріучить ихъ не бояться смерти, объявивъ имъ, что жизнь за гробомъ не продолжается. «Не Церберъ и не Коцитъ дѣлаютъ смерть страшною, а угроза ничтожества, и тѣхъ людей можно назвать истинными врагами человѣка, всего болѣе противящимися его спокойствію и счастію, которые хотятъ увѣрить его, что послѣ жизни возвратъ къ существованію невозможенъ» [51]).

Очень вѣроятно, что римляне нерѣдко обращались съ подобными возраженіями къ эпикуреизму и отняли у него много послѣдователей. Кромѣ того, наступили тяжелыя времена. Когда, наканунѣ проскрипцій, души, уже опечаленныя общественными несчастіями, почувствовали потребность приготовиться къ ожидаемымъ бѣдствіямъ, имъ стало недостаточно одной надежды на ничтожество для поддержанія въ себѣ мужества. Именно въ это время Цицеронъ издавалъ свои *Тускуланы*, гдѣ онъ такъ блистательно изложилъ мнѣнія Платона о будущей жизни. Это прекрасное сочиненіе ясно указывало, къ какой философіи надо обращаться, чтобы запастись мужествомъ и безъ страха ожидать смерти; по всей вѣроятности, оно произвело глубокое впечатлѣніе на читателей, уже подготовленныхъ предъидущими событіями къ тому, чтобы понимать его и наслаждаться имъ. Оно увлекло не однихъ только сомнительныхъ послѣдователей Эпикура, о которыхъ Лукрецій говоритъ, что они представляютъ изъ себя скептиковъ изъ хвастовства, пока они счастливы и здоровы, а случись съ ними какая-нибудь бѣда, то бѣгутъ въ храмы приносить жертвы [52]); извѣстно, что это сочиненіе поколебало самыхъ рѣшительныхъ скептиковъ. Если даже такой упорный эпикуреецъ, какъ Аттикъ, былъ взволнованъ и потрясенъ при чтеніи книги своего друга, то люди, болѣе его подготовленные и чувствовавшіе, что это благородное ученіе укрѣп-

---

[50]) Плут., *Non posse suav. vivi sec. Epic.*, с. 1103.
[51]) Плут., *Non posse suav.*, с. 1106.
[52]) Лукрец., III, 46.

слушателю Цицерона: «Никто не вырветъ у меня изъ души надежды на безсмертіе» [53]! Итакъ, въ началѣ имперіи тогдашнее несчастное поколѣніе, видѣвшее гибель республики и пережившее проскрипціи, начавъ съ эпикуреизма, стало мало-по-малу отставать отъ него, чтобы направляться къ другимъ системамъ или возвращаться къ прежнимъ вѣрованіямъ. Для этого поколѣнія и была написана шестая книга *Энеиды*.

II.

Шестая книга.—Откуда происходитъ замѣчаемая въ ней несвязность.—Вступленіе Энея въ адъ.—Тартаръ.—Элизій.—Система міра.—Трудность согласовать между собою различныя части шестой книги.

Еслибъ мы изучали шестую книгу просто, какъ литературное произведеніе, намъ оставалось бы только восхищаться ею; но если мы станемъ искать въ ней соотвѣтственности въ мнѣніяхъ и ученіяхъ и захотимъ узнать дѣйствительное понятіе Виргилія о состояніи душъ послѣ смерти, то останемся недовольны ею. Эти прекрасныя картины, которыя такъ восхищаютъ насъ, будучи взяты отдѣльно, не совсѣмъ согласуются между собою. Мысль автора не всегда легко уловить; чтобы понять ее, ее приходится часто дополнять и исправлять, а нѣкоторыхъ противорѣчій нельзя объяснить даже съ помощью самой снисходительной и проницательной критики.

Такая неясность и безсвязность зависятъ отъ многихъ причинъ [54]). На самую важную изъ нихъ я уже указалъ, говоря о религіи Вир-

[53]) *Tusc.*, I, 32. *Me nemo de immortalitate depellet.*

[54]) Трудности, представляемыя шестою книгою, очень хорошо изложены у Коннигтона. (*Virg. op.*, кн. VI, *prooem*). Одна изъ причинъ, почему *Энеида*, въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, не всегда ясна, состоитъ въ самомъ способѣ, какъ писалъ ее поэтъ. Уже доказано, что онъ принимался за разныя книги ея въ различныя эпохи и вставлялъ въ нихъ новыя событія, почерпаемыя имъ то изъ дѣйствительности, то изъ воображенія. Такъ, то мѣсто объ Августѣ въ шестой книгѣ (790), гдѣ онъ говоритъ о пораженіи гарамантовъ, онъ могъ написать только въ послѣдній годъ своей жизни. То мѣсто, гдѣ говорится о Цезарѣ и Помпеѣ (827), и гдѣ есть неполный стихъ, онъ не могъ читать при Августѣ. Очень можетъ быть, что оно было написано отдѣльно и вставлено на время туда, куда оно вовсе не подходило. Эти передѣлки, которымъ авторъ не могъ дать окончательной обработки, не мало способствовали запутанности сочиненія.

гилія: онъ хотѣлъ по своему обыкновенію ввести въ шестую книгу элементы различнаго вѣка и происхожденія и не могъ, конечно, всегда согласовать ихъ между собою. Такъ, напримѣръ, изъ своего описанія ада онъ хотѣлъ сдѣлать не только произведеніе художника, но и вѣрующаго человѣка, и не довольствовался тѣмъ, чтобы написать выдуманный разсказъ,—одинъ изъ тѣхъ романовъ, гдѣ авторъ почерпаетъ матеріалъ изъ своего воображенія и которымъ онъ тѣмъ болѣе можетъ гордиться, чѣмъ болѣе наполнилъ его собственнымъ вымысломъ. Онъ не старался заинтересовать читателя новизною своихъ описаній, напротивъ того, онъ желалъ говорить ему лишь то, что ему уже извѣстно; онъ хотѣлъ заставить читателя заглянуть во внутрь самого себя и пробудить въ немъ чувство, обыкновенно являющееся при мысли о будущей жизни. Поэтому онъ исходитъ отъ общаго мнѣнія и старается изображать будущую жизнь почти въ такомъ же видѣ, какъ ее воображали себѣ окружающіе. Въ началѣ своего разсказа онъ призываетъ божества мертвецовъ: «Да будетъ мнѣ позволено, говоритъ онъ имъ, повторить то, что я слышалъ. Еслибъ я могъ, не оскорбляя вашего могущества, открыть тайны, зарытыя въ нѣдрахъ глубокой и темной земли [55])»! Но отъ кого же узналъ онъ то, что хочетъ разсказать? Кто же тотъ авторитетъ, къ которому онъ обращается и за которымъ желаетъ укрыться? Думали, что онъ намекаетъ на тайноученіе, сокрытое въ мистеріяхъ, и желаетъ изобразить будущую жизнь такъ, какъ ее представляли людямъ, посвященнымъ въ элевзинскія таинства. Эта гипотеза принадлежитъ знаменитому Варбуртону, но ее, повидимому, предполагали уже критики древности [56]). Къ несчастію, она гораздо болѣе заманчива, чѣмъ вѣроятна. Когда Виргилій писалъ шестую книгу, онъ не былъ посвященъ въ таинства; а еслибъ даже онъ и былъ посвященъ въ нихъ,

---

55) VI, 264.

56) Сервій (*Aen.*, VI, 136) говоритъ: *Inferos subire hoc dicit sacra celebrare Proserpinae* (Сойти въ адъ значитъ совершить обряды въ честь Прозерпины), что заставляетъ думать, что къ празднованію мистерій Цереры присоединяли сошествіе во адъ. Изъ того, что Виргилій испрашиваетъ у боговъ позволеніе открыть тайны ада, не слѣдуетъ заключать, чтобы здѣсь говорилось о мистеріяхъ и о молчаніи, налагаемомъ на посвященныхъ. Онъ говоритъ о богахъ, какъ Горацій (*Odae*, I, 3, 21); подобно Педу Альбиновану, въ его поэмѣ о плаваніи Германика (Сенека, *Suasor.*), Виргилій, повидимому, думаетъ, что смѣлость человѣка раздражаетъ и безпокоитъ боговъ, что они не довѣряютъ его любознательности и не любятъ, когда онъ старается открыть то, что они скрыли отъ его взоровъ.

вѣроятно ли, чтобы такой набожный человѣкъ позволилъ себѣ распространять то, чего не должны были знать непосвященные? Конечно, нельзя положительно отрицать, чтобы въ шестой книгѣ не было нѣкоторыхъ подробностей, заимствованныхъ у мистерій, но Виргилій могъ говорить о нихъ лишь то, что было всѣмъ извѣстно, что мало-по-малу согласилось объ нихъ, несмотря на увѣщанія жрецовъ и на угрозы нескромнымъ людямъ. Обыкновенно онъ почерпаетъ свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ и беретъ ихъ изъ двухъ различныхъ источниковъ: изъ народныхъ преданій, сохранившихся у поэтовъ и ученыхъ, и изъ системъ философовъ, истолковывавшихъ, подобно Платону, древнія легенды. Вотъ откуда онъ добывалъ матеріалы, на обнародованіе которыхъ испрашиваетъ себѣ разрѣшеніе. Если онъ такъ заботливо собираетъ свидѣтельства и говоритъ о нихъ съ такою торжественностью, то это потому, что онъ чуть ли не считаетъ ихъ божескими откровеніями; съ помощью ихъ онъ ручается «открыть тайны, заключенныя во глубинѣ земли». Но онъ всякій разъ предупреждаетъ насъ, что не выдумаетъ ничего въ томъ, что хочетъ разсказать, и что мы найдемъ у него лишь то, что онъ самъ слышалъ, *sit mihi fas audita loqui!* (да будетъ мнѣ позволено разсказать слышанное). Гомеръ и Дантъ дѣлали то же самое, но ихъ положеніе было не такое, какъ его: первый жилъ въ ту отдаленную эпоху, когда высокіе вопросы еще не слишкомъ занимали людей; современники же втораго хотя и много размышляли о нихъ, но такъ какъ ихъ связывали точные догматы и сдерживала строгая власть, они и придумывали лишь то, что было согласно со смысломъ ихъ вѣрованій. Слѣдовательно, эти оба поэта имѣли въ своемъ распоряженіи элементы, почти совершенно согласовавшіеся между собою; Виргилію, напротивъ того, приходилось трудиться надъ матеріалами, глубоко между собою несходными. Мы уже видѣли, какіе фазисы прошло въ Римѣ понятіе о будущей жизни и какимъ перемѣнамъ оно подвергалось съ теченіемъ времени. Поэту очень трудно было вполнѣ согласовать древнія вѣрованія римлянъ съ ихъ новыми мнѣніями; еще труднѣе было ему соединить народныя преданія съ системами, которыя изобрѣли философы; а такъ какъ онъ желалъ, чтобы въ поэмѣ его было и то, и другое, ему невозможно было избѣгнуть противорѣчій. Этимъ способомъ объясняется и разрѣшается бóльшая часть трудностей, встрѣчаемыхъ въ шестой книгѣ.

Здѣсь, какъ и всюду, Виргилій идетъ по стопамъ Гомера, но слѣдуетъ за нимъ только издали и уже съ первыхъ шаговъ при-

нужденъ измѣнить свой образецъ, чтобы приспособить его къ понятіямъ своей страны и своего времени. По мнѣнію Гомера, мѣстопребываніе мертвыхъ находится на краю неизмѣримаго океана:

„Тамъ Киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ,—никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю-ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба-ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ [57])“.

Виргилій не посылаетъ такъ далеко своего героя отыскивать адъ. Въ Италіи было распространено мнѣніе, будто пещеры Авернскаго озера служатъ однимъ изъ входовъ въ подземное царство. Это мнѣніе, возникшее вслѣдствіе частыхъ вулканическихъ явленій въ той странѣ, было очень древнее: Аннибалъ, проходя чрезъ Кампанью, останавливался тамъ для принесенія жертвы [58]). Впослѣдствіи Лукрецій опровергаетъ это суевѣріе съ такимъ жаромъ, который ясно доказывалъ, до какой степени оно было распространенно и сильно [59]). Но опроверженія его были безуспѣшны; суевѣріе продолжало существовать до самаго конца язычества, и мы узнаемъ изъ одного религіознаго документа послѣднихъ годовъ IV вѣка, что при Валентиніанѣ III набожные люди еще отправлялись 27 іюля изъ Капуи цѣлою процессіей «къ Авернскому аду [60])». Черезъ эти самыя пещеры Эней проникаетъ въ жилище мертвыхъ. Виргилій понималъ, что онъ много теряетъ, слѣдуя этому преданію, потому что лишаетъ себя таинственной доли гомерическаго разсказа, столь плѣнительной для воображенія; зато онъ выигрывалъ въ томъ отношеніи, что опирался на народное вѣрованіе, а это было для него важнѣе всего. Эта первая отмѣна необходимо должна была повлечь за собою много другихъ. Страна Киммеріанъ защищена окружающимъ ее океаномъ и окутывающимъ ее мракомъ. Авернъ въ двухъ шагахъ отъ Пуццолъ и Неаполя и находится въ наиболѣе посѣщаемой въ свѣтѣ странѣ. Рѣшившись помѣстить здѣсь входъ въ преисподнюю, этому входу необходимо надо придать утраченное имъ обаяніе неизвѣстности и, главнымъ образомъ, оградить его отъ посторонняго любопытства: чѣмъ бо-

[57]) Одиссея, XI, 13.
[58]) Титъ Ливій, XXIV, 12.
[59]) Лукрецій, VI, 740.
[60]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 3571.

лѣе приблизили его къ людямъ, тѣмъ труднѣе надо сдѣлать доступъ къ нему. Для умершихъ онъ не труденъ: «День и ночь открыта дверь Плутона», поглощающая души отжившихъ людей [61]). Но живые туда не проникаютъ; «Юпитеръ съ трудомъ разрѣшаетъ подобную милость нѣкоторымъ дѣтямъ боговъ, заслужившимъ ее своею добродѣтелью» [62]). Въ числѣ ихъ находится Эней. Боги разрѣшаютъ ему сорвать въ лѣсу золотую вѣтвь, которая должна очаровать адскія власти, и въ то время, какъ подъ ногами его стонетъ земля, колеблются холмы и въ темнотѣ воютъ псы, онъ самъ, предшествуемый Сивиллою и обративъ къ призракамъ конецъ своего меча, мужественно устремляется въ темную пещеру. Она приводитъ его въ преддверіе ада, входъ въ которое стережетъ цѣлое полчище чудовищъ. Перечисленіе ихъ у Виргилія весьма любопытно; по немъ уже можно видѣть, какой системы онъ будетъ держаться во всѣхъ своихъ описаніяхъ; на ряду съ тщательно сохраняемыми имъ древнѣйшими миѳологическими вымыслами, какъ-то: титанами, горгонами, гарпіями, центаврами, лернейскою гидрою, издающею ужасный свистъ, вооруженною пламенемъ химерою, снами, скрывающимися въ вѣтвяхъ огромнаго вяза, онъ помѣщаетъ аллегоріи, очевидно относящіяся къ другому времени: Раздоръ, Войну, Бѣдность, Голодъ, Старость, блѣдныя Болѣзни, мстительныя Угрызенія Совѣсти и даже нездоровыя Радости души (*mala mentis Gaudia*), которыя сокращаютъ жизнь и снабжаютъ адъ жителями. Со входомъ въ дверь побѣждены еще не всѣ препятствія; надо переправиться черезъ адскія рѣки. Эти рѣки, просто орошающія у Гомера страну мертвыхъ, у Виргилія окружаютъ ее девять разъ, чтобы защитить входъ въ нее. Само собою разумѣется, что поэтъ не позабылъ упомянуть стараго перевозчика Харона, пользовавшагося такою популярностью. Онъ изображаетъ его въ видѣ сильнаго старика, въ грубой одеждѣ, съ длинной всклокоченной бородой и блестящими глазами. Вокругъ него тѣснятся мертвые, «столь же многочисленные, какъ изсохшіе листья, падающіе въ лѣсахъ при первомъ осеннемъ холодѣ». Каждый изъ нихъ желаетъ переѣхать первый «и всѣ они съ любовью протягиваютъ руки къ противоположному берегу». Тамъ они найдутъ, наконецъ, спокойное убѣжище послѣ жизненныхъ бурь. Мы видѣли уже, что первобытные народы считали могилу мѣстомъ вѣчнаго

---

61) Aen., VI, 127.
62) VI, 129.

покоя, изъ чего они естественно заключали, что покоемъ этимъ можетъ наслаждаться лишь тотъ, кто схороненъ. Впослѣдствіи мѣсто покоя перенесли въ адъ, и хотя второе мнѣніе значительно отличалось отъ перваго, ихъ кое-какъ съумѣли примирить. Хотя и перестали думать, что могила служитъ вѣчнымъ жилищемъ тѣла и души, тѣмъ не менѣе продолжали признавать необходимость погребенія. Чтобы переправиться черезъ Стиксъ, надо непремѣнно быть схороненнымъ, и тотъ, кто не получилъ на землѣ погребальныхъ почестей, будетъ осужденъ блуждать въ теченіе ста лѣтъ по берегу, прежде чѣмъ его примутъ на мрачную лодку. Въ этомъ мы видимъ любопытный примѣръ того, какой упорной стойкостью отличаются древніе предразсудки и какъ искусно умѣютъ они прокрадываться въ новыя, совершенно противоположныя вѣрованія, и занимать мѣсто между ними.

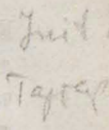
По ту сторону Стикса начинается настоящій адъ. Здѣсь Эней встрѣчаетъ прежде всего судилище, передъ которое должны предстать всѣ души: Миносъ, выбравъ присяжныхъ по жребію, какъ какой-нибудь римскій преторъ, разспрашиваетъ мертвыхъ объ ихъ поступкахъ. Вѣроятно, Виргилій очень охотно принялъ мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ будущей жизни всякому воздастся по заслугамъ, и что человѣкъ найдетъ тамъ ту справедливость, на которую онъ имѣетъ право. Надо, однако, сознаться, что рѣшенія Миноса кажутся намъ не всегда безупречными; такъ, напримѣръ, было бы желательно, чтобы онъ предоставлялъ лучшія мѣста людямъ, умершимъ за свое отечество или несправедливо осужденнымъ на казнь. Въ своихъ діалогахъ Платонъ даетъ намъ гораздо высшее понятіе объ адской справедливости. Поступая иначе, Виргилій доказываетъ еще яснѣе, что онъ не всегда имѣлъ передъ глазами философскій идеалъ и старался болѣе всего держаться общепринятыхъ мнѣній. По окончаніи суда мертвые отправляются въ назначенныя имъ жилища; обыкновенно ихъ различали только два: мѣстопребываніе грѣшниковъ и праведниковъ, Тартаръ и Элизій; но Виргилій прибавилъ къ нимъ еще третье, имѣющее сходство съ двумя остальными. Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ это нововведеніе, [63])

[63] Платонъ намекаетъ на него, говоря: „И сообщалъ другія подробности, которыя считаю лишнимъ упоминать относительно дѣтей, умершихъ вскорѣ послѣ рожденія. (*Resp.* X., стр. 615)“. Именно этихъ дѣтей Виргилій помѣщаетъ въ промежуточную область ада. Но все, что поэтъ разсказываетъ о ней, очень не ясно, и онъ не говоритъ, навсегда ли души остаются тамъ. Я слѣдовалъ наиболѣе достовѣрнымъ толкованіямъ.

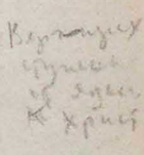
но каково бы ни было его происхожденіе, оно ему нравилось по своей сущности, и отсюда понятно, почему онъ такъ охотно принялъ его. Сильные и крайніе умы, подобные стоикамъ и янсенистамъ, не допускаютъ, чтобы могли быть легкія ошибки, и за всѣ проступки наказываютъ съ одинаковою строгостью; очень естественно, что они не чувствуютъ потребности ввести въ аду эту переходную область; подобное желаніе болѣе свойственно такимъ нѣжнымъ душамъ, какъ Виргилій, склоннымъ снисходительнѣе относиться къ человѣческимъ слабостямъ. Впрочемъ, онъ далеко не считаетъ этой области мѣстомъ наслажденія. Хотя живущіе въ ней не терпятъ никакого наказанія, они въ то же время не испытываютъ счастія. Существованіе ихъ неподвижно и печально; грустно бродятъ они по сырымъ равнинамъ, подъ безсолнечнымъ небомъ, и когда проходятъ по тѣнистымъ и пустыннымъ тропинкамъ, гдѣ они скрываются, то походятъ на новую луну, «когда люди видятъ ее или думаютъ, что видятъ выходящею изъ облаковъ». Это вообще тѣ, которые по собственной винѣ или по винѣ судьбы не окончили своего земнаго существованія, дѣти, «оторванныя смертью отъ груди матери, прежде чѣмъ насладились сладкой жизнью», воины, павшіе на полѣ битвы, несчастные, погибшіе жертвою неправедныхъ обвиненій, а также тѣ, которые сами лишили себя жизни и «которые, не могли выносить свѣта, отвергли существованіе». Религія относилась къ нимъ очень сурово; она запрещала воздавать имъ погребальныя почести, [64]) подобно тому какъ впослѣдствіи христіанство лишило ихъ своихъ послѣднихъ молитвъ. Виргилій наказываетъ ихъ мягче, заставляя ихъ сокрушаться объ утраченной ими жизни: «Какъ бы они желали снова возвратиться къ свѣту небесному и снова испытывать горести и тяжкіе труды! Но судьбы противятся этому». Рядомъ съ ними, въ такъ называемой юдоли слезъ (*lugentes campi*), онъ помѣщаетъ древнихъ героинь, погибшихъ отъ излишняго увлеченія страстями. Страсти приходятъ отъ боговъ,—это бичъ человѣчества, за который оно не слишкомъ отвѣтственно. Потому онъ довольствуется тѣмъ, что изображаетъ ихъ бродящими въ миртовыхъ рощахъ, съ вѣчно свѣжими ранами въ сердцѣ.

---

[64]) По крайней мѣрѣ тѣмъ, которые вѣшались (Серв., *Aen.*, XII, 603). Въ одной любопытной надписи житель Соссины оставляетъ въ духовномъ завѣщаніи сто гробницъ своимъ согражданамъ, но исключаетъ отсюда тѣхъ, которые повѣсятся. Орелли, 4404.

По выходѣ изъ срединной области, дорога раздѣляется на двое; лѣвая ведетъ въ Тартаръ. Эней не посѣщаетъ мѣстопребыванія грѣшниковъ и видитъ его только сквозь дверь, но Сивилла, хорошо его знающая, описываетъ ему это мѣсто. Это все та же древняя тюрьма Юпитера съ своей тройною оградой, мѣдными дверьми, желѣзною башней, выкованной циклопами, и своими темницами, «находящимися подъ тѣнями на такой глубинѣ, которая равняется двойному пространству между небомъ и землею». Виргилій, слѣдуя своей обыкновенной системѣ, заключилъ въ нихъ преступниковъ, принадлежащихъ различнымъ временамъ и цивилизаціямъ. Прежде всего тутъ древніе враги боговъ, Титаны, низвергнутые молніей во глубину пропасти, Лапиѳы, Салмонея, Иксіонъ, Титій, всѣ злодѣи и нечестивцы древнихъ легендъ; затѣмъ слѣдуютъ преступники, виновные исключительно передъ римскимъ закономъ, патронъ, сдѣлавшій зло своему кліэнту, вольноотпущенникъ, измѣнившій своему господину, прелюбодѣй, убитый оскорбленнымъ мужемъ, гражданинъ, поднявшій оружіе противъ своей страны, вѣроложный чиновникъ, обремененный долгами, интриганъ, продавшій свое отечество или бросившій его подъ иго надменнаго владыки[65]); наконецъ, люди, совершившіе какое-нибудь преступленіе противъ человѣчества, братья, ненавидѣвшіе своихъ братьевъ, злые богачи, «завистливымъ окомъ оберегавшіе накопленныя ими сокровища и не дѣлившіеся ими съ своими ближними». Здѣсь мы почти касаемся христіанскихъ добродѣтелей и очень далеки отъ тѣхъ миѳологическихъ преступленій, которыя только что перечислялъ поэтъ. Виргилію непріятно описывать мученія всѣхъ этихъ преступниковъ; ему трудно изобрѣтать наказанія, соотвѣтствующія идеѣ о Тартарѣ, и жестокіе образы чужды воображенію кроткаго поэта. Чаще всего онъ довольствуется тѣмъ, что воспроизводитъ наказанія, уже упомянутыя въ легендахъ и описанныя поэтами.

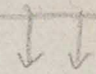

65) Комментары находили, что, перечисляя различныя категоріи грѣшниковъ, Виргилій какъ бы намекаетъ на свое время, и удивлялись тому, что въ присутствіи Августа онъ позволялъ себѣ такъ рѣшительно осуждать людей, принимавшихъ участіе въ междоусобныхъ войнахъ или посягавшихъ на свободу своей страны. Но подобная искренность, должно быть, не оскорбляла Августа. Горацій не затруднялся называть междоусобную войну преступленіемъ (*Odae*, I, 2, 29) и говорить, что тріумвиратъ былъ гибеленъ для Рима. (*Id.*, II, 1, 3). Самъ Августъ восхвалялъ Катона, говоря, что тотъ, кто защищаетъ установленный порядокъ,—добрый гражданинъ и честный человѣкъ. (Макр., *Sat.*, II, 4, 18).

Его единственное нововведеніе состоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ виновнаго сознаваться въ своихъ преступленіяхъ; онъ ничего не выигралъ отъ того, что тщательно скрывалъ ихъ впродолженіе жизни. Радамантъ заставляетъ его открыть ихъ послѣ смерти и наказываетъ его стыдомъ публичнаго сознанія.

Бросивъ такимъ образомъ взглядъ на Тартаръ, Эней достигаетъ, наконецъ, мѣстопребыванія праведныхъ, составляющаго цѣль его странствованія. Здѣсь онъ долженъ найти своего отца, котораго онъ желаетъ видѣть, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о своей судьбѣ. Въ то время, какъ онъ его отыскиваетъ, поэтъ заставляетъ его проходить между различными группами блаженныхъ и пользуется случаемъ указать ихъ намъ. И здѣсь онъ остается вѣренъ своей методѣ, примѣшивая къ баснословнымъ воспоминаніямъ идеи и образы, заимствованные имъ у самой возвышенной философіи. Онъ помѣщаетъ въ Элизій царей миѳологическихъ временъ, «великодушныхъ героевъ, рожденныхъ въ лучшіе вѣка», и рядомъ съ ними жрецовъ, вѣрно исполнявшихъ свои обязанности, поэтовъ, воспѣвавшихъ достойныя пѣсни богамъ, и, наконецъ, благодѣтелей человѣчества, «которые, изобрѣтши искусства, украсили жизнь, и услугами, оказанными имъ человѣчеству, оставили по себѣ безсмертную память». Въ способѣ описанія ихъ существованія Виргилій вполнѣ вдохновляется древними преданіями и возвращается къ тѣмъ временамъ, когда люди представляли себѣ загробную жизнь какъ-бы продолженіемъ земнаго бытія. Жители Элизія знаютъ только тѣ радости, какими они наслаждались заживо на землѣ. «Одни предаются гимнастическимъ упражненіямъ и борются другъ съ другомъ на золотомъ пескѣ, другіе ударяютъ въ тактъ по землѣ и поютъ стихи... Тѣ, которые любили прежде колесницы и оружіе или воспитывали на пастбищахъ лошадей съ блестящей шерстью, сохраняютъ свои наклонности по ту сторону могилы. Еще другіе справа и слѣва вкушаютъ обѣдъ, сидя на травѣ и распѣвая хоромъ веселый пеанъ подъ сѣнью благоуханнаго лавроваго лѣса». Что жъ они имѣютъ лучшаго сравнительно съ тѣмъ, что имѣли при жизни? Здѣсь они освобождены отъ нѣкоторыхъ житейскихъ заботъ: «никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленнаго жилища; они привольно живутъ среди густыхъ лѣсовъ, по отлогимъ берегамъ, на лугахъ, гдѣ свѣжесть поддерживается ручейками». Въ этихъ счастливыхъ обиталищахъ они наслаждаются тишиною и спокойствіемъ, о которыхъ Виргилій хотѣлъ дать намъ понятіе спокойною гармоніей своихъ стиховъ. У нихъ свои звѣзды и свое особое солнце,

отличающіяся большимъ блескомъ, чѣмъ наши, они дышатъ болѣе вольнымъ воздухомъ и облиты болѣе чистымъ свѣтомъ. До сихъ поръ Виргилій не отступаетъ отъ обыкновенныхъ описаній Элизія; все, что онъ намъ разсказываетъ о немъ, онъ могъ прочитать въ древнихъ поэмахъ, описывавшихъ нисхожденіе во адъ Геркулеса и Тезея. Тѣ отдаленныя и наивныя эпохи воображали себѣ именно такъ жизнь блаженныхъ; но, воспроизведши вполнѣ вѣрно древніе образы, онъ прибавляетъ къ нимъ нѣсколько чертъ, происходящихъ уже не изъ того источника и изобличающихъ болѣе близкія времена. Объ этомъ слѣдуетъ поговорить подробнѣе, нежели объ остальномъ; это самая новая и самая восхитительная часть шестой книги.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Греціи и Римѣ развилась склонность къ философіи, самыми лучшими удовольствіями стали считаться изученіе природы и открытіе ея законовъ. Но въ то же время замѣчали, что природа не легко разстается съ своими тайнами, и такъ какъ по мѣрѣ того, какъ люди подымались выше, горизонтъ все расширялся, и каждый разрѣшенный вопросъ увеличивалъ собою число неразрѣшенныхъ, то люди искренніе, предававшіеся этимъ изысканіямъ, испытывали болѣе нетерпѣнія и сожалѣній, нежели гордости и удовольствія, и чувствовали менѣе радости отъ того, что имъ удалось узнавать, нежели печали отъ того, что имъ еще оставалось открыть. «Нѣтъ никого, говорилъ Плутархъ, изъ числа людей, желающихъ обладать истиною, кто могъ бы вполнѣ насытиться ею на землѣ, потому что тѣло служитъ какъ бы облакомъ между истиною и разумомъ, мѣшающимъ послѣднему различить ее. Вотъ почему они, подобно птицамъ, постоянно желаютъ улетѣть на небо!»[66]. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ничто не будетъ возмущать ихъ взоровъ; они будутъ окружены полнымъ свѣтомъ и вполнѣ постигнутъ истину. Такимъ путемъ изъ созерцанія вселенной и ея законовъ съумѣли сдѣлать изящнѣйшее наслажденіе будущей жизни и лучшую награду мудрыхъ. Въ *Сципіоновомъ снѣ* Цицеронъ говоритъ, что люди, спасшіе, защитившіе и увеличившіе свое отечество, послѣ своей смерти будутъ обитать въ особомъ, назначенномъ для нихъ мѣстѣ, гдѣ они будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ; блаженство же это, по его словамъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они будутъ окидывать взоромъ вселенную, восхищаться ея чудесами,

---

[66]) *Non posse suav. vivi sec. Epic.*, стр. 105.

слѣдить за движеніемъ свѣтилъ, слушать гармонію сферъ и, наконецъ, безъ покрова любоваться тѣмъ, что съ земли видно намъ только отчасти [67]). Въ этомъ состоитъ также занятіе Энеева отца, и когда сынъ является навѣстить его, онъ спѣшитъ подѣлиться съ нимъ знаніями, пріобрѣтенными имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ обитаетъ въ Элизіи, и открываетъ ему систему міра.

Эта система, развитая Виргиліемъ въ восхитительныхъ стихахъ, не принадлежитъ какой ни особенной школѣ: основаніемъ своимъ она обязана Пиѳагору; главныя части ея были приняты Платономъ и вслѣдъ за нимъ всѣми главными философскими школами, за исключеніемъ эпикурейской. Варронъ познакомилъ съ нею римлянъ въ своемъ большомъ сочиненіи «*Божественныя древности*», гдѣ она составляла основу его религіозныхъ вѣрованій [68]). Эту систему всего охотнѣе принимали также просвѣщенные люди, занимавшіеся философіею въ свободныя минуты, такъ что среди путаницы различныхъ мнѣній и ученій это былъ единственный пунктъ, на которомъ всѣ сходились [69]). Всѣ вообще думали, что вселенная одушевлена какою-то внутреннею жизнью, что какое-то божественное дыханье, разлитое во всѣхъ ея частяхъ, проникаетъ ихъ, оживляетъ и приводитъ въ движеніе всю массу. Это самое и называли душою міра. Отъ нея происходитъ все, что живетъ и дышетъ. И человѣческія души не что иное, какъ изліянія ея, какъ частицы міровой души. Къ несчастію, это божественное начало, попадая въ тѣло и будучи принуждено соединиться съ нимъ, при смѣшеніи этомъ утрачиваетъ часть своего достоинства. «Эта мрачная темница, заключающая душу, мѣшаетъ ей видѣть небо, откуда она происходитъ,» и самая смерть, освобождая ее отъ рабства, не можетъ возвратить ей всей ея чистоты. Въ бытность свою на землѣ, въ соприкосновеніи съ тѣломъ, она испортилась и получила оскверненія, отъ которыхъ должна очиститься. Очищеніе продолжается тысячу лѣтъ; этотъ срокъ необходимъ для того, чтобы нечистыя пятна вполнѣ изгладились, и чтобы искра божественнаго огня, составляющая нашу душу, возвратилась къ своей первоначальной чистотѣ. Затѣмъ Богъ призываетъ ее на берега Леты, гдѣ она пьетъ забвеніе, и посылаетъ ее на землю оживлять собою

---

67) Циц., *Resp.*, VI, 7 и *Tusc.*, I, 20.

68) Св. Авг., *De civ. Dei*, VII, 6.

69) Это ученіе находится у Цицерона (*Resp.*, VI, 8); у Горація (*Sat.*, II, 2, 79); у Плинія старшаго (II, 26).

новое тѣло. Такимъ образомъ Элизій заключаетъ въ себѣ разомъ, и живущихъ, и долженствующихъ жить, или, лучше сказать, и тѣ, и другіе сливаются въ немъ, потому что жизнь каждаго должна начаться тысячу лѣтъ спустя послѣ его смерти. Анхизъ пользуется случаемъ, чтобы показать своему сыну все свое потомство, начиная отъ альбскихъ царей и кончая юнымъ Марцелломъ, столь горько оплаканнымъ Августомъ; для Виргилія это служитъ поводомъ дать быстрый и чудный очеркъ исторіи своей страны.

Дѣйствительно, надо сдѣлать надъ собою усиліе и оторваться отъ впечатлѣнія, производимаго этими прекрасными стихами, для того чтобы замѣтить, что это новое описаніе будущей жизни не совсѣмъ похоже на прежнее, и что ихъ трудно согласовать между собою. Въ сущности, въ шестой книгѣ два разные ада. Элементы перваго поэтъ почерпнулъ въ народныхъ легендахъ Греціи и Рима; мы встрѣчаемъ въ немъ Цербера, Харона, Миноса и Радаманта, Тартаръ и Элизій. Мертвые помѣщены здѣсь въ различныхъ жилищахъ, откуда они, повидимому, не должны болѣе выйти: коршунъ до конца будетъ терзать безсмертное сердце Титія, а блаженныя души вѣчно будутъ продолжать пляски и пиры въ своихъ волшебныхъ жилищахъ. Не замѣтно, чтобы кто-либо былъ подверженъ тамъ какому-нибудь очищенію. Душа Анхиза не имѣла надобности омываться отъ нечистоты, неизбѣжно сообщаемой тѣломъ, такъ какъ мы видимъ, что она прочно утвердилась въ обители вѣчнаго блаженства чуть-ли не на другой день послѣ того, какъ оставила землю. Быстро перенесенные изъ своего земнаго жилища въ адъ, мертвые сохраняютъ и тамъ полное воспоминаніе о своей прошлой жизни. Повидимому, существованіе продолжается для нихъ безъ перерыва; они неизмѣнно сохраняютъ всѣ свои привязанности и враждебныя чувства: Дидона, продолжая пылать гнѣвомъ, отвращаетъ взоры отъ Энея, причинившаго ея гибель; Анхизъ простираетъ объятія своему сыну и по обыкновенію слегка читаетъ ему наставленія [70]. Но въ послѣдней части шестой книги все измѣняется, и поэтъ вводитъ насъ положительно въ новый адъ. Прежде всего кажется, что всѣ души соединены здѣсь въ одномъ мѣстѣ; эта толпа легкихъ тѣней, эти безсчетныя націи, съ тихимъ ропотомъ порхающія вокругъ Леты, совершенно сливаются между собой, и здѣсь нѣтъ болѣе рѣчи объ отдѣль-

---

[70]) VI, 693: *Quam metui ne quid Libyae tibi regna nocerent!* (Какъ я боялся, что тебѣ повредитъ Ливійское царство!).

ныхъ жилищахъ, въ которыхъ размѣстилъ ихъ сначала Виргилій [71]). Всѣ онѣ должны напередъ очиститься, и вся разница между ними состоитъ въ томъ, что назначенныя имъ искупленія не совсѣмъ одинаковы между собою. «Однѣ изъ нихъ, вися на воздухѣ, бьются вѣтрами, другія омываются отъ сквернъ своихъ во глубинѣ пропасти, иныя очищаются огнемъ»; но срокъ очищеній для всѣхъ одинаковъ: черезъ тысячу лѣтъ всѣ онѣ становятся чистыми и могутъ начать новую попытку жизни. Слѣдовательно, безсмертіе уже не такъ полно теперь, какъ было сейчасъ; это не одно и то же существованіе, упорно продолжающееся даже послѣ смерти, а цѣлый рядъ новыхъ, совершенно отдѣльныхъ существованій, начинающихся каждый разъ съизнова. Вслѣдствіе того души въ этомъ новомъ мѣстѣ не кажутся такими живыми, какими онѣ были въ юдоли слезъ или въ Элизіи. Это именно тѣ «молчаливыя тѣни,» которыя поэтъ заранѣе привѣтствовалъ въ началѣ своего разсказа. Другія отнюдь не заслуживали этого названія; напротивъ того, онѣ бесѣдуютъ съ такимъ удовольствіемъ, что Сивилла постоянно принуждена останавливать ихъ и отрывать Энея отъ нескончаемыхъ разговоровъ; эти же, хотя и собранныя въ безчисленную толпу, шумятъ никакъ не болѣе, чѣмъ пчелы, съ жужжаніемъ садящіяся въ лѣтній день на цвѣты. Виргилій изображаетъ ихъ въ ту минуту, какъ они приближаются къ рѣкѣ забвенья; но по правдѣ сказать, имъ даже незачѣмъ пить изъ нея, потому что ни одна изъ нихъ, повидимому, не помнитъ своей прошлой жизни и не отдаетъ себѣ отчета въ будущей. Онѣ проходятъ передъ родоначальникомъ своего племени, снабженныя своими отличительными признаками и чертами, но проходятъ молчаливо, какъ бы ничего не видя и не обнаруживая ни малѣйшаго чувства. Повторяю, это два различные ада, изъ которыхъ одинъ болѣе заимствованъ изъ народныхъ вѣрованій, другой же—скорѣе относится къ ученіямъ философовъ. Если бы Виргилій могъ дать окончательную отдѣлку своему произведенію, онъ, вѣроятно, получше слилъ бы ихъ между собою; впрочемъ, одинъ критикъ спра-

[71]) Чтобы все устроить, какъ слѣдуетъ, полагали, что послѣ перваго суда самыя грѣшныя и самыя праведныя души совершенно освобождались отъ очищеній и прямо отправлялись либо въ Тартаръ, либо въ Элизій. Но къ чему же служитъ въ такомъ случаѣ промежуточная область, такъ пространно описанная Виргиліемъ? Впрочемъ, поэтъ совершенно положительно говоритъ, что каждый человѣкъ непремѣнно подверженъ какому-нибудь очищенію. VI, 736 и 742.

ведливо полагаетъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы заставить насъ безъ удивленія перейти отъ одного къ другому и вполнѣ уничтожить затрудненія, происходящія вслѣдствіе ихъ сосѣдства [72]). Противорѣчіе лежало въ самой основѣ вещей; его можно было скрыть, но не уничтожить.

Очень можетъ быть, что оно менѣе поражало людей тогдашняго времени, нежели насъ; каждый изъ нихъ, заглянувъ въ глубину своихъ вѣрованій, находилъ въ нихъ тѣ же самые элементы, которые Виргилій перемѣшалъ въ своей поэмѣ. Вѣрованія эти состояли изъ воспоминаній дѣтства, изученій молодости и размышленій зрѣлаго возраста. Народныя мнѣнія, прежде всего вторгающіяся въ душу, находя ее пустою, утверждаются тамъ весьма удобно и составляютъ собою первоначальную основу. На этотъ первый слой ложились потомъ знанія и идеи, заимствованныя у философіи, и чаще всего покрывали его собою, не изглаживая. Такъ какъ религіи не отличались въ то время, ни точными догматами, ни прочными символами, то чувствовалось менѣе потребности составить себѣ изъ вѣрованій однородное цѣлое и привести къ строгому единству эту нѣсколько безпорядочную смѣсь. Потому трудно предполагать, чтобы люди того времени слишкомъ ясно чувствовали несообразности, поражающія насъ въ произведеніи Виргилія, такъ какъ въ сущности у каждаго изъ нихъ на днѣ души находилось нѣчто подобное.

III.

Вліяніе шестой книги на современниковъ. — Вѣрили ли въ будущую жизнь римляне временъ имперіи? — Свѣдѣнія на этотъ счетъ, находимыя нами въ надписяхъ. — Понятіе, какое имѣли о будущей жизни. — Молитвы за умершихъ у язычниковъ. — Что было новаго въ шестой книгѣ. — Сближеніе между мнѣніями Виргилія и христіанскимъ ученіемъ.

Нельзя окончить разбора шестой книги *Энеиды*, не спросивъ себя, какое впечатлѣніе она должна была произвести на читавшихъ ее римлянъ, и можно ли полагать, что она имѣла вліяніе на ихъ мнѣнія. Вліяніе это не было бы глубоко, если бы во времена им-

[72]) Конингтонъ, *loc. cit.* То мѣсто, гдѣ Виргилій старался соединить эти различные элементы, (VI, 742—746), именно самое темное въ VI-й книгѣ, и подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ истолкованіямъ. Потому нельзя сказать, чтобы оно много разъясняло собою этотъ вопросъ.

періи дѣйствительно не существовало уже вѣры въ будущую жизнь, какъ иногда думали; но доказательства, приводимыя въ пользу такого мнѣнія, далеко не убѣдительны; съ этой цѣлью приводятъ признанія нѣкоторыхъ тогдашнихъ писателей, не понимая ихъ настоящаго смысла и значенія. Когда Сенека и Ювеналъ утверждаютъ, что никто больше не боится Цербера и не вѣритъ тому, будто мертвецы со всего свѣта переѣзжаютъ мрачную рѣку на лодкѣ [73]), они просто хотятъ сказать, что народныя легенды много утратили своего прежняго кредита, и нисколько не желаютъ отрицать безсмертіе души. Развѣ нельзя было шутить надъ Церберомъ и Харономъ, не допускать мысли, будто души послѣ смерти переѣзжаютъ Стиксъ, и въ то же время вѣрить, что онѣ продолжаютъ гдѣ-то существовать. Дѣйствительно, только одинъ писатель того времени открыто нападалъ на будущую жизнь и осмѣливался утверждать, что она не болѣе, «какъ пустое безуміе и дерзкое тщеславіе»; это былъ Плиній старшій. Въ одномъ знаменитомъ мѣстѣ своихъ сочиненій онъ называетъ тѣхъ, кто за нее стоитъ, истинными врагами рода человѣческаго. «Несчастные! говоритъ онъ имъ, что за глупость съ вашей стороны продолжать жизнь по ту сторону могилы... Гдѣ жъ отдохнутъ, наконецъ, созданія, если, какъ вы думаете, души на небѣ и тѣни въ аду продолжаютъ еще чувствовать? Ваша снисходительность къ нашимъ предразсудкамъ и ваше легковѣріе заставляютъ насъ терять величайшее благо человѣческой жизни, состоящее въ смерти. Вы удвоиваете печаль нашего послѣдняго часа ужасами будущаго. Предполагая, что жить на свѣтѣ сладко, можно ли сказать, чтобы было сладко отжить? Дайте намъ лучше посовѣтоваться съ своими воспоминаніями и въ покоѣ, прешествовавшемъ нашему существованію, найти увѣренность въ томъ, что послѣ него будетъ покой [74])». Въ то время только одинъ Плиній выражался такъ ясно и смѣло; но если другіе и не отрицаютъ вѣчности жизни, надо сознаться, что они говорятъ о ней очень осторожно и нерѣшительно. Чаще всего она кажется имъ простою гипотезою или надеждою. Тацитъ, прощаясь въ послѣдній разъ съ своимъ умершимъ тестемъ, Агриколою, довольствуется тѣмъ, что говоритъ: «если только существуетъ мѣсто, назначенное для манъ справедливаго человѣка, и если, какъ думаютъ мудрецы,

---

73) Сенека, *Epist.*, 24, 18. Ювеналъ, II, 15.
74) *Hist. Nat*, VII, 55 (56).

великія души не угасаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ [75])». Остальные писатели того времени выражаются почти такъ же, какъ онъ, и очень естественно, что среди подобной неясности нелегко уловить ихъ настоящую мысль.

Изъ надписей мы почерпаемъ болѣе полныя и ясныя свѣдѣнія, нежели изъ литературы. Ни на одинъ вопросъ онѣ не проливаютъ столько свѣта, какъ на этотъ. Такъ какъ большинство дошедшихъ до насъ надписей состоитъ изъ эпитафій, то люди, заставлявшіе вырѣзывать ихъ, по неволѣ открываютъ намъ свои взгляды на будущую жизнь. Эти взгляды далеко не согласуются между собою, и очевидно, что въ то время относительно этого предмета существовали чрезвычайно разнообразныя мнѣнія. Нѣкоторые отрицаютъ безсмертіе души такъ же рѣшительно, какъ Плиній, и по одинаковымъ причинамъ: «Нѣкогда тебя не было, говорятъ они прохожему, останавливающемуся передъ ихъ гробницею, теперь ты существуешь, но вскорѣ тебя не будетъ [76])». Слѣдовательно, они смотрятъ на время нашей жизни, какъ на жизненную молнію между двумя безднами небытія. Нѣсколько разъ встрѣчается слѣдующая формула: «Меня не было, меня нѣтъ, *non fueram, non sum* [77])»; а самые покорные или самыя несчастные прибавляютъ: «Это меня не огорчаетъ, *non mihi dolet* [78])». Такая перспектива, повидимому, не смущаетъ ихъ. Грозящая имъ безпробудная смерть служитъ имъ только лишнимъ поводомъ весело проводить жизнь: «Друзья, говорятъ они, будемте жить, пока живется [79])». Или еще: «Ѣшь, пей, веселися и приходи къ намъ [80])». Эпикуреизмъ ихъ иногда очень грубъ. «Пока я былъ живъ, говоритъ намъ одинъ ветеранъ пятаго легіона, я охотно пилъ; вы, которые теперь живете, пейте подобно мнѣ [81])». Другой объявляетъ намъ, «что онъ всегда проводилъ жизнь такъ, какъ прилично свободному человѣку», то-есть, вѣроятно, постоянно предавался удовольствіямъ, и прибавляетъ: «То, что я ѣлъ и пилъ, вотъ все, что теперь мнѣ осталось [82])».

75) *Agricola*, 46.

76) *Inscr. de l'Alg.*, 717: *Non fueras, nunc es, iterum nunc desines esse.*

77) Орелли, 809—4810.

78) Орелли, 4811.

79) Орелли, 4807: *Amici, dum vivimus, vivamus.*

80) *Corp. inscr. lat.*; II, 1877: *Es, bibe, lude, veni.*

81) Орелли, 6674: *Dum vivi bibi libenter: bibite vos qui vivites.*

82) Орелли, 7407: *Quod comedi et ebibi tantum meum est.* Эта грубая мысль кажется пародіей на ту, которая находится на могилѣ Вибіи: *Bene fac, hoc tecum feres.* (Дѣлай добро, ты унесешь его съ собою). Орелли, 6042.

Главная мысль всѣхъ этихъ друзей легкихъ удовольствій, эпикурейцевъ въ теоріи, если не на практикѣ, состояла въ томъ, что такъ какъ жизнь человѣческая ограничена землею, то ее надо сдѣлать какъ можно пріятнѣе. Говорятъ ли они это или нѣтъ, ихъ положительно можно причислить къ людямъ, не вѣрующимъ въ будущую жизнь. Обыкновенно причисляютъ къ одинаковой категоріи всѣхъ, кто, привѣтствуя смерть, какъ окончаніе всѣхъ бѣдъ, какъ покой послѣ усталости, радуется ей, какъ величайшему благополучію. Это чувство часто встрѣчается на древнихъ памятникахъ; оно выражается обыкновенно тѣми людьми, которые не могли похвалиться жизнью. «Наконецъ то я освобожденъ отъ всякихъ горестей, говоритъ намъ одинъ грамматикъ, существованіе котораго было, вѣроятно, очень тяжело, я наслаждаюсь спокойствіемъ смерти [83])». Одинъ пароянинъ, разсказавъ намъ, какъ изъ плѣнника онъ сдѣлался гражданиномъ, и какъ прихоть судьбы заставила его покоиться въ римской землѣ, прибавляетъ слѣдующія слова: «Могила, будь ко мнѣ гостепріимна; тебѣ я буду обязанъ тѣмъ, что избавлюсь отъ всѣхъ заботъ [84])». Но имѣемъ ли мы право утверждать, что покой, котораго такъ горячо желаютъ эти несчастные, все равно, что «вѣчный сонъ», ожидаемый эпикурейцами? Не видѣли ли мы сейчасъ, что его можно примирить съ надеждою на безсмертіе? У Виргилія души, толпящіяся вокругъ Харона, нетерпѣливо стремятся переѣхать рѣку, потому что надѣются найти покой на другомъ берегу, но въ то же время онѣ знаютъ, что, наслаждаясь покоемъ, онѣ будутъ попрежнему существовать. Кога христіане писали на могилѣ вѣрующаго, «что онъ покоится въ мирѣ», они не говорили «о томъ ледяномъ снѣ», отъ котораго нѣтъ пробужденія, и покой значилъ для нихъ не уничтоженіе, а жизнь. Слѣдовательно, было бы безразсудно предполагать, что всѣ, говорившіе съ такою завистью о спокойствіи смерти, думали, что оно пріобрѣтается не иначе, какъ посредствомъ уничтоженія ихъ существа, и безразлично относить ихъ къ числу людей, не вѣрующихъ будущей жизни. Но даже и въ такомъ случаѣ мы нашли бы въ надгробныхъ надписяхъ болѣе вѣрующихъ людей, нежели скептиковъ [85]). Большею частію онѣ, или подтверждаютъ, или предполагаютъ загробную жизнь. Покойники просятъ въ

83) Орелли, 1197.

84) Орелли, 2982.

85) См. Фридлэндера *Sittengeschichte Roms*, III, ст. 629.

нихъ у своихъ друзей и родныхъ такихъ услугъ, въ которыхъ они не нуждались бы, если бы все должно было кончиться для нихъ въ этой жизни; они говорятъ о мѣстахъ, гдѣ будутъ жить, и выражаютъ мысль, что оставленные ими на землѣ родственники послѣдуютъ за ними туда современемъ; и эта надежда одинаково утѣшаетъ какъ оставшихся въ живыхъ, такъ и умершихъ. «Не плачь, мать моя», говоритъ покойникъ, и мать отвѣчаетъ сыну, прося его придти поскорѣе взять ее къ себѣ [86]). Подобныя вѣрованія существовали въ то время во всѣхъ слояхъ общества, но болѣе всего они были, вѣроятно, распространены между простымъ народомъ: несчастнымъ, бѣднымъ, угнетеннымъ необходимо надо вѣрить, что они будутъ вознаграждены за несправедливости, претерпѣнныя ими въ настоящей жизни, и что гдѣ-то существуютъ наказанія для злыхъ и награды для добрыхъ. По словамъ Светонія, когда въ Римѣ узнали о смерти Тиберія, толпа разсыпалась по улицамъ, «умоляя боговъ Манъ, низвергнуть тѣнь его въ обиталище нечестивыхъ [87])».

Но если всѣ эти люди сходятся въ той мысли, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то не всѣ они одинаково представляютъ себѣ то послѣднее жилище, гдѣ должна продолжаться жизнь, и помѣщаютъ его не въ одинаковомъ мѣстѣ. Нѣкоторыя надписи, преимущественно написанныя стихами, говорятъ о Тартарѣ и Элизіи; въ другихъ различными способами выражена та мысль, что когда тѣло предается землѣ, то душа возвращается къ своему источнику [88]). Съ этихъ поръ она должна пребывать или въ звѣздахъ, возлѣ боговъ, или въ чистѣйшей части воздуха, или въ пространствѣ, между землею и луною, и нѣкоторые воображаютъ при этомъ, что чѣмъ добродѣтельнѣе было ея земное существованіе, тѣмъ болѣе она удалена отъ земли и приближена къ небу [89]). Мнѣніе это распространяется по мѣрѣ того, какъ распространяется стоическое ученіе. Живость, съ какою оно иногда излагается, доказываетъ, что оно было принято съ величайшею ра-

[86]) Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 3864, 3981. Грутеръ, 376, 5. Орелли 4662 и рп.

[87]) *Tiber.*, 75.

[88]) Орелли, 7392: *Naturae socialem spiritum corpusque origini reddidit* (Возвратилъ природѣ родственный ей духъ, а тѣло туда, откуда оно беретъ свое начало). Моммс. *Inscr. Neap.*, 1804: *In cineres corpus et in aethera vita soluta est.* (Тѣло перешло во прахъ, а жизнь въ эѳиръ). *Corp. insr. lat.*, III, 6384: *corpus habent cineres, animam sacer abstulit aer* (Тѣло во прахѣ, а душа вознеслась въ священный воздухъ).

[89]) Плиній, *Paneg.*, 89.

достью. «Нѣтъ, говоритъ одинъ отецъ на могилѣ своего дитяти, ты не спускаешься въ жилище Манъ, а возносишься къ звѣздамъ небеснымъ [90]». Но доступъ къ философіи имѣли въ то время только избранные люди, т. е. меньшинство; за то впослѣдствіи христіанство сдѣлало изъ него всеобщее вѣрованіе. До христіанской эпохи перевѣсъ берутъ древнѣйшія мнѣнія. Толпа съ какимъ-то неодолимымъ упорствомъ старается возвращаться къ стариннымъ представленіямъ о непреходимости жизни; ей все хочется думать, что душа и тѣло скованы другъ съ другомъ въ могилѣ; ей кажется, что и запертый въ могилѣ покойникъ не утратилъ въ ней всѣхъ чувствъ; она изыскиваетъ всевозможныя средства, чтобы утѣшить его, развлечь, оторвать его отъ этого безмолвія и вѣчнаго уединенія, которымъ такъ неохотно подчиняется природа; она желаетъ возвратить его къ своимъ и удержать его между ними и, если его нельзя пріобщить къ движенію и дѣятельности живущихъ, то дать ему по крайней мѣрѣ насладиться зрѣлищемъ ихъ. Нѣкто Лоллій, августальный севиръ небольшаго итальянскаго города, говоритъ намъ въ своей эпитафіи, «что онъ велѣлъ схоронить себя возлѣ дороги, для того чтобы, проходя, ему могли сказать: Прощай, Лоллій [91]», то-есть для того, чтобы до него доходилъ хоть какой-нибудь жизненный звукъ. По этой самой причинѣ древнія гробницы помѣщались всего чаще на большой дорогѣ. Въ Римѣ ими окаймлены Латинскій путь и Аппіевъ, а въ Помпею путешественникъ и до нынѣ входитъ между двумя рядами гробницъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть надписи, состоящія изъ разговоровъ между умершимъ и живыми. Иногда онъ принимается говорить, чтобы утѣшить огорченную семью, иногда для того, чтобы поблагодарить, поклонившихся ему мимоходомъ, людей. «Прощай, Викторъ Фабіанъ.—Да ниспошлютъ вамъ Боги всякаго блага, друзья мои, а вамъ, путники, да покровительствуютъ боги въ награду за то, что вы на минуту остановились передъ могилою Фабіана. Да совершатся путешествіе ваше и возвратъ безъ приключеній. Вамъ же, приносящимъ мнѣ вѣнки и цвѣты, желаю дѣлать это впродолженіе многихъ лѣтъ [92]».

Весьма замѣчательна та настойчивость, съ какою покойникъ

---

90) Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 3421.

91) Орелли, 4737.

92) *Bull. de l'inst. arch.*, г. 1864, стр. 154.

93) Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 782.

требуетъ отъ своихъ и чужихъ этого послѣдняго вниманія. Иногда къ молитвамъ онъ, когда можетъ, присоединяетъ и посулы: онъ дѣлаетъ разныя завѣщанія въ награду тѣмъ, кто въ извѣстное время будетъ приносить ему возліянія и цвѣты или будетъ участвовать въ трапезахъ, совершаемыхъ возлѣ его праха. Если онъ бѣденъ, то проситъ, чтобы не забывали по крайней мѣрѣ поклона, дѣлаемаго обыкновенно при встрѣчѣ гробницы. «Вы, мимоидущіе, не позабудьте сказать съ набожнымъ чувствомъ: Да будетъ земля легка надъ тобою!» Съ страннымъ усердіемъ требуетъ онъ отъ всѣхъ этого простаго воспоминанія; чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что ему не откажутъ, онъ льститъ, проситъ, умоляетъ онъ обѣщаетъ путнику, произнесшему эти немногія слова, что боги вознаградятъ его набожность, и что онъ современемъ самъ получитъ тѣ почести, какія воздаетъ теперь другимъ [94]). Видя, какое важное значеніе онъ придаетъ такой простой формулѣ, готовъ подумать, что онъ, вѣроятно, считаетъ ее дѣйствительною и полагалъ, что она можетъ какъ-нибудь улучшить его участь на томъ свѣтѣ. Слѣдовательно, онъ проситъ не простой вѣжливости, въ которой нисколько не нуждается въ эту минуту, но услуги и помощи, и въ этихъ словахъ, такъ часто встрѣчающихся на древнихъ гробницахъ, есть нѣчто сходное съ христіанскими молитвами объ усопшихъ. Не меньшую важность придаютъ также жертвоприношеніямъ на могилахъ; для нихъ берется множество предварительныхъ предосторожностей. Трудно вѣрить, какъ люди изъ одного только тщеславія столько хлопотали о томъ, чтобы увѣковѣчить ихъ и устранить всѣ препятствія для ихъ исполненія. Вѣрнѣе, что они предполагали, будто покойникъ получалъ отъ этого какую-нибудь болѣе существенную, пользу, и соединяли какимъ-нибудь образомъ понятіе о его блаженствѣ въ будущей жизни съ почестями, воздаваемыми ему на землѣ.

Итакъ, очень вѣроятно, что настоятельныя просьбы къ прохожимъ молиться объ умершихъ и благочестивыя учрежденія, осно-

---

94) Орелли, 7395: *Quid quisque vestrum mortuo optavit mihi, id illi eveniat semper vivo et mortuo.* (Что каждый изъ васъ пожелаетъ мнѣ мертвому, то да сбудется съ нимъ и при жизни и послѣ смерти). Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 3712: Quicunque viator transiens et dixeris huic tumulo: *Rufine, ave, sit tibi terra levis, et post obitum idem tuum sit tibi terra levis.* (Путникъ, кто бы ты ни былъ, если скажешь при видѣ этой могилы: «Руфинъ, прощай, да будетъ земля легка надъ тобою!» то да будетъ земля легка и надъ тобою послѣ твоей смерти).

ваемыя съ цѣлью увѣковѣчить жертвоприношенія о нихъ, свидѣтельствуютъ далеко не столько о желаніи людей оградить свою память отъ забвенія, сколько о страхѣ и безпокойствѣ всѣхъ и каждаго при мысли объ адѣ. Эпикуру не удалось, какъ онъ надѣялся, освободить отъ нихъ человѣчество. Въ началѣ имперіи состояніе умовъ было совершенно таково, какъ описалъ его Платонъ за четыре столѣтія передъ тѣмъ. «Знай, что когда человѣкъ думаетъ, что онъ близокъ къ смерти, тогда иныя вещи, насчетъ которыхъ онъ до тѣхъ поръ оставался совершенно спокойнымъ, пробуждаютъ въ его умѣ заботы и опасенія, особенно, когда разсказываютъ объ адѣ и его наказаніяхъ... Эти разсказы, составлявшіе для него прежде предметъ насмѣшекъ, вносятъ теперь въ душу его смущеніе [95])». Въ эту страшную минуту человѣкъ невольно вспоминаетъ свою прошлую жизнь и опасается послѣдствій совершенныхъ имъ грѣховъ. «Въ это время, говоритъ Цицеронъ, выражаясь почти по христіански, болѣе чѣмъ когда либо чувствуешь угрызенія совѣсти за свои грѣхи, *tum peccatorum maxime poenitet* [96])». Очень вѣроятно, что религія являлась иногда для успокоенія встревоженной совѣсти. На одномъ луврскомъ барельефѣ возлѣ ложа только-что умершей женщины и ея плачущей семьи изображены жрецы, готовящіеся къ жертвоприношенію [97]). И мистеріи старались также успокоить души, пугавшіяся великой неизвѣстности; онѣ представляли посвященнымъ зрѣлища будущей жизни и увѣряли ихъ, что послѣ смерти они будутъ наслаждаться видѣннымъ ими теперь издалека блаженствомъ и «будутъ проводить вѣчность съ богами». Но самую большую выгоду изъ страха ада съумѣли извлечь шарлатаны, стекшіеся въ Римъ со всѣхъ концовъ свѣта, и всякаго рода волшебники и гадатели. Такъ какъ, по словамъ Платона, «величайшее несчастіе перейти въ будущую жизнь съ преступной душою [98])», то они брались снабжать грѣшниковъ очищеніями, омывавшими ихъ проступки «и дававшими имъ, по окончаніи жизни, мѣсто среди тѣхъ, которые въ жилищѣ Гадеса сохраняютъ дыханіе, взглядъ и рѣчь и проводятъ тамъ время въ пляскахъ и увеселеніяхъ [99])». Они продавали молитвы,

---

95) *Респ.*, I, с. 330.

96) *De divin.*, I, 30.

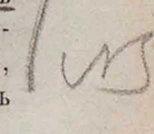
97) Этотъ барельефъ подробно описанъ Маффеи въ его небольшомъ сочиненіи, называемомъ «*La religione de gentili nel morire*.

98) Плат., *Горгіасъ*, с. 522.

99) Плутархъ, *Non posse suav vivi.*, с. 1105.

дѣйствіе которыхъ было несомнѣнно, и которыя должны были обезаруживать адскія силы и не позволять имъ ставить препятствія душѣ въ то время, какъ она улетаетъ на небо [100]). Всѣ были до такой степени заняты этой страшной минутою и дотого боялись грозной будущности, что безъ труда вѣрили обманщикамъ и покупали у нихъ за дорогую цѣну рецепты.

Надо помѣстить разсказъ Виргилія среди этихъ тревогъ, чтобы ясно понять произведенное имъ дѣйствіе. Онъ не былъ для этихъ безпокойныхъ душъ обыкновеннымъ произведеніемъ искусства, и они должны были находить въ немъ болѣе живой и могущественный интересъ, чѣмъ во всемъ остальномъ сочиненіи. Въ шестой главѣ *Энеиды* говорилось именно о вопросахъ, тревожившихъ ихъ умы; она возбуждала въ нихъ надежды и ужасы, которые легко можно было позабыть на минуту среди житейской дѣятельности, но которые, по мнѣнію Платона, подъ конецъ непремѣнно должны были проснуться. Слѣдовательно, чтеніе шестой книги необходимо должно было прежде всего еще болѣе возбудить и поддерживать собою всеобщія въ то время опасенія и заставлять людей еще сильнѣе безпокоиться о состояніи душъ послѣ смерти. Кромѣ того, если нельзя было приступить къ ея чтенію безъ особеннаго волненія, то и по окончаніи его нельзя было чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Люди, желавшіе найти въ немъ разрѣшеніе своихъ сомнѣній и ясныхъ, окончательныхъ отвѣтовъ относительно будущей жизни, не находили ихъ. Виргилій не былъ открывателемъ тайнъ будущаго, а ему слѣдовало быть имъ, если онъ намѣревался дать людямъ такое описаніе будущей жизни, которое они могли бы принять, какъ догматъ. До тѣхъ поръ никто еще этого не дѣлалъ. Какъ для жрецовъ, такъ и для философовъ, то, что слѣдуетъ послѣ жизни, представлялось какимъ-то сномъ; все, что объ этомъ говорилось, относилось скорѣе къ области воображенія, нежели вѣры. Слѣдовательно, поэтъ могъ буквально выдумывать объ адѣ все, что хотѣлъ, но онъ предпочелъ взять исходною точкою народныя вѣрованія; а вѣрованія эти, какъ мы уже видѣли, были очень неопредѣленны. Они измѣнялись

[100]) Арноб., *Advers. gentes*, II, 13, 33, 62. Слѣдующая алжирская надпись, вѣроятно, намекаетъ на какую-нибудь очистительную церемонію, совершаемую для спасенія души: *Tertullius mosoleum instituit aere suo, et patris et matris sororum et nepotis redemissionem fecit* (Рен. *Inscrip. de l'Alg.*, I, 3741) (Тертуллій воздвигъ мавзолей на свои деньги и совершилъ искупленіе отца, матери, сестеръ и внука).

не разъ и, измѣняясь, успѣли ослабѣть. Тѣмъ не менѣе онъ думалъ, что старинныя легенды, несмотря на всю свою несообразность и невѣроятность, еще могли пригодиться ему. Говорятъ, будто образованные люди того времени давно уже перестали вѣрить имъ; но образованные люди составляютъ обыкновенно меньшинство, да кромѣ того, еще неизвѣстно, точно ли они настолько утратили въ нихъ вѣру, какъ думали. Когда басни впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ принимаются людьми на вѣру, онѣ не такъ-то легко изглаживаются изъ ихъ памяти. Что же касается именно этихъ басенъ, то ихъ охраняли отъ забвенія произведенія искусствъ; поэзія и искусства дѣлали ихъ безсмертными. Даже тогда, когда разумъ удалялся отъ нихъ, онѣ продолжали владѣть воображеніемъ и такимъ образомъ держали въ своей власти хоть одну часть человѣка, даже противъ его воли. Доказательствомъ того, что онѣ не вполнѣ утратили свой кредитъ, служитъ то, что философы, и особенно стоики, спѣшили обыкновенно пользоваться ими и истолковывать ихъ въ смыслѣ своихъ системъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, они надѣялись сообщить излагаемымъ имъ новымъ ученіямъ то уваженіе, которое невольно оказываютъ обыкновенно всякимъ стариннымъ вещамъ. Таково было также намѣреніе Виргилія: онъ думалъ, что разсказъ его получитъ большее значеніе, если въ немъ будутъ всюду смѣшаны древнія преданія съ новыми взглядами и философія съ баснями.

Въ сущности это смѣшеніе составляетъ главнѣйшую особенность его произведенія; оно главнымъ образомъ было важно потому, что придало болѣе возвышенный и нравственный характеръ понятіямъ о будущей жизни, составлявшимся въ то время вокругъ него. Вотъ почему, несмотря на громадныя заимствованія, дѣлаемыя имъ у древнихъ легендъ, его Элизій и Тартаръ уже не имѣютъ миѳологическаго характера. Мы уже видѣли, что онъ къ нимъ прибавилъ; напомню только одно его мнѣніе, изложенное имъ такъ блистательно, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ элементовъ различнаго происхожденія; что тѣло, какъ земное, развращенное вещество, служитъ нечистымъ началомъ, и что союзъ его съ душою, имѣющей небесное происхожденіе, составляетъ причины вѣчной борьбы, смущающей человѣческую жизнь. Отсюда онъ выводитъ важное и неожиданное заключеніе. Допустивъ, что душа и тѣло стѣсняютъ другъ друга, и что связь ихъ служитъ постоянною причиною страданій и борьбы, слѣдуетъ полагать, что отдѣленіе ихъ другъ отъ друга есть благо, и что дѣйствительное существованіе начинается только послѣ ихъ разлуки. Въ прежнее время думали совсѣмъ

иначе: по мнѣнію Гомера, истинная жизнь—есть жизнь тѣла. Когда человѣкъ перестаетъ существовать, отъ него остается только тѣнь, пустая, неосязаемая форма, «безсильный призракъ». Всѣ мертвые—«несчастные», жилище ихъ — обитель мрака, и когда Улиссу говорятъ, что онъ долженъ посѣтить ее, онъ чувствуетъ что сердце его разрывается и съ плачемъ мечется онъ на своемъ ложѣ. Вотъ что отвѣчаетъ Ахиллъ на привѣтствія, дѣлаемыя ему Одиссеемъ:

„О, Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
„Лучшебъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ работая въ полѣ,
„Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
„Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый“ [101])!...

Въ Римѣ то же самое было мнѣніемъ большинства. Горацій, вспоминая о людяхъ, уже не существующихъ, говоритъ, «что они отправились въ вѣчную ссылку» [102]). Виргилій, напротивъ того, полагаетъ, что они возвратились въ свое отечество. Эней, едва увидѣвъ Элизій, думаетъ, что врядъ ли кто согласится когда-либо удалиться изъ него. «О, отецъ мой, говоритъ онъ Анхизу, неужли правда, что нѣкоторыя души восходятъ отсюда на землю и снова желаютъ воротиться въ темницу тѣла? Откуда же у нихъ эта безумная любовь къ жизни?» [103]).

Нельзя, конечно, сказать, чтобы мысли эти были совершенно новы: философы нерѣдко развивали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, и онѣ высказывались иногда еще задолго до ихъ времени. Такъ, напримѣръ, та мысль, что тѣло въ концѣ концовъ оскверняетъ собою душу, и что послѣдняя, отдѣлившись отъ него, должна непремѣнно очиститься, чтобы возвратиться къ своему первоначальному естеству, существовала уже въ древнихъ религіяхъ Египта. Разсказъ объ ужасныхъ испытаніяхъ, предстоящихъ ей для достиженія блаженнаго безсмертія, составляетъ основу той «похоронной службы», которую набожные люди приказывали класть съ собою въ могилу, и которая такъ часто находится въ египетскихъ гробницахъ [104]). Цицеронъ сказалъ еще до Виргилія: «Лишь тогда, когда мы умремъ, мы будемъ жить дѣйствительно;» затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ Сципіонъ при видѣ блаженства, которымъ наслаждаются на небѣ добродѣтельныя души, восклицаетъ, подобно

[101]) *Одиссея*, XI, 488. Объ этомъ вопросѣ см. у Жирара въ его *Le sentiment religieux en Grèce*, с. 304 и сл.

[102]) *Od.*, II, 3, 27 *nos in aeternum Exilium impositura cymbae.*

[103]) *Aen.*, VI, 719.

[104]) О похоронной службѣ см. статью Масперо, *Revue critique*, 1872, № 48.

Энею: «Если здѣсь находится обитель жизни, зачѣмъ мнѣ оставаться еще на землѣ? Почему мнѣ не поспѣшить соединиться съ вами?» [105]). То же самое думалъ тотъ греческій мудрецъ, который, не имѣя никакой причины горевать, прочитавъ *Федона*, бросился въ море, чтобы скорѣе достигнуть неба [106]). Но хотя мысли, развиваемыя Виргиліемъ, были не совсѣмъ новы, по крайней мѣрѣ можно сказать, что въ Римѣ онѣ еще не выходили въ то время изъ предѣловъ философскихъ школъ и небольшаго кружка образованныхъ. Онъ взялъ ихъ оттуда для того, чтобы распространить, и своимъ искуснымъ изложеніемъ съумѣлъ заставить всѣхъ усвоить ихъ. Такъ какъ въ его сочиненіяхъ онѣ перемѣшаны съ легендами и древними преданіями, то онѣ были безъ особеннаго удивленія приняты толпою, и проникли до такой глубины, до какой никогда не проникали прежде. Изложивъ ихъ прекрасными стихами въ поэмѣ, считавшейся впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ популярнѣйшею изъ всѣхъ книгъ, онъ глубоко запечатлѣлъ ихъ въ людской памяти.

Многія изъ этихъ мыслей сдѣлались впослѣдствіи достояніемъ христіанства. Если онѣ безъ труда овладѣли умами, то это потому, что Виргилій заранѣе подготовилъ умы къ принятію ихъ. Христіанство признаетъ судъ надъ умершими, мученія грѣшниковъ, награду праведниковъ, необходимость для душъ, виновныхъ въ небольшихъ грѣхахъ, пройти сквозь очистительный огонь (*purgatorius ignis*); оно учитъ о божественномъ происхожденіи души, о ея борьбѣ съ тѣломъ, желающемъ принизить ее до земли, и объ испытываемомъ ею блаженствѣ, когда она, наконецъ, освободится отъ него. Для него будущая жизнь и есть дѣйствительная жизнь; христіанинъ долженъ проводить свое время въ томъ, чтобы готовиться къ ней и ожидать ее, и о немъ можно сказать вмѣстѣ съ Виргиліемъ, что съ земли, считаемой имъ мѣстомъ изгнанія, онъ безпрестанно съ любовью простираетъ руки къ противоположному берегу, *tendebant que manus ripae ulterioris amore*. Такое очевидное сходство съ христіанскимъ ученіемъ придало, вѣроятно, большую популярность шестой книгѣ *Энеиды* къ концу имперіи. Извѣстно, что Отцы Церкви нерѣдко приводили ее. Св. Амвросій ссылается на нее какъ на доказательство, утверждая, что язычники

---

[105]) Цицеронъ, *Resp.*, VI, 8.
[106]) Циц., *Tuscul.*, I, 34.

предвидѣли вѣру въ Св. Духа [107]). Христіанскіе поэты охотно вдохновляются ею: желая изобразить адъ или рай, они подражаютъ описаніямъ Виргилія и иногда даже копируютъ ихъ [108]). Стихи его нашли на гробницахъ Катакомбъ рядомъ съ изображеніемъ креста и монограммою имени Христова [109]). Подобное сближеніе, не считавшееся въ то время оскорбительнымъ, не должно удивлять насъ и теперь, оно естественно и законно. Сдѣланный нами разборъ шестой книги приводитъ насъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, къ какимъ приводитъ изученіе всей вообще *Энеиды*: Виргилій заставляетъ насъ коснуться того пункта, откуда древній духъ, уже достигнувшій зрѣлости, просвѣщенный опытомъ, очищенный философіей и полный инстинктивнаго чувства иныхъ человѣческихъ потребностей, протягиваетъ руку новому духу и приводитъ людей къ христіанству.

---

107) *De sancto Spir.*, II, 5, 36.
108) Седулій, *Carm. pasch.*, II, 294.
109) Марини, *Arvali*, с. 827.

КНИГА ВТОРАЯ.

РЕЛИГІЯ ПОСЛѢ АВГУСТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что осталось отъ реформъ Августа.

Политика преемниковъ Августа относительно религіи. – Тиберій и Клавдій.— Веспасіанъ и перестройка Капитолія. — Антонины. — Употребленіе древнихъ богослужебныхъ обрядовъ въ религіозныхъ корпораціяхъ.—Арвальское братство.—Преданность его династіи.—Празднованіе майскаго праздника. – Древніе и новые элементы въ римской религіи во второмъ вѣкѣ.

Подробно изучая Виргилія, мы видѣли въ немъ типъ серьёзнаго и по природѣ религіознаго человѣка, съ полною охотою принимавшаго реформы Августа и готоваго слѣдовать имъ по его желанію. Сначала эти реформы были немногочисленны; но число ихъ должно было увеличиваться по мѣрѣ того, какъ старѣлся вѣкъ, особенно же послѣ смерти Августа. Понятно, что времена Тиберія и Калигулы исключали всякую беззаботность и радость. Этому обществу, изображенному Овидіемъ такимъ веселымъ, пришлось вскорѣ пройти черезъ страшныя испытанія, и оно вышло изъ нихъ лучшимъ, нежели прежде, какъ это обыкновенно бываетъ. Чтобы укрѣпить себя противъ грозившихъ ему опасностей, оно все болѣе и болѣе предавалось твердому стоическому ученію. Исчезновеніе старинныхъ семействъ, конфискація громадныхъ состояній, необходимость скрывать свои богатства, чтобы не возбудить зависти,—все это сдѣлало нравы проще прежняго. Общественная нравственность окрѣпла среди несчастій.

Люди снова обратились къ религіи, потому что религія привлекаетъ къ себѣ страждущія сердца; къ ней возвратились еще потому, что чувствовали необходимость противопоставить болѣе могущественную власть неумолимой власти, тяготѣвшей въ то время надъ римлянами; ее хотѣли удержать или отвѣчать на ея угрозы, говоря: «Тѣхъ бѣдъ, которыми вы пугаете своихъ подданныхъ, вы сами должны бояться со стороны того, кто могуществен-

нѣе васъ и кто вашъ господинъ!» [1]) По мѣрѣ того какъ подвигаешься впередъ въ исторіи имперіи, движеніе, увлекающее души къ религіи, становится все замѣтнѣе, и можно сказать, что общество шло въ это время по тому самому пути, на какой желалъ его поставить Августъ. Но точно ли это движеніе было слѣдствіемъ его реформъ? Имѣли ли онѣ какое-нибудь значеніе для того направленія, которому міръ началъ слѣдовать по его смерти? Вопросъ этотъ очень затруднителенъ; нелегко рѣшиться отвѣтить на него, зная, какъ трудно опредѣлить долю вліянія на событія, принадлежащую людямъ и учрежденіямъ.

Для того, чтобы вѣрно оцѣнить, что осталось отъ дѣла Августа, надо сначала вспомнить, что онъ хотѣлъ сдѣлать. Не позабудемъ прежде всего, что онъ желалъ дѣйствовать только въ интересахъ имперіи; возвращая ее къ обычаямъ ея юности, онъ надѣялся обновить ее. Подобно всѣмъ государственнымъ людямъ своей страны, онъ приписывалъ какое-то чудесное дѣйствіе древнимъ обычаямъ. Онъ желалъ услужить не религіи вообще, а именно римской религіи, и сдѣлалъ для этого только то, что можно было сдѣлать, т. е. возстановилъ культъ, такъ какъ культъ былъ для нея все. Онъ перестроивалъ храмы, чествовалъ жрецовъ и наблюдалъ за строгимъ выполненіемъ церемоній. Преемники его, вообще говоря, слѣдовали данному имъ примѣру. Тиберій, человѣкъ самъ по себѣ очень равнодушный, чрезвычайно заботился о религіозныхъ вещахъ. Онъ отлично зналъ древніе обычаи и не позволялъ дѣлать въ нихъ ни малѣйшей отмѣны [2]). Онъ занялся жреческими должностями, находившимися въ совершенномъ пренебреженіи, и для того, чтобы ихъ не избѣгали, постарался облегчить ихъ занятія и увеличить преимущества [3]). Клавдій былъ набоженъ: во время своего тріумфа онъ взобрался на колѣняхъ по ступенямъ Капитолія, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ своими двумя зятьями [4]). Кромѣ того, у него была манія древности; ему доставило удовольствіе возобновить жертвоприношенія, восходившія ко временамъ Туллы Гостилія [5]). Подписывая мирный договоръ, онъ не пропускалъ ни одной мелочи изъ ритуала священныхъ героль-

---

[1]) Quidquid a vobis minor expavescit
Major hoc vobis dominus minatur. (Сенека, *Thyest.*, 610).

[2]) Тац., *Ann.*, VI, 12.

[3]) Тац., *Ann.*, IV, 16.

[4]) Діонъ, LX, 23.

[5]) Тац., *Ann.*, XII, 8.

довъ [6]). Разъ, когда зловѣщая птица присѣла на храмъ Юпитера, онъ собралъ на форумѣ народъ для очистительнаго праздника и, въ качествѣ верховнаго жреца, самъ произнесъ съ высоты трибуны молитву, которую всѣ должны были повторять за нимъ [7]). Даже при самыхъ дурныхъ государяхъ, умышленно пренебрегавшихъ преданіями Августа, религія никогда не оставалась въ полномъ небреженіи. Неронъ смѣялся надъ римскими богами и вѣрилъ только небольшому изображенію, которое далъ ему одинъ простолюдинъ, и которое должно было открывать ему всѣ составлявшіеся противъ него заговоры [8]); тѣмъ не менѣе онъ совѣтовался съ гаруспиціями и на основаніи ихъ отвѣтовъ спѣшилъ устроивать торжественныя церемоніи, когда, напримѣръ, молнія падала на храмъ [9]). Отонъ, считавшійся безбожникомъ, не позабылъ велѣть очистить Римъ по предписаніямъ обрядоваго устава, отправляясь воевать съ Вителліемъ [10]). Тѣмъ болѣе добрые государи оказывали уваженіе національной религіи. Послѣ періодическихъ революцій, потрясавшихъ имперію, всякій разъ, какъ власть попадала въ честныя и твердыя руки, можно было быть увѣреннымъ, что первою заботою новаго императора будетъ слѣдовать примѣру Августа, возобновить прекратившіеся праздники и возстановить оставленные на разрушеніе храмы. Такимъ образомъ поступилъ Веспасіанъ и дѣйствовалъ притомъ такъ усердно, что одна религіозная корпорація въ Римѣ, называемая *sodales Titii*, воздвигла ему памятникъ съ слѣдующею надписью: «Охранителю общественныхъ церемоній, возстановителю священныхъ зданій» [11]).

Въ числѣ этихъ зданій находился самый уважаемый и самый славный изъ римскихъ храмовъ, Капитолій, разрушенный пожаромъ во время гражданскихъ смутъ. Веспасіанъ немедленно послѣ своего вступленія на престолъ, поспѣшилъ исправить это несчастіе, опечалившее всѣхъ добрыхъ гражданъ. Тотъ день, когда былъ заложенъ фундаментъ новаго храма, былъ для Рима великимъ праздникомъ, и Тацитъ описываетъ его съ особеннымъ удовольствіемъ. «Одиннадцатаго числа передъ іюльскими календами, говоритъ онъ,

---

[6]) Светон., *Claud.*, 25.

[7]) Светон., *Claud.*, 22.

[8]) Светон., *Ner.*, 56.

[9]) Тац., *Ann.*, XIII, 24.

[10]) Тац., *Hist.*, I, 87.

[11]) Орелли, 2364: *Conservatori ceremoniarum publicarum et restitutori aedium sacrarum.*

при ясномъ небѣ, все пространство, назначенное для зданія, было окружено лентами и вѣнками. Солдаты, носившіе счастливыя имена, вступили въ этотъ кругъ, держа въ рукахъ вѣтви, служившія благими предзнаменованіями. Весталки, въ сопровожденіи молодыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ, у которыхъ родители были еще живы, принялись кропить водою живыхъ источниковъ и рѣкъ. Затѣмъ преторъ Гельвидій Прискъ, руководимый первосвященникомъ Плавціемъ Эліаномъ, очистилъ почву, принеся въ жертву свинью, овцу и быка (*suovetaurile*); когда же внутренности жертвъ были положены на дерновый алтарь, онъ обратился къ Юпитеру, Юнонѣ, Минервѣ и всѣмъ богамъ, покровителямъ имперіи, прося ихъ благословить новое предпріятіе и своею божественною помощью дать воздвигнуть жилище, начатое для нихъ благочестіемъ людей. Затѣмъ онъ дотронулся до ленточекъ, привязанныхъ къ первому камню и переплетенныхъ веревками. Въ то же время прочія должностныя лица, жрецы, сенаторы, всадники и бо́льшая часть народа, соперничая другъ передъ другомъ въ усиліяхъ и весельи, притащили на мѣсто этотъ громадный камень» [12]). Нѣкоторые историки прибавляютъ, что самъ государь, желая подать примѣръ, смѣшался съ толпою работавшихъ и унесъ на своей головѣ обломки. Оба сына Веспасіана подражали отцу въ его уваженіи къ римской религіи. Самъ Домиціанъ, несмотря на то, что былъ очень злой человѣкъ, всячески старался казаться усерднымъ жрецомъ. Желая дать замѣчательный примѣръ строгости, онъ приказалъ зарыть живою весталку Корнелію, обвиняемую имъ въ томъ, что она не исполнила данныхъ ею обѣтовъ [13]). Антонины оказались вѣрными той же политикѣ. Это были вообще степенные, честные и благочестивые государи; почти всѣ они заслуживали той похвалы, которую народъ и сенатъ присудилъ одному изъ нихъ за его усердіе къ сохраненію священныхъ церемоній, *ob insignem erga caerimonias publicas curam et religionem* [14]).

Итакъ, императорское правительство впродолженіе двухъ вѣковъ неослабно держалось политики Августа. Очевидно, что оно не столько заботилось о пробужденіи религіознаго духа, сколько о поддержаніи національнаго культа; и въ этихъ границахъ оно достигло, кажется, полнаго успѣха. Римская религія, казав-

---

12) Тац., *Hist*, IV., 53.

13) Плин., *Epist.*, IV, 11.

14) Орелли, 844.

шаяся въ концѣ республики на краю гибели, при имперіи вполнѣ окрѣпла. Почти всѣ древнія церемоніи, которымъ Августъ желалъ возвратить прежнее значеніе, продолжали аккуратно отправляться и послѣ него. Время, вмѣсто того чтобы предать ихъ забвенію, дѣлало ихъ только болѣе почтенными. Одно обстоятельство еще болѣе увеличило уваженіе къ нимъ, а именно та наклонность къ архаизму, которая, появясь въ концѣ перваго столѣтія, распространилась въ литературѣ и обществѣ; она была замѣтна еще при Клавдіи, а при Антонинахъ сдѣлалась уже господствующею. Первымъ результатомъ ея было то, что начали придавать большую цѣну воспоминаніямъ прошлаго. Въ это время были возстановлены давно позабытыя жреческія должности, восходившія къ первымъ вѣкамъ Рима [15]. На монетахъ Антонина Пія находятся изображенія авгура Атта Навія, волчицы, питавшей Ромула, и свиньи, принесенной въ жертву Энеемъ на берегахъ Тибра; говорятъ, будто этотъ добрый государь до такой степени любилъ древность, что приказалъ построить въ Аркадіи городъ въ честь Эвандрова сына, Паллада, печальная судьба котораго была описана Виргиліемъ [16]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что уваженіе, оказываемое воспоминаніямъ древности, принесло большую пользу религіи. Великія жреческія корпораціи, возвратившія себѣ при имперіи свой прежній блескъ, продолжали сохранять его до конца ея. Корпорація Салійцевъ существовала еще при Константинѣ, и принадлежать къ ней считалось честью. Юный Маркъ Аврелій, числившійся ея жрецомъ съ восьмилѣтняго возраста, предсѣдательствуя въ ней, гордился тѣмъ, что зналъ наизусть формулы молитвъ, произносившихся при принятіи въ нее новаго члена, и тѣмъ, что плясалъ во главѣ братства [17]. Луперкаліи пережили даже немного римскую религію. При полномъ господствѣ христіанства Луперки продолжали бѣгать по улицамъ Рима, ударяя женщинъ по животу своими кожанными ремнями, какъ это дѣлалось еще во времена царей; а когда папа Ге-

---

13) Прин., *Epist.*, IV, 11.

14) Орелли, 844.

15) Вильмансъ, *De sacerd. pop. rom. quodam genere.* Особенно любопытна надпись, въ которой одно лицо временъ Клавдія называетъ себя *pater patratus populi Laurentis faederis ex libris sibullinis pereutiendi cum pop. rom.* и пр. (Главный жрецъ-феціалъ лаврентскаго племени, назначенный для заключенія договора съ римскимъ народомъ по сивиллинскимъ книгамъ). *Inscr. Neap.*, 2211.

16) Экель, VII, стр. 20.

17) Капитолинъ, *M. Anton.*, 4.

лазій рѣшился уничтожить этотъ обычай, ему пришлось бороться съ очень важными лицами [18]).

Изъ всѣхъ корпорацій, корпорація Арвальскаго братства извѣстна намъ лучше другихъ. Мы имѣемъ относительно ея драгоцѣнные документы, позволяющіе намъ слѣдить за ея исторіей впродолженіе двухъ съ половиной вѣковъ. Члены ея имѣли обыкновеніе составлять ежегодно нѣчто въ родѣ протокола церемоній, совершенныхъ ими въ теченіе года, и вырѣзывать его на стѣнахъ всѣхъ зданій, гдѣ происходили ихъ собранія. Часть этихъ документовъ пережила храмы, на которыхъ они были начертаны; найденныя надписи относятся къ эпохѣ отъ Августа до Гордіана. Это самые любопытные и полные изъ всѣхъ имѣющихся у насъ документовъ о римской религіи; ихъ слѣдуетъ изучить довольно подробно для того, чтобы знать, чѣмъ она сдѣлалась при имперіи [19])

Очень можетъ быть, что Арвальское братство было древнѣйшею римскою корпораціей. Говорятъ, будто оно возникло при Ромулѣ, который учредилъ его, вступивъ въ союзъ съ одиннадцатью сыновьями своей кормилицы, Акки Ларенціи. Несмотря на свое почтенное происхожденіе, Арвальское братство было мало извѣстно во времена республики; вѣроятно, оно безъ всякаго шума отправляло свои священныя обязанности; такъ какъ оно не имѣло никакой связи съ политикой, которая въ то время исключительно занимала собою общество, то эта корпорація оставалась какъ бы въ тѣни. Рядъ ея протоколовъ начинается только при Августѣ; быть можетъ, Августъ придалъ ей новую организацію, во всякомъ случаѣ при немъ она получила большее значеніе. Во времена имперіи въ числѣ ея членовъ находятся первыя лица государства, и они, повидимому, гордятся этимъ, потому что упоминаютъ иногда и этотъ титулъ, перечисляя свои важнѣйшія должности. Между ними встрѣчаются даже государи. Мы видимъ, что они не отказывались присутствовать въ собраніяхъ членовъ братства и въ праздничные дни пѣли и плясали вмѣстѣ съ ними. Будучи возстановлена и возобновлена императорскою властью, Арвальская корпорація никогда не пропускала случая изъявить ей свою благодарность;

---

[18]) Минь, *Patrol. lat.*, LIX, стр. 110.

[19]) См. Марини, *Atti dei fratelli Arvali*, относительно всѣхъ надписей, найденныхъ въ прежнее время; а относительно тѣхъ, которыя были найдены при раскопкахъ, произведенныхъ послѣ 1866 г., см. Генцена, *Scavi nel bosco sacro dei fratelli Arvali*, Римъ, 1868.

ежегодно, 3 января, она принимала участіе въ общественныхъ обѣтахъ, дѣлавшихся за императора. Формула этихъ обѣтовъ никогда не измѣнялась, каковъ бы ни былъ государь. Каждый изъ нихъ имѣлъ право на одинаковыя почести, какимъ бы способомъ онъ ни достигъ престола, и за убійцу молились точно такъ же, какъ и за его жертву. Въ исторіи имперіи особенно замѣчателенъ 69 годъ. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ три государя послѣдовали другъ за другомъ на Палатинѣ. Арвалы произнесли за всѣхъ троихъ поочередно однѣ и тѣ же молитвы; обѣты, сдѣланные ими 3 января за Гальбу, были повторены ими безъ всякаго смущенія въ концѣ того же мѣсяца за Отона, а въ апрѣлѣ—за Вителлія. Одно знатное лицо имперіи приказало подписать подъ своей статуей, что его вѣрность къ государю неколебима, *pietatis immobilis erga principem* [20]); Арвалы могли бы похвалиться тѣмъ же самымъ: перемѣнялся только государь,—преданность ихъ оставалась, какъ была. Можно даже сказать, что она выискивала случаевъ въ чемъ-нибудь проявить себя. Независимо отъ церемоніи публичныхъ обѣтовъ, Арвалы праздновали ежегодно дни рожденія императора и членовъ его семейства, вступленія его на престолъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ по его словамъ и наказанныхъ имъ настоящихъ или предполагаемыхъ заговоровъ. Имъ ничего не стоило унизиться, если дѣло шло о томъ, чтобы доказать свое усердіе царствующему государю. Тацитъ разсказываетъ, что Неронъ, убивъ мать, не осмѣливался возвратиться въ Римъ, боясь быть дурно принятымъ въ немъ; но его друзья успокоили его, напомнивъ ему раболѣпіе великихъ государственныхъ корпорацій, и, дѣйствительно, онъ былъ принятъ въ Римѣ, какъ тріумфаторъ. Въ этомъ случаѣ особенно отличились Арвалы: изъ протоколовъ ихъ мы видимъ, что они принесли жертвы на Капитоліи, на форумѣ и передъ родительскимъ домомъ Нерона, чтобы возблагодарить боговъ за его счастливое возвращеніе [21]).

Всѣ эти изъявленія лести, подававшія поводъ къ безконечнымъ церемоніямъ, составляли разнообразный и измѣняющійся элементъ арвальскихъ праздниковъ, но самая сущность ихъ оставалась неизмѣнною. Вѣроятно, культъ ихъ восходитъ ко временамъ основанія Рима; впродолженіе почти тысячи лѣтъ онъ сохранился безъ значительныхъ измѣненій. Самое названіе Арвальской корпораціи

---

[20]) Светон., *Vitell.*, 3.

[21]) Генценъ, *Scavi.*, с. 20.

указываетъ на то, что она была учреждена съ цѣлью испрашивать у неба плодородія полей. Конечно, это должно было быть главною заботою земледѣльцевъ. Но съ молитвами своими они не обращались ни къ Опсѣ, ни къ Теллѣ, а еще менѣе къ Церерѣ, которая, несмотря на свое италійское имя, рано слилась съ Деметрою. Они молились богинѣ, принадлежавшей къ числу древнихъ божествъ, позабытыхъ, благодаря вторженію греческаго Пантеона, и мы знаемъ ее только по памятникамъ Арвальскаго братства. Имя ея—одно изъ тѣхъ общихъ, неопредѣленныхъ названій, какими древніе Римляне любили обозначать своихъ боговъ, потому что оно не придавало имъ слишкомъ ясной индивидуальности: ее звали божественная богиня, *Dea Dia*. Каждый годъ Арвалы праздновали въ ея честь большой праздникъ, никогда не возвращавшійся въ опредѣленный день, такъ какъ онъ былъ изъ числа такъ называемыхъ подвижныхъ праздниковъ, *feriae conceptivae*. Въ январскія иды предсѣдатель братства, повернувшись къ востоку и закрывъ голову, торжественно возвѣщалъ число его народу съ высоты ступеней Пантеона или храма Согласія. Въ сущности онъ всегда приходился къ концу мая, когда начинаютъ созрѣвать колосья и приближается жатва.

Праздникъ продолжался три дня. Мы знаемъ его очень хорошо, благодаря протоколамъ, входившимъ въ этомъ отношеніи въ мельчайшія подробности. Это цѣлый рядъ очень сложныхъ жертвоприношеній, обѣдовъ, молитвъ, ходовъ впередъ и назадъ, перемѣнъ одежды, всякаго рода подробно предписанныхъ и тщательно выполненныхъ обрядовъ, напоминающихъ подъ часъ нѣкоторыя церковныя церемоніи. Въ первый и третій день празднество происходило въ Римѣ, въ домѣ предсѣдателя. Съ самаго утра собирались сюда члены братства въ тогахъ съ пурпурными повязками, которыя носили должностныя лица и жрецы, и начинали съ того, что приносили божественной богинѣ въ жертву ладана и вина. Затѣмъ они садились на свои мѣста; передъ ними клались хлѣбы, увитые лавровыми вѣтвями, колосья и прошлаго, и новаго года *(fruges aridas et virides)*, и они дотрогивались до нихъ, какъ бы желая благословить ихъ. Затѣмъ, наливъ благовоній на статую богини, они расходились. Послѣ полудня, выкупавшись въ банѣ, они возвращались, садились опять по мѣстамъ, умывали руки и перемѣняли одежды. Торжественную тогу съ пурпурной повязкой они замѣняли болѣе удобнымъ платьемъ и отправлялись въ пиршественную залу; прислуживать имъ должны были четыре молодые чело-

вѣка, сыновья сенаторовъ, отцы и матери которыхъ непремѣнно должны были быть живы. Цѣна предлагаемаго обѣда была назначена впередъ: государство давало по 100 динаріевъ (80 фр.) на обѣдъ каждаго члена братства и по 25 динаріевъ (20 фр.) на обѣдъ каждаго изъ прислуживавшихъ имъ молодыхъ людей. Во время обѣда, въ промежутокъ между двумя блюдами, возобновлялись молитвы. Зажигали лампады, какъ это всегда дѣлалось при религіозныхъ церемоніяхъ, богинѣ вторично предлагали вино и ладанъ и дѣлали возліянія; молодые люди переносили новые плоды со стола на жертвенникъ и съ жертвенника на столъ. Члены дотрогивались до нихъ еще разъ и отсылали ихъ къ себѣ домой съ служителями братства. Плиній говоритъ [22], что только послѣ подобнаго рода освященія, разрѣшалось всѣмъ отвѣдать новыхъ плодовъ. Затѣмъ обѣдъ оканчивался, и гости, раздѣливъ между собою букеты розъ, удалялись, обмѣнявшись привѣтствіемъ (*feliciter*! будь счастливъ!), которымъ въ Римѣ оканчивались всѣ общественныя и частныя собранія. Марини замѣчаетъ, что благословеніе новыхъ плодовъ находится почти во всѣхъ культахъ. Законъ повелѣвалъ евреямъ ежегодно приносить Предвѣчному горсть вынутыхъ изъ колосьевъ и испеченныхъ на огнѣ зеренъ и пирогъ изъ лучшей муки, испеченный съ растительнымъ масломъ; въ то же время они должны были приносить Ему въ жертву всесожженія однолѣтняго непорочнаго агнца. Имъ такъ же, какъ римлянамъ, было запрещено употреблять въ пищу «хлѣбъ, печеныя зерна и зерна въ колосьяхъ» прежде, чѣмъ не будутъ принесены Богу первые плоды жатвы. Подобная церемонія совершалась также у христіанъ въ маѣ мѣсяцѣ. Въ день Вознесенія за обѣднею благословлялись новые плоды, затѣмъ ихъ раздавали народу, и каждый изъ присутствующихъ, подобно Арвальскимъ братьямъ, уносилъ ихъ съ собою домой [23]).

Самыя важныя церемоніи совершались на второй день; онѣ происходили внѣ Рима, въ лѣсу, мѣсто котораго открыто, благодаря недавнимъ раскопкамъ. «Вдоль праваго берега Тибра идетъ рядъ невысокихъ холмовъ, простирающійся отъ Яникула до устья рѣки. Между рѣкою и холмами, начиная отъ *Porta Portesa*, идетъ военная дорога, *via Campana;* на этой дорогѣ, возлѣ пятаго милеваго столба, находилось то мѣсто, гдѣ Арвалы отправляли свой праздникъ. Мы не знаемъ, какой видъ имѣли эти мѣста во вре-

---

22) Плиній, XVIII, (2).

23) Марини, *Arv.*, с. 200.

мена, предшествовавшія имперіи; но съ тѣхъ поръ, какъ мраморный Римъ замѣнилъ собою кирпичныя постройки республики, Арвальское святилище также великолѣпно украсилось. На холмахъ, лежащихъ вправо отъ военной дороги, если идти изъ Рима, находилась священная роща; никогда топоръ не касался ея старыхъ деревьевъ; посреди ея возвышался храмъ богини, круглое зданіе среднихъ размѣровъ, фундаментъ котораго теперь найденъ; въ настоящее время на немъ выстроено жилище одного винодѣла. Въ равнинѣ, лежащей ниже лѣса, и въ нѣкоромъ разстояніи отъ рѣки, были открыты остатки дома, гдѣ собирались члены братства, и который въ ихъ протоколахъ носитъ названіе *Caesareum* или *Tetrastylum*. Это четырехугольный памятникъ съ находящейся посреди его залою, окруженною четырьмя рядами колоннъ; устроенная главнымъ образомъ для того, чтобы служить столовою, она въ то же время служила храмомъ обоготворенныхъ императоровъ и содержала въ себѣ ихъ статуи. Наконецъ, на холмахъ, возлѣ священной рощи, нашли еще остатки другой постройки, въ которой признали гипподромъ Арваловъ [24])». Каждый годъ эти мѣста были свидѣтелями длинныхъ и сложныхъ церемоній; ихъ можно здѣсь изложить только вкратцѣ. Онѣ составляли какъ бы три акта, отдѣленные другъ отъ друга отдыхомъ и обѣдомъ. Утромъ предсѣдатель отправлялся ко входу въ лѣсъ и приносилъ извѣстное число очистительныхъ жертвъ, вѣроятно, для того, чтобы впередъ испросить прощеніе за то, что будетъ совершаться, и за поврежденія, которыя могутъ быть нанесены священному мѣсту. По мнѣнію древнихъ, лѣсныя божества не любили, когда ихъ безпокоятъ, и не могли терпѣть, чтобы опустошали ихъ обиталища. Затѣмъ члены братства, отдохнувъ въ своихъ бесѣдкахъ, завтракали остатками принесенныхъ жертвъ. Послѣобѣденное время назначалось для самой серьёзной части праздника. «Облеченные въ одежду, называемую претекстою, и имѣя на головѣ вѣнокъ изъ колосьевъ съ развѣвающимися ленточками, служившій ихъ отличительнымъ знакомъ, члены братства выходили изъ дома собранія. Они шли торжественной процессіей, предшествуемые служителями, раздвигавшими толпу; затѣмъ они подымались на холмъ, проходили черезъ священную рощу и входили въ храмъ. Здѣсь предсѣдатель закалывалъ жирную овцу (*agna opima*), одну изъ

---

24) Заимствую это описаніе и прочія подробности изъ очень любопытной статьи г. Моммсена, озаглавленной «*Ueber die römischen Ackerbrüder*» и помѣщенной въ *Grenzboten* 28 января 1870 года.

любимѣйшихъ жертвъ полевыхъ божествъ, а члены братства поклонялись священнымъ сосудамъ, поставленнымъ на столѣ жертвенника. Это были глиняные сосуды, грубой формы, закопченые на огнѣ, подобные тѣмъ, которые, по словамъ преданія, Нума употреблялъ, принося жертву богамъ [25]). Воздавая имъ поклоненіе, желали почтить прошедшее и представить взорамъ этихъ развращенныхъ роскошью поколѣній образецъ древней простоты. Послѣ того Братство выходило изъ храма и снова приступало къ благословенію новыхъ плодовъ, уже совершенному въ первомъ собраніи. Два члена братства отправлялись въ сосѣднее поле нарвать нѣсколько, начинавшихъ завязываться колосьевъ. Эти колосья переходили изъ рукъ въ руки по всему собранію, при чемъ каждый изъ присутствовавшихъ членовъ принималъ ихъ лѣвою рукою и передавалъ своему сосѣду правою. Затѣмъ они тѣмъ же способомъ проходили обратно по всему ряду, и подъ конецъ послѣдній изъ ряда передавалъ ихъ служителямъ. По окончаніи этой церемоніи возвращались въ храмъ, и, хотя то, что должно было затѣмъ совершаться въ немъ, было уже не такъ важно, но служители приказывали всѣмъ выйти вонъ. Послѣ того они давали каждому изъ членовъ братства по книгѣ, содержавшей въ себѣ одну старинную молитву, которую ни одинъ изъ нихъ не могъ бы повторить, еслибъ не имѣлъ передъ глазами текста, потому что никто ея не понималъ, подобно тому, говоритъ Моммсенъ, какъ теперь ни одинъ пономарь не понимаетъ *Kyrie eleison*. Это была знаменитая пѣснь Арвальскихъ братьевъ, самый старинный изъ имѣющихся у насъ памятниковъ древне-латинскаго языка. Оставшись одни при плотно запертыхъ дверяхъ, Арвалы приподнимали кверху одежды и повторяли священныя слова, сопровождая ихъ размѣренными въ тактъ жестами и движеніями, по древне-римскому образцу (*tripodiatio*). По окончаніи пѣнія и пляски, служители возвращались въ храмъ, отбирали книги и передавали каждому изъ членовъ вѣнки для того, чтобы тѣ надѣли ихъ на статуи боговъ. Этимъ завершалась священная церемонія. Послѣ того выходили изъ рощи и отправлялись въ *Tetrastylum*, гдѣ перемѣняли претексту на обѣденное платье и принимались за обѣдъ, который, по замѣчанію протоко-

---

[25]) Многіе изъ этихъ сосудовъ были найдены при раскопкахъ, произведенныхъ и описанныхъ господиномъ Росси. (Генценъ, *Scavi*, с. V). Пруденцій (*Perist.*, II, 377) также упоминаетъ объ обычаѣ поклоняться священнымъ сосудамъ Нумы.

ловъ, долженъ былъ сервироваться съ большою пышностью. По окончаніи обѣда члены еще разъ перемѣняли костюмъ. Они надѣвали греческое платье, увѣнчивали голову розовымъ вѣнкомъ, надѣвали на ноги удобныя туфли и отправлялись въ циркъ, гдѣ одинъ изъ нихъ подавалъ знакъ начинать игры, состоявшія въ бѣгѣ коней и колесницъ, и увѣнчивалъ побѣдителей. Этотъ утомительный день оканчивался въ Римѣ послѣднею трапезою у предсѣдателя братства.

Таковы были праздники, ежегодно отправлявшіеся Арвальскими братьями. Конечно, нельзя сказать, чтобы все въ нихъ было древнее. Когда имперія возобновила ихъ при Августѣ, вѣроятно, время уже измѣнило въ нихъ нѣкоторыя подробности; къ нимъ было прибавлено нѣсколько нововведеній, состоявшихъ главнымъ образомъ въ безпрестанной лести какъ живымъ, такъ и умершимъ государямъ. Но древній духъ все-таки оставался въ нихъ преобладающимъ. Всѣ употреблявшіеся во время ихъ обычаи и имена переносятъ насъ въ болѣе древнія эпохи: и благочестиво повторяемая, хотя и непонятная пѣснь; и древніе сосуды, остатокъ религіи Нумы, выставляемые на поклоненіе вѣрующимъ; и обряды при освященіи новыхъ плодовъ въ майскіе праздники; и формальное запрещеніе приносить съ собою въ рощу и храмъ какое бы то ни было желѣзное орудіе, указывающее, повидимому, на то, что этотъ культъ возникъ еще въ то время, когда желѣзо было неизвѣстно; наконецъ, самыя божества, къ которымъ обращаются съ молитвами; кромѣ упомянутой древней *Dea Dia*, мы встрѣчаемъ здѣсь еще другія, какъ, напр., *Adolenda*, *Commolenda*, *Deferunda*, сохранившіяся только въ жреческихъ спискахъ, и страннаго *sive Deus sive Dea*, этого неизвѣстнаго бога первыхъ римлянъ, которому приносятся въ жертву двѣ овцы всякій разъ, когда изъ священной рощи надо унести дерево, упавшее отъ старости или отъ удара молніи. Все это служитъ намъ поразительнымъ доказательствомъ того, какъ много въ этой религіи сохранилось отъ прошлаго, и объясненіемъ, почему она въ послѣдніе вѣка имперіи считала себя въ правѣ утверждать, будто она была всегда религіей Ромула и Нумы. Замѣчательно еще то, что эти богослужебные обряды, окончательно установленные при Августѣ, продолжали существовать почти безъ всякихъ измѣненій до 3-го вѣка. Въ этомъ мы можемъ удостовѣриться изъ протоколовъ: они показываютъ намъ, что при Гордіанѣ майскій праздникъ отправлялся точно такъ же, какъ при Тиберіи, что ничто не было изъ него вы-

брошено, что не позволили себѣ выкинуть ни одного слова изъ многословныхъ молитвъ, ни одной подробности изъ многосложныхъ церемоній. Это было именно то, чего желалъ Августъ и въ чемъ состояла цѣль его учрежденій, и можно сказать, что въ этомъ отношеніи намѣренія его исполнились.

Таковы были результаты усилій Августа и послѣдствія его дѣятельности. Но въ религіозномъ движеніи первыхъ двухъ вѣковъ имперіи было еще нѣчто другое. Протоколы Арваловъ обманули бы насъ, если бы заставили насъ подумать, будто ничто не измѣнилось въ римской религіи въ эпоху Августа до Гордіана. Эта неподвижность только внѣшняя и кажущаяся, таящая подъ собою глубокія перемѣны. Оффиціальный культъ могъ не измѣниться, но измѣнились вѣрованія. Къ богамъ продолжали обращаться въ прежнихъ выраженіяхъ, но мнѣніе о самыхъ богахъ было уже не прежнее. Къ церемоніямъ, въ которыхъ такъ набожно соблюдались древніе обряды, приступали уже съ иными чувствами. Въ сущности римская религія во времена Антониновъ состояла изъ древнихъ и новыхъ элементовъ. Мы видѣли, что сохраненіе старинныхъ формъ богослуженія можетъ быть приписано отчасти политикѣ Августа, продолжаемой и его преемниками. Нововведенія имѣли иное происхожденіе. По общему и, кажется, вполнѣ справедливому мнѣнію, ихъ можно приписать вліянію чужеземныхъ религій и философіи. Въ этой книгѣ мы разсмотримъ, какое дѣйствіе они произвели на древній культъ, и какимъ образомъ имъ удалось влить въ него новый духъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чужеземныя религіи.

I.

Какимъ образомъ римляне относились къ богамъ побѣжденныхъ народовъ.— Прозелитизмъ и нетерпимость были неизвѣстны древнимъ религіямъ.—Стремленіе всѣхъ древнихъ культовъ соединиться между собою.

Первыя и самыя глубокія измѣненія, совершившіяся въ римской религіи, произошли вслѣдствіе ея сношеній съ чужеземными религіями. Избѣгнуть ихъ она не могла. Духъ распространенія и завоеванія, увлекавшій римлянъ во всѣ страны міра, неизбѣжно долженъ былъ приводить ихъ въ столкновеніе съ народами, имѣвшими различные культы. Спачала подобныя встрѣчи нисколько ихъ, повидимому, не удивляли. Всѣ, даже самыя противоположныя, религіи имѣютъ обыкновенно между собою нѣсколько точекъ соприкосновенія; подобнаго рода сходства болѣе всего поразили римлянъ: въ чужихъ богахъ они чаще всего находили своихъ собственныхъ. Изъ тысячи божествъ ихъ Пантеона какое-нибудь одно непремѣнно подходило къ новому божеству; при небольшомъ усиліи надъ собственной волею, не трудно было слить ихъ въ одно. «Галлы, говоритъ Цезарь, болѣе всего почитаютъ Меркурія, затѣмъ Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Объ этихъ богахъ они имѣютъ почти точно такое же мнѣніе, какъ и другіе народы [1].» Эти уподобленія вовсе не такъ ошибочны, какъ они кажутся съ перваго взгляда. Въ сущности всѣ эти народы, имѣвшіе одинаковое происхожденіе, при разставаніи, унесли съ собою одинаковую основу религіозныхъ вѣрованій. Способы пониманія и поклоненія божеству имѣли у нихъ большое сходство между собою, и народный инстинктъ угадалъ то, что впослѣдствіи было установлено сравнительной миѳологіей.

Иногда, впрочемъ, разница была слишкомъ велика, и поневолѣ приводилось сознаться, что находишься въ присутствіи новыхъ боговъ. Поведеніе римлянъ въ подобныхъ случаяхъ было всегда одинаково; но для того, чтобы понять его, надо отрѣшиться отъ идей, внушаемыхъ намъ въ настоящее время монотеизмомъ. Для людей, не вѣровавшихъ въ существованіе единаго Бога, не могло быть ложныхъ боговъ [2]). Списокъ, гдѣ ихъ было и безъ того такое множество, былъ всегда открытъ для вновь прибывающихъ, и никакія сомнѣнія не могли помѣшать занести туда еще нѣсколько лишнихъ именъ. Думали, что каждая страна имѣетъ, по крайней мѣрѣ, хоть одного бога, покровительствующаго ей и заботящагося объ ея спасеніи и о счастіи ея жителей [3]). Боги различныхъ народовъ были не всѣ одинаково могущественны, и степень ихъ важности соразмѣрялась съ важностью поклонявшихся имъ народовъ; но всѣ они были одинаково истинны. Римъ, оказывавшій величайшее уваженіе своимъ собственнымъ богамъ, не отрицалъ могущества чужихъ. Начиная осаду непріятельскаго города, военачальники пытались прежде всего привлечь на свою сторону покровительствующихъ ему боговъ. Любопытная формула ихъ *призыва* сохранилась до нашего времени; въ ней съ величайшимъ уваженіемъ относятся къ тому богу, котораго хотятъ склонить, и обѣщаютъ ему храмы и игры, въ случаѣ если онъ согласится принять сторону римлянъ [4]). Это очевидно доказываетъ, что могуществу его вѣрятъ. Слѣдовательно, каждый изъ нихъ имѣетъ, такъ сказать, свою область и свои земли; несомнѣнно, что онъ царствуетъ въ извѣстной странѣ; случайно проходя по ней, человѣкъ знаетъ, что проходитъ по его владѣніямъ и, если онъ даже иностранецъ, тѣмъ не менѣе непремѣнно обращается къ нему съ молитвою, чтобы получить отъ него долю помощи, оказываемой имъ туземцамъ. Поэтъ Стацій поручаетъ Изидѣ молодаго человѣка, отправляющагося путешествовать въ Египетъ. Онъ про-

---

[1]) *De bell. gall.*, VI, 17. Подобно тому Плиній говоритъ, что жители Тапробаны поклоняются Геркулесу. *Hist. nat.*, VI, 22 (24).

[2]) Цицеронъ (*De nat. deor.*, II, 1) употребляетъ выраженіе *falsi dei* (ложные боги); но подъ этими словами онъ разумѣетъ, какимъ образомъ эпикурейцы представляютъ себѣ божество. Боги, не имѣющіе вліянія на міръ, не истинные, ложные боги.

[3]) Циц., *Pro Flacco*, 28: *Sua cuique civitati religio est, nostra nobis* (Каждое государство имѣетъ свою религію, а мы свою).

[4]) Макроб., *Sat.* III, 9, 7.

ситъ ее сопровождать его во всѣхъ поѣздкахъ; устранять отъ него всякія опасности и возвратить его невредимымъ въ руки Марса, покровителя латинянъ [5]). Такъ какъ религіи принадлежали исповѣдывавшимъ ихъ народамъ, то легко могло быть, что во время войны и между богами ихъ возникало несогласіе; каждый изъ нихъ бралъ сторону своихъ поклонниковъ, слѣдовательно, онъ помогалъ имъ своимъ могуществомъ, а иногда даже появлялся среди боя, но въ битву боги приходили только въ качествѣ союзниковъ и помощниковъ; люди сражались не за нихъ и не во имя ихъ, интересы боговъ никогда не вооружали людей другъ противъ друга. Религіозныя войны не были извѣстны ни одному древнему народу, исключая египтянъ. Ювеналъ не можетъ понять, какимъ образомъ жители Омброса или Тентиры вѣчно готовы драться между собою и даже пожрать другъ друга, «изъ - за того, что каждый изъ этихъ городовъ ненавидитъ божества другаго и думаетъ, что изо всѣхъ боговъ хороши только его собственные [6])».

Слѣдовательно, въ основѣ древнихъ религій не было желанія взаимно уничтожать себя или замѣнять одна другую. Прозелитизмъ и нетерпимость были имъ вообще неизвѣстны. Этимъ объясняется поведеніе римлянъ послѣ того, какъ они завоевали міръ. Они никогда не разрушали храмовъ и не изгоняли боговъ завоеванныхъ племенъ; въ этомъ случаѣ ими руководили не одни только политическіе виды или чувство умѣренности, какъ это думаютъ нѣкоторые; поступать такимъ образомъ заставляли ихъ религіозныя опасенія. Дурно обходясь съ богами, они могли вооружить ихъ противъ себя. Конечно, они ниже римскихъ боговъ, такъ какъ помощь ихъ не спасла народа, ставшаго подъ ихъ покровительство, но они могутъ сдѣлаться опасными, если ихъ выведутъ изъ терпѣнія, потому сама осторожность велитъ щадить ихъ. Во время продолжительной осады Вейй римляне снискали великое уваженіе къ богинѣ *Iuno regina*, покровительницѣ осажденнаго города, давшей своимъ почитателямъ мужество и средства сопротивляться имъ въ теченіе десяти лѣтъ. Титъ Ливій разсказываетъ, что когда городъ былъ взятъ, то побѣдители, почтительно приблизившись къ статуѣ богини, спросили ее, не желаетъ ли она слѣдовать за ними; а когда та дала, какъ имъ показалось, утвердительный знакъ,

---

[5]) Стацій, *Sylv.*, III, 2, 123: *et Marti juvenem, dea, trade latino.* (Вручи, о, богиня, юному латинскому Марсу).

[6]) *Sat.*, XV, 36.

они поспѣшили унести ее въ Римъ [7]). Съ божествами, достававшимися римлянамъ такимъ образомъ въ наслѣдство послѣ побѣды, обходились обыкновенно хорошо, несмотря на ихъ чужеземное происхожденіе. Имъ строили храмы на общественный счетъ или поручали ихъ какому-нибудь знатному семейству, обязывая его чтить ихъ въ своихъ домашнихъ святилищахъ. Слѣдовательно, перенося къ себѣ иногда боговъ покоренныхъ народовъ, римляне дѣйствовали вовсе не изъ ненависти или презрѣнія, а, напротивъ того, изъ уваженія и чтобы пріобрѣсти себѣ нѣсколько лишнихъ покровителей. Впрочемъ, они дѣлали это довольно рѣдко; въ большинствѣ случаевъ они оставляли раззореннымъ народамъ ихъ боговъ даже тогда, когда забирали все остальное. Когда Кампанья, послѣ войны съ Ганнибаломъ, утратила всѣ свои политическія права, боги ея остались при ней. Побѣдитель, несмотря на весь свой гнѣвъ, не посмѣлъ запретить ей поклоняться имъ, и въ теченіе цѣлаго вѣка этотъ несчастный народъ заявляетъ намъ о своемъ существованіи только исполненіемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, слѣды чего сохранились въ надписяхъ [8]). Когда оскорбленный Римъ считалъ необходимымъ показать строгій примѣръ и выселялъ сразу населеніе какой-нибудь страны, онъ постоянно оставлялъ въ обезлюдѣвшихъ городахъ нѣсколько семействъ, чтобы воздавать обычное поклоненіе мѣстнымъ богамъ: до такой степени онъ боялся подвергнуться ихъ гнѣву, отнявши у нихъ почитателей. Остерегаясь уничтожать религію побѣжденныхъ народовъ, онъ еще менѣе желалъ навязывать имъ свою. Чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ признательности къ своимъ богамъ и чѣмъ болѣе приписывалъ имъ успѣхи своихъ предпріятій, тѣмъ не охотнѣе дѣлился ими съ своими непріятелями. Онъ желалъ имѣть ихъ только для себя самого; заставляя другихъ поклоняться имъ, онъ боялся передать имъ часть той помощи и силы, которыми былъ обязанъ ихъ покровительству. Вотъ почему, когда союзные цари и народы, проникнутые восхищеніемъ ко всемилостивѣйшему и величайшему Юпитеру, даровавшему Риму столько побѣдъ, умоляютъ дозволить имъ принести ему жертву на Капитоліи, сенатъ разрѣшаетъ это лишь тѣмъ, кѣмъ онъ былъ всего довольнѣе, и кто лучше всѣхъ служилъ римской политикѣ [9]).

По этому случаю не лишнее будетъ замѣтить до какой степени

[7]) Титъ Ливій, V, 22.

[8]) *Corp. inscr. latin.*, I, стр. 159.

[9]) Титъ Ливій, XLIII, 6.

религіозное чувство можетъ измѣнять свой видъ и какія различныя дѣйствія оно можетъ производить, судя по различнымъ эпохамъ: между тѣмъ какъ въ настоящее время нетерпимость и прозелитизмъ происходятъ вслѣдствіе чрезмѣрной набожности, та же самая набожность удаляла отъ нихъ римлянъ.

Подобный образъ дѣйствій облегчалъ имъ побѣду надъ міромъ [10]). Такъ какъ они не отнимали ни у одного народа его боговъ и не навязывали ему своихъ, то по окончаніи войны между побѣдителями и побѣжденными не возникало той ненависти, которой нельзя побороть, потому что она опирается на антипатію двухъ соперничествующихъ религій. Съ теченіемъ времени боги сближаются такъ же, какъ и народы. Кажется, что такого рода смѣшеніе не встрѣчало вообще серьезныхъ препятствій. Ему помогали классы общества, просвѣщенные философіей, такъ какъ философія учила, что всѣ культы не что иное, какъ лишь различные способы поклоняться одному и тому же Богу, что много способствовало ихъ сближенію и объединенію. Самый народъ въ сущности имѣлъ тѣ же чувства, какой-то неясный инстинктъ побуждалъ его уважать всѣ религіи, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Говорятъ, что когда сенатъ приказалъ разрушить храмъ Изиды и Сераписа, въ Римѣ не нашлось ни одного работника, который согласился бы взяться за это дѣло, и самому консулу пришлось подать примѣръ, ударивъ топоромъ по дверямъ храма [11]). Извѣстно, что предразсудки относительно евреевъ были очень сильны; на нихъ смотрѣли, какъ на враговъ человѣческаго рода, и Квинтиліанъ безъ малѣйшаго колебанія относитъ къ числу чувствъ, общихъ всему міру, ненависть къ основателю этого гнуснаго суевѣрія [12]). Между тѣмъ историки разсказываютъ, что когда, во время разрушенія Іерусалима, солдаты очутились передъ храмомъ, ими овладѣлъ какой-то религіозный страхъ и мѣшалъ имъ нѣкоторое время проникнуть въ святилище [13]). Очень естественно, что уваженіе, оказываемое ими ко всевозможнымъ культамъ, помогло имъ жить въ ладу съ другими. Такъ какъ римскій культъ не оказывалъ нетерпимости относительно другихъ, то и другіе культы охотно мирились съ

---

[10]) Минуц. Феликсъ, *Oct.*, 63: *Sic dum universarum gentium sacra suscipiunt regnare meruerunt.* (Такимъ образомъ, перенимая священные обряды всѣхъ племенъ, они заслужили всемірное господство).

[11]) Валер. Макс., I, 3, 3.

[12]) Квинт., III, 7, 21.

[13]) Діонъ, XLVI, 6.

нимъ. Въ царствованіе Тиберія, полвѣка спустя послѣ Цезаря, корпорація парижскихъ лодочниковъ воздвигаетъ алтарь капитолійскому Юпитеру, и внизу его, рядомъ съ именами древнихъ кельтскихъ божествъ, Езуса и Тарвуса, безъ церемоній помѣщаетъ имена Юпитера и Вулкана [14]. Подобныя смѣшенія очень часты во всей Галліи; мы видимъ, что тамъ строятся общіе храмы Аполлону и Сиронѣ [15], Меркурію и Росметрѣ [16]: слѣдовательно,эти боги совершенно различныхъ національностей охотно соглашались принимать общее поклоненіе. Случалось даже, что живя рядомъ другъ съ другомъ, они иногда смѣшивались между собою. Выше было показано, какъ легко римляне отъискивали своихъ собственныхъ боговъ въ божествахъ другихъ народовъ; иноземные боги охотно соглашались на лестныя для нихъ сближенія и принимали имя того бога, на котораго походили, сохраняя въ то же время свое собственное, въ память своего происхожденія. Такъ въ Бретани поклоняются *Марсу Белатукарду*, въ Цизальпинской Галліи *Аполлону Белену*, въ Пиренеяхъ *Минервѣ Белизанѣ* и пр. Часто связь становилась еще тѣснѣе. Какое-нибудь кельтское, иберійское или германское божество простирало свою снисходительность до того, что позволяло отождествить себя съ римскимъ богомъ и соглашалось даже принять его имя. Въ Лузитаніи очень почитали богиню ада, по имени *Атецину*, и считали ее весьма могущественною; одинъ набожный туземецъ обращается къ ней съ просьбою наказать вора, укравшаго у него шесть туникъ, плащи и всякаго рода одежды. Въ просьбѣ своей онъ называетъ ее *богиня Атецина Прозерпина* [17], но въ другихъ мѣстахъ древнее лузитанское имя исчезаетъ, и призывается просто святая Прозерпина [18]. Подобные случаи должны были часто повторяться, и многіе изъ боговъ, носящіе въ Испаніи, Галліи или Африкѣ имена, заимствованныя изъ греческой или латинской миѳологіи, въ сущности не что иное, какъ древнія мѣстныя божества, утратившія свое старинное наименованіе, но сохранившія свои аттрибуты и свой культъ. Итакъ, всѣ эти религіи, несмотря на разницу между ними, не сопротивлялись теченію, увлекавшему народы къ Риму; могши быть элементомъ сопротивленія, онѣ, напротивъ того, слу-

---

14) Орелли, 1993.

15) Орелли, 2107.

16) Орелли, 5909.

17) *Corp. inscr. lat.*, II, 462.

18) *Id.*, 143, 145.

жили причиною соединенія. Благодаря общепонятной и непрочной формѣ политеизма и совершенному отсутствію какъ твердыхъ догматовъ, такъ и оффиціальнаго преподаванія по догматическимъ книгамъ, греки и римляне, цивилизованные народы и варвары могли думать, что въ сущности они поклоняются однимъ и тѣмъ же богамъ. Римлянинъ, будучи «ревностнымъ почитателемъ всего святаго», находясь въ Египтѣ, безъ всякаго смущенія «дѣлалъ обѣтъ за здоровье своей жены и дѣтей высочайшему богу Гермесу Пайтнифису» [19]. Индѣйскій посолъ, прибывшій для переговоровъ съ Августомъ, никого не удивилъ, когда проѣздомъ попросилъ посвятить себя въ Элевзисѣ [20]. Казалось, что съ одного конца міра до другаго всѣ народы отправляли почти одинаковый культъ. На различіе въ подробностяхъ, отличавшее собою религіи, закрывали глаза, обращая вниманіе лишь на сходное почти во всемъ основаніе ихъ, и міръ, быть можетъ, никогда не былъ такъ близокъ къ тому, чтобы соединиться въ своихъ общихъ вѣрованіяхъ.

II.

Чужеземныя религіи въ Римѣ. — Какимъ образомъ онѣ тамъ распространяются. — Легкость, съ какою онѣ тамъ утверждаются. — Издаваемые противъ нихъ законы. — Какъ они примѣнялись. — Политика имперіи въ отношеніи ихъ.—Какіе чужеземные культы отправлялись въ Римѣ во второмъ вѣкѣ.

Трудно было, чтобы благосклонность, оказываемая римлянами чужеземнымъ религіямъ, не привела ихъ, наконецъ, къ тому, чтобы ввести ихъ у себя. Они не довольствовались тѣмъ, что терпѣли ихъ у другихъ; мы видѣли, какъ во время своихъ путешествій они обращались съ молитвами къ богу той страны, по которой проѣзжали. Если они могли похвалиться тѣмъ, что молитва ихъ была услышана, они никогда не должны были этого забывать, и впослѣдствіи въ минуты грусти или опасности, когда человѣку хочется имѣть вокругъ себя какъ можно больше боговъ, имъ естественно приходило въ голову обратиться, между прочимъ, и къ тому, отъ кого они когда-то получили дѣйствительную помощь. Нѣкоторые изъ культовъ, въ которыхъ они такъ охотно принимали участіе внѣ своей страны, по самому существу своему были спо-

19) Летроннъ, *Inscr. de l'Egypte*, I, стр. 241.
20) Діонъ, LIV, 9.

собны производить глубокое впечатлѣніе на ихъ умы. Еще во времена республики они имѣли обыкновеніе, проѣзжая черезъ Грецію, посвящать себя въ ея таинства. Особенно, находясь въ Аѳинахъ, они никогда не пропускали случая присутствовать при элевзинскихъ церемоніяхъ. Отправляясь въ Азію, они останавливались на священномъ островѣ Самоѳракіи и принимали участіе въ таинствахъ, совершавшихся тамъ въ честь древнихъ божествъ, называемыхъ Кабирами, во время которыхъ назначался особенный жрецъ, чтобы выслушивать исповѣдь величайшихъ преступниковъ и отпускать имъ грѣхи. Впослѣдствіи были найдены списки посвященныхъ, относящіеся ко времени, предшествовавшему Силлѣ; въ нихъ между множествомъ греческихъ именъ попадаются также римскія [21]). По возвращеніи въ Римъ они, вѣроятно, съ удовольствіемъ вспоминали объ этихъ великихъ праздникахъ, впечатлѣніе которыхъ, по словамъ древнихъ, было неизгладимо; при чемъ невозможно было, чтобы это очаровательное воспоминаніе не вредило отчасти въ ихъ умахъ національной религіи.

Вдобавокъ имъ вовсе не требовалось уѣзжать изъ своей страны ради этихъ религій, потому что тѣ сами приходили къ нимъ. Съ самаго своего основанія Римъ служилъ какимъ-то сборнымъ пунктомъ для всѣхъ народовъ. Помня, что онъ произошелъ отъ смѣшенія нѣсколькихъ племенъ, онъ постоянно оказывалъ гостепріимство чужеземцамъ, вслѣдствіе чего тѣ постоянно стремились въ него [22]). Пріемлемымъ невозможно было помѣшать приносить съ собою своихъ боговъ и покланяться имъ по обычаю своей страны [23]) Слѣдовательно, можно было, не выѣзжая изъ Рима, имѣть передъ глазами примѣръ всѣхъ чужеземныхъ культовъ, не имѣвшихъ никакой причины скрываться и не стѣснявшихся исполнять на виду у всѣхъ свои церемоніи. Мы уже видѣли, что этимъ религіямъ былъ вообще незнакомъ духъ прозелитизма, но исповѣдовавшіе ихъ люди могли имѣть свой частный интересъ въ распространеніи ихъ. Изъ людей, притекавшихъ въ Римъ, не всѣ являлись туда съ честными намѣреніями и ради похвальныхъ занятій. Многіе изъ нихъ уѣзжали изъ своей страны потому, что не могли въ ней больше оставаться. Эти люди искали наживы и были не слишкомъ раз-

[21]) *Corp. inscr. lat.*, I, 578—581.

[22]) Титъ Ливій, XXXIX, 3; XLI, 8.

[23]) Діонис. Галикарн., II, 19: οἷς πολλὴ ἀνάγκη σέβειν τοὺς πατρίους θεοὺς τοῖς οἴκοθεν νομίμοις. (Для нихъ совершенно необходимо почитать отечественныхъ боговъ по обычаю своей родины).

борчивы въ средствахъ къ обогащенію. Имъ прежде всего нужно было заискать расположеніе римлянъ; а для того, чтобы имѣть успѣхъ, они непремѣнно должны были сдѣлаться для нихъ пріятными или полезными. Въ это время Греки были особенно искусны въ умѣньи льстить и угождать, къ чему они всегда чувствовали большую склонность. Болѣе образованнымъ и болѣе счастливымъ изъ нихъ удавалось втираться въ знатные дома; другіе обращались пониже. У народа были также свои подлипалы: это были тѣ торопливые болтуны, описанные Плавтомъ, которые, окутываясь въ короткій плащъ, покрывали имъ голову и носили подъ нимъ книги; ихъ навѣрное можно было встрѣтить въ кабакахъ, гдѣ они пили горячіе напитки и хмѣлѣли за спорами [24]). Вѣрнѣйшимъ средствомъ для нихъ имѣть успѣхъ было распространять новые культы, именуя себя ихъ жрецами. Состояніе ихъ было составлено, если имъ удавалось внушить обманываемымъ имъ людямъ слѣпую вѣру въ какое-нибудь неизвѣстное божество, которое они заставляли говорить по своему произволу. Потому они, какъ видно, и дѣйствуютъ всегда одинаковымъ образомъ. Всякій разъ, какъ какой-нибудь новый культъ пытается проникнуть въ Римъ, онъ вводится въ него лицомъ, соединяющимъ въ себѣ два достоинства: жертвоприносителя и пророка *(sacrificulus et vates)*, причемъ, въ качествѣ пророка, онъ во имя неба облагаетъ своихъ послѣдователей искупительными приношеніями, а впослѣдствіи, въ качествѣ жреца, присвоиваетъ себѣ эти приношенія. Такъ какъ набожность самое безрасчетное изъ всѣхъ душевныхъ чувствъ, а желаніе угодить всесильному богу, могущему обезпечить успѣхъ смѣлаго предпріятія или обѣщающему выздоровленіе дорогаго больнаго, внушало безумную щедрость, то само собою разумѣется, что эта щедрость была выгоднѣе для жреца, нежели для бога. Поэтому Титъ Ливій, не задумываясь, утверждаетъ, что вводители новыхъ религій повинуются однимъ только корыстнымъ побужденіямъ; это не какіе-нибудь убѣжденные фанатики, желающіе убѣдить другихъ, это просто ловкіе люди, возбуждающіе души другихъ лишь потому, что находятъ въ этомъ свою выгоду [25]).

Обыкновенно имъ не требовалось большихъ усилій для того,

---

[24]) *Curcul.*, II, 3, 9: *Tum isti Graeci palliati, capite operto qui ambulant* etc. (Тогда эти, одѣтые въ плащъ Греки, которые гуляютъ съ покрытой головой...).

[25]) Титъ Ливій, IV, 30: *quibus questui sunt capti superstitione animi.* (Для которыхъ души, объятыя суевѣрнымъ страхомъ, представляютъ выгоду).

чтобы увлечь слушателей. Во всѣхъ политеистическихъ религіяхъ есть наклонность и какъ бы потребность, безпрестанно увеличивать число своихъ боговъ. Единый Богъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ наши представленія о божествѣ; но когда ихъ признаютъ нѣсколько, то, какъ бы они ни были многочисленны, они все-таки составляютъ неполное цѣлое, и къ нимъ постоянно хочется прибавить нѣсколько другихъ. Эта наклонность обнаруживается всего сильнѣе не у легкомысленныхъ и скептическихъ народовъ, какъ это можно было бы предполагать, а, напротивъ того, у наиболѣе вѣрующихъ. Когда ихъ поражаетъ какая-нибудь бѣда или когда имъ грозитъ какое-нибудь несчастіе, они обыкновенно не сомнѣваются сначала, что покровительство ихъ національнаго божества избавитъ ихъ отъ опасности. Они всего ожидаютъ отъ него; но если ожиданіе ихъ будетъ обмануто, если бѣдствіе будетъ продолжаться или если несчастіе наступитъ, тогда разочарованіе ихъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ беззавѣтнѣе была ихъ довѣрчивость. Они недовольны не божествомъ вообще, такъ какъ могущество его кажется имъ выше всякихъ подозрѣній, но своимъ собственнымъ богомъ, потому что онъ плохо послужилъ имъ; и обращаются въ иное мѣсто за помощью, которой не могли найти у себя дома. Независимо отъ этой общей причины римскіе плебеи имѣли еще другіе поводы не особенно дорожить богами своего города; они не могли забыть, что эти самые боги были союзниками патриціевъ во время ихъ продолжительной борьбы съ плебеями. Они были менѣе привязаны къ политическимъ воспоминаніямъ народной религіи; жизнь ихъ проходила среди иностранцевъ, отправлявшихъ другіе культы; кромѣ того они были болѣе склонны къ перемѣнѣ убѣжденій и къ увлеченію новыми вѣрованіями, нежели эта аристократія, привыкшая уважать древнія преданія, враждебно относившаяся къ новизнѣ, степенная и важная по характеру и по принципу, и вдобавокъ смотрѣвшая на великія религіозныя движенія, какъ на нарушеніе существующаго порядка; вотъ почему плебеи обыкновенно первые устремлялись къ чужеземнымъ религіямъ, и изъ разсказовъ историковъ видно, что всѣ подобныя движенія начинались въ простонародныхъ кварталахъ города.

Если народъ легко уступалъ имъ по самой природѣ своей, зато власть должна была, напротивъ того, считать своею обязанностью подавлять ихъ. Причина, дѣлавшая римлянъ столь вѣротерпимыми внѣ ихъ страны, мѣшала имъ быть вполнѣ таковыми внутри ея. Такъ какъ они думали, что каждый культъ установленъ исключи-

тельно для какого-нибудь народа, то выводили изъ этого, что каждый богъ долженъ оставаться господиномъ у себя дома. Не навязывая своихъ боговъ чужеземцамъ, они въ то же время не желали допустить чужеземныхъ боговъ утвердиться въ Римѣ. Въ качествѣ національнаго учрежденія религія должна была находиться подъ покровительствомъ гражданской власти. Императоры преслѣдовали христіанъ не какъ первосвященники, но какъ государи. Для того, чтобы запретить чужеземный культъ, чаще всего приводятъ политическія причины; кровавымъ подавленіемъ вакханалій сенатъ выразилъ свою заботу о безопасности государства, а не объ интересахъ боговъ. Объясняя народу причины оказанной строгости, консулъ напоминалъ ему, «что гражданамъ дозволено собираться только по приказанію должностныхъ лицъ, когда на высотахъ Яникула развѣвается знамя, и что всякое другое собраніе запрещено закономъ» [26]). Это оставалось до самаго конца главнѣйшимъ аргументомъ, приводимымъ противъ приверженцевъ новыхъ религій, и христіанъ преслѣдовали особенно за то, что они составляли тайныя общества и незаконныя собранія. Вотъ почему виновные въ подобнаго рода преступленіяхъ не призывались въ духовные суды; преслѣдованіе ихъ поручалось обыкновеннымъ чиновникамъ, обязаннымъ наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ, эдиламъ, *triumviri capitales*, особеннаго рода полицейскимъ; и если тѣмъ не удавалось подавить зло, тогда сенатъ поручалъ претору защиту законовъ [27]).

Хотя власть и любила, какъ видно, прилагать къ чужеземнымъ культамъ постановленія, касавшіяся общественнаго спокойствія и безопасности государства, она была, кромѣ того, вооружена противъ нихъ спеціальными законами. Тертулліанъ сообщаетъ, «что въ силу одного древняго эдикта, было запрещено посвящать боговъ безъ согласія сената» [28]). Но было ли дозволено частнымъ лицамъ поклоняться у себя дома непосвященнымъ богамъ, то-есть тѣмъ, которые не были оффиціально признаны государствомъ? Одно мѣсто у Цицерона указываетъ на то, что имъ не дозволялось воздвигать жертвенниковъ въ домахъ точно такъ же, какъ не разрѣшалось сооружать храмовъ на улицахъ и площадяхъ [29]). Титъ Ливій,

[26]) Титъ Ливій, XXXIX, 15.
[27]) Титъ Ливій, XXV, 1.
[28]) *Apol.* 5.
[29]) *De leg.*, II, 8: *Separatim nemo habessit deos; neve novos, sive advenas, nisi publice adscitos, privatim colunto* (Никто не долженъ имѣть боговъ от-

напротивъ того, ограничиваетъ это запрещеніе священными и общественными участками земли [30]); по его мнѣнію, только тамъ запрещается приносить жертвы по чужеземнымъ обрядамъ. Объяснить подобное противорѣчіе между двумя весьма свѣдущими писателями можно только тѣмъ, что законъ этотъ, вѣроятно, не всегда соблюдался вполнѣ точно. Цицеронъ говоритъ о томъ, что можно было дѣлать по закону; Титъ Ливій разсказываетъ то, что обыкновенно дѣлалось. Римляне были такъ религіозны и богобоязненны, что долго колебались прежде, чѣмъ рѣшались запретить культъ какого бы то ни было бога. «Всякій разъ, говоритъ Титъ Ливій, какъ религія служитъ предлогомъ для какого-нибудь преступленія, мы, наказывая виновнаго, опасаемся совершить нечестивый поступокъ» [31]); и власть, несмотря на свою всегдашнюю строгость, принуждена была обращать вниманіе на подобныя колебанія. Поражая тайное общество Вакханалій, сенатъ не посмѣлъ совершенно запретить культъ Вакха и удовольствовался тѣмъ, что установилъ въ немъ извѣстный порядокъ. Тѣ, для кого этотъ культъ былъ дѣломъ совѣсти, принуждены были обращаться къ претору за позволеніемъ справлять эти праздники и оно давалось имъ съ условіемъ, чтобы при церемоніи присутствовало не свыше пяти человѣкъ [32]). Такія наклонности римлянъ объясняютъ намъ, почему законы противъ чужеземныхъ культовъ были у нихъ такъ мало дѣйствительны. Рѣшаясь приложить ихъ къ дѣлу, поступали обыкновенно со всевозможной осмотрительностію и неохотою. Конечно, законъ имѣлъ право преслѣдовать эти культы даже въ частныхъ домахъ, такъ какъ надзоръ жрецовъ простирался на *sacra privata* (частныя святыни), какъ и на все остальное [33]). Тѣмъ не менѣе врядъ ли бы ихъ стали разыскивать,

---

дѣльно для себя и не долженъ поклоняться частнымъ образомъ новымъ или чужеземнымъ богамъ, если они не признаны государствомъ).

[30]) XXV, 1: *neu quis, in publico sacrove loco, novo aut externo ritu sacrificaret*. Никто не долженъ приносить жертвы въ общественномъ или священномъ мѣстѣ, по новому или чужеземному обряду.

[31]) XXXIX, 16: *Ubi deorum numen praetenditur sceleribus, subit animum timor ne fraudibus humanis vindicandis divini juris aliquid immixtum violemus*.

[32]) См. сенатское рѣшеніе относительно Вакханалій, *Corp. inscr. lat.* I, 196.

[33]) Діонъ Кассій положительно говоритъ (XL, 47), что сенатъ приказалъ разрушить храмы, воздвигнутые частными лицами на свой счетъ: οὓς ἰδίᾳ τινὲς ἐπεποίηντο, (святыни), построенныя нѣкоторыми частнымъ образомъ.

если бы они были тамъ въ заперти; но ихъ тамъ не было. Они не могли долгое время довольствоваться неизвѣстностью домашняго святилища и быстро распространялись по общественной дорогѣ, загромождая улицы и площади и безъ церемоній утверждаясь въ молельняхъ древнѣйшихъ божествъ [34]). Къ концу республики культы Египта осмѣлились даже проникнуть въ жилище владыки боговъ,—въ храмъ, служившій центромъ римской религіи, словомъ въ Капитолій [35]): до такой степени они были увѣрены въ своей безнаказанности! Несмотря на такіе наглые вызовы, ихъ все-таки не рѣшались поражать. Приверженцы древнихъ обычаевъ ограничивались сначала безмолвнымъ неудовольствіемъ [36]). Надо было скандалу дойдти до крайности для того, чтобы сенатъ сдѣлалъ, наконецъ, видъ, что замѣтилъ безпорядокъ и распорядился подавить его съ помощью служащихъ лицъ. Одинъ разъ уже по поводу Вакханалій подавленіе было ужасно [37]); но тогда дѣло шло гораздо больше о страшныхъ преступленіяхъ, объ обманахъ, убійствахъ и кровосмѣшеніяхъ, чѣмъ о жертвоприношеніяхъ и новыхъ обрядахъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ законъ прилагался такъ мягко, что виновные рѣшительно ничего не боялись и были всегда готовы начать съизнова.

Такимъ образомъ чужеземные культы очень легко утвердились въ Римѣ. Нѣкоторые изъ нихъ явились тамъ съ разрѣшенія сената, но бо́льшая часть ихъ обошлась безъ этого; при чемъ, всѣ они, каково бы ни было ихъ происхожденіе, съ давнихъ поръ пользовались большимъ значеніемъ въ народѣ. Уже со временъ Эннія большой циркъ принялъ тотъ видъ, какой онъ имѣлъ при Августѣ, когда Горацій отправлялся гулять въ немъ въ послѣобѣденное время, чтобы слушать предсказателей будущаго. Это было сборное

---

34) Титъ Ливій, IV, 30: *in omnibus vicis sacellisque* (на всѣхъ улицахъ и во всѣхъ молельняхъ).

35) *Corp. insc. lat.*, I, 1034.

36) Титъ Ливій, XXV, 1: *secretae bonorum indignationes* (тайное негодованіе благонамѣренныхъ людей).

37) Но и оно заставило себя долго ждать. Существованіе Вакханалій было всѣмъ извѣстно; оно обнаруживалось шумомъ, тревожившимъ ночной покой (*crepitibus etiam ululatibusque nocturnis qui personant tota urbe* (Титъ Ливій, XXIX, 15: криками и воемъ, которые оглашали весь городъ въ ночное время); но такъ какъ всѣ думали, что дѣло идетъ о религіозныхъ церемоніяхъ, никто не протестовалъ, и даже сама полиція не справлялась о томъ, что происходитъ на этихъ шумныхъ праздникахъ.

мѣсто астрологовъ и авгуровъ всѣхъ странъ. Набожные люди приходили сюда совѣтоваться съ гадателями изъ племени марсовъ, игравшими со змѣями, и просить объясненія своихъ сновъ у жрецовъ Изиды [38]). По мѣрѣ того, какъ ослабѣвали власть законовъ и уваженіе къ древнимъ преданіямъ, значеніе новыхъ религій необходимо должно было увеличиваться. Особенно полезною оказалась для нихъ анархія, господствовавшая почти полвѣка до начала имперіи; онѣ воспользовались ею для своего распространенія и утвержденія. Самые тріумвиры придали имъ нѣкоторымъ образомъ законное освященіе, воздвигнувъ по смерти Цезаря храмъ Серапису и Изидѣ [39]). Но Августъ, сдѣлавшись главою, возвратился въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, къ преданіямъ республики. Онъ оказалъ большое уваженіе всѣмъ религіямъ, раздѣлявшимъ между собою его имперію. Изъ этого числа не была даже исключена религія евреевъ, несмотря на оказываемыя ей обыкновенно ненависть и презрѣніе; онъ послалъ подарки въ іерусалимскій храмъ [40]), велѣвъ принести тамъ жертвы отъ своего имени [41]). Но, оказывая уваженіе этимъ религіямъ въ ихъ странѣ, онъ не позволялъ имъ слишкомъ открыто распространяться въ Римѣ и брать перевѣсъ надъ національнымъ культомъ. Взявъ Александрію, онъ объявилъ, что прощаетъ ее, ради ея великаго бога Сераписа [42]), что не помѣшало ему, однако, по возвращеніи разрушить храмы, построенные Серапису внутри города [43]). Въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ слѣдовалъ древней политикѣ римлянъ; для довершенія сходства намъ особенно указываютъ на то, что строгость сената и императора не была слѣдствіемъ религіозныхъ причинъ; онъ преслѣдовалъ новые культы не ради однихъ только интересовъ древнихъ боговъ, «но потому, что введеніе чужеземныхъ божествъ даетъ поводъ къ тайнымъ собраніямъ, соглашеніямъ и заговорамъ, а всѣ подобныя вещи опасны для единоличной власти» [44]). Такой образъ дѣйствій, вѣроятно, заслужившій въ то время боль-

---

[38]) Циц., *De div.*, I, 58. Правда, что нѣкоторые критики, и между прочимъ Валенъ, приписываютъ часть цитаты самому Цицерону.

[39]) Діонъ, XLVII, 15.

[40]) Іосиф., *De bell. Jud.* V, 38.

[41]) Филонъ, *Leg. ad. Caium*, 40.

[42]) Діонъ, LI, 16.

[43]) Діонъ, LIII, 2. Тиберій держался той же политики, какъ и Августъ относительно чужеземныхъ религій (Свет., Tib., 37). Но послѣ него противъ нихъ не предпринималось, кажется, никакихъ общихъ мѣръ.

[44]) Діонъ, LII, 36.

шое одобреніе, былъ неправиленъ потому, что противорѣчилъ имперіи въ самомъ принципѣ. Имперія старалась соединить между собою всѣ народы, жившіе подъ римскимъ владычествомъ, а такое соединеніе расъ не могло совершиться безъ нѣкотораго смѣшенія религій. Дѣятельность Августа необходимо должна была привести къ нѣкоторому сліянію сектъ въ религіозномъ мірѣ, подобно тому, какъ она должна была привести къ централизаціи въ мірѣ политическомъ. Имперія шла именно въ эту сторону. Когда раса Августа угасла, смѣнившая ее династія ощутила потребность придать себѣ въ глазахъ народа нѣкотораго рода религіозное освященіе. Цезари, льстившіе себя мыслью, что они происходятъ отъ боговъ и царей древняго Рима, опирались на національную религію, и мы видѣли уже, сколько она придала силы и обаянія ихъ власти. Веспасіанъ получилъ подобную услугу отъ восточныхъ культовъ. Одинъ еврей предсказалъ ему имперію; Сераписъ возвѣстилъ ему побѣду его легіоновъ при Кремонѣ. Наконецъ, египетскіе боги, для того чтобы показать міру, что онъ ихъ любимецъ, даровали ему способность творить чудеса: онъ исцѣлилъ въ Александріи одного слѣпаго и одного паралимчнаго. «Такимъ образомъ говоритъ Светоній, этотъ государь, столь быстро достигнувшій власти, съ самаго начала пріобрѣлъ недостававшія ему величіе и могущество» [45]). Съ этихъ поръ ничто больше не препятствовало успѣху религій Востока. Пользуясь благосклонностью Флавіевъ, которымъ онѣ были далеко не безполезны, постепенно усиливаясь въ концѣ эпохи Антониновъ, при Маркѣ Авреліи и Коммодѣ, онѣ окончательно восторжествовали при династіи Северовъ.

Въ періодъ, составляющій предметъ нашего труда, Римъ зналъ уже и исповѣдывалъ почти всѣ религіи, которыя продолжали существовать въ немъ до времени торжества христіанства. Нѣкоторыя изъ нихъ явились тамъ при республикѣ, другія—въ первый вѣкъ имперіи. Мы видѣли, что онъ уже съ давнихъ поръ принялъ египетскихъ боговъ, почитавшихся во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря, и что о нихъ упоминается еще во времена пуническихъ войнъ. Въ 549 году, Матерь боговъ торжественно переносится изъ Пессинунта въ Римъ, по указу сената. Вѣкъ спустя, Силла привозитъ изъ Азіи дикую богиню Комагены, которая отождествляется съ древнею Беллоною. Сабацію и Адонису поклоняется высшее римское общество со временъ Августа [46]). Неронъ впро-

45) Светон., *Vespas.*, 7.

46) Валер. Макс., I, 3, 2. Овидій, *Ars. am.*, I, 75.

долженіе нѣкотораго времени благоговѣетъ только передъ богинею Сиріи [47]); Траянъ спрашиваетъ геліополисскаго бога (*Jupiter Heliopolitanus*) объ успѣхѣ своего похода противъ парѳянъ, богъ Долихіи (*Jupiter Dolichenus*) получаетъ храмъ на Авентинѣ въ эпоху Коммода [48]). Плутархъ сообщаетъ намъ, что съ именемъ Митры римляне познакомились въ первый разъ въ концѣ республики, во время войны пиратовъ [49]). Культъ его продолжаетъ глухо существовать при цезаряхъ въ простонародныхъ классахъ [50]). Онъ пріобрѣтаетъ большее значеніе въ послѣдніе годы Антониновъ, а въ III и IV вѣкѣ беретъ верхъ надъ всѣми другими. Слѣдовательно, исключая послѣдняго развитія культа Митры, происшедшаго нѣсколько позже, всѣ остальныя чужеземныя религіи свободно исповѣдывались въ Римѣ въ описываемую нами эпоху. Еслибъ мы стали изучать имъ въ подробности и каждую отдѣльно, и описывать исторію ихъ развитія и судебъ, мы никогда бы не кончили. Планъ нашъ менѣе обширенъ; мы изучаемъ эти культы только по отношенію къ римской религіи и желаемъ знать, какъ велико было ихъ участіе въ совершившихся въ ней измѣненіяхъ. Очень естественно, что вліяніе ихъ на нее было сильнѣе, когда они согласовались между собою; слѣдовательно, изучая ихъ, мы меньше должны останавливаться на тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они расходятся, нежели на тѣхъ, въ которыхъ они сходны. А сходство это встрѣчается гораздо чаще, нежели обыкновенно думаютъ. Разница между ними часто только кажущаяся; въ сущности всѣ они идутъ отъ одинаковыхъ началъ, отвѣчаютъ одинаковымъ потребностямъ и приводятъ къ одинаковымъ результатамъ; мы переходимъ теперь къ изложенію этихъ общихъ результатовъ.

III.

Общій характеръ всѣхъ восточныхъ культовъ. — Важное значеніе жреца. — Вліяніе женщинъ. — Жажда религіозныхъ ощущеній. — Очищеніе и покаяніе. — Тавроболіи. — Мистеріи.

Всѣ восточныя религіи главнымъ образомъ сходствовали между собою въ томъ, что приписывали важное значеніе жрецу; въ римской религіи оно было далеко не такъ велико. Мы уже видѣли, что

47) Свет., *Nero*, 56.
48) Преллеръ, *Röm. Myth.*, с. 743.
49) Плутархъ, *Pomp*, 24.
50) Орелли, 5844, и примѣчаніе Генцена.

римляне не считали необходимымъ посредничество человѣка для того, чтобы обращаться къ Богу. Принося Марсу жертву за своихъ быковъ или закалывая свинью Церерѣ, Катонъ не обращается ни къ кому за помощью и положительно объявляетъ, что отецъ семейства долженъ приносить жертву за весь домъ. Равнымъ образомъ молиться за республику имѣетъ право только консулъ. Государственные жрецы (*sacerdotes publici*)—не болѣе какъ его совѣтники и помощники въ исполняемыхъ имъ церемоніяхъ. Когда дѣло идетъ, напримѣръ, о посвященіи общественнаго памятника, жрецы указываютъ обряды, подсказываютъ слова и держатся за одну изъ сторонъ двери; дѣйствительно же посвящаетъ зданіе должностное лицо, назначенное для этого народомъ; только оно имѣетъ право выставить на немъ свое имя, ибо ему одному оффиціально поручено передать его тому богу, которому его посвящаютъ. Такъ какъ на жрецовъ смотрѣли вообще только какъ на хранителей древнихъ обычаевъ, обязанныхъ сообщать ихъ другимъ и соблюдать лично, то отъ нихъ требовалось прежде всего знаніе и неусыпная дѣятельность; они не отличались дѣйствительно религіознымъ характеромъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово въ настоящее время. Назначавшій ихъ народъ никогда не заботился о томъ, обладаютъ ли они нравственными качествами, необходимыми для выполненія подобныхъ обязанностей. Признавали, конечно, что для авгура или жреца требуется извѣстная степенность въ поступкахъ, но въ то же время думали, что она столько же нужна и претору или консулу; ея не считали совершенно необходимой и не разъ даже обходились безъ нея. Если какой-нибудь кандидатъ былъ пріятенъ народной партіи, она, назначая его, отнюдь не думала справляться объ его жизни и мнѣніяхъ, вслѣдствіе чего бывали иногда удивительнѣйшіе выборы. Титъ Ливій разсказываетъ, что во время пуническихъ войнъ, т. е. тогда, когда нравы отличались еще строгостью, а преданія уважались, жрецъ П. Лициній выбралъ фламиномъ Юпитера К. Валерія Флакка, «потому что тотъ разсѣянно и легкомысленно провелъ свою молодость» [51]). Равнымъ образомъ не затруднились назначить Цезаря верховнымъ жрецомъ, хотя онъ не вѣрилъ богамъ, а Цицерона авгуромъ, хотя онъ смѣялся надъ гаданіемъ. Правда, что ихъ невѣріе не должно было смущать ихъ при отправленіи духовныхъ обязанностей въ такой степени, какъ мы это полагаемъ. Въ храмахъ Рима не проповѣдывалось никакого

[51]) XXVII, 8: *ob adolescentiam neglegentem luxuriosamque.*

догматическаго ученія и не дѣлалось никакихъ нравственныхъ увѣщаній, такъ что жрецъ не особенно рисковалъ впасть въ прямое противорѣчіе между своими словами и поступками. Культъ состоялъ изъ однихъ внѣшнихъ обрядовъ, исполнявшихся всѣми по привычкѣ, и, собственно говоря, не было никакой необходимости отличаться безупречнымъ поведеніемъ или быть набожнымъ по убѣжденію для того, чтобы подсказывать слова молитвъ, занимать назначенное мѣсто въ оффиціальной церемоніи или держаться за дверь посвящаемаго зданія.

Но не то было въ культахъ, пришедшихъ въ Римъ съ Востока. Къ несчастію, наши свѣдѣнія о нихъ весьма недостаточны, но изъ того, что отъ нихъ осталось, всего болѣе выясняется то важное значеніе, какое всѣ они приписывали своимъ жрецамъ. Когда какой-нибудь послѣдователь этихъ религій воздвигаетъ алтарь или храмъ своему богу, онъ вообще считаетъ нужнымъ выставить на немъ имя жреца, посвящающаго его. Имена жрецовъ почти всегда упоминаются въ тавроболическихъ надписяхъ, а въ надписяхъ, относящихся къ культу Митры, точнымъ образомъ говорится, что жрецъ верховодствуетъ при церемоніи [52]). Желавшій быть посвященнымъ въ таинства Изиды бралъ себѣ въ помощь жреца и послѣ того всю жизнь продолжалъ питать къ нему живѣйшую благодарность и называлъ его своимъ отцомъ [53]). Все указываетъ намъ на то, что въ этихъ различныхъ религіяхъ жреческія обязанности сдѣлались важнѣе прежняго. Жрецы уже не довольствуются отправленіемъ только внѣшняго культа, но хотятъ также овладѣть душами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они прибѣгаютъ къ средству, никогда не употреблявшемуся дотолѣ въ римскихъ храмахъ: они проповѣдуютъ. Жрецъ, описанный Апулеемъ въ концѣ *Метаморфозъ*, пользуется чудомъ, сильно поразившимъ присутствующихъ, чтобы прославить богиню, явившую такимъ образомъ свое могущество. Онъ произноситъ настоящую проповѣдь; въ ней нѣтъ даже недостатка въ гнѣвномъ увлеченіи и въ торжественныхъ обращеніяхъ къ невѣрующимъ: «Пусть они подойдутъ, пусть посмотрятъ и громогласно сознаются въ своемъ заблужденіи» [54]). Подъ конецъ онъ заклинаетъ того, кто былъ предметомъ божественнаго покровительства, посвятить отнынѣ свою жизнь Изидѣ; слѣдующія слова со-

---

[52]) Орелли, 5846.

[53]) Апул., *Metam.*, XI, 25 (изд. Гильдебранта).

[54]) XI, 15: *Videant irreligiosi, videant, et errorem suum recognoscant.*

вершенно напоминають собою христіанскаго проповѣдника во время постриженія: «Если ты хочешь быть въ безопасности и сдѣлаться недоступнымъ для ударовъ судьбы, поступи въ святое воинство. Приди добровольно положить голову подъ ярмо священнаго званія. Только тогда, когда ты сдѣлаешься рабомъ богини, ты почувствуешь всю цѣну свободы» [55]). Послѣднія слова указываютъ на самую главную разницу, существовавшую между римскими жрецами и жрецами чужеземныхъ культовъ. Въ Римѣ и въ римскихъ городахъ они такія же должностныя лица, какъ всѣ другія; они отнюдь не желаютъ держать себя въ сторонѣ и отличаться отъ своихъ согражданъ, живутъ среди дѣловаго движенія и къ своимъ духовнымъ должностямъ присоединяютъ обыкновенно гражданскія.

Въ восточныхъ культахъ они стараются, напротивъ того, удаляться отъ міра и жить особнякомъ. Они составляютъ «святое воинство», имѣющее свои обычаи и правила и отличающееся особенною одеждою. Они, такъ сказать, считаютъ особеннымъ достоинствомъ не интересоваться жизнью и не питать никакихъ человѣческихъ привязанностей. «Они отрекаются отъ всего и желаютъ заботиться лишь о священныхъ вещахъ. Нѣкоторые даже употребляютъ напитки, лишающіе ихъ мужской силы» [56]) Одинъ древній писатель говоритъ, что египетскіе жрецы живутъ вмѣстѣ во храмахъ.

«Отвергнувъ всякаго рода земные труды, они посвятили свою жизнь созерцанію и изученію божества. У нихъ медленная походка, степенный видъ: они никогда не смѣются и рѣдко позволяютъ себѣ улыбаться. Рука ихъ постоянно спрятана подъ плащемъ» [57]). Онъ прибавляетъ, что они спятъ на пальмовыхъ вѣтвяхъ, устроивая себѣ жесткое изголовье, предаются безпрестаннымъ воздержаніямъ, избѣгаютъ пить вино и ѣсть рыбу, и что между ними часто возникаютъ споры по поводу дозволенныхъ и запрещенныхъ яствъ. Египетскіе папирусы, открытые и разобранные въ наши дни, открыли намъ существованіе настоящаго монастыря въ мемфисскомъ *серапіумѣ*. Въ немъ добровольно запирались набожные люди и проводили жизнь, никогда не выходя изъ него, разговаривая только въ

---

[55]) XI, 15: *Da nomen sanctae huic militiae... et ministerii subi jugum voluntarium.* Эти выраженія принадлежатъ уже религіозному языку христіанъ.

[56]) Серв., *Aen.*, VI, 661.

[57]) Херемонъ-стоикъ, упоминаемый Порфиріемъ. Миллеръ, *Fragm. hist graec.* изд. Дидо, III. с. 497.

окошко своей кельи съ благочестивыми людьми, приходившими посѣтить храмъ. Они называли сами себя «служителями Сераписа» и занимались записываніемъ своихъ сновъ. «Одежды ихъ гнусны, говоритъ одинъ поэтъ, а волосы, похожіе на всклокоченныя лошадиныя гривы, осѣняютъ ихъ зловѣщія головы.» [58]) Сохранилось множество просьбъ, написанныхъ однимъ изъ этихъ отшельниковъ, въ которыхъ онъ обращается къ покровительству царя Птоломея и должностныхъ лицъ Мемфиса противъ тѣхъ, кто его преслѣдуетъ, потому что въ этихъ мѣстахъ, посвященныхъ миру и любви, ненависть и ссоры случались очень часто.

Египтяне и греки нерѣдко затѣвали драки въ самомъ храмѣ или перебрасывались камнями въ окна своихъ келій [59]). Не странно ли въ самомъ дѣлѣ въ самый разгаръ язычества, слишкомъ за полтораста лѣтъ до Р. Х., встрѣтить отшельниковъ въ странахъ, гдѣ впослѣдствіи процвѣтало христіанское монашество? Очевидно, что оно было естественнымъ произведеніемъ страны. Востокъ былъ предназначенъ для того, чтобы давать намъ во всѣ времена и во всѣхъ культахъ зрѣлища религіозной восторженности. Прочтите разсужденіе Лукіана о Сирійской богинѣ; вы найдете въ немъ описаніе знаменитаго сирійскаго храма, который приходили посѣщать изо всѣхъ концовъ Азіи. Богомольцы стекались сюда тысячами. Отправляясь въ путь, они выбриваютъ себѣ голову и брови: впродолженіе всего путешествія они пьютъ одну воду и спятъ на землѣ. Причиною подобнаго стеченія служитъ громкая извѣстность храма и желаніе присутствовать при благочестивыхъ зрѣлищахъ, устроиваемыхъ жрецами. Одинъ изъ нихъ подымается два раза въ годъ на вершину столба *(phallus)* въ тридцать саженъ вышиною и остается тамъ безъ сна въ теченіе семи дней. «Народъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ съ той высоты, гдѣ онъ находится, бесѣдуетъ съ богами, и что тѣмъ ближе имъ слышать его молитву. Одни изъ богомольцевъ приносятъ ему золото, другіе—серебро, третьи—мѣдь. Они кладутъ передъ нимъ свои приношенія и удаляются, сказавши свое имя. Тутъ же стоитъ другой жрецъ, повторяющій эти имена [60]), и когда тотъ ихъ услышитъ, онъ молится за каждое изъ нихъ». Это уже почти исторія Симеона Столпника.

Послѣ жреца наибольшее вліяніе въ восточныхъ религіяхъ при-

58) Манеѳонъ, приводимый Брюне де Прелемъ (Brunet de Presles).

59) Всѣ вышеприведенныя подробности заимствованы изъ мемуара Брюне де Преля о Серапеумѣ Мемфиса.

60) Лук., *Сирійск. богиня,* 28

надлежитъ женщинѣ. И въ римской религіи женщины имѣли значительную долю участія; онѣ не только совершали всѣ обряды обще съ мущинами, но имѣли кромѣ того въ своихъ рукахъ особые культы. Однакожь это участіе, повидимому, не удовлетворяло ихъ; новыя религіи влекли ихъ къ себѣ неодолимою силой; благодаря имъ, всѣ новыя суевѣрія проникали въ Римъ и утверждались въ немъ. Гадатели и пророчицы, преслѣдуемые властью, были увѣрены, что всегда найдутъ у нихъ тайную и сильную помощь. [61]) Общество вакханалій распространилось прежде всего между ними; нѣкоторое время въ него принимались только женщины, и даже послѣ того, какъ одна изъ жрицъ придумала допускать въ него мущинъ, женщины, по словамъ Тита Ливія, продолжали составлять въ немъ большинство [62]). Когда изъ Пессинунта прибыла Великая Матерь Иды,—первое восточное божество, оффиціально принятое въ Римѣ,—на встрѣчу ей къ самому устью Тибра были высланы матроны; извѣстно, что по этому случаю богиня соизволила совершить чудо въ пользу одной изъ нихъ, Квинты Клавдіи, подозрѣваемой въ дурномъ поведеніи, потому что она очень любила наряды «и показывалась въ публикѣ съ волосами, слишкомъ искусно убранными» [63]). Въ эпоху Августа восточные культы распространились особенно между прекрасными вольноотпущенницами легкаго поведенія, которыхъ воспѣли поэты. Все это легкомысленное общество, отвергавшее холодную важность оффиціальныхъ церемоній, охотно принимало религіи, дававшія больше простора страстнымъ движеніямъ души. «Одолжи мнѣ своихъ носильщиковъ, говоритъ у Катулла одна женщина своему возлюбленному, я хочу сегодня посѣтить Сераписа». [64]) Делія Тибулла—набожная поклонница Изиды; она тщательно производитъ предписанныя омовенія, соблюдаетъ воздержаніе, одѣвается въ ленъ и старательно потрясаетъ своимъ систромъ (гремушкою), когда молится богинѣ. Но всѣ эти женщины, такъ усердно посѣщавшія храмы, являлись туда не для одной только молитвы. Многія изъ нихъ отправлялись туда по капризу или вслѣдствіе моды, а нѣкоторыя даже—съ цѣлью искать приключеній. Храмы были удобнымъ мѣстомъ для назначенія безопасныхъ свиданій и для завязки любовныхъ интригъ. Когда Ови-

---

[61]) Плут., *Marius*, 17.

[62]) XXXIX, 15.

[63]) Овид., *Fast.*, IV, 309.

[64]) Катуллъ, 10, 26.

дій въ своемъ *Искусствѣ любить* перечисляетъ мѣста, гдѣ легко можно запастись любовницей, то, упомянувъ о театрахъ и портикахъ, онъ не забываетъ также храмы, особенно храмы египетскихъ божествъ. Такъ какъ миѳологи смѣшивали Изиду съ Іо, бывшею любовницей Юпитера, то это воспоминаніе подавало поэту надежду, что богиня внушитъ и другимъ тѣ чувства, какія она сама питала къ владыкѣ боговъ. [65]) Вотъ почему Ювеналъ безъ всякаго уваженія называетъ ее «Фаросскою своднею» [66]). Еврейскій культъ былъ также въ большой милости у женщинъ, которыя, истощивъ всѣ сильныя ощущенія, искали ихъ въ религіи; онѣ строго постились и тщательно остерегались работать въ субботній день. Извѣстно, что Поппея, по словамъ Іосифа, «была набожна», [67]) и что ее схоронили по восточнымъ обрядамъ. [68])

Если вѣрить моралистамъ и сатирикамъ, то и великосвѣтскія женщины были не менѣе усердны, чѣмъ другія, относительно культовъ Востока. Ювеналъ описываетъ, какъ онѣ принимаютъ у себя «братство гнѣвной Беллоны или Матери боговъ» и совѣтуются съ гаруспиціями Арменіи и Комагены, съ халдейскими волшебниками или съ старыми еврейками, «которыя продаютъ столько глупостей, сколько у нихъ спрашиваютъ, но по умѣреннымъ цѣнамъ». Онъ разсказываетъ, какъ, испугавшись угрозъ жреца, онѣ обрекаютъ себя на строжайшее покаяніе, чтобы обезоружить небо: «онѣ приказываютъ зимою пробить ледъ, чтобы погрузиться по утру три раза въ Тибръ, и затѣмъ, голыя и дрожащія, проходятъ все Марсово поле, волочась на окровавленныхъ колѣняхъ» [69]). Надписи подтверждаютъ истину картинъ, изображенныхъ сатирикомъ: въ нихъ очень часто говорится о жертвенникахъ, статуяхъ и всякаго рода памятникахъ, воздвигаемыхъ женщинами восточнымъ божествамъ. Набожность уже имѣетъ здѣсь тѣ характеристическія черты, которыми она будетъ впослѣдствіи отличаться въ южныхъ странахъ. Охотно предполагая, что на небѣ такъ же любятъ наряды, какъ и на землѣ, женщины, для того чтобы заискать расположеніе призываемой ими богини, расточаютъ ей украшенія и драгоцѣнности. Одна итальянка говоритъ намъ, что она приказала вызолотить статую Цибелы и украсила голову Аттиса золотыми во-

---

[65]) Овид., *Ars amandi*, I, 78. *Multas illa facit quod fuit ipsa Jovi.* (Она многихъ женщинъ дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ была сама для Юпитера).

[66]) Ювен., VI, 489.

[67]) *Ant. Jud.*, XX, 8, 11.

[68]) Тац., *Ann.*, XVI, 6.

лосами и серебряною луною. [70]) Одна испанка посвящаетъ, въ честь своей внучки, серебряную статую Изиды и при этомъ весьма предупредительно перечисляетъ драгоцѣнные камни, которыми украшена статуя. На ней надѣта діадема, состоящая изъ одной большой жемчужины и шести малыхъ, изъ изумрудовъ, рубиновъ и гіацинтовъ, серьги изъ изумрудовъ и жемчужинъ, ожерелье изъ тридцати шести жемчужинъ и восемнадцати изумрудовъ, два изумруда на застежкахъ, браслеты на рукахъ и на ногахъ, кольца на всѣхъ пальцахъ и, наконецъ, восемь изумрудныхъ щетокъ на сандаліяхъ [71]). Это уже настоящее убранство мадонны. Впрочемъ, эти культы постоянно выражали свою благодарность за услуги, оказываемыя имъ женщинами: онѣ участвовали во всѣхъ жертвоприношеніяхъ, свободно допускались ко всевозможнымъ должностямъ и богослуженіямъ; такъ, напримѣръ, мы видимъ, что онѣ часто берутъ на себя издержки по принесенію въ жертву быковъ (тавроболы) и фигурируютъ тамъ на первомъ планѣ въ обществѣ жрецовъ, собравшихся изо всѣхъ странъ, чтобы принять участіе въ этихъ важныхъ церемоніяхъ. Въ египетскихъ культахъ религіозное служеніе совершалось обоими полами [73]); у Беллоны есть жрица, разсѣкающая себѣ плечи бичами, запускающая себѣ въ руки ножи и показывающаяся въ такомъ видѣ, вся окровавленная, взорамъ восхищенныхъ поклонниковъ богини [74]). Между духовенствомъ Великой Матери находятся игральщицы на барабанѣ *(tympanistriae)*, рядомъ съ флейтщиками, и разныхъ разрядовъ жрицы, раздѣляющія преимущества жрецовъ и, подобно, имъ, назначаемыя квиндецемвирами. [75]) Если посвященные во время мистерій Вакха принимаютъ титулъ отцовъ, то и женщины получаютъ названіе матерей, и мы видимъ, какъ одна изъ нихъ сооружаетъ жертвенникъ, чтобы отплатить за честь, которую ей сдѣлали, возвысивъ ее до священнаго материнства *(ob honorem sacri matratus)*.

Культы, гдѣ жрецы и женщины играютъ такую важную роль,

---

[70]) Ювен., VI, 523.

[71]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 5354.

[72]) *Corp. inscr. lat.*, II, 3386.

[73]) Орелли, 6666; въ однихъ мѣстахъ *sacerdos Isidi*—мущина, въ другихъ (6385)—женщина.

[74]) Тибуллъ, 1, 6, 45.

[75]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 1399. Въ другомъ мѣстѣ жрица называется *consacerdos*, товаркою жреца (2398).

[76]) Орелли, 1491.

отличаются всѣ однимъ общимъ характеромъ; они ищутъ сильныхъ религіозныхъ ощущеній и стараются развивать въ своихъ послѣдователяхъ пламенную набожность. Эта набожность обнаруживается повсюду почти одинаковымъ способомъ; во всѣхъ религіяхъ усердно молящійся вѣрующій желаетъ какъ бы отрѣшиться отъ себя и отъ своей смертной природы, чтобы достигнуть Бога и потеряться въ Немъ. Христіанскіе мистики стараются достичь этого, возбуждая въ себѣ душу и умъ; въ тиши уединенія, съ помощью размышленій и созерцанія, они стараются освободиться отъ тѣлесныхъ узъ и приблизиться къ Божеству. Язычники предпочитали достигать этого возбужденіемъ чувствъ. Вмѣсто того, чтобы запираться и уединяться, они собирались большими толпами и предавались собща всѣмъ соблазнамъ природы; они развлекались движеніемъ и опьяняли себя шумомъ; звуки флейтъ и трубъ, страстные напѣвы, движеніе въ головокружительныхъ плясках, приводили ихъ въ возбужденное состояніе; они утрачивали ощущеніе собственнаго существованія, отрѣшались отъ жизненныхъ условій, соединялись съ богомъ, праздникъ котораго торжествовали; имъ казалось, что они видятъ его, слѣдуютъ за нимъ и сами присутствуютъ при чудесныхъ похожденіяхъ, разсказываемыхъ о немъ [77]). Эти похожденія почти вездѣ одинаковы; подробности могутъ измѣняться, но основаніе священной легенды находится во всѣхъ религіяхъ Востока; дѣло всегда идетъ о смерти и воскресеніи бога и, какъ бы для того, чтобъ еще болѣе воспламенить религіозную чувствительность, во всѣхъ этихъ разсказахъ богъ любимъ одною богинею, которая теряетъ его и потомъ находитъ, оплакиваетъ его смерть и подъ конецъ возвращаетъ ему жизнь. Въ Египтѣ Изида отыскиваетъ Озириса, убитаго завистливымъ братомъ; въ Финикіи Астарта или Венера оплакиваетъ Адониса; на берегу Эвксинскаго Понта прекрасный Аттисъ умираетъ въ объятіяхъ Великой Матери боговъ. Вѣрующіе обыкновенно присоединяются къ божественной горести; только ихъ способъ сочувствовать ей измѣняется, смотря по странѣ. Въ Сиріи и Египтѣ горесть принимаетъ чувственный и сладострастный характеръ и выражается въ любовныхъ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ томными звуками флейтъ; она дика въ суровыхъ странахъ сѣверной Азіи; тамъ жрецы, выражая свое отчаянье, ударяютъ и ранятъ себя сами. Но

[77]) Нигдѣ это восторженное состояніе не было лучше описано, какъ въ *Вакханкахъ* Эврипида.

всюду, когда богъ возвратится къ жизни, радостные порывы замѣняютъ собою стоны и слезы, и со всѣхъ сторонъ раздаются таинственныя слова: «Онъ нашелся! Мы радуемся» [78])!

Египетскій культъ, быть можетъ, больше всѣхъ старался дать пищу набожности вѣрующихъ. Ни въ одномъ культѣ божество не было такъ близко и такъ видимо для своихъ поклонниковъ. Съ нимъ безпрестанно совѣтовались, и безъ его согласія ничего не дѣлали. Оно выражало свою волю безконечными видѣніями и снами. «Ни одна изъ моихъ ночей, говоритъ одинъ поклонникъ Изиды, ни одна минута отдыха не была лишена лицезрѣнія богини и ея святыхъ указаній». Она сама указывала, кого надо было допустить къ ея мистеріямъ; каждому изъ нихъ она назначала день для совершенія церемоніи и указывала на жреца, который долженъ былъ научать его и помогать ему. Она призывала къ себѣ и прямо обозначала тѣхъ, кому хотѣла предоставить честь служить ей. На памятникѣ, воздвигнутомъ одному изъ ея жрецовъ, мы читаемъ, что онъ былъ выбранъ «по особенному приговору богини», чтобы вступить въ посвященное ей общество [79]). Въ ея храмахъ происходило нѣчто въ родѣ правильныхъ службъ, чего не было въ храмахъ римскихъ божествъ. Вѣрующіе собирались тамъ два раза въ день. Утромъ въ первый часъ они будили богиню (*excitatio*) благочестивыми пѣснями съ аккомпаниментомъ флейты. Вечеромъ, торжественно объявивъ ей, который часъ, ей желали хорошаго сна (*salutatio*), и храмъ запирался до слѣдующаго дня. Во время этихъ церемоній часто происходили странныя зрѣлища, способныя, однако, возбудить благочестіе вѣрующихъ. То были женщины съ распущенными волосами, вымаливавшія покровительство «святой матери Изиды» или благодарившія ее за оказанныя имъ милости; иногда же это были кающіеся, считавшіе себя виновными передъ нею и приходившіе къ ея статуѣ, чтобы публично каяться въ своихъ грѣхахъ и получить отпущеніе ихъ [80]). Очень любопытная картина, найденная въ Геркуланумѣ и объясненная Бёттигеромъ, даетъ намъ присутствовать при одномъ изъ богослуженій Изиды: передъ храмомъ двѣ группы вѣрующихъ съ восторженными и страстными лицами, подъ предводительствомъ жреца, поютъ

---

78) *Schol. Iuv.*, VIII, 29: Εὐρήκαμεν, συγχαίρομεν. Апул., *Metam*., XI, 18.

79) Орелли, 6029.

80) Овидій, *De Ponto*, I, 1, 51.

хвалебную пѣснь богинѣ; на верхней ступени человѣкъ, совершающій богослуженіе, руками, обернутыми въ покрывало, осторожно держитъ урну и протягиваетъ ее присутствующимъ [81]). Такимъ образомъ онъ предлагаетъ имъ поклониться очистительной водѣ; вода Нила считалась у египтянъ священною; въ ихъ глазахъ она изображала собою плодородіе и жизнь, подобно тому какъ горячая и безплодная равнина пустыни казалась имъ образомъ смерти. Очень естественно, что у народа, до такой степени поглощеннаго мыслью о загробной жизни, вода сдѣлалась также символомъ вѣчнаго блаженства и нескончаемой жизни. Отсюда происходило изреченіе, писавшееся на гробницахъ благочестивыхъ египтянъ: «Пусть Озирисъ даруетъ тебѣ освѣжающую воду». Христіане, находя его согласнымъ съ своими стремленіями, присвоили его себѣ, и на самыхъ древнихъ гробницахъ ихъ мы часто читаемъ слѣдующія слова: «Да даруетъ Богъ освѣженіе душѣ твоей».

Воображавшимъ себя постоянно въ присутствіи бога и поручавшимъ себя его покровительству очень естественно въ сильной степени опасаться его гнѣва. Чѣмъ пламеннѣе становится благочестіе, тѣмъ оно дѣлается взыскательнѣе и тѣмъ сильнѣе заставляетъ оно насъ опасаться послѣдствій грѣховъ, которые мы можемъ совершить. Въ то время, по мнѣнію нѣкоторыхъ строгихъ умовъ, совершонный грѣхъ не могъ быть ничѣмъ заглаженъ [82]); но это не было общимъ мнѣніемъ, и всѣ религіи льстили себя надеждою, что есть вѣрныя средства получить прощеніе за содѣянный грѣхъ. Ни что не было такъ полезно для успѣха чужеземныхъ культовъ, утвердившихся въ Римѣ; въ нихъ были всевозможныя покаянія и очищенія для напуганныхъ грѣшниковъ. Обыкновенно они состояли въ учащенныхъ жертвоприношеніяхъ, въ странныхъ и подчасъ тягостныхъ обрядахъ и въ щедрыхъ подаркахъ храмамъ и жрецамъ. Воздержаніе считалось также средствомъ обезоружить небесный гнѣвъ. Избѣгали ѣсть нѣкоторыхъ животныхъ, считавшихся нечистыми; при приближеніи праздниковъ налагали на себя строгій постъ; въ особенности къ нимъ приготовлялись полнымъ воздержаніемъ. Послѣднее предписаніе, которому не отказывались подчиняться даже Делія и Коринна, сильно не нравилось ихъ возлюбленнымъ; Овидій и Тибуллъ съ горечью жаловались на него, но

---

[81]) Бёттигеръ, *Isisvesper*. Это разсужденіе было изложено Миллэномъ въ *Magasin encyclopédique*, 1810.

[82]) Серв., *Aen.*, VII, 597.

имъ отвѣчали, что повелѣнія боговъ въ этомъ случаѣ слишкомъ ясны: за то именно, говорили имъ, что Лаокоонъ не исполнилъ ихъ, онъ былъ наказанъ смертью со всѣми своими [83]); и затѣмъ прибавляли, что, напротивъ того, люди, сохранившіе свое цѣломудріе, видѣли боговъ прямо въ лицо [84]). Эти религіи, имѣвшія основаніемъ поклоненіе природѣ, должны были бы, повидимому, считать закономъ сообразоваться съ нею. Между тѣмъ мы видимъ, что въ нихъ возникаетъ противоположный принципъ: онѣ предписываютъ иногда сопротивляться ей, ставятъ человѣку въ заслугу налагаемыя имъ на себя лишенія, предлагаютъ воздержаніе и постъ и провозглашаютъ, что богамъ пріятно, когда укрощаютъ свою плоть и наказываютъ ее. Вотъ почему галлы, странствующіе жрецы Матери боговъ, изувѣчиваютъ себя, подобно оригенистамъ, и разсѣкаютъ себѣ тѣло плетьми, подобно бичующимся. Жрецы Беллоны, нанеся себѣ ножами раны въ руки и лядвеи, собирали свою кровь въ руку и выпивали ее. Въ ихъ глазахъ эта кровь имѣла очищающее свойство; они думали, что, напившись ея, они очистятся отъ совершонныхъ ими грѣховъ [85]).

То же вѣрованіе находится въ знаменитыхъ богослужебныхъ обрядахъ, называемыхъ *тавроболами* (*taurobolia*); это были торжественныя жертвоприношенія въ честь Матери боговъ и ея возлюбленнаго, Аттиса. Неизвѣстно, въ какое время и въ какой странѣ получили они начало; въ первый разъ о нихъ упоминается въ надписи, относящейся къ царствованію Адріана (133 г. по Р. Х.),

---

[83]) Серв., *Aen.*, II, 201.

[84]) Серв., *Aen.*, II, 604.

[85]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 2602. Неизвѣстно, восходятъ ли тавроболы къ еще отдаленнѣйшему времени; между тѣмъ было бы очень полезно это знать, чтобы видѣть, какое вліяніе имѣло христіанство на эти жертвоприношенія. Утвердительно можно сказать лишь то, что вѣрованіе въ очистительное свойство крови уже издавна существовало въ культѣ Цибелы. Луканъ говоритъ, что галлы потрясаютъ своими окровавленными волосами (*Phars.*, I, 566); вѣроятно, они обливали себѣ волоса собственною кровью; отсюда легко переходятъ къ обычаю обливать себя кровью быка. Неизвѣстно также, подверглись ли тавроболическіе обряды съ теченіемъ времени какимъ-нибудь измѣненіямъ. Но предполагать это весьма естественно. Въ древнѣйшихъ надписяхъ находятся слова: *Taurobolium fecit* (совершилъ тавроболъ), а въ позднѣйшихъ: *Accepit* или *percepit taurobolium* (принялъ или получилъ тавроболъ). Не указываетъ ли эта разница въ выраженіяхъ на нѣкоторыя перемѣны въ церемоніяхъ? Вообще вопросъ о происхожденіи тавроболовъ очень теменъ; объяснить его можетъ только открытіе новыхъ надписей.

и найденной въ окрестностяхъ Неаполя [86]). Изъ нея видно, что «одна женщина, Гереннія Фортуната, совершила во второй разъ тавроболическое жертвоприношеніе, стараніями жреца Ти. Клавдія». Этотъ обычай относился, вѣроятно, къ болѣе отдаленному времени и, подобно почти всѣмъ другимъ суевѣріямъ той эпохи, происходилъ изъ Азіи. Извѣстно, что югъ Италіи имѣлъ многочисленныя сношенія съ Востокомъ, и что Пуццолы были однимъ изъ портовъ, всего чаще посѣщаемыхъ египетскими и сирійскими купцами. Эта страна, по которой такъ часто проѣзжали чужеземцы, и которая вслѣдствіе того была вполнѣ подготовлена ко всякимъ страннымъ религіямъ, благосклонно приняла этотъ новый богослужебный обрядъ. Со втораго вѣка онъ уже совершается въ Самніумѣ и Кампаніи, въ Формiи, въ Венафрѣ и Беневентѣ. Изъ южной Италіи тавроболъ переходитъ въ Галлію; въ первый разъ онъ встрѣчается въ Ліонѣ. Въ то время Ліонъ былъ уже большимъ промышленнымъ центромъ, однимъ изъ тѣхъ проѣзжихъ городовъ, гдѣ останавливаются люди всѣхъ странъ: здѣсь была найдена гробница судохозяина изъ Пуццолъ, карѳагенскаго купца и арабскаго негоціанта. Въ Галліи тавроболы приняли болѣе блеска и торжественности и получили оффиціальный характеръ, который вообще остался за ними. Распространившись съ тѣхъ поръ по всей имперіи, онъ сдѣлался любимѣйшимъ средствомъ умирающаго язычества для возбужденія набожности вѣрующихъ.

Хотя намъ не вполнѣ извѣстны всѣ подробности этихъ праздниковъ, но мы достаточно знаемъ ихъ для того, чтобы судить о производимомъ ими эффектѣ. Обходились они, вѣроятно, очень дорого, такъ какъ мы видимъ, что нерѣдко цѣлая корпорація или даже цѣлый городъ уплачиваютъ въ складчину за ихъ издержки. Если же этотъ расходъ принимаетъ на себя одинъ человѣкъ, онъ чрезвычайно гордится этимъ и непремѣнно старается объявить всѣмъ, «что онъ доставилъ всѣ деньги, требовавшіяся для приготовленій и для жертвъ [87])». Понятно, что такая дорогая цере-

---

[86]) Азіатское происхожденіе тавробола принято рѣшительно всѣми. Діодоръ Сицилійскій (III, 59, 8) говоритъ, что въ Пессинунтѣ фригійцы совершаютъ вполнѣ величественныя жертвоприношенія въ честь матери боговъ. Нѣтъ ли въ этихъ словахъ намека на тавроболы? Но если тавроболъ произошелъ изъ Фригіи, то странно, что въ Азіи до сихъ поръ еще не было найдено ни одной тавроболической надписи, а тѣ, которыя были найдены въ Греціи, относятся къ довольно недавнему времени.

[87]) Орелли, 2322: *cum suis hostiis et apparamentis omnibus*.

монія не могла повторяться ежедневно: она совершалась только въ важныхъ случаяхъ. Обыкновенно ея требовала сама богиня посредствомъ сновидѣній и оракуловъ [88]). Въ Ліонѣ она совершается два раза вслѣдствіе предсказаній архигалла Пузонія Юліана [89]). Въ день своего совершенія она привлекала большое стеченіе народа; особенно много являлось жрецовъ. Во время тавробола, совершоннаго въ Діи въ 245 году, они пришли изъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ [90]). Понятно, что духовенство Матери боговъ съ своими жрецами обоихъ половъ, съ своими флейтщиками и всѣхъ разрядовъ барабанщиками, необходимо должно было присутствовать при ней; но кромѣ того сюда приходили еще авгуры, гаруспиціи и жрецы другихъ божествъ. Тутъ присутствовали также должностныя лица, потому что при совершеніи ея молились за здоровье императора и за процвѣтаніе того города, гдѣ происходилъ тавроболъ. Праздникъ продолжался иногда нѣсколько дней [91]). Церемоніи были многочисленны и сложны. Одна изъ нихъ, смѣшанная, вѣроятно, съ посвященіями и таинственными обрядами, происходила среди ночи [92]). Главнѣйшая же, давшая самое названіе тавроболу, состояла въ принесеніи въ жертву быка и была въ поразительныхъ чертахъ описана поэтомъ Пруденціемъ [93]). Онъ разсказываетъ, что сначала вырываютъ яму и прикрываютъ ее досками, плохо сколоченными и пробитыми множествомъ дырочекъ. Въ яму заставляютъ сойти предлагающаго тавроболъ и желающаго очиститься; онъ спускается туда, одѣтый въ шелковую тогу, съ головою, украшенною множествомъ лентъ и золотою короною. Затѣмъ жертвоприносители убиваютъ звѣря, и кровь, вытекающая струею изъ его раны, разливается по помосту. «Черезъ многочисленныя отверстія досокъ проникаетъ кровавая роса. Вѣрующій

---

88) *Inscr. Neap.*, 2602: imperio deae (по повелѣнію богини). Орелли, 6033: *jussu ipsius*. (По ея приказанію).

89) Буассье, *Inscr de Lyon*, стр. 24 и сл.

90) Орелли 2332.

91) Иногда пять дней, иногда четыре или три. *Inscr. de Lyon.*, стр. 33 и 36.

92) *Mesonyctium. Insc. de Lyon*, стр. 24. Въ одной аѳинской надписи (*Philologus*, 2-е дополненіе, 1863 г., стр. 588) тавроболъ называется τελετή (посвященіе въ таинство). Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ мистеріяхъ, есть скрытые символы συνθήματα κρυπτά (тайные условные знаки). Не одинъ ли это изъ тѣхъ символовъ, которые хотѣлъ узнать Геліогабалъ, празднуя тавроболъ: *Taurobaliatus est, ut typum eriperet?* Лампридъ, *Heliogab.*, 7.

93) Пруденц., *Perist.*, X, 1011.

принимаетъ ее съ благоговѣніемъ, подставляя голову подъ падающія капли и принимая ихъ на свою одежду и тѣло, которыя орошаются ими. Онъ перегибается назадъ для того, чтобы кровь оросила ему щеки, руки, уши и глаза; онъ даже открываетъ ротъ и жадно пьетъ ее». Затѣмъ онъ выходитъ изъ ямы въ «ужасномъ видѣ», и всѣ устремляются къ нему. Его привѣтствуютъ, бросаются ему въ ноги, поклоняются ему: онъ очистился отъ грѣховъ и «возродился для вѣчности [94])». Подобное зрѣлище должно было поражать толпу; иногда оно дѣлалось еще величественнѣе, благодаря числу желавшихъ очиститься вмѣстѣ. 10 числа декабрскихъ идъ 241 года декуріоны города Лектуры принесли тавроболъ «за спасеніе императора Гордіана, его жены и всего императорскаго дома и за процвѣтаніе ихъ города». Въ то же время и на томъ же мѣстѣ одинъ мущина и семь женщинъ этого города приносили особенныя жертвы, доставивъ нужныхъ для этого животныхъ [95]). Одинъ и тотъ же жрецъ произнесъ для нихъ всѣхъ формулу и направился къ церемоніи. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на воображеніе присутствовавшихъ столько жертвъ разомъ. Праздникъ продолжался и послѣ закланія жертвъ. Собирали дѣтородные органы (*vires*) принесенныхъ въ жертву быковъ и съ великимъ торжествомъ переносили ихъ въ другое мѣсто. Это служило поводомъ къ одной изъ тѣхъ великолѣпныхъ процессій, которыя такъ нравились этимъ религіямъ. Затѣмъ воздвигали памятникъ, называемый «алтаремъ или камнемъ тавробола», украшали его *букранами*, то-есть барельефами, изображавшими головы быковъ, которыя были переплетены цвѣточными гирляндами, и посвященіе памятника служило поводомъ къ новымъ праздествамъ. Таковы были церемоніи тавробола и кровавое крещеніе, которое язычество хотѣло противопоставить разомъ, и христіанскому крещенію, очищающему тѣхъ, кто его принимаетъ, и

---

[94]) Орелли, 2352: *in aeternum renatus*. Эта формула, появляющаяся только въ послѣднее время, представляется сначала заимствованною у христіанства; но она находится уже у Апулея., *Metam*, XI, 21. Въ другихъ случаяхъ думали, что дѣйствіе тавробола продолжается только двадцать лѣтъ. По истеченіи этого времени его надо было возобновлять. (Орелли, 2335).

[95]) О лектурскихъ тавроболахъ см. въ *Mémoires des antiquaires de France*, 1837, новая серія, т. III. Здѣсь положительно видно, что всѣ эти тавроболы были совершены заразъ. Это ясно также изъ слѣдующей формулы, употребленной два раза: *Viator Sabini fil. vires tauri quo proprie per tauropolium pub(lice) fac(tum) fecerat consacravit.*

чудесному дѣйствію крови Іисуса Христа, пролитой за людей и возродившей человѣчество [96]).

Независимо отъ величественныхъ зрѣлищъ, даваемыхъ народу новыми религіями, и отъ торжественныхъ покаяній и очищеній, успокоивавшихъ встревоженныя совѣсти, онѣ имѣли еще другія средства пріобрѣсти силу. Почти всѣ онѣ опирались на могущественныя корпораціи, сгруппированныя вокругъ храмовъ и своимъ постояннымъ присутствіемъ придававшія особенный блескъ церемоніямъ. Египетскіе культы имѣли корпорацію *пастофоровъ*, проникнувшую въ Римъ при Силлѣ, *изіаковъ* и *анубіаковъ*. Корпорація изіаковъ, весьма распространенная и популярная въ имперіи, отличалась особенной одеждою; служитель Изиды, говорятъ намъ, гордится своею бритою головою, и льняною туникою, въ которой онъ желаетъ быть похороненъ послѣ своей смерти [97]). У Матери боговъ, кромѣ ея обычной свиты каженныхъ жрецовъ, — были еще конгрегаціи набожныхъ людей, называемыхъ *дендрофорами*, *пляшущими товарищами Цибелы* (*sodales ballatores Cybelae*) и *благочестивыми поклонниками великой Матери* (*religiosi magnae Matris* [98]); поклонники Беллоны назывались *посѣтителями храма* (*fanatici*). Всѣ эти культы, будучи новы, не могли имѣть на своей сторонѣ преданій и обычая, оказывающихъ такую силу въ вѣрованіяхъ; потому-то они сознавали необходимость заручиться преданными и набожными послѣдователями, готовыми на всѣ жертвы. Чтобы привлечь ихъ къ себѣ, они употребляли обыкновенно одно дѣйствительное средство, а именно, — дѣлали ихъ служителями своего бога съ помощью особыхъ посвященій. Почти всѣ эти религіи обладали мистеріями, то-есть кромѣ публичныхъ церемоній совершали еще таинственные обряды, къ которымъ до-

---

[96]) Чтобы понять, какъ глубоко это притязаніе оскорбляло христіанъ, достаточно взглянуть, какъ энергично опровергалъ его Фирмикъ Матернъ (*De errore profanar. rel.*, XXXVII, 8) *Polluit sanguis iste, non redimit, et per varios casus homines premit in mortem. Miseri sunt qui profusione sacrilegi sanguinis cruentantur etc.* (Та кровь сквернитъ, а не очищаетъ и путемъ бѣдствій ведетъ людей къ смерти. Несчастны тѣ, которые обагряютъ себя пролитіемъ богохульной крови).

[97]) Плут., *De Is. et Os.*, стр. 352.

[98]) Слово *religiosus* имѣетъ здѣсь смыслъ, принятый имъ въ христіанствѣ: оно означаетъ людей, отличающихся отъ другихъ набожными поступками. Въ томъ же смыслѣ употребляетъ его Апулей (*Met.* XI, 16): *Tum omnes populi tam religiosi quam profani.* (Тогда всѣ народы, какъ посвященные въ тайны религіи, такъ и непосвященные).

пускали на особенныхъ условіяхъ и послѣ цѣлаго ряда испытаній. Кому неизвѣстны мистеріи Митры, пріобрѣвшія такое важное значеніе къ концу язычества; но онѣ были также въ культѣ Беллоны и Матери боговъ [99]). Въ египетскихъ культахъ видимъ цѣлый рядъ постепенныхъ посвященій; чтобы сдѣлаться *пастофоромъ*, надлежало быть посвященнымъ въ мистеріи Изиды и Озириса.

Въ своихъ *Метаморфозахъ* Апулей изображаетъ очень любопытныя подробности мистерій Изиды; это самый обстоятельный разсказъ объ этихъ таинственныхъ церемоніяхъ, оставленный намъ древностью. Онъ передаетъ, какъ его герой, Люцій, бывшій предметомъ особеннаго благоволенія богини, сгараетъ желаніемъ посвятить себя ея служенію; онъ поселяется въ ея храмѣ, не отходитъ отъ жрецовъ и принимаетъ участіе во всѣхъ религіозныхъ упражненіяхъ; онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ особаго откровенія, которое показало бы ему, что онъ можетъ быть посвященъ. Когда, наконецъ, наступаетъ должное время, жрецъ, окруженный вѣрующими, ведетъ его въ ближайшія бани и, помолившись богамъ, обливаетъ его со всѣхъ сторонъ водою [100]); эту церемонію Отцы Церкви сближали иногда съ крещеніемъ. Затѣмъ онъ снова приводитъ его въ храмъ; «онъ дастъ ему втайнѣ нѣсколько наставленій, которыя не могутъ быть воспроизведены словами [101])», и предписываетъ ему строгое воздержаніе. Впродолженіе десяти дней онъ не долженъ ни пить вина, ни ѣсть мяса какого бы то ни было животнаго. Только послѣ подобной подготовки онъ можетъ быть допущенъ къ мистеріямъ. Посвященіе произошло ночью. Жрецъ, приказавъ выйти всѣмъ непосвященнымъ, покрываетъ Люція ненадеванною имъ льняною одеждою и, взявъ за руку, отводитъ въ самое отдаленное мѣсто святилища. «Вы спросите меня, любознательный читатель, говоритъ авторъ, который въ то же время и есть герой приключенія, что было сказано, и что затѣмъ послѣдовало. Я сказалъ бы, еслибы могъ это сдѣлать; вы узнали бы это, еслибы вамъ было дозволено это слышать; но здѣсь, ни языкъ не можетъ говорить, ни ухо не можетъ слышать безъ грѣха. Тѣмъ не менѣе я не хочу оставить безо всякаго удовлетворенія любопытство, имѣющее религіозную причину. Итакъ, слушайте, что со мною было, и вѣрьте истинѣ того, что я скажу вамъ. Я приблизился къ гра-

---

99) *Firm. Mat.*, *De errore prof. rel.*, XVIII, 2.
100) Апул., *Metam.*, XI, 23.
101) XI, 23: *secreto mandatis quibusdam quae voce meliora sunt.*

ницамъ смерти; переступивъ порогъ царства Прозерпины и пройдя черезъ всѣ стихіи, я вернулся назадъ. Среди ночи я увидалъ солнце, блиставшее яркимъ свѣтомъ; я приближался къ богамъ неба и земли; я увидѣлъ ихъ въ лицо и поклонился имъ вблизи. Я все сказалъ, и хотя вы слышали мои слова, надо, чтобы вы не знали ихъ».

Эти загадочныя слова, быть можетъ, яснѣе всего, что намъ было сказано о мистеріяхъ. Сравнивая прочія неясныя нескромности, совершонныя древними писателями, можно видѣть сущность секретовъ, открывавшихся посвященнымъ, и способъ, какимъ ихъ передавали имъ. По этому поводу наука дѣлала всевозможныя ошибки; она поочередно, то слишкомъ много приписывала мистеріямъ, то въ слишкомъ многомъ отказывала имъ. Въ настоящее время она отступилась отъ всѣхъ крайностей и прилагаетъ къ нимъ болѣе вѣрную мѣрку. Теперь нельзя уже предполагать, подобно Лобеку, что это были простыя представленія, неимѣвшія ни значенія, ни послѣдствій, интересовавшія публику лишь потому, что они показывались ей подъ секретомъ, и о которыхъ много толковали именно потому, что о нихъ запрещено было говорить. Еще менѣе можно утверждать, какъ это часто дѣлали, будто мистеріи заключали въ себѣ полное ученіе, откуда развилась впослѣдствіи нравственная философія и монотеистическая теологія. Правда, что изустное обученіе не было изгнано оттуда вполнѣ, такъ какъ, по словамъ Платона, тамъ учили, «что жизнь есть извѣстное мѣсто, назначенное намъ богами, и которое запрещено покидать безъ дозволенія [102])». Оно могло состоять особенно въ бесѣдахъ между посвященнымъ и жрецомъ, упоминаемыхъ Апулеемъ, гдѣ произносились рѣчи, «которыя не могли быть воспроизведены словами». Но, благодаря Отцамъ Церкви, мы знаемъ, что составляло обыкновенную тему этихъ, такъ называемыхъ «священныхъ бесѣдъ»: онѣ состояли преимущественно изъ разсказовъ о чудесныхъ приключеніяхъ, случившихся съ богами [103]). Очень вѣроятно, что здѣсь разсказывали не тѣ легенды, которыя повторялись всюду; тогда не было бы необходимости запираться ночью въ тайныхъ святилищахъ и секретно передавать то, что было всѣмъ извѣстно. То, что разсказывалось во время мистерій, было менѣе извѣстно и болѣе

---

[102]) Плат., *Phedon*, стр. 62.
[103]) Арноб., V, 23.

странно [104]). Но, несмотря на странность повѣствованій, никто не бралъ на себя труда объяснять ихъ. Плутархъ положительно говоритъ, «что къ нимъ не прибавляли никакихъ комментаріевъ и не давали никакихъ объясненій [105])». Слѣдовательно, посвященные не выносили изъ этой церемоніи ни опредѣленнаго ученія, ни точныхъ свѣдѣній. Аристотель утверждаетъ, что все дѣйствіе мистерій состоитъ въ томъ, что онѣ производятъ извѣстнаго рода впечатлѣніе и настроиваютъ душу на извѣстный ладъ [106]); эти впечатлѣнія были слѣдствіемъ величественныхъ зрѣлищъ, представлявшихся посвященнымъ. Вышеприведенныя слова Апулея, несмотря на преднамѣренное умалчиваніе, не оставляютъ въ этомъ не малѣйшаго сомнѣнія. Посвященіе было дѣйствительно мистическая драма, какъ ее называетъ одинъ Отецъ Церкви [107]), во время его скорѣе разыгрывались, нежели разсказывались священныя легенды. Являлись самые боги, представляемые своими жрецами; они приходили при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ, при пѣніи гимновъ, при свѣтѣ тысячи факеловъ, блескъ которыхъ заставлялъ думать посвященнаго, «будто онъ видитъ блескъ солнца среди ночи». Человѣку, потрясенному этими переходами отъ безмолвія къ шуму и отъ мрака къ свѣту, легко производящими иллюзію, казалось, что онъ видитъ боговъ и говоритъ съ ними. Во всѣхъ этихъ зрѣлищахъ дѣло шло прежде всего о загадкахъ относительно будущей жизни, представлявшихся въ то время всѣмъ умамъ и смущавшихъ самые рѣшительные изъ нихъ. «Казалось подчасъ, говоритъ намъ Апулей, что ставишь ногу на порогъ царства Прозерпины». Это продолженіе жизни, это загробное существованіе, относительно которыхъ было такъ трудно согласиться философамъ, не только объяснялись, но даже показывались въ мистеріяхъ. Послѣ этихъ величественныхъ зрѣлищъ уходили, не просто убѣдившись, вслѣдствіе неопровержимыхъ доказательствъ, въ дѣйствительности ада, въ наказаніи грѣшниковъ, въ вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ, но въ такомъ состояніи духа, которое не позволяло сомнѣваться во всемъ этомъ. Слѣдовательно, все, что намъ извѣстно о мистеріяхъ, подтверждаетъ слова Аристотеля: онѣ

---

[104]) Св. Климентъ Александрійскій извлекъ изъ нихъ легенды, разсказываемыя имъ въ его *Cohortatio ad gentes*, а Арнобій тѣ, которыя находятся въ его 5-й книгѣ.

[105]) Плутархъ, *De defect. orac.*, стр. 422.

[106]) Синезій, *Orat.*, стр. 48.

[107]) Св. Климентъ Александрійскій, *Protrept.*, стр. 12.

производили только извѣстныя впечатлѣнія, и я прибавлю къ этому, что онѣ не могли производить ничего инаго. Такъ какъ древнія религіи не имѣли ни опредѣленныхъ вѣрованій, ни точныхъ догматовъ, въ нихъ невозможно было никакое религіозное и догматическое преподаваніе. Отличительнымъ характеромъ ихъ была полная субъективность. Каждый думалъ о богахъ, что ему было угодно, и толковалъ по своему легенды о нихъ. Самый набожный былъ тотъ, кто видѣлъ въ нихъ нѣчто бо́льшее, съ помощью своего воображенія, и потому болѣе удовлетворялся ими. Мистеріи дѣйствовали именно въ этомъ смыслѣ; возбуждая воображеніе разсказами и зрѣлищами, онѣ дѣлали его болѣе способнымъ дальше проникать въ миѳы и придавать имъ болѣе глубокій смыслъ. Эта работа была до такой степени индивидуальна, что «каждый, говоритъ Макробій, долженъ былъ беречь про себя свое объясненіе и не сообщать его другимъ [108])».

Итакъ, посвященный пользовался мистеріями по мѣрѣ своего воображенія и религіозной чувствительности; но несомнѣнно то, что на всѣхъ онѣ производили глубокое впечатлѣніе. По окончаніи церемоніи посвященнымъ надѣвали на голову вѣнецъ изъ лучей, давали въ руки зажженный свѣтильникъ и въ такомъ видѣ выставляли ихъ на восхищеніе толпы [109]). Тотъ, кто бесѣдовалъ съ богами и былъ свидѣтелемъ чудесъ иной жизни, былъ самъ чуть ли не богъ. Онъ какъ будто избѣгнулъ своей смертной природы; посвященіе было для него какъ бы добровольной смертью и воскресеніемъ; онъ умиралъ для своего прошедшаго и возрождался для новой жизни [110]). «Для него, говоритъ поэтъ, вставало какое-то новое солнце [111])». Подобныя впечатлѣнія могли быть скоропреходящими для легкомысленной души, но религіозная душа хранила ихъ вѣчно. Апулей говоритъ, что послѣ своего посвященія онъ не могъ взглянуть на статую Изиды, не ощутивъ невыразимаго блаженства [112]). Всѣ свои чувства онъ выразилъ въ полной благоговѣнія молитвѣ, въ которой слышится подчасъ какъ бы христіанскій уже тонъ. «Святая богиня, говоритъ онъ ей, ты, охраняющая родъ человѣческій

---

108) *Sat.*, I, 7, 18: *Si quis illas adsequitur continere intra conscientiam tectas jubetur.*

109) Апул., *Metam.*, XI, 24.

110) Апул., *Metam.*, XI, 21.

111) Валер. Флаккъ (*Argon.*, II, 441), говоря о только что посвященныхъ аргонавтахъ, прибавляетъ: *Illi sole novo laeti plenique deorum.*

112) XI, 24.

и осыпающая смертныхъ своими благодѣяніями, у тебя для несчастныхъ сердце нѣжной матери. Не проходитъ ни дня, ни часа, чтобы ты не оказала намъ какой-нибудь милости и, среди бурь житейскихъ, не протянула намъ руки. Тебя почитаютъ на небѣ и на землѣ; ты двигаешь вселенной, даешь свѣтъ солнцу, управляешь міромъ, попираешь ногами Тартаръ. Птицы, летающія въ небѣ, дикіе звѣри, бродящіе въ горахъ, пресмыкающіяся, ползающія по землѣ, чудовища, плавающія въ морѣ, всѣ дрожатъ передъ тобою. Умъ мой слишкомъ бѣденъ, чтобы достойно воспѣвать тебѣ хвалу. Средства мои слишкомъ ничтожны, чтобы приносить тебѣ достойныя жертвы. Голосъ мой не довольно могучъ, чтобы я могъ сказать, что я думаю о твоемъ величіи, и ни одной человѣческой рѣчи, будь она даже неутомима, не было бы для этого достаточно. Все, что можетъ сдѣлать такой бѣдный вѣрующій, какъ я, это хранить твои черты запечатлѣнными въ глубинѣ своей души и постоянно представлять въ своемъ сердцѣ образъ твоего божества [113])». Таковы чувства новопосвященнаго; впослѣдствіи эти неясныя, загадочныя формулы, повторявшіяся въ память посвященія, и символы, придуманные для того, чтобы посвященные помнили о данныхъ ими клятвахъ и видѣнныхъ зрѣлищахъ, приводили ихъ въ какое-то восторженное состояніе. По мнѣнію Діодора, они дѣлались справедливѣе и лучше во всѣхъ отношеніяхъ [114]). Вѣрно то, что съ этихъ поръ они становились счастливѣе, будучи убѣждены, что послѣ смерти получатъ себѣ мѣсто въ блаженныхъ жилищахъ, видѣнныхъ ими отчасти во время празднованія мистерій, и «дѣйствительно проведутъ вѣчность съ богами». Главнымъ образомъ, они становились благочестивѣе, набожнѣе и преданнѣе сердцемъ, тѣмъ божествамъ, которыя оказали имъ такія великія милости и давали такія прекрасныя обѣщанія въ будущемъ. Если справедливо предположить, что всѣ новыя религіи, утвердившіяся въ Римѣ къ концу республики и въ первые вѣка имперіи, имѣли слѣдствіемъ и цѣлью возбудить общественную набожность, то надо сознаться, что мистеріи были однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для достиженія этой цѣли.

---

113) Апулей, XI, 25.
114) V, 48.

IV.

Популярность чужеземныхъ культовъ во время имперіи. — Причины, почему они были хорошо приняты.—Легкость соглашенія ихъ между собою.— Ихъ предупредительность относительно римской религіи.—Что было въ сущности общаго между римскою религіей и чужеземными культами. — Посредствующіе культы, служившіе къ ихъ соединенію.—Какимъ образомъ чужеземные культы, проникнувъ въ римскую религію, измѣнили ее.—Измѣненія, испытанныя ими самими въ Римѣ.—Союзъ всѣхъ религій во второмъ вѣкѣ.— Только іудейство и христіанство добровольно остаются внѣ этого союза.

Потому именно, что всѣ эти религіи старались внушить страстную набожность, многіе здравые умы принимали ихъ весьма неохотно. Мы уже видѣли, что римскіе государственные люди опасались избытка религіознаго чувства. Для того, чтобы понравиться имъ, благочестіе должно было быть спокойно и важно, и установлено закономъ; тщательно выполняя всѣ внѣшніе обряды, оно должно было остерегаться всякаго преувеличенія. Юрисконсультъ Павелъ вѣрно выражаетъ ихъ мысль, говоря, что надо избѣгать культовъ, «смущающихъ души людскія [115])». Въ своей прекрасной поэмѣ объ Аттисѣ Катуллъ описываетъ отчаянье, овладѣвающее жрецомъ Цибелы, когда его покидаетъ божественное вдохновеніе, и когда онъ, придя въ себя, вспоминаетъ, что покинулъ свою страну и отправился жить «на крутыя вершины Иды, гдѣ бродятъ дикая лань и свирѣпый кабанъ». Видно, что онъ противъ воли уступаетъ овладѣвающему имъ восторгу, и поэтъ искренно сожалѣетъ, что долженъ испытывать его. Этотъ восторгъ гораздо болѣе пугаетъ его, нежели привлекаетъ, и онъ отъ всего сердца молитъ Цибелу избавить его отъ него: «Богиня, могущественная богиня, царица Диндима, ахъ! избавь мою кровлю отъ внушаемаго тобою бѣшенства! Пусть твои восторги и головокруженія падутъ на другую жертву [116])!»

Чувства, выражаемыя Катулломъ, были чувствами всѣхъ разумныхъ римлянъ временъ республики; они питали какое-то отвращеніе къ шумнымъ и безпорядочнымъ торжествамъ, составлявшимъ принадлежность культовъ Востока, и понимали всю опасность ихъ. Потому, принимая фригійскую богиню, они позаботились удержать и

---

[115]) Пав., *Sent.*, V, 21, 2: *ex quibus animi hominum moveantur.*
[116]) Катуллъ, 63, 118.

ограничить до извѣстной степени ея культъ: жрецами ея могли быть одни чужеземцы [117]), и римскимъ гражданамъ было запрещено смѣшиваться съ толпою ея служителей, когда тѣ въ праздничные дни проходили по городу, распѣвая греческіе гимны и собирая милостыню. Эти предосторожности, принимавшіяся противъ чрезмѣрной общественной набожности, соблюдались еще во времена Августа и составляли предметъ восхищенія для Діонисія Галикарнасскаго [118]); но онѣ не пережили этого государя. Повинуясь своимъ началамъ и законамъ, имперія предоставила понемногу свободно развиваться чужеземнымъ культамъ, которые отвѣчали новымъ потребностямъ. Долгое время сдерживаемые или запрещаемые, они получили, наконецъ, полное дозволеніе отправлять, какъ угодно, свои церемоніи. Съ этихъ поръ они не затруднялись изображать среди Рима такія сцены, гдѣ религіозное чувство возбуждалось иногда до состоянія бреда. То пробѣгали по улицамъ изіаки съ бритыми головами, покрытые льняными туниками и таща на плечахъ своихъ боговъ; то жрецы Беллоны въ своихъ большихъ черныхъ одеждахъ и длинношерстныхъ мѣховыхъ шапкахъ вонзали себѣ въ руки небольшіе, обоюдуострые ножи и, всѣ въ крови, съ растрепанными волосами, изрекали оракулы, потрясая головами, или предавались бѣшеной пляскѣ, подобно нынѣшнимъ турецкимъ или персидскимъ дервишамъ. Рядомъ съ ними жрецы Матери боговъ, съ нарумяненнымъ лицомъ, съ блестящими отъ благовоній волосами, разсѣкали себѣ тѣло бичами изъ переплетенныхъ тоненькихъ костей; затѣмъ, переходя отъ порыва печали къ порывамъ будущаго веселья, они шумной и странной процессіей несли свою богиню купаться въ рѣкѣ Альмонѣ. Такія странныя зрѣлища могли заставить улыбнуться невѣрующаго, они могли казаться подозрительными государственному человѣку, но зато они глубоко потрясали душу людей вѣрующихъ. Эти быстрыя перемѣны, эти внезапные переходы отъ печали къ радости, пролитая кровь, страшное изувѣчиванье среди праздничнаго пѣнія, все это глубоко потрясало его и, припадая самъ къ колѣнамъ этихъ страшныхъ или прелестныхъ божествъ, онъ не могъ удержаться, чтобъ не призывать ихъ съ бо́льшимъ восторгомъ и бо́льшею страстью, нежели мудрую Авентинскую Минерву или спокойнаго и важнаго Юпитера Капитолійскаго.

---

117) Эти жрецы не пользовались большимъ уваженіемъ; см. по этому поводу анекдотъ, разсказанный Валеріемъ Максимомъ, VII, 7, 6.

118) *Ant. rom.*, II, 19.

Къ числу причинъ, способствовавшихъ чужеземнымъ культамъ такъ легко утвердиться въ Римѣ во времена имперіи, слѣдуетъ прежде всего отнести ихъ готовность согласоваться между собою и приспособиться впослѣдствіи къ римской религіи. Это слѣдуетъ даже поставить имъ въ заслугу, такъ какъ, судя по самому свойству ихъ и притязаніямъ, можно было предполагать, что онѣ будутъ дѣйствовать иначе. Уже самыя усилія каждой изъ нихъ воспламенить въ свою пользу общественную набожность легко могли привести ихъ къ нетерпимости. Восторгаясь, благочестіе дѣлается обыкновенно исключительнымъ, и, страстно вѣруя въ могущество какого-нибудь божества, пожалуй незамѣтно начнешь презирать всѣ другія. Дѣйствительно, мы видимъ, что каждая изъ этихъ религій стремится увеличить значеніе своего собственнаго божества; но сдѣлать это она могла только насчетъ боговъ своихъ сосѣдей. Приверженцы Митры говорили, что онъ всемогущъ, и такимъ образомъ давали ему преобладаніе надъ всѣми другими, предназначенное только владыкѣ неба, древнему Юпитеру, бывшему до тѣхъ поръ неоспоримымъ господиномъ Олимпа [119]). Поклонники Изиды не довольствуются тѣмъ, что ставятъ ее выше всѣхъ; въ своихъ молитвахъ они утверждаютъ, что кромѣ ея никого нѣтъ, и что она все [120]). Ея мистеріи называются просто *sacra* (*священныя*), что заставляетъ предполагать ихъ единственно истинными мистеріями [121]). Обращаясь къ ней, ее называютъ *наша госпожа*, *domina*, госпожа по преимуществу, которой нѣтъ надобности называться иначе для того, чтобы быть признанной за таковую [122]). Правда, что въ другомъ мѣстѣ Цибела получаетъ то же самое имя, и поклонники ея принимаютъ названіе *religiosi* [123]),

---

119) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 2481.

120) Орелли, 1871: *Una quae es omnia, dea Isis.* (Ты, которая одна составляешь все, богиня Изида).

121) Орелли, 6027, 6030, и Апулей, *Met.* XI, 23: *turbae sacrorum.*

122) Орелли, 5835 и *Corp. Inscr. lat.*, II, 33 и 981. См. также Апулея, *Met.*, XI, 21: *jubente domina.* (По приказанію госпожи).

123) Орелли, 2338, 2339 и особенно Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 2556: *Ager religiosorum.* Надо замѣтить, что слово *religio* начинаетъ принимать нѣсколько новый смыслъ. Г. Росси справедливо замѣчаетъ, что только христіанинъ можетъ сказать: *Religio mea*, потому что у него одного вполнѣ опредѣленная и отличная отъ другихъ религія; вотъ почему онъ не колеблется причислить къ христіанскимъ надписямъ такую, гдѣ одно лицо объявляетъ, что оно согласно принять въ свою могилу лишь тѣхъ, «кто принадлежитъ къ его религіи»: *Qui sint ad religionem pertinentes meam* (*Bull.*

какъ будто культъ ея есть вправду апогей и итогъ всей религіи. Казалось бы, что, дойдя до этой точки, всѣ боги должны были неизбѣжно начать бороться между собою, стараясь уничтожить одинъ другаго. Очень можетъ быть, что они старались иногда перещеголять другъ друга вліяніемъ, если только это стоило труда. Въ домѣ той богатой богомолки, куда Ювеналъ вводитъ заразъ архигалла Цибелы, жрецовъ Изиды и Беллоны, армянскихъ гаруспиціевъ и халдейскихъ волхвовъ, привлекаемыхъ надеждою на богатую поживу, каждому, вѣроятно, хотѣлось наговорить недоброе про своихъ соперниковъ, чтобы получить лучшую часть. Можно, однако, утвердительно сказать, что если подобная борьба и существовала, то она не была серьёзна и не часто повторялась. Вообще принципъ объединенія и взаимнаго соглашенія, служащій основаніемъ политеизма, взялъ верхъ. Вражда никогда не проявлялась открыто между жрецами этихъ различныхъ культовъ; Римъ никогда не бывалъ свидѣтелемъ такихъ зрѣлищъ, какія давали иногда различныя христіанскія секты странамъ крайняго Востока, гдѣ онѣ были, повидимому, болѣе заняты тѣмъ, чтобы побѣдить одна другую, нежели тѣмъ, чтобы сопротивляться общему врагу. Напротивъ того, у насъ много доказательствъ, что соглашеніе между этими религіями произошло безъ особеннаго труда. Такъ, напримѣръ, изъ надписей мы видимъ, что чтители Сераписа служили также Беллонѣ безъ всякихъ душевныхъ колебаній [124]); случалось, что жрецы Изиды были въ то же время жрецами Цибелы [125]), и однажды даже обѣимъ богинямъ воздвигнули одинъ общій храмъ [126]). Обряды, съ помощію которыхъ какому-нибудь изъ этихъ культовъ удавалось возбудить въ народѣ благочестіе, охотно перенимались другими культами, при чемъ подобное подражаніе не возбуждало между ними никакой зависти. Во времена Цицерона однимъ галламъ было позволено собирать милостыню на улицахъ Рима; это была ихъ монополія. Между тѣмъ извѣстно, что къ концу республики изіаки также собирали милостыню [127]). Апулей описалъ странную процессію, предшествовавшую весною

---

d'arch. chr. 1865 № 12). Между тѣмъ, подъ вліяніемъ изучаемаго нами религіознаго движенія, язычники употребляли иногда то же самое выраженіе. У Апулея (*Met*, XI, 25) говорится: *Te jam nunc obsequio religionis nostrae dedica.* (Ты ужь посвяти себя служенію нашей религіи).

[124]) Орелли, 2316.

[125]) Орелли, 6666; Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 1090.

[126]) Грутеръ, 27, 2.

праздникамъ Изиды; это былъ совершенный карнавалъ; во время его люди одѣвались въ самыя странныя платья, и происходили самыя разнообразныя зрѣлища. Описавъ людей, переряженныхъ солдатами, женщинами, гладіаторами, сановниками, философами, онъ прибавляетъ: «Я видѣлъ медвѣдя наряженнаго въ матрону, его несли на носилкахъ; обезьяну въ соломенной шляпѣ и фригійской туникѣ, державшую золотую чашу и изображавшую пастуха Париса; осла, покрытаго перьями и шедшаго впереди дряхлаго старика: одинъ изображалъ Беллерофона, другой—Пегаса [128]». Геродіанъ разсказываетъ то же самое о праздникахъ Цибелы, происходившихъ также весною. «Тогда, говоритъ онъ, каждый воленъ дѣлать всевозможныя глупости и дурачества, какія только придутъ ему въ голову. Каждый наряжается во что вздумаетъ; нѣтъ ни одного столь важнаго и строгаго лица, которому нельзя было бы подражать во внѣшнемъ видѣ и въ одеждѣ [129])». Жрецы Беллоны пріобрѣли значеніе съ помощью тѣхъ страшныхъ мученій, которымъ они себя подвергали; жрецы Цибелы прибѣгли къ тому же средству, чтобы привлечь публику на свои церемоніи: 9 числа передъ апрѣльскими календами, въ такъ-называемый кровавый день архигаллъ разсѣкалъ себѣ руки ударами ножа и пилъ кровь, лившуюся изъ раны [130]). Такъ какъ это зрѣлище производило сильное вліяніе на толпу, то поклонники Сирійской богини также употребляли его, когда желали тронуть набожныя сердца и наполнить мѣшки, куда они, по словамъ Апулея, клали произведенія своей промышленности [131]). Эти обоюдныя заимствованія, никѣмъ въ то время не оспориваемыя, въ концѣ концовъ сдѣлали культы почти совершенно сходными. Общественное мнѣніе никогда не противопоставляло ихъ одинъ другому, и сами они никогда не думали серьезно противорѣчить или вредить другъ другу.

Но имъ недостаточно было согласоваться между собою; прежде

---

127) Валер. Макс., VII, 3, 8.

128) Апулей, *Met.*, XI, 8.

129) Геродіанъ, I, 10.

130) Тертулл., *Apol.*, 25. Неизвѣстно, какой изъ этихъ культовъ служилъ образцомъ другимъ, и былъ ли даже подобный образецъ. Очень можетъ быть, что, такъ какъ основаніе у нихъ было сходное, то и внѣшніе обряды были одинаковы; важнѣе всего то, что обряды эти были всегда тожественны.

131) Апул., *Met.*, VIII, 38. Жрецы сирійской богини назывались иногда галлами, какъ и жрецы Цибелы (Лукіанъ, *De Dea Syr.*, 50). Овидій даетъ то же названіе жрецамъ Изиды (*Am.*, II, 13, 17). Это вполнѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что эти культы окончательно слились между собою.

всего имъ надлежало сообразоваться съ римскою религіей. Они очень хорошо знали, что судьба ихъ собственно въ ея рукахъ, и что безъ ея согласія имъ никогда не утвердиться въ Римѣ. Поэтому они очень остерегаются принимать передъ нею тотъ презрительный тонъ, который религіи такъ охотно принимаютъ передъ своими соперниками. Напротивъ того, они показывали величайшее уваженіе къ римскимъ богамъ, и это уваженіе было вообще искренно: вѣдь боги эти были очень могущественны, если могли дать народу поклонявшемуся имъ владычество надъ цѣлымъ міромъ. Слѣдовательно, о нихъ нельзя было легкомысленно говорить; полезнѣе было даже при случаѣ обращаться къ нимъ, и, вѣроятно, многіе разсуждали такъ же, какъ жрецъ Изиды, столь благоговѣйно обращающійся къ покровительствующимъ божествамъ Рима, «помощь которыхъ, по его словамъ, подчинила Римлянамъ всѣ царства земныя» [132]). Такая предупредительность принималась съ охотою. Римская религія съ давнихъ поръ привыкла къ сосѣдству другихъ религій, и между ними вскорѣ установился обмѣнъ взаимныхъ угожденій. Не только простые вѣрующіе, но даже и жрецы не задумывались обращаться къ богамъ чужихъ культовъ [133]), и самые боги, отнюдь не желая отнимать другъ у друга поклонниковъ, старались, повидимому, оказывать одинъ другому взаимную помощь. Въ одномъ африканскомъ городѣ, одинъ набожный человѣкъ, посвящая алтарь древнему Меркурію, не забываетъ сказать намъ, что въ этомъ случаѣ онъ исключительно повинуется велѣнію небесной богини Карѳагена [134]).

Вдобавокъ Римъ не имѣлъ никакой причины оказывать непреодолимое сопротивленіе религіямъ Востока. Съ перваго взгляда онѣ, конечно, вполнѣ противорѣчили его преданіямъ и обычаямъ. Но въ то же время между ними и римской религіей было очень много общаго. Не только основа вѣрованій была повсюду одинакова, но даже все то, что такъ сильно поражало насъ при изученіи этихъ новыхъ вѣрованій, встрѣчается, хотя и въ меньшей степени, въ религіи Рима. Извѣстно, напримѣръ, что въ ней было множество очищеній и покаяній. Земледѣлецъ не начиналъ никакой важной работы, не подвергнувъ предварительному очищенію своего

[132]) Грутеръ, 83, 15.

[133]) Орелли, 58, 38.

[134]) *Inscr. de l'Alg.*, 3301. Напротивъ того, въ одной дакійской надписи греческій богъ Эскулапъ приказываетъ соорудить памятникъ сирійскому богу Доларіи. *Corp. inscr. lat.*, III, 1614.

поля, быковъ и самого себя. Въ Римѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, нагіе Луперки очищаютъ Палатинъ и вмѣстѣ съ нимъ «стада людей, толпящіяся у подножія холма»[135]). То же самое было и съ мистеріями. Римляне не любили ихъ; они не любили этихъ собраній, гдѣ тайна была закономъ, и куда не могъ проникнуть взоръ должностныхъ лицъ. Такъ какъ въ нихъ часто смѣшивались лица обоихъ половъ, то они считали ихъ опасными для нравственности; еще опаснѣе казались онѣ имъ для общественнаго порядка, такъ какъ партіи легко могли замышлять тамъ заговоры. Опытъ, сдѣланный ими въ эпоху Вакханалій, не уничтожилъ ихъ предубѣжденій. Между тѣмъ въ Римѣ бывали мистеріи, но такого рода, что не могли внушить безпокойства даже самымъ подозрительнымъ умамъ. Къ числу ихъ относятся мистеріи Доброй Богини, куда входъ мущинамъ былъ строжайше воспрещенъ, происходившія у жены перваго сановника республики, какъ бы для того, чтобы не уклоняться совершенно отъ надзора власти. Слѣдовательно, справедливо будетъ предположить, что восточныя религіи и религія Рима отличаются другъ отъ друга скорѣе по своей силѣ, нежели по своей сущности. Новыя вѣрованія и обряды, стремившіеся проникнуть къ Римлянамъ, могли почти всегда найти подходящій для себя прецедентъ, иногда даже въ древнемъ культѣ, помогавшій имъ утвердиться тамъ безъ слишкомъ большаго шума.

Кромѣ того, между древней религіей и новыми было еще нѣсколько посредствующихъ культовъ, могшихъ облегчить между ними переходъ и, въ концѣ концовъ, соединить ихъ между собою; это были тѣ религіи, которыя Римъ уже съ давнихъ поръ заимствовалъ у чужеземцевъ, и которыхъ воспоминаніе объ ихъ происхожденіи дѣлало болѣе доступными для внѣшнихъ впечатлѣній, таковъ былъ культъ Цереры, сохранившій греческіе обряды, жрецы коего, по словамъ Цицерона, пріѣзжали изъ Неаполя и Веліи[136]); культъ Вакха, отвергнутый сначала съ такою энергіей, но затѣмъ прокравшійся понемногу въ Римъ и получившій отъ Цезаря нѣчто въ родѣ оффиціальнаго разрѣшенія[137]); таковъ, наконецъ, былъ культъ Доброй Богини, имѣвшій римское происхожденіе, но находившійся вполнѣ въ рукахъ женщинъ, вслѣдствіе чего онъ необходимо долженъ былъ испытать на себѣ ихъ страсть къ новизнѣ. По своему

---

135) Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 34.

136) *Pro Balbo*, 24.

137) Серв., *Buc.*, V, 29.

происхожденію и характеру эти различныя религіи легче всего могли подвергнуться вліянію восточныхъ религій, такъ какъ между ними было немало схожаго. Въ культѣ Цереры въ извѣстные дни налагался строгій постъ, въ память лишеній, испытанныхъ богинею во время ея поисковъ за дочерью [138]. Цѣломудріе было тамъ въ большой чести, и Тертулліанъ сообщаетъ намъ, что въ его время жрецы, приступая къ отправленію своихъ должностей, по собственной волѣ разставались съ своими мужьями [139]; извѣстно, что такіе благочестивые разводы сдѣлались очень часты въ христіанскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ. Культъ Доброй Богини съ давнихъ поръ принимаетъ въ деревняхъ характеръ суевѣрной и страстной набожности. Ее называютъ Госпожею *(Domina)*, такъ же какъ Цибелу или Изиду, святою, небесною, смѣшивая ее, можетъ быть, съ великою богинею Карѳагена. Ей приписывается очень разнообразная и обширная власть. Одинъ предприниматель общественныхъ работъ передѣлываетъ ея храмъ въ благодарность за то, что она помогла ему окончить прорытіе канала [140]; одинъ жреческій рабъ приноситъ ей въ жертву бѣлую кобылицу, «потому что послѣ десяти мѣсяцевъ страданій, когда онъ былъ покинутъ всѣми врачами, она дала ему лѣкарство, возвратившее ему зрѣніе, черезъ посредство жрицы Карніи Фортунаты» [141]. Вакхъ и безъ того былъ почти восточный богъ. Даже въ Италіи, гдѣ порядокъ поддерживался строгими законами, и у воротъ Рима въ честь его происходили безпорядочные праздники. Св. Августинъ съ негодованіемъ говоритъ о Вакханаліяхъ въ Ланувіумѣ, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ и подававшихъ поводъ ко всевозможнымъ глупостямъ [142]. Вскорѣ культъ его сдѣлался могущественнымъ центромъ посвященій и мистерій; жрецы его, подобно орфикамъ, у которыхъ они заимствовали мнѣнія [143], обѣщали очищать ду-

---

138) Плиній, отличающійся вообще большою нескромностью, сообщаетъ, что въ эти дни воздержанія набожные люди лакомились однимъ превосходнымъ постнымъ соусомъ, называемымъ *garum*, приготовлявшимся изъ рыбъ, неимѣвшихъ чешуи. *Hist. nat.*, XXXI, 8.

139) Тертул., *De monog.*, 17.

140) Орелли, 1523.

141) Орелли, 1518. Слѣдуетъ также замѣтить, что на памятникахъ, посвященныхъ Церерѣ и Доброй Богинѣ, упоминалось всегда имя посвящавшаго ихъ жреца. (Орелли, 1494 и 5725). Эта важность, придаваемая жрецу, какъ уже было сказано, составляла характеристическую черту религій Востока.

142) *De civ. Dei.*, VII, 21.

143) Макр., *Sat.*, VII, 16, 8.

ши [144]), и вѣрующіе, привлеченные этими обѣщаніями, образовывали вокругъ нихъ общества, неимѣвшія, кажется, однако никакой важности [145]). Вакхъ сдѣлался настоящимъ посредникомъ между культами Востока и римскимъ культомъ: въ надписяхъ мы встрѣчаемъ его то соединеннымъ съ Сильваномъ и Геркулесомъ, т. е. съ древнѣйшими римскими богами [146]), то принимающимъ поклоненіе вмѣстѣ съ Изидою и Сераписомъ [147]), или поставленнымъ на одинаковую степень съ Цибелою и Митрой [148]).

Таковы были льготы, съ помощью которыхъ эти новыя религіи проникали въ Римъ. Едва утвердившись въ немъ, онѣ сдѣлались очень могущественны, и сама національная религія не избѣгла ихъ вліянія. Очень интересно было бы точно знать свойства и размѣръ перемѣнъ, испытанныхъ ею вслѣдствіе этого соприкосновенія; къ несчастію, онѣ не всегда оставляли такіе слѣды, по которымъ ихъ можно было бы узнать. Римскіе боги остались до такой степени неопредѣленными, они такъ охотно поддаются всевозможнымъ измѣненіямъ, что послѣднія могутъ иногда произойти совершенно незамѣтно. Съ виду ни что не измѣнялось: богъ сохранялъ свое имя и свой внѣшній видъ, но понятіе о немъ уже не то, что было прежде, и оказывается, что подъ древнимъ названіемъ скрывается новый уже богъ. Дѣйствительно, обращаясь къ Либеру, молятся Савасію, а обращаясь къ Діанѣ или Венерѣ, часто вспоминаютъ о сирійской Астартѣ или о *Небесной богинѣ* Карѳагена. Не смотря на всю свою важность, эти измѣненія легко могутъ ускользнуть отъ насъ, если мы станемъ читать на памятникахъ только имя призываемаго божества; но при нихъ часто встрѣчаются выдающіе ихъ эпитеты; простаго названія, даннаго этимъ древнимъ божествамъ, достаточно для того, чтобы мы поняли принятый ими новый характеръ. Эти легкія указанія позволяютъ намъ видѣть глубокія перемѣны, происшедшія въ то время въ древней религіи. Они коснулись даже наиболѣе уважаемыхъ боговъ. Юнона отожествлялась иногда съ Изидою, и нерѣдко случалось, что

---

144) Серв., *Georg.*, I, 166: *Sacra Liberi ad purgationem animae pertinebant.* (Культъ Вакха имѣетъ въ виду очищеніе души).

145) Объ этихъ *thiasi* или *spirae* см. *Inscr. Neap.*, 2477, 1479 и Орелли 1491, 2358, 2359 и пр.

146) Орелли, 1612.

147) Орелли, 1889.

148) Орелли, 1901.

вмѣсто одной призывали другую [149]). Даже самое главное божество Капитолія, милостивѣйшій и величайшій Юпитеръ, покровитель имперіи, не могъ избѣгнуть подобныхъ смѣшеній, и не смотря на всю его важность, его иногда принимали за египетскихъ или сирійскихъ боговъ, находя въ немъ какое-нибудь отдаленное сходство съ ними. Такія смѣшенія происходили, обыкновенно, очень наивно и безъ всякой предвзятой мысли; творцами ихъ были не теологи по профессіи, а никому неизвѣстные вѣрующіе. Чаще всего виновниками ихъ были солдаты, и имъ принадлежитъ наибольшая доля участія въ смѣшеніи боговъ всевозможныхъ культовъ, произошедшемъ во времена имперіи. Обыкновенно, солдаты были довольно суевѣрны [150]). Случайности кочевой жизни располагали ихъ бояться гнѣва боговъ и дѣлать все для того, чтобы обезоружить его. Малѣйшее счастливое событіе, случающееся съ ними, миновавшая опасность, исцѣленіе отъ болѣзни, полученный чинъ, отставка, освобождающая ихъ наконецъ отъ трудовой жизни,—все служитъ для нихъ поводомъ изъявить свою благодарность богамъ; такъ что поневолѣ изумляешься, какимъ образомъ при своемъ жалованьи, которое они находятъ такимъ скуднымъ и на которое постоянно жалуются, они нашли возможность соорудить такое множество памятниковъ, которыхъ остатки существуютъ даже въ настоящее время. Долго оставаясь въ одной и той же странѣ, солдаты охотно принимали ея вѣрованія и уносили ихъ съ собою, когда требованія войны увлекали ихъ въ другое мѣсто. Однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ Кремонской битвы, такъ восхитительно описанной Тацитомъ, былъ тотъ моментъ, когда солдаты третьяго легіона, долгое время жившіе въ Сиріи и перенявшіе ея обычаи, привѣтствуютъ восходящее солнце [151]).

---

149) Такимъ образомъ Изида получаетъ названіе *Regina*, принадлежавшее знаменитой Юнонѣ веійской, которая была перенесена въ Римъ Камилломъ и сдѣлалась тамъ предметомъ очень усерднаго культа. Мы видимъ также, что со временъ Августа молятся Изидѣ вмѣсто *Юноны Люцины*, облегчавшей роды Римлянкамъ временъ республики. (Овид.. *Am.*, II, 13, 11).

150) См. Тац., *Ann.*, I, 28. Бывали впрочемъ исключенія, какъ это доказываетъ одна смѣшная исторія разсказанная Плиніемъ (*Hist. nat.*, XXXIII, 4 (24). Однажды въ Болоньи, обѣдая у одного ветерана, воевавшаго съ Парѳянами при Антоніи, Августъ спросилъ его, правда ли, будто тотъ, кто первый поднялъ руку на золотую статую богини Анетиды, мгновенно умеръ. «Я извлекъ изъ нея все свое богатство, отвѣчалъ солдатъ, и вы сейчасъ обѣдали на прибыль, полученную за одну изъ ея ляжекъ».

151) *Hist.*, III, 24.

Сообщенія, установившіяся въ то время между различными культами, были отчасти ихъ дѣломъ, и они болѣе всѣхъ другихъ помогали перенесенію боговъ изъ одного конца имперіи въ другой. Иногда имъ случается призывать боговъ всѣхъ странъ, гдѣ они жили; въ своихъ молитвахъ къ нимъ они то перечисляютъ ихъ по порядку одного за другимъ [152]), то перемѣшиваютъ ихъ между собою. Такимъ образомъ они смѣшали боговъ двухъ сирійскихъ городовъ, Геліополя и Долихіи, съ уважаемымъ Юпитеромъ Капитолійскимъ и изъ соединенія двухъ или трехъ боговъ сдѣлали одно божество, быстро распространившееся съ ними по всей Европѣ [153]). Очень вѣроятно, что въ этомъ смѣшеніи римское божество давало только свое имя, могущественное и уважаемое, а вѣрованія и обряды были заимствованы у Востока. Офицеры поступали такъ же, какъ солдаты. На окраинѣ Египта, между Сіэною и Филэ, была найдена надпись, въ которой одинъ начальникъ кавалеріи, назначенный наблюдать за разработкою мраморныхъ каменоломень, благодаритъ боговъ за то, что они помогли ему открыть нѣсколько новыхъ и болѣе драгоцѣнныхъ. Молитва его обращена «къ Юпитеру Аммону и царицѣ, Юнонѣ, покровителямъ горы» [154]).

Въ то время, какъ римскіе боги измѣнялись. смѣшиваясь съ египетскими и сирійскими обряды и обычаи восточныхъ культовъ проскользали въ самыя уважаемыя римскія святилища. Подконецъ самый Капитолій началъ чрезвычайно походить на молельни Изиды. Утромъ происходило торжественное открытіе храма; стекались привѣтствовать бога при его пробужденіи, подобно тому какъ ходили къ дверямъ богачей, раздававшихъ милостыню своимъ кліэнтамъ. Когда царственная фигура Юпитера появлялась въ отдаленіи святилища, толпа восклицала: «Привѣтъ владыкѣ, *salve, imperator* [155])». Впродолженіе дня вокругъ бога не было недостатка въ набожныхъ людяхъ, представлявшихъ иногда очень странныя зрѣлища. Не довольствовались тѣмъ, чтобы сообщить ему который часъ, какъ это дѣлали для Изиды, но старались оказать ему какъ можно больше услугъ. «Одинъ, говоритъ Сенека, дѣлался ликторомъ Юпитера, другой—его парфюмёромъ; стоя въ

152) Орелли, 1894.

153) Орелли, 1245, 1233 и особенно 1234, гдѣ боги Капитолія, Долихіи и Геліополя составляютъ одно божество.

154) *Corp. inscr. lat.*, III, 75.

155) Плиній, *Paneg.*, 5.

отдаленіи, онъ шевелитъ руками и подражаетъ всѣмъ движеніямъ человѣка, наливающаго благоуханія. У Минервы и Юноны есть свои парикмахерши, подставляющія имъ издали зеркало и дѣлающія видъ, будто убираютъ имъ волоса. Старый мимъ, удалившійся со сцены, пляшетъ ежедневно въ честь безсмертныхъ, будучи убѣжденъ, что доставляетъ имъ удовольствіе зрѣлищемъ, на которое не хотятъ больше смотрѣть люди. Иныя кокетки льстятъ себя надеждою, что ихъ полюбитъ владыка боговъ; онѣ проводятъ цѣлые дни, сидя у подножія его статуи, не заботясь объ Юнонѣ, хотя поэты изображаютъ ее намъ очень ревнивою [156])». У Діаны были жрецы, собиравшіе на улицахъ милостыню, подобно жрецамъ Цибелы [157]). Чтобы получить исцѣленіе отъ серьёзной болѣзни, отправлялись ночевать въ Капитолій и подъ портикъ Аполлона Палатинскаго точно такъ же, какъ въ храмы Сераписа [158]). Мы уже видѣли, что римскіе государственные люди не слишкомъ любили мистеріи; во времена республики дозволялись только мистеріи Доброй Богини и Цереры [159]). Но при имперіи онѣ сильно размножились. Не говоря о мистеріяхъ Вакха, о которыхъ было упомянуто выше, онѣ были такъ же въ культѣ Сатурна [160]), Эскулапа, Венеры [161]) и проч. Женщины допускались на нихъ наровнѣ съ мущинами; Тертулліанъ изображаетъ ихъ чрезвычайно занятыми вопросомъ, какимъ образомъ должны одѣваться посвященные, и предполагаетъ, что причина, заставлявшая ихъ отдавать предпочтеніе нѣкоторымъ мистеріямъ, состояла въ томъ, что во время ихъ надѣвались одежды, бывшія имъ больше къ лицу. Очищенія и покаянія становились также все многочисленнѣе. Остряки вѣка Августа любили насмѣхаться надъ ними. «Какъ вы наивны, говоритъ Овидій, если думаете, что немного текучей воды имѣетъ силу смыть преступленіе»! [162]) И онъ забавляется надъ купцами, отправляющимися каждое утро погружать руки въ фонтанъ Меркурія, чтобы заранѣе омыться отъ лжи, которую они будутъ говорить цѣлый день [163]). Но эти насмѣшки не вели ни къ чему; религіозныя со-

---

156) Сенека, *Fragm.*, 36 (изд. Гааза).

157) Овидій, *Pont.*, I, 1, 41.

158) Серв., *Aen.*, VII, 85. Схоласт. Перс., *in Sat.*, II, 56.

159) Циц., *De leg.*, II, 9.

160) По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ одного мѣста у Макробія, *Sat.*, I, 7, 18.

161) Арноб., *Adv. gent.*, V, 19. Тертул., *De pall.*, 4.

162) Овид., *Fast.*, II, 45.

163) *Fast.*, V, 67

мнѣнія съ каждымъ днемъ все сильнѣе мучили души, и ощущалась пламенная потребность получить отпущеніе грѣховъ. Въ Римѣ во времена Сенеки происходили иногда сцены, напоминавшія собою отчасти тѣ страсныя проповѣди, которыми еврейскіе пророки старались оживить благочестіе Израиля. Покрытые повязками старики, держа въ рукахъ лампады, зажженныя среди бѣлаго дня и, волочась на колѣняхъ, останавливали прохожихъ, чтобы возвѣстить имъ, что на нихъ гнѣвается какой-нибудь богъ [164]). Философъ думалъ, что это съумашедшіе и продолжалъ идти своей дорогой; но народъ принималъ ихъ за боговдохновенныхъ, трепеталъ отъ ихъ угрозъ и обращался къ жрецамъ, чтобы отвратить отъ себя небесный гнѣвъ. Жрецы чужеземныхъ религій были всегда готовы предложить свои услуги; и древній культъ не пренебрегалъ этимъ средствомъ успѣха. Дошли до того, что стали вѣрить, будто Юпитеръ предписываетъ воздержанія и посты, подобно Изидѣ, и что ему можно угодить, проползши на колѣняхъ по Марсову полю и окунувшись среди зимы въ ледяныя волны Тибра [165]).

Однако, позволяя восточнымъ культамъ измѣнять себя, и римская религія, въ свою очередь, отчасти дѣйствовала на нихъ. Мы уже видѣли, что у нихъ не было недостатка въ податливости, и что они умѣли довольно охотно примѣняться къ тому обществу, гдѣ хотѣли укорениться. Прежде, чѣмъ достичь Италіи, онѣ прошли черезъ греческій міръ и получили отъ него извѣстный отпечатокъ. Римъ зналъ египетскихъ и персидскихъ боговъ не такими, какими они были, покидая свою страну, но такими, какими ихъ сдѣлала Греція. Во время своего пребыванія въ ней, они согласились утратить отчасти свой первоначальный видъ и позволили изображать себя съ аттрибутами и чертами эллинскихъ божествъ. Впослѣдствіи, когда это было нужно, они съумѣли такъ же легко сообразоваться съ обычаями и вкусами римлянъ. Сохранилась статуя одного сирійскаго, совсѣмъ неизвѣстнаго бога; онъ въ одѣтъ *paludamentum* и совершенно похожъ на консула, отправляющагося на войну [166]). Слѣдовательно, эти культы, утверждаясь въ Римѣ, должны были подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, зависѣвшимъ отъ требованій страны. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ приняли «римскій обрядъ», слѣды чего мы видимъ въ над-

---

[164]) Сенека, *De vita beata*, 26, 8.

[165]) Горац., *Sat.*, II, 3, 288.

[166]) Монфоконъ, *Ant.*, II, стр. 179, 3.

писяхъ [167]). Въ настоящее время трудно сказать, въ чемъ состоялъ этотъ обрядъ, но, вѣроятно, всего болѣе въ повтореніи малѣйшихъ словъ формулъ и въ самомъ точномъ исполненіи всѣхъ подробностей богослуженія [168]); мы уже видѣли, что римская раса отличалась этимъ духомъ въ дѣлахъ религіи. Кромѣ того весьма вѣроятно, что старались сдерживать и умѣрять порывы горя, вспышки веселья и всякія преувеличенія подобнаго рода, на которыя эти культы были такъ щедры. Какою бы благосклонностью они ни пользовались, но государство никогда не оставляло своего права надзора за ними. Право это было вручено одной важной коллегіи жрецовъ, *Quindecimviri sacris faciundis*, и мы имѣемъ доказательство, что они пользовались имъ, по крайней мѣрѣ, относительно культа Матери боговъ [169]). Они контролировали назначеніе жрецовъ всѣхъ разрядовъ и половъ и посылали имъ браслетъ и корону, служившіе внѣшними знаками ихъ достоинства [170]). Эти жрецы, назначаемые декуріонами своего города и утверждаемые квиндецимвирами, должны были чрезвычайно походить на жрецовъ всѣхъ другихъ римскихъ боговъ. Они участвовали въ обыкновенной жизни и въ общественныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ галлы и изіаки составляли корпораціи и удалялись отъ міра. Эта разница обнаружилась впослѣдствіи и въ христіанской церкви между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ. Мысли и стрем-

---

167) *Sacra Romanensia, sacra ab Roma*. Фабретти, с. 315. Орелли 2314, 2315. Былъ римскій обрядъ для празднованія мистерій Цереры. Циц. *De leg.*, II, 15: *initienturque eo ritu Cereri quo Romae initiantur*. (Пусть онѣ (женщины) посвящаются въ таинства Цереры по обряду, по которому посвящаются въ Римѣ).

168) Такъ, напримѣръ, въ тавроболахъ одинъ жрецъ обязанъ сначала произнести формулу *praeire*, для того, чтобы въ ней ничего не пропустили; это былъ по преимуществу римскій обычай. Но вотъ еще болѣе любопытная подробность. Въ римской религіи все было назначено впередъ, даже мѣста, гдѣ должны были приноситься жертвы. (Титъ Ливій, V, 52). Эта правильность была предписана и чужеземнымъ культамъ. Нѣкоторые праздники Цереры и Беллоны происходили въ Римѣ на Ватиканѣ. Когда ихъ перенесли въ провинцію, то для того, чтобы ритуалъ былъ соблюденъ буквально, позаботились устроить небольшое искусственное возвышеніе и дать ему названіе римскаго холма. Одинъ изъ такихъ Ватикановъ находится въ Майнцѣ (Орелли, 4983), другой въ Ліонѣ; онъ играетъ также извѣстную роль при тавроболѣ. (Буасье, *Inscr. de Lyon*, с. 24).

169) Примѣръ жрецовъ и жрицъ культа Цибелы, назначаемыхъ квиндецимвирами, очень часто встрѣчается въ надписяхъ. Есть доказательство, что они участвовали и въ другихъ культахъ. Орелли, 1849.

170) *Inscr. Neap.*, 2558.

ленія жрецовъ этихъ двухъ разрядовъ не могли быть одинаковы, и въ то время какъ служители Изиды или нищенствующіе жрецы Цибелы возбуждали благочестіе толпы всякаго рода безумствами, очень вѣроятно, что эти важные люди, эти сановники, по своему положенію и богатству ненавидѣвшіе безпорядокъ, старались сдерживать и успокоивать эти безумства.

Подобнаго рода взаимныя уступки легко привели всѣ эти культы къ соглашенію, и такимъ образомъ въ первые два вѣка нашей эры въ Римѣ произошло сліяніе всѣхъ религій древняго міра [171]). Такое смѣшеніе вѣрованій соотвѣтствовало сближенію расъ, такъ что связь, устанавливавшаяся между всѣми народами имперіи, дополнялась и укрѣплялась соглашеніемъ, происходившимъ между ихъ богами. Обыкновенно думаютъ, что это соглашеніе было очень вредно для римской религіи, и даже считаютъ его главною причиной ея паденія. Нельзя, конечно, отрицать, что она сильно измѣнилась въ это время; принимая въ себя столько чужеземныхъ началъ, она неизбѣжно должна была утратить свой первоначальный характеръ; но могла ли она сохранить его? Могла ли религія Нумы съ своими однообразными легендами, наивными обрядами и холодной важностью удовлетворять современниковъ Траяна или Тиберія? Если она хотѣла жить, то должна была обновиться. Восточныя религіи оказали ей услугу, помолодивъ ее; онѣ не только не ускорили ея смерти, какъ это обыкновенно думаютъ, но прибавили ей нѣсколько вѣковъ жизни.

Казалось, что, какъ бы инстинктивно чувствуя приближеніе врага, долженствовавшаго уничтожить ихъ, всѣ эти культы поняли, что они будутъ въ состояніи противустоять ему, только соединившись между собою. Доказательствомъ этому служитъ то, что люди, бравшіе на себя въ то время защиту находившагося въ опасности язычества, облекаются, обыкновенно, во всѣ жреческія должности и посвящаютъ себя всѣмъ богамъ: будучи уже первосвященниками и авгурами, они, кромѣ того, становятся жрецами Изиды и Вакха, гіерофантами Гекаты, принимаютъ званіе *Льва*, *Коршуна* или *Отца* въ таинственныхъ посвященіяхъ Митры и орошаютъ себя кровью быка во время праздниковъ Цибелы [172]).

Такимъ образомъ, готовясь къ битвѣ, они пытаются соединить

---

[171]) Арноб., *Adv. gent.*, VI, 7: *civitas omnium numinum cultrix*. (Государство, поклоняющееся всѣмъ божествамъ).

[172]) Орелли, 2335, 2351, 2352 и пр.

всѣ жизненныя начала, заключающіяся въ различныхъ культахъ. Проникаясь одинъ другимъ, эти боги дополняютъ и укрѣпляютъ себя взаимно. Всякое новое начало прибавляющееся въ нихъ, прибавляетъ имъ, такъ сказать, лишнее достоинство и увеличиваетъ ихъ власть надъ душами людей. Когда Юпитеръ Капитолійскій соглашается принять нѣсколько аттрибутовъ египетскихъ и сирійскихъ боговъ, онъ, конечно, утрачиваетъ отчасти свою величественную простоту, но зато пріобрѣтаетъ больше силы, чтобы подчинить себѣ тѣхъ, кого уже не трогаютъ древнія божества Лаціума. Еслибъ эта религія не сдѣлалась шире, понятнѣе и живѣе, еслибъ она продолжала упорно оставаться въ предѣлахъ своихъ узкихъ вѣрованій и мелочныхъ обрядовъ, и еслибъ не дала хоть нѣкоторой пищи душамъ, жаждавшимъ сильныхъ ощущеній и искавшимъ въ ней чего-то иного, кромѣ надлежащей привычки и благодѣтельнаго средства обуздывать себя,—можно сказать навѣрное, что она не могла бы тогда выдержать впродолженіе болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ столкновенія съ христіанствомъ. Широкое гостепріимство, оказываемое Римомъ всѣмъ религіямъ земли, не только не осуждалось, но даже увеличивало къ нему повсемѣстное уваженіе и восхищенье. Служа мѣстопребываніемъ всѣхъ боговъ [173]), онъ сдѣлался религіозною столицею міра, будучи въ то же время его политическимъ центромъ, и мы видимъ, что еще до христіанства его называли уже «святымъ городомъ» [174]).

Только два культа были исключены изъ союза, установившагося между всѣми остальными: іудейство и христіанство [175]). Отцы церкви были, повидимому, очень огорчены этимъ исключеніемъ и горько жаловались на него. А между тѣмъ его легко можно понять. Мы уже видѣли, что всѣ эти религіи пришли къ соглашенію, дѣлая другъ другу взаимныя уступки. Но іудеи и христіане, по самой сущности своихъ вѣрованій, не могли согласиться на подобный компромиссъ. Находясь внѣ общаго союза, они не могли пользоваться общей вѣротерпимостью. Между тѣмъ, можно сказать, что имъ предлагали миръ на одинаковыхъ условіяхъ съ другими, и что язычники первые ступили шагъ къ примиренію съ ними. Познакомясь съ религіей евреевъ, они были очень по-

---

173) Овид., *Fast.*, IV, 270: *Dignus Roma locus quo deus omnis est.* (Римъ—мѣсто, достойное того, чтобы тамъ былъ всякій богъ).

174) Апул., *Metam.*, XI, 26: *Sacrosancta civitas.*

175) Я не говорю о Друидахъ. Ихъ преслѣдовали не за вѣрованія, а за то, что они приносили въ жертву людей.

ражены, встрѣтивъ культъ, въ которомъ вѣрили единому Богу и гдѣ Ему покланялись безъ всякихъ изображеній; но, вѣрные привычкѣ отыскивать во всѣхъ чужеземныхъ богахъ своихъ собственныхъ, они нашли, что Іегова—или Юпитеръ, или Бахусъ. Такимъ способомъ они могли присоединить этотъ культъ къ своей религіи, и съ этихъ поръ начали безъ малѣйшаго затрудненія перенимать его обычаи. «Нѣтъ больше ни одного города, говорилъ Іосифъ, какъ у грековъ, такъ и у варваровъ, нѣтъ больше ни одного народа на свѣтѣ, гдѣ не чтили бы покоя седмаго дня, гдѣ не возжигали бы свѣтильниковъ въ честь Бога и не соблюдали бы предписанныхъ постовъ и воздержаній» [176]). Слѣдовательно, культъ евреевъ, еслибъ они этого желали, былъ бы принятъ въ римскую религію на томъ же основаніи, какъ египетскіе или сирійскіе культы; имъ позволили бы открывать въ городѣ свои храмы; туда приходили бы молиться римскіе вельможи, не покидая изъ - за этого своихъ собственныхъ вѣрованій; сами императоры являлись бы на ихъ праздники подобно тому, какъ впослѣдствіи они присутствовали на праздникахъ Изиды и Цибелы. Между евреями была могущественная партія, которая не была бы недовольна этимъ. Она состояла изъ людей, близко знакомыхъ съ эллинскою цивилизаціей, любившихъ ее и желавшихъ имѣть въ ней мѣсто. Особенно Иродъ много трудился для того, чтобы положить конецъ замкнутости евреевъ и присоединить ихъ къ остальному міру. Въ своемъ городѣ, Цезареѣ, онъ настроилъ театровъ и святилищъ въ честь Августа, перестроилъ на свой счетъ храмъ Аполлона Дельфійскаго и далъ денегъ для празднованія олимпійскихъ игръ. Въ самомъ Іерусалимѣ онъ хотѣлъ пріучить своихъ подданныхъ къ обычаямъ другихъ народовъ и помѣстилъ золотаго орла надъ дверьми храма; но благочестивые евреи оскорбились этимъ, и храмовой орелъ исчезъ во время одного народнаго возмущенія. Упорство, съ какимъ этотъ народъ отвергалъ чужеземныя вѣрованія и сохранялъ свои собственныя безъ всякой примѣси, говоря, что они одни только истинныя,—произвело сначала величайшее изумленіе, а затѣмъ возбудило пламенное негодованіе въ греческомъ и римскомъ мірѣ. Евреевъ провозгласили вездѣ, какъ нечестивое племя, гордящееся тѣмъ, что оно презираетъ боговъ (*Iudaea gens contumelia numinum insignis* [177]), и противъ

---

[176]) *Contra Ap.*, II, 39.

[177]) Плин., *Hist. Nat.*, XVIII, 4 (9).

нихъ поднялись страшныя гоненія. Жители Антіохіи сожгли заживо всѣхъ евреевъ, не согласившихся отстать отъ своей вѣры; въ Александріи ихъ убили пятьдесятъ тысячъ, а въ Дамаскѣ десять. Эта бѣшеная ненависть улеглась лишь тогда, когда евреи присоединились къ язычникамъ, чтобы преслѣдовать заодно съ ними христіанъ.

Съ христіанами обходились такъ же, какъ и съ евреями, и по тѣмъ же причинамъ. Нельзя сказать, чтобы сначала Римъ ихъ дурно принялъ. Первый римскій сановникъ, передъ которымъ было изложено христіанство, не обнаружилъ желанія преслѣдовать его; объявляя, что онъ не хочетъ быть судьею, когда дѣло идетъ объ ученіяхъ, онъ ясно показывалъ, что не имѣетъ намѣренія исключать христіанство изъ широкой вѣротерпимости, какую его соотечественники оказывали всѣмъ культамъ [178]). Впослѣдствіи были дѣланы попытки привести христіанскаго Бога къ соглашенію съ другими; даже оракулъ Аполлона притворно похвалилъ Его, а философъ Порфирій, будучи ревностнымъ язычникомъ, не затруднился однако признать божественность Христа [179]). Извѣстно, что Александръ Северъ приказалъ помѣстить Его изображеніе рядомъ съ изображеніемъ Орфея и Аполлона Тіанскаго въ своей домашней молельнѣ, куда онъ приходилъ ежедневно молиться своимъ Ларамъ [180]); но такое сближеніе приводило въ ужасъ истинныхъ христіанъ. На всѣ предложенія, дѣлаемыя имъ философами или языческими жрецами, они отвѣчали безпощадными словами своихъ священныхъ книгъ: «Приносящій жертву богамъ, кромѣ одного Господа, да будетъ истребленъ» [181]). Именно этого и не могли понять язычники [182]), и это возбуждало въ нихъ нетерпѣніе и гнѣвъ.

---

178) *Дѣян. Св. Апост.*, XVIII, 15.

179) Св. Август., *De civ. Dei*, XIX, 23.

180) Бонукъ, *Saturn.*, 8.

181) *Исходъ*, XXII, 20. Нѣкоторыя гностическія секты оказались снисходительнѣе. Св. Августинъ упоминаетъ объ одной послѣдовательницѣ ереси Карпократа, Марцеллинѣ, имѣвшей въ своей молельнѣ изображеніе Христа и Пиѳагора. Быть можетъ, здѣсь говорится о тѣхъ странныхъ смѣшеніяхъ, которыя пытались произвести нѣкоторыя еретическія церкви, по предложенію язычниковъ въ знаменитомъ письмѣ Адріана, гдѣ онъ, говоря объ Александріи, выражается такъ: «*Illic qui Serapem colunt Christiani sunt, et devoti sunt Serapi qui se Christi episcopos dicunt*». (Тамъ, поклоняющіеся Серапису, суть христіане, и посвящены Серапису тѣ, которые называютъ себя епископами Христа).

182) Тертулл., *Apol.*, 27.

На христіанъ негодовали не за то, что они хотѣли ввести въ Римъ новаго бога: впродолженіе двухъ вѣковъ это было самою обыкновенною вещью; но всѣхъ удивляло и оскорбляло то, что ихъ Богъ отказывается занять мѣсто на ряду съ другими въ томъ обширномъ пантеонѣ, гдѣ собрали ихъ всѣхъ. Только упорнымъ желаніемъ христіанъ держать себя въ сторонѣ отъ всего міра и охранять свою религію отъ всякаго чуждаго смѣшенія, можно объяснить, почему имъ дѣлали странный и несправедливый упрекъ въ томъ, будто они «ненавидятъ родъ человѣческій» [183]), и тѣ жестокія гоненія, которымъ они подвергались впродолженіе трехъ вѣковъ со стороны народа, такъ благосклонно принимавшаго всѣ другія религіи. *)

---

183) Тацитъ, *Ann.*, XXV, 44.

*) Этой главою оканчивается первый томъ подлинника, а третьею начинается второй.

Религія послѣ Августа.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Римская философія послѣ Августа.

Непопулярность философіи во времена республики.—Она окончательно утверждается въ Римѣ только съ Цицерономъ — Краткое изложеніе религіозныхъ и нравственныхъ ученій Цицерона. — Они служатъ основаніемъ, на которое опиралась римская философія впродолженіе перваго вѣка имперіи. — Новый характеръ, принимаемый философскимъ ученіемъ со временъ Августа —Философія при Тиберіи.—Воспитаніе Сенеки.

Послѣ чужеземныхъ религій наибольшее вліяніе на религіозныя вѣрованія Рима имѣла философія. Дѣйствіе ихъ не всегда было одинаково и, что всего важнѣе, отражалось не на однихъ и тѣхъ же лицахъ. Философія никогда не пользовалась популярностью у римлянъ. «Она избѣгаетъ толпы, для которой она подозрительна и ненавистна», говоритъ Цицеронъ [1]. На театрѣ стоило представить философовъ въ смѣшномъ видѣ, чтобы заставить разсмѣяться публику [2], а когда во времена Горація они показывались на улицахъ въ своихъ странныхъ одеждахъ, дѣти подбѣгали дергать ихъ за бороду [3]. Слѣдовательно, они не могли, по крайней мѣрѣ въ первые года, прямо обращаться къ народу, который врядъ ли бы сталъ слушать ихъ. Ученіе ихъ ограничивалось сначала домами богачей и вельможъ, гдѣ они находили болѣе благосклонныхъ и лучше подготовленныхъ слушателей. Итакъ, уроки ихъ относились главнымъ образомъ къ избранному обществу Рима; но не слѣдуетъ думать,

---

1) *Tusc.*, II, 1.

2) Лаберій заставляетъ выразиться одно изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ вотъ какъ: «Слѣдуй за мною въ отхожія мѣста, если хочешь предвкусить ученіе циниковъ». (*Compitalia*, 3, изд. Валена).

3) *Sat.* I, 3, 133.

чтобы ничто изъ нихъ не проникало въ низшіе слои. Исторія показываетъ намъ, что великія умственныя движенія, зарождающіяся въ тѣсномъ кругу ученыхъ и писателей, никогда не остаются тамъ замкнутыми и подъ конецъ распространяются обыкновенно въ народѣ, который беретъ на себя трудъ практически примѣнять ихъ. Греческій театръ, служившій образцомъ для подражанія римскимъ поэтамъ, былъ совершенно проникнутъ философіей, и она необходимо должна была хотя отчасти перейти на римскую сцену. Слушая приключенія Теламона или Хризеса, публика слышала въ то же время споры объ естествѣ боговъ или изложеніе системы міра [4]). Комедія разсуждала о правахъ родителей и дѣтей, объ отношеніяхъ между женою и мужемъ и между рабомъ и господиномъ. Въ живыхъ и блестящихъ мысляхъ, никогда потомъ не забывавшихся, она вкратцѣ излагала мораль греческихъ школъ. Передъ этимъ грубымъ и необузданнымъ народомъ она восхваляла кротость, умѣренность и человѣчность, и съ нѣжнымъ участіемъ относилась къ горемычнымъ и слабымъ; въ одной піэсѣ Плавта Римъ въ первый разъ услыхалъ слѣдующія слова, сказанныя рабомъ свободному человѣку: «Я такой же человѣкъ, какъ и ты, *tam ego homo sum quam tu*» [5]). Невозможно, чтобы подобные уроки пропадали даромъ; народъ, выходя изъ театра, не только приносилъ съ собою домой немного литературы, по выраженію Варрона [6]), но и нѣсколько философскихъ правилъ, которыя были ему, конечно, не безполезны.

Философіи удалось окончательно утвердиться въ Римѣ только съ Цицерономъ; до тѣхъ поръ положеніе ея тамъ было весьма неопредѣленно. Тамошняя почва была неподходяща для нея, и ей не удалось пустить въ ней корней. Цицеронъ «помогъ ей получить право гражданства въ странѣ, гдѣ она считалась до тѣхъ поръ чужеземкою». Повидимому, онъ самъ былъ изумленъ успѣхомъ своихъ философскихъ трактатовъ; онъ говоритъ намъ, что они были приняты лучше, нежели онъ ожидалъ. Дѣйствительно, самыя обстоятельства какъ будто приняли на себя трудъ подготовить ему читателей: это были все государственные люди, которыхъ правительство Цезаря удаляло отъ дѣлъ такъ же, какъ и его самого, искавшіе отдохновенія отъ бездѣлья въ чтеніи его произведеній; здѣсь

---

[4]) См. отрывки изъ *Теламона* Эннія и изъ *Хризеса* Пакувія въ сочиненіи Валена *Reliq. tragicorum latinorum*.

[5]) *Азинар.*, II, 4, 83.

[6]) *Sat. menipp.*, *De gloria* (Ризе, с. 144).

они находили въ высшей степени блестящее изложеніе всѣхъ открытій, сдѣланныхъ греческой философіей въ теченіе многихъ вѣковъ размышленія. Цицеронъ представлялъ имъ разомъ всѣ результаты этихъ долговременныхъ трудовъ. Этимъ самымъ объясняется, какимъ образомъ его книги, въ первый разъ преподавая публикѣ римскую философію, заключали ее въ себѣ всю, такъ что послѣ него оставалось сдѣлать уже очень немногое, по крайней мѣрѣ относительно главнѣйшихъ теорій и основныхъ началъ. Цицеронъ вѣритъ въ существованіе Бога и утверждаетъ его на согласіи всѣхъ народовъ. «Нѣтъ такого дикаго племени, говоритъ онъ, которое, если бы оно даже не знало, какого именно надо имѣть бога, не было увѣрено въ томъ, что его надо имѣть хоть одного» [7]; этотъ Богъ создалъ человѣка и даровалъ ему всѣ украшающія его качества [8]. Онъ составилъ его изъ бреннаго тѣла и безсмертной души: «душа человѣка есть самъ человѣкъ» [9]; потому мы должны прежде всего заботиться о ней. Тѣло—заключающая и удерживающая его тюрьма, и она начинаетъ жить лишь тогда, когда освободится отъ него: «слѣдовательно то, что мы называемъ смертью, есть начало жизни» [10]. Такъ какъ всѣ люди составлены изъ одинаковыхъ элементовъ, сотворены однимъ и тѣмъ же Богомъ и съ одной и той же цѣлью, то всѣ они совершенно сходны между собою [11], и между ними нѣтъ ни одного (Цицеронъ не исключаетъ даже рабовъ), кто не могъ бы, взявъ въ руководительницы природу, достигнуть добродѣтели. Ихъ общее происхожденіе обязываетъ ихъ помогать другъ другу. «Природа предписываетъ человѣку дѣлать добро своему ближнему, каковъ бы тотъ ни былъ, уже по тому одному, что онъ такой же человѣкъ,» [12]. Правда, что мщеніе, въ случаѣ оскорбленія, запрещается не вполнѣ, а подъ условіемъ умѣренности [13], но забвеніе обиды ставится выше: «не будемъ слушаться тѣхъ, кто говоритъ намъ, будто надо смертельно ненавидѣть своихъ враговъ и будто сильная ненависть служитъ знакомъ того,

---

7) De leg., I. 8.

8) *De leg.*, I, 9: *hominem generavit et ornavit* Deus.

9) *De rep.*, VI, 17.

10) *Tusc.*, I, 31: *tum denique vivemus, nam haec quidem vita mors est.*

11) *De leg.*, I, 10: *nihil est enim unum uni tam simile, tam par, quam omnes inter nos metipsos sumus.*

12) *De offic.*, III, 6: *hoc natura praescribit ut homo homini, quicumque sit, ob eam ipsam causam quod is homo sit, consultum velit.*

13) *De offic.*, I, 7.

что у человѣка есть сердце; напротивъ, ничто такъ не достойно похвалы, и ничто такъ не пристало великой душѣ, какъ кротость и прощеніе [14]). Даже права войны имѣютъ извѣстныя границы: «щадить послѣ побѣды тѣхъ, кто не былъ жестокъ во время битвы, есть обязанность» [15]). Мудрый человѣкъ долженъ быть связанъ съ подобными себѣ чувствомъ милосердія, а подъ именемъ себѣ подобныхъ разумѣть всѣхъ людей [16]); онъ не долженъ ограничивать своей любви стѣнами того городка, гдѣ онъ родился, а распространять ее на весь міръ и «считать себя гражданиномъ того великаго города, который обнимаетъ собою всю землю» [17]).

Эти мысли служили впродолженіе двухъ вѣковъ основаніемъ римской философіи. Она ничего къ нимъ не прибавила, и у Цицерона находятся въ зародышѣ почти всѣ начала, развитыя впослѣдствіи Сенекою и Маркомъ Авреліемъ. Вся разница въ томъ, что они выражаютъ ихъ иначе, придаютъ имъ болѣе живой видъ и излагаютъ ихъ болѣе убѣжденнымъ тономъ. У нихъ это уже не просто блестящіе тезисы, которые авторъ выбираетъ для упражненія въ краснорѣчіи и изъ которыхъ между тѣмъ не извлекаетъ для себя лично никакой пользы; чувствуется, что эти мысли имѣли уже практическое приложеніе и вошли въ жизненный обиходъ. Вотъ почему, сохранивъ въ главныхъ чертахъ идеи своихъ предшественниковъ, они какъ будто возобновили ихъ. Новый видъ, принимаемый у нихъ этими идеями, происходитъ вслѣдствіе событій, пережитыхъ философіей во времена имперіи, и вслѣдствіе тогдашняго способа ея преподаванія.

Извѣстно, что римская философія очень много выиграла вслѣдствіе уничтоженія республиканскаго правленія; мало того, что дѣятельность умовъ, переставшихъ заниматься общественными дѣлами, охотно устремилась къ ней, но и въ самой жизни людей она пріобрѣла такое значеніе, какого никогда до тѣхъ поръ не имѣла. Пока прежнее правительство было въ силѣ, граждане принимали для нравственнаго руководства принципы и преданія, завѣщанные имъ предками и изучаемые ими въ домашнемъ кругу; великое правило для того, чтобы быть честнымъ, состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать согласно съ древними обычаями, *more majorum*. Слѣ-

---

[14]) *De offic.*, I, 25.

[15]) *De offic.*, I, 11 и III, 11.

[16]) *De leg.*, I. 23: *societatem caritatis coierit cum suis, omnesque natura conjunctos suos duxerit...*

[17]) *De leg.*, I, 23: *se civem totius mundi quasi unius urbis agnoverit.*

довательно, философія нашла мѣсто занятымъ и не могла имѣть практическаго примѣненія у большинства. Въ то время она была тѣмъ, чѣмъ она въ настоящее время у насъ, — изящнымъ удовольствіемъ или полезнымъ умственнымъ упражненіемъ. Самъ Цицеронъ, повидимому, изумился сначала, когда Катонъ вознамѣрился сдѣлать изъ нея нѣчто другое. «Онъ изучилъ ее, говоритъ онъ съ глубокимъ изумленіемъ, не для того, чтобы упражнять свой умъ, а чтобы жить по ея правиламъ [21])». При имперіи дѣло перемѣнилось. Древнія преданія мало-по-малу утратились окончательно и, исчезнувъ, оставили общественную нравственность въ большомъ недоумѣніи. По прекрасному выраженію Лукреція, всѣ отыскивали ощупью дорогу жизни. Невольно приходилось дѣйствовать, подобно Катону, и требовать у философіи того направленія, котораго нигдѣ нельзя было больше найти. Этимъ самымъ объясняется ея широкое развитіе въ эпоху Августа. Говорятъ, что самъ императоръ написалъ сочиненіе, гдѣ приглашалъ всѣхъ заняться ею [22]); ее ревностно изучали всѣ замѣчательные люди того времени, историки и поэты, юристы и государственные люди, Горацій и Лабеонъ, Полліонъ и Титъ Ливій. Витрувій утверждаетъ, что безъ философіи даже архитекторъ не можетъ усовершенствоваться [23]).

Не только увеличилось число ея приверженцевъ, но измѣнился самый способъ ея изученія; ее изучали не только какъ пріятную рѣдкость, но съ цѣлью извлечь изъ нея руководство для жизни. Чтобы удовлетворять этой потребности, она все болѣе и болѣе отказывалась отъ догматическихъ тонкостей и сдѣлалась, насколько было возможно, практическою, общечеловѣческою и удобоприложимою.

Философы, направлявшіе ее въ эту сторону, не оставили послѣ себя громкой извѣстности, что было весьма естественно, такъ какъ они хлопотали больше для своихъ современниковъ, нежели трудились для всего человѣчества. Сочиненія ихъ были написаны главнымъ образомъ для тогдашняго времени и не пережили его. Кажется, что Секстій отецъ принадлежалъ къ числу философовъ, имѣвшихъ въ то время наибольшее вліяніе. Мы о немъ знаемъ только то, что онъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи и

---

[21]) *Pro Murena*, 30: *neque disputandi causa, ut magna pars, sed ita vivendi.*
[22]) Свет., *August.*, 85.
[23]) I, 1, 7: *Philosophia perficit architectum.*

могъ добиваться общественныхъ должностей. Цезарь хотѣлъ сдѣлать его сенаторомъ, но онъ отказался [24]). Философія была для него профессіей, и онъ не желалъ имѣть другой. Этимъ онъ отличался отъ тѣхъ государственныхъ людей, которые, подобно Цицерону и Бруту, писали свои нравственные трактаты лишь въ минуты досуга; онъ же сдѣлалъ изъ преподаванія философіи единственное занятіе своей жизни. Его книги, написанныя на греческомъ языкѣ, были тѣмъ, что въ настоящее время мы называемъ сочиненіями съ направленіемъ. Вѣроятно, они походили на тѣ трактаты Поръ-Рояля, которые, по словамъ г-жи де-Севинье, «лучше всего укрѣпляютъ сердце». Точно также свидѣтельствуетъ о нихъ Сенека. «Почитавъ ихъ, говоритъ онъ, я готовъ бороться со всѣми опасностями. Я охотно восклицаю: Чего ты ждешь, судьба? Приди напасть на меня, я готовъ тебя встрѣтить [25])!» Вокругъ Секстія и его сына образовалась школа, отличавшаяся сначала нѣкоторымъ блескомъ [26]). Изъ нея вышелъ Папирій Фабіанъ, извѣстный намъ лучше своего учителя, благодаря тому, что о немъ часто упоминаетъ Сенека отецъ. Фабіанъ былъ декламаторъ, составившій себѣ большую извѣстность въ школахъ въ половинѣ царствованія Августа. Его сходились слушать, когда онъ собирался защищать одно изъ тѣхъ воображаемыхъ дѣлъ, на которыхъ риторы упражняли въ то время свое краснорѣчіе. Обращенный впослѣдствіи къ философіи Секстіемъ, онъ не переставалъ декламировать; только въ своихъ защитахъ онъ давалъ болѣе всего мѣста анализу страстей и общимъ мѣстамъ морали. «Всякій разъ, какъ предметъ защиты позволялъ дѣлать нападки на нравы того времени, говоритъ Сенека, онъ не пропускалъ случая пользоваться этимъ [27])». Все служило ему предлогомъ проповѣдывать о нравственности. Такъ, въ одномъ изъ этихъ фиктивныхъ процессовъ, гдѣ защищается ребенокъ, лишенный наслѣдства своимъ отцомъ, онъ находитъ случай краснорѣчиво разбранить войну и остроумно посмѣяться надъ роскошью своихъ современниковъ. «Домà, говоритъ онъ, которые должны были бы строиться для безопасности жителей, становятся для нихъ теперь причиною опасности. Они такъ высоки и захватываютъ столько мѣста по общественной до-

---

[24]) Сенека, *Epist*., 98, 13.

[25]) *Epist.*, 64, 4.

[26]) Сен., *Nat quaest.*, *VII*, 32, 2.

[27]) Сенека риторъ, *Controv.*, II, *pref.*, с. 115, изд. Бурсіана.

рогѣ, что нигдѣ нельзя пріютиться, если они обрушиваются, и спастися, если они горятъ. Чтобы удовлетворить безразсудной роскоши, отправляются на край свѣта за всякаго рода деревомъ и мраморомъ. При постройкахъ употребляется громадное количество желѣза, мѣди или золота, дошли до того, что въ этихъ тѣсныхъ и темныхъ домахъ вздумали дѣлать подобіе горъ и лѣсовъ, рѣкъ и морей. Я не вѣрю, чтобы люди, дѣлающіе это, видали когда-нибудь настоящіе лѣса, зеленѣющія травою поля, перерѣзанныя бурнымъ потокомъ или орошенныя спокойною рѣкою, или чтобы они когда-либо всходили на пригорокъ и любовались оттуда спокойными или бурными волнами, когда вѣтеръ колеблетъ ихъ до самой глубины бездны. Могли ли бы они находить хоть малѣйшее удовольствіе въ этихъ миніатюрныхъ подражаніяхъ, если бы знали дѣйствительность?» И мораль, извлекаемая имъ изъ всѣхъ этихъ картинъ, состоитъ въ томъ, что надо любить бѣдность. «О, бѣдность, какое ты малоизвѣстное благо [28])!»

Результаты ученія Фабіана были очень значительны. До тѣхъ поръ римскіе философы ограничивались обыкновенно тѣмъ, что собирали вокругъ себя небольшой кругъ послѣдователей; они обращались къ умамъ, уже подготовленнымъ, къ какимъ-нибудь новообращеннымъ, усердіе которыхъ требовалось поддержать, или къ ученикамъ, которыхъ надо было окончательно посвятить въ таинства ученія. Предаваясь такимъ изученіямъ, любящимъ тѣнь неизвѣстности (*umbratilia studia*), какъ тогда выражались, они устранялись отъ толпы, избѣгали блестящаго словеснаго изложенія и довольствовались тѣмъ, что строго и научно преподавали свое ученіе избраннымъ умамъ. Попавъ въ школы ритаровъ, философія необходимо должна была измѣнить свою методу. Сдѣлавшись философомъ, Фабіанъ сохранилъ привычки декламатора. Собираясь участвовать въ риторическихъ преніяхъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ, онъ допускалъ публику послушать его упражненій; въ объявленіи означался день и часъ, когда онъ будетъ говорить, и цѣлая толпа писателей собиралась слушать его. Сенека говоритъ, что онъ созывалъ также народъ, когда намѣревался толковать о какомъ-нибудь философскомъ вопросѣ [29]). Слѣдовательно, онъ не отдѣлялъ другъ отъ друга этихъ двухъ ученій и придавалъ имъ, вѣроятно, одинаковый характеръ. Передъ этой равнодушною и

---

28) Сенека, *Controv.*, 9 (стр. 120).

29) Сен., *Epist.*, 52, 11: *disserabat populo Fabianus.*

плохо подготовленною толпою онъ не могъ выражаться такъ, какъ выражался въ присутствіи немногихъ избранныхъ учениковъ; онъ необходимо долженъ былъ приноравливаться къ общему пониманію, не проникать до самой глубины вопросовъ, чтобы не пугать малосвѣдущихъ, держаться поверхностнаго изложенія и налегать всего сильнѣе на практическую мораль, интересовавшую всѣхъ и каждаго; а такъ какъ ему всего чаще приходилось обращаться либо къ врагамъ, которыхъ надо было убѣдить, либо къ равнодушнымъ людямъ, которыхъ слѣдовало нѣсколько разогрѣть, то онъ принужденъ былъ придавать своимъ словамъ убѣдительный и трогательный тонъ и прибѣгать къ тонкостямъ и оборотамъ, прилагавшимся имъ до тѣхъ поръ къ философіи. Это было уже не преподаваніе, а проповѣдь. Фабіанъ ли ввелъ въ Римъ этотъ новый способъ распространять философію? Онъ ли, вмѣсто того чтобы преподавать свое ученіе въ закрытыхъ школахъ, придумалъ устроивать эти огромныя собранія, на которыя могла приходить вся молодежь? Очень вѣроятно, что онъ, потому что мы не знаемъ никого, кто бы дѣлалъ это въ Римѣ до него. Достовѣрно извѣстно только то, что онъ пріобрѣлъ себѣ громадный успѣхъ. По словамъ Сенеки, у него была кроткая наружность и простой, спокойный способъ выраженія. Это былъ въ своемъ родѣ Бурдалу, старавшійся производить эффектъ правильнымъ развитіемъ мысли, болѣе чѣмъ нѣкоторыми блестящими подробностями, какъ это было тогда въ обычаѣ. «Его слушали съ почтительнымъ вниманіемъ; случалось впрочемъ, что аудиторія, восхищенная возвышенностью его идей, не могла удержаться отъ восторженныхъ криковъ» [30]).

Итакъ, философія имѣла въ то время два способа распространенія—управленіе умами и проповѣдываніе; можно было выбирать любой и обращаться или къ толпѣ, или къ нѣсколькимъ избраннымъ, производить громадные эффекты передъ публикой, или скромно управлять нѣсколькими избранными душами; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ надо было быть убѣдительнымъ, а чтобы съумѣть убѣдить, слѣдовало быть краснорѣчивымъ. Попавши однажды въ философію, краснорѣчіе сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ сектъ. Стоицизмъ долгое время обходился безъ него. Это была логическая и цѣльная система, слывшая тѣмъ не менѣе сухою и неясною; обыкновенно, боялись запутаться въ такъ-на-

---

[30]) Сен., *Epist.*, 100 и 52, II.

зываемой чаще стоицизма [31]). Правда, что нѣкоторые стоики, подобно Клеанту и Хризиппу, взялись составить реторику, но, по словамъ Цицерона, достаточно было прочесть ее, чтобы не быть потомъ въ состояніи разинуть ротъ [32]). Однако, съ помощью Фабіана и его учениковъ, и стоицизмъ сдѣлался краснорѣчивымъ. Онъ поневолѣ долженъ былъ уступить новымъ требованіямъ, сдѣлаться вкрадчивымъ и убѣдительнымъ и болѣе стараться проникать въ сердца, нежели овладѣвать умами. Вотъ какимъ образомъ Сенека, наперекоръ прежнему духу своей секты, могъ быть въ одно и то же время величайшимъ ораторомъ и знаменитѣйшимъ философомъ своей эпохи.

Это философское движеніе не замедлилось даже при Тиберіи, не смотря на трудныя тогда обстоятельства. Это былъ одинъ изъ моментовъ усталости и слабости, слѣдующихъ, обыкновенно, за великими литературными эпохами. Мѣсто Саллюстія или Тита Ливія заступали тогда Патеркулъ и Валерій Максимъ; Горація и Виргилія смѣнили холодные стихослагатели школы Овидія, воспѣвавшіе удовольствія охоты или различныя усложненія шахматной игры. Одна философія сохранила себя отъ такого умственнаго ослабленія. Школы ея были полны; въ нихъ сходились слушать мудрецовъ всѣхъ странъ, обучавшихъ добродѣтели, и на греческомъ и на латинскомъ языкѣ. Стоикъ Сотіонъ предлагалъ воздерживаться отъ мяса; онъ говорилъ, употребляя свой патетическій способъ выраженія, что старается заставить людей отказаться отъ пищи львовъ и коршуновъ. Стоикъ Атталъ, имѣвшій честь возбудить противъ себя гнѣвъ Сеяна, училъ своихъ учениковъ переносить пытку, побѣждать нужду и вѣрить, «что, имѣя лишь немного хлѣба и кашицы, можно быть столь же счастливымъ, какъ Юпитеръ [33])». Циникъ Деметрій, прибывшій въ Римъ нѣсколько позже [34]), болѣе всего привлекалъ къ себѣ вниманіе молодыхъ людей странностью своихъ маниеръ и силою слова. Это былъ пылкій характеръ, любившій закаляться въ борьбѣ и страданіяхъ. Спокойная жизнь представлялась ему стоячею водою (*mare mortuum* [35]), и онъ говорилъ, что всѣхъ несчастнѣе тотъ, кто незнакомъ съ несчасті-

---

[31]) Цицер. *Acad.*, II, 35: dumeta stoicorum...

[32]) *De fin.*, IV, 3.

[33]) Сен., *Epist.*, 110, 18.

[34]) По мнѣнію Филострата, онъ прибылъ туда только при Неронѣ; но мы видимъ, что онъ уже былъ тамъ при Калигулѣ. (Сен., *De Ben.*, VII, II).

[35]) Сен., *Epist.*, 67, 14.

емъ [36]). Онъ требовалъ, чтобы люди благодарили боговъ, если тѣ поражаютъ ихъ бѣдствіями, и Сенека говоритъ, что слышалъ отъ него слѣдующую прекрасную молитву: «Безсмертные боги, я могу жаловаться на васъ лишь за то, что вы не объявили мнѣ заранѣе своей воли: Вы доставили бы мнѣ тогда заслугу предупредить ваши повелѣнія, между тѣмъ какъ теперь я могу только исполнить ихъ. Вы желаете взять у меня дѣтей? Но вѣдь я воспиталъ ихъ именно для васъ. Вы желаете имѣть какую-нибудь часть моего тѣла? Выбирайте. Жертва не велика; вскорѣ все будетъ принадлежать вамъ. Хотите вы моей жизни? Возьмите ее. Я не колеблюсь отдать вамъ то, что вы мнѣ даровали, но я предпочелъ бы предложить вамъ это самъ. Еслибъ я зналъ ваши желанія, я поспѣшилъ бы предупредить ихъ. Зачѣмъ вы отнимаете у меня то, чего могли потребовать [37])?» За такія энергическія чувства этотъ «оборванецъ [38])» удостоился чести присутствовать при послѣднихъ минутахъ Тразеи. До самаго конца бесѣдовалъ онъ съ нимъ о безсмертіи и принялъ его послѣднія слова. Считалось, что эти философы принадлежатъ къ различнымъ школамъ, но въ сущности всѣ школы сливались о ту пору въ одно; онѣ сходились въ какомъ-то ослабленномъ стоицизмѣ, пренебрегавшемъ метафизикою и желавшемъ заниматься одною только нравственностью [39]). Проходя этотъ фазисъ, философія должна была много утратить относительно оригинальности и глубины; она не давала себѣ больше труда придумывать и поддерживать системы. Это сознаетъ и Сенека въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, гдѣ онъ, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно ясно опредѣляетъ роль новой школы. «Лѣкарства души, говоритъ онъ, были найдены до насъ; намъ остается узнать, какимъ образомъ и когда ихъ надо употреблять [40])». Слѣдовательно, не предстоитъ создавать ничего новаго; остается толь-

---

[36]) Сен., *De provid.*, 3, 3. Подчасъ онъ такъ же пылко искалъ смерти, какъ христіане, стремившіеся къ мученичеству. Веспасіанъ, замѣтивъ, что онъ безпрестанно умышленно нападаетъ на власть, чтобы навлечь на себя его гнѣвъ, сказалъ ему: «Тебѣ очень хотѣлось бы, чтобъ тебя убили; но я не велю казнить собаки, которая лаетъ». Діонъ, LXVI, 13.

[37]) Сен., *De provid.*, 5, 5.

[38]) Сен., *Epist.*, 6, 2, 3, *ille seminudus*.

[39]) Сенека указываетъ на то, что Секстій, выдавая себя за пиѳагорейца, былъ въ сущности стоикъ, *magnus vir, et, licet neget, stoicus. Epist.*, 64, 2. Еще во времена Цицерона Антіохъ Аскалонскій часто заставлялъ Академію сливаться съ Портикомъ. Циц., *De nat. deor.*, I 7.

[40]) *Epist.*, 64, 8.

ко повыгоднѣе прилагать къ дѣлу правила, преподанныя древними мудрецами. Чтобы достичь практической пользы, единственно желательной въ это время, упрощаютъ все, стараясь сдѣлать все болѣе понятнымъ; являются настойчивыми, патетичными, стараются растрогать и увлечь души вмѣсто того, чтобы просвѣщать ихъ. Всѣ секты наперерывъ стремятся указать человѣку на его обязанности, напомнить ему его достоинство, поддержать и укрѣпить его въ испытаніяхъ, дать ему силу переносить житейскія страданія, ссылку, нищету и самую даже смерть. Надо сознаться, что подобное ученіе было очень кстати при Тиберіи.

Всего интереснѣе для насъ въ этомъ философскомъ движеніи то, что оно произвело величайшаго римскаго философа. Сенека выросъ въ этой средѣ, и для того чтобы хорошо понимать его, слѣдуетъ всегда это помнить и разсматривать его именно въ ней. Отецъ желалъ обучить его ораторскому искусству, чтобы сдѣлать изъ него впослѣдствіи государственнаго человѣка; его рано начали водить къ риторамъ, и уроки ихъ нравились ему. Онъ началъ такъ блистательно свое адвокатское поприще, что Калигула, хваставшійся своимъ краснорѣчіемъ, позавидовалъ его славѣ и нѣкоторое время имѣлъ даже намѣреніе убить его; но философія, къ которой его не подготовляли, привлекала его гораздо больше, чѣмъ риторика. Очень возможно, что онъ обучался ей только для дополненія ораторскаго искусства; но впослѣдствіи онъ предался ей ради ея самой, и она вскорѣ стала главнымъ его предметомъ. Этотъ блѣдный и болѣзненный молодой человѣкъ, умиравшій съ самаго дня рожденія, бросался на все съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ. Слова пиѳагорейца Сотіона приводили его въ восторгъ. Онъ первый приходилъ въ школу Аттала и, не довольствуясь тѣмъ чтобы выходить вмѣстѣ съ другими, сопровождалъ учителя домой чтобы подольше наслаждаться его уроками [41]). Слушая его нападки на заблужденія и пороки людей, онъ принимался оплакивать жалкій родъ человѣческій. «Когда Атталъ, говорилъ онъ впослѣдствіи, восхвалялъ при мнѣ бѣдность и доказывалъ, какъ безполезно и обременительно все, что переступаетъ границы необходимаго, мнѣ вспадала мысль выйти изъ его школы бѣднякомъ; когда онъ принимался разбирать наши удовольствія и хвалить людей, заботящихся о непорочности своего тѣла и объ умѣренности своего стола и избѣгающихъ не только преступныхъ на-

---

[41]) Сен., *Epist*., 108, 3.

слажденій, но даже излишнихъ удовольствій, я обѣщалъ себѣ побѣждать свою жадность и умѣрять аппетитъ [42])». Онъ не принадлежалъ къ числу людей, ходившихъ къ философамъ лишь затѣмъ, чтобы на минуту позабавиться и послушать прекрасныхъ словъ; онъ желалъ приложить къ дѣлу ихъ наставленія и устроить свою жизнь сообразно ихъ урокамъ. Послушавши Сотіона, онъ цѣлый годъ воздерживался отъ мясной пищи [43]). Увѣщанія Аттала пробудили въ немъ страсть къ умѣренности; чтобы побороть свою плоть, онъ готовъ былъ питаться однимъ хлѣбомъ и кашицей. Но это былъ пылъ новообращеннаго, продержавшійся недолго. «Возвращенный жизнью къ общепринятымъ обычаямъ, говоритъ онъ, я удержалъ немногое изъ рѣшеній своей юности [44])». Онъ сохранилъ впрочемъ привычку не пить вина, не ѣсть устрицъ и грибовъ, не употреблять слишкомъ много духовъ и избѣгать бань, ослабляющихъ тѣло чрезвычайнымъ потѣніемъ. Хоть онъ и не спалъ совершенно голый на нищенскомъ одрѣ, подобно Деметрію, но говоритъ, что тюфяки его кровати были очень жестки, «и не сохраняли по утрамъ отпечатка его тѣла [45])».

Казалось, что съ этой минуты многія причины должны были отвлекать его отъ его первоначальныхъ занятій. Удовольствія и тщеславіе оспоривали другъ у другъ его время; но среди всевозможныхъ происшествій бурной жизни, онъ никогда не переставалъ возвращаться къ философіи. Вѣроятно, при жизни отца онъ занимался ею отчасти въ тихомолку: старый риторъ не довѣрялъ ей и не понималъ, какъ можно ставить что-нибудь выше краснорѣчія. Единственно для того, чтобы угодить ему, Сенека сдѣлался знаменитымъ ораторомъ въ послѣдніе годы царствованія Тиберія и въ началѣ царствованія Калигулы. Смерть отца возвратила ему свободу. «Сначала, говоритъ онъ намъ, я пересталъ желать тягаться, а потомъ пересталъ и умѣть» [46]).

Эти слова объясняютъ намъ, что когда ссылка оторвала его отъ форума, онъ потерялъ желаніе снова показываться на немъ, и очень понятно, что онъ удалялся оттуда лишь для того, чтобы всецѣло предаться философіи. Направляясь въ эту сторону, онъ не только слѣдовалъ своимъ естественнымъ наклонностямъ, но тру-

42) *Epist.* 108, 14.
43) *Epist.* 108, 22.
44) *Epist.* 108, 15.
45) *Epist.* 108, 23.
46) *Epist.* 49, 2.

дился также и для своей славы. Онъ пріобрѣлъ себѣ наибольшую извѣстность своими философскими трактатами. Онъ могъ имѣть соперниковъ въ краснорѣчіи: кромѣ его, адвокатура насчитывала еще другихъ отличныхъ и искусныхъ ораторовъ; но ни одинъ изъ нихъ не присоединялъ, подобно ему, къ своей ораторской славѣ славу одного изъ первѣйшихъ философовъ своего времени. Такое соединеніе различныхъ талантовъ, громкая извѣстность его сочиненій и вліяніе его преподаванія на избранное общество, все это создало ему совершенно особенное положеніе и сдѣлало то, что Агриппина нашла полезнымъ пригласить къ своему сыну и привлечь на свою сторону человѣка, пользовавшагося такою славою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ученіе Сенеки.

I.

Какимъ образомъ политическое положеніе Сенеки могло способствовать успѣху его ученія.—Онъ располагаетъ къ себѣ общественное мнѣніе своими первыми сочиненіями. — Что онъ дѣлаетъ для сохраненія своей популярности, находясь въ силѣ.—Нападки на него и его отвѣты на нихъ.—Его опала и смерть.

Талантомъ Сенеки вполнѣ объясняется успѣхъ его ученія; но очень можетъ быть, что ему способствовали еще и другія причины. Будучи философомъ, онъ былъ въ то же время государственнымъ человѣкомъ; онъ не предался строгому уединенію подобно многимъ другимъ философамъ, но жилъ совершенно открыто среди блестящаго общества и на глазахъ у всѣхъ подвергался различнымъ переворотамъ судьбы. Его политическое положеніе создало ему одновременно, и непримиримыхъ враговъ, и горячихъ приверженцевъ. Слава, окружавшая его имя, и мѣсто, занимаемое имъ возлѣ императора, доставили ему такихъ читателей, которые никогда не раскрыли бы его книгъ, будь онъ только обыкновеннымъ философомъ.

Въ царствованіе Калигулы и въ началѣ царствованія Клавдія, въ то время, какъ появились его первыя сочиненія, онъ имѣлъ, повидимому, плохую репутацію на Палатинѣ; его считали если не открытымъ врагомъ, но непріятнымъ человѣкомъ, и окружающіе государя относились къ нему недовѣрчиво. Калигула отзывался о немъ дурно и хотѣлъ убить его. Клавдій, какъ только достигъ имперіи, поспѣшилъ сослать его по совѣту своей жены.

Трудно сказать, почему императоры были такъ дурно расположены къ нему. Единственное изъ его сочиненій, которое можно хоть съ нѣкоторою достовѣрностью отнести къ этой эпохѣ, есть

Утѣшеніе Марціи[1]). Оно было написано для дочери Кремуція Корда, этой благороднѣйшей жертвы свободы слова, который при Тиберіи поплатился жизнью за то, что осмѣлился назвать Брута и Кассія послѣдними изъ римлянъ. Конечно, для молодаго человѣка, стремившагося къ популярности, это былъ прекрасный случай заискать общественное расположеніе, высказавъ нѣсколько сожалѣній о прошломъ; говорить же о немъ съ сочувствіемъ было очень естественно, восхваляя человѣка, погибшаго за то именно, что онъ хорошо отзывался о прошедшемъ. Однако, Сенека не рѣшился этого сдѣлать. Во всей своей книгѣ онъ не сказалъ ни слова о республикѣ и даже не упомянулъ въ ней имени Брута. Это начало показываетъ его такимъ, какимъ онъ постоянно былъ впослѣдствіи; осторожный и осмотрительный вразсужденіи политическихъ дѣлъ, онъ чрезвычайно боялся оскорблять власть безполезными остроумными выходками и старался строго держать себя въ границахъ дозволеннаго либерализма. Если подобная осторожность не помѣшала ему впасть въ немилость государя, то это потому, что въ то время всякое превосходство считалось преступленіемъ, и всякій человѣкъ, имѣвшій несчастіе обратить на себя вниманіе публики, считался нарушителемъ правъ императора. Въ сущности вся вина Сенеки состояла въ томъ, что у него былъ талантъ, что о немъ много толковали, что его внимательно слушали, когда онъ говорилъ, и читали, когда онъ писалъ; но эта вина была изъ тѣхъ, которыя въ то время не прощались. При правительствѣ, старавшемся всѣхъ унизить и заставить молчать, всякій, кто осмѣливался поднять голову и заставить читать себя или слушать, становился противъ собственнаго желанія опаснымъ для государя: общественная злоба, всюду искавшая средствъ удовлетворить себя, придавала его словамъ такой смыслъ, какого они не имѣли, и отыскивала въ его сочиненіяхъ такіе намеки, какихъ онъ вовсе не желалъ дѣлать, такъ что изъ него, помимо его собственной воли, дѣлали недовольнаго. Какъ ни невинно кажется намъ *Утѣшеніе Марціи*, но и оно не могло похвалиться тѣмъ, что избѣгло подобныхъ толкованій, такъ какъ и друзья и враги этого молодаго человѣка, столь блистательно начинавшаго свое поприще, то

---

[1]) Я придерживаюсь мнѣнія Юста Липсія. г. Жонасъ (*De ordine librorum Senecae*, с. 37) говоритъ не такъ утвердительно и даже думаетъ, что Сенека написалъ это сочиненіе по возвращеніи своемъ изъ ссылки. Но мнѣніе Юста Липсія кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

есть почти все общество, съ одинаковымъ интересомъ искали въ его сочиненіи политическихъ колкостей, одни для того чтобы прославить его за это, а другіе съ тѣмъ чтобы погубить; трудно было, чтобъ они не открыли ихъ наконецъ. Такъ, напримѣръ, они могли замѣтить, что во всемъ сочиненіи нѣтъ ни одной лести государю; не было ли такое непривычное молчаніе косвеннымъ способомъ протестовать противъ общественнаго раболѣпства? Кромѣ того можетъ быть, что къ тогдашнему времени приложили нѣкоторыя изъ тѣхъ общихъ истинъ, на которыя Сенека былъ такъ щедръ. Очень легко выставлять имена подъ портретами, рисуемыми моралистомъ, и относить къ отдѣльнымъ лицамъ упреки, дѣлаемые имъ всему человѣчеству. Во всякомъ случаѣ, неудовольствія, оказываемаго ему при дворѣ, было вполнѣ достаточно чтобы сдѣлать его дорогимъ для всѣхъ, кому этотъ дворъ былъ ненавистенъ; а такіе люди составляли большинство. Слѣдовательно, очень можетъ быть, что общественное мнѣніе высказалось въ его пользу со времени появленія его первыхъ произведеній [2]) и что оказываемое ему расположеніе повліяло отчасти на рѣшеніе Клавдія сослать его на островъ Корсику.

Недовольно было пріобрѣсть популярность, надо было сохранить ее. Когда, восемь лѣтъ спустя, Сенека вернулся въ Римъ, положеніе его сильно измѣнилось; отъ ссылки онъ непосредственно перешелъ къ власти и изъ изгнанника превратился во вліятельное лицо, а вскорѣ даже въ одного изъ государственныхъ правителей. Такіе рѣзкіе переходы не проходятъ безъ затрудненій, и рѣдко бываетъ, чтобы перемѣна положенія не измѣнила немного рѣчи человѣка. Сенека съумѣлъ выпутаться довольно искусно. Его осторожность въ то время, какъ онъ еще не былъ оффиціальнымъ лицомъ, позволяла ему не отрекаться отъ своихъ прежнихъ сочиненій, когда онъ сдѣлался таковымъ. Что касается его новыхъ произведеній, онъ съумѣлъ сохранить въ нихъ болѣе непринужденности и свободы, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ государственнаго человѣка временъ имперіи. Будучи преторомъ и консуломъ, онъ продолжалъ оставаться мудрецомъ, читавшимъ наставленія своему вѣку и, управляя римлянами, онъ продолжалъ проповѣдывать имъ добродѣтель. Притомъ самая роль моралистовъ такова, что они постоянно кого-нибудь журятъ; строгость ихъ ни-

---

[2]) Светоній подтверждаетъ, что сочиненія его имѣли въ то время большой успѣхъ. *Calig.*, 53: *Senecam tum maxime placentem* и пр.

кого не удивляетъ, и имъ позволяютъ высказывать истины, которыя показались бы оскорбительными въ другихъ устахъ. Сенека нашелъ подобное позволенiе удобнымъ и воспользовался имъ. Если въ качествѣ государственнаго человѣка онъ принужденъ былъ говорить съ величайшею осторожностью, зато его философскiя обязанности разрѣшали ему весьма сурово относиться къ людямъ, такъ что онъ пользовался преимуществами, и власти, и оппозицiи. Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда служебныя обязанности безпрестанно призывали его на Палатинъ, онъ не стѣснялся называть царскiй дворъ «печальной тюрьмою;» [3]) онъ съ удовольствiемъ приводилъ разсказъ о человѣкѣ, который на вопросъ, какимъ образомъ онъ могъ достичь старости, проживъ весь вѣкъ вблизи государей, отвѣчалъ: «получая оскорбленiя и благодаря» [4]). Даже въ своемъ трактатѣ *о милосердiи*, который посвященъ Нерону и гдѣ изложены чувства покорнаго подданнаго, онъ тѣмъ не менѣе старается доказать нѣкоторыми выходками, что не вполнѣ отрекся отъ свободы слова. Здѣсь онъ помѣстилъ между прочимъ слѣдующiя горькiя слова противъ главы императорской династiи, противъ бога Августа, о которомъ говорили не иначе, какъ на колѣняхъ: «я не могу назвать милосердiемъ того, что было въ немъ не болѣе, какъ утомившаяся жестокость» [5]). Очевидно, что онъ старался согласить, по крайней мѣрѣ во внѣшности, снисходительность, требуемую отъ государственнаго человѣка, съ откровенностью, ожидаемою отъ философа. Благодаря такому искусному образу дѣйствiй, онъ, угождая своимъ новымъ друзьямъ, которыхъ можно всегда навѣрное прiобрѣсти, сдѣлавшись министромъ, съумѣлъ не совсѣмъ потерять друзей, прiобрѣтенныхъ имъ до его могущества, такъ какъ тѣ подозрѣвали, что онъ врагъ двора, и видѣли въ немъ жертву гнѣва цезаря.

Но трудно было, чтобы, находясь въ такомъ высокомъ положенiи, подававшемъ ему безпрестанно случай возбуждать къ себѣ зависть и неудовольствiе, онъ не нажилъ себѣ ожесточенныхъ враговъ. У него были соперники, которымъ онъ, къ несчастiю, подавалъ впродолженiе своей жизни слишкомъ много поводовъ нападать на себя. Они сдѣлались до такой степени жестоки противъ

---

[3]) *De ira*, III, 15, 3: *triste ergastulum.*

[4]) *De ira*, II, 33, 2.

[5]) *De clementia*, I, 11. Правда, что онъ унижаетъ милосердiе Августа лишь для того, чтобы возвеличить милосердiе Нерона. Вообще эпиграмма противъ умершаго государя есть не болѣе, какъ лесть живущему.

него, особенно, когда увидѣли, что это было для нихъ совершенно безопасно, и что могущество его начинаетъ уменьшаться, что онъ принужденъ былъ, наконецъ, отвѣчать имъ. Онъ сдѣлалъ это въ одномъ изъ самыхъ любопытныхъ своихъ трактатовъ, гдѣ онъ извиняется въ томъ, что богатъ, что ведетъ домъ на широкую ногу, что имѣетъ рабовъ, умѣющихъ изящно разрѣзывать мясо, и жену, «носящую въ ушахъ доходы нѣсколькихъ помѣстьевъ [6])», и что на пирахъ угощаетъ винами старше его самого. Какъ бы то ни было, говоритъ онъ, но мудрецъ не обязанъ обрекать себя бѣдности. «Подобно тому, какъ человѣкъ, могущій идти пѣшкомъ, предпочитаетъ, если можно, ѣхать въ экипажѣ, и бѣдный, если ему будетъ предстоять случай обогатиться, воспользуется имъ»; и онъ хорошо сдѣлаетъ, лишь бы только не слишкомъ привязался къ своему богатству, впередъ рѣшась обходиться безъ него, въ случаѣ если онъ его потеряетъ, и не допуская, чтобы оно было въ тягость ему самому и другимъ [7]). Одно изъ самыхъ энергическихъ мѣстъ этой апологіи то, гдѣ онъ, опровергая нападки своихъ доносчиковъ, утверждаетъ, что источники его богатства чисты. «Философъ, говоритъ онъ, можетъ обладать большими богатствами съ условіемъ, чтобы эти богатства не были ни у кого отняты, чтобы они не были осквернены кровью другихъ, чтобы они не были пріобрѣтены имъ ни путемъ несправедливости, ни съ помощью гнусныхъ ремеслъ, и не заставляли стенать никого, кромѣ завистниковъ... Онъ не будетъ ни гордиться, ни стыдиться того, что онъ богатъ; тѣмъ не менѣе ему позволительно будетъ почувствовать небольшую гордость, когда, отворяя свой домъ своимъ согражданамъ, онъ будетъ въ состояніи съ увѣренностью сказать имъ: «Если кто изъ васъ найдетъ здѣсь что-нибудь ему принадлежащее, пусть онъ унесетъ это съ собою». Таковъ былъ его отвѣтъ людямъ, обвинявшимъ его въ томъ, будто онъ обогатился посредствомъ ростовщичества и получаемыхъ имъ имѣній изгнанниковъ [8]).

Неизвѣстно, каковъ былъ успѣхъ этого сочиненія, и примирило ли оно съ нимъ тѣхъ, кого возстановила противъ него его политическая судьба; но, предположивъ даже, что они не убѣдились

---

[6]) *De vita beata*, 17, 2. Вѣроятно, онъ говоритъ здѣсь не о Паулинѣ, а о своей первой женѣ, которую онъ въ то время только что потерялъ.

[7]) 23, 4.

[8]) 23, 2.

его доводами, которые, между прочимъ, не всегда неопровержимы, весьма вѣроятно, что несчастія его послѣднихъ годовъ и его твердая кончина должны были обезоружить ихъ. Опала, переносимая имъ съ такимъ мужествомъ, несомнѣнно возвратила ему уваженіе тѣхъ, кто его покинулъ, и еще сильнѣе привязала къ нему тѣхъ, кто остался ему вѣренъ. Она не сдѣлала Сенеку мятежникомъ; онъ по природѣ своей былъ неспособенъ къ подобной роли; такъ какъ онъ былъ по убѣжденію защитникомъ императорскаго правленія, то ему неприлично было дурно говорить о государѣ, котораго онъ былъ наставникомъ и министромъ. Потому въ его послѣднихъ сочиненіяхъ мы не находимъ прямыхъ нападковъ на императора, хотя изъ нихъ можно извлечь очень неблагопріятное мнѣніе объ имперіи. Если онъ не проповѣдуетъ возстанія, зато предлагаетъ взять отставку. Въ своемъ трактатѣ *о Досугѣ* онъ утверждаетъ, что бываютъ такія обстоятельства, когда можно безъ всякаго грѣха удалиться отъ общественной дѣятельности. «Если государство слишкомъ испорчено для того, чтобы его можно было исправить, если оно находится въ рукахъ дурныхъ людей, то мудрецъ не станетъ терять времени въ безполезныхъ стараніяхъ и не будетъ безуспѣшно тратить свои силы [9])». Ему казалось, что именно такая минута наступила послѣ смерти Бурра, и съ этого времени онъ задумалъ удалиться. Для того, чтобы отставка его была непреложнѣе, онъ хотѣлъ въ то же время разстаться и съ своимъ богатствомъ. «Кто хочетъ спастись отъ бури, говорилъ онъ, тотъ долженъ прежде всего побросать въ воду свой багажъ [10])». Извѣстно, что онъ предложилъ свое имущество Нерону, но тотъ отказался принять его. Боясь, что, обобравши его, онъ увеличитъ его популярность, онъ присудилъ его остаться богатымъ. Сенека былъ вынужденъ сдѣлать себя бѣднымъ самъ. Онъ любитъ намъ разсказывать, что живетъ надъ общественными банями, катается въ телѣжкѣ, спитъ на жесткомъ ложѣ и съ большимъ аппетитомъ ѣстъ хлѣбъ своего фермера; а письма, въ которыхъ находятся всѣ эти подробности, написаны въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Можно сказать, что послѣ жизни, проведенной въ роскоши, онъ, въ одинъ прекрасный день, открылъ бѣдность, и это открытіе приводитъ его въ восхищеніе. До сихъ поръ онъ не подозрѣвалъ, какъ много есть безполезныхъ вещей, которыя мы

---

[9]) *De otio*, 3, 3.

[10]) *Epist.*, 22, 12: *nemo cum sarcinis enatat.*

считаемъ необходимыми по привычкѣ, и безъ которыхъ между тѣмъ очень легко обойтись [11]). Онъ удивленъ и восхищенъ, видя, что можно отдыхать отъ трудовъ, не заставляя натирать себя благовоніями, и путешествовать, не имѣя впереди себя толпы нумидійскихъ наѣздниковъ, а позади—нѣсколькихъ муловъ, навьюченныхъ посудою и хрусталемъ [12]). Подобно всякому новообращенному, онъ проповѣдуетъ всѣмъ и каждому и не перестаетъ предлагать простоту, уединеніе, удаленіе отъ утонченной и изнѣженной жизни, ненависть къ роскоши и любовь къ бѣдности. «Я хочу, говоритъ онъ, указать другимъ тотъ прямой мой путь, который я узналъ такъ поздно послѣ столькихъ заблужденій. Я кричу имъ: избѣгайте того, что нравится простому народу, и что даетъ намъ случай; встрѣтивъ передъ собою какое-нибудь неожиданное богатство, остановитесь передъ нимъ съ подозрѣніемъ и страхомъ, прежде чѣмъ дотронетесь до него. Вспомните о ловушкахъ, разставляемыхъ для приманки и гибели животныхъ. Это дары счастія, говорите вы; нѣтъ, это ловушки. Если хотите жить спокойно, не довѣряйте этимъ обманчивымъ благодѣяніямъ. Они обманчивы тѣмъ, что, думая держать ихъ въ рукахъ, человѣкъ попадается самъ. Тотъ, кто позволяетъ себѣ увлекаться ими, роковымъ образомъ идетъ къ пропасти, и концомъ всякаго высокаго счастія бываетъ обыкновенно паденье [13])». Онъ самъ предвидитъ это неизбѣжное паденіе и приготовляется къ нему. Онъ знаетъ, какой конецъ готовитъ ему ненависть Нерона, и что конецъ этотъ уже недалекъ. Онъ знаетъ также, что его враги, довольные тѣмъ что часто находили у него противорѣчія съ его ученіемъ, ожидаютъ его послѣднихъ минутъ, разсчитывая замѣтить въ немъ тогда слабость духа, и онъ рѣшается не доставить имъ удовольствія, котораго они ожидаютъ. «Говорю вамъ: эти ученые споры, эти философскія бесѣды, эти правила, почерпнутыя изъ умныхъ книгъ, вовсе не доказываютъ въ человѣкѣ мужества. Сколько трусовъ говорятъ какъ храбрецы! То, какъ умираетъ человѣкъ, доказываетъ намъ, чего онъ стоитъ. Итакъ, я принимаю для себя этотъ приговоръ; я не боюсь быть осужденнымъ за то, какъ я умру [14])». Онъ впередъ бралъ на себя такое обязательство и выполнилъ его, какъ обѣщалъ; смерть его принесла честь его жизни. Если

---

[11]) *Epist.*, 87, 1.
[12]) *Epist.*, 123, 7.
[13]) *Epist.*, 8, 3.
[14]) *Epist.*, 26, 6.

его и можно упрекнуть за нѣкоторую искусственность и торжественность его послѣднихъ минутъ, то это происходило вслѣдствіе того, что онъ уже издавна готовился получше умереть и зналъ также, что за нимъ наблюдаютъ ревнивымъ и завистливымъ окомъ, и что публика внимательно слушаетъ его слова, съ которыми онъ обращался, повидимому, только къ своей женѣ и дѣтямъ. Тацитъ сообщаетъ намъ, что они были записаны въ томъ видѣ, какъ вышли изъ его устъ [15]), и, вѣроятно, всѣ честные люди съ жадностью читали ихъ. Его философія воспользовалась участіемъ, вызваннымъ его невзгодами; перевороты его судьбы и его печальный конецъ послѣ блестящей жизни были въ числѣ причинъ, почему сочиненія его удостоивались такой громадной популярности.

II.

Характеръ ученія Сенеки.—Онъ предпочитаетъ нравственное руководительство проповѣдыванію.—Онъ хочетъ имѣть лишь небольшое число избранныхъ учениковъ.—Онъ выбираетъ ихъ между свѣтскими людьми.—Какимъ образомъ его душевныя качества дѣлали его способнымъ къ подобнаго рода преподаванію.

Успѣхъ ученій Сенеки еще лучше объясняется способомъ ихъ распространенія. Мы уже видѣли, что философія распространялась въ то время двумя способами; изъ нихъ болѣе популярнымъ было проповѣдываніе, а болѣе скромнымъ и задушевнымъ—нравственное руководительство. Сенека чаще всего прибѣгалъ ко второму. Онъ соглашался, конечно, что и проповѣдь не безполезна [16]). Такъ какъ философія существуетъ для всѣхъ, то она должна выбирать себѣ учениковъ даже между людьми равнодушными и мало расположенными къ ней; а такъ какъ они не приходятъ къ ней, то она сама должна ихъ отыскивать, поражать ихъ блескомъ красноречія и внушать имъ желаніе познакомиться съ нею. Слѣдовательно, это блестящее, общее преподаваніе необходимо: оно открываетъ собою пути другому, и Сенека съ этимъ согласенъ; всѣ средства кажутся ему хорошими для пробужденія философскаго призванія. Онъ даже одобрялъ циниковъ, которые останавливали на улицѣ людей и поучали прохожихъ [17]); но, одобряя ихъ, онъ

---

15) *Ann.*, XV, 63.

16) *Epist.*, 38, 1.

17) *Epist.*, 29, 2.

не желалъ, однако, подражать имъ. Ему не нравились многочисленныя собранія, вошедшія въ моду, благодаря успѣхамъ Фабіана; на нихъ являлось слишкомъ много праздныхъ и любопытныхъ, слишкомъ много любителей хорошаго слога, приносившихъ съ собою дощечки для записыванія самыхъ лучшихъ выраженій оратора. Онъ приходилъ въ негодованіе, видя какъ они восхищаются, апплодируютъ и топочутъ отъ восторга при каждой фразѣ. «Какой стыдъ для философіи, говорилъ онъ, собирать такимъ образомъ рукоплесканія! Развѣ больной говоритъ комплименты врачу, дѣлающему ему ампутацію? Изъ всѣхъ криковъ я хочу слышать только крики боли, когда я буду сжимать ваши пороки... Какъ я сожалѣю о безумцѣ, радостно выходящемъ изъ своей школы, откуда его сопровождаетъ своими восклицаніями невѣжественная толпа! Велико торжество получать похвалы отъ тѣхъ, которые сами ихъ не заслуживаютъ [18])!» Дѣйствительно, эти каѳедральные философы (*cathedrarii philosophi* [19]) слишкомъ часто казались ему шарлатанами. Кромѣ того онъ находилъ, что нѣсколько опасно собирать такъ много слушателей. Извѣстно, что онъ терпѣть не могъ толпы и находилъ, что люди становяттся гораздо хуже, когда соберутся вмѣстѣ. «Есть выздоравливающіе, говорилъ онъ, до такой степени ослабленные болѣзнью, что имъ не безопасно выходить на открытый воздухъ; таковы и мы, такъ какъ души наши оправляются послѣ продолжительной болѣзни. Намъ вредно слишкомъ долго оставаться въ толпѣ. Каждое изъ посѣщаемыхъ нами лицъ прямо передаетъ намъ свои пороки; они вкрадываются въ насъ безъ нашего вѣдома, и чѣмъ многочисленнѣе толпа, тѣмъ сильнѣе опасность» [20]).

Очень естественно, что при подобныхъ чувствахъ онъ желалъ имѣть лишь небольшое число учениковъ, а такъ какъ онъ не хлопоталъ о томъ, чтобы ихъ было много, то хотѣлъ, чтобы это были избранные люди. Онъ не только самъ не обращался къ людямъ индефферентнымъ, считая недостойнымъ себя подражать тѣмъ стрѣлкамъ, которые пускаютъ на удачу множество стрѣлъ въ надеждѣ, что какая-нибудь изъ нихъ попадетъ въ цѣль [2]), но даже никогда съ перваго разу и не открывался вполнѣ людямъ, прихо-

---

18) *Epist.*, 52, 9.
19) *De brev. vitae*, 10, 1.
20) *Epist.*, 7, 2.
21) *Epist.*, 29, 2.

дившимъ просить у него поученій. Прежде, чѣмъ принять ихъ, онъ ихъ испытывалъ и неохотно вѣрилъ первымъ признакамъ раскаянія. Однажды, когда Люцилій представилъ ему человѣка, сильно сокрушавшагося, повидимому, о своей прежней безпорядочной жизни, онъ отвѣчалъ: «Чтобы судить объ его порокахъ, подождемъ, когда онъ окончательно отдѣлается отъ нихъ; онъ пока съ ними только въ небольшомъ разладѣ [22])». Какъ видно, ему были извѣстны тѣ мимолетныя рѣшенія, какія человѣкъ принимаетъ иногда въ минуты неудачи и скуки; онъ не довѣрялъ людямъ, бранившимъ удовольствія, когда они пресытятся ими, и обѣщаніямъ ихъ навсегда отказаться отъ честолюбія, когда оно разъ обмануло ихъ. «Это ссоры влюбленныхъ [23])», продолжающіяся недолго и, по словамъ Теренція, служащія только къ сильнѣйшему возбужденію любви. Онъ желаетъ имѣть своими учениками людей болѣе рѣшительныхъ, искренно желающихъ измѣнить свою жизнь. Онъ предпочитаетъ молодыхъ, потому что имъ не было еще времени укорениться во злѣ; въ одномъ письмѣ онъ извиняется, что у него, какъ онъ говоритъ, есть сорокалѣтній питомецъ [24]). Онъ выбираетъ ихъ обыкновенно между свѣтскими людьми: всѣ тѣ, чьи имена дошли до насъ, принадлежали, повидимому, къ числу людей богатыхъ и значительныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ не изъ тѣхъ философовъ, которые систематически устраняютъ бѣдныхъ отъ философіи, предоставляя ее въ видѣ привилегіи однимъ знатнымъ лицамъ. Напротивъ того, онъ говоритъ, что «она не оказываетъ никому ни предпочтенія, ни отвращенія, и, подобно солнцу, сіяетъ для всѣхъ [25])». Онъ провозглашалъ, что добродѣтель часто покидаетъ дворцы и поселяется въ самыхъ скромныхъ жилищахъ [26]), и что ее можно встрѣтить не въ однихъ только всадникахъ, но и въ вольноотпущенникахъ и рабахъ. «Что такое имена рабовъ, вольноотпущенниковъ, всадниковъ? говорилъ онъ,—слова, придуманныя тщеславіемъ и несправедливостью. Нѣтъ такого уголка на землѣ, откуда нельзя было бы устремиться на небо [27])». Но хотя онъ и признаетъ такимъ образомъ равенство всѣхъ людей передъ наукою и добродѣ-

---

22) *Epist.*, 112, 3.
23) *Epist.*, 22, 10.
24) *Epist.*, 52, 1.
25) *Epist.*, 44, 2.
26) *Epist.*, 74, 28.
27) *Epist.*, 31, 11.

телью, тѣмъ не менѣе очевидно, что трактаты его писались не для рабовъ и бѣдняковъ. Онъ даетъ въ нихъ совсѣмъ не подходящіе для нихъ совѣты; а тѣ недостатки, на которые онъ болѣе всего нападаетъ, совершенно чужды имъ. Такъ, напримѣръ, онъ осуждаетъ людей, обладающихъ громадными помѣстьями и готовыхъ безпрестанно строить въ нихъ новыя виллы. «Когда вы перестанете желать, говоритъ онъ имъ, чтобы не оставалось ни одного озера, надъ которымъ не было бы вашихъ загородныхъ домовъ, и ни одной рѣки, которая не была бы окаймлена вашими великолѣпными постройками? Всюду, гдѣ вытекаютъ источники теплой воды, вы спѣшите воздвигать новые пріюты для своихъ удовольствій; всюду, гдѣ берегъ дѣлаетъ изгибъ, вы хотите основать какой-нибудь дворецъ, и, не довольствуясь твердою землею, сооружаете въ волнахъ плотины, чтобы ввести море въ свои зданія. Нѣтъ страны, гдѣ бы не красовались ваши жилища, то построенныя на вершинѣ холмовъ, откуда взоръ обнимаетъ громадныя пространства земли и моря, то стоящія среди равнинъ, но такія высокія, что сами кажутся горами» [28]. Съ одинаковою силою нападаетъ онъ на всѣ утонченности роскоши, безпрестанно изобрѣтаемыя вокругъ него: на садки, «устроиваемые обжорствомъ для того, чтобы не бояться бурь и имѣть среди разсвирѣпѣвшихъ волнъ спокойныя пристани для выкармливанія любимой рыбы [29]»; на пиршественныя залы съ декораціями, перемѣняющимися при каждомъ новомъ блюдѣ; на машины, выбрасывающія на значительную высоту струи шафрановой воды, ниспадающей потомъ на гостей въ видѣ тонкаго пара [30]; на недавно изобрѣтенные прозрачные камни, вставляющіеся въ окна, и которые, задерживая воздухъ, пропускаютъ свѣтъ; на скрытыя въ стѣнахъ трубы, разносящія по комнатамъ равномѣрную и пріятную теплоту [31]; на легіоны рабовъ, «распредѣляемыхъ по цвѣту и странѣ [32]»; на всякаго рода слугъ, «истощающихъ свои силы для наполненія одного желудка [33]»; на роскошныя блюда, на устрицъ, на вкусныхъ раковинъ, на грибы, «этотъ прелестный ядъ», на всѣ эти

28) *Epist.*, 89, 21.
29) *Epist.*, 90, 7.
30) *Epist.*, 90, 15.
31) *Epist.*, 90, 25, и *De provid.*, 4, 9.
32) *Epist.*, 95, 24.
33) *Di boni! quantum hominum unus venter exercet.*
34) *Epist.*, 95, 23.

тонкіе обѣды, влекущіе обыкновенно столь горестныя послѣдствія и вызвавшіе у него слѣдующія остроумныя слова: «Не удивляйтесь, что у насъ такъ много болѣзней; вѣдь у насъ такъ много поваровъ [34])!» Всѣ эти, столь ярко описанные, недостатки принадлежатъ къ числу такихъ, какіе не всякій можетъ имѣть, и было бы весьма безполезно стараться исправлять отъ нихъ бѣдныхъ. Равнымъ образомъ онъ говоритъ не о нихъ, когда насмѣхается надъ людьми, превращающими ночь въ день и «открывающими свои глаза, отяжелѣвшіе отъ бывшаго наканунѣ кутежа, только по заходѣ солнца [35])»; или когда издѣвается надъ франтами, занятыми исключительно своимъ туалетомъ, «совѣтующимися передъ зеркаломъ съ своими цирульниками и согласными видѣть безпорядокъ скорѣе въ государствѣ, чѣмъ въ своей прическѣ» [36]); или, наконецъ, когда описываетъ намъ безплодныя волненія ничего не дѣлающихъ людей, «заставляющія ихъ походить на муравьевъ, которые, взобравшись во весь духъ на верхушку дерева, тотчасъ же спускаются оттуда внизъ [37])». Все это причуды знатныхъ лицъ, имѣющихъ лишнее время и деньги, и эксцентрическія выходки свѣтскихъ людей, желающихъ отличиться своимъ чудачествомъ, но которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣсно, что теперь уже не замѣчаютъ больше тѣхъ, кто содержитъ любовницъ или раззоряетъ свое состояніе,—до такой степени они размножились,—«и что для того, чтобы заставить говорить о себѣ въ такомъ занятомъ городѣ, надо придумывать новыя безумства» [38]).

Впрочемъ легко понять, почему Сенека обращался преимущественно къ свѣтскимъ людямъ и вельможамъ; онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы имѣть у нихъ успѣхъ. Даже наименѣе расположенные къ нему историки восхваляютъ пріятности его ума и «прелесть, какою онъ умѣлъ украшать мудрость [39])». Онъ съ раннихъ лѣтъ посѣщалъ высшее общество Рима; начиная съ царствованія Калигулы, мы видимъ его въ тѣсной дружбѣ съ сестрами императора, очень умными женщинами, изъ которыхъ одна писала свои мемуары. Онъ жилъ среди тѣхъ пріятныхъ кружковъ, куда отправлялись позабыться на время отъ горестей настоящаго и побранить немного въ тихомолку императора

---

[35]) *Epist.*, 122, 2.
[36]) *De brevit. vitae*, 12, 3.
[37]) *De tranq. animi*, 12, 3.
[38]) *Epist.*, 122, 14.
[39]) Тац., *Ann.*, XIII, 2: *comitate honesta*... и далѣе *ingenium amenum.*

для того, чтобы утѣшить себя за тѣ похвалы, которыя приходилось расточать ему публично. Онъ отлично знаетъ свѣтъ, но, хотя ему очень нравится бывать въ немъ, онъ тѣмъ не менѣе не поддается его блазнямъ. Онъ знаетъ, какъ обманчива наружность, сколько ненависти и соперничества скрывается подъ видомъ общей благосклонности, и какая тамъ идетъ вѣчная борьба интересовъ и тщеславія. Онъ сравниваетъ его съ тѣми школами гладіаторовъ, гдѣ бѣдные рабы научаются при жизни убивать другъ друга [40]). Уже не разъ было замѣчено, какіе успѣхи должно было дѣлать знаніе человѣческаго сердца въ этой жизни собща, гдѣ каждый тѣмъ только и занимался, что наблюдалъ своего сосѣда, для того чтобы злоупотребить его достоинствами или воспользоваться его недостатками. Въ этой именно школѣ Сенека достигъ искусства изучать характеры и анализировать страсти. Сочиненія его полны тонкихъ размышленій и глубокихъ наблюденій, почерпнутыхъ имъ не изъ книгъ; при чтеніи ихъ, вы видите, что обращеніе въ свѣтскомъ кругу столько же помогло ему написать ихъ, какъ изученіе Хрисиппа и Зенона.

Это большею частію бесѣды, и къ нимъ довольно удачно подходитъ названіе *діалоговъ*, даваемое имъ въ манускриптахъ Сенеки, хотя онъ обыкновенно одинъ держитъ въ нихъ рѣчь. Подобно тому, какъ это бываетъ въ разговорахъ, онъ никогда не придерживается рабски своего предмета и не принуждаетъ себя слѣдовать правильному порядку. Онъ боится показаться педантомъ, строго слѣдуя методѣ, а онъ ненавидитъ педантизмъ. Онъ охотно распространяется о томъ, что ему нравится, рискуя пренебречь болѣе полезнымъ. Остроумныя размышленія, пріятныя подробности часто заставляютъ его позабывать о цѣломъ. Такъ какъ голова его полна воспоминаній и анекдотовъ, слышанныхъ имъ отъ людей, съ которыми онъ часто видается, и такъ какъ ему извѣстны всѣ придворныя исторіи временъ Августа и Тиберія, онъ любитъ останавливаться на передачѣ ихъ даже тогда, когда избранный имъ предметъ не допускаетъ подобныхъ остановокъ. Сознаваясь самъ въ началѣ пятой книги своего трактата *о благодѣяніяхъ*, что ему нечего больше сказать, и что весь матеріалъ истощенъ, онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ распространяться еще въ трехъ книгахъ изъ-за удовольствія представить нѣсколько остроумныхъ наблюденій и передать нѣсколько интересныхъ разсказовъ. Сенека упоми-

---

[40]) *De ira*, II, 8, 2.

наетъ гдѣ-то о разговорахъ умныхъ людей, «гдѣ такъ легко переходятъ отъ одного предмета къ другому и касаются всего, не истощая ничего [41])». Онъ самъ поступаетъ отчасти такимъ же образомъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ рѣдко доходитъ до глубины разбираемыхъ имъ вопросовъ и не отказываетъ себѣ въ отступленіяхъ. Больше всего онъ хлопочетъ о томъ, чтобы изложить свои мысли въ тѣхъ живыхъ выраженіяхъ и ловкихъ оборотахъ, которые заставляютъ свѣтскихъ людей принимать мораль. Я привелъ уже много подобнаго рода цитатъ и могу привести ихъ еще немало. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ о тщеславныхъ людяхъ, «что они дѣлаютъ себѣ много зла изъ-за полученія прекрасной эпитафіи» [42]); о любителяхъ любовныхъ приключеній, «что для того, чтобы имъ понравилась женщина, достаточно ей принадлежать другому [43]); онъ пріятно осмѣивалъ туалетъ тогдашнихъ дамъ, ихъ перлы, румяны, поммады и ихъ способъ одѣваться, «благодаря которому, онѣ были немного менѣе раздѣты, чѣмъ когда на нихъ нѣтъ и никакого платья совсѣмъ [44])»; о кокеткахъ онъ говорилъ, «что онѣ берутъ мужей, кажется, только для того, чтобы вызывать въ другихъ ухаживаніе за собою [45])». Эти колкія насмѣшки, попадающіяся на каждомъ шагу у Сенеки, то же самое, что остроты, прорывающіяся въ разгарѣ свѣтской бесѣды и придающія ей такую заманчивость. Вѣроятно, онъ самъ былъ такимъ же «превосходнымъ разсказчикомъ», какъ описываемый имъ съ такимъ восторгомъ Педонъ Альбинованъ, [46]) и это самое пріобрѣло ему, вѣроятно, громкую извѣстность въ римскомъ высшемъ обществѣ; онъ продолжаетъ разговаривать даже тогда, когда пишетъ. «Я желаю, говорилъ онъ Люцилію, чтобы книги мои походили на разговоръ между нами двумя» [47]). Читая его, не будемъ никогда забывать, что сочиненія его были скорѣе разсказаны, чѣмъ написаны; а для того, чтобы лучше понимать его, представимъ себѣ, что мы его слушаемъ, что онъ преподаетъ изустно, что въ книгахъ онъ записалъ сказанныя имъ слова, и если эти слова тронутъ насъ, несмотря на то, что они охлаж-

---

41) *Epist.*, 64, 2.
42) *De brevit. vitae*, 20, 1.
43) *De ira*, II, 28, 7.
44) *Ad. Helviam*, 16, 4.
45) *De benef.*, III, 16, 3.
46) *Epist.*, 122, 15: *fabulator elegantissimus.*
47) *Epist.*, 75, 1.

дены временемъ, представимъ себѣ, какое дѣйствіе они должны были производить, когда произносились изустно и были одушевлены тѣмъ тономъ убѣжденія, который заставлялъ его говорить: «Знайте, что я не только думаю, но и люблю все то, что говорю вамъ» [48]).

III.

Ученіе Сенеки заключается въ морали.—Характеръ его морали.—Она не такъ строга, какъ кажется съ виду.—Любовь, которую онъ внушаетъ къ себѣ своимъ ученикамъ.—Результаты его ученія.

Ученіе Сенеки, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ оно представляется намъ въ его письмахъ о нравственности, было, кажется, не слишкомъ обширно. Онъ дѣлаетъ видъ, будто презираетъ свободныя искусства, изучавшіяся съ такимъ увлеченіемъ его современниками. Геометрія, ариѳметика, астрономія кажутся ему не слишкомъ полезными. Музыка учитъ тому, какъ согласовать высокіе и низкіе голоса и съ помощью ихъ производить гармонію: не лучше ли намъ учиться тому, какъ устанавливать гармонію въ своей душѣ? Прослушавъ уроки грамматики и научившись искусству хорошо говорить, дѣлается ли человѣкъ болѣе способнымъ управлять своею волею и сдерживать свои страсти? А въ этомъ и заключается настоящая наука, «и кто не знакомъ съ нею, тотъ не знаетъ ничего» [49]). Задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы обучать этой наукѣ; слѣдовательно, ей надо посвящать все свое время, «отгонять все остальное и ей одной отдавать всю свою душу» [50]). Но даже въ самой философіи надо дѣлать выборъ: не все въ ней одинаково необходимо, и ее расширили безъ мѣры и безъ пользы. Сенека, выдающій себя за ученика стоиковъ, взялъ себѣ не все ихъ наслѣдіе. Изъ трехъ частей, на которыя раздѣляется эта философія, онъ пренебрегъ двумя,—физикой и логикой, и когда ему приходится останавливаться на нихъ хоть на минуту, онъ укоряетъ себя за это и извиняется. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы «помочь несчастнымъ и утѣшить людей, потерпѣвшихъ отъ кораблекрушенія, больныхъ, бѣдныхъ, и такихъ, у которыхъ надъ

---

48) *Epist.*, 73, 3.

49) *Epist.*, 88, 4: *quisquis haec ignorat alia frustra scit.* Это письмо сравнивали иногда съ рѣчью Ж. Ж. Руссо противъ искусствъ и наукъ.

50) *Epist.*, 88, 35: *expellantur omnia, totum pectus illi vacet.*

головою виситъ топоръ» [51]), тогда есть о чемъ подумать, кромѣ того, что такое матерія и причина, и можно ли считать добро тѣломъ или нѣтъ. Философъ, который въ такую критическую минуту, когда столько людей жаждутъ его поученій, занимается такими безполезными изысканіями, походитъ на человѣка, приговореннаго къ смерти Калигулою и игравшаго въ шахматы въ ожиданіи, пока центуріонъ поведетъ его на муки.

Итакъ, Сенека хочетъ всю философію ограничить моралью. «Слишкомъ долго заблуждались, придираясь къ словамъ и ведя обманчивые споры, развивающіе только пустую мелочность. Остается ли у насъ еще время? Умѣемъ ли мы жить? Умѣемъ ли умирать»? [52]) Мудрый человѣкъ тотъ, кто умѣетъ жить и научаетъ этому другихъ, *artifex vivendi*. Это опредѣленіе сдѣлано какъ бы для него самого, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что никто больше его не заслуживаетъ названія мудраго человѣка. Кромѣ того онъ желаетъ, чтобы наука о жизни преподавалась живымъ способомъ. Нѣкоторые философы заботятся лишь о томъ, чтобы постановить правила, служащія основаніемъ нравственности, другіе довольствуются тѣмъ, что даютъ нѣсколько общихъ житейскихъ правилъ въ сухой и сжатой формѣ, думая, что изъ нихъ легко можно вывести заключенія; но это не его метода. Онъ пренебрегаетъ теоретическими разсужденіями о высшемъ благѣ и не старается постановлять догматовъ, а прибѣгаетъ къ практическому приложенію: «онъ хочетъ научить мужа, какъ онъ долженъ обращаться съ своей женою, отца — какъ онъ обязанъ воспитывать своихъ дѣтей, господина — какъ ему слѣдуетъ управлять рабами» [53]). Сухо изложенные принципы могутъ убѣдить умъ; но для того, чтобы тронуть сердце, требуется больше усилій. Кто хочетъ произвести продолжительное дѣйствіе, тотъ долженъ самъ дѣйствовать вдвое сильнѣе. Вотъ причина частыхъ повтореній въ его сочиненіяхъ, и почему онъ любитъ облекать въ различныя формы одну и ту же мысль, что̀ непріятно поражало нѣкоторыхъ его критиковъ. Этимъ способомъ правило исподволь входитъ въ душу [54]); съ каждымъ разомъ оно врѣзывается въ нее все глубже и, наконецъ, внѣдряется въ ней такъ глубоко, что его уже невозможно извлечь оттуда.

---

[51]) *Epist.*, 48, 8.

[52]) *Epist.*, 45, 5.

[53]) *Epist.*, 94, 1.

[54]) *Epist.*, 38, 1: *minutatim inrepit animo.*

Мораль, проповѣдуемая Сенекою своимъ ученикамъ, прежде всего поражаетъ насъ своею строгой стороною, и всѣ привыкли говорить, что она превосходитъ человѣческія силы. Онъ требуетъ, чтобы человѣкъ разлюбилъ свои богатства, чтобы онъ всего ожидалъ и всему покорялся, безъ смущенія переносилъ всѣ несчастія и бѣдствія и равнодушно относился къ нищетѣ, страданіямъ и смерти. Это значило требовать слишкомъ многаго отъ свѣтскихъ людей, къ которымъ онъ обращался съ своими поученіями, и сначала трудно даже понять, какъ подобныя требованія не оттолкнули ихъ отъ него; но, взглянувъ поближе, мы замѣчаемъ, что эта мораль, кажущаяся крайне строгою въ теоріи, гораздо удобоприложимѣе на практикѣ. Она охотно дѣлаетъ уступки обстоятельствамъ и, когда надо, вступаетъ въ сдѣлки съ житейскою необходимостью. Зная, что она не получитъ всего ею требуемаго, она благоразумно довольствуется тѣмъ, что ей согласны дать. Въ одномъ письмѣ, гдѣ Сенека строго порицаетъ отца, оплакивающаго смерть своего сына, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознается, что не всегда можно побѣдить свою горесть: «есть движенія, независящія отъ воли; слезы вырываются даже у тѣхъ, кто старается удержать ихъ, и, проливаясь, онѣ облегчаютъ сердце». Слѣдовательно, ихъ можно проливать, но съ условіемъ, чтобы онѣ были естественны, а не вынуждены, *permittamus illis cadere non imperemus* [55]). Здѣсь говоритъ просто благоразумный человѣкъ, а не стоикъ. Тотъ же духъ замѣчается въ его совѣтахъ насчетъ того, какъ слѣдуетъ жить. Повидимому, онъ сильно сожалѣетъ о золотомъ вѣкѣ и о томъ времени, когда жили въ бѣдныхъ хижинахъ: «солома прикрывала тогда свободныхъ людей: а теперь подъ нашими золотыми и мраморными украшеніями обитаетъ рабство» [56]). Въ ожиданіи, пока воротится это счастливое время, онъ находитъ, что хорошо сокращать свои расходы и жить немногимъ. Онъ предлагаетъ людямъ нѣсколько добровольныхъ воздержаній, которыя докажутъ тѣлу, что душа держитъ его въ своей зависимости, но не считаетъ необходимымъ доводить ихъ до крайности. Онъ знаетъ, что въ свѣтѣ есть положенія, требующія извѣстной роскоши, и нисколько не желаетъ принуждать вельможу жить совершенно такъ, какъ живутъ ци-

---

55) *Epist.*, 99, 16. Онъ сознается самъ, что горько оплакивалъ смерть своей жены и своего друга (*De vita beata*, 17, 1). Впослѣдствіи онъ осуждалъ себя за подобную слабость, но это было уже тогда, когда время его утѣшило. (*Epist.*, 63, 14).

56) *Epist.*, 90, 10.

ники. «Избѣгайте, говоритъ онъ подобнымъ людямъ, слишкомъ небрежной внѣшности, растрепанной прически, всклокоченной бороды; не представляйтесь, будто вы терпѣть не можете серебряной посуды; не спите на голой землѣ... Отличаться отъ другихъ слѣдуетъ душою; внѣшностью же можно быть на нихъ похожими. Не надо носить одеждъ, ослѣпляющихъ зрѣніе, но не надо носить и такихъ, которыя оскорбляли бы его; не станемъ держать у себя посуды съ инкрустаціями изъ литого золота, но не будемъ думать, чтобы намъ необходимо было, для доказательства своей умѣренности, совершенно изгнать у себя золото и серебро. Будемъ стараться о томъ, чтобы быть лучше другихъ, а не о томъ, чтобы жить противъ нихъ иначе» [57]). Онъ заходитъ даже очень далеко въ томъ, что позволяетъ; такъ, напримѣръ, желая исцѣлить одного меланхолика, онъ совѣтуетъ ему по временамъ получше наѣдаться и даже, если надо, топить свое горе въ винѣ [58]), *usque ad ebrietatem veniendum*. Вѣдь дѣлалъ же это Катонъ; а кто осмѣлился бы осудить Катона?

Мнѣ кажется, что Сенека долженъ былъ чувствовать себя болѣе стѣсненнымъ, когда ему приходилось давать совѣты насчетъ денежныхъ благъ. Стоическая мораль была очень строга въ этомъ отношеніи; мудрецъ долженъ былъ совсѣмъ не дорожить ими. Къ несчастію, самого Сенеку можно было заподозрить въ томъ, что онъ не пренебрегалъ деньгами. Говорятъ, что онъ обладалъ тремя стами милліоновъ сестерцій (60 милліоновъ франковъ), и многіе изъ его учениковъ были, вѣроятно, такъ же богаты, какъ и онъ. Мы уже видѣли, что всѣ они принадлежали къ римскому высшему обществу; но не всѣ были древней благородной породы, неисправимая гордость которой могла бы оскорбляться быстрыми успѣхами этого провинціала; большинство ихъ составляли благородные люди втораго разряда, достигнувшіе своего положенія благодаря личнымъ заслугамъ и пребыванію въ общественныхъ должностяхъ, и стоявшіе ниже людей перваго разряда; то были офицеры, какъ, напримѣръ, Серенъ, императорскіе прокураторы, какъ Люцилій, сборщики податей, надсмотрщики за годовыми съѣстными припасами города, все образованные и умные люди, обогатившіеся благодаря занимаемымъ имъ должностямъ по финансовой части. Такъ какъ значеніемъ своимъ они были обязаны преимущественно

---

[57]) *Epist.*, 5, 2.

[58]) *De tranq. animi*, 17, 8.

своему богатству, то имъ неудобно было проповѣдывать бѣдность. Сенека ловко съумѣлъ выйти изъ этого затрудненія. Онъ предписываетъ имъ не совершенно разстаться съ своими богатствами, а только не слишкомъ привязываться къ нимъ; надо быть всегда готовымъ потерять ихъ и умѣть обходиться безъ нихъ, если случай отниметъ ихъ у насъ, но до тѣхъ поръ ничто не мѣшаетъ имѣть ихъ и пользоваться ими. «Не умѣть переносить своего богатства, говоритъ онъ, свойственно только слабому духу» [59]); сильный духъ презираетъ его, и пользуется имъ; и въ другомъ мѣстѣ: «мудрецъ не любитъ богатства, но предпочитаетъ его; онъ не открываетъ ему своего сердца, но принимаетъ его въ свой домъ; онъ умѣренно пользуется имъ, но не отвергаетъ его. Онъ даже благодаренъ ему за то, что оно дало ему бо̀льшую возможность упражняться въ добродѣтели» [60]). Дѣйствительно, нѣтъ ничего особеннаго оказывать глубокое презрѣніе къ богатству, когда ничего не имѣешь; заслуга въ томъ, чтобы презирать его, обладая имъ, изъ чего слѣдуетъ, что его полезно имѣть для того, чтобы пріучаться не дорожить имъ. Подобное заключеніе было, вѣроятно, очень удобно для этихъ богатыхъ банкировъ, которые желали сдѣлаться мудрецами, не переставая быть богачами. Слѣдовательно, строгость морали Сенеки преувеличивали. Стоическіе принципы, какъ мы видѣли, часто смягчались въ ней искусными средствами. Если иногда онъ приводитъ ихъ со всей ихъ жесткостью, то дѣлаетъ это навѣрное зная, что не оттолкнетъ этимъ своихъ учениковъ. Иныя добродѣтели, которыхъ онъ отъ нихъ требуетъ и которыя кажутся намъ всего труднѣе для исполненія, были даже въ то время обязательными добродѣтелями; необходимость ставила ихъ людямъ въ обязанность больше, чѣмъ философія. Вспомнимъ, что онъ писалъ при Неронѣ и притомъ обращался къ такимъ людямъ, у которыхъ, по его выраженію, висѣлъ надъ головою топоръ. Они очень хорошо знали, что у нихъ каждую минуту могутъ отнять богатство, и потому нисколько не удивлялись, если имъ совѣтовали не привязываться къ нему. Совершавшіяся на ихъ глазахъ великія катастрофы, постоянно грозившія имъ самимъ, лучше всякаго совѣта философовъ, предупреждали ихъ быть готовыми ко всему. Ссылка и смерть сдѣлались въ то время такими обыкновенными и предвидѣнными вещами, что никто не удив-

---

59) *Epist.*, 5, 6.

60) *De vita beata* 21, 4.

лялся, слыша, что это даже и вовсе не несчастія [61]). Въ то время это не казалось ни преувеличеніемъ, ни парадоксомъ, какъ оно кажется намъ теперь, а самымъ подходящимъ наставленіемъ для тогдашней ужасной эпохи и самымъ удобнымъ для современниковъ Нерона и Калигулы. Такимъ образомъ Сенека, будучи увѣренъ, что привлечетъ къ себѣ учениковъ своею снисходительностью, не рисковалъ потерять ихъ вслѣдствіе своей строгости. Иногда онъ производитъ впечатлѣніе декламатора, проповѣдующаго химерическія добродѣтели жителямъ какой-то идеальной республики; но это большое заблужденіе: напротивъ, никто лучше его не приноравливался къ своему времени. Его правила, то строгія, то умѣренныя, вполнѣ подходили къ тѣмъ, къ кому онъ съ ними обращался, и можно даже сказать, что эта соотвѣтственность въ чувствахъ и мнѣніяхъ между учителемъ и учениками была главною причиною успѣха, пріобрѣтеннаго его ученіемъ.

Прибавимъ къ этому, что подобная роль нравилась Сенекѣ, и что онъ всегда любилъ поучать. «Если я за что-нибудь люблю знаніе, говорилъ онъ, такъ это за то, что могу передавать его другимъ» [62]). Агриппина хорошо его понимала, когда вернула его изъ ссылки, чтобы поручить ему воспитаніе своего сына; эта обязанность лучше всего подходила къ нему и была ему всего болѣе по душѣ; даже тогда, когда онъ былъ въ силѣ и помогалъ императору управлять міромъ, онъ любилъ въ тайнѣ руководить нѣсколькими избранными душами. Такъ Фенелонъ, воспитывая наслѣдника престола; съумѣлъ составить себѣ въ самомъ Версалѣ избранное стадо, которое наставлялъ своими совѣтами. Извѣстно, что неограниченное вліяніе, пріобрѣтенное имъ надъ этими лицами и любовь, какую они ему оказывали, не понравились подъ конецъ великому деспоту, не терпѣвшему ничьей власти возлѣ своей. Точно такъ же нѣтъ ничего невѣроятнаго, что преданные

---

[61]) Г. Гавè въ своемъ сочиненіи: *Le christianisme et ses origines* (т. II, стр. 256) приводитъ очень любопытное мѣсто изъ Гарà (Garat), гдѣ тотъ разсказываетъ, что, прочитавъ Сенеку въ своей юности, онъ перечелъ его во время террора. «Въ первый разъ, говоритъ онъ, я съ трудомъ окончилъ чтеніе, а въ послѣдній—едва могъ оторваться отъ него. Мораль Сенеки, по возвышенности своей, казалась мнѣ прежде свыше человѣческой природы; но теперь она представлялась мнѣ вполнѣ подходящею къ обстоятельствамъ и требованіямъ». То же самое дѣйствіе она должна была производить во времена Нерона.

[62]) *Epist.*, 6, 4.

ученики Сенеки, слушавшіе его какъ оракула, не понравились на Палатинѣ. Онъ съумѣлъ внушить имъ къ себѣ живѣйшую привязанность, и мы знаемъ, что одинъ изъ нихъ, Люцилій, разставаясь съ нимъ, съ большимъ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ[63]). Его житейскія слабости не настолько вредили дѣйствію его словъ, какъ это можно было бы предполагать. Конечно, нѣкоторымъ могло казаться страннымъ, что человѣкъ, обладающій шестидесятью милліонами и живущій при дворѣ, проповѣдуетъ бѣдность и отставку; но вѣдь Сенека, собственно говоря, никогда и не выдавалъ себя за образецъ. «Я не мудрецъ»,[64]) говоритъ онъ повсюду. Онъ не только не воображаетъ себя совершенствомъ, но даже не считаетъ себя сноснымъ человѣкомъ. [65]) По крайней мѣрѣ, его нельзя обвинить ни во лжи, ни въ тщеславіи; наставленія, даваемыя имъ другимъ, онъ относитъ отчасти къ себѣ самому и причисляетъ себя къ тѣмъ, которые нуждаются въ брани и исправленіе. «Говоря о добродѣтели, пишетъ онъ, я говорю не о себѣ; порицая пороки, я порицаю себя» [66]). Подобная откровенность — вещь искусная; очень можетъ быть, что она не только не вредила ему, но даже способствовала успѣху его поученій. Безупречные мудрецы, стоящіе выше другихъ людей, служатъ для нихъ предметомъ удивленія и восхищенья; но такъ какъ самое совершенство ихъ отдѣляетъ ихъ отъ остальнаго человѣчества, имъ не всегда удается трогать людскія сердца. Чтожъ касается Сенеки, очевидно, что онъ самъ страдалъ отъ недуговъ, которые желалъ исцѣлить; личная опытность дѣлала его искуснымъ въ обращеніи съ ними, а сожалѣніе о прошлыхъ заблужденіяхъ придавало болѣе убѣдительный тонъ его увѣщаніямъ. Подобно тому и у христіанъ обращать грѣшниковъ лучше всего умѣли тѣ, которые прежде были сами грѣшниками, чьи сердца еще не успокоились послѣ бурь, которые сами испытали то, отъ чего желали исправить другихъ.

Благодаря письмамъ, оставшимся намъ отъ Сенеки, нѣтъ ничего легче, какъ поставить его лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь изъ его любимыхъ учениковъ, напримѣръ, съ Люциліемъ или съ кѣмъ-либо инымъ, и показать, какъ искусно онъ овладѣвалъ ими и руководилъ ихъ. Завоевавъ чью-нибудь душу, онъ не щадилъ для

---

63) *Epist.*, 49, 1.
64) *Ad Helv*, 5, 2.
65) *Epist.*, 57, 3.
66) *De vita beata*, 17, 3.

нея ни наставленій, ни поученій; онъ снисходилъ до мельчайшихъ подробностей, давалъ совѣты на всевозможные случаи жизни, говорилъ, какимъ образомъ надо заботиться о тѣлѣ, указывалъ книги, какія слѣдовало читать и способъ, какъ надо проводить дни. Это былъ усердный совѣтчикъ, ни на минуту не покидавшій того, кто ввѣрился его руководительству [67]). Онъ давалъ своимъ ученикамъ нравственныя увѣщанія въ самыхъ щекотливыхъ обстоятельствахъ. Въ началѣ его трактата о *спокойствіи души* находится письмо одного изъ его учениковъ, Эннея Серена, начальника ночной стражи *(Vigiles)*, состоявшаго въ величайшей милости у Нерона. Это совершенная исповѣдь: Серенъ открываетъ своему учителю, «какъ врачу», то состояніе, въ какомъ онъ находится; это состояніе болѣе непріятно, чѣмъ опасно, и его нельзя назвать ни болѣзнью, ни здоровьемъ [68]). «Я опишу вамъ, что я чувствую, говоритъ онъ ему, и вы скажете, какъ называется поразившій меня недугъ». Этотъ недугъ, существующій, по нашему мнѣнію, лишь съ недавняго времени, описанъ Сенекою послѣ Серена въ глубокихъ и поразительныхъ чертахъ. Это какая-то смѣсь энергіи и слабости, гордости и безсилія, быстрый переходъ отъ неопредѣленныхъ надеждъ къ безпричинному отчаянью, гложущая тоска, недовольство другими, отвращеніе къ самому себѣ, не дающее намъ оставаться на мѣстѣ и дѣлающее для насъ, наконецъ, все отвратительнымъ; свѣтъ представляется однообразнымъ, жизнь—безцвѣтною, удовольствія—томительными, малѣйшія усилія—изнурительными, и эта неопредѣленная грусть становится подъ конецъ до такой степени тягостна, что человѣкъ замышляетъ отдѣлаться отъ нея путемъ смерти. Это то, что современные моралисты называютъ древнимъ сплиномъ, и что было очень похоже на теперешній сплинъ. «Если бы къ этой самопожирающей душевной тоскѣ примѣшивались еще любовныя муки, неизвѣстныя древности, мы имѣли бы право сказать, что Сенека желалъ просвѣтить и утѣшить какого-нибудь римскаго Вертера или Рене» [69]). Ни что не знакомитъ насъ такъ хорошо съ ученіемъ Сенеки, какъ этотъ трактатъ. При чтеніи его намъ кажется, что мы присутствуемъ при его урокахъ и проникаемъ въ его философскій задушевный кружокъ; мы живо понимаемъ безпокойства и сомнѣнія его учени-

---

67) *Epist*, 94, 72: *ad latus monitor.*

68) *De tranq animi*, 1, 2: *nec aegroto, nec voleo.*

69) Мартà, *Les moralistes sous l' empire.* стр. 31.

ковъ, вкрадчивую мудрость учителя, и намъ становится ясно,—благодѣтельно или вредно было вліяніе его руководительства на души, подготовленныя къ его принятію. Но прежде всего, прочитавъ трактатъ Сенеки и предшествующее ему письмо, нельзя не замѣтить, что на Серенѣ вполнѣ отразился духъ его учителя. Онъ выражается такъ же, какъ Сенека, отыскиваетъ, подобно ему, тонкіе и пикантные обороты [70]) и, такъ же какъ онъ, не чуждъ нѣкоторой напыщенности [71]); у него и манера и стиль Сенеки. Поневолѣ опрашиваешь себя: на этомъ ли остановилось подражаніе? Не отъ своего ли учителя получилъ Серенъ ту болѣзнь, которую онъ открылъ, изучая себя, и названіе которой желаетъ узнать? Сенека указываетъ самыя дѣйствительныя лѣкарства отъ нея, и дѣлаетъ все, что можно, для того чтобы исцѣлить ее; но увѣренъ ли онъ въ томъ, что не самъ помогъ ей явиться? По тому, какъ онъ ее описываетъ и разбираетъ, видно, что онъ отлично знакомъ съ нею; онъ ясно показываетъ Серену, что ему прежде всего недостаетъ внутренняго спокойствія, то-есть «того счастливаго состоянія, когда душа, живущая въ мирѣ сама съ собою и умѣющая цѣнить тѣ блага, которыми она пользуется, ощущаетъ ничѣмъ не возмутимую радость и постоянно находится въ состояніи спокойствія, никогда не поднимаясь вверхъ и не опускаясь внизъ» [72]). Это состояніе, такъ ясно опредѣленное Сенекою, было ему такъ же мало извѣстно, какъ Серену; оно было невозможно при его безпокойномъ образѣ жизни и, что всего важнѣе, кажется, что самыя поученія его не приводили людей къ подобному состоянію. Онъ училъ идти къ добродѣтели не размѣреннымъ шагомъ, а скорѣе скачками; подъ-часъ онъ возбуждалъ и воспламенялъ и внушалъ людямъ смѣлость твердо идти навстрѣчу ожидавшей ихъ смерти, но онъ не могъ внушить ни полнаго самообладанія, ни ровности духа и ума, ни той холодной и постоянной твердости, которая никогда себѣ не измѣняетъ. А это вполнѣ согласуется съ бурною жизнью Серена. Сенека говоритъ о немъ, что у него была пылкая и въ высшей степени воспріимчивая душа [73]). Несправедливость возмущала его, и когда при немъ разсказывали объ оскорбленіяхъ, переполнявшихъ жизнь Катона, онъ не могъ

[70]) См. описаніе тогдашнихъ обѣдовъ, особенно слѣдующую черту: *cibus redditurus qua intraverit*. 1, 6.

[71]) 1,10; *ut omnibus civibus, omnibus denique mortalibus utilior paratiorque sim*.

[72]) *De tranq animi*, 2, 4.

[73]) *De const. sap.*, 3, 1: animum tuum incensum et effervescentem.

совладѣть съ собою [74]). Но мы знаемъ также, что эта пылкость не могла поддерживать сама себя; онъ, такъ же какъ и Сенека, не съумѣлъ избѣгнуть придворной заразы и согласился помогать любви Нерона къ вольно отпущенницѣ Актеѣ. «Онъ притворялся, будто влюбленъ въ нее, говоритъ Тацитъ, для того, чтобы она могла дѣлать видъ, что получаетъ отъ него подарки, присылаемые ей императоромъ» [75]). Надо сознаться, что подобное занятіе вовсе не пристало философу.

Итакъ, отличительнымъ характеромъ ученія Сенеки было то, что оно было не слишкомъ обширно, а главное—не вполнѣ дѣйствительно. Мы видѣли, что онъ обращался съ своими поученіями не ко всѣмъ, и что они относились преимущественно къ богатымъ и просвѣщеннымъ людямъ. Ни отъ чего онъ не былъ такъ далекъ, какъ отъ мысли создать нѣкотораго рода широкую и всенародную церковь, которая могла бы совмѣстить и сохранить въ себѣ волнующуюся массу умовъ, отыскивающихъ точныхъ вѣрованій. Хотя онъ и былъ окруженъ преданными учениками, но не основалъ школы. Самое вліяніе его на этихъ немногочисленныхъ и избранныхъ учениковъ не могло быть полно. Его шаткая философія не содержитъ въ себѣ окончательнаго разрѣшенія великихъ задачъ, постановляемыхъ разумомъ; мораль его не довольно сильна и не довольно надежна для того, чтобы защитить сердце отъ жизненныхъ бурь. Его пламенная рѣчь могла производить въ слушателяхъ нѣкоторое лихорадочное волненіе, но не давала имъ вполнѣ достаточной пищи. Она приводила умы въ движеніе, но не въ силахъ была остановить ихъ на чемъ-нибудь прочномъ. Вслѣдствіе этого онъ трудился не для самого себя: души, которыя онъ возбудилъ и не удовлетворилъ, стали искать этого удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ, и уроками его воспользовалось совсѣмъ иное ученіе.

---

74) *De const. sap.*, 1, 3.

75) *Ann.*, XIII, 13. Прибавимъ къ этому, что Серенъ умеръ, подобно Клавдію, отъ несваренія желудка, происшедшаго вслѣдствіе того, что онъ объѣлся грибовъ. Плин., *Hist. Nat.* XXII, 23, (47).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сенека и св. апостолъ Павелъ.

Пора перейти къ тому, что должно болѣе всего интересовать насъ въ Сенекѣ: постараемся узнать, что онъ думалъ о природѣ Божества, объ отношеніи его къ людямъ и о поклоненіи, какое слѣдуетъ ему воздавать. Это изслѣдованіе необходимо для разрѣшенія одного вопроса: оно покажетъ намъ, каково было его личное вліяніе и вліяніе его книгъ на религіозныя идеи того времени.

Но уже съ перваго шага мы встрѣчаемъ здѣсь важное возраженіе: намъ говорятъ и даже хотятъ доказать, что мы ошибаемся, воздавая похвалу языческой философіи за мнѣнія Сенеки, такъ какъ онъ заимствовалъ ихъ у христіанства. Въ подтвержденіе приводятъ старую исторію объ его сношеніяхъ съ апостоломъ Павломъ. Казалось бы, что послѣ продолжительной полемики, возбужденной этой исторіей, споры должны были прекратиться; но особенность каждой борьбы, въ которой замѣшаны религіозныя вѣрованія, состоитъ именно въ томъ, что она безконечна; въ ней никогда не одерживается рѣшительныхъ побѣдъ, и битва всегда можетъ начаться съизнова. Такъ и легенда, гдѣ Сенека является ученикомъ апостола Павла, оспориваемая въ XVI вѣкѣ такими учеными и просвѣщенными священниками, какъ Бароній и Беллярминъ, окончательно осужденная молчаніемъ Боссюэта и пренебреженіемъ Мальбранша и считавшаяся уже совершенно невѣроятною, снова явилась во всемъ цвѣтѣ въ наши дни. Де-Местръ поддерживалъ ее очень энергично. «Я такъ же увѣренъ въ томъ, что Сенека зналъ св. Павла, пишетъ онъ, какъ въ томъ, что въ эту минуту вы меня слушаете». Наконецъ, еще недавно г. де-Росси, изслѣдуя катакомбы, нашелъ нѣсколько указаній, подтверждающихъ, по его мнѣнію, это старинное преданіе, и старался возобновить его. Слѣдовательно, и намъ приходится коснуться его, хотя о немъ было

уже очень много говорено [1]). Надо узнать, были ли измѣненія, происшедшія въ вѣрованіяхъ римлянъ I-го вѣка слѣдствіемъ правильнаго развитія язычества и древней философіи, и не вѣрнѣе ли будетъ приписать ихъ христіанскому вліянію. Само собою разумѣется, что рѣшеніе этого вопроса чрезвычайно важно для разбираемаго нами предмета, и я останавливаюсь на немъ тѣмъ охотнѣе, что это изслѣдованіе дастъ мнѣ возможность изложить религіозныя вѣрованія Сенеки.

I.

Зналъ ли Сенека св. Павла?—Что заставило придумать, будто между ними существовали сношенія?—Ихъ апокрифическая переписка.—Доводы въ доказательство предположенія объ ихъ знакомствѣ.—Отвѣты на эти доводы.—Было ли христіанство такъ неизвѣстно въ I-мъ вѣкѣ, какъ это предполагаютъ.

Отцы церкви первыхъ трехъ вѣковъ ничего не упоминаютъ о сношеніяхъ между Сенекою и св. Павломъ, хотя имъ было бы вполнѣ естественно говорить о нихъ, прославляя подвиги апостола и перечисляя его побѣды. Для нихъ Сенека такой же философъ, какъ и всѣ другіе, и, приводя его имя, они относятся къ нему никакъ не съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ имени Цицерона или Платона. Одинъ только Тертулліанъ, говоря о немъ, употребляетъ выраженіе, кажущееся сначала загадочнымъ. «Онъ часто бываетъ изъ нашихъ, говоритъ онъ, *Seneca saepe noster*» [2]); но слова эти просто значатъ, что его мнѣнія приближаются иногда къ христіанству, и св. Юстинъ называетъ въ томъ же смыслѣ Гераклита и Сократа христіанами [3]). Между тѣмъ очень можетъ быть, что въ это время не одинъ вѣрующій, пораженный, подобно Тертулліану, возвышенною моралью, прекрасными человѣчными порывами и религіознымъ тономъ Сенеки, сожалѣлъ о томъ, что ему было неизвѣстно евангеліе. Съ какимъ жаромъ принялъ бы онъ христіанство, которое, очевидно, предчувствовалъ! Вмѣстѣ съ Лактанціемъ никто не сомнѣвался, «что онъ сдѣлался бы поклонникомъ истин-

---

[1]) См. особенно сочиненіе Обертена (Aubertin) подъ заглавіемъ: *Sénèque et Saint Paul*; *étude sur les rapports supposés entre le philosophe et l'apôtre*. (1869).

[2]) *De anima*, 20.

[3]) *Apol*. II, 8 и 10.

наго Бога, если бы его этому научили» [4]). Воображеніе охотно дополняло это обращеніе, казавшееся ему уже вполовину совершившимся, и такъ какъ въ немъ находили какое-то тайное сочувствіе къ новой религіи, то инстинктивно начали искать средства привести его съ нею въ какія-нибудь сношенія. Случилось такъ, что апостолъ язычниковъ, обратившійся однажды къ ареопагу и возвѣстившій пришествіе Іисуса въ городѣ философовъ, жилъ и проповѣдывалъ въ Римѣ при жизни Сенеки. Не было ничего легче, какъ предположить, что они встрѣчались и бесѣдовали, и вывесть такимъ образомъ древнюю мудрость и новую вѣру въ лицѣ ихъ благороднѣйшихъ представителей. Подобное сближеніе было естественно; оно должно было само представиться просвѣщеннымъ умамъ, которые хотя и ознакомились съ христіанствомъ, однако продолжали питать нѣкоторое пристрастіе къ древней философіи; но если это сближеніе было придумано именно въ это время, чего мы навѣрное не знаемъ, то оно было пока не болѣе, какъ романъ и мечта. Въ IV вѣкѣ изъ него попытались сдѣлать дѣйствительность.

Въ это время съ Церковью произошла великая перемѣна: изъ гонимой она превратилась въ торжествующую. Константинъ и Ѳеодосій сдѣлали ее религіей всей имперіи, и это положеніе создало для нея новыя заботы. Подобно неожиданно разбогатѣвшимъ людямъ, она необходимо должна была желать возвысить немного свое происхожденіе. Когда она была бѣдною и преслѣдуемою, языческіе мудрецы больше всего дивились тому, что она обращается съ своимъ ученіемъ рѣшительно ко всѣмъ, и ставили ей въ преступленіе то, что она ищетъ себѣ послѣдователей между самыми бѣдными людьми. «Хотите ли вы знать, какъ они (христіане) выражаются, говорилъ Цельзъ, одинъ изъ ея величайшихъ враговъ; вотъ ихъ слова: пусть ни одинъ мудрецъ, ни одинъ ученый, ни одинъ образованный человѣкъ не приходитъ къ намъ; но если есть гдѣ-нибудь неучъ, глупецъ, ничтожный человѣкъ, пусть онъ идетъ къ намъ съ полной довѣрчивостью [5])». Слѣдовательно, изъ подонковъ народа, изъ невѣжественныхъ рабовъ, легковѣрныхъ женщинъ, «ткачей, сукновальщиковъ, башмачниковъ», составлялся этотъ темный народъ, «ненавидѣвшій свѣтъ и день [6])». Какой скандалъ

---

[4]) *Inst. div.*, IV, 24: *potuit esse verus Dei cultor, si quis illi monstrasset.* Слѣдовательно, Лактанцію была совершенно неизвѣстна легенда, долженствовавшая получить вскорѣ такое значеніе.

[5]) Ориг., *Contra Celsum*, III, 44.

[6]) Минуц. Феликсъ, *Octav.*, 8: *latebrosa et lucifuga natio.*

для философовъ, старавшихся привлекать на свою сторону только образованныхъ людей и ненавидѣвшихъ толпу! Сначала христіанство съ гордостью отвѣчало на подобные нападки. Оно не только не стыдилось своего простонароднаго апостольства, но даже гордилось имъ. Оно находило, что сукновальщики и башмачники заслуживаютъ того, чтобы къ нимъ относились такъ же, какъ и къ другимъ, а Тертулліанъ провозглашалъ даже, что они болѣе всѣхъ способны воспринимать истину. «Я не обращаюсь, говорилъ онъ, къ тѣмъ, которые образовали себя въ школахъ, упражнялись въ библіотекахъ и приходятъ извергать передъ нами плохо переварившіеся остатки знаній, пріобрѣтенныхъ ими подъ портиками и въ академіяхъ Греціи. Я обращаюсь къ тебѣ, простая, неученая душа, незнающая ничего изъ того, что преподается на улицахъ и въ лавкахъ [7])». Тертулліанъ былъ правъ: христіанство потому именно побѣдило и измѣнило міръ, что приспособлялось къ пониманію простыхъ людей и проникало до такой глубины, куда философія никогда не спускалась. Подобная побѣда должна была удовлетворить его самолюбіе, но она показалась ему недостаточною, когда оно пріобрѣло полную власть. Казалось, что, проникнувъ во дворцы, оно тотчасъ приняло предразсудки и чувства людей, жившихъ тамъ до него; оно начинаетъ безпокоиться, слыша упреки и насмѣшки, которые прежде справедливо презирало, и ищетъ средства отвѣчать на нихъ. Стараясь придумать для него почетное прошлое, стараются связать его съ самаго начала съ высшимъ обществомъ; къ сукновальщикамъ, башмачникамъ и ткачамъ, прежде всего побѣжденнымъ имъ, по словамъ Цельза, стараются прибавить нѣсколько болѣе благовидныхъ личностей. Изъ всѣхъ языческихъ именъ той эпохи имя Сенеки было всѣхъ выше. Онъ былъ въ одно и то же время государственный человѣкъ, ученый, философъ и министръ; думали, вѣроятно, что для зарождающейся церкви будетъ большою честью имѣть подобнаго ученика, и онъ казался вполнѣ подходящимъ для того, чтобы возвысить собою ея скромныя начинанія. Какое было торжество сказать этимъ дерзкимъ римскимъ сенаторамъ, продолжавшимъ упорно держаться язычества среди всеобщаго обращенія и противопоставлявшимъ своихъ великихъ философовъ никому неизвѣстнымъ апостоламъ христіанства, что тотъ философъ, которымъ они болѣе всего гордились, не пренебрегъ слушать поученія еврея изъ Ѳарсы и, посѣщая

---

[7]) *De testium animae*, I.

его, просвѣтился его ученіемъ. Очевидно, что легенда о сношеніяхъ Сенеки съ апостоломъ Павломъ возникла вслѣдствіе подобнаго настроенія умовъ; по крайней мѣрѣ достовѣрно можно сказать, что о ней упоминается въ первый разъ именно въ это время. Св. Іеронимъ, перечисляя въ одномъ сочиненіи духовныхъ писателей первыхъ вѣковъ, помѣщаетъ въ числѣ ихъ и Сенеку. «Я не помѣстилъ бы его въ этомъ спискѣ святыхъ (*in catalogo sanctorum*), говоритъ онъ, еслибъ меня не побудили къ тому письма Сенеки къ Павлу и Павла къ Сенекѣ, находящіяся у многихъ въ рукахъ, и въ которыхъ наставникъ Нерона, несмотря на свое высокое положеніе, объявляетъ, что онъ желалъ бы такъ же высоко стоять между своими, какъ Павелъ стоитъ между христіанами [8])».

Письма эти существуютъ до сихъ поръ, и мы невольно удивляемся, читая ихъ, какимъ образомъ св. Іеронимъ могъ считать ихъ достаточными для того, чтобы помѣстить Сенеку «въ списокъ святыхъ». Ни одинъ неловкій фальсификаторъ не заставлялъ нелѣпѣе выражаться столь высокіе умы. Въ этой уморительной перепискѣ философъ и апостолъ только и дѣлаютъ, что безпрестанно обмѣниваются комплиментами и, подобно людямъ, которымъ нечего сказать другъ другу, разспрашиваютъ одинъ другаго о здоровьи. Ни разу не касаются они вопроса объ ученіяхъ и не занимаются великими задачами, поставляемыми новою вѣрою. Между тѣмъ предполагалось, что Сенека былъ посвященъ во всѣ таинства христіанства, что онъ получалъ и понималъ его священныя книги и проповѣдывалъ его Люцилію и другимъ своимъ друзьямъ почти публично, посреди садовъ Саллюстія; онъ разсказываетъ даже, будто говорилъ о немъ императору, и будто Неронъ, повидимому, не прочь обратиться. Всѣ эти прекрасныя вещи сухо разсказаны въ письмахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ строкъ и отличающихся какъ отсутствіемъ мыслей, такъ и варварскимъ изложеніемъ. Но что всего любопытнѣе, и на что обращали недостаточно вниманія, такъ это то, что неискусный поддѣлыватель этихъ писемъ, самъ того не замѣчая, совершенно выдаетъ себя и обнаруживаетъ свой замыселъ. Это былъ, очевидно, человѣкъ ограниченный, робкій ученый, думающій исключительно о хорошемъ слогѣ, который, вспоминая о великихъ писателяхъ, по заказу восхищавшихъ его въ школѣ, стыдился бѣдности христіанской лите-

---

8) *De viris illustr.*, 12.

ратуры [9]). Это видно изъ тѣхъ совѣтовъ, которые онъ заставляетъ Сенеку давать св. Павлу. Философъ прежде всего предлагаетъ апостолу хорошо писать: «я желалъ бы, говоритъ онъ ему, чтобы въ твоихъ произведеніяхъ изящество рѣчи соотвѣтствовало величію мыслей [10])». Мнѣ кажется, что здѣсь можно уловить причины, упрочившія успѣхъ и даже послужившія, быть можетъ, основаніемъ исторіи о сношеніяхъ Сенеки со св. Павломъ; она возникла и развилась среди людей, восхищавшихся древнею литературой и сожалѣвшихъ о томъ, что возникающее христіанство не обращаетъ на нее, повидимому, никакого вниманія; чтобы омыть его отъ упрека въ подобномъ варварствѣ, они желали, во чтобъ то ни стало, присоединить къ нему съ самаго начала нѣсколько великихъ умовъ язычества.

Между тѣмъ св. Іеронимъ, на основаніи этой самой переписки признаетъ достовѣрность сношеній между Сенекою и св. Павломъ; благодаря ей одной, впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ твердо вѣрили тому, будто апостолъ зналъ философа и обратилъ его. Даже въ настоящее время, когда критика доказала всю несостоятельность этого факта, и когда никто не рѣшается болѣе считать его достовѣрнымъ, люди, принимающіе эту легенду, хотя и осуждаютъ переписку, но продолжаютъ пользоваться ею, опираясь на нее косвеннымъ образомъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что переписка, находящаяся у насъ въ рукахъ, дѣйствительно поддѣльная, но въ то же время предполагаютъ, что до нея существовала другая, настоящая, и что составленіе поддѣльныхъ писемъ побуждаетъ предполагать существованіе неподдѣльныхъ. Странное разсужденіе! Что за нужда была бы сочинять выдуманную переписку, если бы существовала настоящая, и можно ли думать, чтобы эти глупѣйшія письма, не имѣющія ни слога, ни мыслей, могли заставить позабыть тѣ, которыми обмѣнивались два величайшіе ума? Другіе, менѣе смѣлые, довольствуются догадкою, будто фальсификаторъ основалъ свою выдумку на общепринятомъ въ то время мнѣніи, и что успѣхъ этихъ поддѣльныхъ писемъ заставляетъ, по крайней мѣрѣ, предполагать, что въ эпоху Константина вѣ-

[9]) Св. Августинъ сознается, что въ молодости ему было оченъ трудно полюбить простоту св. писанія, и что онъ считалъ его недостойнымъ того, чтобы его сравнивали съ сочиненіями Цицерона (*Confess.*, III, 5). Лактанцій относится также очень легко къ предшествовавшимъ ему великимъ апологистамъ. (*Inst. div.*, V, 1).

[10]) *Epist. Sen. ad Paulum*, 13.

рили сношеніямъ между Сенекою и св. Павломъ. Надо сознаться, что это мнѣніе вѣроятнѣе, но и оно также не болѣе какъ гипотеза, опровергаемая существующими фактами. Ни одно свидѣтельство, ни одинъ намекъ не показываютъ намъ, чтобы легенда предшествовала письмамъ; напротивъ того, въ первый разъ, какъ мы встрѣчаемъ ее у одного писателя, она сама опирается на письма, а не служитъ имъ основаніемъ. Вспомнимъ, что св. Іеронимъ прямо говоритъ, что переписка Сенеки со св. Павломъ была единственною причиною, почему онъ помѣстилъ философа «въ списокъ святыхъ».

Отложивъ въ сторону эти письма, перейдемъ къ серьёзнымъ доказательствамъ, представляемымъ обѣими сторонами. Ихъ можно раздѣлить на два сорта, такъ какъ самый вопросъ въ сущности двойной. Прежде, чѣмъ приступить къ его разрѣшенію, постараемтя получше установить его. Эта задача заключаетъ въ себѣ историческое изслѣдованіе и изложеніе ученія; прежде всего надо спросить себя, правда ли, что Сенека былъ знакомъ со св. Павломъ, а затѣмъ стараться узнать, дѣйствительно ли они обмѣнивались между собою мнѣніями и нѣтъ ли въ сочиненіяхъ философа такихъ мыслей, которыя онъ могъ заимствовать только у христіанства. Это два совершенно различныхъ вопроса, имѣющіе не одинаковую важность, и разбирать ихъ надо отдѣльно одинъ отъ другаго.

Первый, какъ я уже сказалъ, можно назвать вполнѣ историческимъ; онъ оспоривался очень горячо, причемъ ни одна изъ сторонъ не представила рѣшительныхъ доказательствъ. Люди, вѣрившіе тому, что апостолъ и философъ могли знать другъ друга, вспоминали, какъ Павелъ былъ призванъ въ Коринѳѣ къ римскому проконсулу, и какъ тотъ отказался выслушать его обвинителей. Проконсулъ этотъ былъ Галліонъ, родной братъ Сенеки. Развѣ не могло быть, что Сенека, познакомившись съ мнѣніями этого еврея и пораженный возвышенностью его морали и оригинальностью мыслей, написалъ о немъ своему брату, съ которымъ жилъ въ самой тѣсной дружбѣ? Впослѣдствіи, когда Павелъ, преслѣдуемый евреями, рѣшился обратиться къ суду Цезаря, и былъ отправленъ въ Римъ, его привели къ префекту преторія. А префектъ этотъ былъ тотъ самый Бурръ, вѣрный другъ и преданный товарищъ Сенеки, который раздѣлялъ съ нимъ власть. Римскій судъ отнесся къ апостолу благосклонно, и онъ въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ почти на свободѣ, занимался распространеніемъ своего ученія; онъ проповѣдывалъ его повсюду и пріобрѣлъ себѣ послѣдователей даже

въ императорскомъ дворцѣ. По словамъ Іоанна Златоуста, онъ обратилъ даже одну изъ наложницъ Нерона, и это не покажется нисколько удивительнымъ, если вспомнить Овидія и Проперція, говорившихъ, что воспѣтыя ими прекрасныя вольноотпущенницы оказывали чрезвычайную наклонность къ религіямъ Востока. Обыкновенно предполагаютъ, не имѣя на то никакихъ точныхъ доказательствъ, что эта обращенная была Актея, первая любовь Нерона. Вскорѣ имъ оставленная, она никогда не позабыла того, кто любилъ ее хотя и недолго; когда онъ былъ принужденъ убить себя, она подобрала его трупъ, отъ котораго всѣ удалялись, и предала его честному погребенію. Подобный образъ дѣйствій доказываетъ недюжинную натуру, и, видя ея преданность при чужомъ несчастіи, невольно хочется думать, что о ней именно и говорилъ Златоустъ. Кромѣ того Актея была лично извѣстна Сенекѣ; Тацитъ разсказываетъ, будто философъ покровительствовалъ любви между нею и Нерономъ, чтобы оторвать молодаго государя отъ отвратительнаго вліянія его матери, и мы видѣли уже, что одинъ изъ его любимыхъ учениковъ, Энній Серенъ, чтобы скрыть ихъ связь отъ императрицы, дѣлалъ видъ, будто онъ самъ любитъ Актею. Сколько различныхъ обстоятельствъ, ставившихъ, повидимому, св. Павла на дорогу Сенеки! Что удивительнаго, что, находясь въ такомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга, они когда-нибудь и встрѣтились? Если же имъ пришлось бесѣдовать, можно ли допустить, чтобъ они не поняли другъ друга и не замѣтили съ перваго раза сходства въ своихъ мнѣніяхъ? Могли ли двѣ души подобнаго закала, встрѣтившись, не почувствовать другъ къ другу взаимнаго влеченія, которое должно было побудить ихъ ознакомиться ближе? Эти предположенія кажутся до такой степени вѣроятными, что когда въ концѣ *Посланія къ филиппійцамъ* вамъ попадаются слова: «привѣтствуютъ васъ всѣ святые, а наипаче изъ дома Цезарева», вы невольно спрашиваете себя, не надо ли считать въ числѣ христіанъ императорскаго дворца прежде всего того знаменитаго человѣка, который былъ и наставникомъ, и министромъ Нерона?

Люди несогласные съ этимъ мнѣніемъ отвѣчаютъ, что подъ словами: «святые (люди) изъ дома Цезарева» надо разумѣть однихъ вольноотпущенныхъ и рабовъ. Выраженіе—люди служило въ Римѣ для означенія прислуги важныхъ лицъ [11]) и не могло быть

---

[11]) Моммс., *Inscr. Neap.*, 6912: *ex domo Caesarum libertorum et servorum etc.*

примѣнимо къ сенатору и консуляру, каковымъ былъ Сенека. Только въ концѣ имперіи придумали превратить въ государственныя службы разныя должности по домашнему управленію дворца, и съ тѣхъ поръ знатныя лица считали за честь называться начальниками надъ слугами или министрами священной палаты. Въ 1-мъ вѣкѣ на подобные титулы смотрѣли бы, какъ на оскорбленіе; «людьми дома Цезаря» въ то время могли быть только безчисленные рабы и вольноотпущенники, наполнявшіе императорскіе дворцы. Это былъ пестрый міръ, въ которомъ находились люди всякихъ *профессій*, происхожденія и вѣрованій. Во времена Нерона въ числѣ ихъ было много евреевъ по происхожденію или по вѣрѣ, и между ними-то апостолъ Павелъ, вѣроятно, и проповѣдывалъ евангеліе. Слѣдовательно, въ *Посланіи къ филиппійцамъ* не можетъ быть и рѣчи о Сенекѣ. И другія причины, приводимыя защитниками легенды, не болѣе какъ гипотезы, а нѣкоторыя изъ нихъ лишены всякой тѣни вѣроятности. Такъ, напримѣръ, гораздо менѣе вѣроятно, нежели думаютъ, будто Галліонъ желалъ познакомиться съ ученіемъ этого неизвѣстнаго Еврея, приведеннаго къ нему на судъ фанатиками, и будто онъ потрудился даже извѣстить объ этомъ своего брата. Изъ *Дѣяній св. апостоловъ* мы видимъ, что онъ не оказывалъ обвиняемому большаго уваженія, чѣмъ обвинителямъ, и что вѣротерпимость его происходила главнымъ образомъ вслѣдствіе презрѣнія. Онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ спорамъ между евреями. «Когда идетъ споръ объ ученіи и объ именахъ, и о законѣ вашемъ, то разбирайте сами: я не хочу быть судьею въ этомъ [12]». Тогда гнѣвъ обвинителей обратился противъ Сосѳена, начальника синагоги, и они, по словамъ писавшаго *дѣянія*, «били его передъ судилищемъ, и Галліонъ нимало не безпокоился о томъ». Въ этомъ случаѣ равнодушіе должностнаго лица, обязаннаго надзирать за порядкомъ, заходило даже слишкомъ далеко. Можно ли послѣ этого предполагать, чтобы этотъ человѣкъ, оказывавшій до тѣхъ поръ странное и упорное равнодушіе къ непонятнымъ для него спорамъ, неожиданно одумался и заставилъ говорить св. Павла и его учениковъ, которыхъ только что отказался выслушать. Наконецъ, развѣ не удивительно и то, что Сенека, зная апостола Павла, а черезъ него и евангеліе, ни разу не упомянулъ о нихъ въ своихъ сочиненіяхъ? По мнѣнію св.

---

[12]) *Дѣян. св. апост.*, 18, 15. Сенека, *Fragm.*, 42 (изд. Гаазе). Въ другомъ мѣстѣ (*Epist.*, 95, 47) онъ насмѣхается надъ празднованіемъ субботы.

Августина, онъ не говорилъ о нихъ потому, что боялся это дѣлать; но мы знаемъ, что онъ не былъ трусливъ и, кромѣ того, любилъ новизну и не боялся распространять ее. Люди, желающіе дѣйствовать на своихъ современниковъ, любятъ иногда удивить ихъ и даже непріятно поразить; этимъ путемъ они возбуждаютъ ихъ вниманіе и затѣмъ воспламеняютъ ихъ. Подобно Руссо, на котораго онъ походитъ во многихъ отношеніяхъ, Сенека охотно противорѣчитъ общепринятымъ мнѣніямъ и нисколько не уважаетъ преданій, составляющихъ лучшую часть римской мудрости. Будучи министромъ императора, онъ очень легко относится къ его предшественникамъ, и всюду безцеремонно нападаетъ на религію своей страны, которую обязанъ защищать въ качествѣ должностнаго лица. Послѣ всего этого трудно повѣрить, чтобы этотъ вольнодумецъ могъ робѣть, когда дѣло шло о христіанствѣ. Но если онъ дѣйствительно не говоритъ о немъ изъ страха, боясь гнѣва Цезаря или предразсудковъ общества, то надо сознаться, что его обращеніе, честь котораго приписывается св. Павлу, было далеко не полное. Прибавлю къ этому, что, не говоря ни слова о христіанахъ, онъ не былъ такъ остороженъ относительно евреевъ. Онъ отзывается о нихъ очень жестко въ своемъ трактатѣ *о суевѣріи*. «Этотъ презрѣнный и преступный народъ, говорилъ онъ съ гнѣвомъ, проникъ повсюду и распространилъ свои обычаи [12])». Возможно ли, чтобы другъ св. Павла выражался съ такою суровостью? Выражалась ли такимъ образомъ объ евреяхъ церковь вскорѣ послѣ того, какъ разсталась съ ними? Способъ обращенія съ ними Сенеки принадлежитъ не ученику Христа, а одному изъ остроумцевъ язычества, не щадившихъ ни насмѣшекъ, ни оскорбленій, когда дѣло шло о жителяхъ Сиріи и Іудеи, прямо говорившихъ, что «это народы, рожденные для рабства [13])», и даже смотрѣвшихъ на нихъ, какъ «на подонки рабства [14])». Сенека говоритъ о нихъ совершенно такъ же, какъ Цицеронъ, какъ Плиній, какъ Квинтиліанъ, какъ Тацитъ. Ни что не доказываетъ, чтобы онъ ихъ больше зналъ или уважалъ, ни что не обнаруживаетъ въ немъ послѣдователя новой религіи, которая только что возникла изъ Мозаизма, и вслѣдствіе того обращается къ нему съ уваженіемъ, какъ къ культу, породившему ее и лишь недавно оставленному ею.

---

[13]) Циц., *De prov. cons.*, 5, 10.
[14]) Тац., *Hist.*, V, 8.

Къ этимъ причинамъ присоединяютъ еще другую, при чемъ обращаютъ на нее особенное вниманіе и считаютъ ее рѣшительною; а именно: указываютъ на то, что христіанскій переворотъ 1-го вѣка произошелъ въ Римѣ безъ всякаго шума. Долгое время ученые, люди большаго свѣта и вообще лица, занимавшія вершину этого блестящаго общества, какъ бы не замѣчали великаго событія, совершавшагося въ низшихъ слояхъ. Названіе христіанъ начинаетъ встрѣчаться только при Траянѣ у историковъ и полиграфовъ, какъ, напримѣръ, у Тацита, у Светонія, у Плинія младшаго; но съ какимъ непониманіемъ и презрѣніемъ они относятся къ нимъ! Сенека принадлежалъ къ этой надменной аристократіи и былъ даже изъ числа тѣхъ, кто всего хуже думалъ о толпѣ; онъ ставилъ своимъ ученикамъ одною изъ первѣйшихъ обязанностей жить въ дали отъ нея. Могъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, съ высоты своей философской гордости, слушать скромныя поученія, происходившія въ синагогахъ или въ лавкахъ еврейскаго квартала? Слѣдовательно, можно, кажется, положительно сказать, что онъ не только не принялъ евангелія, но даже вовсе не зналъ его; принять новой религіи онъ не могъ по той простой причинѣ, что никогда не слыхалъ о ней.

Это мнѣніе часто поддерживалось съ большею настойчивостью, и многіе считали его самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что между Сенекою и св. Павломъ не существовало никакихъ сношеній. Но мнѣ оно кажется менѣе основательнымъ, нежели всѣ это думаютъ. Можно ли сказать съ полною увѣренностью, что христіанство было совершенно неизвѣстно блестящему обществу I-го вѣка? Правда, что никто, повидимому, не зналъ въ то время его имени, и первые люди, заговорившіе о немъ впослѣдствіи, относились къ нему съ страннымъ презрѣніемъ; но мы знаемъ, что римляне умышленно принимали презрительный тонъ всякій разъ, какъ дѣло шло о чемъ-нибудь несоотвѣтствовавшемъ ихъ привычкамъ и преданіямъ. Въ подобныхъ случаяхъ они нерѣдко лгали или разыгрывали комедію. Вспомнимъ, что сначала они поступали точно такъ же относительно Греціи. Должностной человѣкъ, обращаясь къ грекамъ, долженъ былъ говорить съ ними не иначе, какъ черезъ переводчиковъ, хотя бы отлично понималъ ихъ языкъ, и въ судѣ принято было, чтобы люди дѣлали видъ, будто имъ неизвѣстны имена великихъ писателей Греціи, между тѣмъ, какъ у себя дома они раззорялись на покупку ихъ произведеній. Та же тактика употреблялась впослѣдствіи относительно евреевъ; люди

высшаго свѣта притворно говорили о нихъ не иначе, какъ въ оскорбительномъ тонѣ, сами же между тѣмъ набожно постились по субботамъ и приводили къ себѣ черезъ потаенныя двери нищихъ арицинійскаго лѣса, которые гадали о будущемъ, отпускали грѣхи по дешевымъ цѣнамъ и потихоньку проповѣдывали законъ Моисеевъ. Вотъ почему эти презрѣнные, всѣми гонимые евреи, исключенные изъ римской цивилизаціи, тѣмъ не менѣе имѣли весьма сильное, хотя и тайное религіозное вліяніе. Кто знаетъ, не было ли того же самаго и съ христіанами? Евреи были гораздо болѣе извѣстны, нежели это обыкновенно думаютъ; почему знать, не обнаружилось ли уже съ давнихъ поръ въ чемъ-нибудь происходившее у нихъ религіозное движеніе? Очень можетъ быть, что оно не ускользнуло отъ императорской полиціи, какъ ни плохо она была устроена. Еще въ царствованіе Клавдія, то-есть до прибытія св. Павла въ Римъ, она замѣтила волненіе, производимое въ еврейскомъ кварталѣ проповѣдью первыхъ учениковъ Христа. Не понимая ясно причинъ, которыми его объясняли, она очень наивно вообразила себѣ, что изъ Іудеи прибылъ какой-то Хрестусъ и возмущаетъ умы [15]). Для возстановленія порядка она употребила одно изъ своихъ обыкновенныхъ быстрыхъ средствъ, а именно: не потрудившись отыскать виновныхъ, изгнала всѣхъ безъ исключенія евреевъ. Надо полагать, что послѣ такой краткой экзекуціи съ христіанъ не спускали глазъ, такъ какъ послѣ пожара Рима Неронъ выбралъ именно ихъ, чтобы свалить на нихъ имѣвшіяся противъ него подозрѣнія; вѣроятно, полиція представила ихъ ему, какъ малоизвѣстныхъ сектантовъ, которыхъ можно было поражать совершенно безпрепятственно и безопасно. Страшныя мученія, претерпѣнныя ими, оказали имъ услугу, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что они сдѣлались болѣе извѣстны; вѣроятно, они въ теченіе нѣсколькихъ дней служили въ Римѣ предметомъ разговора. Въ это-то время въ элегантныхъ собраніяхъ, гдѣ разсказыва-

---

[15]) По крайней мѣрѣ, я не иначе объясняю знаменитую фразу Светонія (*Claud.*, 25): *Iudaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit.*

Светоній, жившій во времена Адріана, зналъ, конечно, христіанъ и Христа. Искажая до такой степени имя и исторію основателя христіанства, онъ, вѣроятно, переписывалъ какой-нибудь старый разсказъ, самъ его не понимая. Извѣстно, что онъ имѣлъ обыкновеніе пользоваться оффиціальными документами; развѣ не можетъ быть, что онъ приводилъ въ этомъ случаѣ какой-нибудь рапортъ, поданный императору служащимъ лицомъ, надзиравшимъ за спокойствіемъ въ Римѣ?

лись различныя новости, было впервые произнесено имя, мало кому извѣстное и сдѣлавшееся со временемъ столь великимъ. Не можетъ быть, чтобы честные люди того времени, какъ они ни были беззаботны и привычны ко всякаго рода казнямъ, не спросили себя, что это были за несчастные, которыхъ Неронъ приказывалъ сжигать живыми, чтобъ обмануть гнѣвъ народа. Кромѣ того это давало прекрасный поводъ всѣмъ врагамъ Цезаря и всѣмъ, кто былъ недоволенъ императорскимъ правительствомъ, напасть на государя за его безчеловѣчіе. Тацитъ, отзывающійся такъ сурово о христіанахъ, утверждаетъ, что жестокость обхожденія съ ними располагала къ нимъ сердца. Начиная съ этой минуты уже нельзя было не узнать объ ихъ существованіи, а разъ, когда общественное вниманіе было пробуждено, очень естественно, что всѣмъ захотѣлось поближе ознакомиться съ ними, узнать, кто они такіе, чему они учатъ, чему вѣрятъ. Нѣкоторые изъ любопытствовавшихъ были быстро обращены; въ то время было такъ много больныхъ душъ, утомленныхъ настоящимъ, стремившихся къ чему-то неизвѣстному и жаждавшихъ новыхъ ощущеній, что невозможно чтобы ихъ не привлекъ къ себѣ таинственный и преслѣдуемый культъ, дававшій положительные отвѣты на всѣ волновавшіе міръ вопросы. Съ тѣхъ поръ побѣды христіанства стали безчисленны. Мы уже видѣли, что къ нему прибѣгли прежде всего бѣдные люди, но, вѣроятно, оно не осталось совершенно чуждымъ и высшимъ классамъ общества. Г. де-Росси доказалъ, что еще задолго до Константина члены высшей римской аристократіи приняли уже христіанство. На христіанскихъ кладбищахъ эпохи Марка Аврелія и Севера онъ нашелъ имена Корнеліевъ, Помпоніевъ и Цециліевъ [17]) и, на основаніи этихъ указаній, полагаетъ, что движеніе, увлекавшее къ евангелію нѣсколько знатныхъ римскихъ семействъ, началось раньше. Если выводы его справедливы, то изъ нихъ можно заключить, что въ I-мъ вѣкѣ христіанство было не такъ мало извѣстно богачамъ и ученымъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего невозможнаго, что Сенека также слышалъ о немъ, что онъ желалъ ознакомиться съ нимъ, и что случай свелъ его съ тѣмъ, кто былъ

---

[16]) *Ann.*, XV, 44.

[17]) Въ Остіи была недавно открыта могила *Эннея*, *Павла*, *Петра*, можетъ быть, вольноотпущеннаго семейства Сенеки и, по всѣмъ вѣроятностямъ, христіанскаго. Де-Росси, *Bull.*, 1867 г. стр. 6 и сл.

самымъ краснорѣчивымъ его апостоломъ. Но все это не болѣе, какъ предположенія; и мы можемъ сказать о нихъ одно, что они менѣе невѣроятны, чѣмъ это прежде думали; но, чтобы вѣрить имъ, надо подождать, пока справедливость ихъ будетъ доказана точными свидѣтельствами.

Слѣдовательно, на первый вопросъ, состоящій въ томъ, зналъ ли Сенека св. Павла, можно отвѣчать, что относительно его нельзя сказать ничего положительнаго, что доказательства, приводимыя обѣими сторонами, недостаточны для окончательнаго его разрѣшенія и, что хотя гораздо вѣроятнѣе, что они остались неизвѣстны другъ другу, но до сихъ поръ еще нельзя ничего достовѣрно утверждать.

II.

Заимствовалъ ли Сенека свое ученіе у св. Павла?—Эклектизмъ Сенеки.—Его нерѣшительность по вопросу о естествѣ Бога и души.—Выводимыя отсюда заключенія.—Отвѣтъ на эти заключенія.—Видны ли изъ сочиненій Сенеки въ какой моментъ онъ познакомился съ христіанствомъ?—Такъ ли дѣйствительно сходство между его ученіемъ и ученіемъ церкви, какъ это предполагаютъ?—Какимъ образомъ можно объяснить это сходство.

Этотъ вопросъ во всякомъ случаѣ второстепенный; важно знать не то, встрѣчались ли когда-нибудь Сенека и св. Павелъ, а то, воспользовался ли философъ ученіемъ апостола. Теперь мы не будемъ уже бродить во мракѣ и выйдемъ изъ области предположеній. Жизнь этихъ двухъ знаменитыхъ современниковъ часто ускользаетъ отъ насъ, но мнѣнія ихъ намъ хорошо извѣстны. Мы имѣемъ *Посланія* апостола Павла и можемъ сравнить ихъ съ сочиненіями Сенеки, чтобы видѣть, что есть между ними сходнаго и не сходнаго. Съ помощью такого сравненія мы должны получить истину.

Никто, конечно, не рѣшится утверждать, что философія Сенеки имѣетъ вполнѣ христіанскій характеръ; подобное мнѣніе вполнѣ можно опровергнуть его сочиненіями. Довольно того, что она имѣетъ иногда нѣкоторое сходство съ христіанствомъ; этого невозможно отрицать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, что, приближаясь иногда къ христіанству, она очень часто удаляется отъ него. Сенека не слишкомъ дорожитъ тѣмъ, чтобы не противорѣчить самому себѣ и оставаться вѣрнымъ своему ученію. Хотя онъ

любитъ утверждать, будто мнѣнія его стоическія, но въ то же время охотно становится на границу всевозможныхъ школъ и нисколько не затрудняется переходить отъ одной въ другую [18]). «Я никому не подчиняюсь, говоритъ онъ намъ, и желаю сохранить свою независимость» [19]). Такая свобода поступковъ была вообще привычна римскимъ философамъ, но въ это время ею пользовались болѣе, чѣмъ когда-либо, и всѣ мнѣнія перемѣшивались между собою въ дружескомъ эклектизмѣ, какъ бы для того, чтобы древняя философія могла собрать всѣ свои силы для борьбы съ новымъ врагомъ, долженствовавшимъ побѣдить ее. Кромѣ того, у него есть еще особенная причина колебаться между различными системами. Такъ какъ онъ занимается почти исключительно одною моралью, и философія его старается прежде всего быть практичною, то-есть примѣняться къ обстоятельствамъ, то она легко измѣняется вмѣстѣ съ ними. Желая исцѣлить больнаго, онъ предлагаетъ ему лишь тѣ средства, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ свойству его болѣзни; такъ, напримѣръ, людямъ, истощающимъ свои силы въ погонѣ за почестями, онъ предлагаетъ отставку, слабымъ же душамъ, не могущимъ выносить отставки, совѣтуетъ дѣятельную жизнь. Кромѣ того, такъ какъ онъ придаетъ исключительную важность одной морали, то все остальное занимаетъ его очень мало. Несправедливо было бы сказать, что относительно самыхъ важныхъ вопросовъ, каковъ, напримѣръ, вопросъ объ естествѣ Бога и души, онъ былъ— то стоикомъ, то платоникомъ; онъ относится къ нимъ совершенно безразлично [20]) и нисколько не скрываетъ, что его единственная забота состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ своихъ мнѣній практическое приложеніе [21]). Вслѣдствіе того онъ старается главнымъ образомъ представить ихъ съ такой стороны, чтобы они могли принести пользу нравамъ; а чтобы быть полезнымъ, онъ не за-

---

18) *Epist.*, 2, 5: *soleo enim et in aliena castra transire.*

19) *Epist.*, 45, 4: *non enim me cuiquam emancipavi*; *nullius nomen fero*. См. также *De vita beata*, 3, и *De otio*, 3, 1. Г. Целлеръ (*Phil. der Griech.*, III, 1, стр. 628), несмотря на эти сознанія, не хочетъ считать Сенеку полнымъ эклектикомъ. Онъ дошелъ, говоритъ онъ, до крайнихъ границъ стоицизма, но не перешагнулъ ихъ. Со временъ Посидонія Портикъ совершенно обновился и, по мнѣнію г. Целлера, Сенека не разошелся ни въ одномъ важномъ пунктѣ съ этимъ новымъ стоицизмомъ. А это равно тому, что если онъ самъ не сдѣлался эклектикомъ, то принадлежалъ къ школѣ, сдѣлавшейся эклектическою.

20) Примѣръ этого индефферентизма находится въ *Consol. ad Helv.*, 8, 3.

21) *Epist.*, 58, 26.

думается въ случаѣ нужды отказаться отъ самыхъ дорогихъ ученій своей секты. Извѣстно, что Богъ стоиковъ не есть начало, отдѣльное отъ матеріи и находящееся внѣ міра, какъ Богъ Платона и Аристотеля; напротивъ того, Онъ сливается съ природою. До тѣхъ поръ, пока Сенека остается на высотѣ философской спекуляціи, онъ выражается по этому поводу, какъ совершенный стоикъ. Для него Богъ есть «божественная сила, оживляющая міръ», или, лучше сказать, самый міръ: «хотите ли вы назвать Его Природою? вы не ошибетесь» [22]). Это Судьба, это Фортуна, «это неизмѣнный рядъ вытекающихъ одна изъ другой причинъ», эта «душа міра». *Quid est Deus? mens universi* [23]). Въ этомъ случаѣ мы дальше чѣмъ когда-либо отъ Богочеловѣка, живой образъ Котораго воспламенялъ усердіе мучениковъ. Но иногда Сенека подходитъ къ Нему поближе. Когда онъ перестаетъ быть спекулятивнымъ философомъ и просто хочетъ утѣшить несчастнаго или ободрить впавшаго въ отчаяніе, онъ понимаетъ, что въ такихъ случаяхъ нельзя ничего добыть изъ холодныхъ отвлеченностей стоицизма; тогда онъ чувствуетъ потребность изобразить Бога существомъ сострадательнымъ, выслушивающимъ молитвы своихъ созданій и исполняющимъ ихъ. Такимъ образомъ, несмотря на различные принципы и тенденціи, сочиненія его часто отличаются вполнѣ опредѣленнымъ религіознымъ характеромъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы «отрывать человѣка отъ земли и устремлять его къ небу» [24]). По его мнѣнію, первѣйшая добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы «предавать себя Богу» [25]); онъ желаетъ доказать Его вездѣсущность: «стоитъ ли скрывать что-нибудь отъ людей? отъ Бога ничто не скрыто» [26]). Онъ предлагаетъ безропотно покоряться Его волѣ: «все, что угодно Богу, должно быть угодно людямъ» [27]). Когда насъ поразитъ неожиданное несчастіе, мало повторять слова Виргилія: боги рѣшили иначе, *Dis aliter visum!* но слѣдуетъ говорить: боги посылаютъ то, что лучше, *Di melius!* [28]) Одно изъ его лучшихъ правилъ, заключающее въ себѣ всѣ наши обязанности, слѣдующее:

---

22) *Quaest. nat.*, II, 45.
23) *Quaest. nat. prol.* 13. *De benef.*, IV; 7.
24) *Epist.*, 65, 16.
25) *Epist.*, 107, 12: *hic est magnus qui se Deo tradidit.*
26) *Epist*, 83, 1.
27) *Epist.*, 74, 20.
28) *Epist.*, 98, 4.

«живите съ людьми такъ, какъ будто васъ видитъ Богъ; обращайтесь къ Богу такъ, какъ будто васъ слышатъ люди» [29]). Мы видимъ, что это уже личный Богъ, какой-то вѣчно присутствующій покровитель или, какъ онъ Его называетъ, другъ, никогда не бывающій отъ насъ далеко [30]). Это «нашъ Отецъ» [31]), нашъ Создатель, «любящій насъ могучею любовью [32]). Онъ воодушевляетъ и поддерживаетъ насъ [33]). Онъ сообщается съ нами и даже пребываетъ въ насъ. «Вы удивляетесь, говоритъ онъ, что человѣкъ можетъ возвыситься до боговъ? развѣ вы не видите, что боги пребываютъ среди людей и даже живутъ въ людяхъ?» [34]) Слѣдовательно, мы обязаны всею душою благодарить ихъ и прославлять. Сенека, быть можетъ, одинъ изъ всѣхъ философовъ древности говорилъ въ точныхъ выраженіяхъ о любви къ Богу, *colitur et amatur* [35]). Онъ сильно негодуетъ на эпикурейцевъ и на ихъ ученіе; онъ не можетъ простить имъ, что они изобрѣли ничего не дѣлающихъ боговъ, которые нисколько о насъ не заботятся и никогда не покидаютъ своего покоя, чтобы прійти къ намъ на помощь: «Тотъ, кто осмѣливается это предполагать, не слышитъ, значитъ, всѣхъ молящихся голосовъ, и не видитъ рукъ, простирающихся къ небу со всѣхъ концовъ свѣта» [36]). Можно ли узнать въ философѣ, говорящемъ такимъ образомъ о молитвѣ, того самаго человѣка, который въ другомъ мѣстѣ называетъ мудреца товарищемъ боговъ и говоритъ, что онъ не долженъ быть ихъ просителемъ? [37]).

Подобное же противорѣчіе существуетъ у него и съ самимъ собою, и съ его учителями, относительно сущности души и ея назначенія. Для стоиковъ душа есть тѣло, и въ человѣкѣ нѣтъ двухъ различныхъ началъ. Въ теоріи Сенека, повидимому, согласенъ съ этимъ мнѣніемъ; онъ полагаетъ, что каждое существо, потому только что оно дѣятельно, должно быть непремѣнно тѣлесно, и

---

29) *Epist.*, 10, 5.

30) *Fragm.*, 123 (изд. Гаазе).

31) *Epist.*, 110, 10. *De benef.*, II, 29, 4.

32) *De prov.*, 2, 6: *fortiter amat.*

33) Повидимому, Сенека предчувствовалъ иногда ученіе о благодати, столь чуждое философамъ древности. «Великія и сильныя рѣшенія приходятъ къ намъ отъ Бога», говоритъ онъ. *Epist.*, 41, 2.

34) *Epist.*, 73, 15.

35) *Epist.*, 47, 18.

36) *De benef.*, IV, 2.

37) *Epist.*, 31, 8.

что между тѣмъ, что называется душою и тѣломъ, не можетъ быть разницы въ существѣ [38]). Между тѣмъ онъ ихъ безпрестанно раздѣляетъ и противополагаетъ другъ другу, а подъ конецъ создаетъ даже какой-то, существующій между ними, антагонизмъ, которымъ объясняется вся жизнь. Тѣло—темница души, это тяжесть, пригибающая ее къ землѣ; до тѣхъ поръ, пока они соединены, она находится какъ бы въ оковахъ [39]); чтобы сохранить свою силу и свободу, она безустанно борется съ плотью: «никогда, говоритъ онъ, эта презрѣнная плоть не заставитъ меня ощущать страхъ; никогда я не соглашусь лгать для ея пользы. Если я найду это нужнымъ, то разорву связь, соединяющую меня съ нею» [40]). Такое полнѣйшее различіе между тѣломъ и душой, чуждое дѣйствительной системѣ стоиковъ, ведетъ его къ выводамъ, удаляющимъ его еще болѣе отъ этого ученія. Если душа есть тѣло, то она не можетъ избѣгнуть тѣхъ условій, которымъ подчинена вся вообще матерія; она должна распадаться и погибнуть. Слѣдовательно, стоики необходимо должны были думать, что она не переживаетъ смерти. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ старались избѣгнуть такихъ неумолимыхъ заключеній. Хризиппъ допустилъ, что души мудрыхъ будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока міръ погибнетъ отъ огня, а Клеантъ распространилъ это преимущество на всѣ души [41]). Такимъ образомъ имъ давали болѣе продолжительную жизнь, но все-таки не давали безсмертія [42]). Насчетъ послѣдняго вопроса Сенека сильно колеблется. Судя по обстоятельствамъ, онъ то признаетъ, то отрицаетъ будущую жизнь. Сначала онъ говоритъ Марціи, оплакивающей своего ребенка, что смерть разрушаетъ и уничтожаетъ собою все и полагаетъ предѣлъ всѣмъ людскимъ бѣдствіямъ: «Нельзя быть несчастнымъ, не будучи уже ничѣмъ» [43]). Но, сомнѣваясь, чтобы подобная перспектива могла ее утѣшить, онъ, спустя немного, представляетъ ей ея сына, восходящимъ на небо и занимающимъ мѣсто возлѣ Катоновъ и Сципіоновъ [44]). Сенеку много упрекали за эти противо

---

38) *Epist.*, 106, 4. 117, 2.

39) *Epist.*, 65, 22.

40) 65, 22.

41) Діог. Лаерт., VII, 157.

42) Циц., *Tusc.*, 1, 31: *Stoici usuram nobis largiuntur tamquam cornicib diu mansuros aiunt animos, semper negant.*

43) *Cons. ad Marc.*, 19, 5.

44) *Cons. ad Marc.*, 25.

рѣчія; между тѣмъ ихъ можно иногда объяснить и притомъ можно даже сказать, что въ этихъ случаяхъ онъ болѣе вѣренъ мнѣніямъ своихъ учителей, нежели это думаютъ. Вспомнимъ, какое различіе дѣлаетъ Хризиппъ между судьбою обыкновенныхъ людей и мудрецовъ; очень можетъ быть, что и Сенека, говоря, что душа уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, подразумѣвалъ обыкновенныхъ людей, а говоря, что душа восходитъ на небо, относилъ это къ однимъ мудрымъ. Слѣдовательно, слѣдующая фраза изъ его *Утѣшенія* Полибію: «Зачѣмъ его оплакивать? онъ или счастливъ, или ничто» [45]), указываетъ не на одну только нерѣшительность скептика, не имѣющаго ничего утверждать, какъ это обыкновенно думали; здѣсь Сенека говоритъ, какъ вполнѣ убѣжденный стоикъ, и эта самая перемѣна составляетъ сущность ученія Портика о будущей жизни. Вполнѣ же онъ удаляется отъ него лишь тогда, когда говоритъ, что душа вѣчна и безсмертна [46]). Эти выраженія находятся уже и въ первыхъ его сочиненіяхъ; но чаще всего встрѣчаются они въ его письмахъ къ Люцилію, написанныхъ имъ подконецъ жизни. Можно сказать, что по мѣрѣ того, какъ онъ чувствовалъ приближеніе смерти, онъ любилъ утѣшать и укрѣплять себя надеждою на безсмертіе. «Этотъ день, говорилъ онъ, котораго вы боитесь, какъ послѣдняго въ своей жизни, въ дѣйствительности — первый день жизни вѣчной... [47]). Вскорѣ передъ вами откроются таинства природы. Ослѣпляющій васъ туманъ разсѣется, и вы будете залиты свѣтомъ. Вообразите себѣ блескъ отъ столькихъ свѣтилъ, сливающихъ свои лучи; никакая тѣнь не омрачитъ ихъ чистоты; всѣ страны небесныя будутъ сіять одинаково. Вотъ, когда вы будете принуждены сознаться, что провели жизнь свою во мракѣ. Каково будетъ ваше восхищеніе, когда вамъ явится божественный свѣтъ, и вы уловите его въ самомъ его средоточіи!» [48]).

Очень понятно, что люди, утверждавшіе, будто Сенека зналъ евангеліе и пользовался имъ, не оставляли безъ вниманія этихъ очевидныхъ противорѣчій и перемѣнъ во мнѣніяхъ. Ясно говори-

---

[45]) *Cons. ad Polyb.*, 9, 3.

[46]) *Epist.*, 57, 9.

[47]) Dies iste, quem tamquam extremum reformidas, aeterni natalis est. Epist., 102, 26.

Слово *natalis*, въ смыслѣ дня смерти, было очень употребительно у христіанъ.

[48]) *Epist.*, 102, 28. См. затѣмъ слѣдующій отрывокъ (22): *Cum venerit dies ille, qui mixtum hoc divini humanique secernat, corpus hic, ubi inveni, relinquat, ipse me dis reddam.*

ли они, что если онъ такъ часто расходится со стоиками, ученикомъ которыхъ себя считаетъ, то это потому, что, изучивъ ихъ систему, онъ встрѣтилъ на пути другое увлекшее его ученіе. Съ тѣхъ поръ онъ колебался между мнѣніями своихъ учителей, которыхъ не желалъ покинуть, и тѣми новыми мнѣніями, отъ которыхъ не могъ защитить себя. Понятно, что ученіе, заставлявшее его измѣнять урокамъ Зенона и Хризиппа, было ученіе св. Павла, проповѣдуемое въ это время въ Римѣ вблизи Сенеки. Для того, чтобы несомнѣваться въ этомъ, стоитъ только сличить нѣкоторыя мѣста его сочиненій съ сочиненіями Отцовъ Церкви: это однѣ и тѣ же мысли, иногда даже совершенно одинаково выраженныя. Это сходство обращало на себя вниманіе еще во II-мъ вѣкѣ; оно кажется удивительнымъ даже и теперь, особенно если, сравнивая между собою различныя фразы, мы отдѣлимъ ихъ отъ того, что имъ предшествовало и что за ними слѣдовало. Взятыя такимъ образомъ, онѣ, повидимому, разрѣшаютъ собою вопросъ, не оставляя болѣе мѣста сомнѣнію.

Но если взглянуть поближе, тотчасъ являются сомнѣнія, и со всѣхъ сторонъ начинаютъ возникать затрудненья. Прежде всего представляется вопросъ, въ какое именно время Сенека могъ научиться христіанской религіи. Если онъ дѣйствительно заимствовалъ у нея самыя прекрасныя изъ своихъ мыслей, значитъ тотъ моментъ, когда онъ познакомился съ евангеліемъ, былъ самымъ важнымъ моментомъ въ его жизни; вѣроятно, онъ, подобно своему учителю, Павлу, почувствовалъ въ себѣ перерожденіе, слушая божественное слово, и быть не можетъ, чтобы въ его сочиненіяхъ не осталось слѣдовъ происшедшей съ нимъ перемѣны. Нѣтъ ничего легче, какъ отличить книги, написанныя имъ до знакомства съ Павломъ, отъ тѣхъ, которыя были написаны послѣ него; только послѣднія и могутъ заключать въ себѣ великія, религіозныя и нравственныя идеи, почерпнутыя имъ у христіанства, и ихъ нельзя, конечно, найти въ первыхъ книгахъ. Однако, на дѣлѣ это не такъ, и самое внимательное изученіе произведеній Сенеки не дозволяетъ дѣлать подобнаго подраздѣленія, которое было бы очень легко, если бы однѣ книги были внушены христіанствомъ, а другія—древней мудростью. Время прибытія св. Павла въ Римъ точно не опредѣлено; большинство критиковъ относятъ его къ 61 году, другіе думаютъ, что оно случилось раньше, а именно—въ 56 году. Но какое бы изъ этихъ двухъ чиселъ ни было вѣрно, во всякомъ случаѣ Сенека былъ въ это время уже не молодъ и ус-

пѣлъ написать бо́льшую часть своихъ сочиненій. Изъ нихъ *Утѣшеніе Марціи*, считающееся самымъ старымъ, вѣроятно, было написано въ царствованіе Калигулы. *Утѣшенія* Гельвіи и Полибію относятся ко времени Клавдія и были написаны до 49 года. Трактатъ *о гнѣвѣ* и другой *о милосердіи* были сочинены въ царствованіе Нерона. Замѣтна ли-какая нибудь существенная разница между этими произведеніями и тѣми, которыя были написаны послѣ 56 года, когда Сенека могъ познакомиться съ св. Павломъ? Конечно, послѣднія лучше первыхъ и замѣчательнѣе ихъ по мысли и слогу; но этотъ прогрессъ объясняется возрастомъ и опытностію писателя. Занимаясь впродолженіе многихъ лѣтъ серьезными дѣлами и принимая участіе въ управленіи цѣлымъ міромъ, Сенека не могъ не пріобрѣсти большей ширины и глубины ума. Но сущность его мнѣній не измѣнилась. Въ немъ замѣтны почти тѣ же самыя достоинства и недостатки. Хотя мысли его съ теченіемъ времени и созрѣли, но правила въ главныхъ чертахъ не измѣнились. Нигдѣ въ его сочиненіяхъ незамѣтно слѣдовъ обращенія, которое обновило бы его умъ на жизненномъ пути[49]). Если противорѣчія его станутъ считать доказательствомъ того, что онъ находился между двумя религіями, тянувшими его каждая въ свою сторону, мы укажемъ на то, что эти противорѣчія существуютъ даже въ *Утѣшеніяхъ* Марціи и Полибію, написанныхъ имъ прежде, чѣмъ онъ могъ знать св. Павла; болѣе того, та возвышенная мораль, тѣ прекрасные принципы, которые онъ, какъ полагаютъ, заимствовалъ у христіанства, вовсе не встрѣчаются только въ его письмахъ къ Люцилію, писанныхъ имъ въ концѣ жизни; они находятся одинаково въ сочиненіяхъ, появившихся и прежде, и послѣ 56 года. Такъ, что если насъ непремѣнно хотятъ увѣрить, будто онъ заимствовалъ ихъ у христіанства, то слѣдуетъ измѣнить принятую доселѣ гипотезу и предположить, что онъ получилъ ихъ не отъ св. Павла, а отъ тѣхъ, которые еще до него, въ концѣ царствованія Тиберія, первые явились возвѣстить еврейской колоніи Рима ученіе Воскресшаго.

Что касается удивляющихъ насъ сходствъ между ученіемъ Сенеки и Церкви, ихъ недостаточно для доказательства того, будто

[49]) Когда онъ пишетъ Люцилію, что чувствуетъ себя измѣненнымъ и преображеннымъ (*intelligo non emendari me tantum sed transfigurari. Epist*, 6, 1) такъ это потому, что онъ только что окончилъ чтеніе одного философа; онъ даже посылаетъ своему другу ту книгу, которая такъ его тронула, и отмѣчаетъ въ ней знаками наиболѣе поразительныя мѣста.

философъ пользовался поученіями христіанина. Прежде всего надо замѣтить, что ихъ часто преувеличивали, и что они далеко не имѣютъ того значенія и важности, какія имъ приписываютъ. Иногда сходныя слова выражаютъ совершенно различныя мысли, иногда же просто сказывается, что выраженія, удивляющія насъ у Сенеки, употреблялись языческими писателями гораздо прежде, чѣмъ существовало христіанство [50]). Создавая свой языкъ, Церковь, вѣроятно, создала много новыхъ выраженій, но въ то же время заимствовала много подходящихъ для себя словъ у тогдашнихъ философовъ. Въ сущности всѣ эти сходства между словами имѣютъ очень мало значенія; гораздо важнѣе кажется сначала сходство въ мысляхъ, но и оно часто только кажущееся, и при внимательномъ разсмотрѣніи всегда выходитъ на повѣрку, что между этими двумя ученіями никогда не было полнаго согласія.

Такъ, напримѣръ, часто находили, что Сенека понимаетъ милосердіе точно такъ же, какъ христіане, и это дѣйствительно кажется такъ иногда. Онъ всюду предлагаетъ быть щедрыми и благотворительными къ тѣмъ, кто терпитъ нужду; онъ говоритъ, что «надо протягивать руку потерпѣвшему отъ бури, указывать дорогу бѣдному заблудившемуся и раздѣлять свой хлѣбъ съ голоднымъ». Онъ требуетъ, чтобы нищему подавали милостыню, «чтобы матери возвращали потеряннаго сына, чтобы выкупали рабовъ и гладіаторовъ и погребали трупы даже преступниковъ» [51]). Онъ идетъ еще дальше и требуетъ милосердія задушевнаго, самаго важнаго изъ всѣхъ, которое утѣшаетъ чужія страданія оказываемою имъ симпатіею болѣе, нежели предлагаемою имъ помощью. Надо помогать даже своимъ врагамъ и дѣлать это съ кротостью. «Надо принимать грѣшниковъ нѣжно и по-отечески и, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать, стараться наставить ихъ на путь истины» [52]). Наконецъ, обращаясь къ ожесточеннымъ и недовольнымъ моралистамъ, ищущимъ постоянно причины къ гнѣву, онъ говоритъ имъ слѣдующія прекрасныя слова, вполнѣ достойныя Евангелія: «Когда же вы, наконецъ, полюбите? *Ecquando amabis*»? [53]). Но слѣдуетъ замѣтить, что, преподавая подобныя правила, онъ не столько занятъ интересами людей, сколько душою своего мудреца. Онъ у него, такъ сказать, милосердъ изъ эгоизма: упражняясь въ благотвори-

[50]) Такъ, напримѣръ, когда Сенека, говоря о тѣлѣ, называетъ его плотью, то думаютъ, что онъ подражаетъ въ этомъ случаѣ христіанамъ; между тѣмъ это выраженіе принадлежало школѣ Эпикура и употреблялось ею еще задолго до рожденія Христа. Целлеръ, *Philos. der Griechen*, III, 1, стр. 405.

тельности, онъ привыкнетъ лишать себя тѣхъ благъ, какія имѣетъ. Мало того: такъ какъ мудрый человѣкъ долженъ быть выше всѣхъ страстей, онъ долженъ бороться съ самой лучшей изъ нихъ, съ состраданіемъ. При такой системѣ состраданіе становится слабостью. Онъ будетъ подавать милостыню, но не чувствовать при этомъ сожалѣнія; облегчая бѣдствія другихъ, онъ не долженъ измѣняться въ лицѣ и что-либо чувствовать, *tranquilla mente, vultu suo* [54]). Итакъ, здѣсь мы очень далеки отъ христіанскаго милосердія.

То же самое относится къ изображенію мудраго человѣка, играющему столь важную роль въ системѣ Сенеки; нѣкоторые сравнивали его съ евангельскимъ праведникомъ и изъ этого сравненія необдуманно выводили сходство между этими двумя ученіями, тогда какъ ничто лучше этого сравненія не доказываетъ всю разницу между ними. Мудрецъ Сенеки — человѣкъ невѣроятной энергіи, ничто не можетъ ни тронуть, ни сломить его; «какая бы тяжесть ни лежала на немъ, онъ всегда стоитъ прямо» [55]). Тайна его силы заключается въ отсутствіи въ немъ всякой привязанности; онъ не можетъ ничего потерять, потому что ни чѣмъ не дорожитъ. Онъ довольствуется самъ собою и не имѣетъ никакихъ потребностей и желаній. Страсти, даже самыя лучшія, чужды ему. Самыя естественныя привязанности не должны волновать его; онъ долженъ оставаться нечувствительнымъ при смерти своихъ родныхъ и друзей. Къ жизни онъ такъ же равнодушенъ, какъ къ богатству. Онъ имѣетъ право, а иногда даже обязанъ разстаться съ нею; «онъ живетъ, сколько долженъ, а не сколько можетъ» [56]), и когда того требуютъ обстоятельства, онъ произноситъ свой приговоръ и освобождаетъ себя отъ жизни. Уже нѣкоторыя черты этого характера очень далеки отъ христіанскаго идеала. Другія напоминаютъ строгость учителей Поръ-Рояля, напугавшую нѣкогда Церковь; но всего болѣе мораль Сенеки отличается отъ евангельской морали тѣмъ, что добродѣтель ставитъ стоическаго мудреца выше всѣхъ другихъ людей. Онъ приближается къ богамъ и становится съ ними рав-

51) *De clem.*, II, 2, 6.
52) *De ira*, I, 14, 3.
53) *De ira*, III, 28, 1.
54) *De clem.*, II, 6, 2.
55) *Epist.*, 71, 26.
56) *Epist.*, 70, 4.

нымъ, *cum dis ex pari vivit* [57]). Какое богохульство для христіанина! Стоическій мудрецъ не только равенъ Богу, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше Его. «Мудрецъ, подобно Юпитеру, презираетъ всѣ земныя блага; но разница между ними въ томъ, что Юпитеръ не можетъ пользоваться ими, а мудрецъ не хочетъ.— Подобно Богу, мудрецъ ничего не боится, но у Бога чувство безопасности есть слѣдствіе Его естества, между тѣмъ, какъ мудрецъ достигаетъ его усиліемъ воли» [58]). Естественный выводъ изъ подобныхъ началъ тотъ, что мудрецу нечего просить у Бога, съ которымъ онъ равенъ, *socius, non supplex*. Стоическое ученіе, говоря безпрестанно о Богѣ, прежде всего какъ бы старается сдѣлать Его совершенно безполезнымъ для человѣка. Чтобы достичь добродѣтели, мудрецъ прибѣгаетъ только къ самому себѣ; «главная обязанность его полагаться на самого себя» [59]).

Онъ сдѣлается добродѣтельнѣе, единственно съ помощью собственной воли и собственными усиліями, а когда умретъ, то будетъ имѣть право гордо сказать Богу: «Я возвращаю Тебѣ свою душу лучшею, нежели какою Ты далъ ее мнѣ» [60]). Ему не нужно просить ничьей помощи: «Зачѣмъ тебѣ молитвы? говоритъ Сенека: ты самъ можешь сдѣлать себя счастливѣе» [61]). Не надѣясь ни на что отъ Бога, ему не зачѣмъ и бояться Его; страхъ Божій считается въ числѣ тѣхъ недостатковъ, которыхъ мы должны всего болѣе остерегаться [62]). Какая разница съ той религіей, которая считаетъ его началомъ мудрости? Слѣдовательно, въ принципахъ, то-есть въ самомъ главномъ, эти два ученія расходятся вполнѣ; что за дѣло послѣ того, если они сходны въ нѣкоторыхъ подробностяхъ? Ничего не можетъ быть общаго между системою, предающею человѣка во власть Божію, и тою, которая превозноситъ его до степени Бога.

Итакъ, можно положительно сказать, что бо̀льшая часть мнѣній Сенеки противоположна христіанству, и что если онъ былъ христіаниномъ, то христіанскими можно у него назвать только нѣкоторыя правила житейской мудрости; но этого именно я и не могу допустить. Дѣйствительно возможно ли, чтобы, зная Евангеліе,

---

57) *Epist.*, 59, 14.
58) *Epist.*, 53, 11. *De provid.*, 6, 6.
59) *Epist.*, 31, 3.
60) *De tranq. animi*, II, 3.
61) *Epist.*, 31, 5: *quid votis opus est? fac te ipse felicem.*
62) *Epist.*, 17, 6.

онъ не извлекъ изъ него ничего больше? Или апостолъ Павелъ слишкомъ мало ознакомилъ его съ нимъ, если онъ такъ часто отъ него уклоняется? Просвѣти онъ его христіанскимъ ученіемъ въ томъ размѣрѣ, какъ самъ развилъ его въ своихъ *Посланіяхъ*, вѣроятно ли, чтобы Сенека сохранилъ такъ мало изъ его великихъ поученій и ограничился лишь тѣмъ, чтобы ввести нѣсколько несообразностей въ свою систему? Какимъ образомъ у него не встрѣчается ничего изъ теорій, излагаемыхъ въ *Посланіяхъ къ римлянамъ*, ничего положительнаго о предназначеніи душъ и объ оправданіи вѣрою? Какимъ образомъ, напротивъ того, этотъ предполагаемый ученикъ св. Павла можетъ думать, что человѣку достаточно себя самого, что отъ себя онъ можетъ всего ожидать, и что вся суть мудрости состоитъ въ томъ, чтобы надѣяться только на одного себя? Какъ объяснить, что, ознакомясь съ ученіемъ, вполнѣ догматическимъ, онъ продолжаетъ колебаться относительно естества Божія и безсмертія души, то-есть относительно того, что составляетъ главнѣйшую часть всякой философіи и религіи? Чья же вина послѣ того, если воображаемыя совѣщанія между этими двумя великими учителями привели къ такимъ ничтожнымъ результатамъ? Обвинять ли Сенеку въ непониманіи, или св. Павла въ томъ, что онъ не съумѣлъ заставить его понять себя? Возможно ли, чтобы апостолъ, преподавая христіанство своему ученику, умышленно умолчалъ о самомъ главномъ, и чтобы знаменитый философъ удержалъ изъ его наставленій лишь нѣсколько нравственныхъ мыслей, самый смыслъ которыхъ былъ ему, какъ видно, не всегда понятенъ? И не оскорбительны ли для нихъ обоихъ подобныя предположенія?

Но предположенія эти безполезны, и у Сенеки все объясняется само собою, безъ вмѣшательства христіанства. Конечно онъ не самъ придумалъ великія мысли, восхищающія насъ въ его сочиненіяхъ, но онъ могъ узнать ихъ и безъ помощи св. Павла. Онъ заимствовалъ ихъ у философовъ, жившихъ задолго до Рождества Христова, и мы еще недавно находили ихъ у Цицерона, котораго никакъ уже нельзя заподозрить въ томъ, что онъ взялъ ихъ изъ Евангелія. Посредствомъ сближенія и ссылокъ было не разъ доказано, что философы употребляли ихъ еще до него, и въ настоящее время было бы безполезно снова доказывать, что это были общія мѣста, употреблявшіяся философіей впродолженіе многихъ вѣковъ. Правда, что мысли эти принимаютъ въ его сочиненіяхъ другой характеръ. Его поученія имѣютъ болѣе настойчивый

и убѣдительный тонъ; въ принципы, заимствованные имъ у своихъ предшественниковъ, онъ влагаетъ болѣе теплоты и великодушія; мораль его какъ-то болѣе доступна, болѣе приложима и болѣе живуча. Въ этомъ и состоитъ ея дѣйствительная особенность, такъ что при чтеніи его намъ иногда кажется, будто онъ первый сказалъ то, что онъ въ сущности повторяетъ со словъ многихъ другихъ. Въ этомъ именно смыслѣ де-Местръ могъ предполагать, «что онъ говоритъ о Богѣ и о человѣкѣ совершенно новымъ способомъ»; но даже это достоинство не принадлежитъ ему вполнѣ. Вспомнимъ, какое направленіе римская философія приняла послѣ Августа; изъ великихъ принциповъ, поставленныхъ греческими и римскими мудрецами, она старалась извлекать только практическіе выводы. Въ теченіе цѣлаго вѣка во всѣхъ школахъ происходила работа, результаты которой сохранилъ намъ Сенека. Читая его книги, удивляешься иногда, почему его отдѣляютъ отъ тѣхъ проповѣдниковъ добродѣтели, которые были до него, и ученикомъ которыхъ онъ себя провозглашаетъ. Для того чтобы понять его, вспомнимъ объ успѣхахъ преподаванія нравственности при Фабіанѣ, Атталѣ, Сотіонѣ, не мало ему пригодившихся. Такъ, напримѣръ, нѣтъ ничего удивительнаго, что отправляясь отъ мысли, ясно выраженной Цицерономъ, будто изъ двухъ началъ, составляющихъ человѣка, главное есть душа, мало-по-малу дошли до презрѣнія тѣла. Сенека полагаетъ, что этотъ ветхій домъ, вѣчно грозящій паденіемъ, представляетъ собою печальное жилище для человѣческой души. «Очевидно, говоритъ онъ, что мы въ немъ не болѣе, какъ жильцы» [63]). Слѣдовательно, надо побѣждать и покорять тѣло для того, чтобы душа была полною госпожею. Съ этой цѣлью онъ совѣтуетъ умерщвленіе плоти и воздержаніе. Онъ желаетъ, чтобы во время безумствъ Сатурналій, «когда дается полная воля народному разгулу» [64]), люди запирались у себя въ домахъ, надѣвали плохія одежды, спали на нищенскомъ ложѣ и довольствовались грубымъ чернымъ хлѣбомъ. Испытаніе это необходимо, и его надо продолжать въ теченіе нѣсколькихъ дней, для того чтобы оно было дѣйствительно. Такія слова можно приписать и христіанину; но не слѣдуетъ думать, чтобы Сенека, предписывая своимъ ученикамъ воздержаніе, говорилъ о постахъ и умерщвленіи плоти пустынниковъ. «Философія, говоритъ онъ, тре-

[63]) *Epist.*, 120, 16: *hoc evenire solet in alieno habitantibus.*

[64]) *Epist.*, 18.

буетъ отъ своихъ послѣдователей умѣренности, но не желаетъ подвергать ихъ наказаніямъ» [65]). Онъ просто хочетъ укрѣпить душу, уменьшая похоти тѣла, и сократить наши потребности, чтобы сдѣлать насъ болѣе способными бороться съ нуждою и лишеніями. Ежеминутно можетъ явиться приказъ Цезаря, приговаривающій насъ къ изгнанію и бѣдности; мы должны приготовиться къ нему заранѣе: «Зная, что не трудно быть бѣднымъ, мы съ большимъ спокойствіемъ будемъ пользоваться своими богатствами» [66]).

По этому поводу можно вообще сказать, что Сенека приближается къ христіанству на практикѣ и удаляется отъ него въ теоріи. Но то же самое бываетъ со всѣми философіями и даже почти со всѣми религіями: они сходствуютъ въ правилахъ и расходятся въ началахъ. Обыкновенно составители системъ ничѣмъ не стѣсняются. Спекулятивное мышленіе представляетъ собою обширную область безъ опредѣленныхъ границъ, безъ вѣрныхъ дорогъ, гдѣ могутъ являться всевозможныя теоріи и расходиться по любымъ направленіямъ. Такой независимый ходъ не только не препятствуетъ успѣху мнѣній, но даже привлекаетъ къ себѣ смѣлые умы, любящіе новыя дороги. Но когда хотятъ перейти отъ теоріи къ практикѣ и изложить правила житейской мудрости, тогда всѣ мнѣнія, блуждающія различными путями, сближаются между собою и со всѣхъ сторонъ стремятся на общую стезю. Здравый смыслъ народа вырабатываетъ для практической морали нѣсколько общихъ началъ, которымъ необходимо подчиняются всѣ философскія школы. Отправляясь отъ какой-бы то ни было системы, необходимо надо принимать эти общія рѣшенія; лучше навлечь себѣ упрекъ въ непослѣдовательности, нежели вооружить противъ себя общественную совѣсть [67]). Въ этомъ случаѣ съ Сенекою случилось то же, что и съ другими; чѣмъ болѣе его философія вдается въ практическое приложеніе и подробности, тѣмъ болѣе она приближается къ христіанству. Напротивъ того, обобщаясь и возвышаясь, она

---

65) *Epist.*, 5, 5: *frugalitatem exigit philosophia, non poenam.*

66) *Epist.*, 18, 8.

67) Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что философія Эпикура, совершенно отличающаяся по своимъ принципамъ отъ философіи стоиковъ, приходитъ къ одинаковымъ съ нею практическимъ выводамъ. Самыя лучшія мысли Сенеки о любви къ добродѣтели, о презрѣніи страданій и смерти, объ устраненіи себя отъ удовольствій, заимствованы имъ, по его словамъ, отъ этой школы, провозглашавшей въ теоріи, что нѣтъ ничего выше наслажденій.

удаляется отъ него. Въ сущности тутъ не должно быть для насъ ничего удивительнаго.

Равнымъ образомъ незачѣмъ много удивляться, находя въ сочиненіяхъ Сенеки столько прекрасныхъ правилъ о благотворительности и гуманности; древность не была такъ чужда этимъ чувствамъ, какъ это думаютъ; по словамъ одного Отца Церкви, ихъ можно назвать естественнымъ произведеніемъ души [68]). Древняя философія, особенно стоическая, уже возвысилась до той мысли, что весь міръ составляетъ одно государство, что различіе странъ и племенъ не мѣшаетъ единству человѣческаго рода, что одна общая связь соединяетъ между собою самые отдаленные, самые различные, самые враждебные народы, и что весь міръ съ одного конца до другаго населенъ согражданами. Мы видѣли, съ какимъ изумительнымъ краснорѣчіемъ излагалъ эти начала Цицеронъ за полвѣка до Рождества Христова. Они часто встрѣчаются также у Сенеки. «Мы члены громаднаго тѣла, говоритъ онъ. Природа желала, чтобы мы всѣ были между собою родными, произведя насъ всѣхъ по одинаковой причинѣ и для одинаковой цѣли. Отсюда происходитъ та привязанность, которую мы всѣ питаемъ другъ къ другу и причина нашей общительности; справедливость и право имѣютъ то же самое основаніе. Вотъ почему лучше быть жертвой зла, нежели причиною его. Общество людей, подобно своду, въ которомъ различные камни, поддерживая одинъ другой, составляютъ безопасность цѣлаго» [69]). Очень естественно, что въ этихъ школахъ римской философіи, стремившихся прилагать свои ученія къ практикѣ, пришли къ заключенію объ единствѣ человѣческаго рода и о необходимости для людей взаимнаго уваженія и помощи. Уже Цицеронъ во имя этого принципа старался ограничить права войны. Сенека осуждаетъ ее вполнѣ. Онъ спрашиваетъ себя, почему наказываютъ человѣка, если онъ убьетъ другаго, а «преступное истребленіе цѣлаго народа» прославляютъ, какъ подвигъ [70]). Развѣ преступленіе мѣняетъ свое имя, если оно совершается въ одеждѣ воина? «Какъ! неужели человѣку, котораго природа создала для кротости *(mitissimum genus)* не стыдно находить удовольствіе въ пролитіи крови?» Тотъ же принципъ заставляетъ его съ великодушнымъ гнѣвомъ осуждать ужасное зрѣлище боя гладіаторовъ. Цицеронъ, который также не любилъ этихъ жестокихъ

[68]) Лактанцій, VI, 15: *quasi ubertas naturalis animorum.*

[69]) *Epist.*, 95, 52.

[70]) *Epist.*, 95, 30.

игръ, находилъ, однако, что онѣ могутъ быть полезны въ случаѣ, если тутъ сражаются меж дусобой преступники, такъ какъ, глядя на нихъ, зрители могутъ пріучить себя не бояться смерти. Но Сенека не желаетъ терпѣть ихъ ни подъ какимъ видомъ, потому что самая природа возмущается противъ нихъ. «Этотъ человѣкъ разбойничалъ, говоритъ онъ людямъ, собирающимся идти толкаться на ступеняхъ амфитеатра; хорошо, онъ заслужилъ чтобы его убили; но ты, несчастный, что ты такое сдѣлалъ, за что тебя осудили присутствовать при его смерти?» [71]). И онъ провозглашаетъ тотъ великій принципъ, что человѣкъ долженъ быть священнымъ для другаго, и что не слѣдуетъ заставлять его умирать ради игры и забавы, *homo res sacra homini* [72]). Въ числѣ защищаемыхъ имъ такимъ образомъ людей онъ не затруднялся помѣщать и рабовъ. Цицеронъ не исключалъ ихъ изъ человѣчества. Сенека положительно признавалъ за ними права. «Всѣ мы, говорилъ онъ, состоимъ изъ одинаковыхъ элементовъ; всѣ мы имѣемъ одинаковое происхожденіе [73]). Ошибаются, думая, что рабство овладѣваетъ человѣкомъ вполнѣ; лучшая его часть не поддается ему: тѣло подчинено господину, но душа остается свободною» [74]). Хризиппъ называлъ своихъ рабовъ наемниками, привязанными къ нему на всю жизнь; но Сенека называлъ своихъ друзьями низшаго сорта *(humiles amici)*, что значило почти братья. Такія мысли очень близки къ христіанству, но нѣтъ необходимости думать, что онѣ принадлежатъ непремѣнно христіанству. Онѣ не болѣе, какъ естественное развитіе великаго принципа человѣческаго единства, провозглашеннаго стоиками и приложеннаго къ дѣлу римской философіей, когда она приняла нравственный и практическій характеръ.

Мнѣ кажется, что послѣ сдѣланнаго нами изслѣдованія мы можемъ вполнѣ понимать Сенеку. Основа его мнѣній взята имъ у древнихъ философовъ и находится уже у Цицерона. То, что прибавлено имъ, объясняется естественными успѣхами, сдѣланными римскою мудростью въ школахъ I вѣка, а болѣе живой и увлекательный способъ изложенія употреблялся еще прежде него и заимствованъ у Секста, Аттала и Фабіана. Слѣдовательно, онъ вовсе не какой-то отдѣльно стоящій геній, какимъ его всегда считали, и ему не трудно найти предшественниковъ. Римская философія съ

---

71) *Epist.*, 7, 5.

72) *Epist.*, 95, 33.

73) *De benef.*, III, 28, 2.

74) *De benef.*, III, 20, 1 и 47 письмо къ Люцилію.

самаго своего начала и до него представляетъ одну непрерывную цѣпь; онъ служитъ ея послѣднимъ звеномъ. Мы постоянно чувствуемъ связь, соединяющую его съ его предшественниками; все становится понятнымъ и объяснимымъ въ его произведеніяхъ, если возстановить рядъ тѣхъ, чьи труды онъ изучилъ и потомъ изложилъ вкратцѣ. Можно сказать, что мы имѣемъ его настоящую генеалогію и не чувствуемъ никакой необходимости отдѣлять его отъ учителей, которыхъ онъ былъ естественнымъ наслѣдникомъ, чтобы отыскивать для него въ другомъ мѣстѣ невѣрное происхожденіе.

III.

Благосклонно ли относился бы Сенека къ христіанству, если бы зналъ его?— Услуги, которыя онъ ему оказываетъ безъ всякаго вѣдома. — Движеніе, даваемое имъ душамъ. — Нападки на миѳологію. — Онъ врагъ не только народныхъ культовъ, но и вообще положительныхъ религій. — Каково было расположеніе умовъ, приготовлявшее обыкновенно людей къ принятію христіанства? — Въ чемъ Сенека уступаетъ и въ чемъ сопротивляется религіознымъ вліяніямъ своего времени.

Не довольно доказать, что Сенека законный сынъ древней философіи; надо идти дальше. Мы уже видѣли, что онъ не былъ христіаниномъ; посмотримъ теперь, не принадлежалъ ли онъ къ числу тѣхъ, которые, подобно Виргилію, были какъ бы предназначены для этого и приготовили міръ къ принятію христіанства!

Нельзя отрицать, что сочиненія Сенеки были во многихъ отношеніяхъ полезны для успѣховъ христіанства. Переворотъ, измѣняющій міръ, имѣетъ обыкновенно много сообщниковъ, которые сами того не подозрѣваютъ. Человѣкъ волей-неволей трудится для него, когда волнуетъ умы и заставляетъ ихъ отрываться отъ своей природной безпечности и принятой ими систематической неподвижности, благодаря которымъ они довольны и собою и своимъ временемъ и не желаютъ безпокоиться для произведенія какихъ-либо перемѣнъ. Оторванные отъ своего покоя и приведенные въ движеніе, они имѣютъ болѣе возможности встрѣтить новыя мысли, чѣмъ если бы оставались въ прежнемъ положеніи. Сочиненія философовъ не прямо обращали людей въ христіанство, но возбуждали читателей и выводили ихъ изъ состоянія неподвижности; они давали первое движеніе ихъ душѣ, которое не всегда останавливалось тамъ, гдѣ они хотѣли, и могло привести ихъ къ христіанству.

Сенека оказалъ другую услугу христіанамъ, за которую тѣ бы-

ли ему очень благодарны: онъ велъ ожесточенную борьбу съ религіозными вѣрованіями и обрядами своихъ современниковъ. Онъ не только жестоко нападаетъ на восточные культы, завладѣвшіе Римомъ, и насмѣхается надъ жрецами Изиды, «проповѣдующими свои выдумки, потрясая систрами [75]», и надъ жрецами Беллоны и Цибелы, «воображающими, что надо почитать боговъ, разсѣкая себѣ плечи и руки», но относится также безъ всякаго уваженія къ почтеннымъ преданіямъ римскаго язычества. Онъ неистощимъ въ насмѣшкахъ надъ тѣмъ, что онъ называетъ бреднями Ромула и Нумы, которые ввели на небо божество Клоакъ и богиню Ужаса; онъ полонъ гнѣва противъ тѣхъ, кто придумалъ эти странныя, невозможныя божества, составленныя изъ самыхъ неподходящихъ другъ къ другу началъ, полумущинъ и полуженщинъ, или полуженщинъ и полурыбъ. «Мы почитаемъ ихъ, какъ боговъ, говоритъ онъ, но если бы они явились передъ нами живые, мы убѣжали бы отъ нихъ, какъ отъ чудовищъ». Онъ не можетъ простить миѳологамъ смѣшныхъ исторій, разсказываемыхъ ими объ Юпитерѣ. «Одинъ приставляетъ ему на спину крылья, другой придѣлываетъ ко лбу рога, этотъ изображаетъ его развратникомъ, проводящимъ ночи въ любовныхъ похожденіяхъ, тотъ представляетъ его жестокимъ относительно боговъ и несправедливымъ относительно людей; то намъ показываютъ, что онъ вноситъ безпорядокъ въ свое собственное семейство, то разсказываютъ, какъ онъ отнимаетъ у своего отца престолъ и покушается на его жизнь. Право, люди давно потеряли бы всякое самообладаніе, если бы были такъ безумны, чтобы вѣрить подобнымъ богамъ». Культъ, воздаваемый имъ набожными людьми, составляетъ для него также предметъ шутокъ. Онъ не понимаетъ, какъ можно среди бѣлаго дня зажигать у нихъ въ храмахъ огонь. «Боги, говоритъ онъ, не нуждаются въ томъ, чтобы ихъ освѣщали, а людямъ вовсе непріятно, чтобы ихъ коптили [76]». Онъ вводитъ насъ въ Капитолій и представляетъ намъ занимательную картину всѣхъ глупостей, совершаемыхъ тамъ въ честь царя боговъ. Всѣ эти выраженія нелѣпой набожности заставляютъ его сожалѣть о человѣчествѣ. «Нѣкоторые, говоритъ онъ, полагаютъ, что люди бываютъ два раза дѣтьми; это заблужденіе: они вѣчно остаются ими [77]».

---

75) Это мѣсто и слѣдующія за нимъ взяты изъ отрывковъ его сочиненія *De superstitione*.

76) *Epist.*, 95, 47.

77) *Fragm.*, 121.

Эти мѣста съ торжествомъ приводятся Отцами Церкви; они считаютъ для себя побѣдою, что язычникъ такъ дурно относится къ язычеству. Сенека казался имъ сильнымъ союзникомъ, и они съ удовольствіемъ ссылаются на его свидѣтельства противъ своихъ единовѣрцевъ; но, взглянувъ поближе, можно убѣдиться, что этотъ союзникъ былъ имъ скорѣе врагъ, и что помощь его могла сдѣлаться весьма опасною. Подобныя ошибки случаются нерѣдко въ пылу битвы; въ это время берутъ оружіе, гдѣ можно, и не всегда удачно выбираютъ себѣ помощниковъ. Вслѣдствіе того оказывается иногда, что мы дѣйствовали заодно съ тѣми, чьи мнѣнія совершенно противоположны съ нашими, и что на слѣдующій день завяжется борьба между людьми, бывшими наканунѣ союзниками. Въ сущности, Сенека былъ противникомъ не только язычества, но и всѣхъ вообще положительныхъ религій; его доказательства, разрушивъ древній культъ, могли обратиться противъ новаго. Нападая на языческую миѳологію, онъ ничуть не намѣренъ замѣнить ее другою, потому что онъ обладаетъ запасомъ правилъ, дозволяющихъ ему обходиться безъ всякой религіи. Сверхъестественное кажется ему безполезнымъ, потому что его богъ сливается съ природою, и онъ преслѣдуетъ сверхъестественное своими жестокими насмѣшками всюду, гдѣ только встрѣтитъ его. Онъ смѣялся надъ одними языческими набожными людьми по той причинѣ, что не зналъ никакихъ другихъ, но очевидно, что онъ желалъ не только очищенія культа, а чтобы его вовсе не было. «Нѣтъ никакой надобности, говоритъ онъ, воздѣвать руки къ небу или просить храмоваго прислужника, чтобы онъ позволилъ намъ приблизиться губами къ уху статуи для того, чтобы она могла лучше слышать насъ: Богъ находится возлѣ каждаго изъ насъ, и каждый изъ насъ носитъ Его въ самомъ себѣ [78]). Берегитесь строить Ему храмы, собирая кучи камней: достаточно выстроить Ему жертвенникъ въ своемъ сердцѣ [79]). Богу не нужны служители: что бы Онъ сталъ дѣлать съ ними? Онъ самъ служитъ роду человѣческому и заботится о его нуждахъ. Первое средство угодить богамъ состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить имъ; второе — въ томъ, чтобы воспроизводить ихъ величіе и милосердіе. Хотите ли вы, чтобы они были къ вамъ благосклонны? Будьте добродѣтельны: единственный культъ,

---

78) *Epist.*, 41, 1.

79) *Fragm.*, 123.

котораго они требуютъ, состоитъ въ томъ, чтобы имъ подражали [80])».

Сію минуту я упомянулъ о Виргиліи по поводу тѣхъ древнихъ мудрецовъ, которые были какъ бы предназначены для религіи Христа; Сенека не похожъ на него. Онъ не уважалъ, подобно ему, преданій и не любилъ прошедшаго. Нигдѣ почти въ его сочиненіяхъ не встрѣчается тѣхъ похвалъ сѣдой старинѣ, которыя были общими мѣстами римской мудрости. Будучи не римскимъ уроженцемъ, онъ пріѣхалъ въ Римъ, свободный отъ всѣхъ суевѣрій прошлаго, принятыхъ въ тамошнихъ семействахъ. Исключая Регула и Катона, характеръ которыхъ онъ исказилъ, желая представить ихъ мудрецами и святыми Портика, онъ очень скупъ на похвалы, расточавшіяся обыкновенно безъ мѣры великимъ людямъ республики. Равнымъ образомъ ему не нравятся древніе писатели. Онъ очень дурно относится къ Эннію и вмѣняетъ въ вину Виргилію то, что тотъ ему подражаетъ [81]). Изученіе древнихъ обычаевъ и старинныхъ словъ, восхваляемое Варрономъ, кажется ему мелочностью, недостойною здравомыслящаго человѣка. Къ учености онъ относился всегда очень дурно: «эта наука, говорилъ онъ, создаетъ только надоѣдалъ, болтуновъ, неразумныхъ, гордецовъ, людей, не изучающихъ ничего полезнаго, чтобы имѣть время изучать безполезное [82]). Такъ какъ религіи состоятъ отчасти изъ обычаевъ и преданій, освященныхъ временемъ, то это презрѣніе къ прошлому и насмѣшки надъ тѣми, кто его изучаетъ и восхищается имъ, доказываютъ, что умъ его былъ совершенно не расположенъ къ вещамъ религіознымъ. Это доказывается еще сильнѣе его вѣрою въ человѣческое могущество, о которомъ онъ такъ часто говоритъ. Онъ не допускаетъ, подобно большинству религій, чтобы природа создала человѣка злымъ, или чтобы онъ сдѣлался таковымъ вслѣдствіе какого-нибудь неизбѣжнаго паденія. «Мы раждаемся здоровыми и свободными [83]), и если жизнь повредитъ намъ, мы всегда можемъ исцѣлить себя силою собственной воли». Онъ не вѣритъ и тому, будто все идетъ къ неизбѣжному упадку, будто природа и человѣчество, старѣясь, ослабѣваютъ, и будто необходимо постоянно возвращаться къ протекшимъ вѣкамъ и помѣщать свой идеалъ позади себя. Онъ охотно заглядываетъ

---

80) *Epist.*, 95, 50.
81) *Fragm.*, 113.
82) *Epist.*, 88, 37.
83) *Epist.*, 94, 56.

въ будущее; онъ увѣренъ, что побѣды наши никогда не остановятся, и не колеблется представлять нашимъ взорамъ надежду на безконечный прогрессъ. «Наступитъ день, говоритъ онъ, когда время и труды человѣческіе откроютъ истины, нынѣ скрытыя отъ насъ. Сколько наши сыновья будутъ знать такихъ вещей, какихъ мы и не подозрѣваемъ! Сколько другихъ вещей сохраняется для тѣхъ вѣковъ, когда уже не будетъ существовать память нашего имени! Природа не открываетъ въ одинъ день всѣхъ своихъ тайнъ. Мы воображаемъ, будто мы уже посвящены въ ея таинства, между тѣмъ какъ мы едва только вступили въ преддверіе ея храма [81])»! Повторяю, что подобныя чувства неблагопріятны для духа религіозности.

Такія наклонности необходимо должны были удалять Сенеку отъ христіанства. Сильно ошибаются, думая, что болѣе всего были приготовлены къ новой религіи тѣ, кто всего сильнѣе нападалъ на старую, и что невѣрующему язычнику стоило ступить всего одинъ шагъ, чтобы превратиться въ вѣрующаго христіанина. Невѣрующіе люди были обыкновенно дальше отъ христіанства, нежели набожные. Евангеліе всего чаще должно было одерживать побѣды между людьми, вѣровавшими въ боговъ, молившимися имъ съ усердіемъ и совѣтовавшимися на каждомъ шагу съ авгурами и гадателями. Оно привлекло къ нему прежде всего страждущія и безпокойныя души, вѣчно жаждущія неизвѣстныхъ вѣрованій, подобно тому какъ больные ищутъ новыхъ лѣкарствъ, и они обратились къ нему, безуспѣшно пройдя всѣ культы Востока. Эти люди не отрицали, по крайней мѣрѣ, сверхъестественнаго, не насмѣхались надъ чудесами и до такой степени были готовы вѣрить имъ, что принимали даже чудеса оспориваемыхъ ими религій. Язычники соглашались съ тѣмъ, что Христосъ и апостолы творили чудеса, но думали, что они дѣлали это посредствомъ волшебства. Съ своей стороны христіане не отказывались вѣрить ничему чудесному, разсказываемому объ Юпитерѣ и Аполлонѣ, но объясняли его, говоря, что это дѣло нечистой силы. Такимъ образомъ переходъ отъ одного культа къ другому могъ быть нетруденъ; обращаясь, приходилось, такъ сказать, сдѣлать обмѣнъ, переставивъ нечистаго духа съ одного мѣста на другое. Гораздо труднѣе былъ переходъ отъ полнаго невѣрія къ вѣрѣ. Мы безъ труда вѣримъ свидѣтельству жизнеописаній св. мучениковъ, гдѣ часто разсказывается,

---

[81]) *Quaest. nat.*, VII, 25, 4 и 30, 6.

что самые фанатическіе гонители внезапно принимали вѣру своихъ жертвъ. Подобныя перемѣны совершенно въ порядкѣ вещей; но какъ трудно вообразить себѣ скептическаго, насмѣшливаго Лукіана, непримиримаго врага набожныхъ людей всякихъ культовъ, внезапно обратившимся въ усерднаго христіанина! Вотъ почему мнѣ кажется, что много есть ошибочнаго въ томъ общераспространенномъ мнѣніи, будто душа Сенеки была вполнѣ готова къ принятію евангелія. Онъ не устремился бы такъ пламенно къ христіанству, какъ это думаютъ, еслибъ могъ знать его, и предубѣжденія, возникшія въ немъ, благодаря язычеству, плохо располагали бы его ко всякой другой религіи. Еще менѣе возможно представить его себѣ такъ, какъ его изображаетъ легенда, то-есть съ восхищеніемъ внимающаго поученіямъ св. Павла, обращеннаго къ его ученію и вводящаго его на Палатинѣ или проповѣдующаго его своимъ ученикамъ въ садахъ Саллюстія. Все это не болѣе какъ игра воображенія и придуманныя картины, которымъ все противорѣчитъ, которыя не въ состояніи продержаться ни одной минуты при внимательномъ изученіи его произведеній.

Нѣкоторыхъ могло ввести въ заблужденіе то, что хотя Сенека былъ отъявленный врагъ народныхъ культовъ и всѣхъ вообще положительныхъ религій, тѣмъ не менѣе его философія отличается крайне религіознымъ характеромъ. Въ немъ какъ будто два различные духа, борющіеся между собою, что приводитъ его иногда къ противорѣчіямъ. Эти противорѣчія объясняются тѣмъ вліяніемъ, какое имѣлъ на него вѣкъ. Со временъ Августа постепенно усиливавшійся потокъ увлекалъ души къ набожности. Отъ скептицизма эпохи Цезаря переходили мало-по-малу къ суевѣрію вѣка Антониновъ. Не удивительно, что Сенека не избѣгъ вліянія своего времени; самымъ твердымъ умамъ не всегда удается спасаться отъ него. Видя, какъ онъ слѣдуетъ иногда общему движенію, мы яснѣе понимаемъ, какова была его сила, если оно увлекало даже тѣхъ, кто желалъ ему сопротивляться; но въ сущности оно было ему не по душѣ, хотя онъ иногда и колебался. Когда онъ занятъ религіозными вопросами, ему чаще приходится удаляться отъ своихъ современниковъ, нежели приближаться къ нимъ. Онъ осуждаетъ ихъ за то, что они устремляются въ храмы божествъ Востока. Не чувствуя, подобно имъ, потребности въ болѣе сообщительномъ и страстномъ культѣ, онъ не признаетъ никакого инаго культа, кромѣ добродѣтельной жизни; въ то время, какъ люди отыскивали средствъ приблизить къ себѣ Бога, чтобы тѣс-

нѣе соединяться съ нимъ, и создавали цѣлый міръ геніевъ и демоновъ, чтобы наполнить громадное пространство, отдѣляющее человѣка отъ Божества, онъ насмѣхался надъ тѣми, которые не могутъ обойтись безъ того, чтобы не имѣть постоянно возлѣ себя Бога, «подобно дѣтямъ, сопровождаемымъ въ школу дядькою рабомъ [85])». Ему самому достаточно одной философіи, и онъ не хочетъ слышать ни о чемъ другомъ; онъ не придумываетъ ни иныхъ надеждъ, ни иныхъ поученій, кромѣ тѣхъ, которыя она можетъ дать своимъ послѣдователямъ. «Она обѣщаетъ намъ, говоритъ онъ тономъ полнѣйшаго убѣжденія, сдѣлать человѣка равнымъ Богу [86])». Обѣщаніе было прекрасно, и если бы онъ не удовлетворился имъ, его можно было бы назвать слишкомъ требовательнымъ.

Сенека заимствовалъ эти чувства отъ философовъ, жившихъ до него и бывшихъ его учителями. Г. Целлеръ [87]) указываетъ на то, что римскій стоицизмъ заимствовалъ нѣкоторыя характеристическія черты у философа, бывшаго его основателемъ и отцомъ. Изъ всѣхъ философовъ Портика Панецій съ одной стороны лучше всего умѣлъ вступать въ соглашеніе съ другими сектами, а съ другой—сопротивляться тѣмъ досаднымъ уступкамъ грубымъ вѣрованіямъ толпы, которыя допускались стоиками. Первые римскіе философы заимствовали именно отъ него свою наклонность къ эклектизму и замѣчательный духъ независимости, относительно народныхъ религій. Этими чувствами отличается также Сенека; можно сказать, что съ религіозной точки зрѣнія онъ слѣдуетъ преданіямъ Цицерона и философовъ республиканской эпохи. Подобно имъ, онъ насмѣхается надъ миѳологическими богами, и такъ же какъ они не любитъ тѣхъ объясненій, которыя изобрѣтаютъ относительно ихъ стоики, и тѣхъ басенъ, какими они наполняютъ свои книги, чтобы польстить народному вкусу [88]); но все-таки, подобно имъ, онъ совѣтуетъ исполнять внѣшніе обряды, потому что они предписаны закономъ и освящены временемъ, *tamquam legibus jussa, non tamquam dis grata* [89]). Слѣдовательно, его можно скорѣе отнести къ прошедшему, нежели считать предшественникомъ будущаго. Онъ былъ въ дѣйствительности однимъ изъ послѣднихъ представителей древней школы, и этимъ отчасти объясняется то,

---

85) *Epist.*, 110, 1.

86) *Epist.*, 48, 11: *philosophia promittit ut parem Deo faciat.*

87) Целлеръ, *Religion und Philosophie bei den Römern.*

88) Сен., *De benef.*, 1, 3, 8.

89) *Fragm.*, 38.

почему его извѣстность и вліяніе были такъ непродолжительны. Слѣдовавшій за нимъ вѣкъ былъ, кажется, неблагопріятенъ для него. Тацитъ судитъ о немъ съ недоброжелательною безпристрастностью; грамматики и риторы, какъ, напримѣръ, Квинтиліанъ, Авлъ-Геллій и Фронтонъ, бранятъ его, нисколько не стѣсняясь; даже философы, принадлежащіе къ его сектѣ, какъ Эпиктетъ и Маркъ Аврелій, не упоминаютъ его имени. Такая внезапная немилость послѣ прежней благосклонности не покажется намъ удивительною, когда мы узнаемъ, что послѣ него его ученіе было отчасти покинуто, и что относительно религіозныхъ вещей философія стала держаться другаго направленія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Римская философія послѣ Сенеки.

Популярность философіи въ Римѣ и провинціяхъ при Антонинахъ.—Она продолжаетъ заниматься преимущественно моралью.—Она допускаетъ казуистику и риторику пріобрѣсти важное значеніе. — Почему она охотнѣе выражается по-гречески, нежели по-латыни.—Она приближается все болѣе и болѣе къ народнымъ религіямъ.—Эпиктетъ.—Апулей.

Философское движеніе не остановилось вмѣстѣ съ Сенекою; напротивъ того, послѣ него оно какъ будто пріобрѣло еще больше силы и значенія. Въ слѣдующемъ за нимъ вѣкѣ Римъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ никогда не бывалъ до тѣхъ поръ, а именно—нѣкотораго рода центромъ свободомыслія. Здѣсь сходятся ученые и мудрецы всего міра, являющіеся сюда изъ самыхъ различныхъ и отдаленныхъ странъ: здѣсь поучали, хотя въ теченіе нѣкоторой части своей жизни, величайшіе геніи, прославившіе собою философію со временъ Нерона: Музоній Руфъ и Эпиктетъ при Флавіяхъ, Плутархъ, Фаворинъ, Апулей и Маркъ Аврелій при Антонинахъ. Предубѣжденіе противъ нея, которое было такъ сильно во времена Цицерона, и на которое такъ горько жалуется еще Сенека [1]), если не со всѣмъ исчезло, то значительно ослабѣло. Правда, что у нея еще были враги, какъ между легкомысленными людьми, не прощавшими ей ея вѣчныхъ наставленій, такъ и между политиками, подобно Тациту подозрѣвавшими ее въ томъ, что она создаетъ честолюбцевъ и недовольныхъ; но самъ Тацитъ очень остороженъ въ своихъ эпиграммахъ: очевидно, что прекрасные примѣры, поданные міру такими людьми, какъ Тразея, Соранъ, Гельвидій Прискъ, Сенеціонъ, внушили ему уваженіе. Кромѣ того, философія удостоилась чести быть гонимой Домиціаномъ; по поводу процесса Арулена Рустика онъ приказалъ издать сенатскій

---

[1]) *Epist.*, 5, 2.

указъ, изгнавшій всѣхъ философовъ изъ Рима и Италіи [2]). Это былъ одинъ изъ поступковъ, болѣе всего возбудившихъ гнѣвъ честныхъ людей противъ этого злого государя. «Скажи мнѣ, Каллiопа, писала одна смѣлая женщина въ энергической сатирѣ, о чемъ думаетъ владыка боговъ? Или онъ хочетъ перевернуть міръ и разрушить дѣло цѣлыхъ вѣковъ? Хочетъ ли онъ лишить насъ въ наши послѣдніе дни данныхъ имъ намъ въ прежнее время искусствъ? Или не хочетъ ли онъ похитить у насъ слово и разумъ и заставить насъ, какъ въ тѣ времена, когда міръ только что начинался, подбирать для своего прокорма жолуди дубовъ и наклоняться надъ источниками, чтобы напиться изъ нихъ воды? Наступило время, когда человѣкъ, управляющій имперіей, этотъ преждевременный старикъ съ сгорбленною спиною, этотъ блѣднолицый обжора, изгоняетъ науку и мудрость и заставляетъ ихъ покинуть Римъ.—Что намъ дѣлать? Мы обобрали города Греціи, эту славу человѣчества, чтобы дать Риму учителей для его обученія. Но, подобно тому, какъ галлы, при видѣ Камилла, пустились въ бѣгство, оставивъ вѣсы и мечъ, такъ и наши дорогіе старцы разбѣгаются во всѣ стороны и принуждены уничтожать собственноручно свои писанія, могущія погубить ихъ» [3]). Они возвратились въ Римъ послѣ Домиціана, и возвратились болѣе сильными и болѣе популярными. Преслѣдованіе, какъ это всегда бываетъ, доставило имъ друзей; Адріанъ и Антонинъ относились къ нимъ благосклонно, а въ лицѣ Марка Аврелія они достигли даже императорской власти. Когда увидѣли на тронѣ государя, провозгласившаго себя философомъ, тогда стало невозможно говорить, какъ прежде, будто философія по самой природѣ своей враждебна власти и вредна для общественнаго порядка.

Въ то время, какъ вліяніе философіи побѣдоносно утверждалось въ Римѣ, гдѣ ей такъ долго противилось общественное мнѣніе, она распространялась также въ провинціяхъ. По нимъ проходили миссіонеры, всюду проповѣдуя свое ученіе. Нѣкоторые изъ нихъ поселились въ большихъ городахъ и занимались тамъ правильнымъ преподаваніемъ. Сенека разсказываетъ, что въ пребываніе свое въ Неаполѣ онъ ходилъ слушать философа Метронакса,

---

[2]) Свет. *Domit.*, 10. Философовъ преслѣдовали еще при Неронѣ. Веспасіанъ также изгналъ ихъ всѣхъ изъ Рима, исключая Музонія Руфа.

[3]) Многіе стихи этой сатиры очень трудно понимать; я руководствовался переводомъ г. Депуа (Despois).

и очень сожалѣетъ, что слушатели его такъ немногочисленны. «Мнѣ стыдно за родъ человѣческій, говоритъ онъ намъ, всякій разъ, какъ я отправляюсь въ его школу. Вы знаете, что по дорогѣ къ нему надо проходить мимо театра. Онъ всегда полонъ народа; сюда спѣшатъ, чтобы похлопать играющему на флейтѣ или на трубѣ. Напротивъ того, въ этомъ домѣ, гдѣ стараются показать, что такое добродѣтельный человѣкъ, и научаютъ дѣлаться имъ, почти никого никогда нѣтъ. Мало того, про людей, которые ходятъ туда, говорятъ, что они теряютъ время, и зовутъ ихъ глупцами и бездѣльными людьми» [4]). Впрочемъ, Неаполь, лѣнивый Неаполь, какъ его называли [5]), не любилъ вообще серьёзныхъ занятій. Въ другихъ мѣстахъ философы встрѣчали лучшій пріемъ. Они пользовались повсюду такимъ значеніемъ, что Домиціанъ, преслѣдуя ихъ въ Римѣ, счелъ нужнымъ дать имъ преимущества въ провинціяхъ. Онъ усердно поручалъ ихъ покровительству властей и давалъ имъ земли, доходами съ которыхъ они могли содержать свои семейства [6]). Въ то время быть философомъ считалось «профессіей» [7]), и даже не безвыгодною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ странахъ она освобождала отъ судейской обязанности [8]). Когда во II-мъ вѣкѣ сдѣлали опытъ общественнаго преподаванія, то не позабыли и философію. Ее преподавали повсюду вмѣстѣ съ грамматикой и риторикой, и говорятъ, что добрый Антонинъ доставлялъ ея преподавателямъ и почести, и деньги [9]). Но очень можетъ быть, что, несмотря на его щедрость, ему не всегда удавалось удовлетворить ихъ: мы видимъ, что въ одномъ письмѣ своемъ къ Азіатской общинѣ онъ совѣтуетъ имъ быть безкорыстными, прибавляя съ ласковой насмѣшкой, что если они будутъ слишкомъ много думать о платѣ, то докажутъ этимъ самымъ, что они не философы [10]).

Хотя философы этой эпохи принадлежатъ къ различнымъ школамъ, но преобладающею между ними остается все-таки стоиче-

---

[4]) *Epist.*, 76, 4.

[5]) *Otiosa Neapolis*, Горац., *Epod.*, 5, 43.

[6]) Плин., *Epist.*, X, 66.

[7]) Id., *ibid.*: *professioni suae.*

[8]) Id., *ibid.*

[9]) Капитол., *Anton. Pius.*, II.

[10]) Дигестъ, XXVII, 1, 6, 8: *εἰ δὲ ἀκριβολογοῖντο περὶ τὰς οὐσίας αὐτόθεν ἤδη φανεροί γενήσονται μὴ φιλοσοφοῦντες.* (Еслибъ они слишкомъ много говорили о выгодѣ, то было бы ясно, что они не философы).

ская; она не только насчитываетъ большее число послѣдователей, но вліяніе ея распространяется даже и на другія школы. Съ одной стороны она остается вѣрною духу Сенеки, а съ другой — отклоняется отъ него. Она продолжаетъ заниматься исключительно одною нравственностью и ея практическимъ приложеніемъ. Атталъ и Фабіанъ, жившіе при Тиберіи, и Сенека, поучавшій при дворѣ Нерона, хорошо понимали, что имъ надо прежде всего укрѣплять души, чтобы сдѣлать ихъ готовыми ко всѣмъ катастрофамъ, которыя можно было благоразумно предвидѣть. При Домиціанѣ обстоятельства были тѣ же самыя и требовались тѣ же самыя поученія. Эпиктетъ другихъ и не даетъ; онъ болѣе всего старается увѣрить своихъ слушателей, что гнѣвъ Цезаря не такъ страшенъ, какъ думаютъ: «мы погибаемъ, говоритъ онъ, отъ меча, колеса, отъ моря, черепицы, тирана. Не все ли тебѣ равно, по какой дорогѣ ты сойдешь въ адъ? Всѣ онѣ стóятъ одна другой. И, если хочешь знать правду, то кратчайшій путь именно тотъ, по которому васъ посылаетъ тиранъ. Ни одинъ тиранъ не употреблялъ шести мѣсяцевъ для того, чтобы убить человѣка, а лихорадка часто употребляетъ на это цѣлый годъ» [1]). Когда наступило спокойное правленіе Антониновъ; эти поученія сдѣлались гораздо менѣе необходимыми; но теперь продолжали какъ бы изъ благодарности то, что дѣлали сначала по необходимости. Ученіе философовъ было плодотворно, и событія постарались доказать его дѣйствительность. Тираннія Цезарей придала стоической морали нѣкотораго рода страшную своевременность. Благодаря ей школа имѣла своихъ *мучениковъ* (martyrs); это слово употреблено Эпиктетомъ. Чтобы представить образцы мужества и покорности, ей незачѣмъ было возвращаться къ миѳологической исторіи и приводить имена Геркулеса или Филоктета; она могла называть современныхъ людей, которые, свидѣтельствуя о ней своей безупречной жизнью, прославили ее геройскою смертью; ей было достаточно указать на Тразею, погибающаго съ веселымъ безстрашіемъ, на Рубеллія Плавта, отвергающаго всякія средства къ спасенію, на Латерана, подставляющаго палачу свою плохо отрубленную голову и пр. Теперь нельзя уже было, какъ во времена Горація, насмѣхаться надъ ученіемъ, показавшимъ міру столь высокіе при-

---

[1]) Эпикт., *Dissert.*, II, 6. Привожу переводъ г. Курдаво (Courdaveaux). *Dissert.*, III, 26. Мудрые суть «служители и свидѣтели Бога», διάκονοι καὶ μάρτυρες.

мѣры. Эти успѣхи и всеобщее уваженіе, служившее ей наградою, заставляли ее, вѣроятно, держаться того пути, по которому ее велъ Сенека. Она болѣе чѣмъ когда-либо ограничивалась практической моралью. Принципы для нея не важны; ихъ по возможности упрощаютъ и сокращаютъ. Все ученіе Эпиктета основано на той единственной мысли, что дѣйствительными благами надо считать лишь тѣ, которыя находятся въ нашей власти, и что мы не должны быть привязаны къ остальнымъ. Эта мысль, перевернутая на сто ладовъ, служитъ единственною темою бесѣдъ, собранныхъ Арріаномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ философія, болѣе чѣмъ когда-либо, принимаетъ форму проповѣди и апостольства. Музоній Руфъ, хотя и значительное лицо, тѣмъ не менѣе допускаетъ всѣхъ на свои поученія; на нихъ являются даже рабы, и онъ обучаетъ ихъ, какимъ образомъ они могутъ возвыситься надъ своимъ положеніемъ [13]). Когда солдаты Вителлія и Веспасіана приготовились вступить въ бой передъ стѣнами Рима, онъ явился между двумя арміями и подвергалъ опасности свою жизнь, проповѣдуя имъ примиреніе [14]).

Подобный способъ преподавать философію можетъ имѣть очень важное дѣйствіе, но въ то же время онъ представляетъ и опасности, которыхъ не могли устранить тогдашніе философы. Кто захочетъ заниматься лишь одною практическою моралью и начнетъ безъ конца толковать о житейскихъ обязанностяхъ, тотъ непремѣнно впадетъ въ крайность и станетъ подчинять все извѣстнымъ правиламъ. Все будетъ казаться важнымъ тому, кто проводитъ все время надъ взвѣшиваніемъ людскихъ поступковъ; подъ конецъ онъ перестанетъ различать важное отъ неважнаго и начнетъ серьёзно толковать о пустякахъ. Стоики къ этому и пришли: они написали цѣлыя книги о разныхъ сомнительныхъ случаяхъ, и справедливо могутъ назваться завзятыми казуистами [14]). Эпиктетъ даетъ своимъ ученикамъ совѣты о томъ, какъ одѣваться, и два раза возвращается къ той мысли, что лучше не стричь себѣ бороды [15]). Авлъ-Геллій разсказываетъ, что правитель Крита отправился однажды съ своимъ отцемъ къ философу Тавру. Такъ какъ сначала принесли только одинъ стулъ, то оба они затруднялись взять его: сынъ хотѣлъ уступить его своему отцу, изъ ува-

---

12) Эпикт., *Dissert.*, I, 9.

13) Тац., *Hist.*, III, 81.

14) См. 3-ю кн. *De offic.*, Цицер.

15) *Dissert.*, I, 16 и III, 1.

женія, а отецъ не хотѣлъ оставить на ногахъ римскаго сановника. Тавръ воспользовался случаемъ, чтобы разобрать вопросъ научно; путемъ ученаго разсужденія онъ постарался доказать, кому изъ нихъ слѣдовало прежде сѣсть, и по этому поводу произнесъ наставленіе, восхитившее слушателей [16]).

Другая, еще важнѣйшая опасность, которой точно также не съумѣли избѣгнуть тогдашніе философы, состояла въ томъ, что риторикѣ дали пріобрѣсти очень важное значеніе. Этого непремѣнно слѣдовало ожидать. Заключая всю философію въ морали, а въ самой морали избѣгая по возможности спекулятивной и теоретической стороны, и желая въ то же время ограничиться нѣсколькими общими правилами, чтобы извлечь изъ нихъ всю житейскую мудрость, люди неизбѣжно обрекаютъ себя на то, чтобы безпрестанно повторять однѣ и тѣ же мысли. Такъ какъ основаніе у всѣхъ философовъ одинаковое и притомъ очень не обширное, ясно, что разница между ними состоитъ только въ способѣ преподаванія ими своего ученія. Слушатели впередъ уже знаютъ, и самые принципы, и выводы изъ нихъ. Они знаютъ, какое услышатъ поученіе, имъ неизвѣстенъ только способъ, какимъ оно будетъ сдѣлано. Ихъ привлекаетъ именно этотъ новый способъ, которымъ будетъ разбираться старый предметъ. Они рукоплещутъ не мыслямъ, а фразамъ, и философское преподаваніе превращается въ простое упражненіе въ хорошемъ слогѣ. Философы и риторы были всегда врагами между собою, но преподаваемые ими предметы пришли подъ конецъ къ полному соглашенію. Цицеронъ и Квинтиліанъ пытались ввести философію въ краснорѣчіе [17]); можно сказать, что послѣ нихъ въ философію скорѣе вошла риторика. Обѣ онѣ заимствуютъ другъ у друга пріемы и разбираютъ одинаковые вопросы. Онѣ обращаются къ одной и той же публикѣ и одинаково стараются понравиться ей. Если между ними остается соперничество, то лишь поверхностное. Философъ Тавръ презрительно называлъ Авла-Геллія «мой маленькій риторъ» [18]); между тѣмъ самъ онъ гордился хорошо составленною фразой; онъ охотно указывалъ на то, что она образуетъ изящный періодъ, и что ритмъ въ ней гармониченъ. Впрочемъ, «маленькій риторъ» допускался безъ всякаго затрудненія на обѣды, на которыхъ Тавръ давалъ своимъ учени-

---

16) А.-Геллій, II, 2.
17) Квинт., XII, 2.
18) А.-Геллій, XVII, 20.

камъ блюдо чечевицы и нарѣзанную кусочками тыкву, и послѣ которыхъ разбиралъ съ ними вопросы, подобные слѣдующимъ: «Когда объ умирающемъ можно сказать что онъ умеръ? Когда онъ уже умеръ, или пока еще живъ? Когда о сидящемъ человѣкѣ можно сказать, что онъ встаетъ: когда онъ уже на ногахъ, или пока еще сидитъ?» [19]). Философъ Фаворинъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ своего времени, не пренебрегалъ заниматься грамматикою; подобно своему другу, Фронтону, онъ читалъ древнихъ писателей и любилъ убѣждать ученыхъ по ремеслу, что они ничего не понимаютъ въ древнихъ текстахъ. Онъ высоко цѣнилъ Клавдія Квадригарія; изучивъ законъ Двѣнадцати таблицъ, онъ охотно объяснялъ въ немъ темныя мѣста. Хотя онъ преподавалъ по-гречески, но хвастался тѣмъ, что хорошо знаетъ латинскій языкъ со всѣми его тонкостями; по одному стиху онъ рѣшалъ, что піэса принадлежитъ Плавту и не можетъ принадлежать никому другому. За столомъ его читались какъ грамматическіе трактаты, такъ и философскія сочиненія, и говорилось о происхожденіи и этимологіи словъ точно такъ же, какъ объ обязанностяхъ и добродѣтели. Отправляясь поутру къ дверямъ императорскаго дворца, чтобы привѣтствовать Цезаря при его пробужденіи, онъ встрѣчалъ тамъ самыхъ избранныхъ людей Рима, и между ними завязывался разговоръ объ измѣненіяхъ, произошедшихъ въ текстѣ великихъ писателей, и о трудности понимать нѣкоторыя мѣста Виргилія. Здѣсь мы очень далеки отъ Сенеки и отъ его презрѣнія къ учености. Иногда даже Фаворинъ разбиралъ тѣ смѣшные предметы (*infames materiae*), которые имѣли въ то время такой успѣхъ въ риторическихъ школахъ; подобно Фронтону, онъ написалъ похвалу Бузирису и четырехдневной лихорадкѣ. Не даромъ Авлъ-Геллій разсказываетъ, что одинъ дурно воспитанный грамматикъ, котораго прозвали Безумнымъ Домиціемъ за то, что онъ, говоря съ людьми, имѣлъ привычку не щадить ихъ, сказалъ ему однажды съ гнѣвомъ: «Все кажется мнѣ безнадежно погибшимъ, когда я вижу, что и вы, составляющіе славу философіи, только и занимаетесь, что словами» [20]). Этотъ безумецъ не ошибался; Фаворинъ былъ столько же грамматикъ и риторъ, сколько философъ, и почти всѣ его сотоварищи дѣлали то же, что и онъ. Было, вѣроятно, очень трудно отли-

---

[19]) А.-Геллій, VI, 13. То, что говорится дальше о Фаворинѣ, взято также у А.-Геллія.

[20]) А.-Геллій, XVIII, 7

чать тѣ засѣданія, на которыхъ преподавалась мораль, отъ тѣхъ необыкновенныхъ представленій, которыя привлекали собою толпу въ школы декламаторовъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, ораторъ старался только «упражнять и показать свой умъ» [21]). Философамъ апплодировали за блестящія мысли, выраженныя опредѣленнымъ образомъ [22]), и очень можетъ быть, что платоникъ Эвфратесъ, прекрасными періодами котораго восхищался Плиній младшій [23]), сильно походилъ на ритора Йзея.

Другое замѣчаніе о философіи тогдашняго времени состоитъ въ томъ, что она уже не выражается языкомъ Сенеки. Неизвѣстно, преподавалъ ли Музоній Руфъ по-гречески, но поученія его, собранныя и изданныя однимъ изъ его учениковъ, были на греческомъ языкѣ. Всѣ остальные философы, исключая Апулея, выражались и писали также по-гречески. Маркъ Аврелій поступалъ подобно имъ, хотя онъ былъ императоръ и чрезвычайно старательно изучилъ латинскій языкъ, на которомъ, по словамъ Фронтона, очень хорошо говорилъ. Итакъ, греческій языкъ сдѣлался во II вѣкѣ языкомъ римской философіи. Эта неожиданная перемѣна, происшедшая такъ скоро послѣ блистательной дѣятельности Сенеки, очень удивительна и трудно объяснима. Можно, конечно, заключить изъ нея, что римская философія окончательно теряетъ въ это время свой національный характеръ и мало-по-малу принимаетъ космополитскій. Самый общій языкъ и, такъ сказать, самый человѣческій, который употреблялся наиболѣе умными и способными къ развитію народами, былъ не латинскій, а греческій. «Латинскій языкъ, говорилъ Цицеронъ, заключенъ въ своихъ границахъ, и онѣ тѣсны; греческій распространенъ повсюду» [24]). Даже въ Римѣ, если кто желалъ, чтобы его слушала эта толпа, собравшаяся со всѣхъ концовъ міра, тотъ долженъ былъ говорить по-гречески. Сенека, желавшій имѣть лишь немногихъ учениковъ изъ высшаго круга, поучалъ ихъ по-латыни; видя, что послѣ него философія предпочитаетъ греческій языкъ, мы имѣемъ право думать, что она хочетъ обращаться къ болѣе обширной и многочисленной публикѣ. То же самое дѣлалось въ это время и въ христіанской общинѣ: Въ ней находились люди всякаго происхожденія и сосло-

---

[21]) *Exercendine an ostentandi gratia ingenii.* А.-Геллій, XIV, 1.

[22]) А.-Геллій, IX, 8.

[23]) Плин., *Epist.*, I, 10.

[24]) Цицер., *Pro Archia*, 10.

вія, но большинство ихъ было родомъ съ Востока; по-латыни здѣсь поняли бы не всѣ. Церковь сдѣлала греческій языкъ своимъ священнымъ языкомъ, на немъ говорились поученія и совершались таинства; она употребляла его для литургіи въ то самое время, когда философія говорила на немъ свои поученія. Такимъ образомъ двѣ соперницы, которымъ предстояло оспоривать другъ у друга господство надъ душами, вѣроятно, по однимъ и тѣмъ же причинамъ, стали употреблять одинаковый языкъ.

Но самыя важныя перемѣны, произошедшія въ философіи, состояли въ воззрѣніи ея на религіозные вопросы и въ ея отношеніяхъ къ народнымъ культамъ. По этому поводу мы замѣтили уже у Сенеки два противоположныя стремленія: онъ кажется намъ менѣе религіознымъ, когда повинуется своимъ личнымъ чувствамъ, и болѣе религіознымъ, когда уступаетъ влеченію своего вѣка; послѣднее стремленіе беретъ послѣ него верхъ. Философія все болѣе и болѣе стремится къ религіи, и мы можемъ слѣдить за успѣхами ея на этомъ пути. Сначала Эпиктетъ одушевленъ, повидимому, тѣмъ же духомъ, какъ и Сенека, и выражается довольно легкомысленно о Коцитѣ и Ахеронѣ [25]); принимая гаданіе, онъ предписываетъ ему извѣстный порядокъ [26]); онъ требуетъ, чтобы жертвы приносились по національному уставу, но при этомъ не нужно быть, ни черезъ чуръ усерднымъ, ни небрежнымъ [27]). Странно между тѣмъ видѣть, что онъ говоритъ о Богѣ съ какимъ-то умиленіемъ. Онъ желаетъ, чтобы со всей земли возносился къ нему хвалебный, благодарственный гимнъ, и чтобы работникъ и земледѣлецъ благодарили Его за Его милости. «А я, говоритъ онъ, я, старый и немощный человѣкъ, могу ли я дѣлать что-нибудь лучшее, какъ прославлять Бога? Если бы я былъ соловьемъ или лебедемъ, я дѣлалъ бы то, что дѣлаютъ соловей и лебедь. Но такъ какъ я существо разумное, я долженъ воспѣвать Бога; въ этомъ моя обязанность, и я исполняю ее; я не разстанусь съ нею до тѣхъ поръ, пока буду въ состояніи исполнять ее, и я умоляю всѣхъ васъ пѣть вмѣстѣ со мною [28])». Онъ не говоритъ, подобно своимъ предшественникамъ, что «надо жить сообразно съ природою», но что «надо сообразоваться съ закономъ Божіимъ». Надо безпрестанно устремлять взоры свои на Бога и говорить

---

[25]) *Dissertat.*, III, 13.
[26]) *Dissert.*, II, 7.
[27]) *Энхиридіонъ*, 36.
[28]) *Dissert.*, I, 16.

Ему: «Дѣлай со мною, что Тебѣ угодно; я подчиняюсь Тебѣ и принадлежу. Я не отказываюсь ни отъ чего, что Ты считаешь нужнымъ. Веди меня, куда Тебѣ угодно [29])». Мудрый человѣкъ—«служитель Юпитера [30])»; онъ повинуется его волѣ, проситъ его помощи, чтобы дѣлать добро, и призываетъ его, «какъ матросы во время бури призываютъ Кастора и Поллукса [31])». Онъ всегда долженъ считать себя какъ бы въ его присутствіи и вѣрить тому, что онъ не можетъ скрыть отъ него ни своихъ мыслей, ни чувствъ [32]). «Когда вы затворите въ своей комнатѣ двери и въ ней станетъ темно, не дерзайте говорить, что вы одни, потому что вы не одни, такъ какъ съ вами Богъ [33])». Къ Нему обращаются, собираясь отдохнуть, Ему молятся, въ присутствіи Его разбираютъ себя, чтобы видѣть свои грѣхи. «Господи, говоритъ Эпиктетъ, преступилъ ли я Твои заповѣди? Роптал ли когда-либо на Тебя? Обвинялъ ли я Твое Провидѣніе? Я былъ болѣнъ, потому что Ты этого желалъ. Это бываетъ и съ другими, но я не жаловался на свою болѣзнь. Я былъ бѣденъ, потому что Ты этого хотѣлъ; но я переносилъ бѣдность съ радостью... Не являлся ли я къ Тебѣ всегда съ веселымъ лицомъ, ожидая отъ Тебя только повелѣнія или знака, чтобы повиноваться тебѣ? Желаешь ли Ты, чтобы я сегодня же оставилъ это великое міровое зрѣлище? Я охотно покину его. Благодарю Тебя, что Ты допустилъ меня къ нему вмѣстѣ съ собою и далъ мнѣ возможность видѣть въ немъ Твои дѣла и понимать Твое управленіе» [34]). Въ сущности Богъ Эпиктета не слишкомъ отличается отъ того, котораго его предшественники называли Провидѣніемъ и Природою, но съ виду Онъ кажется совсѣмъ инымъ; а то, что онъ представлялъ Его себѣ такимъ личнымъ, дѣятельнымъ и близкимъ къ намъ, должно было имѣть важныя послѣдствія. Развивая нѣкоторую мистическую религіозность, оно неизбѣжно приводило къ религіознымъ обрядамъ. Оно возбуждало потребность въ молитвѣ и такимъ образомъ приводило набожныхъ людей во храмъ,—единственное мѣсто, гдѣ дѣйствительно молятся и которое служитъ послѣднимъ предѣломъ набожности. Такимъ образомъ совершилось мало-по-малу сліяніе философіи съ

---

29) *Dissert.*, II, 16.
30) *Dissert.*, III, 2. τοῦ Διὸς διάκονος.
31) *Dissert.*, II, 18.
32) *Dissert.*, II, 14.
33) *Dissert.*, I, 14.
34) *Dissert.*, III, 5.

народными религіями. Оно произошло безъ принужденія и почти безъ всякихъ усилій; правду сказать, стоики трудились для него уже нѣсколько вѣковъ, и народные умы были вполнѣ готовы къ нему. Сочиненія Плутарха показываютъ намъ, что оно уже вполнѣ окончилось въ его время. Маркъ Аврелій былъ въ одно и то же время самый убѣжденный изъ философовъ и самый усердный изъ набожныхъ людей. Говорятъ, будто онъ намѣревался обратить свой народъ къ ученію Портика и нѣсколько разъ устроивалъ общественныя собранія, чтобы познакомить его съ этимъ ученіемъ [35]. Съ другой стороны онъ усердно посѣщалъ храмы, охотно слушалъ оракуловъ [36], считалъ себя состоящимъ подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ [37] и приносилъ имъ столько жертвъ въ благодарность за ихъ милости, что въ минуту его отъѣзда на войну, нѣкоторые насмѣшники заставляли говорить быковъ въ одной эпиграммѣ: «Если ты вернешься побѣдителемъ, мы пропали [38]». Его біографъ разсказываетъ, что нашествіе маркомановъ навело на него такой страхъ, что онъ приказалъ собрать жрецовъ всѣхъ боговъ и совершилъ обряды всѣхъ культовъ [39]. Не удивительно ли то, что императоръ-философъ окончательно открылъ ворота Рима иностраннымъ божествамъ?

Изъ всѣхъ тогдашнихъ философовъ Апулей лучше всего показалъ намъ до какой степени сблизились и слились въ то время риторика, философія и религія; стоитъ сравнить его съ Сенекою, чтобы увидѣть, въ какомъ направленіи шелъ тогдашній вѣкъ и къ чему онъ пришелъ. Въ этомъ странномъ человѣкѣ все перемѣшано между собою, и личность его состоитъ изъ самыхъ противоположныхъ элементовъ. Легкомысленный поэтъ и серьёзный теологъ, онъ сочинялъ одновременно уморительные пустяки и трактаты о мірѣ и Богѣ; въ одномъ непристойномъ романѣ онъ помѣстилъ нѣсколько страницъ, религіознѣе которыхъ намъ ничего не оставила древность. Онъ самъ называетъ себя платоническимъ

---

35) Вулькацій, *Avid. Cassius*, 3, 7.

36) Лукіанъ, *Alexan.*, 48.

37) Вульк., *Avid. Cass.*, II, 8. См. также письмо, написанное имъ по поводу возстанія Кассія, (*ibid.*, 8, 2) и гдѣ находятся слѣдующія слова: *non sic deos coluimus, nec sic vivimus ut ille nos vinceret.*

38) Амм. Марк., XXV, 4, 17.

39) Капитолинъ, *M. Ant. philos.*, 16, 1.

философомъ, и всѣ другіе охотнѣе всего даютъ ему это названіе [40]). Чтобы заслужить его, онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, въ которыхъ излагаетъ академическое ученіе; въ своихъ метафизическихъ изысканіяхъ онъ зашелъ гораздо дальше своихъ современниковъ, державшихся преимущественно моральныхъ вопросовъ. Но въ то же время онъ риторъ и не скрываетъ этого. Для него философія «царственная наука, научающая хорошо жить и хорошо говорить [41])», и онъ, кажется, больше занятъ тѣмъ, чтобы хорошо говорить, нежели тѣмъ, чтобы хорошо жить. Живя въ Карѳагенѣ, онъ устроивалъ отъ времени до времени философскія собранія въ театрѣ. Надо сознаться, что это мѣсто не располагало къ серьёзности, и Апулей защищается иногда въ томъ, что выбралъ его. Онъ говоритъ, что во всякомъ случаѣ расположеніе слушателей должно зависѣть не отъ мѣста, куда они собрались, но отъ зрѣлища, при которомъ они присутствуютъ. «Если это будетъ мимъ, вы посмѣетесь; если канатный плясунъ, вы будете трепетать; если комедіантъ, вы станете рукоплескать, если философъ—вы услышите поученіе [42])». Слѣдовательно, одни и тѣ же люди ходили слушать комедіантовъ и философовъ. Хотя ихъ и предупреждали, что зрѣлище перемѣняется, они шли почти что за одинаковыми развлеченіями, и когда намѣревались поучать ихъ, ихъ надо было сначала позабавить. Вдобавокъ такихъ зрѣлищъ было много; въ то время очень любили общественныя собранія, и когда долженъ былъ говорить Апулей, Карѳагенскій театръ былъ всегда полонъ [43]). Эта избранная аудиторія, «гдѣ собиралось столько образованныхъ и доброжелательныхъ людей [44])», состояла изъ первыхъ лицъ города; во главѣ ихъ находился проконсулъ Африки, для котораго Апулей не жалѣетъ комплиментовъ: «О ты, говоритъ онъ одному изъ нихъ, славнѣйшій изъ всѣхъ добродѣтельныхъ, добродѣтельнѣйшій изъ всѣхъ знаменитыхъ людей, и самый ученый изъ тѣхъ и другихъ [45])». Трудно предположить,

---

[40]) *Apuleius Platonicus Madaurensis.*

Такъ называетъ его Св. Августинъ (De civ. Dei, VIII, 14), и это самое имя стоитъ въ заголовкѣ его сочиненій въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ.

[41]) *Florides*, I, 7: *disciplina regalis tam ad bene dicendum quam ad bene vivendum reperta.*

[42]) *Flor.*, I, 5.

[43]) *Flor.*, I, 9.

[44]) *Flor.*, III. 17: *in hac excellenti celebritate multorum eruditorum, multorum benignorum.*

[45]) *Flor.*, III, 16.

чтобы всѣ эти люди, собравшіеся въ праздничный день въ театръ, являлись въ серьёзномъ расположеніи духа на лекцію, которую имъ хотѣли прочесть. То не были ученики, внимательные къ преподаваемому предмету до самой глубины и ищущіе только одной истины. Изъ словъ Апулея видно, что ихъ занимали другія вещи. «Кто изъ васъ, говоритъ онъ, проститъ мнѣ хоть одну ошибку въ языкѣ? Кто допуститъ, чтобы я произнесъ неправильно хоть одинъ слогъ? Вы изучаете каждое изъ моихъ выраженій, взвѣшиваете его достоинство, разсматриваете его, какъ какую-нибудь серебряную вещь, съ простыми и монетными вѣсами въ рукахъ [46])». Его ходили слушать любители хорошаго слога. Они ищутъ главнымъ образомъ ораторскихъ развлеченій, и Апулей угождаетъ ихъ вкусу. Никто не взвѣшиваетъ своихъ фразъ такъ искусно, какъ онъ, никто такъ симметрично не разставляетъ своихъ фразъ; окончивъ говорить о какомъ-нибудь предметѣ по-латыни, онъ начинаетъ говорить о немъ по-гречески, и такимъ образомъ показываетъ свое познаніе въ двухъ языкахъ [47]).

Слѣдовательно, Апулей вполнѣ риторъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ набожный человѣкъ. «Философы, говоритъ онъ намъ, жрецы всѣхъ боговъ [48])». Какъ мы далеки теперь отъ того времени, когда о философахъ думали, что они не вѣрятъ ни одному богу. Апулей дѣйствительно полагалъ, что онъ исполняетъ жреческія обязанности; мы увидимъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ искалъ средства согласовать философію съ народными религіями. При этомъ онъ дѣйствовалъ вполнѣ искренно и съ своей стороны дѣлалъ то смѣшеніе, которое предлагалъ другимъ. Когда онъ путешествовалъ, то въ его поклажѣ между книгами находилась всегда маленькая статуя бога; въ праздничные дни онъ приносилъ ей ладанъ и вино и даже совершалъ передъ нею жертву [49]). Въ своей походной жизни онъ любилъ, пріѣхавъ куда-нибудь, прославить мѣстное божество; такимъ способомъ онъ ставилъ себя подъ его покровительство. Онъ далъ посвятить себя во всѣ знаменитыя таинства и разсказываетъ намъ, что сохраняетъ съ величайшею заботливостью всѣ предметы, даваемые жрецами вѣрующимъ въ память ихъ посвященія [50]). Онъ объѣхалъ весь свѣтъ, посѣщая всевозможные

---

46) *Flor.*, I, 9.
47) *Flor.*, IV, 24.
48) *De magia*, 41.
49) *De magia*, 63.
50) *De magia*, 55.

храмы и изучая церемоніи и обряды всякихъ культовъ [51]). Величайшій упрекъ, дѣлаемый имъ своимъ противникамъ, состоитъ въ томъ что у нихъ нѣтъ ни молельни, ни священной рощи, ни даже камня, политаго масломъ, и дерева, увѣшаннаго лентами, что они не приносятъ жертвъ и, проходя мимо храма, не прикладываютъ рукъ къ губамъ въ знакъ уваженія [52]). Онъ вѣритъ гаданію и ставитъ всѣмъ въ обязанность вѣрить ему. «Есть много случаевъ, говоритъ онъ, когда самые мудрецы должны поскорѣе обращаться къ гадателямъ и совѣтоваться съ оракулами [53])». Въ то время мудрецы не нуждались, чтобы ихъ принуждали къ этому. Авлъ Геллій, разсказывая, что Фаворинъ произнесъ однажды длинную рѣчь противъ составителей гороскоповъ, спрашиваетъ себя, не было ли это съ его стороны замысловатою шуткою или особымъ способомъ упражнять или обнаруживать свой талантъ, до такой степени ему представляется страннымъ, чтобы философъ отказывался вѣрить астрологіи [54]). Во всякомъ случаѣ Апулей не принадлежалъ къ числу невѣрующихъ; его обвиняли даже въ занятіяхъ волшебствомъ, составлявшихъ преступленіе, предусмотрѣнное и наказываемое закономъ Двѣнадцати таблицъ, и онъ принужденъ былъ защищаться на судѣ; но какъ онъ ни доказывалъ свою невинность, потомство упорно продолжало считать его волшебникомъ. Ему приписали нѣкоторыя изъ чудесныхъ приключеній, разсказанныхъ имъ въ романѣ *Метаморфозы*, и впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Аполлоніемъ Тіанскимъ служилъ язычникамъ для опроверженія дѣйствительности чудесъ Христа [55]).

Вотъ, чѣмъ сдѣлалась философія къ концу эпохи Антониновъ. Какъ ни блистательна кажется она въ это время, но она уже близка къ упадку. Она осуждаетъ сама себя, не находить больше ничего новаго и утрачиваетъ свою силу и крѣпость. Всего чаще она превращается въ педантскую казуистику или въ риторскую декламацію. Въ то же время она поощряетъ всякія суевѣрія, защищаетъ оракулы и гадателей и занимается волшебствомъ; вообще она стремится превратиться въ сложную и смѣшную ѳеургію (бѣлую магію). Она такъ тѣсно соединяется со всѣми народными

---

51) *Ibidem*.

52) *De magia*, 56.

53) *De deo Socratis*, 17: *multa sunt de quibus etiam sapientes viri ad ariolos et oracula cursitant*.

54) А. Геллій, XIV, 1.

55) Св. Августинъ, Epist., 136.

культами, что имя философа, дававшееся у насъ въ XVIII вѣкѣ людямъ невѣрующимъ, въ то время давалось чуть ли не фанатикамъ. Слѣдовательно, глубоко заблуждаются тѣ, кто думаетъ, будто философія была способна обновить міръ, и будто движеніе ея было задержано христіанствомъ; напротивъ того, все намъ доказываетъ, что во II-мъ вѣкѣ оно уже окончилось; невѣроятно, чтобы философія могла произвесть болѣе того, что намъ извѣстно, и для того, чтобы идти дальше, человѣчество должно было получить новый толчекъ.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Римская теологія.

Мы видѣли сейчасъ, что философія все болѣе и болѣе приближалась къ религіи. Стоики уже называли ее наукою о божескихъ и человѣческихъ дѣлахъ, придавая такимъ образомъ двоякую цѣль своимъ трудамъ. Со II-го вѣка ее начинаютъ привлекать къ себѣ главнымъ образомъ божественныя вещи. «Лишь тѣ, говорили тогда, заслуживаютъ названія мудрыхъ, чьи взоры постоянно обращены къ небу» [1]). Съ этихъ поръ человѣка и природу изучаютъ лишь для того, чтобы лучше познавать Бога [2]); Его не ищутъ, какъ прежде, созерцая великія міровыя зрѣлища или съ помощью усилій мысли; а вѣрнѣе надѣются найти Его посредствомъ объясненія легендъ и набожныхъ обрядовъ различныхъ культовъ. Кто-то спросилъ однажды одно значительное лицо той эпохи, въ чемъ состоитъ его мудрость, и получилъ отвѣтъ: «Мудрость есть наука о молитвахъ и жертвоприношеніяхъ» [3]). Дойдя до этой точки, философія совершенно измѣняетъ свой характеръ, и философы дѣлаются просто теологами.

Говоря о теологахъ и о теологіи по поводу древнихъ религій, мы не дѣлаемъ анахронизма, какъ это, быть можетъ, кажется: слова эти часто употреблялись древними писателями. Обыкновенно подъ именемъ *theologi* они разумѣли дѣйствительныхъ или баснословныхъ древнихъ писателей, подобныхъ Гезіоду или Орфею, сочинившихъ поэмы о богахъ и оставившихъ образцы молитвъ [4]). Этимъ именемъ они называли также тѣхъ, которые впослѣдствіи старались разбирать священныя легенды и извлекать изъ нихъ

---

[1]) Макроб., *Somn. Scip.*, I, 8; 3.

[2]) Плутархъ, *De defectu orac.*, 410.

[3]) Филостр., *Vita Apoll.*, IV, 40.

[4]) Серв., *Aen.*, VI, 645. Св. Авг., *De civ, Dei*, XVIII, 14. Макр., *Sat.*, I, 21, 23.

вѣроятныя повѣствованія. Эта работа производилась безъ всякой критики. Въ Греціи, этой странѣ басенъ, легенды появлялись въ изобиліи и удивительно измѣнялись и улучшались, переходя изъ одного города въ другой. Одинъ новѣйшій писатель сравниваетъ ихъ съ бананами, у которыхъ отъ одного корня выростаетъ цѣлый лабиринтъ деревьевъ. Древніе теологи не всегда умѣли находить тотъ корень, откуда произростали всѣ басни и, останавливаясь на разныхъ, ничего не значущихъ, подробностяхъ, воображали, что видятъ различныхъ боговъ всякій разъ, какъ о нихъ разсказывались различныя исторіи. Такимъ образомъ они насчитывали трехъ Юпитеровъ, четырехъ Аполлоновъ, пятерыхъ Вулкановъ, трехъ Діанъ, пятерыхъ Бахусовъ и безчисленное множество Геркулесовъ [5]). Такъ какъ они были легковѣрны и безъ всякаго сомнительства принимали самые чудесные разсказы, то имъ противопоставляли обыкновенно людей, занимавшихся изученіемъ вселенной и ея законовъ и называвшихся физиками, *physici*: эти все старались объяснить естественными причинами; когда теологи спрашивали себя, какіе боги имѣютъ право метать молнію, физики смѣялись надъ ними и отвѣчали имъ, что громъ происходитъ отъ столкновенія облаковъ [6]). Чаще случалось, что слову теологія придавали еще обширнѣйшій смыслъ; подъ нимъ разумѣлись всѣ вообще науки о богахъ и ихъ культѣ [7]). Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что на землѣ не было ни одного народа, который не имѣлъ бы своей теологіи, такъ какъ каждый изъ нихъ чувствовалъ потребность дать себѣ отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ и лучше узнать своихъ боговъ. Мы сейчасъ увидимъ, что римляне не избѣгли этого такъ же, какъ и другіе народы.

I.

Врожденная нелюбовь римлянъ къ теологіи.—Почему они стали заниматься ею.—Труды по римской религіи, совершонные юрисконсультами и грамматиками.—Школа Варрона.—Характеръ и важное значеніе этой школы.

Съ перваго взгляда кажется, что изъ всѣхъ древнихъ народовъ ни одинъ не былъ менѣе римлянъ расположенъ къ теологіи.

---

[5]) Циц., *De nat. deor.*, III, 21. Серв. *Aen.*, VIII, 564.

[6]) Серв., *Aen.*, I. 42.

[7]) Аристотель употребляетъ слово θεολογεῖν (богословствовать) въ смыслѣ изученія божескаго естества. *De mundo*, I. Онъ написалъ сочиненіе подъ названіемъ Θεολογούμενα (теологическія разсужденія), которое содержало въ себѣ, повидимому, объясненіе народныхъ религій.

По ихъ мнѣнію, религіознымъ законамъ надо повиноваться такъ же, какъ и гражданскимъ, безъ всякихъ сомнѣній и разсужденій; они думали, что надо точно выполнять всѣ обряды культа, потому что этого желали предки, и никакихъ другихъ причинъ на то не требуется [8]). Для подобныхъ людей, готовыхъ вѣрить безъ доказательствъ и молиться по преданію, всякія теологическія изысканія безполезны и могутъ даже сдѣлаться опасными, такъ какъ, слишкомъ вглядываясь въ религію и слишкомъ внимательно разсматривая ее, люди рискуютъ ослабить въ себѣ должное къ ней уваженіе. Лучшее средство для того, чтобы въ нихъ не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности принятыхъ обрядовъ, это — думать о нихъ какъ можно меньше. Умъ колеблется, и вѣра утрачивается, когда хотятъ слишкомъ много размышлять о столь щекотливыхъ вопросахъ. «Съ вашими прекрасными объясненіями, говорилъ стоикамъ первосвященникъ Котта, вы достигнете лишь того, что сдѣлаете сомнительными самыя вѣрныя вещи» [9]). Точно такъ же должны были думать государственные люди Рима, и это мнѣніе отдаляло ихъ конечно, отъ теологіи.

Но имъ не удалось, однако, совершенно избѣгнуть ея. Мѣсто, занимаемое религіею въ общественной и частной жизни римлянъ, поневолѣ привлекало къ ней вниманіе; она касалась такихъ важныхъ интересовъ, что ея не льзя было не разсматривать близко. Многочисленныя предписанія религіознаго закона не только возбуждали сомнѣнія въ душахъ вѣрующихъ, но могли даже служить поводомъ ко многимъ процессамъ; слѣдовательно, ихъ надо было истолковать и объяснить, а это было дѣло юрисконсультовъ [10]). У нихъ не было недостатка въ причинахъ для того, чтобы проникнуть въ эту область, которую хотѣли сдѣлать тайною и закрытою. Они не могли изучать условій собственности, не зная, что̀ именно боги хотѣли удержать за собой и что̀ они соглашались предоставить людямъ. Прежде всего они должны были точно опредѣлить, что̀ слѣдуетъ понимать подъ словами *священный* и *мірской*

---

[8]) Циц., *De nat. deor.*, III, 2: *a te enim philosopho rationem accipere debeo religionis, majoribus autem nostris etiam nulla ratione reddita credere.*

[9]) Циц., *De nat. deor.*, III, 4. См. также слѣдующее мѣсто, сохраненное намъ Лактанціемъ (11,3): *non sunt ista vulgo disputanda, ne susceptas publice religiones disputatio talis exstinguat.*

[10]) О жреческомъ правѣ и о томъ, какъ оно сдѣлалось свѣтскимъ, перейдя отъ жрецовъ къ юрисконсультамъ, см. Буше Леклерка *Les pontifs.*, кн. II.

и это составляло одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ римской юриспруденціи. Когда получалось по наслѣдству какое-либо имущество, необходимо было знать обязательства наслѣдниковъ относительно поддержанія *sacra privata*; Цицеронъ говоритъ, что юрисконсульты создавали по этому поводу безчисленныя затрудненія [11]). Они много занимались также *праздничными днями*: такъ какъ нарушеніе закона объ отдыхѣ было не только религіознымъ преступленіемъ, искупить которое можно было посредствомъ жертвоприношеній, но и проступкомъ, за который взимается денежный штрафъ[12]), то они считали себя вправѣ разбирать, какія занятія запрещались и разрѣшались въ праздничные дни. Такъ какъ избраніе должностныхъ лицъ считалось дѣйствительнымъ лишь тогда, когда насчетъ его совѣтывались по всѣмъ правиламъ съ авспиціями, то они воспользовались случаемъ изучить авспиціи. Наконецъ, извѣстно было, что приговоръ считался недѣйствительнымъ, если былъ произнесенъ въ запрещенный для этого день; вслѣдствіе того явились безчисленные комментаріи къ календарю для различенія *dies fasti*, *nefasti* и *intercisi* (дней подходящихъ, не подходящихъ и мѣшаныхъ). Юрисконсультамъ не льзя было останавливаться на этомъ; экскурсіи, дѣлаемыя ими въ область теологіи, возбуждали ихъ любопытство, и въ то время, какъ они изучали вопросы, гдѣ религія смѣшивалась съ правомъ, имъ очень естественно должно было приходить желаніе изучать ее и для нея самой. Трудно предполагать, чтобы въ то время, какъ Требацій писалъ свое огромное сочиненіе въ девяти или десяти томахъ, называвшееся *De religionibus*, онъ никогда не спросилъ себя, каковы были качества и естества тѣхъ божествъ, имена которыхъ безпрестанно попадались ему въ древнихъ обрядовыхъ уставахъ; извѣстно также, что Сцевола, раздѣляя всѣхъ боговъ на три класса, изобрѣлъ цѣлую теологическую систему, заслужившую въ Римѣ очень значительный успѣхъ.

Послѣ юрисконсультовъ римскою религіей больше всего занимались грамматики. Занятіе ихъ состояло въ разъясненіи темныхъ мѣстъ, а жреческія книги были наполнены такими выраженіями, которыхъ никто уже не могъ разобрать. Римляне, отличавшіеся чрезвычайно консервативнымъ духомъ, въ точности повторяли непонятныя для нихъ молитвы; грамматики попытались разъяснить

---

[11]) *De leg.*, 11, 19.

[12]) Макр., *Sat.*, 1, 16, 10.

ихъ римлянамъ. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними, Элій Стилонъ, написалъ сочиненіе о пѣсняхъ салійцевъ; но, кажется, въ его время смыслъ ихъ былъ уже до такой степени утраченъ, что онъ не могъ хорошо объяснить ихъ [13]). Для того, чтобы быть въ состояніи давать себѣ отчетъ въ значеніи словъ, надо вѣдь знать обычаи, о которыхъ въ нихъ говорится. Такимъ образомъ филологическіе труды грамматиковъ заставили ихъ заняться сначала культомъ, а потомъ уже и всей религіей. Они имѣли въ своемъ распоряженіи священныя книги не только Рима, но и Этруріи. Эти книги, имѣвшія огромное вліяніе на римскую религію, были переведены на латинскій языкъ и комментированы цѣлою ученою школой [14]). Подобно римскимъ книгамъ, онѣ содержали въ себѣ мельчайшія правила о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ молиться богамъ; онѣ объясняли, «въ какіе дни, какія именно и въ какихъ храмахъ надо имъ совершать жертвоприношенія» [15]), и какіе знаки своей воли они выражаютъ намъ въ естественныхъ явленіяхъ. Но дошедшіе до насъ отрывки показываютъ, что къ этимъ подробностямъ набожныхъ обрядовъ присоединялись иногда болѣе возвышенные взгляды. Этруски пытались установить извѣстную іерархію въ своемъ обширномъ Пантеонѣ; рядомъ съ верховнымъ Богомъ они учредили двойной совѣтъ могущественныхъ божествъ; только посовѣтовавшись съ этими *Di superiores et involuti*, Юпитеръ позволяетъ себѣ метнуть на землю разрушающія и убійственныя молніи [16]). Ихъ поразила также трудность согласить между собою могущество и свободу боговъ съ понятіемъ о неизмѣнномъ и всесильномъ рокѣ. Если рокъ дѣйствительно господствуетъ надъ всѣмъ, и ничто не можетъ измѣнить его приговоровъ, если все, что случается съ людьми, назначено впередъ роковымъ закономъ, то, очевидно, боги не могутъ оказать имъ никакой милости, и становится безполезнымъ обращаться къ нимъ съ молитвами или приносить имъ жертвы. Чтобы выйти изъ этого затрудненія и выгородить по возможности могущество бо-

---

[13]) Варронъ, *De ling. lat.*, VII, 2.

[14]) Сервій (*Aen.*, I, 2) приводитъ одну фразу изъ этихъ переводовъ. Изъ тѣхъ, которые комментировали ихъ, извѣстны Цецина и Тарквиній Прискъ, упоминаемые Макробіемъ, а также Юлій Аквила и Умбрицій Меліоръ, приводимые Плиніемъ.

[15]) Титъ Ливій, I, 20: *quibus hostiis, quibus diebus, ad quae templa sacra iferent.*

[16]) Сенека. *Quaest. nat.*, II, 41.

товъ, этрусскіе теологи постановили, что можно отодвинуть на десять лѣтъ исполненіе приговоровъ судьбы [17]); это все-таки отсрочка, и, значитъ, есть еще какая-нибудь выгода молиться богамъ, чтобы получить отъ нихъ лишнихъ десять лѣтъ счастія или жизни. Послѣ этрусковъ Римъ познакомился съ греками. Греческіе ученые, очень любившіе научныя занятія религіей и уже много занимавшіеся культами своей страны, принялись изучать культъ римлянъ [18]). Чтеніе Діонисія Галикарнасскаго даетъ намъ понять, какой духъ они вносили въ эти занятія. Очень можетъ быть, что они обращали много вниманія на дѣйствительныя сходства, а при случаѣ изобрѣтали даже воображаемое сходство между религіозными обычаями римлянъ и своими собственными. Для ихъ самолюбія было пріятно отомщать за свое пораженіе, заставляя думать, будто покорившій ихъ народъ былъ имъ всѣмъ обязанъ, заимствовавши у нихъ религію такъ же, какъ и литературу. Удивительно, что римляне очень терпѣливо относились къ такимъ мнѣніямъ, которыя должны были, повидимому, оскорблять ихъ патріотизмъ. Они вносили въ свои занятія религіей какое-то непонятное самоотреченіе. Они никогда энергически не отстаивали самобытности своего культа; колеблясь безпрестанно между системами этруссковъ и грековъ, они нисколько не затруднялись признавать, что ихъ древнѣйшія вѣрованія заимствованы у чужеземцевъ и были всегда готовы исказить ихъ дѣйствительный характеръ, чтобы подчинить ихъ теоріи тѣхъ, кого они считали своими учителями [19]).

Если изысканія этрусскихъ и греческихъ теологовъ не разъ вводили въ заблужденіе римскихъ ученыхъ, то надо сознаться также, что они дали сильный толчекъ ихъ собственнымъ изысканіямъ. Въ Римѣ, къ концу республики, существовала цѣлая школа ученой теологіи, славою которой былъ Варронъ. Это движеніе продолжалось въ одинаковомъ направленіи и при имперіи. Юрисконсультъ Требацій Теста, другъ Цицерона и Цезаря, и грамматикъ Веррій Флаккъ, въ

---

17) Серв., *Aen.*, VIII, 398.

18) Нѣкоторые изъ грековъ, занимавшихся религіозными легендами Италіи, упоминаются Плутархомъ (*Quaest. rom.* и *Parall.*).

19) См., напримѣръ, какъ легко они дали убѣдить себя въ томъ, что Пенаты, древнѣйшіе изъ всѣхъ римскихъ боговъ, ничѣмъ не отличались отъ великихъ боговъ Этруріи, составлявшихъ совѣтъ Юпитера, или что они одно и то же, что критскіе Куреты или самоѳракскіе Дактилы. Арноб. III, 40 и 41. Макр., *Sat.*, III, 4, 7. Серв., *Aen.*, III, 148.

своей книгѣ о Сатурнѣ, изучаютъ древніе религіозные обряды римлянъ; два знаменитые соперника, Атей Капитонъ и Антистій Лабеонъ, ревностно комментируютъ жреческое право; Гигинъ, библіотекарь Августа, и ученикъ его, Юлій Модестъ, занимаются богами и праздниками; Мазурій Сабинъ, въ царствованіе Нерона, пишетъ свое знаменитое сочиненіе о Фастахъ; даже при династіи Северовъ, Саммоній Серенъ набожно собираетъ въ своемъ трактатѣ о скрытыхъ вещахъ (*Rerum reconditarum libri*) древнѣйшія формулы жреческихъ уставовъ; такимъ образомъ традиція Варрона и его великаго произведенія, *Священныя древности*, окончательно упрочилось у юрисконсультовъ и грамматиковъ временъ имперіи.

Къ сожалѣнію, изо всей этой великой школы ничего почти не дошло до насъ. Само собою разумѣется, что ей не разъ приходилось грубо ошибаться; но надо сознаться также, что она принялась за очень трудную работу. Религіозная древность, которую хотѣли разъяснить, была покрыта густымъ мракомъ. Если римское божество, неуспѣвши ясно опредѣлиться, сливалось съ какимъ-нибудь греческимъ богомъ, оно очень часто дѣлалось совершенно недоступно для критическихъ изслѣдованій. Кто могъ сказать навѣрное, кто такая была это *Dea Dia*, такъ глубоко чтимая арвалами. Такъ же мало было извѣстно божество, въ честь котораго Луперки совершали ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ свои странныя церемоніи [20]). Надо сознаться, что римскіе ученые дѣлали все, что могли, чтобы какъ-нибудь найдтись среди этого мрака. Если они не знали дѣйствительнаго характера какого-либо изъ этихъ древнихъ боговъ и желали постичь его, то старались прежде всего открыть этимологію его имени, затѣмъ тщательно изучали всѣ подробности его культа и не забывали внимательно разсмотрѣть ту одежду, въ какую облекала его древность: лукъ или мечъ въ рукѣ и корона на головѣ служили имъ очень полезными указаніями ихъ качествъ. Если они не могли ничего почерпнуть изъ римскихъ жреческихъ уставовъ, то обращались къ уставамъ сосѣднихъ странъ, религія которыхъ имѣла одинаковое происхожденіе съ римскою, и совѣтовались съ священными книгами Пренесты или Тибура [21]). Въ сущности больше имъ ничего не оставалось дѣлать, такъ какъ

---

20) Сервій, *Aen.*, VIII, 343.

21) Остатки этого теологическаго труда находятся разбросанными у Сервія и у Макробія; съ помощью приводимыхъ ими цитатъ изъ древнихъ грамматиковъ можно возстановить методу, употреблявшуюся этими грамматиками.

это та же самая метода, которой наука держится и въ настоящее время, и которая дала такіе прекрасные результаты. Но хотя метода эта была правильна, она, къ несчастію, всегда дурно прилагалась; этимологическіе выводы бывали нерѣдко смѣшны, изысканія сдѣланы безъ всякой критики, и документы подобраны на удачу. Но ошибки, допущенныя этой школою ученой теологіи, не должны заставлять насъ забывать оказанныхъ ею услугъ. Главная отличительная черта ея состоитъ въ томъ, что она развилась совершенно не въ жреческомъ духѣ. Она не была ни набожною, ни даже вѣрующею. Кромѣ любопытства,—единственною страстью, одушевлявшею ее, былъ патріотизмъ. Она думаетъ, что служитъ отечеству, изучая національную религію, но къ самой религіи относилась въ сущности довольно равнодушно. Врядъ ли найдется какая-нибудь другая теологія, которая цѣнила бы такъ мало объясняемыя ею вѣрованія и такъ мало интересовалась разбираемыми ею богами. Если юрисконсульты такъ тщательно отдѣляютъ *священное* отъ *мірскаго*, то дѣлаютъ это лишь для того, чтобы ограничить участіе боговъ во владѣніи земнымъ благомъ. Они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ тонкостямъ своего искусства, чтобы облегчить обязательства праздничнаго отдыха и найти какія-нибудь уловки для того, чтобы наслѣдники могли спокойно пользоваться полученнымъ наслѣдствомъ, не принося жертвъ, предписанныхъ имъ закономъ (*haereditas sine sacris*). Варронъ провозглашаетъ, что религія есть политическое учрежденіе, и прибавляетъ, что оно дѣлаетъ не много чести политикамъ. Онъ видитъ его недостатки и указываетъ ихъ; онъ защищаетъ религію не потому, чтобы находилъ ее хорошею, но потому, что считаетъ полезною; а за это достоинство онъ, какъ истинный римлянинъ, готовъ уступить ей во всемъ [22]). Истина имѣетъ, конечно, свои права, но ее не всегда слѣдуетъ говорить народу, и его нецурно бываетъ иногда обманывать, *expedit homines falli in religione* [23]). Надо сознаться, что теологи говорятъ обыкновенно не такъ, и этимъ можно объяснить, почему эта школа теологіи могла процвѣтать и достигнуть своего величайшаго блеска во времена индифферентизма и безвѣрія. Вар-

---

[22]) Эта полезность до такой степени его занимаетъ, что онъ приписываетъ даже древнимъ римлянамъ стремленіе къ ней. Знаете ли вы, напримѣръ, зачѣмъ они строили храмы? Чтобы не давать домамъ стоять рядомъ, что сильно способствуетъ пожарамъ. Серв., *Aen.*, II, 512.

[23]) Св. Август., *De civ. Dei*, IV, 27.

ронъ нашелъ своихъ современниковъ скептическими и не сдѣлалъ ихъ вѣрующими. Сочиненія его не были такого свойства, чтобы обратить ихъ; хотя они внушали большое уваженіе къ учрежденіямъ прошлаго времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ научали держаться ихъ только для формы, разбирать ихъ безъ всякихъ затрудненій и говорить о нихъ совершенно свободно въ свѣтскомъ обществѣ. Въ окончательномъ результатѣ они пробудили въ любознательныхъ умахъ страсть къ религіознымъ изслѣдованіямъ и образовали поколѣніе людей, искусныхъ въ религіозныхъ спорахъ, которые, не желая держаться насчетъ религіозныхъ вѣрованій того, «что имъ говорили о нихъ отецъ и мать [24])», были болѣе расположены слушать то, что о нихъ говорили философы.

II.

Системы, изобрѣтаемыя философами для объясненія народныхъ религій. — Эвгемеризмъ. — Почему онъ былъ хорошо принятъ римлянами. — Стоическая школа. — Усилія ея распространиться. — Какимъ образомъ она принимаетъ боговъ и миѳологическія легенды. — Естественное сродство теологіи стоиковъ съ римскою религіей. — Успѣхъ ея въ Римѣ во все время имперіи.

Какъ ни интересны кажутся намъ труды всѣхъ этихъ историриковъ, юрисконсультовъ и всякаго рода ученыхъ, предпринятые ими какъ въ Римѣ, такъ и въ Греціи, но дѣйствительная теологія была обязана своимъ происхожденіемъ лишь философамъ. Философія съ давнихъ поръ старалась примѣняться къ народнымъ религіямъ; хорошо ли, дурно ли она была расположена къ нимъ, но она желала знать ихъ, и для того, чтобы вѣрнѣе достичь этого, старалась прежде всего разгадать ихъ происхожденіе. Откуда взялись всѣ эти боги, обожаемые толпою? Кто ихъ прежде всѣхъ выдумалъ? Откуда взяли основаніе для разсказовъ о нихъ? Это были щекотливые и темные вопросы, на которые каждая школа отвѣчала посвоему.

Древнѣйшею изъ системъ, придуманныхъ для того, чтобы объяснить происхожденіе боговъ и легенды о нихъ, былъ эвгемеризмъ. Хотя Эвгемеръ далъ ей свое имя, но онъ не былъ ея основателемъ, а просто изложилъ ее въ одномъ сочиненіи, которое легко чита-

---

24) Апулей, *De magia*, 39: *de diis immortalibus patri et matri credere.*

лось и пользовалось большою популярностью. Это былъ романъ, гдѣ онъ разсказывалъ, что, получивъ оффиціальное порученіе отъ македонскаго царя, Кассандра, онъ сѣлъ на корабль въ одной изъ пристаней Счастливой Аравіи и былъ занесенъ вѣтрами на какой-то неизвѣстный, изумительно плодородный островъ. Посреди его возвышался храмъ Юпитера Трифилійскаго, украшенный прелестными изваяніями и наполненный дарами, принесенными въ жертву набожностью вѣрующихъ. Любопытнѣйшею вещью между ними была золотая колонна, покрытая сверху до низу іероглифическими надписями, въ родѣ египетскихъ. Эвгемеръ, упросивъ жрецовъ объяснить ихъ, очень удивился, когда увидѣлъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ исторію древнихъ туземныхъ царей, и что эти цари были не кто иные, какъ боги, которымъ поклонялись во всемъ мірѣ. Именно эти разсказы, по словамъ Эвгемера, и были записаны въ его книгѣ. Онъ старался доказать въ ней, что всѣ боги были сначала людьми, которые впослѣдствіи, кто насильно, кто добровольно, получили апоѳеозу. Юпитеръ былъ завоеватель, который, желая упрочить за собою покорность побѣжденныхъ народовъ, заставилъ ихъ поклоняться себѣ; Сатурнъ былъ добродушный царь, позволившій своимъ дѣтямъ лишить себя престола; Уранъ — государь, отлично знавшій астрономію и смѣшанный впослѣдствіи съ небомъ, составлявшимъ предметъ его научныхъ занятій и пр. Такимъ образомъ была объяснена или передѣлана вся миѳологія; Эвгемеру нравилось низводить до самыхъ обыкновенныхъ размѣровъ боговъ Олимпа и дѣйствующія лица легендъ. Кадмъ превратился въ повара при сидонскомъ царѣ, убѣжавшаго съ какою-то флейтщицею; Венера сдѣлалась обыкновенною проституткою, «которая принудила кипрскихъ женщинъ торговать, подобно ей самой, своею красотою для того, чтобы не могли сказать, что она одна безстыдна и развратна» [25]).

Эвгемеризмъ, которому сильно посчастливилось въ Греціи, пріобрѣлъ также значительный успѣхъ у римлянъ. Онъ долженъ былъ нравиться имъ своею простотою и той кажущеюся историческою точностью, которой онъ такъ добивался. Прозаическая и грубая сторона эвгемеризма не могла оскорблять людей, имѣвшихъ такъ мало врожденнаго поэтическаго вкуса; повидимому, они не замѣчали даже опасности, грозившей въ этомъ случаѣ религіозному чувству. Такъ какъ они не были привязаны къ догматамъ и мало

---

[25]) О романѣ Эвгемера см. у Шассана (Chassang) *Histoire du roman*, с. 150.

заботились о легендахъ, имъ было все равно, что бы ни разсказывали о богахъ, лишь бы не пострадалъ отъ этого культъ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ эвгемеризма, Пика, Фавна, Сатурна, Януса и другихъ малоизвѣстныхъ боговъ Италіи превратили въ государей, царствовавшихъ въ Лаціумѣ, соединили ихъ узами родства или дружбы и создали имъ цѣлую исторію. Энній, бывшій во всемъ великимъ начинателемъ, перевелъ романъ Эвгемера; съ тѣхъ поръ эта система сдѣлалась вполнѣ извѣстною римлянамъ и была, кажется, принята ими безпрекословно. Катонъ, говоря объ Аккѣ Ларенціи, одной изъ богинь, олицетворявшихъ собою плодородную глубь земли, принимающую и произращающую сѣмена, разсказываетъ совершенно серьёзно, что она была просто куртизанка, много заработала своимъ ремесломъ и оставила свое имущество въ наслѣдство римскому народу [26]). Онъ знаетъ даже, изъ какихъ имѣній состояло ея богатство, и перечисляетъ ихъ, затѣмъ прибавляетъ, что въ благодарность ей соорудили великолѣпный памятникъ и ежегодно праздновали въ честь ея игры. Такая же эвгемерическая тенденція господствовала во всей первоначальной исторіи Рима, по крайней мѣрѣ такъ, какъ ее излагали первые лѣтописцы; все приняло въ ней до невѣроятности точный видъ; казалось, что самыя чудесныя басни не отличались здѣсь отъ самыхъ достовѣрныхъ разсказовъ, и въ ней одинаковымъ тономъ говорилось какъ о Ромулѣ и его преемникахъ, такъ и о пуническихъ войнахъ [27]). Великій ученый Варронъ принялъ также многія изъ этихъ басенъ Эвгемера, хотя и былъ болѣе склоненъ къ другимъ объясненіямъ. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы объяснить появленіе великановъ послѣ потопа, онъ разсказывалъ, что люди, испугавшись приближенія водъ, спаслись на горы! Кто поторопился, тотъ занялъ лучшія мѣста. Такъ какъ они помѣстились выше всѣхъ, то и казались больше всѣхъ ростомъ. Они побѣдили другихъ, благодаря своему положенію, и побѣжденные обоготворили ихъ [28]).

---

[26]) Макр., *Sat*. I, 10, 16.

[27]) Кажется, что даже жреческія книги не избѣгли этого вліянія. Легенда разсказывала, что Пикъ, древній богъ или древній царь Лаціума, былъ любимъ Цирцеей и отвергъ ея любовь; чтобъ отомстить ему, волшебница превратила его въ птицу, носящую его имя и считаемую итальянцами за вѣщую. Жрецы, желая придать болѣе достовѣрности этому разсказу, говорили, будто Пикъ былъ авгуръ, у котораго былъ дятелъ, открывавшій ему будущее, откуда и произошла вся путаница. Серв., *Aen*., 9, VII, 10.

[28]) Серв., *Aen*., III, 578.

Но невозможно было, чтобы успѣхъ эвгемеризма продолжался постоянно. По мѣрѣ того, какъ общество приближалось къ религіи, ему становилось трудно удовлетворяться подобнымъ способомъ пониманія начала боговъ, разрушавшимъ всю прелесть миѳологіи и ставившимъ грубый реализмъ на мѣсто поэтическихъ басенъ, очаровывавшихъ собою столько поколѣній. Тогда религіозныя души обратились къ другой системѣ, лучше согласовавшейся съ дѣйствительнымъ благочестіемъ, а именно—къ системѣ, изобрѣтенной стоиками.

О стоическомъ ученіи составляютъ себѣ иногда не совсѣмъ вѣрное понятіе. О немъ судятъ по строгости его принциповъ, подходящихъ, повидимому, лишь къ весьма немногимъ людямъ, или по высокомѣрному тону мудрецовъ, и вслѣдствіе того полагаютъ, что это была аристократическая философія, обращавшаяся только къ избраннымъ лицамъ; но, вглядѣвшись въ нее поближе, мы видимъ напротивъ что она дѣлала много усилій для того, чтобы распространиться. Она болѣе жаждала популярности, нежели это думаютъ, и потому не пренебрегала побѣждать самыхъ простыхъ людей и старалась становиться въ уровень съ ихъ пониманіемъ. Мораль ея могла сначала отталкивать отъ себя своей суровостью: ее стали проповѣдовать въ небольшихъ книжкахъ, наполненныхъ баснями и драматическими разсказами. Такъ какъ стоическое ученіе было вообще темно и запутано, то его постарались оживить аллегоріями и примѣрами, выбирая героевъ между легендарными лицами, извѣстными всему свѣту. Важнѣе всего то, что въ ней необыкновенно развитъ духъ прозелитизма. Мудрецы ея «всюду ищутъ себѣ работы», по удачному выраженію Цицерона [29]). Они уже не проповѣдуютъ, какъ прежде, добродѣтель въ однихъ богатыхъ домахъ, но говорятъ съ людьми невѣжественными и живутъ среди толпы. Горацій описываетъ, какъ они бѣгаютъ по улицамъ, купаются съ бѣдняками и принуждены отгонять палкою преслѣдующихъ ихъ дѣтей [30]). Они встрѣчаются всюду: раззорившійся торговецъ, бѣгущій топиться, непремѣнно находитъ одного изъ нихъ на берегу Тибра, и тотъ доказываетъ ему, что онъ напрасно хочетъ лишить себя жизни [31]). Они обращаются ко всѣмъ: въ домѣ Криспина, одного изъ свѣтилъ секты, самъ при-

[29]) *Tusc.*, III, 34.
[30]) Горац., *Sat.*, 1, 3, 134.
[31]) Горац., *Sat.*, II, 3, 35.

вратникъ—стоикъ и занимается тѣмъ, что обучаетъ по сосѣдству рабовъ [32]. Но желаніе стоиковъ привлечь къ себѣ народъ, и уступчивость, оказываемая ими для этой цѣли, подтверждаются не столько шутками Горація, сколько ихъ стараніями согласовать философію съ народными религіями.

Было справедливо замѣчено, что этотъ трудъ облегчался для стоиковъ самымъ ученіемъ ихъ. Это ученіе заключалось, какъ извѣстно, въ природномъ пантеизмѣ [33]. «Наши друзья, говорилъ Сенека, думаютъ, что въ природѣ только два начала: матерія и причина. Матерія сама по себѣ неподвижна и не можетъ ничего произвесть, не получивъ толчка извнѣ. Причина придаетъ матеріи форму, то есть управляетъ ею по своему желанію и извлекаетъ изъ нея самыя разнообразныя произведенія» [34]. Для стоиковъ эта причина, оживляющая міръ и дѣлающая его плодороднымъ, есть Богъ. Они воображаютъ его себѣ обыкновенно въ видѣ тонкаго огня или скорѣе, какъ они выражаются, «въ видѣ творящаго огня, идущаго вѣрнымъ путемъ къ созданію вещей» [35]. Этотъ огонь, который есть единый Богъ, не можетъ отдѣлиться отъ нея или произвесть что-либо безъ нея, но вмѣстѣ съ нею Онъ производитъ все. Онъ забирается во всѣ части ея и проникаетъ ихъ собою; Онъ пробѣгаетъ по всей природѣ «подобно тому, какъ медъ протекаетъ по всѣмъ ячейкамъ сота». Онъ есть душа вселенной и отъ него истекаетъ всеобщая жизнь. Это самое распространеніе всемірной души по всему свѣту позволяетъ стоикамъ безъ особенныхъ усилій нисходить съ высоты отвлеченнаго мышленія къ народнымъ религіямъ и переходить отъ единобожія къ тысячамъ баснословныхъ божествъ. Первая уступка, дѣлаемая ими всеобщимъ мнѣніямъ, состоитъ въ томъ, что они даютъ своему единому Богу, своему творящему огню, своей душѣ вселенной народное имя Юпитера. Слѣдовательно, для того, чтобы оживлять стихіи, въ нихъ разлитъ Юпитеръ, то-есть, по очень натянутой этимологіи,—жизненное начало [36]; при чемъ они прибавляютъ, что

[32]) Горац., *Sat.*, II, 7, 45.

[33]) Объ ученіи стоиковъ см. труды Равессона въ Mémoires de l'Acad. des Inscr., серія XXI (1857) и Целлера *Philosophie der Griechen*, III, 1, стр. 288 и сл.

[34]) Сенека, *Epist.*, 65, 2.

[35]) Цицер., *De nat. deor.*, II, 22: *ignem artificiosum ad gignendum progredientem via.*

[36]) Они производили Ζεύς (Зевсъ) отъ ζῆν (жить).

каждая частица божества, заключающаяся въ стихіяхъ, порождаетъ отдѣльнаго бога. «Божественная частица, проникающая землю, говорятъ они, обоготворяется подъ именемъ Цереры; та, которая проникаетъ море—подъ именемъ Нептуна и пр.» [37]). Такимъ образомъ для политеизма открывается дверь, въ которую проходятъ постепенно всѣ миѳологическіе боги. Прежде всего это солнце и звѣзды: можно ли отрицать, что божество присутствуетъ въ этихъ огромныхъ небесныхъ тѣлахъ съ такой удивительной правильностью совершающихъ свои движенія? Затѣмъ предполагаютъ, что оно находится въ томъ, что служитъ для нуждъ человѣческихъ. Какъ, напримѣръ, въ винѣ и хлѣбѣ, «потому что все, что служитъ на пользу человѣческому роду, обнаруживаетъ небесную доброту». Допустивъ этотъ принципъ, естественно будетъ называть богами людей, оказавшихъ важныя услуги себѣ подобнымъ, какъ, напримѣръ, Кастора, Поллукса, Эскулапа или Геркулеса. Дѣйствительно, душа ихъ была эманаціей (истеченіемъ) души вселенной, и такъ какъ они превосходили всѣхъ мужествомъ и добродѣтелью, то можно предполагать, что въ нихъ было больше божественнаго, чѣмъ въ другихъ. Наконецъ, нѣтъ никакой причины отказывать въ тѣхъ же почестяхъ такимъ обоготвореннымъ отвлеченнымъ понятіямъ, какъ Вѣра, Свобода, Согласіе, Побѣда, «дѣйствія которыхъ, говорили стоики, дотого сильны, что ихъ невозможно будетъ понять, если мы не допустимъ, что въ нихъ присутствуетъ какое-либо божество» [38]). Такимъ образомъ, оказывая одну снисходительность за другою, они мирятся подъ-конецъ со всѣми народными вѣрованіями.

Въ сущности соглашеніе между ними и народомъ далеко не полно; они даже совершенно расходились съ нимъ относительно одного очень важнаго пункта, а именно: на всѣхъ этихъ боговъ, происходящихъ вслѣдствіе разлитія души вселенной по всему міру, они смотрѣли какъ на болѣе низкія существа, нежели Богъ боговъ, какъ на служителей Его и на исполнителей Его воли [39]). Они говорили, что существованіе ихъ имѣло начало и, слѣдовательно, будетъ имѣть конецъ, и что современемъ всѣ они исчезнутъ въ Юпитерѣ, который одинъ только безсмертенъ. Они выражали это еще

---

[37]) Цицер., *De nat. deor.*, II, 28: *deus pertinens per naturam cujusque rei per terras Ceres, per maria Neptunus.*

[38]) Обо всѣхъ этихъ постепенныхъ созданіяхъ боговъ см. Цицерона, *De nat. deor.*, II, 15 и сл.

[39]) Сенека, *Fragm.*, 26.

другимъ способомъ, говоря, что въ извѣстныя времена Богъ поглощаетъ матерію, составляющую Его сущность, и затѣмъ извлекаетъ ее изъ себя для того, чтобы создать ее съизнова [40]). Не значило ли это признавать, что всѣ эти божества, придуманныя въ угоду мнѣніямъ толпы, въ сущности были не что иное, какъ произвольно постановленныя подраздѣленія единаго Бога, что у нихъ не было, ни опредѣленнаго существованія, ни дѣйствительной индивидуальности,—словомъ, что это были стихіи природы, а не образы боговъ, какъ говоритъ Цицеронъ? *(rerum naturas esse, non figuras deorum* [41]). Не такъ воображалъ ихъ себѣ народъ. Случалось, слѣдовательно, что философъ и толпа, употребляя одни и тѣ же слова, разумѣли подъ ними не одно и то же; въ то время какъ просто набожный человѣкъ, молясь Минервѣ или Юнонѣ, думалъ, что обращается къ божественнымъ лицамъ, имѣющимъ собственное, отдѣльное существованіе, стоикъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на эманацію души вселенной и воздавалъ хвалу единому Богу въ Его особыхъ проявленіяхъ. Разница была велика, и соглашеніе, какое желали установить между ученіями философовъ и народными мнѣніями, основывалось въ сущности на недоразумѣніи. Но стоики, какъ видно, много хлопотали о томъ, чтобы его позабыли. На практикѣ они одобряютъ всѣ предразсудки и суевѣрія толпы. Они находятъ, что обращаться къ авспиціямъ очень умно, предлагаютъ совѣтоваться съ оракулами и приводятъ всевозможныя философскія доказательства, чтобъ узаконить гаданіе. Они объясняютъ самыя нелѣпыя легенды физическими аллегоріями; мученія Целуса, несчастія Сатурна, война титановъ, рожденіе Минервы или Вакха, всѣ эти басни, печалившія серьёзные умы и заставлявшія улыбаться невѣрующихъ, становятся у нихъ полными смысла. Они оправдываютъ всѣ разсказы Гомера, отъ которыхъ приходилъ въ негодованіе Платонъ; споры боговъ на Олимпѣ оскорбленія, которыя они наносятъ другъ другу въ словахъ, ихъ битвы, все кажется имъ замысловатыми намеками на природу и ея законы, и они такъ усердно стараются все объяснить, что открываютъ даже очень глубокій смыслъ въ томъ, что у Вулкана одна нога была короче другой [42]). Можно сказать, — ничто ихъ не отталкиваетъ,

[40]) Діог. Лаэрт., VII, 137. По поводу этого мнѣнія Плутархъ сердится на стоиковъ, думающихъ, что Юпитеръ существуетъ и питается смертью другихъ боговъ *(Adversus stoicos*, c. 1075).

[41]) Цицер., *De nat. deor.*, III, 24.

[42]) Нѣкоторые изъ нихъ въ трехъ головахъ Цербера видѣли намекъ на тѣ

и они готовы допустить рѣшительно все. Хрисиппъ, увидавъ въ Самосѣ непристойную картину, изображавшую любовь Юпитера и Юноны, не только не смутился ею, но вообразилъ, будто это аллегорія матеріи, воспринимающей въ себя сѣменное или творческое начало (λόγον σπερματικόν), чтобы сдѣлаться плодучею [43]). Такія уступки сердили тѣхъ, кто, подобно Цицерону, находилъ, что нельзя же наконецъ допускать всѣхъ народныхъ глупостей; но зато онѣ были по душѣ многимъ умѣреннымъ умамъ, искавшимъ хоть какого-нибудь предлога сохранить свои прежнія вѣрованія.

Успѣху объясненій стоиковъ относительно боговъ и легендъ всюду способствовалъ разумъ; но Римъ имѣлъ кромѣ того особенную причину хорошо принимать ихъ. Оказывается, что между ученіемъ стоиковъ и первоначальною религію римлянъ существовала какая-то странная аналогія, замѣченная не только новѣйшими критиками, но отчасти даже и учеными древности [44]). Мы уже говорили, какимъ образомъ римляне первыхъ временъ воображали себѣ божество. Оно осталось для нихъ неясною и таинственною силою, видѣвшеюся имъ изъ-за всѣхъ явленій природы. Они поклонялись ей отдѣльно въ ея различныхъ проявленіяхъ, что дало поводъ къ появленію множества боговъ; но они долго не рѣшались изображать этихъ боговъ въ опредѣленной формѣ и въ ясныхъ чертахъ, и даже, судя по тому имени, которое они имъ придали *(numina)*, казалось, — они отчасти понимали, что боги ихъ не болѣе, какъ различныя проявленія одной и той же воли. Римлянинъ живо чувствуетъ присутствіе божества въ мірѣ. Онъ не можетъ пройти сквозь густой лѣсъ, гдѣ старые дубы распространяютъ таинственный сумракъ, чтобы не почувствовать религіознаго ужаса и не сказать себѣ: «здѣсь есть что-то божественное, *numen inest*!» [45]) Это особое проявленіе божества онъ отдѣляетъ отъ божественнаго, все

три части, на которыя стоики раздѣляли философію. Объ этихъ физическихъ аллегоріяхъ см. Целлера, *Philos. der Griech.*, III, 1, с. 300 и сл.

[43]) Ориг., *Contra Cels.*, IV, 48.

[44]) Сенека, *Epist.*, 110, 1: *memineris majores nostros, qui crediderunt stoicos fuisse.*

[45]) Овид., *Fast.*, III, 295.

Lucus Aventino suberat niger ilicis umbra
Quo poteras viso dicere: numen inest.

Повидимому, слова *numen inest* были священнымъ выраженіемъ. Они встрѣчаются у Овидія еще въ другомъ мѣстѣ (*Fast.*, V, 674) и у Марціала (*De spect.*, I, 33).

собою наполняющаго, могущества и воздаетъ ему поклоненіе; но, поклоняясь ему, онъ остерегается придавать ему слишкомъ много индивидуальности. Если онъ и дастъ ему имя, то, чтобы не ставить себя въ непріятное положеніе, будетъ просто называть его *Sive deus sive dea* (богъ ли ты или богиня), что ничего собою не предполагаетъ, а еще чаще — просто геніемъ, *Genius loci*. Геній есть божественная часть, заключающаяся въ каждомъ предметѣ и дающая ему существованіе (γίνομαι), а такъ какъ жизнь обращается во всемъ мірѣ, то рѣшительно нѣтъ ничего, что не имѣло бы своего генія. Это относится не къ одной только одушевленной природѣ, не только къ лѣсамъ, лугамъ, источникамъ, пріятнымъ или мрачнымъ мѣстностямъ, но и къ предметамъ отвлеченнымъ, созданнымъ умомъ человѣческимъ, какъ, напримѣръ, къ государствамъ, провинціямъ, городамъ; въ городахъ поклоняются генію различныхъ кварталовъ и различныхъ ассосіацій, въ войскѣ — генію легіона, когорты или центуріи. У каждаго человѣка есть также свой геній, къ которому онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ *(indulgere genio)*. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ философскихъ ученій, изъ генія каждаго человѣка вздумали сдѣлать нѣчто въ родѣ его ангела-хранителя, оберегающаго его и управляющаго имъ, и даже допустили существованіе двухъ подобныхъ *демоновъ*, одного добраго и другаго злаго, когда взяло верхъ вѣрованіе двумъ началамъ; но сперва геній человѣка не былъ существомъ, находящимся внѣ его, но его духовной или божественной частью, его душою, по мнѣнію Варрона [46]). Горацій полагаетъ, что онъ умираетъ вмѣстѣ съ нами [47]); но Горацій, несмотря на свое обращеніе, оставался всегда немного эпикурейцемъ. Общее мнѣніе было то, что геній, то-есть душа, переживаетъ тѣло, и что смерть превращаетъ его въ бога; изъ этого можно заключить, что древнія религіи смутно предчувствовали, что тѣло есть тлѣнное начало, и что заключенная въ насъ божественная искра, освободясь, принимаетъ свою прежнюю чистоту и возвращается къ своему началу. Боги имѣютъ также своихъ геніевъ; изъ надписей мы видимъ, что набожные люди обращаются къ генію Юпитера, Юноны, Марса, Аполлона и пр. [48]). Это странное вѣрованіе, которое объясняли различными способами, и смыслъ котораго былъ, кажется, утраченъ еще въ древности; всего есте-

---

[46]) Св. Авг., *De civ. Dei* VII, 13.
[47]) Горац., *Epist.*, II, 2, 187.
[48]) Преллеръ, *Römische Myth.*, стр. 74.

ственнѣе предполагать, что первоначально геній долженъ былъ имѣть для боговъ почти то же самое значеніе, какъ и для человѣка. Быть-можетъ, первые римляне, не желавшіе, подобно грекамъ, приблизить къ себѣ божество, но старавшіеся, напротивъ того, отодвинуть какъ можно дальше отъ земли и отъ людей эту таинственную силу, служившую имъ предметомъ поклоненія, придумавъ боговъ, вздумали пойти еще дальше и различать въ этихъ самыхъ, созданныхъ ими богахъ, такую часть, которая была божественнѣе всего остальнаго [49]). Всѣ эти мысли о существованіи божества въ природѣ, гдѣ оно ко всему примѣшано, о существованіи геніевъ, изображающихъ собою духовную и божественную часть каждаго предмета,—мысли, которыя я старался изложить какъ можно точнѣе для того, чтобы сдѣлать ихъ понятными но которыя существовали неясно въ глубинѣ древнѣйшихъ вѣрованій римлянъ, уже значительно приближались къ стоическому ученію. Шагъ впередъ ступили тогда, когда, неизвѣстно въ какую эпоху, теологи вздумали создать какого-то всемірнаго генія, который заключалъ въ себѣ всю жизнь природы, и отъ котораго исходили всѣ частные геніи, оживляющіе вещи и людей [50]). Съ этихъ поръ сходство сдѣлалось полнымъ, и Варронъ могъ справедливо предполагать, что этотъ геній не что иное, какъ душа міра, то-есть самый Богъ стоиковъ.

Итакъ, не удивительно, что римляне охотно приняли ученіе, такъ хорошо согласовавшееся съ ихъ древнѣйшими вѣрованіями. Познакомилъ ихъ съ нимъ Варронъ; онъ перевелъ на латинскій языкъ сочиненіе, приписываемое Эпихарму, гдѣ ученіе это было подробно изложено. Около времени Силлы, одинъ италійскій ученый, К. Валерій Соранскій, сдѣлалъ его предметомъ поэмы, отъ которой до насъ дошли два любопытные отрывка. Въ первомъ изъ

---

49) Такъ какъ геній боговъ былъ ихъ самою эѳирною, тонкою и, слѣдовательно, самой подвижною частью, это навело на мысль, что, съ помощью своихъ геніевъ, они пробѣгаютъ міръ и посѣщаютъ тѣ святилища, гдѣ имъ молятся, чтобы собирать хвалы своихъ поклонниковъ. Стацій проситъ Геркулеса, чтобы онъ соблаговолилъ прислать своего генія въ одинъ храмъ, воздвигаемый въ его честь: *Huc ades et genium templis nascentibus affer. Sylvae*, III, 1, 18.

50) Варронъ опредѣлялъ этого всемірнаго генія такъ: *Deus est qui praepositus est ac vim habet omnium rerum gignendorum* (см. Авг., *De civ. Dei*, VII, 13). Вѣрованіе этому генію, повидимому, не слишкомъ древнее. Дѣйствительно, Титъ Ливій говоритъ: *genio majores hostiae caesae* (XXI, 62); но весьма вѣроятно, что здѣсь говорится о *genius populi romani*.

нихъ поэтъ привѣтствуетъ верховнаго Бога въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Всемогущій Юпитеръ, отецъ и мать природы, богъ боговъ, ты, который единъ, и который есть все» [51]). Во второмъ отрывкѣ Юпитеръ обращается къ другимъ богамъ и говоритъ имъ: «Небо жители, вы, мои члены и части, вы, обязанные своимъ рожденіемъ различнымъ обязанностямъ, на которыя была раздѣлена моя единая власть» [52]). Трудно было выразить меньшимъ числомъ словъ все ученіе школы. Нѣсколько времени спустя, Варронъ въ шестнадцатой книгѣ своихъ *Божественныхъ древностей* научнымъ образомъ изложилъ систему стоиковъ въ ея приложеніи къ римской религіи. Здѣсь онъ говорилъ, согласно съ ними и на основаніи ихъ доказательствъ, «что Богъ — душа міра, то-есть живое начало, присущее всей массѣ вселенной и управляющее ею съ помощью движенія и разума, *anima motu ac ratione mundum gubernans*» [53]). Эѳиръ служитъ мѣстопребываніемъ жизненнаго начала, гдѣ оно сохраняется во всей своей чистотѣ. «Возведи очи, говоритъ одинъ поэтъ, къ блестящимъ небеснымъ пространствамъ: это то, что всѣ призываютъ подъ именемъ Юпитера» [54]). Вслѣдствіе того жизнь распространяется въ различныхъ стихіяхъ, проникаетъ ихъ, оживляетъ, а божественная часть, заключающаяся въ каждой изъ нихъ, называется богомъ. Затѣмъ, перебирая боговъ одного за другимъ, Варронъ старался найти для нихъ разумное объясненіе, показывая, что они не болѣе, какъ олицетворенія явленій природы и различныхъ міровыхъ стихій. Весьма вѣроятно, что, начиная съ этого времени и во все продолженіе имперіи, объясненіе миѳологіи, придуманное стоиками, пользовалось большимъ значеніемъ въ интеллигентномъ обществѣ Рима; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на то, какъ горячо оно опровергалось Отцами Церкви. Они не могутъ простить стоикамъ, «что тѣ набрасываютъ благопристойный покровъ на всѣ эти басни и, благодаря воображаемымъ естественнымъ объяснені-

---

[51]) Св. Авг., *De civ. Dei*, VII, 9.

Jupiter omnipotens, rerum rex ipse deusque
Progenitor genitrix que, Deum Deus, unus et omnes.

[52]) Серв., *Aen.*, IV, 638. Сервій не называетъ автора этихъ стиховъ, но ихъ можно съ большой вѣроятностью приписать Валерію, вотъ они:

Caelicolae, mea membra, dei, quos nostra potestas
Officiis divisa facit.

[53]) Св. Авг., *De civ. Dei*, VII, 6.

[54]) Энній, *Thyesthes*, 7, (с. 48, изд. Риббека): *aspice hoc sublime candens quem invocant omnes Jovem.*

ямъ, ослабляютъ неодолимое отвращеніе, возбуждаемое этими баснями въ человѣческихъ душахъ» [55]). Упреки, дѣлаемые ими объясненію миѳологіи, показываютъ намъ, какого рода услуги она могла оказывать. Оно успокоивало тревожную совѣсть, и, находя правдоподобныя причины допускать старинныя легенды и древнихъ боговъ, привлекало къ народной религіи просвѣщенные классы, всегда готовые отдалиться отъ нея.

III.

Платоническая теологія.—Чѣмъ она отличается отъ другихъ школъ.—Ученіе Апулея даетъ ей въ Римѣ популярность.—Демоны.—Какимъ образомъ ихъ вмѣшательство позволяетъ допускать и объяснять всѣ миѳологическія басни.—Отцы Церкви принимаютъ главнѣйшія данныя платонической теологіи.

Система стоиковъ не должна была стать крайнимъ предѣломъ языческой теологіи. Ей слѣдовало войти въ полное соглашеніе съ духомъ философіи II-го вѣка. Каковы бы ни были уступки, сдѣланныя стоицизмомъ народнымъ религіямъ, но общественное мнѣніе ими не удовлетворялось; оно требовало бóльшаго и, чтобы удовлетворить его, возникла новая теологическая школа, выдававшая себя за платоническую, платоновскую.

Эта школа значительно отличалась отъ всѣхъ предъидущихъ. Стоики иногда какъ будто стыдились своей снисходительности къ мнѣніямъ толпы; имъ доводилось произносить строгія сужденія о тѣхъ самыхъ легендахъ, которыя они пытались объяснять. Находя въ основаніи ихъ довольно здравый смыслъ, они тѣмъ не ме-

---

55) Св. Авг., *De civ Dei*, VII, 5: *interpretationes physicas audiamus, quibus turpitudinem miserrimi erroris velut altioris doctrinae specie colorare videntur.* Очень любопытно было бы разсмотрѣть, какую выгоду Отцы Церкви извлекли изъ этихъ объясненій древней миѳологіи. Очень понятно, что они часто прибѣгаютъ къ системѣ Эвгемера, и съ большимъ удовольствіемъ доказываютъ язычникамъ, что тѣ, по свидѣтельству своихъ собственныхъ ученыхъ, поклоняются просто людямъ. Что касается, такъ долго отстаиваемаго ими стоическаго объясненія, кажется, что подъ-конецъ оно осталось не безъ вліянія на ихъ собственную теологію. Не отсюда ли явилась у нихъ любовь объяснять все до тонкости и отыскивать аллегорическій смыслъ въ священныхъ книгахъ, что замѣчается у Оригена и у греческихъ Отцовъ Церкви вообще. Любопытно то, что, какъ въ христіанскихъ, такъ и въ языческихъ школахъ одного и того же вѣка, предавались одинаковымъ занятіямъ и изучали древность въ одинаковомъ духѣ.

нѣе называли ихъ нечестивыми баснями [56]); вынужденные споромъ, они сознавались, что это глупости поэтовъ [57]) и сказки старыхъ бабъ [58]). Новая школа была чужда подобныхъ колебаній. Плутархъ, бывшій однимъ изъ ея учителей, полагаетъ, что всѣ легенды воспроизводятъ истину, «подобно тому, какъ радуга отражаетъ всѣ цвѣта солнца», что ихъ надо объяснять «свято и философски» [59]), а когда возьмется за это самъ, то болѣе старается объяснять ихъ свято, нежели философски. По его мнѣнію, даже египтяне, считающіеся суевѣрнѣйшими изъ людей, «не ввели въ свои религіозныя церемоніи ничего, что было бы противно здравому смыслу, ничего баснословнаго,—словомъ, ничего такого, что имѣло бы своимъ источникомъ суевѣріе; всѣ онѣ имѣютъ нравственныя или полезныя причины своего существованія, или напоминаютъ собою какія-нибудь интересныя историческія черты или, наконецъ, имѣютъ отношеніе къ какому-нибудь явленію природы» [60]). Даже культъ, воздаваемый ими животнымъ, вовсе не такъ смѣшонъ, какъ это думаютъ: быкъ и ихневмонъ очень полезныя животныя; кошка, ибисъ и крокодилъ имѣютъ нѣкоторое отдаленное и неясное сходство съ богами, потому очень естественно, что въ нихъ поклоняются изображаемому ими божеству [61]).

Другая разница отдѣляетъ еще новыхъ теологовъ отъ теологовъ стоической школы. Послѣдніе объясняли обыкновенно басни древняго культа; они начали съ разсказовъ Гезіода и Гомера и неохотно удалялись отъ нихъ. Другіе же, напротивъ того, явясь въ такое время, когда чужеземныя религіи свободно утвердились въ Римѣ и Греціи, оказывали большую склонность къ нимъ и занимались ими еще съ бо́льшимъ рвеніемъ, нежели древними національными миѳологіями, значеніе которыхъ уже очень уменьшилось. Для нихъ Египетъ былъ «святою землею и какъ бы храмомъ вселенной [62])»; они питали глубочайшее уваженіе ко всѣмъ культамъ крайняго Востока: они восхваляли мудрость халдейцевъ, опирались

56) Циц., *De nat deor.*, II, 24: *physica ratio non inelegans inclusa est in impias fabulas.*

57) Сенека, *Fragm.*, 26: *ineptiae poetarum.*

58) Циц., *De nat. deor.*, II, 28: *superstitiones paene aniles.*

59) Плутархъ, *De Iside*, с. 355: ὁσίως καὶ φιλοσόφως. Если это сочиненіе принадлежитъ не самому Плутарху, какъ это думаютъ, то кому-нибудь изъ его учениковъ; оно содержитъ въ себѣ ученіе школы.

60) Плут., *De Iside*, стр. 353.

61) Плут., *De Iside*, стр. 380.

62) Апулей, *Hermes*, 14.

на мнѣнія Зороастра, гимнософисты Индіи казались имъ добродѣтельнѣйшими людьми въ мірѣ [63]), и они не могли достаточно надивиться на браминовъ, получившихъ отъ неба благодать въ видѣ способности подыматься въ воздухѣ на два локтя [64]). Для того, чтобы вѣрнѣе и лучше узнать эти отдаленныя религіи, они отправлялись изучать ихъ въ тѣ страны, гдѣ онѣ процвѣтали. Въ то время, какъ стоическіе философы путешествовали преимущественно по книгамъ, тѣ дѣйствительно объѣзжали свѣтъ, посѣщали храмы, присутствовали при священныхъ церемоніяхъ и собирали басни, разсказываемыя жрецами. Этимъ именно занимался Апулей во время своей страннической жизни. Клеомбротъ лакедемонскій объѣхалъ весь Египетъ и берега Краснаго моря, «не ради торговли, потому что онъ былъ богатъ, но чтобы собирать матеріалы для своихъ теологическихъ трудовъ [65])». Стоики, страстно любившіе разсуждать, выводили свою религіозную науку, какъ и всѣ прочія знанія, изъ размышленія и діалектики; но, по мнѣнію платониковъ, божество можно было познавать только съ помощью боговъ; слѣдовательно, ихъ надо смиренно просить, «чтобы они научили насъ понимать ихъ [66])». Боги даютъ эту способность преимущественно тѣмъ, «кто ведетъ постоянно трезвую и умѣренную жизнь, далекую отъ чувственныхъ удовольствій, и упражняется въ храмахъ въ строгихъ обрядахъ и суровыхъ воздержаніяхъ, приводящихъ подконецъ къ познанію первѣйшаго и верховнаго существа, постигнуть которое можетъ только умъ». Людей, достигшихъ этого пониманія, Плутархъ не называетъ философами, но даетъ имъ наиболѣе подходящее для нихъ имя «посвященныхъ въ божественную науку [67])».

Люди, вносившіе подобные взгляды въ религіозныя занятія, не могли быть вполнѣ довольны измышлявшимися до тѣхъ поръ объясненіями миѳологіи. Эвгемеризмъ приводилъ ихъ въ негодованіе; они не переставали изливать свой гнѣвъ на тѣхъ философовъ, «которые стараются погасить и вырвать изъ души человѣка живую вѣру, запечатлѣвшуюся въ ней съ самаго дѣтства, и объявляютъ войну всей древности [68])». Хотя система, придуманная стоиками,

---

[63]) Апул., *Florides*, 1, 6.
[64]) Филостр., *Vita Apoll.*, III, 15.
[65]) Плут., *De defectu orac.*, с. 410.
[66]) *De Iside*, с. 351.
[67]) *De Iside*, с. 351: Τοῖς τελουμένοις θειώσεως.
[68]) *De Iside*, с. 359.

и поддерживала собою народныя религіи, тѣмъ не менѣе платоники принимали ее съ большой осмотрительностью. По поводу одной изъ тѣхъ странныхъ аллегорій, которыя такъ нравились Хрисиппу, Плутархъ не можетъ удержаться отъ выраженія своего неудовольствія. «Вы видите, говоритъ онъ, въ какую бездну нечестія мы впадаемъ, дѣлая богами наши страсти, наши способности, наши добродѣтели [69])!» Они негодовали на стоиковъ за то, что тѣ создали не довольно личныхъ и живыхъ боговъ. Вѣроятно, они находили, что набожный человѣкъ долженъ оставаться холоднымъ въ присутствіи боговъ, имѣющихъ и начало и конецъ, представляющихъ собою не болѣе, какъ эманацію всемірной души, и лишенныхъ, повидимому, собственнаго существованія. Иное дѣло было у нихъ; и надо сознаться, что теологія Платона съ произведенными въ ней отмѣнами и важнымъ значеніемъ, придаваемымъ ею божественнымъ существамъ, какъ посредникамъ между Богомъ и людьми, была гораздо благопріятнѣе для благочестія.

Эта система была распространена у римлянъ Апулеемъ [70]). Разскажемъ въ немногихъ словахъ, какимъ образомъ онъ ее излагалъ. Превыше всего онъ ставитъ верховное божество, о которомъ говорится у Платона въ его *Тимеѣ*, «едиственнаго и одиночнаго Бога, который есть совершенный духъ, живущаго внѣ міра, отца и строителя божественной вселенной [71])». Онъ до такой степени выше насъ, что мы почти не можемъ составить себѣ о немъ понятія. Слова безсильны для того, чтобъ описать его, умъ не можемъ дойти до его постиженія; «только одни мудрецы, лучше всѣхъ умѣющіе усиліемъ духа отрѣшаться отъ тѣла, едва могли уловить его на одно мгновеніе, подобно тому, какъ можно на мигъ увидѣть быструю молнію, прорѣзавшую темныя тучи [72])». За нимъ слѣдуютъ низшіе боги, его помощники, его служители, «его сатрапы». Апулей не говоритъ намъ, какимъ образомъ онъ согласуетъ ихъ существованіе съ божественнымъ единствомъ, о которомъ онъ толь-

---

69) *Amatorius*, c. 757.

70) Между философами, преподавшими это ученіе римлянамъ, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, помѣстить Корнелія Лабеона, точное время жизни котораго неизвѣстно, но должно быть, вѣроятно, отнесено къ эпохѣ, слѣдовавшей послѣ введенія христіанства. Св. Августинъ причисляетъ его къ *demonicolae* (*De civ. Dei* IX, 19) и говоритъ, что это былъ одинъ изъ главнѣйшихъ римскихъ теологовъ (II, 11).

71) Апул., *De dogm. Plat.*, I, 11.

72) *De deo Socr.*, 3.

ко что говорилъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи; въ первую онъ помѣщаетъ солнце и звѣзды, которыя, будучи видимы, обожаются всѣми народами: «Найдется ли хоть кто-нибудь между грековъ и варваровъ, говоритъ Апулей, кто затруднился бы признать ихъ божественность [73])?» Затѣмъ слѣдуютъ миѳологическіе боги, Юпитеръ, Юнона и пр , ускользающіе отъ нашихъ взоровъ и извѣстные намъ только по своимъ благодѣяніямъ. И тѣ, и другіе—чистые духи, существовавшіе отъ вѣка и долженствующіе существовать во вѣкъ. Наслаждаясь полнымъ счастіемъ, они не чувствуютъ потребностей сообщаться съ кѣмъ бы то ни было. Самое достоинство ихъ удаляетъ ихъ отъ насъ, а ихъ духовная природа затрудняетъ для нихъ сообщеніе съ смертными тѣлами. Слѣдовательно, сношенія между ними и людьми совершенно невозможны, и ничто не наполняетъ пустоты, отдѣляющей землю отъ неба. Эта мысль исторгаетъ у философа настоящій крикъ отчаянья. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, связь, соединяющая всю природу, разорвана! Съ одной стороны человѣкъ, съ другой—Богъ, и между ними бездна!... Что станется съ людьми, если безсмертные боги оттолкнутъ ихъ, если они станутъ держать ихъ въ заточеніи въ этой земной тюрьмѣ и запретятъ имъ всякій доступъ къ себѣ? Что, если мы будемъ несчастнѣе овецъ, лошадей или быковъ, имѣющихъ своихъ пастуховъ и начальниковъ, и ни одинъ житель Олимпа не навѣститъ насъ, чтобы успокоить встревоженныхъ, исцѣлить больныхъ и помочь несчастнымъ? Итакъ, все кончено! Нечего надѣяться, чтобы какой-нибудь богъ занялся человѣческими дѣлами! Къ кому же будутъ теперь возноситься мои молитвы? Къ кому я обращу свои обѣты? Кому стану приносить жертвы? Кто будетъ моимъ помощникомъ въ страданіяхъ, повѣреннымъ моихъ радостей? Кого я призову на помощь въ несчастіи?» [74]) Слѣдовательно, одна изъ первыхъ потребностей религіозной натуры искать посредниковъ между собою и Богомъ; для Апулея и его школы эта важная обязанность исполняется *демонами*. Есть божественныя силы, говоритъ онъ, пребывающія между землею и небомъ и наполняющія этотъ промежутокъ; онѣ безпрестанно пробѣгаютъ его, перенося богамъ наши мольбы и принося намъ ихъ благодѣянія. Это посредники и посланцы, съ помощью которыхъ земля и небо сообщаются между собою» [75]). Новая платоническая школа съ удо-

---

[73]) *De deo Socr.*, 2.

[74]) *De deo Socr.*, 3

вольствіемъ увеличивала число и значеніе этихъ демоновъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ воображенію Платона; подъ конецъ они сдѣлались главною опорой всего ученія. Говоря о нихъ, Плутархъ идетъ гораздо далѣе Платона, а Апулей прибавляетъ еще къ тому, что сказалъ Плутархъ. Онъ приписываетъ демонамъ такое же безсмертіе, какъ и богамъ [76]); Плутархъ, напротивъ того, думаетъ, что они умираютъ; всѣмъ извѣстенъ его драматическій разсказъ о смерти великаго Пана. Апулей полагаетъ также, что ихъ можно видѣть; онъ разсказываетъ, будто пиѳагорейцы очень удивлялись, если кто-нибудь говорилъ имъ, что никогда не встрѣчалъ демоновъ [77]). Плутархъ этого не думалъ и говорилъ, что Сократъ никогда не видѣлъ своего генія, а только слышалъ его [78]); но Апулей былъ во всемъ легковѣрнѣе и набожнѣе своихъ предшественниковъ.

Для насъ всего важнѣе знать, какимъ образомъ Апулей и Плутархъ объясняли съ помощью демоновъ народныя религіи.

Стоики, объясняя легенды, искажали ихъ; платоники принимали ихъ, ничего въ нихъ не измѣняя, и обыкновенно въ томъ смыслѣ, какой имъ придавалъ народъ. Чтобы сохранить всѣ баснословные разсказы о богахъ, не слишкомъ оскорбляя ихъ достоинство, они прибѣгали къ слѣдующей уловкѣ: нѣтъ сомнѣнія, говорили они, что боги, стоя выше людей, недоступны для страстей, волнующихъ человѣческое сердце. Они не вѣдаютъ ни радости, ни горя, ни гнѣва, ни жалости, ни ненависти, ни любви; «всѣ эти бури изгнаны изъ ихъ мирнаго жилища» [79]). Ошибается тотъ, кто говоритъ, что они кого-нибудь любятъ или ненавидятъ; это говорятъ не о нихъ, имъ приписываютъ дѣйствія и чувства, принадлежащія ихъ демонамъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ есть особенный демонъ, привязанный къ нему и съ удовольствіемъ носящій его имя [80]). Такимъ образомъ платоническая теологія не затрудняется пожертвовать демонами для того, чтобы спасти честь боговъ. Такъ какъ въ нихъ есть и божескія, и человѣческія начала, то, въ нихъ можно предполагать несовершенства, замѣчаемыя у людей. Между

---

75) *De deo Socr.*, 6.

76) *De deo Socr.*, 13.

77) *De deo Socr.*, 20.

78) Плут., *De genio Socr.*, с. 588.

79) *De deo Socr.*,12.

80) Плут., *De defectu orac.*, с. 421: „Каждый демонъ привязанъ къ какому-нибудь богу, и такъ какъ онъ получаетъ отъ него свою власть, то и любитъ называться его именемъ“.

ними есть и лучшіе, и менѣе добрые, есть даже совершенно злые. Они способны разсердиться и успокоиться; пренебреженіе или презрѣніе могутъ раздражать ихъ, а благосклонность ихъ можно пріобрѣсти съ помощью молитвъ и приношеній. Отсюда происходитъ необходимость религіозныхъ обрядовъ, которые, чѣмъ чаще исполнять, тѣмъ будетъ лучше. Въ требуемыхъ ими для себя почестяхъ они проявляютъ иногда самые странные капризы. «Одни желаютъ, чтобъ ихъ прославляли ночью, другіе—днемъ; здѣсь они требуютъ веселыхъ праздниковъ, тамъ—печальныхъ церемоній. Египетскія божества прославляются въ стонахъ, греческія—въ плясках, божества варваровъ—въ звукахъ трубъ и кимваловъ», и люди хорошо поступаютъ, исполняя это, если они увѣрены, что могутъ такимъ образомъ угодить имъ. Отсюда выводится заключеніе, «что надо повиноваться предписаніямъ различныхъ культовъ» [81]), и съ этихъ поръ всѣ религіи разрѣшаются теологіей, какъ дотолѣ онѣ дозволялись государствомъ. Вмѣшательство демоновъ доставляетъ кромѣ того платоникамъ удобный случай объяснять Провидѣніе. Богъ не только творецъ міра, но и блюститель его [82]). Но какимъ образомъ Онъ его блюдетъ? По мнѣнію платониковъ, справедливѣе и пристойнѣе думать, что эта верховная власть, «заключенная въ небесныхъ чертогахъ», не унижаетъ себя до того, чтобы прямо вмѣшиваться въ дѣла міра сего и заниматься частными и мелочными интересами каждаго отдѣльнаго человѣка. «Не годится, чтобы имѣющій власть господина, исполнялъ обязанности служителя» [83]). Онъ поручаетъ это демонамъ. Благодаря имъ, божественная дѣятельность проникаетъ повсюду; какъ самыя ничтожныя, такъ и самыя крупныя вещи, совершаются черезъ ихъ посредство. «Каждый изъ нихъ имѣетъ свои обязанности: одинъ посылаетъ сны, другой направляетъ полетъ птицъ и удары молніи, третій помѣщаетъ въ печень жертвъ—тѣ признаки, по которымъ угадывается будущее». Они вдохновляютъ гадателей, уготовляютъ предзнаменованія и помогаютъ удаваться чудесамъ волшебниковъ [84]). Вотъ почему Апулей, которому это извѣстно, объявляетъ, что онъ вѣритъ всѣмъ подобнымъ чудесамъ. Онъ не сомнѣвается въ дѣй-

---

81) *De deo Socr.*, 14: *unde etiam religionum diversis observationibus et sacrorum variis suppliciis fides impertienda est.*

82) *De mundo*, 24: *sospitator et genitor.*

83) *De mundo*, 25.

84) См. всю 6 главу *De deo Socratis.*

ствительности искусства авгуровъ, принимаетъ предсказанія сивиллы, заявляетъ, что вѣритъ всѣмъ баснямъ, разсказываемымъ о прошедшихъ временахъ: и пламени, горѣвшему вокругъ волосъ Сервія, не сожигая ихъ, и орлу, носившемуся надъ головою Тарквинія Древняго во время вступленія его въ Римъ, и авгуру Атту Навію, разрѣзавшему однажды камень бритвою и пр. Всѣ эти чудеса кажутся ему очень вѣроятными и легко объяснимыми, если только мы убѣдимся въ томъ, что они были дѣломъ демоновъ.

Подобный способъ олицетворять Провидѣніе въ безчисленной толпѣ божественныхъ существъ, ежеминутно окружающихъ человѣка, вѣчно готовыхъ прійти къ нему на помощь, открывать ему будущее, освѣдомляться объ его нуждахъ и желаніяхъ, чтобы доносить о нихъ Богу, — много содѣйствовалъ возбужденію благочестія. На сколько пламеннѣе становились молитвы, когда молящійся зналъ, что ему такъ близко внимаютъ. Какое чувство внушало благочестивой душѣ мысль, что она постоянно сообщается съ Богомъ черезъ живыхъ посредниковъ! Прибавимъ къ этому, что платоники, желая сдѣлать свое ученіе болѣе популярнымъ въ Римѣ, старались примѣнить его къ древнимъ вѣрованіямъ страны, чего имъ было не трудно достичь. Въ одномъ мѣстѣ Апулей спрашиваетъ себя, позволительно ли давать демонамъ латинское названіе *геніевъ* [85]); дѣйствительно, было много сходства между мелкими божками народной римской миѳологіи, какъ-то: ларами, геніями, манами, которыхъ Варронъ помѣщалъ въ воздухѣ между сферою луны и поясомъ бурь [86]), — и божественными существами, придуманными Платономъ для того, чтобы наполнить пространство между небомъ и землею. Слѣдовательно, новое ученіе могло воспользоваться уваженіемъ, внушаемымъ древнею религіею; и съ другой стороны древней религіи было пріятно обновиться черезъ философію. Можно съ достовѣрностью сказать, что набожное чувство къ геніямъ или демонамъ пріобрѣло большое значеніе въ концѣ имперіи и принадлежало къ числу тѣхъ, которыя христіанству было впослѣдствіи всего труднѣе искоренить. Пришлось нарочно издать законъ, чтобы запретить его. «Никто, говоритъ императоръ Ѳеодосій, да не осмѣлится зажигать огня въ честь ларъ, предлагать вина геніямъ, ладану пенатамъ или вѣшать вѣнки на ихъ

---

85) *De deo Socr.*, 15. Еще Цицеронъ дѣлалъ это сближеніе, *Timaeus*, II.
86) Св. Авг., *De civ. Dei*, VII, 6.

алтари»[87]). Популярность, какою вѣрованіе въ демоновъ пользовалось у язычниковъ, окончательно доказывается тѣмъ, что оно привилось даже къ врагамъ язычества. Отцы Церкви приняли его безъ всякихъ колебаній, хотя и сдѣлали въ немъ очень важное измѣненіе, а именно: ученики Платона считали демоновъ вообще услужливыми и добрыми существами; для Отцовъ Церкви это злые духи, которымъ Богъ разрѣшаетъ обманывать людей. Но, постановивъ такое условіе, они уже нисколько не сомнѣваются въ ихъ существованіи и не оспориваютъ ихъ могущества. Съ помощью ихъ они объясняютъ всю языческую религію, какъ это дѣлали уже платоники. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между Тертулліаномъ и Апулеемъ; они выражаются совершенно одинаково. Оба они твердо вѣрятъ предсказаніямъ гадателей и принимаютъ всѣ чудеса. Тертулліанъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что весталка Клавдія носила воду въ рѣшетѣ[88]), точно такъ же, какъ Апулей былъ убѣжденъ, что бритва авгура Навія разрѣзала пополамъ камень: эти фокусы были выполнены демонами. «Они скрываются, говорилъ св. Кипріанъ, въ статуяхъ и изображеніяхъ боговъ, вдохновляютъ гадателей, оживляютъ жилки жертвъ, направляютъ полетъ птицъ, изготовляютъ жребіи при гаданіяхъ, заставляютъ говорить оракуловъ, посылаютъ сновидѣнія, смущающія насъ по ночамъ»[89]). Точно такимъ же образомъ представлялъ ихъ себѣ Апулей[90]).

Съ Апулеемъ римская философія достигла крайняго предѣла того развитія, которое мы намѣревалась изучить. Мы видѣли, что, начавъ открытою враждой къ религіи, она постепенно приближалась къ ней, пока не слилась съ нею вполнѣ. Во II-мъ вѣкѣ роли ихъ почти одинаковы. Въ это время философія, вѣроятно, производила въ высшихъ классахъ то же самое, что восточные культы производили въ народѣ, а именно: она находила причины допускать всякія народныя суевѣрія; способомъ же, какимъ она изображала Божество, она возбуждала потребность вѣрить и молиться и воспла-

---

[87]) Кодексъ Ѳеодосія, XVI, 10, 12.

[88]) Тертулл., *Apol.*, 22.

[89]) Св. Кипріанъ, *De idol. vanitate*, 7.

[90]) См. *De deo Socratis*, 6. Мнѣніе, выраженное св. Кипріаномъ и другими Отцами Церкви, о томъ, что демоны обитаютъ въ статуяхъ боговъ, находится въ одномъ сочиненіи, приписываемомъ Апулею и появившемся, конечно, до времени св. Августина (*Hermes*, 37).

меняла благочестіе. Такимъ образомъ, души получали со всѣхъ сторонъ одинаковыя внушенія, и можно сказать, что философы и жрецы, такъ долго враждовавшіе между собою, какъ будто сговорились для того, чтобы подготовить это общество, надъ которымъ они получили такую власть, къ принятію нарождавшагося великаго религіознаго движенія.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЕНА АНТОНИНОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Высшіе классы.

I.

Разнорѣчивыя мнѣнія писателей той эпохи о своихъ современникахъ.—Трудно дѣлать вѣрную оцѣнку своего времени.—Мнѣніе Ювенала.—Почему оно должно казаться подозрительнымъ.—Мнѣніе Плинія младшаго.—Почему его слѣдуетъ предпочесть.

Мы прослѣдили великіе труды философіи и чужеземныхъ культовъ впродолженіе почти двухъ вѣковъ; но, чтобы оцѣнить ихъ послѣдствія, намъ необходимо ознакомиться съ религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ общества временъ Антониновъ. Это изслѣдованіе требуетъ во всякомъ случаѣ нашего вниманія; вспомнимъ только, что это то самое общество, гдѣ впервые укоренилось христіанство, и что нѣтъ ничего важнѣе, какъ знать, на какой почвѣ оно прозябло и въ какой средѣ развилось.

Мы начнемъ, конечно, съ высшихъ классовъ, потому что они повсюду прежде всего бросаются въ глаза. Такъ какъ на нихъ бываютъ обыкновенно со всѣхъ сторонъ устремлены взоры, и такъ какъ примѣру ихъ стараются подражать низшіе, то они подконецъ становятся почти всегда мѣриломъ общественныхъ нравовъ, и по нимъ можно почти безошибочно судить о нравственномъ состояніи цѣлой страны. Кромѣ того, у нихъ и то еще преимущество, что мы можемъ даже изъ-дали ознакомиться съ ними; они оставляютъ о своемъ образѣ жизни и мыслей переживающія ихъ свидѣтельства, къ которымъ можно всегда легко прибѣгать. Такъ какъ книги пишутся преимущественно для людей образованныхъ, а эти больше всего встрѣчаются между незанятыми богатыми людьми, то литература служитъ большею частію картиной высшихъ классовъ, описывая ихъ нравы, из-

лагая ихъ мнѣнія, и по ней вполнѣ естественно судить о нихъ. Но здѣсь представляется важное затрудненіе: современные писатели не всегда одинаково оцѣниваютъ свое время и часто изображаютъ его въ совершенно различныхъ чертахъ; тамъ, гдѣ одинъ видитъ во всемъ предметъ осужденія, другой восхищается безъ конца, такъ что трудно становится произнесть свой приговоръ среди такихъ противоположныхъ взглядовъ. Таково именно наше положеніе вразсужденіи той эпохи, которую мы собираемся изучать. Большинство тогдашнихъ писателей относилось очень благосклонно къ своему времени. Объ общественномъ благополучіи (*felicitas temporum*) говорится не только въ оффиціальныхъ рѣчахъ, но и на памятникахъ и медаляхъ; историки и всякаго рода литераторы не выражаются иначе: то былъ вѣкъ Антониновъ, и когда они вспоминали о предшествовавшихъ императорахъ, то поздравляли себя съ тѣмъ, что живутъ въ царствованіе Траяна или Марка Аврелія. Противорѣчіе они встрѣчаютъ только въ одномъ человѣкѣ изъ своей среды; но, къ несчастію, голосъ его громче другихъ, и самъ онъ такъ терпокъ и вспыльчивъ и выражается съ такою страстностью, что въ концѣ концовъ сообщаетъ свои чувства своимъ слушателямъ. Затрудненіе становится очень велико, когда вы захотите согласовать мнѣнія этихъ писателей; они всѣ говорятъ о своемъ времени, какъ о счастливомъ вѣкѣ [1], и только одинъ Ювеналъ объявляетъ, «что въ эту пору достигли уже апогея порочности, такъ что потомству нечего будетъ къ тому прибавить» [2]).

Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что это противорѣчіе вовсе не такъ странно, какъ оно кажется. Для того, чтобы понять, какимъ образомъ Ювеналъ могъ имѣть о своемъ вѣкѣ другое понятіе, чѣмъ его современники, стоитъ только вспомнить, легко ли намъ самимъ согласиться во мнѣніяхъ относительно нашего вѣка. Каждый смотритъ на свое время посвоему, судя по своему возрасту, отношеніямъ и расположенію духа. Мы, конечно, всегда готовы уважать его, если оно относится съ уваженіемъ къ намъ самимъ, и невольно становимся къ нему строги, если оно не воздаетъ намъ того, чего мы, по нашему мнѣнію, заслуживаемъ. Устранимъ всѣ

---

[1]) *Beatissimi saeculi ortu*. Тацитъ, *Agric.*, 3.

[2]) Ювеналъ, I, 147. Эта сатира, такъ же какъ и почти всѣ другія, была написана при Траянѣ; Ювеналъ произноситъ свои страстныя обвиненія именно противъ эпохи Антониновъ, а не противъ Домиціана и его времени, какъ это думали См. Боргези, *Сочин.*, V, с. 509.

поводы къ ошибкамъ; представимъ себѣ небывалаго человѣка, не имѣющаго ни предвзятыхъ мыслей, ни страстей, и рѣшившагося искать одной истины и высказать ее; какъ онъ поступитъ для того, чтобы найти ее? Онъ утверждаетъ, что вѣкъ его добродѣтеленъ или развращенъ; какъ онъ можетъ это знать? До какой глубины проникли его изслѣдованія? Какъ далеко они простираются? И, прежде всего, что онъ называетъ своимъ вѣкомъ? Подъ этимъ именемъ разумѣется обыкновенно собраніе нѣсколькихъ лицъ, пользующихся возможностью привлекать къ себѣ взоры толпы, рисующихся передъ нею и развлекающихъ ее зрѣлищемъ своихъ дѣлъ. То, что г-жа Севинье называла «всей Франціей», было не болѣе, какъ какая-нибудь тысяча вельможъ. Внѣ этого замкнутаго міра ничто для нея не существовало, и по немъ одномъ она судила о своемъ времени. «Вся Франція» занималась любовными ухаживаніями въ царствованіе госпожъ Лавалльеръ и Монтеспанъ, и «вся Франція» сдѣлалась богомольна, когда старый король подчинился строгой любви г-жи де-Ментенонъ. Мы цѣнимъ своихъ современниковъ точно такъ, какъ г-жа Севинье относилась къ своимъ, и наши сужденія о нихъ не болѣе основательны, чѣмъ ея. Желая узнать нравы какого-нибудь времени, довольствуются обыкновенно тѣмъ, что изучаютъ нѣсколько лицъ, которыя были тогда въ модѣ, и составляли собою общественное мнѣніе; ими одними занимаются романы и театръ, и добрые люди, отправляющіеся теперь съ такимъ удовольствіемъ, чтобы послушать какую-нибудь извѣстную комедію, вовсе не подозрѣваютъ, что потомство будетъ судить о нихъ по тѣмъ піэсамъ, которымъ они апплодируютъ, и что черезъ нѣсколько столѣтій будутъ утверждать ученымъ тономъ, что въ наше время не было ни честныхъ финансистовъ, ни добродѣтельныхъ женщинъ, ни согласныхъ семей, такъ какъ нашимъ современнымъ драматическимъ писателямъ угодно изображать только одни мошенничества и прелюбодѣянія. Но это будетъ во всякомъ случаѣ справедливо; мы сами ничуть не вѣрнѣе судимъ о прошломъ, и насъ самихъ со временемъ будутъ судить точно такъ же.

Ювеналъ дѣйствительно моралистъ, и если мы иногда готовы думать, что романъ и театръ представляютъ одни вымышленные образы, зато моралисты внушаютъ намъ болѣе довѣрія. Обыкновенно это серьёзные и добросовѣстные люди; предполагается, что они очень точны, во всемъ ищутъ истины и высказываютъ ее; потому свидѣтельству ихъ вѣрятъ всегда охотно. Что касается меня, я не считаю ихъ безпогрѣшными. Несмотря на все свое же-

ланіе, они не могутъ избѣжать ошибокъ, и, къ несчастію, самые честные изъ нихъ могутъ иногда всего скорѣе обмануть насъ. Кто хочетъ проповѣдывать мораль своему времени, тотъ долженъ быть суровъ: а для того, чтобы быть увѣреннымъ въ дѣйствительности своихъ ударовъ, не лишнее будетъ наносить ихъ посильнѣе. Не рискуемъ ли мы быть несправедливыми, принимая подобные упреки въ буквальномъ смыслѣ? Нельзя сказать, чтобы моралисты были всего многочисленнѣе и казались всего недовольнѣе именно въ самые дурные вѣка; часто случается, что общество тѣмъ строже обвиняетъ себя, чѣмъ оно взыскательнѣе, и чѣмъ требовательнѣе въ немъ моральное чувство. Очень важно бранить себя, если даже не исправляешься, и послѣдняя степень испорченности состоитъ въ томъ, что ея не сознаютъ. Слѣдовательно, очень можетъ быть, что эпохи, наиболѣе себя обвиняющія, и о которыхъ мы составляемъ себѣ дурное мнѣніе потому, что полагаемся на ихъ признанія, въ сущности гораздо честнѣе эпохъ, не видящихъ своихъ ошибокъ или ничего не говорящихъ о нихъ.

Кромѣ того, у моралистовъ привычка судить о своемъ времени не столько потому, что въ немъ есть хорошаго, сколько по тому, что въ немъ дурно. Добро проходитъ обыкновенно незамѣченнымъ; никто не удивляется, встрѣтивъ честнаго человѣка или хорошую семью, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Напротивъ того, какой-нибудь безнравственный процессъ или громкое преступленіе привлекаютъ къ себѣ взоры именно потому, что они болѣе рѣдки. Одинъ скандалъ, о которомъ долго говорятъ, безъ труда разрушаетъ дѣйствіе сотни честныхъ и прозаическихъ семействъ, о которыхъ всѣ молчатъ. Вотъ почему, если зло составляетъ даже исключеніе, оно разсматривается, какъ общее правило. Эта иллюзія, жертвою которой бываетъ всегда большинство моралистовъ, часто обманывала Ювенала. Способъ, какимъ онъ рисуетъ картины своей эпохи, всегда одинаковъ: онъ не выдумываетъ изображаемыхъ имъ типовъ; выставляемые имъ характеры—дѣйствительные портреты; онъ беретъ какой-нибудь истинный анекдотъ, какой-нибудь точный, частный фактъ, и обобщаетъ его. Эппія бросаетъ своего мужа, сенатора и консуляра; она покидаетъ свою страну и дѣтей, чтобы слѣдовать въ Египетъ за любимымъ ею гладіаторомъ; развѣ это не доказываетъ, что всѣ римскія женщины имѣютъ страсть къ театральному люду? «Супругу, которую ты берешь, сдѣлаетъ матерью игрокъ на лирѣ

Эхіонъ, Глафиръ или флейтщикъ Амврозій [3])». Женщина лучшаго общества, Понція, ослѣпленная безумной любовью, умерщвляетъ двухъ своихъ сыновей, чтобы обогатить своего любовника. Понятно, что подобное событіе надѣлало много шума, и что въ Римѣ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль ни о чемъ больше не говорили. Ювеналъ заключаетъ изъ этого, что всѣ дѣти подвергаются опасности быть убитыми своими матерями. «Охраняйте свои дни, говоритъ онъ имъ; наблюдайте за тѣмъ, что вы ѣдите; въ превосходномъ блюдѣ, поданномъ вамъ материнскою рукою, можетъ скрываться ядъ. Приказывайте отвѣдывать всѣ подносимые вамъ куски, и пусть вашъ старый слуга отпиваетъ сначала изъ вашихъ кубковъ [4])». Не такъ ли разсуждаютъ и въ наше время нѣкоторые добрые люди, живущіе въ дали отъ свѣта и знающіе его лишь по блистательнымъ скандаламъ, прорывающимся отъ времени до времени и занимающимъ любопытныхъ? Имъ извѣстны только ошибки и преступленія, то-есть все необыкновенное и исключительное, и они отъ души вѣрятъ, что все остальное похоже на то, что они знаютъ.

По счастію, преувеличенія Ювенала выдаютъ сами себя. Предполагая, что онъ былъ всегда искрененъ, въ чемъ я не имѣю причины сомнѣваться, скажу, что у него были недостатки, не позволявшіе ему справедливо судить о своихъ современникахъ. Природа создала его неукротимымъ, пылкимъ, неспособнымъ соблюдать мѣру и воздержаніе. Быть можетъ, непріятности темной, неудавшейся жизни, обманутое честолюбіе, жестокіе удары самолюбія, глубокое чувство своего собственнаго значенія и горькое зрѣлище общественнаго равнодушія еще болѣе способствовали ожесточенію этой неукротимой души. Когда онъ, въ половинѣ своей жизни, сдѣлался сатирикомъ, сердце его было полно гнѣва, ненависти и зависти; всѣ эти чувства, которыхъ онъ не въ состояніи былъ сдержать, перелились черезъ край. «Могу ли я описать вамъ, говоритъ онъ намъ, какое бѣшенство сожигаетъ мою изсохшую печень [5])?» Все служитъ ему предлогомъ къ тому, чтобы выйти изъ себя. По поводу всего «онъ мѣшаетъ небо съ землею [6])», и никакъ не можетъ обуздать себя. Онъ не позволяетъ себѣ даже настоль-

---

3) Ювеналъ, VI, 76.
4) Ювен., VI, 629.
5) Ювен., I, 45: *Quid referam quanta siccum jecur ardeat ira?*
6) Ювен., II, 25.

ко досуга, чтобы зайти домой; онъ долженъ писать тамъ, гдѣ находится, на самомъ столбѣ перекрестка, гдѣ онъ, не долго дожидаясь, наполняетъ свои широкія таблички [7]). Ярость его, сразу бросающаяся въ крайность, не знаетъ постепенности. У него нѣтъ, какъ того желалъ Горацій, бича для пороковъ и лишь розогъ для недостатковъ [8]); онъ употребляетъ только одинъ бичъ и бьетъ имъ безъ разбору, куда попало. Онъ одинаковымъ тономъ нападаетъ на обжору, заплатившаго 200,000 сестерцій за рыбу-краснобородку, на гордеца, вздумавшаго защищать въ судѣ дѣло, нарядившись въ шелковое платье, и на воровъ и разбойниковъ по ремеслу. Онъ приходитъ въ одинаковое раздраженіе, завидѣвъ новыя носилки тучнаго адвоката Маѳана, исполненныя его важности, или встрѣтивъ по дорогѣ одну изъ тѣхъ честныхъ женщинъ, которыя не затрудняются освободиться отъ стѣсняющаго ихъ мужа, подмѣшавъ какого-нибудь ядовитаго снадобья въ его калесское вино [9]). Вслѣдствіе того ему случается подчасъ противорѣчить самому себѣ, подобно всякому, кто пишетъ болѣе по внушенію темперамента, нежели разума, и слишкомъ увлекается первыми душевными движеньями [10]); изъ самыхъ сатиръ его можно даже извлечь доказательство, что время его было вовсе не такъ дурно, какъ онъ говоритъ, и мы увидимъ, какъ, жестоко нападая на него, онъ самъ даетъ оружіе тѣмъ, кто хочетъ его защитить.

Другой способъ убѣдиться въ преувеличеніяхъ Ювенала, какъ мы уже видѣли, состоитъ въ томъ, чтобы противопоставить его современникамъ. Улики, получаемыя имъ отъ другихъ, еще важнѣе его невольныхъ самоуличеній. Можно положительно сказать, что никто изъ нихъ не судилъ общества своего времени такъ строго, какъ онъ. Тацитъ не слыветъ за снисходительнаго мора-

---

7) Ювен., I, 63.

8) Горац., *Sat.*, I, 3, 119.

9) Всѣ эти картины взяты изъ первой сатиры.

10) Одинъ изъ главнѣйшихъ упрековъ, съ какимъ онъ обращается въ VI сатирѣ къ женщинамъ, состоитъ въ томъ, что онѣ овладѣваютъ мужскими занятіями; онъ жестоко нападаетъ на нихъ за то, что онѣ «сильны въ веденіи процессовъ, въ составленіи записокъ о дѣлѣ, въ чемъ могутъ даже иногда поспорить съ юрисконсультомъ Цельзомъ» (VI, 242). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ совершенно противное; въ одной сатирѣ онъ выводитъ женщину (II, 51), очень рѣшительно защищающую свой полъ противъ мужщинъ: «Развѣ мы помѣшаны на процессахъ? говоритъ она имъ. Развѣ мы знатоки въ крючкотворствѣ? Развѣ мы подымаемъ гвалтъ въ вашихъ судахъ»? Гдѣ же истина?

листа, его даже часто обвиняютъ въ излишней горечи при оцѣнкѣ людей и событій. Но онъ все-таки произнесъ нѣсколько похвалъ своему времени: «Не все прежде было лучше, говоритъ онъ; и нашъ вѣкъ произвелъ добродѣтели и таланты, достойные того, чтобы ихъ впослѣдствіи предлагали въ образецъ [11])». Не таково мнѣніе Ювенала. Слушая его, подумаешь, что въ томъ свѣтѣ, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ больше честныхъ людей, или что ихъ такъ мало, что о нихъ не стоитъ говорить. «Число ихъ не превосходитъ числа воротъ Ѳивъ или даже числа устьевъ Нила [12])». Тацитъ знаетъ и называетъ ихъ гораздо больше; даже говоря объ эпохѣ Домиціана, которой онъ далеко не польстилъ, онъ приводитъ нѣсколько хорошихъ примѣровъ и благородныхъ характеровъ [13]). Но сатирамъ Ювенала болѣе всего и на каждомъ шагу противорѣчатъ письма Плинія; просто, трудно повѣрить, что эти два писателя жили въ одинаковую эпоху,—такъ различно они описываютъ свой вѣкъ. Я знаю, что Плинія можно отчасти обвинить въ чрезмѣрной снисходительности; уже въ его время находили, что онъ слишкомъ хвалитъ своихъ друзей: «Принимаю упрекъ, говорилъ онъ съ милою шутливостью, и ставлю его себѣ въ честь. Предполагая, что они не совсѣмъ таковы, какъ я о нихъ говорю, я счастливъ тѣмъ, что воображаю ихъ себѣ такими, какими описываю ихъ. Предоставляю другимъ несносную проницательность; не мало есть людей, которые нападаютъ на своихъ друзей для того, чтобы показать, что они не способны вдаться въ обманъ. Что касается меня, то меня никогда не увѣрятъ, будто я слишкомъ много люблю тѣхъ, кого люблю [14])». Итакъ, мы уже знаемъ, въ чемъ дѣло, и онъ самъ принялъ на себя трудъ предупредить насъ. Онъ слишкомъ хорошо смотрѣлъ на все; быть можетъ, онъ принадлежалъ отчасти къ тѣмъ людямъ, надъ которыми насмѣхался его учитель Квинтиліанъ «и которые называли умѣньемъ жить (humanitas) глупую привычку говорить другъ другу на каждомъ шагу комплименты [15])». Слѣдовательно, для того, чтобы знать истину, надо нѣсколько уменьшить эту всегдашнюю благосклонность и измѣнить легко раздаваемыя похвалы рѣчамъ, произносимымъ въ сенатѣ и

---

[11]) Тацитъ, *Ann.*, III, 55.

[12]) Ювен., XIII, 26.

[13]) Тац., *Hist.*, I, 3: *Non tamen adeo virtutum sterile saeculum ut non et bona exempla prodiderit. etc.*

[14]) Плин., *Epist.*, VII, 28.

[15]) Квинт., II, 2, 10.

небольшимъ стихотвореніямъ, декламируемымъ въ читальняхъ; но, сдѣлавъ такія сокращенія, можно, не задумываясь, сказать, что вѣкъ Траяна находится гораздо болѣе въ письмахъ Плинія, нежели у Ювенала. Ювеналъ сатирикъ, то-есть одинъ изъ тѣхъ людей, которые недовольны по профессіи, которые создавъ себѣ, такъ сказать, спеціальность порицать ошибки своихъ современниковъ, всюду находятъ такія ошибки. Да имъ и не трудно находить ихъ при небольшомъ стараніи. Такъ какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ добро смѣшано со зломъ, они обыкновенно указываютъ только на зло; они постоянно выставляютъ намъ на видъ сомнительныя причины добрыхъ дѣлъ и мелочныя стороны великихъ людей. Напротивъ того, Плиній вовсе не гнался за тѣмъ, чтобы быть моралистомъ и сдѣлался имъ случайно; издавая свои письма къ друзьямъ, онъ руководился тщеславіемъ, а вовсе не желалъ описывать намъ тотъ свѣтъ, среди котораго жилъ. Природная доброта заставляла его иногда смотрѣть на вещи съ хорошей стороны, но у него не было никакой предвзятой системы. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что факты, приводимые Плиніемъ, вѣрны, и что восхваляемые имъ люди, хотя онъ, быть можетъ, и слишкомъ ихъ расхваливалъ, стоили же однако похвалы. Онъ не захотѣлъ бы подвергнуться непріятнымъ изобличеніямъ, такъ какъ желалъ издать свои письма еще при жизни; напротивъ того, онъ желалъ согласоваться во всемъ съ общественнымъ мнѣніемъ и всего чаще судилъ одинаково съ нимъ, чтобы заслужить его одобреніе, которымъ онъ очень дорожилъ. Замѣтимъ при этомъ, что письма Плинія производятъ почти такое же впечатлѣніе, какъ переписка Фронтона; оба они, нисколько не желая судить своего времени, даютъ намъ о немъ одинаковое понятіе; а ихъ время раздѣлено лишь нѣсколькими годами, и оба писателя описываютъ одно и то же общество при его началѣ и концѣ; одинъ жилъ на зарѣ вѣка Антониновъ, другой видѣлъ его послѣдніе годы. Сходство оставленныхъ ими описаній окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ сущности они совершенно вѣрны. Итакъ, мнѣ кажется, что можно, не задумываясь, слѣдовать за Плиніемъ, чтобы посѣтить это общество, которое онъ такъ хорошо зналъ и такъ умно описалъ.

II.

Недостатки высшаго общества того времени, открываемые при чтенiи Плинiя.—Политическая апатiя.—Литературный педантизмъ.—Вѣра въ астрологiю и магiю.—Качества, въ которыхъ ему трудно отказать.—Это общество сдѣлалось религiознѣе и проще. — Значительное число находящихся въ немъ честныхъ людей.

Мнѣ кажется, что письма Плинiя даютъ очень ясное понятiе объ его времени. Несправедливо было бы сказать, что онъ скрываетъ его недостатки; они видны изъ нихъ почти столькоже, какъ и хорошiя качества. Такъ, напримѣръ, по нимъ можно видѣть, до какой степени это общество потеряло охоту къ общественнымъ дѣламъ. Притѣсняемое впродолженiе цѣлаго вѣка отвратительными властителями, оно не могло подняться даже и тогда, когда времена сдѣлались менѣе суровы. Оно прiобрѣло непреодолимую привычку повиноваться и давать собою управлять и стало неспособно руководить само собою. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ насильственной смерти Домицiана, Тацитъ жаловался на неподвижность умовъ, не пробуждавшихся такъ скоро, какъ бы онъ того желалъ; онъ съ грустью говорилъ, «что, по слабости нашей природы, лѣкарства дѣйствуютъ не такъ скоро, какъ болѣзни, и что подобно тому, какъ тѣла медленнѣе ростутъ, нежели разрушаются, точно такъ же легче задушить дѣятельность умовъ, нежели оживить ее». Но изъ словъ его видно, что онъ еще хотѣлъ надѣяться. «Сердце, говорилъ онъ, уже начинаетъ возвращаться къ намъ» [16]). Онъ ошибался: сердце никогда не должно было возвратиться къ этому истощенному поколѣнiю, что доказываютъ письма Плинiя. Несмотря на свой всегдашнiй оптимизмъ, онъ не можетъ не видѣть политической апатiи своихъ современниковъ. Онъ замѣчаетъ, что, благодаря продолжительному рабству, всѣ преданiя исчезли, и даже утратилась память о древнихъ обычаяхъ, которые могли бы удержать въ извѣстныхъ границахъ произволъ власти. Въ прежнее время молодые люди учились, глядя на другихъ: въ лагеряхъ, на форумѣ они знакомились съ обычаями, исполнявшимися на ихъ глазахъ. Но молодежи, выросшей при Домицiанѣ, было неизвѣстно это благодѣтельное воспитанiе примѣрами. У нея передъ глазами былъ только трепещущiй и нѣмой сенатъ, кото-

---

[16]) Тац., *Agric.*, 3.

рый собирали только для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ или сдѣлать его участникомъ какого-либо преступленія, такъ что всѣ души были на долго ослаблены и разбиты» [17]. Это было ясно замѣчено, когда имперія перешла въ болѣе честныя руки. Сенатъ, привыкшій подслуживаться, не умѣлъ дѣлать хорошаго употребленія изъ предоставленной ему власти. Выборы превратились въ настоящіе скандалы: если баллотировка была публичная, прибѣгали къ постыднымъ проискамъ, если она была секретная, позволяли себѣ непристойныя шутки [18]. Всѣ соперничали между собою въ низкой лести властелину. Когда онъ говорилъ, слова его прерывались бѣшеными рукоплесканіями; когда онъ умолкалъ, сенаторы вскакивали съ своихъ мѣстъ, какъ бы не будучи въ состояніи удержать восторгъ, бросались передъ нимъ на колѣна и восклицали всѣ вмѣстѣ: «Какъ мы счастливы»! или: «Пусть боги любятъ тебя такъ, какъ ты насъ любишь!» [19]. Не трудно повѣрить, что эти сцены не нравились Траяну, и онъ дѣйствовалъ вполнѣ искренно, стараясь помѣшать имъ. Этотъ храбрый воинъ, обладавшій большимъ здравымъ смысломъ, желалъ возвратить хоть немного энергіи управляемому имъ народу: онъ хорошо зналъ, что рабство не можетъ быть школою мужества. Онъ уговаривалъ сенаторовъ, передаетъ Плиній, сдѣлаться свободнѣе [20]; но они не откликались на этотъ призывъ. Сановники, которыхъ онъ назначалъ или заставлялъ назначать, не принимались никѣмъ ни за что серьёзное. Надо было имѣть наивность Плинія, чтобы, будучи народнымъ трибуномъ, считать себя чѣмъ-то важнымъ [21]; другіе разсуждали посвоему о получаемыхъ ими должностяхъ, они усердно стремились къ нимъ, какъ къ лестнымъ отличіямъ, но исполняли ихъ небрежно, потому что онѣ не доставляли никакой дѣйствительной власти. Въ самомъ дѣлѣ, не стоило труда отрываться для такихъ пустяковъ «отъ сладкихъ досуговъ» [22], которые всѣ такъ любили; благодаря этому, все падало, болѣе чѣмъ когда-либо, на императора [23]. Такъ жило, при отеческомъ правленіи Антониновъ, это изящное и изнѣженное общество, ко-

---

17) Плин., *Epist.*, VIII, 14, 8

18) *Epist.*, III, 20.

19) *Paneg.*, 72 и 73.

20) *Paneg.*, 66.

21) *Epist.*, I, 23.

22) *Inertiae dulcedo*. Тац., *Agric.*, 3.

23) Плин., *Epist.*, IV, 25.

торое до такой степени привыкло, чтобы имъ управляли, что даже потеряло охоту управлять самимъ собою, и считало себя счастливымъ, что повинуется добрымъ государямъ, будучи впередъ готово выносить дурныхъ и поощряя ихъ ко всевозможному произволу своимъ терпѣніемъ и выносливостью. Когда Коммодъ замѣнилъ собою Марка Аврелія, они удивились этому не болѣе, «чѣмъ еслибъ послѣ многихъ счастливыхъ годовъ засуха или наводненіе опустошили землю» [24], и рѣшились дожидаться возвращенія хорошаго времени.

Отсутствіе серьёзныхъ занятій побуждало заниматься мелочами. Эти ничего не дѣлающіе люди придавали до смѣшнаго важное значеніе законамъ свѣтскости и вѣжливости. Плиній замѣчалъ это, несмотря на всю свою снисходительность къ своему вѣку. «Удивительная вещь, писалъ онъ одному изъ друзей, какъ проводится время въ Римѣ. Возьмите каждый день отдѣльно и вы не найдете ни одного, который съ виду не казался бы наполненнымъ; пересмотрите ихъ всѣ вмѣстѣ, и вы удивитесь до какой степени они пусты. Если вы спросите кого-нибудь: что вы сегодня дѣлали? онъ отвѣтитъ вамъ: я былъ сегодня у одного знакомаго, который давалъ тогу совершеннолѣтія своему сыну; я присутствовалъ на одномъ обрученіи или свадьбѣ; меня просили подписать духовное завѣщаніе, быть свидѣтелемъ по одному дѣлу или подать совѣтъ въ одномъ спорѣ. Каждая изъ этихъ вещей въ тотъ день, когда ее дѣлали, казалась необходимою. Но если вспомнить, что онѣ безпрестанно повторяются, онѣ покажутся крайне безполезными» [25]). Вмѣсто того, чтобы тратить время на такія пустыя занятія, лучше было учиться и писать. Среди дѣлъ литература кажется пріятнымъ развлеченіемъ въ часы досуга; для этого незанятого общества она стала главнымъ дѣломъ въ жизни. Плиній любилъ ее страстно; она утѣшала его во всѣхъ разочарованіяхъ и помогала ему терпѣливо выносить болѣзни своей жены и слугъ. «Что бы ни случилось со мною счастливаго, говорилъ онъ, съ нею счастіе мое становится больше; что бы я ни испытывалъ печальнаго,— благодаря ей, печаль моя становится менѣе мучительна» [26]). Ему хотѣлось, чтобы друзья его чувствовали такую же горячую любовь къ литературѣ. «Оставь, писалъ онъ одному изъ

---

24) Тац., *Hist.*, IV, 74. Этотъ совѣтъ Церіалисъ далъ Тревирамъ.
25) *Epist.*, I, 9. См. также у Сенеки, *De tranq. animi*, 12.
26) *Epist.*, VIII, 19.

нихъ, предавшемуся, по его мнѣнію, слишкомъ усердно своимъ домашнимъ дѣламъ. оставь эти низкія и грубыя заботы и предайся всецѣло литературѣ. Пусть она будетъ твоимъ занятіемъ и досугомъ, твоей работою и отдыхомъ; посвящай ей время своего бодрствованія и даже свой сонъ» [27]). Но такія увѣщанія были вовсе не нужны; никогда въ Римѣ не отдавали столько времени литературѣ. Почти всѣ лица, упоминаемыя въ письмахъ Плинія, занимаются ею. Между ними мы видимъ государственныхъ людей, старыхъ генераловъ, которые не только выступаютъ любителями поэзіи, но и сами ею занимаются. Аррій Антонинъ, дѣдъ Антонина Пія, писалъ греческія эпиграммы; три раза бывшій консуломъ. Спуринна, находясь въ отставкѣ, сочинялъ оды, а Вергиній Руфъ, отказавшійся быть императоромъ, писалъ небольшія стихотворенія. Писатели сдѣлались дотого многочисленны и до такой степени часто сзывали публику слушать свои произведенія, что утомили, наконецъ, ея снисходительное вниманіе, и читальныя залы часто оставались пусты. Одинъ Плиній никогда не утомлялся. Онъ всегда находилъ время послушать какое-нибудь новое произведеніе и былъ очень счастливъ, когда ему только представлялся случай поапплодировать. «Въ этотъ сезонъ, говоритъ весело онъ, у насъ была богатая жатва поэтовъ. Во весь апрѣль мѣсяцъ не проходило ни одного дня безъ какого-нибудь чтенія. Я счастливъ, видя, что науки у насъ уважаются, и что писатели стараются показывать свои таланты» [28]). Обыкновенно говорятъ, что эпохи, не интересующіяся политикой, благопріятны для литтературы; примѣръ римскаго общества II-го вѣка доказываетъ, повидимому, противное. Потерявъ охоту къ дѣламъ, общественный умъ значительно понизился; онъ утратилъ чувство дѣйствительной красоты; восхищеніе его вызывалось иногда мелкими произведеніями остроумія; онъ апплодировалъ поэтамъ, которые, желая получше подражать древнимъ, давали прокрадываться въ свои сочиненія устарѣвшимъ формамъ и сухимъ стихамъ [29]). Для формы забывалось содержаніе; риторика, долженствовавшая служить подготовкой къ краснорѣчію, замѣняла собою самое краснорѣчіе. Вмѣсто того, чтобы декламировать только въ юности, съ цѣлью научиться говорить на форумѣ и въ сенатѣ. не

---

[27]) *Epist.*, I, 3.
[28]) *Epist.*, I, 13
[29]) *Epist.*, I, 16, 5.

выходили больше изъ школы и декламировали во всю свою жизнь. Самые серьёзные люди поощряли своимъ присутствіемъ подобную выставку празднословья [30]), и Плиній говорилъ совершенно искренно, что нѣтъ ничего лучше, какъ заниматься въ старости тѣмъ, чѣмъ занимался въ молодые годы [31]). Здѣсь мы видимъ начало того требовательнаго педантическаго поколѣнія, идоломъ котораго былъ Фронтонъ. Оно начинаетъ показываться уже въ письмахъ Плинія и достигаетъ полной зрѣлости въ письмахъ Марка-Аврелія и его учителя.

Корреспонденція Плинія показываетъ намъ, кромѣ того, дочего люди были въ то время религіозны, и до какой крайней степени легковѣрія даетъ себя доводить набожность. Несмотря на свою любовь къ философіи, это общество не сопротивляется постепенно усиливающемуся потоку народныхъ вѣрованій. Трудно, должно быть, не подчиняться имъ, если они столь сильно овладѣваютъ такимъ умнымъ и просвѣщеннымъ обществомъ. Нельзя не удивляться, видя, что именно съ тѣхъ поръ, какъ Цицеронъ написалъ свой трактатъ о *гаданіи*, вѣра во все чудесное сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ когда-либо; дѣйствительно, ничто лучше не доказываетъ безсилія великихъ людей, когда они хотятъ перечить своему вѣку и измѣнить его направленіе. Горацій также желалъ, чтобы мудрецъ смѣялся надъ снами, чудесами, гадателями и волшебниками [32]); его, однако, не слушали; послѣ него чудеса и сны пріобрѣтаютъ больше значенія, чѣмъ когда-либо, и мудрецы вѣрятъ имъ такъ же, какъ и другіе. Прошло немного лѣтъ послѣ его смерти, когда Манилій,—человѣкъ, у котораго замѣчались иногда проблески генія, написалъ свою странную поэму объ астрологіи, полную энтузіазма и искренности и напоминающую подчасъ пламенное убѣжденіе Лукреція. При Тиберіи гадатели стекаются въ Римъ изо всѣхъ странъ; ихъ преслѣдуютъ, сажаютъ въ тюрьму, изгоняютъ, сѣкутъ розгами за городской оградою, свергаютъ съ Тарпейской скалы [33]), но никакъ не могутъ уничтожить. «Это порода людей, говоритъ Тацитъ, обманывающая всѣ власти, побораюющая всякія самолюбія и которая, будучи постоянно изгоняема изъ Рима, все-таки продолжаетъ держаться въ немъ» [34]). Преслѣдованіе только увеличи-

---

[30]) *Epist.*, VI, 6.

[31]) *Epist.*, II, 3, 6.

[32]) Горац., *Epist.*, II, 2, 208.

[33]) Тац., *Ann.*, II, 2.

[34]) *Hist.*, I. 22.

вало ихъ значеніе; къ побывавшимъ въ тюрьмѣ обращались всего охотнѣе. «Если какой-нибудь изъ нихъ едва не погибъ, если онъ носилъ тяжелыя цѣпи, если онъ возвращался полумертвый съ Серифской скалы», онъ могъ разсчитывать, что больше всѣхъ обманетъ народу, и никто уже не сомнѣвался болѣе въ его оракульскихъ изреченіяхъ [35]). Совѣщаться съ ними считалось уголовнымъ преступленіемъ, но всѣ такъ нетерпѣливо выносили господство владыки, всѣ чувствовали такое утомленіе отъ настоящаго и съ такимъ жаднымъ любопытствомъ желали знать будущее, что даже рисковали жизнью, лишь бы только увидѣть его хоть въ мечтахъ. Въ это время гадатели дѣлаются до такой степени необходимы всѣмъ, что самъ государь, ненавидящій и изгоняющій ихъ, имѣетъ своего собственнаго, съ которымъ никогда не разстается, котораго заставляетъ трепетать передъ собою и передъ которымъ самъ, въ свою очередь, трепещетъ [36]). Но что вошло въ употребленіе еще больше, чѣмъ гаданья, такъ это магія. Талантъ гадателя ограничивается тѣмъ, чтобы по нѣкоторымъ знакамъ узнавать божескую волю и приговоры судьбы, онъ предвидитъ будущность и возвѣщаетъ ее, но онъ не измѣняетъ того, что должно быть. Магикъ обладаетъ такими секретами, которые нудятъ повиноваться ему, и природу, и боговъ. Онъ останавливаетъ теченіе рѣкъ, заставляетъ луну покрываться облаками, а солнце—ускорять или замедлять свой ходъ; и, что всего важнѣе, онъ воскрешаетъ мертвыхъ и совѣтуется съ ними. Изъ всѣхъ желаній, терзающихъ это неспокойное поколѣніе, самое пламенное состоитъ въ томъ, чтобы вопрошать мертвецовъ. При Тиберіи Скрибанію Либону вмѣнили въ преступленіе подобную попытку [37]). Неронъ попробовалъ то же самое, и Плиній замѣчаетъ, что ему это могло всего лучше удасться: армянскій царь Тиридатъ привезъ ему самыхъ искусныхъ магиковъ Востока, а государю, имѣвшему у своихъ ногъ весь свѣтъ, было легко достать все необходимое для жертвоприношеній [38]). Около того же времени Луканъ, любившій угождать вкусу публики, изобразилъ въ своей поэмѣ одно изъ такихъ загробныхъ вызываній. Онъ описываетъ въ ней волшебницу, которая бросается на умирающихъ и добиваетъ ихъ, дѣлая видъ, будто даетъ имъ послѣд-

---

35) Ювен., VI, 562.

36) Тац., *Ann.*, VI, 21.

37) Тац., *Ann.*, II, 28.

38) Плин., *Hist. nat.*, XXX, 1, 5.

ній поцалуй; которая въ то время, какъ они кончаются, шепчетъ имъ на ухо приказанія, посылаемыя ею въ адъ; выкапываетъ изъ земли трупы и вытаскиваетъ у нихъ глаза изъ охладѣвшихъ глазныхъ впадинъ, перегрызаетъ зубами веревку повѣшенныхъ, вырываетъ куски мяса у распятыхъ и заставляетъ отвѣчать себѣ мертвецовъ [39]). Это тѣ же самыя мрачныя фантазіи, которыя заставятъ трепетать всѣ средніе вѣка. Воображенію нравились эти страшныя и чудесныя картины, ими наполнены всѣ романы, дошедшіе до насъ отъ того времени. Петроній съ величайшимъ удовольствіемъ разсказываетъ исторіи объ оборотняхъ [40]); въ началѣ своихъ *метаморфозъ* Апулей приводитъ своего молодаго и легковѣрнаго героя въ страну волшебства, Ѳессалію. Ему разсказываютъ о чудесахъ, и онъ слушаетъ съ жадностью: ему говорятъ о волшебницѣ, превратившей своего возлюбленнаго—въ бобра, трактирщика — въ лягушку и адвоката — въ барана. Взволнованный всѣмъ слышаннымъ, онъ бросаетъ на все любопытные и испуганные взоры. Ему кажется, что деревья и скалы имѣютъ странныя формы, онъ спрашиваетъ себя, не кровь ли течетъ въ фонтанахъ, ему представляется, будто статуи вотъ-вотъ начнутъ ходить, а стѣны—говорить, онъ прислушивается, не сходитъ ли съ неба голосовъ, чтобы возвѣстить людямъ будущность [41]). Эти романы писались для самаго избраннаго общества того времени; пріобрѣтенный ими успѣхъ доказываетъ намъ, какіе призраки осаждали въ ту пору воображеніе.

Подобное настроеніе присуще въ это время всѣмъ; самъ Тацитъ не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ него; было уже замѣчено, что въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ онъ безпрестанно колеблется между возвышеннымъ ученіемъ философовъ и предразсудками толпы. Въ ту самую минуту, когда онъ, повидимому, одобряетъ евреевъ за то, что они признаютъ единаго Бога и не воздвигаютъ ему статуй, онъ обвиняетъ, какъ въ преступленіи, людей, принимавшихъ эти вѣрованія, за то, что они покидаютъ религію своей страны [42]). Онъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать, что онъ дѣйствительно думаетъ. Здѣсь онъ кажется положительно скептикомъ: онъ даетъ понимать, что боги

---

39) *Phars.*, VI, с. 438 и сл.

40) Петр., *Sat.*, 62.

41) Апул., *Metam.*, II, 1.

42) *Hist.*, V, 5.

не занимаются міромъ и равнодушно относятся, какъ къ добру, такъ и къ злу [43]; въ другомъ мѣстѣ онъ является вѣрующимъ человѣкомъ и чуть не одобряетъ тѣхъ, кто по поводу священныхъ легендъ говоритъ, что «гораздо почтеннѣе вѣрить, нежели стараться знать» [44]). Относительно гадателей и волшебниковъ мы замѣчаемъ въ немъ тѣ же колебанія: астрологія у него то суевѣріе [45]), то искусство [46]). Иногда онъ колеблется передавать слышанныя имъ чудеса и замѣчаетъ съ небольшимъ лукавствомъ, что ихъ всего больше и видятъ тогда, когда всего сильнѣе боятся [47]). При взятіи приступомъ Кремоны, уцѣлѣлъ только одинъ храмъ Мефитиды: было ли это чудо? Тацитъ ясно не высказывается: «Храмъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ, говоритъ онъ намъ, или своему положенію, или могуществу богини» [48]); изъ этихъ двухъ объясненій можно выбирать любое. Но обыкновенно онъ болѣе снисходитъ къ общественному легковѣрію. Онъ согласенъ съ тѣмъ, «что въ серьёзномъ сочиненіи не слѣдуетъ искать слишкомъ много чудеснаго», но прибавляетъ, что «если преданія принимаются всѣми съ полною вѣрою, онъ не дерзнетъ относиться къ нимъ, какъ къ баснямъ» [49]). Подъ этимъ предлогомъ онъ безъпощады разсказываетъ намъ рѣшительно всѣ чудеса, и между прочимъ передаетъ очень серьёзно, будто Веспасіанъ вылѣчилъ одного паралычнаго и одного слѣпаго въ храмѣ Сераписа; можно ли въ этомъ сомнѣваться? «Это подтверждаютъ такіе самовидцы, которымъ нѣтъ уже никакого разсчета лгать» [50]). Если Тацитъ, одинъ изъ самыхъ твердыхъ умовъ этого поколѣнія, обнаруживаетъ столько довѣрія къ этимъ баснословнымъ исторіямъ, то очень легко понять, какимъ крайнимъ легковѣріемъ увлекались остальные. Плиній пишетъ длинное письмо ученому Сурѣ, чтобы узнать его мнѣніе относительно того, можно ли вѣрить видѣніямъ. Хотя онъ какъ будто и колеблется, но ясно, что онъ убѣжденъ вполнѣ, такъ какъ онъ

---

43) *Ann.*, XVI, 33.

44) *Germ.*, 34.

45) *Hist.*, II, 78.

46) *Ann.*, IV, 58.

47) *Hist.*, I, 86.

48) *Hist.*, III, 33: *loco seu numine defensum.*

49) *Hist.*, II, 50: *Ut conquirere fabulosa et fictis oblectare legentium animos procul gravitate caepti operis crediderim, ita vulgatis traditisque demere fidem non ausim.*

50) *Hist.*, IV, 81.

очень серьёзно передаетъ исторіи о привидѣніяхъ, кажущіяся ему вполнѣ достовѣрными [51]). Нѣкоторыхъ непріятно поражало стараніе Светонія упоминать въ своихъ біографіяхъ обо всѣхъ болѣе или менѣе странныхъ чудесахъ, предвѣщающихъ великія событія; можно было бы думать, что, если онъ ихъ собираетъ и передаетъ, то его побуждаетъ къ этому простое любопытство ученаго; но это не такъ: онъ просто самъ вѣритъ имъ. Въ жизни онъ былъ почти столькоже суевѣренъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ написалъ однажды Плинію, который былъ его адвокатомъ, чтобы тотъ взялъ отсрочку по одному дѣлу, которое велъ передъ центумвирами, такъ какъ одно сновидѣніе напугало его относительно успѣха предпріятія [52]). Это общество много занималось снами; самыя избранныя и образованныя лица безъ всякихъ колебаній смотрѣли на нихъ, какъ на извѣщенія, прямо посылаемыя богами [53]). Менѣе честные люди, ставившіе себя въ жизни выше всякихъ сомнѣній совѣсти, также не отступали отъ общихъ вѣрованій. Доносчикъ Регулъ часто приносилъ жертвы; у него были гаруспиціи, съ которыми онъ совѣщался объ исходѣ затѣянныхъ имъ процессовъ [54]), и въ свѣтѣ его столько же знали за его набожность, сколько боялись его дерзости [55]).

Конечно, литературный педантизмъ, политическій индифферентизмъ и особенно суевѣріе—большіе недостатки. Переписка Плинія доказываетъ намъ, до какой степени ими было заражено высшее общество Рима; но не забудемъ и того, что эти недостатки бываютъ часто не болѣе, какъ хорошія качества, доведенныя до крайности. Хотя это общество придаетъ смѣшную важность снамъ, хотя оно дѣлаетъ глупости, совѣщаясь съ астрологами и магиками, но оно, по крайней мѣрѣ, религіозно. Въ этомъ нельзя сомнѣваться [56]): Плиній говоритъ о богахъ не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ, и незамѣтно, чтобы вокругъ него было много невѣрующихъ [57]). Мы видѣли, что обряды культа всѣми

---

[51]) *Epist.*, VII, 27.

[52]) *Epist.*, I, 18.

[53]) *Epist.*, III, 5; V, 5.

[54]) *Epist.*, VI, 2.

[55]) Марц., I, 112.

[56]) Впрочемъ, Ювеналъ отрицаетъ это; но свидѣтельство его значительно ослабляется тѣмъ, что онъ говоритъ, будто эпоха Цицерона была религіознѣе эпохи Траяна, и будто въ то время никто не осмѣливался презирать боговъ или улыбаться древнему культу Нумы. *Sat.*, VI, 342.

[57]) См., что говоритъ Плиній по поводу бога Клитумна. *Epist.*, VIII, 8.

вточности исполнялись. Люди, прочитавшіе нѣсколько эпиграммъ Марціала, вѣроятно, очень удивятся, когда узнаютъ, что онъ молился каждое утро [58]). Дурно, конечно, имѣть пристрастіе къ риторикѣ и плохимъ стихамъ; но любить литературу хорошо, а ее, быть можетъ, никогда такъ не любили, какъ въ то время. Плиній говоритъ по поводу ритора Изея, къ которому онъ относится съ величайшей похвалой, что нѣтъ вообще никого искреннѣе, наивнѣе и честнѣе, какъ эти люди школы и науки [59]). Нѣчто подобное было, кажется, и въ этомъ обществѣ, такъ ревностно предававшемся наукѣ и такъ охотно возвращавшемся въ школу. Оно было честнѣе и, главнымъ образомъ, проще того, которое ему предшествовало. Тацитъ, подтверждая это, приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ причины подобной перемѣны: «Прежде, говоритъ онъ, семейства, соединявшія богатство съ знатнымъ происхожденіемъ и извѣстностью, безо всякой сдержки предавались роскоши. Но когда потекли потоки крови, и когда блестящая извѣстность стала смертнымъ приговоромъ, опасность образумила людей. Кромѣ того, новые сенаторы, вызываемые ежедневно изъ муниципій, колоній и даже изъ провинцій, вносили въ Римъ экономію своей страны, и къ какой пышности случай или талантъ ни приводили ихъ подъ старость, они продолжали сохранять свои прежнія привычки [60])». Переписка Плинія можетъ служить поясненіемъ къ этому отрывку изъ Тацита. Письма его, такъ же какъ и письма Цицерона, были обращены къ самымъ важнымъ лицамъ въ Римѣ; но со времени Цицерона римское общество совершенно переродилось. Знатныя семейства, господствовавшія впродолженіе всей республики, почти совершенно исчезли; чуть ли не всѣ друзья Плинія носятъ новыя имена. На мѣсто древней знати, скошенной завистью Цезарей, явилась новая, происходившая преимущественно изъ провинцій. Лица, которымъ Плиній пишетъ письма, большею частію родомъ изъ муниципій Италіи, Галліи и Испаніи. Они видѣли у себя лучшіе примѣры, нежели въ столицѣ имперіи, и, поселяясь въ Римѣ, приносили съ собою болѣе простыя наклонности и болѣе честные нравы. «Онъ изъ Бриксіи, говоритъ Плиній, рекомендуя одного молодаго человѣка, то-есть изъ такой страны, гдѣ сохра-

---

58) *Epigr.*, IV, 90.

59) *Epist.*, II, 3: *scholasticus tantum est, quo genere hominum nihil aut sincerius, aut simplicius, aut melius.*

60) Тац., *Ann.*, III, 55.

нилось еще много воздержности, умѣренности и даже прежняго сельскаго духа [61])». Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ одномъ изъ своихъ друзей, получившемъ какую-то муниципальную должность въ ближней Испаніи, онъ прибавляетъ: «вамъ извѣстны благоразуміе и степенность этой провинціи [62])». Всего важнѣе то, что эта новая знать утратила большею частію привычки къ роскоши и расточительности, окончательно раззорившія прежнюю [63]). Жизнь ея была проще, время охотно проводилось въ семействѣ, и примѣръ этого шелъ свыше. Траянъ жилъ какъ частное лицо въ своемъ убѣжищѣ *Centumcellae* (сто комнатъ, нынѣ *Чавита-Веккія*), гдѣ собиралъ своихъ друзей. Обѣды его были скромны, изрѣдка оживлялись музыкой, а чаще всего пріятными бесѣдами, продолжавшимися до глубокой ночи [64]). И въ этомъ случаѣ письма Плинія приготовляютъ насъ къ письмамъ Фронтона. Простота Траяна послужила примѣромъ другимъ; Антонинъ Пій, ненавидѣвшій этикетъ и находившій величайшее удовольствіе ѣздить на сборъ винограда въ помѣстья своихъ друзей, хотѣлъ, повидимому, учредить какое-то буржуазное царство; окружающіе его были не только незнакомы съ роскошью, но даже и съ удобствами жизни. Маркъ Аврелій разсказываетъ, что въ туманные дни у него было холодно въ комнатѣ, и что онъ нашелъ у себя однажды въ постели скорпіона.

Итакъ, это общество, судя по описанію Плинія, было вообще просто, добропорядочно и честно; читая его, нельзя подозрѣвать, что это то самое общество, къ которому Ювеналъ отнесся съ такою строгостью. Конечно, въ немъ есть еще дурные люди, нѣсколько прежнихъ доносщиковъ, огорченныхъ тѣмъ, что они не могутъ больше вредить, нѣсколько правителей провинцій, грабившихъ подначальный имъ людъ [65]); но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько здѣсь пріятныхъ обликовъ, благородныхъ фигуръ, сколько

---

61) *Epist.*, I, 14.

62) *Epist.*, II, 13.

63) Ювеналъ подтверждаетъ эту перемѣну общественныхъ нравовъ, когда жалуется съ такою горечью на то, что богачи сдѣлались экономны, и сожалѣетъ о тѣхъ временахъ, когда какой-нибудь Пизонъ или Котта посылали столько подарковъ своимъ бѣднымъ кліэнтамъ (V, 109), а какой-нибудь Меценатъ, Фабій, Лентулъ считали своею обязанностью кормить и дарить деньгами поэтовъ (VII, 94).

64) Плин., *Epist.*, VI, 31.

65) *Epist.*, I, 5.

любезныхъ и изящныхъ свѣтскихъ людей, добрыхъ къ слугамъ своимъ, преданныхъ своимъ друзьямъ, вѣрныхъ своимъ убѣжденіямъ. Выше было приведено злое выраженіе Ювенала, будто въ Римѣ осталось столько же честныхъ людей, сколько въ Ѳивахъ воротъ или даже сколько у Нила устьевъ. Очевидно, что онъ не далъ себѣ труда хорошенько поискать ихъ. Въ томъ очаровательномъ свѣтѣ, съ которымъ насъ знакомитъ Плиній, и который не составляетъ еще всего римскаго общества, легко было бы найти ихъ гораздо больше. Можно было бы составить даже длинный списокъ ихъ и помѣстить во главѣ его немногихъ людей, оставшихся отъ прежней эпохи, какъ, напримѣръ, Спуринну, этого мудраго старца, удалившагося со службы, проводившаго время отставки въ степенныхъ занятіяхъ наукою и желавшаго, подобно великимъ людямъ XVII вѣка, установить нѣкоторый промежутокъ между жизнью и смертью [67]); Вергинія Руфа, отказавшагося быть императоромъ послѣ Нерона и подвергшагося вслѣдствіе своей скромности бо́льшимъ опасностямъ, чѣмъ онъ могъ бы подвергнуться, если бы былъ тщеславенъ. Затѣмъ можно было бы помѣстить поколѣніе, выросшее при Домиціанѣ, пострадавшее отъ его жестокости или трепетавшее ея, этихъ современниковъ и друзей Плинія, встрѣтившихъ съ такою радостью кроткое время Антониновъ: Юлія Маврика, брата благороднаго Арулена Рустика,—Юлія, котораго Нерва вызвалъ изъ ссылки чтобы сдѣлать его своимъ сотрапезникомъ и совѣтчикомъ; Кореллія Руфа, энергическую личность среди изнѣженнаго вѣка, который, получивъ ужасную болѣзнь, выносилъ, по его собственнымъ словамъ, всѣ страданія въ надеждѣ пережить Домиціана, и лишилъ себя жизни, когда тотъ умеръ [68]); Эруція Клара, «безупречнаго человѣка, достойнаго древнихъ временъ [69])»; К. Септиція, самаго искренняго, прямаго и вѣрнаго изъ людей [70]); Помпея Квинтіана, глубоко преданнаго тѣмъ, кого онъ любилъ [71]); Тиція Аристона, знаменитаго юрисконсульта, неистощимаго ученаго, «который, не посѣщая портиковъ и гимназій, не теряя ни своего, ни чужаго времени въ

[66]) III, 9.

[67]) Плиній говоритъ это о другой великой личности того времени, о Помпоніи Бассѣ, старѣвшемся такъ же, какъ Спуринна: *prima vitae tempora et media patriae, extrema nobis impertire debemus. Epist.*, IV, 23.

[68]) I, 12.

[69]) II, 9, 4.

[70]) II, 9, 5.

[71]) IX, 9.

щекотливыхъ спорахъ, тѣмъ не менѣе былъ выше всѣхъ завзятыхъ мудрецовъ, по своему прямодушію, благочестію, любви къ справедливости и силѣ воли [72])». Сюда слѣдовало бы также помѣстить ту честную и дѣятельную молодежь, патрономъ которой былъ Плиній, и которая вела тяжбы въ судахъ, служила при Траянѣ въ дунайскихъ легіонахъ и находила время сочинять латинскіе и греческіе стихи между двумя походами. Итакъ, мы находимся какъ нельзя быть дальше отъ мрачныхъ картинъ Ювенала. Можно ли сказать, что поэтъ умышленно обманываетъ насъ, предлагая намъ образы, созданные его фантазіей? Не думаю; упреки, дѣлаемые имъ своему вѣку имѣютъ нѣкоторое основаніе; не выдумывалъ же онъ передаваемыхъ имъ преступленій и именъ преступниковъ. Я допускаю, что все, имъ разсказываемое, происходило такъ, какъ онъ говоритъ; но что же надо изъ этого заключить? Что въ этомъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, добро и зло были перемѣшаны между собою, и что порокъ встрѣчался рядомъ съ добродѣтелью. Такова судьба человѣчества, и никому не можетъ прійти въ голову, чтобы II вѣкъ избѣгъ этого общаго закона. Но еслибъ мы хотѣли узнать, что именно брало перевѣсъ въ этомъ обществѣ, и кого въ немъ было больше, добродѣтельныхъ людей или злодѣевъ, то надо сознаться, что подобный разсчетъ очень трудно въ точности произвесть, и что каждый производитъ его посвоему. Ювеналъ энергически утверждаетъ, что вокругъ него одни только злодѣи, и положительно говоритъ, что его вѣкъ хуже желѣзнаго [73]); напротивъ того, Плиній, кажется, думаетъ, что число честныхъ людей въ немъ больше, и мы видѣли, что есть нѣкоторое основаніе считать его мнѣніе болѣе справедливымъ.

III.

Возвышенная идея моралистовъ того времени о долгѣ и добродѣтели.—Моральныя теоріи Ювенала.—Практическія послѣдствія этихъ теорій.—Судьба раба улучшается.—Начинаютъ заниматься воспитаніемъ дѣтей.—Учрежденіе общественныхъ школъ.—Начинаютъ заботиться о бѣдныхъ.—*Питательныя учрежденія* Траяна. — Какимъ образомъ занимаются благотворительностью высшіе классы.

Сознаюсь, однако, что въ умѣ могутъ остаться нѣкоторыя сомнѣнія; Плиній, такъ же какъ и Ювеналъ, не дѣлаетъ никакого точ-

72) I, 22.
73) *Sat.*, XIII, 28.

наго разсчета; онъ судитъ по своимъ впечатлѣніямъ, а впечатлѣнія его могутъ быть обманчивы. Но у насъ есть, по счастію, другой и, помоему, гораздо вѣрнѣйшій способъ произвесть оцѣнку того, что можно назвать нравственнымъ темпераментомъ какой-нибудь эпохи; способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы рѣшительно переходить отъ практики къ теоріи и стараться узнать, не какъ въ то время жили, что всегда очень трудно схватить, но какъ думали, что надо жить, какого идеала добродѣтели старались достичь, что думали объ отношеніи людей между собою и объ ихъ обязанностяхъ къ низшимъ и высшимъ, какихъ качествъ общественное мнѣніе требовало отъ честнаго человѣка и на какихъ условіяхъ оно давало ему это имя.

Если разсматривать вѣкъ Антониновъ съ этой стороны, то онъ кажется выше. Даже тѣ, кто наиболѣе вѣритъ нападкамъ Ювенала, будутъ принуждены согласиться, что ни одно общество по своимъ моральнымъ теоріямъ не приближалось до такой степени къ совершенству. Противъ этого невозможно сдѣлать никакого возраженія, и если бы кто-нибудь вздумалъ выражать сомнѣнія, то самъ Ювеналъ постарался бы опровергнуть ихъ. Самъ того не зная, онъ даетъ намъ оружіе противъ себя и, думая вредить своему времени, позволяетъ намъ отдавать ему справедливость. Этотъ нахальный сатирикъ дѣлается по временамъ самымъ строгимъ философомъ и самымъ деликатнымъ моралистомъ. Напримѣръ, онъ строго осуждаетъ тѣхъ, кто жестокъ съ своими рабами, отказывая имъ въ холодное время въ туникѣ, запирая и колотя ихъ за малѣйшій проступокъ, и «для кого звуки ударовъ бича болѣе сладкая музыка, нежели пѣніе сиренъ» [74]). Горацій также запрещаетъ дурно обходиться съ ними, но для него это не болѣе, какъ обязанность относительно общества, предлагаемая имъ благовоспитаннымъ свѣтскимъ людямъ; если они хотятъ казаться таковыми, они не должны пылить на слугъ, точно такъ же, какъ не должны наливать своимъ гостямъ нечистой воды въ грязные стаканы [75]). Но для Ювенала это человѣческая обязанность; онъ хочетъ, чтобы въ рабѣ уважали человѣка, «такъ какъ ихъ души и наша, говоритъ онъ, состоятъ изъ одинаковыхъ началъ» [76]). Никто въ древности не имѣлъ и такого возвышеннаго понятія о семей-

---

[74]) *Sat.*, XIV, 19.
[75]) Горац., *Sat.*, II, 2, 66.
[76]) *Sat.*, XIV, 15.

ствѣ, какъ Ювеналъ; никто не относился съ большей нѣжностью къ дѣтямъ, никто такъ не уважалъ ихъ возраста и не заботился о томъ, какіе примѣры имъ надо подавать и отъ какихъ зрѣлищъ оберегать ихъ. «Удаляй, говоритъ онъ, отъ порога, гдѣ ростетъ твой ребенокъ, все, что можетъ оскорблять его уши и взоры. Подальше отъ него безпутныхъ женщинъ! Подальше ночныя пѣсни подъѣдалъ. Нельзя слишкомъ уважать дѣтство. Готовясь сдѣлать что-либо постыдное, въ минуту паденія вспомни о невинности своего сына, и да сохранитъ тебя мысль о немъ» [77]). Ювеналъ находитъ, что у насъ есть даже обязанности относительно незнакомыхъ людей и враговъ; онъ не желаетъ, чтобы имъ воздавали зломъ за зло, и такъ же жестоко осуждаетъ мщеніе, какъ это сдѣлалъ бы христіанинъ. Глупцы считаютъ его самымъ сладкимъ благомъ жизни; Ювеналъ называетъ его «удовольствіемъ слабой и посредственной души» [78]). Мы слишкомъ хорошо отомщены, предоставляя виновнаго его собственнымъ угрызеніямъ и отдавая его «тому палачу, котораго онъ денно и нощно носитъ въ своемъ сердцѣ» [79]). Уже Теренцій и Виргилій прославляли ту всеобщую симпатію, которая помимо личныхъ интересовъ, и родственныхъ или дружескихъ связей, заставляетъ человѣка страдать, глядя на страданія себѣ подобныхъ, и считать ихъ несчастія своими, потому только что они люди; но у нихъ это было не болѣе, какъ трогательное размышленіе. Ювеналъ настаиваетъ на этой мысли и развиваетъ ее въ великолѣпныхъ стихахъ. «Человѣкъ рожденъ для состраданія, это заявляетъ сама природа; она дала ему слезы, эту лучшую принадлежность человѣка. Да, природа этого хочетъ, и человѣкъ долженъ плакать, когда увидитъ передъ судьями своего друга, растерявшагося и въ безпорядочномъ одѣяніи. Да, природа стонетъ въ насъ, когда мы встрѣчаемъ похоронную процессію молодой дѣвушки или видимъ, какъ зарываютъ въ землю маленькаго ребенка. Найдется ли дѣйствительно честный человѣкъ, который могъ бы думать, что несчастія его ближнихъ не трогаютъ его? Этимъ именно мы и отличаемся отъ звѣрей; въ первые дни творенія Богъ, нашъ Создатель, даровалъ животнымъ только

---

77) *Sat.*, XIV, 44. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, я пользуюсь превосходнымъ переводомъ г. Депуа, измѣняя его, какъ можно меньше.

78) *Sat.*, XIII, 190: *infirmi est animi exiguique voluptas.*

79) *Sat.*, XIII, 198

жизнь; людямъ онъ далъ душу для того, чтобы взаимная привязанность влекла ихъ помогать другъ другу» [80]).

Эти великія мысли Ювеналъ заимствовалъ у философіи. Она провозгласила устами Хрисиппа, что мщеніе есть преступленье, заставила сказать Сенеку, что рабъ тоже человѣкъ, и повторяла ежедневно черезъ стоиковъ, что всѣ люди братья. Ювеналъ не былъ философомъ по ремеслу и его, вѣроятно, надо причислить къ тѣмъ, о которыхъ онъ говоритъ, что они получали уроки только отъ жизни [81]); но въ то время никто, каково бы ни было его происхожденіе и прошлое, не избѣгалъ философіи, какъ теперь никто не можетъ не подчиняться христіанству, даже оспоривая его. Сатиры Ювенала доказываютъ намъ, что въ этотъ моментъ она вышла изъ сочиненій и школъ учителей и всюду проторгалась, овладѣвала умами и устанавливала общія мнѣнія, среди которыхъ цѣлыя поколѣнія принуждены были жить и которыя они вдыхали въ себя какъ воздухъ.

Довольно того, что провозглашаемыя ею начала вошли въ міръ и что они принимались и повторялись людьми, вовсе не считавшими себя за философовъ; но остановилось ли на этомъ дѣло? Служили ли эти начала простыми украшеніями сочиненій или точно стали понемногу оказывать нѣкоторое практическое вліяніе? И на это намъ отвѣтятъ письма Плинія. На этотъ разъ они согласуются съ сатирами Ювенала; вмѣсто того, чтобы противорѣчить имъ, они ихъ дополняютъ и показываютъ, что благородныя идеи, внушавшія поэту его прекрасные стихи, перешли изъ книгъ въ жизнь. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать съ помощью переписки Плинія, что тогдашнее общество старалось сообразовать свое поведеніе съ его мнѣніями, и что гуманныя мнѣнія, встрѣчавшіяся съ рукоплесканіями въ школахъ и сочиненіяхъ извѣстныхъ авторовъ, не вѣчно оставались простыми правилами и теоріями. Я докажу это впослѣдствіи на рабахъ; я покажу, насколько улучшилась въ то время ихъ участь, и какъ самый законъ, уступая давленію общественнаго мнѣнія, призналъ, наконецъ, вмѣстѣ съ Сенекою и Ювеналомъ, что нѣтъ никакой разницы между природою раба и свободнаго человѣка. Сію минуту я привелъ прекрасные стихи сатирика, въ которыхъ видна такая нѣжная забота о дѣтяхъ; все общество занималось ими такъ же, какъ и онъ.

---

[80]) *Sat.*, XV, 131.
[81]) *Sat.*, XIII, 20.

Сенека и Тацитъ полны глубокихъ и вѣрныхъ размышленій о воспитаніи; оно составляло предметъ изученія для тогдашнихъ мудрецовъ, и въ школахъ обсуждались уже теоріи *Эмиля* Руссо. Въ своей одушевленной рѣчи философъ Фаворинъ совѣтовалъ матерямъ, самимъ кормить своихъ дѣтей: «Не оскорбляете ли вы природу, говорилъ онъ имъ, не въ половину ли вы только матери, далеко отбрасывая отъ себя своего ребенка въ ту самую минуту, какъ дали ему жизнь? Имѣетъ ли смыслъ кормить кровью своей внутренности что-то неизвѣстное и не кормить его больше своимъ молокомъ, когда видишь его живымъ передъ собою, и когда это уже человѣкъ»? [82]) Совѣты эти были услышаны, и мы видимъ, что въ это время женщины гордятся въ своихъ эпитафіяхъ тѣмъ, что сами выкормили своихъ сыновей [83]), а сыновья напоминаютъ на гробницахъ своихъ матерей, что онѣ были ихъ кормилицами [84]). Такая нѣжность къ дѣтямъ тѣмъ болѣе достойна замѣчанія, что это было почти новое чувство. Цицеронъ очень жестко говоритъ въ своихъ *Тускуланахъ*: «Если ребенокъ умираетъ очень молодымъ, въ этомъ легко утѣшаются; если онъ умираетъ въ колыбели, этимъ даже не занимаются вовсе» [85]); и самъ онъ, говоря о бѣдномъ ребенкѣ своей дочери, родившемся семимѣсячнымъ и вскорѣ послѣ того умершемъ, выражается съ отталкивающею сухостью и холодностью [86]). Сенека съ своей стороны находитъ очень естественнымъ и разумнымъ топить дѣтей, рождающихся слабыми и уродливыми [87]). При Антонинахъ мнѣнія измѣнились и нравы смягчились. Достаточно взглянуть на письма Фронтона, чтобы убѣдиться въ нѣжной привязанности Марка Аврелія къ своимъ дѣтямъ. Какъ они ни малы, но

---

82) Авлъ Геллій, XII; 1.

83) Орелли, 2677.

84) Момсенъ, *Inscr. Neap.*, 1092.

85) *Tusc.*, I, 39.

86) *Ad. Atticum*, X, 18, 1.

87) *De ira*, I, 15: Право отцовъ убивать своихъ новорожденныхъ дѣтей было, повидимому, ограничено или уничтожено, вѣроятно, въ эпоху Антониновъ; но Тертулліанъ говоритъ, что не было закона, нарушаемаго болѣе безнаказанно (*Apol.* 9, *Ad. nat.*, 15). Тацитъ удивляется, что этотъ отвратительный обычай не существуетъ ни у евреевъ, ни у германцевъ (*Hist.* V, 5, *Germ.*, 19). Августъ безъ всякихъ колебаній приказалъ казнить ребенка своей дочери, подозрѣвая въ немъ плодъ прелюбодѣянія (Свет. *Aug.*, 65). Этотъ обычай былъ окончательно уничтоженъ только при христіанскихъ императорахъ.

болѣзни ихъ мучатъ его. Надо видѣть, съ какою грустью онъ говоритъ о горловыхъ жабахъ своихъ дочерей и объ упорномъ кашлѣ, мучащемъ «его милаго маленькаго Антонина» [88]). Этотъ прелестный маленькій выводокъ, какъ онъ ихъ называетъ [89]), занимаетъ его почти столько же, сколько имперія; чтобы навѣрное ему угодить, стоитъ только заговорить о нихъ, и Фронтонъ въ своихъ письмахъ къ нему, никогда не забываетъ поклониться «маленькимъ дамамъ» и попросить поцѣловать за него «ихъ толстенькія ножки и крошечныя ручки» [90]).

Заботливость о ребенкѣ, пока онъ находится въ колыбели, увеличивается по мѣрѣ того, какъ онъ ростетъ. Ему ищутъ наставника; это очень важное дѣло [91]), въ которомъ принимаютъ участіе всѣ друзья дома. Чтобы найти наставника для любимыхъ имъ людей, Плиній обращается къ Тациту и проситъ его поискать между учеными лицами, собирающимися вокругъ него, благодаря его извѣстности [92]); или самъ идетъ слушать знаменитыхъ профессоровъ, снова поступаетъ въ школу и садится посреди молодыхъ людей, радуясь, что возвратился къ этому веселому возрасту, когда самъ былъ школьникомъ [93]). Онъ разсказываетъ съ большими подробностями, какъ узнавъ, что въ его родной странѣ, Комѣ, нѣтъ учителей, вслѣдствіе чего дѣтей посылаютъ учиться въ Миланъ, онъ убѣдилъ отцовъ семействъ соединиться между собою, чтобы на брать необходимую сумму для учрежденія у себя общественныхъ школъ [94]). Въ это время устройство школъ сдѣлалось всеобщею заботою; государство впервые сознало необходимость заботиться объ общественномъ образованіи. До тѣхъ поръ оно не обращало на это вниманія, чему очень удивлялись такіе мудрецы, какъ Полибій и Цицеронъ [95]). Имперія исправила такую забывчивость республики. Веспасіанъ первый назначилъ жалованье греческимъ и латинскимъ риторамъ [96]). Біографъ Адріана говоритъ, что этотъ императоръ «почтилъ и обогатилъ всякаго рода преподавателей, а если онъ

---

88) *Ad. Anton. imp.*, I, 1 (изд. Набера).

89) *Ibid*: *in nidulo nostro.*

90) *Ad. Marc. Caes.*, IV, 12.

91) Плин., *Epist.*, II, 18, 4: *super tanta re.* Ювеналъ негодуетъ на одного отца, „для котораго сынъ менѣе всего дорогъ“ (*Sat.*, VII, 187).

92) *Epist.*, IV, 13, 10.

93) *Epist.*, II, 18.

94) *Epist.*, IV, 13.

95) Циц., *De republ.*, IV, 3.

96) Свет., *Vesp.*, 18.

находилъ, что они неспособны исполнять свою должность, то удалялъ ихъ съ каѳедръ, предварительно хорошо расплатившись съ ними» [97]). Онъ устроилъ въ Римѣ, въ самомъ Капитоліи, нѣчто въ родѣ университета или академіи, подъ названіемъ *Атеней*, куда собирались слушать знаменитыхъ ораторовъ и поэтовъ [98]). Антонинъ Пій назначилъ отличія и денежныя награды риторамъ и философамъ во всѣхъ провинціяхъ [99]), а Маркъ Аврелій учредилъ и снабдилъ деньгами четыре философскія каѳедры въ Аѳинахъ; каждый изъ учителей долженъ былъ преподавать начала какой-нибудь отдѣльной школы и получалъ 10,000 драхмъ изъ государственнаго казначейства [100]). Любопытно видѣть, какъ это движеніе, проявившееся сначала въ сочиненіяхъ философовъ и въ ихъ урокахъ и въ стихахъ поэтовъ, сообщилось такимъ путемъ свѣтскимъ людямъ и увлекло за собою общественное мнѣніе, какъ оно вліяло на частную жизнь и отозвалось потомъ на законодательствѣ имперіи, такъ что то, что было вначалѣ просто нѣжною заботою о воспитаніи дѣтей, сдѣлалось подконецъ системою общественнаго образованія, распространившеюся по всему свѣту.

Мы увидимъ то же явленіе въ другомъ еще болѣе важномъ вопросѣ. Вы помните, вѣроятно, приведенный мною чудесный отрывокъ изъ Ювенала, гдѣ онъ напоминаетъ людямъ, что они братья и обязаны помогать другъ другу. Въ то время это было чувствомъ всѣхъ честныхъ людей. Большою ошибкою было бы думать, будто языческая древность была незнакома съ благотворительностью и не занималась ею; во всѣ времена думали, «что это добродѣтель, болѣе всего подходящая къ человѣческой природѣ» [101]) и что богачъ приноситъ самому себѣ честь, если дѣлится своимъ богатствомъ съ другими. Но причины, побуждавшія прежде людей къ великодушію, были не тѣ же самыя, какія въ настоящее время внушаютъ намъ милосердіе. Въ Римѣ благотворительность долго считалась гражданскимъ и государственнымъ долгомъ. Въ этомъ аристократическомъ обществѣ почести принадлежали, кажется, по праву рожденія. По общему мнѣнію эдилемъ или консуломъ долженъ былъ почти всегда быть потомокъ знатнаго рода;

---

97) Спарт., *Hadr.*, 16.

98) Авр. Викторъ, *Caes.*, 14.

99) Капит., *Ant.*, II.

100) Филостратъ, *Vitae sap.*, II, 2. Целлеръ, *Philos. der Griech.*, III, 608.

101) Циц., *De offic*, I, 14: *qua quidem nihil est naturae humanae accommodatius.*

но въ то же время считалось приличнымъ, чтобы избранный возблагодарилъ и заплатилъ какимъ-нибудь образомъ за избраніе, которымъ его почтила толпа. Онъ долженъ былъ кормить и забавлять ее, праздновать игры, строить памятники и раздавать деньги или съѣстные припасы. Передъ самимъ собою и передъ своими предками онъ былъ обязанъ вести роскошный образъ жизни, и малѣйшее подозрѣніе въ разсчетливости безвозвратно погубило бы его въ глазахъ какъ равныхъ, такъ и низшихъ людей [102]). Щедрость его простиралась иногда на весь народъ. М. Сей, во время одного продолжительнаго голода, нашелъ возможность устроить такъ, чтобы цѣна хлѣба не превышала одного аса за четверикъ [103]), и это приносило ему величайшую честь. Въ то же время очень понятно, что приближенные этихъ важныхъ лицъ получали бо́льшія выгоды отъ ихъ щедрости. Они считали своею обязанностью не давать ни въ чемъ нуждаться своимъ вольноотпущенникамъ и кліэнтамъ; въ домѣ богача не должно было быть бѣдняковъ; благосостояніе людей, окружавшихъ его и составлявшихъ какъ бы его дворъ, свидѣтельствовало объ его великодушіи, между тѣмъ какъ бѣдность ихъ была бы постыднымъ доказательствомъ его скупости. Эта республиканская знать во все время своего существованія считала долгомъ чести быть расточительной относительно всѣхъ, кто приближался къ ней. Одинъ вольноотпущенникъ М. Аврелія Котты, жившаго при Августѣ, говоритъ намъ въ своей надгробной надписи, что его господинъ дарилъ ему нѣсколько разъ по 400,000 сестерцій (80,000 франковъ), что его щедрость поощрила его жениться и обзавестись семьею, и что впослѣдствіи онъ покровительствовалъ также его сыну и давалъ приданое его дочерямъ, какъ родной отецъ [104]). Таковы были въ это время обязанности вельможи, и тотъ, кто аккуратно выполнялъ ихъ, сильно рисковалъ раззориться. Это именно и случилось съ Коттою и со многими другими [105]).

---

102) Туберонъ, въ качествѣ стоика, любившій простоту, не былъ сдѣланъ преторомъ за то, что слишкомъ просто угостилъ народъ на похоронахъ своего дяди, Сципіона Африканскаго. Циц., *Pro Murena*, 36.

103) Циц., *De offic.*, II, 17.

104) *Annal, de l'Inst. arch.*, 1865, с. 1.

105) Котта раззорился вслѣдствіе своихъ расходовъ (Тац., *Ann.* VI, 7), а сынъ его былъ принужденъ жить пенсіей отъ Нерона (Тац., *Ann.*, XIII, 34). Это одинъ изъ тѣхъ, чью щедрость восхваляетъ и оплакиваетъ Ювеналъ (V. 109; VII, 94).

Къ концу республики появляются другія понятія, и эта пышная аристократическая благотворительность перестаетъ казаться наилучшею. Цицеронъ, обозвавъ расточительными людьми тѣхъ, кто раззоряется на народные пиры и зрѣлища, прибавляетъ: «Дѣйствительно щедрый человѣкъ употребляетъ свое богатство на выкупъ плѣнныхъ, на уплату за своихъ друзей долговъ и на помощь имъ давать приданое дочерямъ, копить деньги или увеличивать имущество [106]). Само собою разумѣется, что дѣйствуя такимъ образомъ, богачъ все-таки думаетъ исполнять обязанности гражданина, «ибо, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Цицеронъ, выкупать плѣнныхъ, обогащать бѣдныхъ значитъ тоже служить государству» [107]). Между тѣмъ предпочтеніе, оказываемое этой скромной и безкорыстной щедрости передъ щедростью ко всему народу, служившею не болѣе, какъ платою за полученныя почести, указываетъ на то, что благотворительность начинаетъ одушевляться новымъ чувствомъ. «Платить выкупъ за несчастныхъ, попавшихъ въ руки пиратовъ, защищать сиротъ и вдовъ, погребать иностранцевъ и бѣдныхъ» [108]), учитъ философія. Она провозглашаетъ, что всѣ люди—братья, и что они не только члены одного государства, а прежде всего жители одного міра, который есть всеобщее государство; вслѣдствіе того она поставляетъ имъ въ обязанность помогать несчастнымъ не какъ согражданамъ, но какъ людямъ. Съ этихъ поръ гуманность присоединяется къ политикѣ, чтобы внушать всѣмъ великодушіе. Конечно, въ это время еще думаютъ, что близкіе къ намъ люди, соединенные съ нами узами родства или кліэнтства, имѣютъ особенное право на наши благодѣянія. Виргилій помѣщаетъ въ аду лишь тѣхъ, «кто не дѣлился своимъ богатствомъ съ ближними» [109]). Но уже начинаютъ говорить, что благотворительность должна простираться дальше этого. Наставленія философовъ принимаютъ общій характеръ, и они требуютъ, чтобы великодушіе простиралось даже на людей неизвѣстныхъ и совершенно неинтересныхъ. Горацій, обращаясь къ одному моту, тратящему деньги на хорошіе обѣды, говоритъ ему: «Развѣ ты не могъ бы сдѣлать изъ нихъ лучшаго употребленія? Зачѣмъ въ то

---

106) *De offic.*, II, 16.

107) *De offic.*, II, 18.

108) Лактанцій соглашается съ тѣмъ, что философы предлагали подобную щедрость IV, 12.

109) VI, 611: *nec partem posuere suis.* Въ эпитафіяхъ находятся иногда слѣдующія выраженія: *omnibus meis bene feci.* Фабретти; с. 21 и 122.

время, какъ ты богатъ, остается столько несчастныхъ, которые не заслуживаютъ быть ими» [110]? Сенека выражается еще обстоятельнѣе: «Мы помогаемъ, говоритъ онъ, людямъ, высаживающимся въ нашихъ пристаняхъ и уѣзжающимъ оттуда на завтра; мы даемъ судно потерпѣвшему кораблекрушеніе для того, чтобы онъ могъ возвратиться домой. Онъ уѣзжаетъ, почти не зная имени своего спасителя и не надѣясь никогда больше встрѣтиться съ нимъ; уѣзжая, онъ можетъ только довѣрить свою благодарность богамъ, прося ихъ воздать во имя его за полученное имъ благодѣяніе» [111]). Дѣйствуя такимъ образомъ, великодушный человѣкъ не хлопочетъ о томъ, чтобы заручиться покровительствуемыми лицами или кліэнтами; онъ просто хочетъ исполнить человѣческую обязанность: «онъ даетъ, какъ человѣкъ человѣку, *ut homo homini*» [112]).

Эти правила не остались заключенными въ книгахъ философовъ; они имѣли практическое приложеніе, которое очень важно указать. Начиная со II вѣка новый характеръ благотворительности ощущается даже въ государственной щедрости. До тѣхъ поръ, раздавая хлѣбъ римской черни, императоры имѣли единственною цѣлью поддерживать въ ней повиновеніе; своею щедростью они покупали себѣ безопасность. Но Антонины повинуются уже болѣе возвышеннымъ чувствамъ. Это особенно замѣтно въ той великой системѣ законной благотворительности, которая называется «питательными учрежденіями» и которая была самымъ главнымъ дѣломъ Нервы и Траяна [113]). Оно состояло въ ежемѣсячной раздачѣ помощи дѣтямъ бѣдныхъ семействъ Рима и Италіи. Въ Римѣ это учрежденіе было только прибавлено къ тѣмъ, которыя существовали еще прежде; очеркъ его былъ набросанъ еще при Гракхахъ, у него были прецеденты и образцы, такъ что не приходилось собственно вводить ничего новаго.

Здѣсь удовольствовались тѣмъ, что къ двумъ стамъ тысячамъ

---

110) Гор., *Sat.*, II, 2, 103: *Cur eget indignus quisquam, te divite?*

111) Сен., *De benef.*, IV. II, 3.

112) Сен., *De clem.*, II, 6, 3.

113) Питательное учрежденіе относится къ числу тѣхъ, о которыхъ писатели говорятъ очень мало и мы знали бы о немъ немного, еслибъ не существовало эпиграфіи; всего болѣе мы ознакомились съ нимъ изъ надписи *Ligures Baebiani*, на которую г. Генценъ написалъ очень важный комментарій (*Ann. de l'Inst. arch.*, 1844), и по надписи въ Велейѣ, изученной г. Дежарденомъ (*De tabulis alimentariis*). Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я изложилъ вкратцѣ трудъ г. Генцена.

гражданъ, питавшихся казеннымъ хлѣбомъ, прибавили пять тысячъ дѣтей, которымъ оказали ту же милость. Съ ними поступали точно такъ же, какъ съ взрослыми, раздавая имъ *tessera* или контромарки, гдѣ было написано въ какой день и въ какое именно мѣсто они должны были явиться въ портикъ Минуція, чтобы получить назначенную имъ мѣру хлѣба. Но въ Италіи, не принимавшей до тѣхъ поръ участія въ императорскихъ щедротахъ, приходилось начинать все съизнова. Чтобы упрочить эту помощь и сдѣлать ее доступною для большинства, прибѣгли къ слѣдующему способу. Первые расходы дѣлалъ императоръ; онъ жертвовалъ иногда значительныя суммы тѣмъ городамъ, гдѣ хотѣлъ ввести питательное учрежденіе: Велейя получила отъ Траяна въ два раза 1,116,000 сестерцій, тоесть болѣе 200,000 фр. Съ помощью остроумной комбинаціи деньги эти въ каждомъ городѣ отдавались взаймы за умѣренные проценты [114]) тамошнимъ крупнымъ землевладѣльцамъ подъ залогъ ихъ имѣній. Такимъ образомъ помогали и земледѣлію, доставляя ему необходимые капиталы. Проценты съ нихъ служили для того, чтобы снабжать пищею «бѣдныхъ дѣтей». Помощь раздавалась имъ то натурою, то деньгами. Въ Велейѣ мальчики получали въ мѣсяцъ 16 сестерцій (3 франка и 20 сантимовъ), а дѣвочки 12 сестерцій (2 фр. и 40 сант.). Подобная щедрость можетъ показаться довольно умѣренною, но надо вспомнить, что мальчики имѣли на нее право со дня рожденія до восемнадцати лѣтъ, а дѣвочки— до четырнадцати. Таково было знаменитое питательное учрежденіе, принятое повсюду съ величайшимъ восторгомъ и существовавшее, вѣроятно, до конца имперіи. Въ сущности оно было создано съ политическою цѣлью. Траяна такъ же, какъ и всѣхъ благоразумныхъ людей, пугала возраставшая убыль населенія въ странахъ, вокругъ Рима [115]). Чтобы помочь этой бѣдѣ, онъ старался внушить италійцамъ любовь къ браку и къ семейной жизни; онъ хотѣлъ отнять у людей всякій предлогъ къ желанію не имѣть дѣтей, избавивъ ихъ отъ обязанности кормить ихъ. Онъ хотѣлъ прежде всего приготовить для имперіи гражданъ, и особен-

[114]) Въ Велейѣ процентъ былъ 5 за 100, у Бебіановъ $2^1/_2$. Это было очень немного для такого времени, когда обыкновенный процентъ былъ 12 за 100. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ отъ Плинія, что нѣкоторые землевладѣльцы очень не любили задалживаться городу (*Epist.*, X, 62), но намъ неизвѣстна причина этого.

[115]) См. краснорѣчивыя жалобы Лукана по поводу этой убыли населенія (*Phars.*, I, 24).

но воиновъ [116]); потому щедрость государства прекращалась въ томъ возрастѣ, когда молодой человѣкъ могъ поступить въ военную службу. Общественная помощь поддерживала его до того времени, пока онъ могъ получать жалованье [117]), такъ что можно сказать, что онъ всю свою жизнь, будучи ребенкомъ, солдатомъ или ветераномъ, существовалъ на счетъ императорской казны. Въ сущности въ этой политикѣ нѣтъ ничего новаго; она согласовалась съ политикою первыхъ императоровъ, и Плиній справедливо замѣчаетъ, что питательныя учрежденія только дополняютъ собою законы Августа о бракѣ [118]). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что щедрость Траяна имѣетъ болѣе безкорыстный и великодушный видъ, нежели щедрость его предшественниковъ. Это уже не простая плата за лесть, расточаемую римскимъ плебсомъ всѣмъ государямъ, которые кормятъ и забавляютъ его. Она простирается на всю Италію, то-есть на такихъ людей, которые никогда не придутъ привѣтствовать императора при его пробужденіи или апплодировать ему, когда онъ будетъ входить въ театръ или циркъ. Конечно, она прежде всего полезна и служитъ интересамъ имперіи, но къ ней уже присоединяется, повидимому, гуманная мысль. Антонинъ, потерявъ свою жену, Фаустину, которую онъ очень любилъ, хотя она этого не вполнѣ заслуживала, нашелъ, что онъ можетъ лучше всего почтить ея память благотворительнымъ учрежденіемъ: онъ далъ денегъ, чтобы прибавить еще нѣсколько дѣвочекъ къ тѣмъ, которыя получали уже общественную помощь и пожелалъ, чтобъ онѣ назывались *puellae Faustininae* [119]). Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ такъ, какъ поступилъ бы теперь христіанскій государь.

Примѣру, поданному государствомъ, послѣдовали частныя лица. Всѣ приближенные императора считали своимъ долгомъ подражать ему, и въ высшихъ рядахъ этого круга появилось всеобщее стремленіе къ благотворительности, слѣды котораго остались въ

---

116) Плин., *Paneg.*, 28: *ex his castra, ex his tribus replebuntur.*

117) Плин., *Paneg.*, 26: *alimentis tuis ad stipendia tua pervenirent.*

118) *Paneg.*, 26 Нѣкоторые писатели хотѣли видѣть христіанское вліяніе въ питательныхъ учрежденіяхъ, но послѣднія не были совершенно неизвѣстны и до Траяна. Слѣды ихъ находятся даже въ эпоху Августа (Орелли, 4365). Въ приведенномъ нами отрывкѣ панегирика Плиній говоритъ, что это учрежденіе имѣло уже оффиціальный характеръ до Траяна, и что предшественники этого государя оказывали иногда общественную помощь дѣтямъ. Но это было исключеніе, а Траянъ постановилъ его за правило.

119) Капитолинъ, *Anton.*, 8.

перепискѣ Плинія и въ надписяхъ II-го вѣка. Во всю свою жизнь Плиній былъ очень щедръ къ тѣмъ, кого онъ любилъ, и такъ какъ ему была неизвѣстна христіанская добродѣтель, заставляющая людей скрывать свои благодѣянія, то онъ нисколько не скрываетъ ихъ отъ насъ. Онъ разсказываетъ намъ, что купилъ своей старой кормилицѣ поле за 100,000 сестерцій (20,000 франковъ) [120]), что онъ пополнилъ цензъ всадника для одного изъ своихъ друзей [121]), далъ приданое дочери другаго пріятеля, «имѣвшей болѣе достоинствъ, нежели денегъ» [122]). Больше всего и безразсчетнѣе всего онъ одаряетъ тѣ города, съ которыми связанъ узами благодарности или привязанности; онъ охотнѣе даетъ имъ библіотеки, нежели гладіаторскіе бои [123]), такъ какъ онъ, подобно Отцамъ Церкви, находитъ, что публичныя игры вредятъ нравамъ [124]); онъ основываетъ въ нихъ школы или благотворительныя учрежденія [125]). То же самое дѣлали и многіе другіе богачи. Въ всей имперіи города и частныя лица дѣйствуютъ какъ бы собща, чтобы помочь всевозможнымъ бѣдствіямъ; иногда города сами принуждаютъ себя къ этому и взимаютъ налоги съ богатыхъ гражданъ, чтобы помочь бѣднымъ [126]); но всего чаще великодушные люди добровольно жертвуютъ на полезныя учрежденія. Одинъ житель Атины завѣщаетъ своей муниципіи 400,000 сестерцій (80,000 франк.) [127]); одна знатная дама, «въ память своего сына», жертвуетъ Террачинѣ милліонъ сестерцій (200,000 фр.) для устройства тамъ питательнаго учрежденія [128]). Подобная щедрость очень значительна; но меня гораздо болѣе еще трогаетъ скромное завѣщаніе продавца лѣкарственныхъ травъ (*aromatarius*), завѣщавшаго одному небольшому итальянскому городку «300 банокъ съ лѣкарственными снадобьями и 60,000 сестерцій (1,200 фр.) для даровой раздачи лѣкарствъ бѣднымъ городскимъ жителямъ» [129]). Не безъ волненія прочиты-

---

120) *Epist.*, VI, 3.
121) I. 19.
122) VI, 32.
123) I, 8.
124) IV, 22.
125) I, 8. VII, 18.
126) Плин., *Epist.*, X, 94: *ad sustinendam tenuiorum inopiam.* Изъ этого письма Траяна видно, что въ странахъ, подчиненныхъ римскому праву, подобнаго рода контрибуціи были запрещены.
127) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 4546.
128) Орелли, 6669.
129) Орелли, 114.

ваю я также слѣдующую прекрасную надпись, находящуюся на одной изъ тогдашнихъ гробницъ: «Дѣлай добро, ты унесешь его съ собою» [130]). Само собою разумѣется, что общество, гдѣ проповѣдывались подобныя правила и подавались подобные примѣры, не могло быть такъ развращено, какъ это думали; если оно еще не занималось дѣлами милосердія въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ христіанство, то можно сказать, что оно было уже вполнѣ приготовлено къ тому, чтобы понять его.

---

130) Орелли, 6042: *Bene fac, hoc tecum feres.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Женщины.

I.

Такъ ли плохо было положеніе женщинъ въ римскомъ обществѣ, какъ это полагаютъ?—Уваженіе, оказываемое имъ дома.—Значеніе, пріобрѣтаемое ими въ общественной жизни.—Во времена имперіи онѣ принимаютъ участіе въ правленіи.—Философія продолжаетъ сопротивляться имъ.—На практикѣ положеніе ихъ дѣлается почти равнымъ положенію мущинъ.—Употребленіе, дѣлаемое ими изъ права ассосіаціи.

Картина избраннаго общества Рима была бы неполна, не скажи мы ничего о женщинахъ. Онѣ занимали въ немъ важное мѣсто, и такъ какъ вліяніе ихъ было всего ощутительнѣе на религіозныхъ вещахъ, то ими нельзя не заниматься, изучая исторію римской религіи при имперіи.

Въ настоящее время составляютъ себѣ обыкновенно не совсѣмъ точное понятіе объ ихъ тогдашнемъ положеніи и поведеніи. Первая, быть можетъ, самая большая и, навѣрное больше всего распространенная ошибка состоитъ въ томъ, что положеніе женщинъ въ римскомъ обществѣ представляютъ себѣ гораздо хуже, нежели оно было на самомъ дѣлѣ. Всѣ охотно воображаютъ себѣ, что съ ними обращались тамъ почти такъ же, какъ съ рабами, и думаютъ, что для освобожденія ихъ потребовалась не меньше, какъ общественная и религіозная революція. Это мнѣніе тѣхъ, кто судитъ о Римѣ единственно по его законамъ. Правда, что римскій законъ относительно женщинъ очень жестокъ. «Наши предки, говоритъ Титъ Ливій, запретили женщинѣ заниматься даже какимъ-нибудь частнымъ дѣломъ безъ посторонней помощи; они желали, чтобы она была всегда въ зависимости отъ отца, отъ братьевъ или отъ мужа [1])». Думая объ «этомъ законномъ рабствѣ, не имѣющемъ кон-

---

[1]) Титъ Ливій, XXXIV, 2.

ца [2])», невольно сожалѣешь объ ея участи; но чувство это быстро проходитъ, если, вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на букву закона, начнешь изучать тогдашній свѣтъ и жизнь. Здѣсь, напротивъ того, женщина играетъ очень значительную роль. Ее окружаютъ почестями и вниманіемъ; она уважена мужемъ, почтена рабами, кліэнтами, дѣтьми, и полная хозяйка дома. Итакъ, въ этомъ случаѣ законъ и обычай не согласны между собою, и въ столкновеніи между ними подъ-конецъ побѣжденъ законъ. Сами юрисконсульты подтверждаютъ это; они сознаются, что эта раба, не могущая по закону ничѣмъ располагать и находящаяся подъ вѣчной опекою, въ дѣйствительности товарищъ, подруга и почти ровня мужа. Она засѣдаетъ, или лучше сказать, царитъ у домашняго очага, въ *атріумѣ*. «*Атріумъ* не есть, подобно гинекею, отдѣльный покой, верхній этажъ дома, служащій скрытымъ и недоступнымъ убѣжищемъ. Это центръ римскаго жилища, общая зала, гдѣ собиралось семейство, и гдѣ принимались друзья и чужаки. Здѣсь возлѣ очага возвышался алтарь боговъ-ларовъ, и вокругъ этого святилища было собрано все, что было у семейства драгоцѣннаго и священнаго: брачное ложе, изображенія предковъ, полотна и веретёна матери семейства, наконецъ сундукъ, въ которомъ хранились списки домашняго имущества и семейное серебро. Всѣ эти сокровища оберегались женщиною. Подобно главѣ семейства она приносила жертвы богамъ ларамъ; кромѣ того присутствовала при домашнихъ работахъ рабовъ и занималась воспитаніемъ дѣтей, которыя въ дѣтствѣ долго оставались подъ ея надзоромъ и властью. Наконецъ, она вмѣстѣ съ мужемъ занималась управленіемъ родоваго имѣнія и дома. Съ той минуты, какъ новая супруга вступала въ *атріумъ* своего мужа, она начинала раздѣлять съ нимъ всѣ его права. Это выражалось въ одномъ священномъ древнемъ изреченіи, съ которымъ новобрачная обращалась къ своему мужу, переступая порогъ его дома: *ubi tu Gaius, ibi ego Gaia*, гдѣ ты господинъ, тамъ я госпожа. И дѣйствительно, жена становилась госпожею всего, чего ея мужъ былъ господиномъ, такъ что Катонъ старшій лишь немного преувеличивалъ, когда шутя дѣлалъ слѣдующее остроумное замѣчаніе: «Повсюду мужщины управляютъ женщинами; мы же, управляющіе всѣми людьми, сами въ рукахъ у женщинъ [3])». Слѣдовательно, восходить въ исторіи Рима до того времени,

---

[2]) Титъ Ливій, XXXIV, 7: *nunquam exuitur servitus muliebris.*

[3]) Жидъ (*Gide*), *Etude sur la condition de la femme*, стр. 109.

когда женщины были въ домѣ полными рабынями, совершенный вздоръ; онѣ никогда не были въ такомъ подчиненіи, какъ это думаютъ. Если древніе поэты съ уваженіемъ говорятъ о «величіи отца семейства [4])», то они прославляютъ также «святость имени матроны [5])». Можно даже предполагать, что причина, почему древніе желали держать ихъ въ законномъ униженіи, не была для нихъ слишкомъ неблагопріятна. Римлянинъ предвидѣлъ, что еслибъ онъ вздумалъ бороться съ своею женою за вліяніе, то былъ бы побѣжденъ ею; онъ предчувствовалъ свою относительную слабость и, издавая свои строгіе законы, просто хотѣлъ имѣть противъ нея какое-нибудь оружіе; но историки говорятъ, что она безъ всякаго труда пріобрѣла внутри дома все то, что законодательство отнимало у нея внѣ его [6]).

Вскорѣ даже ей стало не довольно этой внутренней домашней побѣды. Периклъ говоритъ аѳинянамъ, что женщинамъ не должно желать для себя иной славы кромѣ той, чтобы объ нихъ не говорили ни добра, ни худа. Римлянка не удовольствовалась бы этимъ; въ награду за свою преданность республикѣ, женщины въ Римѣ получили право быть публично восхваляемы послѣ своей смерти, подобно мужчинамъ. При похоронахъ какой-нибудь знатной дамы, процессія останавливалась на форумѣ, и ближайшій родственникъ покойницы, взойдя на трибуну, прославлялъ ея рожденіе и добродѣтели. Этимъ правомъ онѣ пользовались со временъ Камилла [7]), а въ послѣдствіи пріобрѣли еще много другихъ. Чѣмъ дальше идетъ исторія Рима, тѣмъ болѣе увеличивается ихъ значеніе. Еще во времена республики имъ случалось имѣть вліяніе на рѣшенія народа и сената; но въ то время онѣ вмѣшивались въ нихъ лишь косвеннымъ образомъ. При имперіи онѣ нисколько не стараются скрывать своего участія въ управленіи дѣлами. Августъ, столь ревниво охранявшій свою власть, почти соглашается дѣлить ее съ Ливіей; онъ совѣтуется съ нею въ важныхъ случаяхъ, раздѣляетъ съ нею воздаваемыя ему почести и заставляетъ признать за нею такъ же, какъ и за своею сестрою Октавіей, неприкосновенность

---

[4]) Аттій, *Telephus* (Риббекъ, с. 187): *Ut vim contendas tuam ad majestatem viri.*

[5]) Афраній, *Suspecta* (Риббекъ, с. 176): *Tuam majestatem et nominis matronae sanctitudinem.*

[6]) Титъ Ливій, XXXIV, 2: *domi victa libertas nostra impotentia muliebri.*

[7]) Титъ Ливій, V, 50.

трибуновъ [8]). Клавдій находится уже вполнѣ во власти своихъ женъ, и въ имперіи ничего болѣе не дѣлается безъ ихъ согласія. Въ тотъ день, когда британскій вождь Карактакъ проходилъ въ цѣпяхъ по улицамъ Рима, украшая собою императорскій тріумфъ, Агриппина сидѣла на тронѣ недалеко отъ своего мужа, окруженная, подобно ему, солдатами и военными орлами, и побѣжденный долженъ былъ воздать ей тѣ же почести, какія воздалъ императору. «Это было дѣйствительно новое зрѣлище, говоритъ Тацитъ, совершенно противное духу нашихъ предковъ, видѣть женщину, возсѣдающую передъ римскими знаменами! [9])» Онъ прибавляетъ, что Агриппина не довольствовалась быть супругою государя, но желала, чтобы на нее смотрѣли, какъ на его соправительницу. Подобная претензія перестала вскорѣ казаться удивительною, до такой степени она сдѣлалась обыкновенною. Со времени Антониновъ императрицѣ даютъ названіе «матери лагеря и легіоновъ:» впослѣдствіи къ нему прибавили еще названіе «матери сената и народа», и эти титулы не были простою лестью, потому что при Северахъ имъ часто приходилось располагать имперіей и управлять ею по своему произволу подъ именемъ своихъ мужей и сыновей.

Очень естественно, что примѣръ, поданый дворомъ, нашелъ себѣ повсюду подражателей. Въ эту эпоху мы часто видимъ, что женщины, принадлежащія къ высшему обществу Рима, открыто вмѣшиваются въ политическія интриги. Онѣ вносятъ въ нихъ свойственную имъ хитрость и упорство. Если онѣ не могутъ сами для себя просить государственныхъ должностей, то хлопочутъ за тѣхъ, кому покровительствуютъ. Сенека былъ отчасти обязанъ своей квестурой дѣятельнымъ хлопотамъ своей тетки; это была простая женщина, жившая въ уединеніи; но любовь къ племяннику заставила ее выйти изъ него и сдѣлаться смѣлою. «Она пускалась для меня на происки,» говоритъ онъ [10]). Итакъ, чтобы пробить себѣ дорогу, надо было стараться нравиться женщинамъ. Тацитъ говоритъ объ одномъ консулярѣ, который обладалъ талантомъ привлекать къ себѣ ихъ благосклонность и былъ обязанъ имъ своимъ богатствомъ [11]). Внѣ Рима онѣ были еще гораздо могущественнѣе. Ничто не мѣшало имъ придавать себѣ ту важность, какую онѣ же-

---

[8]) Діонъ, XLIX, 38.

[9]) Тац., *Ann.*, XII, 37

[10]) Сен., *Cons. ad. Helv.*, XIX, 2.

[11]) Тац., V, 2: *aptus alliciendis feminarum animis.*

лали имѣть, когда онѣ были не на глазахъ у императоровъ и другихъ опасныхъ для себя людей. Въ сенатѣ разсуждали однажды о томъ, можно ли позволять сановнику, посылаемому управлять какою-нибудь провинціею, брать съ собою жену. Одинъ суровый сенаторъ, по имени Цецина Северъ, горько жаловался на злоупотребленія, совершаемыя женщинами, и выразился въ такихъ именно словахъ, что «съ тѣхъ поръ какъ ослаблены узы, въ которыхъ предки считали нужнымъ держать ихъ, онѣ господствовали въ семействахъ, въ судахъ и въ арміяхъ.» Грубая выходка Цецины заслужила мало одобренія, и хотя сенатъ считалъ обыкновенно за правило безконечно хвалить прошедшее, но всѣ согласились съ тѣмъ, что во многихъ случаяхъ хорошо сдѣлали, смягчивъ строгость древнихъ законовъ, и разрѣшили проконсуламъ брать съ собою семейства, если они найдутъ это необходимымъ. Но, въ то же время, всѣ были принуждены согласиться, что упреки, дѣлаемые женщинамъ, были не совсѣмъ несправедливы. Почти въ каждомъ процессѣ о лихоимствѣ была замѣшана жена правителя. «Всѣ провинціальные интриганы обращались къ ней; она впутывалась во всѣ дѣла и рѣшала ихъ» [12]); она занималась всѣмъ: даже военною дисциплиною и командованіемъ войсками. Нѣкоторыя изъ нихъ, сидя верхомъ на лошади возлѣ своего мужа, присутствовали при военныхъ упражненіяхъ, были главнокомандующими на смотрахъ и говорили рѣчи войскамъ [13]). Съ той минуты, какъ супруга императора заставляла называть себя «матерью лагерей», супругамъ императорскихъ легатовъ разрѣшалось искать благосклонности легіоновъ. Это имъ часто удавалось, и не разъ случалось, что солдаты и офицеры воздвигали въ складчину статую женѣ своего генерала, что показалось бы очень страннымъ въ наше время [14]).

Слѣдовательно, мы очень далеки отъ того рабства и затворничества, на которое, какъ обыкновенно думаютъ, были осуждены римскія женщины. Справедливо лишь то, что предоставленная имъ свобода была скорѣе дѣломъ терпимости и обычая, нежели принципа. Гражданскіе законы были совершенно противъ нея; не болѣе того поощряла ее и философія. Греческіе философы занимались, кажется, очень мало вопросомъ о правахъ женщинъ, который такъ сильно занимаетъ всѣхъ въ наши дни; всякій разъ,

---

12) Тац., *Ann.*, III, 33.
13) Тац., *Ann.*, II, 55. Діонъ, LIX, 18.
14) Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 49.

какъ они касаются его, видно, что онъ имъ не по душѣ, и что они далеко не расположены дать женщинамъ надлежащее мѣсто въ семействѣ и государствѣ. Когда Платонъ берется изобразить картину демократическаго общества, «которому его правители, какъ плохіе виночерпіи, налили совершенно чистой свободы,» такъ что оно упилось ею до потери разума, онъ изображаетъ въ немъ раба, отказывающагося повиноваться своему господину, и жену, желающую быть равною своему мужу [15]). Вотъ, что ему кажется верхомъ безпорядка въ дурноуправляемомъ государствѣ! Аристотель еще дерзче. «Конечно, говоритъ онъ, тамъ могутъ быть честные женщины и рабы; но, вообще говоря, женщина принадлежитъ къ низшей породѣ, а рабъ совершенно злое существо» [16]). Въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ римскіе философы выражаются точно такъ же, какъ греческіе. Цицеронъ воспроизводитъ приведенное мною мѣсто изъ Платона и, повидимому, соглашается съ нимъ. Сенека, подобно Аристотелю, грубо утверждаетъ, что женщина— невѣжественное и непокорное существо, неспособное къ самоуправленію, *animal imprudens, ferum, cupiditatum impatiens* [17]): слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы дать имъ привилегіи и требовать для нихъ болѣе справедливости и равенства. Но въ Римѣ то, чего не хотѣли сдѣлать философы, сдѣлалось само собою. Вопреки тому, что обыкновенно бываетъ, принципы отстали отъ практики, и въ то время какъ философы и законодатели, какъ бы сговорившиеь между собою, старались держать женщину въ подчиненномъ положеніи, общественное мнѣніе и обычай освободили ее. Причину этого освобожденія надо искать въ возвышенномъ взглядѣ Римлянъ на бракъ. Они смотрѣли на него, какъ на «соединеніе двухъ жизней» [18]), а соединеніе это могло быть полно лишь тогда, когда между обоими супругами было все общее. «Когда я вышла за тебя, говоритъ Бруту благородная Порція, я сдѣлала это не для того только, чтобы, подобно любовницѣ, быть возлѣ тебя на постели и за столомъ, но чтобы брать свою долю во всемъ, что можетъ случиться съ тобою хорошаго и дурнаго» [19]).

---

[15]) Цицеронъ перевелъ это мѣсто Платона въ своей *Республикѣ*, I, 43.

[16]) Арист., *Poet.*, 15.

[17]) Сен., *De const. sap.*, 14.

[18]) Дигестъ, XXIII, 2: *consortium omnis vitae, individuae vitae consuetudo.*

[19]) Плутархъ, *Brutus*, 13.

Такое раздѣленіе добра и зла вводитъ въ семейство принципъ равенства. Впослѣдствіи ничто не могло сопротивляться этому принципу, и онъ побѣдилъ подъ конецъ предразсудки свѣта, теоріи философовъ и предписанія закона. Строгія правила, какими хотѣли связать женщинъ, были постепенно обойдены и уничтожены. Юрисконсульты показали очень любопытную вещь, какими ловкими способами удалось женщинамъ во времена имперіи уничтожить всѣ преграды, воздвигнутыя вокругъ нихъ древнимъ гражданскимъ правомъ, и сдѣлаться совершенно равными своимъ мужьямъ [20]). Имъ удалось даже отмѣнить ту привиллегію, которою такъ наивно гордится Катонъ въ одной изъ рѣчей своихъ. «Если ты застанешь свою жену за самымъ прелюбодѣяніемъ, говорилъ онъ, законъ позволяетъ тебѣ убить ее безъ суда. Еслибы она случайно застала тебя въ одинаковомъ положеніи, она не осмѣлилась бы дотронуться до тебя пальцемъ, законъ запрещаетъ ей это» [21]). Императоръ Антонинъ уничтожилъ эту разницу, и мужъ наказывался за прелюбодѣяніе точно такъ же, какъ и жена [22]).

Хотя законодательство имперіи носитъ на себѣ очевидные слѣды перемѣны, происшедшей въ положеніи женщинъ, но надо заглянуть въ другое мѣсто, чтобы дѣйствительно узнать, до какой степени онѣ стали свободны. Люди, считающіе ихъ освобожденіе недавнею побѣдою и ежеминутно поздравляющіе съ нею современный міръ, были бы, вѣроятно, очень удивлены, если бы вмѣсто того, чтобы изучать древній міръ въ книгахъ философовъ и юрисконсультовъ, они согласились поближе взглянуть на дѣйствительность и на жизнь. Надписи даютъ намъ въ этомъ отношеніи очень любопытныя свѣдѣнія. Разсмотрѣвъ ихъ поближе, мы уже не чувствуемъ болѣе сожалѣнія къ римскимъ женщинамъ и находимъ даже, что онѣ пользовались бо́льшими привилегіями, нежели наши современныя женщины. Подобно мужщинамъ, онѣ имѣли право устроивать ассоціаціи и выбирать въ нихъ начальниковъ [23]). Одна изъ такихъ ассоціацій носитъ почтенное названіе «Общество для сохраненія стыд-

---

[20]) Жидъ, *Etude sur la cond. de la fem.* См. также Фридлендера, *Sittengesch. Roms*, I, с. 273,

[21]) Авлъ Геллій, X, 23: *In adulterio uxorem tuam si deprehendisses, sine judicio impune necares; illa te, si tu adulterarere, digito non auderet contingere, neque jus est.*

[22]) Св. Авг., *De adult. conj.*, 2, 8.

[23]) Орелли, 2427.

ливости, Sodalitas pudicitiae servandae» [24]). Въ Ланувіумѣ одна ассосіація называлась «женскимъ сенатомъ» [25]); это названіе напоминаетъ намъ одно очень любопытное учрежденіе въ Римѣ, къ сожалѣнію, очень мало намъ извѣстное; это было такъ называемое «собраніе матронъ, *conventus matronarum*», на которое сходились женщины знатныхъ домовъ. Светоній разсказываетъ, что на немъ происходили ожесточенные споры, а иногда даже и драки [26]). Прихоть императора Геліогабала придала этому собранію политическую важность. Онъ установилъ закономъ, изъ какихъ лицъ оно должно состоять, въ какіе дни въ немъ будутъ собираться, и пожелалъ, чтобы оно называлось маленькимъ сенатомъ, *senaculum*». Здѣсь составлялись сенатскіе указы, для разрѣшенія вопросовъ объ этикетѣ; такъ, напримѣръ, здѣсь постановили, какой костюмъ долженъ быть у женщинъ по ихъ чину, и кому изъ нихъ принадлежало предсѣдательство при церемоніяхъ; которая изъ двухъ встрѣтившихся женщинъ должна была пойти на встрѣчу другой, чтобы обнять ее; какого рода упряжку или экипажъ могла имѣть каждая изъ нихъ; кто изъ нихъ могъ ѣздить въ колесницѣ, запряженной лошадьми или мулами, или въ носилкахъ, украшенныхъ серебромъ или слоновой костью; кто имѣлъ право носить золото и драгоцѣнные камни на обуви [2]), и пр. Это странное учрежденіе, уничтожившееся по смерти Геліогабала, который придалъ ему смѣшные аттрибуты, было, вѣроятно, возстановлено кѣмъ-нибудь изъ его преемниковъ, такъ-какъ оно существовало во времена Св. Іеронима [28]); слѣдовательно, оно продолжалось во все время имперіи; женщины болѣе темнаго происхожденія, не имѣвшія надежды попасть въ «маленькій сенатъ», составляли у себя другія общества, имѣвшія также значеніе. Имъ удавалось иногда вмѣшиваться въ муниципальныя дѣла и играть въ нихъ извѣстную роль. Здѣсь разсуждали о наградахъ, которыя хотѣли дать какому-нибудь городскому сановнику, и вотировались вопросы о деньгахъ, необходимыхъ для сооруженія памятниковъ и статуй [29]). Во время выборовъ женщины не допускались къ подачѣ голосовъ, но имѣли право предлагать своихъ кандидатовъ. Изъ избиратель-

---

24) Фабретти, с. 462.
25) Орелли, 3740.
26) Свет., *Galba*, 5.
27) Лампр., *Heliog.*, 4.
28) Св. Іерон., *Epist.*, 43.
29) Орелли, 6211, 6000, 3773.

ныхъ рекламъ, покрывающихъ стѣны Помпеи, многія подписаны женщинами. Если онѣ были богаты, знатны по происхожденію и замужемъ за важными сановниками, тогда благодарность согражданъ не отдѣляла ихъ отъ мужей и имъ воздвигались памятники вмѣстѣ. Часто бывало также, что онѣ старались вызвать эту благодарность особенными благодѣяніями, оказываемыми ими странѣ [30]); онѣ строятъ храмы, портики, украшаютъ театры и даютъ отъ своего имени игры [31]). За такія благодѣянія города платятъ имъ обыкновенно общественными почестями. При этомъ женщины прославляются и получаютъ почти такіе же титулы, какъ мужчины. Большія ассоціаціи становятся подъ ихъ патронатъ [32]); ихъ называютъ «матерями и покровительницами муниципіи», и это названіе дается имъ послѣ торжественнаго обсужденія, что еще болѣе возвышаетъ его значенье. Мы имѣемъ текстъ декрета подобнаго рода, изданнаго сенатомъ одного италіянскаго города въ честь знатной дамы, Нумміи Валеріи, жрицы Венеры; въ немъ говорится: «всѣ сенаторы согласны въ томъ, что ее можно по справедливости назвать покровительницею города и обращаются къ ея добротѣ для того, чтобы она охотно и отъ всего сердца согласилась принять предлагаемое ей званіе и согласилась также считать каждаго изъ гражданъ въ отдѣльности и всю республику вообще въ числѣ кліэнтовъ своего дома, и въ случаѣ нужды не отказывала бы имъ въ своемъ могущественномъ покровительствѣ и защитѣ; и, наконецъ, что у нея попросятъ позволенія поднести ей мѣдную таблицу съ начертаннымъ на ней декретомъ, которую и передадутъ ей городскіе сановники и самые важные сенаторы» [33]). Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать значенія подобныхъ почестей; это были просто почетные титулы, не дававшіе правъ ни на какую дѣйствительную власть; тѣмъ не менѣе можно по справедливости сказать, что въ римской имперіи женщины принимали гораздо большее участіе въ общественной жизни, чѣмъ это дозволяется имъ въ настоящее время [34]).

---

30) Орелли, 5158.

31) Орелли, 5128, 2193.

32) Орелли, 4643.

33) Орелли, 4036.

34) Кажется даже, что въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ вполнѣ участвовали въ ней. Въ одномъ африканскомъ городѣ одна женщина называется *duumvira*. (Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 3914). На Балеарскихъ островахъ другая носитъ названіе: *insulae magisteriis et honoribus omnibus functa*. (*Corp. inscr. lat.*, II, 3812).

II.

Привязанность римскихъ женщинъ къ религіи своей страны.—Участіе, даваемое имъ въ этой религіи.—Назначаемые для нихъ культы.—Услуги, какія пытается оказать имъ религія. — Она придаетъ болѣе серьёзное и торжественное значеніе браку.—Она даетъ женщинамъ случай пользоваться большею свободою и значеніемъ. — Чѣмъ можно объяснить, что Римлянки, столь привязанныя къ своей народной религіи, такъ ревностно принимали чужеземные культы?

Если многіе заблуждаются относительно положенія, занимаемаго женщинами въ Римѣ во времена имперіи, то такъ же неправильно смотрятъ на ихъ чувства къ родной религіи и на причины, привлекавшія ихъ къ чужеземнымъ культамъ; между тѣмъ въ этомъ отношеніи необходимо избѣгать преувеличеній и ошибокъ.

Въ Римѣ, какъ и повсюду, женщины были религіознѣе мужчинъ. Молодаго человѣка, принадлежавшаго къ сколько-нибудь достаточному семейству, съ раннихъ поръ заставляли обучаться греческой философіи. При изученіи ея онъ получалъ иногда впечатлѣнія, противныя религіи его дѣтства; всего чаще она пріучала его совершенно обходиться безъ религіи, предлагая ему болѣе разумныя объясненія относительно естества человѣка и Бога; во всякомъ случаѣ онъ находилъ въ ней пищу для дѣятельности своего ума. Правда, что философія не исключала и женщину, и ни одинъ мудрецъ не запрещалъ ей заниматься ею. Напротивъ того, Сенека объявлялъ, что самыя несовершенства ея природы обязываютъ ее заниматься ею; чѣмъ она вспыльчивѣе по темпераменту и чѣмъ больше обуреваема дурными желаніями и сильными страстями, тѣмъ болѣе она должна просить у разума узды, чтобы сдерживать себя [35]). Плутархъ также думалъ, что ей полезно было бы читать Платона и Ксенофонта, и желалъ, чтобы учителемъ ея былъ мужъ. «Надобно, говорилъ онъ, чтобы онъ украшалъ умъ свой философіей и, подобно пчелѣ, приносилъ къ себѣ домой самое лучшее [36])». Въ I-мъ вѣкѣ и еще раньше въ Римѣ не было недостатка въ женщинахъ, знакомыхъ съ философскими идеями. Другъ Цицерона, Цереллія, хотѣла первая прочесть его трактатъ *О высшемъ благѣ* [37]). Когда Ливія потеряла своего сына, Друза, она пригласила

[35]) Сен., *De const. sap.*, 14, 1. См. также *Consol. ad Helv.*, 17, 4.
[36]) *Conjug. praec.*, с, 145.
[37]) Цнц., *Ad Atticum*, XIII, 21.

утѣшать себя мудраго Арея, бывшаго, по словамъ Сенеки, философомъ при ея мужѣ [38]. Въ это время было даже въ модѣ, чтобы свѣтскія женщины, довольно легкомысленно проводившія жизнь, показывали расположеніе къ серьёзнымъ занятіямъ, и Горацій разсказываетъ, что у нихъ часто встрѣчались сочиненія стоиковъ, положенныя на шелковыхъ подушкахъ [39]. Въ тѣхъ же рукахъ Эпиктетъ находилъ вѣроятно впослѣдствіи трактаты Платона и особенно его *республику*, гдѣ онъ говоритъ объ уничтоженіи брака и объ общности женъ [40]. Но все это было вообще исключеніе. Философія имѣла серьёзное вліяніе лишь на нѣсколькихъ избранныхъ женщинъ; другія же были или вовсе незнакомы съ нею, или занимались ею очень мало. Религія замѣняла имъ все; ничто не отрывало ихъ отъ нея, и въ эту сторону была безраздѣльно обращена ихъ умственная дѣятельность. Римляне не могли бы понять вольнодумной и не вѣрующей женщины. Случалось даже, что, сами не вѣря богамъ, они любили, чтобы имъ вѣрили у нихъ дома. Цицеронъ, весело насмѣхавшійся надъ всѣми миѳологическими баснями, находилъ совершенно естественнымъ, что жена его набожна, и не дѣлалъ ни іоты для того, чтобы привить ей свои мнѣнія. Молитвы, жертвоприношенія и исполненіе древнихъ обрядовъ приличествовали уважающей себя матронѣ. Она должна была часто посѣщать храмы и строго выполнять всѣ религіозныя обязанности. Въ своемъ *Амфитріонѣ* Плавтъ начерталъ идеальный портретъ Римлянки; рядомъ съ приписываемыми ей качествами, со скромностью, степенностью, уваженіемъ родителей, повиновеніемъ мужу, онъ помѣщаетъ страхъ боговъ [41]. Если къ этому страху не примѣшивалось суевѣрія, онъ былъ лучшею похвалою для матроны, и о немъ упоминалось въ ея эпитафіи [42].

Если иныхъ удивляетъ чувство искренняго благочестія римскихъ женщинъ къ богамъ своей страны, это происходитъ отъ предположенія, будто религія относилась къ нимъ такъ же дурно, какъ и законъ, и будто онѣ имѣли въ національномъ культѣ такъ же мало мѣста, какъ въ гражданскомъ обществѣ. Но это было вовсе не такъ. Древнее устройство римской семьи не дѣлаетъ домашней религіи привилегіей мужчины. Жена раздѣляетъ съ му-

---

38) *Philosopho viri sui*. Сен., *Cons. ad Marc.*, 4, 2.

39) *Epod.* 8, 15.

40) Эпикт., *Fragm*., 53.

41) Плавтъ, *Amph.*, II, 2, 211.

42) *Pia sine superstitione*. Орелли, 4859.

жемъ заботу молиться богамъ, и дѣти помогаютъ въ этомъ своимъ родителямъ. Сынъ приноситъ предметы, нужные для жертвоприношенія, дочь поддерживаетъ огонь очага, служащій священнымъ изображеніемъ семейства и не угасимый никогда. Въ государствѣ, которое есть не что иное, какъ увеличенное семейство, встрѣчаются тѣ же самыя учрежденія. Большинство жрецовъ, особенно тѣхъ, чье происхожденіе подревнѣе, имѣютъ помощниками въ своихъ священныхъ обязанностяхъ своихъ женъ. *Flaminica* исполняетъ почти такія же деликатныя обязанности, какъ *flamen*, супругъ ея, и подчиняется такимъ же мелочнымъ предписаніямъ. Молодая дѣвушка, игравшая такую важную роль въ семейной религіи, въ государствѣ замѣняется весталками. Шесть патриціанокъ, выбранныхъ изъ самыхъ знатныхъ семействъ Рима, даютъ обѣтъ посвятить себя на тридцать лѣтъ служенію боговъ. Подъ страхомъ смерти, должны онѣ оставаться непорочными, чтобы быть достойными поддерживать вѣчный огонь на общественномъ очагѣ.

Итакъ, положеніе женщинъ было почти равно положенію мужщинъ въ древнихъ церемоніяхъ, и хотя мужщина забралъ себѣ, какъ и повсюду, лучшую часть въ религіи, онѣ никогда не переставали имѣть доступъ къ жреческимъ должностямъ, чего въ настоящее время уже нѣтъ. Правда, что изъ нѣкоторыхъ культовъ онѣ были исключены: такъ, напримѣръ, онѣ не входили въ храмъ Геркулеса, и имъ запрещалось участіе въ церемоніяхъ *Ara maxima*; но за то онѣ сами имѣли такіе культы, въ которыхъ не должны были участвовать мужщины. Культъ Доброй Богини былъ ихъ нераздѣльной собственностью [43]; Плутархъ говоритъ, что онѣ имѣли у себя въ домахъ небольшія молельни, гдѣ поклонялись своей божественной покровительницѣ [44]. Ежегодно знатныя римскія дамы собирались у перваго сановника республики и совершали тамъ таинства богини *Bona Dea*; присутствіе другаго пола было такъ строго запрещено, что даже занавѣшивали такія картины, гдѣ былъ нарисованъ мужщина. Извѣстно, что въ годъ консульства Цезаря прекрасный Клодій, влюбленный въ его жену, имѣлъ нахальство проникнуть переодѣтымъ въ домъ консула, и что, не смотря на

---

[43]) Хотя мущины не имѣли доступа къ мистеріямъ Доброй Богини, но имъ было позволено молиться ей и просить у нея покровительства. Простые люди усердно исполняли это. См. Орелли, 1514 и сл.

[44]) Плутархъ, *Quaest. rom.*, с. 268.

тогдашнее ослабленіе древнихъ вѣрованій, этотъ скандалъ возбудилъ всеобщее негодованье. Кромѣ этого, исключительно женскими культами были еще культы *Патриціанской стыдливости* и *Плебейской стыдливости*. Во многихъ другихъ онѣ пользовались особенными привилегіями и занимали первое мѣсто, какъ, напримѣръ, въ культѣ Лѣсной Діаны (*Diana nemorensis*). Храмъ ея, построенный въ восхитительномъ мѣстоположеніи, у подошвы Альбанской горы, па берегу озера, называемаго «зеркаломъ Діаны», служилъ сборнымъ пунктомъ для высшаго общества. Кругомъ шла священная роща, гдѣ на деревьяхъ, соединенныхъ между собою перевязями, висѣли картины, изображавщія молитвы, услышанныя богинею, и совершенныя ею чудеса [45]). Былъ обычай, что въ тѣхъ случаяхъ, когда она исполняла молитву, молившійся отправлялся вечеромъ въ ея храмъ съ вѣнкомъ на головѣ и зажженнымъ свѣтильникомъ въ рукахъ. Въ праздничные дни Ариційская роща казалась вся въ пламени [46]). Это было любимымъ мѣстомъ прогулки римскихъ дамъ, и здѣсь можно было встрѣтить какъ тѣхъ прекрасныхъ вольноотпущенницъ, которыя искали случая видѣть и быть видѣнными [47]), такъ и почтенныхъ матронъ, приходившихъ благодарить богиню за благополучное возвращеніе ихъ мужей [48]).

Итакъ, надо сознаться, въ противность общему мнѣнію, что женщины не имѣли причины жаловаться на римскую религію, и что она не ставила ихъ въ низшее положеніе противъ мужщинъ. Неравенство, котораго онѣ были жертвою, происходило только отъ гражданскаго права; религія же не освящала его, и даже, какъ видно по нѣкоторымъ признакамъ, сопротивлялась ему и старалась его исправить. Она настойтиво хотѣла сдѣлать бракъ болѣе торжественнымъ. Прежде чѣмъ вступить въ него, женихъ и невѣста приносили вмѣстѣ жертву, «ибо не позволяется, говорилъ Сервій, приниматься за обработку поля или жениться, не помолясь сначала богамъ [49])». На другой день свадьбы жена должна была принести жертву въ домѣ своего мужа; такимъ образомъ она принимала домъ во владѣ-

---

45) Овид., *Fast.*, III, 267. *Ars am.*, I, 230 и сл.
46) Стацій, *Silvae*, III, 1, 55.
47) Проперц., III, 39.
48) Орелли, 14, 54.
49) Серв., *Aen.*, III., 136.

ніе и дѣлала угодное богамъ своего новаго семейства [50]). Религіозная обстановка брака обращала его въ священно-дѣйствіе. Естественно, что, будучи совершенъ съ такою торжественностью, онъ не могъ быть легко расторгнутъ; религія старалась, повидимому, сдѣлать его не расторжимымъ. Съ самыхъ древнихъ временъ она смотрѣла, какъ на святотатство, на безпричинный разводъ, и даже, говорятъ, наказывала за него смертію [51]). Дѣйствительный религіозный бракъ (*confarreatio*), предписываемый ею нѣкоторымъ изъ своихъ жрецовъ, могъ быть расторгнутъ только съ величайшими трудностями. Она съ неудовольствіемъ смотрѣла на вторичный бракъ, который впослѣдствіи должны были осуждать также нѣкоторые Отцы Церкви. Во многихъ культахъ жрицами выбирали тѣхъ лишь женщинъ, которыя были замужемъ только одинъ разъ; кромѣ того онѣ однѣ имѣли право ходить молиться у алтаря *Стыдливости* и приносить вѣнки во храмъ *Fortuna muliebris* или древней богини *Mater matuta* [52]). Вотъ почему общественное мнѣніе вмѣняло женщинамъ въ заслугу, если онѣ были замужемъ одинъ только разъ, и такъ часто поздравляла ихъ съ этимъ въ эпитафіяхъ. Итакъ, можно сказать, что римская религія, освящая бракъ и дѣлая нѣкоторыя усилія для того, чтобы помѣшать ему стать законнымъ наложничествомъ, старалась покровительствовать достоинству женщинъ. Это ей плохо удалось, и многочисленность разводовъ въ І-й вѣкъ имперіи доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ этой попыткѣ она не имѣла никакого вліянія на общественные нравы.

Въ другихъ случаяхъ она была счастливѣе и оказывала женщинамъ такія услуги, которыхъ тѣ не могли никогда забыть. Почти всѣ древніе народы осуждали ихъ на строгое затворничество и превращали ихъ жилище въ тюрьму. Правда, что въ Римѣ этотъ предразсудокъ былъ далеко не такъ силенъ, какъ въ Греціи; тѣмъ не менѣе онъ существовалъ здѣсь, и древнія надписи показываютъ, что женщинамъ ставили въ честь, «если онѣ сидѣли дома за пряжей шерсти»; но въ то время какъ общественное мнѣніе побуждало ихъ оставаться дома, религія предоставляла имъ законныя причины выходить со двора. Въ праздники онѣ должны были, конечно, собираться съ своими подругами, чтобы вмѣстѣ молиться богамъ; такъ было предписано жре-

---

[50]) Макр., *Sat.*, I, 15, 22.
[51]) Плут., *Romulus*, 22.
[52]) Тертулл., *De monog.*, 17. *De exhort. cast.*, 13

ческимъ уставомъ, и никто не посмѣлъ бы тому сопротивляться. Эти собранія, отрывавшія ихъ хоть не надолго отъ однообразія домашней жизни, ожидались обыкновенно съ нетерпѣніемъ. Люцилій намекаетъ на то, что нѣкоторыя женщины пользовались ими, чтобы избѣгнуть ревниваго присмотра своихъ мужей [53]). Благодаря этимъ торжествамъ, предпочитали жить въ большихъ городахъ, гдѣ праздники были блестящѣе и чаще повторялись [54]). Вскорѣ женщины привыкли появляться на нихъ со свитою, соотвѣтствовавшею ихъ богатству. Полибій, разсказывая объ Эмиліи, сестрѣ Павла Эмилія, вышедшей замужъ за Сципіона Африканскаго, говоритъ, «что въ подобныхъ церемоніяхъ она выставляла на показъ роскошь, соотвѣтствовавшую званію римлянки, раздѣлявшей жизнь и пышность такого человѣка, какъ Сципіонъ, что ее сопровождало огромное число служителей, и что, не говоря о богатствѣ ея наряда и экипажей, на этихъ торжествахъ впереди ея несли золотыя и серебряныя корзины, вазы и прочія вещи, необходимыя для жертвоприношеній» [55]). Слѣдовательно, религія, доставляла женщинамъ случай выходить изъ своихъ жилищъ и показываться въ обществѣ, въ обстановкѣ наиболѣе пріятной для ихъ самолюбія; это доставляло имъ такъ много удовольствія, что онѣ не могли не быть ей чрезвычайно благодарны. Религія пособила имъ также пробраться отчасти въ общественную жизнь, не смотря на предразсудки, ихъ отъ нея устранявшіе. Онѣ получали жреческія почести, были жрицами Юноны, Венеры, Цереры, и такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ культовъ имѣли большое значеніе и нѣсколько оффиціальный характеръ, будучи обязаны молиться за всѣхъ гражданъ и называясь иногда *sacerdos publica*, то общество привыкало не отдѣлять женщинъ отъ прочихъ должностныхъ лицъ города. Онѣ принимали также участіе въ культѣ Цезарей, столь тѣсно связанномъ съ управленіемъ провинцій и муниципій, и дѣлались жрицами обоготворенныхъ императрицъ. Чтобы почтить Ливію или Фаустину, получившимъ апоѳеозу по указу сената, выбирали супругу какого-нибудь важнаго лица, который самъ былъ облеченъ въ гражданскую должность и чаще всего былъ жрецомъ Августа или Антонина. И мужъ и жена имѣли одинаковыя преимущества; получивъ одинаковое назначеніе по выбору однихъ и тѣхъ же лицъ,

[53]) Aut operata aliquo in celebri cum aequalibu' fano. Ноній, 523, 9.

[54]) Теренцій, *Несура*, IV, 2, 16.

[55]) Полибій, XXXII, 12.

они вмѣстѣ благодарили своихъ избирателей и дѣлали имъ одинаковые подарки. *Фламиники* воздвигали памятники и давали игры такъ же какъ и *фламины*, и сограждане воздавали имъ одинаковыя почести за ихъ щедрость. Слѣдовательно, женщины были обязаны религіи почетомъ, удовлетворявшимъ ихъ тщеславію, и тѣмъ важнымъ значеніемъ, которымъ онѣ гордились. Очень естественно, что онѣ питали къ ней за это величайшую благодарность.

Единственною причиною, почему можно было бы подумать, что онѣ не слишкомъ дорожили древними богами, было то, что онѣ всегда первыя устремлялись къ новымъ божествамъ. Но ошибочно было бы считать подобное пристрастіе къ чужеземнымъ культамъ за какой-то протестъ противъ національнаго культа; оно доказываетъ скорѣе естественное послѣдствіе религіозныхъ чувствъ, развитыхъ въ ихъ сердцѣ древнимъ культомъ. Съ радостью принимая боговъ сосѣднихъ странъ, онѣ поступали такъ вовсе не изъ ненависти къ богамъ родного края; напротивъ того, благоговѣйное чувство, питаемое ими къ богамъ Рима, располагало ихъ почтительно принимать боговъ всѣхъ другихъ племенъ. Одна набожность приводила ихъ къ другой, и онѣ умѣли мирить ихъ между собою. Когда пылкость ихъ религіозныхъ чувствъ не находила себѣ болѣе удовлетворенія въ древней религіи, онѣ искали его въ другомъ мѣстѣ; но ихъ новыя вѣрованія были только дополненіемъ и прибавленіемъ къ прежнимъ. Выйдя изъ храмовъ Изиды или Цибелы, женщины не забывали идти молиться Юнонѣ и Минервѣ въ Капитолій или Діанѣ на Авентинъ. Такое смѣшеніе, которое онѣ позволяли себѣ безъ всякихъ колебаній совѣсти, продолжалось до того дня, когда набожность, приводившая ихъ прежде въ святилища египетскихъ и сирійскихъ боговъ, повергла ихъ ницъ передъ алтарями Христа Іисуса. На этотъ разъ имъ пришлось имѣть дѣло съ ревнивою религіей, не терпѣвшей никакого раздѣленія, и имъ надо было выбирать между новымъ культомъ и культомъ своего семейства и юности. Если онѣ не затруднились въ выборѣ, то это было не потому, чтобы ихъ прежняя религія мало занималась ими и не давала имъ достаточно мѣста, какъ это предполагали; ихъ предпочтеніе имѣло другія причины, дѣлающія имъ гораздо больше чести, и которыя было бы безполезно перечислять здѣсь.

III.

Заслуживають ли римлянки времен империи всѣхъ упрековъ, дѣлаемыхъ имъ современными имъ моралистами?—Идеи древнихъ римлянъ о женщинѣ.—Воспитаніе, каке ей давали.—Послѣдствія этого воспитанія. — Какимъ образомъ греки жили въ семействѣ.—Римляне начинаютъ подражать легкости греческихъ нравовъ.—Что остановило ихъ въ этомъ подражаніи.—Перемѣна въ воспитаніи и въ привычкахъ женщинъ во времена имперіи. — Эта перемѣна объясняетъ собою, почему моралисты сдѣлались къ нимъ такъ строги.—Что слѣдуетъ думать объ упрекахъ, съ которыми они къ нимъ обращаются? — Чѣмъ опровергаютъ сами себя Сенека и Тацитъ.

Гораздо труднѣе оцѣнить поведеніе женщинъ II-го вѣка, нежели понять, въ какое положеніе ставили ихъ тогда гражданское общество и религія. Писатели той эпохи вообще противъ нихъ; нѣтъ ни одного который не относился бы къ нимъ съ жесткостью, и самыя колкія нападки Ювенала направлены именно противъ женщинъ. Мы уже видѣли, что надо много ослабить его выходки; что же касается неудовольствія остальныхъ, то слѣдуетъ полагать, что оно было отчасти справедливо; частію также оно объясняется глубокою перемѣной, произошедшей въ привычкахъ и въ жизни женщинъ при имперіи; намъ необходимо ознакомиться съ нею, чтобы понять строгость сужденій о тогдашнихъ женщинахъ.

Древніе римляне составляли себѣ очень важное понятіе о матери семейства. Матрона должна была вести порядокъ въ домѣ и раздѣлять съ мужемъ домашнее управленіе. Такія занятія требовали серьезнаго ума и рѣшительнаго характера; эти достоинства и восхвалялись всего болѣе въ женщинахъ. Плавтъ приписываетъ ихъ имъ въ каждой своей піэсѣ. Кротость, грацію, нѣжность онъ предоставляетъ, кажется, куртизанкамъ; свободно рожденныя молодыя дѣвушки и женщины, выведенныя имъ на сцену, не знакомы съ увлеченіями и порывами страстей; мы никогда не видимъ ихъ робкими и задумчивыми; у нихъ рѣшительный видъ, и онѣ говорятъ твердымъ, мужественнымъ тономъ. Въ піэсѣ, называемой *Персъ*, одинъ безсовѣстный паразитъ хочетъ запутать свою дочь въ низкую интригу, которая должна доставить ему хорошіе обѣды до конца его дней. Та сопротивляется съ холодной твердостью; чтобы избѣгнуть опасности, грозящей ея чести, она не прибѣгаетъ ни къ слезамъ; она спокойна, разсудительна, споритъ и резонерствуетъ: «Мы очень бѣдны, говоритъ она отцу, но лучше жить въ нищетѣ,

нежели сдѣлать то, чего ты желаешь. Выносить бѣдность становится труднѣе, если къ ней присоединить безчестіе» [56]). Видя себя оскорбленной Амфитріономъ, Алкмена не старается тронуть его своими слезами, но хочетъ убѣдить его своими разсужденіями [57]). Она остерегается умолять его, а взываетъ къ его совѣсти и къ Юнонѣ, «матери семейства», и предлагаетъ ему доказать свою добродѣтель черезъ свидѣтелей; но какъ только она замѣчаетъ, что разубѣдить его невозможно, то принимаетъ рѣшеніе безъ малѣйшей слабости и требуетъ развода. «Возьми свое добро, говоритъ она ему, и возврати мнѣ то, что мнѣ принадлежитъ.» Она не хочетъ оставаться съ нимъ больше ни одной минуты и проситъ его дать ей людей, чтобы проводить ее къ себѣ, а когда онъ на минуту колеблется это сдѣлать, она рѣшается уйти одна, «сопровождаемая только своей стыдливостью». Очевидно, что именно такое понятіе составляли себѣ въ то время о женщинахъ, и что качества, приписываемыя имъ Плавтомъ, считались принадлежностью совершенной матроны.

Получаемое ими воспитаніе было вполнѣ способно развить въ нихъ эти качества. Въ богатыхъ домахъ молодыя дѣвушки, вмѣстѣ съ своими братьями, воспитывались образованными рабами; онѣ брали тѣ же уроки, учились по тѣмъ же книгамъ, слушали, какъ грамматикъ читалъ и объяснялъ великихъ поэтовъ Греціи и Рима, и съ молодыхъ лѣтъ получали охоту къ чтенію Менандра и Теренція, которую сохраняли потомъ во всю жизнь [58]). Плебеянокъ посылали въ общественныя школы, находившіяся на форумѣ, у Старыхъ Лавокъ [59]). Эти школы посѣщались также мальчиками [60]), и оба пола воспитывались въ нихъ вмѣстѣ, какъ это и теперь водится въ Америкѣ. Изъ такого совмѣстнаго воспитанія часто выходило то, что у нихъ были не только одинаковыя знанія, но даже одинаковыя свойства. Какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ не обучали искусствамъ, казавшимся несовмѣстными со строгостью римскихъ нравовъ; такъ напримѣръ, ихъ не позволяли обучать тан-

---

[56]) *Persa*, III, 1, 19.

[57]) *Amph.*, II, 2, 188:

Istuc facinus quod tu insimulas nostro generi non decet;
Tu, si me impudicitiae captas, non potes capere.

[58]) См. Фридленд. *Sittengesch. Roms*, I, 265.

[59]) Титъ Ливій, III, 44.

[60]) Марціалъ, говоря объ одномъ школьномъ учителѣ, выражается такъ: *invisum pueris virginibusque caput*, IX, 68.

цамъ. «Почти никто, говорилъ Цицеронъ, не станетъ плясать въ трезвомъ видѣ» [61]), Дѣвочекъ боялись также учить музыкѣ и пѣнію. Правда, что въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, послѣ большихъ несчастій или неожиданныхъ побѣдъ, молодыя дѣвушки на общественныхъ церемоніяхъ пѣли гимны богамъ, чтобы обезоружить ихъ гнѣвъ или возблагодарить ихъ за благодѣянія; но такіе случаи бывали рѣдки. Вообще на пѣніе смотрѣли не лучше, чѣмъ на пляску, и Сципіонъ Эмиліанъ, хотя и другъ Греціи, строго осудилъ и то и другое, когда во время своего цензорства приказалъ закрыть школы этихъ искусствъ, тихомолкой открывшіяся въ Римѣ. «Нашу молодежь развращаютъ, говорилъ онъ народу, обучая ее нечестнымъ искусствамъ. Ее учатъ пѣть, на что наши предки смотрѣли, какъ на позоръ для свободнаго человѣка. Наши молодыя дѣвушки и молодые люди изъ хорошихъ семействъ отправляются танцовать въ школы съ какими-то фиглярами. Мнѣ это говорили, но я не хотѣлъ вѣрить, чтобы кто-нибудь рѣшился давать подобное воспитаніе своимъ дѣтямъ, нося почтенное имя. Меня повели въ одну изъ такихъ школъ и, клянусь Геркулесомъ! я видѣлъ тамъ болѣе пятисотъ мальчиковъ и дѣвушекъ. Въ этой толпѣ находился (я краснѣю за Римъ!) сынъ одного кандидата на публичныя почести, двѣнадцати-лѣтній ребенокъ, еще носящій на шеѣ буллу *); онъ танцовалъ съ бубнами такой непристойный танецъ, на какой не рѣшился бы ни одинъ безпутный рабъ!» [62]) Танцы запрещались строже, нежели пѣніе, но и самая музыка казалась подозрительною; это искусство менѣе говоритъ разуму, нежели чувствительности, заставляетъ больше мечтать, чѣмъ дѣйствовать, между тѣмъ какъ всѣ желали, чтобы женщина не менѣе мужчины была готова дѣйствовать.

Подобное воспитаніе было, конечно, не безполезно въ томъ отношеніи, что придало римлянкамъ первыхъ вѣковъ энергическій и мужественный характеръ. Нѣкоторые найдутъ, можетъ быть, что онѣ простирали его слишкомъ далеко. Въ настоящее время въ молодыхъ дѣвушкахъ нравится болѣе робкій, нѣжный и менѣе рѣшительный видъ. Слабость въ нихъ всего привлекательнѣе; но римлянамъ въ нихъ болѣе нравилась сила. Когда мужчина воспитываетъ женщину для самаго себя, очень естественно, что онъ

[61]) Циц., *Pro Murena*, 6: *nemo fere saltat sobrius*.
[62]) Макроб. *Sat.*, III, 14, 7.

*) Родъ амулета.

старается прежде всего придать ей кротость и грацію; эти качества дѣлаютъ женщинъ всего пріятнѣе для тѣхъ, съ кѣмъ онѣ будутъ жить; но если дѣло идетъ о томъ, чтобы воспитать ихъ для нихъ самихъ и въ видахъ ихъ собственнаго интереса, если хотятъ сдѣлать ихъ способными играть дѣятельную роль въ жизненной борьбѣ, надо, чтобы онѣ пріобрѣли прежде всего такія свѣдѣнія, которыя дали бы имъ возможность принимать участіе въ этой борьбѣ, не стоя въ то же время на низшей степени, чѣмъ мужчины. Если не озаботятся извѣстнымъ образомъ развить въ нихъ умъ и закалить душу, онѣ будутъ легко побѣждены. Нѣкоторыхъ непріятно поражали слова Ла-Брюйера, что нельзя ничего поставить выше прекрасной женщины, имѣющей достоинства честнаго мужчины. Это правило, казавшееся удивительнымъ въ XVII вѣкѣ, становится справедливѣе съ каждымъ днемъ. Въ обществѣ, подобномъ нашему, гдѣ свѣтскія отношенія утратили отчасти свое прежнее значеніе, и люди стали жить уединеннѣе, качества, кажущіяся особенно блестящими внѣ дома и выставляемыя преимущественно передъ незнакомыми людьми, утратили прежнюю цѣну. Напротивъ того, мы все болѣе и болѣе привязываемся къ тѣмъ, которыя необходимы для домашней жизни и для общественныхъ отношеній, каковы: твердость въ поступкахъ, разсудительность, здравомысліе и сила характера. Не надо быть черезчуръ великимъ пророкомъ для того, чтобы предсказать, что такъ какъ положеніе обоихъ половъ становится все сходнѣе, то воспитаніе женщинъ будетъ съ каждымъ днемъ приближаться къ воспитанію мужщинъ, и что мы возвратимся въ извѣстной степени къ тому идеалу, какой Римляне составляли себѣ о матери семейства.

Вышло однако такъ, что не будь этотъ идеалъ отчасти смягченъ, онъ могъ бы представлять собою нѣкоторую опасность. Когда нравы сдѣлались утонченнѣе, а умы образованнѣе, и когда чаще стали собираться въ обществѣ, нежели сидѣть дома, отъ женщинъ начали, вѣроятно, требовать болѣе того, чѣмъ довольствовались прежде. Живя по новому, чувствовали новыя потребности, и можно было опасаться, какъ бы не прибѣгли къ системѣ Грековъ для того, чтобы удовлетворить ихъ. Въ Греціи такъ же, какъ и въ Римѣ, женщина обязана была управлять хозяйствомъ и вести домъ, но домъ и хозяйство не имѣли тамъ такого важнаго значенія, какъ въ Римѣ. Грекъ старался какъ можно меньше быть дома; онъ искалъ тамъ только самаго необходимаго,—крова и пищи, какъ говоритъ Лафонтенъ. Что касается излишка, составляющаго

прелесть существованія, онъ добывалъ его себѣ въ другомъ мѣстѣ. У Грековъ былъ обычай открыто раздѣлять жизнь на двѣ части: та, которая проводилась дома, была самая короткая и самая скучная; оставаться дома никому не нравилось: тамъ не съ кѣмъ было поговорить съ удовольствіемъ. «Есть ли хоть кто-нибудь, говорилъ Сократъ одному изъ своихъ друзей, съ кѣмъ бы ты меньше говорилъ, чѣмъ съ своей женою?» [63]. Кто хотѣлъ повеселиться, дать развлеченье своему уму и пищу своей душѣ, тотъ уходилъ изъ дому и искалъ внѣ его то, чего ему не могла дать домашняя жизнь. Такимъ образомъ куртизанка сдѣлалась естественнымъ дополненіемъ брака. Такое раздѣленіе никого не поражало, и Демосѳенъ говорилъ совершенно просто: «У насъ есть друзья для удовольствій, а жены для того, чтобъ рожать намъ дѣтей и вести порядокъ въ домѣ» [64]).

Правда, что и въ Римѣ не было недостатка въ куртизанкахъ. По окончаніи второй пунійской войны ихъ было тамъ, по словамъ Плавта, больше, чѣмъ мухъ въ жаркую погоду [65]); но врядъ ли онѣ были похожи на Аспазію, очаровавшую Перикла, или на Леонтіонъ, умѣвшую писать философскія сочиненія. Онѣ представляли гораздо менѣе обольщеній деликатнымъ умамъ, и хотя общественная нравственность была къ нимъ очень снисходительна и не имѣла ничего возразить «тѣмъ, кто, вмѣсто блужданія по запрещеннымъ тропинкамъ, довольствовался ходомъ по большой дорогѣ [66])», но все-таки общество, посѣщавшее ихъ, было не такъ многочисленно и, главное, не такое избранное, какъ въ Греціи. Въ это время римлянинъ еще не чувствовалъ такой потребности, какъ грекъ, развлекаться внѣ дома. Окончивъ дѣла, онъ возвращался домой и охотно оставался тамъ; онъ былъ счастливъ тѣмъ, что могъ отдохнуть въ своей семьѣ отъ трудовъ государственной жизни.

Менѣе поэтъ, менѣе артистъ и менѣе любопытный, чѣмъ аѳинянинъ, онъ легче обходился безъ тѣхъ серьёзныхъ или пустыхъ разговоровъ, изящныхъ праздниковъ, избранныхъ обществъ, на которыхъ предсѣдательствуетъ умная женщина. Но и у него долженъ былъ явиться вкусъ къ нимъ, по мѣрѣ того, какъ онъ луч-

---

63) Ксеноф., *Econ.*, III, 12.

64) Демосѳ., *Contra Neaeram. Sub. fin.*

65) Плавтъ, *Trucul.*, I, 1, 45.

66) Плавтъ, *Curcul.*, I, 1, 33.

ше знакомился съ Греціей и освоивался съ ея литтературой и искусствами. Около VII-го вѣка отъ основанія города нравы Рима подверглись важнымъ перемѣнамъ. Римляне стали находить меньше удовольствія въ семейной жизни, и, по несчастному совпаденію, случилось такъ, что по мѣрѣ того, какъ уменьшалась прелесть, удерживавшая римлянъ дома,—та прелесть, которая манила ихъ къ себѣ внѣ дома, постепенно увеличивалась. Подъ конецъ римскія куртизанки начали соперничать умомъ и граціей съ куртизанками Коринѳа и Аѳинъ.

Ихъ воспитывали очень заботливо; тѣ, которыхъ впередъ назначали для удовольствія знатныхъ молодыхъ людей, были украшены всѣми талантами, необходимыми для того, чтобы плѣнить ихъ и удержать при себѣ. Овидій перечисляетъ все, чему ихъ надо учить [67]); это очень полное образованіе. «Нужно ли говорить, что онѣ должны умѣть танцовать? Необходимо, чтобы онѣ умѣли въ концѣ обѣда двигать въ тактъ руками, когда этого желаютъ гости». Кромѣ того, онѣ должны быть музыкантшами и граціозно держать правой рукою смычекъ, а лѣвою—киѳару; главное, имъ необходимо умѣть пѣть: «Пѣніе пріятная вещь. Многія женщины, необладавшія красотой, увлекали сладостью своего голоса. Пусть онѣ поютъ то тѣ пѣсни, что слышатся въ театрѣ, то египетскія аріи.» Не безполезно также, чтобы онѣ умѣли хорошо писать: «Развѣ не случалось много разъ, что сомнительная побѣда надъ возлюбленнымъ доканчивалась съ помощью умной записки, и что, напротивъ того, дурной слогъ женщины разрушалъ дѣйствіе, произведенное ея красотою?» Онѣ должны знать стихи поэтовъ, воспѣвавшихъ любовь, особенно Каллимаха и Сафо, а также ихъ римскихъ подражателей. У Горація говорится о большихъ школахъ, гдѣ молодыя, прекрасныя вольноотпущенницы учились пѣть стихи Катулла, подъ управленіемъ величайшихъ музыкантовъ Рима [68]). Всѣ эти таланты, пріобрѣтаемые ими съ такимъ трудомъ, были для нихъ небезвыгодны. Нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣли себѣ такія же блестящія состоянія, какъ и греческія куртизанки. Такова была комедіантка Циѳериса, любовница богатаго Эвтрапела и Антонія, невѣрность которой причинила столько горя Галлу, что другъ его, Виргилій, въ своей эклогѣ счелъ нужнымъ созвать всѣхъ боговъ Олимпа, чтобы они утѣшили

---

[67]) Овид., *Ars am.*, III, 315.

[68]) Гор., *Sat.*, 1, 10, 9!, и комментаторы.

его. Цицеронъ разсказываетъ, что обѣдалъ съ нею однажды въ обществѣ мудраго Аттика и другихъ значительныхъ людей, и весело извиняется въ этомъ, при чемъ напоминаетъ, что философъ Аристиппъ не стыдился быть любовникомъ Лаисы [69]). Итакъ, примѣръ грековъ начиналъ заражать римлянъ; кажется, что и они стали привыкать къ раздѣленію жизни между куртизанкою и законной супругою; Антоній позволилъ себѣ проѣхать всю Италію въ сопровожденіи двухъ носилокъ, изъ которыхъ въ однихъ несли его жену, а въ другихъ Циѳерису [70]).

Однакожь Римляне остановились на этомъ спускѣ подъ гору. Не смотря на большія отступленія, они никогда ни дошли вполнѣ да той легкости греческихъ нравовъ, которая ставитъ супругу и куртизанку почти на одинаковую линію. Отъ этого ихъ спасло отчасти то, что римскія женщины навыкли заниматься не однѣми только серьёзными обязанностями жизни, но и болѣе мелочными удовольствіями, запрещавшимися имъ общественнымъ мнѣніемъ. Свою прежнюю угловатость онѣ замѣнили болѣе развязными манерами, позволили себѣ учиться музыкѣ и пѣнію, сдѣлались чувствительнѣе къ наслажденіямъ литтературою и искусствами, рѣшились выходить изъ своего строгаго семейнаго круга, чтобы чаще посѣщать свѣтскія сборища, и такимъ образомъ отняли у куртизанокъ самое сильное орудіе соблазна. Римлянинъ находилъ въ своей женѣ тѣ качества, которыя раздѣляли грека между женою и куртизанкою, и вслѣдствіе того имѣлъ менѣе поводовъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Во всѣ времена бывали матроны, стремившіяся освободиться отъ излишней скромности, предписываемой имъ предразсудками. Даже въ тѣ эпохи, когда нравы были всего строже, нѣкоторыя изъ нихъ пытались дать себѣ болѣе свободы и позволяли себѣ пріобрѣтать подозрительные таланты. Около IV-го вѣка весталка Постумія была обвинена въ нарушеніи своихъ обязанностей. Единственная причина, почему о ней такъ думали, состояла въ томъ, что она слишкомъ хорошо одѣвалась, и что умъ ея находили слишкомъ игривымъ; ея наклонность къ нарядамъ и къ веселью заставила заподозрить ее во всѣхъ преступленіяхъ. Однако ее оправдали; но верховный жрецъ, возвращая ее къ ея обязанностямъ, не преминулъ посовѣтовать ей вести отнынѣ болѣе степенную жизнь и исполнять свою службу «скорѣе какъ святая

---

69) Циц., *Ad fam.*, IX, 26.
70) Циц. *Ad Att.*, X, 10, 5.

женщина, нежели какъ умная особа.“ [71]) Къ концу республики люди сдѣлались уже далеко не такъ строги. Число хорошо воспитанныхъ и образованныхъ женщинъ было въ то время гораздо значительнѣе. Плутархъ говоритъ о Корнеліи, вышедшей замужъ за Помпея, „что она была очень начитана, играла на лирѣ; знала геометрію и могла съ пользою слушать философскіе разговоры.» Къ этому онъ прибавляетъ, „что она съумѣла избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, отъ которыхъ не всегда спасаются ученыя женщины, а именно преувеличенія и педантизма.“ [72]) Очень вѣроятно, что Корнелія скрывала свои таланты, чтобы не возбудить противъ себя древнихъ предразсудковъ, и большая часть женщинъ, уважавшихъ себя, поступали подобно ей. Другія открыто смѣялись надъ общественнымъ мнѣніемъ и жили безъ всякаго стѣсненія, подобно греческимъ женщинамъ легкаго поведенія. Такова была Клодія, позволявшая себѣ останавливать на улицѣ молодыхъ людей и приглашать ихъ на свои праздники. Мы знаемъ, что она любила талантливыхъ поэтовъ и сама при случаѣ писала стихи. Такова была также Семпронія, чрезвычайно умная женщина, отлично знавшая греческую и латинскую литтературу, и о которой Саллюстій говоритъ, „что она танцовала лучше, чѣмъ подобаетъ честной женщинѣ.“ [73]) Но она менѣе всего заботилась быть честною и даже казаться ею.» Она ничѣмъ такъ мало не дорожила, какъ своею репутаціею или честью.“ Она дѣлала долги и не платила кредиторамъ, была замѣшана въ постыдныя дѣла мошенничества и даже убійства, жила разными продѣлками, пока, наконецъ, лишась всякаго кредита и дохода, не принуждена была замѣшаться въ заговоръ Катилины.

Примѣръ Семпроніи и Клодіи былъ непріятенъ въ томъ отношеніи, что какъ-бы оправдывалъ собою мнѣніе людей, опасавшихся для женщинъ послѣдствій менѣе строгаго воспитанія и болѣе свободнаго поведенія. Они дѣйствительно имѣли нѣкоторое основаніе бояться ихъ: законы общественнаго мнѣнія всѣ поддерживаютъ отчасти другъ друга; если между ними есть много пустыхъ, то есть также и очень почтенные, и когда человѣкъ привыкаетъ пренебрегать одними, то онъ естественно начинаетъ менѣе дорожить и другими. Удовольствіе сопротивленія, самое живое и чувстви-

---

[71]) Титъ Ливій, IV, 44, *sancte magis quam scite.*

[72]) Плут., *Pomp.*, 55.

[73]) *Catil.* 25.

тельное изъ всѣхъ удовольствій, часто заставляетъ человѣка идти наперекоръ общепринятымъ правиламъ, и общество не всегда ошибается, предполагая, что привычка не соблюдать пустыхъ правилъ заставляетъ менѣе уважать и серьёзныя. Впрочемъ, не смотря на громкія жалобы честныхъ людей, съ сожалѣніемъ смотрѣвшихъ на удаленіе отъ древнихъ нравовъ, римское общество VII вѣка было, повидимому, очень расположено оссободиться отъ прежней строгости. Движеніе это было еще усилено катастрофою, положившею конецъ республикѣ. Въ двадцатилѣтній промежутокъ, отдѣлявшій битву при Фарсалѣ отъ битвы при Акціумѣ, который можно по справедливости назвать междуцарствіемъ, такъ какъ въ это время не было другой власти, кромѣ силы, никто не разсчитывалъ на слѣдующій день, и одно сраженіе могло измѣнить рѣшительно все,—въ это время люди довольствовались тѣмъ, что жили со дня на день. Эта странная эпоха напоминаетъ собою отчасти время французской деректоріи: вслѣдъ за кровавыми революціями, наканунѣ предвидимыхъ переворотовъ, никто не думаетъ о будущемъ, не заботится о прошедшемъ, всякій отвыкаетъ уважать преданія и считаетъ все для себя дозволеннымъ. Въ это время мы видимъ какъ одинъ государственный человѣкъ, консуляръ Планкъ, придѣлываетъ себѣ рыбій хвостъ, окрашиваетъ себя въ морской синій цвѣтъ и, покрывъ голову тростникомъ, пляшетъ танецъ морского бога Главка на обѣдѣ у Клеопатры. [74]) Когда возстановился порядокъ, тогда измѣнились мнѣнія. Не смотря на выраженное Августомъ желаніе оживить прошлое, невозможно было вполнѣ возратиться къ древнимъ правиламъ. Съ этой минуты никто уже не удивляется, видя, какъ люди лучшаго общества играютъ на киѳарѣ или на лирѣ, танцуютъ или сочиняютъ стихи. Въ одной изъ своихъ одъ Горацій, воспѣвая подъ именемъ Лицимніи прелестную жену Мецената, бывшую одной изъ покорившихъ сердце Августа, нисколько не затрудняется хвалить ее за то, что она хорошо поетъ, и прибавляетъ: «Нельзя сказать также, что бы ей не шло вмѣшиваться въ плясовые хоры, принимать участіе въ рѣзвыхъ играхъ и сплетать свои руки съ руками молодыхъ дѣвушекъ въ праздничные дни». [75]) Поэтъ Стацій, будучи небогатъ, разсчитывалъ на таланты своей дочери, чтобы выдать ее замужъ; могла ли она не побѣдить будущаго мужа, умѣя такъ хорошо играть на

---

[74]) Веллеій Патерк. II, 83.

[75]) Гор. *Od.*, II, 12, 17

лирѣ, двигать своими бѣлыми руками въ размѣренныхъ въ тактъ движеніяхъ и пѣть стихи своего отца такъ, что ей могли-бы позавидовать музы? [76]) Плиній сообщаетъ намъ, что его жена, Кальпурнія, чрезвычайно заботилась объ его литтературной славѣ; она читала и перечитывала его книги, даже заучила ихъ наизустъ, перелагала его стихи на музыку и пѣла ихъ, аккомпанируя себѣ на киѳарѣ. «Ни одинъ музыкантъ, говоритъ съ восхищеніемъ Плиній, не давалъ ей уроковъ; она ученица любви, лучшаго изъ учителей» [77]). Эти естественные или пріобрѣтенные таланты не принадлежали къ числу тѣхъ, которые древніе Римляне расхваливали въ своихъ женахъ. Если бы тѣ имѣли ихъ, они, быть можетъ, наслаждались-бы ими у себя дома, въ часы отдыха и уединенія, но очень остерегались-бы заявлять о нихъ въ обществѣ. Во времена Плинія такихъ сомнѣній уже не существовало. Исторія показываетъ намъ, что во все продолженіе имперіи, женщины гораздо менѣе подчинялись древнимъ предразсудкамъ, были гораздо свободнѣе и чаще выѣзжали въ свѣтъ, гдѣ старались показаться съ самой лучшей стороны. Нѣкоторые ничѣмъ недовольные люди огорчились этимъ; есть какой-то оттѣнокъ неудовольствія и сожалѣнія въ слѣдующемъ размышленіи Тацита по поводу Ливіи: ,,она была болѣе предупредительна, чѣмъ сколько это разрѣшалось женщинамъ прежняго времени» [78]). Конечно, такое страстное желаніе нравиться, такая жажда умственныхъ наслажденій и такая легкость нравовъ могли представлять нѣкоторую опасность; но прежде чѣмъ осуждать ихъ, надо вспомнить, что они имѣли также многія преимущества. Хотя это мнѣніе можетъ показаться сначала парадоксомъ, но, очень можетъ быть, что они послужили къ поддержанію въ Римѣ остатковъ семейной жизни. Разбирая поведеніе женщинъ во времена имперіи, не забудемъ того, что если онѣ занимались искуствами, запрещаемыми дотолѣ общественнымъ мнѣніемъ, если онѣ сдѣлались болѣе свѣтскими и старались быть болѣе привлекательными, то этимъ самымъ онѣ уменьшали въ мужщинѣ желаніе помѣщать въ другомъ мѣстѣ свою любовь и уваженіе, свои обязанности и удовольствія и что, можетъ быть, только этой цѣною Римляне избѣгли того грустнаго раздѣленія жизни, которое такъ легко принялось у грековъ.

---

[76]) Стац. *Sylvae.* III, 5, 64.
[77]) *Epist.* IV. 19.
[78]) Тац. *Ann.* V, *L. comis ultra quat antiquis feminis probatum.*

Мнѣ кажется, что высказанныя нами размышленія, дѣлая насъ болѣе справедливыми къ Римлянкамъ II-го вѣка, въ то же время помогаютъ намъ понимать, почему вся тогдашняя литтература относилась къ нимъ такъ строго. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ-бы древнія правила держались такъ долго, какъ въ Римѣ. Ихъ повторяли даже тогда, когда уже не исполняли; переставъ быть живыми руководящими преданіями, они продолжали существовать въ видѣ ворчливыхъ предразсудковъ, дававшихъ удобное оружіе всѣмъ недовольнымъ. Общественное мнѣніе охотно оставалось вѣрнымъ имъ. Даже тогда, когда оно чувствовало необходимость уступить что нибудь требованіямъ настоящаго, ему было очень трудно отстать отъ былого; ко всѣмъ его уступкамъ примѣшивалось немного неудовольствія, и оно считало нужнымъ за каждую свою снисходительность отплачивать какой-нибудь строгостью. Позволяя женщинамъ вести свободную жизнь, оно расточало похвалы той эпохѣ, когда онѣ жили болѣе уединенно, судило нравы своего вѣка по прежнимъ понятіямъ и, принимая новые принципы, возмущалось ихъ послѣдствіями. Такія наклонности, общія въ то время всѣмъ моралистамъ, неизбѣжно приводили ихъ къ несправедливости и преувеличенію. Дѣйствія, сами по себѣ ничего незначащія, дѣлаются преступными если о нихъ судятъ по предразсудкамъ прежняго вѣка. Ювеналъ негодуетъ на женщинъ за то, что онѣ желаютъ знать политическія новости, [79]) бѣгаютъ по городу и даже останавливаютъ вопросами попадающихся имъ офицеровъ,— совершенно подобно тому, какъ Катонъ вмѣнялъ имъ въ преступленіе то, что онѣ ходятъ на форумъ и просятъ сенаторовъ по поводу какого нибудь интереснаго для нихъ дѣла; [80]) между тѣмъ времена были уже не тѣ. Въ эпоху Ювенала онѣ принимали большее участіе въ общественныхъ дѣлахъ; потому очень естественно, что имъ было болѣе любопытно слышать о нихъ

Разсматривая поближе упреки, дѣлаемые имъ въ то время моралистами, мы замѣчаемъ, что недостатки, на которые они нападаютъ съ такою горечью, были почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новаго образа жизни женщинъ; источникомъ была эманципація и независимость, которыми многія изъ нихъ могли злоупотреблять, но которыя тѣмъ не менѣе были прогресомъ и благомъ для человѣчества. Такъ, напримѣръ, ихъ часто обвиняютъ въ томъ,

---

79) Ювеналъ, VI, 339.

80) Титъ-Ливій, XXXIV, 2.

что онѣ сдѣлались безстыжими, нахальными, что онѣ любятъ привлекать къ себѣ взоры и обнаруживать повсюду свое кокетство. «Если матрона, говоритъ риторъ Порцій Латранъ, желаетъ быть въ безопасности отъ покушеній смѣльчаковъ, она должна одѣваться лишь на столько хорошо, чтобы не казаться нечистоплотною. Она должна окружить себя служанками почтеннаго возраста, одинъ видъ которыхъ удалялъ-бы волокитъ. Ей подобаетъ ходить всегда съ опущенными глазами. Встрѣтивъ одного изъ любезниковъ, кланяющагося рѣшительно всѣмъ встрѣчнымъ женщинамъ, пусть она лучше покажется ему невѣжливой, нежели слишкомъ предупредительной. Если ей необходимо возвратить поклонъ, пусть она сдѣлаетъ это стыдливо и съ краской на челѣ. Видъ ея долженъ быть таковъ, что если бы кто-нибудь рѣшился сдѣлать ей безчестное предложеніе, она лицомъ своимъ, прежде чѣмъ словами, отвѣтила бы нѣтъ. Вотъ какимъ образомъ онѣ должны были бы охранять себя, чтобы сразу обезотваживать влюбленныхъ; но посмотрите, какъ онѣ вмѣсто того являются съ лицомъ, украшеннымъ соблазнами, а одѣтыя—немного болѣе того, чѣмъ еслибъ на нихъ вовсе не было одеждъ (*paulo obscurius quam posita veste nudae*), съ такой веселой рѣчью и ласковымъ видомъ, что у всякаго является смѣлость подойти къ нимъ; удивитесь ли вы послѣ того, какъ онѣ обнаруживаютъ свои постыдныя желанія своимъ нарядомъ, походкою, словами и лицомъ, что нѣкоторые люди не умѣютъ воздержать себя отъ нападенія на подобныхъ безстыдницъ!» [81]) Очень можетъ быть, что хотя Порцій Латранъ привыкъ декламировать, однако на этотъ разъ изобразилъ не вымышленный портретъ; но тѣхъ недостатковъ, въ какихъ онъ обвиняетъ женщинъ и въ какихъ ихъ упрекаютъ также другіе, женщинамъ вообще очень трудно избѣжать, если ихъ не запираютъ въ гинекеи; и дѣйствительно, тогдашніе моралисты и сатирики какъ-бы сожалѣютъ о томъ, что ихъ выпустили оттуда. Они не могутъ привыкнуть видѣть ихъ свободными, независимыми, являющимися въ свѣтѣ и интересующимися его дѣлами, и не перестаютъ обвинять ихъ въ этомъ. Между тѣмъ оно было вовсе не такою новостью, какъ это полагали: въ Римѣ онѣ были вообще менѣе сдержаны, нежели въ Греціи. Хотя римская матрона въ своей эпитафіи гордится тѣмъ, «что она сидѣла дома» [82]), намъ извѣстно, что она не

---

[81]) Сен., *Suas.*, II, 15.

[82]) *Corp. inscr. lat.*, I, 1007: *domum servavit, lanam fecit*. Что древнія правила упорно продолжали существовать, какъ объ этомъ было выше говоре-

особенно затруднялась выходить изъ дому. Она сопровождала своего мужа на званые обѣды, и единственная разница между ними состояла въ томъ, что она, по древнему обычаю, садилась на стулъ, между тѣмъ какъ онъ ѣлъ лежа, по греческому обычаю [83]). Даже молодыя дѣвушки приходили туда съ своими родителями; говорятъ только, что ихъ изъ предосторожности заставляли уходить при послѣднемъ блюдѣ, «для того чтобы ихъ невинныя уши не услыхали какого-нибудь непристойнаго выраженія» [84]). Мы уже видѣли, что во время республики женщины жили не въ слишкомъ строгомъ заключеніи; при имперіи оно сдѣлалось еще легче. Въ это время онѣ всюду бываютъ, и ихъ можно встрѣтить во всѣхъ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ. Въ Римѣ государи принимаютъ у себя за столомъ супругъ сенаторовъ вмѣстѣ съ ихъ мужьями [85]). Женщины были даже на обѣдѣ данномъ Оттономъ знатнѣйшимъ лицамъ имперіи въ тотъ день, когда его возмутившіеся солдаты едва не перерѣзали всѣхъ сенаторовъ [86]); женщины находились равнымъ образомъ въ числѣ немногихъ избранныхъ и добродѣтельныхъ людей, присутствовавшихъ при послѣднихъ бесѣдахъ Тразеи [87]). Въ муниципіяхъ, когда какой-нибудь щедрый сановникъ задавалъ обѣдъ своимъ согражданамъ, на немъ часто собирались жители обоихъ половъ. Женщины принимали также участіе въ многочисленныхъ пирахъ, всюду задаваемыхъ корпораціями [88]). Очень можетъ быть, что онѣ злоупотребляли иногда возможностью бывать въ свѣтѣ, чтобы назначать свиданія или праздновать вмѣстѣ отвратительныя мистеріи Котитто; что на этихъ обѣдахъ, гдѣ гости считали для себя все дозволеннымъ [89]), онѣ представляли иногда непріятныя зрѣлища; Ювеналъ говоритъ объ этомъ, и мы можемъ ему вѣрить; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо думать,

---

но, доказывается тѣмъ, что на памятникахъ имперіи довольно часто упоминаются тѣ качества, которыми женщины гордились при республикѣ. Онѣ продолжали называться *domisedae* и *lanificae*, хотя вовсе не пряли шерсти и почти совсѣмъ не сидѣли дома. Это не болѣе, какъ преданіе и воспоминаніе о древнемъ идеалѣ.

83) Валерій Максимъ, II, 1, 2.

84) Варронъ, *Sat. men.*, с. 95 (изд. Ризе).

85) Діонъ, LX, 7.

86) Тац., *Hist.*, I, 31.

87) Тац., *Ann.*, XVI, 34.

88) Терт., *Ad uxorem*, II, 6.

89) Квинт., I, 2,8 : *omne convivium obscaenis cantibus strepit, pudenda dictu spectantur.*

что большинство женщинъ вело себя иначе. Во всякомъ случаѣ хорошо, что ихъ допустили туда, такъ какъ ихъ присутствіе водворило болѣе приличія и сдержанности.

Кромѣ того ихъ обвиняютъ еще въ расточительности. «Онѣ, кажется, воображаютъ себѣ, говоритъ Ювеналъ, что золотые выростаютъ въ сундукахъ по мѣрѣ того, какъ ихъ тратятъ. Онѣ никогда не разсчитываютъ, во сколько можетъ обойтись какое-нибудь удовольствіе» [90]). Богатыя покупаютъ по безумнымъ цѣнамъ хрустальныя чаши и мурринскіе сосуды; другія продаютъ семейное серебро, чтобы взять на прокатъ одеждъ и служанокъ, отправляясь въ театръ. Не умѣть соразмѣрять расходъ съ приходомъ, задолживаться и раззоряться для того, чтобы блистать свыше средствъ, «не уважать своей бѣдности», по прекрасному выраженію Ювенала,—это порокъ, встрѣчающійся во всѣ времена. Предположимъ, пожалуй, что эта эпоха страдала отъ него больше, чѣмъ другія; но въ нѣкоторыхъ изъ расходовъ, за какіе обвиняютъ женщинъ, онѣ легко могутъ оправдаться. Онѣ принимали широкое участіе въ великодушныхъ порывахъ, охватывавшихъ подчасъ римское общество во времена имперіи. Хотя онѣ и не принимали, подобно мужщинамъ, прямаго участія въ дѣлахъ своего города, но вмѣстѣ съ тѣмъ не были имъ совершенно чужды, какъ мы это уже видѣли. Съ этихъ поръ онѣ считали себя наравнѣ съ мужщинами, обязанными оказывать щедрость своимъ согражданамъ. Онѣ воздвигаютъ портики, ставятъ статуи, строятъ храмы [91]). Богатая женщина считаетъ себѣ за честь, чтобы обитаемая ею муниципія принимала участіе въ радостныхъ событіяхъ ея семейства. Пудентилла, бывшая замужемъ за философомъ Апулеемъ, роздала жителямъ небольшаго африканскаго города 50.000 сестерцій (10.000 фр.), по случаю свадьбы своего сына [92]). Иногда кажется даже, что щедрость внушена имъ больше благотворительностью, нежели политикою и тщеславіемъ. Въ надгробной надписи одной нумидійской женщины говорится, «что она имѣла только одного мужа, была цѣломудренна, добропорядочна, безупречна», и затѣмъ прибавляется, «что она была матерью для всѣхъ, являлась на помощь ко всѣмъ несчастнымъ и никого не огорчала, *omnium hominum parens, omnibus subveniens, tristem fecit neminem*» [93]). Подоб-

[90]) Ювеналъ, VI, 362.

[91]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 2459. Орелли, 5128.

[92]) Апулей, *De magio*, 88.

[93]) Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 1897.

ная эпитафія годилась бы даже для христіанки. Несправедливо было бы забывать, осуждая ихъ расходы, что если многія изъ нихъ раззорялись на свои удовольствія, зато другія широко пользовались своимъ богатствомъ, чтобы дѣлать добро.

Случалось также, что надъ ними смѣялись за ихъ педантизмъ, и Ювеналъ изобразилъ очень забавный портретъ ученой женщины, которая надоѣдаетъ за столомъ своимъ гостямъ, сравнивая Гомера съ Виргиліемъ, хвастается тѣмъ, что никогда не отступаетъ отъ синтактическихъ правилъ и не можетъ простить мужу сдѣланный имъ солецизмъ [94]). Но если педантизмъ смѣшонъ, и его слѣдуетъ остерегаться, зато образованіе великое благо, и женщина должна имѣть въ немъ одинаковое участіе съ мужщиной. Образованныхъ женщинъ было очень много въ I-мъ вѣкѣ. Многія изъ нихъ до такой степени любятъ литературу, что сами умѣютъ писать книги, и это никого, повидимому, не удивляетъ и не скандализуетъ. Агриппина, мать Нерона, написала записки о своей молодости, и онѣ были изданы. Плиній разсказываетъ, что одинъ изъ его друзей, очень значительное лицо, читалъ ему письма, вѣроятно, своей жены, и что они были прелестны: «Можно было подумать, что слушаешь Теренція или Плавта въ прозѣ» [95]). Намъ осталась отъ Сульпиціи, жившей при Траянѣ, энергическая сатира противъ Домиціана по поводу изгнанія философовъ. Говорятъ, будто она издала также собраніе любовныхъ стихотвореній; хотя эти элегіи и были черезъ чуръ страстны, но никто не имѣлъ права осуждать ихъ, потому что она писала ихъ къ своему мужу, по поводу чего Марціалъ замѣтилъ, что она нашла возможность быть въ одно время, и очень легкомысленной, и очень серьёзной [96]). Занимаясь такъ охотно литературою, трудно иногда не злоупотреблять ею, и лишь тогда, когда ученыя женщины встрѣчаются въ большомъ количествѣ, между ними могутъ попасться педантки. Эти злоупотребленія, какъ и многія другія, столь охотно перечисляемыя сатириками, нисколько не удивительны при перемѣнѣ, происшедшей въ образѣ жизни женщинъ. Катонъ говорилъ, что это существа неукротимыя, не умѣющія ни въ чемъ соблю-

94) Ювеналъ, VI, 434.
95) *Epist.*, I, 16.
96) Марц., X, 35:
Nullam dixeris esse nequiorem,
Nullam dixeris esse sanctiorem.

дать должной мѣры [97]. Въ свободѣ, которую онѣ выпросили себѣ или взяли съ боя, многія зашли слишкомъ далеко. Уже прежде говорили, что въ тотъ день, когда онѣ станутъ равны мужщинамъ, онѣ захотятъ господствовать надъ ними [98]; что и не преминуло случиться. Почувствовавъ себя госпожами надъ самими собою, а иногда и надъ другими, онѣ сдѣлались вспыльчивы, надменны, нестерпимы. Свою домашнюю власть онѣ проявляли съ безпощадной жестокостью, грубо обращаясь съ мужьями и колотя рабовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, желая довести равенство до конца, захватывали себѣ мужскія занятія; были женщины адвокаты, юрисконсульты и, что всего важнѣе, гладіаторы и атлеты. «Онѣ избѣгали своего пола» [99], говоритъ сатирикъ и брали то, что было всего непріятнѣе въ нашемъ. Само собою разумѣется, что это важные недостатки, но повторяю, что если только современники не преувеличили ихъ, привыкши судить свое время по предразсудкамъ прошлаго, то они, все-таки, были необходимымъ условіемъ и послѣдствіемъ прогресса, принесшаго пользу человѣчеству. Они изображаютъ собою ту долю зла, которая постоянно примѣшивается къ самымъ лучшимъ вещамъ, но не должна заставлять насъ не признавать ихъ или ихъ злословить.

Что же касается болѣе серьёзныхъ обвиненій, о которыхъ я еще ничего не говорилъ, этихъ скандальныхъ прелюбодѣяній, этихъ частыхъ безпричинныхъ разводовъ, безобразій и преступленій, потрясающихъ семейство и общество, здѣсь надо повторить то, что было сказано въ другомъ мѣстѣ по поводу картинъ, рисуемыхъ Ювеналомъ. Нельзя, конечно, предполагать, чтобы онѣ были совершенно невѣрны; ни этотъ поэтъ, ни другіе моралисты не выдумывали разсказываемыхъ ими постыдныхъ фактовъ; но ничто не мѣшаетъ намъ полагать, что они, по обыкновенію, изъ исключенія сдѣлали правило. Меня поражали удивительныя противорѣчія, встрѣчающіяся почти у всѣхъ тѣхъ, кто дурно говорилъ о своемъ времени. По какому странному случаю то, что мы знаемъ о нихъ самихъ и объ ихъ семействахъ, противорѣчитъ ихъ строгости? Та-

---

97) Титъ Ливій, XXXIV, 2: *date frenos impotenti naturae et indomito animali.*

98) Титъ Ливій, XXXIV, 3: *simul pares esse caeperint, superiores erunt* Марціалъ, VIII, 12:

Inferior matrona suo sit, Prisce, marito;
Non aliter fiunt femina virque pares.

99) Ювеналъ, VI, 253.

цитъ относится къ женщинамъ вообще довольно жестко; очевидно, что этому упрямому консерватору не нравятся перемѣны, произшедшія въ ихъ образѣ жизни, и что онъ не слишкомъ радуется предоставляемой имъ свободѣ. Когда онъ говорилъ о Германкахъ, «что онѣ живутъ подъ охраною цѣломудрія, въ-дали отъ зрѣлищъ, развращающихъ нравы, и отъ пировъ, возжигающихъ страсти, что женщинамъ такъ же какъ и мужщинамъ одинаково неизвѣстно искусство вести таинственную переписку» [100]), очевидно, что подъ его восхищеніемъ отдаленными нравами скрывается осужденіе родной страны; это намѣреніе становится еще яснѣе, когда онъ прибавляетъ: «тамъ не смѣются надъ пороками; развращать и уступать развращенію не называется жить, слѣдуя вѣку» [101]). Горькія слова, которыя были бы достойны самого Ювенала. Между тѣмъ вокругъ Тацита жили честно, хотя ходили иногда въ театръ и имѣли несчастіе умѣть писать. Онъ даетъ понимать въ нѣсколькихъ неясныхъ и трогательныхъ словахъ свое уваженіе къ женѣ; по крайней мѣрѣ, она не должна была жить, «слѣдуя вѣку». Онъ съ умиленіемъ восхваляетъ прекрасную семейную жизнь своего тестя Агриколы и жены его Домиціи Децидіаны. «Они жили, говоритъ онъ намъ, въ чудномъ согласіи, проникнутые взаимной нѣжностью, при чемъ каждый изъ двухъ отдавалъ другому предпочтеніе надъ самимъ собою» [102]). Кажется, что изъ такой честной среды онъ могъ бы вынести впечатлѣнія, менѣе неблагопріятныя для своего времени, или если онъ хотѣлъ дурно говорить о немъ, то долженъ былъ бы поступать нѣсколько осторожнѣе. Сенека еще грубѣе Тацита, хотя и не старается, подобно ему, постоянно восхищаться прошедшимъ. Въ оставшихся послѣ него сочиненіяхъ онъ не пропускаетъ случая уязвить своихъ современницъ. «Онѣ дошли до того, говоритъ онъ, что берутъ себѣ мужей лишь для того, чтобы подзадоривать своихъ любовниковъ. Въ наше время, если женщина непорочна, вѣрный признакъ, что она безобразна» [103]). Онъ даже сочинилъ противъ нихъ особый трактатъ *(De matrimonio)*, впослѣдствіи утерянный, но съ удовольствіемъ приводимый Отцами Церкви, взглядамъ которыхъ онъ вполнѣ

---

[100]) *Germ.*, 19.

[101]) Id. *Ibid*: *nemo illic vitia ridet, nec corrumpere aut corrumpi saeculum vocant.*

[102]) *Agric.*, 6.

[103]) *De benef.*, III, 16: *argumentum est deformitatis pudicitia.*

льстилъ. Онъ совмѣщаетъ въ нихъ всѣ хорошіе и плохіе аргументы противъ брака, повторявшіеся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ комическими поэтами. Сообразно римскимъ обычаямъ, мужчина, по его словамъ, не выбиралъ себѣ жены, а долженъ былъ жить съ такою, какую ему пошлетъ судьба. «Если она зла, глупа, безобразна, нечистоплотна, если у нея еще какой-нибудь другой недостатокъ, мы открываемъ это только послѣ свадьбы. Покупая лошадь, осла, быка, собаку, раба, платье, стулъ, чашу, глиняные сосуды, ихъ, по крайней мѣрѣ, сперва осматриваютъ; женщина—единственный предметъ, который берутъ, не глядя. Вѣроятно, боялись, что никто на ней не женится, если сначала на нее посмотритъ». Къ этому онъ прибавляетъ, что еслибы, впрочемъ, на нее сначала и посмотрѣли, то изъ этого не вышло бы большой пользы, потому что всѣ онѣ имѣютъ недостатки, и между ними можно сдѣлать только плохой выборъ. «Если она прекрасна, ей будутъ расточать похвалы; если безобразна, она бросится сама къ первому встрѣчному. Трудно сохранить ту, которую столько людей желаютъ, а когда ея никто не желаетъ, съ нею непріятно жить» [104]). Сенека поступалъ весьма неблагодарно, относясь такимъ образомъ къ женщинамъ; ни одинъ философъ не могъ похвалиться ими больше его. Съ самаго рожденія и до дня смерти онѣ окружали его своей привязанностью, и онъ обязанъ имъ какъ своими политическими удачами, такъ и домашнимъ счастіемъ. Этотъ величайшій врагъ брака былъ женатъ два раза, и не замѣтно, чтобы онъ имѣлъ поводъ въ этомъ раскаяваться. Онъ говоритъ намъ, что хотя и былъ стоикомъ, но много оплакивалъ свою первую жену. Онъ былъ уже старъ, когда женился на второй женѣ, Паулинѣ, но этотъ бракъ какъ бы возвратилъ ему молодость. Онъ сказалъ гдѣ-то: «Любить чужую жену—преступленіе, любить свою собственную—излишество. Мудрецъ долженъ быть привязанъ къ своей женѣ разумомъ, а не сердцемъ» [105]). Но въ жизни онъ, кажется, позабылъ это правило, какъ позабывалъ много другихъ. Когда онъ говоритъ о Паулинѣ, слова его дышатъ самою живою и трогательною привязанностью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что онъ боленъ, и что Паулина заставляетъ его лѣчиться. «Такъ какъ жизнь ея, го-

[104]) См. отрывки *De matrimonio* въ изданіи Гаазе.

[105]) *De matrim.*, 84: *in aliena uxore omnis amor turpis est, in sua nimius.*

ворить онъ, зависитъ отъ моей жизни, я забочусь о себѣ, чтобы заботиться о ней. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ быть до такой степени любимымъ своей женою, чтобы изъ любви къ ней любить больше самого себя»? [106]) Извѣстно, что она хотѣла умереть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, который такъ нѣжно любилъ ее, и которымъ она такъ гордилась, и что когда ее насильно возвратили къ жизни, она пережила его только на нѣсколько лѣтъ, свято храня и почитая его память.

Примѣръ Паулины доказываетъ намъ, что великія испытанія временъ Цезарей прошли не безслѣдно для женщинъ. Ювеналъ справедливо говорилъ, что счастіе ихъ испортило; несчастіе сдѣлало ихъ лучшими. Онѣ представляли собою восхитительное зрѣлище въ эти ужасныя времена. Многія изъ нихъ, жившія въ роскоши, добровольно приняли бѣдность, другія послѣдовали въ изгнаніе за своими мужьями, нѣкоторыя съумѣли геройски умереть. Такова была молодая Политта, дочь консуляра Антистія Вета, трогательную кончину которой описалъ намъ Тацитъ.[107]) Неронъ отнялъ у нея мужа, мудраго Рубеллія Плавта; она держала въ рукахъ его отсѣченную голову и съ этой минуты жила въ траурѣ и въ слезахъ, подвергая себя всякимъ лишеніямъ и сохраняя, какъ святыню, его окровавленную одежду; но когда узнала, что жизни ея отца также грозитъ опасность, она забыла свое горе и свой гнѣвъ и побѣжала броситься къ ногамъ Нерона. Она ничего не щадила для того, чтобы тронуть его, но, найдя его нечувствительнымъ, вернулась сказать своему отцу, что всякая надежда потеряна, и что она хочетъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. Я не могу не вѣрить, чтобы послѣ жестокихъ переломовъ, совершившихся въ царствованія Нерона и Домиціана, общество не очистилось страданіемъ. Въ немъ окрѣпла, конечно, и добродѣтель женщинъ. Тотъ самый Палатинъ, гдѣ царствовали Мессалина и Поппея, при Траянѣ былъ обитаемъ честными принцессами, «скромными въ одеждѣ, простыми въ образѣ жизни, ласковыми въ обращеніи» [108]) и отличавшимися всѣми семейными добродѣтелями. Нравы сдѣлались, повидимому, чище и въ высшемъ свѣтѣ, подражавшемъ своимъ владыкамъ. Такое впечатлѣніе производитъ, по крайней мѣрѣ, чтеніе писемъ Плинія. Вспомнимъ хоть его разсказы о чудномъ родѣ Тразеи, въ которомъ три поколѣнія женщинъ оказывали величайшее

---

[106]) *Epist.*, 104, 2.
[108]) Плин. *Paneg.*, 84.

самоотверженіе и преданность. Справедливость требуетъ противопоставлять эти примѣры картинамъ Ювенала. Они показываютъ, что въ этомъ обществѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, величайшія добродѣтели смѣшивались съ безобразнѣйшими дѣлами, и что женщины въ немъ были вовсе не такъ развращены, какъ это угодно предполагать сатирику.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Низшіе классы и народныя ассоціаціи.

I.

Привязанность народа къ своимъ богамъ.—Божества и народные праздники.—Какимъ образомъ и съ чьей помощью чужеземные культы распространяются въ народѣ.—Характеръ набожности сельскихъ жителей.

Разсмотрѣвши образованныхъ, богатыхъ и знатныхъ людей, мы перейдемъ теперь къ низшимъ классамъ. Изучить ихъ обязываетъ насъ ихъ участіе въ торжествѣ христіанства. Къ несчастію, ознакомиться съ ними не легко: общество любитъ показывать намъ лишь самые верхніе этажи своего зданія; по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся внизъ, свѣтъ уменьшается. Въ томъ разстояніи, на какомъ мы находимся отъ изучаемой нами эпохи, лишь однѣ верхушки обрисовываются передъ нами съ нѣкоторою ясностью; все остальное покрыто тѣнью. Но это самое заставляетъ насъ тѣмъ тщательнѣе собирать сохранившіяся свѣдѣнія, разсѣянныя въ литературѣ и надписяхъ, могущія дать намъ нѣкоторое понятіе о нравственномъ и религіозномъ состояніи простаго народа въ Римѣ и въ имперіи во времена Антониновъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, простой народъ былъ вообще очень привязанъ къ своимъ богамъ, доказательствомъ чему можетъ служить его ожесточенное гоненіе на христіанство. Достовѣрно извѣстно, что христіанство возбудило въ народѣ бѣшеный гнѣвъ. «Сколько разъ, говоритъ Тертулліанъ, насъ забрасывали каменьями и поджигали наши дома! Въ бѣшенствѣ Вакханалій не щадятъ даже мертвецовъ. Да, убѣжище смерти осквернено; трупы христіанъ, уже неузнаваемые и разложившіеся, извлекаются изъ глубины могилъ, гдѣ они по-

[107]) Тац. *Ann* XVI, 10.

коились, послѣ чего надъ ними ругаются и разсѣкаютъ ихъ на части!» [1]). Привязанность народа къ древнимъ культамъ была бы непонятна, если бы эти культы дѣйствительно ничего для него не значили, какъ это часто предполагалось; но мнѣніе это не совсѣмъ вѣрно, по крайней мѣрѣ, относительно разбираемой нами эпохи. Съ тѣхъ поръ, какъ плебеи завоевали себѣ въ Римѣ политическое равенство, они получили въ религіи такое же мѣсто, какъ и въ государствѣ; имѣя доступъ ко всѣмъ значительнымъ жреческимъ должностямъ, они могли быть даже верховными жрецами. Незамѣтно, чтобы въ храмахъ отдавалось какое-нибудь признанное предпочтеніе родовитости или богатству. Само собою разумѣется, что богачъ, имѣя возможность приносить болѣе жертвъ, надѣялся легче заслужить благосклонность боговъ; но и бѣднякъ не отчаявался получить ее. Горацій утѣшаетъ одну простую женщину, горюющую о томъ, что она не можетъ принести въ жертву ни быковъ, ни овецъ покровительствующимъ ей божествамъ, и говоритъ ей, что достаточно увѣнчать этихъ животныхъ розмариномъ и миртами, и что боги довольствуются мучнымъ пирожкомъ и нѣсколькими блестящими крупинками соли [2]); по крайней мѣрѣ, такія приношенія доступны каждому. Между олимпійскими богами нѣкоторые были популярнѣе другихъ, бѣдные люди молились имъ съ большею довѣрчивостью и надѣялись быть лучше услышаны ими; работники и рабы поклонялись преимущественно Геркулесу и Сильвану. Но эта частная набожность не мѣшала имъ обращаться въ то же время къ божествамъ, призываемымъ всѣми и между прочимъ высшимъ свѣтомъ. Царь боговъ и людей, самъ великій Юпитеръ, охотно выслушиваетъ самыя скромныя славословія. Простые солдаты, вольноотпущенники, мелкіе фермеры смѣло ставятъ себя подъ его покровительство и не боятся, повидимому, что молитвы ихъ будутъ дурно приняты. Тоже можно сказать и о праздникахъ; народъ принимаетъ участіе во всѣхъ ихъ, но любитъ нѣкоторые больше другихъ, а именно тѣ, которые веселѣе, шумнѣе и какъбудто больше принадлежатъ ему. Таковъ былъ праздникъ *Fors Fortuna*, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда толпа отправлялась въ храмъ,

---

[1]) Терт., *Apol.*, 37. Несмотря на ожесточеніе народа противъ христіанъ, извѣстно, что христіанство дѣлало болѣе всего успѣховъ именно между нимъ; но я уже указывалъ на то, что оно распространилось преимущественно между самыми набожными и вѣрующими язычниками, вслѣдствіе чего его жесточайшіе враги сдѣлались такъ скоро его послѣдователями.

[2]) Гор., *Od.*, III, 23.

выстроенный народнымъ царемъ, Сервіемъ Тулліемъ, внизъ по Тибру, въ баркахъ, украшенныхъ листвою и цвѣтами: въ это время много выпивалось въ честь этого добраго государя и его добродѣтельной супруги [3]; таковъ былъ также праздникъ Анны Перенны, отправлявшійся въ священной рощѣ древней богини на берегу рѣки, и столь пріятно описанный намъ Овидіемъ. «Народъ сходится, говоритъ онъ, тамъ и сямъ располагаются на зеленой травѣ, чтобы вмѣстѣ выпить, при чемъ каждый садится возлѣ своей подруги: большинство обѣдаетъ на открытомъ воздухѣ; нѣкоторые строятъ себѣ шалаши изъ древесныхъ вѣтвей; другіе втыкаютъ въ землю палки вмѣсто столбовъ и развѣшиваютъ на нихъ свою тогу въ видѣ палатки. Вскорѣ вино и солнце разгорячаютъ ихъ. Они желаютъ другъ другу столько лѣтъ жизни, сколько осушатъ стакановъ. Между ними вы найдете такихъ, которые способны выпить ихъ столько, сколько лѣтъ было Нестору, и которые иногда достигаютъ даже въ этомъ отношеніи возраста Сивиллы. Они поютъ все, чему научились въ театрахъ, и сопровождаютъ свое пѣніе размѣренными жестами. Когда обѣдъ конченъ, они начинаютъ тяжело плясать съ своими подругами въ праздничныхъ одеждахъ, при чемъ волосы женщинъ развѣваются по вѣтру. Возвращаясь вечеромъ домой, они едва держатся на ногахъ, и люди нарочно собираются смотрѣть, какъ они проходятъ мимо» [4].

Мы уже видѣли, что въ движеніи, которое въ первые два вѣка увлекло все общество къ восточнымъ религіямъ, плебеи составляли значительное большинство. Такъ какъ эти религіи много для нихъ сдѣлали, они боялись пренебрегать ими. Въ этихъ культахъ была цѣлая толпа низшаго духовенства, жившаго вмѣстѣ съ народомъ и имѣвшаго на него большое вліяніе. Въ эти новыя религіи бѣдняковъ посвящали то сирійскія баядерки, составлявшія между собою артели, ассоціаціи [5], и отправлявшіяся съ азіатской митрою на головѣ плясать въ закопченныхъ кабакахъ [6], то презрѣнные и развратные жрецы, продававшіе иногда знаки своего отличія для того, чтобы существовать [7], и которыхъ Ювеналъ изображаетъ

---

[3]) Преллеръ, *Römische Mythol.*, с. 553.

[4]) Овидій, *Fast.*, III, 525. Въ другомъ мѣстѣ Овидій настаиваетъ также на народномъ характерѣ культа Флоры. *Fast*, V, 350.

[5]) Гор., *Sat.*, I, 2, 1: *Ambubaiarum collegia.*

[6]) См. *Copa* Виргилія.

[7]) Марц., XIV, 204.

намъ спящими въ подозрительныхъ притонахъ, среди матросовъ и воровъ, растянувшись между бѣглымъ рабомъ и служителемъ при похоронныхъ процессіяхъ [8]). Конечно, бѣднымъ людямъ не всегда было легко принимать участіе въ большихъ мистеріяхъ; мы знаемъ отъ Апулея, что мистеріи Озириса стоили дорого [9]). Равнымъ образомъ они не могли позволять себѣ очищеній Тавроболами, издержки которыхъ были весьма значительны; но въ Римѣ существовали, должно быть, народныя посвященія, какъ напр., греческихъ Орфеотелестовъ. Между лицами, принимающими въ тайномъ культѣ Митры титулъ *отцовъ* и *львовъ*, находятся иногда имена вольноотпущенныхъ [10]). Кромѣ того, были дешевыя очищенія, и Цицеронъ упоминаетъ объ нѣкоемъ Лициніи, бывшемъ одновременно жертвоприносцемъ и кабатчикомъ, который очищалъ рабовъ и тутъ же давалъ имъ напиваться [11]). Знатныя дамы приглашали судьбу къ себѣ на домъ. Астрологи и халдеи, получавшіе отъ нихъ щедрое вознагражденіе, принимали на себя трудъ отправляться къ нимъ предсказывать будущее. Бѣдные люди были въ этомъ отношеніи менѣе счастливы. «Судьба простаго народа, говорилъ Ювеналъ, квартируетъ возлѣ большаго цирка и въ отдаленныхъ кварталахъ, расположенныхъ вдоль ограды. Сюда приходитъ здоровая плебеянка, чтобы посовѣтоваться съ гадателями о томъ, слѣдуетъ ли ей развестись съ кабатчикомъ, чтобы выйти замужъ за ветошника» [12]). Въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ своихъ *Метаморфозъ* Апулей описалъ нищенствующихъ жрецовъ сирійской богини, ходившихъ по большимъ дорогамъ и возбуждавшихъ народную набожность своими фиглярствами. Разодѣтые и разубранные, какъ женщины, «съ нарумяненымъ лицомъ, разрисованными вокругъ глазами, и съ небольшими митрами на головахъ», они почтительно окружаютъ своего идола, завернутаго въ шелковое покрывало и везомаго на ослѣ. Они предаются неистовымъ движеніямъ, закидываютъ назадъ голову и вертятъ во всѣ стороны шеей, давая такимъ образомъ развѣваться вокругъ своимъ волосамъ. Въ промежуткахъ они кусаютъ себѣ тѣло и обоюдоострымъ ножемъ дѣлаютъ себѣ надрѣзы на рукахъ. Когда они проходятъ мимо дома приличной наружности, обитаемаго по виду богатымъ и щедрымъ лицомъ, завыванія уд-

---

8) Ювен., VIII, 176.

9) Апул., *Metam.*, XI, 28.

10) *Corp. inscr. latin.*, III, 3479, 3415.

11) Циц., *Pro Mil.*, 24 и примѣчаніе Асконія, изд. Орелли, с. 51.

12) Ювеналъ, VI, 587.

воиваются. «Тогда одинъ изъ нихъ предается еще безумнѣйшимъ порывамъ. Онъ ежеминутно испускаетъ изъ груди глубокіе вздохи, силясь изобразить вдохновеннаго человѣка, не могущаго удержать въ себѣ переполняющаго его божественнаго дыханія, и дѣлаетъ видъ, будто впадаетъ въ жестокій бредъ. Онъ обвиняетъ самъ себя въ какой-нибудь святотатственной нескромности и объявляетъ, что будетъ наказывать себя собственными руками. Схвативши тогда плеть, приготовляемую нарочно для этихъ нѣженокъ (это переплетенные шерстяные шнурки, оканчивающіеся вмѣсто узловъ бараньими косточками), онъ начинаетъ хлестать себя ею съ удвоенною силою... Затѣмъ они останавливаются и собираютъ въ складки своихъ платьевъ бросаемыя имъ наперерывъ мѣдныя и даже серебряныя монеты. Благочестивыя души приносятъ имъ вина, молока, сыру, хлѣба и даже овса для осла, везущаго богиню. Они берутъ все и кладутъ въ мѣшки, приготовленные для сборовъ» [13]. Затѣмъ, когда жатва окончена, они возвращаются домой и на свой дневной заработокъ предаются самымъ постыднымъ оргіямъ.

Таковы были обыкновенно жрецы, бравшіеся распространять религіозныя идеи между бѣдными людьми городовъ и деревень. Если мы вспомнимъ, что народъ былъ вполнѣ предоставленъ подобному вліянію, и что древняя философія дѣлала очень мало усилій для того, чтобы проникнуть въ массу, мы не удивимся, что набожность послѣдней была такъ низка и груба; но если она часто могла назваться непросвѣщенною, это не мѣшало ей быть пламенною. Бо́льшая часть религіозныхъ памятниковъ, сохранившихся отъ того вѣка, были дѣломъ лицъ, принадлежавшихъ къ самымъ послѣднимъ классамъ общества. Надписи на этихъ памятникахъ представляютъ часто много любопытнаго для изученія; изъ нихъ видно, что бѣдные люди, не гонявшіеся за древними преданіями, обращались безъ всякихъ затрудненій ко всѣмъ богамъ и перемѣшивали ихъ въ своихъ молитвахъ [14]; у нихъ-то и совершалось всего свободнѣе то смѣшеніе культовъ, которое, расширяя вѣрованія, приготовляло пути для христіанства. Но и между ними слѣдуетъ дѣлать разницу, такъ какъ народная религія не всюду имѣла одинаковый характеръ. Жители городовъ были всего жаднѣе до новизны и всего

---

13) Апул., *Metam.*, VIII, 27.

14) См., напримѣръ, надпись, въ которой, по приказанію древнихъ божествъ, олицетворявшихъ римскіе холмы, *dei montenses*, поклонники Митры, вмѣстѣ съ жрецомъ Сильвана воздвигаютъ памятникъ *Юпитеру громовержцу*. Орелли, 1238.

охотнѣе устремлялись къ богамъ Востока; деревни оставались болѣе вѣрными древней религіи. Старинная миѳологія возникла вслѣдствіе созерцанія природы; въ поляхъ она чувствовала себя какъ бы дома. Лицемѣріе, принужденность и оффиціальный видъ были совершенно изгнаны изъ сельской религіи; праздники ея отличались граціознымъ и искреннимъ духомъ, проникавшимъ въ сердце. Трудно было безъ волненія присутствовать въ прекрасной странѣ при процессіи *амбарваловъ* или при церемоніяхъ, сопровождавшихъ сборъ винограда или жатву. У самыхъ легкомысленныхъ поэтовъ находятся религіозные тоны для описанія ихъ. Такъ, Горацій въ нѣсколькихъ граціозныхъ стихахъ изобразилъ *Faunalia*, празднуемыя въ декабрѣ мѣсяцѣ [15]). Видно также, что Овидій, ѣздившій въ Фалерію посмотрѣть на праздники Юноны, возвратился оттуда очарованный. Онъ съ удовольствіемъ описываетъ намъ древнюю рощу съ густыми деревьями, «въ тѣни которыхъ чувствуется впечатлѣніе божества», грубый алтарь, принимающій обѣты вѣрующихъ, затѣмъ приближающуюся при трубныхъ звукахъ процессію молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлой одеждѣ, несущихъ на головѣ священные предметы, и богиню, подвигающуюся среди молчанія толпы и окруженную жрецами, между тѣмъ какъ дѣвицы и юноши, одѣтые въ свои лучшія платья, разстилаютъ свои мантіи по той дорогѣ, гдѣ она должна пройти [16]). Овидій прибавляетъ, что это очень древній праздникъ и что онъ восходитъ ко временамъ Халезуса, основателя Фалеріи и героя Фалискъ. Тогда какъ въ городѣ все безпрестанно обновляется, за городомъ все остается на старый ладъ. Древнія легенды живутъ здѣсь, и люди продолжаютъ вѣрить имъ. Зачѣмъ было сомнѣваться въ томъ, что боги часто являлись смертнымъ, когда многіе были готовы вѣрить, что иногда сами видали ихъ? Какъ легко, возвращаясь домой лѣтнимъ вечеромъ, съ головою, полною баснословныхъ разсказовъ, и съ душою, упоенною прелестью природы, принять за появленіе Сильвана или Фавна тѣнь дерева, колеблющагося въ углу лѣса, или въ шумѣ отдаленнаго вѣтерка услышать смѣхъ нимфъ и сатировъ, рѣзвящихся въ долинѣ. Этому вѣрятъ и это разсказываютъ не для того, чтобы сдѣлать честь своему округу, какъ думаетъ Лукрецій, и не допустить никого до мысли, будто его не посѣщаютъ боги [17]), но

---

[15]) Горац., *Od.*, III, 18.

[16]) Овид., *Amores*, III, 13.

[17]) Лукр., IV, 580.

потому что всѣ убѣждены, что эта правда, быль. Вотъ почему суевѣрія изобильно произростали въ деревнѣ, какъ на плодородной почвѣ. Шарлатаны продавали тамъ всякаго рода рецепты для исцѣленія людей и животныхъ. Здѣсь произносились магическія изреченія, долженствовавшія привлекать дождь или удалять градъ. На дверяхъ всѣхъ италійскихъ фермъ писалось женщинамъ запрещеніе прясть ходя по дорогамъ, такъ какъ всѣ думали, что веретено приноситъ несчастіе жатвамъ [18]). Никто не сомнѣвался въ томъ, что есть такія чары, съ помощью которыхъ можно привлечь къ себѣ жатву сосѣда. Историкъ Пизонъ разсказываетъ, что въ этомъ преступленіи обвинили одного вольноотпущенника, который съ помощью ума и стараній умѣлъ извлекать изъ своихъ полей болѣе, нежели другіе. Въ назначенный день онъ явился передъ народомъ, ведя съ собою своихъ сильныхъ рабовъ и хорошо откормленныхъ быковъ и таща свои блестящіе плуги: «Вотъ всѣ мои чары, сказалъ онъ; недостаетъ только моихъ непрерывныхъ трудовъ, безсонныхъ ночей и пота, которыхъ я не могу представить вашимъ взорамъ [19])». Суевѣрія находятся еще въ законахъ двѣнадцати таблицъ; но, какъ я уже сказалъ выше, въ деревнѣ ничто не забывалось. Въ самыя послѣднія времена, какъ и во времена добраго царя Латина, тамъ посвящали богамъ деревья; «вмѣсто статуй изъ золота и слоновой кости здѣсь поклонялись священнымъ рощамъ и даже безмолвію лѣсовъ [20])». Здѣсь украшали перевязями столбы, врытые въ землю и означавшіе границу полей; здѣсь поливали масломъ камни, изображавшіе по общему мнѣнію какое-нибудь божество [21]). Чѣмъ древнѣе были праздники, тѣмъ больше ихъ уважали. Во время Палилій, учрежденныхъ въ память основанія Рима, поселяне прыгали чрезъ большіе огни, какъ это дѣлается у насъ въ Ивановъ день; во все время имперіи они собирались при звукахъ трубъ на перекресткахъ большихъ дорогъ и праздновали тамъ *compitalia rustica* такъ же весело, какъ во времена царей [22]); праздники при сборѣ винограда, древнѣйшіе изъ

---

18) Плин., *Hist. nat.*, XVIII, 2 (5).

19) Плин., *Hist. nat.*, XVIII, 6 (8). Въ другомъ мѣстѣ Плиній разсказываетъ очень серьёзно, что при Неронѣ одно оливковое поле перешло общественную дорогу и остановилось напротивъ занимаемаго имъ участка, межъ тѣмъ какъ тѣ поля, мѣсто которыхъ оно занимало, становились на его мѣсто. *Hist. nat.*, XVII, 25 (38).

20) Плин., *Hist. nat.*, XII, 1 (3).

21) Тибуллъ, I, 1,10.

22) Кальпурній, IV, 125.

всѣхъ, еще при Θеодосіи продолжали вызывать безпорядочное веселье, скандализовавшее степенныхъ людей. Здѣсь, на той самой почвѣ, гдѣ возникла древняя религія и гдѣ она пустила самые глубокіе корни, она и удержалась всего долѣе, и вотъ почему впослѣдствіи христіанству, легко овладѣвавшему городами, было такъ трудно окончательно завоевать деревни.

II.

Происхожденіе римскихъ ассоціацій.—Ихъ терпятъ во время республики — Имперія вноситъ нѣкоторыя ограниченія въ права ассоціацій.—Эти ограниченія не мѣшаютъ ассоціаціямъ сдѣлаться весьма многочисленными.—Классификація, которую можно установить между ними.—Рабочія и промышленныя ассоціаціи.—Чѣмъ онѣ отличаются отъ нашихъ корпорацій.—Сходство, представляемое всѣми римскими ассоціаціями.

То, что сказано нами о народныхъ вѣрованіяхъ II-го вѣка, далеко не удовлетворяетъ нашего любопытства; между тѣмъ трудно что-либо еще прибавить. Внутренняя домашняя жизнь бѣдныхъ римлянъ ускользаетъ отъ насъ; мы не можемъ проникнуть въ тѣ маленькіе чердаки подъ крышами *(cenacula)*, гдѣ они помѣщаются «рядомъ съ гнѣздами голубей» [23]). По счастію, мы встрѣчаемъ ихъ, когда они выходятъ изъ дому; благодаря наукѣ о надписяхъ, мы можемъ слѣдить за ними въ тѣхъ ассоціаціяхъ, гдѣ проходитъ значительная часть ихъ существованія. Здѣсь мелкіе торговцы, вольноотпущенные и рабочіе встрѣчаются по возможности часто съ людьми одинаковаго съ ними ремесла или достатка; здѣсь мы и должны искать ихъ, если хотимъ знать, какъ они жили и каковы были ихъ привычки и нужды, ихъ горести и радости. Кромѣ того, эти ассоціаціи имѣютъ всѣ болѣе или менѣе религіозный характеръ; слѣдовательно, изучая римскую религію, намъ необходимо ознакомиться съ ними.

Потребность соединяться въ общества и укрѣпляться черезъ это соединеніе въ древности была, по крайней мѣрѣ, столько же сильна, какъ и въ настоящее время, и ни одинъ изъ древнихъ народовъ не ощущалъ ея, быть можетъ, такъ сильно, какъ римляне. Историки ихъ относятъ происхожденіе первыхъ ассоціацій ко времени

---

[23]) Ювенала, III, 202.
[24]) Плут. *Numa*, 17.

самаго основанія города; они разсказываютъ, будто Нума, желая смѣшать латинянъ и сабинянъ, упорно стремившихся къ отдѣльному существованію, раздѣлилъ весь народъ на девять ремесленныхъ корпорацій [24]). Кромѣ этихъ рабочихъ карпорацій, которымъ приписывалась такая почтенная древность, существовали еще религіозныя братства, называвшіяся *sodalitas* и считавшіяся еще болѣе древними. Они назначались для служенія какому-нибудь богу и собирались въ его храмѣ. Жрецъ общества (*flamen*) закалалъ жертву, члены братства съѣдали ее, и общій обѣдъ составлялъ главное дѣло собранія [25]). Когда въ Римѣ вводился чужеземный культъ, или просто строился храмъ, тогда непремѣнно устроивалось братство, которое должно было чествовать новаго бога или взять на себя службу при храмѣ. Это именно было сдѣлано въ эпоху второй пунической войны, когда отправились въ Пессинунтъ за статуей матери боговъ [26]).

Сначала эти ассоціаціи или, какъ ихъ называли, *коллегіи*, умножались безъ всякаго препятствія со стороны властей. Во все время процвѣтанія республики праву ассоціацій не было, кажется, сдѣлано никакой серьёзной помѣхи. Законъ довольствовался тѣмъ, чтобы не допускать излишествъ; онъ запрещалъ только ночныя и тайныя собранія, могшія вредить общественной безопасности, и за тѣмъ разрѣшалъ всѣ остальныя. Народъ долгое время пользовался умѣренно предоставленнымъ ему правомъ собраній; Римъ злоупотребилъ имъ только къ концу VII вѣка. Въ это время подъ именемъ *collegia sodalicia* или *compitalicia* образовались политическія общества съ цѣлью вліять на выборы или возбуждать народныя движенія, и злоупотребленіе, какъ всегда, привело за собою уничтоженіе права. Вмѣстѣ съ имперіей ассоціаціи вступили подъ новое управленіе. Цезарь и, послѣ него, Августъ уничтожили всѣ коллегіи, казавшіяся имъ опасными; они оставили изъ нихъ самыя невинныя или самыя почтенныя по своей древности, и было постановлено, что на будущее время нельзя будетъ устроивать новыхъ безъ особеннаго разрѣшенія. Такія разрѣшенія давались не случайно, и императоры, прежде чѣмъ давать ихъ, совѣтовались обыкновенно съ сенатомъ [27]). Такъ какъ главною причиною

---

[25]) Грамматики хотѣли даже самое слово *sodalitas* произвести отъ этихъ общихъ обѣдовъ: *sodales dicti, quod una sederent et essent*. (Фестъ, изд. Мюллера, стр. 296).

[26]) Цицер., *De senect.*, 13.

[27]) Плин., *Paneg.*, 54: *de instituendo collegio fabrum consulebatur*.

существованія императоровъ было внутреннее спокойствіе, доставляемое ими Риму и всему міру, то они желали поддерживать его во что бы то ни стало. Полные справедливаго недовѣрія въ голодной, космополитской толпѣ, скрывавшейся въ малоизвѣстныхъ кварталахъ большихъ городовъ, они желали отнять у нея впередъ всякое средство къ организаціи. Самые мудрые и твердые государи, наиболѣе дорожившіе хорошимъ управленіемъ имперіи, въ то же время всѣхъ строже наблюдали за древними ассосіаціями и меньше всѣхъ позволяли учреждать новыя. Во время своего управленія Виѳиніей, Плиній попросилъ у Траяна позволенія основать въ Никомедіи коллегію изъ 150 плотниковъ, которая обязывалась тушить пожары; императоръ отказалъ. «Не забудемъ, писалъ онъ ему, сколько разъ эта провинція и особенно этотъ городъ возмущались подобнаго рода обществами. Какое имя вы бы имъ ни дали, и съ какой цѣлью они ни устроились бы, разъ собравшись, они не преминутъ сдѣлаться мятежными» [28]). Сводъ римскихъ законовъ содержитъ въ себѣ всѣ постановленія, сенатскіе указы и императорскіе декреты, уничтожающіе или ограничивающіе права ассосіаціи. Правителямъ было предписано строго исполнять эти законы въ провинціи; люди, осмѣливавшіеся нарушать ихъ въ Римѣ, приводились на судъ къ первой городской власти, къ *praefectus urbi*. Наказаніе виновнаго было ужасно. «Тотъ, говоритъ Ульпіанъ, кто устроитъ противузаконную коллегію, подвергается одинаковому наказанію съ тѣми, кто нападаетъ съ оружіемъ въ рукахъ на общественныя мѣста и на храмы [29])»; такой человѣкъ, по выбору судей, могъ быть обезглавленъ, брошенъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ или сожженъ живой.

Несмотря, однако, на свою жестокость, эти угрозы были безсильны. Замѣчательно, что коллегіи гораздо больше размножились при имперіи, когда съ ними обходились такъ строго, нежели при республикѣ, когда имъ предоставляли свободу. Въ то самое время, когда юрисконсультъ Гай, истолкователь оффиціальнаго ученія, говорилъ: «существуетъ очень мало причинъ, по которымъ можно было бы дозволить эти ассосіаціи» [30]), онѣ наполняли Римъ, прокрадывались въ самые маленькіе городки, проникали въ лагери, откуда ихъ болѣе всего старались изгнать, и покрывали собою богатѣйшія провинціи. Законы о нихъ, какъ видно, очень

---

[28]) Плин., *Epist.*, X, 43.

[29]) Диг., XI, VII, 22, 2.

[30]) Диг. III, 4, 1.

мало уважались; такъ какъ они сталкивались съ неудержимою потребностью, овладѣвшею въ то время всѣми классами общества, ихъ приходилось постоянно возобновлять [31]). Власть рѣшалась только въ чрезвычайныхъ случаяхъ примѣнять жестокія наказанія къ противузаконнымъ обществамъ; извѣстно, напримѣръ, что она примѣнила ихъ къ христіанамъ; чаще же всего она закрывала глаза и предоставляла дѣло на произволъ судьбы. Впослѣдствіи она стала даже добровольно разрѣшать то, чего не въ силахъ была запретить. Императоръ Александръ Северъ сдѣлался открытымъ покровителемъ тѣхъ самыхъ ассоціацій, которыя такъ безпокоили его предшественниковъ. «Онъ далъ, говоритъ его біографъ, оффиціальное существованіе всѣмъ коллегіямъ искусствъ и ремеслъ, разрѣшилъ имъ имѣть защитниковъ и постановилъ, какіе судьи должны были судить ихъ за каждый проступокъ» [32]). Было ли это признакомъ слабости характера или политическимъ разсчетомъ? Не слѣдуетъ ли также видѣть въ этомъ дѣйствіе общаго смягченія нравовъ, которое проникло, наконецъ, въ самое законодательство? Прошло всего нѣсколько лѣтъ, послѣ того, какъ знаменитое постановленіе Каракаллы распространило городскія права на всѣ народы имперіи. Старинное римское законодательство, узкое и суровое, расширялось во всѣ стороны, и даже среди народныхъ бѣдствій, при отвратительныхъ и безсильныхъ государяхъ, общество и законы съ каждымъ днемъ проникались все болѣе и болѣе цивилизаціей и гуманностью.

Коллегіи были особенно многочисленны въ Римѣ; онѣ распространились также во всѣхъ провинціяхъ имперіи, но не вездѣ имѣли одинаковую удачу. Онѣ размножились и сдѣлались могущественными въ богатыхъ странахъ, гдѣ процвѣтала торговля и промышленность, и гдѣ была развита муниципальная жизнь, на Востокѣ, въ Италіи и въ Галліи. Тамъ онѣ встрѣчаются повсюду и на всѣхъ ступеняхъ общества. Торговцы, вольноотпущенные, рабы распредѣлены тамъ по всякаго рода ассоціаціямъ, носящимъ самыя разнообразныя названія. Часто въ одномъ и томъ же городѣ ихъ встрѣчается значительное число; бываетъ даже, что ихъ есть нѣсколько разомъ

---

[31]) Плиній, прибывъ въ Виѳинію, возобновилъ запрещеніе составлять противузаконныя ассоціаціи (*Epist.* X, 97), а это служитъ доказательствомъ того, что запрещенія Августа и прочихъ императоровъ тамъ не уважались. См. также Тацита, *Ann.*, XIV, 17.

[32]) Лампр., *Alex. Sev.*, 33.

на одной площади или въ одной улицѣ [33]). Нерѣдко пытались установить какія-нибудь различія, чтобы не потеряться въ этой, нѣсколько смѣшанной толпѣ. Самая простая и естественная классификація находится въ *Digest*'ѣ (Сборникѣ рѣшеній римскихъ юристовъ): говоря объ ассосіаціяхъ и объ ихъ привилегіяхъ, *Digest* отдѣляетъ тѣ, куда люди принимаются по своему ремеслу, и которыя были учреждены въ видахъ общественныхъ интересовъ [34]), то-есть рабочія и промышленныя корпораціи. Слѣдовательно, другой классъ состоялъ изъ тысячи тѣхъ разнообразныхъ коллегій, куда поступали люди неодинаковыхъ профессій, и гдѣ собирались только для выгоды и удовольствія членовъ.

Рабочія ассосіаціи прежде всего бросаются въ глаза и легче всѣхъ поддаются изученію. Онѣ были очень многочисленны и соотвѣтствовали всѣмъ отрослямъ занятій. Какъ въ самыхъ скромныхъ, такъ и въ самыхъ важныхъ изъ этихъ отрослей, было стремленіе къ соединенію. Погонщики ословъ и муловъ составляли коллегіи точно такъ же, какъ торговицы вина и хлѣба. За корабельщиками, ѣздившими по морю, слѣдовали люди, работавшіе на рѣкахъ и озерахъ, хозяева плотовъ и барокъ (*lenuncularii*, *scapharii*). Въ разнообразныхъ отросляхъ занятій по части туалета, особенно женскаго, существовало безчисленное множество коллегій, имѣвшихъ весьма различныя степени важности, начиная съ тѣхъ, гдѣ обработывалась шерсть и красился пурпуръ, и кончая сукновальщиками, чулочниками и башмачниками. Въ наше время судохозяева занимаютъ первое мѣсто между торговцами приморскихъ портовъ; и въ то время корпорація судохозяевъ или *nautes* считалась одною изъ самыхъ почтенныхъ. Мы видимъ ихъ въ большомъ уваженіи во всѣхъ торговыхъ городахъ: въ Арлѣ и Остіи они составляли пять отдѣльныхъ ассосіацій; однимъ изъ древнѣйшихъ воспоминаній о существованіи Парижа служитъ памятникъ, воздвигнутый сенскими судохозяевами [35]). Въ Ліонѣ были ронскіе и сонскіе хозяева (патроны); они составляли двѣ сильныя корпораціи и имѣли свои конторы въ городахъ, лежавшихъ по сосѣдству обѣихъ рѣкъ; самыя значительныя городскія лица гордились тѣмъ, что принадлежатъ къ нимъ, а жители Нима предоставляли имъ сорокъ

---

[33]) Орелли, 3314: *item collegia quae attingunt eidem foro.*

[34]) Диг., L, 6, 6: *eis collegiis vel corporibus, in quibus artificii sui causa unusquisque adsumitur... id est idcirco instituta sunt ut necessariam operam publicis utilitatibus exhiberent.*

[35]) Орелли, 1993.

мѣстъ въ своемъ прекрасномъ амфитеатрѣ [36]). Рядомъ съ ними надо помѣстить всѣ коллегіи, занимавшіяся полезными искусствами и ремеслами: *fabri tignarii* или плотниковъ, которые занимались всѣмъ тѣмъ, что относится къ постройкѣ зданій, лѣсныхъ торговцевъ (*dendrophori*), фабрикантовъ простаго сукна (*centonarii*), винoторговцевъ, пользовавшихся, повидимому, большимъ уваженіемъ въ Остіи, Ліонѣ и другихъ большихъ городахъ, булочниковъ (*pistores*), которыхъ Траянъ соединилъ въ отдѣльное общество и далъ имъ особыя привилегіи [37]). Всѣ эти корпораціи поддерживали частыя сношенія съ властью, нуждавшеюся въ нихъ для обезпеченія правственнаго благосостоянія имперіи. Цезари много занимались ими, зная, что послушаніе народовъ зависитъ часто отъ ихъ благосостоянія, никогда не позабывали награждать коллегіи, помогавшія имъ выполнять эту задачу. Клавдій поддерживалъ морскую торговлю, которую философы временъ Августа обыкновенно оскорбляли, и очень благосклонно обходился съ тѣми, кто занимался ею [38]). Очень можетъ быть, что и другія корпораціи служили предметомъ такихъ же милостей [39]). Власть чувствовала все бо̀льшую и бо̀льшую необходимость прибѣгать къ нимъ, по мѣрѣ того какъ прокормленіе Рима и имперіи затруднялось вслѣдствіе общественныхъ несчастій. Съ каждымъ днемъ ей приходилось требовать отъ нихъ все больше; извѣстно, что требованія эти сдѣлались нескончаемы, и что власть наложила, наконецъ, на корпораціи тяжелое иго рабства. По крайней мѣрѣ, она старалась вознаградить ихъ, предоставляя имъ всякаго рода льготы. Быть можетъ, тутъ въ первый разъ услуги, оказываемыя странѣ промышленностью и торговлею, были публично признаны и записаны въ законы. Это было уже великою побѣдою въ этихъ аристократическихъ обществахъ, столь презрительно относившихся «къ вульгарнымъ занятіямъ, желав-

---

[36]) Буассьё, *Inscr. de Lyon*, с. 396.

[37]) Аврел. Викторъ, 13. Эти корпораціи, важныя уже сами по себѣ, старались иногда увеличить свое значеніе, соединяясь между собою. Три коллегіи: *fabri*, *centonarii* и *dendrophori*, близкія между собою по роду своихъ занятій, съ давнихъ поръ старались слиться въ одно. Эдиктъ Константина, вмѣнившій имъ это впослѣдствіи въ законъ, (Сводъ зак. Θеодосія, XIV, 8, 1) просто освятилъ собою давно уже существовавшій обычай. Начиная съ эпохи Адріана эти коллегіи часто соединяются между собою. См. *Указатель* Орелли.

[38]) Свет., *Claud.*, 18 и 19.

[39]) Это извѣстно о *pistores*. См. *Fragm. juris rom. vatic.*, 235.

шимъ только презрѣнной платы» [40], и вельможи республиканской эпохи были бы, вѣроятно, очень скандализованы, слыша, какъ Симмахъ, первый сановникъ Рима, въ торжественной рѣчи восхвалялъ мясниковъ, булочниковъ и колбасниковъ и говорилъ, что они по своему «служатъ отечеству» [41]).

Рабочія корпораціи римской имперіи напоминаютъ намъ тѣ, которыя такъ долго существовали у насъ и были уничтожены революціей. Наши были привилегированными учрежденіями, которыя имѣли единственною цѣлью покровительствовать промышленности, но которыя вмѣсто того, благодаря налогамъ на ремесленниковъ и стѣснительнымъ правиламъ о нихъ, сдѣлались, наконецъ, совершенно противными свободѣ труда, хотя должны были защищать ее. Корпораціи Рима много занимались также своими общими интересами; соединяясь въ одно, думали предохранить свое собственное ремесло отъ захватовъ чужимъ и отъ требованій казны; тамъ, гдѣ частное лицо было бы подавлено, ассоціація могла оказывать сопротивленіе. Если она считала себя обиженною, то жаловалась должностнымъ лицамъ той провинціи, гдѣ имѣла свое мѣстопребываніе, а иногда даже прямо обращалась къ императору. Въ бытность Страбона въ Коринѳѣ, депутаты корпораціи рыбаковъ отправились въ Римъ просить Августа объ уменьшеніи податей. Смѣлость этимъ бѣднякамъ внушала именно та сила, которую придаетъ ассоціація. Въ Римѣ, какъ и у насъ, желаніе быть сильнѣе, было одною изъ главныхъ причинъ, заставлявшихъ работниковъ соединяться. Надо, впрочемъ, замѣтить, что римскія ассоціаціи, особенно въ первыя времена имперіи, не были такъ спеціальны, исключительны и строго замкнуты, какъ наши. Хотя носимое ими названіе указывало на особенную профессію, но далеко не всѣ люди, составлявшіе ее, занимались одинаковымъ ремесломъ. Не говоря о почетныхъ членахъ, отъ которыхъ требовали только богатства и щедрости и о тѣхъ, которые пробирались въ совершенно чуждыя для нихъ корпораціи лишь для того, чтобы пользоваться ихъ привилегіями [42]), надписи показываютъ намъ, что даже между дѣйствительными членами (corporati) многіе занимались профессіями, не соотвѣтствовавшими названію ихъ коллегіи, и нисколько ни скрывали этого; а это доказываетъ, что

---

[40]) Сенека, *Epist.*, 88.

[41]) Симмахъ, X. 21: *multos id genus patriae servientes.*

[42]) Это было, впрочемъ, строго запрещено закономъ. См. *Digest*, *L*, 7.

[43]) Буассье, *Inscr. de Lyon*, с. 409.

никто ни думалъ этому удивляться. Особенно въ Ліонѣ происходитъ самое странное смѣшеніе. Тамъ мы, напримѣръ, видимъ, что полотняный фабрикантъ (lintearius) состоитъ членомъ коллегіи торговцевъ бурдюками (utricularii) [43], и что одинъ продавецъ солонины въ то же время судохозяинъ на Ронѣ и дѣствительный членъ коллегіи предпринимателей построекъ [44]). Слѣдовательно, эти fabri, nautae, utricularii вовсе не составляли исключительныхъ корпорацій. Если бы единственною цѣлью ихъ соединенія было занятіе какимъ-нибудь ремесломъ или покровительство ему, они не допускали бы къ себѣ людей другой профессіи. Слѣдовательно, у нихъ была иная цѣль, и надо сознаться, что даже въ рабочихъ ассоціаціяхъ люди собирались прежде всего изъ удовольствія вмѣстѣ жить и для того, чтобы найти внѣ дома развлеченіе отъ усталости и скуки, чтобы составить себѣ интимный кружокъ пошире, чѣмъ семейство и потѣснѣе, чѣмъ городъ, чтобы окружить себя друзьями и такимъ образомъ сдѣлать себѣ жизнь болѣе легкою и пріятною. Дѣйствительно, это цѣль всѣхъ римскихъ ассоціацій и коллегій, какъ тѣхъ, «куда принимаютъ людей по ихъ ремеслу», такъ и всѣхъ другихъ. Слѣдовательно въ главныхъ чертахъ всѣ онѣ сходны между собою и разнятся скорѣе по своему значенію, нежели по существу. Особенно-же устройство ихъ повсюду одинаково, изъ чего видно, что всѣ онѣ были учреждены по одинаковому образцу. Слѣдовательно, соединивъ вмѣстѣ все то, что мы знаемъ о каждой изъ нихъ, и не обращая вниманія на разницу въ подробностяхъ, мы можемъ воспроизвести подходящую для всѣхъ общую картину ихъ способа управленія, ихъ жизни, оказанной ими пользы и тѣхъ размѣровъ, которыми ограничилась эта польза.

III.

Какимъ образомъ составлялись ассоціаціи.—Правила, которыя онѣ себѣ предписывали.—Коллегіальный законъ.—Избраніе начальниковъ.—Изданіе *альбомовъ*.—Выборъ мѣста собраній.—Молельня *схолы*. — Религіозный характеръ римскихъ ассоціацій.

Попробуемъ прежде всего составить себѣ понятіе о томъ, какимъ образомъ составлялись эти ассоціаціи. Случаи, дававшіе поводъ къ ихъ возникновенію, были весьма разнообразны. Такъ какъ

44) Буассье, *Inscr. de Lyon*, с. 204.

прежде чѣмъ соединяться, надо хорошо знать другъ друга, то очень естественно, что онѣ составлялись сначала изъ лицъ, которыхъ сближали между собою общія занятія, какъ, напримѣръ, занятія одинаковымъ ремесломъ. Вотъ причина, почему вышеупомянутыя рабочія ассосіаціи сдѣлались такъ многочисленны въ Римѣ и въ имперіи. Часто случалось также, что въ ассосіацію вступали для того, чтобы замѣнить ею отсутствующее семейство или далекую родину. Иностранцамъ, не желавшимъ оставаться одинокими въ тѣхъ городахъ, гдѣ они поселялись, оставалось два средства для этого: или они просили принять себя въ коллегіи той страны и такимъ образомъ разомъ получали готовыя отношенія и дружескія связи [45]), или сами составляли между собою ассосіацію, если были многочисленны. Это случалось особенно часто въ большихъ торговыхъ городахъ, куда путешественники и торговцы стекались со всѣхъ концовъ свѣта. Жители финикійскаго города Берита, поселившіеся въ Пуццолахъ, составили тамъ богатую коллегію, владѣвшую полемъ въ семь десятинъ съ цистерною и постройками [46]). Въ Малагѣ было двѣ коллегіи азіатскихъ негоціантовъ [47]). У Батавовъ, на границахъ римскаго міра, мы находимъ коллегію иностранцевъ (*collegium peregrinorum*), куда собирались всѣ, кого торговля увлекла въ эти варварскіе края [48]). Римляне, жадно бросавшіеся на завоеванныя провинціи и эксплуатировавшіе ихъ, какъ хозяева, чувствовали потребность соединяться между собою, чтобы защищать себя въ этихъ странахъ, гдѣ ихъ ненавидѣли. Подобное происхожденіе слѣдуетъ, конечно, приписать коллегіямъ горожанъ (*collegia urbanorum*), о которыхъ говорится въ надписяхъ Испаніи [49]). Римъ былъ городомъ по преимуществу, и очень естественно, что римляне, затерянные въ Бетикѣ или Лузитаніи, любили сближаться между собою и жить вмѣстѣ, почти точно такъ же, какъ французскіе эмигранты, жившіе въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, искали случаевъ сходиться вмѣстѣ поговорить о Парижѣ. Старые солдаты, проведшіе почти всю жизнь въ отдаленныхъ провинціяхъ, на границахъ имперіи, никого рѣшительно не знали, получивъ отставку и вернувшись въ родную страну. И они также собираются тамъ въ общества, на-

---

[45]) Орелли, 2252, 3217.

[46]) Моммс. *Inscr. Neap*. 2476, 2488.

[47]) *Corp. inscr. lat.*, II, с. 252.

[48]) Орелли, 178.

[49]) *Corp. inscr. lat.*, II., 3244, 2428.

зываемыя ассоціаціями ветерановъ императора (*veterani Augusti*). Императорскіе ветераны не могли не пользоваться нѣкоторымъ почетомъ въ тѣхъ небольшихъ городкахъ, которые такъ гордились, если въ число лицъ городскаго управленія могли выбрать себѣ какого-нибудь центуріона въ отставкѣ [50]).

Иногда единственною причиною происхожденія ассоціаціи было сосѣдство. Въ то время, когда муниципальная жизнь была такъ сильна, сосѣдство служило гораздо важнѣйшею связью, нежели теперь. «Отъ сосѣдства, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Теренція, не далеко до дружбы [51])». Часто коллегіи устроивались между лицами, жившими въ одномъ кварталѣ и имѣвшими привычку видаться между собою. Такимъ образомъ возникла при республикѣ коллегія Капитолійцевъ (*collegium Capitolinorum*); онѣ не рѣдки также и во времена имперіи. Многія изъ коллегій, носившихъ названіе какого-нибудь божества, состояли изъ лицъ, жившихъ близъ его храма и вѣрившихъ этому богу больше, нежели другимъ потому, что онъ былъ ихъ сосѣдъ. Ассоціаціи составлялись не только по отдѣльнымъ кварталамъ, но даже по отдѣльнымъ домамъ. Извѣстно, какая толпа кліэнтовъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ группировалась вокругъ знатныхъ фамилій; очень естественно, что между ними устроивались ассоціаціи. Императорскій дворецъ походилъ на городъ и, подобно городу, долженъ былъ заключать въ себѣ разнаго сорта коллегіи. О нихъ довольно часто упоминается въ собраніяхъ надписей [52]): такъ, напримѣръ, мы видимъ, что главный поваръ императора и его жена дѣлаютъ завѣщаніе въ пользу коллегіи поваровъ, пребывающей на Палатинѣ [53]). Домы богачей брали примѣръ съ дома государя. Кромѣ того, нерѣдко случалось, что богатые люди и часто даже женщины устроивали у себя коллегіи и снабжали ихъ деньгами. Въ этихъ коллегіяхъ почти всегда соединялись рабы и вольноотпущенники дома, которымъ ихъ господа рады были дать хоть какое-нибудь развлеченіе при жизни и могилу послѣ смерти [54]). Иногда онѣ состояли также изъ свободныхъ людей, кліэнтовъ или пріятелей, которымъ какой-

50) Орелли. 4109, 6835. *Inscr. Neap.*, 2530.

51) Теренц., *Heaut.*, I, 1, 4: vicinitas, quod ego in propinqua parte *amicitiae puto*.

52) Надпись, найденная въ Эфесѣ, перечисляетъ пять коллегій въ императорскомъ дворцѣ. *Corp. inscr. lat.*, III, 6077.

53) Орелли, 6302: *collegium cocorum Aug. n. quod consistit in Palatio*.

54) Орелли, 4123, 4938. *Inscr. Neap.*, 6833. *Corp. inscr. lat.*, II, 3229.

нибудь значительный человѣкъ предлагалъ убѣжище въ своемъ дворцѣ или на своихъ земляхъ [55]). Подобное великодушіе находило себѣ награду въ тѣхъ похвалахъ, на которыя члены ассосіаціи не скупились для своего благодѣтеля. По примѣру того, что дѣлалось у императора, они воздавали культъ домашнимъ богамъ принявшаго ихъ къ себѣ человѣка, и если не смѣли присудить ему апоѳеозу, то, по крайней мѣрѣ, были близки къ тому. Нѣкоторыя ассосіаціи, по принятому ими названію, даютъ понимать, что онѣ собрались лишь для того, чтобы сообща поклоняться статуямъ и изображеніямъ покровительствующаго имъ богача (*collegium cultorum statuarum et clipeorum L. Abulli Dextri* [56]).

Мы привели здѣсь нѣкоторыя изъ причинъ возникновенія коллегій, но мы не можемъ взяться за то, чтобы перечислить ихъ всѣ, такъ какъ многія изъ нихъ отъ насъ ускользаютъ. Конечно, не разъ онѣ были обязаны своимъ происхожденіемъ случаю; нечаянная встрѣча людей, одушевленныхъ одинаковыми желаніями и страдающихъ отъ одинаковыхъ напастей, подавала имъ мысль къ соединенію. Чтобы составить ассосіацію, вовсе не требовалось имѣть одинаковую профессію или быть сосѣдями или соотечественниками; для этого достаточно было быть одинокими и чувствовать потребность соединить вмѣстѣ свои силы, чтобы заодно бороться съ бѣдствіями или скукою. Въ то время подобная потребность встрѣчалась нерѣдко, особенно въ трудящихся классахъ. Аристократическое общество древности вовсе не занималось ихъ судьбою. Положеніе рабочихъ было очень плохо; ихъ происхожденіе не ставило ихъ подъ покровительство закона и не возбуждало симпатіи въ богачахъ. Они принадлежали обыкновенно къ рабской породѣ, освобожденіе бросило ихъ въ одинъ прекрасный день въ среду людей свободныхъ, безъ всякихъ средствъ, часто безъ семейства и съ печатью рабства на лбу. Жизнь ихъ была обыкновенно очень жалка, уединеніе, вѣроятно, часто тяготило ихъ, особенно въ большихъ городахъ, называемыхъ Шатобріаномъ людскими пустынями, гдѣ люди глубоко чужды другъ другу, хотя живутъ одинъ возлѣ другаго, и гдѣ шумъ извнѣ дѣлаетъ уединеніе еще горше. Когда между ними являлся предпріимчивый человѣкъ, извѣстный въ этомъ низшемъ мірѣ, ему скоро приходила въ голову мысль прекратить это уединеніе. Средствомъ для этого служили примѣры, находив-

---

[55]) Орелли, 1223.

[56]) Моммс., *Inscr. Neap.*, 5029.

шіеся у него передъ глазами; все даже въ самыхъ маленькихъ городахъ, было наполнено всякаго рода ассосіаціями. И вотъ онъ собиралъ вокругъ себя своихъ товарищей по несчастію и пользовался какимъ-нибудь предлогомъ, дававшимъ право собираться въ ассосіаціи, не возбуждая безпокойства властей; иногда онъ отправлялся къ какому-нибудь богачу, зная его за великодушнаго человѣка, и такимъ образомъ составлялась коллегія, или благодаря щедрости покровителя, или по собственной иниціативѣ членовъ.

Первою заботою новой ассосіаціи было сочиненіе устава. Это было не слишкомъ трудное дѣло; обыкновенно довольствовались тѣмъ, что переписывали законы, управляющіе муниципіями. Коллегія составляетъ для своихъ членовъ какъ бы особенный городъ, республику, и любитъ принимать это названіе въ торжественные дни (*respublica collegii* [57]). Сочинивъ уставъ, члены собирались для того, чтобы подписать его. Это считалось важною церемоніей, и мы видимъ, что его подписывали иногда въ храмѣ, вѣроятно съ цѣлію придать ему болѣе важности [58]). Это былъ законъ коллегіи, строгій законъ, назначавшій штрафы и требовавшій уваженія. Его надо было выставлять на видномъ мѣстѣ для того, чтобы онъ могъ всегда быть передъ глазами у сочленовъ; его сообщали новоприходящимъ, чтобы они напередъ хорошенько ознакомились съ своими правами и обязанностями. «Ты, желающій вступить въ эту ассосіацію, говорилось въ одномъ изъ постановленій, перечитай сначала тщательно законъ ея и войди только потомъ; благодаря этому, ты не будешь имѣть впослѣдствіи повода жаловаться» [59]).

Въ то же время общество выбирало себѣ начальниковъ. Число ихъ и названія были различны въ каждой коллегіи, хотя въ сущности обязанности ихъ были повсюду одинаковы. Ихъ называли, то начальниками и предсѣдателями (*magistri*, *quinquennales*), то попечителями (*curatores*), и они исправляли обыкновенно свои обязанности впродолженіе года. За этими главными начальниками слѣдовали менѣе значительные, напримѣръ, квесторы (казначеи), обязанные охранять небольшое имущество общества. Всѣ они отличались отъ обыкновенныхъ членовъ нѣкоторыми преимуществами, какъ-то: получали лучшую часть на обѣдахъ корпорацій и бо́льшую

---

57) Орелли, 4068.

58) Орелли, 2417.

59) Орелли, 6086.

сумму при денежныхъ раздачахъ [60]). Кромѣ того, ихъ имена, ради почета, выставлялись во главѣ *альбома* коллегіи: такъ назывался оффиціальный списокъ членовъ. Онъ велся очень старательно и пересматривался каждые пять лѣтъ, подобно спискамъ римскаго сената или муниципальныхъ совѣтовъ провинціальныхъ городовъ. Председатель, избираемый въ тотъ годъ, когда долженъ былъ производиться этотъ пересмотръ, имѣлъ, вѣроятно, право, какъ и цензоры Рима, выключать изъ общества недостойныхъ членовъ. Составленный списокъ вырѣзывался на камнѣ или бронзѣ и торжественно объявлялся. Мы видимъ, что въ Кумахъ, по случаю посвященія *альбома дендрофоровъ*, председатель задаетъ обѣдъ всѣмъ членамъ [61]). По счастливому случаю сохранилось нѣсколько подобныхъ *альбомовъ*, наполненныхъ самыми любопытными свѣдѣніями. Главнымъ образомъ они доказываютъ собою, до какой степени римская раса простирала во всемъ любовь къ порядку и уваженіе къ дисциплинѣ; этимъ добродѣтелямъ она обязана своимъ величіемъ; она понимала, что повелѣвать міромъ можно лишь тогда, когда самъ повинуешься у себя дома, и что если силы, составляющія націю, не съумѣютъ согласоваться между собою и подчиниться одна другой, онѣ истощатся въ отдѣльныхъ и безполезныхъ усиліяхъ. *Альбомы* показываютъ намъ, что духъ повиновенія и уваженіе къ іерархіи проникли даже въ самые послѣдніе классы общества. Это именно тѣ качества, которыхъ намъ всего болѣе недостаетъ, и потому неудивительно, что въ нашихъ ассосіаціяхъ они встрѣчаются рѣже, чѣмъ гдѣ-либо. Хотя въ Римѣ коллегіи составлялись преимущественно изъ бѣдныхъ людей, тамъ не возмущались противъ общественнаго неравенства; напротивъ того, его, повидимому, принимали безъ противленія и даже почти безъ всякаго затрудненья. *Альбомъ* съ точностью воспроизводитъ это неравенство и нисколько не желаетъ нарушить его. Во главѣ общества стоятъ всякаго рода почетныя лица, покровители или *патроны*, прежніе председатели (*quinquennalicii*) и настоящіе (*quinquennales*). Такихъ служащихъ лицъ иногда очень много; такъ какъ щедрость ихъ служитъ однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ доходовъ общества, то увеличивая число ихъ, оно обогащается. За ними слѣдуетъ толпа обыкновенныхъ членовъ ассосіаціи (*plebs, sequela*). Чаще всего они идутъ въ

---

[60]) Въ одной изъ этихъ коллегій начальники даютъ сами себѣ странный титулъ председателей двухъ съ половиной частей, *magistri sesquiplares*. Орелли, 7184.

[61]) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 2559.

порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ общественному положенію; — сначала свободные люди, потомъ вольноотпущенные. Если коллегія состоитъ изъ вольноотпущенныхъ и рабовъ, то рабы находятся въ концѣ списка [62]). Иногда число членовъ бываетъ ограничено; случается, что императоры, разрѣшая ассоціацію, назначаютъ цифру членовъ, изъ которыхъ она будетъ состоять, боясь, чтобы, расширившись, она не сдѣлалась опасною [63]). Иногда также основатели или благодѣтели общества не желаютъ его увеличенія, опасаясь, чтобы завѣщанныхъ имъ суммъ не было недостаточно для его существованія [64]). Но когда нѣтъ подобныхъ ограниченій, число членовъ бываетъ иногда очень значительно. Тогда въ этой толпѣ приходится учредить какой-нибудь порядокъ. И въ этомъ случаѣ слѣдуютъ порядку городовъ и раздѣляютъ членовъ по центуріямъ и декуріямъ [65]). Такое удобное дѣленіе встрѣчалось повсюду; его прилагали также къ громаднымъ стадамъ рабовъ, скученныхъ въ домахъ богачей. Христіанство, заимствовавшее очень многое отъ организаціи коллегій, перенесло это дѣленіе въ свои монастыри. «Общежительные монахи, говоритъ св. Іеронимъ, раздѣляются по декуріямъ и центуріямъ, такъ что каждые девять монаховъ управляются десятымъ, а каждые десять декуріоновъ находятся въ свою очередь подъ начальствомъ центуріона» [66]).

Другимъ важнымъ дѣломъ для возникшей коллегіи былъ выборъ мѣста ея собраній. Нѣкоторыя изъ нихъ, самыя жалкія, собирались просто въ кабакахъ [67]); но это значило, что онѣ такъ бѣдны, что не имѣли даже средствъ имѣть собственное помѣщеніе. Судя по странамъ, эти помѣщенія носили разныя названія. Обыкновенно ихъ называли мѣстомъ покоя и досуга, *schola*. Мѣсто для *схолы* доставлялъ очень нерѣдко богатый покровитель; если кол-

---

62) Этотъ порядокъ соблюдается въ различныхъ дошедшихъ до насъ альбомахъ. См. также *Corp. inscr. lat.*, 1, 1181, 1406. Сказано, что для того, чтобы раздачи производились имъ въ порядкѣ, каждый будетъ получать ихъ сообразно съ мѣстомъ, занимаемымъ въ коллегіи, *quae divisa sunt per gradus collegii*. Орелли, 4075. Но случается, что вольноотпущенные, рабы и свободные люди перемѣшаны между собою. Орелли, 2394. *Corp. inscr. lat.* III, 633.

63) Плин., *Epist.*, X, 42. *Corp. inscr. lat.*, II, 1167.

64) Орелли. 2417.

65) Орелли, 1702. Иногда эти центуріи получаютъ такое важное значеніе, что отдѣляются отъ остальнаго общества и составляютъ какъ бы отдѣльное общество, имѣющее свое особое мѣсто собраній и своихъ должностныхъ лицъ. Орелли, 4085.

66) *Epist.*, XXII, 35.

легія принадлежала къ числу тѣхъ, которыя имѣли отношеніе къ администраціи города, какъ, напримѣръ, *августаліи* или *фабри*, тогда декуріоны разрѣшали устроивать для нея помѣщеніе подъ портиками какой-нибудь базилики или на муниципальной землѣ [68]). Содержаніе и украшеніе схолы были одною изъ главныхъ заботъ почетныхъ членовъ ассосіаціи. Одни передѣлывали на свой счетъ полъ и сѣни [69]), другіе—украшали ее мраморомъ и ставили тамъ сидѣнья и мѣдные столы [70]). Въ богатыхъ коллегіяхъ схола, поочередно украшаемая своими правителями, часто была, вѣроятно, очень великолѣпна. Мы имѣемъ краткое описаніе схолы коллегіи Эскулапа и Гигіи, членами которой были, впрочемъ, бѣдные люди; она состояла изъ небольшой молельни и нѣкотораго подобія двора, усаженнаго виноградными лозами, гдѣ члены коллегіи собирались наслаждаться прохладою, и крытой террасы, обращенной къ солнцу, служившей столовою корпораціи [71]). Вѣроятно, молельня была украшена съ ревностнымъ стараніемъ. Судя по братствамъ настоящаго времени, члены ассосіаціи должны были гордиться этимъ и желать, чтобы ихъ коллегія была красивѣе всѣхъ остальныхъ. Это былъ естественный складъ всѣхъ предметовъ искусства, получаемыхъ въ наслѣдство ассосіацией. Лесть умножала здѣсь статуи императора и его семейства; здѣсь находилось не только изображеніе божества, покровительствовавшаго обществу, но и многихъ другихъ боговъ, не имѣвшихъ къ нему, повидимому, никакихъ отношеній. Такъ два щедрые вольноотпущенника завѣщеваютъ письмоводителямъ эдиловъ семь серебряныхъ статуй боговъ для помѣщенія ихъ въ *схолѣ* [72]), а одно должностное лицо коллегіи суконныхъ торговцевъ оставляетъ своимъ сочленамъ мѣдные канделябры на мраморной подставкѣ, украшенные сверху Купидономъ, держащимъ въ рукѣ корзины [73]). Молельня была въ сущности главнымъ мѣстомъ *схолы* и центромъ коллегіи; здѣсь собирались члены для постановленія важныхъ рѣшеній: мы имѣемъ декретъ плотниковъ и торговцевъ сукномъ города

---

67) *Діонъ*. LX, 6.

68) Орелли, 3787, 2279.

69) Орелли, 6590.

70) Грутеръ, 170, 3.

71) Орелли, 2417. Г. Росси полагаетъ, что схолы строились вообще въ видѣ полукруга, и что христіанскія часовни, воздвигаемыя надъ катакомбами, были совершенныя *схолы*. *Bullet. de arch. christiana*. Апрѣль, 1864.

72) Грутеръ, 170, 4. Орелли, 2502.

73) Орелли, 4068.

Регіума, выбиравшихъ себѣ покровителя; онъ подписанъ «въ храмѣ ихъ коллегіи, *in templo collegii fabrorum et centonariorum*» [74]).

Заботливость коллегій о своей молельнѣ и о своихъ богахъ побуждаетъ насъ естественнымъ образомъ говорить о религіозномъ характерѣ римскихъ ассосіацій. Когда вы слѣдуете за членами ассосіацій въ мѣста ихъ собраній и присутствуете при ихъ сборищахъ и праздникахъ, вы не можете не замѣтить, какое важное мѣсто занимаетъ у нихъ религія. И это вовсе не удивительно: коллегіи устроились по образцу города, а основою города у древнихъ народовъ служило поклоненіе одному и тому же богу; и коллегіи основывали свое существованіе на общемъ культѣ. Онѣ имѣли обыкновеніе выбирать себѣ патрона въ небѣ, и выборъ ихъ падалъ обыкновенно на самыя могущественныя божества. Флейтщики обратились къ самому Юпитеру, а сенатъ даровалъ имъ привилегію праздновать свои пиры въ Капитоліи. Минерва чествовалась почти всѣми ремесленными корпораціями; между тѣми, которые поручили себя ея особенному покровительству, Овидій называетъ ткачей, валяльщиковъ, красильщиковъ, башмачниковъ, плотниковъ, врачей. «И вы также, прибавляетъ онъ, жалкая, плохо оплачиваемая толпа, бѣдные школьные учителя, берегитесь пренебрегать богинею; учениковъ даетъ вамъ именно она» [75]). Общество жителей Велабры оставило намъ свидѣтельство своей набожности, въ видѣ памятника, воздвигнутаго имъ «святому, великому богу Вакху, отцу, покровителю и охранителю общинниковъ» [76]). Въ коллегіяхъ было не мало религіозныхъ должно-

---

[74]) Орелли, 4133. Въ Филиппахъ корпорація бѣдныхъ людей устроила не большой храмъ Сильвану. Сохранился списокъ приношеній, пожертвованныхъ по этому случаю членами. Одни даютъ деньги, другіе—статуи и картины, не имѣющія, впрочемъ, большой цѣнности, такъ какъ одна статуя оцѣнена въ 25 динаріевъ, а одна картина въ 15. Одни пожертвовали черепицу для крыши храма, другіе вымостили небольшую площадь передъ нимъ и вырубили въ скалѣ ведшія къ нему ступени; наконецъ, предсѣдатель ассосіаціи приказалъ вырѣзать на свой счетъ на камнѣ списокъ всего пожертвованнаго, чтобы сдѣлать это извѣстнымъ потомству. *Corp. inscr. lat.*, III, 633.

[75]) Овид., *Fast.*, III, 829.

[76]) Орелли, 1485. Иногда вмѣсто того, чтобы выбирать кого-нибудь изъ олимпійскихъ жителей, довольствовались тѣмъ, что поклонялись генію коллегіи, ибо каждая ассосіація имѣла своего генія, какъ и каждый человѣкъ и каждый городъ; геній даетъ имъ жизнь, и справедливость требуетъ, чтобы ему поклонялись. Когда коллегія раздѣляется на декуріи и центуріи, каждая изъ нихъ имѣетъ также своего особеннаго генія и воздвигаетъ ему алтари. *Inscr. Neap.*, 6799.

стей. Для ухода за молельнею назначали особаго прислужника, *(aedituus)*, и хотя по примѣру города культъ долженъ былъ бы отправляться обыкновенно должностными лицами ассосіаціи, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя выбирали себѣ жрецовъ. А именно, мы находимъ ихъ въ такъ-называемыхъ коллегіяхъ молодыхъ людей *(collegia juvenum)* [77]) и въ коллегіяхъ солдатъ [78]) и актеровъ. Вообще общества актеровъ были, повидимому, очень набожны. Ассосіація мимовъ и греческихъ атлетовъ имѣла во главѣ своей верховнаго жреца и дала себѣ названіе *святаго синода*. Этого имени, оставшагося въ употребленіи въ восточныхъ церквахъ, мы не дали бы въ настоящее время сборищу комедіантовъ; но надо вспомнить, въ какомъ тѣсномъ отношеніи съ религіей находились у древнихъ народовъ игры театра и цирка. Онѣ составляли часть общественнаго культа, и такимъ образомъ актеры превращались какъ бы въ городскихъ жрецовъ. Это не дѣлало, однако, болѣе нравственными привычки членовъ святаго синода, и Авлъ Геллій сообщаетъ, что благоразумные люди тщательно предостерегали молодежь посѣщать ихъ [79]).

Трудно сказать, на сколько было правды и искренности въ той религіозной обстановкѣ, которою любили себя окружать ассосіаціи; въ настоящее время многіе думаютъ, что набожность ихъ не слѣдуетъ принимать за нѣчто серьёзное. Каково бы ни было происхожденіе этихъ коллегій, время значительно ослабило связь ихъ съ религіей. Въ сущности матеріальные интересы и свѣтскія удовольствія занимали ихъ больше, нежели все остальное. Точно такъ и у насъ большинство корпорацій, выросшихъ въ средніе вѣка подъ крыломъ церкви, напослѣдокъ отдѣлились отъ нея, а въ настоящее время стали уже вполнѣ свѣтскими. Съ нашей стороны было бы смѣшною ошибкою обманываться сохранившимися за ними старинными названіями и считать за собраніе анахоретовъ общества Св. Діонисія или Св. Мартина. Имя святаго служитъ для нихъ не болѣе, какъ ярлыкомъ, отличающимъ ихъ отъ другихъ и дающимъ имъ поводъ къ какимъ-нибудь веселымъ пиршествамъ. Римскія ассосіаціи шли, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, но остановились на полдорогѣ. Онѣ никогда не достигли до такой степени свѣтскости, какъ наши; если религіозный духъ

---

77) Орелли, *Index*.

78) Ренье, *Inscr. de l' Algérie*, 100.

79) Авлъ Геллій, XX, 3.

и ослабѣлъ въ нихъ, то онѣ все же удержали обряды и культъ. Одинъ памятникъ, воздвигнутый поклонниками Эрскаго фонтана (*cultores Urae fontis*), находящійся въ Ліонскомъ музеѣ, изображаетъ одного члена братства въ положеніи жреца, приносящаго жертву, съ жертвенною чашею въ рукахъ и съ покрытою головою [80]). Жертвы занимали всегда значительное мѣсто въ жизни коллегій. Законы ихъ ставили въ обязанность служащимъ одѣваться въ бѣлое по праздничнымъ днямъ и приносить богамъ ассоціаціи ладанъ и вино [81]). Въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ члены ассоціаціи выходили съ большой пышностью изъ своей *схолы*, шли по Риму, неся впереди свои знамена [82]), подобно тому, какъ это дѣлаютъ братства настоящаго времени, и отправлялись приносить жертвы въ какой-нибудь знаменитый храмъ [83]). Эти церемоніи продолжались во все время имперіи. До самаго конца, ассоціаціи оставались вѣрны своему старинному культу и никогда не освободились вполнѣ отъ религіи. Вотъ почему, когда наступило господство христіанства, оно иногда какъ будто боялось вліянія ихъ на народные умы. Когда христіанскіе императоры, по подстреканію епископовъ, ниспровергли языческіе алтари и завладѣли храмами, они не преминули также конфисковать имущества нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ, казавшихся имъ послѣднею поддержкою язычества [84]).

IV.

Римскія ассоціаціи связываются съ религіей своею заботливостью о погребеніи своихъ членовъ.—Похоронныя коллегіи.—*Колумбаріи*.—Коллегіи, члены которыхъ принимаютъ названіе *cultores deorum*.—Какимъ образомъ основываются похоронныя коллегіи.—Законъ поклонниковъ Діаны и Антиноя.—Чѣмъ они оканчиваютъ.

Коллегіи имѣли еще другую связь съ религіей: онѣ связывались съ нею своею заботливостью о погребеніи своихъ членовъ. Въ древности похороны были еще болѣе религіознымъ дѣломъ, чѣмъ

[80]) Буассьё, *Inscr. de Lyon*, с. 49. Въ другомъ мѣстѣ члены одной коллегіи называются *collegae* и *consacranei*, чтобы показать, что они принадлежатъ къ одному культу. *Corp. inscr. lat.*, III, 2105.

[81]) Орелли, 6085.

[82]) Треб. Полліонъ, *Gallienus*, 7.

[83]) Орелли, 2417.

[84]) Такъ было поступлено съ коллегіей *дендрофоровъ*, Св. зак. Θеод., XVI, 10, 20.

у насъ. Всѣ были твердо убѣждены въ томъ, что лишь тѣ одни будутъ наслаждаться покоемъ и блаженствомъ въ будущей жизни, которыхъ похоронятъ по всѣмъ подобающимъ обрядамъ, потому каждый хлопоталъ приготовить себѣ гробницу такъ же старательно, какъ христіанинъ хлопочетъ о томъ, чтобы причаститься передъ смертью. Это было заботою рѣшительно всѣхъ; всякій думалъ объ этомъ впередъ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Больше всего старались, если это было возможно, быть похороненнымъ возлѣ своихъ, въ семейномъ мѣстѣ погребенія. Древнее аристократическое общество Рима вмѣняло это въ священную обязанность всякому человѣку, принадлежавшему къ какому-нибудь старинному дому. «Религія могилъ такъ велика, говоритъ Цицеронъ, что считается преступленіемъ давать хоронить себя внѣ гробницъ своихъ предковъ» [85]); такъ рѣшилъ юрисконсультъ Торкватъ. Коллегіи, часто замѣнявшія собою семейство для бѣдныхъ людей, рѣшили строить общія гробницы для своихъ членовъ. Проведши жизнь вмѣстѣ, въ одинаковыхъ трудахъ и удовольствіяхъ, утѣшительно покоиться въ одной могилѣ. Это желаніе было всего сильнѣе въ самыхъ скромныхъ ассосіаціяхъ; покровители ихъ знали это хорошо, и однимъ изъ предметовъ ихъ щедрости была постройка гробницы для коллегіи, сдѣлавшей имъ честь своимъ избраніемъ. «К. Вальгій Фускъ, говоритъ одна надпись въ небольшомъ итальянскомъ городѣ, пожертвовалъ этотъ участокъ коллегіи мулогоновъ у Галльскихъ воротъ, чтобы хоронить здѣсь ея членовъ, съ ихъ потомствомъ, женами и наложницами» [86]).

Итакъ, у большей части ассосіацій былъ обычай хоронить вмѣстѣ своихъ членовъ; но независимо отъ тѣхъ, которыя, будучи основаны ради другихъ интересовъ, строили себѣ общія могилы, были еще такія, у которыхъ похороны были единственнымъ дѣломъ; онѣ устроивались съ спеціальною цѣлью доставлять дешевыя могилы своимъ членамъ. Эти коллегіи, называемыя обыкновенно похоронными, очень мало извѣстны. Онѣ были, вѣроятно, очень многочисленны, а ихъ названіе и устройство весьма разнообразны, судя по странѣ и эпохѣ; въ настоящее время мы можемъ различить между ними съ нѣкоторою достовѣрностью двѣ только группы, которыя слѣдуетъ изучить отдѣльно. Первая изъ этихъ группъ имѣла преимущество оставить послѣ себя памятники, съ

---

85 Циц., *De leg.*, II, 22.

86) Орелли, 4093.

давнихъ поръ обратившіе на себя вниманіе ученыхъ; они называются колумбаріями *(columbaria)*: это подземныя зданія, въ стѣнахъ которыхъ устроивались небольшія углубленія, содержавшія одну или двѣ урны [87]). Сначала колумбаріи предназначались для того, чтобы соединять въ себѣ тѣла умершихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ богатыхъ домовъ; такъ какъ слуги составляли также часть семейства, то щедрый господинъ былъ обязанъ заботиться объ ихъ погребеніи. Найденъ былъ колумбарій, содержащій въ себѣ всѣхъ вольноотпущенныхъ Ливіи. Иногда къ расходамъ по сооруженію этихъ памятниковъ допускались иностранцы, которые естественнымъ образомъ получали долю права собственности въ нихъ по окончаніи постройки [88]). Люди, не имѣвшіе семейной могилы, считали выгоднымъ имѣть мѣсто въ этихъ зданіяхъ, лучше сопротивлявшихся времени и недоброжелательству, нежели бѣдная одинокая могила, помѣщавшаяся на краю большой дороги; потому вскорѣ привыкли собираться въ ассоціаціи для постройки на общій счетъ *колумбаріевъ*. Характеристическою чертою этихъ ассоціацій служитъ то, что ихъ называютъ не коллегіями, а обществами, и что члены ихъ довольствуются общимъ названіемъ *Socii*, ничего къ нему не прибавляя. Въ сущности онѣ устроены совершенно такъ, какъ и обыкновенныя коллегіи; общество имѣетъ своихъ администраторовъ, строющихъ *колумбаріи*, своихъ квесторовъ, наблюдающихъ за общественными суммами, и своихъ декуріоновъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются иногда женщины. Окончивъ постройку, начинаютъ дѣлить между собою мѣста; сообразно внесенной суммѣ, каждый получаетъ извѣстное количество углубленій; если у него ихъ слишкомъ много для собственнаго употребленія, онъ ихъ раздариваетъ или продаетъ; здѣсь, какъ и въ христіанскихъ катакомбахъ, шла настоящая торговля могилами. Покупщикъ, ради своего спокойствія, нерѣдко помѣщаетъ купчую въ своей эпитафіи; онъ означаетъ число и мѣсто уступленныхъ ему углубленій [89]) и считаетъ нужнымъ прибавить, что продажа была совершена въ присутствіи членовъ ассоціаціи, чтобы сдѣлать ее торжественнѣе [90]). Люди, похороненные

---

[87]) *Колумбаріи* находились пока только въ Римѣ. Объ этихъ *колумбаріяхъ* см. мемуаръ Генцена, *Ann. de l' inst. arch.*, 1856.

[88]) Это ясно видно изъ слѣдующей надписи: *ex domo Scriboniae Caesaris libertorum libertarumque et qui in hoc monumentum contulerunt.* Орелли, 612.

[89]) Отто Янъ, *Spec. epigr.*, с. 33 и сл.

[90]) Орелли, 4540.

ные въ этихъ колумбаріяхъ, принадлежатъ къ совершенно различнымъ сословіямъ, но всего чаще между ними встрѣчаются вольноотпущенные знатныхъ домовъ, и особенно принадлежавшіе къ числу императорскихъ слугъ. *Колумбаріи* даютъ намъ отчасти понятіе о громадномъ количествѣ императорской прислуги. Здѣсь находятся всѣ занятія, которымъ предавались на Палатинѣ. Въ *колумбаріи* Латинскихъ воротъ нашли даже могилу одного несчастнаго, несшаго очень трудную обязанность, а именно: — обязанность забавлять Тиберія. Это былъ очень искусный мимъ, приписывающій себѣ въ эпитафіи ту честь, будто онъ первый придумалъ передразнивать адвокатовъ [91]).

Другая группа похоронныхъ коллегій гораздо менѣе извѣстна; ее принялись старательно изучать только въ наше время [92]). Она заключаетъ въ себѣ множество ассоціацій, отличающихся отъ прочихъ своимъ названіемъ; члены ихъ принимаютъ имя того бога, поклонниками котораго они себя называютъ (*cultores Jovis*, *cultores Herculis* и пр.). До сихъ поръ полагали, что это были чисто религіозныя коллегіи и что онѣ устроивались только въ честь того бога, чье имя онѣ носили. Моммсенъ первый замѣтилъ, что всѣ ассоціаціи подобнаго рода, случайно сдѣлавшіяся намъ болѣе извѣстными, чѣмъ другія, были просто похоронныя коллегіи; изъ этого онъ заключилъ, что и остальныя должны были имѣть то же самое назначеніе, и это заключеніе подтвердилось всѣми новѣйшими открытіями. Но почему онѣ назывались иначе, нежели общества, строившія *колумбаріи*? Какою разницею во внутреннемъ устройствѣ можно объяснить различіе ихъ названій? Объ этомъ можно только догадываться. Весьма вѣроятно, что эти два рода ассоціацій принадлежатъ не къ одинаковой эпохѣ.

Колумбаріи, строившіяся коллективными обществами, относятся къ I вѣку нашей эры; всѣ тѣ, которыя извѣстны намъ, были построены при первыхъ цезаряхъ и служили только до эпохи Антониновъ. Коллегіи втораго рода относятся, повидимому, къ позднѣйшему времени; мы не находимъ ясныхъ слѣдовъ ихъ въ надписяхъ до временъ Нервы. Слѣдовательно, въ организаціи похоронныхъ коллегій произошла какая-то перемѣна именно въ это время, то-есть въ концѣ I вѣка, въ тотъ моментъ, когда начиналась

---

[91]) Отто Янъ, *Spec. epigr.*, с. 38.

[92]) Прежде всѣхъ ихъ старательно изучилъ Моммсенъ въ своей книгѣ, называемой: *De collegiis et sodaliciis Romanorum*. 1843.

эпоха Антониновъ, долженствовавшая быть столь славною; но трудно сказать, въ чемъ состояли сущность и размѣры этой перемѣны. Всего достовѣрнѣе то, что при похоронахъ членовъ ассоціаціи, бывшихъ ея главною заботою, во вторую эпоху дѣйствовали не совсѣмъ такъ, какъ въ первую. Правда, что похоронныя коллегіи еще хоронили иногда своихъ мертвецовъ въ общей могилѣ [93]), но онѣ употребляли и другой способъ погребенія своихъ членовъ. Это извѣстно намъ, благодаря открытію въ 1816 году закона коллегіи поклонниковъ Діаны и Антиноя.

Этотъ любопытный памятникъ былъ найденъ въ развалинахъ небольшаго городка, Ланувіума [94]); онъ былъ вырѣзанъ въ 136 г., въ концѣ царствованія Адріана. Ассоціація въ это время только что возникла: одинъ гордской сановникъ, назначенный ея покровителемъ и серьёзно относившійся къ своимъ обязанностямъ, желая придать болѣе публичности своему уставу, приказалъ вырѣзать его подъ портикомъ храма Антиноя. Этотъ именно уставъ, по счастливому случаю, дошелъ до насъ. Изучая его, можно составить себѣ очень точное понятіе о похоронныхъ коллегіяхъ той эпохи. Эта коллегія состояла, какъ видно, изъ вольноотпущенныхъ и бѣдныхъ людей; въ ней были также рабы и, вѣроятно, въ большомъ количествѣ; законъ позволялъ имъ принимать участіе въ подобнаго рода ассоціяхъ, если они имѣли на это согласіе своихъ господъ. Цѣлью общества было снабжать своихъ членовъ приличною могилою; слѣдовательно, его первою заботою было разумѣется, найти денежныя средства для похоронныхъ издержекъ. Каждый членъ, принятый въ коллегію, вносилъ за право вступленія въ нее 100 сестерцій (20 фр.) и бутылку хорошаго вина. Кромѣ того, во все время своего нахожденія въ ассоціаціи онъ платилъ въ мѣсяцъ по 5 асовъ (25 сантимовъ). Эти суммы служили для обыкновенныхъ расходовъ и для издержекъ на похороны членовъ. Коллегія Діаны и Антиноя не хоронила своихъ покойниковъ въ общей могилѣ; эти рабы и вольноотпущенные были слишкомъ бѣдны для того, чтобы собрать сумму, необходимую для постройки *колумбарія*. Они дѣлали это проще: по смерти каждаго изъ членовъ общество выплачивало тому, кого онъ назначалъ своимъ наслѣдникомъ, деньги, нужныя для покупки могилы. Эта сумма, называвшаяся *funeraticium*, вѣроятно, измѣнялась, смотря по бо-

93) Орелли, 2400, 2405.
94) Орелли, 6086.

гатству коллегіи: для поклонниковъ Діаны и Антиноя она не превышала 300 сестерцій (60 фр.), да и изъ тѣхъ еще вычиталось 50 сестерцій для раздачи возлѣ костра тѣмъ членамъ, которые были на похоронахъ, желая почтить покойнаго своимъ присутствіемъ [95]). Тщательно предусмотрѣны были всевозможные случаи. Если покойникъ не назначалъ по себѣ наслѣдника, его хоронила сама коллегія. Если онъ былъ рабъ, и его господинъ или госпожа отказывались изъ злобы выдать его тѣло для погребенія ассосіаціи, ему все-таки дѣлали подобіе похоронъ (*funus imaginarium*) и, вѣроятно, воздвигали пустую гробницу. Если членъ ассосіаціи умиралъ отъ Ланувіума на разстояніи, не превышавшемъ 20 миль, и это узнавали во время, тогда три члена коллегіи обязаны были немедленно отправиться на мѣсто, чтобы присутствовать на похоронахъ и уплатить за ихъ издержки. По возвращеніи они представляли счетъ расходовъ всей коллегіи. Если они совершали какое-нибудь злоупотребленіе съ деньгами, ихъ въ видѣ штрафа заставляли платить вчетверо: въ противномъ случаѣ каждый получалъ на путевыя издержки по 20 сестерцій (4 фр.). Если сочленъ умиралъ на разстояніи свыше 20 миль отъ Ланувіума, лицо, давшее денегъ на его похороны, должно было подтвердить этотъ фактъ черезъ семерыхъ римскихъ гражданъ, и если все было совершено какъ слѣдуетъ, ему выплачивали тамъ *funeraticium*, на какое имѣлъ право покойникъ.

Таковы были въ законѣ коллегіи Діаны и Антиноя распоряженія, касавшіяся похоронъ ея членовъ. Мы видимъ, что тогдашнія ассосіаціи были похожи на нынѣшнія, и что онѣ извлекали свои главные доходы, раскладывая платежи на своихъ членовъ; кромѣ того, мы видимъ, что уплата по такимъ раскладкамъ производилась не всегда аккуратно. Тогда, какъ и теперь, ассосіаціямъ не доставало духа послѣдовательности и постоянства. Сначала всѣ пламенно одушевлены, согласны на всякія обязательства и въ первые мѣсяцы платятъ, не задумываясь; но съ теченіемъ времени жертва начинаетъ казаться тяжелою, какъ бы она ни была мала, и, наконецъ, отъ нея отказываются. Поклонники Діаны и Антиноя знаютъ это хорошо и въ самомъ началѣ своего закона сильно заняты опасностью, грозящею ихъ ассосіаціи наравнѣ съ другими. «Пусть наше предпріятіе, говорятъ они сначала, будетъ благопрі-

---

[95]) Мы знаемъ еще бѣднѣйшее общество, гдѣ *funeraticium* равнялось 200 сестерціямъ (40 франкамъ). *Corp. inscr. lat.*, II, 3114.

ятно и выгодно для императора и его семейства, для насъ и всѣхъ нашихъ и для основываемой нами коллегіи! Да проявимъ мы полезную дѣятельность, собирая суммы, необходимыя для того, чтобы пристойно хоронить нашихъ покойниковъ! Средство для достиженія этого состоитъ въ томъ, чтобы мы согласились между собою и платили аккуратно; тогда наша ассоціація будетъ долго существовать.» Немного далѣе они постановляютъ, что если кто-либо изъ членовъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ-рядъ не будетъ производить взносовъ, то общество не обязано ничего для него дѣлать послѣ его смерти. Это была не безполезная предосторожность; у насъ есть любопытный примѣръ подобнаго рода коллегіи, погибшей вслѣдствіе небрежности ея сочленовъ, забывавшихъ нужные взносы. Въ одномъ изъ самыхъ дикихъ округовъ древней Дакіи, въ глубинѣ покинутыхъ каменоломенъ, были найдены таблицы, содержавшія въ себѣ очень важный документъ; представляемъ переводъ его на столько точный, на сколько позволяетъ та варварская латынь, какою онъ написанъ.

«Копія съ акта, составленнаго въ Альбурнумѣ-Великомъ, возлѣ конторы Рескулія, и въ коемъ читалось слѣдующее:

«Артемидоръ, рабъ Аполлонія, президентъ коллегіи Юпитера Церненія, и съ нимъ Валерій, рабъ Никона, и Оффасъ, рабъ Менофила, квесторы той же коллегіи, симъ актомъ объявляемъ публикѣ, что изъ пятидесяти четырехъ человѣкъ, составлявшихъ названную коллегію, въ Альбурнумѣ остается только семнадцать: что Юлій, рабъ Юлія, бывшій президентомъ вмѣстѣ съ Артемидоромъ, не ступалъ ногою въ Альбурнумъ и не показывался въ коллегіи съ самаго дня своего избранія; что Артемидоръ представилъ свои счеты наличнымъ членамъ и доказалъ имъ, что возвратилъ имъ всѣ ихъ деньги, истративъ сколько слѣдуетъ на погребеніе сочленовъ; что онъ взялъ назадъ свой взносъ, требовавшійся съ него ради вѣрности; что въ данную минуту въ кассѣ нѣтъ больше денегъ на похоронныя издержки и коллегія не имѣетъ болѣе ни одной могилы; и что, наконецъ, уже съ давнихъ поръ никто не хотѣлъ собираться въ дни, назначенные закономъ коллегіи, и платить взносы или требуемые подарки. Это и объявляется публикѣ симъ актомъ для того, чтобы въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ, онъ не воображалъ, будто коллегія еще существуетъ, и что онъ имѣетъ право требовать съ нея денегъ [96]). Составлено

[96]) Эта фраза Артемидора довольно наивна; я перевелъ ее безъ всякаго измѣненія.

въ Альбурнумѣ-Великомъ, 5 числа февральскихъ идъ, въ третье консульство Л. Аврелія Вера и Квадрата (167 л. спустя послѣ Рождества Христова» [97]).

Законъ коллегіи Діаны и Антиноя показалъ намъ, какимъ образомъ начинались подобнаго рода ассосіаціи; объявленіе Артемидора показываетъ, какимъ образомъ имъ часто приходилось оканчиваться.

V.

Похоронныя коллегіи разрѣшаются сенатскимъ указомъ I вѣка.—Послѣдствія этого разрѣшенія. — Ежемѣсячныя собранія членовъ. — Экстренныя собранія по религіознымъ причинамъ. — Обѣды корпораціи. — Какимъ образомъ ассосіаціи покрываютъ издержки своихъ общихъ обѣдовъ.—Выборъ *патроновъ*.— Оказываемыя имъ почести. — Ихъ щедрость относительно членовъ. — Налагаемыя ими на членовъ обязанности къ своей могилѣ и памяти.

Надпись въ Ланувіумѣ объясняетъ еще нѣсколько другихъ темныхъ пунктовъ въ вопросѣ о римскихъ ассосіаціяхъ. Поклонники Діаны и Антиноя, желая получше доказать, что коллегія ихъ вполнѣ законна, сочли нужнымъ привести въ началѣ своего устава сенатскій указъ, которымъ была разрѣшена ихъ ассосіація; въ немъ говорится, «что это право предоставляется людямъ, желающимъ устроивать похоронныя коллегіи съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ собираться только разъ въ мѣсяцъ, чтобы платить налогъ, необходимый для погребенія ихъ покойниковъ» [98]). Этотъ законъ не былъ совершенно неизвѣстенъ намъ; Маркіанъ упоминаетъ о немъ въ Дигестѣ, но приводимая имъ цитата такъ неопредѣленна и неполна, что ее очень мало понимали. Въ настоящее время, благодаря поклонникамъ Діаны и Антиноя, мы имѣемъ ея подлинный текстъ, ея точныя выраженія и, слѣдовательно, можемъ оцѣнить ея значеніе.

Этотъ законъ открываетъ намъ тотъ важный фактъ, что въ I-мъ

---

[97]) *Corp. inscr. lat.*, III, c. 924.

[98]) Вотъ самый текстъ этого важнаго закона: *Qui stipem menstruam conferre volent in funera, in it (id) collegium coeant, neque sub specie ejus collegi nisi semel in mense coeant conferendi causa unde defuncti sepeliantur*. Выраженія, употребляемыя Маркіаномъ въ Дигестѣ, почти тѣ же самыя; но онъ забываетъ сказать, что разрѣшеніе дается только похороннымъ коллегіямъ (Диг., XLVII, 22, 1). См. споръ о смыслѣ этого закона въ мемуарѣ Моммсена, с. 87 и сл.

вѣкѣ въ Римѣ разрѣшалось всѣмъ желающимъ составлять похоронныя общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ этихъ поръ люди низшихъ классовъ, такъ сильно заботившіеся о своемъ погребеніи, воспользовались этимъ позволеніемъ; въ слѣдующемъ вѣкѣ Септимій Северъ распространилъ его на провинціи. Это можно назвать большою милостью, если мы сравнимъ ее со всѣми запрещеніями и препятствіями, ставившимися до временъ Траяна праву ассоціацій и сохранившимися въ законахъ до временъ Юстиніана. Между тѣмъ какъ юрисконсульты провозглашаютъ, что нельзя собираться въ ассоціаціи безъ особеннаго разрѣшенія и говорятъ, что такое разрѣшеніе дается очень рѣдко, императоры сразу предоставляютъ его всѣмъ вольноотпущеннымъ, рабамъ и бѣднякамъ имперіи,—словомъ, такимъ именно людямъ, которымъ мы прежде всего отказали бы въ немъ. Въ то время какъ для другихъ корпорацій требуется столько формальностей, чтобы быть одобренными, этимъ бѣднякамъ стоитъ только сказать, что они хотятъ составить похоронную коллегію, и никто не мѣшаетъ имъ сходиться разъ въ мѣсяцъ, выбирать начальниковъ и имѣть общую кассу. Трудно было бы понять, какимъ образомъ императорская власть показываетъ себя въ одно и то же время, и строгою, и снисходительною, не знай мы ея всегдашней политики. Полная недовѣрія къ просвѣщеннымъ классамъ, постоянно подозрѣваемымъ ею въ томъ, что они питаютъ въ глубинѣ души досадныя для нея сожалѣнія и преступныя надежды, она не умѣетъ ни въ чемъ отказывать этимъ несчастнымъ, которымъ нужно только жить, и которые вполнѣ равнодушны къ формамъ правленія. Въ дѣйствительности, благодѣяніе, оказанное императорами, распространялось, вѣроятно, гораздо дальше, чѣмъ бы они того желали. Законъ, установленный для однихъ бѣдныхъ людей, былъ полезенъ всѣмъ; всѣ коллегіи имѣли право существовать, назвавшись похоронными. Средство было очень просто, и имъ, конечно, пользовались. Слѣдовательно, можно предположить безъ особеннаго безразсудства, что между коллегіями, основанными для погребенія своихъ сочленовъ, многія имѣли совсѣмъ другія цѣли, и такимъ образомъ, благодаря уловкѣ, въ I вѣкѣ право ассоціацій было почти совершенно свободно.

Этотъ законъ имѣлъ важныя и непредвидѣнныя послѣдствія. Въ обществахъ, занимавшихся постройкою колумбаріевъ, деньги вносились разомъ; по окончаніи постройки, общество могло, собственно говоря, распасться, а если оно и продолжало существовать для

наблюденія за гробницами, то существованіе его было, вѣроятно, довольно вялое. Напротивъ того, новыя коллегіи имѣли причину существовать постоянно, что упрочивалось для нихъ необходимостью собираться каждый мѣсяцъ. Часто видаясь между собою, члены получали бо́льшую охоту видаться; для многихъ изъ нихъ, и особенно для бѣдныхъ, ежемѣсячныя собранія сдѣлались нѣкотораго рода развлеченіемъ и праздникомъ. Внести въ общую кассу пять ассовъ было недолго, и весьма вѣроятно, что, несмотря на запрещеніе закона, члены, потолковавши о дѣлахъ, касавшихся похоронъ, не расходились, не поговоривъ и о чемъ-нибудь другомъ. Такимъ образомъ эти ассоціаціи, основанныя единственно въ видахъ смерти, получили важное значеніе для жизни. Вскорѣ членамъ показалось недостаточно видаться разъ въ мѣсяцъ и они стали искать для сходокъ другихъ случаевъ. И на этотъ разъ законъ оказался очень удобнымъ, поспѣшивъ уничтожить отчасти сдѣланныя имъ запрещенія. «Не запрещается, говоритъ Маркіанъ, сходиться съ религіозною цѣлью, при чемъ должно соблюдать сенатскій указъ, запрещающій незаконныя собранія». Надо сознаться, что похоронныя коллегіи не имѣли повода роптать на обхожденіе съ ними: имъ было разрѣшено собираться разъ въ мѣсяцъ для сбора денегъ на похороны и сколько угодно разъ съ религіозной цѣлью. Понятно, что въ предлогахъ для этого недостатка не бывало; ими служила годовщина основанія коллегіи, праздники императора и его семейства, а также служащихъ и благодѣтелей общества. При всѣхъ подобныхъ торжествахъ собирались для общаго обѣда. Въ древнихъ религіяхъ на обѣдъ смотрѣли, какъ на благочестивое дѣло; обѣдая вмѣстѣ, члены могли сказать, «что они собираются съ религіозною цѣлью», и законъ не могъ ничего на это возразить.

Съ самаго давняго времени общій обѣдъ былъ главнѣйшимъ занятіемъ коллегій. Братства, основанныя при перенесеніи Матери боговъ изъ Пессинунта, не придумали ничего лучшаго, чтобы почтить богиню. Катонъ, бывшій въ то время квесторомъ, участвовалъ въ обѣдахъ, дававшихся по этому случаю. По словамъ Цицерона, онъ говорилъ, что столъ членовъ ассоціаціи былъ умѣренный, «и что на эти пиры его привлекало не столько желаніе ѣсть и пить, сколько удовольствіе находиться съ своими друзьями и бесѣдовать съ ними [99])». Но не всѣ гости были такъ воздерж-

---

[99]) Цицер., *De senect.*, 13.

ны, какъ Катонъ, и вскорѣ потребовалось вмѣшательство власти, чтобы сократить чрезмѣрныя издержки на праздникахъ Цибелы. Законъ противъ роскоши требовалъ, чтобы каждый гость, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, поклялся передъ консулами, что на пиръ истратятъ не свыше 120 золотыхъ, кромѣ хлѣба, вина и овощей, и что пить будутъ только туземныя вина [100]). Эти строгіе законы не исправили зла, такъ какъ, нѣсколько лѣтъ спустя, Варронъ жалуется, что обѣды коллегій повышаютъ цѣну съѣстныхъ припасовъ на рынкахъ. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, жизнь въ Римѣ почти не что иное, какъ ежедневный кутежъ [101])». Вѣроятно, Варронъ говоритъ такъ о богатыхъ ассосіаціяхъ, потому что не всѣ онѣ могли позволять себѣ подобныя излишества. Несчастнымъ поклонникамъ Діаны и Антиноя поневолѣ приходилось быть воздержными, и законы противъ роскоши были писаны не для нихъ. Тѣмъ не менѣе и они также очень любили корпораціонные обѣды. Такъ какъ эта коллегія только-что возникла въ то время, какъ былъ изданъ сохранившійся для насъ законъ, и не имѣла еще возможности пользоваться щедростью своихъ покровителей, то члены ея собирались только шесть разъ въ годъ для общаго обѣда. Это было немного, но они желали, по крайней мѣрѣ, беззаботно наслаждаться рѣдкимъ удовольствіемъ и не хотѣли, чтобы имъ мѣшали подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Были приняты мѣры для того, чтобы общее веселье не омрачалось никакими серьёзными заботами. «Если кому-нибудь надо принести жалобу или сдѣлать предложеніе, говоритъ уставъ, пусть онъ прибережетъ это къ собранію коллегіи и оставитъ насъ свободными и довольными въ наши праздничные дни». Равнымъ образомъ не желали, чтобы спокойствіе пирующихъ нарушалось спорами, и изъ устава видно, что полицейскія предписанія пира строго выполнялись. «Если кто-нибудь для того, чтобы произвести шумъ, встанетъ съ своего мѣста и займетъ другое, онъ заплатитъ штрафъ въ 4 сестерціи (80 сантимовъ); если кто наговоритъ глупостей члену коллегіи или нашумитъ, тотъ заплатитъ 12 сестерцій (2 фр. 40 с.); если кто оскорбитъ предсѣдателя общества, штрафъ будетъ равняться 20 сестерціямъ (4 фр.).» Мало было того, чтобы пиръ былъ тихъ и спокоенъ; уставъ все предвидѣлъ и впередъ устроилъ такъ, чтобы тутъ не оказалось ни въ чемъ недостатка.

---

100) Авлъ Геллій, II, 24.

101) Варронъ, *De re rust.*, III, 2, 16.

Желая навѣрное знать, что ни одно приготовленіе къ нему не будетъ опущено, независимо отъ годовыхъ служащихъ, назначали предсѣдателя пира (*magister caenae*), нарочно выбираемаго каждый разъ для этой цѣли. Каждому члену приходилось поочередно брать на себя эту тяжелую обязанность; если онъ хотѣлъ увернуться отъ нея, его принуждали къ уплатѣ 30 сестерцій (6 фр.) въ кассу ассоціаціи. Предсѣдатель пира обязанъ былъ сдѣлать всѣ нужныя для него приготовленія; онъ накрывалъ столы и ставилъ передъ каждымъ изъ гостей бутылку хорошаго вина и клалъ хлѣбъ, стоившій два аса, и четыре сардинки. Въ уставѣ не говорится, долженъ ли онъ былъ дѣлать это на свой счетъ, или на деньги коллегіальной кассы; онъ не упоминаетъ также о томъ, составлялъ ли этотъ хлѣбъ и эти четыре сардинки весь обѣдъ, но этого нельзя, однако, думать. Пиръ былъ бы уже слишкомъ умѣренъ и хотя поклонники Діаны и Антиноя были, вѣроятно, очень бѣдны, врядъ ли бы они могли въ праздникъ удовлетвориться четырьмя сардинками. Уставъ былъ, однако, правъ, умалчивая объ этомъ: говоря о мэню корпораціонныхъ обѣдовъ, онъ упоминалъ лишь о томъ, что лежало на обязанности членовъ корпораціи; остальное добывали инымъ путемъ.

По счастію, у коллегій были другіе источники доходовъ, кромѣ сбора съ членовъ. Пять асовъ, вносимыхъ ежемѣсячно, едва было достаточно для погребенія умершихъ; приходилось прибѣгать къ другимъ средствамъ, чтобы покрывать издержки на обѣды живыхъ. По примѣру муниципій, по образцу которыхъ онѣ устроивались, коллегіи не платили жалованья своимъ служащимъ; всего чаще эти служащіе сами платили тѣмъ, кѣмъ они управляли. Главнымъ образомъ въ каждой ассоціаціи были лица, стоявшія выше всѣхъ остальныхъ, которыя въ сущности занимались очень мало дѣлами своихъ сочленовъ, и которыхъ единственная обязанность состояла, кажется, въ томъ, чтобы своею щедростью доставлять имъ возможность почаще собираться; ихъ звали покровителями (patroni). Выборъ патроновъ былъ очень важнымъ дѣломъ; часто онъ рѣшалъ судьбу денежныхъ средствъ общества. Изъ нихъ болѣе всѣхъ благоденствовали тѣ, которыя умѣли получше выбирать ихъ и извлекать изъ нихъ то, что было нужно. Выборъ этотъ представлялъ, вѣроятно, нѣкоторыя трудности; всѣ они желали имѣть во главѣ своего списка почтенныя, уважаемыя имена, которыя дѣлали бы честь обществу. Прежде всего нужно было, чтобы покровители были богаты и щедры, такъ какъ члены ассоціаціи разсчи-

тывали заставить ихъ заплатить какъ можно дороже за ту честь, которую они оказали имъ своимъ избраніемъ. Но эти оба качества рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ; потому люди, соединявшіе ихъ въ себѣ, выискивались всѣми ассосіаціями и соглашались обыкновенно на предложенія значительнѣйшихъ изъ нихъ. Послѣднимъ было, конечно, не трудно добывать себѣ патроновъ; тѣ сами оспоривали другъ у друга честь покровительствовать имъ. Корпорація ліонскихъ моряковъ имѣетъ своими покровителями государственныхъ людей, самыхъ знатныхъ сановниковъ, главныхъ казнохранителей Галліи. [102]) Если не было такихъ важныхъ лицъ, она могла всегда выбрать какого-нибудь крупнаго и богатаго торговца виномъ или масломъ, разбогатѣвшаго темнымъ путемъ и потому считавшаго себя счастливымъ стать во главѣ такой значительной ассосіации и увеличить ея состояніе. [103]), Болѣе скромнымъ корпораціямъ, какъ напримѣръ, бѣднымъ похороннымъ коллегіямъ, было, вѣроятно, труднѣе доставать себѣ покровителей. Эта честь была уже не такъ велика, и ея менѣе добивались. Потому и самыя ассосіации были ни такъ требовательны и не простирали своихъ видовъ такъ высоко. Въ случаѣ нужды онѣ нисходили до тѣхъ вольноотпущенныхъ, которые, достигнувъ благосостоянія, благодаря милости своихъ господъ или счастливому случаю, составляли промышленный классъ имперіи. Этимъ бывшимъ рабамъ надо было какимъ-нибудь образомъ смыть съ себя презрѣніе общества. Они жадно отыскивали всякихъ отличій, изъ которыхъ самыя ничтожныя имѣли для нихъ цѣну, такъ какъ они не привыкли къ уваженію со стороны. Они желали, чтобы на ихъ могилахъ, составлявшихъ главный предметъ ихъ заботъ, каждый могъ прочесть, что они были служащими или покровителями какой-нибудь ассосіации; этотъ титулъ выдѣлялъ ихъ изъ толпы обыкновенныхъ вольноотпущенныхъ и хоть отчасти уничтожалъ позорное воспоминаніе объ ихъ рабской долѣ. Имъ было бы, конечно, очень лестно фигурировать между покровителями какой-нибудь важной коллегіи, но, не будучи въ состояніи достигнуть такой высокой чести, они нисходили до другихъ ассосіацій. Такимъ образомъ, благодаря людскому тщеславію, всѣ коллегіи, на какой бы степени онѣ ни стояли, отыскивали себѣ покровителей.

Ассосіація отплачивала своему покровителю почетомъ и уваже-

---

102) Буассьё, *Inscr. de Lyon*, с. 259, 260.

103) Буассьё, *Inscr*., *de Lyon*, с. 207.

ніемъ. Онъ назначался въ общемъ собраніи, по указанію должностныхъ лицъ, и о выборѣ общества извѣщался торжественнымъ указомъ. Вотъ какими словами выражается по этому случаю коллегія суконныхъ торговцевъ въ одномъ итальянскомъ городкѣ:

«10 числа апрѣльскихъ календъ, въ молельнѣ ассоціаціи, квесторы держали рѣчь и представили намъ, что нашей коллегіи подобаетъ назначить своимъ покровителемъ Титилія Юліана, гражданина, столько же извѣстнаго по своему благоразумному поведенію и природной скромности, сколько по своему великодушію. —да послужитъ этотъ выборъ блистательнымъ примѣромъ того, что мы умѣемъ цѣнить заслуги. По этому случаю мы, и въ томъ числѣ квесторы, постановили слѣдующее: мнѣніе всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности таково, что предложеніе служащихъ въ ассоціаціи благоразумно и полезно. Вслѣдствіе того мы должны извиниться передъ почтеннымъ Юліаномъ въ томъ, что не подумали о немъ прежде и попросить его, чтобъ онъ принялъ то званіе, которое мы ему присуждаемъ, и разрѣшилъ помѣстить надъ дверью своего дома бронзовую дощечку, на которой будетъ вырѣзанъ настоящій декретъ.» [104]).

Трудно предположить, чтобы покровитель оставался нечувствителенъ къ подобной вѣжливости. На лесть своихъ новыхъ собратовъ онъ долженъ былъ отвѣчать всевозможною щедростью; при каждомъ новомъ благодѣяніи общество, не желавшее быть неблагодарнымъ, вотировало своему покровителю торжественную благодарность; это была борьба великодушія, въ которой общество трудно было побѣдить, такъ какъ оно давало одни только комплименты, и ничто ему не препятствовало расточать ихъ. Иногда оно какъ будто хотѣло прибавить къ нимъ болѣе дѣйствительныя доказательства своей благодарности и дѣлало видъ, что рѣшается на денежный расходъ; оно издавало декретъ, въ которомъ извѣщало, что послѣ серьёзнаго совѣщанія положило воздвигнуть статую своему великодушному благодѣтелю. Статуя была очень большою честью, къ которой эти разбогатѣвшие торговцы были, вѣроятно, очень чувствительны. Они всегда спѣшили принять ее, при чемъ обыкновенно брали на себя издержки по ея сооруженію, а въ день ея открытія задавали обѣдъ всѣмъ своимъ сотоварищамъ. Эта комедія была подраженіемъ той, которая разыгрывалась такъ часто въ совѣтѣ декуріоновъ съ лицами, служившими по городскому уп-

---

[104]) Орелли, 4133.

равленію, и въ этомъ также случаѣ коллегія точно воспроизводила городъ.

Великодушіе покровителей могло принимать различныя формы; самая обыкновенная изъ нихъ состояла въ томъ, что они оставляли членамъ ассоціаціи извѣстную сумму для общихъ трапезъ, устроивавшихся въ назначенное время. Легко понять, почему подобнаго рода щедрость повторялась всего чаще. Богатые люди, такъ же какъ и бѣдные, очень заботились о своихъ могилахъ. Они знали, конечно, что съ этой стороны они обезпечены, и что для того, чтобы запастись могилою, имъ не зачѣмъ участвовать въ похоронной коллегіи. На принадлежавшей имъ землѣ они могли построить какой-нибудь прекрасный мраморный памятникъ съ столовою для гостей и съ алтаремъ для вѣрныхъ друзей, которые будутъ приходить сюда, чтобы приносить жертвы; они могли окружить его, какъ оградою, полями и садами на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, настроить тамъ домовъ для привратниковъ и слугъ, и такимъ образомъ уготовить для себя послѣ смерти такое же роскошное и безопасное жилище, какъ то, гдѣ они обитали заживо. Но у нихъ была другая забота. Печальный опытъ доказалъ имъ, что ничто такъ скоро не старѣется, какъ сожалѣнія; могли ли они быть вполнѣ увѣрены, что друзья, на которыхъ они надѣялись, будутъ дѣйствительно заботиться объ ихъ могилѣ и посѣщать ее въ праздничные дни? А если даже они останутся вѣрны ему, то что будетъ, когда ихъ самихъ не станетъ въ живыхъ? Одна вольноотпущенная, заботливо исполняющая относительно своей умершей госпожи всѣ благочестивыя обязанности, выражается такимъ образомъ въ посвященной ей эпитафіи: «Пока я жива, ты будешь получать эти почести; послѣ моей смерти не знаю [105])». Это сомнѣніе прокрадывалось во всѣ умы и мучило ихъ; говорили, будто достаточно одного поколѣнія, чтобы унести память объ угасшей жизни. Неизбѣжно долженъ былъ наступить день, когда имя, написанное на могилѣ, не будетъ уже пробуждать никакого воспоминанія; тогда въ годовщину смерти покойнаго столовая останется пустою, никто не посѣтитъ его алтаря, и никто не совершитъ на немъ возліяній и не принесетъ къ нему розъ. Чтобы отсрочить какъ можно дальше часъ этого ужаснаго одиночества, многіе придумывали всевозможныя мелочныя и сложныя предосторожности. Одинъ житель Нима приказалъ написать на

105) Орелли, 6206: *post mortem, nescio.*

своей могилѣ, что онъ приготовился выбрать себѣ впередъ имена тридцати друзей. «Если кого-нибудь изъ нихъ не станетъ на свѣтѣ, говоритъ онъ, когда я умру, или если онъ умретъ послѣ меня, тогда оставшіеся въ живыхъ выберутъ по баллотировкѣ на мѣсто несуществующихъ тѣхъ, кого они сочтутъ достойными, такъ чтобы число тридцать было всегда въ полномъ комплектѣ. При чемъ людямъ, которымъ нельзя будетъ почему-нибудь прійти на мою могилу въ назначенные мною дни, позволяется послать обѣдать на свое мѣсто другого [106])». Гораздо проще было довѣрить корпораціи всѣ заботы о культѣ покойника, и это прежде всего должно было прійти въ голову. Онѣ не умирали подобно отдѣльнымъ лицамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ гордились тѣмъ, что существуютъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ; поручая имъ похоронныя обязанности, можно было надѣяться, что могила не будетъ никогда покинута. Съ этой цѣлью имъ завѣщевались деньги и земли; доходы съ нихъ должны были употребляться или на то, чтобы приносить вѣнки на могилу завѣщателя въ праздники умершихъ, или на общія трапезы въ день его рожденія. Обыкновенно все было тщательно предусмотрѣно: въ такомъ важномъ дѣлѣ не хотѣли ничего предоставлять произволу. Иногда число обѣдающихъ назначалось впередъ [107]), рѣшали, напримѣръ, чтобы ихъ никогда не было меньше двѣнадцати; иногда имъ поставлялось въ обязанность быть прилично одѣтымъ. Нѣкоторые прямо говорятъ, какъ господа; платя деньги, они считаютъ себя въ правѣ распоряжаться. Они не желаютъ терпѣть ни малѣйшаго упущенія; если коллегія не исполнитъ точно всѣхъ церемоній въ назначенную пору, она заплатитъ штрафъ или возвратитъ деньги. Другіе принимаютъ болѣе смиренный тонъ. Они знаютъ, что обѣщаніе имѣетъ менѣе шансовъ быть выполненнымъ, когда извѣстно, что того, кому оно было сдѣлано, нѣтъ уже въ живыхъ, и онъ не можетъ требовать его исполненія; потому для достиженія своего желанья они разсчитываютъ гораздо больше на благодарность, чѣмъ на угрозы. «Прошу васъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, мои дорогіе сотоварищи, примите на себя трудъ на завѣщаемыя мною деньги приносить за меня жертву въ назначенные дни [108])». Обыкновенно съ такимъ смиреніемъ выражаются бѣдняки. Одинъ бывшій преторіанскій солдатъ, живущій въ

106) Орелли, 4366.
107) Орелли, 3999.
108) Орелли, 4107.

отставкѣ въ Испаніи, и его жена обращаются на могилѣ своей дочери съ слѣдующимъ трогательнымъ воззваніемъ къ похоронной коллегіи, къ которой они принадлежатъ: «Мы, несчастные родители, умоляемъ во имя нашего дитяти всѣхъ нашихъ теперешнихъ сотоварищей и тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ. Пусть никто изъ васъ неиспытаетъ никогда подобнаго горя, если вы позаботитесь держать на ея могилѣ, на счетъ коллегіи, неугасимую лампаду [109])». Замѣтимъ, что христіанство, измѣнивъ эти обычаи, сохранило ихъ почти всѣ; даже самыя слова остались почти тѣ же. Читая языческія надписи женъ или дѣтей, посвящающихъ благочестивыя учрежденія памяти своихъ мужей или отцовъ, *ob memoriam mariti* [110]), мы вспоминаемъ о часовняхъ, воздвигавшихся надъ катакомбами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были похоронены святые, и называвшихся до Константина памятью мучениковъ, *Memoriae Martyrum*. Развѣ эти ежегодныя церемоніи, обѣды и жертвоприношенія, которые поручали коллегіямъ ради прочной увѣренности, что ихъ выполнятъ, не то же самое, что и вѣчное поминовеніе усопшихъ? Вся разница въ томъ, что у язычниковъ поминовеніе совершалось въ день рожденія покойника, а у христіанъ въ день его смерти: по ихъ мнѣнію, дѣйствительная жизнь начиналась для человѣка лишь съ того дня, какъ онъ вступалъ въ вѣчность.

VI.

Общія трапезы дѣлаютъ тѣснѣе союзъ между членами ассосіаціи.—Братство, господствующее въ этихъ коллегіяхъ. — Услуги, оказанныя ими рабочимъ классамъ и рабамъ — Сдѣлались ли они когда-нибудь дѣйствительными обществами для взаимнаго вспоможенія?—Коллегіи, основанныя солдатами, приближаются, повидимому, болѣе всѣхъ къ нашимъ благотворительнымъ обществамъ.—Языческія ассосіаціи и христіанство.

Эти обычаи, ставшіе всеобщими во II-мъ вѣкѣ, имѣли важныя послѣдствія, на которыя намъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Благодаря щедрости покровителей, общія трапезы умножились въ коллегіяхъ до чрезвычайности и сдѣлались, наконецъ, ихъ главнымъ занятіемъ. Одна изъ нихъ откровенно называетъ себя *обществомъ людей, вмѣстѣ обѣдающихъ* [111]); всѣ онѣ заслуживаютъ

---

[109]) *Corp. inscr. lat.*, II, 2102.

[110]) Орелли, 2417.

[111]) Орелли, 4073: *Convictores, qui una epulo vesci solent.*

этого названія. Настолько участившись, эти собранія пріучили членовъ ассоціацій жить съ-обща и сдѣлали тѣснѣе связь между ними. Впрочемъ связь эта во всѣ времена была довольно тѣсна. Моммсенъ полагаетъ, что вначалѣ братства составлялись изъ членовъ одного и того же семейства; впослѣдствіи стали выбирать сочленовъ изъ различныхъ семействъ, но, благодаря ассоціаціи, они состояли между собою какъ бы въ духовномъ родствѣ, налагавшемъ на нихъ нѣкоторыя обязанности—напримѣръ, никогда не жаловаться другъ на друга передъ судомъ [112]). Съ теченіемъ времени коллегіи много измѣнились, древніе обычаи въ нихъ почти утратились; тѣмъ не менѣе люди, принадлежавшіе къ нимъ, безпрестанно садившіеся вмѣстѣ за столъ, и которымъ предстояло нерѣдко покоиться въ одной могилѣ, продолжали считать себя не чужими одинъ другому. Нѣкоторыя коллегіи завели привычку праздновать у себя всѣ семейныя торжества. Члены ихъ дѣлали другъ другу подарки въ новый годъ; собирались въ праздники умершихъ; обѣдали вмѣстѣ 8 числа мартовскихъ календъ,—въ день, когда по обычаю всѣ родственники должны были собираться вокругъ общаго стола «для того, чтобы, если между ними возникла въ теченіе года какая-нибудь ссора, веселье пира, приводящее къ миру и забвенію, заставило ихъ примириться». Этотъ день носилъ трогательное названіе «дня дорогаго родства» [113]). Потому часто случалось, что люди, не имѣвшіе родныхъ, завѣщали свое состояніе коллегіямъ. Въ Бетикѣ, гдѣ, желая похвалить человѣка, писали на его могилѣ: онъ былъ благочестивъ относительно своихъ, *pius in suos*, говорилось также, что онъ былъ таковымъ относительно членовъ своей ассоціаціи, *pius in collegio* [114]); слѣдовательно, эти двѣ обязанности ставились на одинаковую линію. Окончательное сходство ассоціацій съ семействами выражалось въ томъ, какимъ образомъ называли иногда членовъ и служащихъ. Покровитель или покровительница коллегіи назывались ея отцомъ и матерью, а сочлены часто называли другъ друга братьями; такъ въ Римѣ въ одной надписи нѣкто сообщаетъ намъ, что онъ даритъ возобновленный имъ памятникъ «своимъ братьямъ коллегіи Велабрскихъ жителей» [115]), а два набожные человѣка, воздвигшіе

---

[112]) Моммсенъ, *De colleg.*, с. 3.

[113]) Орелли, 2417. Овид. *Fast.*, II, 617.

[114]) *Corp. inscr. lat.*; II, 1976.

[115]) Орелли, 1485.

алтарь Юпитеру, отцу всѣхъ боговъ, сообщаютъ намъ, что они посвятили его «съ помощью братьевъ и сестеръ» [116]).

Эти прекрасныя названія нельзя считать совершенною ложью, такъ какъ при изученіи внутренняго устройства коллегій нельзя не замѣтить, что въ нихъ господствовало нѣкотораго рода братство. Несмотря на уваженіе, оказываемое тамъ общественной іерархіи, всѣ члены пользовались одинаковыми правами. Всѣ они вотировали законы и декреты ассосіаціи, и иногда для того, чтобы придать болѣе силы и важности этимъ декретамъ, въ нихъ упоминалось, что они были составлены «въ общемъ собраніи» [117]). Собраніе считалось правильнымъ и могло постановлять законы лишь тогда, когда число вотирующихъ достигало впередъ назначенной цифры [118]); этимъ способомъ уставъ отстранялъ всякія неожиданныя выходки со стороны властей. То же самое бывало при избраніи почетныхъ членовъ ассосіаціи; всякій имѣлъ право участвовать въ немъ, и ясно говорится, что они назначаются по выбору всѣхъ [119]). Иногда, впрочемъ, выборы производились, вѣроятно, довольно краткимъ способомъ. Когда общество имѣло счастіе обладать значительнымъ лицомъ, отъ котораго ожидало большой щедрости, его назначали по общему соглашенію, не прибѣгая къ подачѣ голосовъ; но при этомъ не забывали упомянуть, что соглашеніе было единодушное, и что, слѣдовательно, бѣдные принимали въ немъ участіе наравнѣ съ другими [120]). Если всѣ члены имѣютъ право выбора, то ихъ самихъ можно также всѣхъ выбирать. На дѣлѣ, въ коллегіяхъ, какъ и въ городѣ, почести принадлежатъ главнымъ образомъ тѣмъ, кто побогаче. Мы видѣли, что онѣ стоили очень дорого, и кто не въ состояніи платить за нихъ, тому не слѣдуетъ ихъ и добиваться; но въ уставѣ нѣтъ такого пункта, который формально запрещалъ бы менѣе значительнымъ лицамъ достигать ихъ, и нѣкоторые примѣры доказываютъ даже, что они иногда въ самомъ дѣлѣ ихъ достигали. Въ ассосіаціяхъ, заключавшихъ въ себѣ сво-

---

116) Орелли, 1238. Несомнѣнно, что члены коллегій часто называли другъ друга братьями. См. *Corp. inscr., lat.*, III, 2509; Орелли, 2318, и ту надпись гдѣ говорится о *collegium fratrum sellariorum, Bull. de l'Inst. de corr. arch.*, 1850, с. 152; но Боргези зашелъ слишкомъ далеко, предполагая, что такимъ же образомъ поступали въ большихъ духовныхъ коллегіяхъ Рима. См. *Сочиненія*, III, 414 и примѣчаніе Моммсена.

117) Орелли, 2417: *conventu pleno*.

118) Орелли, 4134: *numerum habentibus*.

119) Муратори, 518, 6: *suffragio universorum*.

120) Орелли, 4057: *sine suffragis, ex omnium sententia*.

бодныхъ людей и рабовъ, послѣднимъ предоставлялась обыкновенно небольшая доля власти, хотя и низшаго разряда. Свободные служащіе, называемые *magistri*, имѣютъ у себя подъ начальствомъ служащихъ изъ рабовъ, называющихся *ministri* [121]). Уже это что-нибудь да значило: но пошли еще дальше. Рабъ пробирался иногда въ число самыхъ высокихъ служащихъ и занималъ между ними мѣсто [122]). Слѣдовательно, могло случиться, что онъ повелѣвалъ свободными людьми. Кто бы согласился на это нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ христіанской республикѣ Соединенныхъ Штатовъ? Можно вообще сказать, что рабы выиграли больше всѣхъ отъ братства, господствовавшаго въ коллегіяхъ. До тѣхъ поръ самые великодушные люди, искренно желавшіе усладить ихъ существованіе, довольствовались тѣмъ, что упрочивали за ними болѣе благосостоянія и свободы въ ихъ семейной жизни. «Я позволяю своимъ, говоритъ Плиній Младшій, дѣлать завѣщанія и исполняю ихъ; я разрѣшаю имъ дѣлить, дарить и завѣщать то, чѣмъ они владѣютъ, съ условіемъ, чтобъ это дѣлалось только относительно моихъ же людей, такъ какъ домъ для раба нѣкоторымъ образомъ республика и городъ [123]). Ассосіація даетъ ему выходъ изъ него; она открываетъ для него эти плотно запертыя двери, вводитъ его въ новый для него міръ, гдѣ онъ посѣщаетъ свободныхъ людей и не только считаетъ себя равнымъ съ ними, но можетъ даже иногда стать выше ихъ. Дѣйствительно, для того, чтобы рабъ могъ вступить въ коллегію, онъ долженъ имѣть на это по закону согласіе своего господина; получивъ же это согласіе, онъ отчасти ускользаетъ отъ него. Онъ имѣетъ внѣ семейства сборища, интересы, друзей и опору; съ нимъ совѣтуются, его выслушиваютъ, къ нему обращаются съ просьбами, ему льстятъ; впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, проводимыхъ имъ въ коллегіи, онъ можетъ позабыть, что онъ рабъ; это какъ бы перерывъ рабства; къ сожалѣнію этотъ перерывъ очень коротокъ: возвратясь къ своему господину, рабъ снова встрѣчаетъ работу, оскорбленія и побои; ничто не принадлежитъ ему тамъ, даже самое его тѣло. Какъ бы аккуратно онъ ни уплачивалъ свои погребальные взносы, послѣ его смерти господинъ его, если захочетъ, можетъ отказаться выдать ассосіаціи его трупъ; онъ можетъ изъ мести держать его у себя или ве-

---

121) *Corp. inscr. lat.*, I, 1129.
122) *Corp. inscr. lat.*, 1, 1406.
123) Плин., *Epist.*, VIII, 16.

лѣть бросить его въ ту вонючую яму, гдѣ гніютъ всѣ непредусмотрительные рабы, не позаботившіеся заготовить себѣ могилу. Общество не можетъ отнять у него трупа, зато оно позволяетъ себѣ, по крайней мѣрѣ, осуждать поведеніе господина: оно говоритъ, что онъ несправедливъ, и на глазахъ его отправляетъ похоронную церемонію въ честь того самаго раба, котораго онъ хочетъ оскорбить. Право ассоціаціи, какъ мы это видѣли, возвышало отдѣльныхъ людей въ коллегіи, въ то же время оно возвышало самую коллегію въ городѣ. Въ одиночку эти бѣдняки не считались ни за что; собранные вмѣстѣ они пріобрѣтали нѣкоторое значеніе. Въ надписяхъ, гдѣ перечисляются приношенія городскихъ сановниковъ избравшему ихъ городу, коллегіи упоминаются всегда прежде плебса и получаютъ болѣе крупную сумму. Иногда также онѣ принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Между объявленіями о выборахъ, попадающимися во множествѣ на стѣнахъ Помпеи, многія были произведеніемъ городскихъ коллегій. Онѣ рекомендовали народу своихъ кандидатовъ. Нѣкоторыя выражаются весьма скромно: «Продавцы дровъ и извощики просятъ васъ выбрать Марцеллина» [124]). Другія принимаютъ болѣе рѣшительный тонъ: „Рыбаки назначаютъ въ эдилы Попидія Руфа“ [125]). Эти рыбаки знаютъ, какую силу придаетъ ассоціація; это самое и заставляетъ ихъ говорить съ такою увѣренностью.

Вспоминая объ услугахъ, оказанныхъ коллегіями трудящимся и страждущимъ классамъ имперіи, невольно хочется сравнивать ихъ съ нашими благотворительными ассоціаціями и видѣть въ нихъ настоящія общества взаимнаго вспомоществованія. Несомнѣнно, что при ихъ организаціи имъ стоило сдѣлать одинъ шагъ для того, чтобы стать ими; но сдѣлали ли онѣ его? Можно ли утверждать, что онѣ правильно и постоянно являлись на помощь своимъ больнымъ или нуждающимся членамъ? Считали ли онѣ себя основанными для того, чтобы помогать въ несчастіи? Есть ли доказательства, что у нихъ были суммы, назначенныя для подобныхъ расходовъ? Моммсенъ, повидимому, готовъ этому вѣрить; но сознаюсь, что тщательно изучивъ надписи, касающіяся этого предмета, я не нахожу возможнымъ утверждать это. Извѣстно, что у нихъ были общія кассы, пополнявшіяся ежемѣсячными взносами; но за-

---

124) *Corp. inscr. lat.*, IV, 485.
125) *Corp. inscr. lat.*, IV, 826.

конъ требовалъ, чтобы эти деньги употреблялись только на похоронныя издержки. Онѣ получали многочисленные подарки отъ своихъ служащихъ и отъ богатыхъ людей, интересовавшихся ихъ дѣломъ; но все это шло на то же употребленіе; эти деньги тратились на торжественные обѣды, задававшіеся въ память жертвователя въ назначенное имъ самимъ время. Само-собою разумѣется, что подобная щедрость, разсматриваемая не столько со стороны ея принципа, сколько со стороны результатовъ, производила точно такое же дѣйствіе, какъ и помощь, раздаваемая несчастнымъ бѣднякамъ благотворительнымъ человѣкомъ; эти вѣчные пиры, задаваемые покровителемъ членомъ ассоціаціи, должны были уменьшить ихъ частные расходы, и такимъ образомъ приносили имъ столько же выгоды, сколько удовольствія. Выгода еще болѣе увеличилась, когда обѣды вздумали замѣнять раздачею денегъ и жизненныхъ припасовъ. Вдова богатаго императорскаго вольноотпущенника, бывшаго смотрителемъ императорскихъ музеевъ, завѣщевая коллегіи Эскулапа и Гигіи 50,000 (сестерцій 10,000 фр.), по обыкновенію, назначаетъ впередъ, какимъ образомъ должны быть употреблены доходы съ этой значительной суммы; а именно: она желаетъ, чтобы два раза въ годъ высшимъ служащимъ ассоціаціи, управляющимъ и покровителямъ, раздавали по 6 динаріевъ (4 фр. 80 с.) и по 8 мѣръ вина; низшимъ служащимъ по 4 динарія (3 ф. 20 с.) и по 6 мѣръ, а обыкновеннымъ членамъ по 2 динарія (1 ф. 60 с.) и по 3 мѣры, при чемъ каждому изъ нихъ давали бы по четыре хлѣба [126]). Эти дары, которые каждый уносилъ съ собою домой, служили дѣйствительною помощью для бѣдныхъ семействъ, помогая имъ прокармливаться; между тѣмъ эта была вовсе не милостыня и не благотворительная раздача въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее въ настоящее время. Если бы жертвователь, оказывая свою щедрость членамъ коллегіи Эскулапа и Гигіи, имѣлъ въ виду помочь имъ въ нищетѣ, онъ далъ бы каждому, сообразно съ его нуждами; тутъ же, напротивъ того, больше всѣхъ получаютъ служащіе, то-есть самые богатые.

Замѣчательную особенность представляютъ собою ассоціаціи солдатъ въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ онѣ болѣе всѣхъ другихъ приближаются къ нашимъ благотворительнымъ обществамъ. Коллегіи подобнаго рода представляютъ для насъ большой инте-

---

126) Орелли, 2417.

ресъ. Законъ строго воспрещалъ ихъ [127]); опасались, и не безъ основанія, что право ассоціаціи, перенесенное въ лагерь, распространитъ тамъ отсутствіе дисциплины; но и въ этомъ случаѣ законъ оказался безсильнымъ. Прокравшись въ войска, несмотря на его запрещенія, коллегіи развились тамъ безъ всякихъ съ его стороны препятствій. Онѣ образовались вокругъ легіоновъ между маркитантами, снабжавшими ихъ провизіей, между рабочими, чинившими ихъ оружіе, и, наконецъ, въ самыхъ легіонахъ между солдатами и офицерами всѣхъ степеней. Римскія надписи въ Алжирѣ даютъ намъ по этому поводу любопытныя и новыя подробности. Городъ Ламбеза впродолженіе трехъ вѣковъ служилъ мѣстопребываніемъ легіона, III *Augusta*, обязаннаго защищать Нумидію; было найдено мѣсто, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, и между покрывающими его обломками было отыскано множество разрушенныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ коллегіями легіона. Правительство знало о нихъ и, кажется, даже покровительствовало имъ. Торжественное посвященіе алтарей и статуй, воздвигаемыхъ офицерами и унтеръ-офицерами на свои сбереженія, производится императорскимъ легатомъ. *Схола* лейтенантовъ была построена рядомъ съ главною военною квартирою, и командующій легіономъ могъ читать ежедневно, выходя изъ дому, надпись надъ нею, въ которой члены ассоціаціи объявляютъ, «что на остатки своего очень большаго жалованья и на щедрые дары императоровъ они ее выстроили и украсили изображеніями императорскаго семейства» [128]). Эти коллегіи были устроены почти точно такъ же, какъ и гражданскія ассоціаціи. Каждый членъ, вступая въ общество, вносилъ довольно значительную сумму (750 динаріевъ, то есть 600 франковъ при вступленіи въ офицерскую коллегію, называвшуюся *cornicularii*); остальное пополнялось, вѣроятно, вычетами изъ жалованья. Но здѣсь законъ уже вовсе не требуетъ, чтобы деньги коллегій употреблялись исключительно на погребеніе ихъ членовъ. Общая касса служитъ для многихъ другихъ расходовъ: изъ нея выдаются деньги на путевыя издержки членовъ, отправляющихся на материкъ, а по полученіи ими отставки имъ отсчитывается сумма въ 500 динаріевъ (400 фр.), чтобы помочь имъ устроиться въ томъ краѣ, гдѣ они поселятся [129]). Г. Леонъ Ренье видитъ въ этомъ обычаѣ

---

[127]) Дигестъ, XLVII, 22, I: *neve milites collegia in castris habeant.*

[128]) Ренье, *Inscrr. de l'Algérie*, 60.

[129]) Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 70.

отдаленное происхожденіе нашихъ эмеритальныхъ кассъ [130]). Можно ли было бы предполагать, что у римлянъ существовало нѣчто подобное, если бы во глубинѣ Африки не нашли случайно надписей III легіона? Очень можетъ быть, что будущность сохраняетъ для насъ еще другія, столь же важныя и неожиданныя открытія. Мы не можемъ утѣшать себя мыслью, будто намъ извѣстны всѣ формы благотворительности въ древнихъ ассосіаціяхъ; но, допустивъ даже, что между ними были такія, которыя опередили наши благотворительныя общества, мы можемъ быть увѣрены, что это были не болѣе, какъ рѣдкія исключенія. Будь онѣ многочисленнѣе, отъ нихъ осталось бы, конечно, болѣе слѣдовъ. На фронтонахъ *схолъ*, въ законахъ коллегій, на могилахъ ихъ покровителей, внизу воздвигнутыхъ имъ статуй,—словомъ, гдѣ-нибудь, говорилось бы о помощи бѣднымъ и больнымъ; между множествомъ людей, дѣлавшихъ имъ добро и хвалившихся своими поступками, нашлись бы, конечно, такіе, которые не преминули бы сказать намъ, что они оставили суммы для вспоможенія разнымъ бѣднякамъ, вдовамъ и сиротамъ. Но такъ какъ ничего подобнаго нигдѣ не упоминается, то изъ этого можно заключить, что подобнаго рода щедрость была не въ употребленіи въ римскихъ ассосіаціяхъ. Тѣ, которыя намъ извѣстны, представляли собою общества, устроиваемыя съ цѣлью сдѣлать жизнь болѣе легкою и пріятною для бѣдныхъ людей; съ помощью платимаго всѣми налога онѣ производили ежемѣсячно нѣкоторые чрезвычайные расходы, какъ, напримѣръ на погребеніе своихъ умершихъ членовъ, но можно положительно сказать, что онѣ никогда не были обществами взаимнаго вспоможенія, въ точномъ и правильномъ смыслѣ слова.

Это заключеніе очень важно; оно помогаетъ намъ указать раз-

---

130) Ренье. *Archives des missions*, 1853, с. 218. Сумма, выплачиваемая выходящему въ отставку офицеру называется *annularium*. Видя, что за *annularium* платятъ ту же цѣну, какъ и за *funeraticium*, я въ другомъ мѣстѣ высказалъ то мнѣніе, что одно произошло отъ другаго. Если членъ ассосіаціи не умиралъ на службѣ и оставлялъ корпорацію, чтобы отправиться на житье въ другое мѣсто, коллегія не имѣла болѣе возможности заниматься вслучаѣ его смерти его похоронами. Слѣдовательно, справедливость требовала выдать ему передъ отъѣздомъ ту сумму, на которую онъ имѣлъ право, если бы умеръ, находясь на службѣ въ легіонѣ. Итакъ, *annularium* не что иное, какъ *funeraticium*, выплачиваемый человѣку впередъ при его жизни. Такимъ образомъ можно видѣть, откуда произошло это учрежденіе и какимъ путемъ къ нему восходили. См. *Etude sur quelques collèges funéraires romains*. *Revue arch*, 1872.

ницу, отдѣляющую описанныя нами коллегіи отъ прочихъ ассоціацій, которыя возникаютъ вокругъ нихъ и которымъ принадлежитъ будущность. Эпоха, когда похоронныя общества приняли наибольшіе размѣры, есть именно та самая, когда христіанство начинало въ тишинѣ свою побѣду надъ имперіей. Идучи въ двухъ сторонъ по одинаковому пути и выбирая членовъ въ одинаковой средѣ, трудно было, наконецъ, не встрѣтиться; между такими сходными и близкими обществами отношенія должны были установиться уже съ давнихъ поръ. Хотя трудно сказать достовѣрно, каковы были характеръ и значеніе этихъ отношеній, но никакъ нельзя отрицать того, что они дѣйствительно существовали. Знаменитый изслѣдователь катакомбъ, г. Росси, котораго никакъ нельзя заподозрить въ уступкахъ врагамъ христіанства, полагаетъ, что христіане непремѣнно воспользовались снисходительностью, оказываемою похороннымъ коллегіямъ. Это было для нихъ такимъ простымъ средствомъ обезоружить законъ и охранять свои могилы, что они должны были воспользоваться имъ безъ всякаго затрудненія; но для того, чтобы ихъ смѣшивали съ этими коллегіями и предоставляли имъ одинаковыя права, надо было стараться походить на нихъ. И дѣйствительно, есть множество сходныхъ чертъ между ассоціаціями обоихъ культовъ. У христіанъ есть также общая касса, пополняющаяся взносами вѣрующихъ; и у нихъ эти взносы платятся ежемѣсячно; они точно также заботятся о погребеніи своихъ умершихъ, и Церковь тратила, вѣроятно, бо́льшую часть своихъ доходовъ на устройство громадныхъ кладбищъ. И съ той, и съ другой стороны уваженіе къ общественной іерархіи соединялось съ величайшимъ духомъ равенства; какъ въ колумбаріяхъ, такъ и въ катакомбахъ, хоронились покойники всевозможныхъ сословій. И здѣсь, и тамъ начальники выбираются общею подачею голосовъ, при чемъ первыя мѣста достаются иногда самымъ незначительнымъ лицамъ. Въ то время, какъ бѣдные вольноотпущенники занимаютъ самыя высокія должности въ коллегіяхъ, бывшій рабъ, банкиръ Каллистъ, садится на престолъ св. Петра, занятый передъ тѣмъ однимъ изъ Корнеліевъ. Наконецъ, общественныя тропезы играютъ такую же важную роль въ собраніяхъ христіанъ, какъ и въ языческихъ ассоціаціяхъ; каждый праздникъ Церковь устроиваетъ братскую трапезу агапъ, и, чтобы почтить память своихъ мучениковъ, вѣрующіе обѣдаютъ на ихъ могилахъ въ годовщину ихъ смерти. Извѣстно, сколько трудовъ стоило впослѣдствіи епископамъ уничтожить эти обычаи, когда они превра-

тились въ злоупотребленія, и сколько краснорѣчивыхъ осужденій пришлось произнести св. Августину противъ «этихъ поклонниковъ могилъ, которые, предлагая обѣды трупамъ, сами хоронятъ себя съ ними заживо» [131]).

Подобныя сходства поражаютъ съ перваго взгляда, и чѣмъ дольше смотришь на нихъ, тѣмъ больше бываешь готовъ ихъ преувеличивать; но по мѣрѣ приближенія къ нимъ, начинаетъ обнаруживаться разница. Не желая уменьшать заслугъ, оказанныхъ коллегіями человѣчеству, надо, однако, сознаться, что сдѣланное ими добро имѣло извѣстныя границы и нерѣдко бывало весьма поверхностно. Чтобы проникнуть до глубины общества имъ не доставало той силы, которая дается только принципомъ, и которую нельзя ничѣмъ замѣнить. Христіанство нашло въ религіозномъ чувствѣ силу обновить міръ. Въ коллегіяхъ это чувство значительно охладилось; оно было уже не довольно энергично для того, чтобы сообщить душамъ порывъ, необходимый для выполненія великихъ намѣреній. Чтобы видѣть, какія чудеса можетъ совершать вѣра, стоитъ только сравнить жалкіе погреба колумбаріевъ съ громадными галлереями катакомбъ, имѣющими 580 километровъ (540 верстъ) длины и которыя, будучи вытянуты въ одну линію, равняются по длинѣ цѣлой Италіи; коллегіи были неспособны къ такимъ великимъ трудамъ. Мы уже указывали на господствующее въ нихъ равенство, что можно назвать большимъ преимуществомъ; мало того, не слѣдуетъ думать, чтобы оно ограничивалось дверями *схолы*, какъ это полагали; дѣйствіе его распространялось и далѣе. Съ бѣдными рабами, привыкшими къ презрѣнію и оскорбленіямъ, обходились тамъ уважительно. Пробывъ нѣсколько часовъ въ одеждѣ служащихъ и получая мимоходомъ почтительные поклоны, они, вѣроятно возвращались домой съ болѣе яснымъ понятіемъ о своемъ достоинствѣ и думали про себя, что въ концѣ концовъ они такіе же люди, какъ и всѣ другіе; и это было хорошее чувство, такъ какъ послѣдняя степень рабства состоитъ въ томъ, что рабъ не оскорбляется имъ, считаетъ его законнымъ дѣломъ и безъ отвращенія принимаетъ наносимыя ему оскорбленія. Чѣмъ ниже положеніе человѣка, тѣмъ болѣе онъ обязанъ возвышаться сердцемъ. Между тѣмъ, надо сознаться, что вліяніе коллегій не измѣнило положенія рабовъ. Равенство проникло въ весьма незначительной степени въ домъ гос-

---

[131]) Св. Авг., *De mor. Eccl. cathol.* 34, 76.

подина, и прежніе предразсудки сохраняли въ немъ большую силу до самаго конца. Мы видѣли, что въ языческихъ ассосіаціяхъ члены называли иногда другъ друга братьями; но надо сказать, что это прекрасное слово утратило отчасти свою силу прежде, чѣмъ успѣло произвести свое дѣйствіе. При Антонинахъ сенаторы также называли другъ друга братьями, хотя имъ очень часто случалось ненавидѣть одинъ другаго; Церковь возвратила этому слову всю его силу въ то время, какъ оно готово была превратиться въ терминъ пошлой вѣжливости. Называя сама себя собраніемъ братьевъ, *ecclesia fratrum*, она подъ этими словами разумѣетъ, что составляющія ее лица точно исполняютъ братскія обязанности [132]).

Подъ этимъ могучимъ вліяніемъ начинаетъ расширяться роль ассоціацій, и онѣ налагаютъ на себя новыя обязательства. Разница между христіанскими и всѣми остальными ассосіаціями ясно выражена въ знаменитомъ отрывкѣ изъ Тертулліана. «Наша сокровищница, говоритъ онъ, если она есть, составляется не изъ суммъ, вносимыхъ тщеславными людьми, желающими получить отъ насъ почести; мы не торгуемъ своей религіей для того, чтобы наполнять кассу. Каждый дѣлаетъ ежемѣсячно скромный взносъ. Онъ платитъ, если хочетъ и когда хочетъ, или лучше сказать, когда можетъ; никто не обязанъ платить, взносы бываютъ добровольные. Мы смотримъ на эти деньги, какъ на залогъ, ввѣренный намъ благочестіемъ; потому мы не тратимъ ихъ на ѣду и питье, и тѣмъ болѣе остерегаемся употреблять ихъ на непристойныя оргіи. Онѣ служатъ намъ для того, чтобы давать хлѣбъ бѣднымъ и хоронить ихъ, чтобы воспитывать сиротъ обоихъ половъ и помогать старикамъ» [133])! Вотъ чего никогда не дѣлали языческія общества, по крайней мѣрѣ, правильнымъ и постояннымъ образомъ; такое благородное употребленіе богатства было имъ вообще неизвѣстно. Далеко подвинувшись на пути благотворительности и гуманности, они не достигли конца его. Нельзя сказать, чтобы имъ не достало для этого времени; если впродолженіе двухъ вѣковъ своего процвѣтанія они не рѣшились употребить свои деньги на то, «чтобы давать хлѣбъ бѣднымъ, воспитывать сиротъ, помогать

---

[132]) Очевидно, что названіе братьевъ имѣло у христіанъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ коллегіяхъ; «язычники, говоритъ Нинуцій Феликсъ, завидуютъ намъ, потому что мы называемъ другъ друга братьями: *sic nos, quod invidetis, fratres vocamus*». *Octav.*, 31.

[133]) Тертулл., *Apolog.*, 39.

старикамъ», значитъ, дѣлать все это было не въ ихъ природѣ. Это подтверждаетъ императоръ Юліанъ, приписывая успѣхъ христіанства тому, что оно заботится о чужихъ и бѣдныхъ людяхъ и совѣтуетъ священникамъ своей религіи строить повсюду богадѣльни и раздавать пособіе нищимъ всѣхъ культовъ [134]). Вотъ самое ясное доказательство тому, что языческія ассосіаціи этого не дѣлали и что хотя онѣ приблизились къ милосердію, но не достигли его вполнѣ.

---

[134]) Юліанъ, *Epist.*, 49.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Рабы.

Древнее семейство и общество опирались на рабство; помимо его ихъ нельзя понять. Въ Римѣ вліяніе раба не только господствуетъ въ домѣ, но во времена имперіи подчасъ даже въ государствѣ. Тацитъ сказалъ о Цезаряхъ горькія слова, что они владыки гражданъ и рабы вольноотпущенниковъ. Вотъ почему, изучая государственную исторію или частные нравы той эпохи, мы навѣрное постоянно встрѣтимъ передъ собою эту темную и важную личность, безъ которой ничто не объясняется, и которая занимаетъ столь значительное мѣсто, какъ въ интригахъ общественной жизни, такъ и въ важныхъ событіяхъ жизни домашней, что не можетъ не представлять собою весьма любопытнаго предмета для изученія.

Но какъ познакомиться съ нею и гдѣ ея искать? Сначала кажется всего естественнѣе искать ея и уловить живою ее въ комедіяхъ, рисующихъ жизнь гражданъ и изображающихъ разный мелкій людъ. Римская комедія часто заставляетъ дѣйствовать и говорить рабовъ; нѣтъ почти ни одной піэсы, гдѣ бы она не выставляла ихъ въ ссорахъ между собою или въ борьбѣ съ своими господами. Вотъ почему всѣ, занимавшіеся вопросомъ о рабствѣ въ Римѣ, дѣлали очень многочисленныя заимствованія у комическихъ авторовъ. Имъ не трудно было извлекать изъ ихъ сочиненій чрезвычайно живыя картины рабской жизни; но на столько ли онѣ вѣрны, на сколько пріятны? Въ этомъ можно усомниться. Хотя комедія заявляетъ претензію служить вѣрнымъ изображеніемъ общества, но я не вѣрю, чтобы она была имъ въ дѣйствительности. Примѣры, имѣющіеся у насъ передъ глазами, доказываютъ, что она охотнѣе изображаетъ исключенія, нежели правила, да и тѣ еще преувеличиваетъ, изъ желанія позабавить. Къ этой общей при-

чинѣ, заставляющей насъ недовѣрять изображеніямъ комиковъ, надо присоединить еще другую, составляющую особенную принадлежность римской комедіи. Извѣстно, что Плавтъ и Теренцій подражаютъ греческимъ поэтамъ и часто просто переводятъ ихъ. Трудно разобрать, заимствуютъ ли они представляемыя ими сцены у своихъ образцовъ или пишутъ ихъ съ дѣйствительности, такъ что съ ними всегда рискуешь перемѣшать двѣ совершенно различныя цивилизаціи и приписать Риму то, что относится только къ Греціи. Потому какъ бы ни было пріятно пользоваться ихъ сочиненіями, это надо всегда дѣлать съ величайшею осторожностью, а всего чаще лучше совершенно удерживаться отъ этого. Поступая такимъ образомъ, мы приносимъ большую жертву, такъ какъ, отказываясь пользоваться этими сочиненіями, мы принуждены довольствоваться разбросанными и рѣдкими свѣдѣніями, находящимися у писателей различныхъ эпохъ, дополняя ихъ тѣмъ, что намъ даетъ наука о надписяхъ. Надписи не представляютъ собою такого интереса, какъ блестящія сцены комическихъ поэтовъ. Онѣ обыкновенно коротки и сухи и только возбуждаютъ любопытство, не удовлетворяя его; зато факты, открываемые ими, вполнѣ достовѣрны. Онѣ имѣютъ то преимущество, что попадаются на удачу, а не подобраны и не разсортированы ради защиты какого-нибудь тезиса. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы среди тѣхъ тысячъ могилъ, гдѣ рабы всего чаще разсказываютъ намъ свою жизнь въ двухъ словахъ, отыскивать то, что должно считаться за правило и законъ, и такимъ образомъ возстановлять картину ихъ участи по документамъ, которые они сами оставили намъ о себѣ. Попробуемъ же, заручившись такою помощью, проникнуть въ существованіе раба и для того, чтобы установить хоть нѣкоторый порядокъ въ этомъ изученіи, будемъ слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ въ его жизни въ господской семьѣ съ той минуты, какъ онъ вступаетъ въ нее вслѣдствіе рожденія или покупки, и до того времени, когда онъ выходитъ изъ нея, благодаря отпуску на волю или смерти.

I.

Какимъ образомъ рабъ вступаетъ въ семейство.—Источники рабства въ Римѣ.—Многочисленность рабовъ въ римскихъ домахъ.—Какъ ихъ заставляли жить. – На что ихъ употребляли.—Какія послѣдствія имѣло для господина такое множество слугъ.

Рабы, находившіеся въ знатномъ римскомъ домѣ, имѣли двоякое происхожденіе: либо они были куплены, либо родились въ этомъ самомъ домѣ отъ отца и матери, бывшихъ также рабами. Въ послѣднемъ случаѣ они назывались *vernae*, и имъ оказывали больше уваженія нежели другимъ. Это тѣ самые рабы, къ которымъ ихъ господа относятся такъ заботливо и нѣжно въ надписяхъ. Предполагалось, что они были привязаны къ тому семейству, среди котораго родились. Кромѣ того, они не были опозорены униженіемъ публичной продажи, а это уже много значило. Купленный рабъ побывалъ на рынкѣ, съ ногами, помѣченными бѣлою краскою, съ повѣшеннымъ на шеѣ ярлыкомъ, гдѣ были обозначены его достоинства и недостатки; его выставляли на подмосткахъ и приказывали ему прыгать, вертѣться, ходить, бѣгать, смѣяться и говорить. Родившійся дома избѣгалъ, по крайней мѣрѣ, такого постыднаго осмотра; вслѣдствіе того онъ менѣе утрачивалъ человѣческаго достоинства и былъ способнѣе къ благороднымъ чувствамъ. Потому онъ самъ такъ гордился своимъ названіемъ *vernae*, что сохранялъ его иногда даже послѣ того, какъ былъ отпущенъ на волю и приказывалъ надписывать его на своей могилѣ.

Число рабовъ, притекавшихъ въ Римъ путемъ рабства или рожденія, было, вѣроятно, очень значительно. Сиріецъ или нумидіецъ, купленный управляющимъ какого-нибудь знатнаго господина въ улицѣ *Suburra* или возлѣ храма Кастора, чтобы сдѣлаться разсыльнымъ или поваромъ, былъ увѣренъ, что, вступая во дворецъ своего новаго владыки, онъ найдетъ тамъ многочисленное товарищество. Моралисты жалуются на то, что въ большихъ домахъ слуги считаются тысячами [1]), и ихъ нельзя обвинить въ преувеличеніи, потому что Тацитъ и Плиній говорятъ то же самое [2]).

[1]) Сенека, *Epist.*, 95, 24: *transeo agmina exoletorum per nationes coloresque descripta.*

[2]) Тац., *Ann.*, XIV, 44: *nationes in familiis habemus*, Плиній XXXIII. 10 (47). Онъ разсказываетъ, будто Цецилій Исидоръ говоритъ въ своемъ завѣ-

Въ сатирѣ Петронія Тримальхіонъ, не знающій десятой доли своихъ рабовъ, велитъ докладывать себѣ о числѣ рабовъ, родившихся въ эту ночь на его земляхъ [3]). Не думайте, чтобы это была просто вымышленная сцена; нѣтъ, исторія подтверждаетъ собою романъ. Сенека разсказываетъ почти то же самое объ одномъ Помпейскомъ вольноотпущенникѣ. У него также были цѣлые легіоны рабовъ и, подобно хорошему военачальнику, знающему постоянно число своихъ солдатъ, онъ узнаетъ ежедневно черезъ своего секретаря перемѣны, произведенныя наканунѣ въ этомъ войскѣ рожденіемъ, покупкою или смертью [4]).

Въ настоящее время богатства нѣсколько равномѣрнѣе распредѣлены между людьми, жизнь стала скромнѣе, и намъ отчасти трудно представить себѣ, чѣмъ былъ нѣкогда домъ знатнаго римскаго вельможи. Вообразимъ себѣ одного изъ богатыхъ патриціевъ или всадниковъ, обладавшихъ четырьмя или пятью тысячами рабовъ, подобно тому Цецилію, о которомъ говоритъ Плиній старшій. Эта масса, скученная во дворцахъ или разсѣянная по фермамъ, принадлежитъ къ различнымъ національностямъ и говоритъ на разныхъ языкахъ. Кромѣ того, каждая нація имѣетъ свою спеціальность. Греція доставляетъ преимущественно грамматиковъ и ученыхъ, азіатцы—музыканты или повара, изъ Египта привозятся прелестныя дѣти, болтовня которыхъ разглаживаетъ морщины барина, африканцы бѣгутъ передъ его носилками и расталкиваютъ прохожихъ. Что касается германцевъ съ ихъ громаднымъ тѣломъ и Богъ вѣсть гдѣ посаженною головою (*caput nescio ubi impositum*) [5]), они годны лишь на то, чтобы давать себя убивать на аренѣ къ великому удовольствію римскаго народа. Надо установить хоть какой-нибудь порядокъ въ этой смѣси: ихъ распредѣляютъ по націямъ, различаютъ по цвѣту кожи (*per nationes et colores*), а всего чаще просто дѣлятъ на группы изъ десяти человѣкъ или на декуріи, съ управляющимъ ими декуріономъ. Надъ всѣми декуріонами въ деревнѣ назначается фермеръ (*villicus*), а въ городѣ управляющіе (*dispensatores*). Содержать всю эту толпу, конечно, не малая забота. Въ хорошо устроенномъ домѣ господинъ

щаніи, что, хотя онъ много потерялъ во время междоусобій, онъ тѣмъ не менѣе оставляетъ 4,116 рабовъ.

[3]) Петрон., *Sat.*, 37 и 53.

[4]) Сенека, *De tranq. animi*, 8, 6.

[5]) Квинтил., VIII, 5, 24.

обыкновенно ничего не покупаетъ, такъ какъ у него самого есть все необходимое для прокормленья слугъ Его имѣнія доставляютъ ему всякаго рода съѣстные припасы, а въ городскихъ домахъ есть работники, знающіе всевозможныя ремесла. Чтобы не быть застигнутымъ въ расплохъ, онъ собираетъ въ громадныхъ магазинахъ всякаго рода запасы, при чемъ не всегда знаетъ счетъ своимъ богатствамъ. Разсказываютъ, что въ то время, когда театръ, такъ же какъ и теперь, старался привлекать толпу блестящей сценической обстановкой, одинъ театральный директоръ, которому приходилось одѣвать множество актеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось тратить на это деньги, обратился къ Лукуллу съ просьбою ссудить ему сто туникъ. «Сто туникъ! сказалъ богатый римлянинъ; гдѣ же вы хотите, чтобъ я ихъ взялъ? Но все-таки я велю поискать.» На слѣдующій день онъ прислалъ ему ихъ пять тысячъ.[6]) Управленіе такими громадными имуществами было, вѣроятно, очень трудно. Потому господинъ часто избавлялъ себя отъ труда заниматься имъ: всецѣло отдавшись удовольствіямъ, онъ предоставлялъ свои дѣла обкрадывавшимъ его управляющимъ. Когда же онъ рѣшался лично управлять самъ, это трудное занятіе было для него небезвыгодно. Справедливо предполагали, что если римская аристократія обладала въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ политическимъ смысломъ и оказала себя способною управлять всѣмъ міромъ, то это происходило отъ того, что каждый могъ научиться управленію у себя дома. Эксплуатація громадныхъ имѣній, распоряженіе милліонами сестерцій, управленіе разноплеменными рабами, все это дѣлало вельможъ съ самой ихъ юности администраторами и финансистами.

Обыкновенно всякій подражаетъ тому, что выше его, и низшіе классы вѣчно стараются слѣдовать примѣру аристократіи. Мы видѣли, что римскіе патриціи, чтобы щегольнуть роскошью, держали множество рабовъ; буржуазія дѣлала то же самое. Быть можетъ, большое количество слугъ поражаетъ еще болѣе въ скромныхъ домахъ по своему несоотвѣтствію съ состояніемъ хозяина. Маркъ Скавръ, ставшій впослѣдствіи знатнымъ лицомъ, былъ сначала очень бѣденъ. Въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что отецъ оставилъ ему всего 37,000 сестерцій (7,400 фр.) и десять рабовъ [7]). Конечно, человѣкъ, обладающій въ настоящее время всего на все

---

[6]) Горац., *Epist.*, I, 6, 40.

[7]) Валерій Максимъ, IV, 4, 11.

семью тысячами четырьмя стами франковъ, не позволилъ бы себѣ имѣть десятерыхъ слугъ. Поэтъ Горацій былъ также не очень богатъ; онъ жилъ щедротами Мецената, который далъ ему скорѣе довольство, нежели богатство. Тѣмъ не менѣе онъ разсказываетъ, что когда онъ приходитъ вечеромъ домой, ему служатъ за столомъ три раба [8]). Онъ самъ описываетъ, что обѣдъ его состоитъ изъ порея, стручковаго гороха и нѣсколькихъ пирожковъ. Не правда ли, что для такихъ блюдъ слишкомъ много троихъ слугъ, и что обѣдъ не соотвѣтствуетъ прислугѣ? Быть можетъ, вы спрашиваете себя, какимъ образомъ такое число слугъ не истощало скромнаго состоянія, и какимъ экономическимъ чудомъ его хватало на нихъ; но это потому, что въ то время они не стоили того, что теперь. Покупная цѣна обыкновеннаго раба составляла около 500 франковъ, такъ что служба его обходилась въ 25 франковъ въ годъ. Содержаніе его было еще дешевле. Катонъ кормилъ своихъ рабовъ падавшими съ деревьевъ оливками, разсоломъ и уксусомъ. Онъ приготовлялъ для нихъ особеннаго сорта вино, рецептъ котораго оставилъ намъ. «Налейте въ бочку десять амфоръ сладкаго вина и двѣ амфоры остраго уксусу. Прибавьте туда двѣ амфоры кипяченаго вина и пятьдесятъ амфоръ прѣсной воды. Размѣшивайте все это палкою по три раза въ день впродолженіе пяти сутокъ, послѣ чего прибавьте туда шестьдесятъ четыре мѣры старой морской воды. Это вино будетъ питься до солнцестоянія. Если его останется послѣ того, то оно превратится въ превосходный уксусъ» [9]). Правда, что при имперіи съ рабами обходились нѣсколько лучше. Сенека говоритъ, что имъ выдавалось ежемѣсячно для прокорма по 5 четвертей хлѣба и по 5 динаріевъ [10]). Считая четверть хлѣба въ 4 сестерціи, оно составитъ не болѣе 7 или 8 франковъ въ мѣсяцъ. Этотъ расходъ кажется намъ все - таки очень скромнымъ; но не слѣдуетъ забывать, что древніе, которыхъ мы такъ охотно обвиняемъ въ сибаритствѣ, были крайне умѣренны въ своихъ обѣдахъ. Когда императоръ Адріанъ навѣщалъ свои войска, онъ довольствовался саломъ и сыромъ, какъ простые солдаты, и никогда ничего не пилъ, кромѣ воды съ уксусомъ [11]). Обѣдъ Горація извѣстенъ; не таковымъ считаемъ мы эпикурейскій уставъ.

---

[8]) Горац., *Sat.*, I, 6, 115.

[9]) Катонъ, *De re rust.*, 104

[10]) Сенека, *Epist.*, 80, 7.

[11]) Спарт., *Hadrianus*, 10.

Несмотря, однако, на свое скромное содержаніе, не можетъ быть, чтобы эта масса рабовъ, державшихся ради роскоши, никого не стѣсняла. Зачѣмъ ихъ нужно было такъ много? Какая причина заставляла мелкихъ людей нести такую тяжесть, подъ которою сгибались даже люди побогаче ихъ? Отвѣтъ на это легокъ: всѣмъ хотѣлось казаться побогаче. Всѣ желали ослѣпить другимъ глаза блестящею свитою. Важныя лица таскали за собою цѣлый полкъ кліэнтовъ и друзей, отправляясь на форумъ. Выѣзжая изъ Рима, они должны были брать съ собою цѣлыя сотни вольноотпущенныхъ или слугъ. Это самое заставляло ихъ дѣлать изъ своихъ городскимъ и загородныхъ домовъ настоящія казармы. Когда при Неронѣ префектъ Рима Педаній Секундъ былъ зарѣзанъ однимъ изъ своихъ рабовъ, тогда, какъ соучастниковъ, арестовали всѣхъ, проведшихъ съ нимъ ночь подъ одною кровлею. Ихъ оказалось четыреста [12]. Надо было смѣяться надъ предразсудками, какъ это дѣлалъ Горацій, чтобы рѣшаться гулять одному [13]. На одного сановника, бравшаго съ собою лишь пятерыхъ слугъ, указывали пальцами. Подконецъ, народъ соразмѣрялъ свое уваженіе къ человѣку съ количествомъ сопровождавшихъ его людей. Адвокатъ не слылъ краснорѣчивымъ, если за его носилками не шло осьми слугъ [14]. Если онъ былъ не довольно богатъ для того, чтобы купить ихъ, онъ ихъ нанималъ; это было для него единственнымъ средствомъ, чтобы ему поручали защиту и слушали, когда онъ говорилъ. Женщины также употребляли слугъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики. Ювеналъ разсказываетъ, что Огульнія остерегалась ходить одна въ театръ: кто бы тогда обернулся, чтобы взглянуть на нее! Она нанимала служителей и субретку съ бѣлокурыми волосами и дѣлала видъ, будто даетъ ей частыя приказанія. Она простирала роскошь до того, что заставляла сопровождать себя почтенную кормилицу и нѣсколькихъ подругъ приличной наружности. Такимъ образомъ Огульнія была убѣждена, что, проходя, произведетъ эффектъ [15].

Слѣдовательно, рабы очень полезны дли своего господина, когда онъ выходитъ изъ дому; они сопровождаютъ его и придаютъ ему отчасти важность; но что же изъ нихъ дѣлаютъ, воротясь домой? Ихъ было такое множество, что въ скромномъ хозяйствѣ

---

12) Тац., *Ann.*, XIV, 42.
13) Горац., *Sat.*, I, 6, 101.
14) Ювеналъ, VII, 141.
15) Ювен., VI, 352.

для нихъ не всегда находилось какое-нибудь дѣло; потому для того, чтобы они не оставались праздными, каждому изъ нихъ давали какое-нибудь особенное занятіе. «Я употребляю своихъ рабовъ, говорилъ одинъ грекъ, такъ же какъ свои члены, для каждой вещи по одному» [16]. Отсюда происходило чрезвычайное раздѣленіе труда въ древнихъ домахъ; нигдѣ оно не было такъ развито, какъ въ Римѣ. Одни рабы отворяли посѣтителю дверь, другіе—вводили его, тѣ поднимали передъ нимъ занавѣсы, эти докладывали о немъ. Были особенные рабы для того, чтобы приносить блюда на столъ, чтобы разрѣзывать ихъ, отвѣдывать прежде гостей и подавать. «Несчастный, говорилъ Сенека, живущій единственно для того, чтобы рѣзать на куски дичь» [17]. Каждое дѣйствіе при одѣваніи женщинъ поручалось особому лицу. Одинъ рабъ хранилъ одежды, другой—драгоцѣнности или пурпуръ. Были особенные артисты для прически и для благоуханій. Была даже открыта могила такого несчастнаго, единственное занятіе котораго состояло въ томъ, чтобы румянить старую Ливію (*colorator Liviae*) [18]. Итакъ, господинъ, воротясь домой, тотчасъ находитъ тамъ толпу слугъ, подстерегающихъ его желанія и предупреждающихъ приказанія. «Я сажусь, говоритъ одно лицо въ комедіи, рабы мои прибѣгаютъ; они снимаютъ съ меня обувь. Другіе спѣшатъ устанавливать ложа и накрывать на столъ. Каждый старается изо всѣхъ силъ» [19]. Чтожь изъ этого выходитъ? Привыкши быть вѣчно окруженнымъ и принимать услуги, господинъ привыкаетъ, наконецъ, ничего не дѣлать. Всѣ эти люди, хлопочащіе вокругъ него, и которымъ онъ такъ признателенъ, оказываютъ ему самую худшую изъ услугъ, лишая его необходимости что-либо дѣлать. Римлянинъ первыхъ временъ республики, имѣвшій всего одного слугу и услуживавшій себѣ самъ, оставался энергическимъ и дѣятельнымъ: онъ завоевалъ міръ. Римлянинъ временъ имперіи, вѣчно окруженный толпою рабовъ, становится вялымъ, изнѣженнымъ и мечтательнымъ. Изъ всей мебели въ своемъ домѣ

---

16) Стобей, *Florileg.*, LXII, 45.

17) *Epist.*, 47, 6.

18) Валлонъ, приводящій эту надпись въ своей *Исторіи рабства въ древности*, II, 146, замѣчаетъ, что нѣкоторые слово *colorator* переводятъ *маляръ*. Отсылаю всѣхъ желающихъ знать побольше подробностей насчетъ раздѣленія труда въ римскихъ домахъ къ этому превосходному сочиненію, глубоко научному и точному, въ чемъ ему отдаетъ справедливость даже ученая Германія. (См. Руководство къ римскимъ древностямъ Маркварта, т. V, с. 139).

19) Теренц., *Heautont*, I, 1, 72.

онъ всего охотнѣе употребляетъ кровать. Онъ ложится для того, чтобы спать, ложится, чтобы ѣсть, ложится, чтобы читать или размышлять. У него всѣ житейскія дѣла распредѣлены между слугами и притомъ съ величайшею точностью для того, чтобы ему никогда ничего не надо было дѣлать. Между тѣмъ этотъ превосходный порядокъ, которымъ онъ такъ восхищается, полонъ опасностей. Физическая дѣятельность не можетъ ослабѣть безъ вреда для нравственной, и, переставая дѣйствовать, человѣкъ перестаетъ также желать. Эта раса, потерявшая привычку шевелить тѣломъ и упражнять его, дала ослабнуть и душѣ своей. Потому можно справедливо сказать, что громадное число рабовъ у римлянъ не мало способствовало тому, чтобы сдѣлать ихъ самихъ рабами Цезарей.

II.

Отношенія раба къ господину.—Законъ даетъ надъ нимъ всевозможныя права.—Гуманность исправляетъ строгость закона.—Религія благопріятно относится къ рабу.—Набожность рабовъ.—Философія и рабство.—Улучшеніе участи рабовъ при Антонинахъ.—Сельскій рабъ.—Городской рабъ.—Какъ онъ переносилъ свою судьбу.—Древнее рабство и современное.

Вообразимъ себѣ только-что купленнаго раба, брошеннаго въ толпу слугъ, наполняющихъ римскій домъ. Понятно, что прежде всего онъ обращаетъ взгляды на своего господина и со страхомъ старается угадать, чего долженъ ожидать отъ него, и какъ съ нимъ будутъ обращаться. Сдѣлаемъ такъ же, какъ онъ, и спросимъ себя прежде всего, какимъ правиламъ онъ будетъ подчиненъ, и каковы будутъ отношенія господина къ рабу. Отвѣтъ на этотъ вопросъ не легокъ: объ участи раба можно судить весьма различно; такъ, напримѣръ, она совершенно измѣняетъ видъ, смотря потому, изучаютъ ли ее въ законодательствѣ или въ дѣйствительности. До Антониновъ законъ относительно раба страшно жестокъ; онъ совершенно предоставляетъ его на произволъ господина; рабъ такая же собственность его, какъ его стада и поля, онъ имѣетъ право всячески употреблять его и злоупотреблять имъ по своему капризу; онъ можетъ свободно подвергать его всякимъ оскорбленіямъ и безчестіямъ; можетъ бить и даже убить его. Слѣдовательно, если судить по закону, то нельзя не сознаться, что въ мірѣ не бывало ничего хуже положенія римскаго раба; но не слѣдуетъ забывать, что человѣческія учрежденія никогда не дѣлаютъ, ни все-

го добра, ни всего зла, какое они могли-бы дѣлать; они встрѣчаютъ для себя непреодолимыя препятствія въ общественныхъ нравахъ и чувствахъ. Законы могутъ бить превосходны или отвратительны: человѣкъ, отъ природы способный къ усовершенствованію и имѣющій инстинктивное отвращеніе къ варварству, выполняя законы, исправляетъ ихъ крайности; онъ выполняетъ ихъ обыкновенно лишь въ тѣхъ границахъ, гдѣ они не противорѣчатъ его природной умѣренности. Слѣдовательно,мы подвергаемъ себя опастности обмануться, если станемъ судить объ общественномъ состояніи народа только по его законодательству. Прежде всего надо знать, какъ оно прилагается. Я очень склоненъ думать, что въ Римѣ, даже въ тѣ времена, когда нравы были тамъ всего грубѣе, рѣдко пользовались тѣми страшными правами, которыя законодательство давало надъ рабомъ. Тщетно говорилъ Катонъ, что благоразумно продать раба, если онъ старъ и не можетъ больше служить, тщетно обычай разрѣшалъ оставлять его безъ помощи во время болѣзни на островѣ Тибра или возлѣ храма Эскулапа, чтобы онъ тамъ выздоровѣлъ или умеръ, ничего не стоя хозяину,—очень вѣроятно, что въ великодушныхъ сердцахъ природа постоянно противилась такому низкому оставленію. Есть нѣкоторое основаніе думать что даже во времена Катона съ рабомъ обходились вообще гуманно, что онъ жилъ довольно фамильярно съ своимъ господиномъ и обыкновенно старѣлся въ его домѣ. [20]) Послѣ битвы при Каннахъ, Римъ, не имѣвши больше солдатъ, не побоялся дать оружіе восьми тысячамъ рабовъ. Они храбро сражались рядомъ съ легіонами и заслужили себѣ свободу. Стали ли бы они подвергать опастности свою жизнь для господъ, если бы ненавидѣли ихъ?

Это самое сопротивленіе природы человѣка несправедливой жестокости закона не позволило весьма дурнымъ обычаямъ, разрѣшавшимся или поощрявшимся со стороны законодательства, производить тѣ отвратительные результаты, которыхъ отъ него можно было ожидать. Приведу любопытный примѣръ. Когда рождался ребенокъ, его клали у ногъ отца. Если тотъ хотѣлъ признать его, онъ наклонялся къ нему и бралъ его на руки; если же онъ отворачивался отъ него, его выносили изъ дому и оставляли на улицѣ. Если ребенокъ не умиралъ отъ холода и голода, то становился рабомъ того, кто согла-

---

[20]) Самъ Катонъ ѣлъ и пилъ съ своими рабами и заставлялъ свою жену ухаживать за ними, когда они были больны. Плут. *Caton*, 2 и 20.

шался взять его. Нѣтъ, конечно, ни какого сомнѣнія, что множество несчастныхъ дѣтей дѣлалось жертвою этого варварскаго обычая. Если вѣрить Сенекѣ-отцу, ихъ подбирали иногда промышленники общественными бѣдствіями, какъ онъ ихъ называетъ, и очень искусно увѣчили ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ прибыльныхъ нищихъ. «Ну, говоритъ одинъ риторъ, слова котораго онъ приводитъ въ своемъ сочиненіи, давай-ка сюда всѣ эти трупы, которымъ такъ трудно тащиться; покажи-ка намъ свое войско кривыхъ, хромыхъ, безрукихъ, голодныхъ; введи меня въ свою пещеру; я хочу видѣть эту мастерскую человѣческихъ бѣдствій, этотъ домъ выставки дѣтскихъ труповъ (*illud infantium spoliarium*).» Не будемъ, однако, слишкомъ увлекаться этимъ патетическимъ тономъ. Здѣсь говоритъ декламаторъ, и говоритъ обсуждая школьный предметъ. Очень можетъ быть, что эта утонченная жестокость и эти мастерскія уродованія существовали только въ рѣчахъ риторовъ. Достовѣрно, что за этими бѣдными покинутыми малютками часто наблюдало общественное состраданіе. Есть доказательство, что съ ними обходились не совсѣмъ такъ, какъ съ прочими рабами, хотя законъ не ставилъ между ними никакой разницы, и что имъ не давалось даже этого названія. Ихъ называли воспитанниками или питомцами, *alumni*, и смотрѣли на нихъ, какъ на пріемышей. Въ новомъ домѣ они часто находили ту привязанность, въ которой имъ отказывало ихъ собственное семейство. Пріютившіе ихъ становились для нихъ дѣйствительно отцами, охотно принимали это имя, и на могилахъ такихъ дѣтей нерѣдко можно прочесть слѣдующія трогательныя слова: «Я любилъ его, какъ своего собственнаго ребенка.»

Такимъ образомъ гуманность всюду исправляла строгость закона. Гдѣ она взяла настолько силы, чтобы сопротивляться ему? Откуда шелъ этотъ благопріятный потокъ, настолько могучій, чтобы восторжествовать надъ древнѣйшими обычаями и измѣнить общее мнѣніе? По нѣкоторымъ признакамъ хочется вѣрить, что онъ происходилъ вслѣдствіе какого-то религіознаго вліянія: дѣйствительно, римская религія не была противницею раба, она не закрывала ему своихъ храмовъ и не удаляла его съ своихъ праздниковъ.[21]) Она признавала, что у него, такъ же какъ и у всѣхъ,

[21]) Впрочемъ, Минуцій Феликсъ говоритъ, что рабъ не могъ присутствовать при всѣхъ священныхъ церемоніяхъ (Octav., 24); но такія исключенія были очень рѣдки.

есть душа, [22]) и не допускала, чтобы по смерти участь его разнилась отъ участи его господина.[23]) Принимая рабство въ настоящемъ, она говорила, что оно не существовало во времена добраго царя Сатурна, то-есть въ золотой вѣкъ.[24]) Она не рѣшилась ни на какое формальное постановленіе, чтобы защитить рабовъ отъ дурнаго обращенія, но любила разсказывать, что разъ, когда въ день общественнаго праздника какой-то жестокій господинъ водилъ вокругъ цирка одного изъ своихъ слугъ и билъ его розгами, Юпитеръ разгнѣвался, и его едва могли умилостивить.[25]) Это былъ косвенный способъ призывать къ кротости всѣхъ тѣхъ, кто боится Юпитера. Оказывая уваженіе къ большимъ праздникамъ, какъ она это дѣлала, предписывая, чтобы «слуга на фермѣ и рабочій волъ отдыхали въ праздничные дни,» она обезпечивала рабу единственныя минуты покоя, которыми онъ наслаждался во время своего труднаго существованія. Въ эпоху Сатурналій рабъ занимаетъ мѣсто своего господина, онъ приказываетъ и заставляетъ служить себѣ, имѣетъ полное позволеніе говорить свободно, отдыхаетъ отъ продолжительнаго стѣсненія и забываетъ свое униженіе впродолженіе всего года; на утро ему уже не такъ грустно будетъ снова надѣть ту цѣпь, отъ которой онъ воображалъ себя свободнымъ цѣлый день[26]). Религія оказывала рабамъ еще болѣе дѣйствительныя услуги, принимая участіе въ актѣ ихъ освобожденія и стараясь упрочить его дѣйствительность. Во многихъ италійскихъ городахъ существовалъ обычай, по которому они отправлялись въ храмъ богини *Фероніи* и получали тамъ, быть можетъ, изъ рукъ жреца шапку, служившую знакомъ свободы. Въ Террачинѣ ихъ сажали на каменную скамью, надъ которою были

---

[22]) Изъ надписей видно, что рабъ имѣлъ своего *генія* такъ-же, какъ и свободный человѣкъ. Орелли, 1728, 2921.

[23]) Юрисконсульты рѣшили, что могила раба заслуживаетъ такого же уваженія, какъ и могила свободнаго человѣка: *locus in quo servus sepelitur religiosus est*. Дигест., XI, 7, 2 Одинъ рабъ, въ своей надгробной надписи, не колеблясь говоритъ, что послѣ смерти его душа отправится на небо, то есть въ то привилегированное мѣсто, гдѣ стоики помѣщаютъ души мудрецовъ и великихъ людей. *Corp. inscr. lat.*, III, 3247.

[24]) Макроб., *Sat.*, I, 7, 26.

[25]) Макроб., *Sat.*, I, 11, 6.

[26]) Макробій говоритъ, что этотъ праздникъ возобновлялся 1-го марта; въ этотъ день рабамъ служили *Матроны*, *Sat.*, I, 12, 2, 7.

надписаны слѣдующія слова: «Пускай рабы, заслужившіе свободу, приходятъ и садятся сюда; они встанутъ свободными.» [27])

Очень естественно, что рабы были благодарны религіи за ея благосклонность къ нимъ и за тѣ услуги, которыя она пыталась

---

[27]) Серв., *Aen.*, VIII, 564. Эти церемоніи напоминаютъ собою отпущеніе на волю подъ видомъ продажи какому-нибудь божеству, пріобрѣтшія большое значеніе въ Греціи. Въ настоящее время ихъ было найдено болѣе пяти сотъ въ развалинахъ Дельфійскаго святилища. (См. надписи, найденныя Вешеромъ и Фукаромъ, *Mémoire sur l'affranchissement des esclaves d'après les inscriptions de Delphes*, Фукара.) Легко понять, что рабъ предпочиталъ подобный способъ освобожденія всѣмъ другимъ, потому что въ этомъ случаѣ нельзя было уже оспоривать полученной имъ свободы. Чѣмъ драгоцѣннѣе было желаемое имъ благо, тѣмъ ему подобало быть прочнѣе. Тогда ему пришла мысль призвать то, что было всего святѣе, религію, чтобы скрѣпить его договоръ съ господиномъ. Такимъ образомъ установился обычай приводить въ Дельфы изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ того раба, котораго хотѣли освободить. Господинъ подходилъ къ храмовому входу, и здѣсь, въ присутствіи свидѣтелей, выбиравшихся между первыми гражданами, и въ виду уважаемаго святилища, во глубинѣ котораго виднѣлись статуи трехъ Паркъ и таинственный входъ къ оракулу, онъ торжественно продавалъ его жрецу Аполлона. Продажа эта была фиктивная. Деньги, платимыя жрецомъ за покупку, давалъ самъ рабъ и давалъ онъ ихъ за свое освобожденіе; но благодаря этой фикціи, онъ, вмѣсто того, чтобы быть вольноотпущеннымъ своего дѣйствительнаго господина, дѣлался вольноотпущеннымъ Аполлона. Быть же вольноотпущеннымъ бога ему было очень выгодно, такъ какъ съ этихъ поръ онъ становился подъ его покровительство. Теперь, въ случаѣ несчастія, онъ могъ ссылаться на принадлежность свою ему. Кто оспоривалъ его свободу, тотъ оскорблялъ не человѣка и не раба, считавшагося ниже человѣка, но самого Аполлона. (См. мемуаръ Фукара, с. 14). Впослѣдствіи христіанство стало подражать этому примѣру, заимствованному имъ у древней религіи; но подражая ему, оно измѣнило его. Законъ Константина разрѣшилъ вѣрующимъ освобождать своихъ рабовъ въ дни торжественныхъ праздниковъ въ церкви, въ присутствіи народа и духовенства. (См. Сводъ законовъ Ѳеодосія и примѣчанія Годефруа, IV, 7, 1.) Эти освобожденія производились не обмѣномъ на денежную сумму, какъ въ Дельфахъ. Въ нихъ не было ни суровыхъ ограниченій, ни тяжкихъ обязательствъ. Господинъ объявлялъ, что «онъ желаетъ быть для своего раба тѣмъ, чѣмъ онъ желалъ бы, чтобы общій всѣмъ Отецъ былъ для него самого; что, зная его за вѣрнаго, добродѣтельнаго и честнаго человѣка, онъ награждаетъ его тѣмъ, что даетъ ему свободу; что онъ не беретъ ничего изъ заработанныхъ имъ денегъ и, вмѣсто того, чтобы уменьшать его небольшое состояньице, обѣщаетъ ему, напротивъ того, увеличить его впослѣдствіи своею щедростью». (См. всю формулу у Эннодія, Минь *Patrol. lat.*, I, XIII, стр. 257). Такой трогательный и нѣжный способъ выраженія мало похожъ на сухія изреченія, вырѣзанныя на стѣнахъ Дельфъ, въ которыхъ господинъ продаетъ богу „мужское или женское тѣло, называющееся Менархомъ или Созіей.“ Отсюда можно видѣть, катория изъ двухъ религій дѣйствительнѣе умягчала рабство.

имъ оказывать. Многіе изъ нихъ оставили намъ доказательство своей набожности. Они были обыкновенно очень преданы божествамъ своихъ господъ, и предполагалось, что этимъ божествамъ были очень пріятны ихъ прославленія [28]). Они набожно молились божкамъ очага, покровительство которыхъ простирается на всѣхъ живущихъ въ домѣ, и которые, по видимому, болѣе всего заботятся о самыхъ скромныхъ его обитателяхъ, вслѣдствіе чего имъ выбирали даже иногда жрецовъ изъ подобныхъ людей [29]). Отправляясь въ дорогу, рабы, подобно своимъ господамъ, поклонялись передъ отъѣздомъ семейнымъ ларамъ [30]), а по возвращеніи увѣнчивали ихъ цвѣтами. Равнымъ образомъ они не позабывали часто обращаться къ доброму Сильвану, котораго, какъ мы уже видѣли, очень любили крестьяне и бѣдняки. Они называютъ его своимъ охранителемъ и спасителемъ и молятся ему за своихъ господъ и за себя самихъ [31]). Болѣе всего они обращаются къ нему съ молитвою о прекращеніи ихъ рабства, а сдѣлавшись свободными, воздвигаютъ ему памятники [32]). Но имъ недостаточно этихъ домашнихъ и сельскихъ божествъ. Набожность ихъ бывала часто очень суевѣрна, и Катонъ былъ принужденъ запретить своимъ рабамъ совѣтоваться съ гаруспиціями и халдейцами [33]). Два вѣка спустя, Колумелла повторяетъ то же самое запрещеніе: «Они должны приносить жертвы, говоритъ онъ, только съ разрѣшенія своего господина; надо, чтобы они удаляли отъ себя гадателей, волшебниковъ и всевозможныя суевѣрія, которыя вводятъ ихъ въ расходъ и нерѣдко увлекаютъ къ совершенію преступленій» [34]). Надписи показываютъ намъ, что болѣе всего ихъ привлекали къ себѣ культы Востока [35]). Они были большею частію родомъ изъ Азіи или изъ Египта, и церемоніи Изиды или Митры напоминали имъ потерянное отечество. Кромѣ того, эти религіи были больше по душѣ тѣмъ, кто нуждался въ умиленіи и утѣшеніи, нежели холодныя торжества оффиціальнаго культа. Такимъ образомъ,

---

28) Діонис. Галикарн., IV, 14.

29) Орелли, 5961.

30) Плавтъ, *Miles glor.*, IV, 8, 29: *saluto te, familiaris, priusquam eo.*

31) Орелли, 5740, 5742, 5754 и пр.

32) Орелли, 1592: *Sancto Silvano votum ex viso ob libertatem.*

33) Катонъ, *De re rust.*, 5.

34) Колумелла, I, 8.

35) То же самое говоритъ Тацитъ (*Ann.*, XIV, 44): *quibus diversi ritus, externa sacra aut nulla sunt.*

вѣчно отыскивая религіозныхъ ощущеній и новыхъ боговъ, они такъ пламенно и въ такомъ множествѣ устремились впослѣдствіи къ христіанству.

Итакъ религія была хорошо расположена къ рабу, и рабъ, въ свою очередь, оказывалъ ей обыкновенно свою признательность. Между тѣмъ не она способствовала главнымъ образомъ улучшенію его положенія, а философія. Въ принципѣ философы признавали рабство и не находили ничего возразить противъ него. Тѣмъ не менѣе они строго внушали, что «съ рабами надо хорошо обходиться, не позволять себѣ оскорблять ихъ, и даже, если можно, быть къ нимъ справедливѣе, чѣмъ къ своей ровнѣ» [36]). По мѣрѣ того, какъ смягчались общественные нравы, увѣты эти предлагались все настойчивѣе. Ихъ повторяли всѣ римскіе философы, отъ Цицерона до Сенеки, и у Сенеки они принимаютъ нѣжный и милосердный тонъ, напоминающій собою христіанство. Въ то же время онѣ проникаютъ въ свѣтъ. Ученія конца республики и времени Августа стараются согласовать въ этомъ случаѣ практику съ теоріей. Горацій ставитъ правиломъ уже не гуманности, а просто житейской мудрости, что не надо быть жестокимъ съ рабомъ [37]); дурно обходясь съ нимъ, можно прослыть не столько злымъ и жестокимъ, сколько неблаговоспитаннымъ человѣкомъ. Слѣдовательно, философскія наставленія имѣли здѣсь практическое примѣненіе; со временемъ они проникли даже въ законодательство и заняли въ немъ мѣсто. Великіе юрисконсульты ввели въ римскій кодексъ ту мысль, что рабство вовсе не естественное явленіе, но основано на соглашеніи между людьми [38]); такимъ образомъ подготовлялось его уничтоженіе въ будущемъ. Между тѣмъ начинаютъ сокращать его злоупотребленія. Со времени Августа законъ воспрещаетъ безъ причины бросать рабовъ на растерзаніе звѣрямъ [39]). Оставляя неприкосновеннымъ право господина, законодатель пытается доказать ему, что для его собственной выгоды надо ему мѣшать въ злоупотребленіи своимъ имуществомъ и что ему оказыва-

---

36) Платонъ, *Законы*, VI, с. 777. См. мнѣнія объ этомъ философовъ, Валлонъ, *Histoire de l'esclavage*, I, гл. XI.

37) Горац., II, 2, 66.

38) Дигест., I, 1, 4: *Ut pote cum jure naturali omnes liberi nascerentur... Sed postea quam jure gentium servitus invasit...*

39) Законъ *Petronia*. Диг. XLVIII, 8, 12, 12 и Маркв. *Röm. Alt.*, V, I, стр. 197.

ютъ услугу, защищая его богатство отъ него самого [40]). Адріанъ отправляетъ на пять лѣтъ въ ссылку одну матрону за то, что она жестоко обходилась съ своими слугами по довольно ничтожнымъ поводамъ [41]). Антонинъ постановляетъ, что нельзя убивать ни своего, ни чужаго раба, не подвергаясь за это тому же самому [42]). Чтобы упрочить дѣйствительность этихъ законовъ, надо было позволить рабу жаловаться, если съ нимъ слишкомъ безчеловѣчно обходились; къ этому пришли очень рано: «Есть одинъ судья, говоритъ Сенека, чтобы разбирать несправедливости господъ относительно рабовъ, укрощать ихъ жестокость, скупость и грубость» [43]); и этотъ судья—первое должностное лицо въ Римѣ, *praefectus urbis;* значитъ, подобныя дѣла считались очень важными! Передъ нимъ-то является рабъ, «не для того, чтобы обвинять своего господина, что не дозволяется слугѣ, но чтобы сдержанно жаловаться *(verecunde)*, буде его слишкомъ жестоко побили или морили голодомъ, или покушались на его честь» [44]). Итакъ, онъ приводитъ своего господина передъ лицо правосудія и требуетъ съ него отчета въ оскорбленіяхъ, слишкомъ долго таившихся подъ тѣнью домашняго крова, и лишь бы только онъ нападалъ «сдержанно», онъ найдетъ себѣ судей, которые согласятся его выслушать! Между тѣмъ древніе законы продолжали существовать въ кодексахъ [45]); но можно сказать, что если они еще оставались въ общественномъ правѣ, то уже не существовали въ нравахъ. Если какой-нибудь народъ консервативенъ по самому существу, какъ, напримѣръ, римляне или англичане, если онъ питаетъ суевѣрное уваженіе къ древнимъ учрежденіямъ и предпочитаетъ давать имъ гибнуть незамѣтно, когда они становятся несвоевременными, нежели уничтожать ихъ во всеуслышаніе, очень естественно, что въ его законодательномъ арсеналѣ существуетъ множество законовъ, неисполняющихся уже съ давнихъ поръ. Всеобщее стремленіе къ гуманности было неудержимо потому, что оно шло одновременно съ двухъ различныхъ концевъ.

---

40) Диг. I, 6, 2.

41) *Id. Ibid.*

42) Диг., I, 6, 1.

43) Сенека, *De benef.* 1, III, 22, 3.

44) Диг., I, 12, 1.

45) Такъ, напримѣръ, Гаій продолжаетъ утверждать, будто у всѣхъ народовъ въ мірѣ господинъ имѣлъ неограниченное право надъ жизнью и смертью своихъ рабовъ. Диг. I, 6, 1.

Два класса общества, обыкновенно плохо понимающіе другъ друга, соглашались въ томъ, что совѣтовали кротость относительно рабовъ. Съ одной стороны философъ говорилъ слушавшимъ его свѣтскимъ людямъ, ученымъ и финансистамъ, что рабы такіе же люди, какъ и всѣ другіе, «созданные изъ тѣхъ же элементовъ, наслаждающіеся тѣмъ же небомъ и дышащіе тѣмъ же воздухомъ». и что съ ними надо обходиться, какъ съ друзьями низшаго сорта *(servi sunt, immo humiles amici)* [46]). Съ другой стороны мелкій людъ, не читающій философскихъ разсужденій и руководящійся только инстинктомъ, не пропускалъ ни одного случая обнаружить къ нимъ свою симпатію. Онъ зналъ ихъ и любилъ; ихъ сближали общія по сердцу страданія и общія удовольствія. Производя вмѣстѣ трудную работу, они запросто встрѣчались на общественныхъ площадяхъ и въ кабакахъ. И развѣ кромѣ того у нихъ не было общаго происхожденія? Рабство служило источникомъ почти всего римскаго плебса; онъ самъ это зналъ, да и бары не забывали напоминать ему объ этомъ. Не естественно ли было сыновьямъ вольноотпущенныхъ быть всегда готовыми защищать людей, бывшихъ тѣмъ, чѣмъ были прежде ихъ собственные отцы? Когда при Неронѣ, послѣ смерти Педанія Секунда, о которомъ было говорено выше, сенатъ приговорилъ къ смерти четырехсотъ рабовъ, проведшихъ съ нимъ ночь подъ одною кровлею, народъ былъ глубоко пораженъ состраданіемъ; онъ вооружился камнями и факелами, чтобы помѣшать исполненію приговора. Понадобилось принять строгія мѣры и разставить войска по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой этихъ несчастныхъ вели на казнь. Подъ такимъ двоякимъ давленіемъ участь рабскихъ классовъ улучшилась во времена имперіи. Сенека положительно говоритъ, что на жестокихъ господъ указываютъ во всемъ городѣ пальцами [47]). Общественное мнѣніе высказалось ясно; оно ставило всегда въ обязанность кротость и гуманность. Во времена Августа одинъ чрезвычайно злой человѣкъ, Гостій Квадра, былъ убитъ своими рабами. Хотя императоръ старался казаться строгимъ послѣдователемъ законовъ, но онъ не рѣшился оскорбить общаго чувства и сдѣлалъ видъ, будто не знаетъ ничего о преступленіи, чтобы не быть принужденнымъ за него наказывать [48]).

---

[46]) Сенека, *Epist.*, 47, 1.

[47]) Сенека, *De Clem.*, I, 18, 3.

[48]) Сенека, *Nat. quaest.*, I, 16, 1.

Но не для всѣхъ рабовъ участь была одинакова, и между ними слѣдуетъ допускать различія. Съ ними вообще хуже обращались за городомъ, нежели въ городѣ. Агрономы, описывая имущество фермы и земледѣльческія орудія, безъ околичностей ставятъ раба въ одну категорію съ быками. И дѣйствительно, сами господа не слишкомъ отдѣляли его отъ скота. Вечеромъ его запираютъ въ какіе-то хлѣвы или подземныя тюрьмы (ergastula) съ узенькими окошками, находящимися высоко надъ землею для того, чтобы онъ не могъ достать до нихъ рукою [59]). Если ему приходится работать днемъ одному, ему надѣваютъ на ноги цѣпи, изъ опасенія, чтобы чистый воздухъ и свободное пространство не пробудили въ немъ желанія бѣжать. Такой порядокъ кажется намъ очень строгимъ; между тѣмъ рабъ переносилъ его, по видимому; безъ труда. Одинъ комикъ заставляетъ его сказать: «Когда служишь въ далекомъ имѣніи, куда господинъ рѣдко является, тогда изъ слуги дѣлаешься самъ господиномъ» [50]). Когда наступаетъ одинъ изъ праздничныхъ, не рабочихъ дней, онъ празднуетъ его съ такимъ шумнымъ весельемъ, «что сосѣди едва могутъ выносить подобное веселье» [51]). Видя, какъ онъ искренно веселится послѣ жатвы или сбора винограда, смѣется и поетъ на играхъ перекрестка (compitalia) или весело скачетъ черезъ зажженную солому во время Палилій, никому не пришло бы въ голову, что его такъ строго держатъ во все остальное время года. Доказательствомъ, что его не считали слишкомъ несчастнымъ, служитъ то, что городской рабъ завидовалъ иногда участи сельскаго сотоварища. У Горація въ Римѣ былъ рабъ, очень нетерпѣливый отъ природы, который просилъ у своего господина, какъ милости, чтобы тотъ послалъ его въ свое сабинское имѣніе. Правда, что онъ не замедлилъ въ этомъ раскаяться. Обыкновенно рабовъ посылали въ деревню только въ наказаніе, когда ими были не довольны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ городѣ съ рабомъ лучше обращались, и что онъ былъ счастливѣе тамъ. Находясь ближе къ господину, онъ могъ больше страдать отъ его капризовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пользовался ими. Онъ именно имѣлъ больше всего шансовъ достигнуть свободы и

---

49) Чтобы не слишкомъ удивляться участи сельскаго раба, вспомнимъ, какъ Лабрюеръ описывалъ положеніе крестьянина два вѣка тому назадъ: „На ночь они удаляются въ логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями и пр.“ *Caract.*, гл. XI.

50) Помпоній, *Ergast.* (Риббекъ, с. 196).

51) Плут., *Non posse suav. vivi,* и пр., с. 1098.

добыть денегъ. Положенiе нѣкоторыхъ изъ нихъ было даже очень блестящее и завидное; я говорю объ императорскихъ рабахъ. Достаточно было принадлежать къ дому Цезаря, чтобы быть значительнымъ лицомъ, и вельможи, считавшіе за счастіе знакомство съ привратниками Сеяна, покупали подарками и низостями расположеніе управляющихъ Тиберія. [52]). Даже не будучи еще отпущены наволю, эти рабы исполняли иногда настоящія общественныя должности; они состояли при выдѣлкѣ монеты, при государственныхъ доходахъ, при продовольствіи Рима. При этомъ они сами сознавали свою важность; они были горды, дерзки и воображали себѣ, что заставляютъ уважать достоинство императора въ своемъ собственномъ лицѣ.[53]) Затѣмъ слѣдуетъ назвать рабовъ, принадлежавшихъ городамъ, храмамъ и гражданскимъ или религіознымъ корпораціямъ. Если господинъ—лицо коллективное, онъ всегда менѣе строгъ, или, лучше сказать, если власть раздѣлена, и никто не беретъ на себя ее тяжести, не только никто не управляетъ слугою, но въ дѣйствительности онъ самъ управляетъ другими. Потому рабы этой категоріи казались вообще богатыми и довольными своею судьбою. Мы видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ щедрые подарки тѣмъ самымъ ассоціаціямъ, которыя ихъ купили, и такимъ образомъ доставляютъ себѣ обидное для другихъ удовольствіе быть благодѣтелями своихъ господъ [54]). Рабы, принадлежащіе къ какому-нибудь знатному дому, также не особенно достойны сожалѣнія. Достигнувъ значительныхъ должностей въ домашнемъ управленіи, они могутъ имѣть хорошіе барыши. Иногда управляющій богатаго господина находилъ свое дѣло настолько хорошимъ, что предпочиталъ оставаться рабомъ, лишь бы не оставлять его [55]). Наибольшимъ счастіемъ для нихъ было то, если они попадали къ господину, старавшемуся прослыть гуманнымъ и просвѣщеннымъ, занимавшемуся науками и исполнявшему на прак-

---

[52]) Эпикт., *Разговоры*, I, 19: «У Эпафродита былъ башмачникъ, котораго онъ продалъ, потому-что тотъ не былъ ни на что способенъ. Судьбѣ угодно было чтобы этотъ человѣкъ былъ купленъ одною изъ креатуръ Цезаря и сдѣлался башмачникомъ Цезаря. Видѣлъ-ли ты, съ какимъ уваженіемъ сталъ къ нему относиться Эпафродитъ. „Какъ поживаетъ мой милый Фелиціонъ? О, какъ я тебя люблю!“ А когда кто-нибудь изъ насъ спрашивалъ: «Что дѣлаетъ Эпафродитъ?» намъ отвѣчали, что онъ совѣщается съ Феліціономъ.»

[53]) Адріанъ приказалъ надавать пощечинъ одному изъ своихъ рабовъ, за то что онъ прогуливался между двумя сенаторами. прямыми Спарт., *Hadr.*, 21.

[54]) Моммс., *Inscr. Neap.*, 5704, 5706.

[55]) Фабрети, с. 294.

тикѣ уроки фитософовъ. Плиній младшій относился къ своимъ рабамъ съ величайшей внимательностью. Онъ не только запрещалъ надѣвать имъ на ноги цѣпи, когда они обработывали его земли, [56]) но даже не позволялъ скучивать ихъ въ тѣсныхъ кельяхъ или мрачныхъ тюрьмахъ. Въ его Лаурентскомъ домѣ у нихъ были такія удобныя помѣщенія, что они могли даже принимать тамъ гостей.[57]) Онъ занимался ими, когда они заболѣвали, позволялъ имъ писать завѣщанія и оставлять друзьямъ свои небольшія имущества; онъ даже до того простиралъ свою гуманность, что оплакивалъ ихъ, когда они умрутъ [58]). Во дворцѣ такого богача и мудреца, какъ Плиній, рабъ дѣйствительно не слишкомъ былъ несчастливъ. Положеніе его всего труднѣе у мелкаго люда. Такъ какъ онъ раздѣляетъ богатство дома, то понятно, что у бѣдняковъ бѣденъ онъ самъ. Притомъ онъ могъ попасть въ руки совсѣмъ нищаго господина. Въ то время рабы бывали вѣдь у всѣхъ; мы встрѣчаемъ ихъ даже у рабочихъ и солдатъ. Крестьянинъ изъ *Моретума*, имѣющій всего одинъ маленькій садъ и встающій рано утромъ, чтобы приготовить себѣ кушанье изъ чесноку, сыра и соли, находится не одинъ въ своей хижинѣ; у него есть въ услуженіи негритянка, которую поэтъ описалъ намъ съ поразительной вѣрностью: «У нея курчавые волосы, толстыя губы, черная кожа; грудь у нея широкая, сосцы обвислые, животъ плоскій, ноги тонкія, и природа снабдила ее крайне объемистою ступнею (spatiosa prodiga planta)» [59]). Въ такихъ бѣдныхъ домахъ выгоды были рѣдки, и жизнь трудна. Единственное утѣшеніе раба въ его бѣдствіяхъ состояло въ томъ, что онъ жилъ возлѣ своего господина, что тотъ обходился съ нимъ болѣе запросто и, благодаря тому, что тотъ дѣлилъ съ нимъ его горькую судьбу и страданія, смотрѣлъ на него не столько какъ на раба, сколько какъ на родственника. Притомъ надо замѣтить, что въ Римѣ, какъ и теперь на Востокѣ, рабъ всегда составлялъ часть семьи. У насъ слуга и господинъ, будучи оба свободны, связанные только временнымъ контрактомъ и заключенными условіями, живутъ разно другъ отъ друга, хотя и подъ одною кровлею. Этѣ двѣ личности завистливо наблюдаютъ одна за другою, твердо рѣшившись отстаивать свои взаимныя права. Въ Римѣ рабъ не имѣлъ никакихъ правъ; онъ

---

56) Плиній, *Eplis.*, III, 19, 7.
57) Плин., *Epist.*, II, 17, 9.
58) Плин., *Epist.*, VIII, 16.
59) Вергилій, *Moretum*, 31.
60) Момме., *Inscr. Neap.*, 1576: *quod eum pleno effectu dilexerit.*

не только не былъ гражданиномъ, но его едва считали человѣкомъ. Его достоинство не мѣшало ему всецѣло отдаваться тому, кому онъ принадлежалъ и смѣшиваться съ нимъ. Слѣдовательно, въ ихъ отношеніяхъ было болѣе искренности и менѣе сдержки. Осталось множество могилъ, устроенныхъ господами для своихъ слугъ. Нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ выраженія самыхъ нѣжныхъ чувствъ; ихъ благодарятъ не только за хорошую службу, но и за привязанность.[60]) Въ то же время имъ напоминаютъ, что и съ ними обходились кротко, «какъ съ сыновьями дома»,[61]) и ихъ заставляютъ даже говорить слѣдующія значительныя слова: «Рабское состояніе, ты никогда не было для меня слишкомъ тяжело!»[62]) На гробницѣ одного сотника IV легіона, воздвигнутой ему его вольноотпущенными, находятся слѣдующія слова: «Я не женился, а между тѣмъ создалъ себѣ дѣтей»; на что рабы отвѣчаютъ:« Благодаримъ; прощай!»[63]) У Фабретти мы видимъ, что одна мать, потерявшая молодаго сына и *верна* одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, похоронила ихъ вмѣстѣ. Могилы ихъ находятся рядомъ и совершенно сходны, надписи составлены почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ; мать не допустила никакой разницы между могилою своего раба и могилою своего ребенка.[64]).

Конечно, я вовсе не желаю описывать судьбу рабовъ слишкомъ веселыми красками. Я не забываю, что вообще законъ былъ противъ нихъ, и знаю, что когда съ человѣкомъ обходятся хорошо только изъ милости, а онъ не имѣетъ права ни къ кому обращаться, чтобы защитить свою честь и жизнь, то положеніе его всегда очень несчастно. Кромѣ того я знаю, что не на всѣхъ рабовъ смотрѣли какъ на дѣтей семейства, и что господа ихъ обходились съ ними иногда немилосердно. Домицій убивалъ своихъ вольноотпущенниковъ, когда тѣ отказывались пить, сколько онъ желалъ: это былъ отецъ Нерона; Ведій Полліонъ бросалъ своихъ рабовъ на съѣденіе муренамъ, если они разбивали какой-нибудь драгоцѣнный сосудъ. Эти жестокости извѣстны всѣмъ, благодаря тому, что зло обыкновенно производитъ болѣе шума, нежели добро; но я не думаю, чтобы онѣ были такъ часты, какъ это предполагаютъ. Правда, господинъ имѣлъ право убить своего раба; но

---

[61]) Орелли, 2808: *loco filii habitus.*

[62]) Орелли, 6389.

[63]) *Corp. inscr. lat.*, III, 1653.

[64]) Фабретти, с. 6.

можно положительно сказать, что онъ почти никогда не пользовался имъ. Въ этомъ случаѣ раба защищала выгода господина, соединенная съ гуманностью. Мы видимъ, что онъ не только не убивалъ его, но и берегъ какъ капиталъ, который не надо подвергать риску. Варронъ никогда не забываетъ сказать своему фермеру, когда предстоитъ какая-нибудь опасная работа, напримѣръ, въ болотахъ, гдѣ можно схватить смертельную лихорадку, что лучше поручить ее наемному работнику, нежели кому-либо изъ домашнихъ рабовъ [65]). Если наемникъ погибнетъ, это не бѣда: но если умретъ рабъ, это потеря для господина. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ правда и то, что если онъ остерегается убивать его, зато не жалѣетъ его бить. Ременныя плети играютъ большую роль въ домашней дисциплинѣ. Пословица говорила, что битый Фригіецъ становился лучше, и господа не пренебрегали такимъ легкимъ способомъ его улучшенія. «Я слышу звукъ бича, говоритъ Сенека, и спрашиваю, что это такое; мнѣ отвѣчаютъ: это Папиній сводитъ свои счеты» [66]). У него не было другаго средства научить своихъ управляющихъ получше считать. Прежде, чѣмъ приходить въ негодованіе, вспомнимъ, что подобный порядокъ долго существовалъ и у насъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ, въ самый разгаръ христіанской и французской цивилизаціи, маркизы нещадно колотили своихъ лакеевъ, а Селимена укоряетъ Арсиною въ томъ, «что она бьетъ своихъ людей вмѣсто того, чтобы платить имъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ очень можетъ быть, что такое жестокое обхожденіе выносилось гораздо легче, нежели мы думаемъ. Плохой рабъ, привыкшій заслуживать удары, привыкалъ также и выносить ихъ. Подъ конецъ онъ примирялся съ ними, и они не портили ему даже хорошаго расположенія духа. При раскопкахъ на Авентинѣ нашли остатки низенькой комнаты, служившей, вѣроятно, тюрьмою въ какомъ-нибудь римскомъ домѣ. Тамъ можно еще прочесть нѣсколько надписей, нацарапанныхъ сажавшимися туда людьми. Вотъ одна изъ нихъ: «Я далъ обѣтъ, когда выйду отсюда, выпить все вино въ домѣ» [67]). Какъ видно этотъ рабъ весело переносилъ тюремное заключеніе. Слѣдовательно, Плавтъ вѣрно изобразилъ рабовъ, смѣющимися надъ плетью и дразнящими своихъ палачей. «Я умру на крестѣ, заставляетъ онъ говорить одного шутника: чтожь такое! Развѣ всѣ мои предки не умерли

---

[65]) Варронъ, *De re rust.*, I, 17.
[66]) Сенека, *Epist.*, 122, 15.
[67]) *Bull. de l'Inst. arch.*, 1855, c. 50.

точно такъ же?» [68]) Если наказанія повторяются слишкомъ часто, они перестаютъ быть страшными. Въ странахъ крайняго Востока, гдѣ смертная казнь такое частое явленіе, она не страшитъ ужъ никого. Вѣрно одно, что, несмотря на суровость своего положенія, рабъ весело принималъ жизнь. Живущій въ городѣ, не запирался въ домѣ и не былъ строго привязанъ къ домашнимъ работамъ. Онъ принималъ участіе въ веселой жизни своего господина, подобно ему посѣщалъ публичныя бани и присутствовалъ на играхъ цирка или арены. У гладіаторовъ не было болѣе прилежныхъ и болѣе страстныхъ зрителей какъ рабы; они принимали сторону ѳракійцевъ или мирмиллионовъ и неистово хлопали Пацидеяну или Рутубѣ [69]); вечеромъ они бродили въ сквернѣйшихъ кварталахъ Рима, гдѣ куртизанки за два аса «показывались безъ покрывала при ослѣпительномъ блескѣ лампъ» [70]). Въ концѣ концовъ эти удовольствія становились для нихъ необходимостью, и они просто не могли безъ нихъ жить. Рабъ Горація не переставалъ мечтать о нихъ, когда, на его несчастіе, баринъ увозилъ его въ деревню. Среди спокойныхъ сабинскихъ равнинъ онъ постоянно думалъ объ улицахъ Рима, о кабакѣ на углу (*uncta popina*), гдѣ онъ находилъ дешевое вино и флейтщицу легкаго поведенія, заставлявшую его тяжело прыгать, когда онъ хорошенько выпьетъ [71]). Горацій много смѣется надъ этими грубыми забавами и, кажется, сожалѣетъ о нихъ. А кто знаетъ, не царствовало ли въ этомъ кабакѣ рабовъ болѣе искренняго веселья, чѣмъ за столомъ господина, когда онъ наливалъ друзьямъ свое пятидесятилѣтнее фалернское или угощалъ стаканчиками цекубскаго вина Цинару или Лалагею?

Итакъ, мнѣ кажется, что римскаго раба изображаютъ вообще несчастнѣе, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и что, описывая его судьбу, употребляютъ слишкомъ яркія краски. Къ преувеличенію приводитъ въ этомъ случаѣ невольное сравненіе древняго рабства съ тѣмъ, которое такъ долго господствовало въ новомъ свѣтѣ, и конецъ котораго, какъ надо надѣяться, увидитъ еще наше поколѣніе. Съ сожалѣніемъ скажу, что между ними нѣтъ сходства, и что болѣе суровое изъ этихъ двухъ рабствъ наше, хотя оно возникло послѣ христіанства. Такъ какъ оно основано на разницѣ

---

68) Плавтъ, *Miles glor.*, II, 4, 19.

69) Горац., *Sat.*, II, 7, 96.

70) Горац., *Sat.*, II, 7, 47.

71) Горац., *Epist.*, I, 14, 21.

цвѣта кожи, то ничто не можетъ стереть его слѣдовъ. Оно сопротивляется даже свободѣ; это—неизлѣчимое зло, и на порогѣ его можно сказать, подобно поэту: «оставь надежду навсегда». Позоръ переживаетъ самое освобожденіе, и за дѣйствительнымъ рабствомъ слѣдуетъ рабство оскорбленій и презрѣнія. Ничего подобнаго не было въ древности. Не одна какая-нибудь чужая раса, отмѣченная неизгладимымъ знакомъ, доставляла міру рабовъ: они прибывали отовсюду, и сами римляне могли сдѣлаться ими наравнѣ съ другими. Эта мысль располагала ихъ лучше обходиться съ ними; очень естественно болѣе сочувствовать такимъ несчастіямъ, которымъ можешь подвергнуться и самъ, нежели такимъ, отъ которыхъ вполнѣ обезпеченъ. Кромѣ того, такъ какъ въ то время ни природа, ни законъ не увѣковѣчивали дѣйствій рабства, то сынъ вольноотпущеннаго былъ такой же гражданинъ, какъ и всѣ другіе. Если онъ стыдился своего происхожденія, то ему не было ничего легче, какъ скрыть его; но даже сознаваясь въ немъ, онъ могъ достичь до всѣхъ общественныхъ высокихъ должностей. Горацій былъ легіоннымъ трибуномъ въ аристократическомъ войскѣ.

Такое полное сліяніе свободнаго человѣка съ рабомъ послѣ освобожденія послѣдняго дѣлало то, что до освобожденія раздѣлявшая ихъ преграда была не слишкомъ высока. Они рядомъ работали въ полѣ, а въ городѣ составляли часть однихъ и тѣхъ же гражданскихъ и религіозныхъ ассоціацій. Мы видѣли, что рабъ дѣлался въ нихъ иногда предсѣдателемъ и такимъ образомъ повелѣвалъ надъ свободными людьми. Другая, не менѣе важная, разница состоитъ въ томъ, что въ настоящее время рабъ принадлежитъ къ низшей расѣ. Я не хочу сказать, чтобъ это было естественно, и что это всегда такъ будетъ; не слѣдуетъ допускать такихъ роковыхъ и вѣчныхъ неравенствъ между людьми; но въ дѣйствительности это пока есть. Напротивъ того, древнее рабство, особенно въ городахъ, набиралось обыкновенно между народами греческаго Востока, самыми талантливыми на всей землѣ. Къ ихъ естественнымъ склонностямъ присоединяли еще ученое воспитаніе. Но этотъ трудъ принимали на себя не всегда изъ гуманности, а чаще по разсчету; давая рабу образованіе, увеличивали его цѣнность, подобно тому какъ увеличиваютъ цѣнность имѣнія его тщательною обработкой. Хорошій грамматикъ продавался не дешевле, какъ за 25,000 франковъ. Итакъ, въ каждомъ знатномъ домѣ проходили нѣкоторымъ образомъ полный курсъ наукъ, и слѣды такихъ *paedagogia servorum* встрѣчаются на каждомъ шагу въ латин-

скихъ надписяхъ [72]). Хорошо воспитанный и свѣдущій въ литературѣ и наукахъ, древній рабъ не походилъ на нынѣшняго, доведеннаго до скотскаго состоянія, если онъ покоренъ, и до звѣрства, если онъ недоволенъ. Это была ловкая и хитрая личность, тонко-наблюдательная, готовая ко всякой долѣ, годная для всѣхъ занятій, умно и беззастѣнчиво извлекавшая выгоды изъ дурнаго положенія. Въ частной жизни, какъ и повсюду, власть выпадаетъ обыкновенно на долю тѣхъ, кто поумнѣе; въ какое бы положеніе ни поставила ихъ судьба, они непремѣнно попадутъ на свое настоящее мѣсто. Потому почти во всѣхъ римскихъ семействахъ мы встрѣчаемъ раба, управляющаго всѣми; онъ быстро пойметъ слабости своего господина и воспользуется ими для того, чтобы дѣлать изъ него, что угодно. Вскорѣ онъ распоряжается всѣмъ состояніемъ, распредѣляетъ траты, управляетъ работами, и заставляетъ жену и дѣтей господина подчиняться своей волѣ; онъ ведетъ весь домъ, и несчастный, заплатившій за него деньги, можетъ сказать, подобно одному лицу въ комедіи: «Я купилъ себѣ рабство».

III.

Отношенія рабовъ между собою.—Чиноначаліе между ними.—Домъ богатаго римлянина похожъ на городъ.—Бракъ раба.—Рабъ пріобрѣтаетъ себѣ семейство.—Бракъ между рабами и господами.

Описавъ отношенія между рабами и господами, я перехожу къ отношеніямъ рабовъ между собою. Они были гораздо сложнѣе, нежели это, быть-можетъ, думаютъ. Казалось бы, что такъ какъ господинъ имѣлъ одинаковыя и притомъ неограниченныя права надъ всѣми своими рабами, то всѣ они должны были быть равны между собою, и что въ томъ низкомъ положеніи, въ какое ихъ ставилъ законъ, не могло быть ступеней. А между тѣмъ ихъ было даже очень много. Весьма сложная іерархія вела отъ сосѣдства съ свободою до самыхъ крайнихъ предѣловъ рабства. Нѣкоторые рабы исполняли болѣе высокія должности и пользовались бо́льшимъ довѣріемъ и уваженіемъ, чѣмъ другіе. Это были вопервыхъ фер-

72) См. Орелли 29 и слѣдующія. То же самое было въ Греціи и Платонъ говоритъ, что молодыхъ рабовъ можно было узнать по нѣсколько искусственному преждевременному развитію. «Когда я слышу, что ребенокъ выговариваетъ слишкомъ точно, это непріятно поражаетъ мой слухъ: мнѣ кажется, —я слышу раба».

меры и управляющіе, о которыхъ я уже говорилъ; за ними слѣдовали безконечныя подраздѣленія; такъ, напримѣръ, секретарей и казначеевъ надо было выбирать съ величайшей осторожностью и обходиться съ ними какъ можно внимательнѣе, такъ какъ не всякому можно довѣрить свой кошелекъ и свои бумаги. Цицеронъ говоритъ, что привратники и садовники считаютъ себя также выше своихъ товарищей [73]). Затѣмъ слѣдовала толпа обыкновенныхъ рабовъ, раздѣленныхъ по декуріямъ (десятнямъ), при чемъ послѣднія шли также въ извѣстномъ порядкѣ, судя по значенію составлявшихъ ихъ рабовъ. Послѣдняя декурія, по словамъ Сенеки, состояла изъ тѣхъ негодныхъ рабовъ, которыхъ глашатай продаетъ первыми на рынкѣ, прежде чѣмъ соберутся любители и начнется настоящій аукціонъ [74]). Но и эти были не самые послѣдніе: за ними шла еще одна степень. Случалось, что кто-либо изъ управляющихъ или казначеевъ, составивъ себѣ по маленьку небольшое состояньице, хотѣлъ немного отдохнуть. Онъ тогда дѣлалъ то же, что и его господинъ, то-есть покупалъ себѣ раба, или для своихъ личныхъ услугъ, или для того чтобы тотъ исполнялъ за него трудныя домашнія работы. Такимъ образомъ въ Римѣ были рабы рабовъ, ихъ викаріи, *vicarii*. Это была уже послѣдняя степень рабства, которое и было здѣсь, вѣроятно, всего тяжеле. Во всѣ времена замѣчено, что разбогатѣвшіе слуги дѣлаются самыми строгими господами. Рабу, имѣвшему раба, вѣроятно, хотѣлось всегда вымещать на немъ тѣ несправедливости, которыхъ онъ былъ жертвою, и возвращать ему тѣ удары, которые получалъ самъ. Потерпѣвъ оскорбленіе отъ своего господина, онъ, вѣроятно, возвышался въ своихъ собственныхъ глазахъ и возстановлялъ свое человѣческое достоинство, нанеся, въ свою очередь, оскорбленіе своему слугѣ. Учрежденіе викаріевъ было одною изъ особенностей римскаго рабства. Въ Римѣ оно не было ни исключеніемъ, ни привилегіей высшихъ служителей богатыхъ домовъ; сохранилась надгробная надпись *викарія* одного фермерскаго помощника [75]). Цицеронъ говоритъ даже, что всякій рабъ, уважающій себя, и притомъ не мотающій и не развратничающій, можетъ имѣть своего *викарія* [76]). У самыхъ богатыхъ изъ нихъ были *викаріи*, родившіеся и выросшіе при нихъ (*vicarii vernae* [77]), что

---

73) Цицер., *Parad.*, 5, 2.

74) Сен., *Epist.*, 47, 9.

75) Орелли, 2860.

76) Циц., *Verr.*, III, 38.

77) Орелли, 2920.

заставляетъ предполагать цѣлое наслѣдственное рабство въ этихъ жалкихъ кельяхъ; но еще страннѣе то, что, оставаясь сами рабами, они могли дѣлать свободными другихъ людей; ничто не мѣшало имъ давать или продавать свободу своимъ *викаріямъ*. Мы знаемъ, что они дѣлали это иногда; одинъ изъ нихъ, воздвигая себѣ мраморный памятникъ, не отказываетъ себѣ въ удовольствіи скопировать надпись, прочитанную имъ на памятникѣ господина: онъ гордо говорилъ, что даетъ въ своей могилѣ мѣсто своимъ вольноотпущеннымъ обоихъ половъ [78]). Такимъ образомъ, по странному противорѣчію, имъ случалось давать другимъ права, которыхъ сами они не имѣли.

Слѣдовательно, въ рабствѣ были также разряды и своего рода аристократія, требовавшая къ себѣ уваженія. *Dispensator* (расходчикъ) богатаго дома считалъ себя важнымъ лицомъ. Не слѣдуетъ воображать его себѣ скромнымъ, робкимъ, обнаруживающимъ своимъ внѣшнимъ видомъ тягость своего положенія; напротивъ того, онъ высоко подымаетъ голову. У дверей дома своего господина онъ грубо обходится съ кліэнтами, людьми, однако, свободными, приходящими каждое утро за подачкою, на которую они живутъ [79]). Въ самомъ домѣ у него есть товарищи, которые говорятъ съ нимъ съ уваженіемъ, льстятъ ему, просятъ его покровительства и молятся за него богамъ. Осталось основаніе памятника, воздвигнутаго въ Митрѣ экономомъ (*arcarius*) за сохраненіе жизни и здоровья *диспенсатора* (*pro salute et incolumitate* [80]); это самое выраженіе употребляли, когда молились богамъ за императоровъ. Возвратясь въ свою комнатку, онъ находитъ тамъ ожидающую его прислугу, такъ какъ въ Римѣ рабство проникло въ рабство, какъ я уже говорилъ. Этотъ человѣкъ, вполнѣ зависящій отъ другаго и немогущій даже считать собственностью свою жизнь, имѣетъ рабовъ, которые боятся его, трепещутъ, когда онъ говоритъ и униженно называютъ его своимъ господиномъ, *dominus* [81]). Но въ сущности онъ все-таки рабъ и имѣетъ не болѣе правъ, чѣмъ этотъ несчастный, который боится его и льститъ ему. Позови его только баринъ, онъ долженъ оставить свою важную осанку, принять униженный и ласкательный видъ, потому что тотъ, къ кому онъ идетъ, мо-

---

78) Орелли, 2918.

79) См. Ювен., V, 66: *Maxima quaeque domus servis est plena superbis.*

80) Орелли, 6301.

81) Это слово находится на сохранившейся до нашего времени могилѣ одного *викарія*. См. Орелли, 3209.

жетъ располагать имъ по своему произволу, бросить его въ тюрьму, бить его и, наконецъ, даже умертвить. Какое странное и запутанное положеніе! Но во всякомъ случаѣ оно не должно слишкомъ удивлять насъ. Не видимъ ли мы то же самое въ жизни другихъ людей? Нѣтъ такой должности, гдѣ бы у человѣка не было одновременно начальниковъ и подчиненныхъ, и гдѣ бы онъ не былъ принужденъ говорить двумя различными способами и имѣть два различныхъ лица: здѣсь онъ долженъ повиноваться, тамъ повелѣвать.

Плиній справедливо сравниваетъ домъ богатаго римлянина съ нѣкотораго рода республикой или городомъ. Сходство здѣсь полное. Эта маленькая республика устроивается совершенно по образцу другой. Мы видѣли, что въ ней учреждаются ассосіаціи или, какъ говорили римляне, *коллегіи*, члены которыхъ, посредствомъ взносовъ, доставляютъ средства для общихъ расходовъ [82]). Случается даже иногда, что всѣ рабы дома собираются, какъ народъ на форумѣ, и важно обсуждаютъ и вотируютъ награду кому-либо изъ управляющихъ ими, если довольны имъ. Они воздвигаютъ ему памятникъ на общій счетъ, «чтобы, по словамъ ихъ, возблагодарить его за то, что онъ управлялъ ими умѣренно» [83]). Иногда въ подобныхъ случаяхъ они довольно искусно подражаютъ оффиціальному слогу. Послушайте, какъ они говорятъ. «Застольные рабы, чтобы возблагодарить Аврелію Кресцентину за ея услуги и благодѣянія, присудили воздвигнуть ей статую; *ob merita et beneficia saepe in se collata statuam ponendam tricliniares decreverunt*» [84]). Не кажется ли вамъ, что вы читаете сенатскій указъ? Такимъ-то образомъ міръ рабства вѣрно воспроизводилъ обычаи другаго міра. Здѣсь находились, конечно, всѣ страсти, волнующія жизнь свободныхъ людей. Мнѣ кажется, что ненависть должна была быть здѣсь очень сильна. Какъ завидовали, вѣроятно, тому, кто заслужилъ расположеніе и хорошее обращеніе со стороны господина! Сколько, вѣроятно, было козней, чтобы повредить ему и унизить его! Но и дружба была здѣсь очень нѣжна. Мы имѣемъ доказательство, что здѣсь составлялись иногда хорошія и прочныя связи, длившіяся всю жизнь. Вотъ трогатель-

---

82) Выше было говорено о коллегіяхъ, которыя составлялись внѣ дома, и въ которыхъ рабы принимали участіе.

83) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 5321.

84) Марини, *Arv.*, с. 533.

ная надпись, вырѣзанная вольноотпущенникомъ на могилѣ одного изъ своихъ друзей: «Никогда между нами двумя, дорогóй мой товарищъ, не возникало никакого неудовольствія, призываю въ этомъ свидѣтелями боговъ неба и ада! Мы оба разомъ стали рабами, служили въ одномъ домѣ, вмѣстѣ были отпущены на волю и впервые разлучились въ тотъ день, который отнялъ тебя у меня» [85]).

Но какъ ни нѣжны и какъ ни преданны были такія дружескія связи, достаточно ли ихъ было для жизни? Имѣлъ ли рабъ жену и дѣтей? Могъ ли онъ обзавестись семействомъ? Намъ всего любопытнѣе знать это, изучая его внутреннюю жизнь, и для этого нѣтъ у насъ недостатка въ документахъ. Но и здѣсь мы находимъ самое странное противорѣчіе между предписаніями закона и дѣйствительностью. Законъ не даетъ рабу права жениться; бракъ съ его гражданскими послѣдствіями и нравственнымъ характеромъ предоставляется только свободному человѣку; въ глазахъ законодателя у раба нѣтъ законной жены, а есть лишь подруга рабства, сожительница *(contubernalis)* или соложница *(concubina)*. Въ дѣйствительности эти различія сглаживаются. Какимъ бы именемъ законъ ни называлъ эту связь, рабъ считаетъ ее серьёзною. Для него это настоящій бракъ, онъ это думаетъ и говоритъ; онъ нисколько не затрудняется употреблять имена супруга и супруги, которыя свободный человѣкъ хотѣлъ бы оставить для одного себя. Ту, которую законъ упорно называетъ его соложницею, самъ онъ называетъ «женою» и даже «несравненной женою» [86]). Для того чтобы похвалить ее, онъ безъ церемоній употребляетъ самыя почетныя выраженія, вычитанныя имъ на могилахъ знатныхъ дамъ. Онъ говоритъ, что жилъ съ нею безъ всякаго несогласія *(cum qua sine querela vixit)* [87]), и что смерть ея была единственнымъ огорченіемъ, какое она ему причинила *(ex qua nihil doluit praeter mortem)*. Повидимому, эти выраженія никого не оскорбляли, и никто не запрещалъ рабу употреблять ихъ. Во времена имперіи браки рабовъ пріобрѣли даже нѣкоторое законное освященіе, и юрисконсультъ Павелъ даетъ женамъ рабовъ названіе супругъ, въ которомъ его предшествен-

---

[85]) Орелли, 3320.

[86]) Моммс., *Inscr. Neap.*, 826.

[87]) *Id.*, 969.

[88]) Диг., XXXIII, 7, 12, 33: *contubernales servorum. id est uxores.*

ники отказывали имъ [88]). Итакъ, въ этомъ новомъ столкновеніи между закономъ и гуманностью, опять-таки побѣдила гуманность.

Нельзя сказать, чтобы нежеланіе закона признавать связи между рабами не имѣло часто дурныхъ послѣдствій. Такъ какъ никто не заботился установить въ нихъ порядокъ, онѣ заключались нѣсколько случайно. Изъ одной неаполитанской надписи оказывается, что одинъ рабъ беретъ себѣ въ жены свою сестру и говоритъ объ этомъ весьма просто [89]). Еще чаще случается, хотя это и не менѣе удивительно, что два раба условливаются имѣть одну жену вмѣстѣ. Примѣры этого попадаются въ собраніяхъ надписей, при чемъ доказательствомъ что такія хозяйства втроемъ шли не дурно, служитъ то, что по смерти жены оба мужа оплакиваютъ ее вмѣстѣ и съобща устроиваютъ ей могилу [90]). Читая такія надписи и думая о томъ странномъ положеніи, какое онѣ открываютъ намъ, невольно вспоминаешь послѣднюю сцену изъ комедіи Плавта *Stichus*, гдѣ поэтъ описалъ одно происшествіе въ такомъ странномъ хозяйствѣ. Говоря о своемъ товарищѣ Сагаринѣ, Стихусъ выражается такъ: «У насъ съ нимъ одна подруга, мы соперники». Но это соперничество, повидимому, не враждебно. Они отлично ладятъ между собою, приглашаютъ другъ друга обѣдать, вмѣстѣ пляшутъ и пьютъ, и дружелюбно раздѣляютъ ласки молодой Стефаніумъ, которая называетъ ихъ своими милыми друзьями и приводитъ ихъ въ восторгъ, говоря: «Я люблю васъ обоихъ». Стихусъ, какъ умный человѣкъ, находитъ неопровержимый доводъ для оправданія такого мирнаго подѣла. «Я—ты, говоритъ онъ Сагарину, а ты—я. Мы одна душа въ двухъ тѣлахъ. Мы любимъ одну и ту же подругу; когда она съ тобою,—она со мной; когда она со мною,—она съ тобой» [91]). Итакъ, Стихусъ не оставляетъ своему товарищу ни малѣйшаго предлога къ ревности.

Но обыкновенно такія вещи обходились серьёзнѣе. Очень естественно, что несмотря на невмѣшательство закона, въ благоустроенномъ домѣ между браками рабовъ установлялся, наконецъ, извѣстный порядокъ. Господину было вполнѣ выгодно покровительствовать ему. Вступивъ въ правильный и прочный союзъ и сдѣлавшись отцемъ семейства, рабъ непремѣнно становился нравственнѣе и добропорядочнѣе. Онъ уже не думалъ больше бѣжать

---

89) Моммс., *Inscr. Neap.*, 7072.

90) Грутеръ, 974, 4.

91) Плавтъ, *Stichus*, V, 3, 48.

изъ дома, гдѣ находились всѣ его привязанности; стараясь заработать собственную копѣйку, чтобъ облегчить рабство для тѣхъ, кого онъ любилъ, онъ работалъ старательнѣе и прилежнѣе. Кромѣ того, дѣти, рождавшіяся отъ подобныхъ браковъ, составляли доходъ для господина. «Это пчелиный рой богатаго дома», говорилъ Горацій [92], и увеличеніе его чрезвычайно выгодно. Катонъ, этотъ превосходный отецъ семейства, выжимавшій деньги изо всего, придумалъ продавать своимъ рабамъ позволеніе жениться [93]; такимъ образомъ онъ извлекалъ изъ этихъ браковъ двойную выгоду и заставлялъ своихъ рабовъ платить за право обогащать его. Варронъ былъ великодушнѣе; онъ требовалъ, чтобы нѣкоторымъ рабочимъ на фермѣ и особенно пастухамъ разрѣшали брать себѣ подругу, но съ условіемъ, чтобы она была крѣпкаго сложенія и могла бы помогать мужу въ самыхъ трудныхъ его работахъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ въ Иллиріи ему случалось видѣть, что женщина несетъ, бывало, на головѣ вязанку дровъ, а на рукахъ новорожденнаго. «Онѣ могли бы пристыдить собою тѣхъ городскихъ родильницъ, которыя валяются на диванахъ» [94]. Колумелла заходилъ еще дальше: онъ желалъ, чтобы рабыню, имѣвшую троихъ дѣтей, освобождали отъ работъ, а имѣвшую болѣе трехъ — отпускали на волю [95]. Незамѣтно, чтобы при имперіи рабамъ отказывали въ бракѣ; онъ разрѣшался даже тѣмъ, которые стояли на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы, то-есть несчастнымъ *викаріямъ* [96]. Очень понятно, что они выбирали себѣ женъ въ домѣ своего господина между подругами своего рабства. Домашняя дисциплина была бы нарушена, бери они ихъ въ другомъ мѣстѣ [97]. Свадьбы ихъ служили поводомъ къ шумнымъ праздникамъ, на которыхъ присутствовалъ господинъ съ своимъ семействомъ [98]. Женились они обыкновенно рано. У насъ есть нѣ-

---

92) Горац., *Epod.*, 2, 65.

93) Плут., *Cat.*, 21.

94) Варр., *De re rust.*, II, 10.

95) Колумелла, I, 8.

96) Фабретти, с. 303.

97) Тертулл. (Ad uxor., II, 8) говоритъ, впрочемъ, что только суровые и строгіе господа (*severissimi quique domini et disciplinae tenacissimi*) запрещаютъ своимъ рабамъ выбирать себѣ женъ въ другихъ домахъ, кромѣ своего; но въ то время и домашняя дисциплина уже очень ослабѣла.

98) Св. Іеронимъ, *Epist.*; 107.

99) Фабретти, с. 307.

сколько примѣровъ, что рабыни выходили замужъ до пятнадцати лѣтъ [99]); одна изъ нихъ умерла шестнадцати, будучи уже матерью [100]). Такіе ранніе браки были довольно часты въ римскомъ обществѣ; у рабовъ они, вѣроятно, бывали еще чаще. Въ свободныхъ классахъ браки замедляются трудностью найдти приличную партію молодой дѣвушкѣ. Въ рабствѣ все это было упрощено; о затрудненіяхъ по поводу происхожденія не могло быть и рѣчи, что же касается денежныхъ затрудненій, то и они были, вѣроятно, не важны. Главное дѣло состояло во взаимной привязанности. Согласіе родителей и дозволеніе господина составляли всю церемонію. Такъ какъ подобные союзы не имѣли законнаго освященія, и ихъ можно было такъ же легко разрывать, какъ и составлять, то вступали въ нихъ безъ особеннаго колебанія, зная, что отъ нихъ легко отвязаться. Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что они были менѣе счастливы нежели тѣ, которые даютъ поводъ къ безконечнымъ размышленіямъ и къ искусной дипломатіи? Не думаю. Правда, что подобное мнѣніе опирается только на свидѣтельство эпитафій; а эпитафіи, какъ извѣстно, не заслуживаютъ полнаго довѣрія. Какія бы несогласія ни раздѣляли супруговъ при жизни, смерть все примиряла. Сганарелль, потерявъ жену, говоритъ: «она умерла, и я по ней плачу; а будь она жива, мы бы ссорились». Но въ эпитафіяхъ, кромѣ неопредѣленныхъ комплиментовъ, находится еще нѣчто другое: онѣ содержатъ въ себѣ также факты, доказывающіе, что союзъ былъ продолжителенъ и счастливъ. Въ нихъ часто обозначается, сколько лѣтъ онъ продолжался, и мы видимъ, что нѣкоторые супруги жили вмѣстѣ по тридцати и по сорока лѣтъ, и что разлучить ихъ могла только смерть [101]). Такъ какъ никакая власть не могла помѣшать имъ разлучиться въ случаѣ, не подходи они другъ къ другу, то если они жили вмѣстѣ, значитъ, они этого хотѣли и были другъ съ другомъ счастливы. Слѣдовательно, можно навѣрное сказать, что здѣсь года супружества точно изображаютъ собою годы согласія и любви.

Итакъ, наперекоръ закону, у раба была своя семья; онъ не оставался въ томъ одиночествѣ, въ какомъ желалъ его держать законъ. Долгое время гордый патрицій Рима хотѣлъ удержать за однимъ

---

100) Моммсенъ, *Inscr. Neap.*, 6482. Эта, по всѣмъ вѣроятностямъ, вышла замужъ за своего господина.

101) См. напр., *Corp. inscr. lat*, III, 1926: *Mercurialis Silvinae conservae, con qua vixi annos XLV, ex qua habeo natos* VII.

собою право имѣть отца. Плебсъ завоевалъ себѣ это право послѣ долгой борьбы, и рабъ безцеремонно присвоилъ его себѣ въ свою очередь. И для него семейство не какая-нибудь случайная импровизація, не имѣющая ни прошедшаго, ни будущаго; корни его тянутся далеко и идутъ за нѣсколько поколѣній назадъ. Въ надписяхъ, начертываемыхъ имъ на могилахъ своихъ родителей или на своей собственной, онъ говоритъ намъ о своемъ отцѣ и даже о дѣдѣ; у него почти есть предки. Онъ не только помнитъ прошедшее, но думаетъ также о будущемъ. Сказавъ намъ, что онъ воздвигаетъ гробницу своей женѣ и дѣтямъ, онъ прибавляетъ съ увѣренностью: «и для ихъ потомства; *uxori, liberis posterisque eorum.*» [102]) При памяти о предкахъ и при надеждѣ на потомковъ, чегоже не достаетъ еще семейству?

Но если бракъ служитъ предметомъ великихъ радостей для раба, если онъ приноситъ съ собою немного счастія въ его бѣдную клѣтушку, онъ можетъ также быть причиною самыхъ горькихъ несчастій. При женѣ и дѣтяхъ надежда на свободу удаляется; она становится дороже и труднѣе достижима, когда надо платить за нѣсколькихъ вдругъ. Каково отчаянье раба, если господинъ по капризу освобождаетъ его одного, и онъ, выходя изъ неволи, оставляетъ тамъ все, что у него только есть дорогаго. Надписи доказываютъ, что такіе печальные случаи бывали не разъ [103]), и что свобода разлучала тѣхъ, кого соединяло рабство. Одинъ испанскій рабъ, получивъ свободу по завѣщанію своего господина, который оставилъ ему кромѣ того немного денегъ, объявляетъ, что онъ отказался отъ всего и, въ замѣнъ, выпросилъ себѣ только «одну великую драгоцѣнность, свободу своей жены, *nihil praeter optimum praemium libertatis uxoris suae abstulit*». [104]) Другая забота должна была преслѣдовать раба, если онъ былъ женатъ,— участь его семейства. Рабство еще не самое большее изъ угрожающихъ ему золъ; оно подвергается также стыду и безчестью. Стацій сообщаетъ намъ, что рабыни съ ужасомъ чувствовали близость материнства. [105]) Сколько опасностей и оскорбленій ожидало этого ребенка, готовившагося появиться на свѣтъ! Если это бу-

---

[102]) Орелли, 2844. Марини, *Arv.*, с. 583.

[103]) Марини, *Arv.*, с. 93. Орелли, 2794, 6326. Законъ Константина запретилъ впослѣдствіи такія печальныя разлученія: *Quis ferat liberos a parentibus, a fratribus sorores, a viris conjuges segregari*? Кодексъ Феод., II, 25, 1.

[104]) *Corp. inscr. lat.*, II, 2265.

[105]) Стацій, *Silv.*, III, 4, 77: *ferre timent famulae natorum pondera matres.*

детъ дѣвочка и если она, къ своему несчастію, будетъ одарена сладострастною красотою восточныхъ расъ, откуда она происходитъ, ее можетъ замѣтить господинъ. Что тогда дѣлать, чтобы избѣгнуть его? Законъ не даетъ никакихъ средствъ; онъ не удостоиваетъ защищать честь молодой рабыни. Хотя общественное мнѣніе вообще гуманнѣе закона, но и отъ него нечего ожидать большой помощи; оно допускаетъ въ принципѣ, «что нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, что прикажетъ господинъ».[106]) «То, что рѣшительно стыдъ для свободнаго человѣка, говоритъ одинъ ораторъ, есть лишь угодливость для вольноотпущенника и необходимость для раба». [107]) Слѣдовательно, молодая дѣвушка должна уступить и даже считать за честь оказанное ей предпочтеніе. Нерѣдко любовь господина не болѣе какъ прихоть и капризъ, переходящій поочередно отъ одной рабыни къ другой, и эта самая возможность легко удовлетворять всѣ свои страсти сдѣлалась въ послѣдствіи одною изъ главнѣйшихъ причинъ развращенія римскаго общества. Но иногда привязанность бывала и сильнѣе; тогда господинъ освобождалъ свою рабыню и женился на ней. Такого рода браки были, повидимому, очень многочисленны. Законъ запрещалъ ихъ только сенаторамъ и ихъ дѣтямъ; всѣ другіе имѣли право заключать ихъ и, судя по тому, какъ легко сознаются въ нихъ въ надписяхъ, можно заключить, что они не оскорбляли собою общественнаго мнѣнія. Возвышая такимъ образомъ до себя свою рабыню и давая ей разомъ, и свободу, и богатство, господинъ думалъ, конечно, что она будетъ болѣе привязана къ нему и болѣе вѣрна. Но онъ, вѣроятно, нерѣдко ошибался. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ, покинутый своей вольноотпущенницей, хотѣлъ по обыкновенію довѣрить свое мщеніе мертвымъ. Онъ приказалъ вырѣзать на обратной сторонѣ одной могилы слѣдующую надпись: «Вѣчный стыдъ вольноотпущенной Актэ, отравительницѣ, коварной, обманщицѣ съ желѣзнымъ сердцемъ! Пусть навяжетъ она себѣ на шею пеньковую веревку! Пускай пылающая смола жжетъ ея злое сердце! Я отпустилъ ее на волю даромъ; она послѣдовала за своимъ любовникомъ, обманула своего господина и увела съ собою двухъ единственныхъ его служителей, молодую дѣвушку и ребенка. Она желала, чтобы оставленный одинъ и всего лишенный старикъ умеръ съ отчаянья.»

---

[106]) Петрон., 75: *non turpe quod dominus jubet.*

[107]) Сенека, *Controv.*, *IV* прол. (с. 378, изд. Бурсіана): *impudicitia in ingenuo crimen est, in servo necessitas, in liberto officium.*

[108]) Мнѣ кажется, что по живости выраженій здѣсь можно угадать небольшую семейную драму. Этотъ старикъ, жалующійся съ такимъ гнѣвомъ, былъ, вѣроятно, влюбленъ, а любовникъ, за которымъ убѣжала молодая вольноотпущенница, былъ его соперникомъ. Если онъ не выразилъ этого яснѣе, то вѣроятно, потому, что боялся показаться смѣшнымъ, будучи жестоко обманутъ. Законъ, такъ снисходительно смотрѣвшій на любовь господина къ рабынѣ и дававшій ему средства узаконить ее посредствомъ брака, былъ, напротивъ того, безпощаденъ къ свободной женщинѣ, позволившей себѣ любить раба. Такія похожденія были, кажется, довольно часты. Петроній много смѣется надъ тѣмъ страннымъ противорѣчіемъ, что госпожи охотно нисходятъ до своихъ слугъ, а наоборотъ служанки вообще стремятся овладѣть любовью своего барина. «Что касается меня, заставляетъ онъ говорить одну изъ служанокъ, я никогда не уступала рабу; да хранятъ меня боги, чтобы я согласилась ласкать эту висѣльную дичь! Это дѣло знатныхъ дамъ, которыя любятъ отыскивать слѣды плетей подъ своими поцѣлуями!» [109]) Между такими знатными дамами бывали иногда принцессы. Тацитъ расказываетъ, что Эмилія Лепида, жена Друза, была приговорена за то, что находилась въ связи съ однимъ рабомъ, *ob servum adulterum*. [110]).

При Клавдіи сенатскимъ указомъ было постановлено, что подобный проступокъ будетъ приводить за собою лишеніе свободы; но эта строгость не остановила зла, такъ какъ Константинъ былъ принужденъ усилить наказаніе и карать виновнаго смертью. Но какъ бы то ни было, знатнымъ женщинамъ нерѣдко случалось выходить замужъ за своихъ вольноотпущенниковъ. Повидимому, онѣ дѣлали это безъ особенныхъ затрудненій и откровенно говорили объ этомъ въ своихъ эпитафіяхъ. До насъ дошла любопытная эпитафія одного изъ такихъ рабовъ, за котораго вышла замужъ его барыня; онъ не можетъ привыкнуть къ подобной чести; онъ скроменъ, почтителенъ, называетъ ее своею «превосходной госпожею», говоритъ объ ея добротѣ и благодѣяніяхъ относительно его, сообщаетъ, что онъ схоронилъ ее въ могилѣ ея отцовъ, и, какъ видно, не дерзаетъ помѣститься тамъ рядомъ съ

---

[108]) Орелли, 6404.
[109]) Петрон., 126.
[110]) Тац., *Ann.*, VI, 40.

нею [111]). Словомъ, сдѣлавшись мужемъ, онъ не пересталъ быть рабомъ. Примѣръ его подтверждаетъ слова Тертулліана, который говоритъ, что свободныя женщины выходили замужъ за людей, не смѣвшихъ стѣснять ихъ, только для того, чтобы сохранить за собою свободу дѣлать, что имъ было угодно [112]).

IV.

Какимъ образомъ рабъ выходитъ изъ семейства.—Смерть и погребеніе рабовъ.—Отпущеніе на волю за деньги. — Отвратительное вліяніе рабства на римское общество.—Въ древности никому не приходила мысль объ уничтоженіи рабства.

Я окончилъ изученіе отношеній раба къ его господамъ и товарищамъ. Я прослѣдилъ, какъ это было обѣщано, за его жизнью въ семействѣ; указавъ, какимъ образомъ онъ проводилъ ее въ немъ, я долженъ еще сказать, какъ онъ выходилъ оттуда. Для этого у него было два пути: отпущеніе на волю и смерть. Смерть сильно занимала раба. Не то, чтобы онъ боялся самой смерти: мы видѣли, что мученія его не пугали, да и жизнь принадлежала ему такъ мало, что онъ охотно ею жертвовалъ; но онъ съ ужасомъ помышлялъ о томъ, что слѣдуетъ послѣ смерти, то-есть о погребеніи. Очень естественно, что забота о погребеньи должна была всего сильнѣе мучить тѣхъ, которые подвергались опасности быть лишенными его. У богача была семейная гробница на Аппіевомъ или Латинскомъ Пути, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ мѣсто рядомъ съ ожидавшими его предками. Участь, предстоявшая рабу, была гораздо печальнѣе; если онъ не оставлялъ денегъ, чтобы честно схоронить себя, похороны его были вообще довольно коротки. Товарищи его спѣшили прійти въ ту канурку, гдѣ онъ умеръ; его клали въ грубой работы гробъ [113]), уносили ночью безъ всякаго шума и бросали въ одинъ изъ тѣхъ колодцевъ или просто ямъ, которыя назывались гноилищами (*puticuli*); ихъ было нѣсколько очень извѣстныхъ на Эсквилинѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Меценатъ построилъ впослѣдствіи свой прекрасный домъ, и гдѣ въ настоящее время находятся термы Тита.

---

111) Орелли, 3024.

112) Тертулл., *Ad. uxor.*, II, 8.

113) Гор., *Sat.*, I, 8, 8.

Избѣгнуть такого позора, ожидавшаго его останки, было постоянною мыслью раба: онъ лишалъ себя всего при жизни, чтобы имѣть могилу послѣ смерти. «Я устроилъ эту могилу на свои сбереженія», говоритъ одинъ изъ нихъ въ своей эпитафіи [114]). Когда сбереженій оказывалось недостаточно, что часто случалось, то друзья складывались иногда вмѣстѣ для издержекъ. Одна неаполитанская надпись показываетъ, что три раба сложились вмѣстѣ, чтобы воздвигнуть памятникъ товарищу, и даже вырѣзали на немъ два трогательные стиха [115]). Часто случалось, что рабъ или вольноотпущенный, разбогатѣвъ, строилъ себѣ обширную гробницу, гдѣ оставлялъ мѣсто для своихъ друзей. Наибольшимъ знакомъ привязанности къ какому-либо человѣку было принять его въ свою могилу; мы видимъ одного, который, перечисливъ тѣхъ, кому онъ оказывалъ такую милость, робко извиняется передъ другими: *vos ceteri ignoscetis* [116]). Но такъ какъ не всегда можно было разсчитывать на доброту товарищей, то всего благоразумнѣе было позаботиться самому о своей могилѣ. Многіе просили принять себя въ тѣ похоронныя общины, о которыхъ было говорено выше, или покупали мѣсто въ какомъ-нибудь *колумбаріи*. Нѣсколько такихъ *колумбаріевъ* было найдено въ римской Кампаніи, и мы не безъ умиленія смотримъ на нихъ въ настоящее время. Почва покрыта тамъ человѣческимъ прахомъ, высыпавшимся изъ разбитыхъ урнъ. Но нѣкоторыя ниши остались неприкосновенными; онѣ содержатъ въ себѣ пепелъ бѣдняковъ, покоящихся здѣсь восемнадцать столѣтій. Скромность ихъ гробницъ охранила ихъ лучше, нежели пышная внѣшность мраморныхъ памятниковъ вельможъ и высокомѣрныя угрозы тѣмъ, кто посмѣетъ оскорбить ихъ останки. Читая надписи, почти совершенно изгладившіяся вслѣдствіе сырости, мы находимъ здѣсь имена рабовъ, вольноотпущенныхъ, свободныхъ людей, рабочихъ, торговцевъ. Въ одномъ изъ этихъ колумбаріевъ находится даже эпитафія двухъ грековъ, принадлежавшихъ къ посольству Босфорскаго царя; они умерли въ Римѣ, и ихъ товарищи купили два мѣста для ихъ погребенья. Всѣ эти люди, неодинаковаго богатства и происхожденія, покоятся здѣсь рядомъ, безъ всякаго различія, подобно христіанамъ въ катакомбахъ; но всего больше между ними мелкаго люда, особенно

---

114) Орелли, 2877: *hoc monumentum ex mea frugalitate feci.*

115) Моммс., *Inscr. Neap.*, 7070.

116) Орелли, 2877.

вольноотпущенныхъ и рабовъ; а когда вспомнишь, что они добыли себѣ эти скромные памятники, экономя на своихъ скудныхъ средствахъ, когда подумаешь обо всѣхъ лишеніяхъ и горестяхъ, представляемыхъ этою глиняною урною и мраморною дощечкой, тогда невольно относишься къ нимъ съ болѣе теплымъ чувствомъ, нежели къ мавзолею Цециліи Метеллы или къ пирамидѣ Цестія.

Другимъ и притомъ лучшимъ средствомъ выйдти изъ рабства было отпущеніе на волю. Оно происходило двумя различными способами: либо рабъ покупалъ себѣ свободу за деньги, либо получалъ ее отъ великодушія своего барина. Цѣна, которую приходилось платить за свободу, была не всегда одинакова. Одинъ вольноотпущенный говоритъ на своей могилѣ, что онъ заплатилъ за свою свободу 7,000 сестерцій (1,400 фр.); но это ученый человѣкъ, называющій самъ себя *medicus, clinicus, chirurgus, ocularius* [117]). Талантовъ у него было не мало, и очень понятно, что господинъ не согласился разстаться за дешевую цѣну съ такимъ полезнымъ человѣкомъ. Если онъ считалъ нужнымъ сообщить намъ цѣну своего освобожденія, значитъ, она была исключительная и свидѣтельствовала собою объ его значеніи. Другой разсказываетъ у Петронія, что свобода обошлась ему въ 1000 динаріевъ (900 фр.) [118]). Эта сумма скромнѣе, но мнѣ все-таки кажется, что она преувеличена. Это былъ тщеславный человѣкъ, желавшій заставить насъ думать, что онъ былъ очень дорогъ для своего господина и оказывалъ ему много услугъ. Онъ самъ, говоря о своихъ собственныхъ рабахъ, употребляетъ такое дерзкое выраженіе: «я кормлю двадцать брюхъ и одну собаку, *viginti ventres pasco et canem*». Мнѣ кажется, слѣдуетъ убавить немного эти цыфры и предположить, что средняя цѣна отпуска на волю раба равнялась приблизительно его покупной цѣнѣ, то есть 5 или 6 стамъ фр. [119]). И этого было еще для него слишкомъ много, и невольно спрашиваешь себя, какимъ чудомъ экономіи или ловкости ему удавалось накопить такую сумму. Сенека говоритъ, что рабы экономили на своей пищѣ. «Они даютъ за свою свободу деньги, накопленныя ими въ ущербъ брюху [120])». Нельзя не удивиться такому способу экономіи, зная скудное содержаніе

---

[117]) Орелли, 2983.

[118]) Петрон., *Sat.*, 57.

[119]) См. Валлона *Histoire de l'esclavage*, II, гл. X.

[120]) Сенека, *Epist.*, 80 4.

рабовъ; много ли они могли сберечь, напримѣръ, на кормѣ Катона? По счастію, у нихъ были другіе источники. Въ деревнѣ рабъ, которымъ господинъ его былъ доволенъ, могъ въ свободное время обработывать уголокъ земли и получать съ него доходы. Пастуху предоставлялась одна овца, которую онъ лелѣялъ, какъ хотѣлъ; и это была всегда самая лучшая въ стадѣ. Въ городѣ у раба было еще больше доходовъ. Не говоря о щедрости хозяина, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, рабъ получалъ еще подарки отъ друзей дома [121]) и бралъ взятки съ кліэнтовъ за то, что доставлялъ имъ аудіэнцію и впускалъ ихъ ранѣе очереди. Кромѣ того, онъ могъ имѣть другіе, еще менѣе похвальные доходы, которые не всѣ извѣстны намъ теперь, потому что онъ держалъ ихъ въ большой тайнѣ. Апулей говоритъ о двухъ поварахъ одного богатаго дома, которые каждый вечеръ уносили къ себѣ остатки роскошныхъ обѣдовъ [122]). Вѣроятно, они продавали ихъ безъ вѣдома своего барина, потому что рабы были большіе воры. Плиній горько жалуется на то, что надо запирать на ключъ ѣду и питье, и сожалѣетъ о томъ невинномъ времени, когда въ домѣ ничто не запиралось [123]). Мать Цицерона, больше любившая порядокъ, нежели ея сынъ, простирала предосторожность до того, что запечатывала даже пустыя бутылки. Она не хотѣла, чтобы, опорожнивши ихъ, говорили, будто онѣ всегда были пусты. Изъ такихъ-то честныхъ или нечестныхъ доходовъ рабъ сколачивалъ себѣ капиталецъ. Составлялся онъ понемногу или, какъ теперь говорятъ, по копѣйкамъ (*unciatim*); но можно понять, съ какимъ удовольствіемъ онъ смотрѣлъ на его увеличеніе, какое счастіе составляло для него прибавлять четверти асъ къ четвертямъ асъ и сестерціи къ сестерціямъ. Съ этимъ маленькимъ капитальцемъ росла надежда на освобожденіе. Господинъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на его хлопоты объ увеличеніи своего состоянія и поощрялъ ихъ; они служили порукой трудолюбія и нравственности; обыкновенно человѣкъ колеблется дурно поступить, если у него есть, что терять. Потому про дурнаго раба говорили: у него нѣтъ ни

---

[121]) Лукіанъ разсказываетъ, что рабу, приносившему приглашеніе отъ своего господина, дарили обыкновенно пять драхмъ (*О тѣхъ, что на жалованьи у знатныхъ*); этотъ обычай еще существуетъ въ Италіи.

[122]) Апул., *Met.*, X, 14.

[123]) Плиній, XXIII 1 (6).

кусочка свинца за душою [124]). Напротивъ того, тотъ, кто былъ честенъ и трудолюбивъ, заботился постоянно о приращеніи своего капитальца. Если онъ тщательно избѣгалъ кабака, пріобрѣталъ хорошую славу въ домѣ, былъ прилеженъ и добропорядоченъ, онъ быстро могъ скопить сумму, необходимую для своего освобожденія. Цицеронъ намекаетъ на то, что онъ можетъ заработать себѣ свободу черезъ шесть лѣтъ [125]).

Часто даже ему не приходилось платить за нее. Если господинъ былъ великодушенъ и признателенъ, то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ хорошей службы онъ приводилъ своего раба къ претору, и тотъ, дотронувшись до него своей палочкою, дѣлалъ его свободнымъ человѣкомъ. Не только свобода ему ничего не стоила, но къ ней еще прибавляли иногда маленькую сумму, которая помогала ему устроиться въ новомъ быту. Самымъ обыкновеннымъ средствомъ для освобожденія служила смерть господина. У богатыхъ людей установился обычай, давать въ своемъ завѣщаніи свободу большому количеству рабовъ. У христіанъ это было также набожнымъ обычаемъ, и въ одной древней галльской надписи, сообщенной Ле-Бланомъ, одинъ вѣрующій говоритъ, «что для искупленія своей души онъ, умирая, отпустилъ на волю одного раба» [126]). Римлянами руководило иное чувство, но результатъ былъ одинаковый. Гуманность, дополняя собою религію, подсказывала людямъ, что нельзя благороднѣе покинуть міръ, какъ усладивъ несчастія тѣхъ, кого оставляешь въ немъ, что минута смерти всего удобнѣе для уплаты жизненныхъ долговъ, и что нѣтъ ничего почтеннѣе и безкорыстнѣе, какъ творить добро, даже переставши жить.

Эти денежныя и даровыя освобожденія сдѣлались такъ часты въ первый вѣкъ имперіи, что даже испугали собою власть. Въ ту минуту, когда общественное мнѣніе было, повидимому, лучше всего расположено къ рабу, когда самый законъ началъ смягчаться въ его пользу, вдругъ Августъ принимаетъ строгія мѣры для того, чтобы помѣшать ему слишкомъ скоро достигнуть свободы. Онъ требуетъ, чтобы ея нельзя было давать ранѣе двадцати лѣтъ, а получать ранѣе тридцати, ставитъ преграды щедрости господъ, смотря по ихъ богатству, и запрещаетъ освобождать разомъ болѣе ста рабовъ по духовному завѣщанію [127]). Какъ объяснить такое

---

[124]) Плавтъ, *Casina*, II, 3, 40.

[125]) Циц., *Philipp.*, VIII, 11.

[126]) Ле-Бланъ, *Inscr. chrét. de la Gaule*, с. 374.

[127]) Валлонъ, *Hist. de l'esclavage*, II, с. 160.

сравнное противорѣчіе, и что означаетъ такое неожиданное возвращеніе къ строгости, когда со всѣхъ сторонъ нравы становятся гуманнѣе и милосерднѣе? Дѣло въ томъ, что нѣсколько поздно замѣтили ту опасность, какой римское общество подвергали освобожденіе и впослѣдствіи рабство. Не подражая греческимъ городамъ, безпощадно запиравшимъ свои ворота для иностранцевъ, Римъ воображалъ, что онъ отворяетъ свои собственныя только умѣренно. Онъ думалъ, что съ выборомъ даетъ людямъ титулъ римскаго гражданина, казавшійся ему самымъ высокимъ титуломъ для человѣка. Мы знаемъ, что онъ очень долго сопротивлялся Италіи, требовавшей для себя права гражданства, и велъ съ нею по этому поводу ужасную войну, въ которой чуть не погибъ; но въ то время, какъ онъ такъ упорно удалялъ отъ себя эти честные и энергическіе народы, помогшіе ему завоевать міръ, онъ не замѣчалъ, что иностранцы медленно, но постоянно проникаютъ въ него все больше съ каждымъ днемъ. Съ самыхъ пунійскихъ войнъ и до временъ имперіи римскій народъ набирался изъ среды рабства; опустошенія между гражданами, производимыя войною, пополнялись вольноотпущенными, и, что всего хуже, эти вольноотпущенные были прежніе городскіе рабы, худшіе изъ всѣхъ. Эта порода бездѣльниковъ и развратниковъ, какъ ихъ называлъ Колумелла [128]), старалась заслужить расположеніе господина самыми постыдными угожденіями, и низость быстро приводила ихъ къ свободѣ. Плиній младшій, вообще не глубокій политикъ, восторженно радовался, когда великодушный человѣкъ освобождалъ много рабовъ. «Ничего я такъ не желаю, говорилъ онъ, какъ видѣть, что наше отечество обогащается гражданами». Напрасно онъ радовался; отечество не могло похвалиться новыми гражданами, доставляемыми ему рабствомъ, и, обогащаясь такимъ образомъ, оно, терпѣливо перенесши Цезарей, подпало, наконецъ, подъ власть варваровъ. Мнѣ больше нравится печаль Тацита, когда онъ со страхомъ замѣчаетъ, что римскій народъ состоитъ изъ однихъ только вольноотпущенныхъ. Это было потому, что онъ не довольствовался поверхностнымъ взглядомъ на вещи, и что исторія имперіи, изучаемая имъ до глубины, очевидно доказывала ему, что рабство не можетъ быть хорошею школою для общественной жизни и для свободы.

---

[128]) Колумелла, I, 8: *socors et somniculosum genus id mancipiorum, otiis, campo, circo, theatris, aleae, popinae, Lupanaribus consuetum.*

При изученіи римскаго общества, насъ болѣе всего поражаетъ то, что большинство снѣдавшихъ и погубившихъ его пороковъ, было заимствовано имъ у рабства. Мы уже видѣли, что оно способствовало развращенію высшихъ классовъ, такъ какъ, пріучая человѣка разсчитывать на чужой трудъ, оно парализовало его силы и усыпляло его волю. Оно виновно еще въ томъ, что поддерживало въ душахъ презрѣніе къ человѣческой жизни. Люди научаются жестокости; мнѣ кажется, что отъ природы человѣкъ имѣетъ къ ней отвращеніе и заражается ею только изъ подражанія. Можно сказать, что во многихъ богатыхъ домахъ была цѣлая общественная школа безчеловѣчія. Долго терпѣлъ отъ нея рабъ, наконецъ самъ господинъ сдѣлался ея жертвою. Если при Цезаряхъ толпа съ такимъ глубокимъ равнодушіемъ взирала на смерть столькихъ славныхъ лицъ, не значило ли это, что она уже привыкла къ страданіямъ, что смерть ее уже не удивляла, и что, не привыкнувъ уважать человѣка въ рабѣ, люди менѣе возмущались видя, какъ его оскорбляли въ лицѣ знатнаго вельможи? Рабству можно сдѣлать другой, еще важнѣйшій упрекъ за то, что оно произвело презрѣнный народъ имперіи, находимый нами съ такимъ отвращеніемъ въ разсказахъ Тацита. Низость и подлость его перестанутъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ объ его происхожденіи. Онъ вышелъ изъ неволи и былъ созданъ рабствомъ для новаго рабства. Кромѣ того, что его нравственное униженіе и политическое равнодушіе сдѣлали возможною тираннію Цезарей, но самое воспоминаніе о вытерпѣнныхъ имъ несправедливостяхъ должно было питать въ немъ чувство ожесточенія и вражды, подвергавшее общество такимъ опасностямъ, какихъ оно не подозрѣвало. Если со временъ Спартака въ Италіи не было войны рабовъ, тѣмъ не менѣе можно положительно сказать, что рабство поддерживало собою нѣчто въ родѣ постояннаго заговора противъ общественной безопасности. Важнѣе всего то, что оно было рѣшительнымъ врагомъ духа послѣдовательности и традиціи, составлявшаго силу римской расы. Рабъ, не имѣвшій корней въ римской почвѣ, питавшій иныя воспоминанія и привязанности, сдѣлавшись гражданиномъ, никогда не колебался протягивать руку чужеземнымъ обычаямъ и вводить ихъ въ свой городъ. Межъ тѣмъ какъ государственные люди и важныя лица истощались въ усиліяхъ поддерживать то, что осталось отъ древняго духа и старинныхъ обычаевъ,—внизу, въ народныхъ классахъ, безпрестанно пополняемыхъ рабствомъ, шла постоянная работа, разрушавшая ихъ. Такъ, мы уже видѣли,

что, благодаря этому тайному и могущественному вліянію, новыя религіи очень легко распространились по всей имперіи.

Въ то время никто, кажется, не замѣтилъ, какъ велико было зло, и такъ какъ никто не измѣрялъ его глубины, то противу его и употреблялись недостаточныя только средства. Иногда дѣлались, впрочемъ, удачныя усилія для облегченія участи рабовъ. Имъ были даны нѣкоторыя гарантіи противъ господъ; философы, а вслѣдъ за ними и всѣ, провозгласили, что рабы также вѣдь люди; самые юрисконсульты объявили въ законахъ, что рабство противно природѣ. Кажется, что если бы изъ этого принципа вывесть всѣ послѣдствія, онъ привелъ бы рано или поздно къ уничтоженію рабства; но когда наступилъ бы этотъ день, да и наступилъ ли бы онъ вообще,—продолжай древній міръ существовать? Въ этомъ отношеніи насъ невольно беретъ сомнѣніе, когда мы видимъ, какъ медленно прогрессъ идетъ на свѣтѣ, и сколько разъ люди, безъ всякой явной причины, возвращались опять назадъ. Даже въ самыя просвѣщенныя времена, когда общественное мнѣніе стремится, повидимому, съ наибольшею силой къ либеральнымъ мѣрамъ, случается, что власть, повинуясь инымъ идеямъ, внезапно дѣлается строгою или жестокою или колеблется между строгостью и снисхожденіемъ, не зная на что рѣшиться. При Августѣ, въ то самое время, когда нравы явно умягчаются, и гуманность торжествуетъ, сенатскій указъ постановляетъ, что если господинъ будетъ зарѣзанъ своимъ рабомъ, то всѣ, проведшіе ночь подъ тою же кровлею, будь они виноваты или нѣтъ, должны быть казнены. Не менѣе удивительно видѣть, что въ царствованіе Константина, при полномъ господствѣ христіанства, законодательство, замѣтно смягчившееся со временъ Антониновъ, вдругъ возвращается къ прежнимъ строгостямъ относительно рабовъ. Такіе быстрые переходы заставляли ихъ терять въ одну минуту все, что они пріобрѣтали вѣками, такъ что имъ постоянно приходилось начинать съизнова. Прибавимъ къ этому, что мѣры, принимаемыя для ихъ защиты, не всегда были такъ дѣйствительны, какъ этого можно было бы ожидать. Гуманные законы исполнялись только честными людьми, тѣми, что сами наклонны къ гуманности; остальные находили тысячи средствъ не исполнять ихъ. Верховная власть, по прежнему воздерживавшаяся проникать въ семейство и контролировать уважаемую власть господина, чаще всего закрывала глаза, и такимъ образомъ злоупотребленія не прекра-

щались [129]). Но всего удивительнѣе то, что ни у одного древняго писателя мы не находимъ, ни въ видѣ отдаленной надежды, ни въ видѣ мимолетнаго желанія, ни даже въ видѣ невѣроятной гипотезы, той мысли, что рабство можетъ быть когда-нибудь упразднено. Относятся ли къ нему благопріятно или неблагопріятно, никому не приходитъ въ голову, чтобы оно когда-либо перестало существовать. Многіе съ горечью жалуются на него, перечисляютъ тѣ опасности, которыя оно создаетъ и тѣ непріятности, которыя влечетъ за собою, и говорятъ, подобно Сенекѣ: «Сколько голодныхъ звѣрей, прожорливость которыхъ надо удовлетворить! Сколько расходовъ на ихъ одежду! сколько хлопотъ, чтобы наблюдать за ихъ воровскими руками! Какое удовольствіе въ томъ, что намъ служатъ люди, которые стонутъ и ненавидятъ насъ?» [130]) Но и имъ также не вспадаетъ мысль, что наступитъ день, когда можно будетъ обходиться безъ рабовъ. Учрежденіе это такое древнее и до такой степени проникло въ нравы, что безъ него жизнь кажется непонятною. Люди, считавшіе его необходимымъ, но признававшіе также его несправедливость, не были расположены хлопотать объ его уничтоженіи. Слѣдовательно, и это была одна изъ тѣхъ радикальныхъ реформъ, которыхъ нельзя ожидать отъ правильнаго теченія событій, и намъ слѣдуетъ, быть-можетъ, повторить то, что мы имѣли случай говорить уже не разъ, а именно, что та глубокая перемѣна, которой никто не желалъ и не предусматривалъ, могла совершиться только съ помощью одного изъ обновляющихъ міръ переворотовъ.

---

129) Чтобы заставить господъ лѣчить своихъ больныхъ слугъ, Клавдій повелѣлъ, что если больной рабъ, оставленный въ храмѣ Эскулапа, выздоровѣетъ, онъ дѣлается свободнымъ. (Свет. *Claud.*, 25). Между тѣмъ даже въ христіанское время продолжалъ существовать обычай, что если рабъ серьёзно заболѣетъ, то его выбрасывали изъ дому. См. Ле-Блана, *Inscr. chr. de la Gaule*, II, с. 123,

130) Сенека, *De tranq. animi*, 8, 8

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ ВО II ВѢКѢ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Римская религія во II-мъ вѣкѣ.

Мы дошли до конца своего труда; остается вывесть заключеніе Прежде, чѣмъ кончить, я считаю необходимымъ сопоставить въ общей картинѣ перечень всѣхъ подробностей о римской религіи II-го вѣка, понемногу разбросанныхъ повсюду. Очень важно знать, каково было ея дѣйствительное положеніе: зная, что̀ она пріобрѣла, и чего ей недоставало, легче можно дать себѣ отчетъ въ исторіи ея послѣднихъ годовъ. Происшедшія въ ней счастливыя перемѣны объясняютъ собою ея долгое сопротивленіе христіанству, а несовершенства, которыхъ она не могла исправить, и которыя лежали въ самой природѣ ея, даютъ понять, почему она, наконецъ, подчинилась ему.

I.

Реформы, совершившіяся въ I вѣкѣ въ римской религіи.—Онѣ не простираются на уставы и обряды культа.—Какимъ образомъ и подъ какимъ вліяніемъ измѣняется религія.—Философія старается привести политеизмъ къ единобожію.—Она усиливается сдѣлать народныя религіи болѣе нравственными.—Она вводитъ новыя понятія объ естествѣ Бога и о культѣ, который ему слѣдуетъ воздавать.—Слѣдуетъ ли приписывать вліянію христіанства религіозный прогрессъ, совершившійся въ то время въ языческомъ обществѣ?—Какимъ образомъ этотъ прогрессъ дозволялъ просвѣщеннымъ людямъ попрежнему держаться древней религіи.

Мы видѣли, что, по окончаніи республики, римская религія сильно нуждалась въ преобразованіи [1]. Будучи созданіемъ наивной эпохи, она вызывала улыбку ученаго и образованнаго общество. Ея тѣсная связь съ государствомъ долго составляла ея силу: люди оставались ей вѣрными изъ патріотизма, если не могли быть вѣрны

[1]) См. стр. 60 и сл.

по убѣжденію; но самый патріотизмъ подъ-конецъ охладился, а ослабленіе древнихъ добродѣтелей уменьшало власть древнихъ преданій. Умы, особенно въ высшихъ классахъ, вообще отстали отъ нея; даже тѣ, которые защищали ее, подобно Варрону, дѣлали это съ оговорками и открыто сознавались, что она удовлетворяетъ ихъ только вполовину. Слѣдовательно, для того чтобы найти свою прежнюю власть, этотъ старый истощенный культъ нуждался, чтобы въ него какимъ-нибудь образомъ проникла новая жизнь, что именно и случилось въ первый вѣкъ имперіи.

Но откуда же взялась обновившая его перемѣна? Это надо узнать прежде всего. Мы уже указали, что римская религія измѣнилась не сама собою; она не обладала тою силой и внутренней дѣятельностью, которыя помогаютъ культу обновиться самостоятельно; кромѣ того, она по самой природѣ своей сопротивлялась новизнѣ. Она полагала набожность въ точномъ исполненіи древнихъ обрядовъ и считала обязанностью ничего не измѣнять въ нихъ. Неподвижность была для нея какимъ-то идеаломъ: и онъ былъ почти достигнутъ въ такихъ великихъ корпораціяхъ, какъ, напримѣръ, луперки, арвалы, салійцы, которыя, пополняясь собственнымъ выборомъ, могли всего вѣрнѣе сохранить преданія прошедшаго. Жрецы были всюду въ рукахъ гражданской власти: выборъ ихъ въ провинціяхъ зависѣлъ вообще отъ декуріоновъ; въ Римѣ они утверждались императоромъ по списку, ежегодно составляемому членами духовныхъ коллегій [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ для коллегій, такъ и для государя, было, какъ бы государственнымъ правиломъ, ничего не измѣнять въ древней религіи, и, вѣроятно, назначаемые ими жрецы думали такъ же, какъ и они. Единственная серьёзная опасность, могшая угрожать ей, заключалась въ самой обширности имперіи. Подобно всѣмъ другимъ римскимъ учрежденіямъ, она была создана для одного города; когда этотъ городъ завоевалъ міръ, условія ея существованія измѣнились, и явились затрудненія, которыхъ нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Чтобы упрочить спокойствіе міра, въ завоеванныхъ странахъ устроивались колоніи, и посылаемые туда колонисты смѣшивались обыкновенно съ прежними жителями страны. Покорные города, въ награду за оказанную ими вѣрность, получали гражданскія права. Они не могли сдѣлаться римскими, не принявъ религіи своего новаго отечества [3]); но они имѣли также своихъ національныхъ боговъ, которыхъ имъ не поз-

---

[2]) Такъ выходитъ изъ свидѣтельства Плинія, *Epist.*, 2, 1, 8. IV, 8, 3.

волено было оставлять. Они поклонялись имъ всѣмъ вмѣстѣ, и такимъ образомъ произошло неизбѣжное смѣшеніе оффиціальной религіи съ иностранными культами. При Тиберіи это смѣшеніе получило нѣкотораго рода законное освященіе, и рѣшеніемъ сената было постановлено, что это все-таки римская религія. Когда во время болѣзни Ливіи всадники дали обѣтъ Всаднической Фортунѣ, оказалось, что ни въ одномъ изъ святилищъ Фортуны въ Римѣ, ей не поклонялись подъ этимъ именемъ. Храмъ такого имени существовалъ только въ городѣ вольсковъ, Анціумѣ; всадники препроводили туда свои приношенія, и по этому случаю было рѣшено, «что всѣ религіозныя церемоніи, совершающіяся въ Италіи, всѣ статуи боговъ и всѣ находящіеся тамъ храмы будутъ считаться принадлежащими римскому народу» [4]). Вѣроятно, изъ Италіи этотъ принципъ распространился на провинціи, и такимъ образомъ божества и религіозные обряды народовъ, входившихъ поочередно въ великое единство имперіи, проникли законнымъ образомъ въ древнюю религію Рима [5]). Невозможно было, чтобы она не пострадала вслѣдствіе такого расширенія; среди массы новыхъ обрядовъ древніе, вѣроятно, иногда позабывались [6]); но такія перемѣны и такая небрежность стали часто повторяться только послѣ II вѣка. Всѣ свидѣтельства показываютъ, что въ описываемую нами эпоху древнія церемоніи исполнялись совершенно правильно. Преданія Августа продолжались при Антонинахъ, и римская религія оставалась еще

---

[3]) Такъ, напр., мы видимъ, что въ Нарбоннской (Орелли, 2489) и въ Салонской колоніи, въ Далмаціи (*Corp. inscr. lat.*, III, 1933), посвящая памятники, соблюдали древній *lex dedicationis*, употребленный въ Римѣ для алтаря Діаны Авентинской.

[4]) Тац., *Ann.*, III, 71.

[5]) Минуц. Феликсъ, *Octav.*, 22: *Aegyptia quondam, nunc et romana sacra sunt*. Въ календаряхъ послѣднихъ временъ Рима праздники Изиды, Цибелы и Митры стояли рядомъ съ праздниками Весты и Юноны. Долгое время римлянину хотя и позволяли, какъ частному лицу, молиться богамъ посвоему; но, какъ должностное лицо, его обязывали приносить только предписанныя жертвы и не иначе, какъ по уставу. Кажется, что это обязательство уже не исполнялось въ концѣ II вѣка. Въ то время, говорятъ, былъ обычай, по которому проконсулъ Африки оффиціально совѣщался съ Небесною Богиней объ интересахъ имперіи. Капитолинъ, *Macrinus*, 3, 1.

[6]) Извѣстно, напримѣръ, что во времена Авреліана уже не совѣтовались съ сивиллинскими книгами по поводу народныхъ бѣдствій. Вопискъ, *Aurel.*, 20, 4.

неприкосновенною, по крайней мѣрѣ относительно внѣшности и главнѣйшихъ обрядовъ [7]).

Она подверглась лишь внутреннимъ перемѣнамъ. Прежніе обряды сохранялись, но вѣрованія измѣнились; люди продолжали ходить въ прежніе храмы, но уже не съ прежними чувствами; молились они все тѣмъ же богамъ, но имѣли о нихъ уже другія понятія. Эти перемѣны, внесшія новый духъ въ древній культъ, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ вліянію философіи и религій Востока. Онѣ дѣйствовали различнымъ образомъ и на различные классы общества, но направленіе, данное ими общественному духу, было вообще одинаково. Исходя изъ различныхъ принциповъ, онѣ часто согласуются на практикѣ и приводятъ за собою одинаковыя послѣдствія. Эти-то послѣдствія и надо прежде всего изучить.

Преобразовывая народныя религіи, философія должна была прежде всего стараться внушить имъ какимъ бы то ни было способомъ вѣру въ единство Бога. Это мнѣніе допускалось почти всѣми школами, и для философа было невозможно покинуть его. Но какимъ образомъ можно было внушить его культамъ, основаннымъ главнымъ образомъ на политеизмѣ? Думали достичь этого, постановивъ за правило, «что верховная власть принадлежитъ единому Богу, но что божескія обязанности распредѣлены между многими, *imperium penes unum, officia penes multos*» [8]). Стоики говорили, что единый Богъ, разлитой въ мірѣ и оживляющій его, получаетъ различныя названія, смотря по тому, какіе элементы природы онъ проникаетъ собою, и объясняли этимъ происхожденіе баснословныхъ божествъ. Платоники признавали высшаго Бога, «источникъ всѣхъ благъ, Отца всѣхъ существъ, все сотворившаго и всему дающаго жизнь» [9]); но подъ нимъ они ставили цѣлую іерархію низшихъ божествъ, его подчиненныхъ и помощниковъ. Ихъ тоже надо почитать, говорятъ они, ибо верховный Богъ такъ же не завидуетъ тѣмъ почестямъ, которыя воздаются служащимъ ему божествамъ, какъ великій государь не гнѣвается на людей, почтительно обходящихся съ его сатрапами [10]).

Для того чтобы выйти изъ философскихъ школъ и утвердиться

---

7) См. т. I, стр.., и сл.

8) Тертул. *Apol.*, 24.

9) *Fontem bonorum, parentem omnium, factorem altoremque viventium.* Такъ выражался знаменитый Гіероклъ въ своемъ сочиненіи противъ христіанъ. Лактанцій, *Inst. div.*, V, 4.

10) Оригенъ, *Contra Cels.*, VIII, 2.

въ народныхъ религіяхъ, этимъ системамъ надо было прежде всего выдерживать одну первую борьбу. Имъ приходилось искоренить то мнѣніе, будто каждая страна имѣетъ своего особеннаго бога, который покровительствуетъ ей и созданъ исключительно для нея. Извѣстно, что это мнѣніе было чрезвычайно распространено въ древности и служило основаніемъ всѣхъ первобытныхъ религій [11]). Но со временемъ оно ослабѣло. Ему болѣе всего противорѣчило введеніе восточныхъ культовъ въ греческій и римскій міръ. Съ того момента, какъ въ Римѣ стали обожать Изиду и Митру, надо было признать, что боги продолжаютъ быть дѣйствительными даже внѣ тѣхъ странъ, которыя служатъ имъ родиною, и что кромѣ мѣстныхъ божествъ есть еще божества, господствующія надъ всѣмъ міромъ [12]). Наконецъ, стали думать, что боги различныхъ народовъ въ сущности одни и тѣ же, и различіе между ними заключается только въ названіяхъ. «Не будемъ думать, говоритъ авторъ одного замѣчательнаго разсужденія по языческой теологіи, что боги измѣняются по націямъ, и что они различны для грековъ и варваровъ, для южныхъ и сѣверныхъ жителей. Подобно тому, какъ солнце, луна, небо, земля, море общи для всѣхъ, хотя не всѣ ихъ одинаково называютъ, точно такъ есть только одно высшее начало, создавшее міръ, одно Провидѣніе, управляющее имъ, хотя ему не вездѣ воздаютъ одинаковое почитаніе, и хотя его называютъ различными именами, смотря по странамъ» [13]). Положивъ этотъ принципъ, слѣдовало возстановить божеское единство изъ многочисленныхъ элементовъ, представляемыхъ народными божествами. Чтобы слить ихъ вмѣстѣ, надо было прежде всего сблизить ихъ между собою. Римская религія не любила вообще этого дѣлать; по ея мнѣнію, каждый богъ долженъ былъ имѣть свой храмъ и своихъ жрецовъ [14]). Между тѣмъ со временъ Тарквинія въ Капитоліи поклонялись разомъ тремъ божествамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ, и мы знаемъ, что чи-

---

[11]) См. т. I, стр

[12]) Таково мнѣніе Цельсія, думающаго, что различныя части земли управляются, подобно префектурамъ, различными божескими властями, что не мѣшаетъ ему, однако, ставить надъ ними верховнаго Бога. Ориг., *Contra Cels.*, 5, 25 и 41. То же самое думаетъ Симмахъ: *Varios custodes urbibus cunctis mens divina distribuit. Ut animae nascentibus, ita populis fatales genii dividuntur. Relat. Symm.*, 8.

[13]) Плутархъ, *De Iside*, стр. 377.

[14]) Титъ Ливій, XXVII. 25.

сло это впослѣдствіи увеличилось [15]). Такой примѣръ нашелъ подражателей, и, начиная особенно съ I-го вѣка, храмы, воздвигаемые нѣсколькимъ божествамъ или всѣмъ богамъ вмѣстѣ, встрѣчаются довольно часто [16]). Сближенныя такимъ образомъ, эти божества не должны были замедлить слиться; особенно въ Римѣ, гдѣ они такъ безжизненны и безличны, очень легко было заставить ихъ войти одно въ другое: очень скоро на нихъ стали просто смотрѣть, какъ на различные аттрибуты одного и того же бога или какъ на различные способы понимать его [17]).

Въ одномъ мѣстѣ у Апулея разсказано, какимъ образомъ происходили обыкновенно подобныя смѣшенія. Онъ изображаетъ богиню Изиду, обращающуюся къ призывающему ее вѣрующему: «Вотъ я, говоритъ она ему; меня тронули твои молитвы. Я мать природы, владычица стихій... Я та самая, чье единое божество почитается всѣми народами въ различныхъ формахъ, съ различными обрядами и подъ именами, измѣняющимися въ разныхъ странахъ. Фригійцы называютъ меня великою матерью Иды, аѳиняне—Минервою, кипріоты Венерою, критяне—Діаною, сицилійцы—Прозерпиною, жители Элевзиса—Церерою, другіе—Юноною, Беллоною, Гекатою. Эѳіопляне, освѣщаемые первыми лучами восходящаго солнца, арійцы и египтяне, знающіе древнюю науку, воздаютъ мнѣ должное почитаніе и называютъ меня принадлежащимъ мнѣ именемъ: я царица Изида» [18]). Стараніе соединить въ одномъ богѣ аттрибуты всѣхъ другихъ приводило къ божескому единству. Этимъ воспользовалась не одна Изида. «Каждый, говоритъ Сервій, считаетъ верховнымъ того бога, которому поклоняется» [19]). Слѣдовательно, всюду надо было стараться поставить своего бога выше другихъ и обирать ихъ для его возвеличенія. Къ концу имперіи большинство теологовъ признавало, что въ сущности есть только одинъ богъ, Солнце, и всячески старалось слить съ нимъ всѣ другія [20]). Съ своей стороны народъ дѣлалъ то же самое для древняго Юпи-

---

[15]) Сервій, *Aen.*, II, 319: *in Capitolio omnium deorum simulacra colebantur.*

[16]) Таковъ былъ Пантеонъ Агриппы. См. также Орелли, 1307.

[17]) Самые жрецы, которые должны были бы противиться подобнымъ смѣшеніямъ и защищать древнія преданія, не были противъ нихъ; они допустили ихъ даже проникнуть въ жреческіе уставы. См. Серв., *Aen.* VIII, 275 *Secundum pontificalem ritum idem est Hercules qui est Mars.*

[18]) Апулей, *Metam.*, XI.

[19]) Сервій, *Buc.*, III, 62: *unicuique deus is quem colit summus videtur.*

[20]) Макробій сохранилъ намъ отрывки изъ этого огромнаго теологическаго труда. *Sat.*, I, 17 и 19.

тера. Со временъ Гомера на Юпитера смотрѣли, какъ «на отца боговъ и людей»; поэтому очень естественно было считать первое изъ божествъ вмѣстѣ и единственнымъ. Кромѣ того, римляне питали особенное уваженіе къ Юпитеру Капитолійскому и приписывали ему свое счастіе. Завоеванный ими міръ былъ также готовъ вѣрить, что онъ выше всѣхъ боговъ, такъ какъ онъ сдѣлалъ своихъ почитателей владыками всѣхъ народовъ. Такимъ образомъ культъ «величайшему и всемилостивѣйшему богу» распространился въ провинціяхъ. Легіоны приносили его съ собою въ тѣ страны, куда являлись, и вскорѣ этотъ культъ становился тамъ популярнѣе всѣхъ другихъ. Въ Испаніи, въ Дакіи, въ Паннонiи [21]) и пр., къ Юпитеру обращаются предпочтительно передъ всѣми другими богами, и имена, которыя ему даютъ въ молитвахъ, показываютъ, какъ велико питаемое къ нему уваженіе. Его зовутъ верховнымъ богомъ, первѣйшимъ изъ всѣхъ [22]), владыкою божественныхъ и человѣческихъ вещей, правителемъ судебъ [23]); стараются изъ всѣхъ силъ найти слова, соотвѣтствующія его величію. Поставивъ его превыше другихъ божествъ, рѣшили, наконецъ, что кромѣ его нѣтъ другихъ. Это можно понять изъ гимновъ, поющихся въ честь его народомъ; онъ поклоняется ему во храмахъ, говоря, что онъ богъ боговъ и только одинъ обладаетъ божественнымъ могуществомъ, *Deo deorum qui solus potes* [24]). Итакъ, можно положительно сказать, что во II вѣкѣ общее мнѣніе какъ ученыхъ, такъ и не ученыхъ людей, было то, что надо свести къ единому Богу весь этотъ міръ почитаемыхъ боговъ. Отцы Церкви признаютъ это безъ труда и торжествуютъ [25]). «Всякій разъ, говорятъ они, какъ язычникъ подниметъ глаза къ небу, онъ принужденъ сознаться, что власть надъ вселенной — въ рукахъ единаго Бога» [26]). Невозможность покориться политеизму,

---

[21]) См. *указатели* ко второму и третьему томамъ *Corp. inscr. lat.*

[22]) Орелли, 1267: *Jovi summo excellentissimo.*

[23]) Орелли, 1269: *summo, exsuperantissimo, divinarum humanarumque rerum rectori, fatorumque arbitro.* Очень часто случается также, что вмѣстѣ съ нимъ призываютъ и всѣхъ другихъ боговъ *(Jovi optimo maximo cetterisque dis immortalibus)*, желая какъ будто бы показать этимъ выраженіемъ, что онъ поглощаетъ и содержитъ въ себѣ ихъ могущество, и что божеское единство должно возстановляться въ его лицѣ. См. Орелли, 5653, 5654, 1799, 2122 и пр.

[24]) Тертул., *Ad. Scap.*, 4.

[25]) Тертул., *Apol.*, 17; *Ad Scap.*, 2; Минуц. Фел., *Octav* , 18.

[26]) Пруденц., *Apoth.*, 186.

въ которой очутился съ этихъ поръ міръ, дѣлаемыя со всѣхъ сторонъ усилія, чтобы возвратиться къ божественному единству, и близкій успѣхъ этихъ усилій, все это было, вѣроятно, результатомъ философскихъ ученій и одною изъ ихъ величайшихъ побѣдъ.

Философія одержала еще много другихъ. Стараясь внушить народнымъ религіямъ понятіе о божескомъ единствѣ, она пыталась въ то же время сдѣлать ихъ нравственными. Само собою разумѣется, что они не были предумышленно безнравственны: онѣ не научали злу, какъ это желали иногда доказать въ пылу преній. Напротивъ того, можно сказать, что вообще всякая религія, какъ бы она ни была несовершенна, налагая на человѣка обязанности относительно высшаго существа, заставляетъ его наблюдать за самимъ собою и не отдаваться безъ размышленія первымъ движеніямъ своей натуры. Такимъ образомъ она можетъ стать, волею или неволею, порукой его нравственности. Это самое происходило въ Римѣ болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь странѣ древняго міра. Честный характеръ римской религіи нерѣдко поражалъ Грековъ; они поздравляли ее съ тѣмъ, что у нея нѣтъ легендъ, приводящихъ въ негодованіе строгихъ людей и вызывающихъ смѣхъ у шутниковъ [27]). Ничто въ ней не походило на тѣ безчинные праздники, которые такъ любилъ Востокъ, и которые, наконецъ, приняли съ удовольствіемъ сами греки. Она поклонялась богамъ въ простыхъ и степенныхъ церемоніяхъ, не представлявшихъ никакой опасности для общественныхъ нравовъ. Церемоніи при праздновaніи первой *лектистерніи* много напоминали собою христіанскія средневѣковыя торжества. Титъ Ливій разсказываетъ, что въ это время всѣ дома были отворены, что всякій былъ радъ принять у себя не только гостей, но даже иностранцевъ и незнакомцевъ, что враги мирились тогда между собою, и что заключенныхъ выпускали изъ тюремъ [28]). Но если древнія религіи бывали часто очень нравственны, надо сознаться, что они были таковыми невольно и безъ всякихъ усилій съ своей стороны. Онѣ не имѣли намѣренія предначертывать человѣку правилъ для поведенія и указывать ему на обязанности [29]): это было дѣло философовъ. Въ началѣ онѣ были не болѣе, какъ наивнымъ объясненіемъ явленій природы, и боги

[27]) См. т. I, стр. 35.

[28]) Титъ Ливій, V, 13.

[29]) Но есть нѣсколько исключеній изъ этого правила, которое вообще вѣрно; такъ у Гомера религія принимаетъ иногда характеръ нравственнаго ученія.

были придуманы сначала лишь для того, чтобы объяснить собою великія зрѣлища вселенной, причина которыхъ была неизвѣстна. Изобрѣтая ихъ, имъ примышляли цѣлую исторію, долженствовавшую раскрывать тайны природы. Такъ произведеніе плодовъ объясняли какимъ-то брачнымъ союзомъ между небомъ и землею, а перемѣну временъ года тѣмъ, будто какой-то богъ умиралъ къ зимѣ съ тѣмъ, чтобы воскреснуть весною вмѣстѣ съ плодородіемъ и жизнью. Разнообразныя легенды, возникавшія изъ этихъ чудесныхъ разсказовъ, никого не блазнили, пока люди умѣли понимать ихъ тайный смыслъ; но впослѣдствіи пониманіе утратилось, и философы стали считать эти легенды смѣшными или опасными баснями. Горацій говоритъ, что онѣ научаютъ злу [30]), а по мнѣнію Сенеки, нѣтъ такого зла, котораго бы онѣ не дозволяли [31]). Разъясняя ихъ, философы старались сдѣлать ихъ безупречными. Особенно стоики были неистощимы во всякаго рода объясненіяхъ; они старались доказать, что самыя ничтожныя изъ нихъ скрываютъ въ себѣ глубокій смыслъ, и что изъ наименѣе приличныхъ можно извлечь честныя поученія. Съ этихъ поръ начинаютъ думать, что нѣтъ лучшаго средства понравиться богамъ, какъ хорошо вести себя, и что нравственность нераздѣльна съ религіей. Болѣе чѣмъ когда-либо, думали, что боги—естественные покровители невинности и что они имѣютъ отвращеніе отъ преступныхъ людей. Неронъ, послѣ убійства своей матери, не смѣлъ войти въ святилилище Весты [32]). Отъ жрецовъ начинаютъ требовать такихъ добродѣтелей, какихъ дотолѣ не требовали. Теперь для отправленія жреческихъ обязанностей желаютъ выбирать только самыхъ достойныхъ [33]), то-есть такихъ, «чьи сердца чисты, и жизнь безупречна [34])». До сихъ поръ храмы представляли множество опасностей для общественной нравственности [35]); теперь желаютъ, чтобы они служили мѣстомъ благоговѣнія, гдѣ душа очищалась бы размышленіемъ и возносилась бы въ молитвѣ. У входа одной африканской молельни находятся слѣдующія слова,

---

30) Горац., *Od.*, III, 7, 19: *peccare docentes historias.*

31) Сенека, *De vita beata*, 26, 6: *quibus nihil aliud actum est quam ut pudor hominibus peccandi demeretur.*

32) Тац., *Ann.* XV, 36. Свет., *Nero*, 34.

33) Плин., *Epist.*, II, 1, 8.

34) Сенека *Cons. ad Marciam*, 24, 3.

35) Овид., *Trist.*, II, 287.

какъ будто назначенныя для какой-нибудь христіанской церкви: «Войди сюда хорошимъ и выйди лучшимъ [36])».

Философы пустили въ ходъ еще нѣсколько другихъ правилъ, несогласовавшихся съ духомъ древнихъ культовъ. Они хотѣли измѣнить понятіе объ естествѣ Бога и объ отношеніяхъ къ нему человѣка: они проповѣдывали, что боги непремѣнно добры, ибо иначе бы они не были богами, и «что они не желаютъ и не могутъ никому вредить [37])». Древняя религія, напротивъ того, признавала между ними нѣсколько такихъ, которыхъ она боялась, считая ихъ недоброжелательными и завистливыми. Рядомъ со всемилостивѣйшимъ и величайшимъ Юпитеромъ былъ еще злой Юпитеръ *(Vejovis)*, которому молились, можетъ-быть, усерднѣе, нежели первому, потому что больше боялись его. Съ той минуты, какъ философія стала признавать только милостивыхъ боговъ, она принуждена была утверждать, что ихъ не слѣдуетъ бояться, что имъ дѣлаютъ мало чести, опасаясь ихъ, и что приближаться къ нимъ надо съ чувствомъ довѣрія и любви. Не таково было мнѣніе Аристотеля, который полагалъ, что между Богомъ и человѣкомъ, то-есть, между такими отдаленными и различными существами, любовь невозможна [38]). Но Цицеронъ думаетъ уже не такъ: онъ говоритъ, что къ богамъ надо питать такое-же чувство, какъ къ своей родинѣ и родителямъ [39]); Сенека—еще положительнѣе, и буквально утверждаетъ, что богамъ надо служить и надо любить ихъ [40]). Въ то же время восточныя религіи, съ каждымъ днемъ пріобрѣтавшія все бо́льшую власть надъ римлянами, придавали также болѣе живой и страстный характеръ народной набожности; и въ этомъ случаѣ, какъ ученые, такъ и неученые, и тѣ, кто слушалъ поученія философовъ, и тѣ, кто посѣщалъ храмы чужеземныхъ божествъ, сходились въ одномъ пунктѣ: они чувствовали потребность подойти ближе къ богамъ и установить съ ними болѣе тѣсныя и нѣжныя сношенія.

Очень естественно, что новыя понятія объ естествѣ боговъ и

---

[36]) Ренье *Inscr. de l' Alg.*, 165: *bonus intra, melior exi.*

[37]) См. Циц., *De off.*, II, 3, 14, 28; Варронъ у св. Авг., De civ. Dei, VI, 9; Сенека, *De ira*, II, 27, 1; *De benef.*, IV, 19, 1.

[38]) Аристот., *Этика Ником.*, VIII, 7.

[39]) Циц., *De partit. orat.*, 16.

[40]) Сен., *Epist.*, 47, 18. По этому вопросу см. примѣчанія Гаве въ изданіи Паскаля, т. I, с. 178 и 219 втораго изданія.

объ отношеніи ихъ къ людямъ произвели нѣкоторыя перемѣны въ способѣ обращаться къ нимъ съ молитвами. «Они не требуютъ, говорятъ мудрецы, чтобы въ честь ихъ закалали быковъ, чтобы въ храмахъ ихъ вѣшали золото и серебро или сыпали приношенія въ ихъ сокровищницы. Они предпочитаютъ получать въ даръ благочестивое и справедливое сердце [41]). Не надо громоздить другъ на друга камни, чтобы созидать имъ храмы; лучше, если каждый соорудитъ имъ святилище въ сердцѣ своемъ» [42]). Въ такомъ настроеніи духа трудно было довольствоваться тѣми древними молитвами, въ которыхъ не позволялось ничего измѣнять [43]), и которыя надо было точно повторять, даже не понимая ихъ. Къ богамъ хотѣли обращаться свободнѣе, а не съ такимъ видомъ, будто, молясь, сказываешь заданный урокъ. Къ несчастію, прежняя религія оказала сопротивленіе; она дорожила своими древними уставами и еще въ III вѣкѣ заставляла вѣрующихъ повторять тѣ многословныя формулы, которыя набожно повторялись столькими поколѣніями. Она отступала отъ своей строгости только въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, когда вызывала знаменитыхъ поэтовъ сочинять новые гимны, пѣвшіеся хоромъ юношами и молодыми дѣвушками [44]). Быть-можетъ, въ эпоху Августа этотъ обычай сдѣлался болѣе общимъ, и римская религія охотнѣе допускала его; на эту мысль наводитъ насъ Горацій, когда, перечисляя услуги, оказываемыя поэзіей, онъ говоритъ: «У кого юноши и дѣвушки научились бы молитвамъ, если бы Муза не дала имъ поэта?» [45]) Какъ бы то ни было, но всѣ благоразумные люди были согласны въ томъ, что для того, чтобы быть услышаннымъ богами, недостаточно бормотать у ихъ алтарей какую-нибудь старинную формулу, и даже авторы, не слывшіе философами, и въ книгахъ, писанныхъ отнюдь не для школъ, всѣ высказывали, какъ никѣмъ не оспориваемую истину, «что лучше приносить во храмъ благочестивую и вѣрную душу, нежели выученныя наизустъ молитвы» [46]).

---

41) Сен., *Epist.*, 115, 5.

42) Сен., *Fragm.*, 133 (изд. Гаазе).

43) *Ratio hymnorum quibus aliquid subtrahere sacrilegium est.* Серв., *Aen.*, VIII, 291.

44) См. Тита Ливія, XXVII, 37, XXI, 13, и вѣковую пѣснь Горація. У комментаторовъ Виргилія говорится о нѣкоемъ Маріи, котораго называли *Lupercaliorum poeta*. Былъ ли онъ обязанъ сочинять гимны для этихъ праздниковъ? См. Сервія и Филаргирія, *Buc.*, I, 20.

45) Горац., *Epist.*, II, 1, 132.

46) Плин., *Paneg.*, 3.

Но перемѣны, совершившіяся въ то время въ общественномъ мнѣніи, всего замѣчательнѣе тѣмъ, что онѣ совпадаютъ съ перемѣнами, очевидными въ общественной нравственности. Въ то время какъ люди составляютъ себѣ болѣе возвышенное понятіе объ естествѣ Бога и о поклоненіи Ему, они начинаютъ также заниматься бѣдными, сожалѣть о гладіаторахъ, покровительствовать рабамъ [47]. Этотъ двоякій прогрессъ, религіозный и нравственный, котораго невозможно было не замѣтить, до такой степени поразилъ нѣкоторыхъ людей, что они не могли повѣрить, чтобы языческое общество достигло его само собою. Такъ какъ онъ дѣлается всего замѣтнѣе въ ту эпоху, когда въ имперіи начинаетъ проповѣдываться христіанство, то невольно являлся вопросъ, не слѣдуетъ ли приписать его вліянію Евангелія. Развѣ не можетъ быть, что уже съ первыхъ минутъ между обоими культами завелись тайныя сношенія, и что язычники извлекли изъ новаго ученія тѣ великія идеи, которыя мы имъ приписываемъ? Трудно не задать себѣ этого вопроса, но не легко отвѣчать на него. Можно ли льстить себя надеждою, что на томъ разстояніи, на какомъ мы находимся теперь отъ этихъ отдаленныхъ событій, мы съумѣемъ ясно различить то, чего не замѣчали тогдашніе современники? Среди всѣхъ этихъ недоразумѣній есть только два достовѣрныхъ факта: первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что Отцы Церкви, указывая въ этихъ древнихъ культахъ обряды, похожіе на ихъ собственные, и свидѣтельствуя о добродѣтеляхъ языческаго общества, не говорили, чтобъ они были прямо заимствованы у христіанства. Самые сильные противники язычества, предполагаютъ, что язычники получили то, что у нихъ было лучшаго, или изъ священныхъ книгъ евреевъ, или черезъ посредство демоновъ. «Такъ какъ демоны предвидятъ будущее, они съ самаго начала знали то, что долженъ былъ впослѣдствіи утвердить Христосъ, и впередъ исказили Его ученіе, чтобы обезславить его» [48]. Еслибъ Отцы Церкви думали, что язычники просто подражаютъ тому, что у нихъ передъ глазами, они, конечно, сказали бы это, а не стали бы прибѣгать къ какимъ-то необыкновеннымъ предположеніямъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, что можно было объяснить вполнѣ

---

47) См. выше.

48) Юстинъ, *Apol.*, I, 46 и 66. Тертул. (*De praescr.*, I, 45), говоря о діаволѣ, заставляющемъ своихъ почитателей исполнять въ мистеріяхъ тѣ же обряды, что и у христіанъ, хочетъ, кажется, выразить ту же самую мысль, какъ и св. Юстинъ.

естественно. Другой фактъ, помоему не менѣе достовѣрный, состоитъ въ томъ, что религія и нравственность сдѣлались чище во II-мъ вѣкѣ безъ всякаго содѣйствія со стороны христіанства. Это совершенно понятно. Въ изложенныхъ нами реформахъ нѣтъ ничего такого, чего языческое общество не могло бы выполнить само; если онѣ обыкновенно удивляютъ насъ, то это потому, что мы забываемъ, какими продолжительными трудами онѣ были подготовлены. Человѣчество достигло до нихъ не съ разу и не съ помощью одного усилія; онѣ составляютъ для него послѣдній этапъ длиннаго пути, и если мы прослѣдимъ за нимъ шагъ за шагомъ по этому пути, мы менѣе удивимся при видѣ достигнутой имъ цѣли. Оно прошло уже бо̀льшую часть дороги въ тотъ моментъ, когда началась имперія. Почти всѣ тѣ начала, которыя болѣе всего поражаютъ насъ у философовъ II-го вѣка, находятся уже у Цицерона, за пятьдесять лѣтъ до рожденія Христа [49]). Философія отъ Августа до Марка Аврелія не изобрѣла новыхъ, она извлекла только изъ давно провозглашенныхъ истинъ практическія послѣдствія и, чаще прилагая ихъ къ жизни, могла исправить тѣ несправедливости, которыя допускались въ предъидущіе вѣка. Сколь бы великимъ мы ни считали этотъ прогрессъ, онъ все-таки не таковъ, чтобы духъ человѣческій былъ къ нему неспособенъ. Напротивъ того, онъ былъ совершенно въ порядкѣ вещей и долженъ былъ необходимо совершиться съ естественнымъ теченіемъ времени. Найдя сама и безъ посторонней помощи общія начала, греческая философія совершила величайшій трудъ и вмѣстѣ одно изъ славнѣйшихъ открытій. Перенести эти начала въ жизнь и примѣнить теорію къ практикѣ бываетъ обыкновенно уже не такъ трудно, и мнѣ кажется, что нѣтъ никакой надобности предполагать, что это умное общество нуждалось въ чьей-либо помощи для достиженія этой цѣли.

Но какимъ бы способомъ мы ни объясняли эти успѣхи и какимъ причинамъ ни приписывали бы ихъ, они не дѣлаются отъ того менѣе дѣйствительными, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что они имѣли важныя послѣдствія для римской религіи. Главнымъ образомъ она обязана имъ тѣмъ неоцѣнимымъ премуществомъ, что до самаго конца пользовалась извѣстнымъ кредитомъ въ просвѣщенныхъ классахъ. Обыкновенно удивляются тому, что эти классы не особенно спѣшили разстаться съ нею. Трудно понять,

---

[49]) См. выше.

какимъ образомъ эти изящные люди, съ такимъ тонкимъ, насмѣшливымъ умомъ, эти любители литературы, ученики философовъ, могли такъ долго держаться культовъ, грубость которыхъ оскорбляла ихъ разумъ. Но это потому, что мы не даемъ себѣ достаточно отчета въ уступкахъ, сдѣланныхъ этими культами требованіямъ времени, и въ перемѣнахъ, которымъ они подверглись. Быть можетъ, мы отчасти ошибаемся, воображая себѣ, что эти культы должны были стѣснять собою свѣтскихъ людей: въ дѣйствительности они находили много средствъ мириться съ ними. Не забудемъ, что древнія религіи не имѣли установленныхъ догматовъ. Никакая власть не назначала въ нихъ точныхъ вѣрованій, и каждый составлялъ себѣ свои собственныя мнѣнія. Такъ какъ не было установлено границы между тѣмъ, чему слѣдовало вѣрить и что можно было не признавать, то всякій могъ смотрѣть на тѣ легенды, которыя были всего нелѣпѣе, какъ на выдумки поэтовъ, ни для кого не обязательныя. Онѣ потому именно и выслушивались такъ охотно, что никто не былъ обязанъ считать ихъ за истину. Поэтическая прелесть этихъ разсказовъ соблазнила даже величайшихъ скептиковъ, какъ, напримѣръ, Лукреція, и они нисколько не стѣснялись повторять ихъ, думая, что никто не заподозритъ ихъ въ вѣрѣ баснямъ. Собственно говоря, ни Цицеронъ, ожесточенно нападающій на Гомера [50]), ни Плиній, называющій миѳологію «сборникомъ ребячествъ и глупостей» [51]), не ставятъ себя совершенно внѣ оффиціальныхъ вѣрованій, такъ какъ оффиціально предписанныхъ вѣрованій не существовало, и въ древнихъ культахъ анаѳема почти никогда не поражала мнѣній и идей, а только дѣла. Слѣдовательно, можно было вообще не вѣрить этимъ древнимъ легендамъ; а если кто хотѣлъ непремѣнно принимать ихъ, тотъ имѣлъ средство не слишкомъ оскорблять ими разумъ: ему стоило только прибѣгнуть къ объясненіямъ стоиковъ. Видя въ этихъ разсказахъ, казавшихся сначала странными и скандалезными, моральныя и физическія аллегоріи, не было никакихъ причинъ возмущаться ими. Точно такъ же прибѣгали къ философскимъ системамъ, чтобы возстановить божеское единство, не вступая въ открытую вражду съ народными религіями. Говорили себѣ, что бѣдное человѣчество, «безпрестанно призываемое своими страдами къ воспоминанію о своей слабости, раздѣлило Бога на нѣ-

---

[50]) Циц., *De nat. deor.*, I, 16.
[51]) Плин., *Hist. nat.*, II, 7 (5).

сколько частей для того, чтобы каждый поклонялся отдѣльно той, въ которой онъ всего сильнѣе нуждается» [52]). То, что было такимъ образомъ раздѣлено слабыми умами, могло быть соединено умами болѣе просвѣщенными, и изъ-за этой тысячи божествъ, созданныхъ людскимъ несовершенствомъ, они могли видѣть Верховное Божество, для котораго эти низшія божества были только аттрибутами. «Подъ различными именами, говорили они, поклоняемся мы единому Божеству, вѣчное могущество котораго оживляетъ всѣ стихіи вселенной, и чествуя поочередно Его различныя части, мы увѣрены, что поклоняемся единому, всецѣлому божеству. Черезъ посредство подчиненныхъ боговъ мы призываемъ того Отца боговъ и людей, къ которому въ совершенно различныхъ и въ то же время сходныхъ культахъ обращаются всѣ смертные съ уваженіемъ и молитвами» [53]). Съ такими приспособленіями и толкованіями просвѣщенные люди могли безъ труда принимать народную религію; съ той минуты, какъ она соглашалась подчиняться требованіямъ новаго времени, имъ ничего не стоило оставаться ей вѣрными, вслѣдствіе чего, противъ всякаго ожиданія, высшіе классы общества, имѣвшіе, повидимому, столько причинъ не дорожить ею, разстались съ нею послѣ всѣхъ.

II.

Что есть несовершеннаго и неполнаго во всѣхъ этихъ религіозныхъ реформахъ. — Люди не могутъ вполнѣ согласиться на счетъ божескаго единства. — Безнравственность древнихъ культовъ не исправляется вполнѣ. — Народная набожность остается матеріальною и корыстною. — Философія дѣлаетъ не довольно усилій просвѣтить народъ. — Ученіе циниковъ и недостаточность достигнутыхъ имъ результатовъ. — Потребность высшихъ классовъ въ точныхъ опредѣленныхъ вѣрованіяхъ, которую не могутъ удовлетворить ни философія, ни религія.

Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый духъ, распространившійся во II-мъ вѣкѣ въ римской религіи, возвратилъ ей отчасти жизнь и продолжилъ ея существованіе; но онъ не могъ уже спасти ее. Ему невозможно было исправить въ ней все, что оскорб-

---

[52]) Плин. *Hist. nat.*, II, 7, 5. *fragilis et laboriosa mortalitas in partes ista digessit, infirmitatis suae memor, ut portionibus coleret quisque quo maxime indigeret.*

[53]) Такимъ образомъ выражается Максимъ Мадаврскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ св. Августину. Св. Авг., *Epist.* 16 (48).

ляло философовъ, и ввести то, чего требовало общее мнѣніе. Онъ безпрестанно наталкивался на живучія привычки, на упорныя воспоминанія, и самая природа древняго культа оказывала ему непреодолимое сопротивленіе. Такимъ образомъ, всѣ предпринятыя реформы оказались несовершенными, отчего онѣ и сдѣлались впослѣдствіи безполезны.

Ни одна изъ нихъ повидимому не удалась сначала такъ хорошо, какъ попытка извлечь единобожіе изъ политеизма; но успѣхъ ея не былъ такъ полонъ и всеобщъ, какъ это можно было бы полагать. Въ томъ способѣ, какимъ возстановили божеское единство, оставалось всегда много нерѣшительнаго и неопредѣленнаго. Мы видѣли, что каждый признавалъ верховнымъ то божество, которое онъ предпочиталъ, группируя вокругъ него всѣ остальныя. Вслѣдствіе того единый Богъ измѣнялъ имя и видъ, смотря по личностямъ, и тѣмъ никакъ не удавалось согласиться между собою, а это было въ то время всеобщею потребностью. Къ этому надо прибавить, что у народа, консервативнаго по природѣ, новымъ идеямъ рѣдко удавалось разрушать древнія вѣрованія; поэтому въ одну и ту же эпоху, и иногда даже у одного и того же лица, мы находимъ совершенно противоположныя стремленія. Въ то время, какъ люди стараются отдалить божество отъ человѣка, уединить его въ небѣ, смотрѣть на него лишь издалека, что̀ возвращаетъ ему все его величіе, они уступаютъ совершенно противоположному инстинкту, заставляющему ихъ приближать его къ себѣ, примѣшивать его къ своей жизни, приспособлять къ своимъ потребностямъ, а это вынуждаетъ дѣлить его до безконечности [54]). То Юпитеръ верховный богъ, владыка всѣхъ божескихъ и человѣческихъ вещей [55]), то онъ низводится на степень особаго покровителя бѣдной женщины, которая поручаетъ ему имѣть о ней попеченіе, при чемъ для большей вѣрности, даетъ ему свое собственное имя, какъ бы прямо съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него свою собственность [56]). Такимъ образомъ, въ этомъ нестройномъ обществѣ инстинктамъ будущаго всюду противорѣчатъ привычки прошедшаго. Можно сказать, что въ этотъ моментъ единобожіе и политеизмъ существовали рядомъ и

---

[54]) Это то, что Сенека устроумно называетъ *unicuique nostrum paedagogum dari deum. Epist.*, 110, 1.

[55]) Орелли, 1269: *summo, exsuperantissimo, divinarum humanarumque rerum rectori.*

[56]) Орелли, 1255: *Licinia Purpuris Jovi optimo maximo Purpurioni.*

уживались между собою, какъ могли. Очевидно, этого было недостаточно для того, чтобы удовлетворить требовательные умы, которые должны были желать болѣе полнаго и блистательнаго торжества для начала божьяго единства.

Равнымъ образомъ не вполнѣ удались усилія сдѣлать эти культы болѣе нравственными и уничтожить въ нихъ все, что могло непріятно поражать щекотливую совѣсть. Надо сознаться, что древнія религіи не содержали въ себѣ нравственнаго ученія. Быть можетъ, нѣкоторые слѣды его можно было найти въ мистеріяхъ; но произносившіяся во время ихъ поученія отнюдь не походили на тѣ, которыя произносились впослѣдствіи съ христіанскихъ каѳедръ и были обращены ко всему народу. «То былъ не болѣе, какъ легкій звукъ, шептавшійся на ухо нѣсколькимъ избраннымъ» [57]). При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что та польза, какую люди могли извлечь изъ нихъ, значительно уменьшалась разыгрываемыми передъ ними легендами. Отцы Церкви передаютъ намъ, что это были самыя странныя и непристойныя изъ всѣхъ языческихъ зрѣлищъ; казалось, что ихъ дѣйствительно сохраняли для тайныхъ мистерій потому, что ихъ нельзя было представлять открыто при всѣхъ, такъ что даже здѣсь безнравственность шла рядомъ съ нравственностью, и такимъ образомъ человѣка влекло разомъ въ двѣ противуположныя стороны. Впрочемъ, легко замѣтить, что въ древнихъ культахъ эти два противоположныя направленія всюду перемѣшаны между собою. Нерѣдко они встрѣчаются вмѣстѣ на одномъ и томъ же памятникѣ [58]) и въ одномъ и томъ же сочиненіи. Изъ всѣхъ древнихъ писателей ни одинъ не былъ, быть можетъ, въ одно и то же время такъ религіозенъ и такъ безнравственъ, какъ Апулей; въ своемъ романѣ онъ ни мало не затрудняется помѣстить рядомъ съ разсказомъ о тайнахъ Изиды описаніе безпутныхъ похожденій Люція. Подобные контрасты были неизбѣжны. Основаніемъ всѣхъ этихъ культовъ, особенно же тѣхъ, которые приходили съ Востока, былъ необузданный натурализмъ

---

57) Св. Авг., *De civ. Dei*, II, 6.

58) Такъ на гробницѣ Винцентія, жреца Сабазія, найденной въ катакомбахъ, рядомъ съ прекрасными словами: *bene fac, hoc tecum feres,* находится слѣдующее эпикурейское увѣщаніе: *vive, lude et veni ad me.* Въ томъ же подземельѣ находится гробница жреца Митры, о которомъ сказали, желая, повидимому, воздать ему честь: *basia, voluptates jocum, alumnis suis dedit.* (Орелли, 6042).

лизмъ; философія только сюрпризомъ какъ бы врасплохъ заставляла ихъ принимать иныя начала; но послѣ нѣкотораго принужденія они снова возвращались къ тому, чѣмъ были по своей природѣ. Случалось даже, что не только философія не дѣлала религію нравственнѣе, но сама религія совращала философію. Сенека строго осудилъ жестокое зрѣлище гладіаторскаго боя; тѣмъ не менѣе эти бои продолжали существовать до конца имперіи, такъ какъ они были связаны съ религіей, покровительствовавшей общественнымъ играмъ. Симмахъ, обладавшій просвѣщеннымъ умомъ, знавшій всѣ правила древней мудрости, но бывшій въ то же время, къ несчастію, набожнымъ человѣкомъ, дорожилъ ими также, какъ жертвоприношеніями; уваженіе, питаемое имъ ко всѣмъ религіознымъ учрежденіямъ, скрывало отъ него возмутительную сторону этого учрежденія [59]), и надо было, чтобы христіанинъ указалъ ему, «что не позволительно дѣлать зрѣлище или игру изъ смерти человѣка» [60]).

Вслѣдствіе такихъ набожныхъ воспоминаній, покровительствовавшихъ всѣмъ древнимъ злоупотребленіямъ, самыя необходимыя реформы никогда не могли быть совершены вполнѣ. Правда, что общественная совѣсть съ давнихъ поръ протестовала противъ принесенія человѣческихъ жертвъ. Философія собственно еще не существовала, когда благоразумные люди стали уже понимать весь ужасъ ихъ, и первый успѣхъ цивилизаціи всюду состоялъ въ томъ, что ихъ замѣняли символическими жертвоприношеніями, которыми старались удовлетворить боговъ, не заставляя стенать человѣчество. Впрочемъ въ Римѣ онѣ никогда не были вполнѣ уничтожены. Обыкновенно всякій разъ, какъ грозила какая-нибудь серьёзная опасность, суевѣріе снова брало верхъ, и тогда спѣшили закапывать на форумѣ въ землю живыхъ грековъ и галловъ. Поэтъ Силій восклицалъ прекрасными стихами: «Есть ли какое-нибудь благочестіе въ томъ, чтобы осквернять храмы человѣческою кровью? Первая причина всѣхъ преступленій несчастныхъ смертныхъ состоитъ въ томъ, что они не знаютъ природы божества: знайте же, что Богъ существо кроткое и любящее людей» [61]). И въ то же самое время думали угодить Ему, принося Ему въ жертву людей! По-

---

59) См. особенно *Epist.*, II, 46. Онъ очень дурно отзывается тамъ о несчастныхъ германцахъ, умертвившихъ себя для того, чтобы не показываться на играхъ.

60) *Nullus in urbe cadat cujus sit paena voluptas.* Пруденцій, *Contra Symm.*, II, 1126.

61) Силій, IV, 793. *mite et cognatum est homini Deus.*

добныя жертвы бывали даже во времена Плинія, между тѣмъ какъ еще Сенека провозглашалъ, что человѣкъ долженъ быть священнымъ для человѣка [62]); онѣ случались и при Коммодѣ, вслѣдъ за царствованіемъ Марка Аврелія [63]), и при Геліогабалѣ, который, говорятъ, думалъ больше угодить богамъ, предлагая имъ въ жертву дѣтей изъ знатныхъ семействъ, и притомъ самыхъ красивыхъ какихъ онъ только могъ найти [64]). Храбрый солдатъ Авреліанъ, прося сенатъ посовѣтоваться съ Сивиллинскими книгами, предлагалъ ему въ то же время, какъ самую простую вещь на свѣтѣ, присылать къ нему плѣнныхъ всѣхъ націй вмѣстѣ съ отборными животными для того, чтобы приносить ихъ въ жертву [65]). Между тѣмъ существовалъ законъ, наказывавшій за подобныя жертвоприношенія, и мы знаемъ, что его строго примѣняли къ иностраннымъ націямъ [66]). Плиній воздаетъ за это величайшія похвалы римскому народу. «Никогда нельзя будетъ, говоритъ онъ, достаточно восхвалить услуги, оказанныя Римомъ всему міру уничтоженіемъ тѣхъ страшныхъ обычаевъ, благодаря которымъ на убійство человѣка смотрѣли какъ на религіозное дѣло, послѣ чего считали очень полезнымъ съѣсть его» [67]). Но онъ забываетъ прибавить, что Римъ безъ всякаго затрудненія разрѣшалъ себѣ нарушать имъ самимъ постановленный законъ [68]), и запретилъ подобныя жертвоприношенія у другихъ народовъ, повидимому, лишь для того, чтобы оставить эту привилегію исключительно себѣ самому. Странно въ самомъ дѣлѣ видѣть, до какой степени привычка дѣлаетъ человѣка безчувственнымъ къ самымъ отвратительнымъ зрѣлищамъ. Въ томъ самомъ храмѣ Лѣсной Діаны, куда собиралось все римское общество [69]), среди одного изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній Италіи, происходили отъ времени до времени ужасныя сцены, съ которыми это высшее общество до такой степени свыклось, что даже не думало

---

62) Плин., *Hist. Nat.*, XXVIII, 2(3). Онъ сообщаетъ намъ, что изъ предосторожности сохраняли обыкновенно формулу молитвъ, долженствовавшихъ сопровождать жертвоприношенія.

63) Лампр., *Comm.*, 9.

64) Лампр., *Heliog.*, 8.

65) Вописк., *Aurel.*, 20.

66) Тиберій приказалъ убить жрецовъ, приносившихъ въ Африкѣ дѣтей въ жертву Сатурну. Тертул., *Apol.*, 9.

67) Плин., *Hist. Nat.*, XXX, 1, 3.

68) Уже Плутархъ замѣтилъ по этому поводу, что римляне запрещали другимъ то, что позволяли самимъ себѣ. *Quaest. rom.*, с. 283.

69) См. выше.

удивляться имъ. Жрецъ богини былъ обыкновенно бѣглый рабъ, убившій своего предшественника; онъ исправлялъ должность свою до тѣхъ поръ, пока его самого не убивали [70]. Онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ, безпрестанно защищаясь противъ невидимаго врага, угрожавшаго его жизни; но такъ какъ онъ не могъ всего предвидѣть, то всегда находился какой-нибудь искусный рабъ, который нападалъ на него неожиданно. Для всѣхъ этихъ важныхъ дамъ и прекрасныхъ вольноотпущенницъ, отправлявшихся въ каретѣ или на носилкахъ показать себя публикѣ на Альбинской дорогѣ, служило особаго рода развлеченіемъ; когда онѣ узнавали, что жрецъ, несмотря ни на какія предосторожности, наконецъ, попался, при чемъ имъ любопытно было взглянуть на счастливаго побѣдителя. Однажды Калигула, старавшійся давать какъ можно чаще это зрѣлище публикѣ, соскучась тѣмъ, что одинъ изъ такихъ жрецовъ слишкомъ долго зажился, потрудился самъ найти ему соперника; онъ подослалъ раба посильнѣе этого жреца для того, чтобы тотъ убилъ его и занялъ его мѣсто [71].

Это именно упорное стремленіе сохранять древніе обычаи даже въ томъ случаѣ, когда они не согласовались уже съ новыми временами, разрушало отчасти усилія философовъ сдѣлать римскую религію менѣе матеріальною и формалистическою. Тщетно говорили они, что молитва должна быть свободна, что она имѣетъ цѣну лишь тогда, когда она—самопроизвольный порывъ души къ Богу; народъ продолжалъ вточности повторять старинныя формулы, и даже въ культахъ Востока, которые должны были бы, кажется, избѣгнуть такой подчиненности, ввели римскій обычай, чтобы жрецъ произносилъ сначала священныя слова, а молящійся повторялъ ихъ вслѣдъ за нимъ, не измѣняя ни одного слова. [72]). Равнымъ образомъ философамъ не удалось сдѣлать благочестіе безкорыстнымъ. Надписи показываютъ намъ, что къ богамъ обращаются лишь для того, чтобы испросить у нихъ какой-нибудь милости или поблагодарить ихъ за полученную. Имъ воздаютъ благодарность за путешествіе, совершившееся безъ приключеній, за несчастіе, котораго удалось избѣгнуть, за неожиданное благополучіе [73]; у нихъ про-

---

70) Овид., *Fast.*, III, 271.

71) Свет., *Calig.*, 35.

72) Что именно и случилось съ тавроболами. (Буассьё *Inscr. de Lyon* стр. 33 и 369).

73) Такъ одинъ купецъ благодаритъ ихъ за спасеніе товаровъ, подвергавшихся какой-то опасности. Орелли, 2029.

сятъ всякаго рода услугъ, иногда очень странныхъ [74]), главное просятъ у нихъ здоровья, этого величайшаго изъ благъ, безъ котораго нельзя наслаждаться остальными. Болѣе всего чествуютъ боговъ, завѣдывающихъ лѣченіемъ — Эскулапа и Сераписа, храмы которыхъ совершенныя больницы, а у жрецовъ есть рецепты отъ всевозможныхъ болѣзней [75]), Добрую богиню, возвращающую зрѣніе бѣдному рабу, покинутому врачами [76]), Минерву, до того простирающую свою доброту, что она заставляетъ выростать волоса у облысѣвшихъ женщинъ, [77]). Хотя назначеніе остальныхъ боговъ иное, но и они также призываются въ важныхъ случаяхъ; имъ всюду молятся за спасеніе и сохраненіе любимыхъ людей. Самъ Юпитеръ, управляющій міромъ, не пренебрегаетъ болѣзнями своихъ поклонниковъ и возвращаетъ имъ доброе здоровье [78]). Предполагается по прежнему, что боги состоятъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ людьми; правда, что они уже не показываютъ себя такъ легко, какъ во времена Гомера, и люди съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ сознаются въ томъ, что боговъ теперь гораздо рѣже можно встрѣтить среди бѣла дня; за то ночью они посѣщаютъ тѣхъ, кто имъ молится, являются имъ во снѣ и требуютъ для себя и для своихъ товарищей желанныхъ почестей. Имъ и не отказываютъ въ томъ, чего они требуютъ, и на большей части памятниковъ, сохранившихся отъ той эпохи, мы читаемъ, что они были воздвигнуты по особому приказанію боговъ и по ихъ точной волѣ, и что Юпитеръ или Митра сами потрудились прійти сказать своимъ поклонникамъ, какъ они желаютъ, что-

---

74) Въ одномъ египетскомъ папирусѣ находится молитва Серапису одной молодой дѣвушки, которая проситъ его сдѣлать дѣйствительными ея проклятія противъ отца. (*Journal des Savants*, 1828, августъ).

75) Въ Римѣ была найдена мраморная доска, которая должна была висѣть въ храмѣ Эскулапа, построенномъ на островѣ Тибра. Въ ней перечислены чудесныя исцѣленія полученныя людьми, обращавшимися къ этому богу. Одно изъ подобныхъ исцѣленій совершилось на глазахъ у всѣхъ и при восклицаніяхъ толпы. Въ другихъ случаяхъ больной, выздоровѣвши дома, приходилъ поклониться Эскулапу и заявить ему публично свою благодарность (Грутеръ, 71, 1). По этому поводу Марини замѣчаетъ, что больной исцѣлялся вообще не вслѣдствіе однихъ молитвъ и набожныхъ обрядовъ. На самомъ дѣлѣ въ храмахъ занимались медициною, и здѣсь почти всегда упоминаются лѣкарства, данныя жрецами и имѣвшія наилучшее дѣйствіе. (*Arvali*, с. 247.

76) Орелли, 1518.

77) Орелли, 1429: *Minervae memori Tullia Superiana restitutione facta sibi capillorum.*

78) Моммс., *Inscr. Neap.*, 3581.

бы ихъ чтили [79]. Надо замѣтить, что хотя между людьми, показывающими такимъ образомъ свою полнѣйшую вѣру въ подобныя явленія и небесныя предувѣдомленья, есть, конечно, множество мелкихъ торговцевъ, солдатъ и рабочихъ, но между ними встрѣчаются также важныя лица, высшіе офицеры легіоновъ и правители областей [80]).

Такимъ образомъ, разбирая надписи, невольно думаешь, что всѣ религіозныя реформы, предпринятыя философами, не глубоко проникли въ это общество. Народъ, какъ видно, остался имъ совершенно чуждъ; чаще всего онъ продолжалъ сохранять свое пониманіе религіи и исполнять ее на практикѣ по прежнему. Потому, древнюю философію часто упрекали въ томъ, что она не довольно сдѣлала для возвышенія до себя народа. Это не значитъ, что она систематически исключала его изъ своихъ поученій, но поученія-то эти были вообще не для народа; она обращалась преимущественно къ людямъ досужимъ, имѣвшимъ время и охоту учиться [81]). Я вижу только одну попытку низвести философію до бѣдныхъ и несчастливыхъ людей. это проповѣдь циниковъ; но и тутъ слѣдуетъ сказать, что преподаваніе ученія цинической школы было столько же приноровлено къ низшимъ классамъ общества, сколько и ко всѣмъ другимъ. Она думала сдѣлать человѣка свободнымъ, отъучивъ его отъ всякихъ искусственныхъ потребностей, и старалась отвлечь его отъ воображаемыхъ благъ, чтобы

---

79) *Ex jussu, ex viso, ex praescripto numinis, ex voluntate et nutu*, и пр. Орелли, 1914: *Soli invicto Mithrae, sicut ipse se in visu jussit refici.*

80) Орелли, 1248.—Ренье, *Inscr. de l'Alg.*, 3.

81) Выше мы указывали, что стоики старались сдѣлать свое ученіе популярнымъ. Нѣкоторые изъ ихъ знаменитѣйшихъ философовъ, напримѣръ Клеанѳъ и Эпиктетъ, вышли изъ послѣднихъ классовъ общества; но ученіе ихъ, вообще очень темное, требовало продолжительныхъ трудовъ для того, чтобы быть понятымъ. По своей строгости оно подходило только къ нѣсколькимъ избраннымъ умамъ и никогда не могло значительно распространиться въ народѣ. Эпикуреизмъ былъ проще, удобнѣе и сподручнѣе для толпы и спускался въ нее иногда довольно низко; говорятъ даже, будто онъ перешелъ границы образованнаго міра и проникъ къ варварскимъ народамъ. (Циц., *De fin.*, II, 16: *a quo non solum Graecia et Italia, sed etiam omnis barbaria commota est*); но доказательствомъ того, до какой степени эта претензія выйти изъ круга людей образованныхъ и подчинять себѣ народъ была вообще противна духу древней философіи служитъ то, что Цицеронъ не можетъ ее понять. Онъ тонко насмѣхается «надъ этими эпикурейцами, выбирающими себѣ мудрецовъ среди невѣждъ, подобно тому, какъ древніе римляне отрывали отъ плуга Цинцината, чтобы сдѣлать его диктаторомъ». (*De fin*. II, 7).

приготовить ко всякимъ переворотамъ судбины; такое ученіе относится ко всѣмъ, и богатый можетъ даже больше воспользоваться имъ. Поэтому мы видимъ, что циники, подобно Деметрію, другу Сенеки и Тразеи, живутъ въ самомъ высшемъ обществѣ и привязываются къ знатнымъ лицамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ они желали доказать, что, ограничиваясь необходимымъ, можно обойтись безо всего излишняго, и такъ какъ они добровольно становились бѣдными для того, чтобы пріучить себя не бояться нищеты, то образъ жизни, который они вели, приближалъ ихъ къ народу. Подражая его манерамъ, живя его жизнью, они пріобрѣтали надъ нимъ большее вліяніе, нежели важные философы, проповѣдывавшіе въ школахъ для нѣсколькихъ избранныхъ учениковъ. У нихъ была особенная осанка и одежда, по которымъ ихъ можно было узнавать; они носили сумку и плащъ; «волосы стояли у нихъ дыбомъ на головѣ, а грязная борода въ безпорядкѣ ниспадала на чресла» [82]). Они выпрашивали себѣ хлѣбъ, иногда довольно грубо, говорили въ глаза истину вельможамъ [83]) и даже не всегда щадили царей [84]). Такая свобода рѣчи, презрѣніе къ богатству и благосостоянію, добровольно принимаемая и твердо выносимая нищета, оригинальность манеръ и выраженій, все это доставляло, вѣроятно, циникамъ большое вліяніе на чернь. Эпиктетъ, видя, какъ хорошо принимаетъ ихъ простой народъ, сильно разсчитывалъ на нихъ для реформы общественныхъ нравовъ и изобразилъ въ великолѣпныхъ чертахъ идеалъ этого народнаго апостольства. Для него циникъ почти то же, чѣмъ впослѣдствіи былъ для христіанства монахъ. Онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ благъ и привязанностей; онъ не женится изъ опасенія, чтобы семейныя заботы не отвлекли его отъ услугъ, которыя онъ долженъ оказать человѣчеству. «Надо, чтобы онъ могъ сказать другимъ людямъ: Взгляните на меня; у меня нѣтъ ни отечества, ни дома, ни богатства, ни раба; я сплю на голой землѣ, у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, а между тѣмъ, чего жъ мнѣ не достаетъ»? [85]) Правда, что онъ подвергаетъ себя оскорбленіямъ и ударамъ. «Онъ не можетъ избѣжать того, чтобы не быть битымъ, какъ оселъ, но надо, чтобы битый, онъ любилъ тѣхъ, кто его билъ.» Дурное

---

[82]) Марціалъ, IV, 53.

[83]) Авлъ Геллій, XI, 2.

[84]) Светон., *Nero*, 30.

[85]) *Dissert.*, ,III 22.

обращеніе не должно мѣшать ему ходить по свѣту, безустанно принося пользу, и обращаться ко всѣмъ встрѣчнымъ, «какъ ихъ отецъ и братъ и какъ посланникъ всеобщаго отца, Юпитера.» Къ несчастію, врядъ ли такой идеалъ часто осуществлялся. Писатели этой эпохи вообще строго относятся къ циникамъ [86]). Говорятъ, что они вели дурную жизнь, посѣщали нехорошія мѣста и старались понравиться народу, подражая его порокамъ и льстя его ненависти. Вообще проповѣдь ихъ имѣла мало результатовъ и тѣ, кто подобно Эпиктету, разсчитывалъ, что они распространятъ ученіе философовъ въ тѣхъ рядахъ, куда оно не проникало, сильно ошиблись.

Но если философія не сдѣлала достаточно усилій для того, чтобы поднять до себя народъ, зато она сама снисходила до него иногда, благосклонно принимая народныя религіи, что̀ именно и случилось во II-мъ вѣкѣ. Такимъ образомъ между толпою и людьми просвѣщенными установилось нѣкотораго рода соглашеніе; и, глядя на то, какъ всѣ классы общества принимаютъ участіе въ какихъ-нибудь религіозныхъ обрядахъ, можно было подумать, что они соединены между собою одинаковыми вѣрованіями. Но соглашеніе это было только кажущееся [87]). Просвѣщенные люди принимали миѳологію съ тысячью оговорокъ; они старались объяснять и истолковывать ее для того, чтобы она какъ можно меньше оскорбляла ихъ разумъ. Подобныя сдѣлки были не въ обычаѣ у народа, продолжавшаго буквально вѣрить легендамъ. Только въ послѣдніе годы языческіе философы поняли, кажется, что хорошо дать всему свѣту участіе въ истинѣ, и что ее слѣдуетъ распространять. Св. Августинъ разсказываетъ, что въ его время въ языческихъ храмахъ было введено въ обыкновеніе «читать собравшемуся народу здравыя объясненія миѳологіи, которыя учили, что не слѣдуетъ принимать всего буквально, и что надо искать во всемъ глубокаго значенія» [88]). Правду сказать, что за это принялись нѣсколько поздно; да, кромѣ того, большинство объясненій, придуманныхъ философами, было мудрено, темно, и народу было, вѣроятно, очень трудно понимать ихъ и ими довольствоваться. Варронъ говоритъ, что они были доступны только для людей об-

---

86) Авлъ Геллій, IX, 2.

87) См. выше.

88) *Epist.*, 92 (202).

зованныхъ [89]), и, кажется, не недоволенъ этимъ · Извѣстно, что, по его мнѣнію, истину не слѣдуетъ преподавать всѣмъ [90]), и многіе просвѣщенные люди думали точно также. Наука и мудрость казались имъ драгоцѣнными благами, потому что онѣ были рѣдки, и они какъ будто боялись уменьшить ихъ цѣну, сообщая ихъ толпѣ. Они не замѣчали, что подобные раздѣлы между народомъ и учеными очень прискорбны, если они становятся глубокими, и что они создаютъ собою подъ конецъ для общества всякаго рода недуги и опасности. Потому они были очень удивлены, увидѣвъ, что христіане призываютъ всѣхъ къ познанію божественныхъ истинъ. Эта всенародная проповѣдь возбуждала ихъ насмѣшки. Они обвиняли христіанскихъ учителей въ томъ, что тѣ любятъ только общество женщинъ и дѣтей [91]) и открываютъ ротъ только передъ ткачами, башмачниками и валяльщиками [92]); они, очевидно, не подозрѣваютъ, что слава новой религіи состоитъ въ томъ, «что она проповѣдуется бѣднымъ и открываетъ небесное неразумнымъ и младенцамъ» [93]).

Если «неразумные и младенцы» имѣли какой-нибудь поводъ жаловаться на древнюю философію, то богатые и образованные люди, несмотря на преимущество, которое она имъ оказывала, также не могли быть вполнѣ удовлетворены ею. Конечно, очень важно было сдѣлать легенды разумнѣе, очистить и возвысить обряды; но этого было недостаточно. Съ тѣхъ поръ, какъ общество такъ пламенно устремилось къ религіознымъ идеямъ, между умными и образованными людьми явились потребности, которыя надо было удовлетворить. Удовольствіе отыскивать истину и мелькомъ прозрѣвать ее можетъ, пожалуй, удовлетворить философа; но благочестивый человѣкъ хочетъ вѣрить. Долгое время греки подымали великіе жизненные вопросы какъ будто только для того, чтобы любоваться своими остроумными усиліями, не имѣя глубокаго желанія разрѣшить ихъ. Наконецъ, любопытство ихъ утомилось. Міръ начиналъ сознавать свою дряхлость. Когда во времена Лукреція земледѣлецъ говорилъ, что земля истощается и виноград-

89) Св. Авг., *De civ. Dei*, VI, 5: *quae facilius intra parietes, in schola quam extra in foro ferre possunt aures*. Таково также мнѣніе Діонисія Галикарнасскаго. *Ant. rom.*, II, 23.

90) Св. Авг. *De civ. Dei*. IV, 31.

91) Таціанъ, Orat. adv. Graecos, 33, и Мин. Феликсъ, *Octav*. 16.

92) Ориг., *Contra Cels.*, III, 40 и 55.

93) Св. Матѳ., XI, 5, 25.

ники сохнутъ на скалахъ, поэтъ грустно отвѣчаетъ, что судьба всего существующаго—идти къ смерти, и «что близка уже та минута, когда вся природа, согнувшись подъ тяжестью годовъ, устремится въ могилу» [94]). Въ подобные часы разочарованія, когда болѣе не разсчитываешь на будущее, нѣкоторые вопросы упорно возникаютъ въ умѣ, и является мучительная потребность отвѣчать на нихъ. Хочется имѣть прочныя вѣрованія, основанныя на надежныхъ авторитетахъ, которыя могли бы дать успокоеніе взволнованному уму. Римская религія не была въ состояніи дать ихъ. Я уже указывалъ на то, что она не предписывала точныхъ догматовъ, предоставляя каждому свободу вѣрить, какъ ему было угодно. Долгое время ей были благодарны за такую снисходительность. Просвѣщенные люди воспользовались ею для того, чтобы создать себѣ разумную вѣру; изъ разсказовъ о богахъ они выбирали то, что казалось имъ понятнымъ, и очень легко относились ко всему остальному; но подконецъ стали тяготиться свободой выбора и предпочли подчиниться какимъ-нибудь опредѣленнымъ вѣрованіямъ. Къ несчастію, не знали, гдѣ ихъ найти. Теологи, взявшіеся установить нѣкоторый порядокъ въ этихъ странныхъ легендахъ, не имѣли претензіи достигнуть истины. «Человѣкъ только воображаетъ, говорилъ Варронъ; но знать дано одному Богу» [95]). Работая въ сущности въ одинаковомъ направленіи и съ одинаковою цѣлью, они никогда не могли вполнѣ согласиться между собою [96]). И могла ли философія, раздѣленная на столько противоположныхъ школъ, ведшихъ между собою безконечныя препирательства, ввести въ религію какой-нибудь элементъ достовѣрности [97])? Стоики, насчитывавшіе въ то время нап-

[94]) II, 1164.

[95]) Св. Авг., *De civ., Dei*, VII, 17: *hominis est haec opinari, Dei scire.*

[96]) Число объясненій, относительно которыхъ пришли къ соглашенію, было не слишкомъ велико. Способъ объясненія легендъ, касающихся богини *Tellus*, былъ, кажется, принятъ всѣми школами. (Лукр., II, 60; Овид., *Fast.*, IV, 215; Серв., *Aen.*, III, 113, и Варронъ въ Св. Авг., *De civ. Dei*, VII, 24, съ поправками Гаупта, *Hermes*, IV, с. 333). Но вообще соглашенія не существовало. Взгляните, какимъ образомъ Св. Августинъ смѣется надъ противорѣчіями Варрона, *De civ. Dei*, VII, *passim*. См. также Арнобія, III, 29 и IV, 34.

[97]) Не одни только Отцы Церкви насмѣхались надъ древней философіей по поводу ея нерѣшимости; тѣ же самые упреки находимъ и у языческихъ писателей, особенно у римлянъ, которымъ споры о религіи были не по душѣ, такъ какъ они любили соглашеніе рѣшительно во всемъ. См. Циц., *De divin.*, II, 57. *De nat deor.*, I, 16. Варронъ, *Eumen.*, 15, стр. 127, изд. Ризе,

большее число учениковъ, имѣютъ, повидимому, опредѣленное и твердое ученіе [98]); но на дѣлѣ это было не такъ: они не соглашались между собою ни относительно существованія души послѣ смерти, ни относительно божескаго естества. Одни думали, что высшее божество—эѳиръ, другіе, что оно солнце, третьи, что оно весь міръ; «такъ что, говоритъ Цицеронъ, благодаря ихъ спорамъ, мы не знаемъ, кого чествовать» [99]). Среди такихъ колебаній душа искала какого-нибудь твердаго вѣрованія и впадала въ отчаяніе, не находя его. Это былъ давній недугъ. О немъ говорится еще въ знаменитомъ мѣстѣ изъ Платона, указывающемъ какъ бы впередъ, гдѣ отъ него найдутъ лѣкарство. «Если нельзя самому найти истину, говоритъ онъ, надо выбрать изъ человѣческихъ мнѣній то, которое покажется самымъ лучшимъ и самымъ вѣрнымъ, и устроиться на немъ, какъ на плоту, чтобы пройдти всю жизнь, если только не удастся сѣсть на болѣе прочный корабль, на *божественное слово*, которое безопасно довезло бы насъ до конца пути» [100]). Потребность вѣрить и знать было гораздо сильнѣе во II-мъ вѣкѣ, нежели во времена Платона. Перепытали всѣ системы и ни одной не остались довольны. Нигдѣ не встрѣтили того спокойнаго убѣжденія, безъ котораго не могли уже обойтись. Казалось, что самая философія, послѣ столькихъ разочарованій, начала отчаяваться въ самой себѣ, такъ какъ она протягивала руку тѣмъ самымъ религіямъ, съ которыми такъ долго боролась. Со всѣхъ сторонъ искали «божественнаго слова», долженствовавшаго привести человѣчество въ пристань.

III.

Какъ христіанство довершаетъ дѣло, начатое философіей.—Услуги, оказанныя ему философскимъ и религіознымъ движеніемъ I-го вѣка.—Заключеніе.

Полное удовлетвореніе всѣхъ смутныхъ потребностей міра, лишь на половину успокоенныхъ древними религіями, дало собою христіанство. У него единство Бога было полное; оно принимаетъ его безусловно и проповѣдуетъ безъ всякихъ оговорокъ и ограни-

---

98) Циц., *De nat deor.* , 2, 1: *stabilem certamque sententiam.*

99) *Acad.* II, 41: *itaque cogitur dissentione sapientum dominum nostrum ignorare.*

100) *Федонъ.*

ченій. Оно смотритъ на нравственность, какъ на нераздѣльную спутницу религіи или, лучше сказать, какъ на самую религію [101]). Оно возвращаетъ молитвѣ всю ея свободу [102]), и повелѣваетъ обращаться къ Богу отъ глубины сердца, а не движеніемъ только губъ [103]); у него нѣтъ тайныхъ посвященій, назначенныхъ для небольшаго числа избранныхъ, ни завѣтнаго ученія, открываемаго лишь нѣсколькимъ лицамъ; оно передаетъ свои тайны всѣмъ, безъ различія, вѣрующимъ. «У насъ, говоритъ одинъ Отецъ Церкви, не одни богатые имѣютъ доступъ къ мудрости, мы раздѣляемъ ее также между бѣдными и притомъ даромъ. Кто хочетъ научиться ей, пускай входитъ» [104]). Это щедро раздаваемое ученіе состоитъ не изъ мудреныхъ споровъ и не изъ остроумныхъ гипотезъ, а изъ точныхъ догматовъ. Въ первый разъ всѣ задачи, мучащія сердца, находятъ здѣсь положительное и окончательное разрѣшеніе. Христіанство съ гордостью противопоставляетъ прочное единство своего ученія разнообразію и неопредѣленности философскихъ сектъ [105]), и зная, что оно привлекаетъ къ себѣ людей, желающихъ отдохнуть отъ своихъ сомнѣній и найти душевное спокойствіе, оно твердо держится этого единства, безпощадно отдѣляя отъ своей вѣры всѣхъ, кто удаляется отъ его символа. Великія истины, представленныя въ ясной и величественной формѣ и подкрѣпленныя божественнымъ авторитетомъ, предугаданныя и разбиравшіяся дотолѣ лишь въ стѣнахъ школъ, распространяются теперь повсюду. Онѣ становятся доступными для неученыхъ и бѣдныхъ людей и проникаютъ къ самымъ дикимъ народамъ, до которыхъ не дошли еще, ни греческая наука, ни римское оружіе [106]).

Но великіе результаты, достигнутые христіанствомъ и обновившіе міръ, не должны давать намъ позабыть усилія, сдѣланныя еще до него. Мы любимъ вообще вводить въ исторію тѣ рѣзкія противоположности, какими восхищаемся въ романахъ. Намъ нра-

[101]) Лактанцій, V, 9: *nostro populo, cujus omnis religio est sine macula vivere.* Мин. Феликсъ, *Octav.*, 32: *apud nos religiosior est ille qui justior.*

[102]) Терт. *Apol.*, 30: *sine monitore, quia de pectore oramus.*

[103]) Терт., *De orat.* 17: *Deus non vocis sed cordis auditor est.*

[104]) Таціенъ, *Adv. Graecos*, 32.

[105]) Св. Авг., *De civ. Dei*, XVIII, 41, 2.

[106]) Св. Іер., *Epist.*, 60, 4: *immortalem animam et post dissolutionem corporis existentem, quod Pythagoras somniavit, Democritus non credidit, in consolationem damnationis suae Socrates disputavit in carcere, Indus, Persa, Gothus, Aegyptius philosophantur.*

вится прямо противопоставлять предъидущей эпохѣ послѣдующую и воображать себѣ, будто міръ идетъ неправильными скачками и непредвидѣнными переворотами. Такимъ образомъ, изучая борьбу двухъ религій, оспоривающихъ другъ у друга римскую имперію во II-мъ вѣкѣ, многіе готовы думать, что онѣ были совершенно противоположны одна другой, и что въ новомъ ученіи все должно было служить предметомъ удивленія и даже негодованія для людей, воспитанныхъ въ правилахъ древней. Надѣюсь, что я уже доказалъ, дочего мнѣніе это преувеличено. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между ними существовали коренныя разности, но зато онѣ вполнѣ сходились въ нѣкоторыхъ пунктахъ и трудились иногда различными способами для общаго дѣла. Св. Августинъ провозглашаетъ, что только христіанство нашло дорогу къ той отдаленной родинѣ, къ которой стремилось человѣчество; но онъ прибавляетъ, что философія видѣла ее еще издалека и привѣтствовала ее съ высоты холма [107]). Обыкновенно воображаютъ себѣ, будто эти два общества слѣдовали по противоположнымъ направленіямъ; трудъ нашъ доказываетъ, напротивъ, что они шли скорѣе по одинаковому пути; но одно изъ нихъ, консервативное по природѣ, связанное воспоминаніями и преданіями, которымъ оно старалось оказывать уваженіе, направляясь къ будущему, часто оборачивалось къ прошедшему, что дѣлало ходъ его робкимъ и успѣхъ нерѣшительнымъ; другое, напротивъ того, чуждое завоеванной имъ почвѣ, свободное отъ привязанностей, дѣлающихся иногда путами, рѣшительно шло къ своей цѣли и тѣмъ легче могло достигнуть ея, что путь къ ней былъ уже отчасти проложенъ до этого.

Слѣдовательно, можно вообще предполагать, что, несмотря на сопротивленіе, встрѣченное христіанствомъ, и на выдержанную имъ борьбу, оно развилось при благопріятныхъ условіяхъ. Отцы Церкви прямо сознаются въ этомъ. Такъ, напримѣръ, они согласны съ тѣмъ, что соединеніе всего міра подъ властью Рима и глубокое спокойствіе, которымъ онъ наслаждался со временъ Августа, значительно способствовали распространенію Евангелія. Ему было бы, конечно, труднѣе распространиться, будь сношенія между народами не такъ часты и легки. «Самъ Богъ, говорятъ они, подчинилъ всѣ народы римлянамъ, чтобы уготовать пути Хри-

---

107) Св. Авг., *Conf.*, VII, 21: *aliud est de silvestri cacumine videre patriam pacis.... et aliud tenere viam illuc ducentem.*

сту» [108]). Торжеству его способствовали еще другія причины, изъ которыхъ самою важною было только-что описанное нами великое религіозное движеніе. Я не согласенъ съ тѣми, кто говоритъ, что оно произвело христіанскій переворотъ, который будто бы вполнѣ имъ и объясняется. Христіанство пользовалось имъ, но не вышло изъ него; происхожденія его слѣдуетъ искать не здѣсь; утверждаясь въ имперіи, оно приносило ученіе, которое было неизвѣстно Риму и которое ему было нѣсколько трудно понять. *Посланіе къ римлянамъ* не содержитъ въ себѣ ничего похожаго на системы, изобрѣтенныя греческими философами, и его никакъ нельзя считать подраженіемъ имъ. Но точно такъ же несправедливо предполагать, будто христіанство только продолжало собою дѣло древнихъ религій, и позволять себѣ думать, что если бы оно не прервало ихъ своимъ появленіемъ, то онѣ сами собою достигли бы того, къ чему оно пришло. Напротивъ,—я, кажется, уже указалъ на то, что, послѣ страшныхъ усилій, онѣ остановились какъ бы истощенныя во II вѣкѣ [109]). Повидимому, онѣ достигли въ то время своихъ естественныхъ границъ и врядъ ли были бы въ состояніи идти далѣе. Слѣдовательно, переворотъ, произведенный христіанствомъ, дѣйствительно его собственное дѣло и плодъ его личныхъ усилій; но въ то же время оно несомнѣнно извлекло большую пользу изъ совершившившагся до него религіознаго и философскаго труда. Оно не распространилось бы, конечно, такъ быстро за вѣкъ передъ тѣмъ въ этомъ равнодушномъ, насмѣшливомъ обществѣ, вполнѣ преданномъ политическимъ заботамъ, не вѣрившемъ и не имѣвшемъ потребности вѣрить религіознымъ вещамъ, въ то время, когда Цицеронъ вызывалъ рукоплесканія толпы, говоря: «не вѣрьте, чтобы богъ могъ свалиться къ намъ съ неба, какъ это бываетъ въ трагедіяхъ, чтобы онъ пришелъ смѣшаться съ нами, странствовать по свѣту и бесѣдовать съ людьми» [110]). Во II вѣкѣ вѣрили этому богу, нисходящему съ неба для спасенія человѣчества, и ожидали его, и обманщики, принимавшіе имя какого-нибудь олимпійскаго божества и выдававшіе себя за него, могли быть увѣ-

---

108) Пруденцій, *Contra Symm.*, II, 586. См. также Оригена, *Contra Cels.*, II, 30.

109) См. т. II.

110) Циц., *De harusp. responsis*, 28: *nolite enim id putare accidere posse, quod in fabulis saepe videtis fieri, ut deus aliquis, lapsus de coelo, caetus hominum adeat, versetur in terris, cum hominibus colloquatur.*

рены, что найдутъ людей, которые повѣрятъ имъ [111]). Слѣдовательно, христіанству было полезно возникнуть среди этого религіознаго броженія, отрывавшаго міръ отъ равнодушія; ему было полезно и то, что это броженіе достигло только неполныхъ результатовъ. Мы уже видѣли, что всѣ испытанныя реформы оказались несовершенными. Философія поставила величайшія задачи и не разрѣшила ихъ; религія возбудила умы, но не удовлетворила ихъ. Однажды пущенные въ путь, они желали достигнуть цѣли; они были смущены, взволнованы, полны неудовлетворенныхъ желаній и безпокойныхъ ожиданій, жаждали вѣрованій и были готовы, не колеблясь, слѣдовать за тѣмъ, кто принесетъ имъ, наконецъ, тѣ драгоцѣнныя блага, которыя имъ показали издали, но которыхъ имъ не дали, — спокойствіе и вѣру. «Христосъ можетъ придти, говоритъ Пруденцій, пути Ему уготованы» [112]).

Слѣдовательно, вполнѣ справедливо, что религіозное и философское движеніе I-го вѣка приготовило для христіанства пути и облегчило ему успѣхъ. Вотъ что составляетъ его важность, вотъ что и заставило меня изучить его подробнѣе въ предлагаемомъ сочиненіи. Если бы въ заключеніе я желалъ изложить выводы, извлеченные мною изъ этого труда мнѣ стоило бы только привести слова, св. Августина, объясняющія, по моему мнѣнію, чрезвычайно удачно всѣ послѣдствія умственныхъ усилій и то состояніе, въ которомъ христіанство застало міръ. Въ своей *Исповѣди* онъ разказываетъ, что былъ вполнѣ преданъ мелочамъ риторики и удовольствіямъ свѣтской жизни, когда прочиталъ Цицеронова *Гортензія*. Эта книга пробудила его дремавшій умъ и заставила его полюбить серьёзныя занятія. «Тогда, Господи, я возсталъ, говоритъ онъ, чтобы возвратиться къ Тебѣ [113])». Эти слова примѣнимы ко многимъ другимъ, кромѣ его. Можно сказать, что въ I-мъ вѣкѣ весь міръ «возсталъ» подъ вліяніемъ религіознаго духа и философіи; онъ былъ на ногахъ и двигался и, еще не зная Христа, сталъ уже самъ собою на путь христіанства.

КОНЕЦЪ.

---

111) См., напримѣръ, смѣшныя исторіи, разсказанныя Лукіаномъ въ его *Alexander*.

112) Пруденцій, *Contra Symm.*, II, 620:

Christo jam tum venienti,
Crede, parata via est.

113) Св. Авг., *Conf.*, III, 4: *surgere caeperam ut ad te redirem.*

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ОБОИХЪ ТОМОВЪ.

Стран.

КНИГА ВТОРАЯ.

Религія послѣ Августа.

Стран.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Римское общество во времена Антониновъ.

Глава первая. Высшіе классы.

Глава вторая. Женщины.

Стран.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Римская религія во II-мъ вѣкѣ.

Изданія К. Солдатенкова.

Аѳанасьева. Народныя Русскія сказки. 4 части. Изд. 2. Цѣна 6 р.
— Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части. Цѣна 8 р.
Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. Ц. 7 р. 50 к.
Берга. Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части. Цѣна 2 р. 50 к.
— Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). Цѣна 7 р.
V **Вейса**. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ Т. I. II. Т. III. Ч. I. Пер. *В. Чаева* и *Н. Васильева*. Цѣна 20 р.
Вольскаго. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами собственниками. Цѣна 2 р. 50 к.
V **Гартмана**. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. *А. Козлова*. Цѣна 4 р. 50 к.
Геттнера. Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка Т. III, кн I и III Ц. 4 р. 75 к.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I и II. Пер. П. Г. Виноградова. Цѣна 4 р.
Грановскаго. Сочиненія. 2 части. Цѣна 2 р.
Ешевскаго. Сочиненія. 3 части. Цѣна 6 р.
Забѣлина. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 ч. Цѣна 4 р.
— Кунцево и древній сѣтунскій станъ. Цѣна 2 р.
Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. Цѣна 75 к.
Кавелина. Сочиненія. 4 части. Цѣна 5 р.
Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. *Е. Корша*. Цѣна 20 р.
V **Ключевскаго**. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Цѣна 2 р.
Кольцова. Стихотворенія. Изд. 6. Цѣна 20 к.
Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. Ц. 10 р.
— Руководство къ исторіи живописи. Перев. *Н. Васильева*. Цѣна 7 р.
Курціусъ. Исторія Греціи. Т. I. Пер. *А. Веселовскаго*. Цѣна 3 р.
Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. Цѣна 6 р. 50 к.
Любке. Исторія пластики. Перев. *В. Чаева*. Цѣна 6 р.
V **Моммсена**. Римская исторія. Т. I. Перев. *Н. Д. Ахшарумова*. Цѣна 6 р.
Огарева. Стихотворенія. Изд. 3. Цѣна 50 к.
Попова. Россія и Сербія. 2 части. Цѣна 4 р.
Рихтера. Вліяніе целлулярной патологіи. Цѣна 1 р.
Рѣшетникова. Сочиненія. 2 части Цѣна 5 р. 50 к.

Сурикова. Стихотворенія Изд. третье. Цѣна 1 р.

Тацита. Лѣтопись. 2 тома. Перев. *К. Кронеберга*. Цѣна 1 р. 50 к.

Трачевскаго. Польское безкоролевье. Цѣна 3 р.

Тэна. Чтеніе объ искусствѣ. Цѣна 2 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. Цѣна 4 р.

Фета. Стихотворенія. 2 части. Цѣна 2 р.

Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. Ц. 4 р.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I и II. Цѣна 2 р. 50 к.

Фюстель-Куланжъ. Гражданская община античнаго міра. Перев. *Е. Корша*. Цѣна 2 р. 50 к.

Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3. Ц. за каждую 3 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. Цѣна 1 р.

— О народномъ представительствѣ. Цѣна 3 р.

— Областныя учрежденія. Цѣна 3 р.

— Опыты по исторіи русскаго права. Цѣна 1 р.

— Очерки Англіи и Франціи. Цѣна 1 р.

Шекспира. Драматическія сочиненія. Перев. *Н. Кетчера*. 7 частей. Ц. 7 р.

Шилова. Ключь или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи, С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. Цѣна 3 р.

Шмитта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Изданіе третье, дополненное и исправленное *В. Ланге*. Томъ I. *Исторія педагогики до христіанской эпохи*. Цѣна 4 р.

2007334129